

ТРУДЫ

ДЕВЯТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ВИЛЬНѢ

1893

Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слуцкаго

съ 91 цинкографіями въ текстѣ, 10 табл. и одной картою

Томъ I

МОСКВА
Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера
1895

ТРУДЫ

ДЕВЯТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ВИЛЬНѢ

1893

Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слуцкаго

съ 91 цинкографіями въ текстѣ, 10 табл. и одной картою

Томъ I

МОСКВА
Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера
1895

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Предсѣдатель Графиня **Уварова.**

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
65			[illegible]	1	10	2	157	8

50

ОГЛАВЛЕНІЕ КЪ I ТОМУ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Древніе храмы Витебска и Полоцка.

А. М. Павлинова.

Изслѣдованіе древностей Витебска и Полоцка даетъ намъ случай встрѣтиться съ весьма древними христіанскими памятниками каменнаго зодчества. Памятники эти принадлежатъ къ началу нашей исторіи и потому весьма важны для исторіи русскаго искусства. Часть Витебской губерніи была издревле населена славянскими племенами. Первые колонисты, полагаютъ, были ильменскіе или новгородскіе Славяне, которые, распространяя колонизацію по теченію рѣки Западной Двины, впослѣдствіи образовали Полоцкое княжество, въ которомъ г. Витебскъ былъ однимъ изъ выдающихся городовъ. Лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1021 г., какъ о городѣ Полоцкаго княжества, но въ 1101 г. образуется особое Витебское удѣльное княжество (нынѣ уѣзды Витебскій и Городянскій). Княжество это существуетъ недолго: оно ослабѣваетъ среди междоусобій, нѣсколько разъ подпадаетъ подъ власть Смоленскаго князя и, наконецъ, какъ приданое дочери послѣдняго в. кн. Ярослава Васильевича, Маріи Ярославны, вступившей въ бракъ съ Ольгердомъ, входитъ въ составъ Литвы. Ольгердъ отдалъ Витебскъ своему сыну Андрею, потомъ Ягайлу. Дальнѣйшая исторія этихъ городовъ для насъ особеннаго интереса не имѣетъ, такъ какъ разсматриваемые нами каменные храмы принадлежатъ къ порѣ болѣе ранней. Всѣ же деревянныя церкви, о которыхъ намъ придется говорить, принадлежатъ къ XVII — XVIII вѣку, слѣдовательно, къ тому періоду, когда является стремленіе къ иностраннымъ новшествамъ и мода на все чужое. Но тѣмъ не менѣе церкви эти имѣютъ интересъ, потому что географически указываютъ на тотъ образъ построекъ, который практиковался въ этой мѣстности.

Церковь Благовѣщенія въ Витебскѣ.

Однимъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ старинныхъ памятниковъ г. Витебска по справедливости считаютъ храмъ Благовѣщенія. Историческія свѣдѣнія объ этомъ храмѣ позволяютъ удалить время его основанія до X вѣка, времени перваго появленія христіанства на Руси при св. Ольгѣ. Лѣтопись города Витебска говоритъ [1]): „Въ

[1]) Лѣтопись г. Витебска въ 1768 г. списана витебскимъ мѣщаниномъ С. Г. Аверкою слово въ слово съ книги, писанной рукой другого мѣщанина М. Панцырнаго (см. Сапунова: „Витебская старина“, стр. 455, т. I).

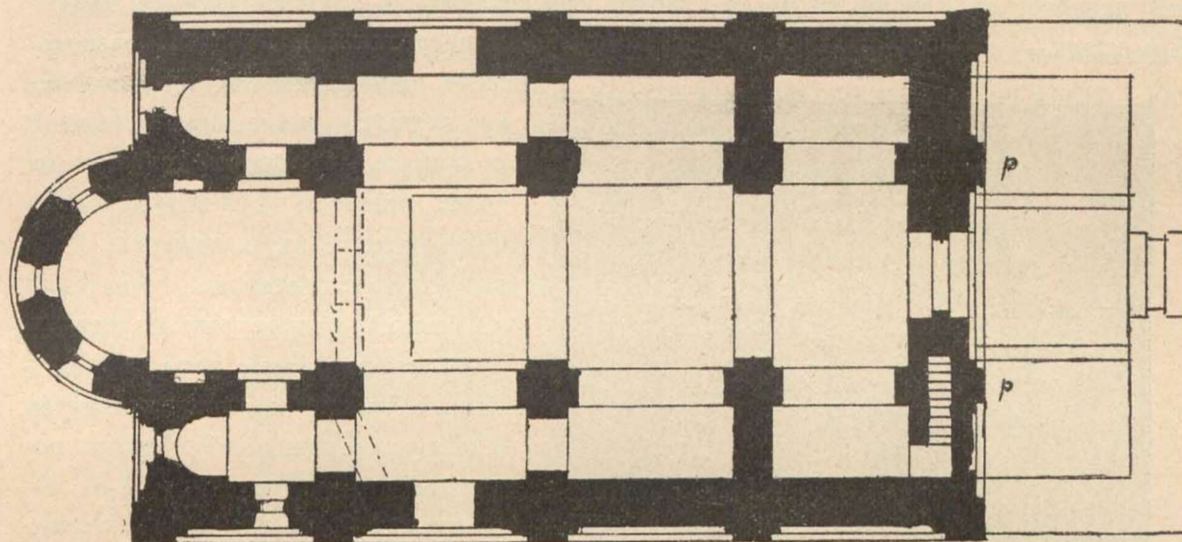
лѣто 974 Ольга, побѣдивъ Ятвяговъ и Печенѣговъ, переправилась черезъ Двину и съ войскомъ заночевала. Понравилась ей гора, и она основала деревянный замокъ, назвавъ его отъ рѣки Витьбы Витебскомъ, построила въ верхнемъ замкѣ каменную церковь св. Михаила, а въ нижнемъ — *Благовѣщенія* и, пробывъ два года, отправилась въ Кіевъ“. Вотъ данныя, на основаніи которыхъ закладку Благовѣщенской церкви пріурочиваютъ къ X-му вѣку и приписываютъ св. Ольгѣ. Сказаніе это ошибочно, говоритъ Сапуновъ, потому что св. Ольга скончалась въ 969 г. [1]) то-есть на пять лѣтъ раньше приводимаго лѣтописью 974 года. Другое сказаніе указываетъ на князя Ольгерда, какъ на строителя этого храма, Ольгерда, который, по словамъ Литовской лѣтописи [2]), былъ женатъ во второй разъ на Витебской княжнѣ Ульянѣ, *для котороежъ князь Ольгертъ окрестился въ русскую вѣру, а панове литовскіе вси были у своихъ вѣрахъ поганьскихъ, и кн. Ольгердъ не чинилъ имъ силы и въ вѣру свою не вернулъ*“. По словамъ Стрыйковскаго [3]), „Ольгердъ, не жалѣя издержекъ, построилъ въ Витебскѣ двѣ каменныя церкви въ греческомъ стилѣ; одна изъ этихъ церквей находится въ нижнемъ замкѣ, а другая — въ полѣ за ручьемъ, или замковымъ рвомъ“. На основаніи этого сказанія полагаютъ, что въ нижнемъ замкѣ имъ выстроена и церковь Благовѣщенская, и другая Духовская, такъ какъ Витебская лѣтопись говоритъ: „Въ лѣто 1332 Литовскій князь Ольгердъ взялъ въ супружество дочь Тверскаго князя Марину или Ульяну. Ему въ приданое данъ Тверскимъ княземъ Витебскъ... Эта Ульяна *построила каменную церковь Св. Духа*“... Сохранившіяся историческія сказанія и лѣтописи опять таки и на этотъ разъ смѣшиваютъ обстоятельства перваго и второго браковъ Ольгерда. Первая его супруга была Марія Ярославна, за ней въ приданое и былъ данъ Витебскъ; вторая же его супруга Ульяна Александровна основала монастырь при Духовской церкви и сама тамъ постриглась подъ именемъ Маріи [4]). Лѣтописи, говоря объ Ольгердѣ, тоже ошибаются въ указаніи времени; такъ, напримѣръ, Витебская лѣтопись говоритъ: „Въ лѣто 1495 Ольгердъ велѣлъ повѣсить пять православныхъ чернецовъ, которые значатся теперь въ русскомъ календарѣ“. Но извѣстно, что Ольгердъ умеръ раньше, именно въ 1377 году, хотя дѣйствительно трое его придворныхъ, а не пять чернецовъ, были замучены и записаны въ календарь. Такимъ образомъ эти историческіе документы, сообщая событія, ошибаются въ хронологіи, а потому, не придавая имъ значенія болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, обратимся къ самому памятнику.

Планъ церкви Благовѣщенія (рис. 1-й) въ Витебскѣ претерпѣлъ нѣсколько измѣненій. Такъ, напримѣръ, каменный существующій нынѣ иконостасъ (см. на рис. 1-й пунктиромъ), конечно, дѣло не только не современное основанію храма, но весьма недавнее, что подтвердилось при отбитіи штукатурки, подъ которой оказался совершенно новый кирпичъ. Древняя кладка находится во всѣхъ наружныхъ стѣнахъ, на внутреннихъ столбахъ, на поперечной внутренней стѣнѣ и на западной бывшей

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись.
[2]) „Витебская старина“, стр. 598, и примѣч. 2 лѣтописи, принадлежащей Быховцу.
[3]) „Витебская старина“, стр. 598, см. примѣч. 162.
[4]) Примѣч. 4, „Витебская старина“, стр. 647.

наружной стѣнѣ храма, гдѣ находится входная дверь, словомъ, вездѣ, гдѣ черная краска на планѣ. Западная бывшая наружная стѣна храма нынѣ закрыта пристрой-

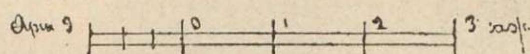

Рис. 1.

кой съ колокольней. Несмотря на это, бывшій фасадъ церкви очевиденъ, такъ какъ древнія лопатки p и p_1 (рис. 1-й) сохранились и видны какъ въ первомъ этажѣ пристройки, такъ и во второмъ на новыхъ хорахъ. Древняя лѣстница въ западной

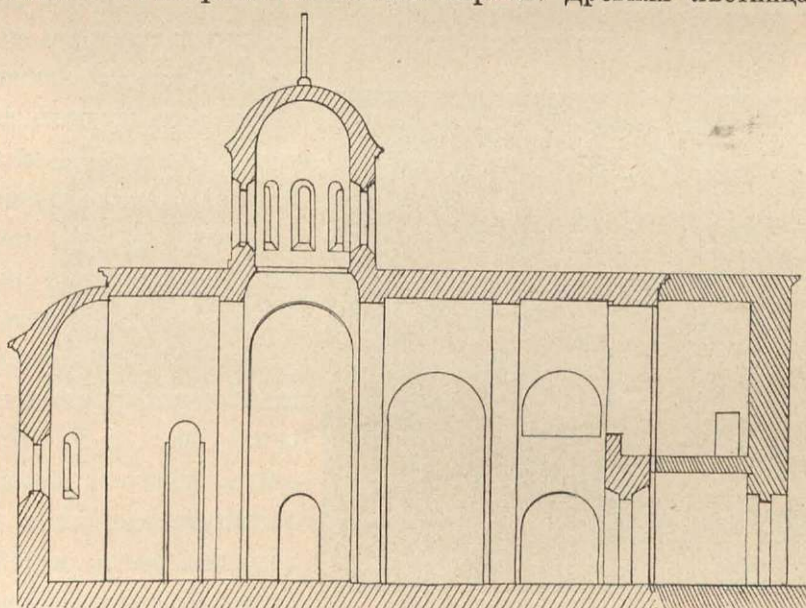

Рис. 2.

стѣнѣ показываетъ, что въ западной части храма находились хоры, существующія и нынѣ въ своемъ древнемъ видѣ, но только съ боковъ (рис. 2-й).

Отдѣливъ колокольню, а также и позднюю южную пристройку, т.-е. древнія части отъ новыхъ, получимъ планъ въ его первоначальномъ видѣ: состоитъ онъ изъ паперти, съ хорами на верху; черезъ эту папертъ и арку входите въ храмъ. Его планъ — въ видѣ квадрата съ двумя столбами посрединѣ. Съ востока расположенъ троечастный алтарь; средняя его часть изнутри и снаружи въ видѣ полукруга, а боковыя скрыты въ толщѣ стѣны въ видѣ полукруглыхъ нишъ (рис. 3-й), а снаружи, какъ въ Евфросиньевскомъ монастырѣ (см. ниже), полукруговъ не имѣютъ и образуютъ прямые углы съ лопатками. Отбитіе штукатурки внутри и снаружи въ разныхъ мѣстахъ показало, что кладка (рис. 4-й) состоитъ изъ тонкаго кирпича толщиною въ $^5/_8$ вершка и длиною въ $4^7/_8$ вершка. Кирпичъ по большей части продолговатый, но есть и квадратный; швъ раствора по толщинѣ иногда равенъ кирпичу, но бываетъ и толще. За двумя рядами кирпича идетъ тесаный камень, толщиною равный четыремъ рядамъ кирпича со швами, затѣмъ опять кирпичъ и т. д.; иногда вмѣсто двухъ рядовъ кирпича встрѣчается три. Такая кладка идетъ съ основанія храма и поднимается до пять верхнихъ сводовъ, а иногда и нѣсколько выше. Наружныя арки и промежутки между лопатокъ сдѣланы изъ новаго кирпича сравнительно недавно, когда потребовалось сдѣлать крышу подъ горизонтальный карнизъ. Нынѣшняя глава церкви деревянная и закрыта снизу (рис. 5-й). Первоначальная глава, конечно, была каменная и располагалась, какъ обыкновенно, надъ иконостасомъ; сложена она была, вѣроятно, тоже изъ тесанаго камня съ прослойкой кирпича, какъ остальной храмъ (рис. 4-й), и имѣлъ, вѣроятно, куполъ, крытый по своду въ видѣ полушара (рис. 6-й). Своды, покрывающіе нынѣ храмъ, тоже новые. Чердакъ интересенъ потому, что тамъ ясно видно нѣсколько наслоеній. Древнее покрытіе

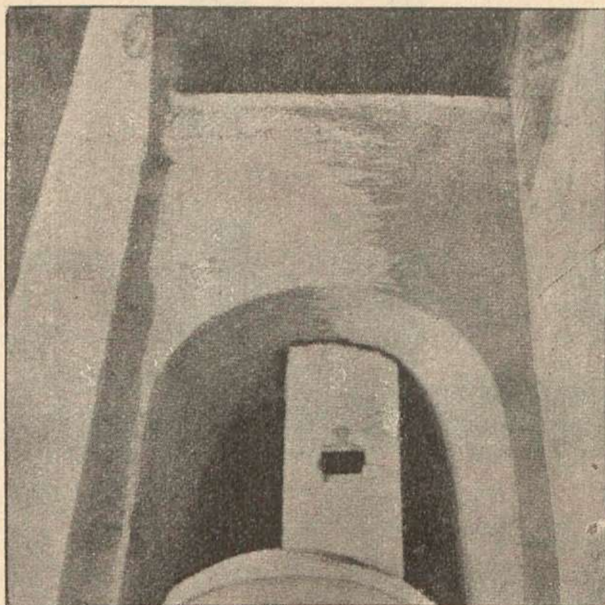

Рис. 3.

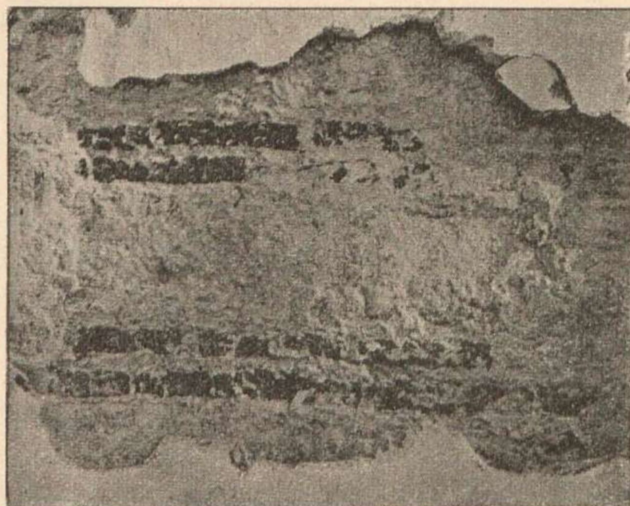

Рис. 4.

было по полукругамъ; признаки его и теперь сохранились, въ особенности на западной стѣнѣ; но кирпичъ въ сводахъ не тотъ, который находимъ въ нижнихъ частяхъ церкви, хотя встрѣчаемъ и здѣсь кирпичъ тонкій квадратный, но большая его часть довольно крупныхъ размѣровъ, что заставляетъ считать его произведеніемъ XIV вѣка. Очень возможно, что покрытіе это выведено по древнему образцу и принадлежитъ къ исправленіямъ, сдѣланнымъ при Ольгердѣ. Первоначальный фасадъ, по всей вѣроятности, имѣлъ покрытіе по аркамъ и былъ по полю изъ тесанаго камня

Рис. 5.

разукрашенъ полосами краснаго кирпича, какъ это видимъ въ самыхъ древнѣйшихъ нашихъ церквахъ византійскаго стиля, напр., въ св. Софіи въ Новгородѣ, на чердакѣ которой до сихъ поръ находимъ слѣды первоначальной отдѣлки; между тѣмъ какъ ея фасадъ тоже былъ разукрашенъ тонкимъ кирпичомъ, который чередуется съ тесанымъ камнемъ, какъ и въ описываемой нами церкви Благовѣщенія. Такимъ образомъ приходимъ къ заключенію, что кладка Благовѣщенской церкви по тождеству своему со св. Софіей въ Новгородѣ XI вѣка, Антоніевскимъ монастыремъ начала

XII вѣка, Юрьевскимъ въ Новгородѣ XII вѣка, вполнѣ позволяетъ отнести основаніе храма не только къ XII вѣку, но къ XI и даже, можетъ быть, къ X вѣку, такъ какъ типъ плана вполнѣ это допускаетъ. Но послѣдній вопросъ разберемъ ниже, а теперь постараемся разъяснить вопросъ: возможно ли, судя по кладкѣ, отнести Благовѣщенскій храмъ къ XIV вѣку, то-есть ко временамъ Ольгерда.

Для рѣшенія этого вопроса, конечно, необходимо сравнить кладку Благовѣщенской церкви съ кладкой церквей времени Ольгерда. Нѣкоторыя изъ такихъ церквей

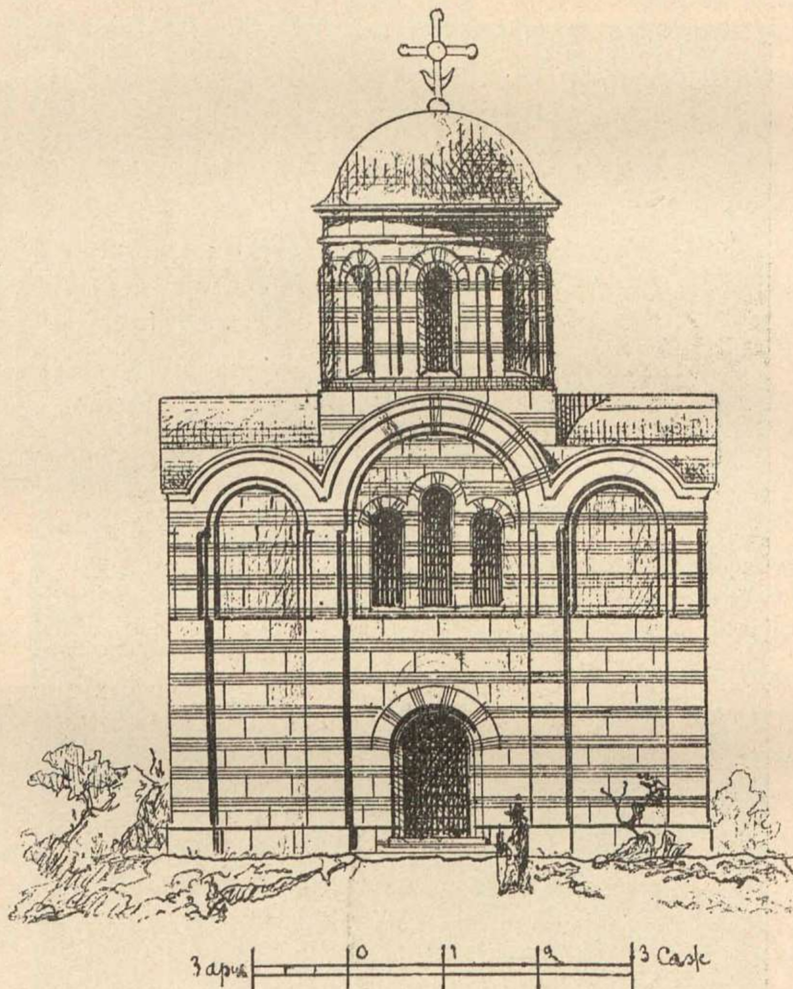

Рис. 6.

намъ извѣстны, напримѣръ, Пречистенская въ г. Вильнѣ, въ Витебскѣ Іоанна Богослова, выстроенная Ульяной, женой Ольгерда [1]), и другая Духовская, гдѣ Ульяна учредила женскій монастырь. Осмотръ послѣдней церкви и въ особенности ея подваловъ рисуетъ картину совершенно другого дѣла, другой кладки, изъ кирпича болѣе толстаго и крупнаго. Кладка Духовской церкви даже въ самомъ ея основаніи выведена исключительно изъ одного кирпича и ничего не имѣетъ общаго съ кладкой Благо-

---

[1]) „Витебская старина“, стр. 44, жалоба священника Іоанно-Богословской церкви.

вѣщенской церкви. Вообще же въ XIV вѣкѣ постройки возводятся изъ одного кирпича и намъ не извѣстно ни одной церкви XIV вѣка, гдѣ бы можно было найти византійскую кладку изъ камня съ прослойкой кирпича, какъ это находимъ въ постройкахъ съ X по XII вѣкъ. Итакъ путемъ сравненія должны прійти къ заключенію, что Благовѣщенская церковь основана раньше XIV вѣка, слѣдовательно не Ольгердомъ, о которомъ, впрочемъ, лѣтопись сообщаетъ только, что онъ выстроилъ въ нижнемъ замкѣ въ Витебскѣ церковь, не говоря какую именно и во имя какого святого, сказаніе, на основаніи котораго мѣстные изслѣдователи старины, какъ Сапуновъ, Батюшковъ и другіе, стали приписывать ему постройку Благовѣщенской церкви, какъ одной изъ древнѣйшихъ. Но существованіе древней Благовѣщенской церкви въ нижнемъ замкѣ не исключаетъ возможности существованія тамъ, можетъ быть, и нѣсколькихъ еще другихъ церквей разныхъ временъ, какъ и храма времени Ольгерда независимо отъ церкви Благовѣщенія.

Теперь обратимся еще разъ къ плану занимающаго насъ храма (рис. 1-й). По типу планъ византійскій и, конечно, принадлежитъ къ той порѣ, когда центровый планъ соединился съ базиличнымъ, что, какъ извѣстно, случилось около X вѣка. Разсматривая же планы нашихъ древнѣйшихъ храмовъ X и XI вѣковъ, напримѣръ: Кіевской Софіи, Черниговскаго собора, Новгородской Софіи и друг., замѣчаемъ, что во всѣхъ этихъ церквахъ средній алтарный выступъ болѣе преобладаетъ надъ боковыми, чѣмъ въ церквахъ XII и XIII вѣковъ, т.-е. болѣе позднихъ [1]), какъ это видимъ, напримѣръ, въ Михайловскомъ соборѣ въ Кіевѣ XII вѣка и въ лучшемъ расцвѣтѣ всѣхъ церквей Владиміро-Суздальскаго края. Въ XII вѣкѣ во Владиміро-Суздальскомъ краѣ хотя и придерживаются византійскихъ плановъ кіевскихъ церквей, но вырабатываютъ свою особую архитектуру, во многомъ отличную отъ церквей X и XI вѣковъ. Кромѣ измѣненія фасадныхъ украшеній мѣняются и пропорціи плана, въ особенности въ своей алтарной части; такъ, средній выступъ алтаря дѣлается значительно меньше. Такимъ образомъ владимірскій планъ передаетъ свои традиціи всѣмъ послѣдующимъ постройкамъ московской архитектуры, для которыхъ онъ послужилъ прототипомъ. Но совсѣмъ другое видимъ въ Полоцкомъ княжествѣ. Здѣсь церковь Спаса въ Евфросиньевскомъ монастырѣ, строенная въ XII вѣкѣ, весьма похожая по плану на Благовѣщеніе въ Витебскѣ, имѣетъ ту же алтарную особенность: средній выступъ алтаря весьма значителенъ, боковыя же полукружія столь малы, что на фасадѣ они выражены прямыми стѣнками; вслѣдствіе этого боковые фасады храма удлиняются къ востоку, а спаружи церковь кажется имѣющей только одно алтарное полукружіе. Такой видъ плана, какъ въ Евфросиньевскомъ монастырѣ въ Полоцкѣ и Благовѣщенія въ Витебскѣ, конечно, ближе къ планамъ кіевскимъ X — XI вѣковъ, чѣмъ къ планамъ владимиро-суздальскимъ XII вѣка: такъ какъ средній алтарный выступъ полоцкихъ церквей значителенъ, ихъ наружная прямоугольная отдѣлка нисколько не противорѣчитъ виду плана болѣе ранняго времени,

---

[1]) Павлиновъ: „Архитектура въ Россіи. Домонгольскій періодъ". Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ, 1888 г., вып. 1-й Русскій Художественный Архивъ 1892 г. выпуски V—VI.

чѣмъ XII вѣкъ. Такіе планы видимъ, напримѣръ, въ церкви св. Василія въ Херсонесѣ X вѣка и друг.

Разобравъ такимъ образомъ планъ Благовѣщенской церкви и сравнивъ его съ другими, должны признать, что онъ строенъ по типу византійскихъ плановъ X — XII вѣковъ, и потому не имѣемъ данныхъ отрицать возможность сооруженія этого храма въ X — XII вѣкахъ. Принимая же во вниманіе кладку и стиль, тождественные съ церквами XI вѣка, какъ-то: Кіевской Софіей, Черниговскаго собора и Софіей въ Новгородѣ, готовы скорѣе повѣрить сказанію Витебской лѣтописи объ основаніи Благовѣщенской церкви княгиней Ольгой въ X вѣкѣ, чѣмъ Ольгердомъ въ XIV вѣкѣ, хотя самымъ вѣроятнымъ временемъ его основанія намъ кажется XI вѣкъ; если же XII-й, то во всякомъ случаѣ нѣсколько раньше церкви Спаса въ Евфросиніевскомъ монастырѣ: на это наводитъ насъ кладка храма, ближе подходящая къ XI вѣку, чѣмъ къ XII — XIII вѣкамъ.

Полоцкій Софійскій соборъ.

На мѣстѣ существующаго нынѣ каменнаго храма въ г. Полоцкѣ (табл. 1-я), извѣстнаго подъ именемъ Софійскаго собора, первоначально стоялъ храмъ деревянный [1]); но, по словамъ Стрыйковскаго, писавшаго въ XVI вѣкѣ, князь Борисъ Гинвиловичъ на мѣстѣ деревянной церкви основалъ новый каменный храмъ *въ греческомъ стилѣ*. Въ какомъ году основанъ этотъ храмъ — неизвѣстно; г. Сапуновъ и Батюшковъ [2]) говорятъ, что хотя литовская лѣтопись и Стрыйковскій величаютъ князя Бориса Гинвиловичемъ, но вѣрнѣе онъ былъ Всеславичъ, сынъ князя Всеслава († 1128 г.), такъ какъ князя Бориса Гинвиловича въ г. Полоцкѣ никогда не было. Если Софійскій храмъ построенъ этимъ княземъ, то время его основанія надо пріурочить къ концу XI или началу XII вѣка. Въ XII вѣкѣ онъ уже существовалъ несомнѣнно, такъ какъ въ это время у него въ голубцѣ жила преподобная Евфросинія, которая позднѣе выстроила церковь Спаса близъ Полоцка. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1506 г. (7014) сказано: „Полтексъ на Двинѣ и Полотѣ Древлянъ; св. Софія *о седьми верхахъ*". При Іоаннѣ Грозномъ и Сигизмундѣ Августѣ, во время взятія Полоцка, въ Софіи совершается служба, но со вступленіемъ на престолъ Стефана Баторія въ 1579 г. Полоцкъ взятъ Поляками. Герберштейнъ, бывшій очевидецъ взятія Полоцка, говоритъ, что въ храмѣ въ замкѣ, т.-е. въ св. Софіи, была библіотека, которая въ глазахъ ученыхъ имѣла большую цѣнность. Тамъ, кромѣ лѣтописей, оказалось много сочиненій ученыхъ отцовъ греческой церкви и все на славянскомъ языкѣ. Многія изъ этихъ книгъ будто бы были переведены съ греческаго Меѳодіемъ и Константиномъ. Пожаромъ 1607 г. храмъ былъ сильно поврежденъ. Тогда его развалины были обращены въ помѣщенія городского и земскаго судовъ Полоцкаго воеводства; но черезъ нѣсколько лѣтъ Полоцкій уніатскій аріепископъ Іосафатъ Кунцевичъ († 1623 г.) исправилъ храмъ хотя и съ измѣненіями. Полагаютъ, что этотъ исправленный храмъ

[1]) Сапуновъ: „Полоцкій Софійскій соборъ". Витебскъ, 1888 г., стр. 2.
[2]) Батюшковъ. „Бѣлоруссія и Литва". Спб., 1890 г., стр. 27.

Фототипія Шерерь, Набгольць и К° въ Москвѣ.

Софійскій Соборъ въ г. Полоцкѣ

съ юго-западной стороны.

тоже пострадалъ отъ пожара въ 1642 г., когда всѣ строенія, стѣны и вышки верхняго замка, гдѣ онъ стоитъ, были обращены въ пепелъ, но вскорѣ исправленъ; такъ что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1654 г. въ смѣтной книгѣ г. Полоцка [1]), составленной во время занятія этого города Русскими, говорится: „Соборная церковь св. Софіи Премудрости Божіей, строенія прежнихъ государей, царей и великихъ князей московскихъ (?), каменная, а въ ней мѣстные образы, деисусы и царскія двери греческаго письма на золотѣ". Тогда же въ присутствіи самого царя Алексѣя Михайловича соборная церковь св. Софіи освящена. Дальнѣйшая судьба храма Софіи весьма печальна до половины XVIII вѣка: храмъ приходитъ въ такую ветхость, что отъ него остаются однѣ развалины. Тогда уніатскій Полоцкій архіепископъ Флоріанъ Гребницкій († 1762 г.) въ 1750 году перестроилъ храмъ въ западномъ стилѣ, при чемъ совершенно измѣнилъ его планъ и фасадъ (табл. 1). Этотъ храмъ существуетъ и теперь, въ немъ совершается служба, и онъ обращенъ въ каѳедральный Полоцкій соборъ. Разсмотримъ же подробно это зданіе и постараемся выяснить его древнія части.

Храмъ въ настоящее время весьма значительныхъ размѣровъ, какъ видно по прилагаемой части его плана (рис. 7), но совершенно измѣненъ противъ прежняго. Древ-

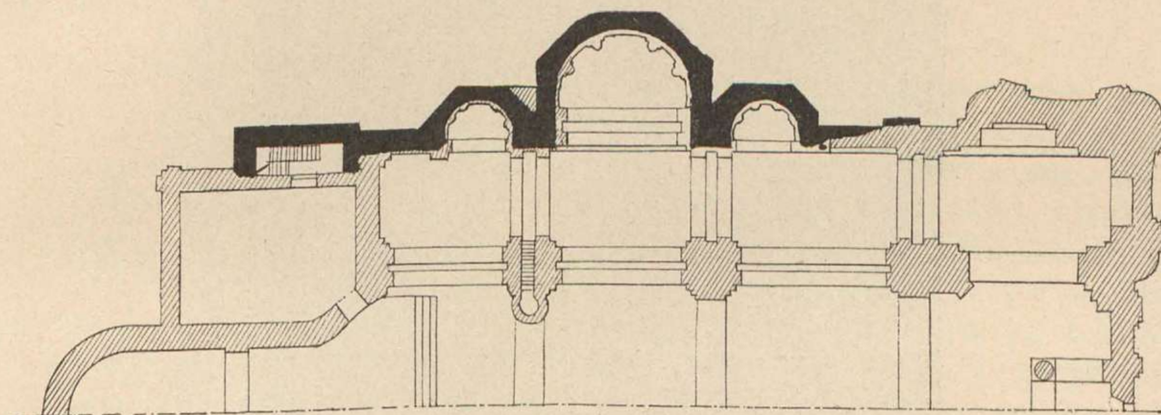

Рис. 7.

няя часть первоначальнаго храма сохранилась только съ востока, т.-е. алтарь (рис. 8), гдѣ и теперь находится предѣлъ, съ запада же сдѣлана симметричная пристройка; главный же нынѣшній алтарь храма пристроенъ съ сѣверной стороны. Такимъ образомъ храмъ этотъ представляется какъ бы въ видѣ креста. Внутренность его тоже отдѣлана въ западномъ стилѣ лѣпной работой. Храмъ вообще — обширный и свѣтлый, сложенъ весь изъ кирпича, за исключеніемъ восточнаго выступа, несомнѣнно представляющаго остатокъ древняго первоначальнаго храма св. Софіи XI—XII вѣка. Кладка этой части храма состоитъ изъ чередующихся рядовъ булыжныхъ камней — кругляковъ неправильной формы — на известковомъ растворѣ и нѣсколькихъ

---

[1]) Сапуновъ: „Витебская старина". IV ч., стр. 227.

тонкихъ рядовъ кирпичей толщиною въ 1 дюймъ съ толстыми швами, иногда, толще дюйма. Такимъ образомъ кладка эта напоминаетъ кладку кіевскихъ и вообще нашихъ южныхъ церквей, имѣвшихъ полосатые фасады. Размѣры кирпича весьма похожи на новгородскіе. Детали наружной отдѣлки храма очень похожи, можно сказать, тождественны по стилю съ церковью Благовѣщенія въ Витебскѣ, св. Софіей

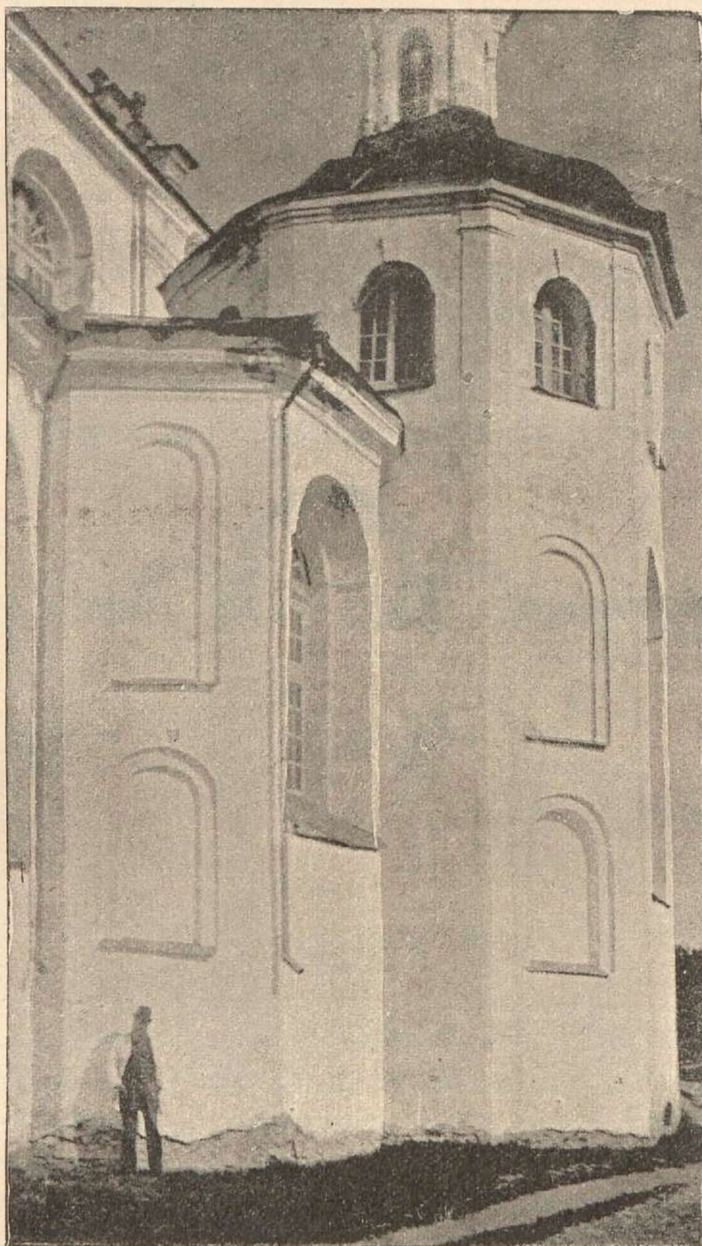

Рис. 8.

въ Кіевѣ, Черниговскимъ соборомъ, Софіей въ Новгородѣ, Мирожскимъ монастыремъ и Ивановскимъ въ Псковѣ и др. Древніе алтарные выступы полоцкой св. Софіи снаружи представляются въ видѣ трехъ граненыхъ призмъ. Въ настоящее время

верхняя часть средняго алтарнаго полукружія имѣетъ пристройку, которой первоначально не было, и средній полукругъ, вѣроятно, незначительно превышалъ боковые выступы.

Если всмотримся въ планъ древней части Софіи, то, зная устройство древнихъ храмовъ XI и XII вѣковъ, можемъ приблизительно представить себѣ планъ древняго первоначальнаго Софійскаго собора. Попробуемъ же возстановить его по имѣющимся даннымъ и аналогіи съ другими древними храмами подобнаго рода.

Планъ алтаря и значительная высота фасадовъ боковыхъ полукружій показываютъ, что храмъ былъ кубическій (не крестовый). Смотря на планъ, легко видѣть, что мѣста вторыхъ столбовъ, на которые были переброшены подпружныя арки, опредѣлятся, если въ срединѣ сдѣлаемъ квадратъ; западная стѣна тоже опредѣлится, если сѣверо-западныя и юго-западныя угловыя части тоже сдѣлаемъ квадратными. Главная масса храма, вѣроятно, была пятиглавая, но если вѣрить вышеприведенному указанію Воскресенской лѣтописи, что храмъ въ 1156 году былъ о семи верхахъ, то надо предположить, что возлѣ него были другія пристройки съ главами, такъ напримѣръ съ запада могли возвышаться башни или боковые предѣлы.

Борисоглѣбскій монастырь.

Основаніе Борисоглѣбскаго монастыря тоже приписываютъ князю Борису, основателю св. Софіи. Въ настоящее время отъ сооруженій этого монастыря остались только развалины, находящіяся на другой сторонѣ рѣки Двины. Осмотръ этихъ древнихъ остатковъ показалъ, что тутъ была каменная церковь (рис. 9), сложенная точно такъ же, какъ и св. Софія, изъ тонкаго кирпича въ три ряда на известковомъ растворѣ, при чемъ швъ раствора толще кирпича такъ, что при толщинѣ кирпича въ 1 дюймъ, ширинѣ 6 дюймовъ и длинѣ въ $12^1/_4$ дюймовъ три ряда имѣютъ толщину въ 6 вершковъ, т.-е. 10,5 дюймовъ; надъ этимъ рядомъ идетъ рядъ булыжнаго камня (кругляковъ) разной величины. Мѣстный сторожъ, уже старикъ, разсказываетъ, что онъ видѣлъ кирпичи съ клеймами въ видѣ креста, но такого кирпича намъ найти не удалось. Планъ церкви могъ бы быть по фундаменту обмѣренъ сравнительно точно, если бы сдѣлать раскопки, а то развалившіяся стѣны и столбы не позволяютъ снять точныхъ обмѣровъ. Тѣмъ не менѣе по развалинамъ ясно видно, что церковь имѣла троечастный алтарь, который и снаружи, какъ въ св. Софіи, тоже выражается тремя полукруглыми или гранеными выступати (рис. 9). Внутри церкви было шесть столбовъ; два средніе изъ нихъ, вѣроятно, были не высоки для поддержки боковыхъ хоръ, какъ, напр., было въ Черниговскомъ соборѣ; на западные опирались хоры; къ восточнымъ примыкалъ алтарь, а между столбами находилась алтарная преграда. Ширина всей церкви, считая отъ осей, т.-е. отъ срединъ наружныхъ стѣнъ, — 21 аршинъ; наибольшая длина, считая отъ средины западной оси до средины самой выдающейся части стѣны средняго алтарнаго полукружія, 26 арш. 7 вершк., а до боковыхъ 23 арш.; слѣдовательно среднее алтарное пелукружіе имѣло бóльшій выступъ наружу противъ боковыхъ на 3 арш. 7 вершковъ. Разстояніе

между центрами внутреннихъ столбовъ церкви 10 арш. 11 вершковъ. Приведенные размѣры показываютъ, что планъ храма былъ почти квадратной формы, не считая выступовъ алтаря, и тѣмъ самымъ значительно отличался отъ плановъ Спасской Ефросиніевской церкви въ Полоцкѣ и Благовѣщенской въ Витебскѣ, планы которыхъ представляются болѣе удлиненными и съ однимъ наружнымъ полукружіемъ алтаря, хотя и съ тѣми же шестью столбами внутри.

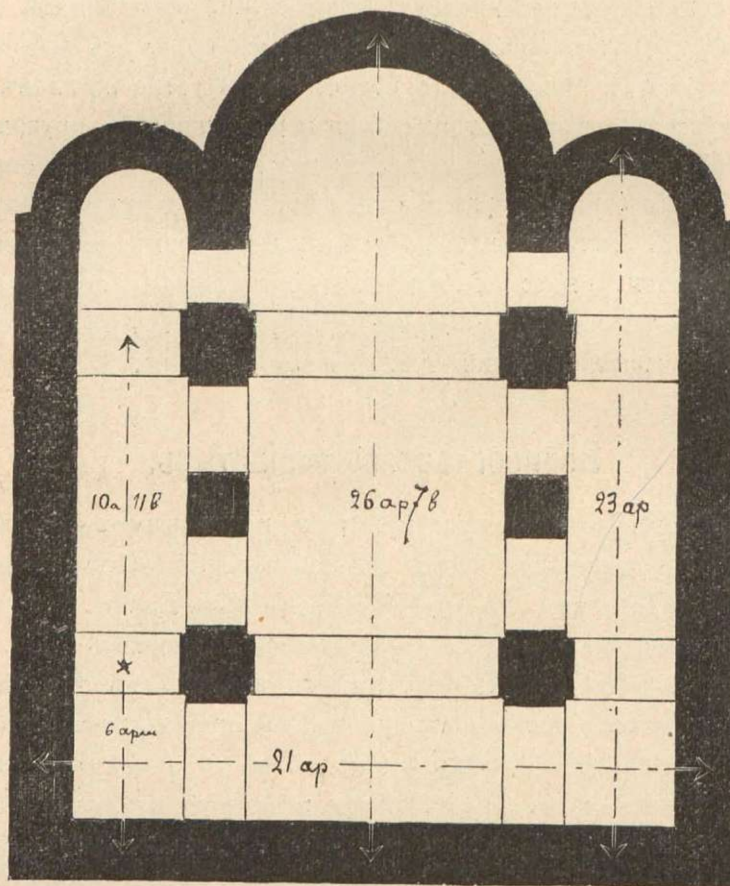

Рис. 9.

Близъ развалинъ этой церкви находятся другія развалины, тоже старинныя. Судя по матеріалу, зданіе было ровестникомъ самой церкви: здѣсь найдены кирпичи тѣхъ же размѣровъ, что и въ церкви; между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ были закруглены какъ бы для полуколонки; растворъ въ этомъ зданіи имѣетъ значительно бо́льшую примѣсь разбитаго на куски кирпича величиною съ кедровый орѣхъ. По преданію здѣсь былъ жилой монастырскій домъ.

Спасо-Евфросиніевскій монастырь.

Близъ г. Полоцка находится женскій монастырь, основанный преподобной Евфросиніей въ XII вѣкѣ, но въ какомъ году — не извѣстно, хотя вѣроятно не позднѣе 1173 г., т.-е. года кончины преподобной Евросиніи. Евфросинія въ міру носила имя Предславы

и была дочь (Георгія) Святослава Всеславича; она ушла тайно изъ родительскаго дома и постриглась въ монахини. Полоцкій епископъ Илья разрѣшилъ ей жить въ кельѣ, пристроенной къ Софійскому собору, въ такъ называемомъ „голубцѣ“ [1]); но вскорѣ епископъ уступаетъ ей свое сельцо, гдѣ былъ загородный его домъ, съ небольшой деревянной церковью во имя Спаса Преображенія, въ которой покоились останки прежнихъ епископовъ. Здѣсь Евфросинія съ помощью родственниковъ строитъ новую каменную церковь во имя Спаса (рис. 10), устраиваетъ новую женскую обитель, привлекаетъ свою

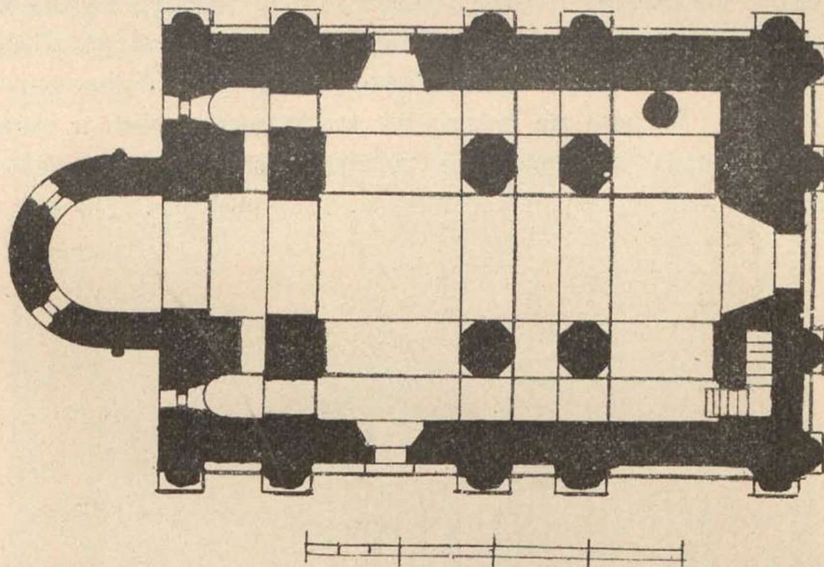

Рис. 10.

родную сестру Гориславу — Евдокію и двоюродную — Звениславу — Евпраксію Борисовну. Храмъ этотъ существуетъ и до сихъ поръ, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ. Исторія его полна невзгодъ. Обитель была нѣсколько разъ оставляема инокинями. Такъ случилось и въ 1563 г.: когда разнеслась вѣсть, что Иванъ Грозный съ войскомъ идетъ въ Полоцкъ, инокини оставили обитель и болѣе туда не возвращались. Когда Полоцкъ взялъ польскій король Стефанъ Баторій, то онъ въ Евфросиніевскомъ монастырѣ устроилъ іезуитскую коллегію. Затѣмъ при взятіи Полоцка царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ церковь Спаса была снова освящена въ присутствіи самого царя. Но въ скоромъ времени Полоцкъ перешелъ обратно Польшѣ, и Спасскій монастырь обращается въ костелъ съ 1667 г. до 1820 г., пока городъ не перешелъ снова Русскимъ. И вотъ въ 1832 году Гавріилъ, епископъ Могилевскій и Витебскій, пишетъ къ генералъ-губернатору князю Хованскому о необходимости исправленія этой древней обители, на что и послѣдовало Высочайшее повелѣніе императора Николая I, слѣдующаго содержанія: „Находящуюся близъ Полоцка въ казенномъ іезуитскомъ имѣніи церковь Спаса передать въ вѣдомство греко-россійскаго духовенства и, чтобы сохранить сей священный памятникъ древняго зодчества и православія, въ странѣ искони русской, отъ разрушенія, сдѣлать въ оной церкви нужныя исправленія па

[1]) Батюшковъ, стр. 28.

счетъ казны...“ и затѣмъ въ 1840 году по Высочайшему повелѣнію возстановленъ женскій монастырь и причисленъ къ 1-му разряду. Итакъ послѣ столь многихъ видоизмѣненій, произведенныхъ въ церкви Спаса, намъ приходится спрашивать этого свидѣтеля старины, какъ строились храмы въ XII вѣкѣ вообще, и какую первоначальную форму имѣлъ самъ этотъ храмъ. Допросъ этотъ, вслѣдствіе сильныхъ измѣненій въ массахъ храма, весьма затруднителенъ, но мы постараемся получить хотя и не вполнѣ точный, но сколь возможно удовлетворительный отвѣтъ.

Планъ Спасской церкви въ Евфросиніевскомъ монастырѣ весьма много имѣетъ общаго съ планомъ Благовѣщенской церкви въ Витебскѣ (смотри выше). Онъ тоже продолговатый; восточный фасадъ имѣетъ одинъ полукруглый выступъ средняго алтарнаго полукружія, боковые же заключены въ прямыя стѣнки и такимъ образомъ замаскированы фасадомъ главной массы церкви. Позднѣе подобные планы видимъ въ новгородскихъ церквахъ XIII—XIV вѣка. Внутри (рис. 11) онъ имѣетъ тоже

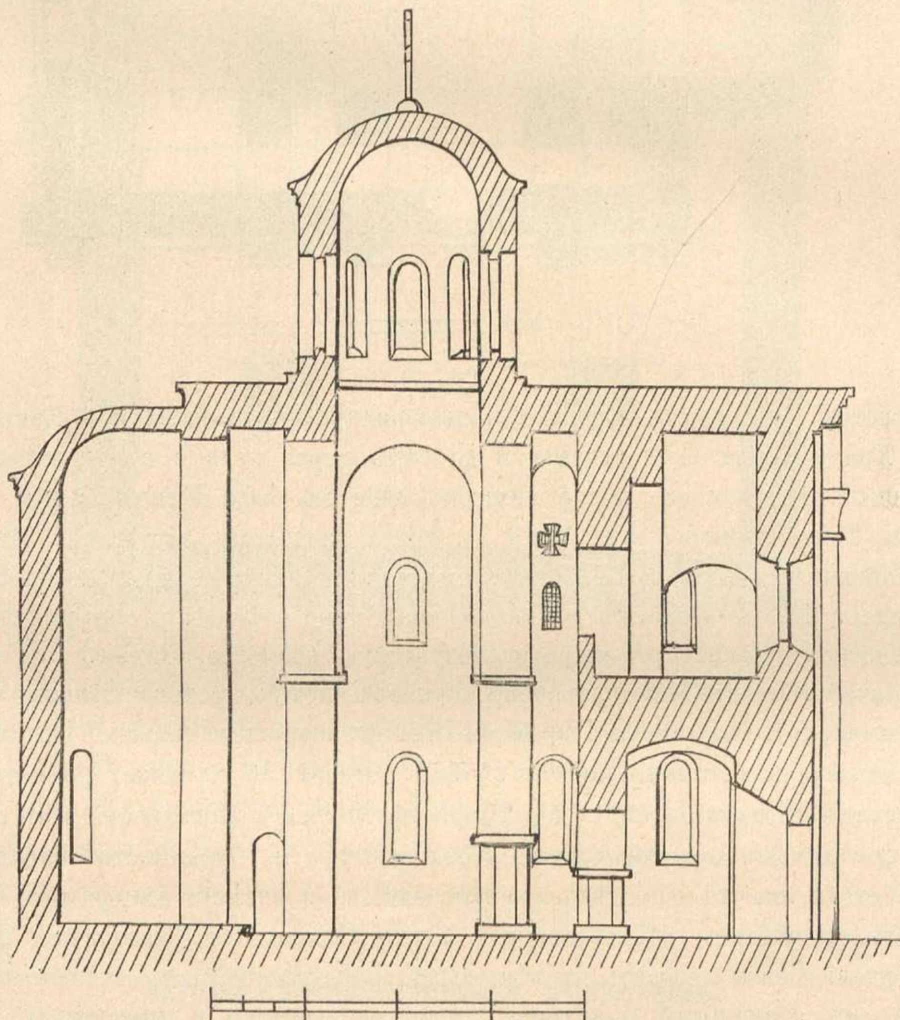

Рис. 11.

три столба съ каждой стороны, при чемъ на западные опираются хоры, по обѣимъ сторонамъ которыхъ находятся двѣ кельи: справа — преподобной Евфросиніи, а слѣва —

ея сестры Евдокіи. Кладка стѣнъ этой церкви носитъ сильные слѣды исправленій. Церковь сложена изъ тонкаго кирпича, похожаго на кирпичъ св. Софіи, Борисоглѣбской, Благовѣщенской церкви въ Витебскѣ и другихъ церквей того времени; иногда кирпичъ имѣетъ квадратную форму. Матеріала другого рода, какъ напримѣръ булыжникъ или тесаный камень, въ стѣнахъ Спасской церкви намъ не случилось встрѣтить, что подтверждаютъ игуменья монастыря и старожилы, бывшіе свидѣтелями исправленій этого храма. Близъ своего основанія храмъ носитъ слѣды сравнительно поздняго исправленія крупнымъ кирпичемъ. Такого рода исправленія еще болѣе замѣтны въ верхнихъ частяхъ храма между арокъ и выше ихъ. Очевидно, что верхняя часть собора наложена недавно, во время исправленій, произ-

Рис. 12.

веденныхъ при императорѣ Николаѣ I, что ясно видно изъ донесенія архитектора г. Порта князю Хованскому 1832 года, гдѣ между прочимъ говорится: „*крыша, крытая частью соломой, частью черепицей и гонтомъ, снята до основанія поверхности стѣнъ какъ надъ церковью, такъ и надъ полукуполомъ алтаря... устроена вновь*

со стропилами и мосурлатами надъ главнымъ строеніемъ, а надъ алтаремъ... въ видѣ полукупола покрыта *листовымъ желѣзомъ. Верхній куполъ по совершенной гнилости кружалъ и стержня разобранъ до основанія. Сдѣланы вновь обвязки для купола и кружалъ по старому образцу съ обшивкой по поверхности кружалъ и обивкой листовымъ желѣзомъ*"... и проч. Первоначально храмъ, вѣроятно, имѣлъ покрытіе посводное, т.-е. византійское. Надо замѣтить, что полуколонки (рис. 12 и 13), которыми убранъ этотъ храмъ съ трехъ сторонъ, встрѣчаются въ древнихъ церквахъ вообще рѣдко; но онѣ несомнѣнно примѣнялись въ XI и XII вѣкахъ въ церквахъ кіевскаго вида, какъ это видимъ, напримѣръ, на храмѣ Елецкой Богоматери въ Черниговѣ, гдѣ боковые фасады имѣютъ подобныя же полуколонки, а лекальные кирпичи, найденные въ развалинахъ Борисоглѣбской церкви въ Полоцкѣ, ясно указываютъ, что въ XII вѣкѣ и въ Полоцкѣ тоже практиковалось убранство такого рода. Стало быть, и первоначально храмъ былъ обставленъ полуколонками, приставленными къ лопаткамъ съ перекинутыми на нихъ арками закомарами; покрытіе же было по комарамъ, т.-е. посводное, черепичное или, вѣрнѣе, свинцовое. Барабанъ главы, вѣроятно, имѣлъ другую форму, былъ значительно ниже и имѣлъ покрытіе посводное, полушаровое, византійское. Съ устройствомъ же крыши на два ската и поднятіемъ карниза по бокамъ, послѣ задѣлки бывшихъ яндовъ между арками, древняя глава оказалась бы почти вся закрыта новой высокой крышей, и потому ее надо было удлинить, а можетъ быть и переложить вновь. Такимъ образомъ, если дѣлать реставрацію этого храма, то, по покрытіи крыши по полукругамъ, глава окажется очень длинной, и потому ее придется значительно уменьшить. Подвышена же она, вѣроятно, какъ сказано выше, послѣ сдѣланной подъ храмомъ новой фронтонной крыши на два ската архитекторомъ Портомъ, что и видно изъ донесенія его князю Хованскому.

Рис. 13.

Церковь эта въ своемъ первоначальномъ видѣ была одноцвѣтная, такъ какъ имѣла однородную кладку и тѣмъ самымъ сильно отличалась отъ другихъ древнихъ церквей, имѣвшихъ кладку разнородную и потому полосатый фасадъ. Однородность кладки въ церквахъ XII вѣка — явленіе весьма рѣдкое. Поэтому, не будь столь

ясныхъ историческихъ указаній на ея существованіе при жизни св. Евфросиніи, по всѣмъ примѣтамъ можно бы было пріурочить ее къ XIII вѣку, когда дѣйствительно строятся кирпичные храмы.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ древнія церкви Витебска и Полоцка, задаемъ себѣ вопросъ: какое онѣ имѣютъ отношеніе къ исторіи русской архитектуры, какую играютъ роль и гдѣ ихъ мѣсто?

Мы видѣли, что планы этихъ церквей бываютъ двухъ родовъ: одни съ тремя алтарными выступами, какъ Полоцкій соборъ и Борисоглѣбская церковь въ Полоцкѣ, а другіе съ однимъ алтарнымъ выступомъ, какъ церковь Благовѣщенія въ Витебскѣ и церковь Евфросиніевскаго монастыря близъ Полоцка. Первые два храма по складу своихъ плановъ, а главное по способу кладки, стоятъ ближе къ церквамъ Кіева, представляя собою близкіе сколки съ кіевскихъ церквей. Нѣчто другое видимъ въ церкви Благовѣщенія въ Витебскѣ и церкви Евфросиніевскаго монастыря, планы которыхъ имѣютъ по одному алтарному выступу. Планы съ однимъ алтарнымъ выступомъ въ Новгородско-Псковскомъ братствѣ получаютъ большее развитіе чѣмъ гдѣ-либо. Укажемъ, напр., церковь на Липнѣ, въ Перунскомъ скиту, Спасъ-Преображенія, въ Молотковѣ и друг. Такихъ храмовъ въ Кіевѣ нѣтъ; хотя, конечно, отсутствіе ихъ въ настоящее время не исключаетъ возможности существованія ихъ прежде. Все это подтверждаетъ преданіе, что Витебскъ есть колонія новгородцевъ и указываетъ на близкое сродство Витебскихъ церквей съ Новгородскими въ особенности если припомнимъ тождество кладки церкви Благовѣщенія въ Витебскѣ съ новгородскими храмами св. Софіи, Юрьевскимъ, Антоньевскимъ монастырей и друг.

Массы храмовъ Благовѣщенскаго и Евфросиніевскаго несомнѣнно принадлежатъ къ кубическому типу подобно церкви Спаса въ Мирожскомъ монастырѣ въ Псковѣ. Изслѣдованіе кладки этой послѣдней церкви показало, что первоначально храмъ былъ крестовый, но затѣмъ сѣверо-западный и юго-западный двугранные углы были наложены кирпичемъ и такимъ образомъ образовали на верху такія же двѣ кельи, какія видимъ и въ Евфосиніевской церкви. При такой накладкѣ угловъ храмъ Мирожскаго монастыря съ запада получаетъ фасадъ, похожій на кубическій; съ боковъ же, чтобы получить кубическій типъ, надо наложить малыя алтарныя полукружія, т.-е. дать имъ второй этажъ, ходъ въ которой обыкновенно дѣлался высоко при чемъ въ него можно было попасть только по приставной лѣстницѣ, а иногда для безопасности его закладывали или замаскирововали другимъ какимъ-либо способомъ. Снаружи эта часть алтаря превращалась въ фасадъ главной массы храма. При этомъ употребляли два способа: если боковыя алтарныя полукружія бывали не длинны, какъ напримѣръ въ Мирожскомъ монастырѣ, то ихъ задѣлывали прямыми стѣнками подълицо съ боковыми стѣнками, и тогда алтарная часть получала декорацію, подобную остальнымъ фасадамъ, какъ въ Евфросиніевскомъ храмѣ; если же боковые алтарные полукруглые выступы были довольно вытянуты, какъ это видимъ въ Ивановскомъ монастырѣ въ Псковѣ, тогда части боковыхъ алтарей получали декорацію фасада главной массы, т.-е. куба, а самые полукруги все-таки съ востока

выражались круглыми выступами, такъ что съ фасада алтарь оставался троечастнымъ. Когда полученный такимъ образомъ кубическій храмъ хотѣли увеличить, то дѣлали пристройку съ запада, что и видимъ на Мирожи. Если на эту одноэтажную пристройку прибавляли второй этажъ, то, открывъ западную стѣну храма, нельзя было не получить просторныя хоры, какъ въ Ивановскомъ монастырѣ въ Псковѣ или въ Евфросиніевскомъ храмѣ близъ Полоцка, а также и въ церкви Благовѣщенія въ г. Витебскѣ.

Деревянныя церкви въ г. Витебскѣ.

А. М. Павлинова.

Изъ деревянныхъ церквей г. Витебска болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія Ильинская и Троицкая въ самомъ городѣ и церковь во имя св. Троицы въ Марковомъ монастырѣ, въ окрестностяхъ его.

Ильинская церковь.

Первоначальная церковь во имя пророка Ильи основана по преданію въ 1447 г. польскимъ королемъ Казиміромъ въ благодарность Богу за спасеніе его жены, тонувшей

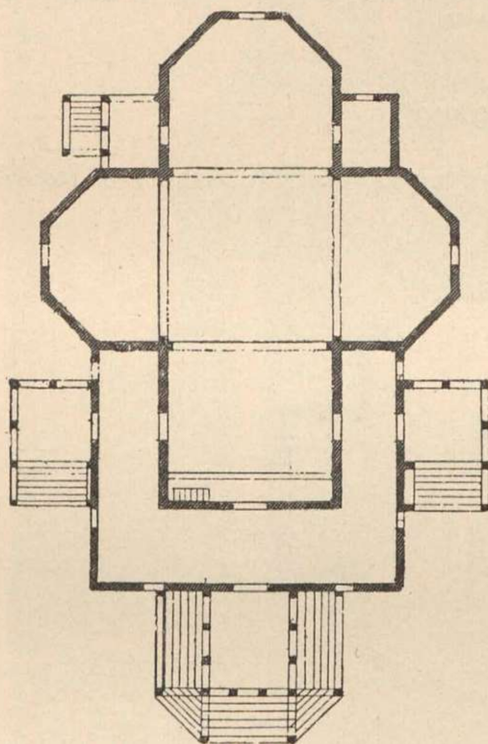

Рис. 14.

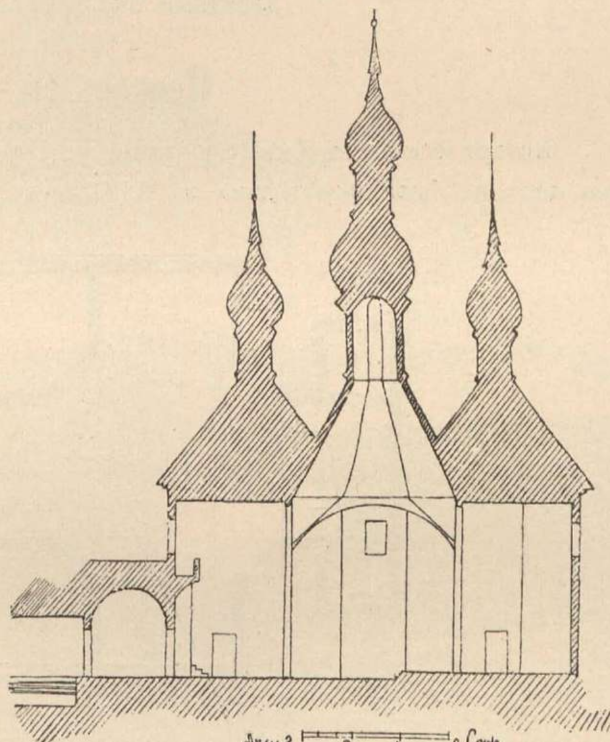

Рис. 15.

въ Ильинъ день; нынѣ же существующая построена на мѣстѣ древней въ 1643 году (рис. 14 — планъ, рис. 15 — разрѣзъ).

Планъ ея главной массы представляетъ крестъ. Восточный выступъ, равно какъ и руки креста на сѣверъ и югъ имѣютъ скошенные углы. Западный выступъ окруженъ деревянной глухой галлерейкой, къ которой со стороны запада пристроено крыльцо съ двойнымъ рядомъ столбиковъ фигурной формы. Глухая галлерея, окружающая съ трехъ сторонъ западный выступъ церкви, примыкая къ рукамъ креста, заканчивается также двумя открытыми крылечками-сходами. Между алтарнымъ выступомъ и руками креста тоже находится по крылечку. Главная масса церкви на фасадѣ представляется въ видѣ пяти башенъ съ высокими шатровыми крышами, заканчивающимися пятью главами (табл. II и III). Западная галлерея надъ каждымъ крыльцомъ имѣетъ по главкѣ такъ что церковь представляется восьмиглавой. Стѣны церкви обиты досками вертикально.

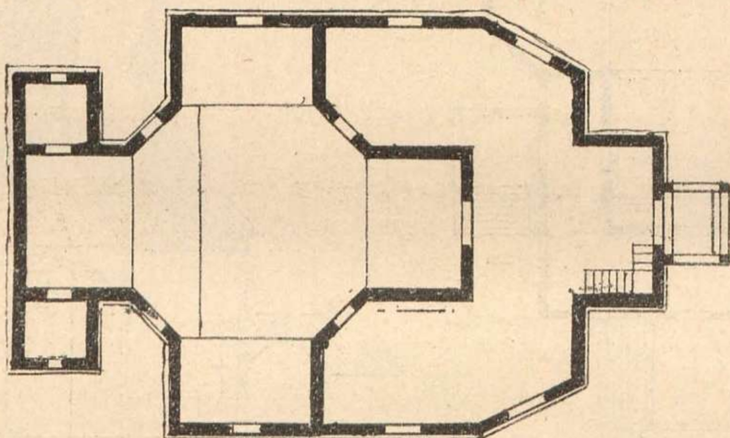
Рис. 16.

Внутри церковь не имѣетъ никакого убранства; въ сѣверо-западномъ ея углу устроены хоры.

Изъ болѣе замѣчательныхъ вещей ризницы Ильинской церкви назовемъ евангеліе и потиръ (рис. 16), носящіе уже западный характеръ.

Церковь св. Троицы.

Историческія свѣдѣнія о церкви св. Троицы весьма скудны; извѣстно только, что церковь была передѣлана въ 1761 году.

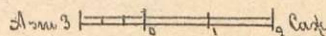

Рис. 17.

Типъ этой церкви относится, впрочемъ, къ болѣе раннему времени, то-есть къ XVII вѣку, и не безынтересенъ для насъ уже потому, что знакомитъ съ типомъ церквей крестоваго плана, которыя, какъ извѣстно, не были общеупотребительны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Церковь Иліи Пророка въ г. Витебскѣ

съ сѣверо-западной стороны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Церковь Иліи Пророка въ г. Витебскѣ

съ юго-восточной стороны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Церковь Св. Троицы въ г. Витебскѣ
съ западной стороны.

Планъ церкви (рис. 17) — крестовый, при чемъ средина креста образуетъ восьмигранникъ. Выступы восточный, западный и руки — прямоугольные. Западный выступъ, какъ и въ Ильинской церкви, окруженъ закрытой галлереей. Средній входъ на эту галлерею представляетъ крытый выступъ съ колоколенкой наверху и открытымъ съ

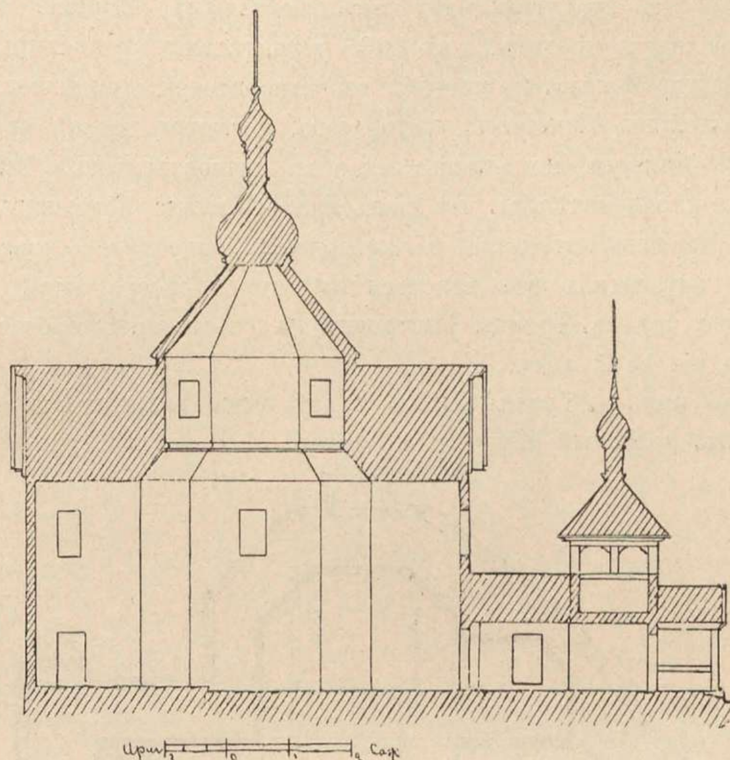

Рис. 18.

боковъ крыльцомъ (рис. 18). Снаружи церковь также обита вертикально тесомъ (табл. IV). Средняя часть церкви высится въ видѣ восьмиграннаго барабана съ шатровымъ верхомъ, заканчивающагося двойной главой. Съ четырехъ сторонъ къ среднему восьмиграннику приставлены четыре фронтона, покрывающіе выступы креста съ сѣвера, юга, востока и запада.

Нельзя не обратить вниманія на двѣ входныя двери съ запада и юга на галлерею. Деревянныя двери эти украшены желѣзными гвоздями въ видѣ розетокъ двухъ величинъ; доски, образующія двери, расположены квадратами, діагонали которыхъ соотносятся между собой горизонтально и вертикально (рис. 19).

Внутри церковь не имѣетъ никакихъ украшеній за исключеніемъ хоръ въ западномъ выступѣ.

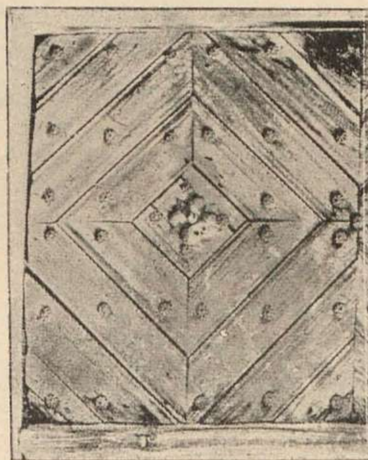

Рис. 19.

Марковъ монастырь.

Марковъ мужской монастырь находится верстахъ въ двухъ отъ г. Витебска. Свѣдѣнія о немъ весьма скудны до 1633 года, когда князь Левъ-Самуилъ Богдановичъ Огинскій съ супругою, да панъ Себастіанъ Мирскій строятъ тамъ въ 1633 году деревянную церковь, а въ 1638 г. надѣляютъ монастырь селами. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, по просьбѣ возстановителей, присылаетъ туда братію во главѣ съ настоятелемъ Елисѣемъ, послѣ чего, несмотря на всѣ притѣсненія со стороны уніатовъ, Марковъ монастырь остается православнымъ. Твердость Маркова монастыря была столь извѣстна, что сынъ Льва-Самуила Огинскаго, князь Симеонъ-Карлъ, хотя и принялъ латинство, но продолжалъ покровительствовать монастырю и въ 1687 году подтвердилъ всѣ дарственныя записи своего отца, а существующую нынѣ церковь во имя св. Троицы выстроилъ на собственныя средства. Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1691 году.

Церковь во имя св. Троицы, какъ и двѣ выше разсмотрѣнныя церкви, имѣетъ крестовый планъ, подобный Ильинской церкви въ Витебскѣ (рис. 20). Его три вы-

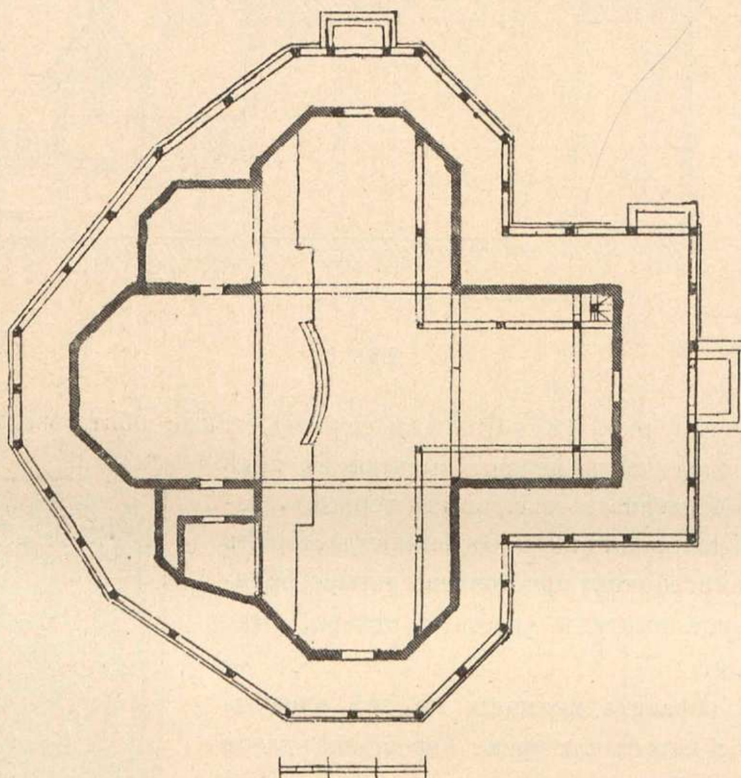

Рис. 20.

ступа тоже срѣзаны по угламъ, а западный — прямоугольный. Церковь обнесена кругомъ открытой галлереей на фигурныхъ столбахъ. Всѣ выступы кончаются шатровыми крышами, такъ что храмъ представляется тоже пятиглавымъ. Къ сожалѣнію, существующій фасадъ церкви видимо недавно отдѣланъ вновь (табл. V). Выкрашен-

ныя стѣны, лопатки съ іоническими капителями, поздніе карнизы съ итальянскими гуськами со значительно выдающимися слезниками и парапетами надъ ними, наконецъ, самая галлерея съ полукруглыми возвышеніями надъ входами и неправильнымъ расположеніемъ вокругъ алтарнаго выступа несомнѣнно указываютъ на позднюю, недавнюю передѣлку церкви. Такимъ образомъ церковь снаружи окончательно потеряла свой древній видъ, съ которымъ можно познакомиться въ трудѣ Батюшкова*), гдѣ она очевидно снята до ея передѣлки.

Обращаемъ вниманіе на сохранившіяся древнія двери, ведущія съ галлереи въ церковь съ западной и южной сторонъ. Западный сходъ (табл. VI) представляетъ двѣ створы и наличникъ, богато украшенные рѣзьбою. Собственно наличникъ состоитъ изъ простого орнамента на мотивъ побѣгуна съ бусой съ внутренней стороны. Надъ наличникомъ изображена св. Троица: Богъ Отецъ съ благословляющей десницей, Богъ Сынъ со скипетромъ въ правой рукѣ и Св. Духомъ подъ видомъ бѣлаго голубя. Ниже два медальона съ надписями. По обѣимъ сторонамъ изображены два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, до половины скрытые въ орнаментѣ, напоминающемъ профиль западнаго кронштейна. Створы окаймлены тѣмъ же побѣгуномъ, какъ и самый наличникъ, но только въ болѣе мелкихъ размѣрахъ. Средину каждой створы заполняетъ орнаментъ изъ стеблей и листьевъ въ три завитка; въ верхнихъ завиткахъ помѣщены двѣ большія розетки, въ срединѣ ихъ — медальонъ и корона, подъ которой буквы S. K. O., означаютъ вѣроятно, инициалы строителя церкви, Симеона-Карла Огинскаго. Ниже въ четырехъ завиткахъ изображеніе символовъ евангелистовъ съ надписями. Въ настоящее время всѣ эти орнаменты безвкусно раскрашены яркими красками, отчего много теряютъ.

Вторая дверь съ южной стороны меньшихъ размѣровъ, обдѣлана въ настоящее время простымъ бѣлымъ наличникомъ, разукрашеннымъ сверху гербомъ и тѣми же инициалами Огинскаго. Весьма вѣроятно, что если надъ дверью въ былое время былъ наличникъ, то онъ былъ рѣзной. Сама дверь сохранилась и состоитъ изъ одной створы, раздѣленной на два квадрата, украшенныхъ серафимами, которые, къ сожалѣнію, расписаны весьма неизящно темно-краснымъ цвѣтомъ (рис. 21).

Рис. 21.

Внутренность церкви расписана по доскамъ и не представляетъ никакого интереса. Къ западнымъ частямъ боковыхъ выступовъ примыкаютъ хоры съ балюстрадой, подпертые столбами, какъ это видно по прилагаемому плану (рис. 20) и разрѣзу (рис. 22).

Въ Марковомъ монастырѣ имѣются иконы Богоматери и Николая Чудотворца, которыя, по преданію, подарены монастырю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1655 г.; къ несчастію, онѣ такъ потускнѣли, что не поддаются фотографическому снимку.

---

*) „Бѣлоруссія и Литва“, стр. 237.

Въ ризницѣ находятся: древній дискосъ, звѣздица, лжица и потиръ, серебряные, позолоченные, покрытые изображеніями и молитвенными изрѣченіями, обыкновенными для подобныхъ сосудовъ. Тутъ же два серебряныхъ блюда; на одномъ изображеніе Знаменія и надпись: „Все упованіе мое къ Тебѣ возлагаю — Мати Божія сохрани

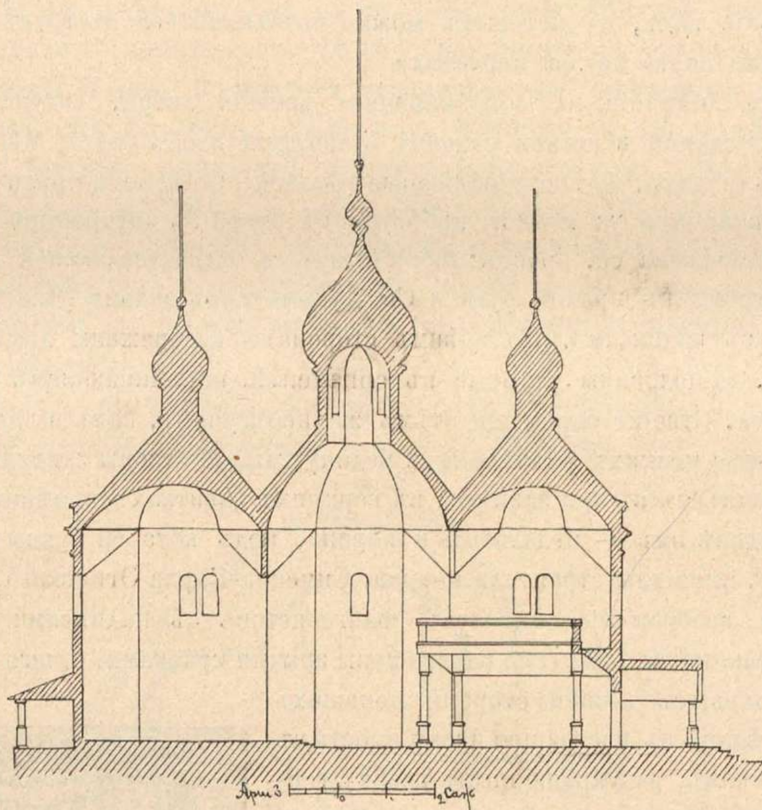

Рис. 22.

мя — во своемъ...“ На оборотной сторонѣ: „Живоначальныя Троицы Марковскаго обрѣтающіеся въ воеводствѣ...“ Двѣ митры XVIII вѣка, изъ которыхъ одна поднесена въ 1759 г. архимандриту Іосифу Млынскому генераломъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Петромъ Ивановичемъ Боборыкинымъ. Кромѣ того бархатная риза, съ богато шитымъ оплечьемъ, вѣроятно, XVII стол. и икона Николая Чудотворца новгородскаго письма.

Прежде чѣмъ опредѣлить мѣсто въ исторіи русскаго искусства всѣмъ выше разсмотрѣннымъ церквамъ, необходимо хотя кратко ознакомиться со всѣми типами деревянныхъ церквей.

Свѣдѣнія о деревянныхъ церквахъ на Руси появляются съ самаго начала существованія нашего государства. Лѣтописи упоминаютъ о существованіи деревянныхъ церквей еще до Владиміра Святого. Тогда были уже церкви въ Кіевѣ и Новгородѣ. Чѣмъ ближе къ намъ время, тѣмъ указанія эти становятся все чаще и чаще; но всѣ эти свѣдѣнія не даютъ яснаго понятія о формахъ построекъ, хотя иногда говорятъ не только о количествѣ верховъ, но и стѣнъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Церковь Св. Троицы въ Марковомъ монастырѣ
близъ г. Витебска.

Фототипія Шерер, Набгольц и К°. въ Москвѣ.

Западная дверь въ церкви Св. Троицы въ Марковомъ монастырѣ

близъ г. Витебска.

Понятія о церковныхъ сооруженіяхъ становятся болѣе ясными, конечно, тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ самими памятниками.

Деревянныя постройки, сохранившіяся до нашего времени, разумѣется, имѣли свои прототипы въ пору болѣе раннюю; поэтому по оставшимся памятникамъ можно представить и предыдущіе. Типы деревянныхъ церквей можно прослѣдить, начиная съ самыхъ простыхъ формъ до самыхъ сложныхъ, съ простого четырегранника, покрытаго на четыре или два ската въ видѣ избы съ крестомъ или главкой наверху. Эта простая форма, *первый типъ,* осложняется пристройкой алтаря и паперти. Такимъ образомъ получается три сруба, стоящіе рядомъ отъ востока къ западу, при чемъ иногда средина поднимается и варьируется на множество ладовъ, обращаясь въ башни разныхъ формъ. Такого вида церкви присущи главнымъ образомъ средней и сѣверной полосѣ Россіи. Когда же надъ алтаремъ и папертью надстраиваютъ также по башнѣ, то фасадъ выходитъ въ видѣ трехъ башенъ, стоящихъ рядомъ по направленію съ востока на западъ. Такихъ церквей довольно много, но онѣ болѣе всего присущи средней и южной полосѣ Россіи: Малороссіи и Землѣ Войска Донского. Такимъ образомъ на планѣ перваго типа можетъ быть три вида фасадовъ: въ видѣ избы, съ одной башней и съ тремя башнями. Первый типъ плана получаетъ пристройки съ боковъ и обращается въ крестъ. Крестовый планъ отнесемъ *ко второму типу.* При планѣ второго типа опять таки можетъ быть нѣсколько видовъ фасадовъ, смотря по количеству башенъ: первый изъ нихъ когда одна башня въ срединѣ. Къ этому-то первому виду, конечно, принадлежитъ и церковь св. Троицы въ Витебскѣ, какъ одноглавая, такъ какъ ея выступы крыты фронтонами. Если на церкви три главы расположены съ сѣвера на югъ или съ востока на западъ, отнесемъ ихъ ко второму виду крестовыхъ церквей. Церкви Ильинская въ Витебскѣ и Троицкая въ Марковомъ монастырѣ, какъ пятиглавыя, должны быть отнесены къ третьему виду крестовыхъ церквей. Такія церкви присущи западной Россіи, гдѣ находимъ: крестовыя церкви въ Переяславлѣ Полтавскомъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы[1]), въ Якобштадтѣ, церковь Владимирской Богоматери въ селѣ Подпорожьи Архангельской губерніи, Онежскаго уѣзда. Варьируетъ только форма башенъ: такъ, напримѣръ, средній срубъ Владимирской Богоматери, въ видѣ башни, покрытъ кубомъ, на которомъ стоитъ пять главъ; боковые выступы покрыты бочками, на которыхъ стоятъ шатры. *Къ третьему типу отнесены планы* самые сложные, *когда въ углахъ креста, между руками,* тоже *сдѣлано по срубу* иногда значительныхъ размѣровъ; говоря другими словами, когда три плана перваго типа поставлены рядомъ. Здѣсь образуется девять помѣщеній. Такимъ образомъ и фасадъ можетъ имѣть нѣсколько видовъ, начиная съ одной башни до девяти. Однимъ изъ разительныхъ примѣровъ послѣдняго девятиглаваго вида можетъ служить церковь въ Новомосковскѣ, Екатеринославскаго уѣзда. Фасадъ этой церкви представляетъ девять башенъ, почти одинаковой величины и формы, составленныхъ въ кучу. Но это — церковь южная: въ средней и сѣверной полосахъ такихъ построекъ нѣтъ, и разсмотрѣнныя нами церкви къ этому послѣднему типу не относятся.

[1]) Церковь эта замѣчательна въ исторіи тѣмъ, что въ ней Богданъ Хмельницкій съ малороссами приняли русское подданство.

Множество деревянныхъ церквей и донынѣ разбросаны по русскимъ городамъ и селеніямъ, но онѣ не представляютъ памятниковъ высшаго деревяннаго зодчества, которые несомнѣнно процвѣтали въ болѣе значительныхъ городахъ при царскихъ, великокняжескихъ и боярскихъ усадьбахъ. Довольно вспомнить исторію пожаровъ Москвы и другихъ городовъ, чтобы убѣдиться, что памятники деревянныхъ сооруженій, съ которыхъ зодчіе брали формы и детали при сооруженіи каменныхъ зданій, для насъ погибли, и что тщетно было бы теперь искать тѣ формы, которыя видимъ въ каменныхъ памятникахъ и которыя несомнѣнно взяты съ дерева.

Военное зодчество въ Прибалтійскомъ краѣ въ средніе вѣка.

В. И. Неймана.

На ряду съ распространеніемъ христіанства среди язычниковъ должно было, естественнымъ образомъ, совершиться подчиненіе ихъ областей и устройство въ нихъ укрѣпленныхъ мѣстъ; во исполненіе же намѣренія епископа Альберта, посредствомъ собиранія во едино отдѣльныхъ областей и племенъ, — учрежденіе въ Лифляндіи упорядоченнаго государственнаго устройства.

Папскія буллы обѣщали паломникамъ, отправляющимся въ Лифляндію съ цѣлью обращенія язычниковъ, тѣ же льготы, какъ и лицамъ, принявшимъ крестъ для защиты Святой Земли. И дѣйствительно, ежегодно съ наступленіемъ весны отправлялось въ Лифляндію значительное число паломниковъ и жаждущихъ брани, въ числѣ которыхъ нерѣдко были князья, графы и епископы, особенно съ тѣхъ поръ, когда епископъ Альбертъ, основавъ городъ Ригу въ 1201 году на рѣчкѣ Риге, положилъ прочную опору для своихъ дальнѣйшихъ предпріятій; но большинство паломниковъ и крестоносцевъ, съ которыми епископъ Альбертъ возвращался въ свое новое епископство изъ ежегодныхъ поѣздокъ въ Германію, оставалось въ краѣ, во исполненіе обѣта, только втеченіе одного года, а затѣмъ отправлялось на родину. Военныя силы, находившіяся въ распоряженіи епископа и пополнявшіяся, какъ это было упомянуто, гостями-паломниками, должны были въ будущемъ оказаться недостаточными для удержанія уже пріобрѣтенныхъ земель, а также для дальнѣйшаго распространенія христіанства и подчиненія языческихъ земель. Опасность, угрожавшая юному епископству вслѣдствіе волненій и частыхъ вторженій язычниковъ въ его предѣлы, принимала съ каждымъ годомъ болѣе широкіе размѣры, а потому являлось крайне необходимымъ учрежденіе постояннаго войска. Слѣдствіемъ этой необходимости явилось основаніе ордена меченосцевъ, вѣрнѣе Братства рыцарей войска Христова (fratres militiae Christi).

Братство это было учреждено замѣстителемъ епископа Альберта во время его поѣздокъ въ Германію, настоятелемъ монастыря цистеріанъ въ Дюнамюндѣ аббатомъ Дитвигомъ (впрочемъ, вѣроятно, по предварительному соглашенію съ епископомъ). Папа Иннокентій III, буллами отъ 12-го октября 1204 и 20-го октября 1210 гг. утвердилъ орденъ и далъ ему уставъ храмовниковъ, или темпліеровъ [1]).

---

[1]) Bunge, Fr. Der Orden der Schwertritter, dessen Stiftung, Verfassung und Auflösung. Leipzig 1875. 8.

Объ орденѣ, въ качествѣ участника въ сраженіи, упоминается впервые въ 1205 г. Къ 1207 году силы ордена увеличились уже на столько, что онъ считаетъ себя въ правѣ требовать отъ епископа уступки части земель въ награду за свои „военные труды“.

Раздѣлъ подчиненныхъ земель совершился на основаніи буллы папы Иннокентія III, данной въ 1210 г.[1]), такимъ образомъ, что орденъ долженъ былъ получить одну треть завоеванныхъ земель, епископу же достались двѣ трети. Это распоряженіе папы положило начало раздорамъ, которые впослѣдствіи неоднократно оказывались столь пагубными для страны.

Съ расширеніемъ границъ завоеванныхъ земель, часть которыхъ была пріобрѣтена орденомъ, предпринимавшимъ походы на свой страхъ, естественнымъ образомъ должно было возрастать и число враговъ, такъ что уже въ 1231 году магистръ ордена Вольквинъ (Volquinus) началъ хлопотать о соединеніи ордена меченосцевъ съ могущественнымъ уже въ то время тевтонскимъ орденомъ. Этимъ соединеніемъ Вольквинъ разсчитывалъ не только достигнуть усиленія своего ордена, но и освободиться отъ зависимости по отношенію къ епископу, такъ какъ тевтонскій орденъ былъ непосредственно подчиненъ папѣ. Гросмейстеръ тевтонскаго ордена Германъ фонъ-Зальца, къ которому Вольквинъ обратился съ предложеніемъ, хотя и не отказалъ категорически, однако долго не рѣшался дать свое согласіе. Сильное пораженіе, нанесенное литовцами 22-го сентября 1236 года около Сауле въ Курляндіи, грозившее совершеннымъ прекращеніемъ существованія ордена меченосцевъ, побудило Германа фонъ-Зальца согласиться (послѣ вторичнаго предложенія) на соединеніе орденовъ. Оно произошло 12-го мая 1237 г. въ Витербо (въ присутствіи Германа фонъ-Зальца) вслѣдствіе предписанія папы Григорія IX съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы отношенія лифляндскаго отдѣленія тевтонскаго ордена къ своему епископу остались безъ измѣненія.

Какъ бы то ни было, соединеніе съ тевтонскимъ орденомъ давало ливонскимъ рыцарямъ возможность отстаивать свои интересы предъ епископомъ съ большею настойчивостью. Относительно Курляндіи это дѣйствительно въ скоромъ времени и обнаружилось. Находясь подъ благосклоннымъ покровительствомъ папы, меченосцы пріобрѣли здѣсь тѣ же права, какъ и тевтонскій орденъ въ Пруссіи. Орденъ получилъ двѣ трети земель, епископу же досталась только одна треть земель и подсудность въ духовныхъ дѣлахъ.

Фортификаціонное искусство должно было найти въ краѣ прежде всего примѣненіе къ укрѣпленію путей сообщенія, изъ которыхъ главнѣйшимъ является Двина. Поэтому на ея берегахъ, кромѣ построеннаго епископомъ Мейнгардомъ при участіи готландскихъ мастеровыхъ каменнаго замка въ Икскюлѣ, отданнаго епископомъ Альбертомъ въ ленное владѣніе рыцарю Конраду Мейндорпу, мы видимъ возникновеніе цѣлаго ряда замковъ, при устройствѣ которыхъ первоначально ограничились укрѣпленіемъ и усиленіемъ отнятыхъ у язычниковъ городищъ (Bauernburg), откладывая

[1]) Livländisches Urkundenbuch I. 16.

возведеніе каменныхъ построекъ до болѣе благопріятнаго времени. Такимъ образомъ возникъ еще при епископѣ Альбертѣ по теченію Лифляндской Аа до Вендена, а также и къ сѣверу отъ Риги, цѣлый рядъ замковъ, принадлежащихъ частью ордену, частью епископу. Прежнія языческія укрѣпленія, городища, или бауернбурги, большое число которыхъ и теперь еще находится въ Прибалтійскомъ краѣ, основывались всегда на возвышенномъ мѣстѣ и имѣли круглую, яйцевидную, эллиптическую или полукруглую форму. Въ городищахъ, имѣющихъ послѣднюю форму, открытая сторона всегда находилась на крутомъ горномъ склонѣ. Размѣръ городищъ колеблется въ предѣлахъ отъ 70 до 700 метровъ (въ окружности). Верхняя площадка городища представляетъ котловину, окруженную валомъ, насыпаннымъ изъ земли, вынутой изо рвовъ, окружающихъ городище. Нерѣдко къ землѣ примѣшивались камни или же на гребнѣ вала возводилась каменная стѣна, сложенная изъ булыжника на мху. Въ мѣстностяхъ, гдѣ камня мало или онъ совсѣмъ отсутствуетъ, остовъ вала состоялъ изъ бревенъ. Кромѣ того вершина вала была защищена палисадами. Внутри вала и палисадовъ находились деревянныя постройки, дававшія кровъ людямъ и животнымъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ это являлось необходимымъ вслѣдствіе устройства поверхности почвы, такія городища были окружены двойнымъ валомъ и рвомъ, такъ что кромѣ собственно городища получался еще и пригородъ (форбургъ). Впрочемъ замки не всегда строились на самомъ возвышенномъ мѣстѣ; они встрѣчаются часто и въ равнинахъ, но для затрудненія къ нимъ доступа избирались по возможности болотистыя мѣстности. Самое большое изъ уцѣлѣвшихъ городищъ, Варбола, находится въ Эстляндіи въ имѣніи Полль, Ниссенскаго прихода. Оно имѣетъ овальную форму и окружено валомъ, имѣющимъ снаружи 11,25 м., а внутри 9 метровъ высоты, сложеннымъ изъ булыжника на мху. Длина продольной оси 157,6, поперечной 134,4, а толщина вала у основанія 10,5 метра. На двухъ противоположныхъ концахъ, сѣверо-восточномъ и юго-западномъ, валъ прерывается; въ этихъ мѣстахъ были входы въ городище. Середину городища занимаетъ колодезь. Съ сѣверной стороны естественную защиту городища составлялъ текущій по направленію съ востока къ западу Шварценскій ручей, воды котораго въ то время, быть можетъ, протекали ближе къ городищу; съ востока, юга и запада городище было окружено болотомъ, чрезъ которое пролегала мощеная дорога. Въ лѣтописяхъ оно упоминается у Генриха Латышскаго (Heinrich von Lettland) въ 1222 г. въ главѣ XXVI, § 4.

О способѣ осады подобныхъ городищъ имѣется у того же лѣтописца интересное описаніе взятія нѣмцами городища Лене. Это городище еще и теперь въ довольно хорошемъ состояніи.

Валъ, окружающій городище и состоящій изъ земли, смѣшанной съ камнями, круто спускается съ южной и западной стороны къ обмывающему его ручью Кегель и имѣетъ отъ 6,5 до 10,5 метра высоты соотвѣтственно естественнымъ возвышенностямъ почвы. Противоположная, т.-е. удаленная отъ ручья сторона городища переходитъ, постепенно понижаясь, въ равнину; съ этой стороны городище было укрѣплено вторымъ валомъ и рвомъ, въ который была проведена вода изъ ручья; вслѣдствіе этого здѣсь образовался пригородъ. Входъ былъ съ юго-восточной стороны

по мосту, перекинутому чрезъ рѣчку и, въ случаѣ надобности, снимавшемуся. Генрихъ Латышъ въ гл. XXVII, § 6 такъ описываетъ осаду этого городища... „Рижане... съ братіей, рыцарями, гостями, ливами и латышами... отправились съ цѣлымъ войскомъ въ Гарріенъ и осадили городище Лене, сражались съ осажденными двѣ недѣли, устроили машины и патерелли (родъ метательныхъ орудій) и крѣпкую деревянную башню, которую придвинули ближе, чтобы можно было лучше подкопаться подъ замокъ, а сверху удобнѣе поражать непріятеля. Потомъ осаждающіе перебили многихъ изъ самострѣловъ и машинъ, многіе же начали заболѣвать и умирать. Кромѣ того, тѣ, что копали, подошли уже столь близко къ валамъ, что осажденные думали (вслѣдствіе осѣданія земли), что имъ всѣмъ придется провалиться въ ровъ...“ [1]). Еще подробнѣе описываетъ Генрихъ Латышъ (глава XVI) взятіе замка Саттеселе, принадлежащаго Дабрелю, старшинѣ ливовъ, близъ Зегевольда[2]) и взятіе городища Дертъ.

Взятые замки и городища, какъ кажется, только въ исключительныхъ случаяхъ подвергались полному уничтоженію чрезъ сожженіе построекъ, палисадовъ и мостовъ, разрушеніе колодцевъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ, какъ это уже выше было упомянуто, они, получивъ болѣе усовершенствованныя укрѣпленія, оставались во владѣніи ордена, который назначалъ имъ начальниковъ изъ орденской братіи. Такъ напр., уже очень рано упоминается о Венденскомъ комтурѣ Раймундѣ (Reymunth). Въ числѣ комтуровъ замка Ашерадена упоминаются рыцари ордена меченосцевъ Гартмутъ, Лупрехтъ и Маркквартъ фонъ-Бурбахъ[3]).

Примѣромъ подобнаго образа дѣйствій меченосцевъ, можетъ, кажется, служить находящееся въ довольно хорошемъ состояніи городище Волькенбургъ, расположенное между Двинскомъ и Рѣжицею, въ Польскихъ Инфлянтахъ, на берегу озера Разьно, въ числѣ начальниковъ котораго упоминается какой-то Theodoricus commendator de Wolkenborg[4]). Этотъ замокъ имѣетъ форму трапеціи и сооруженъ на вершинѣ съ трехъ сторонъ крутой горы. Вершина горы, средину которой занимаетъ колодезь, была, кажется, окружена палисадами, а нѣсколько ниже послѣднихъ имѣется валъ, сложенный изъ камней и земли. Съ юго-восточной стороны возведена стѣна изъ булыжника и кусковъ кирпича на известковомъ растворѣ, имѣющая слишкомъ три метра толщины; къ обоимъ концамъ этой стѣны примыкаютъ подъ прямымъ къ ней угломъ два выступа одинаковой съ нею толщины. Верхняя часть стѣны тоньше и образуетъ съ нижнею, болѣе толстою, частью уступъ. Къ боковымъ выступамъ этой стѣны, какъ это выяснилось посредствомъ раскопокъ, примыкали деревян-

---

[1]) По переводу лѣтописи Е. Папста. Ревель 1867.

[2]) О городищахъ въ Эстляндіи, смотри P. Iordan Anhang zu den Beiträgen zur Geographie und Statistik Estlands. Reval 1889. Ueber die Bauernburgen Kurlands, Magazin, herausgegeben von der litterarischen Gesellschaft. XIV, 2 Stück. Seite 12—142. Mitau 1869.

[3]) F. v. Bunge, Der Orden der Schwertritter.

[4]) На одной грамотѣ отъ 27 августа 1271 г. (въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ) находится печать комтура съ надписью

✠ S. COMENDATORI WOLKĒBG.

Изображена у P. v. Götze, Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland, Estland 1854 и Toll Brieflade IV, Taf. 16, рисун. 83.

ныя укрѣпленія. Спереди главной стѣны, на склонѣ горы, переходящемъ въ равнину, находится окруженный валомъ пригородъ. Входъ въ замокъ былъ съ сѣверо-восточной стороны (рис. 23)[1]).

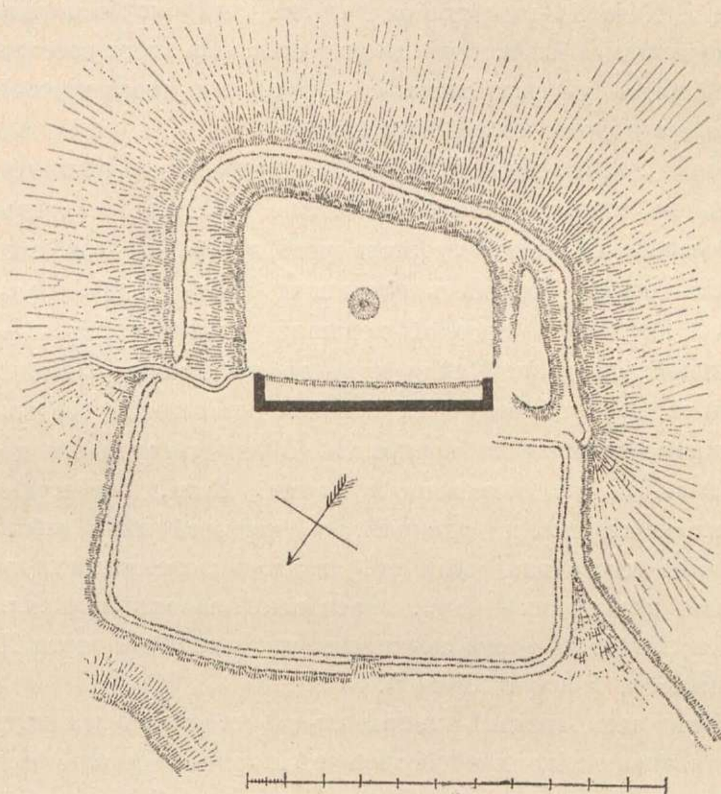

Рис. 23. Замокъ Волькенбургъ.

Только самое незначительное число орденскихъ замковъ было сразу возведено изъ камня, большая же часть была построена изъ дерева. Лѣтописцы, а преимущественно Германъ фонъ-Вартберге, очень часто упоминаютъ о совершенномъ сожженіи орденскихъ замковъ, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ говорится, что замокъ не могъ быть взятъ благодаря своей крѣпости, такъ какъ онъ былъ построенъ изъ камня (aus Quadern), какъ, напр., замокъ въ Митавѣ, который литовцы осаждали въ 1345 г., но благодаря крѣпости, не могли взять его, тогда какъ Терветенъ, отстроенный послѣ перваго его разоренія въ 1338 г. магистромъ ордена Эбергардомъ фонъ-Мунгеймомъ, былъ взятъ и сожженъ литовцами. Терветенъ былъ уже въ 1271 г. укрѣпленъ орденомъ.

Эти временныя укрѣпленія приходилось иногда возстановлять въ сравнительно очень короткій срокъ; случалось даже, что прежде, чѣмъ отправиться для осады какой-нибудь крѣпости, приходилось исправлять или строить новую крѣпость подъ прикрытіемъ войска, какъ это было, напр., при постройкѣ Динабурга магистромъ Эрнстомъ фонъ-Рассбургомъ въ 1275 или 1276 году.

---

1) Болѣе подробное описаніе см. Mitteilung aus d. Livl. Gesch. XIV, стр. 300 и слѣд. W. Neumann, Die Ordensburgen im sogenannten Polnisch Livland.

Какъ мало времени нужно было для возведенія подобныхъ построекъ, доказываетъ сооруженіе крѣпости Готтесвердера на одномъ изъ острововъ Мемеля, которую гроссмейстеръ Винрихъ фонъ-Книпроде построилъ за время съ 15-го апрѣля по 20-е мая 1369 г. Хотя 12-го сентября того же года она была разрушена литовцами[1]), однако по имѣющимся извѣстіямъ понадобилось для этого восемнадцать метательныхъ машинъ, не считая другихъ военныхъ орудій: изъ этого можно заключить, какъ прочны были подобнаго рода постройки.

При возведеніи укрѣпленныхъ домовъ и замковъ, особенное вниманіе было обращаемо на выборъ мѣста, съ котораго можно было бы господствовать надъ значительнымъ пространствомъ. Поэтому этого рода постройки возводились или на пересѣченной мѣстности или на большихъ равнинахъ. Въ первомъ случаѣ постройки не всегда возводились на самой высокой вершинѣ, а выбиралась высота, являвшаяся наиболѣе подходящей для данной цѣли и въ то же время дозволявшая господствовать надъ окрестностью. Всѣ болѣе выдающіяся возвышенія, деревья и т. д. уничтожались, чтобы лишить непріятеля прикрытія, а для затрудненія доступа къ замку мѣстность прорѣзывалась по возможности рвами. Если, вслѣдствіе необходимости крѣпость приходилось строить на равнинѣ, то для этой цѣли избиралось самое недоступное болотистое мѣсто или, если это являлось возможнымъ, избирался островъ посреди озера или рѣки, какъ напр. епископскій замокъ Маріенгаузенъ въ Польскихъ Инфлянтахъ, который вновь построенъ въ первой четверти XVI вѣка по распоряженію архіепископа Яспара Линде[2]).

Планъ замковъ былъ вначалѣ неправильный и находился въ зависимости отъ очертанія мѣста, назначеннаго для постройки; главное вниманіе было обращаемо на возможно полное устройство защиты. Только въ началѣ XIV столѣтія въ Лифляндіи начали придавать строившимся укрѣпленіямъ болѣе правильную форму, тогда какъ прусскіе замки отличаются правильнымъ расположеніемъ частей уже въ началѣ XIII и даже въ концѣ XII вѣка[3]).

По отношенію къ лифляндскимъ орденскимъ замкамъ, для устройства и расположенія которыхъ имѣлся уже схематическій планъ, это позднее начало правильнаго устройства является весьма страннымъ и можетъ быть объяснено только тѣмъ, что уже ранѣе этого времени имѣлось въ краѣ значительное число замковъ, въ которыхъ нѣкоторыя болѣе важныя части были выстроены изъ камня, и что замки эти впослѣдствіи расширялись только посредствомъ передѣлки и перестройки отдѣльныхъ частей. Особенно много замковъ было укрѣплено и перестроено, по Герману Вартебургу, при магистрѣ Госвинѣ фонъ-Герикке (1345—1359), какъ напр. сооруженная предшественникомъ его, Бургардомъ фонъ-Дрейлевеномъ, крѣпость Зоннебургъ на островѣ

---

1) Hermann von Wartberg, стр. 37 по нѣм. перев. Е. Папста.

2) Arndt J. Onr. Livl. Chron. II. 179 изображаетъ этого архіепископа (1509—1524) большимъ любителемъ производства построекъ. Онъ возвысилъ стѣны замковъ Кокенгузена и Роннебурга, лѣтней резиденціи рижскихъ архіепископовъ, и снабдилъ эти замки хорошими орудіями. Въ послѣднемъ замкѣ онъ выстроилъ высокую башню „Большой Касперъ“. Онъ отстроилъ также заново замокъ Маріенгаузенъ.

3) Essenwein A. v. Handbuch der Architektur Bd. IV Heft I. Die Kriegsbaukunst der romanischen und gotischen Periode, b. 125.

Эзелѣ; затѣмъ перешедшія во владѣніе ордена, съ пріобрѣтеніемъ Эстляндіи, крѣпости Ревель, Везенбергъ и Нарва, которыя были укрѣплены стѣнами, рвами и вновь возведенными башнями; на устройство ихъ были затрачены значительныя суммы. Кромѣ того онъ произвелъ починку замковъ Гробина, Доблена и Динабурга, при чемъ послѣдній усилилъ четырьмя башнями, не считая другихъ замковъ и укрѣпленій.

Кромѣ существовавшихъ въ краѣ до прихода меченосцевъ городищъ слѣдуетъ различать три рода замковъ, а именно: замки, принадлежавшіе ордену, епископу и вассаламъ; къ этого же рода постройкамъ слѣдуетъ отнести и укрѣпленные монастыри.

Въ устройствѣ орденскихъ замковъ, о которыхъ здѣсь будетъ подробнѣе изложено, въ XIV в., какъ это уже выше было упомянуто, замѣчается бóльшая правильность, при чемъ для главнаго зданія избирается форма квадрата или прямоугольника. Въ планѣ этого рода постройки представляются состоящими изъ четырехъ флигелей, иногда даже трехъ, окружающихъ внутренній дворъ, вокругъ котораго кромѣ того тянется еще галлерея, соединяющая отдѣльныя помѣщенія и облегчающая къ нимъ доступъ.

Наиболѣе выдающимися по отдѣлкѣ помѣщеніями орденскихъ замковъ или домовъ конвента, — не включая меньшихъ замковъ, управлявшихся орденскими намѣстниками и, быть можетъ, немногимъ отличавшихся отъ епископскихъ замковъ, находившихся во владѣніи вассаловъ, — являются: часовня, капитульная зала, трапезная (refectorium), спальня братіи и покои начальника замка. Въ главныхъ замкахъ, кромѣ того, имѣются еще инфирмаріи или фирмаріи — больницы. Всѣ эти помѣщенія, за исключеніемъ послѣдняго, находились въ главномъ этажѣ зданія.

Часовня, составлявшая важнѣйшую часть орденскаго замка, отличалась отъ другихъ частей большею высотою и большими окнами. Обыкновенно часовня была однонефная, но встрѣчаются и двунефныя, какъ напр. въ Рижскомъ орденскомъ замкѣ. Во внѣшней стѣнѣ имѣются два или три окна, которыя, отличаясь своею высотою, уже снаружи указываютъ на назначеніе освѣщаемаго ими помѣщенія. Часто случалось, если только почвенныя условія дѣлали это возможнымъ, что и въ алтарной стѣнѣ, которая была обращена по возможности къ востоку, также имѣлись подобныя окна. Въ толщѣ внутреннихъ стѣнъ часовни находились иногда въ прусскихъ орденскихъ замкахъ небольшія помѣщенія, въ которыя можно было проникнуть съ галлереи, и изъ которыхъ, чрезъ узкую щель въ стѣнѣ, можно было слѣдить за ходомъ службы при алтарѣ. Въ этихъ помѣщеніяхъ, соотвѣтствовавшихъ монастырскимъ кельямъ, какъ кажется, орденскіе братья отбывали наказаніе[1]). Въ лифляндскихъ орденскихъ замкахъ до сихъ поръ не удалось констатировать существованія подобныхъ келій; однако въ Рижскомъ замкѣ, судя по прежнимъ планамъ, были въ западной его части помѣщенія, которыя могли служить для этой цѣли[2]).

---

1) Steinbreet C. Preussen zur Zeit der Landmeister. Berlin 1888.

2) О существованіи подобныхъ келій можно заключить изъ нѣкоторыхъ предписаній орденскаго устава (liber ordinis fratrum de domo theutonicorum) изд. F. H. Ottmar Schönhut по рукописи XIII в. Heilbronn 1847 г. и по „Das Ordensbuch nach den neuen Satzungen des Hochmeisters Konrad von Erlich-

Капитульная зала, подобно часовнѣ, очень часто была двунефная, но почти всегда была длиннѣе часовни; она помѣщалась во флигелѣ, примыкавшемъ къ часовнѣ, нерѣдко отдѣлялась отъ нея только дверью. Въ качествѣ главнаго помѣщенія, служившаго также и для представительства, она была отдѣлана болѣе тщательно и снабжена великолѣпными сводами, высокими окнами, каминами и т. под.

Какъ объ особенно великолѣпномъ украшеніи, упоминается о портретахъ магистровъ, развѣшенныхъ на стѣнахъ капитульной залы Венденскаго замка, позднѣйшей резиденціи магистровъ [1]).

На основаніи орденскаго устава [2]) начальникъ дома созывалъ братію еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ капитульную залу, гдѣ составлялся малый капитулъ. По распоряженію гроссмейстера Винриха фонъ-Книпроде, число братіи для каждаго дома равнялось восемнадцати и состояло изъ 12 братій-рыцарей и 6 братій-священнослужителей. Въ главномъ же домѣ магистръ созывалъ ежегодно большой капитулъ, который состоялъ изъ комтуровъ, намѣстниковъ и всѣхъ должностныхъ лицъ. На этомъ капитулѣ комтуры и намѣстники должны были представлять отчетъ по управленію ввѣренныхъ имъ должностей [3]). Здѣсь же подвергались обсужденію и утверждались проекты дальнѣйшихъ дѣйствій ордена и внутреннія дѣла.

Слѣдующее главное помѣщеніе орденскаго замка — это трапезная (Remter, Reventer, Refectorium). Въ значительныхъ замкахъ обыкновенно зала эта, подобно часовнѣ и капитульной залѣ, была двунефная. Въ ней собиралась братія для общей трапезы, во время которой одинъ изъ братій-священниковъ, по принятому обычаю, читалъ свящ. Писаніе. Въ архитектурномъ отношеніи трапезная была украшена просто, но съ достоинствомъ; однако, что болѣе всего привлекало къ этой залѣ и что дѣлало ее наиболѣе удобной для пребыванія въ ней, это родъ воздушнаго отопленія, которое помѣщалось въ этажѣ, находившемся подъ трапезной и существованіе котораго можетъ быть доказано во многихъ развалинахъ.

Спальня (Dormitorium) помѣщалась также въ главномъ этажѣ зданія и соединялась съ внутренней галлереей. Дверь, ведущая въ это помѣщеніе, не должна была запираться и даже, по уставу, должна была быть рѣшетчатая для того, чтобы можно было наблюдать за спящими; кромѣ того, спальня должна была быть освѣщаема [4]).

---

hausen 1442 г. въ тайномъ орденскомъ архивѣ въ Кенигсбургѣ, изданномъ др. Е. Геннингомъ въ 1806 г. въ Кенигсбергѣ. Глава 38 правилъ... ist auch die schult so gross so sal man in (den Bruder) sunderen von der brudere gesellschaft unt sal nicht mit im essen an ir tische, man sal in sunder setzen. А также въ ст. 51 (Schönhut 50 у Геннинга) законовъ: Her sal vasten (der Priesterbruder) die vaste der leigen brudere di do buren (gebüren) unde sal sunderliche in einer kameren uf eine tisch laekin essen etc.

1) Ioh. Renner Livl. Historien, ed. Hausmann und Hölbaum. Göttingen 1876 г. Оригиналъ въ Бременской городской библіотекѣ съ портретами нѣкоторыхъ магистровъ.

2) Ordensstatut, Kap. I der Gesetze. Die Bruder sullen alle sontage da sie daheime sin und ez gesin mac kapitel halten etc.

3) Kapitel 9 der Gesetze.

4) Глава 9 правилъ: Wie unt wo die brudere sulen slafen. Alle die gesunden brudere ob ez mit vugen mac sin. die sulen slafen in einer stat bi einander. Ez en sie daz lichte der oberste dez ordens. das etliche brudere durch notdurft ir amte oder ettliche sachen anderswo slafen. unde sullen begurtet uf ir hemeden mit ir niedercleidern unt in ir hosen ligen. als ez wol geziemet geistlichen luten. Sunderlichen sul auch ieglicher ligen ez en sie danne, daz sich von grozer notdurft anders gevuget. An den steten do der brudere daz meiste teil slefet sul des nachtes lichtes nicht gebrechen. Zusatz zu Kap. 19 nach dem Grodenzschen Exempler.

Покои начальника находились отдѣльно отъ остальныхъ помѣщеній и нерѣдко состояли изъ нѣсколькихъ комнатъ. Въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ замкахъ была кромѣ того еще особая, небольшая трапезная, принадлежащая къ этимъ покоямъ и отличавшаяся весьма тщательною отдѣлкою. Кромѣ комтура — начальника одного или нѣсколькихъ замковъ, расположенныхъ въ одной мѣстности, въ нѣкоторыхъ домахъ существовала еще должность домашняго комтура (Hauskomtur) или кумпана. Во многихъ случаяхъ имѣлось также и для него отдѣльное помѣщеніе; въ нѣкоторыхъ замкахъ существовали, кромѣ того, особыя комнаты, предназначенныя для помѣщенія пріѣзжихъ гостей. Въ нижнемъ этажѣ находился входъ изъ (пригорода) чрезъ крѣпостныя ворота во внутренній дворъ, въ срединѣ котораго находился колодезь. Ворота обыкновенно были одностворчатыя и запирались крѣпкимъ деревяннымъ засовомъ; за ними присматривалъ сторожъ, жившій въ небольшой сторожевой комнаткѣ возлѣ воротъ. Возлѣ дороги, проходившей подъ воротами, находилось также и помѣщеніе для караула. Подъ трапезной обыкновенно помѣщалась кухня съ находившеюся возлѣ нея топкою. Остальныя помѣщенія служили квартирами гарнизона или въ нихъ устраивались кладовыя для храненія съѣстныхъ припасовъ и оружія; кромѣ того здѣсь еще иногда находились пріемные покои для раненыхъ и неопасно больныхъ братій; ими завѣдывалъ особый firmarienmeister. Въ главныхъ замкахъ, гдѣ имѣлись большія больницы (фирмаріи), ими завѣдывалъ особый Oberspittler[1]).

Часть постройки, на которую также обращалось большое вниманіе вслѣдствіе ея крайней необходимости, — отхожія мѣста, обыкновенно называвшіяся данскъ, данскеръ или данцкеръ. Они, по всему вѣроятію, строились обыкновенно изъ дерева. Предположеніе это можно основать на томъ, что отъ капитальныхъ построекъ въ лифляндскихъ замкахъ сохранились очень немногіе остатки подобныхъ каменныхъ построекъ. Данскеръ въ видѣ башнеобразной постройки находился около рва и имѣлъ соединеніе съ замкомъ посредствомъ галлереи. Вблизи данскера располагались обыкновенно шлюзы для наполненія водою крѣпостного рва[2]).

Верхній этажъ зданія занималъ идущій вокругъ крытый оборонный ходъ (Wehrgang); онъ былъ снабженъ маленькими отверстіями въ глубокихъ нишахъ, въ которыхъ помѣщались арбалетчики. Отверстія были снабжены висячими на двухъ горизонтальныхъ петляхъ деревянными ставнями, которыя защищали арбалетчиковъ отъ

Wir setzen von der brudere cellen daz die tur wite geteret (weit gegittert) sulen sin unde mit nichte behangen daz man wol darin muge sin wer darinne sei... Точно также нельзя было братіи разговаривать во время отъ complete (вечерняя молитва) до prime (утренняя молитва), если къ этому не имѣлось особо важныхъ причинъ.

[1]) Глава 3 правилъ предписываетъ, daz man in dem obersten huse. oder da der Meister mit dem kapitel zu rate wirdet spital habe zu allen ziten... In anderen huseren dises ordens die ane spital sint. sol man dik ein spital machen. ane des meisters sunderliche ordenunge mit der wisen brudere rute...

[2]) Названіе „данскеръ“ принято для этой постройки, какъ полагаютъ, въ видѣ ругательства или насмѣшки надъ жителями г. Данцига. Сравни Zeitschrift des Preussischen Geschichtsvereins 1880. C. Täppen: Zur Baugeschichte der Ordens- und Bischofsburgen. По G. Köhler Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegsführung in der Ritterzeit (Breslau 1886 — 87) Bd. 3. 453 можно было бы полагать, что названіе это стало употребляться только послѣ сооруженія въ 1380 г. „Stockturm“. Сравни также A. v. Essenwein 0,8. 137.

непріятельскихъ выстрѣловъ и въ то же время, благодаря своей подвижности, позволяли наблюдать за непріятелемъ.

Къ числу главнѣйшихъ частей каждаго орденскаго замка также принадлежитъ большая сторожевая башня, составлявшая въ то же время и послѣднее убѣжище осажденныхъ, французскій donjon, по-англійски keeptower или просто keep.

Эта башня, какъ уже выше было упомянуто, составляла послѣднее убѣжище осажденныхъ, а въ меньшихъ замкахъ, находившихся во владѣніи вассаловъ, въ ней помѣщались покои владѣльца, если для этой цѣли не было особыхъ деревянныхъ или каменныхъ построекъ. Стѣны этой башни отличались толщиною и возводились очень тщательно, нерѣдко даже изъ тесанаго камня или изъ кирпича съ углами, облицованными тесанымъ камнемъ (башня Вейсенштейна). Фундаменты закладывались на значительной глубинѣ и, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обкладывались еще камнями, чтобы затруднить подкапываніе ихъ со стороны непріятеля. Входъ въ башню былъ или изъ верхняго этажа посредствомъ подъемнаго моста или, находясь на высотѣ 4—5 метровъ надъ поверхностью земли, былъ доступенъ при помощи деревянной приставной лѣстницы, которая втягивалась вовнутрь. Витая лѣстница, помѣщавшаяся въ толщѣ стѣны, соединяла между собою отдѣльные этажи, снабженные обыкновенно сводами, а нѣкоторые изъ нихъ и отопленіемъ. Первый, лежащій глубоко въ землѣ, этажъ составлялъ доступную только сверху посредствомъ отверстія въ сводѣ кладовую, скудно освѣщавшуюся узкою щелью въ стѣнѣ. Столь часто приписываемое этимъ башнямъ назначеніе служить мѣстомъ заточенія ничѣмъ не доказывается, хотя весьма возможно, что въ нихъ помѣщались на первыхъ порахъ военноплѣнные. Сверху башня заканчивалась крышей, имѣвшей очень крутой скатъ для болѣе легкаго соскальзыванія смоляныхъ стрѣлъ и другихъ зажигательныхъ снарядовъ. Очень часто вершина башни имѣла деревянную выступающую надстройку, на стѣнкахъ которой лежали стропила крыши, а въ полу выступающей части находились отверстія, черезъ которыя, оставаясь самому закрытымъ, можно было бы стрѣлять или лить кипящую смолу и т. п. на непріятеля, подкапывающагося подъ фундаменты башни. Количество другихъ башенъ, равно и ихъ расположеніе въ отдѣльныхъ замкахъ не постоянны. Иногда въ замкахъ имѣется всего только одна сторожевая башня (Виндава). Только съ XIV вѣка, когда при постройкахъ замковъ начинаетъ преобладать четыреугольная форма, по угламъ зданій появляются бо́льшія или меньшія фланкирующія башни, и, кажется, на ряду съ круглой формой, употреблявшейся въ старинныхъ замкахъ, появляется четыреугольная форма башенъ.

Вокругъ цѣлаго зданія тянулась болѣе или менѣе широкая терасса (Parcham); за ней слѣдовалъ ровъ, черезъ который со стороны пригорода былъ перекинутъ мостъ.

Нѣкоторые замки имѣли по нѣскольку пригородовъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга рвами, которые, смотря по мѣстоположенію замка, были сухіе или наполнены водою. Пригороды были окружены высокою оборонною стѣною (Wehrmauer), вокругъ которой съ внутренней стороны тянулся оборонный ходъ. Часто встрѣчается также и деревянная надстройка, сходная съ таковою въ сторожевой башнѣ, такъ называемая Letze, чѣмъ достигалась бо́льшая ширина оборроннаго хода. Вершина стѣнъ была зубчатая съ бой-

ницами въ зубцахъ. Во внутреннемъ пригородѣ помѣщались большіе амбары для склада зерна и съѣстныхъ припасовъ, конюшни и хлѣва, жилища наемныхъ воиновъ и склады для такъ называемыхъ Carvane или военной аммуниціи, которой завѣдывалъ Carbisherr, или начальникъ оруженосцевъ. Подобнымъ же образомъ были застроены и другіе пригороды. Тамъ же помѣщались и разнаго рода мастерскія.

Въ то время какъ прусскіе орденскіе замки почти безъ исключенія возводились изъ кирпича и имѣли чрезвычайно привлекательную наружность, орденскіе замки въ Прибалтійскомъ краѣ, построенные вслѣдствіе необходимости изъ известняка или булыжника, имѣли грубую, отталкивающую внѣшность, которая, впрочемъ, не оказывала вліянія на уютность внутренняго устройства и живописность вида, получаемаго вслѣдствіе группировки различныхъ корпусовъ замка. Сравнительно рѣдко употребляется кирпичъ въ видѣ преобладающаго строительнаго матеріала. Въ большинствѣ случаевъ, даже въ тѣхъ постройкахъ, которыя можно бы было по наружному виду считать кирпичными, этотъ послѣдній употреблялся только для облицовки стѣнъ (Люцинъ, Нейгаузенъ). При отдѣлкѣ внутреннихъ частей зданія кирпичъ употреблялся для облицовки дверныхъ и оконныхъ откосовъ, на постройку сводовъ и половъ. Стѣны штукатурились и красились или, согласно древнему обычаю, драпировались коврами, или же облицовывались деревомъ.

Кромѣ главныхъ замковъ Риги (до 1470 года резиденція магистра), Фелина (1470—1484) и Вендена (избраннаго въ 1484 г. Вальтеромъ фонъ-Плетенбергомъ резиденціей магистровъ) въ Прибалтійскомъ краѣ существовали еще слѣдующія комтурства: Ашераденъ, Добленъ, Динабургъ, Дюнамюнде (съ 1313 г., до этого времени аббатство цистерскихъ монаховъ; въ этомъ же 1313 году монастырь былъ перенесенъ на лѣвый берегъ Двины), Гольдингенъ[1]), иначе замокъ Іисуса (Iesusburg), отдѣланный великолѣпно во времена курляндскихъ герцоговъ (теперь развалина), Леаль (въ качествѣ комтурства только до XV вѣка), Маріенбургъ, Митава (на мѣстѣ орденскаго замка выстроенъ герцогскій дворецъ), Пернава, Ревель (съ 1348 г. послѣ фактическаго присоединенія Эстляндіи къ орденскимъ землямъ), Зегевольде, Талькгофъ и Вейссенштейнъ. Въ качествѣ самостоятельнаго комтурства Волькенбургъ, кажется, пересталъ существовать со времени основанія Динабурга[2]). Кромѣ того существовало еще множество замковъ, которыми завѣдывали намѣстники или попечители (Vogte) и которые въ архитектурномъ отношеніи не всегда уступали комтурскимъ замкамъ. Изъ всего этого числа замковъ уцѣлѣла только самая незначительная часть, да и тѣ до того перестроены, что только съ величайшимъ трудомъ можно опредѣлить части, принадлежащія къ первоначальной постройкѣ. Большинство ихъ лежитъ въ развалинахъ, покрытыхъ саженной высоты кучами мусора, поросшаго травою и мхомъ, многія же изъ нихъ, несмотря на запрещенія, составляютъ еще и теперь

---

[1]) Гольдингенскій комтуръ исправлялъ въ Курляндіи, кажется, должность провинціальнаго магистра. Въ грамотѣ отъ 10 августа 1290 г. (U. B. 536) говорится, что всѣ комтуры и братія въ Курляндіи должны подчиняться ему подобно магистру.

[2]) Сравни W. Neumann. Die Ordensburgen in Poln. Livl. a. a. o.

довольно прибыльныя каменоломни, вслѣдствіе чего даже скромная мечта сохраненія этихъ развалинъ въ видѣ украшенія мѣстности съ каждымъ годомъ разсѣивается.

Послѣ этихъ вступительныхъ словъ, дающихъ общую характеристику устройства орденскихъ замковъ, перейдемъ къ описанію тѣхъ замковъ, которые лучше всего сохранились или, хотя и находятся въ развалинахъ, но состояніе которыхъ позволяетъ ясно опредѣлить ихъ первоначальный видъ.

Зданіе бывшаго *орденскаго замка въ Ригѣ* вслѣдствіе новѣйшихъ пристроекъ и передѣлокъ измѣнило совершенно свой видъ; однако, благодаря тому обстоятельству, что главныя части уцѣлѣли, а также при помощи старыхъ плановъ, можно было его реконструировать въ первоначальномъ видѣ.

Первое поселеніе ордена меченосцевъ, подворье св. Георгія, находилось внутри городскихъ стѣнъ, на мѣстѣ, занимаемомъ теперь госпиталемъ во имя Св. Духа, гдѣ еще и теперь видны остатки стѣнъ старинной церкви св. Георгія. Этотъ первоначально построенный для 60 братій-меченосцевъ замокъ служилъ до 1297 г. главнымъ помѣщеніемъ братіи тевтонскаго ордена; въ этомъ году разгорѣлась ожесточенная борьба между орденомъ и горожанами, которые, взявъ замокъ, разрушили его совершенно[1]). Эта междоусобица окончилась только въ 1330 г. подчиненіемъ города ордену.

Новый орденскій замокъ былъ выстроенъ магистромъ Эбергардомъ фонъ-Мунгеймомъ на сѣверной окраинѣ города. Городъ долженъ былъ уступить ордену участокъ земли и часть укрѣпленій съ башнею Св. Духа, названною такъ отъ близь лежащаго госпиталя Св. Духа[2]). Этотъ замокъ былъ опять разрушенъ горожанами въ 1483 г., однако послѣдніе должны были вскорѣ отстроить его на свои средства. Кажется, постройка была доведена до конца только въ 1515 г. судя по числу, помѣщенному въ подписяхъ подъ статуями Богоматери и Вальтера фонъ-Плетенберга, находящимися надъ внутренними замковыми воротами. Поврежденія, нанесенныя замку, не были очень велики, такъ какъ между началомъ разрушенія (по лѣтописи 109 красной книги inter Archiepiscopalia[3]) 17 іюня былъ взятъ Пиперъ (Piperthurm), а 15 августа разрушена свинцовая башня) и началомъ переговоровъ находится промежутокъ времени въ нѣсколько мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что главныя стѣны — часовня составляютъ часть постройки, возведенной магистромъ Эбергардомъ фонъ-Мунгеймомъ, который, по словамъ лѣтописцевъ, положилъ основной камень въ день свв. Витта и Модеста (15 іюня)[4]).

Замокъ помѣщался на островѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ рвами, наполненными водою, а съ четвертой, западной, прилегалъ къ Двинѣ. Входъ въ замокъ былъ съ сѣвера, чрезъ два пригорода (рис. 24). Главное зданіе представляется

---

[1]) H. v. Wartberge Chronic. Livon. 5 S. Rer. Pruss. II (см. также лѣтопись Любекскаго канцлера Альбрехта фонъ-Бардевика въ Bunges Arschiv II. 2 изданіе.

[2]) Der Nackende und der Lühnebrief U. B. № 740 и 741.

[3]) SS. Rer. Livonic. II. S. 790.

[4]) Chronic Vigendis Marburgensis. Posen 1842, стр. 32.

въ планѣ состоящимъ изъ четырехъ флигелей, окружающихъ почти квадратный дворъ. Углы замка укрѣплены двумя большими круглыми и двумя меньшими четыреугольными башнями. Въ сѣверо-западномъ углу возвышается древняя башня, составлявшая

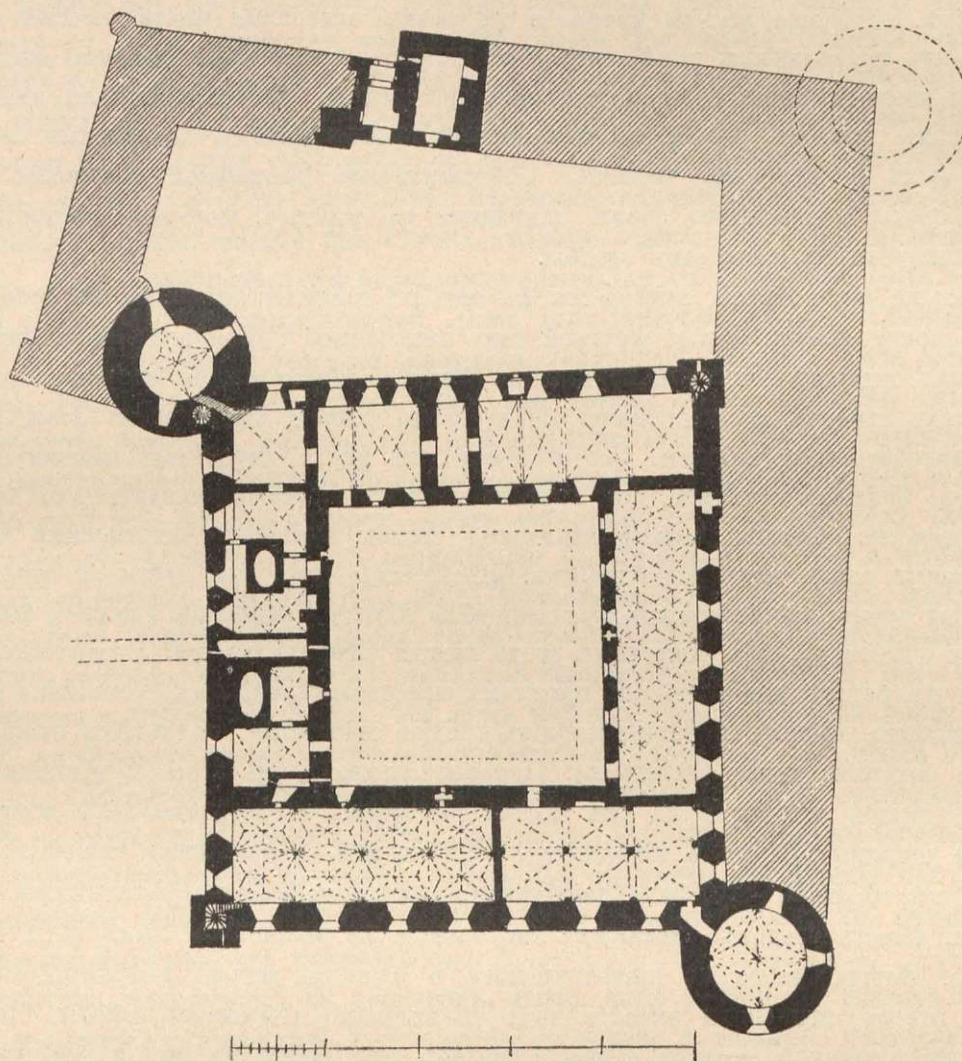

Рис. 24. Рижскій замокъ.

нѣкогда часть городскихъ укрѣпленій, построенная въ XIII вѣкѣ, такъ какъ укрѣпленія этой части города были окончены только около 1300 г.

Пятая, теперь уже не существующая, круглая башня, въ идущей къ Двинѣ съ востока на западъ стѣнѣ, находилась къ сѣверу отъ главнаго зданія и отличалась, судя по рисунку замка у Меріама (1652 г.), значительнымъ діаметромъ и высотою, такъ что въ ней можно было бы предполагать сторожевую башню. Она соединялась съ пригородомъ стѣною, имѣвшею оборонный ходъ, и, кажется, была доступна только съ послѣдняго. Покрытыя звѣздчатыми сводами замковыя ворота были расположены въ сѣверо-восточномъ крылѣ въ нѣсколько уклоняющемся къ востоку направленіи (вслѣдствіе стратегической предосторожности, чтобы защитить внутренній дворъ отъ

прямого пропуска непріятельскихъ выстрѣловъ). Дворъ былъ окруженъ деревянными галлереями и въ срединѣ его помѣщался колодезь.

Помѣщенія нижняго этажа, насколько они принадлежатъ къ первоначальной постройкѣ, отдѣланы весьма просто и въ этомъ отношеніи почти ничѣмъ не отличаются отъ подвальныхъ помѣщеній. Они покрыты крестовыми сводами, коихъ ребра и гурты имѣютъ простое прямоугольное, поперечное сѣченіе. Подвалы имѣются не подо всѣмъ зданіемъ. Сѣверный и западный крылья имѣютъ подвальныя помѣщенія только подъ нѣкоторыми частями. Соотвѣтственно двунефной постройкѣ южнаго крыла, своды подвальнаго этажа опираются на толстые, короткіе, съ восьмиугольнымъ поперечнымъ сѣченіемъ столбы.

Больше разнообразія замѣчается въ отдѣлкѣ главнаго этажа, въ которомъ помѣщались покои братіи. Около круглой такъ называемой Свинцовой башни находилась двунефная орденская часовня во имя св. Андрея. Потолокъ ея состоялъ изъ шести крестовыхъ сводовъ съ подобными же гуртами, какъ и въ нижнемъ этажѣ, однако съ валикообразными ребрами. Своды лежатъ на двухъ стройныхъ восьмиугольныхъ столбахъ. Стѣнныя консоли для гуртовъ имѣютъ видъ пирамидальныхъ брусковъ. Подобнымъ же образомъ вмѣсто капителей столбы закончены небольшими откосами съ идущимъ вдоль нихъ углубленіемъ. Вслѣдствіе того, что гурты за отсутствіемъ мѣста для оконъ, закрываемыхъ находящеюся вблизи Свинцовою башнею, были передвинуты къ сѣверу, оба восточные свода вышли неправильными. Находящееся возлѣ часовни въ башнѣ помѣщеніе съ простымъ крестовымъ сводомъ составляло ризницу. Окна часовни, высокія и узкія, имѣютъ гладко срѣзанныя, съ обѣихъ сторонъ скошенныя боковыя стѣнки (Leitungen). Первоначальная длина этого помѣщенія, раздѣленнаго теперь потолкомъ на двѣ части, составляла въ среднемъ 20,7 метр. при 10 метрахъ ширины. Въ томъ же флигелѣ помѣщалась и трапезная конвента, примыкавшая къ часовнѣ. Это была двунефная, покрытая восемью звѣздчатыми сводами комната. Шесть сводовъ, лежащихъ на такихъ же колоннахъ, какъ и въ часовнѣ, уцѣлѣло. Острое ребро не профилировано и сложено весьма небрежно, такъ что, вообще говоря, эти своды имѣютъ видъ чрезвычайно небрежной работы. Впрочемъ, при соотвѣтственной окраскѣ стѣнъ и сводовъ, помѣщеніе это могло все-таки имѣть довольно привлекательный видъ. Длина этого помѣщенія 27,5, ширина 10,5 метр. Всю восточную сторону замка, между сѣвернымъ и южнымъ флигелями, занимаетъ капитульный залъ, покрытый красивымъ и богатымъ звѣздчатымъ сводомъ. Сводъ этомъ былъ срытъ въ 1783 г. при устройствѣ съ восточной стороны такъ называемаго намѣстническаго зданія вмѣсто существовавшаго съ 1682 г. шведскаго цейхгауза. Залъ освѣщался расположенными въ обѣихъ стѣнахъ рядомъ большихъ оконъ. Подобно трапезной, этотъ залъ, имѣвшій 31,6 метр. длины при 9,2 метр. ширины, раздѣленъ потолкомъ на два этажа, а нѣсколькими поперечными стѣнами — на отдѣльныя, небольшія помѣщенія. 5-го марта 1562 г. въ этой залѣ разыгрался послѣдній актъ лифляндской самостоятельности, когда послѣдній магистръ Готтардъ Кетлеръ сложивъ орденскій плащъ, замѣнилъ его герцогскою короною Курляндіи. Прилегая къ капитульной залѣ, въ сѣверномъ крылѣ помѣщалась общая спальня

братіи, покрытая такими же крестовыми сводами, какъ и помѣщенія перваго этажа. Слѣдующее узкое помѣщеніе, находившееся надъ воротами и отдѣляющее спальню братіи отъ покоевъ магистра, могло служить квартирою домоваго комтура. Покои магистра помѣщались въ остальныхъ частяхъ сѣвернаго крыла, а также и въ отдѣленіи башни св. Духа, имѣвшемъ звѣздчатый сводъ. Въ первой большой комнатѣ, находящейся возлѣ предполагаемаго помѣщенія домоваго комтура, кажется, можно полагать vorreventer (Vorremter), который, на основаніи такъ-называемаго Вольмарскаго уговора (Wolmarsche Absprache) 30 марта 1491 г., долженъ былъ быть возстановленъ въ числѣ другихъ построекъ. Въ крылѣ, идущемъ вдоль Двины, помѣщались громадныя трубы, шедшія изъ кухонъ нижняго этажа; назначеніе же лежащихъ возлѣ нихъ отдѣльныхъ помѣщеній невозможно опредѣлить съ точностью. Быть можетъ, это были покои для пріѣзжихъ гостей, такъ какъ отсутствіе такихъ комнатъ въ главномъ орденскомъ замкѣ, куда по временамъ собиралось большое число пріѣзжихъ орденскихъ сановниковъ, немыслимо, или, что также весьма вѣроятно, въ нихъ жили орденскіе сановники, имѣвшіе свое мѣстопребываніе при магистрѣ, какъ наприм. трапиръ (завѣдывавшій храненіемъ и выдачею оружія и платья), Oberspittler и т. д.[1]).

Узкій проходъ, идущій поперекъ чрезъ это крыло, велъ къ данскеру, который, судя по рисунку, помѣщенному въ космографіи Себастіана Мюнстера и изображающему Ригу въ первой четверти XVI вѣка, былъ выстроенъ изъ дерева, равно какъ и ходъ къ нему, ведущій отъ Двины чрезъ терассу (Parcham) и покоившійся на деревянныхъ столбахъ, оставлявшихъ свободный проходъ подъ галлереей. Весь верхній ярусъ составлялъ оборонный этажъ. Въ немъ имѣлись только глубокія ниши съ небольшими отверстіями, закрывавшимися деревянными ставнями. Въ этихъ нишахъ помѣщались арбалетчики. Изъ этого яруса, какъ кажется, чрезъ пригородъ было сообщеніе со сторожевой башней. Витыя лѣстницы, расположенныя въ башняхъ, сообщали оборонный ярусъ съ нижними этажами. Для увеличенія помѣщенія при устройствѣ губернскаго правленія оборонный ярусъ былъ возвышенъ на 1,65 метра и въ немъ сдѣланы квартиры для чиновниковъ.

Постройки, находящіяся въ пригородѣ, равно какъ и замокъ, подвергались во времена польскаго и шведскаго владычества, а также и позднѣе, неоднократнымъ перестройкамъ и передѣлкамъ. Къ числу уцѣлѣвшихъ остатковъ нижнихъ построекъ относятся ворота въ пригородѣ съ лежащимъ возлѣ нихъ помѣщеніемъ для привратника, которыя, по словамъ Германа фонъ-Вартберга, были выстроены въ 1371 г. магистромъ Вильгельмомъ фонъ-Фримерсгеймомъ. Этотъ же магистръ выстроилъ и находившуюся тогда въ пригородѣ фирмарію (больницу). Довольно интересна въ артистическомъ отношеніи вышка (Ercker) временъ шведскаго владычества. Она украшена разными рельефами, выстроена, судя по надписи, въ 1649 г. и находится въ сѣверо-западномъ углу зданія пригорода.

---

[1]) Слѣдующее высшее послѣ магистра должностное лицо ордена — ландмаршалъ, или главнокомандующій всѣми военными силами ордена, имѣлъ свое постоянное пребываніе, подобно комтурамъ, въ отдѣльномъ замкѣ.

Къ числу величественнѣйшихъ построекъ въ области ордена можно безспорно отнести зàмокъ Феллинскаго комтурства.

Основаніе комтуріи, по словамъ Германа фонъ-Вартберга, относится къ эпохѣ самостоятельности ордена меченосцевъ и приписывается магистру Вольквину (1209 — 1236), который сразу соорудилъ, какъ это положительно утверждаетъ лѣтописецъ, всю постройку изъ камня. Феллинскій замокъ, расширяемый и укрѣпляемый въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, принадлежитъ къ числу великолѣпнѣйшихъ и наиболѣе живописно расположенныхъ въ краѣ. Лѣтописецъ Іоганъ Реннеръ[1]) приводитъ въ восьмой главѣ своихъ Историй (говоря о взятіи замка въ 1577 г. русскими) подробное описаніе этого замка, въ которомъ ему, вѣроятно, не разъ приходилось бывать со своимъ начальникомъ, попечителемъ (Vogt) Іервенскаго замка, при которомъ онъ, Реннеръ, состоялъ секретаремъ: Dit schlot Vellin is groth u sterk van gebuvete, heft int suiden eine standen see, dar idt up einem steigeln berge licht, int westen heft idt ock steigele velsen, int osten licht de stadt dar an, dar moth men over 2 bruggen und 10 gemuirde und beschlaten porten, er men up de rechten overborch kumpt, welche meist over al mit blie gedecket, desgeliken kein schlot in Livland was, heft ock vele gebuwete an kameren, gemaken und capellen in der erden und is ein kaiserliche borch. (Этимъ выраженіемъ авторъ, вѣроятно, хотѣлъ указать на прекрасную и величественную отдѣлку замка) und wen de knechte (Landsknechte) sich rechte geholden, were idt nicht gewunnen. Во время шведско-польской войны въ 1602 г. поляки, подъ предводительствомъ Замойскаго и извѣстнаго начальника ландскнехтовъ Юргена Фаренсбаха, осаждали замокъ, въ которомъ находился шведскій гарнизонъ. Только благодаря неустрашимости Фаренсбаха, полякамъ удалось послѣ нѣсколькихъ штурмовъ овладѣть зàмкомъ и то лишь тогда, когда шведы, не желая отдать зàмка, взорвали его. Фаренсбахъ умеръ вскорѣ отъ ранъ, полученныхъ при штурмѣ.

Въ 1878 г. были произведены раскопки и открыта часть старыхъ стѣнъ[2]). Эти раскопки чрезвычайно богаты въ научномъ отношеніи. Здѣсь было найдено большое число архитектурныхъ деталей, частей колоннъ, изразцовъ съ великолѣпными рельефными изображеніями бѣлаго, синяго, зеленаго и коричневаго цвѣта, оружія и проч. Всѣ эти предметы находятся въ маломъ Феллинскомъ музеѣ. Особенно замѣчательны предметы, относящіеся къ каменной скульптурѣ: капители, колонны и пр., принадлежащія почти безъ исключенія къ эпохѣ полнаго развитія готическаго стиля. Найденныя капители, изобилующія орнаментальными и животными изображеніями, отличаются богатствомъ формъ и глубиною фантазіи. Въ числѣ капительныхъ орнаментовъ между прочими находятся иллюстраціи къ баснѣ о лисицѣ и аистѣ.

Третій главный орденскій замокъ, Венденъ, подобно Феллину, въ настоящее время представляетъ чрезвычайно живописную развалину.

---

[1]) Johann Renners livländische Historien, ed. Hausmann und Höhlbaum 1876.

[2]) Раскопки производились подъ руководствомъ доктора Шиманна (Dr. Th. Schiemann).

Венденскій замокъ, въ которомъ до 1210 года братія жила совмѣстно съ вендами, былъ выстроенъ на старомъ городищѣ, находившемся на Орѣховой горѣ. Судя по остаткамъ стѣнъ, найденнымъ въ старомъ городищѣ, оно было, вѣроятно, укрѣплено рыцарями[1]). Въ 1209 г. магистръ Волькwинъ предпринялъ постройку новаго замка на мѣстѣ теперешнихъ развалинъ.

Съ перенесеніемъ резиденціи орденскихъ магистровъ Вальтеромъ фонъ-Плеттенбергомъ (1484) замокъ былъ увеличенъ и получилъ великолѣпную артистическую отдѣлку, которая видна еще и теперь. Хотя наружныя стѣны, сложенныя изъ необтесаннаго известняка, кирпича и булыжника, и не маскировали военнаго назначенія этой постройки, внутренность замка говорила, что эти помѣщенія по своей отдѣлкѣ достойны были служить для пребыванія имперскаго князя. Въ 1577 г. Венденъ былъ осажденъ и бомбардированъ русскими, пребывавшими въ краѣ съ весны подъ начальствомъ царя Іоанна Грознаго. Послѣ отчаянной трехдневной обороны небольшой гарнизонъ замка съ частью горожанъ и ихъ семействами взорвался, чтобы избѣгнуть плѣна. Относительно мѣста, въ которомъ произведенъ былъ взрывъ, современныя свѣдѣнія не согласуются: всего вѣроятнѣе, взрывъ былъ произведенъ въ часовнѣ, куда собрались всѣ лица, шедшія на смерть, чтобы пріобщиться св. таинъ, и подъ которою находилось нѣсколько бочекъ пороху, который и былъ зажженъ при помощи длиннаго фитиля рыцаремъ Генрихомъ Бойсманомъ, стоявшимъ у окна. Послѣ взятія замка царь Іоаннъ Грозный приказалъ возстановить укрѣпленія, а уже въ слѣдующемъ году замокъ былъ въ состояніи выдержать вторичную бомбардировку и отбить троекратный приступъ; во время шведскаго владычества нѣкоторыя помѣщенія и ихъ своды были еще въ цѣлости, но и они были разрушены въ 1604 году шведскимъ гарнизономъ будто бы отъ случайнаго взрыва[2]).

Замковый дворъ, окруженный постройками, состоящими изъ трехъ флигелей, имѣетъ въ планѣ форму трапеціи. Сѣверный, западный и южный углы защищаются башнями. Сѣверная и южная башни круглы, западная же, внизу квадратная, переходитъ (см. рис. № 25) въ круглую только въ верхнихъ этажахъ. Съ восточной стороны выступаетъ часовня престольной стѣной далеко за линію стѣнъ флигеля. Дорога въ замокъ шла съ сѣвера чрезъ ворота пригорода, сѣверная оборонная стѣна котораго составляла въ то же время часть городской стѣны. Отъ юго-восточнаго угла часовни, параллельно стѣнамъ ея, шла стѣна, отдѣлявшая внѣшній пригородъ отъ внутренняго, воротныя укрѣпленія котораго защищались сильной башней, такъ называемой Lademacherthurm. Далѣе дорога проходила вдоль южной стороны главнаго замка (Hochschloss) чрезъ ровъ, мимо предмостнаго укрѣпленія съ приспособленіемъ для запруживанія воды, къ главнымъ воротамъ замка, получавшимъ подкрѣпленіе отъ выступающей въ этомъ мѣстѣ западной башни, съ которой можно было обстрѣливать

---

[1]) G. Vierhuff — Wo lag die Burg Alt-Wenden. Riga 1884. 8.

[2]) Объ осадѣ Вендена царемъ Іоанномъ Грознымъ см. Rothleff Georg, Der Fall Wendens, Baltische Monatsschrift, Bd. XXXV. § 388 u. fol.

мостъ точно такъ же, какъ и съ болѣе отдаленной круглой, южной башни. Вправо отъ входа въ замковый дворъ находилась лѣстница, ведшая къ внѣшней галлереѣ, съ которой былъ доступъ къ помѣщеніямъ, находившимся въ главномъ этажѣ замка. Непосредственно возлѣ лѣстницы находилась дверь, ведшая въ большую, покрытую звѣздчатымъ сводомъ залу, быть можетъ имѣвшую назначеніе пріемной, представительной или же капитульной залы, къ которой примыкали помѣщавшіеся въ западной башнѣ покои магистра. Это помѣщеніе въ башнѣ еще и теперь покрыто великолѣпнымъ сѣтчатымъ сводомъ, замки́ котораго покрыты вызолоченными звѣздочками на голубомъ фонѣ. Главныя ребра свода покоятся на красиво исполненныхъ и покрытыхъ виноградными листьями и гроздями угловыхъ консоляхъ; отдѣлка консолей и свода, а также красиво профилированные кирпичи дверныхъ стѣнокъ, позволяютъ вывести заключеніе объ архитектурной отдѣлкѣ остальныхъ помѣщеній, которыя въ настоящее время находятся, къ сожалѣнію, въ совершенно разрушенномъ видѣ.

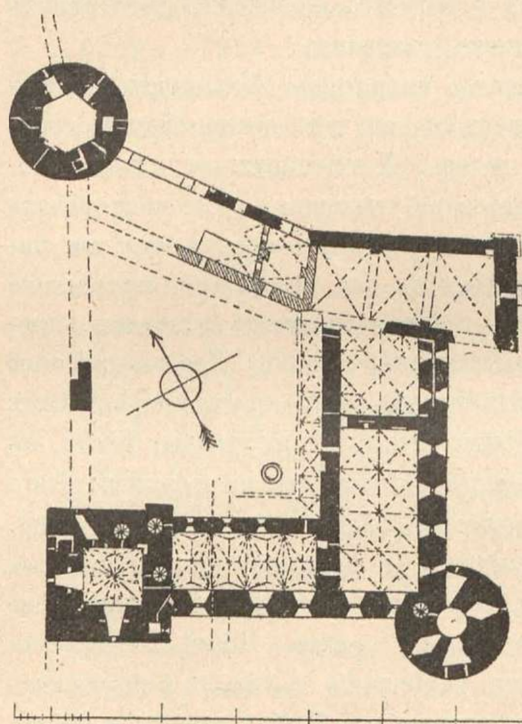

Рис. 25. Венденскій замокъ.

Подобныя же консоли находятся и въ вышеозначенной залѣ, которая сообщалась съ двунефной трапезной и, въ свою очередь, въ сѣверо-западномъ направленіи, примыкала къ ней небольшая зала, потолокъ которой поддерживался одной колонной, находившейся въ срединѣ комнаты. Къ южному углу трапезной примыкала круглая башня, которая еще и теперь сохранилась на довольно значительной высотѣ и къ верхнему этажу которой вела помѣщавшаяся въ толстой стѣнѣ витая лѣстница. Въ подвальномъ этажѣ этой башни находится круглое помѣщеніе, имѣющее сходство съ казематами; оно было доступно только изъ перваго этажа чрезъ небольшое отверстіе въ куполообразномъ сводѣ и освѣщалось длиннымъ, узкимъ, идущимъ глубоко внизъ наклоннымъ прорѣзомъ стѣны. Это помѣщеніе имѣетъ діаметръ равный 4,1 метра при толщинѣ стѣнъ въ 4,75 метра. Изъ находящагося подъ трапезной кухоннаго помѣщенія, имѣвшаго полъ, сложенный изъ известковыхъ плитъ, была проведена ко рву отводная труба. Надъ главнымъ этажемъ, на одной высотѣ съ трапезной, помѣщался оборонный этажъ, коего бойницы заканчивались подъ сильно выступающимъ и замыкающимъ этотъ этажъ арковымъ фризомъ. Надъ оборопнымъ этажемъ имѣется еще чердачный, украшенный изящнымъ дуговымъ фризомъ ярусъ. Къ выступающей съ востока часовнѣ примыкаетъ идущее къ западу длинное крыло, въ главномъ этажѣ котораго могла помѣщаться капитульная зала. Въ пользу этого предположенія говоритъ, по крайней мѣрѣ, расположеніе этой залы непосредственно возлѣ часовни.

Сѣверный уголъ этого крыла укрѣпленъ круглой башней, отъ которой осталась только незначительная часть развалинъ. Отъ этой башни шла въ прямомъ направленіи къ западной башнѣ стѣна, оборонный ходъ которой, какъ кажется, доступенъ былъ съ обѣихъ башенъ. Укрѣпленіе Орѣховой горы соединялось съ главнымъ орденскимъ замкомъ посредствомъ деревяннаго моста, лежавшаго на каменныхъ столбахъ, слѣды коего видны на стѣнѣ сѣверной башни.

Вдоль западной, южной и восточной сторонъ внутренняго пригорода находился рядъ второстепенныхъ построекъ, которыя непосредственно прилегали къ оборонной стѣнѣ; въ западной же сторонѣ, кромѣ того, находилась возлѣ самаго края рва круглая башня, соединявшая городскія укрѣпленія съ замкомъ.

Единственнымъ скуднымъ матеріаломъ для опредѣленія времени постройки отдѣльныхъ частей замка служатъ остатки профилированныхъ кирпичей. Судя по этимъ остаткамъ, можно было бы полагать, что часовня составляетъ самую старинную часть постройки, такъ какъ здѣсь, въ сѣверной стѣнѣ, сохранился остатокъ каменной консоли и пяты свода, ребра котораго и профили гурта имѣютъ круглый разрѣзъ, что приблизительно могло бы указывать на XIII столѣтіе. Ребра сводовъ южнаго крыла имѣютъ стройный грушевидный профиль, который появляется только въ концѣ XIV вѣка. Быть можетъ, въ концѣ XV вѣка, при Плеттенбергѣ, въ числѣ другихъ перестроекъ были также покрыты сводами и находившіяся здѣсь помѣщенія[1]).

Къ числу красивѣйшихъ развалинъ орденскихъ замковъ принадлежитъ довольно важный замокъ Бауске въ Курляндіи, расположенный въ углу, при сліяніи рѣкъ Мемеля и Муссы, составляющихъ съ этого мѣста рѣку Курляндскую Аа. Замокъ состоитъ изъ двухъ частей, которыя по теченію рѣкъ можно было бы назвать верхнимъ и нижнимъ замкомъ. Послѣдній, возведенный на мѣстѣ разрушеннаго ранѣе Мезотена[2]), меньшаго размѣра по своему плану, можетъ считаться болѣе старымъ и относиться приблизительно къ первой половинѣ XIV вѣка, такъ какъ о времени его сооруженія нѣтъ документальныхъ данныхъ. Верхній замокъ, отличающійся большею правильностью, можетъ принадлежать къ половинѣ XV вѣка. Точно также и тутъ приходится опредѣлять время постройки только приблизительно. Лѣтописецъ I. Г. Арндтъ въ спискѣ городовъ, замковъ, укрѣпленій и пр., приложенномъ ко второй части его хроники, говоритъ, что замокъ былъ выстроенъ въ 1456 г. магистромъ Іоганномъ Остгофомъ фонъ-Менгденомъ, а болѣе древній лѣтописецъ Вальтасаръ Руссовъ приписываетъ его постройку магистру Гейденрейху Финке фонъ-Обербергу (1438—1450), предшественнику Менгдена, не приводя, однако, времени постройки. Однако 1456 годъ скорѣе можетъ относиться къ постройкѣ верхняго замка. Чрезвычайно интересно въ нижнемъ замкѣ сооруженіе воротныхъ укрѣпленій, защищаемыхъ двумя башнями: одной большой, полукруглой и одной меньшей, совершенно круглой. Обѣ башни имѣютъ

---

[1]) О Венденскомъ замкѣ см. C. v. Löwis, Wenden vor 200 Jahren. Sitzungsberichte der Gessellschaft für Gesch. u. Altertumsk. Riga. 1889.

[2]) Въ 1341 г. было опять основано въ Мезотенѣ орденское укрѣпленіе (Арбузовъ, Grundriss einer Geschichte Liv-, Kur- und Estlands, стр. 72); возможно однако, что для этого укрѣпленія было избрано новое мѣсто, и только названіе „Bauskenburg“, замокъ или домъ „Thom Busche“, было дано впослѣдствіи.

довольно значительную высоту. Подобное же устройство замковыхъ воротныхъ укрѣпленій видно и въ остаткахъ развалинъ Двинскаго (Динабургскаго) замка [1]). Во время произведенныхъ въ 1881 г. раскопокъ въ замкѣ найдено была нѣсколько интересныхъ остатковъ скульптурныхъ работъ, относящихся ко времени перестройки восточнаго крыла курляндскими герцогами. Въ числѣ найденныхъ предметовъ находится большой треугольный камень, составлявшій, кажется, гевель надъ дверью; вдоль катетовъ этого камня идетъ красивый карнизъ, а въ тимпанонѣ помѣщается бюстъ какого-то бородатаго рыцаря въ шлемѣ. Два большіе камня съ мотивами поздняго возрожденія и годомъ 1596, слѣдовательно, относящіеся ко времени герцога Фридриха, были, по всему вѣроятію, предназначены для украшенія параднаго крыльца. На сильномъ цоколѣ, имѣющемъ два карниза съ красивымъ профилемъ, возвышались бороздчатые іоническіе пилястры, поддерживавшіе элегантный главный карнизъ. Надъ ними возвышается пирамидальная покрышка, ребра которой усажены маленькими краббами, напоминающими готическій стиль. Поле между пилястрами украшено великолѣпно отдѣланной головой льва, подъ которой находится (теперь, правда, едва замѣтное) украшеніе, составленное изъ листового орнамента. Цоколь имѣетъ звѣздообразное украшеніе.

Ревельскій замокъ имѣетъ великолѣпное мѣстоположеніе (рис. 30); онъ находится на склонѣ горы, имѣющей къ западу очень крутой скатъ и называемой Domberg, Вышгородъ. На этой горѣ издревле возвышалось эстонское городище Линданисса, разрушенное королемъ Вальдемаромъ II Датскимъ въ 1219 г., послѣ подчиненія эстовъ. Вальдемаръ однако сейчасъ же приказалъ построить новое укрѣпленіе, которое было сдѣлано изъ дерева, такъ какъ каменный замокъ былъ выстроенъ только во время перваго краткаго владычества Ордена надъ Эстоніей (съ 1227 до заключенія договора въ Стенби 4 іюня 1238 г.) магистромъ Вольквиномъ.

При магистрѣ Бургардѣ фонъ Дрейлевенѣ (послѣ фактическаго присоединенія Эстляндіи къ Тевтонскому ордену) замокъ былъ расширенъ и возведенъ на степень комтуріи. Это расширеніе обнимало, вѣроятно, всю расположенную на сѣверъ часть замка, пригородъ съ двумя находившимися въ немъ башнями, изъ которыхъ одна круглая, такъ называемая Пильстиккеръ, лежавшая въ сѣверо-западномъ углу, имѣла одинаковую высоту съ оборонным̆ъ этажемъ и была стѣнною башнею, другая же, расположенная въ сѣверо-восточномъ углу, Ландскрона, отличалась значительными размѣрами и составляла главную башню. Вѣроятно, въ это же время въ юго-западномъ углу болѣе старой части была выстроена стройная и красивая башня Длинный Германъ. Восточное, обращенное къ городу крыло было перестроено при императрицѣ Екатеринѣ II, при чемъ находившаяся въ юго-восточномъ углу башня „Stuir den Kerl“, была срыта. Кромѣ того, существовала еще пятая башня, такъ называемая Glocktorn, стоявшая особнякомъ передъ замкомъ. Она служила для защиты подъемнаго моста и его укрѣпленій. Башня Rosenkranzturm, срытая въ 1788 г., о которой упоминается въ описаніи осады Ревеля въ 1577 г., составляла, вѣроятно,

---

[1]) Фундаменты Двинскаго замка были раскопаны въ 1888 г. авторомъ настоящей статьи. См. Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. Bd. XIV.

часть укрѣпленій пригорода. Особенно хорошо сохранился Длинный Германъ. Діаметръ этой башни равенъ приблизительно 8,8 метра при высотѣ 46 метровъ, а толщинѣ стѣнъ въ среднемъ около 2,5 метра. Изъ нижняго этажа ведетъ витая лѣстница, помѣщающаяся въ толщѣ стѣны, къ западному замковому ходу и далѣе вверхъ, до площадки. Въ полу нижняго этажа имѣется круглое отверстіе, служащее входомъ въ казематное помѣщеніе, имѣющее около 30 метровъ глубины. Въ двухъ небольшихъ пристройкахъ съ западной стороны можно предполагать данскеръ.

Прекрасный образецъ сторожевой башни имѣется въ замкѣ Вейсенштейнѣ (Wittenstein) въ Эстляндіи, въ которомъ пребывалъ попечитель (Vogt) Іервенской области (рис. 26). Постройку этого замка I. ф.-Вартберге приписываетъ магистру Конраду Мандерну, который яко бы повелѣлъ въ 1265 году построить его. Въ планѣ сторожевая башня имѣетъ форму восьмиугольника, длина сторонъ котораго = 6,5 метрамъ. Она имѣетъ пять этажей, изъ которыхъ до настоящаго времени сохранились только четыре. Нижній этажъ лежитъ глубоко въ землѣ и доступенъ только чрезъ небольшое отверстіе въ сводѣ. Это помѣщеніе, служившее для храненія съѣстныхъ припасовъ, соединялось съ подземнымъ ходомъ, теперь засыпаннымъ. Въ слѣдующій этажъ, находящійся на высотѣ 5,5 метра отъ поверхности земли, можно было проникнуть только при помощи приставной лѣстницы. Съ этого этажа витая лѣстница, находившаяся въ стѣнѣ, шла къ остальнымъ этажамъ, освѣщавшимся неболь-

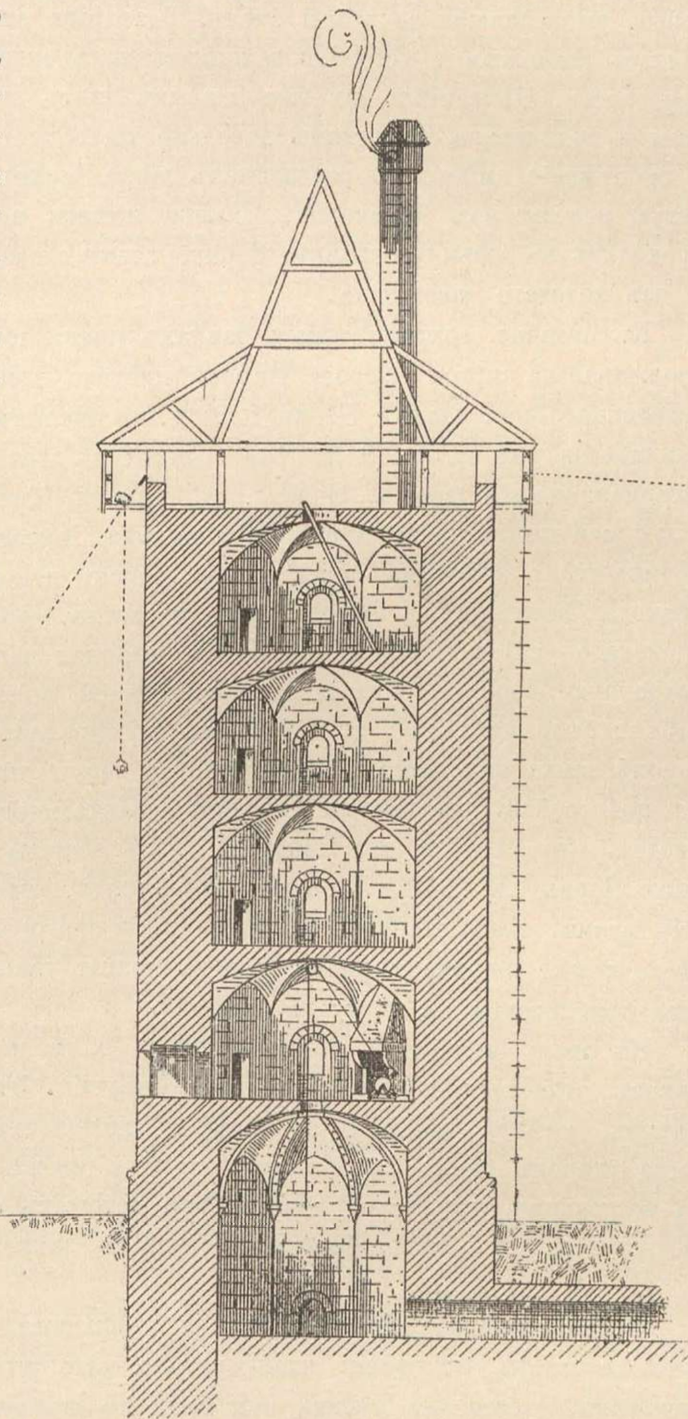

Рис. 26. Сторожевая башня замка Вейсенштейнъ.

шими окнами въ глубокихъ нишахъ. Послѣдній этажъ, по всему вѣроятію, заканчивался площадкою съ каменной зубчатой стѣной, надъ которой находилась деревянная крыша, выступавшая за зубцы стѣнъ. Благодаря этому выступу за предѣлы стѣны, являлась возможность успѣшно защищать какъ основаніе башни, такъ и ближайшія окрестности. Сложенныя изъ известковыхъ плитъ стѣны имѣютъ 2,75 метровъ толщины и облицованы по угламъ довольно тщательно тесаннымъ камнемъ. Подобное же сооруженіе имѣется въ развалинахъ замка Боркгольма, бывшаго нѣкогда собственностью ревельскихъ епископовъ. Башня имѣетъ внизу квадратную форму, вверху переходитъ въ восьмиугольникъ. Верхніе этажи сложены изъ тесанныхъ плитъ, нижніе же изъ колотаго известняка.

Къ отлично сохранившимся замкамъ принадлежитъ и Нарва, живописно расположенная на крутомъ берегу Наровы противъ изобилующаго башнями Ивангорода, построеннаго при Іоаннѣ III въ 1492 г. на правомъ берегу рѣки. О замкѣ въ Нарвѣ упоминается уже въ 1268 и 1294 годахъ; въ этомъ послѣднемъ онъ перенесенъ на Ингерманландскій берегъ. Однако, въ грамотѣ Христіана II Датскаго съ 1331 г., по которой онъ отдаетъ герцогу Галланда и Замзое въ ленное владѣніе Эстляндію, упоминается о крѣпкомъ замкѣ по сю сторону рѣки [1]). Эта датская крѣпость послѣ перехода Эстляндіи къ Ордену была, вѣроятно, перестроена согласно предписаніямъ орденскаго устава. Сторожевая башня, носящая названіе Длинный Германъ, имѣетъ квадратную форму и отличается значительной высотой, вѣроятно, для того, чтобы удобнѣе было наблюдать за дѣйствіями противолежащаго Ивангорода. Въ восточной сторонѣ замка находится выступающая за черту стѣнъ и обращенная къ рѣкѣ каменная пристройка, въ которой имѣется спускающійся до уровня воды въ Наровѣ колодезь (не былъ ли это данскеръ?). Съ востока находился передъ замкомъ (по плану Нарвы съ 1649 г.) большой пригородъ, который отдѣлялся отъ замка широкимъ рвомъ. Какъ главный замокъ, такъ и пригородъ его отдѣлялись отъ собственно города также широкимъ рвомъ (теперь низкая улица, постепенно поднимающаяся по мѣрѣ приближенія къ мосту на Наровѣ).

Къ числу немногихъ сохранившихся, хотя и многократно передѣлываемыхъ, замковъ относится Виндавскій въ Курляндіи. Этотъ замокъ, въ которомъ былъ комтуръ, имѣетъ квадратную форму и расположенъ вокругъ внутренняго двора. Длина сторонъ замка 36,5 метра. Замокъ имѣетъ всего только одну башню въ юго-восточномъ углу возлѣ воротъ, при которыхъ находилась и орденская часовня, престольная стѣна коей образуетъ уступъ съ замковой стѣной.

Замки бывшихъ архіепископовъ и епископовъ края, если они не были во владѣніи вассаловъ, по своему плану весьма мало отличаются отъ орденскихъ замковъ, такъ какъ, собственно говоря, они были не что иное, какъ громадные монастыри, укрѣпленные соотвѣтственно требованіямъ тогдашняго фортификаціоннаго искусства. Кромѣ Рижскаго архіепископства, образовавшагося изъ маленькаго Икскюльскаго

---

[1]) I. G. Arndt, Livl. Chron. II, 82 и H. Hansen, Geschichte der Stadt Narwa. Dorpat 1858, S. 9.

епископства (Альбертъ, третій лифляндскій епископъ, перенесъ епископскую каѳедру въ Ригу, а его преемникъ Альбертъ Зуербееръ (1253 — 1273) прибылъ въ край уже въ санѣ архіепископа) въ Прибалтійскомъ краѣ существовали еще слѣдующія епископства: *Курляндское,* съ резиденціею въ Пильтенѣ, называвшееся иногда Пильтенскимъ штифтомъ (образовалось въ 1251 г., послѣ прекращенія существованія основаннаго въ 1218 г. Зелонскаго, переименованнаго въ 1225 г. въ Семигальское), *Ревельское* (находившееся до 1374 г. въ зависимости отъ Лундской архіепископской каѳедры), *Эзель-Викское* (съ 1228 г.) и *Юрьевское* (до 1235 Леальское).

Рижскіе архіепископы имѣли внутри городскихъ стѣнъ Риги, вблизи каѳедральнаго собора, свою главную резиденцію, „curia archiepiscopa“, отъ которой, однако, въ настоящее время сохранились только весьма незначительные остатки въ стѣнахъ построекъ, сооруженныхъ впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ.

После пожара въ 1215 году, съ перенесеніемъ собора на другое мѣсто, была переведена и архіепископская резиденція, расположившаяся къ западу отъ собора. Хотя первый соборъ и былъ сооруженъ изъ дерева, однако первый архіепископскій дворецъ, какъ кажется, былъ очень скоро построенъ изъ камня, что видно изъ грамоты отъ 8-го сентября 1234 г., по которой епископъ Николай уступаетъ свой каменный дворецъ (palacium nostrum lapideum) для основанія Доминиканскаго монастыря. Новый епископскій дворецъ былъ уничтоженъ пожаромъ въ 1547 г.; наскоро отдѣланный, онъ служилъ мѣстомъ пребыванія съ съ 1559 — 1563 г. маркграфу Бранденбургскому Вильгельму, послѣднему архіепископу, который и умеръ здѣсь въ 1563 г. Послѣ смерти Вильгельма постройки пришли въ упадокъ и были подарены Стефаномъ Баторіемъ городу, который, исправивъ ихъ въ 1652 г., устроилъ въ этомъ дворцѣ хлѣбные амбары. Кромѣ собственно епископскаго дворца здѣсь находились квартиры нѣсколькихъ епископскихъ рыцарей; кромѣ того, упоминается о часовнѣ во имя св. Михаила, вѣроятно домашней каплицѣ архіепископа[1]).

Кромѣ этой городской резиденціи рижскіе архіепископы имѣли еще, не считая замковъ, отданныхъ вассаламъ, города и замки въ Роннебургѣ и Кукенгузенѣ, обыкновенно служившіе лѣтней резиденціей (Кокенгузенъ съ 1397 г.; до этого времени онъ находился во владѣніи рода Тизенгаузеновъ). Оба замка теперь въ развалинахъ, однако имѣется довольно хорошій видъ Кукенгузенскаго замка, сдѣланный въ 1701 г.[2]) (по которому была сдѣлана реконструкція, представленная на рис. №27). Замокъ помѣщался на крутомъ плоскогоріи, въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Персы въ Двину, протекающую вдоль южной стороны замка; Перса же омываетъ сѣверную и западную стороны. Съ востока находится сухой, глубокій ровъ, чрезъ который былъ мостъ, идущій къ главнымъ воротамъ. Сотвѣтственно съ очертаніемъ

---

1) О бывшей резиденціи рижскихъ архіепископовъ см. W. v. Gutzeit, Mitteil. aus d. Livl. Geschichte VI. 515 и слѣд. G. Richter, Geschichte der Ostseeprovinzen I. 1. 139 и примѣчаніе 153 I. Chr. Brotze Livonica XVIII, S. 109 и C. Napierski, Das Buch der Aeltermänner der grossen Gilde zu Riga.

2) Гравюра Іоганна Любена (Liben), Plan wie auch Prospect von dem Schloss Kokenhusen, welches von dem König von Polen mit dessen sächsischen Armee im Monat September berennet und bambardiret, beschossen wie auch minieret worden, da es endlich durch Accord übergegangen.

поверхности горы, планъ замка почти треугольный; въ западной вершинѣ находится группа сильныхъ башенъ, состоящая изъ двухъ круглыхъ боковыхъ и находящейся между ними третьей, внизу четыреугольной, а наверху восьмиугольной. Четвертая, четыреугольная, низкая башня, кажется, была въ сѣверо-восточномъ углу. Какую часть уцѣлѣвшихъ построекъ замка слѣдуетъ отнести къ сооруженному

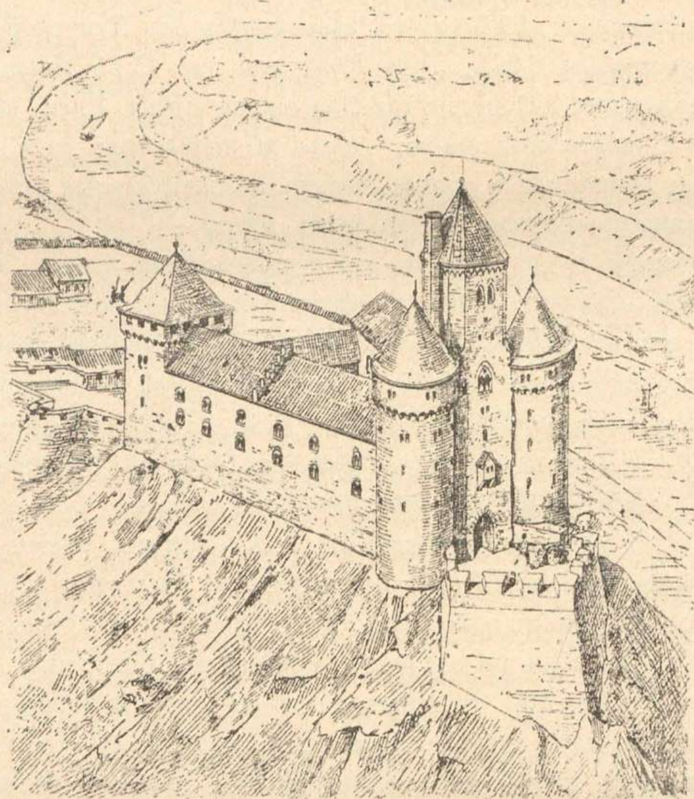

Рис. 27. Видъ замка Кокенгузенъ въ реконструкціи.

епископомъ Альбертомъ въ 1209 г. на мѣсто разрушенныхъ укрѣпленій князя Вячка Кукенойскаго и сколько слѣдуетъ приписать дѣятельности позднѣйшихъ владѣльцевъ, — съ точностью опредѣлить теперь не имѣется возможности. Окна нижняго этажа южнаго крыла имѣютъ полукруглыя арки, тогда какъ остатокъ сѣвернаго крыла имѣетъ плоскія арки, которыя подобно оконнымъ стѣнкамъ высѣчены были изъ твердаго камня.

Однако это обстоятельство могло бы также служить указаніемъ и на то, что южное крыло, въ восточномъ концѣ котораго помѣщалась часовня (какъ это слѣдуетъ изъ вышеупомянутой гравюры 1701 г., на которой видны два высокія окна съ остроконечными арками) былъ болѣе важною частью зданія. Окна находятся въ глубокихъ нишахъ стѣны, толщина которой приблизительно 4 метра; каждая ниша образуетъ собою маленькую комнатку. Благодаря красивой отдѣлкѣ оконъ, двойныхъ полукруглыхъ арокъ со стоявшей между ними колонной, слѣды которой и теперь еще видны, а также благодаря помѣщавшимся съ обѣихъ ея сторонъ каменнымъ сидѣньямъ и боковымъ стѣннымъ нишамъ, эти помѣщенія имѣли весьма привлека-

тельный видъ. Отдѣлка сѣвернаго крыла въ общемъ такая же, только исполнена грубѣе, быть можетъ потому, что здѣсь находились помѣщенія для прислуги и гарнизона. Возлѣ часовни имѣется довольно большое помѣщеніе, которое, судя по уцѣлѣвшимъ стѣннымъ консолямъ и пятамъ, было покрыто крестовымъ сводомъ и, вѣроятно, служило трапезною. Подвалы въ довольно хорошемъ состояніи, но засыпаны отчасти, вслѣдствіе чего мало доступны; своды ихъ сложены изъ известняка, своды же всѣхъ надземныхъ помѣщеній сложены изъ кирпича. Во дворѣ, вдоль сѣверной стѣны южнаго крыла, имѣлась галлерея, на которую можно было взойти по находившейся въ стѣнѣ лѣстницѣ; была ли подобная галлерея и вдоль соотвѣтствующей стѣны сѣвернаго крыла, въ настоящее время опредѣлить совершенно невозможно. Во время взрыва, произведеннаго въ 1761 г. саксонскимъ полковникомъ Бозе, были уничтожены башни.

Вскорѣ послѣ постройки замка, на площади, находившейся передъ нимъ, образовался небольшой посадъ, расположившійся вдоль теченія Персы, разросшійся до размѣровъ небольшого городка, у котораго былъ свой бургомистръ и ратманы. Въ 1577 г. царь Іоаннъ Грозный взялъ Кукенгузенъ. Въ 1578 г. замокъ перешелъ въ руки Стефана Баторія, который даровалъ городу новыя привилегіи, долженствовавшія поднять благосостояніе его; однако во время польско-шведской войны надъ городомъ разразилась новая гроза, покончившая его существованіе. Уже во времена Густава Адольфа городокъ представлялъ одни только развалины. Еще и теперь, при обработкѣ полей, образовавшихся на поверхности бывшаго города, наталкиваются на фундаменты домовъ и своды подваловъ. Укрѣпленія западной и восточной сторонъ замка и на углу передъ башнями относятся ко времени владычества шведовъ.

Замокъ Роннебургъ былъ основанъ, по словамъ лѣтописца Арндта, архіепископомъ Альбертомъ въ 1262 году. Въ планѣ онъ представляется уже болѣе правильнымъ и состоитъ изъ трехъ флигелей, которые, соединяясь стѣною, образуютъ прямоугольникъ, длина сторонъ котораго 30 и 40 метровъ.

Отличающійся значительными размѣрами и, судя по сохранившейся часовнѣ, роскошно отдѣланный въ архитектурномъ отношеніи замокъ Гапсаль расположенъ въ Эзель-Викскомъ епископствѣ.

Эзельское епископство было учреждено епископомъ Альбертомъ въ 1227 г. и первымъ пастыремъ его былъ назначенъ пріоръ монастыря Цистерсовъ въ Перортѣ (въ Тюрингіи), а потомъ аббатъ Динамюндскаго монастыря Готфридъ, не бывшій однако никогда въ своей епархіи. 10 сентября 1234 года папскій легатъ Вильгельмъ, епископъ Моденскій, назначилъ на каѳедру доминиканца Генриха, который основалъ въ 1251 г. соборъ въ Перновѣ (Pernau), уничтоженный литовцами 2-го февраля 1261 г. Преемникъ Генриха, епископъ Германъ, перенесъ около 1265 г. соборную церковь въ Гапсаль и избралъ въ 1279 г. вблизи собора мѣсто для постройки города, который уже въ 1294 году получилъ городовое право. Въ связи съ постройкой собора строился также и монастырь для соборныхъ священниковъ и различныя другія постройки. По всему

вѣроятію, одновременно же созидались и укрѣпленія, вѣроятно впослѣдствіи неоднократно передѣлывавшіяся. При епископѣ Іоаннѣ IV Кивелѣ, какъ кажется въ 1515 г., было произведено значительное увеличеніе и исправленіе укрѣпленій, такъ какъ подъ главными замковыми воротами, возлѣ герба Эзель-Викскаго епископства, красуется родовой гербъ епископа, надъ которымъ находится митра и скрещенные мечъ и посохъ, а между ними годъ 1515.

Въ одной грамотѣ 1383 г.[1]) упоминается о вторженіи въ большой Гапсальскій замокъ (castrum majus) епископскаго вассала Дитриха Икскюля съ нѣсколькими рыцарями со стороны часовни. Изъ этого сообщенія можно было бы заключить, что и здѣсь, подобно Ревелю, могъ быть нижній замокъ (castrum minus). Этотъ такъ называемый большой замокъ могъ состоять изъ собственно замка (Hauptschloss) съ принадлежащимъ къ нему пригородомъ и прилежащей сторожевой башней возлѣ воротъ и частью тѣхъ укрѣпленій, которыя, начиная съ угла бывшей пригородной башни, тянулись по направленію къ западу; малый же замокъ, вѣроятно, состоялъ изъ укрѣпленій, расположенныхъ въ восточной части съ главными воротами. Вокругъ всѣхъ внѣшнихъ укрѣпленій былъ широкій ровъ, наполненный водою, съ перекинутымъ черезъ него въ сѣверной части, противъ главныхъ воротъ, подъемнымъ мостомъ, который могъ быть съ успѣхомъ обороняемъ какъ со сторожевой башни, такъ и изъ находящагося во рву бастіона. Ворота замыкались тяжелой дверью и подъемной рѣшеткой; слѣды пазовъ, по которымъ скользила эта рѣшетка, видны еще и теперь. Часть стѣнъ отъ сторожевого дома (такъ онъ называется уже въ 1530 г.) до четыреугольной башни пригорода и сама башня, а равно и стѣна, идущая къ замку, въ настоящее время не существуютъ. Возлѣ этой башни, кажется, находились вторыя ворота, ведшія въ малый пригородъ, а изъ послѣдняго къ главнымъ воротамъ собственно замка, которыя помѣщались возлѣ находившагося во внутреннемъ дворѣ крытаго, сводчатаго крестнаго хода, прорѣзывавшаго восточное крыло зданія. Въ южномъ крылѣ замка помѣщается часовня; длина наружныхъ стѣнъ ея равна 47 метрамъ, а внутренняя ширина около 14 метровъ. Она имѣла только одинъ нефъ и была покрыта тремя сильными крестовыми сводами, ребра и гурты которыхъ начинаются на стѣнныхъ пилястрахъ, имѣющихъ для реберъ квадратное, а для гуртовъ полукруглое сѣченіе. Капители этихъ стѣнныхъ пилястровъ покрыты чрезвычайно красиво стилизованной орнаментикой, которая, къ сожалѣнію, во время послѣдней починки часовни въ 1887 году вслѣдствіе грубой окраски коричневой масляной краской значительно потеряла въ красотѣ. Ребра состоятъ изъ почти круглаго валика, по обѣимъ сторонамъ котораго находятся двѣ палочки; въ точкахъ пересѣченія сводовъ находятся круглые ключи, покрытые лиственными орнаментами. Окна высоки и заканчиваются аркою, состоящею изъ тупыхъ остроконечныхъ дугъ. Они раздѣляются находящимся по срединѣ столбомъ, который развѣтвляется на двѣ остроконечныя дуги. Въ престольной стѣнѣ находится стройное окно, облицовка котораго высѣчена изъ довольно твердаго песчанника. По правую руку отъ алтаря находится

---

[1]) Urk. Buch. 1197.

небольшое sanktuarium съ красивой готической каймой, отвѣчающей приблизительно XV столѣтію. Каплица соединена дверью съ прилегавшимъ къ ней ходомъ — Kreuzgang (рис. 28); кромѣ того, при помощи находящейся въ стѣнѣ лѣстницы, можно

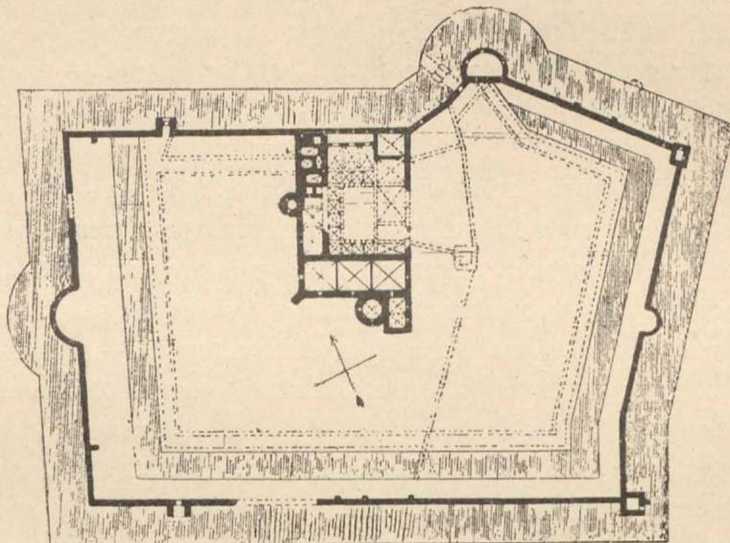

Рис. 28. Гапсальскій замокъ.

было подняться на чердакъ надъ каплицею. Противъ престольной стѣны находится порталъ. Въ небольшой нишѣ надъ портикомъ вѣроятно помѣщалась статуя патрона часовни, св. Іоанна Евангелиста. Надъ порталомъ имѣется довольно значительныхъ размѣровъ круглое окно. Съ южной стороны часовни находится совершенно круглая каплица, имѣющая около 9 метровъ въ діаметрѣ, покрытая однимъ крестовымъ сводомъ, ребра котораго опираются на короткія полукруглыя колонки, лежащія на пирамидальной формы консоляхъ, заканчивающихся простой восьмиугольной косой капителью съ толстою полкой (Deckplatte). Въ маленькой каплицѣ вѣроятно помѣщалась крестильница (baptisterium). Въ углу, между крестильницей и престольной стѣной, помѣщалась маленькая, покрытая двумя крестовыми сводами, ризница.

Изъ могильныхъ камней, находящихся въ часовнѣ, самый старый относится къ 1278 г. и лежитъ надъ гробомъ каноника Іоанна Сагиттаріуса[1]).

Отъ бывшаго крытаго хода (крейцганга) остались слѣды только на сѣверной стѣнѣ часовни, однако онъ, безъ сомнѣнія, продолжался также вдоль западнаго и сѣвернаго крыла; весьма вѣроятно, что вдоль восточнаго крыла не было никакого хода, такъ какъ здѣсь находились ворота во дворъ, а также и потому, что постройка его сузила бы несоразмѣрно дворъ. Остальныя помѣщенія главнаго дома: квартиры каноников и другихъ духовныхъ лицъ, разрушены. Находящіяся въ сѣверномъ крылѣ, выходящемъ на рыночную площадь, большія окна, дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что здѣсь помѣщалась зала для совѣщаній капитула или трапезная. Въ западномъ крылѣ, кажется, помѣщались кухни. Въ серединѣ этого крыла находится

[1]) C. Russwurm, Das Schloss Hapsal in Vergangenheit und Gegenwart. Reval 1877. 8.

колокольня, имѣющая около 9,6 метр. въ діаметрѣ и 40 метр. высоты; входъ находится внутри стѣны. Подвалы почти подо всѣми помѣщеніями еще очень хорошо сохранились и теперь употребляются для различныхъ цѣлей.

Обводная стѣна, 815 метровъ длины, имѣла 7 башенъ, изъ которыхъ три, служившія бастіонами, имѣютъ полукруглую форму и отличаются большею шириною. Одна изъ этихъ башенъ была возлѣ воротъ; остальныя двѣ — одна въ восточной, другая въ западной стѣнѣ; первая имѣетъ 13,6 метр., а послѣдняя — 6 метровъ въ діаметрѣ. Быть можетъ, что и въ южной части находилась такая же бастіонная башня, однако въ этой части стѣна въ нѣсколькихъ мѣстахъ выломана, такъ что доказать существованіе башни можно только при помощи раскопокъ. Въ верхнихъ этажахъ бастіоновъ устраивались бойницы для орудій крупнаго калибра, въ нижнихъ для пищалей, посредствомъ которыхъ защищались ближайшія части рва. Башня возлѣ воротъ, значительной высоты, была трехъ-этажная, восточная — двухъ-этажная, а задняя, кажется, была всего только въ одинъ этажъ. Воротная башня имѣла кромѣ того еще деревянную надстройку, что видно изъ наброска, изображающаго замокъ въ 1797 [1]). Высота стѣнъ, считая отъ подошвы рва, составляетъ около 12 метровъ; въ восточной и западной частяхъ сохранился еще мѣстами брустверъ и оборонный ходъ. Башни сѣверной и южной сторонъ, обращенныя къ западу, служили для вылазокъ и были снабжены крѣпкими воротами; башни же, стоящія по угламъ восточной стороны, кажется, относятся къ болѣе раннему времени.

За обводной стѣной находится, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, второй ровъ, къ которому, съ западной и южной сторонъ, примыкалъ валъ, отдѣлявшій большой зáмокъ отъ малаго. Высота этого вала, считая отъ подошвы рва до его гребня, 12 метровъ, а внутренняя высота вала достигаетъ 7,5 метровъ. На вершинѣ этого вала находилась, должно быть, еще стѣна (какъ это можно заключить по нѣкоторымъ остаткамъ), значительно превышавшая наружную, и которая, по всему вѣроятію, была снабжена еще оборонным ходомъ. Внутри вала, отъ бастіона, возлѣ главныхъ воротъ пригорода, параллельно стѣнѣ, шелъ крытый ходъ, сообщавшійся съ главнымъ зданіемъ посредствомъ теперь разрушенной и засыпанной лѣстницы, находившейся въ сѣверо-западномъ углу.

Этотъ ходъ, имѣвшій назначеніе казематовъ, былъ еще сравнительно недавно доступенъ.

Строительный матеріалъ повсюду твердый известковый песчаникъ изъ каменоломенъ Линдена и Вейсенфельза. Кирпичъ былъ употребленъ только для устройства сводовъ и облицовки стѣнъ.

Гораздо болѣе привлекательную картину, при всей суровости внѣшняго вида, представляетъ епископскій зáмокъ въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, построенный епископомъ Германомъ III Озенбрюге (1338 — 1362). Онъ весь выстроенъ изъ тесанаго камня и считается, при своемъ красивомъ положеніи на морскомъ берегу, перломъ среди старыхъ зáмковъ Прибалтійскаго края.

---

[1]) Russwurm, Das Schloss zu Hapsal a. a. O. S. 15 Anm. 4.

Обращенная къ острову (сѣверная) сторона за́мка укрѣплена двумя, лежащими въ стѣнѣ башнями; возлѣ башни, стоящей въ сѣверо-западномъ углу, находятся ворота. Чрезъ нихъ можно проникнуть въ очень узкій дворъ (теперь еще болѣе суженный, вслѣдствіе постройки лѣстницы, ведущей къ главному этажу зданія), окруженный съ трехъ сторонъ крытымъ коридоромъ, построеннымъ въ главномъ этажѣ и покрытымъ очень красивымъ крестовымъ сводомъ съ ребрами. Изъ прекрасно отдѣланныхъ оконъ сохранилось только одно.

Трапезная была отдѣлана въ строгомъ, простомъ стилѣ. Она въ соединеніи съ маленькой часовней, также и съ помѣщеніемъ, находившимся въ западномъ крылѣ, образуетъ нынѣшнюю церковь (по разломкѣ двухъ стѣнъ, раздѣлявшихъ эти три помѣщенія). Трапезная двунефная, шириною 7,5 метровъ. Восемь крестовыхъ сводовъ, покрывающихъ это помѣщеніе, имѣютъ очень красиво профилированныя ребра и гурты, опираются на три массивныхъ восьмиугольныхъ столба, которые заканчиваются на высотѣ 1,60 метровъ, карнизомъ. Базы столбовъ самой употребительной готической формы. Бывшая часовня, теперь престольная часть церкви, покрыта однимъ только крестовымъ сводомъ. Дверь, находившаяся въ сѣверной стѣнѣ, а теперь замурованная, вела изъ нея въ епископскіе, нынѣ совершенно разрушенные, покои.

Отъ прежнихъ укрѣпленій сохранилось весьма немного. Весь за́мокъ былъ окруженъ, въ формѣ четыреугольника, теперь почти засыпаннымъ, широкимъ водянымъ рвомъ, окаймленнымъ стѣнами. Ровъ этотъ, сохранившійся отчасти, со стороны пригорода (сѣверной) имѣлъ по гребню вала оборонную стѣну, слѣды которой еще и теперь кое-гдѣ видны. Въ стѣнѣ, обращенной къ морю, и вообще по угламъ были, кажется, башни, отъ которыхъ сохранились только остатки фундаментовъ. На это же указываютъ и различные остатки стѣнъ на казематныхъ сооруженіяхъ вблизи обводной стѣны.

За́мки вассаловъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которые уцѣлѣли, какъ напр. Нейенбургъ, Донденгенъ (поврежденъ пожаромъ въ 1872 г.), Оберпаленъ, Роопъ и др., въ общемъ ничѣмъ не отличаются, развѣ только по величинѣ, отъ типа за́мковъ, установленнаго предписаніями ордена. Въ большинствѣ случаевъ они представляютъ большіе четыреугольные дома, расположенные вокругъ внутренняго двора и имѣютъ одну большую оборонную башню; часто же они состоятъ всего только изъ одного укрѣпленнаго дома съ боковыми башнями (Ашъ, Asch, въ Эстляндіи). Иногда дома эти снабжены двумя или бо́льшимъ числомъ башенъ. Оборонная стѣна съ лежащимъ передъ нею рвомъ окружала за́мокъ и служила для защиты ме́ньшихъ деревянныхъ построекъ, въ которыхъ помѣщалась дружина, аммуниція и хлѣбные запасы. При этомъ обращалось болѣе вниманія на соотвѣтственное укрѣпленіе, нежели на уютность этихъ помѣщеній. Впереди рва часто находился еще снабженный палисадами валъ. Пригородовъ въ большинствѣ случаевъ не было, а если таковые и были, то весьма незначительныхъ размѣровъ, такъ какъ въ случаѣ защиты потребовалось бы много людей, что не всякому было доступно. Съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія подобныя крѣпости начали терять свое значеніе; поэтому владѣльцы ихъ могли заботиться не столько о неприступностя, сколько о томъ, чтобы придать этого рода зданіямъ болѣе

жилой и уютный характеръ. Фортификаціонныя сооруженія пришли въ упадокъ; если они и исправлялись, то весьма небрежно, и наконецъ срывались, какъ стѣсняющія и мѣшающія, когда по минованіи тревожныхъ воинскихъ временъ уступалось мѣсто тихому парку или саду. Къ числу за́мковъ слѣдуетъ отнести въ извѣстномъ смыслѣ и укрѣпленные монастыри, коихъ въ краѣ было три большихъ, а именно аббатство цистерсовъ въ Двинскѣ (Дюнаминдѣ), Падисѣ и Фолькена около Юрьева.

Орденъ цистерсовъ въ краѣ, особенно въ глуши сѣвера, оказалъ большія заслуги, не только въ дѣлѣ распространенія христіанства, но и тѣмъ, что, выполняя свою главную задачу, въ тоже время ввелъ воздѣлываніе земли и изыскивалъ средства для открытія источниковъ благосостоянія и вслѣдствіе этого доставлялъ возможность развитію колонизаціи. Этотъ орденъ также способствовалъ сообщенію въ краѣ устройствомъ пристанищъ и доставленіемъ защиты въ случаѣ надобности. По этому цистерсы заслуженно пользуются названіемъ піонеровъ сѣвера, а епископъ Альбертъ, призывая этихъ монаховъ, вѣрно предугадалъ ихъ пользу для исполненія своихъ намѣреній.

Къ числу полезныхъ предпріятій этого епископа относится поэтому основаніе монастыря цистерсовъ въ Дюнаминдѣ, посвященнаго св. Николаю Горному. Постройка монастыря началась въ 1205 г., а въ 1208 переселились въ него монахи[1]); и такъ, по всему вѣроятію, монастырь былъ сразу возведенъ изъ камня. Въ 1313 г. конвентъ рѣшилъ перенести монастырь на лѣвый берегъ рѣки; старыя же постройки были проданы за 2733 марки тевтонскому ордену[2]), который устроилъ здѣсь самостоятельное комтурство. Нынѣ отъ этихъ построекъ имѣются только весьма скудные остатки.

Монастырь въ Падисѣ, въ Эстляндіи, былъ основанъ цистерсами изъ Дюнаминда. Они пріобрѣли въ 1254 г. Падисъ и устроили тамъ часовню, которая, послѣ продолжительныхъ пререканій, была присоединена въ 1278 г. къ приходской церкви въ Гертелѣ (Hertel)[3]). Около 1320 г. монастырь былъ возведенъ изъ камня и магистръ Гергардъ фонъ-Іорке удостовѣряетъ грамотой отъ 10 мая того же года, что для постройки этого монастыря онъ подарилъ, съ разрѣшенія капитула, двѣ деревни, а четыре продалъ за 500 марокъ рижскихъ, съ условіемъ, чтобы онъ, магистръ, считался основателемъ монастыря. Во второй четверти XV вѣка начали постройку большой монастырской церкви, которая и была построена со многими алтарями и освящена Ревельскимъ епископомъ Генрихомъ въ 1448 г. Отъ этой церкви еще и теперь уцѣлѣла значительная часть стѣнъ. Осенью 1561 г. монастырь осаждали шведы, и, хотя монастырь этотъ по словамъ лѣтописца „ein Temelyk Hus unde Vestinge vor gewalt ys“, онъ былъ переданъ шведамъ орденскимъ начальникомъ Энгельбрехтомъ фонъ-деръ Липпе.

Въ 1515 г. въ этомъ монастырѣ имѣлъ временное пребываніе баденскій маркграфъ Христофоръ съ супругою своею Цициліею, сестрою шведскаго короля. Въ 1575 г.

---

[1]) Keussler F. v. Die Genealogie des Cistercienserklosters zu Dünamünde in Mitteilungen aus Livl. Geschichte XIV. III.

[2]) U. Buch. Reg. 714^{a}.

[3]) U. Buch. 473.

онъ былъ разоренъ русскими, которые его однако сейчасъ же такъ сильно укрѣпили, что шведы, осадивъ его осенью того же года, могли взять его только голодомъ[1]).

Потерявъ свое значеніе въ качествѣ крѣпости и будучи отчужденъ во время реформаціи, монастырь этотъ былъ предоставленъ разрушенію; однако еще и теперь стоятъ отдѣльныя части церкви и монастыря.

Монастырь въ Фалькенау (Valkena) около Юрьева, былъ основапъ въ 1233 г. юрьевскимъ епископомъ Германомъ.

Планъ этого монастыря, сохранившійся съ прошлаго столѣтія[2]), можетъ дать нѣкоторое понятіе о постройкахъ такихъ монастырей. По этому плану зданія образовали почти правильный квадратъ, окруженный водянымъ рвомъ. Съ западной стороны, между двумя выступавшими полукруглыми бастіонами, находились ворота съ перекинутымъ чрезъ ровъ подъемнымъ мостомъ. Въ сѣверо-западномъ углу находилась круглая башня, которой соотвѣтствовала такая же башня въ юго-восточномъ углу, находившаяся однако въ непосредственномъ соединеніи съ корпусомъ монастыря. Этотъ послѣдній состоялъ изъ длиннаго зданія, расположеннаго въ южной сторонѣ монастырскаго участка и изъ выступающей къ сѣверу квадратной постройки съ внутреннимъ, также квадратнымъ дворомъ. Вокругъ этого двора тянется крытый коридоръ, ведущій къ главнымъ помѣщеніямъ монастыря; въ длинной же постройкѣ, въ южномъ концѣ участка, быть можетъ помѣщалась квартира аббата и кельи монаховъ. Въ сѣверо-западномъ углу монастырскаго участка находилась часовня, передъ которой былъ съ сѣверной стороны дворъ, такъ-называемый цвингеръ, образованный расширеніемъ укрѣпленій. Между церковью и монастырскими постройками тянется съ восточной стороны оборонная стѣна, соединявшаяся, кажется, посредствомъ обороннаго хода съ башней, находившейся въ юго-восточномъ углу; оборонный же ходъ южной стороны, должно быть, шелъ вдоль снабженной зубцами крыши къ воротнымъ укрѣпленіямъ.

Нынѣ уцѣлѣли только весьма скудные остатки, по которымъ съ большимъ трудомъ можно возстановить видъ этого зданія.

Къ числу важнѣйшихъ работъ въ области фортификаціи среднихъ вѣковъ относятся городскія укрѣпленія, которыя однако въ общемъ немногимъ отличаются отъ укрѣпленій зáмковъ, такъ какъ и они, подобно послѣднимъ, предназначались для защиты большаго или меньшаго количества зданій. Въ то же время нужно было имѣть въ виду также и торговые тракты, направлявшіеся съ разныхъ сторонъ къ городу и чрезъ городъ; вслѣдствіе чего являлась потребность въ сооруженіи большаго числа воротъ, тогда какъ въ зáмкахъ имѣлись, въ большинствѣ случаевъ, одни только ворота, составлявшія самую слабую точку въ системѣ укрѣпленій и на которыя поэтому было обращено самое тщательное вниманіе. Эти слабыя мѣста въ цѣпи городскихъ фортификацій почти всегда имѣли свои самостоятельныя укрѣпленія, состоявшія изъ стѣнъ и башенъ, такъ-называемые форверки (propugnaculum). Кромѣ воротныхъ

[1]) Ioh. Russwurm Baltas. Livland Chronik.
[2]) Sammlung v. I. C. Brotze. Stadtbibliotek zu Riga.

укрѣпленій различали при постройкѣ башенъ, стоящихъ обыкновенно на разстояніи полета стрѣлы одна отъ другой, еще такъ-называемыя бастіонныя башни, воздвигавшіяся по угламъ городскихъ укрѣпленій и получавшія иногда для большей крѣпости форверки — и такъ-называемыя стѣнныя башни (turres intermediae), располагаемыя среди стѣнныхъ фронтовъ и имѣвшія какъ круглую, такъ и четыреугольную форму. Внѣ города, особенно если таковой былъ расположенъ въ низменности, очень часто на какой-нибудь возвышенности находилась сторожевая башня, съ вершины которой, при приближеніи опасности, могли быть предупреждены, посредствомъ условленныхъ знаковъ, часовые на стѣнахъ города. Напр. такъ-называемая Красная башня (der rothe Turm) въ Митавскомъ предмѣстьи Риги; сравни видъ города на большой гравюрѣ на мѣди 1612 г. въ Рижскомъ музеѣ.

Оборонная стѣна между башнями имѣла въ среднемъ отъ 1,5 до 2,5 метровъ толщины и отъ 5 — 6 метровъ, а иногда и болѣе, высоты. Вдоль внутренней стороны послѣдней находился оборонный ходъ, возвышенное мѣсто для помѣщенія стрѣлковъ. Надъ такимъ ходомъ часто бывалъ еще крытый ходъ, выступавшій за стѣну и имѣвшій въ полу отверстія, чрезъ которыя можно было стрѣлять въ непріятеля. Кромѣ того вершина стѣны была снабжена зубцами и въ ней находились узкія, продолговатыя бойницы, за которыми въ глубокихъ нишахъ помѣщались стрѣлки, метавшіе свои стрѣлы на болѣе далекое разстояніе. Башни предназначались для помѣщенія орудій крупнаго калибра, которыя устанавливались въ верхнемъ этажѣ или на площадкѣ башни; въ нижнихъ же этажахъ имѣлись отверстія для ручного оружія. Башни сообщались посредствомъ обороннаго хода. Въ мирное время совѣтъ города, имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи наблюденіе и исправленіе укрѣпленій, сдавалъ нижніе этажи башенъ въ арендное содержаніе подъ склады купцамъ и корпораціямъ или они предназначались для складовъ городского хлѣба и оружія, или же въ нихъ помѣщались плѣнные. Между городскою стѣною и ближайшею улицею должно было всегда оставаться пустое пространство (ambitus), чтобы не стѣснять движенія вдоль стѣны. Передъ стѣною шелъ городской ровъ (fossa civitatis, der stadgrave) глубиною отъ 9 — 10 метровъ при 18 — 20 метрахъ ширины; почти всегда передъ нимъ находился еще валъ, снабженный палисадами.

Со введеніемъ въ употребленіе пороха, старыя укрѣпленія потерпѣли значительныя измѣненія, и если и не были совершенно уничтожены, то при новой фортификаціонной системѣ, съ бастіонами и отдѣльными фортами, они должны были занять второстепенное мѣсто. Подобно большинству замковъ, первыя городскія укрѣпленія воздвигались изъ дерева и земли. Только относительно Риги достовѣрно извѣстно, что епископъ Альбертъ сейчасъ же началъ возведеніе изъ камня городскихъ стѣнъ, которыя и были окончены въ 1209 г. при содѣйствіи всѣхъ находившихся въ то время въ Ригѣ пилигримовъ [1]). Ревель, кажется, имѣлъ первоначально деревянныя укрѣпленія, такъ какъ королева Маргарита Датская требовала въ 1273 г., чтобы городской совѣтъ Ревеля позаботился о скорѣйшемъ ихъ усиленіи, и даже обязала

---

[1]) Heinrich v. Lettland's Chronik, Kap. XIII. 3.

аббатовъ Фалькенау, Дюнаминда и Голланда, имѣвшихъ свои владѣнія (curiae) въ Ревелѣ, къ уплатѣ податей для этой цѣли [1]); на основаніи этого предписанія, датскій намѣстникъ въ Ревелѣ взыскалъ со владѣнія каждаго аббатства по 400 рижскихъ марокъ, при чемъ, вслѣдствіе несогласія на добровольную уплату требуемыхъ денегъ, онъ прибѣгъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Послѣ этого аббаты обратились съ жалобой къ папѣ Бенедикту XII, который, принявъ сторону аббатовъ, увѣщевалъ намѣстника прекратить притѣсненія, такъ какъ онъ не имѣетъ никакой власти надъ духовными имуществами [2]). Въ 1310 г. король Эрихъ Менведъ послалъ намѣстникомъ въ Ревель рыцаря Іоанна Капне, при которомъ возведеніе городскихъ укрѣпленій подвигалось очень быстро. Вѣроятно съ очень немногими измѣненіями эти укрѣпленія существуютъ и нынѣ. Какъ трудно было нѣкоторымъ городамъ возводить укрѣпленія, видно изъ письма отъ юрьевскаго совѣта къ любекскому въ 1250 г., въ которомъ первый проситъ, чтобы въ любекскихъ церквахъ были поставлены сборщики милостыни, которые бы собирали подаянія въ пользу Юрьева, такъ какъ жители лишены всякой возможности окончанія постройки городскихъ стѣнъ.

Отъ прежнихъ городскихъ стѣнъ Риги уцѣлѣли только незначительные, большею частью застроенные остатки, въ числѣ которыхъ довольно хорошо сохранилась такъ называемая Песочная башня (Sandturm, Pulverturm). Однако ихъ внѣшній видъ и расположеніе можно опредѣлить на основаніи старыхъ видовъ и плановъ. Судя по этимъ планамъ, городскія укрѣпленія тянулись, начиная со впаденія рѣчки Риге въ Двину, вдоль ручья, который вмѣстѣ съ тѣмъ образовалъ здѣсь городской ровъ, приблизительно до теперешней Конной улицы, а отсюда опять въ юго-западномъ направленіи,

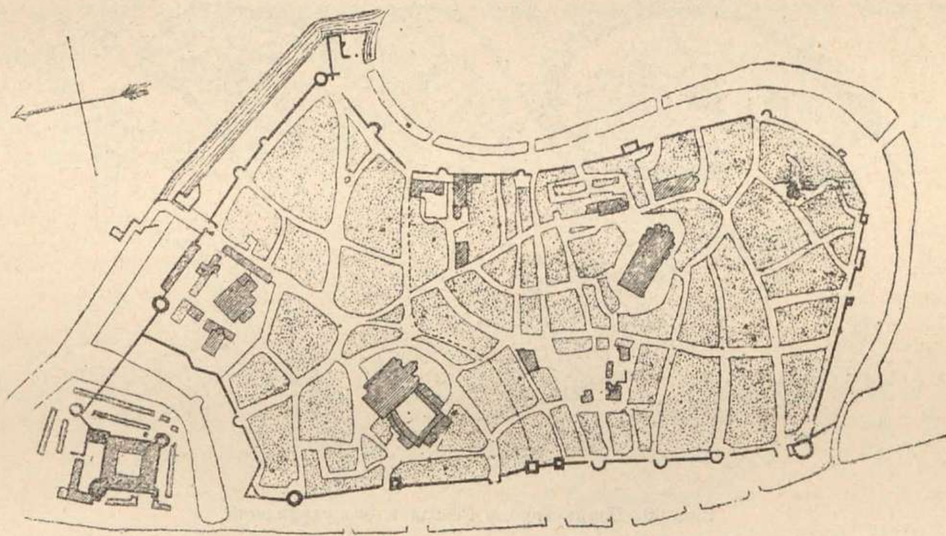

Рис. 29. Планъ города Риги XIV столѣтія.

къ Двинѣ. Въ непродолжительномъ времени площадь, обнимаемая этой стѣной, была уже тѣсно застроена, и даже внѣ стѣнъ находилось много построекъ, въ числѣ которыхъ были: начатый въ 1215 г. каѳедральный соборъ и церковь во имя св. Іакова. Эта

[1]) U. B. 470.
[2]) U. B. 804.

часть укрѣпленій была окончена около 1300 г. и охватывала пространство почти равное первому. Башни воздвигались не одновременно съ сооруженіемъ стѣнъ, а по мѣрѣ надобности и средствъ. Вотъ почему лѣтописецъ Генрихъ Латышъ говоритъ все только о городскихъ стѣнахъ. Оконченныя около 1300 г. укрѣпленія тянулись вдоль Двины до Духовской башни (впослѣдствіи включенной въ систему орденскаго замка), а въ прямомъ направленіи до существующей и теперь еще Песочной или Пороховой башни; затѣмъ они направлялись опять къ ручью Риге и соединялись съ первоначальными укрѣпленіями. Въ 1330 г. побѣжденный въ войнѣ съ орденомъ городъ долженъ былъ срыть часть своихъ укрѣпленій съ сѣверной стороны для очищенія мѣста на постройку орденскаго замка, и только на основаніи грамоты магистра Остгольфа фонъ-Менгдена, отъ 9 ноября 1454 г., извѣстной подъ названіемъ „Gnadenbriefe", было разрѣшено городу впослѣдствіи возстановить стѣны передъ замкомъ, да и то впрочемъ съ нѣкоторыми ограниченіями (рис. 29).

Ревель сохранилъ свои средневѣковыя укрѣпленія почти въ цѣлости. Надъ городомъ возвышается такъ называемый Вышгородъ — Домбергъ съ находящимся на вершинѣ орденскимъ замкомъ, имѣвшимъ свои самостоятельныя укрѣпленія съ двумя

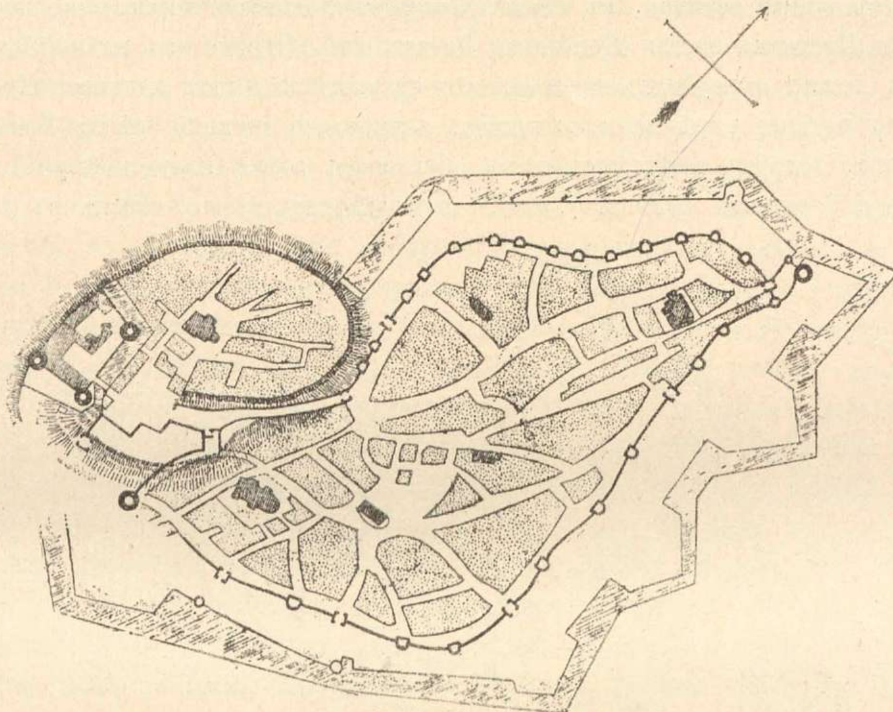

Рис. 30. Планъ города Ревеля и его укрѣпленій.

воротами, которыми онъ сообщался съ городомъ, расположеннымъ внизу; изъ нихъ тѣ ворота, которыя были извѣстны подъ названіемъ „unter dem langen Domberge", были до 1380 г. изъ дерева, а въ этомъ году, съ разрѣшенія магистра Вильгельма фонъ Фримерсгейма, были выстроены городомъ изъ камня, съ условіемъ однако, что, при первомъ требованіи магистра, они должны быть срыты. Укрѣпленія, расположенныя вокругъ города, имѣютъ почти овальную форму (рис. 30); стѣны имѣютъ

среднюю высоту въ 16 метровъ при 2 — 2,3 метра толщины и кромѣ того укрѣплены еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ контрафорсами. Матеріалъ для возведенія стѣнъ доставлялся изъ находящейся вблизи известняковой каменоломни. Вдоль задней стороны стѣны, за брустверомъ, снабженнымъ узкими, высокими бойницами, на высотѣ около 13 — 14 метровъ идетъ узкій оборонный ходъ, подъ которымъ помѣщалась деревянная выступающая постройка, какъ это видно изъ остатковъ кронштейновъ и отверстій въ стѣнѣ. Съ башнями этотъ ходъ соединялся посредствомъ небольшихъ боковыхъ дверей. Въ городъ вело шесть воротъ, изъ нихъ уцѣлѣли, да и то не вполнѣ, только одни, такъ называемыя Береговыя „Strandpforte". Они были расположены между двумя башнями, изъ которыхъ одна была сильный бастіонъ, извѣстный подъ названіемъ Толстой Маргариты, а вторая, меньшая, имѣла прекрасный консольный карнизъ. Пазы, по которымъ скользила подъемная рѣшетка и отверстія, чрезъ которыя проходили цѣпи для подниманія моста, сохранились довольно хорошо. Надъ воротами находится красивый городской гербъ въ поздне-готической рамѣ. Бывшій воротный форверкъ срытъ. Небезынтересныя ворота „Сёстры" (Schwestern) обрушились только недавно. Башенъ въ настоящее время еще около двадцати въ болѣе или менѣе хорошемъ состояніи. Онѣ имѣютъ или круглую (въ части обращенной къ городу — усѣченную) или же четыреугольную форму. Толщина стѣнъ въ среднемъ 45 метровъ, высота же колеблется между 23 — 26 метрами. Исключеніе составляетъ только построенная въ 1530 г. башня, такъ называемая Kiek in de Kök (Guck in die Küche) имѣющая стѣны толщиною въ 4,8 и 5 метровъ при высотѣ 45,6 метра[1]).

Отъ укрѣпленій другихъ городовъ ничего не сохранилось, только въ Нарвѣ имѣется еще часть исполинскихъ укрѣпленій, постройка которыхъ была начата въ XVII столѣтіи.

---

[1]) Объ укрѣпленіяхъ города см. Eugen Nordbeck. Der alte Immobilienbesitz Revals. Sonderabdruck aus dem Revaler Beobachter №№ 38, 39. 1891 г.

Le village d'Apoulé (Opoulé) dans le gouvernement de Kowno et la ville finnoise Apulia (853).

Par le Dr. A. Bielenstein.

Parmi les questions sur lesquelles le neuvième congrès archéologique de Vilna, convoqué pour l'année 1893 (1—14 août), désire des renseignements se trouve la 17-me question du paragraphe: Antiquités historiques, géographiques, ethnographiques, ainsi conçue: Ne pourrait-on pas identifier le village d'Apoulé ou Opoulé (arrondissement de Chkoudy, district de Telche, gouvernement de Kovno) avec l'ancienne ville finnoise d'Apulia (853)?

J'aurai l'honneur de fournir au congrès quelques pièces en réponse à cette question: La question, de même que sa réponse, se divise, conformément à sa nature, en trois parties, c'est-à-dire la question historique, géographique et ethnologique.

I. Que raconte Rimbert dans la „vita Anskarii" de cette marche de l'armée suédoise en Courlande et Apulia (vers la moitié du 9. siècle)?

II. D'après cela où pourrait avoir été Apulia?

III. A quelle nation est-il vraisemblable qu'appartenaient les Coures qui habitaient Apulia?

I.

Dans la vie d'Anskar, Rimbert nous raconte (chap. 30): Nec praetereundum quoque videtur qualiter Domini virtus post hanc profectionem jam dictis Sueonibus patefacta sit. Gens enim quaedam longe ab eis posita, vocata Cori, Sueonum principatui olim subjecta fuerat; sed jam tunc diu erat, quod rebellando eis subiri dedignabantur. Denique Dani hoc scientes tempore supra dicto, quo Dominus episcopus jam in partes Sueonum advenerat, navium congregata multitudine ad eandem perrexerunt patriam, volentes et bona eorum diripere et sibi subjugare. Regnum vero ipsum quinque habebat civitates. Populi itaque inibi manentes cognito eorum adventu conglobati in unum, coepere viriliter resistere et sua defendere. Dataque sibi victoria, medietate populi Danorum caede prostrata, medias quoque naves eorum diripuerant, auro et argento spoliisque multis ab eis acceptis. Quod audiens praedictus rex Olaf populusque Sueonum volentes sibi nomen adquirere, quod facere possent, quae Dani non fecerint, et quia sibi etiam

antea subjecti fuerant, innumerabili congregato exercitu, illas adierunt partes. Et primo quidem improvise ad quandam urbem regni ipsorum vocatam Seeburg, in qua erant septem milia pugnatorum, devenientes penitus illam devastando et spoliando succenderunt. Exinde confortati animo, dimissis navibus, iter quinque dierum arripientes, ad aliam urbem ipsorum, quae Apulia dicebatur, effero cursu properabant. Erant autem in ea urbe quindecim milia hominum bellatorum. Cum itaque illo advenissent, conclusis ipsis in civitate, isti a foris urbem debellare, illi de intus cœpere viriliter repugnare; illi intrinsecus defendebant, isti exterius impingebant. Sicque transierunt dies octo, ut omni die a mane usque ad vesperam dimicantes bello instarent, et multi hinc et inde caderent, neutra tamen pars victoriam obtineret: cum ecce nono die populus Sueonum diutina caede fatigatus cœpit angustari, et timido corde expavescens, hoc solum cogitare, quomode inde evaderent. „Hic, inquiunt, non proficimus, et naves nostrae longius absunt". Nam quinque dierum, ut praediximus, iter erat ad portum, in quo naves eorum stabant. Cum ergo, quid sibi esset agendum, nimium turbati omnimodis nescirent, quaerendum sortibus statuerunt, utrum dii eorum eis vellent auxiliari, ut vel victoriam caperent vel vivi inde evaderent. Missis itaque sortibus, neminem deorum, qui eis subsidio esse vellet, repperire potuerunt. Quod cum denunciaretur in populo, ululatus et gemitus immensus exortus est in castris, omnisque virtus ab eis recessit. „Quid, inquiunt, infelices acturi sumus? Dii recesserunt a nobis, et nullus eorum auditor est nostri. Quo fugiemus? Ecce naves nostrae longius sunt positae, fugientibusque nobis isti insequentes ad internecionem nos delebunt. Quae ergo nobis erit spes?" Cum itaque in tanta essent angustia positi quidam negotiatorum, memores doctrinae et institutionis domini episcopi, suggerere eis cœperunt: „Deus, inquiunt, christianorum multotiens ad se clamantibus auxiliatur et potentissimus est in adjuvando. Quaeramus, an ille nobiscum esse velit, et vota ei placita libenti animo spondeamus". Omnium itaque rogatu supplici missa est sors, et inventum, quod Christus eis vellet auxiliari. Quod cum publice denunciatum cunctis innotuisset, omnium corda ita subito roborata sunt, ut confestim ad urbem expugnandam intrepidi vellent accedere. „Quid, inquiunt, nunc nobis formidandum quidve pavendum est? Christus est nobiscum, pugnemus et viriliter agamus, nihil nobis obstare poterit. Nec deerit nobis certa victoria quia potentissimum deorum nostri adjutorem habemus". Conglobati ergo omnes, laeto et forti animo ad debellandam profecti sunt urbem. Cumque in circuitu astantes pugnam inire vellent, ab his qui intrinsecus erant postulatum est, ut copia eis daretur loquendi. Quod cum rex Sueonum annuisset, illi subsecuti sunt: „Nobis jam pax magis quam pugna placet, et foedus vobiscum inire cupimus. Et primo quidem quicquid ex spolis Danorum praeterito anno in auro et armis adquisivimus, vobis pro munere foederis damus. Deinde pro unoquoque hominum in hac urbe constitutorum dimidiam libram argenti offerimus, insuper censum, quem antea solebamus, vobis persolvimus et datis obsidibus, abhinc subjecti et obaudientes, sicuti antea fuimus, vestro imperio esse volumus". Cum haec itaque oblata fuerint, necdum tamen animi eorum sedari poterant, verum alacriores facti et absque motu imperterriti pugnare tantum desiderantes, armis se urbem et omnia quae haberent vastaturos ipsosque captivos abducturos dicebant. Rex vero et principes saniori consilio dextras ab eis accipientes,

foedus inierunt, et thesauris innumerabilibus atque obsidibus 30 sibi collatis, cum gaudio ad sua reversi sunt. Denique pace inter eos foederata, statim Sueones Christi domini nostri omnipotentiam collaudantes ejusque magnificentiam viribus totis, quod vere magnus super omnes deos esset, praedicantes, quid ipsi, per quem tantam obtinuissent victoriam, vovere deberent, sollicite quaerere coeperunt. Unde a christianis edocti negotiatoribus, qui simul aderant, Christo Domino placitum devoverunt ieiunium, ita ut ad sua reversi postquam domi septem dies essent, alios septem omnes pariter a carne abstinerent, sed et post hoc quadraginta diebus evolutis, ipsi quoque unanima conventione quadraginta sequentes similiter a carne abstinentiam agerent. Quod et factum est; omnesque qui ibi affuerant, hoc statutum libenti perfecerunt animo. Multi etiam post haec reverentia et amore Christi apud eos ieiuniis, quae christiani observabant, insistere et elemosinis, quia hoc Christo gratum didicere, quoslibet pauperes adjuvare coeperunt. Sicque favore omnium praedictus Erimbertus sacerdos libere apud eos quae Dei sunt agere, et cunctis Christi potentiam laudantibus, religionis divinae in illis partibus devotio augmentumque ab eo tempore sine ullius contradictione coepit habere.

Les moments historiques les plus importants qui résultent du rapport que nous fait Rimbert sunt:

Les Cori ont été sujets des Suédois et obligés de leur payer un tribut, mais ils ont secoué ce joug. Alors les Danois, pendant que Ansgar est en Suède, essayent de s'emparer du pays des Coures (Cori), mais ils subissent une défaite complète. L'année suivante les Suédois veulent se venger, et pour montrer que leur puissance est supérieure à celle des Danois, ils abordent, conduits par leur roi Olaf, au rivage des Coures, prennent d'assaut et brûlent la ville de Seebourg dans laquelle se trouvaient 7000 guerriers. Encouragée par une telle victoire, l'armée des Suédois se met en marche et s'avance pendant cinq jours dans l'intérieur du pays jusqu'à l'autre ville des Coures, Apulia, et l'assiège en vain pendant huit jours, car cette ville est défendue par 15000 guerriers. S'inquiétant à l'égard de la retraite, les Suédois se déterminent à jeter le sort et à demander à leurs dieux, si ceux-ci veulent leur aider à remporter la victoire ou à effectuer une retraite heureuse. L'oracle ne leur promet aucune assistance. Des lamentations générales éclatent dans le camp des Suédois. Cependant quelques négociants présents dans le camp, devenus chrétiens par les instructions d'Ansgar, leur conseillent de s'adresser à la puissance secourable du Dieu des chrétiens, et le sort jeté encore une fois dit que Christ viendra en aide aux Suédois. En triomphe ils s'avancent de nouveau vers la ville pour l'attaquer encore une fois, mais il en résulte un traité de paix. Les Coures promettent de livrer le butin enlevé aux Danois, de payer une demi-livre d'argent pour chaque habitant de la ville, finalement de payer le tribut d'autrefois, de donner des otages et de se considérer comme sujets des Suédois. La reconnaissance de ces derniers pour le secours du Dieu des chrétiens auquel ils attribuent le succès de leur victoire sur les Coures d'Apulia, a beaucoup contribué à l'accueil que le Christianisme rencontra en Suède.

Voilà les points les plus importants du rapport de Rimbert. Nous demandons: est-il digne de foi?

Il est indubitable que Rimbert était présent en Suède en même temps que Ansgar, qu'il était en bonne relation avec Olaf, roi de Suède, qui permettait aux missionnaires chrétiens de baptiser et de bâtir des églises dans son pays, et que Rimbert était allié personnellement aux marchands qui avaient suivi l'expédition militaire; il pouvait donc avoir une connaissance précise de cette marche et de son succès.

Il est tout-à-fait certain que les Normands de Suède, de Danemarque, même ceux d'Islande entretenaient des relations très-anciennes avec les habitants de la côte orientale de la mer Baltique. Nous trouvons mentionnés dans les sources historiques d'Islande, au commencement du 14-ième siècle (Hauk et Erlandson) les noms des fleuves se jetant dans le golfe de Riga, la Duna et l'Aa de Semgalle. La tradition suédoise de Jegvar raconte que dans la première moitié du onzième siècle les Semgalles ont été pour quelque temps tributaires des Suédois. La côte occidentale de la Courlande actuelle, où les Coures s'étaient d'abord établis, était située plus près et presentait plus de commodité aux Normands pour leurs excursions de guerre et de brigandage. La chronique de Henricus de Lettis, remontant avant la conquête de la Livonie par les Allemands, nous rapporte (VII, 1) que les Coures et les habitants de l'île d'Oesel avaient pris l'habitude d'entreprendre des excursions de pillage contre les Danois et les Suédois. Ce qu'osaient et exécutaient ces peuples moins puissants du pays Baltique situé vers l'est, les Normands plus puissants l'ont probablement fait avec beaucoup plus de succès et dans un temps antérieur. Ainsi le rapport de Rimbert parait parfaitement digne de foi. Il y a deux points cependant, où la vanité fanfaronne des Suédois semble avoir exagéré, et où l'historien est en droit d'avoir des doutes.

Le premier point c'est la grandeur de la somme d'argent payée par les habitants d'Apulia à la conclusion de la paix; la restitution du butin, fait sur les Danois l'année précédente peut être croyable, ainsi que les tributs dont la valeur est inconnue. Mais quand d'après la chronique on nous raconte qu'il y avait dans la ville d'Apulia 15000 guerriers, sans nous faire savoir, si ceux-ci étaient recrutés des environs de la ville, il en résulte sans doute, qu'il y avait dans la ville autant de femmes que de guerriers et un nombre double d'enfants. Ce serait, tout compté, une population d'à peu près 60000 personnes, et si l'on avait payé pour chacune une demi-livre d'argent, cela ferait 30000 livres ou environ 660000 roubles, si nous comptons pour chaque rouble d'argent une once et demie, de manière qu'une livre d'argent aurait valu 22 roubles. Nous ne pouvons pas supposer qu'une ville de notre pays au neuvième siècle fût assez riche pour payer une telle somme. Les nombreuses sources historiques du 13-ème siècle ne nous disent absolument rien de semblables richesses des habitants indigènes; et cette richesse en argent devrait plutôt avoir augmenté pendant les quatre siècles depuis l'excursion de Rimberg et d'Olaf contre Apulia, au lieu de s'appauvrir d'une telle manière.

Il serait peut-être de quelque utilité de se souvenir ici du № 603 du Livre des documents de Livonie, d'Estonie et de Courlande, où nous trouvons que des paysans épiscopaux avaient été dépouilles à Porbone (le Perbonen d'aujourd'hui à l'ouest de la Courlande) par les gens des chevaliers de l'ordre du château voisin Neuhausen, et on nous donne une liste détaillée de toutes les choses volées. On peut juger par là

de quoi se composaient les richesses des Coures de ce temps-là; on nous cite: du fromage et du beurre, des chevaux et des selles, des fers à cheval, des poules, du blé séché, du pain, du houblon, de la bière, du sel, de la viande, des poissons, des hachoirs des faucilles, des haches, des piques, des boucliers, du fil, des tissus, des sacs, des toiles, des couvertures, des vêtements pour hommes et pour femmes, des sandales, des peaux d'élans tannées pour de telles sandales, des peaux de vache tannées, des pots d'argile, des marmites, des chaises, des bancs et des tables. Il est très-intéressant que les brigands dans cette recherche à fond n'aient pas trouvè plus de trois onces d'argent (appertenants à *un* paysan) parmi tout le bien de cinq familles, dont les noms sont cités. Trois onces d'argent pourraient équivaloir à deux roubles d'argent, seulement il faut se souvenir que la valeur de l'argent était beaucoup plus grande 600 ou même 1000 aus auparavant. An 13-ème ciècle un Coure n'aurait pas pu payer pour une famille de quatre personnes deux livres d'argent (= 44 roubles) et encore moins 400 ans plus tôt.

Nous pouvons conclure que les rapports de Rimbert sont très exagérés comme cela arrive toujours quand il s'agit de pays lointains et étrangers.

Nous trouvons une autre exagération énorme qui provoque encore plus notre doute, c'est le nombre des guerriers trouvés par les Suédois à Seebourg et à Apulia. Les rapports de Rimbert exagéraient la grandeur de la victoire des Suédois par le grand nombre des ennemis et nous devons avoir de l'indulgence pour cette vanité humaine. Il est dit tout-à-fait franchement que les Suédois voulaient aequérir de la gloire („volentes sibi nomen adquirere").

Il est reconnu absolument impossible que la ville de Seebourg ait eu 7000 et la vilie d'Apulia 15000 guerriers parmi leurs habitants. C'est un fait historique que des grandes villes se forment relativement tard, quand la population augmente, ne trouve plus d'occupation dans l'agriculture et penche de plus en plus vers le commerce et l'industrie. Puis les villes s'agrandissent continuellement. On ne trouve d'exceptions qu'en temps de guerre, pendant lesquels des villes peuvent disparaitre pour toujours, comme par exemple en Livonie pendant la guerre du Nord. Dans les sources historiques nous ne trouvons pas la moindre notification de grandes catastrophes guerrières, où les Coures et les habitants du pays Baltique situé vers l'est aient perdu de si grandes villes. Au 13-ème siècle, duquel nous avons plusieurs descriptions du pays et des habitants, le pays n'a pas de villes qui méritent ce nom, quoique les chroniques et les documents nomment de temps en temps „urbes". Henricus de Lettis nomme les villes (urbes) d'Ykescola et de Lenewarde (IX, 2, 11) situées sur la rive droite de la Duna et Waldia sur l'île d'Osilia (Oesel) une ville (fortior urbs) qui se distinguait par sa force des autres villes de l'île. Ces „urbes" du chroniqueur Henricus ne sont rien d'autre que les clôtures, nommées par la chronique en rimes (de 1390—1400) à différents châteaux de Semgalle (p. ex. à Doblen 9139—9144 à Terweten de 9568—89) et qui étaient de petits bourgs palissadés, dont le nombre des habitants montait à 1000 tout au plus. La chronique en vers ne cite des villes que chez les Russes (Nogarden v. 2878—79; Plerskowe v. 2699—2601; Susdal v. 2205—7); et je n'ai pas trouvé une seule ville

chez les Lettes, les Semgalles, les Lives et les Coures. J'en conclus que ces peuples n'ont pas eu de ville digne de mention ni au 9-ème siècle ni au 13-ème.

A ceci il faut ajouter que nous apprenons de sources historiques du 13-ème siècle que les remparts faits par les indigènes pouvaient rarement résister à une attaque sérieuse. Les simples palissades étaient facilement prises d'assaut et brûlées. Le seul moyen de salut pour les habitants était de se réfugier dans le château voisin qui était fortifié par des remparts de terre plus ou moins fermes qui entouraient la montagne ou la colline aux endroits où c'était nécessaire. Moi-même, j'ai visité et examiné quelques centaines de montagnes à châteaux dans le pays Baltique, ou j'en ai reçu des descriptions détaillées. Nulle part je n'ai trouvé de traces de levées de terre autour d'une clôture éventuelle *à côté* d'une telle montagne. Il est impossible qu'une clôture puisse résister pendant huit jours à une considérable troupe de soldats (comme Rimbert nous le dit d'Apulia).

Il en était autrement avec les châteaux du pays. Nous savons par la chronique en rimes que les châteaux de Semgalle, qui du reste ne se distingaient pas considérablement des châteaux du pays des Lives et des Coures, —je nomme Doblen, Terweten, Rakten, Sidroben — ont victorieusement résisté à l'Ordre Teuton et à ses attaques toujours répétées pendant les dizaines d'années; ils n'ont en effet jamais été pris (Terweten le fut seulement une fois pour quelque temps) mais enfin ils ont été abandonnés volontairement par leurs garnisons, lorsque celles-ci y furent contraintes par la faim. Après cela il est bien probable que les Suédois, ne pouvant prendre Apulia comme Seebourg par un coup le main, aient bloqué en vain le château d'Apulia, car sûrement ils manquaient d'armures, d'armes, des machines nécessaires qui 400 ans plus tard étaient à la disposition des chevaliers de l'Ordre.

D'abord il s'agit de constater la grandeur des châteaux païens de notre district, pour établir, combien de guerriers composaient la garnison d'un château et surtout celle d'Apulia. Nous parlerons encore d'Apulia, quand nous aurons constaté la situation de ce château, et nous considérerons d'abord la grandeur des châteaux en Livonie et en Lettonie, connus avec certitude dans l'histoire. Nous trouvons ici des faits bien frappants: les châteaux sont tous extrêmement petits quoiqu'ils diffèrent encore l'un de l'autre en dimension.

En Livonie au bord de la Duna, arrondissement de Riga, gouvernement de Livonie, Lennewarden (où la place de l'ancien château et tout près du château actuel) et Ascheraden (où la montagne est située près du presbytère) ont eu une importance principale. Tous les deux ont encore aujourd'hui de visibles petits-châteaux en avant d'un autre plus grand. Trois autres grands châteaux situés au nord de la Duna dans le district de Thoreida ou non loin de là n'ont pas de petits-châteaux visibles: le „magnum castrum Cauponis“ (Henricus de Lettis) maintenant connu sous le nom de „Karlsberg“, près du château de Treiden, dont il n'est séparé que par une ravine, et Altwenden, le petit château des Vendes dans le parc du nouveau château de Wenden (Nussberg) — arrondissement de Wenden, gouvernement de Livonie.

En Semgalle il suffit de nommer Terweten, attaqué et assiégé souvent et long-

temps (la place de l'ancien château est tout près du domicile du propriétaire de Hofzumberge, arrondissement de Doblen, gouvernement de Courlande). Dans le pays des Coures je nomme les beaux châteaux en forme d'ellypse près des bourgs de Zabeln et de Talsen (arrondissement de Talsen, gouvernement de Courlande). Ces deux n'ont pas de petits-châteaux. La contenance des plateaux de château est rangée comme suit en toises carrées (à 7′):

	Plateau de château.	Plateau de petit-château.	Ensemble.
	une toise	carrée à 7′.	
Lenewarde	2020	3730	5750
Ascrad	260	980	1240
Magnum castrum Cauponis . . .	1360	—	1360
Sallesele	1337	—	1337
Wendorum castrum	288	—	288
Terwetene.	150	335	485
Zabele	545	—	545
Talsen	450	—	450

Il est possible que se nombre ne soit pas tout à fait juste pour le château païen, parce qu'un château allemand a été bâti à la même place et à cette occasion la place du manoir et du petit-château peut avoir été agrandie.

Voilà quelques exemples de la grandeur des châteaux Baltiques. Je ne crois pas qu'il y ait encore beaucoup de châteaux plus grands ou plus petits dans notre pays.

Si nous examinons les moyens de défense de ces châteaux, dont la contenance semble souvent suffir à peine pour quelques maisons et greniers, les sources historiques du 13ème siècle rapportent p. ex. du château des Vendes qu'il avait été en 1210 vigoureusement assailli pendant trois jours par une grande armée d'Estoniens, mais que l'attaque était restée infructueuse. (Henricus de Lettis XIV, 8).

Il est vrai que les Vendes avaient alors chez eux „plusieurs" chevaliers allemands à leur aide. Le même chroniqueur raconte ce qui suit (XXII, 4): En 1218 une bonne armée de 1600 hommes, ramassée pendant deux années par le grand-duc de Novgorod, a assailli sans succès le petit château des Vendes, après qu'une petite division avait cerné la même place pendant un jour peu de temps avant cela. Mais cette fois-là aussi les Vendes avaient quelques chevaliers à leur aide et tout près de là les premiers commencements de l'Ordre Teutonique à Wenden quoique la garnison y fût très peu nombreuse, parce que le maître avait quitté son château pour aller à la rencontre des renforts qui venaient de Riga.

Mais les circonstances étaient tout autres quant au petit château des Semgalles, Terweten. Une garnison toute semgalle (lette) s'y est défendue pendant des années et des années contre l'Ordre Teutonique dans un espace de moins de 500 toises carrées

avec ses maisons et ses greniers sans l'aide d'alliés étrangers qui auraient été mieux armés. La chronique en rimes, qui est digne de foi, rapporte que les attaques de l'ordre contre Terweten avaient commencé en 1259—60. Ce n'est qu'en 1270 que Terweten se rend à l'ordre; en 1279 les Semgalles reconquirent leur château et s'y défendent jusqu'en 1286. Pendant ces sept ans des combats contre Semgallen se répètent souvent, et en 1281 une armée énorme (de 14000 h.) attaque Terweten, mais elle se contente d'un traité qui fut bientôt rompu de nouveau et se rétire sans détruire on prendre le château déjà en flammes. Mais alors l'Ordre bâtit sa forteresse de Heiligenberg, et les Semgalles sont obligés de quitter pour toujours leur château fort.

Nous pouvons juger par ces faits, avec quelles difficultés on pouvait prendre même un petit château païen au 13ième siècle. On peut s'imaginer que les Suédois ont eu beaucoup plus de difficultés 400 ans auparavant, en voulant prendre Apulia, et il semble très-peu nécessaire de croire le référé des rapports de Rimbert sur les grandes villes dans le pays des Coures avec des garnisons de tant de milliers de guerriers. Il est bien croyable qu' Apulia, un simple château des Coures, pouvait supporter un siège de huit jours sans avoir besoin d'une armée de 15000 guerriers.

II.

Notre seconde question est une question *géographique*. Où était situé l'Apulia de Rimbert? Peut-on l'identifier avec la montagne d'Apulé près de Choden (district de Telche, gouvernement de Kovno)?

1. *La situation de Seebourg.*

Avant de répondre à cette question il faut en résoudre encore une autre: Où était situé Seebourg, c'est-à-dire, où a abordé la flotte suédoise d'Olaf?

On nous nomme, autant que je le sache, seulement une ville du nom de Seebourg, située dans le pays des Coures. Nous avons des rapports tout-à-fait certains qui nous disent quel était le pays habité par les Coures au 12ième et au 13ième siècle dans le gouvernement de Courlande. Ce sont les endroits dont les noms suivent: Le rivage d'Angern situé au golfe de Riga, le pays autour du cap de Domesnäs, les côtes jusqu'à l'embouchure du fleuve de Windau, et plus loin vers le sud le pays jusqu'à Rutzau, et jusque dans la Prusse actuelle, puis la terre ferme jusqu'aux sources de l'Abau (incl.), la rivière de l'Aa de Semgallen (excl.) et jusqu'à la frontière du gouvernement actuel de Kovno. C'est-à-dire que nous devons chercher Seebourg quelque part au bord de la mer entre Angern et Memel:

Il est impossible que Seebourg ait reçu son nom de la mer (**die See**) mais il l'aura reçu d'un lac (**der See**), parce que la mer n'a rien de caractéristique pour une ville maritime; il en est autrement d'un lac près de la mer. Pour cette raison il est impossible que Seebourg ait été situé à l'embouchure d'un des fleuves de Roje, Yrbe, Nabola, Windau, Hasau, Riwa, Saue, St. Aa, Niemen, et il faut que nous le cher-

chions seulement au bord du lac d'Angern ou de Libau ou de Papen. Mais comme la dune du lac d'Angern ou de Papen n'offre pas de points propres à un port, et comme il n'y a jamais eu de lieux de commerce maritime aux bords de ces lacs, il ne reste que l'ouverture du lac de Libau, où des vaisseaux ont abordé dès l'antiquité. Maintenant la ville commerçante de Libau y prospère de plus en plus, c'est la seule porte entre toute la Russie de sud-ouest, la mer Baltique et l'Europe occidentale. Avant que Libau devint une ville, c'était Grobin, maintenant un bourg de peu d'importance, qui lui-même faisait le commerce maritime, lorsque de petits vaisseaux pouvaient entrer dans le lac et peut-être remonter le fleuve d'Alante presque jusqu'au château de Grobin.

Vers 1200 Liwa („Frontières de la langue lette" etc. v. 217, 225) a été situé au sud le Libau sur la basse côte entre la mer et le lac, à côté de la „Percune-calwe" l'île de Percun (maintenant le domaine de la couronne Perkunen).

Il va sans dire que les Suédois de Perkunen ont inventé le nom de *Seebourg*, nom, que naturellement la ville des Coures n'a pas porté. Nous ne trouvons aucun nom que nous puissions identifier à celui de „Seebourg" quand parmi les noms cités par la chronique dans le pays des Coures nous cherchons les noms de châteaux et autres établissements. Mais nous trouvons un étrange nom de district dans la chronique de Baudouin d'Aluin (chronique de la Livonie par Bunge № 103 I, 134) qui parle de la christianisation paisible et de la conquête du pays des Coures et qui contient des notices importantes sur la division de ce pays („Les frontières de la langue lette" page 177 ff.): le nom d'Esestua. Certainement ce nom a été estropié, et feu le Dr. Berkholz de Riga l'a défini d'une manière excellente par une supposition très ingénieuse (loc. cit. p. 178). Quand, avec le changement d'une seule lettre nous lisons Esertua au lieu d'Esestua, nous avons un mot de pure origine lette (cf. esars = lac et tuwa adv. près de) et avec l'e de la terminaison féminine, ce mot veut dire en allemand Landseenähe et désigne le voisinage d'un lac. Or il est constaté authentiquement dans le № 103 des documents livoniens qu'Esestua (ou Esertua) était une province près de Durpis (le Durben d'aujourd'hui) (entre Grobin et Hasenpoth dans le district de Grobin) (loc. cit. p. 178) et cette province doit sans doute être identifiée avec la contrée qui entoure Grobin et le lac de Libau qui est le second en grandeur parmi les lacs de tout le gouvernement. Dans le document de partage de 1253 (doc. liv. I 322) nous trouvons mention d'un endroit, nommé Bihavelanc, dont les frontières sont faciles à marquer avec précision, après qu'on a constaté la situation des lieux qui y sont cités (loc. cit. p. 215 sqq.) et qui par conséquent enclavait ou une partie, ou la paroisse entière du Grobin actuel, ainsi que Durben, Sackenhausen et Hasenpoth. Le mot Bihavelanc est un mot bas-allemand = „bei dem Haff entlang" et signifie évidemment dans ce cas le long du lac de Libau, car ce lac a tout-à-fait la nature d'un „Haff."

Serait-ce trop hardi, de soutenir l'opinion que le nom allemand de Bihavelanc n'est que la simple traduction de l'ancien nom lette Esestua (Esertua)? Seulement il faut remarquer que l'étendue du Bihavelanc de 1253 était plus grande que celle d'Esestua (Esertua) en 1230, car il paraît que ce dernier n'embrassait pas Durben.

Du reste nous observons dans les sources historiques, que les frontières des provinces au 13-ième siècle ne sont absolument pas fixées par les seigneurs allemands, mais qu'elles sont données d'après les traditions des naturels du pays.

Les noms de province Esestua (Esertua) et Bihavelanc nous confirment dans l'opinion que la ville de Seebourg, citée par Rimbert, ne pourrait avoir été située nulle autre part qu'au bord du lac de Libau, soit à l'embouchure du lac dans la mer Baltique, peut-être à la place du Libau actuel, soit à celle du ruisseau de Grobin dans le lac de Libau où, d'après la tradition, a été jadis le port de Grobin. (Peut-être aussi Seebourg était-il situé encore plus en amont, si le ruisseau déjà nommé était navigable pour les petits vaisseaux d'autrefois, ou si le lac de Libau s'étendait plus loin à l'est, près de la petite ville de Grobin). Maintenant à cet endroit il y a encore une belle montagne de castel des temps païens.

D'après la manière de coloniser des peuples baltiques il est absolument invraisemblable que la ville de Seebourg n'eût pas de castel. En 1253 Liwa (le Libau de plus tard) est nommé „ein dorp“, dans le document latin „villa“ et on n'y fait pas mention d'un „castrum“. Mais dépuis 853 la colline de sable pour le castel peut facilement avoir été emportée par les tempêtes de la mer, comme je l'ai vu moi-même pour une colline semblable près de l'Aa de Semgalle non loin du golfe de Riga.

D'après ce qui précède nous pouvons conclure que le nom de Seebourg donné par Rimbert est la traduction du mot lette „esar-pils“ ce qui cependant n'est pas prouvé autre part, mais ce qui s'accorde parfaitement avec le nom de province Esestua (Esertua). Déjà en 1883 l'académicien M. Kunik a présumé que Seebourg devait être la traduction d'un mot courlandais, seulement il supposait alors que ce nom était d'origine finnoise-courlandaise, tandis que tout ce que nous en avons dit montre une origine lette-courlandaise.

2. *Les „quinque civitates“ des „Cori“.*

Avant de continuer de parler de la marche de l'armée suédoise de Seebourg à Apulia, permettez-moi de vous montrer une notice de Rimbert qui est peut-être de grande importance. Il raconte que le „regnum“ des „Cori quinque habebat civitates“. Que veut Rimbert dire par cet empire (regnum) des Coures et par les „civitates“ de cet empire? Il est très invraisemblable qu'un seul roi ait régné sur tout le pays habité par les Coures. De grandes organisations politiques n'existaient pas encore dans ces temps anciens. Au 13-ième siècle nous trouvons ci et là l'expression „reges“ qui signifiait seulement des chefs de territoires relativement petits, quelquefois rien de plus que la banlieue d'un castel (castellatura). Rimbert ne dit rien d'un „rex“ des Coures, grand ou petit. Nous pouvons conclure que Rimbert et ses garants ont seulement désigné le peuple et le pays des Coures par ce mot „regnum“.

Il paraît que Rimbert se servit aussi du mot „civitas“ pour „urbs“ = ville, p. ex. pour Apulia (cf. cum itaque illi advenissent conclusis ipsis in civitate, isti a foris urbem debellare, illi de intus coepere viriliter repugnare). Mais les deux expressions ne sont pas équivalentes; „urbs“ veut dire réunion de maisons, „civitas“ est la totalité des citoyens (cives), les habitants. C'est aussi ce que veut dire Rimbert. Il raconte qu'à

l'arrivée des Suédois et le blocus des (15000) guerriers, le combat contre ou chez les autres habitants de la ville (urbs) commença par une attaque du dehors et une défense du dedans.

Si cette interprétation et definition est juste, et elle l'est certainement, la remarque susdite ne dit pas que le terrain des Coures n'ait eu que cinq bourgeoisies ou cinq communautés. Tout le pays des Coures a eu beaucoup plus de cinq „urbes", si nous ne comprenons sous le nom d'„urbs" rien d'autre qu'une clôture qui touchait à un manoir. Mon ouvrage dernièrement publié sur les frontières etc. fait mention d'une grande quantité de manoirs dans le pays des Coures.

Si nous demandons pourquoi les garants de Rimbert ont supposé qu'il avait cinq „civitates" des Coures, et si nous ne pouvons pas penser que ce nombre soit fondé sur le hasard ou choisi au gré des garants, il faut se rappeler une explication qui se fonde sur les résultats de la dernière recherche dans la géographie préhistorique du pays de Coures (loc. cit. p. 177 sqq.).

Il est certain que le pays des Coures au 13-ième siècle, et peut-être déjà avant cela, a été divisé en cinq districts, dont les noms et la situation au 13-ième siècle sont fixés de la manière suivante:

1. *Vredecuronia* (c'est-à-dire „Courlande de paix"), nommé ainsi parce qu'il accepta volontiers et d'une manière paisible en 1229—30 la domination allemande et le christianisme, s'étendait du lac de Kangern (non loin de l'embouchure de l'Aa de Semgallen) jusqu'au cap Domesnaes et de là presque jusqu'à l'embouchure de la Nabole, non loin du cap Lyserort; outre le bord de la mer le pays autour de Tuckum, Kandau, Zabeln et Talsen appartenait encore à ce district.

2. *Winda,* nommé ainsi d'après le fleuve de Windau (en lette Wenta), comprenait le bas-courant de la Windau autour de Pilten et le bord oriental depuis Lyserort jusqu'à Sernaten (incl.).

3. *Bandove* touchait à la mer Baltique au sud de Sernaten jusqu'à l'embouchure de la Riwa (incl.) et comprenait le pays au delà de Goldingen, Schrunden et jusqu'à la frontière de la Lithuanie.

4. *Bihavelanc* (c'est-à-dire le long du Haff, bei dem Haff entlang) comprenait la contrée de Sackenhausen, Grobin et Durben et touchait à la mer Baltique depuis l'embouchure de la Riwa jusqu'au rivage méridional du lac de Libau.

5. *Durzare* (c'est-à-dire le pays des deux lacs) touchait à la mer Baltique entre le lac de Libau et de Papen, et s'étendait vers l'est jusqu'à la contrée de Gramsden.

Si nous connaisons ces cinq districts, les anciennes forces navales et le penchant des Normands pour la guerre et le pillage, il est très-probable qu'ils ont bien connu les rivages de la Courlande et que justement les embouchures des fleuves ont été les cinq lieux de débarquement:

1. L'embouchure de *l'Irbe* (nom finnois, nommé Angern par les Lettes) — Vredecuronia, Courlande septentrionale.

2. L'embouchure de la *Windau* — district de Winda.

3. L'embouchure de la *Riwa* ou celle de la Sacke qui se trouve à la frontière de Bihavelanc — à Bandove.

4. L'embouchure du lac de Libau (Seebourg) — à Bihavelanc.

5. L'embouchure de l'Aa saint non loin du lac de Papen.

Il va sans dire qu'une grande connaissance des Normands avec l'intérieur du pays ne résulte pas de leur connaissance très-probable de ces cinq ports, plutôt de ces cinq entrées dans les anciens cinq districts du pays des Coures du côté de la mer Baltique. Il est constaté que ces ports ont été les entrées principales des émigrants finnois dans le pays des Coures. Il est probable que l'intérieur du pays a été pour la plus grande partie une „terra incognita" pour les Normands, surtout au 9-ième siècle.

En voilà assez sur les „quinque civitates" des „Cori" dont parle Rimbert.

3. *„Iter quinque dierum"*.

Après avoir décrit la conquête et la destruction de Seebourg, Rimbert ne dit rien de la direction de la marche des Suédois contre Apulia. Il dit seulement: „dimissis navibus, iter quinque dierum arripientes, ad aliam urbem ipsorum, quae Apulia dicebatur,... properabant", c'est-à-dire: ils quittent leurs navires et atteignent en cinq journées de marche l'„urbs" d'Apulia. Nous ne pouvons pas douter des cinq journées de marche. Elles nous offrent un appui pour taxer la distance entre Apulia et Seebourg.

Premièrement on ne mentionne pas de chevaux. Sûrement on n'en a pas sur les navires. Il est au moins douteux qu'on ait requis des chevaux à Seebourg. Il est probable que les habitants du pays au moment de la victoire des Suédois se soient réfugiés dans l'intérieur du pays et naturellement avec leurs chevaux. Par conséquent nous devons accepter cinq journées de marche faites par des guerriers à pied.

Secondement: On nous raconte que la marche a été faite à la hâte. Une attaque imprévue ne pouvait réussir que si on se hâtait. Mais il n'y avait pas de chemins. Dès l'antiquité les troupes marchaient ordinairement le long des fleuves qui ont des sinuosités. Traverser les fleuves sans ponts prenait beaucoup de temps et arrêtait les troupes. Certainement on devait emporter des vivres.

D'après tout cela on ne peut pas supposer que les troupes aient fait même à la hâte beaucoup plus de trois lieues ou vingt verstes par jour, c'est-à-dire 15 lieues ou 100 verstes en cinq journées de marche.

Si nous cherchons aux alentours du Libau actuel une ville qui porte aujourd'hui et qui ait porté autrefois un nom ressemblant à celui d'Apulia, nous en trouvons une seule de cette espèce, à dix verstes de Chkoudy (Szkudy d'aprés l'orthographe polonais, Schoden en allemand) vers l'est, en Lithuanie (gouvernement de Kovno) non loin de la frontière courlandaise à 63 verstes (par la route actuelle) de Libau. C'est un petit village lithuanien avec une ancienne montagne de manoir des temps païens, nommé Apoulé (Opoulé). La distance semble plus petite que nous ne l'avions supposé, si cette distance est franchie à marches forcées. Mais nous ne savons pas quelle route les Suédois ont prise, quels détours ils ont faits (je me désiste à bon droit de toute hypothèse), quel arrêt ils ont eu en chemin. Il y a une circonstance qui est importante. Apoulé près de Chkoudy est situé sur le territoire du

lac de Libau, aux affluents de la Bartau, et par conséquent appartient au rayon de Seebourg-Libau, si nous supposons que les territoires des anciens temps se réglaient d'après les lignes de partage des eaux. Et il est probable „a priori“ que les Suédois ont pénétré tout de suite dans le pays derrière Seebourg-Libau et qu'ils n'ont pas traversé les faîtes, ne sont pas allés vers le nord-est, ni vers la Windau d'après l'opinion de M. Boering, qui croit avoir trouvé Apulia près de Groesen sur la Windau (cf. le rapport de la Société Courlandaise pour la littérature et les arts p. 8—24).

Il faut ajouter encore que d'après les rapports de la chronique une route souvent employée conduisait du pays des Coures le long de la Wartaje (au sud de Durben) vers la Bartau et par Chkoudy vers la Lithuanie (Samaïtes). De telles routes subsistent pendant des siècles parce qu'elles dépendent du sol et de la colonisation. Il est impossible qu'Olaf n'ait pas pris cette route, s'il l'a atteinte près de Durben.

4. *Le nom d'Apulia et Apoulé.*

Le village actuel d'Apoulé (en lith.) Opoulé (en lette) est situé près du petit bien de Lowisenhof, dépendance du bien de Sparki près duquel se trouve un village du même nom, situé au sud du fleuve de Louba et de la route qui va maintenant de Chkoudy à Iloki à dix verstes vers l'est de Chkoudy.

Le bourg d'Appule est d'abord ainsi nommé dans le document de division 249 (livre de documents de la Livonie I p. 327) et 253 (livre de documents de la Livonie I p. 334) (le premier en latin du cinq avril 1253, le dernier en allemand du vingt juillet 1253) et il est dit qu'il avait été situé dans le district de Ceclis, c'est-à-dire dans le district actuel de Telchi (cf. pasteur A. Bielenstein, Frontières de la langue lette). Si Bunge dans ses documents — Liv. I p. 334 — parle d' Ampule, on peut d'après le document latin et le document assez digne de foi conservé aux archives du bien de Papen faire de ce nom celui d'Appule.

M. Sprogis, bibliothécaire à Vilna, mentionne dans son „Географическій словарь жмойтеской земли XVI столѣтія“. Вильна 1888 p. 214 le bien Opoulé (имѣніе *Опуле* въ Тельшев. вол.) dans le district de Telchi.

A l'exception du changement de l'a en o, changement qui arrive souvent, le nom du bourg est resté le même depuis 1000 ans. Il était tout-à-fait nécessaire, et par conséquent on ne peut pas être étonné que Rimbert, écrivant en latin, et latinisant le nom d'Appule changeât en „ia“ la terminaison „i“, correspondante à celle de „ja“ qui est plus ancienne, et cela d'après une règle des langues lettes, constatée par l'histoire des langues (cf. A. Bielenstein „La langue lette d'après ses sons et ses formes“ Berlin 1863 I p. 186 II p. 46). (Il en est de même de Henricus de Lettis qui a fait du nom de district de Semgale le nom latin de Semgallia etc.). En parlant des règles de la langue lette, en mentionnant et en expliquant la signification etymologique du nom d'Apoulé de l'adjectif lithuanien „apwalas“, en lette „appalsch“, rond (cf. en lette ap-welt, lith. webli, rouler autour de qc.) donnée par le professeur Dr. A. Bezzenberger, je ne veux pas encore m'occuper des recherches faites au sujet des Cori d'Apulia, et dont Rimbert fait mention. J'en parlerai dans la III-ième partie de mon travail.

5. *La montagne de manoir d'Apoulé.*

Je suis fâché de ne pas avoir vu et examiné la montagne de manoir d'Appule, et de ne pas avoir obtenu là-dessus des descriptions détaillées. E. Wolter (Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди. С.-Петербургъ 1887 p. 34) affirme que le périmètre de la montagne était de 500 pas. Ceci correspond tout-à-fait à la grandeur très peu considérable des autres montagnes à manoir dans le pays Baltique, et ne répond pas au nombre énorme de défenseurs, nommé par Rimbert, nombre dont nous avons parlé ci-dessus et qui n'empêche pas l'identité d'Apoulé et d'Apulia.

E. Wolter a trouvé un orifice de puits sur la montagne. Quand on y jetait un bâton, on entendait, d'après l'opinion du peuple, un son metallique. En outre on prétendait que le puits avait des murs de fer. Peut-être un vieux gardefou de pierre a-t-il donné lieu à une telle opinion. On trouve des orifices de puits sur la plupart de nos montagnes à manoir, et les Lettes les prennent pour des cheminées, par lesquelles on pouvait autrefois descendre dans la montagne et dans le manoir maintenant disparu. J'ai souvent entendu parler d'objets de fer (mais sans preuve historique) qu'on aurait trouvés ci et là.

6. *Résumé.*

Si nous résumons les points dont j'ai parlé ci-dessus, voici ce qui prouve l'identité de l'Apulia de Rimbert avec l'Apoulé du 13-ième siècle, avec l'Opoulé du XVI siècle et l'Apoulé, Opoulé d'à présent non loin de Chkoudy, district de Telchi:

1. La situation du port de „Seebourg" fixée ci-dessus.
2. La distance d'Apoulé près de Chkoudy de l'embouchure du lac de Libau dans la mer Baltique, où Seebourg doit avoir été situé (iter quinque dierum).
3. L'accord des noms d'Apulia et d'Apoulé.
4. L'existence d'une montagne de manoir à Apoulé dès les temps païens.

7. *Autres hypothèses.*

Des preuves positives me semblent plus importantes que la critique d'autres hypothèses qui étaient généralement trop vagues.

Il faut que je dise quelques mots sur l'histoire de notre question.

1. Dans l'édition de la „vita Anskarii de Rimbert" par G. Waitz (Hannoverae 1884) D(ahlmann) contredit l'opinion que Seebourg ait pu être Selebourg (Selbourg, Sehlspils en lette, à peu près à 16 lieues de Riga en amont) sur la Duna, parce que Seebourg doit avoir été près de la mer, et parce que les noms ne sont pas d'accord. Mais Dahlmann a tort de parler de la mer au lieu d'un lac, et il prétend que la Semgalle s'étendait jusqu'à Selbourg dans la partie haute de la Courlande, tandis qu'elle (Semgallen = pays bas) n'allait que jusqu'à la frontière des arrondissements actuels de Bauske et de Friedrichstadt, et jusqu'à la forêt de Taurkaln (A. Bielenstein: Les frontières de la langue lette etc. p. 118 ff.).

L'assertion de D(ahlmann) est très-étrange quand il prétend dans la remarque de la „vita Anskarii" par Rimbert, qu'Apulia était sans doute („haud dubie") Pilten en Courlande sur la Windau! On n'a jamais pu trouver de raison à cela.

Naturellement les savants étrangers pouvaient facilement se tromper en résolvant

des questions topographiques à cause du manque de chorographie détaillée. Il est même arrivé à L. J. Doering, secrétaire de la Société Courlandaise pour la Littérature et les Arts, homme de mérite pourtant, de se tromper en faisant une enquête sur nos montagnes à manoir. Il s'attachait aux grands nombres cités par Rimbert, les prenait tous pour autenthiques et cherchait d'après cela un endroit qui offrirait assez de place pour une très grande ville fortifiée. Puis il croyait l'avoir trouvée à l'embouchure de la Wardau dans la Windau, dans les environs du bien polonais de Groesen (gouvernement de Kovno) près de la frontière courlandaise (les comptes-rendus de la Société Courlandaise pour la Littérature et les Arts de 1884 p. 8—24).

Cette hypothèse n'était pas juste, parce qu'elle était fondée sur de fausses suppositions et parce qu'on avait déjà trouvé et constaté non loin de Groesen polonais la place du manoir lette de „Gresen“ (en lette Grese) nommé déjà au 13-ième siècle.

L'opinion juste a été exprimée déjà en 1845 par le Lithuanien *Dowkont,* historien national, dans son ouvrage „Budas senowęs Lëtuwiû“ qui est écrit en lithuanien et qui pour cela est resté inconnu. Il a déjà identifié Seebourg avec Libau, et Apulia avec l'Apoulé de la chronique de 1253 et l'Apoulé d'à présent, près de Chkoudy.

L'académicien *Kunik* a été le second qui en 1885 (cf. „Forschungen zur deutschen Geschichte“ Gottingue 1884, vol. XXIV p. 191—196) identifiait aussi Apulia avec l'Opule de la chronique de 1253, et qui supposait que c'était le Ceclis de 1253 dans le district de Telchi, gouvernement de Kovno, non loin de la frontière courlandaise. Kunik ne fait pas d'hypothèse quant à la situation de Seebourg, mais il supposait avec raison que le nom allemand était la traduction d'un nom courlandais, ainsi que le Noeteborg suédois (Nussburg) est la traduction du nom finnois pour le Schlusselbourg. Le pasteur Stegmann à Gramsden nous a fait des communications sur une montagne de manoir près d'Opule entre Chkoudy et Sloki dans la Gazette de Riga de 1886 № 20. D'après ces communications il a été possible à l'auteur de cet ouvrage de constater le point géographique où l'Apulia de Rimbert a été situé, et où ont eu lieu les combats du roi Olaf contre les Coures en 853 après J. C. Maintenant il s'agit principalement de constater l'existence de la montagne de manoir près d'Apoulé-Lowisenhof.

L'ouvrage de E. Wolter „Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди, С.-Петербургъ 1887 p. 25 sq.“ nous offre quelques détails sur l'histoire des recherches d'Apulia. Engagé spécialement par l'académicien Kunik, E. Wolter a visité et examiné Apoulé près de Chkoudy dans l'été de 1886 à l'occasion d'un voyage ethnographique qu'il a fait avec J. Doering, et nous donne d'intéressantes communications topographiques aussi bien que des traditions. Les premières ont été racontées ci-dessus. Je vais citer une tradition populaire, parce qu'elle semble avoir quelque valeur historique: les gens racontent qu'autrefois une église s'était trouvée sur la montagne de manoir d'Apoulé, et qu'elle a été détruite pas les Suédois.

Il n'est pas impossible qu'une petite église catholique se soit trouvée sur la colline, mais il n'est pas probable qu'une église chrétienne ait été détruite par les Suédois chrétiens, peut-être pendant la guerre du nord, si on ne peut pas constater qu'une cannonade ou une bataille ait eu lieu à cet endroit. Mais si nous considérons que les

montagnes de manoir des anciens temps païens passent pourtant pour des endroits saints d'après la croyance vulgaire, et que la légende raconte souvent, ce qui est très peu probable, que des églises (basnizas) y étaient bâties, alors je crois possible que la mention des Suédois dans la tradition populaire soit un souvenir étrange des combats d'Olaf d'il y a 1000 ans. On objecte, que seuls les savants modernes auraient raconté au peuple autour d'Apoulé la campagne d'Olaf, mais ce n'est pas probable parce que E. Wolter aété le premier chercheur moderne qui soit monté sur la montagne d'Apoulé. Et Dowkont ne mentionne pas du tout cette montagne. E. Wolter en parle peut-être parce qu'il venait de la contrée d'Apoulé-Lowisenhof.

Quoi qu'il en soit, on ne peut pas douter que le peuple ne garde fidèlement des traditions pendant des siècles. Un paysan de la contrée de Hasenpoth me racontait une fois avec la plus grande sûreté que le manoir sur le „Merkelkalus" (montagne de Merke) situé entre Hasenpoth et Strohken, dont la chronique en rimes (v. 6349) nous raconte la destruction et dont la situation était inconnue à tous les historiens, et aux amis de l'histoire, — a été brûlé pendant la *guerre.* En même temps il m'assurait d'une manière très-positive que d'autres anciens manoirs dans cette contrée-là n'avaient pas été brûles pendant la guerre, mais s'étaient enfoncés, c'est-à-dire „re vera" étaient tombés en ruines, et la croyance vulgaire les croit sous la terre et les y cherche. La tradition mentionnée sur l'incendie de Merkes remonte sans doute à 600 ans. Si quelque chose peut se conserver dans la mémoire du peuple pendant 600 ans cela se peut aussi pendant 1000 ans.

Enfin cette tradition populaire semble aussi prouver l'identité de l'Apulia de Rimbert et de l'Apoulé près de Chkoudy.

III.

Nous arrivons à notre troisième et dernière question ethnographique: Quelle nationalité ont eu les Cori d'Apulia d'après la chronique de Rimbert?

Dans la question, posée au congrès archéologique de 1893, Apulia est simplement nommé „l'ancienne ville finnoise". Ce nom dit encore plus que Kunik, parce que le nom de Coures n'est plus nommé dans la question. Il est vrai qu'une autorité comme F. J. Wiedemann a placé sur un pied égal les Coures et les Lives dans son introduction de la grammaire live de J. A. Sjoegren (St.-Pétersbourg 1861), et qu'il a constaté la nationalité finnoise des Coures. Et pour cela Kunik se représente un nom d'origine finnoise-coure sous le nom allemand de Seebourg et une étymologie finnoise-coure sous celle d'Apoulé-Apulia, quoiqu'il reconnaisse avec raison que les autres noms du 13-ième siècle qu'on trouve dans Ceclis (Samojitoen) portent plutôt un caractère lette-lithuanien que finnois.

E. Wolter parle à la fin de la capitale des Coures finnois Apulia (cf. p. 25. О мѣстонахожденіи главнаго города чудско-куровъ (Корси), покореннаго шведами въ 853 году).

Par mes dernières recherches communiquées dans l'oeuvre: „Les frontières du peuple lette et de la langue lette dans le présent et au 13-ième siècle. St.-Pétersbourg 1892“ — il est probable qu'on comprendra tout autrement le nom de Coure et sa signification dans nos anciennes sources historiques. Sans vouloir et pouvoir répéter les éclaircissements détaillés de l'œuvre citée ou son résumé du passage p. 175—177 (explication générale du sens ethnologique et géographique des mots „pays des Coures“ et „Coures“ et des rapports entre les Coures et les Lives) et p. 314—333 (résultats pour les frontières, resp. établissement des Lettes et des Lives dans le pays des Coures, et conclusions pour la signification du nom de Coure déjà au 13-ième siècle), il faut que je dise en quelques mots les résultats suivants de mes propositions:

1. D'après les preuves historiques du 13-ième siècle le peuple lette et le finnois ont habité, avant l'arrivée et la domination de l'Ordre allemand, *le pays des Coures,* c'est-à-dire le pays autour des fleuves d'Abau et de Windau jusqu'au bord du golfe de Riga et de la mer Baltique, d'Angern jusqu'à Rutzau.

2. Quoiqu'on ne puisse pas fixer les proportions des deux nationalités et dire qu'il y avait tant pour cent de l'une ou de l'autre, on peut pourtant faire une statistique des pays ou districts plus ou moins habités par le peuple finnois d'après la proportion entre les noms des lieux finnois et lettes, en mettant d'un côté des noms, cités au 13-ième siècle, de l'autre des noms d'aujourd'hui. La carte V, 2 dans l'atlas joint à mon oeuvre, montre les proportions des habitants lettes et finnois du pays des Coures par différentes hachures. Si nous composons cette liste et ne mettons pas les noms des pays des temps païens, nous obtenons ce qui suit, et il est probable que dans cette liste le nombre des habitants à tant pour cent n'est pas exact; la proportion des finnois et des lettes dans la direction générale vers le sud et le sud-est est certainement sûre et irréfutable:

I.	Dondangen	6,4 %	de noms de lieu lives.
	Windau	5 %	„
II.	Wormen	3,7 %	„
	Goldingen	3,3 %	„
	Erwahlen	3,3 %	„
	Zabeln	3 %	„
	Hasenpoth	3 %	„
	Alschwangen	2,7 %	„
III.	Kandau	2,3 %	„
	Pilten	2,2 %	„
	Tuckum	2 %	„
	Neuhausen	1,9 %	„
	Talsen	1,5 %	„
	Sackenhausen	1,5 %	„
	Amboten	0,7 %	„
	Durben	0,6 %	„

Grobin . . . . 0,4% de noms de lieu lives.
Frauenburg . . . . . 0,2% „
Gramsden . . . . . . 0% „

3. On voit par cette statistique, que les habitants finnois ont été les plus nombreux dans la Courlande septentrionale (de Dondangen-Windau); il y en a moins vers Samaïtie dans les paroisses actuelles de Amboten, Durben, Grobin (Frauenbourg), Gramsden, c'est-à-dire dans les anciens districts de Bihavelanc et Bandove. Les traces de la population finnoise cessent tout-à-fait dans le pays des Coures le plus méridional, Duwzare, à la frontière de Samaïtie (Gramsden). Le peu de noms finnois du grand district de Grobin se trouvent seulement au bord de la mer et non dans l'intérieur du pays.

4. Il est constaté que la langue finnoise-live ainsi que la langue lette se parlaient au 13-ième siècle près des fleuves d'Abau et Windau et au bord de la mer, quoique dans différentes contrées, et que l'une ou l'autre langue étaient plus ou moins répandues.

5. Mais il n'y a qu'un seul nom général pour cette population mêlée; les gens s'appellent Coures (Courones) et les deux langues sont nommées la langue coure; seulement dans la chronique 783 (livre de chron. de Livonie II. 315 ff.) „coure" signifie „lette": („uf eine jiip, die hitet acmene-walke", c'est-à-dire un ruisseau qui s'appelle en coure „akmene-walke: le nom est tout-à-fait lette et signifie ruisseau de pierre).

6. Par conséquent le noms de „Coures" et „coure" ont eu au 13-ième siècle seulement une signification géographique et non ethnographique. Voilà le résultat irréfutable des recherches écrites dans l'œuvre nommée ci-dessus, et qui ont beaucoup d'importance pour résoudre la question: Quelle nationalité ont eu les Cori d'Apulia (Apoulé) dans la chronique de Rimbert?

Il faut ajouter encore que je crois avoir prouvé dans mon œuvre citée ci-dessus p. 348—375 (Quel peuple a eu la priorité sur les côtes du golfe de Riga et dans la Courlande occidentale, les lettes indogermains ou les finnois venant des monts Altaï?) que les lettes ont été les premiers habitants de la Courlande septentrionale et occidentale; que les lives (Coures) sont venus du nord par mer, qu'ils ont conquis certaines parties du pays; par conséquent ont été supérieurs aux lettes. D'après mon opinion il en résultent les faits historiques suivants:

1. Sans mentionner le bord de la mer, on doit dire qu'il n'y a jamais eu un nombre remarquable d'habitants finnois dans l'intérieur du pays, à l'est du lac de Libau, ni au 9-ième siècle ni au 13-ième ni à quelque époque que ce soit, où l'on ait nommé les Cori, „Корсь" etc.

2. On peut encore beaucoup moins constater que les finnois aient été domiciles en Samaïtie (gouvernement actuel de Kovno).

3. Si pourtant de nom des Coures s'est répandu jusqu'au pays à l'est du fleuve de Windau (Schrunden etc.), ce n'est rien autre chose que la transmission du nom

des vainqueurs aux vaincus, des puissants aux plus faibles et outre cela des habitants de la côte aux habitants de l'intérieur. De même que le nom de „Coures“ a été appliqué déjà dans les temps anciens au peuple lette dans l'intérieur du pays par les habitants finnois des côtes (encore maintenant les lettes de Preekuln et de ses environs s'appellent „Kursi“ pour se distinguer des Semgalles de Doblen et Bauske) le nom de „Courlande“ s'est répandu de la contrée située autour des fleuves d'Abau et Windau, jusqu'à celle du fleuve d'Aa, nommée toujours „Semgallen“ pendant le règne des ducs, et à tout le gouvernement de Courlande jusqu'à Illuxt. Il arrive souvent de tels changements daus la conception d'un mot. Il ne faut pas penser qu'il y ait eu des finnois en Samaïtie parce qu'on y trouve des noms finnois comme celui de Kurszani, et si Rimbert parle des „Cori“ à Apulia, nous ne nous trompons pas en prenant les „Cori“, même au 9-ième siècle, pour des gens d'origine lette, et non pour des lettes, mais pour de bons samaïtes. Il est probable que les frontières des peuples n'ont pas été alors très différentes de celles du 12-ième et du 13-ième siècle et de celles d'aujourd'hui. Les grandes migrations des peuples ont eu lieu beaucoup plus tôt. Si les déductions cidessus sont acceptées, on ne pourra plus nommer Apulia une „ville finnoise“ et on ne prendra plus les Coures en général tout simplement pour une tribu finnoise.

О раскопкахъ Борковскаго могильника.

А. И. Селиванова.

Въ 1892 году по порученію Императорской Археологической Коммиссіи мною были произведены раскопки древняго могильника, находящагося близъ села Борокъ, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Рязани. Раскопки производились мною при участіи членовъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи А. И. Черепнина и В. А. Городцова. Подробное описаніе могильника и найденныхъ въ немъ предметовъ будетъ опубликовано въ изданіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи. Пока предлагаю вниманію гг. членовъ археологическаго съѣзда лишь самыя краткія свѣдѣнія о могильникѣ, а также нѣкоторыя свои предположенія по вопросу о времени, къ которому можетъ относиться означенный могильникъ.

Борковской могильникъ былъ открытъ впервые въ 1874 году, при проведеніи желѣзнодорожной вѣтки отъ Козловскаго вокзала къ р. Окѣ. Тогда было найдено множество человѣческихъ костей, среди которыхъ было, какъ говорятъ, до 20 цѣлыхъ череповъ. При одномъ черепѣ оказалась сохранившеюся длинная женская коса темнаго цвѣта. Костяки лежали въ землѣ или поодиночкѣ, или по два и болѣе. Въ одномъ мѣстѣ нашли остовъ лошади. Кости и черепа, за исключеніемъ 2 или 3, взятыхъ какимъ-то студентомъ, были собраны и снова зарыты въ землю. Вмѣстѣ съ костяками находили разныя металлическія вещи, каменныя и стеклянныя бусы и много бронзовыхъ „позеленѣвшихъ", какъ выражались рабочіе-очевидцы, вещей. Находили бронзовые обручи (гривны) съ коробками и безъ коробокъ, разной формы пряжки и подвѣски, серьги, браслеты, круглыя бляхи и т. п. вещи. Найдено было много остатковъ желѣзнаго оружія и конской сбруи, наконечники копій и стрѣлъ, перержавленные мечи, ножи, удила, стремена и разные обломки. Встрѣчались и серебряныя вещи, а именно: толстый круглый обручъ (гривна), тройной обложной обручъ и нѣсколько узкихъ продолговатыхъ пластинокъ. Между костями, какъ передавали, попадались отдѣльныя серебряныя монеты. Нѣкоторыя изъ нихъ были съ отверстіями. Кромѣ одиночныхъ монетъ были открыты въ то время два замѣчательныхъ монетныхъ клада, скрытыхъ въ землѣ на глубинѣ двухъ аршинъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ одинъ отъ другого. Первый кладъ находился въ совершенно сгнившемъ ящичкѣ, въ которомъ оказалось болѣе 120 серебряныхъ монетъ, частью перерубленыхъ на половинки, четверти и болѣе мелкія доли. Другая монетная находка помѣщалась въ кожаномъ

кошелѣ или мѣшечкѣ; монеты были серебряныя, сильно потертыя, съ половинками и четвертями, числомъ болѣе 100 экземпляровъ. Къ сожалѣнію, въ Рязани въ то время не было еще учрежденія, подобнаго нынѣ существующей Ученой Архивной Коммиссіи, которое бы интересовалось сдѣланнымъ открытіемъ, а потому многочисленныя и интересныя находки, выбранныя изъ могильника рабочими и другими лицами, бывшими при земляныхъ работахъ, разошлись въ разныя стороны и почти всѣ безслѣдно исчезли. Только по счастливой случайности уцѣлѣло у одного лица нѣсколько вещицъ, которыя въ настоящее время переданы имъ въ Рязанскій музей. Кромѣ того уцѣлѣло до 40 экземпляровъ монетъ, которыя оказались серебряными калифскими диргемами VIII и IX столѣтій. Самый древній изъ нихъ былъ омейядскій, калифа Мервана II; остальные были абассидскіе: Абу-Джафара, эль-Мегди, Гарунъ-эръ-Рашида, эль-Мамуна и др.

Осенью 1891 г. членъ Рязанской Коммиссіи А. И. Черепнинъ, въ руки котораго попала часть изъ найденныхъ въ 1874 г. монетъ, произвелъ подробный осмотръ мѣстности, гдѣ былъ открытъ могильникъ, при чемъ случайно обнаружилъ на скатѣ оврага черепъ, размытый водой. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи въ этомъ мѣстѣ оказалось погребеніе.

Эта находка указала на то, что въ 1874 г. былъ уничтоженъ не весь могильникъ, и что часть его, а можетъ быть и довольно значительная, уцѣлѣла, — что и подтвердилось впослѣдствіи.

Получивъ въ 1892 г. порученіе отъ Императорской Археологической Коммиссіи произвести изслѣдованіе могильника, я обратился съ предложеніемъ къ членамъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи Черепнину и Городцову принять участіе въ работахъ и 6-го іюня приступилъ къ раскопкамъ. Работы продолжались съ перерывами до 28-го іюля, въ теченіе 29 рабочихъ дней.

Обнаружено было болѣе 111 могилъ, изъ коихъ болѣе 60 явныхъ погребеній въ лежачемъ положеніи, 4 погребенія въ сидячемъ, до 35 погребеній неопредѣленныхъ (въ томъ числѣ 11 несомнѣнно дѣтскихъ) и 13 трупосожженій. Изъ числа явныхъ погребеній въ лежачемъ положеніи было въ направленіи головою на С.В. — 16, на С.С.В. — 10, на С.В.В. — 10, на Ю.В.В. — 5, на С.З. — 5, на Ю.З. — 3, на В. — 3, на С.З.З. — 2 и къ С., Ю.В., Ю.З.З. и Ю.Ю.З. по одному. Такимъ образомъ, преобладающее направленіе было головою на С.В., С.С.В и С.В.В. Костяки и черепа въ большинствѣ случаевъ сохранились на столько плохо, что опредѣлить направленіе лица и положеніе рукъ было почти невозможно. Кости истлѣли до такой степени, что указаніемъ присутствія костяка служило нерѣдко продолговатое темное пятно въ песчаномъ грунтѣ, а также находимыя вещи и весьма плохо сохранившіеся слѣды болѣе твердыхъ костей (зубовъ, челюстныхъ костей, колѣнныхъ чашекъ, частей таза и т. п.).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда черепъ сохранился лучше, можно было опредѣлить поворотъ лица въ разныхъ направленіяхъ: налѣво, направо и вверхъ. Руки представлялись большею частью вытянутыми вдоль, но въ одномъ случаѣ кисти рукъ находились на верхней части живота. Костяки обыкновенно лежали на спинѣ, но

въ двухъ случаяхъ можно было опредѣлить боковое положеніе: въ одномъ погребеніи на правомъ боку, въ другомъ на лѣвомъ. Могилы находились на разной глубинѣ отъ поверхности чернаго культурнаго слоя, толщина котораго въ среднемъ была въ $^3/_4$ аршина. Онъ состоялъ изъ песчанисто-растительнаго перегноя съ большимъ количествомъ глиняныхъ черепковъ и мелкихъ кусочковъ обожженной глины и углей. Подъ этимъ слоемъ шелъ сѣроватый, сильно песчанистый слой, отъ 3 до 8 вершк. толщины, мѣстами прерываемый грунтомъ, состоящимъ изъ свѣтло-оранжеваго песка. Въ верхней части этого грунта преимущественно и залегали могилы на глубинѣ отъ 1 и даже до $2^1/_2$ аршинъ.

Слѣдовъ деревянныхъ гробовъ не было обнаружено. Повидимому, умершихъ клали прямо въ землю. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ могилахъ подъ костями, въ особенности подъ черепами, можно было замѣтить остатки дуба или бересты.

Во многихъ могилахъ были находимы цѣльные погребальные горшки (рис. 31), весьма примитивной работы, большею частью безъ всякаго орнамента или украшеній за исключеніемъ насѣчекъ у ободка или такъ называемаго веревочнаго орнамента, но на нѣкоторыхъ горшкахъ найдены украшенія въ видѣ орнамента изъ точкообразныхъ вдавленій. Горшки большею частью находили въ ногахъ, между пятками, въ наклонномъ положеніи, но иногда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ногъ; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ они помѣщались близъ головы.

Рис. 31.

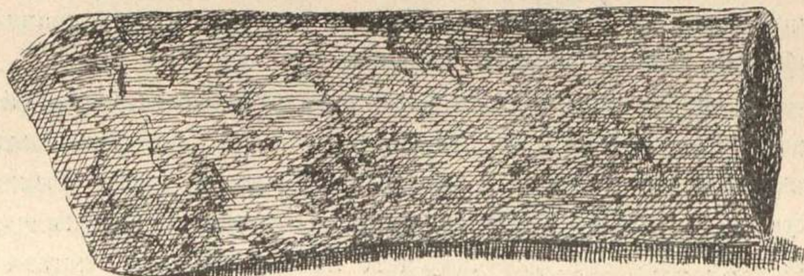

Рис. 32.

Почти во всѣхъ могилахъ, какъ мужскихъ, такъ равно женскихъ и дѣтскихъ, всегда съ костями находились разнаго рода вещи: оружіе, различныя украшенія и бытовые предметы.

Изъ типическихъ предметовъ, характеризующихъ мужскія могилы, было, во-первыхъ, желѣзное оружіе, именно: почти въ каждой такой могилѣ были наконечники копья и дротика и топоръ (рис. 32) съ продольнымъ отверстіемъ, напоминающимъ долото, пешню или кельтъ. Эти предметы обыкновенно находили по сторонамъ головы, а иногда въ ногахъ. Затѣмъ рѣже попадались желѣзные мечи различной формы, чаще заостренные только съ одной стороны; но одинъ мечъ, длиной въ 5 четвертей, имѣлъ заостреніе съ двухъ сторонъ. Во многихъ могилахъ также находились удила. Ножи разной величины были принадлежностью почти каждой могилы, какъ мужской, такъ и женской. Изъ украшеній въ мужскихъ могилахъ были находимы: бронзовыя гривны съ коробкой, бляхи, или, вѣрнѣе, круглыя бляхообразныя фибулы съ крышкой посре-

динѣ, гладкія гривны въ видѣ толстой проволоки, утолщенной въ срединѣ, браслетъ изъ толстой проволоки съ утолщенными концами, браслетъ съ концами, представляющими змѣиныя головки, бронзовыя спиральки, бронзовыя и серебряныя крестообразныя фибулы особаго (рязанскаго) типа, но напоминающія римскія самострѣлообразныя фибулы, подобныя находимымъ въ западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ, спиральныя кольца, кожаные пояса, украшенные бронзовыми или серебряными бляшками, красивыя глиняныя бусы и трапецевидныя и колокольчатыя бронзовыя подвѣски.

Въ женскихъ могилахъ были находимы: гривны съ коробкой, каменныя пряслицы (по одной, лежащей близъ живота), плоскіе, узкіе браслеты, круглыя 4-хъ- и 5-ти-лопастныя съ отверстіемъ посрединѣ височныя украшенія, чрезъ отверстіе которыхъ продѣвалась нитка со спиральками, сквозныя височныя небольшой величины привѣски, различнаго рода колокольчатыя и трапецевидныя украшенія, которыя, повидимому, пришивались по краямъ одежды, судя по сохранившимся кускамъ шерстяной ткани съ такого рода привѣсками, наконецъ, красныя бусы и спиральки, находимыя чаще близъ головы въ волосахъ (по всей вѣроятности, ими оплетались косы).

Принадлежностью одинаково какъ мужскихъ, такъ и женскихъ погребеній были бронзовыя и разной формы пряжки, которыя служили для застегиванія одежды. Пряжки эти попадались какъ у головы, такъ и на груди. Всѣ вещи, характеризующія погребенія Борковскаго могильника, отличаются крайней простотой и отсутствіемъ какого-либо орнамента, за исключеніемъ зарубокъ, преимущественно на углахъ, а также круглыхъ вдавленій въ видѣ трехъ, четырехъ и пяти правильно въ рядъ или крестообразно расположенныхъ шишечекъ.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются украшенія, находимыя при трупосожженіяхъ. Самыя могилы этого типа, разбросанныя между погребеніями, характеризуются слѣдующими признаками. Жженыя кости обыкновенно бываютъ сложены кучкой, при чемъ въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ часто обнаруживается нѣчто въ родѣ кострища, указывающаго на то, что кости сжигали не тамъ, гдѣ онѣ оказывались сложенными. Надъ кучкой жженыхъ костей, а иногда въ близкомъ разстояніи, были находимы вещи, сложенныя или въ кучу, или расположенныя рядомъ, повидимому на доскѣ. Вещи большею частью обертывались въ лубъ. Обычай обертывать вещи въ лубъ имѣлъ мѣсто и по отношенію къ погребеніямъ, судя по тому, что многія вещи, а именно гривны, бронзовыя фибулы и даже кольца, находимыя на костякахъ, были обернуты въ лубъ. Въ случаяхъ трупосожженій рѣдко попадаются вещи, подвергавшіяся дѣйствію огня; обыкновенно вещи оказывались совершенно цѣлыми. Изъ типичныхъ предметовъ при трупосожженіяхъ чаще встрѣчались: гривны изъ гладкой проволоки, гривны съ маленькой коробкой, бляхи безъ крышки, плоскіе, широкіе браслеты, сквозныя не литыя, но паяныя, искусной работы фибулы и привѣски, маленькія бронзовыя спиральки, спирали сплющенныя и, наконецъ, красныя и сѣрыя бусы, стекляныя позолоченныя разной величины бусы и бисеръ. Всѣ эти вещи, несмотря на нѣкоторое общее сходство съ вещами, находимыми при погребеніяхъ, отличаются болѣе тонкой работой и изяществомъ отдѣлки. Является болѣе сложный орнаментъ, указывающій на болѣе развитую культуру и вкусъ.

Относительно сидячихъ погребеній трудно сдѣлать какое-либо обобщеніе вслѣдствіе небольшого числа обнаруженныхъ погребеній, относящихся къ этому типу. Плохая сохранность костей не давала возможности составить себѣ ясное представленіе о положеніи, которое придавалось умершимъ въ случаяхъ этого рода погребеній.

Въ задачу настоящаго сообщенія не входитъ подробное описаніе вещей, найденныхъ въ Борковскомъ могильникѣ, но тѣмъ не менѣе въ интересахъ уясненія той связи, какую имѣетъ означенный могильникъ къ другимъ, его напоминающимъ, могильникамъ, я остановлюсь подробнѣе на нѣкоторыхъ типичныхъ предметахъ Борковскаго могильника.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ о бронзовыхъ пряжкахъ разной величины въ видѣ кольца или подковы съ плоскимъ ободкомъ, съ разомкнутыми концами, которыя имѣютъ обыкновенно короткій загибъ въ направленіи плоскости ободка и съ подвижной иглой (рис. 33 и 34). На нѣкоторыхъ изъ этихъ пряжекъ загибы на концахъ представляютъ расширенія въ обѣ стороны (рис. 35).

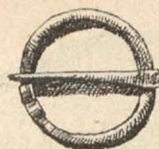

Рис. 33.

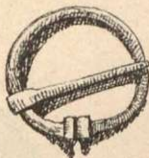

Рис. 34.

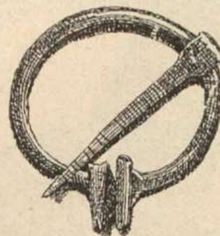

Рис. 35.

При сличеніи пряжекъ этой послѣдней формы съ подобнаго же рода пряжками, находимыми въ Лядинскомъ могильникѣ, съ хвостовидными придатками, не трудно усмотрѣть родственную между ними связь. Удлиненіе въ одну сторону расширенія загиба пряжки, въ видахъ украшенія, образовали тѣ хвостовидные придатки, которые представляютъ характеристическую особенность пряжекъ Лядинскаго и нѣкоторыхъ другихъ могильниковъ.

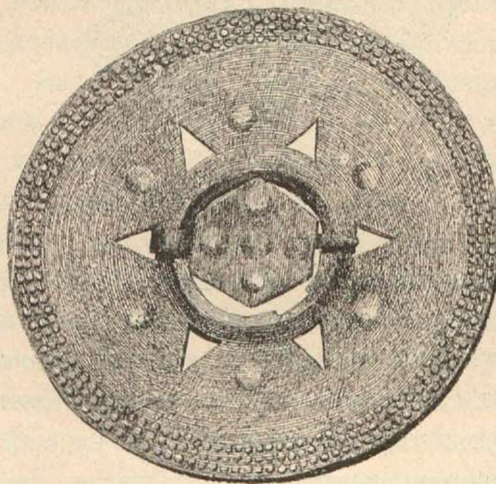

Рис. 36.

Пряжки въ видѣ круглой бронзовой бляхи съ отверстіемъ посрединѣ, закрытымъ четырехъ- или шести-угольной дверкой (рис. 36), представляютъ отличительную особенность Борковского и другихъ пріокскихъ могильниковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Подобныя пряжки встрѣчались и въ Лядинскомъ могильникѣ и въ алтайскихъ курганахъ и въ другихъ мѣстностяхъ; но при внимательномъ сравненіи между собою борковскихъ бляхъ съ имъ подобными оказывается разница, которая заключается, во-1-хъ, въ томъ, что въ борковскихъ бляхахъ вокругъ центральнаго отверстія имѣются небольшія

трехъугольныя отверстія, которыя дѣлятъ собою всю окружность бляхъ на шесть лопастей; во-2-хъ, что крышечки борковскихъ бляхъ не покрываютъ собою всего отверстія (какъ на лядинскихъ бляхахъ, гдѣ крышечки эти имѣютъ круглую форму и плотно прилегаютъ къ краямъ отверстія), но представляютъ собою скорѣе пластинчатое украшеніе въ среднемъ стержнѣ пряжки, въ видѣ припаянной шестиугольной пластинки; наконецъ, въ-3-хъ, борковская бляха отличается большой простотой и отсутствіемъ орнамента, за исключеніемъ симметричнаго расположенія шишечекъ, какъ по сторонамъ отверстія и на крышечкахъ, такъ и болѣе мелкихъ шишечекъ по ободку бляхи, расположенныхъ въ два или три ряда. Въ числѣ украшеній, найденныхъ въ Борковскомъ могильникѣ, встрѣчается пряжка иного типа, но устанавливающая генетическую связь между простѣйшими пряжками и этими круглыми бляхами съ крышкой.

Мы находимъ пряжку (рис. 37), напоминающую обыкновенную круглую, но снабженную по ободку семью трехъугольными лопастями. Стоитъ только представить себѣ соединеніе наружныхъ угловъ лопастей между собою и прикрѣпленіе къ стержню

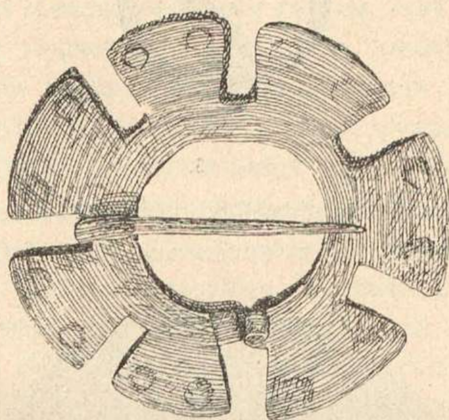

Рис. 37.

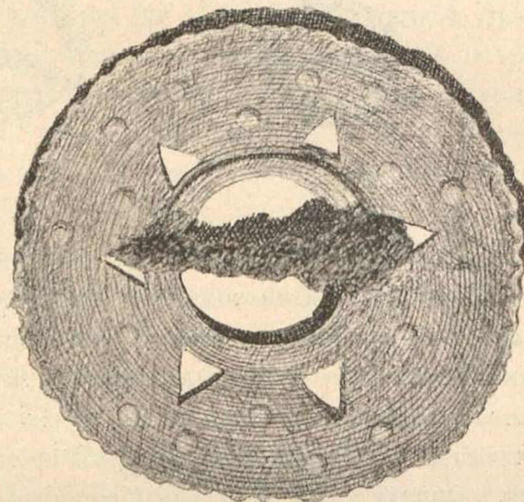

Рис. 38.

шестиугольной пластинки, чтобы понять происхожденіе большой круглой бляхи съ трехъугольными отверстіями. Переходною формою служитъ фибула, изображенная на рис. 38. Лядинскій типъ бляхъ является только выраженіемъ дальнѣйшаго процесса въ развитіи борковского типа, — и въ результатѣ получается совершенно круглая бляха безъ трехъугольныхъ отверстій съ круглой крышкой, покрывающей отверстіе посрединѣ. Стержень исчезъ окончательно и замѣняется дверкой, снабженной язычкомъ. На поверхности бляхъ появляется болѣе сложная орнаментація. Одна курманская бляха, найденная при трупосожженіи, относится къ числу этихъ позднѣйшихъ бляхъ. Вообще внимательное изученіе предметовъ Борковского могильника и сравненіе ихъ съ вещами изъ другихъ могильниковъ указываютъ на болѣе раннюю эпоху, къ которой относится могильникъ. Къ числу предметовъ, указывающихъ на древность могильника,

относятся главнымъ образомъ самострѣлообразныя фибулы (рис. 39), подобныя находимымъ въ могильникѣ Комунты въ Горной Дигоріи, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Затѣмъ крестообразныя фибулы, напоминающія римскія провинціальныя фибулы (рис. 40). Въ Борковскомъ могильникѣ эти фибулы достигаютъ весьма большого размѣра, въ особенности одна (рис. 41), найденная, къ сожалѣнію, не въ могилѣ, но какъ случайная находка. Фибула эта изъ массивнаго серебра, весьма простой формы и безъ всякаго орнамента.

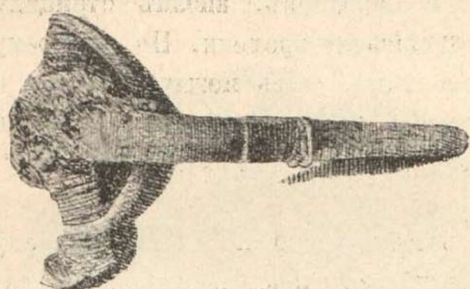

Рис. 39.

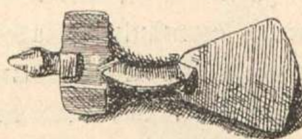

Рис. 40.

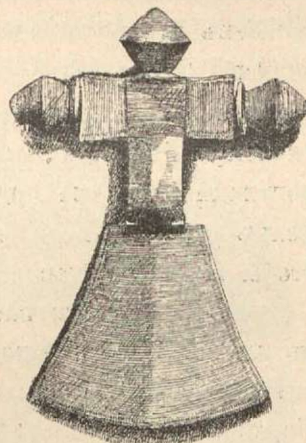

Рис. 41.

Борковской могильникъ, какъ по способу погребеній, такъ и по находимымъ въ могилахъ предметамъ, принадлежитъ къ одному типу съ Курманскимъ могильникомъ, Касимовскаго уѣзда, который былъ раскопанъ гр. Ѳ. А. Уваровымъ въ 1887 г. Къ тому же типу принадлежатъ еще слѣдующіе могильники: Старо-Рязанскій, Пальновскій и Константиновскій. Мѣстонахожденіе Старо-Рязанскаго могильника осталось неизвѣстнымъ, несмотря на тщательные поиски. Надо полагать, что онъ находится на мѣстѣ поселка с. Шатрища. Изъ этого могильника въ Рязанскомъ музеѣ имѣется много вещей, пріобрѣтенныхъ покупкою отъ крестьянъ. Пальновскій могильникъ открытъ въ прошломъ 1892 году при проведеніи Казанской желѣзной дороги. Онъ находится на берегу р. Оки въ 30 верстахъ отъ г. Рязани и еще не изслѣдованъ. Наконецъ, Константиновскій могильникъ на этихъ дняхъ открытъ по указанію Н. А. Кутукова членомъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи А. И. Черепнинымъ, который произвелъ пробную раскопку и обнаружилъ два простыхъ погребенія, при чемъ нашелъ ременную уздечку, украшенную крупными и мелкими круглыми бронзовыми бляшками, два желѣзныхъ ножа, кремень для высѣканія огня, небольшой горшокъ борковскаго типа, а также стекляныя золотистыя и красныя каменныя бусы. Отъ крестьянъ пріобрѣтенъ желѣзный топоръ того же типа, какъ и въ Боркахъ. Надо полагать, что могильникъ этотъ также окажется вполнѣ аналогичнымъ съ Борковскимъ.

Всѣ эти могильники, раскинутые по берегу р. Оки на протяженіи болѣе 250 верстъ, представляютъ собою остатки древнѣйшаго населенія Рязанской области, жившаго здѣсь задолго до основанія Рязанскаго княжества.

Какъ на особенность Борковскаго могильника, слѣдуетъ указать на находимые въ немъ между и надъ могилами полусгнившіе столбы отъ 2 до 5 четвертей высоты и вершка 3 въ діаметрѣ. Нѣкоторые столбы имѣли наклонныя подъ угломъ четыре подпорки. Столбы эти находились ниже поверхности нижняго слоя, даже вершка на два ниже темнаго культурнаго слоя; надъ нѣкоторыми столбами были замѣтны слѣды перерытія верхняго почвеннаго пласта, а равно и темнаго, что какъ бы указывало на позднѣйшее появленіе столбовъ въ пластахъ, но надъ другими изъ нихъ верхній слой земли казался совершенно нетронутымъ. Въ виду отсутствія явной связи столбовъ этихъ съ могильникомъ, мнѣнія лицъ, производившихъ раскопки, раздѣлились. Одинъ изъ участвующихъ, а именно В. А. Городцовъ, вполнѣ отрицалъ древнее происхожденіе столбовъ, относя ихъ къ позднѣйшему времени. Но по моему личному убѣжденію, какъ равно и по мнѣнію Черепнина, связь между столбами и могилами почти не подлежитъ сомнѣнію. Надо думать, что эти столбы или имѣли цѣлью отмѣчать могилы, принадлежавшія разнымъ семействамъ, или служили къ тому, чтобы на нихъ ставились погребальные горшки.

Къ какому же племени и эпохѣ принадлежитъ Борковской и родственные ему могильники? Для рѣшенія этихъ вопросовъ, хотя приблизительно, необходимо обратить вниманіе на различіе въ типахъ погребенія и вещей въ одномъ и томъ же Борковскомъ могильникѣ. Можно смотрѣть на это различіе въ типахъ погребеній двоякимъ образомъ. Съ одной точки зрѣнія какъ характеръ погребеній, такъ и найденные въ могилахъ предметы указываютъ не на одну эпоху, но, по меньшей мѣрѣ, на двѣ, отдѣленныя одна отъ другой извѣстнымъ промежуткомъ времени. Съ другой точки зрѣнія, нахожденіе различныхъ типовъ погребеній указываетъ лишь на различіе племеннаго состава при одновременности самыхъ погребеній. Что касается до меня, то мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе, и вотъ почему: Борковской могильникъ представляетъ собою цѣлое похоронное поле, въ которомъ могилы расположены одна за другою въ горизонтальномъ направленіи. При такомъ способѣ погребеній могильникъ долженъ былъ растянуться на большое пространство. Ростъ могильника соотвѣтствовалъ теченію времени, и, такимъ образомъ, составъ могильника въ разныхъ его пунктахъ могъ представлять различія, которыя зависѣли отъ измѣненія культурныхъ и духовныхъ условій жизни населенія въ разныя эпохи. Нахожденіе же различныхъ типовъ погребеній въ одномъ пунктѣ могильника могло имѣть мѣсто лишь при условіи прошествія болѣе или менѣе продолжительнаго времени между устройствомъ могилъ того или другого типа, когда въ памяти населенія, жившаго въ эпоху послѣднихъ могилъ, утрачивался всякій слѣдъ о бывшихъ въ томъ мѣстѣ прежнихъ погребеніяхъ. Такъ, по всей вѣроятности, было и въ Борковскомъ могильникѣ. Первоначальное населеніе, оставившее намъ погребенія обыкновеннаго типа, было кореннымъ населеніемъ Окской долины. Но впослѣдствіи, въ томъ же самомъ мѣстѣ, позднѣйшее населеніе этой мѣстности оставило намъ могилы другого типа, которыя размѣщались часто между старыми могилами. Въ условіяхъ жизни кореннаго населенія могли произойти въ теченіе двухъ-трехъ столѣтій рѣзкія измѣненія. Вліяніе другихъ народностей, вслѣдствіе колонизаціи и измѣненія въ торговыхъ

сношеніяхъ, могло отразиться и на погребальныхъ обычаяхъ. Явились новые типы погребеній, сидячее и трупосожженіе. Вотъ почему замѣчается рѣзкое различіе между вещами, находимыми въ трупосожженіяхъ, и предметами, открытыми въ погребеніяхъ. Различіе это нельзя объяснить этнографическимъ различіемъ въ составѣ населенія. Присутствіе или отсутствіе въ томъ или иномъ типѣ тѣхъ или другихъ вещей не можетъ объясниться и случайностью. Только одно предположеніе о разновременности различныхъ типовъ погребеній и можетъ съ достаточною убѣдительностью объяснить, почему, напримѣръ, сквозныя украшенія встрѣчаются большею частью при трупосожженіяхъ, а нѣкоторыя находимыя сквозныя вещи при погребеніяхъ отличаются меньшей изящностью, примитивностью. Такъ въ сквозной фибулѣ (рис. 43), найден-

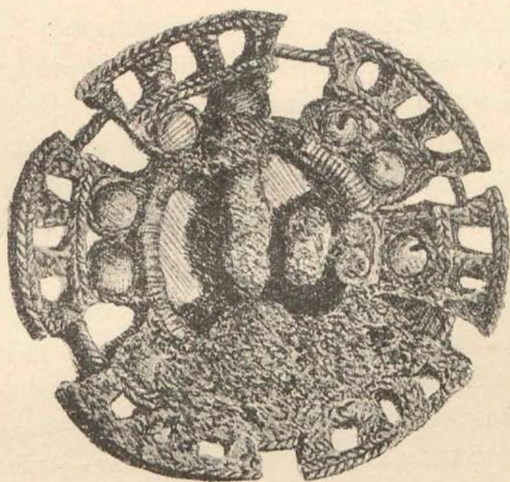

Рис. 43.

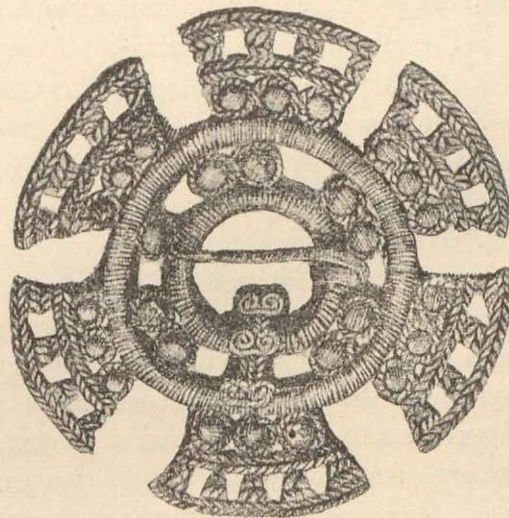

Рис. 42.

ной въ одной изъ могилъ, стержень для застежки сдѣланъ желѣзный, тогда какъ въ подобнаго рода фибулахъ (рис. 42), найденныхъ при трупосожженіяхъ, онъ всегда бывалъ бронзовый. Тѣ же гривны съ коробкой въ трупосожженіяхъ имѣютъ болѣе изящный видъ, а самыя коробки меньшей величины. Въ самыхъ простыхъ вещахъ замѣчается болѣе сложный орнаментъ. Красныя, грубой работы бусы, типичныя для погребеній, смѣняются разной величины мелкими, часто стеклянными съ позолотой бусами. Съ другой стороны, въ могилахъ съ трупосожженіемъ не встрѣчается ни крестообразныхъ, ни арбалетныхъ фибулъ. Я не хочу утверждать, что составъ Борковского могильника различныхъ типовъ погребеній въ этнографическомъ отношеніи представляется однороднымъ. Для рѣшенія вопроса объ этнографическомъ составѣ населенія могильника еще нѣтъ достаточныхъ основаній. Черепа и кости сохранились очень плохо, почему краніологическіе и антропологическіе признаки установить весьма затруднительно, но, судя по найденнымъ и болѣе или менѣе удовлетворительно сохранившимся черепамъ, населеніе Борковского могильника должно быть отнесено къ типу длинноголовыхъ. Одно ли племя населяло Окскую долину эпохи Борковского и Курманскаго могильниковъ или нѣсколько различныхъ племенъ,—вопросъ пока остается открытымъ.

Попытаемся теперь опредѣлить эпоху, къ которой относятся Борковской и родственные ему могильники.

Позднѣйшая дата съ достаточною вѣроятностью можетъ быть установлена на основанiи найденныхъ въ 1874 г. монетъ, которыя относятся, какъ мы уже сказали, къ VIII—IX в. нашей эры. Эта дата, по моему мнѣнiю, можетъ относиться не ко всѣмъ могиламъ, но лишь къ трупосожженiямъ и немногимъ изъ погребенiй съ предметами славянскаго типа (серьги съ тремя сквозными шариками, янтарныя бусы и т. п.). Что же касается до типическихъ могилъ всѣхъ трехъ могильниковъ (Борковского, Курманскаго и Старо-Рязанскаго) то, для опредѣленiя вопроса о времени, къ которому онѣ относятся, мы должны обратиться къ аналогiямъ найденныхъ въ нихъ древностей съ вещами, находимыми въ другихъ могильникахъ.

Подобное сравненiе вещей приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключенiямъ:

1) Нахожденiе въ Борковскомъ могильникѣ крестообразныхъ и въ особенности арбалетныхъ фибулъ указываетъ съ одной стороны на культурное влiянiе Запада въ характерѣ украшенiй, а съ другой, на время близкое къ эпохѣ гето-дакiйской колонизацiи послѣ покоренiя римлянами царства даковъ (относимой къ I—II в.).

Отсутствiе римскихъ монетъ не можетъ служить доказательствомъ противъ этого заключенiя, такъ какъ племена, обитавшiя въ Окской долинѣ въ данную эпоху, могли вести торговлю мѣновую безъ употребленiя денежныхъ цѣнностей. Съ другой стороны возможно предположенiе, что денежными знаками служили тѣ спиральныя украшенiя, которыя въ обилiи попадаются въ могилахъ. На эту мысль наводитъ во-1-хъ опредѣленный размѣръ этихъ спиралекъ, а во-2-хъ то, что нѣкоторыя спиральки имѣютъ въ своемъ составѣ значительную примѣсь золота. Впрочемъ эта мысль предлагается въ качествѣ лишь простой гипотезы.

Въ нашей русской лѣтописи имѣется указанiе на разселенiе славянъ въ предѣлахъ Европейской Россiи, по которому въ ляхахъ были два брата: Радимъ и Вятко. Одинъ, пришедши, поселился на Сожѣ, — отъ него прозвались вятичи. Это лѣтописное указанiе для насъ чрезвычайно интересно. Оно объясняетъ то влiянiе западной культуры I—II вѣка, которое замѣчается въ предметахъ, находимыхъ въ Борковскомъ могильникѣ. Что разселенiе гето-дакiйскихъ племенъ, покоренныхъ римлянами, доходило до самыхъ отдаленныхъ центральныхъ областей Россiи, указываетъ нахожденiе кладовъ римскихъ монетъ этой эпохи въ предѣлахъ даже Калужской и Пензенской губ. Подробныя свѣдѣнiя объ этомъ имѣются въ изслѣдованiи профессора Самоквасова о происхожденiи русскихъ славянъ.

Рис. 44.

Рис. 45.

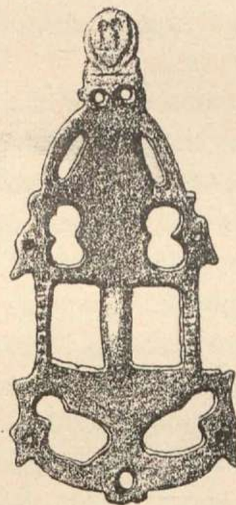

Рис. 46.

Рис. 47.

2) Нѣкоторыя серебряныя бляшки рис. (44—47), вѣроятно отъ пояса, находимыя въ Борковскомъ могильникѣ, вполнѣ тождественны съ бляшками, найденными про-

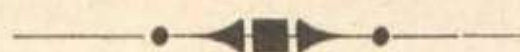
фессоромъ Самоквасовымъ въ катакомбѣ № 12 могильника въ Тагаурскомъ ущельѣ вблизи аула Чми, въ Осетіи, вмѣстѣ съ серебряной сассанидской монетой Хозроя I, 531—579 г. по Р. Хр., стало быть середины или конца VI в.

3) Присутствіе желѣзныхъ топоровъ съ продольнымъ отверстіемъ и отсутствіе боевыхъ топоровъ обычнаго курганнаго типа также указываютъ на древнѣйшую эпоху, когда въ памяти населенія еще жило представленіе о древнихъ бронзовыхъ кельтахъ.

Рис. 48.

4) Двѣ бронзовыхъ фибулы, найденныя въ Борковскомъ могильникѣ въ 1874 г. и изданныя въ Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи за 1891 г. (т. VI, табл. I), близко напоминаютъ чудскія древности, находимыя въ костищахъ Пермской губерніи. На этихъ фибулахъ (рис. 48) мы находимъ фигуру идола съ человѣческимъ лицомъ, по сторонамъ котораго размѣщались драконы, выраженные сокращенно въ видѣ столбиковъ и головъ, а снизу, вмѣсто обычной для подобнаго рода пермскихъ идоловъ фигуры ящера, на нашихъ фибулахъ имѣются двѣ конскія головки, также напоминающія таковыя же головки пермскихъ древностей (см. Аспелинъ, № 697). Несомнѣнно что эти фибулы принадлежатъ къ одному типу съ пермскими древностями, относимыми къ V и VI в. по Р. Хр.

Указанныя аналогіи даютъ основаніе съ нѣкоторою вѣроятностью принять за первоначальную дату Борковского могильника V—VI вѣка нашей эры.

Литовскій языкъ и наша старина.

А. А. Кочубинскаго.

«Wo dem Geschichtschreiber die Farben fehlen, die dem Bilde Leben und Sprache geben, da geziemt es ihm nur, so weit er vermag, Linien und Züge zu zeichnen, die einst dem Charakter des Gemäldes zu Grunde lagen».
Voigt «Geschichte Preussens», I, 206.

1.

Литовскій языкъ въ тѣсномъ смыслѣ — языкъ туземнаго уже отъ первыхъ вѣковъ нашей эры населенія береговъ Балтійскаго моря (baltas въ литовскомъ языкѣ — бѣлый), нѣкогда отъ устья Вислы на з. и до Либавы (Leepoja, Libowe) на с.-в., а внутрь страны до средняго теченія З. Буга (Boicko старой саги) и съ бо́льшею частью бассейна Нѣмана (Русъ, Nemuj, Memel, Niemo въ той же сагѣ[1]) а, вѣроятно, и съ нашимъ Гродно — Garto той же саги (ср. литов. gàrdas — городъ), но теперь сильно сокращеннаго на югѣ и на западѣ (погибли ятвяги и порусы — Pruzzi), и сегодня, несмотря на длинную серію вѣковъ, протекшихъ отъ незапамятнаго времени появленія здѣсь его народа, своими внѣшними и внутренними чертами: звуками, формами, отдѣльными словами (а слѣдовательно и историческимъ матеріаломъ для воскрешенія доисторическаго быта) и оборотами, занимаетъ выдающееся мѣсто въ кругу языковъ нашей арійской или индо-европейской семьи. Среди живыхъ собратьевъ, безспорно, ему принадлежитъ первенствующее положеніе: за нимъ голосъ первоприсутствующаго члена.

Убогій, обдѣленный природой, исторіей и даже самой поэзіей, нашъ собратъ — литовскій žmogùs, на первыхъ страницахъ русской исторіи являющійся съ однимъ богатствомъ — съ вѣниками да лыкомъ (а этимъ богатъ онъ и сегодня, отсюда и титулъ его — лапотникъ, vyžótas), и гордый обитатель идеальной Ārjā Bhūmi изъ неизмѣримо сѣдой старины подаютъ другъ другу единящую руку.

Когда этотъ убогій лапотникъ, vyžótas nabágas, въ утѣшеніе своей печальной жизни, повторяетъ свою, отъ вѣка сложенную, пословицу, хотя онъ и не „szokinedams nutveria dárbus“, не съ пляской отправлялъ свою барщину, вопреки идиллику

---

[1]) Имена саги у Voigt'a, Gesch. Preussens, I, 169, пр. 1.

Доналейтису, — „Diẽvas dave dantũ, dů́s ir důnos“ (т.-е. Богъ далъ зубы, дастъ и хлѣбъ), — намъ можетъ показаться, будто мы слышимъ живую рѣчь нашихъ праотцевъ, обращенную къ намъ изъ глубины многихъ и многихъ тысячелѣтій... Вполнѣ естественно, если въ какомъ-нибудь идеальномъ словарѣ реконструируемаго общеевропейскаго арійскаго языка цѣлыя серіи словъ фигурируютъ въ современной литовской одеждѣ (*penka и лит. penkì пять, *penkta и лит. peñktas пятый и пр.), — явленіе, котораго не предлагаетъ другой языкъ.

Но, если еще недавно этотъ благородный[1]) носитель аризма былъ такъ немилостиво калѣченъ въ вопросѣ о его происхожденіи, будто онъ — какая-то на глазахъ исторіи сложившаяся амальгама языковъ-сосѣдей (славянскаго, нѣмецкаго и финскаго), то съ того момента, какъ полвѣка назадъ арійское языкознаніе пошло быстро и, какъ предметъ весьма живыхъ интересовъ, завоевало общее вниманіе, вопросъ о происхожденіи литовскаго языка самъ собою рѣшился, двухъ отвѣтовъ на него сегодня уже быть не можетъ, и этотъ истинно ārjas, т.-е. благородный, языкъ сталъ для современной науки предметомъ исканія, самого горячаго отношенія, благородной ревности. Если я позволю себѣ назвать имя высокаго гостя нашего изъ Кенигсберга, удостоившаго своимъ участіемъ нашъ съѣздъ въ былой столицѣ Гедимина, одного изъ современныхъ корифеевъ въ области аріо-литовскихъ изученій, проф. Адальберта Бецценбергера (Bezzenberger), то смѣю надѣяться быть понятнымъ. Но никогда европейская наука — языкознаніе и этнологія — не забудетъ и именъ Фатера, Резы, Потта, Болена, Боппа, Куршата, Нессельмана, Шлейхера, Лескина, Шмидта и другихъ. Но, кромѣ Резы и Куршата, природныхъ литвиновъ все это — нѣмецкіе ученые. Изъ славянскихъ ученыхъ отмѣтимъ Челаковскаго, Гейтлера, гг. Барановскаго, Карловича.

Не отставали и мы, хотя еще молодые члены европейской науки, отъ интересовъ арійской этнологіи и своими трудами участвовали въ общемъ движеніи ея.

Правда, послѣ блестящей увертюры рано умершаго Прейса, одновременно съ Поттомъ установлявшаго впервые правильную характеристику литовскаго языка (Прейсъ былъ, кажется, уроженецъ Литвы) и тѣмъ выполнившаго завѣты еще великаго Добровскаго и его ученика, Шафарика[2]), интересъ оборвался на довольно продолжительное время; но уже съ 60-хъ годовъ мы видимъ на литовской нивѣ первые труды самоотверженнаго Юшкевича, заслуженнаго нашего сочлена г. Спрогиса, проф. Фортунатова, Всев. Миллера, труды, направлявшіеся къ собиранію этнографическаго матеріала. Затѣмъ слѣдовали самостоятельныя работы того же Фортунатова, Потебни, г. Ульянова и др. Императорская Академія Наукъ, въ лицѣ всегда чуткаго А. А. Куника, рано обратила вниманіе на значеніе литовскихъ занятій и принимала

---

[1]) Благороденъ литовецъ и по своей натурѣ, по своему характеру. Какъ персіянинъ въ своемъ языкѣ не знаетъ слова *свобода*, такъ литовецъ — слова *ложь, фальшивый*. Объ этомъ любопытномъ явленіи см. прямое свидѣтельство Куршата, въ его „Deutsch-Littauisches Wörterbuch“, стр. 420.

[2]) Въ 1838 г. Шафарикъ изъ Праги просилъ Погодина, собиравшагося за границу: „проѣздомъ въ Варшаву заверните въ Вильну, чтобы прикупить тамъ *литовскихъ* и *латышскихъ* вещей — грамматикъ, словарей, библій, народныхъ пѣсенъ и пр.“. Въ Ж. Мин. Н. Пр., 1840 г., появились литовскія изслѣдованія Прейса. Черезъ 46 лѣтъ они переведены были по-нѣмецки для Литературнаго Литовскаго Общества въ Тильзитѣ.

рядъ мѣръ по изученію Литвы. Труды нашего сочлена, г. Вольтера, не могутъ не быть упомянуты съ признательностью: они продолжаютъ старые „Отчеты“ Микуцкаго. Нельзя не пожалѣть, что вó-время поднятый вопросъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ о литовской экспедиціи не увѣнчался такимъ же успѣхомъ, какъ одновременная посылка Чубинскаго въ Юго-Западный край. Но старый, нерѣшенный вопросъ сегодня поставленъ въ томъ же заслуженнѣйшемъ предъ русской наукой Обществѣ снова на очередь, а словарь литовскаго языка, издаваемый отъ нашей Академіи Наукъ подъ редакціей проф. Фортунатова, достойно утвердитъ наше участіе въ общихъ работахъ по этнологіи, но въ то же время утвердитъ и нашъ въ нѣкоторомъ смыслѣ долгъ предъ европейской наукой: всестороннее изученіе литовскаго сочлена индо-европейской семьи принадлежитъ прежде всего намъ, и выполненіе этого научнаго долга — требованіе нашего времени, пока время не ушло. Каждое культурное общество имѣетъ и свои научныя задачи, указываемыя ему условіями его жизни; одна изъ нашихъ обязанностей — изученіе Литвы, какъ изученіе другого, интереснаго своей исторической судьбой, арійца на далекомъ югѣ — долгъ южно-славянскихъ ученыхъ. Я имѣю въ виду албанцевъ и ихъ языкъ; но здѣсь они предупреждены уже учеными Запада. Припомню суммирующій трудъ г. Густава Мейера „Etymologisches Wörterbuch der Albanesischen Sprache“ (Strassburg 1891).

Мы, русскіе, уже болѣе не повторяемъ съ чужаго голоса фальшивыхъ нотъ, и не одна только надежда предъ нами, но уже многое говоритъ, что и литовская струя въ молодой русской наукѣ не оскудѣетъ, и новыя, свѣжія силы въ обиліи выйдутъ на смѣну первыхъ піонеровъ въ Литву [1]), подслушаютъ еще многое и многое, пока еще не будетъ поздно, пока еще повторяя слова Доналейтиса, женщины „pràdeda vèrpt ir jaù prisivèrpusios áudža“ [2]), а не прослушаютъ чудныхъ звуковъ этого истинно „dóvanos Diëvo“, божьяго дара, для науки, какъ прослушали иные... прежде насъ.

Если я, только простой любитель языка литовскаго собрата, позволяю себѣ злоупотребить вашимъ временемъ и терпѣніемъ и занять ваше вниманіе одной нескромной этимологіей въ области литовскаго языка, этимологіей, которая, признаюсь напередъ, можетъ быть, недостаточно обоснована, а потому смѣла, то дѣлаю это не потому, что не помню предостереженія стараго національнаго историка Пруссіи: „es ziemt der Geschichtschreibung nicht auf Sand Paläste zu erbauen und die Erscheinungen des Lebens vergangener Zeiten auf unsicheren und faulen Boden spielen zu lassen“ [3]), но затѣмъ, чтобы при помощи нѣкоторыхъ допустимыхъ гаданій въ темной области доисторической жизни Литвы освѣжить вниманіе къ странѣ, которая въ ранней исторіи славянъ вообще и нашей, русской, въ особенности имѣетъ право на особенное зна-

---

1) Изъ мѣстныхъ молодыхъ ученыхъ отмѣтимъ ксендза магистра К. Явниса съ его точными діалектологическими работами, напр. въ описаніи Россіенскаго уѣзда (Ковно, 1893), а отчасти уѣздовъ Вилькомирскаго и Ковенскаго (1890, 1892) въ трудахъ Ковенскаго Статистическаго Комитета, („Памятныя книжки Ков. губ“) издаваемыхъ подъ редакціей дѣятельнаго секретаря, г. Гуковскаго.

2) „Littauische Dichtungen“, hgg. von Nesselmann (Königsb. 1869), X, стихъ 597.

3) Voigt, op. c. I, 142.

ченіе. Я имѣю въ виду край Прикарпатскій, или Трансильванію, Залѣсье Дунайское, о которомъ мы докладывали на Ярославскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, это прастарое гнѣздо славянъ.

Рѣчь идетъ о происхожденіи литовскаго термина для соли — druskà, род. п. drûskos.

2.

Въ арійскихъ языкахъ европейской вѣтви наукой признается существованіе одного общаго термина для соли — именно *sal — hal (беру звуки корня): сравнимъ ἅλ-ς, sal, соль, гот. sal-t, хотя относительно славянскаго и нѣмецкаго словъ возможно подозрѣніе, не латинское ли это позаимствованіе... Но литовскій языкъ, столь бережный хранитель арійскаго наслѣдія — старины языка, въ вопросѣ о названіи соли является какимъ-то изгоемъ, отщепенцемъ.

Явленіе это — особенное, изолированное положеніе литовскаго языка — заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей оригинальности. Вопросъ о давности извѣстности употребленія соли, этого столь популярнаго кухоннаго и гигіеническаго минерала, имѣетъ важное значеніе въ исторіи развитія человѣческаго общества: появленіе его — это цѣлая революція въ быту, а слѣдовательно дисгармонирующее отношеніе литовскаго языка къ его европейскимъ собратьямъ, къ гармоніи, проявляемой ими въ соляномъ вопросѣ, возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности мнѣнія объ извѣстности соли даже у арійцевъ Европы въ эпоху ихъ этническаго безразличія на нашемъ континентѣ, обездоливаетъ и безъ того не особенно хитрый бытъ ихъ, а ихъ идиллическую кухню лишаетъ не послѣдней прелести.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли полагать, что одинъ литовецъ забылъ почему-то употребленіе соли и растерялъ гдѣ-то старое слово для него?... Болѣе возможности полагать, что онъ научился солить позже, отъ кого-то, что откуда-то она ему доставлялась, а не сохранилъ у себя этого знанія потому, что его не было раньше, не сохранилъ потому и термина для него, бережно сохраняя во многомъ другомъ старое арійское наслѣдіе.

Но какъ бы то ни было, вопросъ о соли у европейской первокухарки довольно сомнительный; извѣстная картинка — идиллія на тему, какъ кушалъ европейскій первоаріецъ, кропя свое жареное мясо и уху-тюрю солью или солянымъ растворомъ [1]) — едва ли отвѣчаетъ реальнымъ условіямъ жизни того времени потому, что противъ нея возражаетъ литовецъ, хотя это возраженіе пытались устранить, и не безъ извѣстнаго успѣха.

---

[1]) Fick, Die ehemalige Einheit der Indogermanen Eupora's, p. 281, говоритъ: „Die gewöhnlichen Nahrungsmittel waren Milch, die man schon auf verschiedene Art zuzubereiten verstand (sava, sâva Milcken), das Fleisch (mamsa) der Heerdethiere, das man auch zu Fleischbrühen (yûsa) auskochte und ein Kuchen oder Fladen aus zerstampfter Feldfrucht (yava). Die Speisen wurden mit Salz gewürzt, das man jedoch vielleicht noch nicht in fester Form zu gewinnen verstand, sondern als Lake an die Speisen goss (sara Saft, Wasser, Salz)“.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Для понятія о соли и вообще соленомъ литовскій языкъ пользуется словами двухъ категорій: во-1-хъ, словомъ druskà для основного понятія о соли — поваренной, каменной, съ немногими отъ него производными, и притомъ почти исключительно[1]) въ прилагательной формѣ (drùsketas, drùskinas, druskìnis, drùskūtas), и со столь же тощими слѣдами въ топографіи края (Друскеники, Друскель, урочище въ Жмуди въ XVI вѣкѣ, единственное тамъ — см. „Географическій словарь Жомайтской земли XVI в.“ г. Спрогиса), а все это — ясный признакъ слова чахлаго, безъ жизненной, производительной силы, слова безпочвеннаго, какъ будто заноснаго со стороны; во-2-хъ, словомъ, точнѣе, корнемъ — для второго понятія — о солености, соленіи, корнемъ, который уже самъ по себѣ соблазнительно манитъ на сближеніе съ общеевропейскимъ словомъ для соли своими первыми двумя звуками, — корнемъ su въ глаголѣ дѣйствія: súdau — súdyti солить; но еще болѣе представляется этотъ соблазнъ, когда тотъ же корень появляется въ облаченіи съ суффиксомъ r въ surùs соленый, въ глаголѣ surìù — surėti быть соленымъ и, естественно, съ цѣлой семьей дѣтей. Тутъ уже не только какъ бы вскрывается общеевропейскій терминъ для нашего минерала, но литовское surùs цѣликомъ уже напрашивается на отожествленіе съ азіатско-арійскимъ saras сокъ, а между прочимъ и соль. По видимому, все говоритъ противъ насъ.

Но осторожный изслѣдователь, знаменитый Курціусъ, въ своихъ Grundzüge, не соблазняется внѣшнею близостью саснкритскаго термина, тѣмъ менѣе рѣшается базировать выводъ объ извѣстности соли уже первоарійцамъ, и, не рѣшаясь совсѣмъ устранить литовское surùs изъ европейской семьи терминовъ для соли, онъ лично сомнѣвается въ дѣлаемомъ сближеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, позволяемъ себѣ думать, что литов. surùs соленый и слав., напримѣръ, соль, соленый, какъ термины для понятія о соли, только случайно сошлись — нѣсколько въ формѣ, вполнѣ въ значеніи.

Справка съ ближайшимъ къ литовскому языку языкомъ латышскимъ показываетъ, что 1) и въ немъ для основнаго понятія о соли своего слова нѣтъ, а есть, вопреки общераспространенному мнѣнію, заимствованное слово изъ языка, изъ котораго у него масса раннихъ культурныхъ займовъ, относящихся къ разнороднымъ сторонамъ матеріальной и духовной (церковной, политической, хозяйственной) культуры, изъ языка русскаго: sahls — соль, почему и sahliht — солить, sahlnize — сольница, солонка (ср. польское solnica съ тѣмъ же значеніемъ, чешское solnice Salzwerk, т.-е. слав. сольникъ), даже съ окончаніемъ русскаго языка, какъ латышское salihne, соляная копь, изъ нѣмецк. Saline [2]); и 2) что для втораго

[1]) Въ рукописномъ литовско-польскомъ словарѣ, хранящемся въ Виленской публичной библіотекѣ: „X. Dominika Sutkiewicza-Żodinikas Letuwiszkay-Lenkiszkas, Słównik Litewsko-Polski“ (рук. въ 4 томахъ, Рукоп. отдѣл., № 245), кажется, конца XVIII в., находимъ существительныя имена: druskawiste ž. żupa, kopalnia soli, druskiniczia ž. solnica. Словарь Сушкевича, хотя и безъ отмѣтки удареній, съ неточнымъ правописаніемъ, съ примѣрами изъ языка Библіи, но достоинъ изданія.

[2]) Для латышскаго языка мы пользуемся новѣйшимъ словаремъ: Brasche Gust. „Lettisches Wörterbuch“ (Riga, 1880). Миклошичъ въ „Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen“ не только латышское

понятія, о солености, есть тотъ же корень, что и въ литовскомъ — sur: прилагат. suhrs = лит. surùs, но съ основнымъ или начальнымъ значеніемъ не соленаго, а горькаго, кислаго, терпкаго и только на второмъ мѣстѣ — соленаго; отсюда и производныя слова съ первымъ значеніемъ: suhrajs etwas scharfes, beissendes, suhrstn, suhrst empfindlich schmerzen.

Съ мѣной r на l тотъ же корень повторяется въ sula сокъ, жидкость, serum, sulina (nja), pasulinja сыворотка. Наконецъ эта же форма, и съ тѣмъ же значеніемъ сыворотки, кислаго молока, жила и въ языкѣ пруссовъ: sulo (т.-е. sula) geronnene Milch [1]).

Итакъ, въ основѣ литов. surùs съ производными лежитъ понятіе о кислотѣ, горькости, а не соли.

Чтò же касается семасіологическаго перехода отъ кислаго къ соленому, то связь этихъ понятій въ народномъ представленіи отчасти иллюстрируется сербскимъ языкомъ, гдѣ общеслав. слово слатина толкуется не только, какъ источникъ соленой воды, но и кислой: „гђе извире вода слана или накисела, те долази стока и лиже“.

Если, такимъ образомъ, основное значеніе литовскаго surùs не соленый, а кислый, горькій, то тѣмъ самымъ оно выводится изъ общенія со славянскимъ соль, а приводится въ связь со славянскимъ сыръ, въ лит. sùrys съ тѣмъ же значеніемъ (у Сутквича — surjs) — продуктъ окисленнаго молока; ср. sulina, sula — сыворотка, и обычно-литовское ìszrugos (pl. t.) сыворотка, отъ корня rug кислый.

Итакъ, устранивъ слова второй категоріи (а они одинаково распространены по всѣмъ тремъ вѣтвямъ общелитовскаго языка — литовской, латышской и прусской) отъ причастія съ общеарійскимъ въ Европѣ корнемъ для нашего минерала, на нашихъ рукахъ остается слово первой категоріи — чахоточное слово druskà, но въ то же время основное слово въ литовскомъ для соли. Что это за слово? Какъ образовалось оно, этотъ куколь на общеарійской нивѣ, буде оно свое по корню; иначе, если оно чужое по корню, то откуда прошло на Литву, а пожалуй, и когда?.. Мы только-что видѣли, что въ поддержкѣ латышскій языкъ намъ отказываетъ: онъ никакого слова druskà для соли не знаетъ.

3.

Предположимъ, что литовское слово druskà своего, домашняго по корню происхожденія. Попытаемся выяснить предполагаемый генезисъ его. Гдѣ его было бы родство?

---

sāls (= sahls), но и литовское salunka Salzfass и финское saltte считаетъ общаго происхожденія со слав. соль и пр. Но литовское слово, очевидно, заимствованіе изъ русскаго солонка, а финское — изъ нѣмецкаго. Чтобы судить о размѣрахъ культурнаго вліянія русской жизни на латышей, въ раннее историческое время, достаточно указать на русскія слова въ латышскомъ языкѣ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ матеріальной и духовной жизни. Укажемъ пока немногія: kalite — калита, kaljada — Geschreì — коляда, karascha — Festbrod — колачъ, krīsts — крестъ, kristiti laudes — крещенные люди, устарѣлое krustajne = крещеніе (6 января), swahti — сваты; kuhms, kuhma; кумъ, кума s'wabads — свобода, zeena — цѣна, walaks — волокъ, kalps — холопъ, talks — толока (при ж. р. — talka) и др.

[1]) Nesselmann, „Thesaurus linguae Prussicae“.

Возможно двоякое объясненіе: или поставить наше слово въ связь съ литовскимъ же прилагательнымъ drungnùs, -ì (-nas, -à; у одного Бродовскаго drugnàs; въ Виленскомъ рукописномъ словарѣ Дом. Суткевича только drungnas и drungus со значеніемъ „letni, ani zimny, ani gorący", та же форма у Доналейтиса) — тепловатый, откуда druñginu, -ti грѣть, druñgindinu, -nti нагрѣваться, drugỹs, m. das Fieber (= drugis m. у Суткевича „febra, gorączka zimna"), или — съ латышскимъ существительнымъ druśka (= друська) кроха, дробинка (откуда druśkaht, druśkoht дробить, крошить и пр.), druśku — нарѣчіе немного, капельку.

Разсмотримъ степень вѣроятности или допустимости каждаго изъ обоихъ производствъ.

1) Druska — drungnùs.

Осмыслить семасіологическкую связь обоихъ словъ, при желаніи, возможно: общее звено — представленіе о грѣніи, теплотѣ. Нельзя не вспомнить нашихъ выраженій: поваренная соль, варница.

Но затрудненіе представляется со звуковой стороны.

Если предположить, что въ прилаг. drungnùs носовой n вставной, въ пользу чего можетъ говорить провописаніе этого слова въ словарѣ Бродовскаго, но только у него одного, затѣмъ сущ. drugỹs лихорадка, то корень слова былъ бы drug.

Если же, засимъ, отъ этого корня вести лит. druskà, то необходимо признать, что s — вставка, но не вызываемая какими-либо данными. Могутъ указать на аналогію: driskà — отрѣзанная часть пряжи, и яко бы то же слово, но безъ s, въ drikà нитка, пряжа. Но, въ виду глаголовъ draskau, -kýti zerreissen, dreskiù, -ksti reissen, driskau zerrissen werden, s не вставное. Въ виду же глагола drykstù drỹkti тянуться можетъ быть допущенъ и особенный корень drik для сущ. drikà, а слѣдовательно сближеніе значеній между driskà и drikà явленіе случайное. Такимъ образомъ, противъ сближенія, а, слѣдовательно, и производства, говоритъ:

а) Присутствіе носового въ корнѣ drung, констатируемое всѣми литовскими лексикографами, кромѣ Бродовскаго, и правильно появляющееся во всѣхъ производныхъ. Если, засимъ, географическое названіе въ старой Жмуди Дранга-пявнесъ, приведенное г. Спрогисомъ въ его „Географическомъ словарѣ Жомайтской земли XVI столѣтія", есть только варіація нашего корня, то, слѣдовательно, и старый литовскій языкъ зналъ ринезмъ въ данномъ случаѣ. Извѣстенъ архаическій характеръ собственныхъ именъ: Мертваго, Бураго.

б) Необходимость признанія безпричинной вставки — не говоря уже о существенной семасіологической разницѣ между основнымъ понятіемъ въ drungùs: не теплый даже, а только тепловатый, lauwarm, „letni, ani zimny, ani gorący", какъ переводитъ Суткевичъ, — и понятіемъ о варкѣ, кипяченіи, т.-е. сильномъ нагрѣваніи, при помощи чего въ варницахъ добывалась, напр. на сѣверѣ Руси, соль (въ Новгородской, Псковской области, позже за Волгой[1]).

---

[1]) Подъ 1364 г. въ Новгородской лѣтописи читаемъ о псковичахъ, которые желали подражать новгородцамъ: „поставиша двѣ варници на Рухѣ и начаша соль варити; и то не сбыстся и повергоша". Раньше же соль къ нимъ привозилась гостями, т.-е. иностранцами. Ср. ниже о берковцѣ.

Переходимъ ко второму производству:

2) Druskà — латышское druška.

Предъ нами почти полное звуковое тождество и въ двухъ ближайше родственныхъ языкахъ.

Но тутъ-то и припоминается предостереженіе современныхъ этимологовъ: „allerdings ist ein charakteristischer Unterschied der geregelten Etymologie von der wilden früherer Zeiten, dass für uns der blosse Gleichklang nicht nur wenig ins Gewicht fällt“[1]).

Какъ ни соблазнительно настоящее отожествленіе, но отъ него справедливо отказаться.

1) Латышское druška, при корнѣ drug, ср. глаголъ drugt умаляться, отсюда drukis, druzka пони, лошадь-крошка, имѣетъ слишкомъ общее значеніе крошки, порошинки, крупинки, всякой мелкой легкой вещи, чтобъ связывать его съ понятіемъ о тяжелой соли. Понятна семасіологическая связь у насъ — порошинка и порохъ, но не возможна связь съ солью.

2) Корень этого латышскаго слова, который прежде всего варіируется въ самомъ латышскомъ смѣной конечнаго согласнаго на p: drupene то же, что druška, drupi, -as развалины, мусоръ, drupinaht zerkrümeln, именно только съ аналогическою варіаціей является въ литовскомъ языкѣ, въ латышской формѣ языку не извѣстенъ. Такъ въ литовскомъ: trupùs, -ì bröcklich, сущ. truputýs Brocken, глаголы trupuéti bröckeln, trùpinu, -inti in kleine Theilchen zerbrechen. Сравнимъ: лит. trum̃pas, -à короткій, латыш. truls ломкій. Сравнимъ и въ славянскомъ: дробь, дробить, чешское drobet; далѣе кроха при малорусскомъ трохи, трошки, чешское troch, церк.-славяв. троха, трѣхъть. — При всей общераспространенности корня, въ его значеніи нигдѣ ни намека на соль. Слѣдовательно, остается предположить, что druskà — латышское слово въ литовскомъ языкѣ, но почему-то получило спеціальное значеніе. Но не понятно, почему самъ латышскій языкъ взялъ изъ русскаго свое слово для соли — sahls, въ то время какъ его юго-западный, литовскій, сосѣдъ изъ его слова, которое касательства къ соли не имѣетъ, развилъ понятіе о соли?...

Такимъ образомъ, при взаимномъ тождествѣ литовскаго druskà соль и латышскаго druška порошинка, кроха, мы полагаемъ справедливымъ развести оба эти слова, а въ совпаденіи видѣть простое, случайное созвучіе двухъ словъ совсѣмъ различнаго происхожденія.

4.

Какъ же, спрашивается, образовалось литовское druskà, какъ выяснить его происхожденіе?

Позволяемъ себѣ высказать нескромную догадку — искать происхожденіе нашего druskà въ исторіи, въ культурныхъ торговыхъ отношеніяхъ давняго, для самой Литвы

[1]) Curtius, Grundzüge, 4, p. 83.

доисторическаго, времени, въ отношеніяхъ, которыя, слабо отмѣченныя исторіей, имѣли мѣсто когда-то на громадномъ пространствѣ бассейна Вислы, между юго-восточнымъ побережьемъ литовскаго, т.-е. Балтійскаго моря, на сѣверѣ и славянскими Карпатами на югѣ, этой соляной житницей извѣстной части Европы сегодня и, какъ намъ думается, давнымъ-давно.

Всѣмъ, кто занимается раннимъ бытомъ, культурой арійскихъ народовъ или лингвистической палеонтологіей, извѣстенъ тотъ фактъ, что многіе предметы въ нашихъ языкахъ получили свое названіе отъ мѣста или города, откуда тотъ или другой предметъ вышелъ впервые; особенно это наблюдается въ металлической терминологіи для металловъ болѣе новой извѣстности. Припомню только связь нѣмецкаго Kupfer мѣдь чрезъ латинское посредство съ именемъ извѣстнаго острова въ Греціи, вѣроятную связь названія бронзы во всѣхъ языкахъ Европы съ городомъ Brindisi [1]). Обстоятельно этотъ вопросъ разсмотрѣнъ въ извѣстномъ трудѣ Шрадера: „Urgeschichte und Sprachvergleichung“, хотя и съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, заставляющимъ автора, напр., отнять у нашего литовца его прекрасное слово для золота — áuksas = лит. ausum.

Исторія нашего родного языка можетъ предложить также аналогическія явленія. Укажемъ одинъ примѣръ.

Остановимся на словѣ, которое отъ глубокой старины живетъ въ нашей торговой жизни и которой въ настоящемъ случаѣ намъ интересно потому, что связывается съ берегами Балтійскаго моря, какъ со своею родиной. Оно не относится къ области металловъ, а къ вѣсу; это — берковецъ. Оно до сихъ поръ не объяснено, и потому я позволю себѣ предложить объясненіе.

Слово берковецъ извѣстно и польскому языку — biercowiec; но сюда оно, какъ показываетъ его форма, прошло изъ русскаго языка. Далѣе, оно встрѣчается въ литовскомъ языкѣ, хотя въ словарѣ Куршата его нѣтъ: birkawas, birkařs. И здѣсь, какъ показываетъ форма, мы имѣемъ дѣло съ русскимъ заимствованіемъ. Какъ увидимъ сейчасъ ниже, оба заимствованія имѣли мѣсто относительно въ позднее время, когда слово берковецъ уже получило свою современную форму.

Откуда-же это слово у насъ?

Извѣстный чешскій лексикографъ Матценауеръ („Cizí slova...“) замѣчаетъ только, что оно, вѣроятно, чуждаго происхожденія. Акад. Срезневскій въ своемъ Словарѣ („Матеріалы“) древне-русскаго языка ограничивается ссылкою на указанныя оба литовскихъ слова. Но древне-русскій языкъ и даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ.

Изъ памятниковъ древне-русскихъ наше слово встрѣчается только въ памятникахъ Новгородско-Псковской земли, т.-е. той, которая вела отъ старины живыя торговыя сношенія съ заморьемъ Балтійскимъ, и имѣетъ въ этихъ памятни-

---

[1]) Въ греческомъ языкѣ византійскаго періода имѣется: *μπρούντζο* aes, cuprunu, *χαλκός* gall. bronce Въ обѣихъ приводимыхъ у Дюканжа вырывкахъ, („Glossarium. graecit. m. aevi“) двѣ формы: 1) „*Κάρβνον καὶ σαλμητρίον, Μπρῦντζον, καὶ χαλκὸν, καὶ θίον*“ и 2) *μάλαμα* (= золото), *καὶ ἀσήμη, καὶ μπρόντζο*“; Сюда же должно быть отнесено и *βρουτίσιον* — aes, bronze (ib. s. v. *φροῦμα*). Съ котораго времени въ памятникахъ русскаго языка встрѣчается слово *бронза*, не смотря на нѣкоторые поиски, опредѣлить намъ не удалось.

кахъ весьма любопытную форму, проливающую свѣтъ на самое происхожденіе слова. Выходитъ, что современная форма берковецъ довольно изуродована въ концѣ, что и дѣлало затруднительной ея этимологію.

Въ Новгородской лѣтописи подъ 1232 г. читаемъ, что новгородскій князь къ псковичамъ „не пусти гости (= иностранныхъ купцовъ), и купляху соль по семи гривьнъ бьрковьскъ“. Древнѣйшая встрѣча нашего слова — въ одной новгородской грамотѣ середины XII вѣка; мѣсто — въ Словарѣ акад. Срезневскаго, гдѣ и другіе примѣры изъ памятниковъ XII—XIV столѣтій.

Правописаніе слова колеблется относительно гласнаго въ корнѣ: то ь, то ѣ — бьрковьскъ, бѣрковьскъ. Если ѣ читать по-новгородски, то въ корнѣ будетъ слышаться звукъ і.

Какъ показываетъ согласное начертаніе нашего слова, предъ нами не имя существительное, а прилагательное, именно, относительное, при легко подразумѣваемомъ существительномъ вѣсъ, т.-е. наше современное берковецъ, старое бьрковьскъ — означаетъ собственно вѣсъ изъ какого-то мѣста Берки, Бирки...

Но что это за миѳическое мѣсто, городъ?

Нѣтъ, оно не миѳическое, а чисто историческое, знаменитый своей торговлею въ средніе вѣка городъ на Балтійскомъ морѣ, въ Швеціи. Это знаменитая Бирка — Birca, напр., Адама Бременскаго (XI в.). У него мы читаемъ классическую характеристику торговой Бирки („Historia Ecclesiastica“, cap. 48):

„Birca est oppidum Gothorum in medio Sveoniae... In quo loco sinus quidam,... in boream vergens, portum facit barbaris gentibus, quae hoc mare (= Balticum) diffusi habitant, optabilem... Ad quam stationem, quae tutissima est in maritimis Sveoniae regionibus, solent Danorum, Nordmannorum, Slavorum atque Semborum (т.-е. жемаитовъ, литовцевъ?) naves, aliisque Scythiae populi pro diversis commerciorum necessitatibus solenniter convenire...“ Если подъ славянами нельзя разумѣть словенъ Новгорода, то подъ Scythiae populi авторъ, несомнѣнно, разумѣлъ современныхъ ему Садковъ-гостей, а жилъ онъ въ XI вѣкѣ. Гости, т.-е. купцы, изъ этой шведской Бирки и познакомили нашихъ предковъ и, конечно, прежде всего въ Новгородской землѣ, со своимъ торговымъ вѣсомъ для громоздкихъ, тяжелыхъ товаровъ, а съ этимъ знакомствомъ, естественно, прошло и слово „бирковскій или берковскій вѣсъ“, т.-е. бѣрковьскъ, въ сокращеніи отъ чистаго употребленія въ общежитіи при торговыхъ оборотахъ — берковецъ — въ русскій языкъ [1]).

Итакъ, нашъ берковецъ по шведскому торговому городу Birka. Но не имѣемъ ли мы дѣло съ подобнымъ же топографическимъ происхожденіемъ — отъ мѣста, города — и въ литовскомъ терминѣ для соли druskà?...

Но если тамъ можно было доказывать, то здѣсь — только гадать.

---

[1]) Кажется, наше свинецъ съ такимъ же уродливымъ концомъ, скрывающимъ прилагательную форму слова свинескъ, свиньскъ. О связи словъ свинецъ и свинья ср. слѣд. мѣсто изъ письма Брюса къ Шереметеву отъ 20 окт. 1707 г.: «...немалая намъ есть тягость свинецъ при артиллеріи свиньями возить» («Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.», т. XXV, стр. 54).

5.

Vis-à-vis шведской Birca, на южномъ, литовскомъ берегу Балтійскаго моря, у Вислы, неподалеку отъ ея впаденія, справа, уже въ раннюю пору среднихъ вѣковъ стояла другая Birca, литовская, и столь же торговая и извѣстная въ Балтійскомъ околодкѣ. Я разумѣю торговый городъ Truso, стоявшій на рѣчкѣ, нѣкогда называвшейся Ilfing, теперь Elbing, недалеко отъ совмѣстнаго съ Вислой (собственно протокомъ Нагатомъ) впаденія въ Фришъ-гафъ.

Погибла память объ этомъ городѣ, но имя его досѣлѣ живетъ въ имени озера, откуда вытекаетъ „Ilfing“ — Drausen-See.

Древнѣйшее и самое важное по своей обстоятельности извѣстіе о городѣ Truso, подъ этимъ уже именемъ, мы имѣемъ отъ конца IX столѣтія въ знаменитомъ балтійскомъ периплѣ англосакса или шлезвигца Wulfstan'a, смѣлаго, опытнаго и свѣдущаго мореплавателя изъ торговаго порта въ Шлезвигѣ того времени Hedaby.

Отправляясь на в. по морю къ устью Вислы, не особенно гостепріимному тогда, чтобы оттуда подняться вверхъ въ страну, посѣтить прусовъ и ихъ торговый городъ Truso, Вульфстанъ не случайно туда направился: объ этомъ свидѣтельствуетъ морская точность и обстоятельность его описанія пути; его вели какія-то коммерческія цѣли. Слѣдовательно, достигши Truso, онъ не Америку открылъ, а попалъ въ мѣсто, которое было хорошо извѣстно въ современномъ торговомъ мірѣ на Западѣ и которое было главною цѣлью его поѣздки.

Вульфстанъ былъ не только свѣдущій, любящій свое ремесло морякъ — отсюда и языкъ, способъ выраженія у него совсѣмъ морской (напр. „Weonodland him waes on steorbord“, т.-е. справа) — но человѣкъ любознательный, легко могшій оріентироваться, напр., въ топографіи края. Онъ не только хорошо знаетъ теченіе небольшой рѣки Ilfing, но правильно показываетъ и теченіе такой рѣки, какъ Висла, что она течетъ съ юга и вытекаетъ изъ страны славянъ и называетъ рѣку по-славянски Wisle. Эти географическія свѣдѣнія онъ могъ собрать у жителей, торговцевъ самого Truso, а въ такомъ разѣ и послѣдніе не неучами были и относительно такихъ далекихъ мѣстъ, какъ истокъ Вислы, относительно народовъ, жившихъ тамъ. Уже отсюда можно видѣть, что Truso былъ своего рода сѣверной Ольвіей, торжищемъ всякихъ повислянъ[1]).

Но старина города, а вѣроятно, и его коммерціи, торговой славы, спускается много ниже времени Вульфстана, но города еще анонимнаго. Здѣсь, какъ можно думать, и

---

[1]) Лучшій текстъ путешествія Вульфстана помѣщенъ въ „Scriptores rerum Prussiccarum“, т. I (Leipzig, 1861), въ первомъ приложеніи къ № V, стр. 732 — 735. Отчетъ Вульфстана сохранился въ англосаксонскомъ переводѣ изв. Всемірной исторіи Орозія, въ географическомъ введеніи о Германіи короля Альфреда Великаго (887 — 901). Въ русской литературѣ текстъ Вульфстана извѣстенъ изъ перевода „Славянскихъ Древностей“ Шафарика. Но считаемъ возможнымъ привести отрывокъ, относящійся къ разсматриваемому вопросу. „...And Weonodland (т.-е. Wendenland, край балтійскихъ славянъ) waes us ealne weg, on steor-bord, od Wislemûdan. Seo Wisle is swyde mycel eâ, and hio tolid 'Witland, and Weonodland; and daet Witland belimped to Estum; and seo Wisle lid ût of Weonodland, and lid in Estmere; and se Estmere is huru fiftene mila brâd. Donne cymed Ilfing eastan in Estmere of daem mere, de Truso standed in stade...“

начинался былой янтарный торговый путь на югъ и въ др. направленіяхъ. Раскопки, производившіяся въ наше время въ мѣстности стараго Truso, — а слѣды его вскрываются около села Preussischmark въ 1/4 мили отъ озера Drausen (раньше Pruschinmarkt, Preuschenmarkt) и сельца Neuendorf, еще ближе къ озеру, еще въ XV столѣтіи носившаго классическій титулъ Dutschen-Drusen или Deutschin-drusen[1]) — открывали нерѣдко присутствіе разныхъ золотыхъ украшеній, но, что особенно важно — римскихъ монетъ, но не раньше эпохи Нерона, особенно же много импер. Антонина. Извѣстно, что не рѣдки находки цѣлыхъ кладовъ римскихъ монетъ позже Нерона и въ предѣлахъ Царства Польскаго, чаще всего II вѣка[2]).

Прусскія суда, Semborum naves, сновавшія по Балтійскому морю и вмѣстѣ съ другими, полныя разныхъ мѣновыхъ товаровъ (мѣха, янтарь), кишившія въ гаваняхъ Birca, Юлина, Дымина, Hedaby (свидѣтельства объ этомъ мы имѣемъ у Remberti въ „Житіи св. Ансхарія", у Адама Бременскаго), точкой отправленія имѣли торговый Truso. Сюда, конечно, и возвращались они съ вымѣненнымъ западнымъ товаромъ. Уютное положеніе города внутри страны, у большой рѣки, но вблизи моря, входъ изъ котораго чрезъ Фришъ-гафъ, слѣдовательно съ сѣвера, былъ прекрасно защищенъ природою, дѣлалъ его и интереснымъ торговымъ портомъ, и мѣстомъ удобной стоянки, — центромъ юго-восточнаго каботажа. Сюда шли и иностранныя суда съ товарами: „ad Semland provinciam, quam possident Pruzzi, navigatur", говоритъ Адамъ Бременскій, но не называя самого города Вульфстана. Однимъ словомъ, бойкая торговая жизнь кипѣла какъ на морѣ, такъ и въ центрѣ прусско-литовской морской торговли — Truso, — „ein äusserst reges Leben im Handel und Verkehr", говоря словами Voigt'a (op. c., I, 329).

Но дни Трусо были изочтены. Въ концѣ XII вѣка появился на берегахъ вблизи Truso жестокій Vókëtis, нѣмецкій Орденъ искателей добычи, отброски европейскаго общества; началась постройка нѣмецкихъ бурговъ: Кристбурга и др., — и подъ одинъ изъ первыхъ ударовъ нѣмцевъ попалъ нашъ Truso, эта вѣковая гордость прусовъ. Этотъ городъ „circa stagnum Drusine" (Петръ Dusburg) былъ разрушенъ, и на мѣсто его явился нѣмецкій Эльбингъ „cum magnis impensis et laboribus, послѣ того какъ „святые братья" „de castro Cristburc vexilla sue victorie lacius expandent in terra Drusen"...

Такъ погибъ Truso Вульфстана in terra Drusen или „ins land von Druszen" вблизи озера Drusina („des Drûsin-sêhis", иначе „sê den Drûsin")[3]).

---

[1]) „Scriptores rerum Prussicarum", I, 733, прим. 5.

[2]) Напр. въ 1870 г. найдены были два клада римскихъ монетъ въ Царствѣ Польскомъ отъ Веспасіана и до 1/2 II вѣка (см. „Отчетъ Археологич. Комиссіи" соотвѣтствующаго года). Недавно найденъ цѣлый горшокъ римскихъ монетъ конца I и II вѣка по Р. Хр. даже на берегу Горыни въ Волынской губерніи („Biblioteka Warszawska", 1890, czerwiec, 493). Изрѣдка тѣ же монеты открываются въ Кіевской, Харьковской губерніяхъ. Замѣтимъ, что городъ Данцигъ, у поляковъ Gdansk, у литовцевъ Dánska, подъ формою Godiscantia извѣстенъ уже въ V в. по Р. Хр. (см. Sprunner „Histor. Atlas", № I). Очевидно, польская форма прямое упрощеніе стараго названія. Ср. Калишъ и Calisia того же времени.

[3]) О послѣднихъ судьбахъ города Трусо и его края, который былъ именно центральною областью прусовъ при борьбѣ съ нѣмецкими крестоносцами, мы имѣемъ нѣсколько краткихъ историческихъ извѣ-

6.

Районъ торговыхъ отношеній Truso внутрь страны намъ не извѣстенъ. Но едва ли можно сомнѣваться, что они захватывали прежде всего широкимъ поясомъ край въ глубину родной Литвы. Voigt въ своей „Исторіи Пруссіи" идетъ далѣе: они-де захватывали весь Востокъ, т.-е. нынѣшнюю Россію. На западъ отъ нижней Вислы или Wislemûdan Вульфстана, раздѣлявшей, какъ категорически свидѣтельствуетъ тотъ же гость изъ Шлезвига, западную Литву (Witland) отъ Weonodland'а, жили славяне, для которыхъ Truso коммерческаго интереса представлять не могъ, такъ какъ они имѣли свои богатыя торговыя гавани для вывоза и ввоза, тогда какъ на Востокъ былъ единственный портъ — Truso. Слѣдовательно, естественно предполагать, что къ Truso тяготѣлъ весь обширный край на Востокъ, т.-е. Пруссія, Литва, гдѣ были не однѣ пущи съ обильнымъ звѣрьемъ, но и не малочисленныя туземныя поселенія, хотя и не богатыя (ср. слова Вульфстана).

Что же касается характера, предметовъ торговли, то для вывоза служили мѣха, янтарь (не мало цѣнившійся въ церковномъ обиходѣ для кажденія). Но что̀ ввозилось въ Truso и черезъ него? Можно догадываться, что шли сюда разное оружіе, металлическія издѣлія, матеріалы, бездѣлушки[1]). Позволяемъ себѣ думать, что въ современномъ литовскомъ языкѣ имѣются данныя для отвѣта на нашъ вопросъ и онѣ откроются при дальнѣйшей разработкѣ его лексикона. Такъ заимствованныя слова изъ нѣмецкаго, и именно нижне-нѣмецкаго (plattdeutsch) — область Шлезвига — вѣроятно, не всѣ новой даты: кое-что, вѣроятно, донеслось отъ глубокой старины,

---

стій, разнаго времени. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ, извлеченныя нами изъ I, II и V томовъ „Scriptores rerum Prussicarum":

Т. I. Извѣстіе изъ Петра de Dusburg о разрушеніи прусскаго города „circa stagnum Drusine et Wildenbergk" (стр. 60).

Изъ того же, о битвѣ на мѣстѣ „ubi Weseca intrat stagnum Drusine": прусы избиты были всѣ, кромѣ тѣхъ, „qui navigio per Drusinam evaserunt" (стр. 129).

Изъ риѳмованной хроники Николая Іерошина: объ укрѣпленіи
„Wildinberc ich darzû nume
und bî Drûsin deme sê" (стр. 357). Ср. выше изъ Петра.

Оттуда же: „Dise selbin schif vorwâr
wurdin ubir manic jâr
vorsenkit beide nâch der stunt
in des Drûsinsêhis grunt" (стр. 358).

Оттуда же: „dâ daz vlîz dî Weiske gât
in den sê den Drûsin,
daz mit sturmis prûsin
wart snel vón in gewunnin" (стр. 477). Ср. выше изъ Петра.

Т. II. „Translatio et miracula S. Barbarae" изъ половины XIII в., по рукописи нач. XV в.: „Post hoc autem dicti fratres de castro Cristburc vexilla sue victorie lacius expandentes in terra Drusen cum magnis impensis et laboribus construxerunt castrum et civitatem Elbingensem" (стр. 404).

Т. V. 2 приложеніе къ „Die jüngere Hochmeisterchronik" извѣстіе о завоеваніи Пруссіи Германа фонъ-Залца: рыцари построили Маріенверденъ, на Вислѣ, „und von der stadt wurden bezwyngen Ryszen, das sy musten zeins geben. Von dem warth gebawet Cristhborgk. Da satzen sich dy Rysen und lissen sich tauffen nach dem gelobde, das man den Rysen gelobt hatte, welch land sich wolde lassen taufen, das entpfingt noch dem gelubde. Von Cristhburgk warth gebawet der Elbing stadt und burgs ins land von Druszen. Von dem warth gebawet eyn burgk, dy hyesz denn Honede und nu isths dy Balge genant..." (стр. 160).

[1]) Ср. Voigt, op. c., I, 547: „Münzen, wollene Kleider, Schmucksachen und dergleichen Dinge".

какъ далекій отголосокъ о былой жизни еще періода процвѣтанія Truso. Позволю себѣ указать на литовское blývitas бѣлила изъ нижне-нѣмецкаго Bliewitt. Вспомнимъ и латышское blaka чернила, и англ. blake[1]). Любопытно, но темно, и самое имя для нѣмца у литовца, латыша — Vókëtis, Vácets... Чтò, откуда оно?...

Итакъ, при живой внѣшней торговлѣ, у Truso не могло не быть, какъ мы только-что говорили, и торговли внутренней: изъ Truso вѣдь много и вывозили. Первымъ поставщикомъ должна была быть Литва со своими естественными произведеніями. Но во внутреннихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Truso могли быть и другія сосѣднія земли, именно — по направленію къ югу.

Рѣки — божьи пути, говорилось у насъ встарину: онѣ изстари служили людямъ великую культурную службу.

Предположимъ даже, что забыта была старая торговая тропа на далекій югъ — чрезъ Калишъ (Calisia) на Карнутумъ; но все оставалась по-старому „большая" Висла („seo Wisle is swyde mycel eâ", записалъ еще Вульфстанъ), забыта она быть не могла, и тѣ суровыя, мрачныя картины теченія Вислы, которыя такъ любовно рисуются на начальныхъ страницахъ исторіи Польши у польскихъ историковъ (укажу Бобржинскаго), едва ли отвѣчаютъ дѣйствительности, точно воспроизводятъ ее.

Если въ XI ст. русскіе ходили на поляковъ, литовцевъ въ ладьяхъ по меньшимъ рѣкамъ, то почему Вислѣ быть недоступной? Дѣйствительно, епископъ Адальбертъ-Войтехъ плылъ къ пруссамъ по Вислѣ до самаго Данцига. Но плылъ онъ, слѣдовательно плыли и раньше его.

Но небезвѣстность Вислы удостовѣряется и показаніями Вульфстана: онъ точно опредѣляетъ теченіе Вислы, что она течетъ съ юга по отношенію къ Truso и что вытекаетъ она изъ страны славянъ, отдѣльныхъ отъ тѣхъ, чтò жили у Балтійскаго моря („seo Wisle lid ût of Weonodland"). Эти географическія свѣдѣнія долженъ былъ доставить ему самъ городъ Truso. Наконецъ, судостроительство должно было быть рано и хорошо знакомо прусамъ: вѣдь они ходили смѣло по морю въ Бирку. Какое же затрудненіе могла представить рѣка при такомъ развитіи торговыхъ интересовъ?

Естественно, рѣка, вытекавшая изъ края славянъ и впадавшая ниже Truso въ странѣ литовцевъ, т.-е. Висла, должна была рано или поздно познакомить другъ съ другомъ тѣхъ и другихъ и завязать межь нихъ кое-какія сношенія, а, наконецъ, и торговыя.

Но что за славянскій край у верхней Вислы, этотъ южный „Weonodland" Вульфстана? Чѣмъ былъ онъ богатъ тогда, какой продуктъ его могъ быть интересенъ для литовскаго торговаго города у Балтійскаго моря?

Weonodland — это край у Карпатовъ, а ихъ естественное исконное богатство — каменная соль. Карпаты — вѣковой уже соляной амбаръ для Европы, ея грандіозный „сольникъ", говоря языкомъ старины.

[1]) По этому вопросу имѣется небольшое изслѣдованіе Tamm'а „Einige germanische, besonders niederdeutsche Wörter im Litauischen", въ „Mittheilungen d. Litau. Lit. Gesellschaft", I, 238—242. Народъ, который такъ давно скитался по морю и былъ въ сношеніяхъ съ Западомъ, едва ли былъ безграмотенъ, какъ повѣствуютъ обыкновенно, повторяя Дюсбурга. Cp. Voigt, op. c., I, 561 и др.

7.

Когда и отъ кого карпатскіе славяне, и именно Залѣсья или Трансильваніи (добыча соли на сѣверѣ: въ Величкѣ, Бохніи, еще ждала своей очереди впереди), научились горному соляному дѣлу, чтобы стать затѣмъ изящными мастерами этого дѣла, говорить объ этомъ здѣсь не будемъ: можно догадываться о культурномъ вліяніи римлянъ послѣ Траяна. Отмѣтимъ только слѣдующее: 1) неславянская сегодня Трансильванія и сегодня покрыта топографическими именами отъ слав. окно (у хозяевъ страны румынъ — akna, 2 города и 6 поселеній носятъ это имя), а слово это и воскрешаетъ былую соляную жизнь страны, ибо означаетъ соляную шахту, fodina salis, и перешло слово къ мадьярамъ (какъ и названіе соли — só — соль), румынамъ и даже новымъ грекамъ съ тѣмъ же культурнымъ значеніемъ [1]; 2) процвѣтаніе этого горнаго промысла, вообще соляного хозяйства, падаетъ въ періодъ до прибытія мадьяръ, (названіе комитатовъ „Szolnok" = слав. сольникъ, у румынъ — sălnitia, сольница), т.-е. ранѣе половины X столѣтія. Даже сами мадьярскіе историки, столь субъективные всегда въ вопросахъ своей исторіи, вынуждены наконецъ признаться, что въ то время какъ и слѣда нѣтъ римскаго имени соли, „вездѣ въ цѣлой Трансильваніи и Валахіи, гдѣ были соляныя копи и существуютъ теперь, мы встрѣчаемъ славянскія имена Szolnok, Slanik, Akna" (Hunfálvy, въ „Literarische Berichte", I Iahrg., 2 H. p. 240). „Forma barbara in radice latina" (?), говорятъ Laurianu-Massimu, въ ихъ „Glossariu" румынскаго языка по поводу рум. salnitia (solnitia); но дѣлать эту поддѣлку и это говорить могутъ одни румынскіе филологи-политики.

Соляное богатство Карпатъ у мѣстныхъ славянъ, своего рода перепроизводство, не могло не вызвать рано потребности въ экспортѣ всѣмъ дорогаго минерала: имп. Арнульфъ, въ эпоху прибытія мадьяръ договаривающійся съ болгарами о союзѣ противъ Велико-Моравской державы, о лишеніи ея именно соли (имѣю въ виду показаніе Фульдскихъ анналъ, подъ 892 г.), могъ имѣть въ виду одну каменную соль Трансильваніи, уже практиковавшійся издавна пріемъ вывоза ея — по направленію на западъ.

Такимъ образомъ соль шла на западъ; тѣмъ легче было пройти ей на востокъ — къ русскимъ Галичины и далѣе чрезъ знакомый русскимъ „Барсуковъ дѣлъ" (имя восточной части Карпатъ въ Ипат. лѣтописи). Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1240 г. есть любопытное указаніе о коломыйской соли, которая какъ будто была личнымъ достояніемъ (въ родѣ регаліи) „великихъ князей"..., очевидно, въ виду ея торговой выгоды, почему князья и были весьма неравнодушны къ ней, къ ея судьбѣ [2]). Что же это за соль? Едва ли она была мѣстнаго происхожденія, а не завозная. Правда, соль —

---

[1]) Окнъ, akna. Ср. гот. auga — dauro, литов. akas foramen glaciei. У Деканжа, Glossarium mediae graecitatis: „ὄκνα foramen dolij".

[2]) Вотъ это мѣсто: „Данилъ же увидавъ посла Якова, столника своего, въ великою жалостью къ Доброславу, глагола къ нимъ: князь вашь есмь, повеления моего не творите, землю грабите, черниговскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, примати, нъ дати волости галичкимъ, а коломыйскюю соль отлучити на мя". „Велиции князи, поясняетъ авторъ, держать сію Коломыю на раздавание оружьникомъ". Слѣд. соль была какъ бы регаліей.

почти неисчерпаемое богатство современной Галиціи; правда, что огромный соляной пластъ, идущій въ видѣ полуциркуля отъ Велички и до Качики на Буковинѣ, есть прямое, непосредственное продолженіе сплошныхъ залежей Трансильваніи, и по своему геогностическому характеру Галиція и Трансильванія одной и той же третичной формаціи; но начало добычи соли въ „окнахъ" Галиціи — Величкѣ, Бохніи — относится уже къ половинѣ XIII вѣка. Могли дѣйствовать небольшія варницы, для выварки соли изъ такъ наз. у мѣстныхъ жителей „суровицы" изъ источниковъ, бьющихъ изъ земли (въ большихъ размѣрахъ онѣ теперь въ Калушѣ, Долинѣ, Болеховѣ); но ихъ соль должна была быть въ небольшомъ количествѣ.

Вспомнимъ, что изъ Трансильваніи вывозились къ намъ и желѣзо, свинецъ.

Но разъ карпатская соль изъ мѣстныхъ Оконъ и Сольницъ могла проникать къ сосѣдямъ на западъ и востокъ, быть предметомъ коммерціи, — странно полагать, что заторможено было ей движеніе на одинъ только сѣверъ, въ обширные края совсѣмъ безъ соли, слѣдов. крайне въ ней всегда нуждающіеся, тѣмъ болѣе цѣнившіе ее, и это при наличности такого удобнаго пути, какъ большая рѣка, „Большая Висла" Вульфстана, единившая тогда славянъ на югѣ, у Карпатъ, и Литву на сѣверѣ, у моря.

Такъ могли рано уложиться торговыя мѣновыя связи двухъ предпріимчивыхъ промышленныхъ народовъ у двухъ противоположныхъ мѣстъ теченія Вислы, на верху и на низу рѣки, и знаменитый торговый прусско-литовскій городъ Truso могъ сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ не только для заморскихъ товаровъ Запада и своихъ изъ Литвы, но и для карпатской соли, а изъ него этотъ минералъ, расходясь по Литвѣ, по естественному торговому району Truso, вмѣстѣ съ тѣмъ могъ занести въ нее, въ самый языкъ литовскій, и имя самого соляного склада, по которому простой, но дорогой, товаръ сталъ на мѣстѣ называться:

Truso (Druszina) — druskà, т.-е., такъ сказать, вещь, предметъ изъ Truso, какъ наше берковецъ — предметъ изъ Бирки.

На югѣ, въ Переяславцѣ на Дунаѣ, сходилось „вся благая"; на сѣверѣ то же явленіе — въ Truso на Вислѣ.

Конечно, помимо всего другаго есть еще затрудненіе формальное — конечный суффиксъ *k* — drus-*k*-à.

Суффиксъ *k* небезызвѣстенъ литовскому языку, но съ ограниченнымъ кругомъ примѣненія въ производствѣ — главнымъ образомъ именъ одушевленныхъ для формы женскаго рода: ožỹs козелъ — oszkà, bõstras — bostarka, buras — bũrkà и пр.[1]).

Можетъ быть, въ druskà мы имѣемъ уже сокращенную форму — обычная судьба словъ, часто употребляемыхъ въ общежитіи, а первоначальная форма нашего имени была прилагательная, женскаго рода, аналогичная нашему бѣрковьскъ, въ родѣ drusiszka (ср. dañgiszkas — ka, draũgiszkas — kà общій, diẽviszkas — ka и пр.)...

Въ обоснованіе возможности сокращенія приведу немного примѣровъ:

Dõvas изъ Dowydas; dukrà изъ duktera; blovẽšius (iaus) изъ слав. Благовѣщеніе.

---

[1]) Kurschat, L. Gram. § 286.

* * *

Я, наконецъ, у конца моихъ гаданій о генетической связи литовскаго слова druskà и имени былаго прусскаго города Truso. Дырява предложенная картинка изъ области литовской и родной старины; но она и не притязаетъ на безусловное значеніе: она только попытка указать возможность допустить существованіе культурныхъ отношеній между классической въ ранней исторіи славянъ Трансильваніей и знаменитой емпоріей прусовъ на Балтійскомъ морѣ, изъ эпохи, далеко раньше того времени, когда, выражаясь неблагочестивымъ языкомъ благочестиваго монаха, автора мѣстныхъ „Miracula S. Barbarae“ XIII вѣка, нѣмецкій Орденъ сталъ потрясать своими „побѣдными знаменами“ надъ злополучнымъ, наконецъ, разрушеннымъ Truso и его краемъ, раньше того времени, когда могла сложиться едва ли не литовская историческая поговорка (какъ-то попавшая въ русскую лѣтопись):

„Романе, худымъ живеши, Литвою ореши!“

Монеты великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича (1054—1078 гг.).

Н. И. Петрова.

Монеты великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича доселѣ не были извѣстны въ русской нумизматикѣ, и хотя онѣ уже давно открыты, описаны и изданы, но приписываемы были другимъ князьямъ и въ особенности Ярославу I.

Въ капитальномъ трудѣ гр. И. И. Толстаго, подъ заглавіемъ „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго", 1882 года, изданы и описаны три типа монетъ Ярослава I. На монетахъ перваго типа, — по объясненію графа Толстаго, — на одной сторонѣ изображенъ святой въ нимбѣ съ длиннымъ крестомъ въ правой рукѣ и круговою надписью ГЄГІОС, т.-е. *Γεοργιος* (христіанское имя Ярослава I), а на другой изображена хоругвь[1]). Ко второму типу отнесены графомъ Толстымъ монеты, съ изображеніемъ на одной сторонѣ великаго князя съ длинныхъ крестомъ въ правой рукѣ и въ нимбѣ и съ надписями справа НГНР, а слѣва ГЄҺОР, т.-е. Георгій, а на оборотной, по сторонамъ отъ хоругви, надписей — НЛРН или НТН+Ҍ, а слѣва ГЄҺОР, т.-е. тоже Георгій[2]). Къ третьему типу принадлежатъ монеты съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ св. Георгія Побѣдоносца, съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой и съ круговою надписью *ο Γεοργιος*, а на оборотной сторонѣ — Ярославле сребро. аминъ[3]).

Принадлежность монетъ третьяго изъ перечисленныхъ типовъ Ярославу I въ настоящее время, — насколько мы знаемъ, — никѣмъ не оспаривается; но монеты перваго и втораго типовъ оказываются спорными.

Н. П. Черневъ сперва въ своихъ „Замѣткахъ о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ"[4]), а потомъ въ статьѣ „О нѣжинскихъ сребренникахъ съ именемъ Петръ"[5]), доказывалъ, что на такъ называемыхъ Ярославовыхъ монетахъ перваго и втораго

---

[1]) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго", гр. И. И. Толстаго, С.-Петербургъ 1882 г., стр. 55 и 56, и таблицы III и IV, № 17.

[2]) Тамъ же, стр. 57 и 58 и табл. III и IV, №№ 18—20, и IX, № 12.

[3]) Тамъ же, стр. 60—62 и табл. XIII, №№ 1—6.

[4]) „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ", С.-Петербургъ 1888 г.

[5]) „Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, Н. А. Леопардова, вып. III—IV, Кіевъ 1891 г., стр. 21 и слѣд.

типовъ нѣтъ ни изображенія св. Георгія, ни соотвѣтствующей этому изображенію надписи, и что, поэтому, онѣ не могутъ принадлежать Ярославу I.

На сребренникахъ перваго типа, приписывавшихся Ярославу I, на лицевой ихъ сторонѣ г. Черневъ читаетъ не ГЄГІОС, а ПЄТРОС. Имя это помѣщено слѣва отъ изображенія, а не справа, какъ бы слѣдовало, потому, что весь штемпель лицевой стороны вырѣзанъ навыворотъ. Благодаря этому, и крестъ помѣщенъ въ правой, а не въ лѣвой рукѣ человѣческой фигуры. На монетахъ же втораго типа, приписывавшихся Ярославу I, г. Черневъ читаетъ не ГЄ-ОР (ІТН), а ПЄТДР или ПЄТЬР, т.-е. нѣчто, близко подходящее къ имени Петръ. Слова же лѣвой надписи на лицевой сторонѣ ІТНР или НГНР, иногда помѣщаемыя на оборотной сторонѣ и читаемыя графомъ Толстымъ какъ (ГЮ)РГНН — въ смыслѣ Георгія, или НОРНН, въ смыслѣ Юрія, г. Черневъ въ первой своей статьѣ отказывался объяснить, склоняясь, впрочемъ, къ тому предположенію, что эти слова представляютъ нѣкоторое сходство съ именемъ Игоря, сходство однакоже, можетъ быть, и случайное.

Изображеніе человѣческой фигуры на нѣкоторыхъ сребренникахъ перваго типа, приписывавшихся Ярославу I[1]), по мнѣнію г. Чернева, представляетъ собою не св. Георгія, какъ полагаетъ графъ Толстой, а св. Апостола Петра. Это мнѣніе свое г. Черневъ основываетъ на сличеніи даннаго монетнаго изображенія со снимками съ византійскихъ эмалей (изъ извѣстнаго собранія А. В. Звенигородскаго) и крестоносческихъ антіохійскихъ монетъ, носящихъ на себѣ изображеніе св. Апостола Петра[2]).

Мнѣ, съ своей стороны, еще въ 1890 году удалось разобрать нѣкоторыя надписи на сребренникахъ втораго типа, приписывавшихся Ярославу I, именно загадочныя слова ІТНР и НАРН. Между византійскими перегородчатыми эмалями въ коллекціи А. В. Звенигородскаго есть медальонъ съ изображеніемъ великомученика Димитрія и греческою надписью по обѣимъ сторонамъ человѣческой фигуры, сверху внизъ: *ὁ. α. ΔΙΜΙΤΡΙΟΣ*[3]). Отъ подобной надписи, по моему мнѣнію, и произошли загадочныя доселѣ слова на сребренникахъ втораго типа, приписывавшихся Ярославу I:

Н И
И І
Т Р
Ь И[4]).

Они произошли путемъ неумѣлаго, неправильнаго копированія рѣщикомъ оригинала надписи на штемпелѣ. Рѣщикъ вырѣзывалъ эту надпись такъ, какъ она представлялась его глазамъ, начиная съ правой стороны штемпеля и идя отъ лѣвой руки къ правой, вслѣдствіе чего какъ изображеніе, такъ и надпись выходили на монетѣ совершенно наоборотъ, и надпись должна быть читаема начиная съ лѣвой стороны монетнаго изображенія и отъ правой руки къ лѣвой, т.-е. ДІІ|ИИТЬ РІІ. Та же надпись съ именемъ Димитрія читается въ книгѣ графа И. И. Толстаго, на таблицѣ IV,

---

1) У гр. Толстаго таблица XI, № 5.
2) „Сборникъ снимковъ", Н. А. Леопардова, вып. III—XV, Кіевъ 1891 года, стр. 21 и слѣд.
3) Der Byzantische Zellenschmelz von Johannes Schulz Pfarrer, Frankfurt a. M., 1890, Taf. 10.
4) У Толстаго табл. IX, № 12.

№№ 18, 19 и 20, причемъ нужно замѣтить, что буквы на правой сторонѣ монетнаго изображенія читаются снизу вверхъ, навыворотъ[1]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Чернева и моему, сребренники перваго и второго типовъ, приписывавшіеся Ярославу I-му, не принадлежатъ ему, такъ какъ носятъ совершенно другія имена Петра и Димитрія и имѣютъ изображенія св. Апостола Петра, а — можетъ быть — и св. Димитрія. На одной изъ нихъ нѣсколько разъ повторяется имя Петръ, еще въ греческой его формѣ (ПЄТРОС), какъ на лицевой, такъ и на оборотной сторонахъ. Монета эта причислялась къ первому типу Ярославовыхъ монетъ[2]). На четырехъ сребренникахъ втораго типа такъ называемаго Ярославова серебра, на одной сторонѣ, вокругъ хоругви, читается имя ДН|МНТ|РН, а на другой, по сторонамъ человѣческой фигуры, слѣва ПЄТЬР, т.-е. Петръ, а справа ІТПР[3]), что составляетъ послѣдніе два слога имени Димитрій, съ перестановкою буквъ въ послѣднемъ слогѣ. Повидимому, видоизмѣненіе послѣднихъ монетъ представляетъ монета, изданная въ книгѣ графа И. И. Толстаго на таблицѣ V, № 12.

Какому князю или какимъ князьямъ принадлежатъ эти монеты съ именами Петра и Димитрія, ни г. Черневъ, ни я не опредѣляли. Но во всякомъ случаѣ фактъ прочтенія новыхъ именъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, доселѣ приписывавшихся великимъ кіевскимъ князьямъ только до Ярослава I включительно, открывалъ заманчивую перспективу существовавшаго въ Россіи развитія монетнаго дѣла и послѣ Ярослава I, можетъ быть до конца до-татарскаго періода. И вотъ, тотъ же Н. П. Черневъ, переизслѣдуя изданныя графомъ И. И. Толстымъ „древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго“ и имѣя въ виду нѣкоторыя другія неизданныя дотолѣ монеты того же разряда, остановилъ свое вниманіе на нѣжинскихъ (т.-е. найденныхъ въ г. Нѣжинѣ) сребренникахъ приписывавшихся св. Владиміру, Святополку и Ярославу I (перваго и втораго типовъ) и хотѣлъ отодвинуть ихъ въ дальнѣйшую исторію, послѣ княженія Ярослава I. Исходя изъ того факта, что сребренники этого рода имѣютъ особый типъ и составляли большинство въ нѣжинскомъ кладѣ, что среди нихъ по преимуществу находились экземпляры прекрасной сохранности (слѣдов., не бывшіе въ долговременномъ употребленіи), что во время, къ которому по всей вѣроятности можетъ быть отнесено зарытіе этого клада (1147 г.), на столѣ великаго княжества Черниговскаго, въ предѣлахъ котораго кладъ былъ зарытъ сидѣлъ Владиміръ Давидовичъ (1139—1151 гг.), — г. Черневъ отнесъ эти сребренники къ великимъ князьямъ Черниговскимъ, а въ частности тѣ изъ нихъ, на которыхъ читается имя Владиміръ, приписалъ Владиміру Давидовичу Черниговскому[4]).

Но противъ мнѣнія г. Чернева въ послѣднее время выступилъ графъ И. И. Толстой, который не только не соглашается отодвинуть какія-либо изъ изданныхъ имъ монетъ ко времени позже Ярослава I, и притомъ изъ Кіевскаго въ другое княжество,

---

1) „Кіевская старина“, декабрь 1890 г., стр. 510.

2) У Толстого табл. III и IV, № 17.

3) Тамъ же, табл. III и IV, №№ 18—20, и табл. IX № 12.

4) „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“, С.-Петербургъ 1888 г., стр. 64—66; „Сборникъ снимковъ“, Н. А. Леопардова, вып. III—IV, стр. 28.

Черниговское, но и не хочетъ читать на нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ именъ Петра и Димитрія, настаивая на своемъ прежнемъ чтеніи этихъ именъ въ смыслѣ Георгія, или Юрія, какъ назывался въ крещеніи Ярославъ I.

Противъ усвоенія нѣжинскихъ сребренниковъ Черниговскимъ князьямъ и въ частности Владиміру Давидовичу, XII вѣка, графъ Толстой возражаетъ слѣдующее. „Время чеканки монетъ, насъ интересующихъ, опредѣлено на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ состава разныхъ кладовъ, т.-е. такихъ данныхъ, которыя въ нумизматикѣ слывутъ и на самомъ дѣлѣ являются одними изъ самыхъ доказательныхъ. Что касается хронологической послѣдовательности возникновенія отдѣльныхъ типовъ, то она установлена главнымъ образомъ на основаніи перечеканенныхъ экземпляровъ, т.-е. фактовъ, имѣющихъ, безспорно, рѣшающее значеніе“ [1]). Въ своемъ капитальномъ трудѣ „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго“, 1882 года, графъ Толстой, раздѣливъ монеты св. Владиміра, по отличительнымъ ихъ признакамъ, на четыре типа, установилъ внутреннюю преемственность и историческую послѣдовательность ихъ на основаніи перечеканокъ. Такъ напр., одна монета втораго типа чеканена на монетѣ перваго типа и слѣдовательно позднѣе этой послѣдней [2]). Одинъ изъ экземпляровъ третьяго типа чекаиенъ на монетѣ втораго типа и слѣдовательно позднѣе послѣдняго [3]) и т. д. Пріуроченіе монетъ того или другого типа къ извѣстнымъ опредѣленнымъ историческимъ эпохамъ или княженіямъ дѣлается обыкновенно на основаніи совмѣстнаго нахожденія этихъ монетъ въ кладахъ съ другими уже извѣстными монетами. О времени закопки извѣстнаго клада судятъ по самымъ позднимъ монетамъ въ кладѣ, который бываетъ зарытъ всегда вскорѣ послѣ ихъ чеканки. Почти во всѣхъ кладахъ замѣчаются слѣдующія неизмѣнныя явленія: 1) разстояніе времени между годомъ чеканки древнѣйшей монеты въ кладѣ и новѣйшей бываетъ сравнительно не велико, рѣдко болѣе 60, 70 лѣтъ; 2) число новѣйшихъ монетъ больше, и онѣ принадлежатъ или той странѣ, гдѣ зарытъ кладъ, или ближайшимъ къ ней, тогда какъ болѣе древнія монеты принадлежатъ странамъ болѣе отдаленнымъ... Эти явленія указываютъ на то, что кладъ былъ зарытъ въ то время, когда обращались въ данной странѣ всѣ найденныя въ немъ монеты, т.-е. почти непосредственно послѣ чеканки новѣйшихъ (туземныхъ) монетъ въ кладѣ [4]). „Обращаясь къ нашимъ монетамъ, мы находимъ — говоритъ графъ, — что такимъ способомъ опредѣлено приблизительно время чеканки трехъ монетъ: двухъ Владиміра и одной Ярослава“. Двѣ монеты Владиміра, одна перваго и одна втораго типовъ, найденныя съ иностранными монетами X и начала XI вѣка, указываютъ на конецъ X или начало XI вѣка, и одна монета Ярослава, найденная въ Познани съ ино-

---

[1]) „Древнѣйшія русскія монеты X—XI в.“, гр. И. И. Толстаго, — отдѣльный оттискъ изъ 14 тома „Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, С.-Петербургъ 1893 г., стр. 27.

[2]) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго“, И. И. Толстаго, С.-Петербургъ 1882 г., стр. 23, и табл. I и II, № 11.

[3]) Тамъ же, стр. 34, и табл. I и II, № 17; сн. „Древнѣйшія русскія монеты X—XI в.“, гр. И. И. Толстаго, 1893 г., стр. 27.

[4]) Тамъ же, стр. 156; сн. „Древнѣйшія русскія монеты X—XI в.“, 1893 г., стр. 57.

странными монетами XI вѣка, указываетъ на это столѣтіе[1]). А такъ такъ нѣжинскіе сребренники распредѣлены у графа Толстаго по установленнымъ имъ типамъ, то и эти сребренники, по его мнѣнію, никакъ не могутъ быть относимы къ XII столѣтію.

Противъ чтенія на монетахъ имени „Петръ“ (имени „Димитрія“ графъ Толстой не касается въ своей брошюрѣ), графъ, во-первыхъ, дѣлаетъ анализъ буквъ надписи и изъ него выводитъ заключеніе, что на этихъ монетахъ начеканено не ПЄТРОС или ПЄТЬР, а ГЄГІОС или ГЄЮРГИИ, т.-е. Георгій или Гюргій, какъ назывался въ крещеніи Ярославъ I, „такъ какъ другихъ именъ въ русской исторіи этого времени нельзя и пріурочить къ монетамъ“; во-вторыхъ, говоритъ, что „г. Черневу пришлось указать, что она (монета) принадлежитъ не Ярославу I, а неизвѣстному ни г. Черневу, ни кому-либо другому, князю Петру, княжившему неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно когда. Такимъ образомъ, уяснивъ, какъ ему казалось, надпись, г. Черневъ обратилъ самый памятникъ въ какую-то загадку, совершенно неясную“[2]).

Но, опровергая г. Чернева, графъ Толстой ничего не сказалъ объ иконографіи интересующихъ насъ монетъ, т.-е. не сдѣлалъ никакихъ возраженій на мнѣніе г. Чернева о томъ, что на этихъ монетахъ изображается Апостолъ Петръ.

Я, съ своей стороны, не намѣренъ защищать мнѣнія г. Чернева о принадлежности нѣжинскихъ сребренниковъ черниговскимъ князьямъ XII вѣка и въ частности нѣжинскихъ сребренниковъ съ именемъ Владиміра черниговскому великому князю Владиміру Давидовичу (1139—1151 гг.), равно какъ не берусь судить о томъ, насколько точно и вѣрно примѣнены графомъ Толстымъ общія положенія относительно опредѣленія эпохи монетъ по составу кладовъ къ опредѣленію интересующихъ насъ монетъ, изданныхъ въ его книгѣ. Но въ настоящій разъ я желалъ бы только поддержать ту общую, основную мысль г. Чернева, что между древнѣйшими русскими монетами есть и монеты позднѣе Ярослава I, именно монеты съ именами Петра и Димитрія. Эти монеты, по моему мнѣнію, можно приписать извѣстнымъ русскимъ князьямъ изъ ближайшихъ преемниковъ Ярослава I, жившихъ въ XI же вѣкѣ.

Имена „Петръ“ и „Димитрій“, читаемыя на монетахъ, дѣйствительно не встрѣчаются въ древней русской исторіи до Ярослава I включительно. Но эти имена встрѣчаются тотчасъ же послѣ Ярослава I. Непосредственный преемникъ Ярослава I на великокняжескомъ столѣ Изяславъ Ярославичъ (1054—1078 гг.) въ крещеніи назывался Димитріемъ и около 1062 года основалъ въ Кіевѣ Димитріевскій монастырь, а сынъ его Ярополкъ Святославичъ началъ строить въ томъ же монастырѣ церковь Петра, вѣроятно, въ честь своего святаго патрона, и въ 1087 году погребенъ былъ въ этой церкви[3]). Такимъ образомъ, великій князь кіевскій Изяславъ Ярославичъ въ крещеніи назывался Димитріемъ, а сынъ его Ярополкъ Изяславичъ, по всей вѣроятности, Петромъ. А оба эти имени, т.-е. Димитрій и Петръ, и являются на монетахъ перваго и втораго типа, приписывавшихся Ярославу I-му: Петръ на монетѣ перваго типа, а оба вмѣстѣ — на монетахъ втораго типа. Чѣмъ объяснить появленіе

[1]) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго“, 1892 г., стр. 156, а также 14, 25 и 67.
[2]) „Древнѣйшія русскія монеты X—XI в.“, 1893 г., стр. 39 и 56.
[3]) „Труды Кіевской дух. Академіи“. январь, 1892 г., стр. 112 и 113.

именъ отца и сына на одной и той же монетѣ, — мы не знаемъ. Можетъ быть, Изяславъ хотѣлъ нарушить порядокъ удѣльной системы, по которому старшіе въ родѣ, напримѣръ братья, должны преемственно занимать великокняжескій престолъ, а за ними — ихъ дѣти по старшинству, и хотѣлъ сдѣлать этотъ престолъ наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ, а потому чеканилъ монету не только со своимъ именемъ но и съ именемъ своего будущаго преемника, сына Ярополка-Петра. Въ такомъ случаѣ, объяснялось бы и согнаніе Изяслава Ярославича съ великокняжескаго стола другимъ братомъ его Святославомъ Ярославичемъ (1073—1076 гг.), возставшимъ на брата за свои личныя права[1]). Впослѣдствіи сынъ Изяслава-Димитрія Ярополкъ-Петръ возстаетъ противъ дяди своего, великаго князя кіевскаго Всеволода Ярославича, и является какъ бы претендентомъ на кіевскій великокняжескій престолъ[2]). Но можетъ быть и другое объясненіе происхожденія имени и изображенія св. Петра на разсматриваемыхъ монетахъ. Изяславъ Ярославичъ, будучи согнанъ сь великокняжескаго престола, обращается за помощью къ папѣ и къ польскому королю и получаетъ отъ перваго грамоту, принимавшую Изяслава Ярославича подъ защиту и покровительство папскаго престола и Апостола Петра[3]), который, поэтому, и могъ быть изображенъ на Изяславовыхъ монетахъ. Во всякомъ случаѣ, только въ обстоятельствахъ жизни Изяслава-Димитрія Ярославича и сына его Ярополка-Петра можно найти объясненіе происхожденія монетъ съ именами Димитрія и Петра. А если приписывать монеты съ именами Димитрія и Петра Изяславу Ярославичу и, — пожалуй, — сыну его Ярополку Изяславичу, то само собою устраняются и всѣ тѣ возраженія, какія графъ И. И. Толстой направляетъ противъ г. Чернева относительно опредѣленія эпохи монетъ по составу кладовъ, такъ какъ Изяславъ Ярославичъ жилъ еще въ XI вѣкѣ, т.-е. въ томъ самомъ вѣкѣ, къ которому графъ Толстой относитъ разсматриваемыя монеты, приписываемыя имъ Ярославу I-му.

Слѣдовало бы намъ сказать еще нѣсколько словъ объ анализѣ буквъ надписей на монетахъ перваго и втораго типа, приписывавшихся Ярославу I-му, сдѣланномъ графомъ Толстымъ въ опроверженіе чтенія г. Чернева. Но объ этомъ анализѣ мы предоставляемъ судить самому читателю на основаніи вышесказаннаго. По поводу этого анализа, нумизматическая критика уже успѣла высказаться. „Чтеніе г. Чернева, — говоритъ В. А. Уляницкій, — на-глазъ все-таки правильнѣе или, по крайней мѣрѣ, естественнѣе, если, конечно читать надпись безъ предвзятой мысли, что она непремѣнно должна имѣть отношеніе къ Ярославу“[4]). Притомъ же, графъ Толстой настаиваетъ на этомъ анализѣ и чтеніи преимущественно въ виду того обстоятельства, что будто бы другихъ именъ въ русской исторіи этого времени, кромѣ имени Георгія или Юрія-Ярослава нельзя и пріурочить къ разсматриваемымъ монетамъ. Но какъ скоро найдены эти „другія имена“, и притомъ въ XI-мъ же столѣтіи, то и самый анализъ буквъ надписей въ значительной мѣрѣ теряетъ подъ собою почву.

---

[1]) „Древняя Русская Исторія до монгольскаго ига“ М. Погодина, т. I, Москва 1871 г., стр. 102—103.

[2]) Тамъ же, стр. 107.

[3]) Тамъ же, стр. 103.

[4]) „Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ“, май, 1893 г., стр. 182.

Итакъ, общія положенія, какія можно извлечь изъ вышесказаннаго, суть слѣдующія: 1) экземпляры перваго и втораго типовъ такъ называемыхъ Ярославовыхъ сребренниковъ надписаны именами Димитрія и Петра и не могутъ принадлежать Ярославу I-му Георгію; 2) монеты эти, по всей вѣроятности, принадлежатъ сыну Ярослава I-го Изяславу-Димитрію Ярославичу.

Если мы примемъ эти два положенія, то для насъ откроется перспектива дальнѣйшаго развитія монетнаго дѣла въ древней Россіи. Доселѣ рядъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ круто и неестественно обрывался на эпохѣ княженія великаго князя кіевскаго Ярослава I-го, тогда какъ въ другихъ областяхъ искусствъ и художествъ развитіе русской культуры подъ византійскимъ вліяніемъ продолжалось далѣе временъ Ярослава Мудраго. Теперь оказывается, что и монетное дѣло въ древней Россіи не прекратилось со смертію Ярослава I, а продолжало развиваться и послѣ его смерти. Другой вопросъ, — какого рода было это развитіе, т.-е. въ хорошую или дурную сторону. Повидимому, послѣ Ярослава I-го, монетное дѣло въ Россіи упадаетъ въ техническомъ и художественномъ отношеніяхъ. Монеты Ярослава I-го, несомнѣнно ему принадлежащія и относимыя доселѣ къ третьему типу его монетъ, исполнены отчетливо, по византійскимъ образцамъ, по всей вѣроятности греческими мастерами или, по крайней мѣрѣ, русскими учениками ихъ. Монеты же, приписываемыя нами Изяславу-Димитрію Ярославичу, исполнены неумѣло, вѣроятно русскими мастерами, которые копировали, какъ могли, готовые образцы, часто не понимая даже вырѣзываемыхъ ими монетныхъ надписей. Этотъ кажущійся упадокъ монетнаго дѣла въ древней Россіи по смерти Ярослава I-го легко объясняется тѣмъ, что съ этого времени древняя Русь, со столицею своею Кіевомъ во главѣ, отрѣзана была отъ непосредственнаго общенія съ Византіей дикими кочевниками, уже съ трудомъ могла пользоваться живыми уроками византійскихъ мастеровъ и по-своему копировала только готовые, мертвые образцы. Но зато послѣ смерти Ярослава I-го русскіе монетчики стали на путь болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія медальернаго искусства. Спотыкаясь и падая, какъ малыя дѣти, начинающія ходить, русскіе медальеры должны были впослѣдствіи встать на свои собственныя ноги и проложить путь къ самостоятельному развитію монетнаго дѣла въ Россіи.

Первые шаги классической археологии.

М. С. Корелина.

I.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что для вполнѣ плодотворной работы въ области каждой науки необходимо обстоятельное и всестороннее изученіе ея исторіи. Въ Германіи эта потребность сознана съ такою ясностью, что Мюнхенская академія давно уже предприняла цѣлый рядъ изданій по исторіи отдѣльныхъ наукъ. Но исторія классической археологіи до сихъ поръ не написана, такъ какъ сочиненія Штарра и Ульрихса носятъ біо- и библіографическій характеръ, а старая работа Геерена и новый весьма основательный трудъ Конрада Бурсіана имѣютъ въ виду преимущественно классическую филологію, да и то главнымъ образомъ на германской почвѣ. Между тѣмъ исторія классической археологіи, составляющей самое раннее проявленіе археологической науки, имѣетъ большой интересъ вслѣдствіе ея тѣсной связи съ общественными теченіями, которыя особенно въ первое время опредѣляли отношеніе къ памятникамъ древности и методы ихъ изученія. На первыхъ ступеняхъ развитія классической археологіи съ полной наглядностью обнаруживаются тѣ опасности, которыя грозятъ изслѣдователю, если у него нѣтъ вѣрнаго представленія о цѣляхъ науки или если онъ не сумѣетъ воздержаться отъ общественныхъ увлеченій извѣстной эпохи. Въ силу тѣсной связи съ общественнымъ настроеніемъ особенно поучителенъ тотъ періодъ исторіи классической археологіи въ новое время, когда уже начали собирать памятники прошлаго, но еще не умѣли обрабатывать ихъ научнымъ образомъ. Этотъ періодъ простирается отъ половины XIV вѣка до половины XV, когда Flavio Biondo своимъ Roma triumphans и Andrea Fiocco своимъ сочиненіемъ о древне-римскомъ жречествѣ и магистратурѣ положили начало науки о древностяхъ. Я не имѣю въ виду перечислять результаты поисковъ первыхъ археологовъ и выяснять значеніе составленныхъ ими описаній памятниковъ для позднѣйшей науки. Для такой работы въ настоящее время слишкомъ мало источниковъ, такъ какъ нѣкоторые археологическіе труды раннихъ гуманистовъ не изданы, а частью даже не отысканы. Мою задачу будетъ составлять выясненіе тѣхъ направленій, которыя принимала классическая археологія въ первое столѣтіе своего существованія, прежде чѣмъ сдѣлалась самостоятельной наукой, при чемъ я остановлюсь только на одномъ неизданномъ памятникѣ, весьма характерномъ въ этомъ отношеніи.

Классическая археологія началась почти одновременно съ исторической критикой, съ независимой философіей и со свѣтскою литературой и была вызвана къ жизни тѣми же самыми причинами, которыя положили основаніе новой культурѣ и дали ей въ эпоху Возрожденія весьма своеобразную окраску. Человѣческій разумъ, воспитанный подъ суровой ферулой средневѣковаго аскетизма, достигъ наконецъ такой зрѣлости, что могъ критически отнестись къ своему многовѣковому воспитателю. Эта критика въ половинѣ XIV столѣтія была тѣмъ легче, что теорія и практика аскетическаго католицизма пришли въ это время въ крайнее противорѣчіе. Глава церкви и верховный властитель міра жилъ вдали отъ священнаго города и служилъ орудіемъ въ рукахъ побѣдившихъ его французскихъ королей. Религіозныя и матеріальныя основы, на которыхъ держалось его владычество, подорваны были поведеніемъ самой куріи, нравственная распущенность которой приводила въ отчаяніе благочестивыхъ католиковъ. Монашество, наивысшее осуществленіе средневѣковыхъ идеаловъ и самая могущественная армія папства, пришло въ разложеніе. Меньшая его часть, оставшаяся вѣрной благочестивымъ завѣтамъ прошлаго, пришла въ столкновеніе съ св. престоломъ, а большинство монаховъ отказывалось отъ міра только для того, чтобы удобнѣе и спокойнѣе, безъ труда и заботъ пользоваться его грѣховными наслажденіями. Совершенно естественно, что опека воспитателей, утратившихъ всякій престижъ, потеряла смыслъ, а ихъ ученіе, стоявшее въ полномъ противорѣчіи съ жизнью, — всякій авторитетъ, и человѣческій разумъ, созрѣвшій до потребности независимой науки и философіи, почувствовалъ себя самостоятельнымъ.

Но разрывъ съ прошлымъ представителей эпохи Возрожденія ставилъ передъ ними колоссальную задачу — выработать новое міросозерцаніе, которое соотвѣтствовало бы новымъ потребностямъ и которое можно было бы противопоставить отжившему, но цѣльному и стройному міровоззрѣнію средневѣковаго католицизма. Огромную поддержку въ этомъ трудномъ дѣлѣ оказала классическая древность. Античный міръ вполнѣ никогда не забывался въ Италіи и, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи всегда сохранялъ нѣкоторый авторитетъ. Эпоха, когда Римъ и Италія, господствовали надъ міромъ, имѣла особую привлекательность для патріотовъ, переживавшихъ тогда тяжелыя времена внутреннихъ неурядицъ и внѣшняго безсилія. Сохранялись также воспоминанія и о томъ, что въ эпоху пережитаго могущества процвѣтали науки и искусства, и къ политическому авторитету древности присоединился авторитетъ культурный. Поэтому первое проявленіе научной любознательности новаго времени направлено было на изученіе античнаго прошлаго, которое однако съ самаго начала не было только простымъ объектомъ науки. Въ древности искали средствъ противъ бѣдствій настоящаго и указаній для устройства лучшаго будущаго, и чѣмъ болѣе изучали античный міръ, тѣмъ болѣе и болѣе возросталъ его авторитетъ. Гуманисты скоро увидѣли, что тамъ существовала самостоятельная наука и философія, затрогивавшая всѣ вопросы человѣческаго знанія, что тамъ сложилась свѣтская литература и свѣтское искусство, достигшія высокой степени совершенства, что античные взгляды на природу и человѣка гораздо ближе къ новымъ стремленіямъ, чѣмъ недавній аскетизмъ. Вслѣдствіе этого греко-римская литература пріобрѣла небывалый авторитетъ, и мнѣнія

древнихъ писателей въ тѣхъ случаяхъ, когда они соотвѣтствовали новымъ потребностямъ, получили почти такое же значеніе, какъ цитаты изъ св. Писанія въ церковной литературѣ. При такомъ положеніи дѣла античная древность сдѣлалась на первое время не столько предметомъ научнаго изученія, сколько источникомъ политическаго и моральнаго назиданія и въ этой поучительности искали оправданія даже для самой науки. Въ силу этого главный интересъ возбуждала литература; но съ самаго начала гуманистическаго движенія монументальные памятники древности съ ихъ надписями точно также стали привлекать вниманіе представителей Возрожденія и на ихъ изученіи проявились господствующія стремленія эпохи.

II.

Интересъ къ вещественнымъ остаткамъ старины замѣчается уже у самого родоначальника итальянскаго гуманизма, у Франческо Петрарки. Вспоминая въ письмѣ къ Джіованни Колонна ди Сан-Вито о своей прогулкѣ съ адресатомъ по Риму въ 1337 году, Петрарка подробно перечисляетъ видѣнные ими тамъ памятники, какъ языческой, такъ и христіанской старины[1]). Онъ давно мечталъ объ этомъ путешествіи и тщательно подготовился къ нему изученіемъ описаній памятниковъ и связанныхъ съ ними событій и преданій. „Мы много говорили объ исторіи, припоминаетъ онъ, распредѣливъ ее между собою такъ, что ты казался болѣе свѣдущимъ въ новой, а я въ древней“. Но Петрарка готовился къ обозрѣнію римскихъ древностей по ненадежнымъ источникамъ и не дѣлаетъ нималѣйшей попытки отдѣлить фактъ отъ легенды. Онъ нашелъ въ Римѣ пещеру Кака, мѣсто бесѣдъ Нумы съ Эгеріей и встрѣчи Христа съ ап. Петромъ и т. п.; съ другой стороны, значеніе сохранившихся остатковъ ему не всегда ясно: такъ, колонну Траяна онъ считаетъ за надгробный памятникъ этого императора[2]). Вообще научный смыслъ изученія монументальныхъ древностей еще недостаточно понятенъ первому гуманисту и стоитъ для него на второмъ планѣ. Знать эти памятники нужно, потому что невѣжество вообще постыдно; но главное ихъ значеніе заключается, по его мнѣнію, въ ихъ политическомъ вліяніи. Знакомство съ монументальными остатками блестящаго прошлаго можетъ воспламенить прежнія доблести и воскресить славную старину. „Кто теперь болѣе невѣжественъ относительно римскихъ дѣяній, чѣмъ римскіе граждане? восклицаетъ Петрарка. Противъ воли долженъ сказать, что нигдѣ Рима не знаютъ меньше, чѣмъ въ Римѣ, и не одно только невѣжество оплакиваю я въ этомъ дѣлѣ (хотя что хуже невѣжества?), а бѣгство и изгнаніе многихъ добродѣтелей. На самомъ дѣлѣ, кто можетъ сомнѣваться, что если Римъ начнетъ познавать самого себя, то онъ воскреснетъ[3])“.

---

[1]) Fracassetti, F. Petrarcae Epistolae de rebus familiaribus et variae. Florentiae 1859. Lib. VI, ep. II.

[2]) Haec Trajani columna, ubi ille unus omnium imperatorum, ut ait Eusebius, intra urbem est sepultus. Ibid. p. 313.

[3]) Qui enim hodie magis ignari rerum Romanarum sunt, quam Romani cives? Invitus dico. Nusquam minus Roma cognoscitur, quam Romae. Qua in re non ignorantiam solam fleo (quamquam quid ignorantia pejus est?), sed virtutum fugam exiliumque multarum. Quis enim dubitare potest, quin illico surrectura sit, si coeperit se Roma cognoscere. Ibid. p. 314.

Эта мистическая вѣра во всемогущество археологическаго памятника и политическія фантазіи, вызванныя монументальными остатками прежняго величія, не были достояніемъ одного Петрарки; объ этомъ же мечтали и многіе другіе, и даже на одинъ моментъ археологическія утопіи сдѣлались фантастическою почти сумасбродною дѣйствительностью, когда восторженный археологъ, захвативши въ руки власть, попытался осуществить свои завѣтныя мечты. Почти одновременно съ Петраркой на запустѣлыхъ улицахъ дичавшаго Рима изучалъ уцѣлѣвшіе памятники первый издатель римскихъ надписей Кола ди Ріенцо. Знаменитый Росси съ несомнѣнной ясностью доказалъ, что авторомъ Descriptio urbis Romae ejusque excellentiarum былъ знаменитый трибунъ[1]). Кола относился къ памятникамъ съ болѣе научной тщательностью, чѣмъ Петрарка: онъ собиралъ надписи, и Росси признаетъ его своимъ первымъ предшественникомъ въ новое время, основателемъ новой эпиграфики. Но и для Кола еще въ большей степени, чѣмъ для Петрарки, античные памятники были средствомъ политической пропаганды. Его старый біографъ отмѣчаетъ, что онъ объяснялъ надписи и истолковывалъ статуи и несомнѣнно старался оживить воспоминанія съ цѣлью разшевелить народныя страсти. Такъ, папа Бонифацій VIII при сооруженіи одного алтаря въ Латеранѣ воспользовался старой мѣдной доской, съ записаннымъ на ней постановленіемъ, которымъ народъ передавалъ власть Веспасіану. Кола, открывъ этотъ памятникъ, положилъ его на видное мѣсто въ церкви и въ публичной лекціи объяснялъ его народу, доказывая, что его слушателямъ принадлежитъ власть надъ міромъ, такъ какъ ихъ предки поставляли міровыхъ владыкъ въ лицѣ римскихъ императоровъ.

Судьба Кола ди Ріенцо достаточно извѣстна. Ему удалось увлечь римскую толпу, тщетно звавшую изъ Авиньона своего господина, съ ея помощью разбить хищныхъ бароновъ и захватить власть въ свои руки. Тогда Кола широко воспользовался своими познаніями въ классическихъ и христіанскихъ древностяхъ. Прежде всего онъ придумалъ себѣ самые разнообразные титулы: трибуна, августа, кандидата, возложилъ на себя всевозможные вѣнки и короны, посвятилъ себя въ рыцари и помѣстилъ въ своемъ гербѣ на ряду съ ключами ап. Петра классическое S.P.Q.R. Затѣмъ, возстановивъ на скорую руку древнія права сената и народа, онъ далъ право римскаго гражданства всѣмъ итальянцамъ и потребовалъ въ Римъ императора Карла IV, чтобы подвергнуть его народному выбору.

Эта археологическая феерія кончилась, какъ извѣстно, самымъ жалкимъ образомъ и навсегда убила мечту о реставраціи античнаго могущества. Родоначальникъ гуманизма, самъ увлекавшійся безумной попыткой Кола и подогрѣвавшій его археологическій патріотизмъ указаніемъ на монументальные памятники[2]), отказался отъ надежды оживить древній Римъ въ его прежнемъ блескѣ, но не измѣнилъ своей

---

[1]) Bulletino dell'Instituto di corrispondenza archeologica. 1871, p. 13 и слѣд.

[2]) Въ стихотворномъ посланіи: Ad Nicolaum Laurentii de capessenda libertate hortatoria онъ говоритъ:

Et quanta integrae fuit olim gloria Romae
Reliquiae testantur adhuc, quas longior aetas
Frangere non valuit etc. Petrarcae Opera Omnia Basileae per Henricum Petri 1554, p. 596.

точки зрѣнія на вещественные остатки. Онъ продолжалъ собирать и скупать античныя монеты и геммы[1]) и при случаѣ пытался пользоваться ими въ цѣляхъ практической политики. Отчаявшись въ успѣхѣ предпріятій въ духѣ Кола ди Ріенцо, Петрарка старался различными средствами, по крайней мѣрѣ, спасти покинутый всѣми Римъ отъ окончательнаго одичанія и, если не объединить Италію, то успокоить ее и избавить отъ непрерывныхъ междоусобій и отъ хищныхъ шаекъ бродячихъ кондотьеровъ. Возлагая свои надежды въ этомъ смыслѣ то на одно, то на другое лицо, онъ хотѣлъ также направить на это дѣло Карла IV. Во время пребыванія императора въ Мантуѣ Петраркѣ удалось имѣть съ нимъ продолжительную бесѣду, во время которой первый гуманистъ старался воодушевить трезваго и разсчетливаго Карла античными памятниками. Описывая это свиданіе въ письмѣ къ другу, Петрарка говоритъ: „Воспользовавшись во время бесѣды удобнымъ случаемъ, я подарилъ ему нѣсколько своихъ любимыхъ изображеній нашихъ императоровъ, которыя были сдѣланы изъ золота и изъ серебра и снабжены мелкими старинными надписями, и среди которыхъ было почти совсѣмъ живое лицо Цезаря Августа. Вотъ, императоръ, сказалъ я ему, тѣ, которымъ ты наслѣдовалъ; вотъ тѣ, которымъ ты долженъ удивляться и стараться подражать; къ ихъ образу и подобію ты долженъ приспособляться. Я не далъ бы ихъ никому другому, кромѣ тебя: твоя власть заставляетъ меня сдѣлать это, такъ какъ я знаю только ихъ нравы, имена и дѣянія, а твоя обязанность не только знать ихъ, но и слѣдовать за ними, поэтому тебѣ они должны принадлежать. Излагая при этомъ съ большою краткостью сущность біографіи каждаго изъ императоровъ, я побуждалъ его насколько могъ къ подражанію имъ и къ добродѣтели“[2]). Надежды Петрарки не осуществились и на этотъ разъ. Карлъ IV охотно принялъ подарокъ; но итальянскія дѣла его занимали весьма мало, и онъ отправился обратно за Альпы, ничего не сдѣлавши для ихъ улучшенія. Огорченный гуманистъ послалъ удалявшемуся императору весьма рѣзкое письмо, наполненное горькими упреками и строгими порицаніями за его поведеніе; но и въ этомъ посланіи онъ говоритъ о „цезарскомъ изображеніи весьма старинной работы, которое, если бы могло говорить или если бы Карлъ могъ его видѣть, удержало бы императора отъ этого крайне безславнаго, чтобы не сказать безчестнаго отступленія“[3]).

---

[1]) Saepe me vineae fossor Romae adiit gemmam antiqui temporis, aut aureum argenteumque nummum manu tenens, nonnunquam rigido dente ligonis attritum, sive ut emerem, sive ut insculptos eorum vultus agnoscerem. Ep. fam. XVIII, ep. 8 У Fracas. II, p. 489.

[2]) Sumpta igitur ex verbis occasione, aliquot sibi aureas argenteasque nostrorum principum effigies, minutissimis ac veteribus litteris inscriptas, quas in deliciis habebam, dono dedi, in quibus et Augusti Caesaris vultus erat pene spirans: et ecce, inquam, Caesar, quibus successisti ecce, quos imitari studeas et mirari, ad quorum formam atque imaginem te componas, quos praeter te unum, nulli hominum daturus eram: tua me movit auctoritas. Licet enim horum ego mores et nomina et res gestas norim, tuum est non modo nosse, sed sequi: tibi itaque debebantur. Sub hoc singulorum vitae summam multa brevitate perstringens, quos potui, ad virtutem atque ad imitandi studium acculeos verbis immiscui“. Epist. fam. XIX, 3. Fracas. II, p. 520.

[3]) (Lelius meus attulit) Caesaream effigiem pervetusti operis, quae, si vel ipsa loqui posset, vel tu illam contemplari, ab hoc te prorsus inglorio, ne dicam infami, itinere retraxisset. Ep. fam. XIX, 12. Fracas. ibid. p. 548.

Итакъ, первое ознакомленіе съ памятниками античной старины не повело прямо къ ихъ спокойному и строго научному излѣдованію. Это зависѣло отчасти отъ патріотическаго увлеченія, не регулированнаго зрѣлой политической мыслью. Изученіе родной старины (а итальянцы и теперь еще считаютъ античный Римъ своимъ національнымъ прошлымъ), содѣйствуя самосознанію, всегда влечетъ за собою нѣкоторое патріотическое одушевленіе, которое тѣмъ значительнѣе, чѣмъ славнѣе и могущественнѣе было прошлое. Но въ XIV столѣтіи это естественное вліяніе монументальныхъ памятниковъ получало одностороннее и преувеличенное направленіе вслѣдствіе ошибочной вѣры во всемогущество человѣческой личности при организаціи общественныхъ порядковъ. По мысли Кола и Петрарки, римляне и итальянцы вообще только потому не стремятся возстановить свое блестящее прошлое, что не имѣютъ о немъ понятія; узнавъ его, они пожелаютъ его вернуть, а пожелавши, легко достигнуть своей цѣли. Совершенно естественно, что съ этой точки зрѣнія монументальный памятникъ, какъ наглядный свидѣтель подлинной старины, представлялся могущественнымъ орудіемъ политическаго воззрѣнія. Но это обольщеніе исчезло весьма рано; гуманисты, чуткіе къ дѣйствительности, скоро отказались отъ политическихъ утопій, и вещественные остатки старины утратили въ ихъ глазахъ политическое значеніе. Изученіе классическихъ памятниковъ получило новое направленіе, но еще не сдѣлалось наукой о древностяхъ.

III.

Долговременное служебное положеніе науки въ средніе вѣка сначала отразилось на ея новыхъ представителяхъ тѣмъ, что они искали ея raison d'être не въ ней самой, а въ ея приложеніяхъ и вліяніяхъ. Ранніе итальянскіе гуманисты оправдывали свои занятія тѣмъ, что они ведутъ къ добродѣтели, и видѣли смыслъ науки въ ея морализующемъ вліяніи. Съ этой же точки зрѣнія смотрѣли они на изученіе древности вообще и на монументальные памятники въ частности. Классическая археологія изъ орудія патріотической и политической пропаганды стала средствомъ нравственнаго назиданія. Эта мысль еще въ довольно неопредѣленной формѣ встрѣчается уже у Петрарки. Первый гуманистъ составилъ для одного изъ своихъ друзей путеводитель изъ Генуи въ Палестину и оттуда черезъ Египетъ обратно въ Италію. Въ этомъ сочиненіи, которое позднѣйшіе издатели озаглавили Itinerarium Syriacum, Петрарка описываетъ всѣ встрѣчающіеся на пути памятники языческой и христіанской древности и дѣлитъ ихъ по значенію на три категоріи. Обозрѣніе однихъ, возбуждая религіозныя чувства, содѣйствуютъ „спасенію души", другіе служатъ просто „для пріобрѣтенія знанія и украшенія ума", третьи напоминаютъ о важныхъ событіяхъ и этимъ возбуждаютъ духъ (quae ad memoriam exemplorum excitandumque animum pertinent)[1]. Эта мысль о моральномъ вліяніи древнихъ памятниковъ спорадически встрѣчается въ различныхъ

[1]) Itinerarium Syriacum напечатанъ во всѣхъ базельскихъ изданіяхъ Opera omnia Петрарки. Въ 1888 году Giacomo Lumbroso вновь издалъ текстъ этого сочиненія съ обширнымъ введеніемъ (L'itenerarium del Petrarca въ Atti della Reale Academia dei Lincei. Vol. IV, p. 390).

произведеніяхъ и другихъ гуманистовъ. Такъ, Бруни, въ неизданномъ педагогическомъ сочиненіи, настаиваетъ на воспитательномъ значеніи изображеній древнихъ героевъ, такъ какъ они, вызывая подражаніе, возбуждаютъ къ добродѣтели[1]). Но наиболѣе полное выраженіе получило это направленіе въ историко-морально-археологическомъ трактатѣ Франческо Поджіо Браччіолини. Поджіо даже среди гуманистовъ выдавался необычайнымъ усердіемъ въ разыскиваніи классическихъ манускриптовъ и монументальныхъ памятниковъ. Его обширная переписка, гдѣ онъ описываетъ свои поиски, разсказываетъ о своихъ находкахъ и упрашиваетъ друзей добывать для него статуи, геммы, монеты и т. п., служитъ этому наглядным доказательствомъ. Такъ, напр., въ городокъ Ферентино ему удалось попасть только на одинъ день; дѣло было лѣтомъ, и жара стояла страшная, тѣмъ не менѣе онъ обошелъ весь городъ, осмотрѣлъ всѣ древности, прочиталъ всѣ надписи. „Для меня было чрезвычайно трудно, пишетъ онъ, читать надписи и прежде всего тѣ, которыя находились на крѣпостной башнѣ, такъ какъ онѣ были далеко, а кромѣ того, по большей части сильно попорчены временемъ, а также и тѣ, которыя находились на скалѣ. Очень много часовъ потѣлъ я надъ ними и потѣлъ даже въ полдень на солнцѣ. Но трудъ все побѣждаетъ“[2]). Результатомъ этихъ трудовъ и поисковъ былъ, во-первыхъ, настоящій музей древностей въ виллѣ Поджіо, около Флоренціи, и во-вторыхъ, что важнѣе для науки, второе собраніе древнихъ надписей. Поджіо похитилъ изъ одной монастырской библіотеки экземпляръ сборника надписей, который еще въ IX вѣкѣ составилъ Anonymus Einsidelensis, положилъ его въ основаніе своего собранія и дополнилъ массой надписей, которыя онъ самъ нашелъ и тщательно скопировалъ[3]).

Но Поджіо не довольствовался ролью простаго собирателя и комментатора древнихъ памятниковъ; ему хотѣлось осмыслить этотъ трудъ, придать ему научную цѣну, какъ ее тогда понимали, и онъ написалъ трактатъ „Объ измѣнчивости судьбы“, первая часть котораго чисто археологическаго содержанія, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ описаніе памятниковъ древняго Рима[4]).

Поджіо хорошо зналъ священный городъ. По его собственному выраженію, онъ посѣдѣлъ на папской службѣ и за это время имѣлъ полную возможность удовлетворить своей археологической любознательности. Дѣйствительно, его описаніе римскихъ памятниковъ и развалинъ обнаруживаетъ весьма хорошее знакомство съ предметомъ. Кромѣ того, научное движеніе, во главѣ котораго стоялъ Петрарка, къ этому времени достигло замѣтныхъ успѣховъ, и Поджіо тщательностью критики значительно превосходитъ перваго гуманиста. Такъ, Петрарка считалъ между прочимъ пирамиду

---

[1]) Leonardi Aretini, De institutione adolescentium ad Ubertinum Carrariensem. Въ Миланской Ambrosiana. Cod. A. 116 super.

[2]) Fuit mihi summus labor legere has litteras, primum illas, quae sunt in turri arcis, cum sint a visu remotae et magna ex parte consumptae vetustate, deinde eas, quae sunt in saxo illo; pluribus enim horis insudavi et sudavi quidem in meridie ad solem. Sed tamen labor omnia vincit. Poggii Epistolae ed. Thomas de Tonellis. Florentiae 1832–61. Lib. III, ep. 20.

[3]) Собраніе Поджіо найдено было Росси.

[4]) Poggii Bracciolini Florentini Historiae de varietate fortunae libri quatuor, ex. ms. codice Bibliothecae Ottobonianae nunc primum editi et notis illustrati a Dominico Georgio. Lutetiae Parisiorum MDCCXXIII.

Цестія могилою брата основателя Рима, что возбуждаетъ изумленіе Поджіо. „Ученѣйшій мужъ, пишетъ онъ, Франческо Петрарка говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что этотъ памятникъ — могила Рема, и это меня тѣмъ болѣе удивляетъ, что надпись сохраняется въ цѣлости до сихъ поръ“[1]). Тѣмъ не менѣе Поджіо не желалъ ограничиться однимъ изслѣдованіемъ памятниковъ и еще не могъ ввести результатовъ своей археологической работы въ историческое изученіе древняго міра въ духѣ новой науки. Поэтому онъ задумалъ широкую культурно-историческую картину, которая должна была служить иллюстраціей непрочности земнаго могущества и измѣнчивости человѣческой фортуны. Сочиненіе написано въ формѣ діалога между авторомъ и его сослуживцемъ въ куріи извѣстнымъ гуманистомъ Антоніо Лоски. Бесѣда происходитъ въ Римѣ „на самыхъ развалинахъ Тарпейской крѣпости“ (in ipsis Tarpeiae arcis ruinis), откуда открывался широкій видъ на остатки древняго города. Самую композицію сочиненія нельзя назвать вполнѣ удачной. Дѣйствительно, содержаніе его первой книги, заключающей въ себѣ важное и интересное описаніе римскихъ памятниковъ, еще можетъ оправдать ея заглавіе. Точно такъ же къ темѣ подходитъ и вторая книга, гдѣ разсказаны судьбы Ричарда II, Генриха VI, Карла VI и Петра Кипрскаго; но въ третьей книгѣ авторъ, излагая событія, происшедшія при Евгеніи IV, уже переходитъ къ простому повѣствованію, а четвертая книга, содержащая описаніе Индіи и Египта по разсказамъ очевидцевъ, не имѣетъ уже никакого отношенія къ темѣ. Тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Поджіо поставилъ себѣ въ этомъ сочиненіи морально-дидактическія задачи. „Чтобы нѣсколько подавить пустое честолюбіе и безумную жажду власти многихъ людей, говоритъ онъ во введеніи, мы рѣшили изложить въ этихъ книгахъ весьма многія разнообразныя и неожиданныя несчастія (casus), которыя игра судьбы тайно рѣшила наслать (notandos) на людей. Поэтому мы думаемъ, что тотъ, кто прочитаетъ это, осторожнѣе (parcius) будетъ довѣряться произволу судьбы, принявши во вниманіе, какъ мало надежно было ея постоянство для многихъ, кого она высоко превознесла, и что изъ всего, чѣмъ одарила насъ природа, нѣтъ ничего лучше мудрости и превосходнѣе добродѣтели, которая выше фортуны и надъ которой она не имѣетъ никакой власти“[2]).

Нельзя сказать, чтобы назиданія Поджіо возвышались надъ прописной моралью, и его труизмы едвали нуждались для своего подтвержденія въ обширномъ трактатѣ. Кромѣ того, нескладная композиція книги, въ которой авторъ не могъ послѣдовательно провести своей основной мысли, свидѣтельствуетъ, что дидактическій выводъ не вытекалъ изъ содержанія сочиненія, а былъ привязанъ къ нему чисто внѣшнимъ образомъ. Правда, созерцаніе памятниковъ безвозвратно минувшаго величія можетъ

---

[14]) Quo magis miror, integro adhuc epigrammate, doctissimum virum Franciscum Petrarcham in quadam sua epistola scribere id esse sepulchrum Remi. De varietate fortunae p. 9.

[15]) Quo igitur inanis multorum ambitio atque insana dominandi cupido paulum comprimatur, statuimus his mandare libris plures variosque insperatos casus, quos fortunae ludus palam statuit hominibus notandos. Parcius enim, ut arbitramur, qui haec legerint, se credent arbitrio fortunae cum inspexerint, quam multis, quos in sublimi veluti personatos collocavit, parum fida fuerit illius fides: sed omnium, quae nobis natura indidit, nihil melius sapientia, nihil virtute praestantius, in qua nullum, cum supra eam sit, imperium fortuna possidet. De var. fort. p. 2.

навѣять грустную мысль о превратности всего земного. Но меланхолическое настроеніе было чуждо характеру автора. Мы хорошо знаемъ Поджіо. Это былъ жизнерадостный гуманистъ, который любилъ изрѣдка полицемѣрить напускнымъ стоицизмомъ, но въ дѣйствительности полагалъ мудрость въ собираніи благъ фортуны и въ широкомъ пользованіи ими, дѣлалъ это весьма удачно и вообще жилъ очень весело. Авторъ живыхъ и остроумныхъ Фацецій, онъ до старости собиралъ свои безцеремонные, часто циничные, но всегда неизмѣнно веселые анекдоты, изъ которыхъ многіе заимствованы имъ изъ собственной жизни. Съ такимъ же настроеніемъ занимался Поджіо и археологіей. Такъ изображая упомянутыя нами трудности изученія надписей въ Ферентино, онъ говоритъ между прочимъ: „трудъ прочтенія и изученія уменьшали двѣ незамужнія, но совсѣмъ уже зрѣлыя дѣвицы, которыя, находясь въ сосѣднемъ домѣ, ободряли меня пожеланіями. На нихъ я весьма часто устремлялъ утомленные глаза, чтобы перемѣною зрѣлища дать имъ отдыхъ“[1]). Это несоотвѣтствіе настроенія, въ которомъ собирались памятники, съ тѣмъ, въ которомъ они обрабатывались, находятъ объясненіе во взглядѣ Поджіо на науку. Моральное оправданіе гуманистическихъ занятій встрѣчается у него чаще, чѣмъ у кого-либо изъ гуманистовъ, такой же смыслъ хотѣлъ онъ найти и въ археологіи, такъ какъ одно только описаніе памятниковъ и простое собираніе надписей кажется ему недостаточной заслугой. Правда, въ діалогѣ онъ заставляетъ Лоски похвалить себя за изданіе надписей[2]), но не умѣетъ найти обоснованія для этой похвалы. Научное значеніе предварительныхъ археологическихъ работъ ему неясно, да и самая наука представляется ему служанкою добродѣтели.

IV.

Два первыхъ направленія въ начальной классической археологіи — политическое и дидактическое — были созданы современнымъ положеніемъ Италіи и традиціоннымъ взглядомъ на науку, какъ на нѣчто зависимое, не имѣющее права на самостоятельное существованіе. Но интересъ къ древнимъ памятникамъ существовалъ и помимо этихъ по существу постороннихъ для науки соображеній. На ряду съ археологами-политиками и археологами-моралистами существовали просто любители старины, собиравшіе и изучавшіе памятники ради нихъ самихъ. Такъ, уже другъ Петрарки, извѣстный врачъ и астрономъ Джіованни Донди, собиралъ надписи; тѣмъ же занимался гуманистъ Синьёрилли, служившій при куріи Мартина V. Но наибольшую извѣстность пріобрѣлъ въ этой сферѣ Чиріако деи Пиццицоли д'Анкона.

---

[1]) Sed legendi cognoscendique laborem minuebant adolescentulae duae innuptae, quae tamen plusquam maturae erant, haud procul adstantes domi faventesque votis, in quas oculos ego fessos persaepe conjiciebam, ut vice speculi fungerer ad recreandam aciem. Epist. III, 20.

[2]) In hoc laudo, inquit Antonius, curam et diligentiam tuam, Poggi, qui ista tum publicorum, tum privatorum operum epigramata intra urbem et foris quoque multis in locis conquisita atque in parvum volumen coacta litterarum studiosis legendas tradidisti. De var. fort. p. 9.

Чиріако происходилъ изъ купеческой семьи и не получилъ систематическаго, школьнаго образованія; тѣмъ не менѣе съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ ощущалъ страсть къ путешествіямъ, innatum visendi orbis desiderium, какъ онъ самъ выражается. Чтобы удовлетворить этому „прирожденному желанію“ онъ поступалъ на службу къ купцамъ, которые вели заграничную торговлю, и такимъ способомъ посѣщалъ далекіе края. Но всеобщій интересъ къ классической древности, господствовавшій тогда въ Италіи, захватилъ и Чиріако, и неутомимый путешественникъ сдѣлался страстнымъ археологомъ. Объѣхавъ всю Италію, побывавъ въ Византіи, на греческихъ островахъ, въ Малой Азіи, въ Сиріи и въ Египтѣ, Чиріако всюду собиралъ памятники древности, какіе можно было пріобрѣсти, а остальные описывалъ. Результаты своихъ археологическихъ путешествій онъ изложилъ въ особой книгѣ, которую самъ онъ называетъ *Rerum antiquarum commentarius*. Это сочиненіе, раздѣлявшееся на 3 тома и заключавшее въ себѣ копіи надписей и рисунки памятниковъ, въ полномъ объемѣ остается неизданнымъ до сихъ поръ[1]). Но въ прошломъ столѣтіи Mehus издалъ подъ заглавіемъ Itinerarium краткій отчетъ о путешествіяхъ Чиріако, представленный имъ папѣ Евгенію IV съ цѣлью полученія средствъ на новыя поѣздки, и приложилъ къ изданію нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ путешественнику[2]). Отчетъ составленъ очень коротко; но авторъ сообщаетъ тамъ много данныхъ, бросающихъ яркій свѣтъ на огромный интересъ въ эту эпоху къ остаткамъ старины. Прежде всего почти всѣ выдающіеся гуманисты относились съ необычайнымъ сочувствіемъ къ археологическимъ странствованіямъ Чиріако, который получилъ отъ нихъ до сорока привѣтствій въ стихахъ и прозѣ. Этотъ взрывъ единодушнаго восторга былъ вызванъ дѣятельностью археолога, а не его личностью. Малообразованный Чиріако, знавшій греческій языкъ настолько плохо, что не могъ въ подлинникѣ читать Аристотеля, и не особенно свѣдущій въ латинской литературѣ, любилъ однако похвастаться своей ученостью, поэтому часто попадалъ въ просакъ и возбуждалъ насмѣшки ученыхъ гуманистовъ. Но его археологическое усердіе заставляло прощать эти недостатки, и руководители тогдашняго общественнаго мнѣнія восхваляли его заслуги въ стихахъ и въ прозѣ. Такое же сочувствіе встрѣтилъ Чиріако и въ итальянскомъ обществѣ. Прежде всего, государи Италіи оказывали ему необыкновенное вниманіе. Достопримѣчательности Генуи показывали ему знатные граждане по рекомендаціи своего тогдашняго властителя Филиппо-Маріи Висконти, который для руководства археолога при осмотрѣ Милана командировалъ своего секретаря. Въ Неаполѣ Чиріако благосклонно приняла сама королева, и всемогущій Караччоло оказывалъ ему покровительство, по ихъ приказанію до Пуццуоли его провожалъ мѣстный префектъ, который и показывалъ ему тамошнія древности. Такое же содѣйствіе оказывали ему позже Альфонсъ Аррагонскій, Франческо

---

[1]) Впервые отрывокъ изъ собранія Чиріако былъ изданъ подъ такимъ заглавіемъ: Inscriptiones sacrosanctae vetustatis. Ingolstadii 1533. Болѣе подробно: Epigrammata reperta per Illiricum a Kyriaco Anconitano (sine loco et anno).

[2]) Kyriaci Anconitani Itinerarium nunc primum ex ms. cod. in lucem erutum ex bibl. illus. clarissimique Baronis Philippi Stosch. Editionem recensuit, animadversionibus ac praefationibus illustravit nonnulisque ejusdem Kyriaci epistolis partim editis, partim ineditis locupletavit Laurentius Mehus. Florentiae MDCCXLII.

Сфорца, Малатесты въ Римини, Пезаро и Чезенѣ, Гонзаги въ Мантуѣ, д'Эсте въ Феррарѣ и Монтефельтре въ Урбино[1]). Кромѣ того, въ какой бы городокъ Италіи ни пріѣзжалъ Чиріако, онъ всюду находилъ знатоковъ и любителей мѣстныхъ древностей, которые помогали ему своими указаніями[2]).

Эта любовь къ мѣстной старинѣ, широкой волной распространившаяся по Италіи съ половины XIV вѣка, подготовила появленіе научной археологіи въ половинѣ слѣдующаго столѣтія. Государственные люди и епископы, врачи, юристы и кондотьеры интересовавшіеся древностями, были, конечно, только диллетантами въ этомъ дѣлѣ; но они поддерживали интересъ къ памятникамъ и своимъ сочувствіемъ и поддержкой возбуждали ихъ научное изслѣдованіе. Эта любовь къ старинѣ, составлявшая чрезвычайно благопріятную почву для научной археологіи, въ XV вѣкѣ отъ классическаго міра перешла и къ древнему Востоку. Однажды къ папѣ Евгенію IV явился нѣкто Nicolaus Venetus просить прощенія за вѣроотступничество, къ которому онъ, возвращаясь изъ Индіи, былъ вынужденъ на африканскихъ берегахъ, и этотъ путешественникъ скоро сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія ученыхъ куріаловъ. „Стремясь послушать его, разсказываетъ Поджіо, (уже въ томъ, что онъ ранѣе говорилъ, я замѣтилъ много такого, съ чѣмъ стоило познакомиться) я и въ собраніи ученѣйшихъ мужей, и дома старательно разспрашивалъ его о весьма многомъ, что, какъ мнѣ казалось, стоило литературнаго изложенія“[3]). Съ такимъ же интересомъ разспрашивалъ Поджіо о египетскихъ достопримѣчательностяхъ абиссинскихъ пословъ, прибывшихъ въ папскую курію[4]), и полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія казались ему настолько важными и интересными, что онъ составилъ изъ нихъ цѣлую книгу въ твоемъ трактатѣ „Объ измѣнчивости судьбы“, хотя онѣ не имѣли ничего общаго съ ея темою. Чиріако точно такъ же стремился на Востокъ. Въ Индію попасть ему не удалось, а въ Египтѣ онъ былъ и впервые вывезъ оттуда въ Европу надпись, сдѣланную „финикійскими письменами“, т.-е, по всей вѣроятности іероглифами[5]).

V.

Какъ ни великъ былъ интересъ къ монументальнымъ памятникамъ древности, тѣмъ не менѣе простое ихъ собираніе и описаніе никогда не считалось самостоятельною и окончательною задачей ихъ изслѣдованія. Въ этомъ всегда видѣли только матеріалъ, но сначала

---

[1]) Itinerar., p. 17 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 22—36, гдѣ перечислены имена многихъ любителей.

[3]) Hunc ego audiendi cupidus (multa enim ab eo jam dicta praesenseram cognitione dicta) et in doctissimorum virorum coëtu et domi meae percunctatus sum diligenter plurima, quae operae pretium visum est, ut memoriae et litteris traderentur. De variet. fortunae, p. 126.

[4]) Eodem ferme tempore et ab Aethiopia quidam fidei causa ad Pontificem profecti, cum rogarentur a me per interpretem de situ Nili etc. Ibid. p. 149.

[5]) Antiquissimum phoenicibus characteribus epigramma, ignotum nostra aetate hominibus puto ob longuinquam aevi vetustatem et magnarum et antiquissimarum artium imperitiam et desuetudinem, quod et tamen excepimus, ut admirabile, ac nostris praedigne adjecimus commentariis, nec non primum exemplar Florentiam nostro Nicolao Nicolo, viro in primis harum curiosissimo rerum, misimus, et alterum postea simile ad hanc utique florentissimam Tuscorum urbem. Itinerar. p. 52.

не умѣли правильно имъ воспользоваться и употребляли его то для патріотическаго одушевленія, то для нравственнаго назиданія. Мысль примѣнить его при историческихъ работахъ была такъ чужда раннимъ гуманистамъ, что ни Петрарка, писавшій по римской исторіи, ни его ближайшіе послѣдователи, собирая вещественные памятники, не подозрѣвали въ нихъ историческаго источника. Къ половинѣ XV столѣтія эта точка зрѣнія измѣнилась. Политическіе интересы въ гуманистической средѣ отчасти ослабли, отчасти пріобрѣли реальный характеръ, такъ что политическія теоріи строились уже не на патріотическомъ одушевленіи античными воспоминаніями, а на изученіи господствующихъ общественныхъ силъ. Интересы къ этикѣ сохранились, но монументальные памятники имѣли слишкомъ слабое къ ней отношеніе, чтобы занять видное мѣсто въ моральномъ воспитаніи общества. Между тѣмъ археологическій матеріалъ все накоплялся, интересъ къ нему въ обществѣ возрасталъ, и любители искали какого-нибудь обоснованія и оправданія своихъ симпатій. Такъ, Чиріако почти половину своего отчета Евгенію IV занялъ перечисленіемъ авторитетовъ, какъ Пиѳагоръ, бл. Іеронимъ и другіе, которые своимъ примѣромъ оправдывали его странствія[1]). Но на ряду съ этимъ внѣшнимъ оправданіемъ археологъ-собиратель дѣлаетъ первую попытку историческаго изслѣдованія на основаніи монументальныхъ источниковъ. Его работа о знатныхъ римскихъ фамиліяхъ извѣстна до сихъ поръ только по заглавію; но она едвали обладала какими-нибудь достоинствами, потому что Чиріако не имѣлъ ни одного свойства, необходимаго для историка. Кромѣ образованія, ему недоставало ученой добросовѣстности и критицизма. Такъ, давая въ отчетѣ краткій очеркъ родной Анконы, онъ приводитъ такія слова Курція и Тибулла, которыхъ нѣтъ въ ихъ сочиненіяхъ, и сообщаетъ за достовѣрные факты такія свѣдѣнія, которыя его позднѣйшій издатель вполнѣ справедливо называетъ „старушечьими баснями“[2]). Но эти недостатки исполненія не уничтожаютъ заслуги Чиріако, какъ перваго археолога-изслѣдователя, который ввелъ въ науку новый историческій источникъ — монументальный памятникъ.

Къ половинѣ XV вѣка относится также первая работа по римскимъ государственнымъ древностямъ и первая попытка поставить сочиненія такого содержанія въ связь съ другими науками. Миланскій гуманистъ Піетро-Кандидо Дечембріо оставилъ извѣстное до сихъ поръ только по заглавію сочиненіе *De muneribus Reipublicae*, рукопись котораго находится въ Ватиканской библіотекѣ[3]). Книга распадается на 43 главы, изъ которыхъ въ первой идетъ рѣчь объ основаніи Рима, а въ остальныхъ описаны его свѣтскія и религіозныя магистратуры въ періодъ республики и имперіи[4]).

---

[1]) Itinerar. p. 1—21.

[2]) Ibid. p. 43 и 44.

[3]) Urbinate № 297. Она есть также и въ Миланской Ambrosiana и въ Флорентійской Laurentiana. (Plut. 90. Cod. 27).

[4]) Привожу цѣликомъ оглавленіе, которое можетъ дать довольно полное понятіе о содержаніи книги. (Нумераціи въ рукописи нѣтъ) 1) De origine urbis Romae. 2) De dignitate regis. 3) De consulibus. 4) De imperatoria dignitate. 5) De senatoribus. 6) De dictatore. 7) De praetoribus. 8) De tribunis plebis. 9) De proconsulari potestate. 10) De tribunis militum. 11) De aedilibus currulibus. 12) De censoribus. 13) De quaestoribus. 14) De tribunis celerum et equitum. 15) De magistro equitum. 16) De legato proconsulis 17) De interregia potestate. 18) De praefecto urbi. 19) De praefecto annonae. 20) De praefecto praetorio. 21) De praefecto vigilum. 22) De duumviris capitalibus. 23) De decemviris legum ferendarum. 24) De triumviris

Авторъ собралъ свѣдѣнія изъ древнихъ источниковъ и распредѣлилъ ихъ по рубрикамъ безъ строгой системы. Правда, свѣтская магистратура отдѣлена отъ религіозной, но въ распредѣленіи главъ каждаго отдѣла не замѣтно слѣдовъ какой-нибудь системы. Кромѣ того, свѣдѣнія, сообщаемыя Дечембріо, очень коротки, а иногда даже текстъ ровно ничего не прибавляетъ къ заглавію[1]). Критическіе пріемы автора чрезвычайно элементарны, чаще же всего критика совершенно отсутствуетъ. Такъ, простыя преданія о происхожденіи того или другого религіознаго института принимаются, какъ фактъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Напр., вся глава объ арвальскимъ братьяхъ составляетъ изложеніе преданія о происхожденіи этой жреческой коллегіи[2]). Если показаній нѣсколько, то Дечембріо приводитъ ихъ всѣ, предоставляя выводъ самому читателю. Такъ поступаетъ онъ, напр., въ коротенькой главѣ о междуцаряхъ, отказываясь категорически опредѣлить цѣль этого учрежденія[3]). Точно такъ же для объясненія происхожденія люперкалій просто приведены два различныхъ преданія[4]). Но иногда проявляются уже нѣкоторыя попытки автора критически отнестись къ источникамъ. Такъ, приведя разныя объясненія происхожденія названія Рима, Дечембріо дѣлаетъ изъ нихъ выборъ, хотя еще на основаніи такого шаткаго критерія, какъ

coloniae deducendae. 25) De quinquevíris mensariis. 26) De duumviris classi reficiendae. 27) De triumviris nocturnis. 28) De triumviris rei publicae constituendae. 29) De procuratore Caesaris. 30) De minoribus magistratibus. 31) De muneribus sacris et primo de pontifice maximo et collegio pontificum. 32) De rege sacrorum. 33) De flamine Diali. 34) De auguribus. 35) De duumviris sacrorum. 36) De saliis Marti dicatis. 37) De virginibus vestalibus. 38) De sacerdotibus Cybellis deum matris. 39) De feciali sacerdotio 40) De sacerdotio fratrum arvalium. 41) De patre patrato. 42) De potitiis et penariis Herculi sacris. 43) De lupercalibus.

[1]) Такова, напр., глава 26: Duumviri reficiendae classi additi ut cum navigiis praesto opus esset, ea praepararent, necessaria disponerent. fol. 115. Привожу также максимальную по обстоятельности главу 29. Quia plerunque inter Caesares privatasque personas actus fieri per procuratorem consueverant, licentia eidem concessa est, ut quicquid a procuratore negotiorum imperialium gestum foret, perinde haberetur, ac si ab ipso Caesare actum esset. Ceterum si rem ejus quasi propriam procurator tradat, non putat dominum transferre. Tunc vero transfert, quum negotium agens Caesaris, ipsius consensu tradit; denique si donationis, venditionis, transactionis causa quid agat. Non enim alienare rem Caesaris, sed diligenter negotia obire procuratori Caesaris injunctum est. Id vero imprimis procuratori huic adscriptum est, quod servum Caesaris heredem institutum adire hereditatem jubet et ea hereditas imperatori acquiritur. Quin si Caesar ipse heres instituatur, si se procurator opulentae hereditati inserat, heredem Caesarem facit. Quod si ea bona, ex quibus princeps institutus est, solvendo non sint, consulendum erit imperatori, ne quid perinde detrimenti patiatur. Heredis enim instituti in adeundis repudiandisque hereditatibus, congruo tempore explorari voluntas debuit. Deportandi huic magistratui facultas praemissa non est. fol. 116—117.

[2]) Acca Laurentia, Romuli nutrix, corpore suo in vulgus quaestum factitabat eoque pacto magnam pecuniam adepta est, quumque ex duobus liberis, quos susceperat, unum amisisset, in ejus locum heredem instituit. Ob hujusmodi igitur beneficium duodecim sacerdotes, qui arvales apellantur, a Romano populo instituti, albas ferentes infulas et spiceam coronam. fol. 119—120. Такимъ же характеромъ отличается 42-я глава. Ob praedam boum, per Caccum Herculi factam, ara in honore Herculis, ubi illa gesta, constructa est, in qua quotannis bos sacrificari consueverat et quoniam Herculi placitum, ut a digníoribus sacrificia peragerentur, duae familiae, ceteris nobiliores, electae: potitia scilicet et pinaria, potitiae vero celerius ad sacrificium accedenti exta apposita, pinariae ob tarditatem caeterae dapes ad coenam apponuntur. Ibid. fol. 120.

[3]) Post exactos reges interrex constitus fuit, qui, si consules abessent, in habendis solum comiciis potestatem exercebat. Aliique dicunt interregem potestatem habuisse alios magistratus eligendi et finita electione ejus officium finivisse. fol. 115. (Глава приведена вполнѣ).

[4]) Quidam putant lupercos ludos factitari, quod faunus vestes, lecto Herculis impositas, Jolem ibi esse existimans, quam amabat, deceptus sit. Alii causam Romulo ascribunt qui, denunciata praeda (ut nudus erat) hostes insecutus est praedamque adeptus. Ibid. fol. 120—121.

fama celebrior[1]). Наконецъ, на изложеніе неблагопріятно вліяютъ и нѣкоторыя симпатіи и антипатіи автора. Такъ, онъ не желаетъ подробно говорить о царяхъ, потому что позже царская власть была ненавистна римлянамъ[2]), и весьма вѣроятно, что авторъ потому съ такою почтительностью отнесся къ римскимъ воззрѣніямъ, что одно время раздѣлялъ ихъ самъ.

Но, несмотря на всѣ эти недостатки, трактатъ Дечембріо представляетъ историческій интересъ не только, какъ первая попытка систематической обработки римскихъ государственныхъ древностей, но и какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ абстрактнаго изложенія историческаго матеріала, такъ какъ со временъ Петрарки, писавшаго Римскую исторію въ біографіяхъ, біографическій элементъ господствовалъ въ историческихъ произведеніяхъ гуманистовъ. Дечембріо выдѣлилъ древне-римскія учрежденія, какъ предметъ спеціальнаго изученія, и хотя обработалъ свою тему не исторически, а археологически, тѣмъ не менѣе его работа обращала вниманіе историковъ-гуманистовъ на политическія учрежденія и давала нѣкоторый матеріалъ для ихъ историческаго изученія. Такимъ образомъ трактатъ Дечембріо, такъ сказать, сводитъ археологію съ исторіей, но автору ихъ неразрывная связь еще не ясна. Наоборотъ онъ даетъ другую классификацію наукъ, и его археологическій трактатъ представляетъ собою заключительное звено этой классификаціи. Сочиненіе Дечембріо De muneribus Reipublicae составляетъ заключеніе трилогіи, которой авторъ далъ странное и непонятное названіе Peregrina historia[3]). Ея первая часть географическаго содержанія и озаглавлена De cosmographia vetere et nova. Это — краткое и чисто внѣшнее описаніе границъ частей свѣта и нѣкоторыхъ странъ, при чемъ Италія объявляется „знаменитѣйшей страной въ Европѣ"[4]). Вторая часть называется De hominis genitura и представляетъ собою физіолого-медицинскій трактатъ о зачатіи и рожденіи человѣка съ указаніемъ астрологическихъ вліяній на его судьбу[5]). Самымъ лучшимъ заключеніемъ этой трилогіи Дечембріо считаетъ описаніе учрежденій и нравовъ города, который по власти нѣкогда былъ равенъ цѣлому міру и произвелъ такихъ людей, какихъ почти совсѣмъ не встрѣчается между современниками[6]). Такимъ образомъ основная мысль автораноситъ чисто гуманистическій характеръ: главнымъ объектомъ изученія долженъ быть человѣкъ; поэтому Дечембріо сначала описываетъ мѣсто, гдѣ онъ живетъ, затѣмъ его рожденіе и наконецъ политическую и культурную сферу, въ которой онъ получаетъ духовное воспитаніе. Правда, планъ гораздо выше

---

1) Ut quidam putant a Rome (sic), muliere, nomen est inditum... Ho — celebrior fama asilum a Romulo prius factum, deinceps urbi locum statuisse et nomen a rege urbi datum. Ibid. fol. 112.

2) Dignitatem regiam breviter attingere mens est priscos illos recolenti, quibus nihil regio nomine indignius apparuit. Quamquam plerumque ex malis initiis optima exempla orta sunt. Ibid. fol. 112.

3) Въ ватиканской рукописи, по которой я цитирую, этого названія нѣтъ; но оно стоитъ въ Миланскомъ и Флорентійскомъ кодексахъ.

4) De Cosmographia veteri et nova. Ad doctissimum virum Nicolaum Arcimboldum Parmensem, utriusque juris doctorem. Urbinate № 297, fol. 92—101. Объ Италіи fol. 93.

5) Ibid. fol. 101—111. Эта часть трилогіи была напечатана въ XV вѣкѣ.

6) Explicatis his, quae de cosmographia genituraque hominis polliciti eramus, quid praestantius ordiri aut diserere velimus, quam ejus urbis mores institutaque refere, quae toti orbi propemodum imperio par fuit et quae hujusce modi viros protulit, ut eorum penuria pene lugeat aetas nostra, ne similes deinceps natura edidisse videatur. fol. 111.

его выполненія; тѣмъ не менѣе трилогія Дечембріо имѣетъ тотъ интересъ для исторіи классической археологіи, что ея авторъ уже предчувствовалъ истинную задачу изученія древностей, какъ составной части великой науки о человѣческомъ обществѣ.

Итакъ, классическая археологія въ первое столѣтіе своего существованія совершила законченный циклъ въ своемъ развитіи. Вызванная къ жизни тѣми же самыми культурными факторами, которые создали и другіе отдѣлы свѣтской науки, она блуждала нѣкоторое время изъ стороны въ сторону, служа постороннимъ цѣлямъ подчиняясь внѣшнимъ вліяніямъ и стараясь найти оправданіе своей raison d'être за предѣлами науки. Но вѣковая работа научной мысли дѣлала свое дѣло, и къ половинѣ XV столѣтія классическая археологія начала критически относиться къ своему матеріалу и сознавать свои собственныя задачи, т.-е. стала твердою ногой на путь истинно-научнаго развитія.

Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка.

В. Н. Сторожева.

Ровно 238 лѣтъ тому назадъ, какъ разъ въ началѣ августа, царь московскій Алексѣй Михайловичъ вступалъ въ Вильну, уже занятую московскими и казацкими войсками. Вильна пострадала страшно, и, по словамъ Рудавскаго, посѣтившаго ее въ 1661 г., „не безъ труда можно было найти Вильну въ самой Вильнѣ“. 8 августа 1655 г., въ пору московскихъ удачъ, Вильна была занята, а 22 ноября 1661 г. центръ великаго княжества литовскаго, благодаря крупнымъ затрудненіямъ въ московской Руси, уже очистился отъ нежеланныхъ для него гостей. Явившись въ Вильнѣ, московскіе люди стали заводить въ ней, по исконному своему обычаю, и московскіе порядки; исполнителемъ предначертаній московскаго правительства въ Вильну назначенъ былъ князь Михаилъ Семеновичъ Шаховской, въ званіи воеводы съ властью, предназначенной вмѣшиваться во всѣ дѣла безъ исключенія и сильно ограниченной докладомъ государю. Изученіе характера и направленія дѣятельности московскаго воеводы въ Вильнѣ можетъ представить большой интересъ и само по себѣ, и въ связи съ дѣятельностью другихъ воеводъ въ новозавоеванныхъ мѣстностяхъ (напр. Аѳ. Лавр. Ордина-Нащокина въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ): на что направлено было преимущественное вниманіе московскаго правительства, каковъ былъ общій тонъ его политики, какъ относилось оно къ вопросамъ, требовавшимъ, по духу переживавшагося времени, особенной осторожности и предусмотрительности, насколько представители московскаго правительства на западной окраинѣ, въ родѣ князя М. С. Шаховского, были способными выразителями его предначертаній, можетъ-быть, не всегда высказывавшихся съ достаточной рельефностью. Выясненіе всего этого и любопытно, и важно, а на сколько мнѣ извѣстно, еще не сдѣлано слишкомъ точно и объективно.

Большой матеріалъ для исторіи польскихъ войнъ царей Михаила и Алексѣя, также дѣятельности московскихъ воеводъ въ Польшѣ и Литвѣ, находится въ столбцахъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ наименованіемъ разрядныхъ; часть этихъ столбцовъ разобрана для изданія Императорской Академіи Наукъ *Акты Московскаго Государства,* первый томъ котораго появился въ 1890 г., а второй[1]) долженъ выйти въ свѣтъ не позднѣе начала будущаго года. И тотъ, и другой за единичными исключеніями составлены изъ документовъ, входящихъ въ такъ назы-

[1]) Текстъ былъ уже весь отпечатанъ еще въ декабрѣ 1891 г. Самый томъ, вопреки вѣроятному ожиданію автора настоящаго реферата, *не* былъ выпущенъ въ свѣтъ и лѣтомъ 1894 г.

ваемые столбцы *Московскаго стола Разряда.* О важности изученія названнаго матеріала говорить не приходится. Появившійся первый томъ *Актовъ Московскаго Государства* успѣлъ обратить на себя большое вниманіе изслѣдователей, не привыкшихъ писать свои работы по устарѣлымъ книжкамъ; легко прощались поэтому и весьма значительные недостатки перваго опыта подобнаго изданія: такъ было много въ немъ свѣжаго, такъ хотѣлось вѣрить, что и впереди будетъ чѣмъ поживиться изслѣдователю судебъ московскаго государства XVII в. Такъ это, конечно, и сбудется, но, къ сожалѣнію, при тяжеломъ условіи необходимости заглянуть въ архивные столбцы для разработки спеціальныхъ темъ, ибо отпечатаннный (въ двухъ томахъ) по 1659 годъ включительно матеріалъ допускаетъ и значительные неоговоренные пропуски, и неправильности въ самомъ планѣ выбора документовъ, частію произвольнаго, частію подчиненнаго архивной рутинѣ, допускаетъ неловкости и въ техникѣ ихъ изданія. Дѣло въ томъ, что столбцы, слывущіе на архивномъ языкѣ разрядными, не всѣ принадлежатъ въ дѣйствительности Разрядному приказу, а частію также приказамъ Посольскому, Иноземскому, Тайныхъ дѣлъ (то же слѣдуетъ отчасти замѣтить и о книгахъ), дѣленіе ихъ на столы тоже не всегда точно: стало-быть, нельзя было ограничиваться исключительно Московскимъ столомъ, нельзя было подъ заголовкомъ — *Разрядный приказъ. Московскій столъ* — печатать донесенія, посылавшіяся не въ Разрядъ; пропускаемое необходимо было исчерпывать въ извлеченіяхъ, которыя бы вполнѣ замѣнили обращеніе къ подлинникамъ, или же прослѣживать опредѣленные вопросы, чтобы придать изданію больше единства и цѣльности; наконецъ, слишкомъ формальное преслѣдованіе хронологическаго распорядка въ размѣщеніи документовъ повело къ существенному неудобству разрыва дѣлъ на части, а иногда къ печатанію одного и того же документа два раза (см. II, №№ 947 и 953, №№ 984 и 1001, также №№ 944, 948 и 949, №№ 934 и 938).

Въ столбцахъ Разряднаго приказа второй половины XVII в. можно набрать цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ судьбѣ Вильны съ ея округомъ въ первую польскую войну царя Алексѣя Михайловича и дѣятельности въ ней князя М. С. Шаховского: это — рядъ донесеній виленскаго воеводы государю и государевыхъ грамотъ къ нему. Акты эти, пожалуй, односторонни, полной характеристики дѣятельности князя М. С. Шаховского не дадутъ и оставятъ въ тѣни многіе вопросы, на которые хотѣлось бы получить точный отвѣтъ. Однако и предлагаемый изслѣдователю запасъ ихъ, какъ сейчасъ будетъ возможно судить по бѣглому и недостаточно выпуклому ихъ перечню, заслуживаетъ вниманія; полученныя свѣдѣнія будутъ особенно интересными въ связи съ другими подобнаго рода.

Серія актовъ, относящихся до пребыванія московскихъ людей въ Вильнѣ и имѣющихъ появиться во II-мъ томѣ *Актовъ Московскаго Государства,* открывается цвѣтистою выдержкой изъ государевой грамоты боярину и воеводамъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами о томъ, какъ „великому государю.... Богъ поручилъ столицу княжества литовского городъ Вильну“, какъ „гетмановъ Радивила и Гонсѣвского... побили и съ мѣста съ обозомъ ихъ сбили, и сѣкли до города..., и въ городѣ стрѣльцовъ и солдатъ поставили, и которыхъ польскихъ и литовскихъ

людей въ Вильнѣ застали, и которые за мостъ перебраться не успѣли, побили и поимали,... а гетманы Радивилъ и Гонсѣвской побѣжали скорымъ дѣломъ, и обозы и скарбъ весь напередъ себя отослали къ Гроднѣ" (№ 699). 10 августа грамота эта была доставлена воеводамъ стольникомъ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Мещерскимъ въ селѣ Дукора (Дюкари) въ 120 (старыхъ 60 в.) верстахъ отъ Слуцка, 12 августа стольникъ былъ отпущенъ, а 18-го отписка воеводъ о полученіи грамоты доставлена въ Разрядъ. Занятіе Вильны сопровождалось объявленіемъ 3 сентября 1655 г. прибавки къ титулу московскаго царя словъ „великій князь литовскій" и указомъ воеводамъ, чтобъ въ день объявленія этой прибавки „полону они не имали и не продавали, и не сѣкли, и селъ и деревень не жгли" (№№ 707 и 708; въ грамотѣ изъ Смоленска отъ 2 апрѣля 1655 г. читаемъ приказъ боярину и воеводамъ Василію Борисовичу Шереметеву съ товарищами идти къ Вильнѣ съ 1 мая — № 647).

Виленскому воеводѣ прежде всего пришлось приняться за приведеніе къ вѣрѣ на царское имя всякаго рода служилыхъ и жилецкихъ людей въ краѣ и усиленно призывать ихъ на старыя пепелища, покинутыя вслѣдствіе бурь военнаго времени. Грамота отъ 17 октября изъ царскаго стана въ Могилевѣ предписываетъ князю М. С. Шаховскому привести къ вѣрѣ на царское имя по возможности все населеніе Вильны и ея округа, всячески его привлекая и обнадеживая: шляхту сохраненіемъ старыхъ маетностей и пожалованіемъ новыхъ, мѣщанъ — безпошлиннымъ торгомъ, крестьянъ — льготами. Обѣщая государевы милости тѣмъ, которые „безо всякого сумнѣнья" присягнутъ московскому царю, грамота грозитъ супротивникамъ тюрьмою: „а которые шляхта и мѣщане въ Вильну не пойдутъ, и уѣздные мужики изъ деревень на наше царское имя къ вѣрѣ не пойдутъ, и ты бъ (обращеніе къ виленскому воеводѣ) посылалъ на нихъ изъ Вильны служилыхъ людей, велѣлъ ихъ имать и приводить къ себѣ и въ Вильнѣ велѣлъ ихъ сажать *въ тюрьму* до указу" (№ 729). Угроза тюрьмой оказалась мѣрою весьма неудачной, и правительство вскорѣ отъ нея отказалось; она поставила князя М. С. Шаховского въ очень неловкое положеніе: что онъ могъ сдѣлать съ массою лицъ, которые присягать не станутъ и обѣщаніями не соблазнятся? „А которые Виленского и иныхъ уѣздовъ шляхта, и мѣщане, и повѣтные люди къ твоей государской милости не идутъ, и тѣхъ много, пишетъ виленскій воевода въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ 6 декабря 1655 г., и будетъ до твоего государева указу держать ихъ въ Вильнѣ въ тюрьмѣ, и тѣхъ людей держать негдѣ и кормить будетъ нечѣмъ" (№ 751). Выставляя на видъ невозможность предписанной правительствомъ угрозы, воевода проситъ новаго указа. Рѣшили подтвердить виленскому воеводѣ, чтобы онъ обнаруживалъ къ населенію „ласку, и береженье, и привѣтъ" и обнадеживалъ государскою милостью; о тюрьмѣ, какъ мѣрѣ фактически невыполнимой и нецѣлесообразной, новый указъ не говоритъ ни слова. Московское правительство слишкомъ серіозно задумало о пріобрѣтеніи областей, чтобы позволить себѣ репрессивныя мѣры; оно отмѣнило даже острастку тюрьмой, на которую первоначально соблазнилось. Представитель московскаго правительства въ Вильнѣ твердо помнилъ его предписаніе о ласковомъ обращеніи съ населеніемъ и, не разъ заявляя въ своихъ донесеніяхъ о стараніи своемъ привлекать

на сторону московскаго царя симпатіи населенія, спрашивалъ указа по разнымъ вопросамъ, рѣшенія которыхъ не бралъ на свою отвѣтственность, боясь нарушить это предписаніе: такъ отлично сознавалъ онъ его важность и вѣроятность немедленно потерпѣть за его нарушеніе. Привезли въ Вильну на продажу вино, воевода позволяетъ торговать и тотчасъ пишетъ къ государю объ указѣ: я де „вино имъ привозить и продавать заказать безъ твоего государева указу не смѣю, потому что велѣно ихъ призывать, и обнадеживать, и къ нимъ ласка держать“ (№ 746); въ другомъ донесеніи воевода пишетъ, что въ дальніе повѣты служилыхъ людей для сбора государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ онъ не посылаетъ: для того де „послать я не смѣю, чтобъ повѣтныхъ людей отъ твоей государской милости не отогнать, а мнѣ бъ въ томъ отъ тебя государя въ опалѣ не быть“ (№ 749).

Насколько московское правительство интересовалось пріобрѣтеніемъ симпатій населенія въ только что завоеванномъ краѣ видно, какъ изъ частныхъ предписаній виленскому воеводѣ князю М. С. Шаховскому, такъ изъ общихъ распоряженій объ охранѣ шляхты, польскихъ и литовскихъ начальныхъ людей, вернувшихся въ свои маетности и присягнувшихъ государю на вѣчную службу, а также людей и крестьянъ отъ всякихъ обидъ; обидчиковъ велѣно розыскивать и чинить имъ „жестокое наказанье“, чтобъ „на то смотря, инымъ не повадно было ихъ обидѣть“ (№ 748 отъ 3 декабря 1655 г.). Обѣщаніемъ всякихъ льготъ населенію, неприкосновенности вѣры, правъ и вольностей сопровождается и государева грамота виленскому воеводѣ о приведеніи къ вѣрѣ на царское имя жителей Жмуди (№ 826 отъ 10 іюня 1656 г. изъ Смоленска). Чрезъ виленскаго воеводу шли также приглашенія отдѣльныхъ лицъ въ русское подданство, какъ напр., Петра Казиміра Вяжевича въ іюлѣ 1656 г. (№ 886); виленскій воевода въ случаяхъ привлеченія интересныхъ личностей къ вѣрѣ немедленно доносилъ о томъ государю, какъ напр., о приведеніи къ вѣрѣ на царское имя князя Андрея Курбскаго, который пріѣзжалъ для этого въ Вильну съ зятемъ Адамомъ Соколовымъ и былъ скоро отпущенъ въ свою маетность (№ 838 отъ 21 мая 1656 г.). Не смотря на рѣзко выраженное желаніе московскаго правительства привлечь разошедшееся въ разныя стороны населеніе на прежнія мѣста жительства, князь М. С. Шаховской не рѣшился безъ государева указа поселить на старыхъ мѣстахъ въ Вильнѣ евреевъ: когда къ нему явилось 28 декабря 1655 г. двое евреевъ съ просьбою „жить имъ въ старыхъ своихъ домѣхъ, а сказали, что будетъ ихъ къ государской милости много“, то воевода велѣлъ имъ временно жить на посадѣ, пославъ къ государю за указомъ, евреевъ „принимать ли или нѣтъ, и въ прежнихъ ихъ домѣхъ жить велѣть ли“ (№ 794; 17 іюля 1656 г. воевода допрашивалъ о военныхъ вѣстяхъ прибывшаго въ Вильну гродненскаго еврея Абрамку Яковлева—№ 859). Лицъ, присягавшихъ государю и бившихъ челомъ объ отпускѣ къ нему, виленскій воевода долженъ былъ пропускать безъ задержки и писать о томъ донесеніе; такъ отпущенъ былъ къ государю вновь приведенный къ вѣрѣ на царское имя князь Каролъ Самойловъ Огинскій (№ 753).

Поймавъ нѣсколькихъ повѣтовыхъ мужиковъ, уличенныхъ съ пытки въ вооруженномъ нападеніи въ лѣсу на дорогѣ на луцкихъ казаковъ, ѣхавшихъ къ государю

съ отписками, князь М. С. Шаховской рѣшился собственною властью „для устрашенія“ повѣсить только трехъ, а остальныхъ посадилъ въ тюрьму и просилъ указа о томъ, какъ ему поступать съ людьми, которые съ пытки станутъ виниться въ въ воровствахъ, грабежахъ и убійствахъ (№ 752); ему отвѣчено было: вѣшать. Однако это нападеніе на луцкихъ казаковъ близъ Ошмянъ, принудившее ихъ съ отписками вернуться обратно въ Вильну, причинило порядочную непріятность князю М. С. Шаховскому: онъ получилъ государеву грамоту съ опалою за то, что задержалъ въ Вильнѣ и не пропустилъ къ государю шляхтича Павла Роли, посланца Ошмянскаго старосты Адама Саковича, пожелавшаго быть подъ рукою великаго государя (срв. № 824). Воевода горячо оправдывался въ своей отпискѣ по этому случаю, говоря, что списки съ польскихъ листовъ, привезенныхъ Павломъ Ролей были посланы къ государю съ луцкими казаками, что луцкіе казаки вслѣдствіе нападенія на нихъ упомянутыхъ выше повѣтныхъ людей принуждены были вернуться обратно въ Вильну, а государю объ этомъ нападеніи писалъ и спрашивалъ указа (№ 755, изъ этой отписки видно, что князь М. С. Шаховской польскаго языка не зналъ; „а кому тѣ листы перевесть на русское письмо, и такого человѣка въ Вильнѣ не сыскали“, нашли только переписчика; въ 1657 г. переводчикомъ у воеводы является виленскій мѣщанинъ Симонъ Алевицкій). Случай этотъ наглядно показываетъ, что московское правительство не даромъ разсылало указы о ласковомъ обращеніи съ мѣстнымъ населеніемъ и прислушивалось къ жалобамъ на воеводъ, идущимъ отсюда, болѣе внимательно, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда жаловались на городового воеводу московской Руси. Нападеніе на луцкихъ казаковъ, повторявшееся въ другихъ случаяхъ, показываетъ тревожное состояніе края, еще лучше обрисовываемое отпискою князя М. С. Шаховского въ отвѣтъ на грамоту отъ 29 октября 1655 г. (№ 749); виленскій воевода пишетъ о ночныхъ схваткахъ въ Вильнѣ у амбаровъ съ солью: „многіе уѣздные люди, сообщаетъ князь М. С. Шаховской, въ Вильну на посадъ къ государевымъ амбарамъ къ соли воровски, ночнымъ обычаемъ, пріѣзжаютъ и соль крадутъ, и съ тѣми пріѣзжими людьми по ночамъ бои бываютъ почасту“; смута особенно широко царила въ повѣтахъ: „которые и учинились подъ государскою высокою рукой, и тѣхъ шатость и воровство, многіе промежъ себя свою братью разоряютъ и побиваютъ“.

Важно отмѣтить еще два дѣла, для рѣшенія которыхъ князь М. С. Шаховской обращался съ докладомъ государю, не рискуя принять ихъ на свою отвѣтственность. Жена новогродскаго каштеляна Самойла Станкевича обратилась къ воеводѣ съ просьбой о справкѣ за мужемъ ея въ Виленскомъ повѣтѣ купленной вотчины родного брата ея, виленскаго бискупа Юрія Тишкевича, умершаго безъ ближайшихъ кромѣ нея родственниковъ; воевода отправилъ къ государю отписку по дѣлу о вотчинѣ умершаго виленскаго бискупа, испрашивая указа; вотчину велѣно было справить за мужемъ сестры бискупа на условіи „будетъ ближе ее въ родѣ нѣтъ“ (№ 818). Очевидно, что воевода не счелъ возможнымъ руководиться въ такомъ случаѣ нормами мѣстнаго гражданскаго права, а московское правительство въ своемъ отвѣтѣ по такому частному случаю воспользовалось намекомъ челобитной жены Станкевича:

„а роду, государь, нашего брата моего родного Юрья Тишкеевича никого нѣтъ ближе меня; а та государь, вотчина мѣстечко Нѣменчины и сельцо Катовишки съ деревнями и со всѣми угодьи никому не отдана, а безъ твоего государева указу воевода князь М. С. Шаховской мужу моему и мнѣ въѣзжать въ ту вотчину не велитъ“. Такою же ничтожною самостоятельностью отличалась власть виленскаго воеводы и въ дѣлахъ уголовныхъ. Имѣя указъ о повѣшеніи „за воровство“ безъ доклада, князь М. С. Шаховской обращается къ правительству за указомъ по дѣлу объ убійствѣ виленскимъ мѣщаниномъ Ображейкой Солодовникомъ виленскаго же мѣщанина Микулайки Гинвилова: подсудимый съ пытки винился въ убійствѣ Гинвилова, что убилъ „умысля изъ животовъ“, но въ другихъ никакихъ преступленіяхъ не винился; братъ убитаго и всѣ виленскіе мѣщане били челомъ о помилованіи Солодовника, ибо „прежъ сего за нимъ никакого воровства не бывало“. „И я, пишетъ въ своемъ донесеніи воевода (№ 902), того мѣщанина Ображейка за смертное убойство, противъ твоего государева указу, хотѣлъ вершить для того, что въ иныхъ такихъ смертныхъ убойствахъ, сыскавъ допряма, я въ Вильнѣ, для уему и для устрашенія отъ воровства, воровъ и разбойниковъ вершилъ“. Боязнь быть обвиненнымъ въ неласковомъ обращеніи съ населеніемъ могла быть не послѣднимъ мотивомъ, заставившимъ виленскаго воеводу внять прошенію виленскихъ мѣщанъ, а для характеристики примирительной политики московскаго правительства важно поставить на видъ, что оно согласилось на просьбу виленскихъ мѣщанъ о помилованіи Солодовника, и въ этомъ смыслѣ былъ отправленъ князю М. С. Шаховскому указъ. Зато на отпискѣ того же виленскаго воеводы о томъ, что князь Станиславъ Мосальскій въ только что справленной за нимъ по государеву указу вотчинѣ не далъ жать и молотить хлѣба панскаго на государя, государевыхъ служилыхъ людей выбилъ и вывезъ насильствомъ государевы всякіе хлѣбные запасы, читаемъ немногосложную помѣту: „чтена“ (№ 910). Если только отписка вполнѣ правильно изображаетъ ходъ дѣла и совершенно дѣльно было распоряженіе воеводы „въ томъ селѣ Сереяхъ и въ деревняхъ (въ Троицкомъ повѣтѣ), которые отданы князь Станиславу Мосальскому, хлѣбъ, которой былъ панской, жать и молотить на государя, а князь Станиславу выдать сѣмянной хлѣбъ“, то можно думать, что иные факты московское правительство, въ виду труднаго времени, умѣло принимать къ свѣдѣнію и не ко времени не раздражаться, предписывая и своимъ представителямъ въ Литвѣ безъ указа никакого задора не чинить (№ 1015).

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти заботы о приведеніи къ вѣрѣ на царское имя населенія Литвы и Жмуди и удержаніи въ подданствѣ московскаго царя ласкою и льготами могли имѣть только временный успѣхъ. Измѣнялось дуновеніе вѣтра, складывались обстоятельства иначе, и присяжная шляхта легко и скоро становилась на сторону польскаго короля, можетъ быть смутно чувствуя, что Москва умѣла заигрывать, когда ей было нужно, и умѣла нецеремонно смирять по минованіи надобности или когда чувствовала себя въ полной силѣ. Въ сентябрѣ 1658 г. подъ Вильной собрались войска гетмановъ Павла Сапѣги и Гонсѣвскаго, позволяя себѣ военныя дѣйствія до прекращенія посольскихъ совѣщаній. Московскіе воеводы бояринъ князь

Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ съ товарищами „поиску чинить надъ гетманомъ, и отъ ихъ тѣсноты обороняться не смѣли“, сообщая въ своемъ донесеніи, что поиску не чинили согласно грамотѣ изъ Посольскаго приказа „на польскихъ людей до указу не ходить и ратныхъ людей не посылать“; московскому войску „стало утѣсненье большое“ отъ многолюдства враговъ — „а многолюдно учало быть, съ грустью прибавляетъ донесеніе воеводъ (№ 1035), у гетмановъ у Павла Сапѣги и у Гонсѣвского потому, что вся присяжная шляхта всѣхъ повѣтовъ измѣнили и къ нимъ гетманомъ пристали, и твоихъ ратныхъ людей вездѣ побивали, и въ полонъ имали, и конскія стада отгоняли“. 9 октября великіе и полномочные послы бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами и королевскіе коммиссары съ съѣзжаго мѣста разъѣхались, 11 октября подъ Вильной „былъ бой большой“, въ которомъ гетмана Гонсѣвскаго московскіе воеводы взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ обозомъ, а 19 числа того же мѣсяца русское войско пошло отъ Вильны прочь, по объясненію воеводъ, для того, „что ратные люди нашихъ полковъ хлѣбными запасы оголодали и конскихъ кормовъ нѣтъ“. Другая причина спѣшнаго отступленія отъ Вильны московскихъ воеводъ заключалась въ томъ, что „многіе ратные люди изъ нашихъ полковъ розныхъ городовъ дѣти боярскіе, и казаки, и новокрещены, и темниковскіе мурзы, и татаровя, и рейтары, и драгуны, и солдаты съ службы сбѣжали, и у насъ въ полкѣхъ стало малолюдно“. Должно быть бѣгство было слишкомъ внушительныхъ размѣровъ, если воеводы писали далѣе въ такихъ выраженіяхъ: „а впредь только бъ твои ратные люди отъ насъ изъ полковъ побѣжали, и намъ бы съ достальными твоими ратными людьми отъ Вильны отойти было не съ кѣмъ“. Въ огромномъ количествѣ бѣжали ратные люди съ бѣдности, бѣглецовъ по дорогамъ приколачивала шляхта, которая еще недавно приведена была къ вѣрѣ на царское имя. Любопытно, что съ бѣдности служилые люди бѣжали въ первую польскую войну царя Алексѣя не изъ полковъ только, но и съ посольскихъ съѣздовъ: отписка полномочныхъ пословъ боярина князя Н. Ив. Одоевскаго говоритъ о побѣгѣ 47 человѣкъ дѣтей боярскихъ, а также о поголовномъ бѣгствѣ драгунъ изъ Вильны (№ 933; срв. №№ 854 и 913 о бѣдности служилыхъ людей, выбранныхъ изъ городовъ для сопровожденія пословъ). Такъ параллельно развитію многолюдства въ польскомъ войскѣ теряли ратныхъ людей московскіе воеводы: немудрено, что при такомъ положеніи русскаго войска, которое временами таяло отъ побѣговъ, Карлъ X шведскій перебилъ дорогу у царя Алексѣя. Князь М. С. Шаховской, писавшій про неудачный сборъ денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ въ 1657 и 1658 гг., сообщалъ, что въ присяжныхъ повѣтахъ присяжная шляхта грабила и била сборщиковъ, а иныхъ распрашивала о количествѣ московскихъ ратныхъ людей въ Вильнѣ; въ помощь шляхтѣ явились жолнеры гетманскихъ полковъ. Сборщики-солдаты, говоритъ виленскій воевода князь М. С. Шаховской, изъ повѣтовъ „приходятъ въ Вильну перерублены и ограблены и сказываютъ въ роспросѣхъ, что королевскіе жолнеры около Вильны стоятъ въ повѣтѣхъ кругомъ, и ихъ де солдатъ рубятъ и въ полонъ емлютъ, всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ и доходовъ выбирать не дали“ (№ 1036). Князь М. С. Шаховской боится уже за самую Вильну, изъ которой бѣжали всѣ драгуны, кромѣ 6 человѣкъ, и въ которой позднѣе

князь Юр. Ал. Долгоруковъ оставилъ полковника Якова Урвина съ 1500 солдатъ съ знаменами, барабанами и мушкетами (№ 1035); онъ пишетъ: „и будетъ, государь, учинится къ городу какой приходъ, и мнѣ въ городѣ осаду укрѣпить не съ кѣмъ, городъ большой... а въ городѣ твоя денежная казна не малая". Упомянутые 1500 солдатъ должны были нѣсколько успокоить страхи князя М. С. Шаховского за денежную казну. Таково было положеніе Вильны среди присяжныхъ повѣтовъ и присяжной шляхты въ 1658 г. Только что приведенныя подробности представляютъ большой интересъ для исторіи польскихъ войнъ царя Алексѣя и временнаго пребыванія Вильны подъ властью московскаго царя.

Но не одни польскіе жолнеры безпокоили виленскаго воеводу: приходилось вести энергическую борьбу съ врагомъ, угрожавшимъ всѣмъ безъ исключенія, съ моровою язвой. Помимо обычныхъ въ такомъ случаѣ сложныхъ распоряженій князь М. С. Шаховской (№ 976 и срв № 977) долженъ былъ найтись, какъ поступить въ виду наклонности населенія бѣжать изъ Вильны отъ заразы, отъ которой умирали въ большомъ городѣ, на посадѣ и за рѣкой Виліей въ слободахъ. „И многіе мѣщане, сообщаетъ виленскій воевода, видячи гнѣвъ Божій, почали розъѣзжаться и розъѣхались многіе". Воевода велѣлъ тогда „въ большомъ городѣ запереть ворота всѣ", оставивъ только однѣ ворота, и „изъ города мѣщанъ пропущать не велѣлъ". Тогда виленскій войтъ, бурмистры, райцы, писари, лавники, сотники, пятидесятники, десятники и всѣ рядовые мѣщане били челомъ, чтобъ ихъ выпустить въ Лукишки на рѣку Вилію и позволить жить по полямъ, лѣсамъ, деревнямъ и мѣстечкамъ по сю сторону виленскихъ заставъ. Воевода призвалъ на совѣтъ полковниковъ и съ ихъ совѣта „поволилъ" мѣщанамъ изъ Вильны выѣхать, но взялъ съ нихъ особую запись въ томъ, что они останутся вѣрными державѣ московскаго царя среди трудныхъ обстоятельствъ.

Мы видѣли виленскаго воеводу среди заботъ приведенія къ вѣрѣ на царское имя населенія Литвы и Жмуди или отдѣльныхъ лицъ, представлявшихъ интересъ для московскаго правительства, среди неурядицъ тревожнаго времени, грозившаго грабежами или приступомъ къ Вильнѣ, видѣли среди рѣшенія вопросовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, наконецъ, въ борьбѣ съ моровою язвой: личной инціативы воеводы замѣтно очень мало, онъ сильно ограниченъ докладомъ государю, направляющая рука московскаго правительства замѣтна сильно.

Едва ли можно сказать, что виленское воеводство носило на себѣ обычный характеръ покоя и прокормленія, хотя къ послѣднему виленскій воевода, кажется, не былъ вполнѣ равнодушнымъ, какъ это можно видѣть по дѣлу его съ полоцкимъ шляхтичемъ Брониславомъ Юрьевымъ Присецкимъ, которое должны были разбирать великіе послы бояринъ князь Н. И. Одоевскій съ товарищами (№ 923; срв. также № 780). Помимо сравнительно немногихъ, судя по документамъ, внѣшнихъ сношеній съ представителями польской стороны (№№ 947, 952, 953), виленскій воевода долженъ былъ постоянно доносить правительству о польскихъ, литовскихъ, жмудскихъ и шведскихъ вѣстяхъ, касающихся общаго положенія края, текущихъ военныхъ дѣйствій, королей польскаго и шведскаго, гетмановъ и т. д. Эти свѣдѣнія воевода получалъ или отъ прибывавшихъ въ Вильну разнаго рода лицъ или же организовывалъ спеціальные

отряды для развѣдокъ; во всякомъ случаѣ собиранiе этихъ свѣдѣнiй доставляло много хлопотъ (см. №№ 750, 790, 793, 820, 837, 859, 944, 948, 949, 956, 963, 1015) воеводѣ, представлявшему въ Вильнѣ важный наблюдательный постъ. Московское правительство нуждалось въ частыхъ сообщенiяхъ: 7 сентября 1657 г. на имя боярина и воеводъ Василiя Борисовича Шереметева съ товарищами, который первоначально былъ посланъ къ Вильнѣ въ апрѣлѣ 1657 г. (№ 965), но былъ остановленъ въ Борисовѣ (№ 969), а вмѣсто него туда отправился упомянутый выше князь Юр. Ал. Долгоруковъ (№ 1024), была адресована грамота, чтобъ „безъ мотчанья" отписать государю, что дѣлается въ Борисовѣ, въ Вильнѣ, въ Виленскомъ и другихъ городовъ повѣтахъ, и во всемъ княжествѣ литовскомъ. „А по сѣхъ мѣстъ (т.-е. по 7 сентября), продолжаетъ съ упрекомъ грамота (№ 1000), многое время ни о какихъ дѣлѣхъ къ намъ, великому государю, вы не писывали, и что у васъ въ Вильнѣ, и въ иныхъ городѣхъ, и въ уѣздѣхъ, и во всемъ княжествѣ литовскомъ дѣлается, про то ни про что намъ, великому государю, вѣдать не по чему." Послѣдняя предъ этою грамотою отписка виленскаго воеводы князя М. С. Шаховского о вѣстяхъ была получена въ Разрядѣ 11 апрѣля 1657 г. (№ 963): перерывъ — въ пять мѣсяцевъ, если только извѣстны всѣ отписки виленскаго воеводы.

Не останавливаясь на актахъ, касающихся организацiи виленскаго посольскаго съѣзда (№№ 839, 847, 848, 854, 868, 883, 887, 913, 933, 934, 936, 938) и ничуть не затрогивающихъ веденiя самыхъ переговоровъ, отмѣтимъ только для характеристики власти виленскаго воеводы, что послѣднiй, согласно государеву указу отъ 14 iюля 1656 г., во все время съѣзда во всякихъ дѣлахъ долженъ былъ слушать великихъ и полномочныхъ пословъ боярина и намѣстника астраханскаго князя Н. Ив. Одоевскаго съ товарищами (№ 847)[1]).

Административно-хозяйственная дѣятельность виленскаго воеводы также затронута нашими актами, и, хотя въ настоящую минуту у насъ нѣтъ подъ руками самаго дѣлопроизводства виленскаго воеводскаго управленiя, за исключенiемъ единственнаго случая, о которомъ скажу особо, однако немногiе акты указаннаго характера заслуживаютъ быть упомянутыми.

И въ этихъ актахъ мы встрѣчаемся съ знакомою намъ боязнью воеводы чѣмъ-нибудь раздражить населенiе, съ просьбами объ указахъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, съ данными о разоренiи окрестностей Вильны. Продажа соли на государево имя (2 рубля за бочку въ 6 пудовъ №№ 742 и 749), дозволенiе мѣстному населенiю по прежнему торговать виномъ (№ 746), сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ доходовъ — все это составляетъ предметъ занятiй виленскаго воеводы, который отписываетъ къ государю даже о двухъ пушкахъ новаго литья ядромъ по 12 гривенокъ, откопанныхъ въ землѣ близъ Радивилова двора въ Вильнѣ и перевезенныхъ по его распоряженiю въ большой городъ (№ 836). Сборъ хлѣбныхъ запасовъ доставлялъ, кажется, особенную тревогу виленскому воеводѣ, который долженъ былъ заботиться

[1]) Въ концѣ 1656 г. къ посламъ, а не къ воеводѣ была отправлена грамота о присылкѣ изъ Вильны въ Ковно священника, ибо въ послѣдней „людей приводить къ крестному цѣлованью некому, и затѣмъ дѣло стало" (№ 935).

не только о томъ, чтобъ въ Вильнѣ „всякимъ государевымъ людемъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ было не скудно“, но и по указу доставлять иногда хлѣбъ другимъ воеводамъ: такъ, въ концѣ 1655 г. онъ выражаетъ сомнѣніе въ возможности доставить по первому требованію въ Ковно къ боярину и воеводамъ князю Семену Андреевичу Урусову съ товарищами 500 четвертей ржи и муки, какъ предписывалъ государевъ указъ отъ 29 октября 1655 г. Въ это время населеніе возило въ Вильну „на торгъ одинъ овесъ, и то не много“ (№ 749), а „отъ Вильны верстахъ въ 20-ти, и 30-ти, и больше запасовъ взять въ государеву казну не съ кого: села и деревни розорены и вызжены“, многіе повѣтные люди бьютъ челомъ, „что они скудны, запасовъ де имъ про государевъ обиходъ взять негдѣ, и самимъ де имъ будетъ помереть съ голоду“; въ виду безкормицы била челомъ и присяжная шляхта роты Николая Сухтицкаго, посланнаго воеводою изъ Вильны къ Святой рѣкѣ съ литовскими служилыми и подъѣздными людьми: шляхта заявляла, что „на одномъ де мѣстѣ стоять имъ безкормно, потому что мѣсто розореное, кормиться негдѣ“ (№ 859). „Въ Вильнѣ, пишетъ воевода въ своемъ донесеніи отъ ноября 1655 г. (№ 749), запасовъ государевымъ ратнымъ людемъ на годъ (т.-е. до слѣдующаго урожая) не будетъ... а будетъ по рожь и по муку князь С. А. Урусовъ пришлетъ, и въ Вильнѣ государевымъ ратнымъ людемъ запасовъ не станетъ и на зиму“. Хлѣбныхъ запасовъ достать негдѣ, соль растаскиваютъ ратные люди и мѣняютъ мѣстнымъ жителямъ на товары: капитанъ Данило Ботвиньевъ, назначенный воеводою княземъ М. С. Шаховскимъ къ продажѣ соли, которая за городомъ, являлся къ воеводѣ въ Съѣзжую избу съ заявленіемъ, что служилые люди „чинятся сильны“, берутъ соль даромъ сверхъ указной соли: велѣно было по государеву указу соль съ посаду перевезти въ большой городъ, въ расходъ никому не давать, держать „съ береженьемъ“, а продавать только ту соль, которую въ городъ везти нельзя, такъ какъ бочки развалились. Къ виленскому съѣзду пословъ воевода долженъ былъ также озаботиться заготовкою припасовъ и конскаго корма (овса и сѣна). Согласно грамотѣ отъ 3 іюля 1656 г., воевода для цесарскихъ и московскихъ пословъ, которыхъ сопровождала „для посольского дѣла“ большая и частью голодная толпа стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ и пр., и пр. припасалъ (№ 839) ржаную и пшеничную муку, крупу, солодъ, масло, сметану, яица, куръ, утокъ, гусей, яловицъ, быковъ (срв. № 1062). Къ числу неблагопріятныхъ условій для правильнаго разрѣшенія продовольственнаго дѣла, помимо разоренія страны надо отнести еще столкновенія съ отдѣльными лицами, въ родѣ вышеупомянутаго спора съ княземъ Ст. Мосальскимъ (№ 910), или съ неприсяжною шляхтой въ присяжныхъ повѣтахъ, которая въ виду виленскаго посольскаго съѣзда отказывалась давать хлѣбные запасы и денежные доходы (№ 926): „какъ де вершится посольское дѣло, и кому де тѣ земли достанутся... они де тому хлѣбные запасы и денежные кормы давать станутъ“.

Инціативѣ виленскаго воеводы, какъ видно изъ его отписокъ, принадлежитъ возстановленіе мельничнаго бумажнаго дѣла и заведеніе пороховой мельницы въ Вильнѣ: и то, и другое было весьма кстати для нуждъ московскаго правительства; военное время требовало большихъ запасовъ пороха, воеводы нѣкоторыхъ городовъ жалова-

лись на недостатокъ бумаги. Такъ воевода новаго города Борисоглѣбска писалъ, что у него бумаги нѣтъ, а въ Полоцкѣ и на курлянской сторонѣ бумага безмѣрно дорога: 30 апрѣля 1657 г. велѣно было борисоглѣбскому воеводѣ „послать стопу бумаги, и отписать къ нему: велѣть ту бумагу держать на государево дѣло съ береженьемъ“ (№ 966). „Сыскалъ я, доносилъ виленскій воевода въ 1656 г. (№ 815), мельничного бумажного дѣла мастера Матвѣя Теплицкого и велѣлъ ему на рѣкѣ Вильнѣ на старой бумажной мельницѣ сдѣлать мельничные всякіе заводы, и дѣлать бумагу... и тотъ мастеръ бумагу толстую и писчую дѣлаетъ съ 20 марта“. Треть сработанной бумаги отбиралась на государя; на отпискѣ воеводы о заведеніи въ Вильнѣ бумажной мельницы помѣчено: „государь указалъ отписать, что объявится бумаги“. Въ томъ же 1656 г. князь М. С. Шаховской завелъ, при помощи двухъ виленскихъ мѣщанъ, дѣлавшихъ селитряное дѣло, пороховую мельницу: мѣщане въ распросѣ показали, что въ Вильнѣ селитряной земли много и, послѣ предварительнаго опыта, представленнаго на разсмотрѣніе князя М. С. Шаховского, работа закипѣла. Отписывая объ этомъ государю, воевода послалъ опытъ селитры и пороха; дѣлать и то, и другое, конечно, было разрѣшено, хотѣли только узнать „почему пудъ станетъ“.

Таково содержаніе актовъ, болѣе или менѣе случайно выдернутыхъ изъ разрядныхъ столбцовъ московскаго архива министерства юстиціи для *Актовъ Московскаго Государства* [1]), издаваемыхъ Академіей Наукъ и въ скоромъ времени имѣющихъ выйти въ свѣтъ. Мы эксплуатировали здѣсь всѣ документы относящіеся къ исторіи пребыванія московскихъ людей въ Вильнѣ, и приходимъ къ заключенію, что, представляя мѣстный интересъ, они становятся еще болѣе цѣнными въ общей суммѣ документовъ, охватывающихъ первую польскую войну царя Алексѣя Михайловича. Жаль, что среди нихъ нѣтъ: 1) воеводскаго наказа князю М. С. Шаховскому; 2) росписи, что въ Вильнѣ наряду, и зелья и свинцу, и всякихъ пушечныхъ и хлѣбныхъ запасовъ порознь и соли, составленной въ отвѣтъ на государеву грамоту отъ 20 февраля 1657 г. и 3) такой же росписи 1658 г. (см. №№ 952 и 1035).

---

[1]) Въ томъ же второмъ томѣ для ученой публики представитъ интересъ серія актовъ, касающихся дѣятельности столь извѣстнаго въ московской исторіи XVII в. Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Къ сожалѣнію, совершенно упустили изъ виду, что ихъ слѣдовало бы поискать также въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Виленскія приходныя каменишныя книги 1658 года.

Приложеніе къ реферату

В. Н. Сторожева.

Изъ дѣлопроизводства воеводскаго управленія въ Вильнѣ князя М. С. Шаховского мнѣ извѣстенъ документъ, который, кажется, можетъ представить непосредственный интересъ для исторіи г. Вильны. Говорю — кажется — потому, что, не занимаясь никогда исторіей г. Вильны, не знакомъ со всѣмъ наличнымъ запасомъ архивныхъ и изданныхъ первоисточниковъ, а потому оцѣнить степень интереса предлагаемаго документа предоставляю спеціалистамъ.

Документъ этотъ — *„книги приходныя каменишныя“* 1658 г., въ которыхъ записанъ доходъ отъ сдачи въ Вильнѣ — *„въ большомъ городѣ“* — на откупъ „каменицъ“ (см. заголовокъ документа) называемыхъ въ текстѣ документа „дворами“. Въ 1657 г. ихъ сдавали на годъ съ уплатою денегъ помѣсячно, въ 1658 г. — по памяти воеводы князя М. С. Шаховского — онѣ сдаются уже помѣсячно въ виду того, что никто не сталъ ихъ откупать на годъ; откупали ихъ въ Судной избѣ изъ приказу отъ судьи Ильи Григорьевича Моностырева, деньги принималъ и записывалъ въ приходъ подьячій Мишка Мальцовъ, который и приписалъ по листамъ всю книгу.

Въ 1657 г. отдавалось на откупъ 28 дворовъ, а въ 1658 г. — уже 45, причемъ откупная плата въ нѣкоторыхъ случаяхъ понизилась и при мѣсячной сдачѣ на откупъ въ 1658 г. продолжала иногда итти на пониженіе. Такъ, дворъ князя Михаила Несвицкаго въ 1658 г. сдавался, вмѣсто семи, по четыре ефимка въ мѣсяцъ, „потому что больши тово нихто не давалъ“, какъ поясняетъ самъ документъ (дв. 6), три двора Уніатскаго монастыря вмѣсто пяти ефимковъ сдавались по три ефимка въ мѣсяцъ каждый по той же причинѣ (двв. 19, 20 и 26) и дворъ нѣмчина Криштопа Коцаря — вмѣсто трехъ по одному ефимку въ мѣсяцъ. Въ другихъ случаяхъ откупная плата понижалась въ теченіе 1658 г.: дворъ нѣмчина Тропа въ январѣ былъ сданъ за три ефимка въ мѣсяцъ, въ февралѣ арендаторъ Хомотовскій его бросилъ, и только въ маѣ онъ былъ сданъ опять за одинъ ефимокъ въ мѣсяцъ, „потому что больши тово нихто не давалъ“ (дв. 8), два двора Уніатскаго монастыря сдавались въ январѣ по три и по четыре ефимка, а съ февраля и апрѣля по два и по три ефимка (двв. 13 и 14), дворъ Мозолевской въ февралѣ былъ сданъ за три ефимка,

а съ іюня уже только за ефимокъ въ мѣсяцъ, потому что „въ маѣ мѣсяцѣ крамы розвалились“, и „больши тово нихто не давалъ“ (дв. 36). Только въ одномъ случаѣ можно, кажется, отмѣтить повышеніе откупной платы, именно дворъ, что бывалъ къ шпитальному кляштору троцкому, въ февралѣ сдавался по полутретью ефимку на мѣсяцъ, а въ мартѣ сданъ былъ новому арендатору за два рубля въ мѣсяцъ, тогда какъ случаевъ пониженія я отмѣтилъ восемь, не говоря уже о восьми случаяхъ, когда дворъ былъ брошенъ совсѣмъ и остался стоять пустымъ (двв. 1, 7, 9, 23, 29, 33, 43, 45) или нѣкоторое время стоялъ „въ простоѣ“ (двв. 8 и 13). Откупная плата[1]) вообще не превышала семи ефимковъ (дв. 6) и не шла ниже полуефимка, исключая одного двора сдававшагося за три алтына и двѣ деньги въ мѣсяцъ (дв. 21); одинъ дворъ сдавался за два рубля (дв. 25) и одинъ по золотому польскому въ мѣсяцъ (дв. 39).

Топографическихъ указаній нашъ документъ не даетъ никакихъ, исключая упоминаній Скляной (дв. 15 и 31) и Рудницкой (дв. 43) улицъ. Въ числѣ дворовъ, сдававшихся на откупъ московскою администраціей, встрѣчаемъ дворы Уніатскаго монастыря (двв. 13, 14, 19, 20 и 26), шпитальные (двв. 23, 24, 25 — что бывалъ къ шпитальному кляштору троцкому —, 42 — Троицы ляцкіе —, 43), дворы князей Михаила Несвицкаго (дв. 6) и Сангушки, бискупа смоленскаго (дв. 22), ошмянскаго старосты Адама Саковича (дв. 29), того самаго, изъ-за посланца котораго, шляхтича Павла Роли, виленскій воевода князь М. С. Шаховской получилъ грамоту государеву съ опалой; затѣмъ изъ бывшихъ владѣльцевъ дворовъ въ документѣ отмѣчены нѣмцы Тропъ, Криштопъ Коцарь и Коцарь (дв. 8, 28 и 39) аптекарь (дв. 34), золотарь (дв. 38), цырюлишка (дв. 40), писарь (дв. 44) и райцы Спирковичъ и Дубовичъ (дв. 17, 27).

---

[1]) Для наглядности сводимъ въ таблицу цифры, за которыя сдавались каменицы на откупъ.

Цѣна откупа въ ефимкахъ.	Нумера дворовъ, сдававшихся во 165 и 166 гг.
за 1/2	11, 12, 15
за 1	1, 2, 7, ***8***, 22, 24, ***28***, 29, 30, 32, 34, ***36***, 37, 40
за 2	4, 9, 10, ***13***, 18, 27, 33, 43, 44, 45
за 3	3, 5, ***8***, ***13***, ***14***, ***19***, ***20***, ***26***, ***28***, 35, ***36***, 42
за 4	***6***, ***14***, 17, 31, 41
за 5	16, ***20***, ***19***, ***26***
за 7	***6*** ‖ Жирно отпечатаны нумера дворовъ, откупная цѣна на которые пала во 166-мъ году.
за 2 1/2	23, 25 (во 166-мъ послѣдній дворъ сдавался уже за 2 рубля въ мѣсяцъ).

Среди арендаторовъ дворовъ видимъ райцевъ Алексѣя Шкевича и Прокопа Дороѳеева (дв. 5 и 11), нѣмца Самойла Колендара (дв. 6; срв. дв. 17), шляхтича Юрку Шаранова (дв. 7), десятника Андрея Гвоздовскаго (дв. 21), аптекаря (дв. 6), резника (дв. 22), золотаря (дв. 39) и четырехъ евреевъ (дв. 5, 12, 28 и 32).

Текстъ виленскихъ книгъ приходныхъ каменишныхъ 1658 г.

[Опущены ежемѣсячныя отмѣтки о полученіи откупной платы, образцы которыхъ приведены подъ № 1 въ I а, но пропуски всѣ означены точками.]

Лѣта 7166-го г. *книги приходные каменишные,* которые каменицы въ Вилнѣ въ большомъ городѣ въ прошломъ во 165 г. были на откупу въ годъ, а въ нынѣшнемъ во 166 г. генваря съ первого числа тѣ *каменицы* по государеву указу и по памяти воеводы князя Михаила Семеновича Шаховскова отдаваны изъ приказу отъ судьи Ильи Григорьевича Моностырева вновь на откупъ помѣсечно, потому что тѣхъ каменицъ въ годъ нихто не откупалъ; а деньги по семъ книгамъ збиралъ и записывалъ въ приходъ по приказу Ильи Гр.|Моностырева подьячей Мишка Мальцовъ.

I а.

А. 1. — Дворъ *Слутчина* наймовалъ прежъ сего Андрюшка Езуѳовъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по ѳоимку на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ вдовѣ Каскѣ Ивановой дочери Кушелевой помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нее имать по ѳоимку на мѣсяцъ‖.

И съ того двора Слутчина съ нее Каски Кушелевой взято на генварь мѣсяцъ ѳоимокъ.
Да съ тово жъ двора взято съ нее жъ на ѳевраль мѣсяцъ ѳоимокъ.
Да съ тово жъ двора взято съ нее жъ на мартъ мѣсяцъ ѳоимокъ.
Да съ тово жъ двора взято съ нее жъ на апрѣль мѣсяцъ ѳоимокъ.
Да съ тово жъ двора взято съ нее жъ на май мѣсяцъ ѳоимокъ[1])‖.
Да съ тово жъ двора взято съ нее жъ на іюнь мѣсяцъ ѳоимокъ.

А на іюль мѣсяцъ съ тово двора съ нее Каски Кушелевой не взято потому, что наймовала она тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышла вонъ; и нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ для тово, что розвалился‖.

2. — Дворъ *Кирлевъ,* что наймовалъ прежъ сево Лукашка Кочарской на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по ѳоимку на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Лукашкѣ помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по ѳоимку на мѣсяцъ....

---

[1]) Всего взято 6 ефимковъ.

(Далѣе записи о полученіи ѳоимковъ за янв. — авг. мѣсяцы) ‖....‖....[1]).

А на 167 годъ съ того двора деньги писаны въ приходѣ во 167 г.‖.

3. — (Л. 5). Дворъ *Кондрата Ѳреза* наймовалъ прежъ сего на годъ Лучка Борисовъ, а платилъ деньги помѣсечно по три ѳоимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Юркѣ Пилицкому помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три жъ ѳоимка на мѣсяцъ....

(Далѣе записи о полученіи ѳоимковъ за янв. — авг. мѣсяцы)‖.... ‖....[2]).

А на 167 годъ съ того двора деньги писаны въ приходѣ во 167 г.‖.

4. — Дворъ *Ярляпги* наймовалъ прежъ сего Лукашка Ивановъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по два ѳоимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Войтешку Талецкому помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ него имать по уговору жъ по два ѳоимка на мѣсяцъ[3])....‖....‖....‖.

5. — Дворъ *Ѳоима Рейтея* наймовалъ прежъ сего райца Алексѣй Шкѣвичъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по три ѳоимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ жиду Давыдку Копылову помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три жъ ѳоимка на мѣсяцъ[4])....‖....‖....‖.

6. — Дворъ князь *Михайла Несвицкова* наймовалъ прежъ сего немчинъ Самойла Колендаръ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по *семи* ѳоимковъ на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Матвѣю оптекарю помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по четыре ѳоимка на мѣсяцъ, потому что больши тово нихто не давалъ[5]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

7. — Дворъ *Гиблевъ* наймовалъ прежъ сего Иванъ Кушеличъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по ѳоимку на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ шляхтичю Юркѣ Шаранову помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по ѳоимку жъ на мѣсяцъ.

(Далѣе записи о полученіи ѳоимковъ за янв. — февр. мѣсяцы)[6])....‖.

А на мартъ мѣсяцъ съ нево шляхтича Юрки Шаранова не взято потому, что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ; а нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ ‖ .

8. — Дворъ немчина *Тропа* наймовалъ прежъ сего онъ жа Иванъ Кушеличъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по три ѳоимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Войтѣшку Хомутовскому помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три жъ ѳоимка на мѣсяцъ.

И съ тово двора взято съ нево Войтѣшка на генварь мѣсяцъ три ѳоимка.

А на февраль мѣсяцъ съ нево Войтешка ‖ Хомутовскова не взято потому,

---

1) Всего взято 8 ефимковъ.
2) — — 24 ефимка.
3) — — 16 ефимковъ.
4) — — 24 ефимка.
5) — — 32 ефимка.
6) — — 2 ефимка.

что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ, а нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ.

А ѳевраль, и мартъ, и апрѣль мѣсяцы тотъ дворъ стоялъ въ простоѣ, нихто не откупалъ.

А мая съ первого числа отданъ тотъ дворъ вновь на откупъ Янкѣ Чернавскому помѣсечно, а откупу съ нево имать по ѳоимку на мѣсяцъ, потому что ‖ больши тово нихто не давалъ.

(Далѣе записи о полученіи ѳоимковъ за май — авг. мѣсяцы).... [1]) ‖ .

А на 167 годъ съ тово двора деньги писаны въ приходѣ во 167 г. ‖ .

9. — (Л. 15). Дворъ *Скарблова* наймовалъ прежъ сего Савостьянъ Галецкій на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по два ѳоимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Якову Лещеву помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по два жъ ѳоимка на мѣсяцъ.

(Далѣе записи о полученіи ѳоимковъ за янв. — іюль мѣсяцы) [2]).... ‖ .... ‖ .

А на августъ мѣсяцъ съ нево Якова Лещева не взято потому, что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ; а нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ.

10. — Дворъ *Самойла Ѳилиповича* наймовалъ прежъ сего Григорей Езуѳовъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по два ѳоимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Григорью помѣсечно, а откупу съ нево имать по уговору по два жъ ѳоимка на мѣсяцъ [3]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

11. — Дворъ *Литова* наймовалъ прежъ сего райца Прокопъ Дороѳѣевъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по полуѳоимку на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Прокопу помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по полуѳоимку жъ на мѣсяцъ [4]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

12. — Дворъ *Ярлянги* наймовалъ прежъ сего Давыдка Андрѣевъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по полуѳоимку на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ жиду Марку помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по полу-жъ-ѳоимку на мѣсяцъ [5]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

II.

Дворы, что бывали Унеяцкова моностыря. (Л. 20-жъ).

13. — Дворъ *Ун. моностыря* наймовалъ прежъ сего Иванъ Берейша на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по *три* ѳоимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ

---

[1]) Всего взято 7 ефимковъ.
[2]) — — 14 ефимковъ.
[3]) — — 16 ефимковъ.
[4]) — — 4 ефимка.
[5]) — — 4 ефимка.

на откупъ Юркѣ Козловскому помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево Юрки имать по уговору по три жъ еѳимка на мѣсяцъ ‖ .

И съ того двора взято съ нево жъ Юрка Козловскова на генварь мѣсяцъ три еѳимка.

А на ѳевраль мѣсяцъ съ нево Юрка Козловскова съ тово двора не взято, потому что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ; а нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ.

А ѳевраль и мартъ мѣсяцы тотъ дворъ стоялъ ‖ въ простоѣ, нихто его не откупалъ.

Апрѣля съ первого числа отданъ тотъ дворъ вновь на откупъ Васкѣ Селедчику помѣсечно, а откупу съ нево имать по уговору по два еѳимка на мѣсяцъ, потому что больши тово нихто не давалъ[1].... ‖ .... ‖ .... ‖ .

14. — Дворъ *Ун. моностыря* (л. 23 об.) наймовалъ прежъ сего Ѳедоръ Кохanскій на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по *четыре* еѳимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Ѳедору помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по четыре жъ еѳимка.

И съ того двора взято съ нево жъ Ѳедора на генварь мѣсяцъ четыре еѳимка ‖ .

А на ѳевраль мѣсяцъ съ того двора съ нево Ѳедора Кохансквова не взято, потому что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ.

И ѳевраля жъ съ первого числа отданъ тотъ дворъ вновь на откупъ помѣсечно жъ Оскѣ Иванову, а откупу съ нево имать по три еѳимка на мѣсяцъ, потому что больши тово нихто не давалъ[2].... ‖ .... ‖ .... ‖ .

III. (Л. 26).

15. — Дворъ на Скляной улицѣ *Малхера Мечника* наймовалъ прежъ сего Иванъ Яковлевъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по полуеѳимку на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Ивану Яковлеву помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по полу-жъ еѳимку на мѣсяцъ[3]... ‖ ... ‖ ... ‖ .

16. — Дворъ *Дубовича* (срав. подъ № 27) наймовалъ прежъ сего Янъ Куковъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по пяти еѳимковъ на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Яну Кукову помѣсечно генваря съ первого числа, а откупу съ невоимать по уговору по пяти жъ еѳимковъ на мѣсяцъ[4].... ‖ .... ‖ .... ‖ .

---

1) Всего взято 13 ефимковъ.
2) — — 25 ефимковъ.
3) — — 4 ефимка.
4) — — 40 ефимковъ. — А всего съ 16 дворовъ, отданныхъ на откупъ 1 января 7166 г., получено 239 ефимковъ.

I ѣ.

Каменицы жъ и дворы, которые откупали θевраля съ первого числа помѣсечно жъ (л. 29).

17. — Дворъ райцы *Спирковича* наймовалъ немчинъ Александра на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по четыре еθимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Янку Палчевскому помѣсечно февраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по четыре жъ еθимка на мѣсяцъ [1])... ‖ .... ‖ .... ‖ .

18. — Дворъ *Гросовъ* наймовалъ прежъ сего Янъ Зубрицкой на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по два еθимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Кашпирку Кровцу помѣсечно θевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по два жъ еθимка на мѣсяцъ [2]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

II.

19. — Дворъ *Унеяцкова моностыря* наймовалъ прежъ сего Павелъ Селява на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по *пяти* еθимковъ на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Кондрату Парθенову помѣсечно θевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три еθимка на мѣсяцъ, потому что больши тово нихто не давалъ [3]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

20. — Дворъ *Унеяцкова моностыря* наймовалъ прежъ сего Лукьянъ Селява на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по *пяти* еθимковъ на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Юрькѣ Павлову помѣсечно θевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три еθимка на мѣсяцъ, потому что больши тово нихто не давалъ [4])... ‖ .... ‖ .... ‖ .

III.

21. — Дворъ *Моляровъ* наймовалъ прежъ сего десятникъ Андрѣй Гвоздовской, а платилъ деньги помѣсечно по три алтына по двѣ деньги на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Андрюшкѣ помѣсечно θевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три жъ алтына по двѣ деньги на мѣсяцъ.... ‖ ....

. . . .

И въ іюнѣ жъ мѣсяцѣ онъ Андрюшка исъ тово двора вышелъ вонъ.

Іюля съ первого числа отданъ тотъ дворъ на откупъ Якушкѣ Крацеву помѣсечно жъ, а откупу съ нево имать по уговору по три жъ алтына, по двѣ деньги на мѣсяцъ [5]).... ‖ .... ‖ .

---

1) Всего взято 28 ефимковъ.
2) — — 14 ефимковъ.
3) и 4) — по 21 ефимку съ двора.
5) Всего взято 23 алтына, 2 деньги.

22. — Дворъ князь *Сунгушки* бискума смоленскова (л. 37) наймовалъ прежъ сего резникъ Мурадка на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по ѳоимку на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ вдовѣ Маринѣ Дашкѣевѣ помѣсечно ѳевраля съ перваго числа, а откупу съ неѣ имать по уговору по ѳоимку на мѣсяцъ[1]... ‖ ... ‖ .

IV.

23. — Дворъ, что бывалъ *шпитальной,* наймовалъ прежъ сего Павелъ Цыцеръ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по полутретью ѳоимку на мѣсяцъ въ шпитальну убогимъ на прокормленья; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Павлу помѣсечно ѳевраля съ перваго числа, а откупу съ нево имать по полутретью-жъ ѳоимку на мѣсяцъ[2]).

. . . . ‖ . . .

А на май мѣсяцъ съ тово двора съ нево Пашки Цыцеря не взято потому, что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ; а нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ ‖ .

24. — Дворъ, что бывалъ *шпитальной,* наймовалъ прежъ сего Степанъ Репницкой на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по ѳоимку на мѣсяцъ въ шпитальну убогимъ на прокормленья; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Степану помѣсечно ѳевраля съ перваго числа, а откупу съ нево имать по ѳоимку жъ на мѣсяцъ[3]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

25. — Дворъ, что бывалъ къ *шпитальному кляштору троцкому,* наймовалъ прежъ сего Мартынка Мыдляръ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по полутретью ѳоимку на мѣсяцъ въ шпитальну убогимъ на прокормленья; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ ему жъ Мартыну помѣсечно ѳевраля съ перваго числа, а откупу съ нево имать по уговору по полутретью жъ ѳоимку на мѣсяцъ[4]).

И съ того двора взято съ нево Мартынка на ѳевраль мѣсяцъ полтретья ѳоимка ‖ .

И въ ѳевралѣ жъ мѣсяцѣ онъ Мартынка Мыдляръ исъ тово двора вышелъ вонъ.

А марта съ перваго числа отданъ тотъ дворъ на откупъ Юркѣ Соленику помѣсечно жъ, а откупъ съ нево имать по уговору по два рубли на мѣсяцъ ‖ .

I c.

Дворы, которые отданы на откупъ марта съ перваго числа помѣсечно жъ (л. 43 об.).

26. — Дворъ *Унеяцкова моностыря* наймовалъ прежъ сего Романъ Колганъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по *пяти* ѳоимковъ на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ

[1]) Всего взято 7 ефимковъ.
[2]) — — 7 съ половиною ефимковъ.
[3]) — — 7 ефимковъ.
[4]) — — два съ половиною ефимка и 12 рублей. — А всего съ 9 дворовъ, отданныхъ на откупъ 1 февраля 7166 г., получено 108 ефимковъ и 12 рублей, 23 алтына, 2 деньги.

отданъ на откупъ Андрюшкѣ Поцукѣеву помѣсечно марта съ перваго числа, а откупу съ нево имать по уговору по три еѳимка на мѣсяцъ, потому что больши тово нихто не давалъ ‖ .... ‖ .... ‖ [1]).

I d.

Дворъ, которой отданъ на откупъ апрѣля съ первого числа помѣсечно жъ (л. 45).

27. — Дворъ райцы *Дубовича* (срв. подъ № 16) наймовалъ прежъ сего Ѳилипка Веселовскій на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по два еѳимка на мѣсяцъ, а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ Гришкѣ Морозу помѣсечно апрѣля съ первого числа, а откупу имать по уговору по два жъ еѳимка на мѣсяцъ.... ‖ .... ‖ .... ‖ [2]).

Ie.

Дворъ, которой отданъ на откупъ іюля съ первого числа помѣсечно жъ (л. 46 об.).

28. — Дворъ немчина *Криштопа Коцаря* (срв. подъ № 39) наймовалъ прежъ сего Юрка Павловъ на годъ, а платилъ деньги помѣсечно по *три* еѳимка на мѣсяцъ; а нынѣ тотъ дворъ отданъ на откупъ жиду Илюшкѣ Гронову помѣсечно іюля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по еѳимку на мѣсяцъ, потому что больши тово нихто ‖ не давалъ.... ‖ [3]).

1.

Б. — Дворы, которые отданы вновь на откупъ помѣсечно генваря съ первого числа, а прежъ сего тѣ дворы на откупу не были ‖ [4]).

29 (1). — Дворъ старосты ошменскова *Адама Саковича* отданъ вновь на откупъ помѣсечно генваря съ первого числа Станиславу Левицкому, а откупу съ нево имать по уговору по еѳимку на мѣсяцъ.... ‖ ....

. . . . ‖ .

А на май мѣсяцъ[5]) съ тово двора съ нево Станиславка Левицкова не взято потому, что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ; и нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ ‖ .

---

[1]) Всего взято 18 ефимковъ.

[2]) — — 10 ефимковъ.

[3]) — — 2 ефимка. — И всего съ 28 каменицъ, отдававшихся на откупъ въ 7165 и 7166 гг., взято на январь — августъ 7166 года 377 ефимковъ и 12 рублей, 23 алтына, 2 деньги.

[4]) На верху л. 48 об. справа надписано: „*прибылые дворы*".

[5]) Всего взято 4 ефимка.

2.

Дворы, которые отданы вновь на откупъ помѣсечно ѳевраля съ перваго числа, а прежъ сего тѣ дворы на откупу не были жъ (л. 50 об.).

30. — Дворъ Остаѳья Воловича отданъ вновь на откупъ Яну Зубрицкому помѣсечно февраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по ѳоимку на мѣсяцъ[1).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

31. — Дворъ на Скляной улицѣ *Михаила Бухнера* отданъ на откупъ вновь Янку Цуцернику помѣсечно ѳевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по четыре ѳоимка на мѣсяцъ[2]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

32. — Дворъ того жъ *Михаила Бухнера* отданъ вновь на откупъ помѣсечно ѳевраля съ первого числа жиду Марчьку Яковлеву, а откупу съ нево имать по уговору по ѳоимку на мѣсяцъ[3]).... ‖ .... ‖ .... ‖ .

33 (5). — Дворъ *Симона Чюприновича* отданъ вновь на откупъ помѣсечно ѳевраля съ первого числа Янку Тонкѣеву, а откупу съ нево имать по уговору по два ѳоимка на мѣсяцъ[4]).... ‖ ....

А на іюль мѣсяцъ съ тово двора съ нево Янка Тонкѣева не взя́то потому, что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ; а нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ ‖ пустъ ‖ .

34. — Дворъ *Лоронца* аптекаря отданъ на откупъ Андрюшкѣ Пашкѣеву вновь помѣсечно ѳевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по ѳоимку на мѣсяцъ[5]).... ‖ .... ‖ ....

35. — Дворъ *Яна Коня* отданъ на откупъ Петрушкѣ К(?)отляру вновь помѣсечно ѳевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три ѳоимка на мѣсяцъ[6]) ‖ .... ‖ .... ‖ .

36. — Дворъ *Мозолевской* (срв. подъ № 42) съ крамами отданъ на откупъ Криштопку Мартынову вновь помѣсечно ѳевраля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по три ѳоимка на мѣсяцъ.... ‖ ....

. . . . .

И въ маѣ мѣсяцѣ крамы розвалились; а іюня съ первого числа отданъ тотъ дворъ на откупъ ему же Криштопку вновь помѣсечно жъ, а откупу съ нево имать по уговору по ѳоимку на мѣсяцъ[7]), потому что больши тово нихто не давалъ ‖ .... ‖ .

---

1) Всего взято 7 ефимковъ.
2) — — 28 ефимковъ.
3) — — 7 ефимковъ.
4) — — 10 ефимковъ.
5) — — 7 ефимковъ.
6) — — 21 ефимокъ.
7) — — 15 ефимковъ.

3.

Дворы, которые отданы на откупъ помѣсечно марта съ первого числа, а прежъ сего тѣ дворы на откупу не были.

37. — Дворъ *Скарблова* отданъ на откупъ Ивану Горошкѣ вновь помѣсечно марта съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по еѳимку на мѣсяцъ[1].... ‖ .... ‖ .... ‖ .

38 (10). — Дворъ золотаря *Захарияша* отданъ на откупъ Янку Комысару вновь помѣсечно марта съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по еѳимку на мѣсяцъ[2].... ‖ .... ‖ .

39. — Дворъ немчина *Коцаря* (срв. подъ № 28) отданъ на откупъ Янку золотарю вновь помѣсечно марта съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по золотому польскому на мѣсяцъ[3]... ‖ .... ‖ .

40. — Дворъ *Павловой* цырюлишки отданъ вновь на откупъ помѣсечно Криштопку Саевскому марта съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по еѳимку на мѣсяцъ[4]) ‖ .... ‖ .... ‖ .

41. — Дворъ *Андрѣя Миташа* отданъ вновь на откупъ Микулайку Юшкѣеву помѣсечно марта съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по четыре еѳимка на мѣсяцъ[5].... ‖ .... ‖ ....

4.

42. — Дворъ *шпитальной* Троицы ляцкіе отданъ вновь на откупъ вдовѣ Софьѣ Андрѣевой Мозолевской помѣсечно марта съ первого числа, а откупу съ нее имать по уговору по три еѳимка[6]) на мѣсяцъ ‖ .... ‖ .... ‖ .

43 (15). — Дворъ (л. 68 об.) *шпитальной* на Рудницкой улицѣ отданъ вновь на откупъ Ѳедору Рудкову помѣсечно марта съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по два еѳимка на мѣсяцъ[7].... ‖ ....

А на августъ мѣсяцъ съ тово двора съ нево Ѳетки не взято потому, что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ; а нынѣ въ немъ не живетъ ‖ нихто, стоитъ пустъ ‖ .

5.

Дворы, которые отданы вновь на откупъ помѣсечно апрѣля съ первого числа.

44. — Дворъ *Степана Былинскова* писаря отданъ вновь на откупъ Ѳедору Белмачеву помѣсечно апрѣля съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по два еѳимка на мѣсяцъ[8]) ‖ .... ‖ ....

---

[1]) Всего взято 6 ефимковъ.
[2]) — — 6 ефимковъ.
[3]) — — 6 золотыхъ польскихъ.
[4]) — — 6 ефимковъ.
[5]) — — 24 ефимка.
[6]) — — 18 ефимковъ.
[7]) и [8]) — по 10 ефимковъ съ двора.

6.

Дворъ, которой отданъ вновь на откупъ помѣсечно жъ мая съ первого числа.

45 (17). — Дворъ *Станислава Засунели* отданъ на откупъ Оскѣ Заблоцкому вновь помѣсечно мая || съ первого числа, а откупу съ нево имать по уговору по два ѳоимка на мѣсяцъ[1])....

А на іюль мѣсяцъ съ тово двора съ нево Оски не взято потому, что наймовалъ онъ тотъ дворъ помѣсечно и исъ тово двора вышелъ вонъ || и нынѣ въ немъ не живетъ нихто, стоитъ пустъ || .

Внизу листовъ идетъ припись (скрѣпа) подьячаго Судной избы:

„Къ семъ приходнымъ каменишнымъ книгамъ *своей записки* Судной избы подьячей Мишка Мальцовъ руку приложилъ".

На об. л. 72 проставленъ итогъ: — „по семъ книгамъ денегъ съ каменицъ въ приходѣ[2]) у меня Мишки 560 ефимковъ, (а) денегъ 13 рублевъ 30 алтынъ" — далѣе другими чернилами и рукою написано: — „а деньгами будетъ въ деньгахъ и ефимкахъ 372 рубли 10 алтынъ". —

Документъ въ полдесть на 72 листахъ съ надписями на первомъ ненумерованномъ листѣ: „*Вилна*" болѣе новою и болѣе старою: „7166 году книга приходная о зборѣ зъ дворовъ денегъ ѳоимкамъ по *Каменишнѣ*" („каменишна", очевидно, какъ названіе города вслѣдствіе непонятой „каменица") хранится въ такъ называемыхъ „Разрядныхъ связкахъ" (I, 74) Московскаго архива министерства юстиціи.

---

[1]) Всего взято 4 ѳфимка. — А всего съ 17 прибылыхъ дворовъ на откупу въ 7166 г. взято въ январѣ — августѣ 183 ефимка и 6 золотыхъ польскихъ.

[2]) По моему счету 560 ефимковъ + 6 золотыхъ польскихъ + 12 рублей, 23 алтына, 2 деньги или 298 рублей, 23 алтына, 2 деньги, если принимать ефимокъ за 50 коп., а золотой польскій за рубль.

Акты холмскихъ судовъ XV—XVII вв., въ ихъ указаніяхъ для исторіи и этнографіи русскаго Забужья.

В. М. Плоцанскаго.

Ввиду многочисленнаго съѣзда ученыхъ вовсе не предполагая, что и я удостоюсь чести выступить предъ этимъ блестящимъ собраніемъ съ докладомъ, я не приготовился къ нему раньше; по желанію, однако, и одобренію нѣкоторыхъ почтенныхъ представителей науки, позволяю себѣ теперь сдѣлать первую попытку разбора именно той части собранныхъ въ Вильнѣ матеріаловъ, которая могла (по крайней мѣрѣ мнѣ одному) казаться менѣе извѣстною или болѣе интересною и приводящею насъ къ разъясненію вопросовъ о положеніи и бытѣ данной страны въ данное время. Поэтому покорнѣйше прошу снисходительно отнестись къ недостаткамъ наскоро изготовленной работы.

Самые древніе письменные памятники, хранящіеся въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ, это — акты б. Люблинскаго архива, переведенные сюда въ 1887 г. Изъ этихъ актовъ разныхъ судовъ: гродскихъ, земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ, подпали на первый разъ нашему разбору холмскіе, не только по ихъ древности, но особенно потому, что основанный русскими князьями Холмъ былъ стольнымъ городомъ земли и епархіи, центромъ духовно-религіозной и національно-политической жизни и борьбы въ русскомъ Забужьѣ. Часть этихъ актовъ напечатана въ XIX томѣ Вил. Археогр. Коммиссіи, именно акты, относящіеся къ жизни и дѣятельности Холмскихъ епископовъ и ближайшихъ имъ современниковъ, большая же часть осталась матеріаломъ для будущаго.

Древніе судебные акты нынѣшнихъ губерній Люблинской и Сѣдлецкой, писанные вообще на латинскомъ языкѣ, представятъ намъ возможность рѣшить вопросы, предложенные настоящему Съѣзду учеными: Н. А. Янчукомъ и Н. И. Петровымъ и касающіеся означенія предѣловъ мало- или южнорусской народности въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи, какъ и вопросъ, поставленный И. Малышевскимъ о дворянской фамиліи Солтановъ, изъ которой произошелъ кіевскій митрополитъ начала XVI в. Іосифъ Солтанъ.

Въ изданномъ томѣ Вил. Ком. за 1892 г. мы показали, что жители Холмско-Белзской епархіи, за немногими исключеніями, были русскими, но точно означить

предѣлы русскаго и другого элемента возможно будетъ лишь послѣ тщательнаго пересмотра имѣющихся у насъ книгъ, однѣхъ— XV в., другихъ — XVI в. Самымъ лучшимъ указателемъ для этого служатъ имена лицъ и мѣстностей, не передѣланныя еще на латинскій или польскій ладъ. Тогда еще Иванъ записанъ въ книги Иваномъ, Ивашкой или Ванькой, Θеодоръ — Федоромъ, Хведоромъ, Федькомъ, Хведькомъ или Хвещалемъ, а не Ioannes, Theodorus и проч., какъ это уже замѣчается въ актахъ XVII в. То же можно сказать и объ именахъ мѣстностей. Мы показали дальше, что жители Забужья пользовались тогда русскимъ языкомъ и письмомъ въ частныхъ своихъ сдѣлкахъ и перепискахъ, а лишь оффиціальные судебные акты были списываемы на латинскомъ языкѣ, какъ это было принято на Западѣ, затѣмъ также въ земляхъ и воеводствахъ, входившихъ въ составъ польской „короны“, между которыми была Холмская земля.

Въ актовыхъ книгахъ коронныхъ земель русская азбука стала появляться лишь съ началомъ XVII в., именно на основаніи сеймоваго постановленія 1601 г., гдѣ сказано, что волынцамъ слѣдуетъ выдавать сеймовыя рѣшенія по-русски. Тогда уже записывались въ холмскія книги не переводные документы, а подлинные, какъ: напр. русская запись митрополита Патея (Поцѣя) Григорію Михайловичу въ 1604 г. и русскій актъ новогородскаго суда въ 1606 г. Одинъ документъ (русскій) записанъ латинской азбукой. Такимъ образомъ былъ бы съ нашей стороны рѣшенъ вопросъ, предложенный на обсужденіе настоящаго Съѣзда ученымъ П. А. Гильдебрандтомъ.

О существованіи дворянской фамиліи *Солтановъ,* изъ которой, вѣроятно, произошелъ извѣстный кіевскій митрополитъ, найденъ нами первый слѣдъ въ холмской актовой книгѣ земскаго суда за 1429 г. Римско-кат. епископъ холмскій Іоаннъ имѣлъ тогда какое-то дѣло съ двор. *Солтаномъ* и Шпицей; имъ назначенъ судебный срокъ для явки въ Любомль въ третій день послѣ прибытія короля. Фамилія Солтанъ встрѣчалась нами и въ другихъ актахъ XV в., но такъ какъ мы спеціально не занимались личностію митрополита Солтана, то и родословіе его оставили пока безъ особеннаго вниманія.

Въ предисловіи XIX тома Вил. Ком. была упомянута присяга именемъ св. *Пятницы.* Въ актѣ 1428 г. по дѣлу Пана изъ Грушова (Pan de Hrusthow) съ истцомъ лат. епископомъ Іоанномъ о пропавшей лошади, 6 свидѣтелей*) принесли присягу именемъ Бога, Пресв. Богородицы, всѣхъ Святыхъ и св. Пятницы — по русскому обычаю (more consueto rutenico). Какъ слово *Панъ,* которое надо считать личнымъ именемъ и (по нашему мнѣнію) вовсе не означаетъ „господинъ“ (тогда сказано бы въ актѣ *dominus* или haeres de Hrusthow), такъ и присяга именемъ св. Пятницы являются лишь одинъ разъ въ пересмотрѣнныхъ нами актахъ холмскихъ судовъ по 1642 г.; зато еще въ XVI в. говорится о прясягѣ по русскому обычаю.

---

*) По польскому законодательству XIV и XV в. также слуга, обвиняемый въ кражѣ, напр., лошади, долженъ былъ очистить себя присягой своей и 6-ти свидѣтелей (metseptimus), о побояхъ же и др. преступленіяхъ рѣшала присяга 2-хъ свидѣтелей (съ стороной — mettertius). По дѣлу Филарета съ Угровецкими 1532 г. владыка долженъ былъ присягать съ двумя крылошанами въ церкви, что называлось jurare mettertio. Въ юридическомъ отношеніи наши акты представляютъ много интереснаго матеріала.

Касательно имени „Панъ“ можетъ быть, что оно сокращаемое Θеофанъ или Пантелеймонъ, какъ имя „Зай“ (свидѣтель по этому же дѣлу) произошло отъ Исаія.

Съ 1446 по 1491 г. часто упоминается въ актахъ *Станко* или *Станиславъ* Сосновскій (Stanco alias Stanislaus de Sosnowicka), одинъ изъ сыновей котораго былъ названъ Ивашко и впослѣдствіи какъ епископъ Іона управлялъ холмской епархіей по 1545 г. Епископъ холмскій Герасимъ Бесскій Окушковичъ, по актамъ 1487, 1488 и 1495 гг., имѣлъ сыновей Хведька, Ивашка и Станка или *Станислава*. Подъ 1504 г. упоминаются братья Ивашко и *Станиславъ* Горохи. Изъ этого слѣдуетъ, что славянское имя Станиславъ, равно какъ встрѣчаемыя въ актахъ Верхославъ. Дерславъ, Дрогославъ, Мирославъ, Святославъ, Собѣславъ, Фалиславъ и др., было тогда очень часто въ употребленіи у православныхъ.

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ высказали мы въ предисловіи XIX тома В. К. предположеніе, что монашеское имя Филарета, епископа холмскаго, должно отнести къ свѣтскому его имени „Феликсъ“, которое до и послѣ него часто встрѣчается въ родословіи вотчинниковъ Терновскихъ. Изъ „метрики коронной“ (47, листъ 443) видно, что Филарета звали также Макаріемъ. Очень возможно, что приготовляющійся къ духовному званію въ русской православной церкви обмѣнялъ латинское свое имя Felix на Макарія. Felix значитъ почти тоже что греч. Макаръ (Счастный, Блаженный). Въ холмскихъ актахъ имя Макаръ встрѣтили мы разъ при имени старшаго сына Филарета — Bohdan alias *Makar,* filius wladicae Filareti.

Въ первой половинѣ XV в. встрѣчаемъ часто литовскія имена и фамиліи жившихъ въ холмской области дворянъ. По акту 1428 г., два *жмудина* (duo Samogitae) изъ Негбіи спорили съ Ходкомъ (Θеодоромъ) Лѣщой изъ Лѣщанъ по поводу порчи пограничныхъ знаковъ между сосѣдними ихъ имѣніями. Въ процессѣ 1430 г. о дворянскомъ происхожденіи Ройта являются свидѣтелями бояре*) *Кисгейло* и *Довойко*. Нѣтъ сомнѣнія, что Владиславъ Ягелло поселилъ между не очень надежными для него русскими жителями литовскихъ своихъ сторонниковъ, которые послѣ слились въ одно съ мѣстнымъ народомъ.

Въ 1428 — 1430 гг. находимъ извѣстія о пребываніи короля Владислава Ягелла въ разныхъ мѣстахъ русскаго Забужья для совершенія суда и совѣщаній на съѣздахъ. Такъ, въ актѣ 15 марта 1428 г. читаемъ, что Хода, назыв. Выссало Тризна, получилъ въ присутствіи короля Владислава въ Холмѣ (corom Serenissimo princiре D-no D-no Wladislav D. gr. rege Poloniae) свою наслѣдственную часть отъ Павла Смертки. Въ другой записи отъ 28 іюня того же года значится, что спорящимъ Дмитру и Кохну назначенъ срокъ для явки въ Жуковъ черезъ три дня послѣ прибытія короля. Иной разъ, по дѣлу Угровицкаго съ плебаномъ холмскимъ Выславомъ, была назначена явка сторонъ на судъ короля въ Любомль или другое мѣсто въ повѣтѣ Холмскомъ или Любомльскомъ, гдѣ король послѣ возвращенія изъ Луцкаго съѣзда остановится. Въ холмскомъ судѣ, кромѣ другихъ, были также дѣла великихъ князей литовскихъ Витолда (Witawdus) и Свидригайлы. Въ 1443 г. въ домѣ умнаго Дробиша (in domo

*) Бояре, тіуны, городскіе воеводы часто упоминаются въ актахъ того времени.

prudentis Drobisth — говорится въ актѣ) нѣкіе Тишъ (Тимоѳей) и Захарко, тіуны изъ Бусна, явились въ Холмъ по какому-то дѣлу о лошадяхъ съ литовскимъ княземъ Свидригайлой. Литовецъ Гіевичъ, вѣроятно повѣренный Свидригайлы, не явился, но явились въ срокъ Тишъ и Захарко и уплатили „памятное“ [1]). По всей вѣроятности, Свидригайло взялъ лошадей у истцовъ и не уплатилъ за нихъ.

Польскіе короли и послѣ Ягелла являлись, хотя уже не такъ часто, въ нѣкоторыхъ городахъ для судопроизводства. Судъ производился 26 іюля 1469 г. въ Грубѣшовѣ въ присутствіи короля Казиміра. Іоаннъ Собѣскій, предокъ короля, явился въ 1497 г. предъ судъ короля Іоанна Альберта въ Люблинѣ, и проч.

Въ первой половинѣ XV в. встрѣчаются членами или засѣдателями гродскаго суда въ Холмѣ не только дворяне и духовныя лица обоихъ — православнаго и римскаго — вѣроисповѣданій, но также холмскіе мѣщане. Такъ, напр., по одному акту 1434 г. входили въ составъ суда, кромѣ дворянъ Андрушка Угровецкаго, Овлашка (Іова) Терновскаго и др., также мѣщане холмскіе Юрко и Василь, по другому — мѣщанинъ Холм. Жукъ. Въ 1449 г. еще является засѣдателемъ суда мѣщанинъ Пенко (Петръ).

Въ началѣ XVI в. акты указываютъ намъ на то, что холмскіе мѣщане тогда еще женились на дворянкахъ и дворяне на мѣщанкахъ. Такъ, читаетъ въ одномъ актѣ 1504 г.; „Margaretha alias Marussa, soror germana Nobilium Iwaszko et Stanislai Horochowie, uxor providi Jacko civis de Chelm“. Также положеніе крестьянъ было въ XV в. гораздо лучшее, чѣмъ въ послѣдующее время; они пользовались извѣстною самостоятельностію и большими вольностями.

Кромѣ данныхъ о православныхъ и римско-катол. епископахъ и ихъ духовенствѣ, которыми мы отчасти уже воспользовались и продолжаемъ пользоваться въ интересѣ исторіи русской страны, мы встрѣчаемся въ холмскихъ актахъ съ именами лицъ, не менѣе имѣющихъ для насъ значенія.

Въ актахъ 1432 — 1446 гг. нерѣдко встрѣчается личность *Грицка Кердея* (или Кердеевича), часто упоминаемая историкомъ Длугошемъ и его послѣдователями въ исторіи литовско-русской бырьбы съ Польшею. Грицко, какъ извѣстно, былъ рьянымъ стонникомъ Польши и ея короля; онъ мужественно защищалъ для Польши холмскую область, гдѣ съ успѣхомъ сражался съ вождями отрядовъ в. кн. Свидригайлы — Сенькомъ Романовичемъ подъ Ратной въ 1431 г. и княземъ Пинскимъ Александромъ Носомъ, у котораго въ 1432 г. отнялъ захваченные города Холмъ и Любомль и въ 1433 г. совершенно поразилъ его на голову около Грубѣшова. Вслѣдствіе побѣдъ Кердея Холмская земля окончательно осталась при Польшѣ. Король вознаградилъ вѣрнаго своего слугу, отдавъ ему въ 1432 г. холмское староство, въ 1434 г. львовское каштелянство и затѣмъ въ 1438 г. назначивъ его воеводой Подоліи. По архивному инвентарю краковскаго замка, Грицко получилъ отъ Ягеллы гроды (castra) Холмъ и Любомль на 4 года подъ условіемъ, чтобы чинши въ Холмѣ, Грубѣшовѣ, Красноставѣ и Черманчинѣ остались за королемъ. Въ актахъ холмскихъ находимъ,

---

[1]) Судебная пошлина, которую истецъ уплачивалъ въ началѣ процесса.

что онъ въ 1432 г. дѣйствительно былъ старостой холмскимъ; въ 1434 г. сказано, что Андрушко изъ Гуровска (или Угровска) поручился Львовскому каштеляну и холмскому старостѣ Грицку Кердею за дворянина Федорія Бразича въ уплатѣ 6 копъ грошей черезъ двѣ недѣли. Въ первой половинѣ 1438 г. холмскій актъ величаетъ его еще каштеляномъ и старостой, но уже въ началѣ 1439 г. ему прибавленъ титулъ Подольскаго воеводы. Хотя онъ былъ назначенъ каштеляномъ и воеводой, онъ постоянно пребывалъ въ Холмщинѣ для защиты ея отъ угрожавшихъ непріятелей и лишь временно выѣзжалъ въ Венгрію, гдѣ онъ жилъ при королѣ (1440 и 1443 гг.), какъ это доказываетъ королевская грамота съ его подписью, данная 1443 г. въ Будѣ, въ пользу русскаго духовенства. По указанію холмскаго акта отъ 1446 г. Грицко Кердей былъ на съѣздѣ въ Вославичахъ вмѣстѣ съ владыкой холмскимъ Григоріемъ и др. Дальше уже молчатъ о немъ холмскіе акты, зато разсказываютъ намъ другіе источники, что онъ въ 1448 г. былъ на сеймѣ въ Люблинѣ, въ 1451 г. — на съѣздѣ въ Парчевѣ и умеръ въ 1461 г. Грицко Кердей представляетъ намъ примѣръ русскаго человѣка, который за личныя выгоды и почести пожертвовалъ интересами своего народа и отечества.

Иногда находимъ въ актахъ XVII в. ссылку на факты, совершившіеся въ XV в. и разъясняющіе вопросы, надъ которыми историки холмской земли напрасно ломали себѣ головы. Это можно сказать о времени пожалованія королемъ первому Угровецкому имѣній, изъ которыхъ въ началѣ вышла польза также для холмской православной каѳедры. Чего намъ нельзя было добиться изъ акта 1483 г., отнощагося къ спору Анны Угровецкой, вдовы Андрушка Олехновича, съ Сандомірскимъ каштеляномъ Павломъ Ясенскимъ о владѣніи лугомъ „Княжеболото", гдѣ упоминается о надѣленіи Олехна Дмитровича или Сандимовича Угровскимъ и др. имѣніями безъ означенія, однако, времени, — то найдено нами только въ записяхъ 1627 г., гдѣ говорится, что Олехну Сандимовичу дана королемъ Владиславомъ Ягеллой жалованная грамота во Львовѣ 15 августа (f. 4 p. f. S. Laurentii) 1414 г. Олехно Дмитровичъ или Сандимовичъ былъ, по свидѣтельству Голембьевскаго, однимъ изъ большихъ противниковъ Ягеллы, но послѣ, когда сопротивленіе польскому господству оказалось напраснымъ и русскіе вельможи покорились королю, тогда и Олехно отказался отъ своей оппозиціи и сталъ вѣрно служить королю Польши. Послѣдствіемъ этой службы было надѣленіе его землями, принадлежавшими въ прежнее время владѣтельнымъ князьямъ Руси. Получивъ въ свою собственность обширныя поземельныя имѣнія, Олехно не забылъ своей церкви и ея представителей и сдѣлалъ въ пользу ихъ записи, по указаніямъ Лонгинова, въ 1417 г., которыя — какъ видно изъ нашихъ актовъ — бывали предметомъ спора между потомками Олехна и холмскими владыками. Уже преемникъ одареннаго Харитона епископъ Григорій имѣлъ въ 1446 г. не мало возни съ Андрушкомъ Олехновичемъ и райцами холмскими о владѣніи Бутикскимъ дворищемъ и Жальбиницкой (?) горой. Судебные эти споры кончились благополучно для церкви, такъ какъ епископъ успѣлъ доказать истцамъ, что оспариваемая земля дѣйствительно принадлежитъ каѳедрѣ холмской. Иски къ епископамъ возобновлялись и послѣ.

Въ актахъ XV в. мало говорится о церквахъ города Холма и духовенствѣ: въ 1428 г. священникъ (попъ) Терентій Пятницкой церкви входилъ въ составъ гродскаго суда, въ 1460 г. упоминается холмскій крылошанинъ, повѣренный епископа Григорія; часто же говорится о владыкахъ и ихъ капитулахъ безъ приведенія именъ членовъ капитула, также о каѳедральной или монастырской церкви Пр. Богородицы. Зато очень часто упоминаются въ актахъ XVI и XVII в. церкви гор. Холма: каѳедральная Рождества Пр. Богородицы съ монастыремъ, затѣмъ Успенская, Николаевская, Пятницкая и Рождества Христова съ ихъ священниками и членами капитула. О существованіи втораго монастыря въ гор. Холмѣ нѣтъ слѣда въ актахъ даннаго времени.

XVII в. достаточно нами охарактеризованъ въ прошлогоднемъ изданіи Вил. Ком., поэтому не считаемъ нужнымъ приводить факты, впрочемъ извѣстные нашимъ историкамъ. Во всякомъ случаѣ, акты холмскихъ судовъ XVI в. представляютъ собой богатый кладъ для изслѣдователей юридическихъ отношеній, экономическаго и общественнаго быта страны. Съ XVI в. многое измѣнилось, изъ добраго стараго времени осталось немного. Для другихъ XVI в. былъ вѣкомъ золотымъ, временемъ религіозной реформы и возрожденія ихъ языка и письменности; для насъ онъ былъ началомъ большого гнета, безконечныхъ смутъ и бѣдствій, продолжавшихся съ возростающею силою въ послѣдующее время.

Не желая утомлять ваше вниманіе разсказами о событіяхъ того времени, отличавшагося драками и убійствами, укажемъ на оригинальный одинъ актъ отъ 5 августа 1581 г., найденный нами въ черновой акт. книгѣ Вил. архива № 20114 л. 377. По этому акту, шведскій король Іоаннъ III относится непосредственно къ архіепископамъ и епископамъ греческихъ или восточныхъ церквей въ княжествахъ (ducatibus) Подоліи, Волыни и другихъ земляхъ, подчиненныхъ королевству польскому и вел. княж. литовскому, съ требованіемъ выслать ему, по крайней мѣрѣ, двухъ набожныхъ и ученыхъ епископовъ для большихъ областей, добытыхъ имъ оружіемъ отъ московскаго царя, отъ котораго онъ надѣется еще больше пріобрѣсти въ свою власть (plures adhuc sperantes). Это случилось во время борьбы Іоанна Грознаго съ Польшею и ея союзниками шведами. Послѣдніе отняли тогда у русскихъ города Падисъ (близъ Ревеля) и Везенбергъ, кромѣ того г. Кексгольмъ въ Кареліи. Удовлетворили ли русскіе епископы шведскаго короля, объ этомъ нѣтъ слѣда; но изъ грамоты короля видно, что завоеванные имъ жители исповѣдывали христіанство по греческому закону и нуждались въ епископахъ и священникахъ.

Изъ двухъ уній — политической Люблинской и церковной Брестской — устроенныхъ въ теченіе XVI в., послѣдняя унія 1596 г. принесла Холмской Руси впослѣдствіи много горя, не менѣе какъ и другимъ русскимъ странамъ и, наконецъ, самому государству, потрясенному въ своихъ основаніяхъ.

Время, наступившее непосредственно послѣ Брестскаго собора, было сравнительно мирно; какъ Діонисій Збируйскій (Дмитръ Грицковичъ), такъ и его преемникъ Арсеній Андреевскій лично воздерживались отъ насильственной пропаганды уніи, хотя, какъ видимъ изъ сеймовыхъ постановленій 1609 г., были въ странѣ волненія

и были уже уніаты, которымъ предписано жить въ мирѣ съ православными или неуніатами.

Дѣйствительно смутное время настало для холмской Руси съ уніатскими епископами: Пакостой (1619—1625 гг.), администраторомъ епархіи митрополитомъ Рутскимъ (1626—1630) и Меѳодіемъ Терлецкимъ (1630—1649). Судя по актамъ старосты, королевскіе коммиссары и тогдашніе чиновники неправославнаго вѣроисповѣданія гораздо гуманнѣе и справедливѣе поступали съ православными жителями, державшимися прародительской вѣры, чѣмъ упомянутые нами епископы, которые, воспитанные въ духѣ іезуитизма, вовсе не разбирали средствъ и не слушались даже короля, когда дѣло касалось водворенія уніи и латинизма между искони православными людьми.

Аѳанасій Пакоста, введенный 7 августа 1619 г. въ епископію, дѣйствовалъ всего лишь 6 лѣтъ, но и въ это краткое время онъ успѣлъ много докучить какъ холмскимъ, такъ и красноставкимъ мѣщанамъ, сановникамъ, дворянамъ и даже евреямъ. Уже вскорѣ послѣ поставленія его епископомъ Холма, стало замѣтно волненіе между мѣщанами, слуга епископа былъ убитъ, религіозный миръ 1609 г. нарушенъ и проч. „Ты русскій, а сообщаешься съ ляхами!“ — читаемъ въ одномъ протестѣ холмскихъ мѣщанъ. Ляхами, вѣроятно, называли тогда также уніатовъ. 7 іюля и 5 августа 1620 г. вошли въ судъ жалобы епископа на старосту Стефана Снопковскаго за снисхожденіе его къ мѣщанамъ Красностава, не желавшимъ признавать себя уніатами. Пакоста (равно какъ послѣ Терлецкій), требовалъ съ упорствующихъ не только взысканія громадныхъ денежныхъ суммъ, но также тюремной и смертной казни съ употребленіемъ всевозможныхъ пытокъ; помилованы были лишь тѣ, которые покаялись и приняли унію при соблюденіи разныхъ унизительныхъ церемоній. И это совершалось въ такое время, когда король и его воеводы указывали въ своихъ универсалахъ на грозящую государству опасность отъ турокъ и татаръ и призывали всѣхъ къ отчаянной борьбѣ съ врагами. Всѣ эти универсалы: отъ 11 мая, 25 и 27 іюля, 27 сентября, 11, 13 и 22 октября 1620 г., помѣщены въ актахъ холмскихъ и довольно любопытны по своему содержанію. Въ своемъ универсалѣ отъ 11 октября 1620 г. король съ грустью сообщаетъ жителямъ о страшномъ пораженіи своего войска (7 октября погибъ подъ Цецорой гетманъ Жолковскій). 22 октября того же года кіевскій воевода Замойскій пишетъ изъ Каменки, что султанъ Галга и Скиндеръ-паша переходятъ р. Днѣстръ. Несмотря на отчаянное положеніе государства, Пакоста продолжалъ свое дѣло, якобы пользуясь общей суматохой по поводу приближенія турецко-татарскихъ полчищъ. Тогда-то, кромѣ епископа, надоѣдалъ жителямъ холмскимъ не мало вѣрный слуга его Андрей Петровичъ, который вслѣдствіе многихъ жалобъ жителей и тяжелыхъ обвиненій со стороны городской власти былъ бургграфомъ замка посаженъ въ тюрьму, изъ которой его, однако, насильственно освободилъ владыка вмѣстѣ съ своими приверженцами. Объ этомъ читаемъ въ актѣ 30 марта 1622 г., гдѣ бургграфъ Моравскій называетъ Петровича преступнѣйшимъ человѣкомъ (homo sceleratissimus). Изъ акта 14 мая (Sabb. p. dom. Exaudi) видно, что Петровичъ вовсе не исправился и опять попалъ въ тюрьму, о чемъ бургграфъ доноситъ бурмистру Поликарповичу. Актъ 16 мая 1641 г. показываетъ намъ, что епископъ Терлецкій и

его проповѣдникъ Лициній Намысловскій не лучше поступили съ заключеннымъ въ тюрьмѣ преступникомъ. Тогда жаловался бургграфъ отъ имени холмскаго старосты Еловицкаго, что, кромѣ многихъ преступныхъ дѣйствій уніатскаго епископа, послѣдній заставилъ своего сотрудника Лицинія напасть съ нанятою военною толпою на тюрьму, послѣ взлома замковъ освободить приговореннаго къ смертной казни преступника и на его мѣсто посадить избитаго и связаннаго сторожа башни, Филиппа изъ Рожджалова.

Къ раздраженію умовъ въ то время не мало прибавляло съ своей стороны римско-католич. духовенство, которое вмѣстѣ съ уніатскими епископами проповѣдывало войну православію. Кстати замѣтимъ, что это духовенство не отличалось тогда смиренномудріемъ. Въ актахъ 1609 г., напр., читаемъ о дуэли дворянина Опацкаго съ каноникомъ и плебаномъ изъ Любимля, Каспером̆ъ Мыстковскимъ, объ убійствѣ каноника холмск. Емеловскаго; изъ актовъ 1619 г. узнаемъ о жалобѣ на плебана Мыстковскаго за убійство и проч. Изъ многихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о буйствѣ духовенства того времени, достаточно отмѣтить одинъ, по нашему мнѣнію, менѣе рѣзкій, но все-таки оригинальный. Въ 1629 г. возный Залескій жалуется на Жмудскаго, плебана изъ Свѣржа, за то, что, нанесши ему побои и раны, принудилъ его скушать и проглотить бумагу, доставленную плебану отъ его епископа (literas ab episcopo Remigiano comedere jussit et coactus ministerialis eas deglutivit).

Какъ Пакоста, такъ и ближайшіе его преемники не оставляли безъ вниманія также матеріальные интересы. 14 сентября 1622 г. Пакоста занялъ въ свое владѣніе монастырь Спасскій въ Столпіи, который добровольно (какъ говорится въ актѣ) уступили ему священникъ Ѳедоръ Туличловскій и его сынъ Иванъ. Съ 1621 г. находились въ владѣніи Пакосты также Кулемчичи. Онъ же началъ процессы (которые продолжались и послѣ него) съ гр. Остророгомъ о принадлежавшемъ когда-то холмской каѳедрѣ с. Бутинѣ, затѣмъ съ кіевскимъ воеводой Ѳомой Замойскимъ о Жуковѣ (въ 1623 г.), съ Захаріей Сернымъ о Стрыжовѣ (1624 г.). Его премникъ епископъ Мелешко (или Мелешковичъ), управлявшій епархіей лишь нѣсколько мѣсяцевъ, возбудилъ (въ 1626 г.) искъ къ Липскимъ за захватъ Невѣркова и Перемиволокъ. Какъ намъ извѣстно, епископъ холмскій Филаретъ продалъ въ 1525 г. Вячеславу Замойскому имѣнія Жуковъ и Невѣрковъ съ Перемиволками, въ 1533 же году король Сигизмундъ отнялъ у православной епископіи Чешинъ (только-что обмѣненный у короля за Бутинъ), Стрыжовъ и часть Плаваничъ и передалъ эти имѣнія въ собственность латинскимъ холмскимъ епископамъ, которые Чешинъ задержали за собой, другія же села обмѣняли съ помѣщиками, какъ это видно изъ процессовъ ближайшаго преемника Филарета — епископа Іоны Сосновскаго. Какъ во время Іоны, такъ и теперь не могло быть сомнѣнія на счетъ результата процессовъ, но Пакоста и его преемники вѣроятно расчитывали на свое уніаткое усердіе и продолжали процессы до послѣдней инстанціи. По вопросу о Стрыжовѣ процессъ принялъ болѣе широкіе размѣры. Обжалованный Пакостой двор. Захарія Серный предъявилъ холмскому суду актъ городельскаго суда отъ 1600 г., по которому холмскій ловчій Свинцицкій продалъ свое имѣніе Стрыжовъ и Гусиное дв. Лукѣ Серному, брату Захаріи (его наслѣдника), и Захарія возбудилъ искъ къ Свинцицкому и подстаростѣ,

совершившему актъ продажи. Итакъ одновременно возились епископы съ Серпымъ и его наслѣдниками, а послѣднiе съ Свинцицкими до 1638 г. До того времени тянулись и другiе процессы съ вышеуказаннымъ нами результатомъ.

Холмскiе акты опровергаютъ многiя данныя епископа Я. Суши и митрополита Л. Кишки о Холмскихъ iерархахъ. То, что Суша говоритъ о захватѣ Даниловичемъ двухъ селъ холмской каѳедры и борьбѣ съ нимъ Пакосты, представляется совершенно невѣрнымъ: Даниловичъ былъ арендаторомъ имѣнiя, уплачивалъ исправно два раза въ годъ арендныя деньги и уѣхалъ изъ имѣнiя, когда время аренды кончилось. Ни одной жалобы не было въ судѣ на Даниловича, а напротивъ, мы находимъ въ актахъ квитанцiи епископа о полученiи арендной платы и, наконецъ, актъ о вводѣ епископа въ Бѣлополе и Буско по истеченiи арендлаго срока. Не такъ представляется и дѣло митрополита Рутскаго съ архимандритомъ Никодимомъ Шибинскимъ изъ Жидичинскаго монастыря, какъ это описываетъ Кишка. По рукописи Кишки, Рутскiй будто-бы обѣщалъ жидичинскому архимандриту возвести его въ санъ холмскаго епископа (по смерти епископа Пакосты въ 1625 г.), если онъ съ своей стороны устроитъ дѣло съ Ѳеодоромъ Мелешкой, получившимъ уже грамоту на епископа. Между тѣмъ, по нашимъ актамъ, митрополитъ жаловался 11 сентября 1625 г. на архимандрита Шибинскаго за самовольное пользованiе доходами архимандрiи, а лишь 28 того же мѣсяца и года Мелешко былъ корол. грамотою назначенъ епископомъ холмскимъ. Отношенiя митрополита къ архимандриту не улучшились и послѣ назначенiя Мелешки, какъ это видно изъ возобновленнаго имъ судебнаго иска отъ 9 iюня 1626 г. по тому же поводу. Рутскiй, повидимому, старался склонить архимандрита къ разсчетамъ съ нимъ, но такъ какъ Шибинскiй дѣлиться доходами своими не пожелалъ, то искъ былъ возобновленъ.

Мелешковичъ вскорѣ скончался, и митр. Рутскiй завѣдовалъ дѣлами епархiи холмской до 1630 г. Уже въ началѣ 1627 г. Воронецкая жалуется на администратора епархiи за нарушенiе религiознаго мира 1609 г. Рутскiй подалъ жалобу въ судъ на Белзскихъ мѣщанъ за то, что они въ iюнѣ мѣсяцѣ 1626 г. призвали къ себѣ православнаго епископа Паисiя для рукоположенiя священниковъ и собранiя синода, который дѣйствительно происходилъ въ г. Белзѣ и кончился въ Городыскомъ монастырѣ.

Больше всѣхъ унiатскихъ епископовъ въ Холмѣ отличался Меѳодiй Терлецкiй своимъ фанатизмомъ и пренебреженiемъ всякихъ законовъ. Желая оправдать довѣрiе римскаго папы Урбана VIII, произнесшаго къ нему памятныя слова: „O, mei Rutheni, per vos ego Orientem spero convertendum!“ — Меѳодiй, кромѣ папы, не признавалъ никакого другаго авторитета въ своемъ отечествѣ. Отъ старосты начиная, не было почти никого въ Холмщинѣ, кто не жаловался бы на его поступки. Кромѣ гоненiя православныхъ, его обвиняли въ разныхъ буйствахъ, захватахъ чужой собственности и др. простыхъ преступленiяхъ. Уже въ самомъ началѣ 1631 г. епископъ Меѳодiй медлилъ съ выдачею подлежащимъ лицамъ гродскихъ судебныхъ актовъ, переданныхъ на храненiе въ каѳедральную церковь 20 iюля 1630 г., когда по поводу страшной моровой язвы въ Холмѣ прекращены были всякiя судебныя дѣйствiя. Меѳодiй извинялъ себя послѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что явившiеся у него за книгами были ему

незнакомы и что они явились у него предъ закатомъ солнца. Въ 1632 г. обнаружилась уже подпольная работа новаго владыки въ наущенiи унiатовъ противъ православныхъ, затѣмъ противъ евреевъ. Король Владиславъ IV обѣщалъ на своей коронацiи защищать права православныхъ и оказать справедливость притѣсняемымъ. На основанiи королевскаго рескрипта, православный митрополитъ кiевскiй Могила желалъ привести въ порядокъ дѣла своей церкви. 11 мая 1633 г. епископъ Меѳодiй Терлецкiй внесъ протестъ отъ своего и прочихъ унiатскихъ епископовъ имени, гдѣ, отзываясь съ презрѣнiемъ о королевскомъ рескриптѣ и письмѣ митрополита, говоритъ, что такiя письма не должны были являться въ свѣтъ безъ разрѣшенiя епископовъ, тѣмъ болѣе, что и pontifex romanus (т.-е. папа) на нихъ не согласился. Въ ономъ письмѣ, говоритъ Меѳодiй, имѣютъ быть названы церкви, которыя должны перейти въ руки православныхъ, вслѣдствiе чего потеряла бы хвала Божiя!

Въ жалобахъ своихъ на митрополита Могилу, какъ и на другихъ святителей православной церкви, которые, по его мнѣнiю, осмѣливались вмѣшиваться въ дѣла паствы въ Холмщинѣ, Меѳодiй систематически отказывалъ имъ въ занимаемомъ ими достоинствѣ. Митрополита Могилу онъ признавалъ лишь архимандритомъ, перемышльскаго же епископа Гулевича онъ не называлъ иначе, какъ писаремъ Луцкой земли, чѣмъ онъ былъ раньше.

7 iюля 1635 г. монахи Гаврiилъ и Гедеонъ жаловались отъ имени митрополита Могилы на Меѳодiя за то, что онъ въ присутствiи корол. комиссаровъ не допустилъ унiатовъ къ миру съ православными. Изъ жалобы православныхъ холмскихъ мѣщанъ и корол. позва отъ 31 марта 1636 г. видимъ, что несмотря на коммиссарскiй декретъ, присудившiй и передавшiй православнымъ одну изъ 4-хъ церквей — Успенскую, Меѳодiй собралъ свою, ко всему готовую, вооруженную чернь, напалъ съ нею на церковь, разбилъ замки и отнялъ святыню въ свое управленiе. Королевскiй позывъ упоминаетъ о многихъ раненыхъ православныхъ и полагаетъ за неуваженiе епископомъ коммиссарскаго суда, насилiя и побои 10000 зол. штрафа. Меѳодiй не только не уплатилъ этой суммы, а, напротивъ, подавалъ королю жалобу на его коммиссаровъ и настойчиво требовалъ отъ шляхты и мѣщанъ за сопротивленiе его буйствамъ большаго вознагражденiя. Князь Владиславъ Островскiй-Заславскiй отдѣлался отъ претензiй Меѳодiя лишь надѣленiемъ его въ 1639 г. Дерманскою архимандрiею. До того времени Меѳодiй постоянно безпокоилъ князей Заславскихъ и князя Вишневецкаго за то, что въ ихъ имѣнiяхъ Машовѣ и др. жители съ священниками сопротивлялись захвату ихъ церквей въ унiю и не были за то строго наказаны землевладѣльцами. Управляющiй имѣнiями князя Вишневецкаго Андрей Старчановскiй долженъ былъ просидѣть въ тюрьмѣ за сочувстiе машовскимъ людямъ въ 1634 г. Въ 1637 г. являются жалобы Меѳодiя на городскiя управы за непроизводство суда надъ упорствующими православными мѣщанами въ Парчевѣ, Островѣ и Дембнѣ, также на городскую управу въ Холмѣ за неосужденiе мѣщанъ за помѣщенную ими въ луцкихъ гродскихъ книгахъ 1636 г. клевету на епископа холмскаго. Что это не была „клевета“, а настоящая правда, объ этомъ говорить излишне. Въ 1640 г. Меѳодiй жалуется на тышовецкихъ мѣщанъ, которые забрали изъ церкви вещи, пожертвованные ими въ разное

время до захвата церкви уніатскимъ епископомъ. Съ жалобами епископа соединялись въ судахъ жалобы приверженныхъ ему священниковъ на жителей городовъ и селъ, какъ, напр., жалобы священниковъ изъ Красностава, Грубѣшова, Коснища и проч. на жителей за оскорбленіе уніи, устраненіе священниковъ изъ своихъ церквей и проч.

Въ преслѣдованіи православнаго населенія не мало содѣйствовалъ Терлецкому суфраганъ римско-кат. епископа холмскаго — епископъ Цитрійскій и плебанъ изъ Грубѣшова — Авраамъ Сладковскій вмѣстѣ съ духовенствомъ рим. исповѣданія, какъ выше сказано.

Въ тоже время волновалъ жителей и священниковъ холмской епархіи вопросъ о взносѣ десятины (decima manipularis), которой римско-католич. епископы и ихъ плебаны требовали не только отъ православныхъ, но также отъ принявшихъ унію. Съ 1617 г., въ которомъ, по нашимъ актамъ, въ первый разъ рим.-кат. каноники холмскіе и красноставскіе заявили о своихъ претензіяхъ къ православнымъ мѣщанамъ на десятину съ ихъ имуществъ, многіе акты написаны по этому вопросу. Холмскіе и другіе мѣщане и крестьяне селъ, также многіе православные и уніатскіе священники защищались, какъ могли, отъ уплаты небывшей прежде десятины, но всѣ старанія ихъ оказались напрасными. Самъ Терлецкій вносилъ жалобы въ судъ на плебановъ и только за вторичною поѣздкою въ Римъ успѣлъ добиться отъ папы воспрещенія римскому духовенству требовать десятины отъ уніатовъ.

Отъ православныхъ требовалось, кромѣ того, содѣйствіе ихъ при строеніи рим.-кат. церквей. Изъ люстраціи м. Дубна (или Дембна), списанной Альбертомъ Боболя въ 1617 г. и помѣщенной въ холм. актахъ, видно, что въ Дубнѣ, преобразованномъ въ 1588 г. изъ села въ мѣстечко, строился костелъ при содѣйствіи *всѣхъ* мѣщанъ, т.-е. безъ различія вѣроисповѣданія.

Тогда находимъ также многія жалобы жителей, духовенства и шляхты на нападенія, наѣзды, побои, грабежи и убійства, производимыя въ Холмской землѣ праздношатающимися военными людьми. Эти жалобы являются въ большихъ размѣрахъ съ 1622 г. на извѣстныхъ въ исторіи Польши *Лѣсовщиковъ*.

Въ книгахъ холмскихъ 1639 г. находимъ актъ объ учрежденіи Меѳодіемъ Терлецкимъ т. наз. гимназіи при холмскомъ монастырѣ или каѳедральной церкви Рождества Пр. Богородицы, къ чему онъ добавилъ съ своей стороны немного епископской „столовой земли". Король утвердилъ эту школу 7 іюля 1640 г. Школа, какъ видно изъ актовъ, хорошо уже была организована въ 1641 г., такъ какъ тогда уже представлялось въ судъ множество жалобъ со стороны евреевъ, которымъ студенты наносили побои и дѣлали разныя пакости: разъ подъ руководствомъ латинскаго плебана изъ Павлова, другой — подъ начальствомъ ректора школы Я. Суши, впослѣдствіи епископа. Суша и его студенты утверждали, что имѣли право поколотить евреевъ, такъ какъ послѣдніе относились съ пренебреженіемъ къ недавно отпразднованной рим.-кат. Пасхѣ. Епископъ не только одобрилъ буйство учениковъ, но требовалъ, сверхъ того, наказанія евреевъ и жаловался на городскую управу въ Холмѣ, что она не совершила суда надъ ними.

Есть, правда, и въ холмскихъ книгахъ шуточныя записи, на какія указываетъ авторъ предисловія къ изданію перваго тома документовъ, хранящихся въ Львовскомъ архивѣ; но каждый понимающій языкъ актовъ успѣетъ вскорѣ различить шуточный документъ отъ серьезнаго. Своеволье Холмскихъ судебныхъ писарей проявляется въ немногихъ актахъ XVI и XVII в. Въ одномъ актѣ XVI в., какъ мы показали въ прошлогоднемъ изданіи, заглавіе гласитъ: Evasio władiki alias Hospody pomiłuj. Зато побольше и полныхъ шуточныхъ документовъ нашлось между 1625—1631 гг., именно: 2 въ 1625 г., 3 въ 1627 г., 1 въ 1628 и рядомъ 3 въ 1631 г. — съ такими заглавіями и соотвѣтствующими содержаніями: Niewidalski Niesłychalskiemu debet; Chwedko Niedzialski de Niedziałosis obligat strenuo viro Steckoni Zebyzapisalskiemu de Zebysięzapisało; Niedopytanowski per Nigdyniebywalski quietatur; Cham Lakowskiemu debet pro festo Purim, in quo Judaei insanire solent и проч. Дальше уже подобныхъ шутокъ не находимъ, такъ какъ вѣроятно писарямъ воспрещено дѣлать эти безобразія; впрочемъ, послѣдовали многія весьма серьезныя дѣла, съ которыми шутить уже нельзя было.

О значеніи древнихъ актовъ для исторіи страны разногласія быть не можетъ; особенно важными надо считать судебные записи, которыя вовсе не должны заключать въ себѣ невѣрныхъ указаній, напр., на счетъ дѣйствующихъ лицъ, мѣстностей, временныхъ и другихъ обстоятельствъ и предметовъ, не стоящихъ въ связи съ матеріальною убылью или прибылью и уголовными преступленіями, при которыхъ одна сторона обычно преувеличиваетъ факты, другая — уменьшаетъ. Будь у насъ письменные памятники изъ болѣе древнихъ временъ на лицо, нашимъ ученымъ не пришлось бы ссылаться иногда на данныя и мнѣнія иностранныхъ писателей, разсуждающихъ даже о происхожденіи Руси, которые посѣтивъ нашу землю, докладывали своимъ читателямъ и слушателямъ о томъ, что на Руси существуютъ двѣ породы лошадей, изъ которыхъ одна называется „hejta“, а другая—„wista“*).

*) Въ Галицкой Руси мужики, правя лошадьми, указываютъ послѣднимъ направленіе словами: «гейта» или «гетьта» и «висьта» (направо, налѣво). Одинъ нѣмецъ, не понявъ значенія команды, принялъ ее за названіе особыхъ породъ лошадей.

Курганы на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи.

Ѳ. В. Покровскаго.

Въ видахъ подготовленія къ IX Археологическому Съѣзду лѣтомъ 1893 года были предприняты раскопки кургановъ Виленской губерніи. Съ цѣлію систематическаго изслѣдованія губерніи въ археологическомъ отношеніи сначала предполагалось обслѣдованіе заключенной между Дисною и Западною Двиною части Дисненскаго уѣзда, какъ района, обозначеннаго опредѣленно выраженными физическими границами; но обнаруженное въ самомъ началѣ изслѣдованія совпаденіе съ западною частію упомянутаго пространства границы двухъ курганныхъ типовъ заставило измѣнить первоначальное намѣреніе и продолжать изслѣдованіе по направленію этой границы. Помѣщаемое ниже описаніе кургановъ и представляетъ изслѣдованіе семи курганныхъ группъ, расположенныхъ на упомянутой границѣ двухъ погребальныхъ типовъ. Восьмая — швейцарская группа стоитъ совершенно особнякомъ, и описаніе ея есть результатъ самостоятельной случайной археологической поѣздки.

I.

Загорскіе курганы.

Имѣніе Загорье — Виленской губерніи, Дисненскаго уѣзда. Курганы въ имѣніи расположены на сѣверномъ (ближе къ востоку) берегу большого озера Укли, въ западномъ краю Перебродскаго сосноваго лѣса, — въ той его части, которая, очевидно, отъ присутствія здѣсь кургановъ, по мѣстному — волотовокъ, и сама носитъ названіе „волотовки". Ровная площадь, на которой расположены курганы, имѣетъ форму близкую къ кругу, съ діаметромъ около 250 шаговъ, и окружена со всѣхъ сторонъ оврагомъ, въ которомъ протекаетъ небольшой ручеекъ и во многихъ мѣстахъ наблюдается ключевая вода. Курганы собрались въ южной, пріозерной, части площади, такъ что самый могильникъ по формѣ приближается къ овалу, съ небольшимъ протяженіемъ съ запада на востокъ. На юго-востокъ отъ могильника, на самомъ берегу озера Укли, поднимается довольно значительная возвышенность, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Тариловки. Со стороны суши возвышенность имѣетъ форму довольно правильнаго сферическаго сегмента, а къ озеру обращена крутымъ обрывомъ. Вершина горы — плоская, круглая площадь, съ которой открывается прекрасный видъ

на озеро. Почва на вершинѣ и склонахъ горы окрашена въ черный цвѣтъ, свидѣтельствующій, очевидно, о присутствіи здѣсь когда-то большого количества углей и вызывающій аналогію Тариловки съ нерѣдкими въ окружающей мѣстности горами, также окрашенными сверху въ черный цвѣтъ и извѣстными въ народѣ подъ именемъ „замковъ“ [1]). О Тариловкѣ, какъ и о другихъ подобныхъ горахъ, въ народѣ ходитъ не мало разныхъ наивныхъ легендъ. Разсказывается, напримѣръ, что внутри горы находится склепъ и въ немъ — драгоцѣнная посуда, оставленная проходившими здѣсь когда-то какими-то войсками, что прежде изъ горы торчала желѣзная штаба (стержень), наружный конецъ которой въ недавнее время былъ отломанъ однимъ кузнецомъ и употребленъ для своихъ надобностей. Подобными разсказами отмѣчены также и нѣкоторыя другія мѣста по берегамъ озера Укли, каковы, напримѣръ, Козинецъ, находящійся въ разстояніи, приблизительно, версты на в. отъ Тариловки, и гора Лыско, лежащая на противоположномъ берегу озера, на ю. отъ Тариловки.

О самыхъ волотовкахъ особенныхъ разсказовъ въ народѣ не существуетъ: по обыкновенному для здѣшнихъ мѣстъ объясненію, волотовки — могилы шведскихъ воиновъ.

Всѣхъ кургановъ насчитывается въ описываемомъ мѣстѣ до 135. Многіе изъ нихъ почти совершенно сравнялись съ землею, а размѣры наибольшаго не превосходятъ 46 шаговъ въ окружности, 14 аршинъ въ поперечникѣ (черезъ верхъ) и 2-хъ аршинъ въ высоту. Нѣкоторые изъ кургановъ, въ незначительномъ впрочемъ, повидимому, количествѣ, испорчены кладоискателями. Научныхъ раскопокъ здѣсь въ прежнее время не производилось.

Подъ нашимъ наблюденіемъ въ разматриваемомъ могильникѣ было раскопано одиннадцать кургановъ, лежавшихъ въ разныхъ сторонахъ могильника, на равныхъ приблизительно одинъ отъ другого разстояніяхъ.

Курганъ № 1.

Окружность 32 шага. Поперечникъ (черезъ верхъ) 4 сажени. Высота (надъ уровнемъ почвы) 1 арш. 10 в. Вокругъ кургана, при его основаніи, пять трехъугольныхъ ямъ на одинаковомъ, приблизительно, одна отъ другой разстояніи. Въ основаніи кургана — слой бѣлаго песку и на немъ замѣтенъ угольный слой. Такой же угольный слой замѣтенъ въ срединѣ курганной насыпи. Почва насыпи — однородный съ сосѣднею почвою желтый песокъ. Въ срединѣ кургана, на бѣлопесочномъ и угольномъ слоѣ — обращенный съ запада (голова) на востокъ — костякъ, длиною въ 2 арш. 8 вершк. Голова въ прямомъ положеніи, руки согнуты въ локтяхъ такъ, что кисти касаются плечъ; ноги протянуты въ прямомъ направленіи.

---

[1]) Одну изъ такихъ горъ, „извѣка называемую замкомъ“, мы имѣли случай наблюдать около дер. Зазоны, Бряславскаго прихода, Ново-Александровскаго у., и есть свѣдѣнія о мѣстонахожденіи такихъ же горъ въ предѣлахъ Антонептскаго и Веселовскаго приходовъ, того же уѣзда, въ районѣ Довгелишской волости, Свенцянскаго уѣзда и т. д.

На локтевыхъ костяхъ правой руки оказался браслетъ (рис. 49), въ формѣ совершенно замкнутаго кольца, съ внѣшнимъ діаметромъ въ 85 mm.

Браслетъ приготовленъ изъ массивной веревчатой (два стержня) бронзы, перевитой такою же бичевкою изъ двухъ тонкихъ проволокъ, и замыкается посредствомъ спиральнаго узла, каковая форма браслета не разъ наблюдалась при прежнихъ раскопкахъ въ Минской и Виленской губерніяхъ и въ другихъ мѣстахъ[1]). На одномъ изъ пальцевъ той же руки находилось оловяное или свинцовое кольцо (рис. 50), изъ круглой, съ утолщеніемъ посрединѣ, проволоки, и здѣсь же — обломокъ бронзовой орнаментной спирали, (съ шерстянымъ шнуркомъ внутри) съ 4-миллиметровымъ діаметромъ спиральнаго оборота; обломокъ этотъ, по аналогіи съ подобными ему предметами)[2], могъ также быть частью кольца-перстня. На лѣвой рукѣ было два брон-

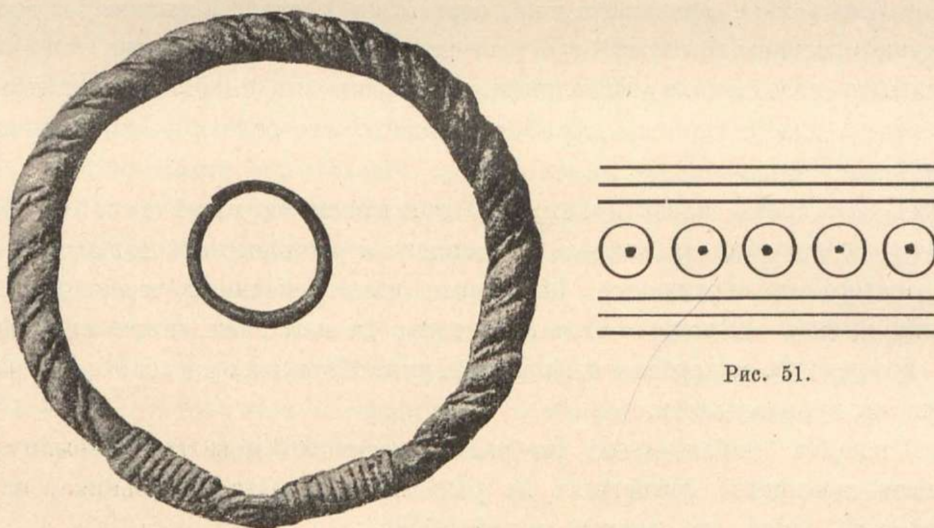

Рис. 51.

Рис. 49, 50.

зовыхъ, однородныхъ по формѣ съ указаннымъ выше, браслета, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что они менѣе массивны, и на одномъ изъ нихъ нѣтъ перевивки. На одномъ изъ пальцевъ лѣвой руки находилось неспаянное колечко изъ тонкой бронзовой проволоки и около него найденъ обломокъ спирали, однородной съ упомянутою выше. На груди, близъ шеи, находилось спаянное, вполнѣ правильной формы, колечко изъ круглой массивной бронзовой проволоки и съ діаметромъ въ 30 mm. (совершенно тождественныя съ нимъ кольца въ могилахъ радимичей, раскопанныхъ В. Б. Антоновичемъ, всегда встрѣчаются ниже пояса). Около пояса, въ срединѣ разстоянія между локтями, найдена была бронзовая лировидная пряжка, величиною въ 28×21 mm., и недалеко отсюда, слѣва отъ тазовыхъ костей, — обломки окислившагося до неузнаваемости желѣзнаго предмета. Около правой ступни скелета стоялъ пустой глиняный горшокъ. По своей формѣ, горшокъ однороденъ съ употребляемыми теперь. Высота его — 103 mm., діаметръ дна — 78 mm., внутренній діаметръ шейки — 98 mm.; приготовленъ на гончарномъ кружкѣ и украшенъ по брюшку рядомъ колечекъ (рис. 51)

[1]) Указаніе мѣстъ находки подобныхъ браслетъ см. Ѳ. Покровскій. — Виленскій музей древностей, 1892 г. Табл. 17, № 7—8.

[2]) Pamiętnik Fizyjograficzny, 1888. Tom VIII, Dz. IV, str. 17, Tabl. V, 15.

и горизонтальными чертами. На пространствѣ двухъ третей сверху, внутри и снаружи, горшокъ покрытъ чернымъ смолистымъ налетомъ. Близъ черепа скелета, по направленію на ю.-з., находилась въ вертикальномъ положеніи угольная жила, сливающаяся своими концами съ упомянутыми выше угольными пластами курганной насыпи.

Курганъ № 2.

Окружность — 28 шаговъ. Поперечникъ (черезъ верхъ) 3 саж. 10 вершк. Высота 1 арш. 8 вершк. При основаніи кургана — три небольшихъ ямы въ равномъ между собой разстояніи.

Костякъ лежалъ на слоѣ бѣлаго песку съ угольнымъ вкрапленіемъ, голова на западъ, лицо — на сѣверъ, руки въ такомъ же положеніи, какъ и въ курганѣ № 1; длина костяка 2 арш. 5 вершк. На одномъ изъ пальцевъ правой и лѣвой руки находилось по одному, небрежной работы, кольцу изъ круглой бронзовой проволоки. Близъ правой ступни — глиняный пустой горшокъ, такой же величины и формы, какъ и въ первомъ курганѣ, но безъ орнаментовъ.

Курганъ № 3.

Окружность — 38 шаговъ. Поперечникъ (черезъ вершину) 13 арш. 4 в. Высота 1 арш. 10 вершк. Кругомъ кургана — ровъ, съ перерывами (всходами) съ восточной, западной и сѣверо-западн. сторонъ. Въ самой срединѣ кургана, на почвѣ, — крупные, еловые угли и здѣсь же, въ направленіи къ ю.-з., кучка пережженыхъ человѣческихъ костей, среди которыхъ преобладаютъ части черепа. Рядомъ съ костями — желѣзный, перержавѣвшій топоръ (рис. 52), высотою въ 140 mm. и длиною (по лезвею) 100 mm. Близъ восточной и сѣверо-вост. периферій кургана найдены были 2 орнаментованныхъ прямыми линіями обломка глинянаго гончарнаго горшка.

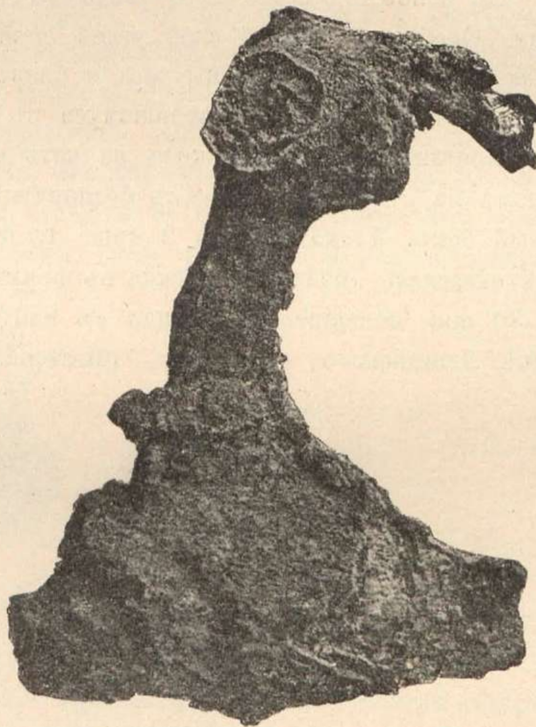

Рис. 52.

Курганъ № 4.

Окружность — 24 шага. Поперечникъ (черезъ верхъ) 7 арш. 12 вершк. Высота 1 арш. Вокругъ кургана — четыре ямы: съ сѣверной, восточной, южной и западной сторонъ. Въ срединѣ кургана, на почвѣ — костякъ, головою на западъ, лицомъ

на сѣверъ; длина костяка 2 арш. 8 вершк. Близъ ногъ такой же, какъ и въ предыдущихъ курганахъ, глиняный гончарный горшокъ; высота его 110 mm., діаметръ дна — 70 mm., внутренній діаметръ шейки 100 mm.; по краю отвала — желобокъ; на днѣ замѣтны слѣды попытки поставить здѣсь клеймо.

Курганъ № 5.

Окружность 26 шаговъ. Поперечникъ (черезъ верхъ) 8 арш. 12 в. Высота около 1 арш. Рвовъ вокругъ кургана не замѣтно. На вершинѣ кургана — углубленіе: кажется, результатъ давнишней порчи кургана, вслѣдствіе чего, очевидно, и костякъ оказался въ поврежденномъ видѣ: подъ курганной насыпью, на почвѣ, найдены только нижняя челюсть и берцовыя кости. Въ ногахъ оказался глиняный гончарный горшокъ, отличающійся отъ предыдущихъ тѣмъ, что края его отвала обнаруживаютъ тенденцію загиба внутрь. Высота горшка 117 mm, діаметръ дна — 78 mm, внутренній діаметръ шейки 98 mm.

Курганъ № 6.

Окружность 46 шаговъ. Поперечникъ (черезъ вершину) 14 арш. Высота 2 арш. Вокругъ кургана — ровъ, съ перерывами (всходами) съ восточной и юго-западной сторонъ. На вершинѣ кургана — небольшое конусообразное углубленіе.

Въ основаніи курга на — угольный слой, и угольныя вкрапленія — въ самой насыпи. Особенно толстый слой углей обнаруженъ былъ подъ ногами (ступнями) костяка, а съ правой стороны таза и близъ сѣверо-восточной периферіи кургана оказалось по обгорѣлому (обратившемуся въ угли) полѣну.

Костякъ лежалъ вершковъ на пять выше угольнаго слоя, головою на западъ, лицомъ на сѣверъ; руки — въ безпорядкѣ: какъ будто умершій положенъ былъ на лѣвый бокъ. Длина костяка 2 арш. 10 вершковъ. На черепѣ — слѣды огня. Близъ шеи оказалась бронзовая пряжка въ формѣ зубчатаго колеса (рис. 53), съ діаметромъ въ 30 mm, совершенно сходная съ найденною на томъ же мѣстѣ при III, 62 костякѣ Люцинскаго могильника. (Матеріалы по археологіи Россіи, № 14, т. VI, 3).

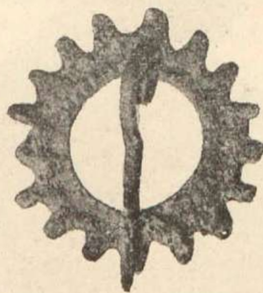

Рис. 53.

Рис. 54.

Здѣсь же найдена бронзовая 6—миллиметровая спиралька изъ трехгранной проволоки въ 12 оборотовъ. Около пояса — лировидная бронзовая пряжка, (рис. 54) въ 30×26 mm,

обломки листовой бронзы, на одномъ изъ которыхъ отчетливо замѣтна пукленая арабеска въ формѣ буквы *X*, лоскутокъ кожи, обметанный съ одного края ремешкомъ, и кусокъ истлѣвшей шерстяной матеріи. Все это, очевидно, остатки бывшаго на покойникѣ пояса. Около пояса также, съ лѣвой стороны костяка, лежали: кресало, перержавѣвшій желѣзный ножикъ, длиною около 120 mm, съ прилипшими къ нему слоями дерева, и куски желѣза съ такими же древесными слоями, очевидно, служившіе обоймицей для ноженъ упомянутаго сейчасъ ножа. Близъ правой берцовой кости, параллельно послѣдней, помѣщался желѣзный наконечникъ копья.

Узкій, въ поперечномъ разрѣзѣ ромбоидальный, клинокъ имѣетъ длину 180 mm, а длина втулки 160 mm; на нѣкоторыхъ мѣстахъ втулки замѣтны оттиски, а можетъ-быть окаменѣлые остатки, грубой ткани. Близъ лѣвой ступни покойника стоялъ глиняный гончарный горшокъ; высота его 112 mm, діаметръ дна 75 mm, внутренній діаметръ шейки 97 mm. По брюшку и по краямъ отвала — рядъ концентрическихъ линій. На днѣ горшка плоское рельефное кольцо, внутренній діаметръ котораго равняется 25 mm, а внѣшній 50 mm.

Курганъ № 7.

Окружность 26 шаговъ. Поперечникъ (черезъ верхъ) 6 арш. 10 вершк. Высота надъ почвой 14 вершковъ. При основаніи кургана небольшія ямки съ сѣверной, восточной, южной и западной сторонъ. На верху кургана небольшое углубленіе. Курганная насыпь безъ угольной подкладки и только въ западной сторонѣ кургана, на почвѣ, обнаружено рѣзкое угольное пятно, около котораго, по направленію къ центру кургана, стоялъ глиняный, лѣпной работы, горшочекъ, высотою въ 80 mm и съ діаметромъ дна въ 74 mm и отверстія въ 78 mm. Въ самомъ центрѣ кургана, на почвѣ оказались: позвонокъ и часть человѣческой челюсти съ зубами (не жженые), четыре бронзовыхъ бубенчика, нѣсколько стеклянныхъ бусъ, (рис. 55) и два небольшихъ

Рис. 55.

обломка перержавѣвшаго желѣза. Всѣ четыре бубенчика одинаковой величины — около 16 mm въ діаметрѣ, и лепестки ихъ орнаментированы прямыми нарѣзными линіями. Внутри каждаго бубенчика до сихъ поръ сохраняется по шарику — звонку, и черезъ ушко трехъ бубенчиковъ продѣто по небольшому бронзовому заводному колечку. — Изъ бусъ, три — изъ прозрачнаго стекла и имѣютъ форму двухъ соединенныхъ основаніями конусовъ, съ діаметромъ основанія въ 14 mm, одинъ экземпляръ — въ формѣ

сплюснутаго шарика — изъ непрозрачной стекловидной массы, остальныя семь бусъ изъ зеленаго, разныхъ оттѣпковъ, стекла, и имѣютъ звѣздообразную форму; средній діаметръ ихъ около 12 mm.

Курганъ № 8.

Окружность 36 шаговъ. Форма кургана — овальная, съ продольною, (съ с.-в. на ю.-з.), осью въ 4 саж. и съ поперечною въ 3 саж. Но овальная форма едва-ли не результатъ позднѣйшей порчи кургана: въ срединѣ его до сихъ поръ наблюдается довольно значительныхъ размѣровъ овальная яма, вынутая изъ которой земля, будучи разбросана по двумъ противоположнымъ направленіямъ — на с.-в. и ю.-з., могла измѣнить первоначальную — круглую форму кургана.

Вокругъ кургана — шесть ямъ: по одной съ продольныхъ сторонъ и по двѣ съ поперечныхъ, что опять-таки подтверждаетъ предположеніе о порчѣ кургана: по двѣ ямы при поперечныхъ сторонахъ, могло образоваться изъ одного рва, послѣ засыпки средины его вынутою изъ средины кургана землею.

Высота краевъ центральной ямы надъ почвой 1 арш. 11 вершк.

На почвѣ, подъ курганной насыпью, найдены были въ безпорядкѣ человѣческія кости.

Курганъ № 9.

Окружность 25 шаговъ. Поперечникъ (черезъ верхъ) 2 саж. 10 в. Высота около 12 вершк. Углубленій при основаніи кургана не замѣтно, но въ срединѣ кургана есть небольшая яма, — результатъ, очевидно, позднѣйшей порчи кургана, что подтверждается также и тѣмъ, что вмѣсто цѣльнаго костяка въ курганѣ оказались только однѣ нижнія челюсти и нѣсколько человѣческихъ костей въ безпорядкѣ. На почвѣ, въ основаніи кургана, обнаруженъ довольно толстый слой бѣлаго песку и на немъ угольный слой.

Курганъ № 10.

Окружность 24 шага. Поперечникъ (черезъ верхъ) 2 саж. 8 вершк. Высота около 10—12 вершковъ. При основаніи кургана четыре небольшихъ ямы съ сѣверной, восточной, южной и западной сторонъ.

На почвѣ — толстый слой бѣлаго песку съ углями, на который, очевидно, и былъ положенъ умершій; но въ моментъ раскопки обнаруженъ былъ только одинъ черепъ, лежавшій въ прямомъ положеніи, и часть лѣвой руки, свидѣтельствующая о томъ же положеніи рукъ, какъ въ курганѣ № 1. Остальныя кости истлѣли, вѣроятно, вслѣдствіе присутствія на курганѣ трехъ толстыхъ сосновыхъ пней. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны были находиться ноги, толстый угольный пластъ. Близъ мѣста праваго плеча найдена маленькая бронзовая пряжка — сакста, въ 23 mm въ поперечникъ, съ завитками на концахъ. На локтевыхъ костяхъ лѣвой руки оказался бронзовый веревчатый (изъ двухъ толстыхъ проволокъ) браслетъ, съ острыми не-

замкнутыми, концами. Діаметръ браслета 64 mm. Около мѣста тазовыхъ костей найдена часть лѣпнаго глинянаго горшка, вышиною въ 80 mm и около 90 mm въ поперечникѣ отверстія.

Курганъ № 11.

Окружность 32 шага. Поперечникъ (черезъ вершину) 3 саж. Въ основаніи кургана, на почвѣ, довольно толстый пластъ бѣлаго песку съ не густымъ угольнымъ вкрапленіемъ. На песочномъ пластѣ костякъ, обращенный головою на западъ. Черепъ заполненъ корнемъ росшей на курганѣ сосны и обращенъ лицомъ на югъ. Длина костяка 2 арш. 7 вершковъ. Локтевыя кости истлѣли, но судя по мѣстоположенію пальцевыхъ костей и находившагося на одной изъ нихъ перстня, руки были протянуты вдоль корпуса. Близъ оконечностей ногъ — два обуглившихся полѣна, идущія отсюда по направленію къ периферіи. Упомянутый перстень приготовленъ изъ весьма тонкой бронзовой проволоки и при томъ такъ, что изъ проволоки сначала свиты три веревочки и изъ нихъ уже сплетенъ (какъ въ женскихъ косахъ) самый перстень.

Общія замѣчанія.

Всѣ курганы въ им. Загорье производятъ впечатлѣніе незначительныхъ насыпей, въ формѣ сферическаго сегмента. На основаніи измѣреній раскопанныхъ кургановъ, средняя высота ихъ равняется приблизительно 1 арш. 4 в., периметръ 30 съ небольшимъ шагамъ и поперечникъ равенъ $9^1/_2$ аршинамъ, но и эти размѣры должны быть нѣсколько уменьшены въ виду того, что большинство раскопанныхъ кургановъ принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ.

Насыпь кургановъ состоитъ изъ почвы, которая обыкновенно бралась близъ самаго кургана, о чемъ свидѣтельствуютъ наблюдаемые до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, при большихъ курганахъ, то кольцеобразные съ перерывами рвы, то, идущія по направленію курганныхъ периметровъ, ямы. Какъ промежутки между ямами, такъ и перерывы рвовъ, такъ называемые всходы, постоянной оріентировки не обнаруживаютъ и поэтому придавать имъ какое-либо религіозно-символическое значеніе едва ли возможно.

Преобладающій ритуалъ погребенія — обыкновенное погребеніе на грунтѣ, и только въ двухъ случаяхъ, судя по отсутствію въ курганахъ цѣльныхъ костяковъ, можно предполагать трупосожженіе. На основаніи добытыхъ данныхъ возможно отчасти возстановить нѣкоторыя подробности. Прежде всего, на ровномъ, неочищенномъ отъ дерна, мѣстѣ насыпался обыкновенно небольшой слой бѣлаго песку, который по всей вѣроятности брался изъ находящагося по сосѣдству озера Укли; иногда песочный слой замѣняется угольнымъ, а не въ рѣдкихъ случаяхъ они наблюдаются совмѣстно, причемъ всегда угли располагаются надъ пескомъ. Какъ объяснить присутствіе въ курганахъ углей: есть ли это результатъ жженія на мѣстѣ, или угли приносились извнѣ, — ни того, ни другого исключительно утверждать нельзя: присутствіе въ курганѣ № 1, горшка съ смолистымъ налетомъ — только въ верхнихъ частяхъ и слѣды огня на черепѣ № 6, повидимому, говорятъ въ пользу наблюдаемаго и въ сосѣднихъ (на В.) славянскихъ

курганахъ обжиганія труповъ, незначительное же количество во всѣхъ курганахъ углей, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о принесеніи въ курганы углей извнѣ, можетъ-быть, въ качествѣ какого-нибудь погребально-символическаго предмета, а можетъ быть въ качествѣ субцедента погребальной жертвы — обряда, который, напримѣръ, могъ происходить на находящейся по сосѣдству (см. выше) горѣ Тариловкѣ. Однимъ словомъ, очевиденъ лишь фактъ присутствія при погребеніи огня, но съ какимъ значеніемъ — утверждать можно лишь предположительно. — Непосредственно на песочной или угольной подстилкѣ помѣщается умершій: признаковъ гроба ни въ одномъ случаѣ не найдено. Обычное положеніе костяка — съ запада (голова) на востокъ, лицо въ одномъ случаѣ обращено было на югъ, въ равномъ же количествѣ остальныхъ случаевъ лицо костяка то находилось въ прямомъ положеніи (обращено вверхъ), то было обращено на сѣверъ. Руки въ большинствѣ случаевъ согнуты въ костяхъ такъ, что пальцы касаются плечъ, и въ одномъ случаѣ онѣ оказались протянутыми вдоль корпуса. Ноги вездѣ протянуты прямо. — Изъ пяти сравнительно цѣлыхъ костяковъ два имѣли въ длину по 2 арш. 8 вер., длина остальныхъ 2 арш. 5 вер., 2 арш. 10 вер. и 2 арш. 7 вер. Такимъ образомъ, средняя длина костяка — 2 арш. $7^3/_5$ вер. — ростъ выше средняго. Что касается обряда трупосожженія, то, по незначительности добытыхъ данныхъ, о немъ могутъ быть высказаны только нѣкоторыя предположенія. Изъ того факта, что въ курганахъ съ трупосожженіемъ не обнаружено ясныхъ слѣдовъ кострища, само собою слѣдуетъ, что трупосожженіе происходило не на мѣстѣ кургана, а гдѣ-то на сторонѣ, по всей вѣроятности, на не разъ уже упомянутой горѣ Тариловкѣ. Сравнительная цѣльность жженныхъ костей, съ одной стороны, и указанное выше участіе работы огня въ обыкновенномъ погребеніи — позволяютъ, повидимому, смотрѣть на трупосожженіе не какъ на самостоятельный обрядъ, а лишь какъ на видоизмѣненіе преобладающаго, обыкновеннаго обряда погребенія, что, съ своей стороны, даетъ поводъ видѣть во всѣхъ курганахъ могилы одного народа, находившагося (опять, конечно, только предположеніе) въ переходномъ, по отношенію къ обряду погребенія, состояніи.

Предметы найденные въ курганахъ.

Наибольшее количество однородныхъ предметовъ составляютъ глиняные горшки: въ шести курганахъ оказалось по цѣлому горшку, въ одномъ половина и въ одномъ два незначительныхъ черепка. Большинство (6) горшковъ — изъ хорошо промятой желтоватой глины, и приготовлены они на гончарномъ кружкѣ; нѣкоторые изъ горшковъ орнаментованы по бокамъ, а одинъ (№ 6) имѣетъ надонное клеймо; два горшка — изъ жвироватой глины и лѣпной работы, орнаментовъ на нихъ нѣтъ. Всѣ цѣлые горшки находились въ курганахъ въ прямомъ положеніи и въ курганахъ съ костяками въ большинствѣ случаевъ помѣщались у ногъ. Содержимое ихъ ничѣмъ не отличалось отъ курганной насыпи, и, слѣдовательно, они помѣщаемы были въ курганѣ безъ всякаго содержанія; отсюда само собою слѣдуетъ, что горшки эти не имѣли значенія погребальныхъ урнъ, а являются здѣсь какъ символъ извѣстнаго взгляда ихъ владѣльцевъ на загробную жизнь; не вполнѣ безъ основанія, впрочемъ, будетъ примѣненіе

къ горшкамъ исключительно практическаго ихъ значенія — въ качествѣ сосудовъ, въ которыхъ приносились для кургана, можетъ быть, горячіе угли. Въ зависимости также отъ извѣстнаго взгляда на загробную жизнь можно объяснить присутствіе, въ одномъ, впрочемъ, только курганѣ (6), небольшого желѣзнаго ножика и кресала.

Для характеристики одежды всѣ данныя заключаются въ ничтожномъ клочкѣ шерстяной матеріи, въ прилипшемъ къ копью кускѣ, повидимому, льняной ткани и въ небольшомъ кусочкѣ ремня (всё въ курганѣ № 6) откуда можно предполагать объ употребленіи суконнаго (по всей вѣроятности, верхняго) и полотнянаго (нижняго) платья, ремень же, найденной совмѣстно съ орнаментованными бронзовыми бляшками, очевидно, остатокъ пояса.

Въ отношеніи предметовъ украшенія, курганы отличаются вообще бѣдностію. Во-первыхъ, ни на одномъ костякѣ не оказалось украшеній ни на головѣ, ни на шеѣ, если не считать кургана № 7 (трупосожженіе), гдѣ найдено нѣсколько стеклянныхъ бусъ и четыре бронзовыхъ бубенчика, которые можно считать частью ожерелья. Ниже шеи въ двухъ случаяхъ найдено по бронзовой пряжкѣ, и въ одномъ случаѣ бронзовое кольцо, которыя по всей вѣроятности, имѣли значеніе застежекъ платья. На рукахъ двухъ костяковъ найдены бронзовые браслеты (3 на лѣвой и одинъ на правой), всѣ они однообразной веревчатой работы. Сравнительно чаще встрѣчаются кольца-перстни. Большая часть ихъ состоитъ изъ нетолстой круглой проволоки въ одинъ оборотъ; одно кольцо представляетъ плетенку изъ тонкой бронзовой проволоки, и въ двухъ случаяхъ кольцо было сдѣлано изъ нанизанныхъ, по всей вѣроятности на шнурокъ, спиралей.

Около пояса въ одномъ случаѣ найдена бронзовая лировидная пряжка и здѣсь же орнаментныя бронзовыя бляшки съ кускомъ ремня, и въ нѣсколькихъ случаяхъ перержавѣвшіе куски желѣза. Пряжка и бронзовый орнаментъ, безспорно, остатки пояса, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ которые нерѣдко наблюдаются въ сосѣднихъ курганахъ [1]), остатки же желѣза на столько подверглись окисленію, что нѣтъ никакой возможности рѣшить, части какихъ предметовъ они первоначально составляли.

Предметы оружія найдены только въ двухъ курганахъ: въ курганѣ № 3 (трупосожженіе) — топоръ и при костякѣ № 6 — наконечникъ пики: ни тотъ, ни другой предметъ не представляютъ характерныхъ особенностей и встрѣчаются повсемѣстно на всемъ пространствѣ западной Россіи.

Точныхъ хронологическихъ данныхъ ни однимъ изъ раскопанныхъ кургановъ не было представлено. Нѣтъ также достаточныхъ основаній и для аналогическаго опредѣленія времени происхожденія могильника: добытые раскопкою предметы и немногочисленны, и по своей формѣ настолько стереотипны, что могутъ находить аналогичные для себя предметы на протяженіи многихъ вѣковъ желѣзнаго періода. На основаніи отсутствія въ курганахъ принадлежностей христіанскаго культа не подлежитъ сомнѣнію только одинъ фактъ, что Загорскіе курганы безспорно могилы дохристіанскихъ временъ своей мѣстности. Сопоставляя близость Загорья къ м. Бряславу,

[1]) См. Bähr. — Die Gräber der Liven, Taf. VIII, 16; XIV, 9, 14. Матеріалы по археологіи Россіи, № 14, XII, 2, 8 и др.

(Ковенской губ., Новоалександровскаго у.) и фактъ основанія Бряслава сыномъ Изяслава Брячиславомъ (1004—1043), можно, пожалуй, предполагать, что Загорскіе курганы не позднѣе XI вѣка.

Нѣсколько болѣе данныхъ — для этнографическаго опредѣленія могильника. Для этой цѣли могутъ имѣть значеніе слѣдующіе факты: Во-первыхъ, сравнительная бѣдность кургановъ металлическими вещами и преобладающій обрядъ погребенія сближаютъ эти курганы больше съ лежащими отъ нихъ на востокъ — славянскими (кривичи, дреговичи и т. д.), нежели съ расположенными на западъ отсюда литовско-латышскими и финскими (разныхъ племенъ). Во-вторыхъ, присутствіе въ одномъ изъ кургановъ горшка съ надоннымъ клеймомъ опять-таки говоритъ[1]) въ пользу принадлежности могильника славянскому племени. Въ-третьихъ, современное окрестное населеніе, бѣлоруссы, — славяне, и въ чертѣ славянскихъ поселеній указывается разсматриваемое мѣсто съ самаго начала историческихъ временъ[2]). Все это говоритъ въ пользу принадлежности загорскихъ кургановъ славянскому племени и именно дреговичамъ, какъ единственному племени, которое, съ точки зрѣнія племенной лѣтописной топографіи, могло обитать въ здѣшнихъ предѣлахъ, гдѣ оно, какъ обнаружили изслѣдованія кургановъ, достигало западныхъ границъ своего разселенія.

II.

Бряславскіе курганы.

М. Бряславъ Ковенской губерніи, Ново-Александровскаго уѣзда. Курганы находятся въ разстояніи двухъ верстъ на в. отъ Бряслава, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ „Заборныя (находящіяся, по отношенію къ Бряславу, за боромъ — лѣсомъ) гумна". Расположены они на вершинѣ спуска къ лежащему на с.-з. отсюда кочковатому болоту. По направленію вообще на сѣверъ отъ кургановъ открывается обширной горизонтъ съ живописными берегами и ложбинами многочисленныхъ въ этой мѣстности озеръ: на с. виднѣется оз. Неспежъ, съ изливающеюся изъ него рѣчкой Друйной, на с.-в. — оз. Цно и на с.-з. — озера Дровято и Новято. Въ настоящее время всѣхъ кургановъ насчитывается здѣсь не болѣе 10, но прежде ихъ, безъ сомнѣнія, было гораздо болѣе: большая часть кургановъ, очевидно, унижена запашками, да и уцѣлѣвшіе до сихъ поръ курганы носятъ на себѣ ясные слѣды бывшаго здѣсь въ очень недавнее время поля. Разрушенію кургановъ немало содѣйствовали также и мѣстные кладоискатели: въ моментъ нашего прибытія на курганы мы застали на нихъ нѣкоего Далецкаго со щупомъ въ рукахъ, человѣка, по отзывамъ крестьянъ, помѣшаннаго

---

[1]) Подробн. см. Ѳ. Покровскій. — Виленскій музей древностей, табл. XVI.

[2]) Указаніямъ этимъ, впрочемъ, нельзя придавать рѣшающаго значенія: разсматриваемое мѣсто — одно изъ пограничныхъ, племенныя же границы, опредѣляемыя на основаніи однихъ общихъ лѣтописныхъ указаній, во всякомъ случаѣ, не могутъ имѣть значенія безусловно достовѣрнаго.

на отыскиванiи кладовъ и испортившаго массу кургановъ въ окрестности; указывали намъ также и мѣста кургановъ, уничтоженныхъ пастухами, которые во время раскопокъ, по разсказамъ очевидцевъ, находили желѣзные топоры и пики и глиняныя пацюрки-бусы. — Нами раскопано было здѣсь шесть кургановъ.

Курганъ № 1.

Окружность 38 шаговъ. Поперечникъ (черезъ верхъ) 10 арш. 8 вершковъ. Высота надъ уровнемъ почвы 1 арш. 9 вершковъ. Подъ курганною насыпью, на почвѣ, слой черной, со слѣдами углей, земли. Угольныя вкрапленiя замѣтны также и въ самой насыпи, а близъ восточной периферiи, на грунтѣ, превратившееся въ угли цѣлое полѣно. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, — черепки лѣпнаго глинянаго горшка и три обломка костей. Горшокъ былъ приготовленъ изъ красноватой, хорошо промятой, глины, и, судя по наибольшему изъ уцѣлѣвшихъ черепковъ, высота его равнялась 90 mm.

Курганъ № 2.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. 12 вершковъ. Высота 1 арш. 1 вершокъ. Близъ южной и западной периферiи кургана, на грунтѣ, найдены въ небольшомъ количествѣ угли. Въ самой срединѣ кургана, на почвѣ, оказался костякъ, длиною въ 2 аршина 7 вершковъ. Положенiе костяка — съ юга (голова) на сѣверъ, лицо обращено на западъ, руки протянуты вдоль корпуса. На груди — мѣдная, съ темносинею патиною, пряжка (рис. 55) со шпенькомъ, по своей величинѣ и фигурѣ находящая для себя аналогiю въ многочисленныхъ предметахъ этого рода, попадающихся на всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Балтiйскимъ моремъ[1]). Стержень, изъ котораго приготовлена пряжка, имѣющiй въ срединѣ, въ поперечномъ разрѣзѣ, форму эллипсиса, по направленiю къ концамъ постепенно закругляется и переходитъ въ шарики, съ углубленiями на ихъ внѣшнихъ сторонахъ. Дiаметръ пряжки — 52 mm. — На лѣвой рукѣ оказался обломокъ довольно массивной веревчатой бронзы, очевидно — часть браслета, а на одномъ изъ пальцевъ — изогнутая въ дугу тонкая круглая проволока, очевидно — часть кольца-перстня. У лѣвыхъ берцовыхъ костей, по направленiю ихъ длины, лежалъ желѣзный наконечникъ пики съ сохраняющеюся до сихъ поръ въ его втулкѣ, перегнившею частью древка. Узкiй, ромбоидальный въ поперечномъ разрѣзѣ, клинокъ пики имѣетъ въ длину около 240 mm; длина втулки 120 mm. Около лѣвой ступни помѣщался глиняный, лѣпной работы, горшокъ.

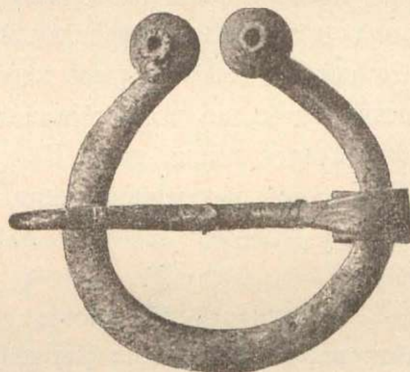

Рис. 55.

1) См. Θ. Покровскiй: Виленскiй музей древностей. Табл. V, 6.

Курганъ № 3.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 9 арш. 6 вершк. Высота 1 арш. 9 вершк. По грунту всего кургана наблюдается пепельный слой съ примѣсью мелкихъ углей, которыхъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, оказалось около сѣверной, сѣверо-восточной и южной периферій. Въ юго-западной части кургана, на грунтѣ, кучка мелкихъ обломковъ лѣпнаго глинянаго горшка, близъ которой найдена только одна маленькая косточка — обломокъ.

Курганъ № 4.

Окружность 25 шаговъ. Поперечникъ 7 арш. 4 вершка. Высота 1 арш. 7 вер. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, — костякъ, длиною въ 2 арш. 10 вершк. Положеніе костяка — съ сѣверо-востока (голова) на юго-западъ. Черепъ, какъ будто отдѣлившись отъ корпуса, скатился направо и обращенъ лицомъ на сѣверо-востокъ. Руки протянуты по направленію корпуса. Подъ костякомъ и съ его боковыхъ сторонъ замѣтенъ слой истлѣвшихъ дубовыхъ досокъ, остатки, очевидно, гроба, который, судя по тому, что древесный слой, въ сторону ногъ, длиннѣе костяка почти на цѣлый аршинъ, былъ приготовленъ на самомъ мѣстѣ кургана. Около правой руки найденъ желѣзный топоръ въ такомъ положеніи, что онъ какъ будто былъ воткнутъ между рукою и гробовой доской. Высота топора 170 mm, клинокъ имѣетъ форму почти равносторонняго треугольника, сторона котораго равна 110 mm; на обухѣ, въ сторону топорища, отростокъ. Близъ пояса найдены обломки перержавѣвшаго желѣза; одни изъ нихъ группируются въ предметъ неизвѣстнаго назначенія, напоминающій по формѣ большой гвоздь или шило, длиною въ 140 mm; изъ трехъ обломковъ составляется довольно правильной формы кольцо съ діаметромъ около 60 mm; остальные обломки находятся внутри перегнившихъ кусковъ дерева и, вмѣстѣ съ послѣднимъ, составляютъ, по всей вѣроятности, черенокъ какого-нибудь предмета, можетъ-быть, упомянутаго выше шила. На кускахъ, составляющихъ кольцо, замѣтны слѣды грубой, повидимому, шерстяной ткани.

Курганъ № 5.

Окружность 25 шаговъ. Поперечникъ 9 аршинъ. Вершина кургана развѣена вѣтромъ и повреждена распашкой, отъ которой до сихъ поръ остается на курганѣ глубокая борозда.

Въ срединѣ кургана лежалъ костякъ, длиною въ 2 аршина 7 вершковъ. Положеніе костяка — съ юго-запада (голова) на сѣверо-востокъ; лицо — на сѣверо-западъ. Лѣвая рука протянута вдоль корпуса, а правая нѣсколько изогнута въ локтѣ, по направленію къ поясу. Около шеи оказалась бронзовая пряжка (сакста) со шпенькомъ, приготовленная изъ трехграннаго стержня съ плоскими, завитыми въ трубочки концами. Діаметръ пряжки около 50 mm. На лѣвой рукѣ надѣтъ былъ бронзовый браслетъ, приготовленный изъ круглаго массивнаго стержня, орнаментованнаго спиральными нарѣзами. Внѣшній діаметръ бласлета около 70 mm., при чемъ концы

его не сходятся на 22 mm. Браслетъ оказался также и на правой рукѣ. Послѣднiй приготовленъ изъ четырехграннаго бронзоваго стержня, орнаментованнаго по внѣшнимъ гранямъ насѣчками, перпендикулярными, по отношенiю къ угламъ, при концахъ браслета и наклонными посрединѣ. Дiаметръ браслета около 65 mm., концы не сходятся на 20 mm. На одномъ изъ пальцевъ также правой руки находился плохо сохранившiйся перстень изъ листовой бронзы, въ формѣ эллипсиса, который по направленiю продольной оси, переходитъ въ тонкiя проволоки, замыкающiя кольцо спиральнымъ узломъ. Верхушка перстня по берегамъ орнаментована пукленой линiей. Около кисти лѣвой руки лежали совсѣмъ перержавѣвшiе ножикъ и кресало, также кремень и сильно источенный брусокъ. Длина уцѣлѣвшей части ножика, вмѣстѣ съ рукояточнымъ стержнемъ, не болѣе 100 mm., величина кресала 69 × 30 mm. Поверхъ тазовыхъ частей, ближе къ правой сторонѣ, оказался небольшой желѣзный топоръ, съ остатками въ его втулкѣ топорища изъ мелкослоистаго дерева. По своему типу топоръ принадлежитъ къ числу короткихъ, съ удлиненнымъ и кривымъ лезвiемъ, топоровъ. Высота его — 135 mm., длина лезвiя, по прямой линiи 75 mm., обухъ снабженъ двумя язычковыми выступами. Около лѣвой ступни лежалъ желѣзный наконечникъ пики съ короткимъ и широкимъ клинкомъ, въ формѣ равнобедреннаго треугольника, высотою въ 125 mm. и съ основанiемъ въ 50 mm., длина втулки — 80 mm. Недалеко отъ пики найдены обломки разбитаго, вѣроятно, во время запашки, глинянаго горшка, лѣпной работы.

Курганъ № 6.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 9 аршинъ. Вершина кургана снесена вѣтромъ на сторону. Подъ насыпью, на грунтѣ, слой черной земли, который окруженъ кольцомъ изъ мелкихъ углей: особенно рѣзко угли обозначаются близъ западной и сѣверной периферiй кургана. Никакихъ другихъ предметовъ въ курганѣ не оказалось.

Общiя замѣчанiя.

Вслѣдствiе уничтоженiя большей части могильника съ одной стороны и значительной поврежденности уцѣлѣвшихъ кургановъ съ другой, всѣ общiя заключенiя, естественно, могутъ имѣть характеръ не иначе, какъ самой смѣлой гипотезы. Хотя ни около одного изъ кургановъ не найдено рвовъ, тѣмъ не менѣе, въ виду однородности курганныхъ насыпей съ почвой сосѣдняго поля есть всѣ основанiя для предположенiя, что земля для насыпи бралась близъ самого же кургана, а образовавшiяся при этомъ выемки (рвы и ямы) могли быть легко уничтожены производившимися здѣсь распашками.

Величина уцѣлѣвшихъ кургановъ, вслѣдствiе ихъ поврежденности, конечно, не можетъ дать точнаго представленiя о первоначальной величинѣ насыпей, тѣмъ не менѣе, не излишне отмѣтить, что и до сихъ поръ наблюдается значительная разница въ объемѣ кургановъ группирующая могильникъ въ двѣ почти равночисленныя половины: восточную съ меньшими и западную съ большими курганами. Указанная сей-

часъ группировка повторяется и со стороны формы погребенія: курганы восточной половины обнаруживаютъ обыкновенное погребеніе (въ одномъ случаѣ съ деревяннымъ гробомъ) на почвѣ, въ курганахъ же западной половины наблюдается трупосожженіе.

Курганы съ трупосожженіемъ отличаются чрезвычайной бѣдностью содержанія, которое исчерпывается обломками глиняныхъ лѣпныхъ горшковъ, ничтожнымъ количествомъ жженыхъ костей и небольшимъ количествомъ углей и золы. Слабые признаки огня говорятъ, очевидно, противъ сожиганія труповъ на мѣстахъ кургановъ, но гдѣ оно происходило, по отсутствію по сосѣдству городищъ, или мѣстъ со слѣдами старинныхъ кострищъ, — указать нельзя.

Сравнительно богаче по содержанію курганы восточной половины, — съ обыкновеннымъ погребеніемъ. Покойникъ въ этихъ курганахъ оказывается лежащимъ или непосредственно на грунтѣ (въ двухъ случаяхъ) или въ гробу (одинъ случай). Постоянной оріентировки въ положеніи умершаго не наблюдается: въ одномъ случаѣ голова была обращена на с.-в., въ другомъ на ю.-з. и въ третьемъ на ю. Преобладающее направленіе рукъ вдоль корпуса. Обыкновенная длина костяка около двухъ съ половиной аршинъ. Въ ногахъ всѣхъ трехъ костяковъ помѣщались глиняные лѣпные горшки, повидимому, безъ всякаго содержанія, выражающіе, равно какъ и другіе предметы домашняго обихода: ножикъ, оселокъ, кресало и кремень, взглядъ современниковъ погребенія на загробную жизнь, какъ на продолженіе земной.

Изъ предметовъ украшенія при костякахъ были найдены бронзовыя пряжки-саксты, бронзовые, грубоватой работы, браслеты и такіе же перстни. Сюда же, повидимому нужно причислить и обломки желѣзнаго кольца съ слѣдами на нихъ грубой матеріи. При каждомъ изъ костяковъ находился какой-нибудь предметъ вооруженія: при костякѣ № 2 найдена пика, при костякѣ № 4 — топоръ и гвоздеобразный предметъ, можетъ-быть, тоже наконечникъ пики, при костякѣ № 5 — пика и топоръ оба предмета небольшой величины и изящной сравнительно формы.

Для хронологическаго опредѣленія могильника нѣтъ почти никакихъ указаній, если не считать отсутствія въ курганахъ признаковъ христіанскаго погребенія и сосѣдства Бряслава, основаннаго въ XI вѣкѣ княземъ уже христіаниномъ.

Этнографическія указанія заключаются въ положеніи могильника на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи, остающейся постоянною по крайней мѣрѣ съ XIII в.[1]) въ двоякомъ обрядѣ погребенія, изъ которыхъ одинъ (восточной половины) наблюдается въ курганахъ, расположеннымъ на востокъ отсюда, въ бывшей землѣ дреговичей, а другой въ лежащихъ на западъ, — въ курганахъ литовскихъ, и въ сравнительномъ обиліи предметовъ вооруженія въ курганахъ восточной половины. Впрочемъ всѣ эти указанія даютъ основанія лишь для сомнительныхъ предположеній: можетъ-быть, это общій могильникъ двухъ сосѣднихъ племенъ, а можетъ-быть, это старое бряславское кладбище, на которомъ среди сожженныхъ туземцевъ погребались воины славянской дружины первыхъ князей...

---

[1]) A. Bielenstein. — Die Grenzen des lettischen Volksstammes. S. P. 92.

III.

Бельмонтскіе курганы.

Им. Бельмонтъ, Ново-Александровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, расположено на самомъ берегу (южномъ) озера Дривято (Бряславское). Курганы находятся въ полуверстѣ на югъ отъ имѣнія и составляютъ три группы, связанныя, впрочемъ, разбросанными между ними одиночными курганами. Наибольшая группа могильника расположена по правую сторону дороги, ведущей изъ Бельмонта въ м. Богинъ, Дисненскаго уѣзда, и занимаетъ овальную площадь съ наибольшимъ протяженіемъ съ с.-з. на ю.-в. По сосѣдству съ курганами, на с.-в. находится современное мѣстное кладбище, занимающее возвышенную площадь; на ю.-з. отъ кургановъ — низина, въ родѣ оврага съ болотистой почвой.

Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ насчитывается до 45. Остальныя двѣ группы (21+10 кургановъ) расположены по лѣвую сторону упомянутой дороги. Всѣ курганы находятся подъ лѣсомъ, причемъ на курганахъ второй группы вѣковыя сосны достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. Большинство кургановъ круглой формы, но есть также и овальные; послѣднихъ больше находится въ первой группѣ, гдѣ они собраны главнымъ образомъ около средины могильника. У всѣхъ овальныхъ кургановъ продольныя оси имѣютъ направленіе съ запада на востокъ.

Какъ круглые, такъ и овальные, лучше сохранившіеся курганы имѣютъ при основаніи или рвы, или ямы. На вершинѣ нѣкоторыхъ кургановъ наблюдаются неглубокія ямы, точнѣе пониженія, образовавшіяся, повидимому, не въ позднѣйшее время и не вслѣдствіе порчи кургановъ, а обусловленныя, можетъ-быть, нѣкоторыми особенностями обряда погребенія. Кромѣ того, едва ли не половина кургановъ испорчена отчасти кладоискателями, а въ большинствѣ ненаучными раскопками гостей владѣльца имѣнія. Во время этихъ раскопокъ, по словамъ владѣльца имѣнія, находимы были глиняныя урны (горшки). По словамъ одного крестьянина, разъ участвовавшаго въ раскопкѣ кургана, найденъ былъ горшокъ и перстень съ двумя буквами. Кромѣ того, случайные посѣтители нашихъ раскопокъ сообщали о находкѣ золотого перстня и о неоднократныхъ находкахъ зеленыхъ браслетовъ, на мѣстѣ около теперешней бельмонтской корчмы, гдѣ въ прежнее время было кладбище.

По словамъ нѣкоторыхъ изъ туземныхъ жителей, курганы остались отъ шведскихъ войнъ, но сказать, чтобы это былъ общій мѣстный взглядъ, — нельзя: народъ, повидимому, мало интересуется курганами, и какихъ-нибудь особыхъ преданій или разсказовъ, соединенныхъ съ ними, въ народѣ нѣтъ.

Курганъ № 1.

Окружность 36 шаговъ. Поперечникъ (черезъ верхъ) 12 арш. Высота надъ уровнемъ почвы — 1 арш. 10 вершк. При основаніи кургана четыре ямы: три — съ с.-в., ю.-в. и ю.-з. — круглыхъ и одна — съ с.-з. — продолговатая. На почвѣ,

подъ курганной насыпью, состоящею изъ сѣраго песку — темный слой. Ни углей, ни костей и вообще никакихъ предметовъ въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 2.

Окружность 41 шагъ. Длина (черезъ верхъ) 15 арш. Ширина (черезъ верхъ) 12 арш. Вышина 2 арш. Со всѣхъ четырехъ сторонъ кургана — рвы. Курганная насыпь состоитъ изъ однороднаго съ сосѣдней почвою желтоватаго песку. Въ срединѣ кургана, на почвѣ, найдены два обломка жженыхъ костей. На почвѣ также, около средины восточной половины кургана, оказалась значительная кучка жженыхъ костей, и надъ нею перевернутый вверхъ дномъ глиняный сосудъ лѣпной работы. Сосудъ, по своей формѣ, напоминаетъ скорѣе плошку, чѣмъ обыкновенный горшокъ. Высота его 116 mm., діаметръ дна 85 mm., величина верхней овальной площади 158×137 mm. Внутреннія стѣнки плошки и кости покрыты чернымъ, въ родѣ сажи, налетомъ. И кости, и плошка попали въ курганъ уже послѣ его образованія: онѣ находились на днѣ сферической ямы (выпуклостью внизъ), стѣнки которой были устланы слоемъ мелкихъ камешковъ и вся яма почти до самой вершины кургана была заполнена озернымъ жвиромъ.

Курганъ № 3.

Окружность 30 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. Высота 12 вершк. Рвовъ вокругъ кургана незамѣтно. На грунтѣ, подъ насыпью, слой бѣлаго, озернаго, песку съ угольнымъ вкрапленіемъ. Никакихъ предметовъ въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 4.

Окружность 34 шага. Длина 13 арш. Ширина 10 арш. Вышина 1 арш. 10 вершк. При основаніи кургана, съ с.-в. и ю., — ямы.

Юго-западная часть курганной насыпи состоитъ изъ черной земли. Находокъ — никакихъ.

Курганъ № 5.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 9 арш. Вышина 1 арш. 8 вершк. Ровъ при основаніи кургана замѣтенъ только съ сѣверо-западной стороны. На грунтѣ, около периферій кургана, въ насыпи наблюдаются бугры бѣлаго песку. Въ разныхъ мѣстахъ насыпи замѣтны угольныя вкрапленія. Находокъ нѣтъ.

Курганъ № 6.

Окружность 32 шага. Поперечникъ 9 арш. Высота 1 арш. 5 вершк. Рвы замѣтны съ сѣверной и сѣверо-восточной сторонъ кургана.

Курганная насыпь — изъ однородной съ сосѣднею почвою зелени: ни углей, ни бѣлаго песку нѣтъ. Въ срединѣ кургана, на высотѣ 5 вершковъ надъ почвой — кучка измельченныхъ жженыхъ костей, среди которыхъ оказались желѣзная пряжка и такое же кольцо и бронзовые предметы неизвѣстнаго назначенія. Пряжка, въ формѣ обыкновенной саксы, состоитъ изъ круглаго стержня съ завитыми трубочками на

концахъ и имѣетъ около 47 mm. въ діаметрѣ. Кольцо — въ $1^1/_5$ оборота, — состоитъ также изъ круглаго стержня съ веревчатымъ орнаментомъ. Одинъ конецъ его отломанъ, а другой, сравнительно тонкій, загнутъ въ формѣ крючка. Приблизительный діаметръ кольца 55—60 mm. Какое назначеніе кольца рѣшить положительно нельзя: въ своемъ настоящемъ видѣ оно больше всего напоминаетъ браслетъ. Далѣе идутъ пять бронзовыхъ височныхъ колецъ (четыре цѣльныхъ и одинъ обломокъ); они имѣютъ форму серповъ и оканчиваются на одной сторонѣ завиткомъ-колечкомъ, а другой ихъ конецъ переходитъ въ круглую проволоку (рис. 53). Въ одномъ экземплярѣ проволочный конецъ пригнутъ къ колечку.

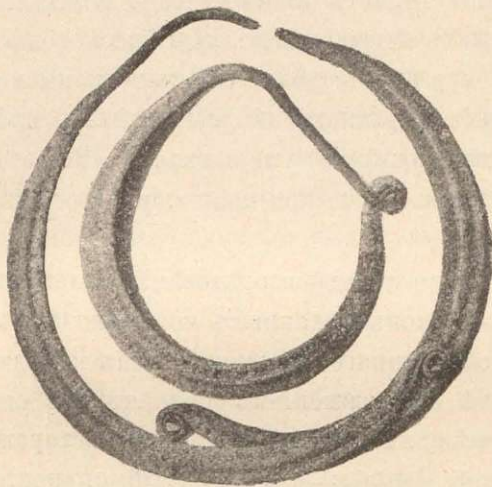

Рис. 56.

Разстояніе колецъ по направленію тетивы 55 mm., наибольшая ширина пластинки 6 mm. На четырехъ цѣлыхъ — односторонній орнаментъ въ формѣ идущаго посрединѣ, во всю длину плоскихъ частей, рубчика, среди двухъ, сопровождающихъ его, рядовъ зубчиковъ.

Курганъ № 7.

Окружность 37 шаговъ. Поперечникъ 12 арш. Высота 1 арш. Рвовъ кругомъ незамѣтно. Никакихъ предметовъ въ курганѣ не найдено.

Общія замѣчанія.

Что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, при изслѣдованіи бельмонтскаго могильника, такъ это громадный процентъ кургановъ безъ всякаго содержанія. Фактъ этотъ впрочемъ не составляетъ исключительной мѣстной особенности. Кромѣ нашей личной практики, можно указать цѣлый рядъ случаевъ[1]), когда при раскопкахъ обнаруживалась полная безсодержательность кургана. Такъ какъ пустые курганы въ большинствѣ могильниковъ являются лишь рѣдкимъ исключеніемъ, то изслѣдователи обыкновенно не обращаютъ на нихъ никакого вниманія: въ прежнее время имъ придавали значеніе не погребальныхъ, а какихъ нибудь другихъ, напримѣръ — сторожевыхъ кургановъ; современные же археологи или совсѣмъ проходятъ ихъ молчаніемъ, или же объясняютъ ихъ пустоту позднѣйшимъ уничтоженіемъ содержимаго. Однимъ словомъ, курганы безъ содержанія считаются явленіемъ исключительно случайнымъ. При преобладающемъ въ могильникѣ количествѣ пустыхъ кургановъ, не правдоподобнѣе-ли видѣть здѣсь обыкновенный естественный фактъ, находящій для себя объясненіе, можетъ-быть, въ способѣ погребенія, а можетъ-быть, опредѣляемый значеніемъ кургановъ въ глазахъ насыпавшаго ихъ народа? Въ находящихся недалеко отъ Бельмонта курганахъ, близъ м. Опсы и д. Довборъ, мы имѣли случай не разъ наблюдать

[1]) См., напр., нашу Археологическую карту Виленской губерніи, 1893 г., Матеріалы по археологіи Россіи № 11, стран. 39 и др.

погребеніе сожженнаго праха на вершинѣ кургана причемъ жженыя кости или помѣщались среди черепковъ развалившихся сосудовъ, или иногда попадались и въ разбросъ по поверхности кургана. Не могутъ ли быть отнесены къ этому типу погребенія и бельмонтскіе, а также и другіе пустые курганы, на вершинѣ которыхъ помѣщенный прахъ естественнѣе всего, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, могъ безслѣдно исчезнуть? Съ другой стороны, общеизвѣстенъ фактъ погребенія въ курганахъ только однихъ вещей, т.-е. построеніе погребальныхъ кургановъ исключительно коммеморативнаго характера: — отчего бы и въ пустыхъ курганахъ не видѣть лишь простыхъ памятниковъ, устроенныхъ послѣ погребенія (сожженія) умершихъ? — Все это, конечно, лишь предположенія, но положительныхъ выводовъ, при наличномъ состояніи свѣдѣній, нельзя, конечно, и требовать.

Одни также лишь предположенія возможны и по поводу изслѣдованія Бельмонтскаго могильника. На основаніи всѣхъ добытыхъ раскопкою данныхъ можно полагать, что когда-то, въ доисторическія времена, около современнаго Бельмонта жилъ народъ, который сожигалъ своихъ умершихъ, что вмѣстѣ съ сожженіемъ покойниковъ онъ воздвигалъ курганы, внутри которыхъ иногда помѣщалъ сожженный гдѣ-то насторонѣ прахъ умершихъ. Курганы бельмонтскіе двоякой формы: или овальной съ постояннымъ направленіемъ съ з. на в., или въ формѣ сферическаго сегмента. Средняя величина кургана, опредѣляющаяся на основаніи измѣреній раскопанныхъ кургановъ, выражается слѣдующими числами: окружность кургана 34 шага, поперечникъ, чрезъ вершину, 11 аршинъ и высота надъ уровнемъ почвы 1 аршинъ и 6 съ небольшимъ вершковъ. Земля для насыпи бралась главнымъ образомъ близъ самаго же кургана, а иногда приносилась со стороны. За исключеніемъ одного случая, гдѣ приносная земля составляетъ цѣлый край кургана (№ 4), во всѣхъ остальныхъ случаяхъ она образуетъ или сплошную подстилку подъ насыпью, или кругъ, намѣчающій размѣры кургана. Почти вся приносная земля состоитъ или изъ бѣлаго озернаго песку, или изъ мелкихъ камешковъ, характеризующихъ также подозерную почву. Это указываетъ на символическое значеніе приносной земли и намекаетъ на вліяніе водной стихіи на религіозное міросозерцаніе строителей кургановъ, что весьма естественно, въ виду близости громаднаго Бряславскаго озера и цѣлаго ряда другихъ сосѣднихъ озеръ, отчасти и до сихъ поръ обусловливающихъ экономическій бытъ окрестныхъ поселянъ. Среди бѣлаго озернаго песку попадаются угольныя вкрапленія. Незначительное количество углей отрицаетъ самостоятельность угольнаго слоя и намекаетъ, повидимому, на то, что угли попали въ курганъ случайно, — вмѣстѣ съ пескомъ: отсюда возможность предположенія, что самое сожиганіе труповъ не происходило ли на берегу сосѣдняго озера. Что касается домашняго быта строителей кургановъ, то по одному глиняному горшку, одной желѣзной пряжкѣ и одному желѣзному и нѣсколькимъ бронзовымъ обломкамъ, единственнымъ находкамъ въ 3-мъ и въ 6-мъ курганахъ, едва ли можно что-нибудь о немъ сказать. Для этнографической характеристики строителей кургана имѣетъ значеніе обрядъ трупосожженія, — обычный для сосѣднихъ, на з., земель, обитаемыхъ литовцами, и весьма рѣдко наблюдаемый на в. отсюда, — въ мѣстахъ древнихъ поселеній славянъ.

IV.

Рацкіе курганы.

Лѣсъ „Рацкій боръ“ принадлежащій къ им. Бельмонтъ, Ново-Александровскаго уѣзда, ковенской губерніи, находится на сѣверо-западномъ берегу оз. Дривято. Расположенъ онъ на холмистомъ, живописномъ берегу озера, между деревнями Машули и Шалтени. При въѣздѣ въ лѣсъ съ сѣверной стороны, въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженей отъ озера, возвышается такъ называемая Адамова гора, названная такъ, вѣроятно, по имени одного изъ бывшихъ ея владѣльцевъ. По сосѣдству съ нею, съ юго-запада, находится другая возвышенность, до сихъ поръ сохраняющая ясные слѣды ея искусственной обдѣлки. Верхняя площадь юго-западной ея части, получившая послѣ обдѣлки форму полуэллипсиса, имѣетъ въ длину 52 шага, а въ ширину 35 шаговъ. Площадь эта обнесена тремя рядами валовъ и двумя, идущими въ промежуткѣ между валами, рвами. Направленіе валовъ и рвовъ опредѣляется формою самой площади, причемъ съ юго-западной стороны, гдѣ гора образуетъ спускъ въ сосѣднюю долину, и гдѣ рвы и валы расположены уже по этому спуску, ширина рвовъ нѣсколько возрастаетъ, а высота валовъ уменьшается. Кромѣ того, съ той же юго-западной стороны наблюдается и въѣздъ на гору.

Разстояніе между хребтами внутренняго и внѣшняго вала на сѣверо-западной сторонѣ равняется 24 аршинамъ, а на юго-западной — 28. Ширина рвовъ въ среднемъ около 12 аршинъ. Высота вершины вала надъ дномъ рва въ сѣверо-восточной сторонѣ равняется 1 арш. 10 вершк.; а въ юго-западной — внутренній валъ возвышается надъ внѣшнимъ рвомъ до трехъ аршинъ. — Въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженей отъ описанной горы и находится главная группа кургановъ Рацкаго бора. Группа эта можетъ быть подраздѣлена на три части: Въ направленіи — прямо на югъ отъ горы, ближе къ озеру, тѣсно собраны на одномъ изъ холмовъ небольшіе курганчики, поднимающіеся надъ поверхностью земли теперь не болѣе полуаршина; всѣ оны круглой формы и почти всѣ испорчены ямами — работой кладоискателей; всѣхъ кургановъ здѣсь было немного болѣе 30. Въ направленіи на юго-западъ отъ горы, на другомъ холмѣ, насчитывается до десятка кургановъ большей сравнительно (средней) величины, но такой же круглой формы. Въ разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ этихъ кургановъ на ю. з. поднимается такъ называемая Солдатская гора, называющаяся такъ, по словамъ однихъ крестьянъ, потому, что на ней въ недавнее еще время укрывались дезертиры, по объясненію другихъ потому, что на ней во время шведской войны обѣдали солдаты, которыми будто-бы также зарыта здѣсь столовая посуда. — По сосѣдству съ солдатскою горою на с. в., находится третья, главнѣйшая, часть первой курганной группы; она занимаетъ цѣлую, почти круглую, площадь, съ открывающеюся отъ нея на западъ цѣпью одиночныхъ кургановъ. Большинство кургановъ — овальной формы (съ четырехъугольнымъ основаніемъ) и средней величины, за исключеніемъ одного, имѣющаго въ длину около

тридцати шаговъ и такимъ образомъ производящаго впечатлѣніе вала довольно значительныхъ размѣровъ. Курганъ этотъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, перерытъ поперекъ археологомъ-любителемъ гр. В. Плятеромъ. Замѣтны на курганахъ также и слѣды кладоискателей. Всѣхъ кургановъ близъ Солдатской горы около 40. Характерную особенность этой части могильника составляютъ два кольцеобразныхъ вала, изъ которыхъ одинъ находится въ центрѣ занятаго курганами пространства, а другой — меньшій — въ восточномъ его краю. Первый валъ замыкаетъ вполнѣ правильно круглую площадь въ 18 аршинъ въ діаметрѣ. Насыпь вала состоитъ изъ почвы, которая выбиралась съ обѣихъ его сторонъ, на что указываютъ, сопровождающіе валъ во всю его длину, теперь впрочемъ едва замѣтные, рвы. Длина вала, по вершинѣ, 73 шага; повсюду совершенно одинаковая ширина его — 3 аршина, высота надъ уровнемъ почвы 9 вершковъ. Второй валъ имѣетъ въ длину, по вершинѣ, 40 шаговъ, а въ ширину 3 аршина; внѣшній діаметръ образуемаго имъ кольца — 16 аршинъ. Земля для вала, очевидно, была взята съ поверхности замкнутой имъ площади, которая, вслѣдствіе этого, производитъ впечатлѣніе плоскодонной ямы съ едва поднимающимися надъ уровнемъ внѣшней почвы краями.

Въ Рацкомъ бору, кромѣ сейчасъ описанной, есть еще двѣ группы кургановъ, — одна въ восточной его оконечности и другая невдалекѣ отсюда — на самомъ почти берегу озера Дривято. Восточная группа состоитъ изъ круглыхъ (меньшихъ) и овальныхъ (большихъ) кургановъ, собирающихся вокругъ наибольшаго изъ этой группы кургана, который производитъ впечатлѣніе небольшого городища. Его форма — правильный усѣченный конусъ, окружность по глубокому, окружающему курганъ, рву — 73 шага, діаметръ площади сѣченія — 13 шаговъ. Всходы (перерывы рва) на курганъ съ восточной и южной сторонъ. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ, покрытой мелкими еловыми и сосновыми порослями, около 20. Пріозерная группа состоитъ изъ тринадцати кургановъ, расположенныхъ почти по одной линіи, параллельно съ берегомъ озера. Всѣ курганы этой группы меньше средней величины — и неточно выраженной формы (при первомъ взглядѣ производятъ впечатлѣніе круглыхъ, точное измѣреніе большинству ихъ даетъ овальную форму).

Курганы Рацкаго бора у окрестныхъ жителей извѣстны подъ именемъ волотовокъ, хотя, повидимому, здѣсь не безъизвѣстны и другія названія — копецъ, курганъ. Старики говорятъ — такъ обыкновенно сообщаетъ болѣе молодое поколѣніе, всегда съ нѣкоторой дозой скептицизма и подчасъ ироніи — что рацкія волотовки остались отъ шведскихъ войнъ, во времена которыхъ одна изъ воюющихъ сторонъ помѣщалась на мѣстѣ нынѣшняго Бряслава, а другая на противоположномъ берегу озера, близъ волотовокъ, и съ этихъ пунктовъ между ними происходила перестрѣлка[1]). Другихъ, болѣе характерныхъ, разсказовъ о волотовкахъ въ народѣ не существуетъ.

Изъ числа изслѣдованныхъ нами двадцати кургановъ тринадцать принадлежали къ первой группѣ, пять ко второй и два къ третьей.

---

[1]) Разстояніе между волотовками и Бряславомъ минимумъ 5 верстъ.

Курганъ № 1.

Окружность 36 шаговъ. Длина (черезъ верхъ) 12 арш., съ с. в. на ю.з. Ширина (черезъ верхъ) 10 арш. Высота надъ уровнемъ почвы около двухъ аршинъ. Небольшіе рвы съ с. в., с. з. и ю. в. (послѣдній едва замѣтенъ). Насыпь изъ однородной съ сосѣднею почвою земли (желтовато-сѣрый песокъ) и съ угольными вкрапинами. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, среди трехъ небольшихъ булыжниковъ,— кучка древесныхъ углей. Угольное пятно находилось также, на высотѣ 3—4 вершковъ надъ грунтомъ, близъ западной периферіи кургана. Въ юго-западной части кургана, на грунтѣ, нѣсколько мелкихъ жженыхъ косточекъ, въ разбросъ, и здѣсь же углубляющаяся нѣсколько въ грунтъ ямка, наполненная жжеными костями, среди которыхъ можно различить части человѣческаго черепа и зубъ.

Курганъ № 2.

Окружность — 39 шаговъ. Длина, съ с. в. на ю. з.,—14 арш. Ширина — 12 арш. Вышина 2 арш. 5 вершковъ. Рвы съ ю. в. и с. з. (едва замѣтны). Границы основанія кургана намѣчены были углями, которые съ короткихъ сторонъ, сѣверо-восточной и юго-западной, производятъ впечатлѣніе цѣлыхъ, превратившихся въ угли, бревенъ. Въ самой срединѣ кургана, на грунтѣ, въ кругу изъ булыжныхъ камней,— небольшая кучка углей. Никакихъ другихъ предметовъ, при изслѣдованіи подпочвы до глубины двухъ аршинъ, не оказалось.

Курганъ № 3.

Окружность 33 шага. Длина, съ в. на з., 12 арш. Ширина 10 арш. Высота 1 арш. 5 вершк. Рвы — продолговатыя ямы — съ с., в. и ю. На грунтѣ — угольныя пятна, особенно рѣзко обозначающіяся съ сѣверо-востоьной и юго-западной сторонъ кургана; въ срединѣ кургана, также на грунтѣ, кучка пережженныхъ костей и черепки глинянаго горшка лѣпной работы. Среди костей помѣщались нѣсколько бронзовыхъ обломковъ, именно:

а) Лентообразная пластинка, (рис. 57) шириною въ 30 mm, орнаментованная по краямъ тремя рядами пукленныхъ точекъ, а въ срединѣ косымъ крестомъ изъ пукленныхъ кружковъ съ такими же внутри ихъ точками; и по своему орнаменту, и по размѣрамъ пластинка одинакова съ украшеніемъ — перехватами, какіе обыкновенно встрѣчаются на головныхъ повязкахъ[1]). б) Два, орнаментованныхъ частыми спиральными нарѣзами, обломка криваго стержня, составляющіе, по всей вѣроятности, часть обыкновенныхъ этой формы браслетовъ. в) Четыре кольчужки 3—4 — миллиметроваго діаметра и высотою въ 5 mm.; онѣ совершенно однородны съ тѣми, какія наблюдаются въ распространенной среди прибалтійскихъ кургановъ кольчужной ткани. г) Четыре безформенныхъ бронзовыхъ слитка.

Рис. 57.

---

1) См. однородный съ нею предметъ въ одномъ изъ головныхъ уборовъ людвиковскаго могильника: Матеріалы по археологіи Россіи, № 4. т. V. 2—3.

Курганъ № 4.

Окружность 38 шаговъ. Длина съ в. на з., 13 арш. 12 в. Ширина — 11 арш. 4 в. Высота — 1 арш. 8 в. Рвы съ с., в. и ю. На грунтѣ, подъ насыпью, масса углей съ облегающимъ ихъ перегорѣлымъ краснымъ пескомъ. Угли концентрируются близъ западной, сѣверной и сѣверо-восточной периферій кургана. Рѣзкое угольное пятно наблюдается также на с. з. отъ средины кургана, на высотѣ 12 вершковъ надъ грунтомъ. — Ни костей, ни чего другаго въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 5.

Окружность 30 шаговъ. Длина, съ с. в на ю. з., 9 арш. 8 в. Ширина 7 арш. 4 вер. Высота 1 арш. Рвы съ ю. з. и с. з. и яма съ ю. з. Около сѣверовосточной периферіи кургана три камня и угольное пятно, котораго, средикраснаго песку, продолжается отсюда, по грунту, по направленію внутрь кургана. Недалеко отъ центра кургана, къ ю. в., на грунтѣ, — кучка пережженыхъ костей и черепки лѣпнаго глинянаго горшка, среди которыхъ помѣщались желѣзная пряжка-сакста 67 миллиметроваго діаметра, обломокъ желѣзной трубочки, длиною въ 45 mm. и толщиною около 5 mm., и небольшой бронзовый безформенный слитокъ. Надо всѣмъ этимъ находился, въ прямомъ положеніи, глиняный горшокъ лѣпной работы, высотою, судя по уцѣлѣвшему наибольшему его черепку, въ 86 mm. и шириною, по діаметру дна въ 70 mm. Черепки подобнаго же лѣпнаго горшка оказались также и на самой вершинѣ кургана, подъ дерномъ. Кромѣ того два небольшихъ черепка найдены близъ восточной периферіи кургана.

Курганъ № 6.

Окружность 30 шаговъ. Длина съ с. в. на ю. з. 10 арш. Ширина 8 арш. 8 вершк. Вышина 1 арш. 5 верш. Рвы съ с. з. и ю. в. Около юго-западной периферіи и сѣвернаго угла наблюдается по угольному слою на грунтѣ кургана, и въ томъ-же сѣверномъ углу — груда камней. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, — слой черной земли съ жжеными костями (преобладаютъ части черепа) и въ немъ бронзовыя дробинки и другіе безформенные слитки; тутъ же глиняный, лѣпной работы, сосудъ въ формѣ котелка; высота его 75 mm, діаметръ дна 85 mm. и величина овальнаго отверстія 100 × 120 mm.

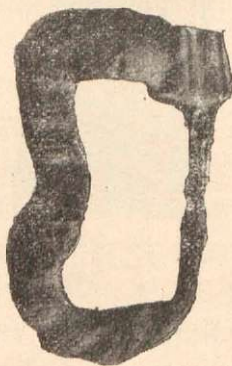

Рис. 58.

Такая же черная земля съ пережженными костями оказалась близъ восточнаго угла курганной насыпи, въ ямкѣ, углубляющейся вершка на 4 въ грунтъ. Здѣсь была найдена изящной работы желѣзная пряжка (рис. 58). При закрытомъ шпенькѣ, пряжка получаетъ форму буквы В. Съ лицевой стороны выпуклыхъ ея частей — рельефные вырѣзные бугорки; шпенекъ — въ формѣ орлинаго клюва; величина пряжки 23 × 48 mm.

Курганъ № 7.

Окружность 28 шаговъ. Длина, съ с. в. на ю. з., 8 арш. 4 вершк. Ширина 7 арш. 8 вершк. Вышина 1 арш. 6 в. Рвы съ с. з., ю. в. и с. в. (едва замѣтенъ). Близъ юго-западной периферіи, на грунтѣ, угольный слой. На вершинѣ кургана, непосредственно подъ дерномъ, — нѣсколько камней; подъ нимъ, на грунтѣ, кучка измельченныхъ жженыхъ костей, среди которыхъ бронзовая дробинка и обломки такихъ же спиралей изъ полуовальной проволоки; діаметръ спиральнаго оборота 8 mm. По нѣкоторымъ признакамъ, спирали эти несомнѣнно — части ожерелья.

Курганъ № 8.

Окружность 36 шаговъ. Длина, съ с. в. на ю. з., 13 арш. Ширина 10 арш. Вышина 1 арш. 9 в. Рвы съ с. з., с. в. и ю. в. Около периферіи кургана, на грунтѣ, — слой кирпичнаго цвѣта земли съ угольнымъ вкрапленіемъ, который, въ направленіи къ центру, постепенно переходитъ въ черноземляной съ золою. Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — слой измельченныхъ жженыхъ костей, среди которыхъ помѣщались: желѣзная пряжка и такой же обломокъ колокольчика, глиняная буса (м.-б. пряслица) и нѣсколько бронзовыхъ обломковъ. Желѣзная пряжка — обыкновенная сакста, съ діаметромъ въ 48 mm. Верхъ колокольчика съ язычкомъ: 26×20 миллиметровое овальное кольцо, которое укрѣплено въ едва замѣтно сферическомъ кружкѣ, съ 38 миллиметровымъ поперечникомъ, такъ что обѣ половины кольца составляютъ дугообразныя скобки по обѣимъ сторонамъ кружка, оставшагося отъ колокольчика. За скобку, на внутренней сторонѣ, зацѣпляетъ загнутымъ въ кольцо концомъ желѣзный язычокъ, длиною въ 56 mm, Глиняная буса (пряслица) — грубой лѣпной работы и имѣетъ, обычную для предметовъ этого рода, форму соединенныхъ основаніемъ двухъ усѣченныхъ конусовъ; діаметръ основаній 32 mm., толщина всего предмета 15 mm. Изъ бронзовыхъ обломковъ — три небольшихъ спиральки, съ внѣшнимъ діаметромъ оборота въ 5 mm., очевидно — остатокъ кольчужной ткани, два же другихъ обломка, одинъ въ формѣ колокольчика, а другой — крестовидной чашечки, безспорно имѣли значеніе гнѣздъ въ цѣпочечныхъ подвѣскахъ. Около периферіи костянаго пятна были разбросаны куски обожженой жвироватой глины; это, можетъ-быть, обломки горшка, но замѣчательно грубой работы; толщина, напримѣръ, нѣкоторыхъ кусковъ достигаетъ 35 mm.

Курганъ № 9.

Окружность 23 шага. Длина, съ с. на ю., 8 аршинъ. Ширина 5 арш. Вышина 12 вершк. Едва замѣтные рвы — съ с., в. и з. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, — кучка измельченныхъ, пережженыхъ костей и надъ нею, ближе къ ю. з., два опрокинутыхъ вверхъ дномъ сосуда лѣпной работы. Одинъ изъ нихъ, въ формѣ обыкновеннаго горшка, имѣетъ 95 mm. въ высоту, и 100 mm., по діаметру дна, другой,

въ формѣ современной плошки, по діаметру дна имѣетъ 80 mm., въ высоту 81 mm. и въ ширину, по діаметру вѣнчика, 155 mm.

Курганъ № 10.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. 4 в. Вышина 15 вершк. Едва замѣтныя ямы — съ с. в., с. з., и ю. в. На грунтѣ, близъ сѣверо-западной и юго-восточной периферій, угольныя полосы; угольное пятно также и около юго-западнаго края. Около средины кургана, на грунтѣ, — кучка жженыхъ костей, съ обломками глинянаго, лѣпнаго горшка надъ нею.

Курганъ № 11.

Окружность 36 шаговъ. Длина, съ в. на з., 12 арш. 6 в. Ширина 10 арш. 10 вершк. Вышина 2 арш. Кругомъ кургана — ровъ съ перерывами (всходами) на с., ю., в. и з. На вершинѣ кургана, въ небольшомъ разстояніи отъ центра къ востоку, непосредственно подъ дерномъ, оказался небольшой слой пережженыхъ костей и здѣсь же два-три обломка глинянаго горшка лѣпной работы. Черепками того-же, повидимому, горшка, занята была цѣлая площадь, около квадратнаго аршина, близъ восточной периферіи кургана, при чемъ черепки и здѣсь лежали непосредственно подъ дерномъ. Въ самомъ курганѣ ни углей, ни костей не оказалось.

Курганъ № 12.

Окружность 34 шага. Діаметръ 10 арш. 8 в. Высота 1 арш. 8 в. Едва замѣтные рвы — съ в. и з. Близъ сѣверной периферіи, на грунтѣ, — три большихъ булыжника и среди ихъ угольное пятно. Въ срединѣ кургана найдено кольцо изъ низкопробнаго серебра. Кольцо изъ круглой проволоки и наглухо запаяно; діаметръ его 20 mm.

Курганъ № 13.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. 8 в. Вышина 14 вершк. Рвовъ кругомъ кургана не замѣтно. Площадь, на которой насыпанъ курганъ, была намѣчена кольцомъ изъ песка, окрашеннаго въ красный цвѣтъ. Ничего въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 14.

Окружность 42 шага. Длина, съ в. на з., 16 арш. Ширина 13 арш. Вышина 2 арш. 7 вершк. Глубокіе рвы съ с., з. и ю. Въ курганной насыпи, на высотѣ 10 вершковъ надъ грунтомъ, въ небольшомъ разстояніи на ю. отъ средины, — кучка жженыхъ костей. На томъ же уровнѣ, въ разстояніи четырехъ вершковъ отсюда на ю. в. — другая такая же кучка костей и обломки глинянаго горшка лѣпной работы. На высотѣ полуаршина надъ этою послѣднею кучкою — угольное пятно.

Курганъ № 15.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 10 арш. Высота 1 арш. 6 в. Рвы замѣтны съ сѣверной и западной сторонъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи на с. отъ средины, на грунтѣ, густой угольный слой и на немъ много измельченныхъ жженыхъ костей, среди которыхъ оказался клинокъ желѣзнаго ножика, длиною въ 110 mm., и съ наибольшею шириною въ 17 mm. Надъ костями помѣщался горшокъ лѣпной работы изъ темной жвироватой глины, но онъ, очевидно, въ позднѣйшее время былъ раздавленъ корнями росшей на курганѣ большой сосны.

Курганъ № 16.

Окружность 26 шаговъ. Поперечникъ 9 арш, Высота 1 арш. 8 верш. Яма замѣтна съ одной сѣверной стороны. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, оказался костякъ въ направленіи съ в. (голова) на з.; лицо обращено на ю., руки протянуты вдоль корпуса. Длина костяка 2 арш. 7 вершковъ. Около таза, съ лѣвой стороны, помѣщался глиняный горшокъ и желѣзный топоръ. Горшокъ грубой лѣпной работы; высота его 130 mm., такой же величины и діаметръ вѣнчика, діаметръ дна 100 mm. Топоръ принадлежитъ къ типу широко-клинковыхъ; высота его 180 mm., длина лезвея, по прямому направленію, 105 mm.; обухъ снабженъ язычковыми выступами, бородка срѣзана по направленію кривой линіи, отъ чего, естественнымъ образомъ, образовался на внутреннемъ краю топора „короткій шпиль". Внутри обуха сохраняются гнилушки отъ топорища, а на внѣшней его сторонѣ замѣтны слѣды грубой ткани. Слѣды ткани наблюдаются также и на клинкѣ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что въ первой ткани нитки пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, что характеризуетъ обыкновенно льняныя курганныя ткани, а во второй подъ тупымъ — признакъ шерстяной матеріи. Около таза также найдены были обломокъ кресала, длиною въ 90 mm., безформенная бляшка неопредѣленнаго металла, и бронзовая пряжка-сакста, приготовленная изъ трехграннаго стержня съ завитками-трубочками на концахъ; приблизительный поперечникъ пряжки — 67 mm., основаніе треугольнаго сѣченія стержня — 7 mm. Съ внѣшней стороны правыхъ берцовыхъ костей, въ параллельномъ съ ними направленіи, лежалъ желѣзный наконечникъ пики; клинокъ пики по формѣ близокъ къ эллипсу, величиною въ 110×40 mm., длина втулки 140 mm.

Курганъ № 17.

Окружность 27 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. 12 вер. Высота 1 арш. 8 в. Съ сѣверной стороны замѣтна небольшая яма. Около средины кургана, на грунтѣ, найдено 5 бубенчиковъ изъ низкопробнаго серебра. Каждый изъ нихъ приготовленъ посредствомъ спайки изъ двухъ сферическихъ пластинокъ, и лепестки орнаментованы прямыми нарѣзными линіями. Внутри всѣхъ бубенчиковъ до сихъ поръ сохраняются изъ однороднаго съ ними металла дробинки, отчего всѣ бубенчики издаютъ довольно

мелодичные звуки. Величина всѣхъ бубенчиковъ почти одинакова: діаметръ равенъ 13 mm. Другихъ предметовъ а также ни углей, ни костей въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 18.

Окружность 32 шага. Длина, съ в. на з., 10 арш. Вышина 1 арш. 7 вершк. Ширина немного менѣе 10 арш. Рвы съ с., в. и ю. Въ центрѣ кургана, на высотѣ двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ,— кучка пережженыхъ костей. Въ сѣверо-восточномъ углу кургана — куча камней, а подъ ней неглубокая яма, заполненная землею сѣраго цвѣта; около камней, по грунту, попадаются мелкія жженыя косточки.

Курганъ № 19.

Окружность 38 шаговъ. Длина, съ з. на в., 12 арш. 12 в. Ширина 10 арш. Высота 1 арш. 10 вершк. Рвовъ кругомъ незамѣтно. Южная половина курганной насыпи состоитъ изъ однороднаго съ сосѣднею почвою сѣроватаго песку, а сѣверная — изъ земли болѣе темнаго цвѣта. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, — куски желѣзныхъ и стекляннаго шлаковъ и здѣсь же нѣсколько жженыхъ косточекъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи на с. з. отъ средины, также на грунтѣ, найденъ обломокъ (почти половина) глиняной бусы (пряслицы). Буса имѣла форму соединенныхъ основаніями двухъ усѣченныхъ конусовъ, съ діаметромъ основанія въ 33 mm. и высотою въ 8 mm. Около сѣверо-западной периферіи и южной оконечности, на грунтѣ попадаются черепки глинянаго лѣпнаго горшка, покрытые, на внутренней сторонѣ, налетомъ чернаго цвѣта.

Курганъ № 20.

Окружность 26 шаговъ. Поперечникъ 9 арш. 8 вершк. Высота 1 арш. 8 вершк. Рвовъ не видно. На грунтѣ — слой бѣлаго песку съ угольнымъ вкрапленіемъ. Такой же, но меньшихъ размѣровъ, слой на высотѣ восьми вершковъ надъ грунтомъ. Около сѣверо-западной периферіи найденъ обломокъ горшка лѣпной работы.

Общія замѣчанія.

Случай обыкновеннаго погребенія, наблюдаемый въ курганѣ № 16, судя по непосредственному наблюденію кургановъ, единственный во всемъ довольно обширномъ могильникѣ и поэтому не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самостоятельный типъ погребенія. Вещи, оказавшіяся при костякѣ, и общій характеръ погребенія вполнѣ напоминаютъ курганы, находящіеся далѣе къ в. отсюда (См. Загорскіе и отчасти Бряславскіе курганы), и, по всей вѣроятности, костякъ принадлежитъ не туземцу, а сосѣду иноплеменному, можетъ-быть, случайно сюда попавшему, а можетъ-быть вращавшемуся среди мѣстныхъ жителей вслѣдствіе какихъ-нибудь особыхъ общественныхъ отношеній, на что отчасти намекаютъ найденные при немъ, при полнѣйшемъ

отсутствіи во всѣхъ остальныхъ курганахъ, предметы вооруженія, — топоръ и пика. Во всѣхъ остальныхъ курганахъ ясно выраженъ типъ погребенія — трупосожженіе. Детальное изученіе строенія кургановъ даетъ нѣкоторыя данныя для вѣроятнаго воспроизведнія и нѣкоторыхъ подробностей погребенія. — Выше было замѣчено, что Рацкіе курганы производятъ впечатлѣніе средней величины насыпей: на основаніи произведенныхъ при раскопкахъ измѣреній средній размѣръ кургана опредѣляется слѣдующими величинами: периметръ — 32 шага, длина — 10 арш. 4 в., ширина — 8 арш. 12 в. и высота 1 арш. 8 в. При этомъ вычисленіи не взяты въ разсчетъ размѣры двухъ упоминавшихся выше кургановъ, выдающихся среди всѣхъ своею большою величиною, вслѣдствіи чего, а также въ виду того обстоятельства, что многіе изъ крргановъ носятъ слѣды медленнаго, отчасти естественнаго и отчасти случайнаго, разрушенія, величина ихъ, или, по крайней мѣрѣ, первоначальная высота должна быть нѣсколько повышена.

Со стороны формы, при первомъ взглядѣ, различаютя троякаго рода курганы: круглые, овальные и четырехугольные: ближайшее же изслѣдованіе для всѣхъ кургановъ, за исключеніемъ наибольшаго 2-й группы, обнаруживаетъ четырехугольную форму; по крайней мѣрѣ, судя по прямолинейному направленію рвовъ и расположенію периферіальныхъ угольныхъ пластовъ, предъ насыпкою каждаго кургана предварительно намѣчалось его четырехугольное основаніе; если же четырехугольная форма иногда не вполнѣ выдержана въ самой курганной насыпи, то это объясняется рыхлостью почвы и небольшимъ различіемъ между длиною и шириною кургановъ Находящійся въ основаніи кургана четырехугольникъ, а слѣдовательно и самый курганъ, всегда болѣе или менѣе правильно и постоянно одинаково оріентованъ: изъ четырнадцати случаевъ, гдѣ различіе длины и ширины достаточно ясно, девять представляютъ направленіе продольной линіи съ с. в. на ю. з., а въ остальныхъ — она направляется съ в. на з., что, въ виду различія между точками зимняго и лѣтняго восхода солнца, очевидно, даетъ одно и то же направленіе съ в. на з.

Изъ сторонъ угольнаго четырехугольника, во всѣхъ почти случаяхъ болѣе рѣзко обозначены восточная и западная сторона: здѣсь угольный пластъ является въ формѣ толстаго, превратившагося въ угли, бревна и почти постоянно сопровождается слоемъ песка, окрашеннаго въ такой цвѣтъ, какой пріобрѣтаетъ песокъ при дѣйствіи на него сильнаго огня. Эти два обстоятельства позволяютъ предполагать, что восточная и западная границы кургана намѣчались посредствомъ сожженія бревенъ, положенныхъ по направленію предполагаемыхъ границъ. Естественнѣе, впрочемъ, на первый взглядъ, то предположеніе, что передъ нами принесенныя извнѣ обгорѣлыя бревна; но этого, повидимому, не позволяетъ утверждать полное превращеніе древесины въ угли, такъ какъ при этомъ предположеніи жженое дерево имѣло бы видъ головни, да и прилегающій къ нему песокъ не имѣлъ бы наблюдаемаго теперь его цвѣта. Возможно также еще предположеніе, что эти угольные пласты — естественныя периферіи одного костра, на которомъ сожженъ былъ умершій, но съ этимъ не мирится черезчуръ ничтожное количество (а иногда и полное отсутствіе) углей въ остальныхъ мѣстахъ площади основанія кургана. Остальныя двѣ границы, сѣверная и южная,

намѣчены легкимъ угольнымъ слоемъ, — въ большинствѣ случаевъ, — рядомъ мелкихъ угольныхъ пятенъ, расположенныхъ по прямымъ линіямъ, соединяющимъ концы восточной и западной границъ. Въ двухъ случаяхъ границы кургана намѣчены сплошнымъ слоемъ бѣлаго озернаго песку (№ 20) и песочнымъ кольцомъ окрашеннымъ въ красный цвѣтъ (курганъ № 13).

На намѣченной указаннымъ сейчасъ способомъ площади и возводилась курганная насыпь, для которой земля бралась близъ самаго кургана (за исключеніемъ одного случая — курганъ № 19, гдѣ земля для насыпи принесена со стороны, — изъ двухъ различныхъ мѣстъ, что явствуетъ изъ того, что одна половина (восточная) насыпи состоитъ изъ земли болѣе темнаго цвѣта). Около насыпей, естественно, какъ результатъ извлеченія земли, наблюдаются болѣе или менѣе глубокіе рвы. За исключеніемъ наибольшаго круглаго кургана, нигдѣ рвы не имѣютъ кольцеобразнаго направленія: вездѣ они имѣютъ форму отдѣльныхъ болѣе или менѣе продолговатыхъ ямъ.

До сихъ поръ большинство этихъ ямъ-рвовъ наблюдается вполнѣ отчетливо и, за исключеніемъ одного случая (курганъ № 11), они сопровождаютъ обыкновенно основаніе кургана не болѣе, какъ съ трехъ сторонъ, — и, преимущественно съ сѣверной, восточной и южной: рвы съ западной замѣтны только въ четырехъ случаяхъ: курганы №№ 9, 11, 12 и 15. Отсутствіе рва съ одной стороны можно объяснить общежитейскими или религіозными обстоятельствами практическаго характера въ моментъ погребенія, — преобладающее же отсутствіе рва именно съ западной стороны едва ли не достаточное объясненіе находитъ для себя въ нѣкоторой покатости въ эту сторону большей части курганной площади.

Положеніе сожженнаго праха въ большинствѣ кургановъ совпадаетъ съ центромъ ихъ основанія, но есть случаи помѣщенія праха и въ другихъ мѣстахъ: въ курганѣ № 4 онъ находится въ самой насыпи, на высотѣ двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ, а въ курганѣ № 14 — на высотѣ десяти вершковъ; въ курганахъ же №№ 5, 7, 11, 18 прахъ при погребеніи былъ помѣщенъ на вершинѣ.

Кромѣ того, въ курганахъ №№ 1, 6 и 18 найдены случаи погребенія праха въ небольшихъ ямахъ, вырытыхъ уже въ ранѣе существовавшихъ курганахъ, близъ ихъ периферій.

Послѣдніе случаи объясняютъ, очевидно, что возведеніе кургана не считалось ритуальнымъ требованіемъ, и что для погребенія иногда пользовались уже готовыми курганами. Случаи погребенія въ готовыхъ курганахъ, а также и отсутствіе углей въ срединѣ курганныхъ основаній, указываютъ, что сожженіе праха происходило не на мѣстѣ погребенія, а гдѣ-то на сторонѣ. Искать мѣста трупосожженія, какъ видно изъ приведеннаго выше описанія Рацкаго бора, естественнѣе всего или на городищѣ находящемся близъ первой группы городищъ, или, еще съ большимъ побужденіемъ, внутри упомянутыхъ выше кольцеобразныхъ валовъ, расположенныхъ среди самаго могильника, или, наконецъ, на Солдатской горѣ; но, при изслѣдованіи этихъ мѣстъ, ни одно изъ нихъ не обнаруживаетъ не только остатковъ кострищъ, но и вообще какихъ бы то ни было признаковъ культуры: верхній слой ихъ почвы совершенно такой-же, какъ и въ другихъ мѣстахъ бора, — желтоватый песокъ, безъ всякихъ

посторонних примѣсей. Предполагать уничтоженіе бывших здѣсь кострищ под вліяніем дѣйствовавших здѣсь в теченіе нѣскольких вѣков естественных причин едва ли возможно, так как, на основаніи неоднократных примѣров указанных между прочим и нами при описаніи Загорскаго могильника, очевидно, что слѣды кострищ всегда сохраняются, хотя бы, по крайней мѣрѣ, в видѣ окраски почвы на их мѣстѣ в черный цвѣт. Вопрос о мѣстѣ трупосожженія в Рацком боpу остается, таким образом, открытым, городищу же и земляным валам-кольцам должно быть усвоено другое назначеніе. Городище, как предмет довольно обычный и распространенный, легко может находить для себя различныя болѣе или менѣе вѣроятныя объясненія; гораздо труднѣе рѣшеніе вопроса о назначеніи валов-колец, тѣм болѣе что факт их существованія среди курганов наблюдается в археологической практикѣ в первый раз. Оставляя болѣе подробное обслѣдованіе назначенія колец до описанія Опсовских курганов, гдѣ кольца встрѣчаются в бо́льшом количествѣ, ограничимся пока кратким замѣчаніем, что кольца эти, по нашему предположенію, или — мѣста совершенія тризн по умершим, или особый вид погребальных курганов.

Возвращаясь к описанію обряда погребенія, мы видим, что сожженный гдѣ-то на сторонѣ прах умершаго переносился обыкновенно к намѣченному для кургана мѣсту, гдѣ он и помѣщался или на самом грунтѣ, или в срединѣ насыпи, или, наконец, на самой вершинѣ кургана, иногда же он помѣщаем был уже в готовом курганѣ. Точное мѣстоположеніе праха в курганѣ в большинствѣ случаев ничѣм не обозначалось, в четырех же курганах (№№ 1, 2, 12 и 18) прах помѣщается среди булыжных камней, которые таким образом, получают значеніе гроба, урны и т. д. В курганах №№: 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 14, 15 и 19 вмѣстѣ с прахом оказались или глиняные сосуды лѣпной работы, или же только их обломки. Судя по положенію цѣльных сосудов и расположенію относительно праха черепков, сосуды не имѣли значенія урн-вмѣстилищ праха: непосредственное их назначеніе, — по всей вѣроятности, — практическаго характера, — они предназначались для перенесенія праха с костра на курган. Прах в курганѣ высыпался непосредственно на землю, сосуд же или разбивался над прахом, или же помѣщался над ним то в прямом видѣ, то вверх дном, но никогда, повидимому, он не ставился с наполнявшим его прахом. Всѣ глиняные сосуды — лѣпной работы, что впрочем нельзя истолковывать в смыслѣ отсутствія у их современников знакомства с гончарным кружком: употребленіе лѣпных горшков в погребальных обрядах, при наличности гончарнаго ремесла, явленіе довольно обычное и общеизвѣстное и всего естественѣе может быть объяснено или как один из погребальных символов, или как простой, не имѣющій строго опредѣленнаго внутренняго смысла, народный обычай, в родѣ хотя бы и до сих пор наблюдаемаго в нѣкоторых мѣстах обыкновенія приготовлять гробы из извѣстных только пород дерева или снаряжать умершаго только в извѣстнаго рода платье.

Что касается предметов домашняго быта и принадлежностей личнаго наряда, то рацкій могильник в этом отношеніи не принадлежит к числу богатых, при-

чемъ бѣдность его объясняется, повидимому, не столько обрядомъ погребенія, сколько бѣдностью самого народа, которому принадлежалъ могильникъ. Металлическіе предметы найдены едва лишь въ одной половинѣ раскопанныхъ кургановъ, причемъ, вслѣдствіе дѣйствія на нихъ огня, только желѣзныя и серебряные сохранились болѣе или менѣе удовлетворительно, бронзовые же или сплавились и образовали безформенные слитки, или же распались на части, по которымъ лишь предположительно можно судить о цѣлыхъ предметахъ. Впрочемъ на основаніи аналогіи добытыхъ раскопкою обломковъ съ предметами прибалтійско-финскихъ и липовскихъ кургановъ [1]) съ которыми, и въ частности съ предметами людвиковскаго могильника, [2]) они больше всего имѣютъ сходства, — можно предполагать о существованіи у строителей рацкихъ кургановъ кое-какихъ предметовъ личнаго наряда изъ бронзы. Сюда относятся, во-первыхъ, діадема изъ мелкихъ, обыкновенно нанизываемыхъ на шнурки спиралей, составная часть которой повидимому, — ленчатый перехватъ, — найдена была въ курганѣ № 3. Предметы, добытые въ курганѣ № 7, свидѣтельствуютъ объ употребленіи спиральнаго ожерелья съ подвѣсками, и принадлежность, можетъ-быть, также ожерелья (а можетъ-быть, и нагрудныхъ привѣсокъ) составляютъ пять бубенчиковъ изъ низкопробнаго серебра, которые оказались въ курганѣ № 17. Часть подвѣсокъ несомнѣнно составляютъ два обломка бронзы, найденные въ курганѣ № 8. Обломки стержней съ спиральнымъ орнаментомъ, оказавшіеся въ курганѣ № 3, очевидно, части браслета, а, можетъ-быть, и шейнаго обруча. Кольчужки, изъ того же кургана и мелкія спирали, изъ кургана № 8, составляютъ, повидимому, принадлежность кольчужной ткани. Кольцо изъ низкопробнаго серебра (см. курганъ № 12) хотя и могло употребляться въ качествѣ перстня, но въ виду полнѣйшаго его тождества съ кольцами-подвѣсками къ поясамъ, едва ли не правдоподобнѣе и его считать одною изъ такихъ подвѣсокъ. — Пряжки, найденныя въ курганахъ (№№ 5, 6, 8), всѣ изъ желѣза: двѣ изъ нихъ обыкновенныя, употреблявшіяся до послѣдняго времени у латышей, — сакcты, третья же, въ формѣ буквы B, составляетъ предметъ въ цѣломъ пока не повторяющійся въ другихъ курганахъ.

Изъ предметовъ домашняго обихода въ цѣломъ могильникѣ оказались лишь: желѣзный ножикъ (курганъ № 15) и двѣ глиняныхъ пряслицы (курганъ № 8 и 19).

Предметовъ вооруженія, за исключеніемъ кургана № 16, принадлежащаго по высказанному уже нами предположенію, иноплеменнику, совсѣмъ не оказалось въ Рацкомъ могильникѣ.

Данныя для этнографическаго опредѣленія могильника заключаются: а) въ сходствѣ могильника по обряду погребенія съ курганами, расположенными на западъ отсюда — въ земляхъ исконно-литовскихъ, и въ отличіи отъ кургановъ восточныхъ —

---

[1]) См. J. R. Aspelin. — Antiquités du Nord Finno-Ougrien. — Kruse: Necrolivonica. — Bähr: Die Gräber der Liven. — H. E. Hartmann: Das Vaterländische Museum, — Verhandlungen d. g. Estnischen Gesellschaft, B. VI, H. 3 и 4 — Ѳ. В. Покровскій: Виленскій музей древностей. — T. Dowgird: Pamiątki czasów przedistorycznych na Žmujdzi, — Pamiętnik Fizyjograficzny 1887. — Матеріалы по археологіи Россіи, № 4 и 14 и др.

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4.

въ бывшей землѣ Дреговичей, б) въ полной аналогіи вещественныхъ находокъ съ предметами людвиковскаго могильника, находящагося среди поселеній латышей, до послѣдняго времени употреблявшихъ тѣ же, какъ въ могилахъ, предметы украшенія, и в) въ принадлежности современныхъ жителей деревень, прилегающихъ къ Рацкому бору, къ литовскому племени. Данныя эти, съ значительною степенью вѣроятности, позволяютъ признать въ рацкомъ могильникѣ, равно какъ и въ другихъ, находящихся въ недалекомъ разстояніи отсюда на югъ, — близъ м. Опсы, др. Довборъ и др. Устья, курганы древне-литовскіе, причемъ, подобно тому, какъ Загорье составляетъ одинъ изъ западныхъ пограничныхъ пунктовъ дреговичскихъ поселеній, курганы рацкіе, опсовскіе, довборскіе и устьевскіе намѣчаютъ древне-литовскую границу — восточную.

Для опредѣленія времени происхожденія могильника въ курганахъ не находится никакихъ прямыхъ указаній. Здѣсь приходится повторить, уже сдѣланное нами при описаніи загорскаго могильника, указаніе съ одной стороны, на близость кургановъ къ Бряславу, уже въ XI в., повидимому, городу христіанскому, и, съ другой, на трупосожженіе, какъ принадлежащій языческой эпохѣ обрядъ погребенія. Можно обратить вниманіе на сходство этого могильника съ опсовскими курганами (см. описаніе ихъ), доставляющими нѣкоторыя данныя для причисленія ихъ къ X—XII вв. Все это даетъ поводъ относить рацкіе курганы къ X—XII в.в.

V и VI.

Опсовскіе курганы.

Им. Опса, Ново-Александровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, и Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи.

Курганы въ им. Опсѣ находятся въ двухъ мѣстахъ: одна группа въ Опсовскомъ лѣсномъ обходѣ, а другая въ Довборскомъ.

А. Опсовская группа кургановъ.

Курганы этой группы находятся въ разстояніи двухъ верстъ на ю. отъ м. Опсы, Ново-Александровскаго уѣзда, влѣво отъ дороги, ведущей изъ мѣстечка въ г. Видзы; расположены они, главнымъ образомъ, на заросшей теперь сосновымъ и густымъ еловымъ лѣсомъ гривѣ, идущей въ направленіи съ с.-з. на ю.-в., а также по юго-восточному спуску ея и прилегающей съ этой стороны равнинѣ.

Окружающія гриву низины совершенно сухія и, вообще, вода находится отъ кургановъ не ближе двухъ верстъ. Всѣхъ кургановъ насчитывается здѣсь болѣе семидесяти, и различаются они своею величиною и формою. Большіе курганы имѣютъ форму продолговатую, меньшіе — обыкновенно круглые.

По общему впечатлѣнію, курганы должны быть причислены, среди другихъ одинаковыхъ съ ними группъ, къ числу большихъ.

Въ разныхъ мѣстахъ могильника наблюдаются такіе же, какъ и въ Рацкомъ бору, кольцеобразные валы. Одинъ изъ нихъ находится около средины могильника и представляетъ собою совершенно правильное замкнутое кольцо; его окружность, по вершинѣ вала, 40 шаговъ, внѣшній діаметръ 15 аршинъ, внутренній около 10 аршинъ, ширина вала, такимъ образомъ, около одной сажени; высота вала надъ уровнемъ почвы 5—6 вершковъ. Земля для насыпи вала, очевидно, бралась съ периферій замкнутой имъ площади, вслѣдствіе чего послѣдняя получаетъ видъ невысокаго сферическаго сегмента. Три такихъ же кольца находятся, по сосѣдству одно съ другимъ, въ юго-восточной части могильника. Одно изъ нихъ, при общей для всѣхъ средней высотѣ вала въ 5—6 вершковъ, имѣетъ въ окружности 40 шаговъ, другое — 35 и третье около 30 шаговъ. На внутренней площади одного изъ этихъ колецъ, на разстояніи двухъ третей радіуса отъ центра, лежатъ, въ разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе полуаршина, два булыжника средней величины, поднимающіеся надъ почвою на 6—8 вершковъ. Изъ остальныхъ четырехъ колецъ, окружность которыхъ приближается къ средней величинѣ въ 35 шаговъ, два находятся на половинѣ приблизительно разстоянія между центромъ и восточными и два въ сѣверозападной части могильника.

Такимъ образомъ, всѣхъ колецъ среди опсовскихъ кургановъ, по нашимъ наблюденіямъ, насчитывается восемь.

Мѣстные жители называютъ курганы копцами и происхожденіе ихъ относятъ ко времени шведскихъ войнъ. Въ народѣ ходитъ много разсказовъ о зарытыхъ въ копцахъ деньгахъ, и, между прочимъ, одинъ изъ участвовавшихъ въ раскопкѣ кургановъ рабочихъ увѣрялъ, что онъ самъ наблюдалъ въ одномъ изъ копцовъ кладъ, въ формѣ вылетавшихъ оттуда искръ. Подъ вліяніемъ подобныхъ разсказовъ было немало попытокъ отыскиванья кладовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ вырытыя во многихъ курганахъ, особенно юго-восточной половины могильника, довольно глубокія ямы. Нѣсколько продолговатыхъ кургановъ перерыто также поперечными траншеями любителемъ-археологомъ гр. В. Плятеромъ. Подъ нашимъ наблюденіемъ въ опсовской группѣ раскопано было одиннадцать кургановъ.

Курганъ № 1.

Окружность 47 шаговъ. Длина (черезъ верхъ), съ з. на в., 17 арш. 12 верш. Ширина (черезъ верхъ) 12 арш. Рвы съ с., з. и ю.

Нижній слой насыпи состоитъ изъ однороднаго съ сосѣднею почвою желтоватаго песку съ большою примѣсью золы и черной земли; самая насыпь также съ угольнымъ вкрапленіемъ. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, кучка пережженыхъ костей, среди которыхъ помѣщались бронзовые обломки, а сверху перевернутый вверхъ дномъ глиняный сосудъ. Большинство бронзовыхъ обломковъ обратились въ безформенные слитки, нѣкоторые же и до сихъ поръ сохраняютъ такіе признаки,

по которымъ можно судить о назначенiи и формѣ предметовъ, остатки которыхъ составляютъ эти обломки. Сюда относятся: четыре обрывка цѣпей изъ заводныхъ спиральныхъ колечекъ, причемъ въ одномъ обрывкѣ каждое колечко состоитъ изъ трехъ оборотовъ, а въ остальныхъ трехъ — изъ двухъ[1]); два обломка браслета изъ пластинки, шириною въ 12 mm., орнаментованные посрединѣ продольнымъ рубчикомъ съ сопровождающими его двумя рядами зигзаговъ изъ зубчатыхъ линiй[2]); конической формы пуговка и два обломка криваго граненаго стержня, — несомнѣнно, — части шейнаго обруча[3]); спираль изъ полуовальной проволоки, по всей вѣроятности, принадлежность подвѣски[4]). $^4/_5$ кольца изъ круглой проволоки съ приблизительнымъ дiаметромъ въ 20 mm.; тонкая пластинка съ пуклеными точками — часть трапецеидальной подвѣски; глиняный сосудъ лѣпной работы, въ формѣ современнаго великорусскаго чугуна, приготовленъ изъ красной глины и обожженъ, судя по наблюдаемымъ въ немъ трещинамъ, тотчасъ по изготовленiи, высота его 90 mm., дiаметръ дна 76 mm., вѣнчика 110 mm. Въ нѣкоторомъ разстоянiи на с.-в. отъ описанныхъ предметовъ оказалась, также на грунтѣ, другая кучка костей, среди которыхъ помѣщался разломанный (перержавѣвшiй) на двѣ части желѣзный ножикъ, съ лезвеемъ въ формѣ растянутаго S, длиною въ 125 mm., и желѣзный же, изъ четырехграннаго стержня, петлеобразный предметъ, совершенно одинаковый съ попадающимися въ курганахъ такими же бронзовыми[5]) предметами — гнѣздами разныхъ подвѣсокъ.

Курганъ № 2.

Окружность 40 шаговъ. Поперечникъ 9 арш. 11 вер. Высота 1 арш. 5 верш. Рвовъ не замѣтно.

Около средины кургана, на высотѣ 1 аршина 1 вершка, кучка пережженыхъ костей и желѣзный ножикъ, длиною около 130 mm. (носокъ отломанъ); надъ костями, подъ самымъ дерномъ, — обломокъ глинянаго сосуда лѣпной работы.

Курганъ № 3.

Окружность 30 шаговъ. Длина съ в. на з., 10 аршинъ. Ширина 8 аршинъ. Рвы съ с., в. и ю.

На грунтѣ слой бѣлаго песку и черной земли. Въ центрѣ западной половины, въ углубляющейся въ грунтѣ ямѣ, — кучка пережженыхъ костей.

Курганъ № 4.

Окружность 37 шаговъ. Поперечникъ 10 аршинъ. Высота 1 арш. 7 вер. Едва замѣтный кругомъ ровъ прерывается съ с.-в.

Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — черная земля, на ней немного пережженыхъ костей и среди ихъ желѣзная четыреугольная (20 × 30 mm.) пряжка и два обломка

---

1) См. Матерiалы по археологiи Россiи, № 14, т. II, 2; IV и др. Вил. музей древностей, т. IX, 4.
2) Ср. Виленскiй музей древностей т. VI, 3.
3) Ibid. т. XI, 3–4.
4) Ibid. т. III, 11—16.
5) Матерiалы по археологiи Россiи № 14, т. IV, 2.

листовой бронзы, изъ которыхъ одинъ орнаментованъ тиснеными кружками и точками и составляетъ часть серповидной бляшки приблизительно въ 20 × 45 mm. Надъ костями перевернутая вверхъ дномъ глиняная, лѣпной работы, съ толстыми стѣнками плошка, высотою въ 110 mm. и шириною по дну 70 mm., по вѣнчику 130 mm. Рядомъ съ нею гляняный горшечекъ, на боку, гончарной, повидимому, работы, съ толстыми стѣнками, высота его 68 mm., діаметръ дна — 68 mm., вѣнчика — 73 mm.

Курганъ № 5.

Окружность 35 шаговъ. Поперечникъ 9 арш. 11 верш. Ровъ едва замѣтно обозначается неглубокими впадинами при основаніи кургана.

Подъ насыпью, на грунтѣ, слой земли пепельнаго цвѣта; около западной периферіи кургана, также на грунтѣ, — пять сложенныхъ въ кучу булыжниковъ. Въ срединѣ насыпи, на высотѣ 1 арш. 3 верш. надъ грунтомъ, протягивающійся съ сѣверо-запада на юго-востокъ слой пережженыхъ костей, среди которыхъ уцѣлѣла пальцевая косточка (бабка), свидѣтельствующая о погребеніи здѣсь повидимому дѣтскихъ костей. Среди костей помѣщались разные металическіе обломки и слитки, цѣльныя и расплавившіяся бусы и металлическіе и стекляные шлаки. Большая часть металлическихъ обломковъ принадлежитъ ожерелью, которое состояло изъ нанизанныхъ на шнурокъ спиралей съ подвѣшенными къ нимъ трапецеидальными пластинками. Спирали состоятъ изъ трехгранной проволоки, причемъ наибольшая изъ уцѣлѣвшихъ имѣетъ семь оборотовъ; внутренній діаметръ спиральнаго оборота 11 mm. Приблизительная высота трапецеидальныхъ бляшекъ 60 mm. Приготовлены бляшки были изъ листового металла и украшены по краямъ пуклеными полосками, а внизу имитирующею бахрому, также чеканною, работою. Звено, соединявшее подвѣску съ спиралью, состояло изъ довольно массивной пластинки[1]), съ просверленными въ ней тремя кружками. Большая часть обломковъ ожерелья изъ бронзы, но есть также (повидимому всѣ нужныя для составленія одного звена части) обломки и изъ какого-то бѣлаго метала, напоминающаго, по внѣшнему виду серебро. Изъ другихъ металлическихъ обломковъ легко различается часть очень маленькой бронзовой пряжки — шпенекъ. Изъ бусъ лучше другихъ сохранились состоящія изъ желтой, непрозрачной стекловидной массы[2]), онѣ имѣютъ форму небольшихъ шариковъ, иногда соединенныхъ въ группы — по два, по три и т. д.

Сохранились также подобныя сейчасъ упомянутымъ шарикъ и двояшка голубаго цвѣта. Въ одной, значительно поврежденной огнемъ, бусѣ легко разпознать первоначальную ея форму и составъ: круглый шарикъ изъ темнокраснаго стекла съ стекловидными бѣлыми жилками на его поверхности. Большая часть слитковъ бусъ, а равно и стеклянныхъ шлаковъ, имѣютъ преобладающій цвѣтъ желтый. Находившійся надъ описанными предметами сосудъ имѣетъ форму обыкновеннаго, съ высокимъ брюшкомъ, горшка; работа лѣпная; высота горшка 108 mm., діаметра дна — 75 mm,, вѣнчика — 98 mm.

---

[1]) Тождественный предметъ см. Матеріалы по археологіи Россіи № 14, т. VII, 1.
[2]) Такія бусы см. Ѳ. Покровскій, — Виленскій музей древностей, т. VII, 5.

Курганъ № 6.

Окружность 35 шаговъ. Поперечникъ 9 арш. 10 верш. Высота 1 арш. 9 верш. Рвы съ с., з. и ю.

Близь юго-западной периферіи, на грунтѣ, лежалъ глиняный, лѣпной работы, горшокъ, высотою въ 130 mm. и шириною, по дну, — 100 mm., по вѣнчику — 128 mm. Около сѣверо-западной периферіи, также на грунтѣ, кучка булыжныхъ камней и недалеко отсюда, по направленію къ центру, въ углубляющейся въ материкъ ямѣ, — угли. По грунту, между горшкомъ и центромъ кургана, наблюдаются слѣды жженыхъ костей.

Курганъ № 7.

Окружность 42 шага. Длина, съ з. на в., 11 арш. 7 верш. Ширина 9 арш. Вышина 2 арш. Рвы съ сѣверной, южной и восточной (только въ южной ея половинѣ) сторонъ.

На вершинѣ кургана, подъ дерномъ, оказался глиняный сосудъ съ пережжеными костями, подъ нимъ также жженыя кости, среди которыхъ черепки другаго глинянаго сосуда, желѣзное кресало, величиною въ 60 × 28 mm., и такой же ножикъ, съ очень толстымъ сравнительно тыльемъ ($3\frac{1}{2}$ mm.), длиною въ 140 mm. и наибольшею шириною въ 10 mm. Находившійся на верху кургана сосудъ сохранился только въ нижней своей части, тѣмъ не менѣе, по собраннымъ вокругъ его обломкамъ, можно было возстановить его первоначальную форму. Сосудъ этотъ имѣлъ форму плошки и былъ приготовленъ, повидимому, на гончарномъ кружкѣ. По брюшку орнаментъ, въ формѣ пояска изъ зигзагообразной линіи, и рядъ сопровождающихъ его съ обѣихъ сторонъ концентрическихъ линій. Діаметръ дна — 80 mm., высота сосуда 147 mm.

Курганъ № 8.

Окружность 24 шага. Поперечникъ 6 арш. 8 вер. Вышина 1 арш. Небольшія ямы при основаніи кургана съ с., ю., в. и з.

Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, оказался костякъ. Въ моментъ погребенія умершій положенъ былъ на лѣвый бокъ, головою на в., и лицомъ — на ю.; руки были сложены на груди, ноги — согнуты въ колѣнахъ и подогнуты къ корпусу. Около груди помѣщался глиняный горшокъ лѣпной работы, съ выбитымъ въ одномъ краю черепкомъ. Высота горшка 102 mm., діаметръ дна — 83 mm., горшокъ стоитъ ближе къ однороднымъ предметамъ загорскихъ кургановъ (см. выше), чѣмъ къ сосудамъ здѣшнихъ, опсовскихъ кургановъ.

Курганъ № 9.

Окружность 44 шага. Поперечникъ 11 арш. 10 вер. Вышина 1 арш. 8 вершк. Кругомъ всего кургана ровъ, съ перерывами (всходни) съ з. и с.-в.

На грунтѣ — слой золы, съ угольнымъ вкрапленіемъ, подъ которымъ, въ самой срединѣ кургана, наблюдается бѣлый песокъ. Въ срединѣ кургана, на половинѣ его высоты надъ грунтомъ, небольшая кучка жженыхъ костей, среди которыхъ помѣщались сильно поврежденные огнемъ обломки бронзы, три бронзовыхъ же пуговицы и желѣзный ножикъ. Каждая изъ трехъ пуговицъ (рис. 59) имѣетъ форму сферическаго сегмента и снабжена на плоской сторонѣ, діаметръ которой равняется 11 mm, стерженькомъ со сверлиною, предназначенною для пришиванія пуговицы къ платью. Ножикъ имѣетъ въ длину 97 (клинокъ)+93 mm., наибольшая ширина клинка—17 mm., толщина тылья 5 mm. Поверхъ костей помѣщался перевернутый вверхъ дномъ глиняный горшокъ лѣпной работы съ высокими плечиками. Высота его 117 mm., діаметръ дна 78 mm., — вѣнчика 120 mm. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центральной кучки костей на с.-в., на той же высотѣ, оказался небольшой слой кирпичнаго цвѣта земли и на немъ — легкій слой пережженыхъ костей. Въ сѣверозападной сторонѣ кургана, на грунтѣ, найденъ черепокъ глинянаго сосуда лѣпной работы.

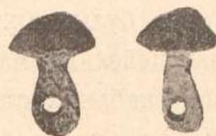

Рис. 13.

Курганъ № 10.

Окружн. 33 ш. Поперечн. 8 арш. 10 в. Выс. 1 арш. 2 в. Рвы съ с., ю. и ю.-в. На грунтѣ, подъ курганной насыпью, слой золы; ни костей, ни какихъ другихъ предметовъ въ курганахъ не оказалось.

Курганъ № 11.

Окружн. 30 шаг. Поперечн. 8 арш. 10 в. Выс. 1 арш. 3 вер. Рвы съ с. и ю. На грунтѣ, подъ насыпью легкій слой золы. Около сѣверозападной периферіи кургана, среди корней росшихъ на немъ елки и сосны, 2—3 обломка жженыхъ костей.

Б. Довборская группа кургановъ.

Курганы находятся въ разстояніи одной версты на ю. отъ деревни Довборъ и въ одной также верстѣ на с. з. отъ деревни Далекіе, Богинской волости, Дисненскаго уѣзда; занимаютъ они ровную площадь, длиною, съ с. на ю., около 100 саженей и шириною саженей въ 30—40. Площадь пересѣкается, съ в. на з. болотистой низиной, которая называется — Кровавый ручей, каковое названіе, по объясненію мѣстныхъ жителей, получила она вслѣдствіе бывшей здѣсь когда-то кровопролитной войны, отъ которой остались и самые курганы. Большая часть кургановъ, — около 60; расположены на ю. отъ Кроваваго ручья, остальные, которыхъ нѣсколько болѣе сорока, — на с. Эти послѣдніе находятся среди густаго еловаго лѣса. Среди кургановъ сѣверной половины преобладаютъ круглые, и всѣ они имѣютъ среднюю величину. Въ южной половинѣ также больше круглыхъ кургановъ, но тѣмъ не менѣе ее характеризуютъ находящіеся преимущественно около юго-восточнаго края продолговато-

четырехугольные курганы, которые, вслѣдствіе своихъ большихъ размѣровъ, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе.

Среди Довборскихъ кургановъ такъ же, какъ и около Опсы, наблюдаются на поверхности курганной площади земляные валы-кольца. Здѣшніе, впрочемъ, по своимъ размѣрамъ нѣсколько меньше, хотя строеніе ихъ совершенно одинаково съ опсовскими. Всѣхъ колецъ насчитывается здѣсь шесть и всѣ они группируются въ юго-восточной части южной половины могильника, т.-е. больше къ наибольшимъ курганамъ. Первыя два кольца находятся близь середины южной половины могильника и на такомъ близкомъ разстояніи одно отъ другого, что они касаются между собою краями и т. о. образуютъ фигуру, въ формѣ цифры 8, съ продольнымъ протяженіемъ съ ю. на с. Кольца эти различаются (едва впрочемъ замѣтно) своею величиною, именно: окружность (по вершинѣ вала) сѣвернаго, меньшаго, 28 шаговъ, — южнаго 31 шагъ, поперечникъ послѣдняго 12 аршинъ, — перваго нѣсколько меньше; ширина вала въ обоихъ кольцахъ около двухъ аршинъ. Внутренняя площадь, какъ и въ однородныхъ съ ними опсовскихъ, обнаруживаетъ въ срединѣ тенденцію сферическаго подъема. Изъ остальныхъ четырехъ колецъ (каждое самостоятельное), два находятся на юго-востокѣ отъ первыхъ и два на югѣ, близъ южной оконечности курганной площади. Внѣшній поперечникъ одного изъ послѣднихъ колецъ 10 аршинъ, — другого — 8. Около средины меньшаго кольца, какъ и въ одномъ изъ опсовскихъ, находятся два камня. Каждое изъ расположенныхъ на юго-востокъ отъ перваго — колецъ имѣетъ въ поперечникѣ 8 аршинъ и внутри одного изъ нихъ также наблюдаются два камня.

Вслѣдствіе глухаго сравнительно мѣстоположенія большіе Довборскіе курганы менѣе испорчены, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, хотя здѣсь нельзя не упомянуть съ сожалѣніемъ объ исчезновеніи съ небольшимъ десятка курганчиковъ, находившихся главнымъ образомъ на юго-восточномъ краю могильника и представлявшихъ самостоятельный типъ погребенія. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ были раскопаны упомянутымъ выше графомъ В. Плятеромъ, но большинство ихъ испорчена мѣстнымъ лѣсникомъ, по словамъ котораго, въ нихъ находимы были цѣльныя человѣческія кости съ обручами на головѣ и съ браслетами на рукахъ.

Въ Довборской группѣ изслѣдовано нами восемь кургановъ, изъ которыхъ всѣ, кромѣ двухъ (№№ 6 и 7) находились въ южной части могильника.

Курганъ № 1.

Окружность 58 шаговъ. Длина (черезъ верхъ), съ с. на ю., 16 арш. 4 в. Ширина (черезъ верхъ) 11 арш. 5 в. Вышина 1 арш. 12 в. Рвы съ в. и з.

Въ срединѣ кургана небольшое углубленіе. По грунту, подъ курганной насыпью, — слой золы съ мелкими углями. Въ самой насыпи, преимущественно, въ верхнихъ ея частяхъ нѣсколько самостоятельныхъ группъ пережженныхъ костей. Именно, кости наблюдаются во-первыхъ, въ дерновомъ слоѣ около упомянутой выше ямы, на верху кургана. Вторая кучка жженыхъ костей, вмѣстѣ съ обломками глинянаго горшка

лѣпной работы, находилась также на верху кургана „около центра его сѣверной половины. Третья кучка костей находилась, на глубинѣ 5—6 вершковъ, около юго-западнаго угла кургана. Наконецъ, четвертая кучка помѣщалась, на глубинѣ 3—4 вершковъ, въ срединѣ разстоянія между первой и третьей. Близъ послѣдней найденъ желѣзый ножикъ, длиною въ 128 (клинокъ) + 59 mm. и съ небольшею шириною въ 20 mm. Около южнаго края кургана былъ найденъ обломокъ горшка лѣпной работы. Границы кургана намѣчены были, повидимому, камнями, по крайней мѣрѣ, большія камни оказались во всѣхъ, за исключеніемъ сѣверо-восточнаго, углахъ, и два большихъ камня лежали одинъ надъ другимъ близъ четвертой кучки костей.

Курганъ № 2.

Окружность 22 шага. Поперечникъ 8 арш. Ямы съ четырехъ (с., ю., в. и з.), сторонъ кургана. Вышина 1 арш. 7 вершковъ.

Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — небольшой слой очень мелкихъ пережженыхъ косточекъ и здѣсь же — нѣсколько безформенныхъ бронзовыхъ слитковъ и бронзовая же пряжка-брошь; (рис. 60) послѣдняя приготовлена изъ продолговатой, съ заостренными концами, пластинки, длиною въ 36 mm. и шириною въ 19 mm.; орнаментована съ лицевой стороны двумя выбитыми штампою сердечками и рядами окружающихъ послѣднія зубчиковъ. На поверхности кургана найденъ очень маленькой осколокъ черепка.

Рис. 60.

Курганъ № 3.

Окружность 25 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. 7 вершковъ. Высота 1 арш. 6 в. Съ южной стороны кургана — ровъ, съ с.-в., с.-з. и з. — неглубокія ямы.

Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, среди камней — угли и пережженыя кости, среди которыхъ оказалось нѣсколько бронзовыхъ обломковъ и слитковъ и желѣзный ножикъ съ очень толстымъ тыльемъ (5 mm.), но весьма небольшихъ размѣровъ, именно: длиною въ 60 (клинокъ) + 30 mm. и шириною въ 12 mm. Среди неопредѣленной формы бронзовыхъ обломковъ есть коническая пуговка — весьма вѣроятная часть шейнаго обруча. Рядомъ съ указанными предметами, съ восточной стороны, лежали обломки глинянаго сосуда лѣпной работы.

Курганъ № 4.

Окружность 56 шаговъ. Длина, съ в. на з., 19 арш. Ширина 15 арш. Съ сѣверной и южной сторонъ кургана глубокія рвы, съ западной стороны двѣ круглыхъ ямы, и одна яма въ сѣверной части восточной стороны.

Основаніе кургана намѣчено рядомъ большихъ булыжниковъ, которые въ большомъ количествѣ попадаются также на всей занятой курганомъ площади.

Около средины кургана, на грунтѣ, жженыя кости въ перемѣшку съ обломками костей крупнаго животнаго, не обнаруживающими дѣйствія на нихъ огня. Среди костей оказались: желѣзная четырехугольная (углы закруглены) пряжка, такой же ножикъ, четыре гирьки разновѣса, два желѣзныхъ, неопредѣленной формы обломка и нѣсколько слитковъ бронзы. Пряжка состоитъ изъ четырехграннаго (2×5 mm.) стержня съ такимъ же шпинькомъ; приблизительная величина ея 40×45 mm. Ножикъ, изящной, сравнительно, формы, имѣетъ въ длину 68 (клинокъ) + 72 mm., средняя ширина его 10 mm., толщина тылья $3^1/_2$ mm., клинокъ — въ формѣ растянутаго S. Гирьки разновѣса сдѣланы изъ желѣза и сверху были бронзированы; всѣ онѣ имѣютъ форму шариковъ, усѣченныхъ съ двухъ сторонъ. Наибольшая гирька вѣситъ 9 золотниковъ 43 доли, ея діаметръ 23 mm. діаметръ площади сѣченія 15 mm.; поверхность гирьки повреждена дѣйствіемъ огня, вслѣдствіе чего бывшіе на ней, вѣроятно, знаки уничтожились. Вторая гирька вѣситъ 5 зол., 63 дол., ея поперечникъ — 19 mm., діаметръ сѣченія 11 mm., каждое изъ сѣченій обведено линіею изъ рельефныхъ точекъ и имѣетъ внутри по три такихъ же, соединенныхъ кривыми линіями, точки, Третья гирька вѣситъ 1 зол., 64 доли, діаметръ сѣченія — 10 mm.; знаковъ никакихъ не видно; вѣроятно, уничтожены огнемъ.

Послѣдняя наименьшая, гирька вѣситъ 2 зол., 90 долей, ея діаметръ 15 mm., діаметръ сѣченія — 10 mm., по краямъ сѣченій — такой же, какъ и во второй гирькѣ, ободокъ, въ срединѣ же одной площади сѣченія двѣ рельефныхъ точки, а въ центрѣ другой — одна[1]). Курганную насыпь на высотѣ 1 арш. 2—6 вершковъ перерѣзываетъ пластъ темной земли, представляющій, повидимому остатки костра, разсыпанные по не улегшейся еще поверхности кургана. На поверхности темнаго слоя, около средины западной половины кургана, — небольшая кучка пережженыхъ костей, надъ которою неоднородное съ остальною насыпью пятно земли кирпичнаго цвѣта. Около самой средины кургана, поверхъ того же темнаго слоя, найдена затылочная часть дѣтскаго черепа. Кромѣ того, около средины курганной насыпи подъ самымъ темнымъ слоемъ оказалось два скелета довольно крупныхъ (лисица?) грызуновъ.

Курганъ № 5.

Окружность 22 шага. Поперечникъ 6 арш. 10 в. Высота $^1/_2$ аршина.

Рвовъ вокругъ кургана незамѣтно, на вершинѣ — небольшое углубленіе.

Площадь основанія кургана уложена не густо камнями. Ни костей, ни какихъ другихъ предметовъ въ курганѣ не оказалось: по всей вѣроятности, прахъ помѣщенъ былъ на вершинѣ и современемъ исчезъ.

По сосѣдству съ этимъ курганомъ, въ едва замѣтномъ возвышеніи найдены были, непосредственно подъ дерномъ, обломокъ глинянаго лѣпнаго сосуда и обломки бронзовой листовой пластинки. Пластинка имѣетъ въ ширину 22 mm. и орнаментована зубчатыми зигзагами и мелкими сверлинами. Въ пластинкѣ до сихъ поръ со-

---

[1]) См. рисунки подобнаго разновѣса, напр., у Aspelin: Antiquités du Nord Finno-Ougrien. p. 261.

храняются два гвоздика, посредствомъ которыхъ она была прибита въ качествѣ орнамента, къ какому-то деревянному предмету.

Курганъ № 6.

Окружность 21 шагъ. Поперечникъ 6 арш. Высота около $^1/_2$ аршина. Едва замѣтныя ямки съ ю.-в. и ю.-з.

На вершинѣ кургана, непосредственно подъ дерномъ, оказались обломки дѣтскаго черепа и подъ ними земля темнаго цвѣта.

Курганъ № 7.

Окружность 30 шаговъ. Поперечникъ 7 арш. 5 вершковъ. Высота 1 арш. 2 вершка.

При основанiи кургана, съ западной стороны, двѣ едва замѣтныя ямки.

Около средины кургана, на грунтѣ, слабый слой золы.

Курганъ № 8.

Окружность 31 шагъ. Поперечникъ 9 аршинъ. Высота 1 арш. 8 вершковъ. Рвы съ с.-з., ю.-з. и ю.-в.

На самой вершинѣ кургана, непосредственно подъ дерномъ, найдены остатки трехъ глиняныхъ сосудовъ. Въ уцѣлѣвшей, нижней части одного изъ нихъ помѣщались пережженыя кости. Кости также перемѣшаны были и съ черепками. Въ кучѣ костей и черепковъ найдены были два небольшихъ желѣзныхъ ножика,— одинъ длиною въ 90 mm., другой (перержавѣвшiй пополамъ) — въ 150 mm. Черепки принадлежали лѣпнымъ сосудамъ изъ сѣрой глины. Только одинъ изъ этихъ сосудовъ сохранился въ болѣе значительной части, отъ остальныхъ же двухъ уцѣлѣли только нижнiя части.

Высота перваго сосуда равняется 150 mm., дiаметръ дна 90 mm.; дiаметръ дна остальныхъ сосудовъ 100 mm. и 85 mm.

Общiя замѣчанiя.

Что прежде всего обращаетъ на себя вниманiе, при изученiи опсовскихъ кургановъ, такъ это земляные валы-кольца, наблюдаемые одинаково какъ въ опсовской, такъ и въ довборской группѣ. Особенный интересъ они возбуждаютъ еще и потому, что въ данномъ случаѣ, насколько намъ извѣстно, они представляютъ явленiе, пока не встрѣчавшееся въ археологической практикѣ. При описанiи рацкихъ кургановъ, гдѣ также нами обнаружены были два кольца, между прочимъ, было замѣчено, что естественное, на первый взглядъ, опредѣленiе назначенiя колецъ, въ качествѣ мѣста трупосожженiя, не находитъ для себя основанiй, вслѣдствiе отсутствiя внутри колецъ

слѣдовъ костра. Полное отсутствіе кострищъ несомнѣнно и по отношенію къ кольцамъ опсовскихъ могильниковъ. Если присоединить сюда наблюдаемое въ довборскомъ могильникѣ существованіе двойнаго кольца, каковая форма нецѣлесообразна въ цѣляхъ предполагаемаго здѣсь трупосожиганія, то получится новое основаніе для отрицательнаго рѣшенія вопроса. Впрочемъ, опредѣлить положительно назначеніе колецъ, при отсутствіи внутри ихъ какихъ бы то ни было находокъ, не представляется никакой возможности. Позволяемъ себѣ высказать тѣ предположенія, какія у насъ явились при непосредственномъ наблюденіи колецъ. Во-первыхъ, нужно замѣтить, что большинство колецъ группируется около бо̀льшихъ по величинѣ и богатѣйшихъ по содержанію кургановъ, которые, безъ сомнѣнія, должны принадлежать выдававшимся чѣмъ-нибудь изъ общей среды лицамъ. По такимъ лицамъ, естественнѣе всего, въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ бо̀льшимъ вниманіемъ къ ритуалу совершалась и обычная до послѣднихъ дней тризна. Возможно, что разсматриваемыя кольца и есть мѣста, спеціально устроенныя для поминальной трапезы; причемъ наблюдаемыя внутри трехъ колецъ камни могли имѣть значеніе очага для несложнаго, во всякомъ случаѣ, изготовленія пищи.

Существованіе въ довборской группѣ двойнаго кольца, съ этой точки зрѣнія можетъ быть объяснено возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣленіемъ трапезовавшихъ на двѣ группы: мужчины и женщины; общій столъ, столъ почетныхъ сотрапезниковъ и т. п.

Другое возможное назначеніе колецъ: въ рацкомъ и особенно въ опсовскомъ и довборскомъ могильникахъ не разъ наблюдается погребеніе на поверхности кургана, т.-е обычай оставлять прахъ на курганѣ, безъ покрытія его землею; разсматриваемыя кольца не были ли мѣстами, устрояемыми для помѣщенія внутри ихъ остатковъ погребальнаго костра, т.-е. не являютъ ли они особый родъ курганныхъ сооруженій, спеціально предназначенныхъ для „погребенія на поверхности?“ Допустивъ такое истолкованіе назначенія колецъ, наблюдаемые въ нѣкоторыхъ ихъ нихъ камни можно истолковать въ однородномъ смыслѣ съ такими же камнями, часто встрѣчающимися въ курганныхъ насыпяхъ, а двойное кольцо довборскаго могильника могло явиться подъ условіемъ погребенія здѣсь двухъ, близкихъ при жизни, лицъ... Но такому предположенію назначенія колецъ противорѣчитъ, конечно, отсутствіе въ нихъ остатковъ погребальнаго костра; возможно, что при болѣе тщательномъ изслѣдованіи большаго количества колецъ остатки эти въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и будутъ отысканы, но, съ другой стороны, весьма естественно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и полное ихъ уничтоженіе, такъ какъ, находясь здѣсь на поверхности не тронутой земли, они не могли съ такою быстротою погрузиться въ землю, какъ тѣ остатки костровъ, которые помѣщены были на вершинѣ рыхлой курганной насыпи...

Возможны, конечно и другія объясненія колецъ, но всѣ они не идутъ далѣе простыхъ апріорныхъ соображеній и могутъ имѣть значеніе развѣ въ качествѣ возбужденія бо̀льшаго интереса къ этому, во всякомъ случаѣ, любопытному явленію. Объясненіе, впрочемъ, колецъ въ смыслѣ мѣста совершенія тризны по умершимъ, какъ намъ удалось случайно услышать впослѣдствіи, находитъ для себя, повидимому,

болѣе, чѣмъ всякія другія предположенія, основаній. Въ южно-русскихъ губерніяхъ, по сообщенію достоуважаемаго В. Г. Тизенгаузена, до сихъ поръ наблюдается при всѣхъ, особенно земляныхъ, работахъ постройка рабочими подобныхъ колецъ, причемъ изготовляются они исключительно для цѣлей совмѣстной артельной трапезы.

Обрядъ погребенія. При раскопкѣ опсовскихъ кургановъ, въ одномъ изъ нихъ (№ 8) обнаруженъ былъ костякъ. Рядомъ съ этимъ курганомъ наблюдаемы были также остатки цѣльнаго костяка, вырытые неизвѣстно кѣмъ изъ бывшаго здѣсь небольшаго кургана. Если присоединить сюда замѣчательно точныя для некультурнаго человѣка, упомянутыя выше, показанія мѣстнаго лѣсника о раскопкѣ имъ небольшихъ курганчиковъ съ цѣльными костяками, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ опсовскихъ могильникахъ былъ, хотя и незначительный, процентъ кургановъ съ погребеніемъ безъ трупосожженія. Но вслѣдствіе полнаго, повидимому, уничтоженія всѣхъ такихъ кургановъ, нѣтъ основаній говорить о нихъ больше того, что сказано при описаніи кургана № 8. Имѣя въ виду пограничное, въ отношеніи ритуала погребенія, положеніе опсовскихъ кургановъ, можно, пожалуй, высказать догадку о принадлежности кургановъ съ цѣльными костяками не туземному племени, а его восточнымъ сосѣдямъ...

Всѣ остальные опсовскіе курганы, судя по сходству ихъ величины и формы съ раскопанными, обнаруживаютъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Судя по значительному количеству на грунтѣ нѣкоторыхъ кугановъ (О[1]) №№: 1, 5, 9, 10, 11; Д № 7) золы и мелкихъ углей, сожженіе труппа производилось иногда на самомъ мѣстѣ кургана, въ большинствѣ же случаевъ трупъ сжигался гдѣ-то на сторонѣ и не въ одномъ, повидимому, опредѣленномъ мѣстѣ, такъ какъ ни около опсовскаго, ни около довборскаго могильника мѣста съ обильными остатками кострищъ пока не найдено. Въ случаѣ сожженія трупа на мѣстѣ кургана остатки праха то сгребались въ средину костра, и здѣсь засыпались землею, то (курганы О № 5 и 9 и др.), повидимому, собирались въ сосудъ и помѣщались или въ серединѣ, или наверху возведеннаго на мѣстѣ костра кургана.

Точно также и сожженный на сторонѣ прахъ не всегда помѣщался въ основаніи кургана: иногда онъ находится въ серединѣ курганной насыпи, иногда же на самомъ верху кургана. Кромѣ того, не всякій случай погребенія сопровождался возведеніемъ самостоятельнаго кургана: нерѣдко прахъ помѣщается уже въ готовомъ, насыпанномъ надъ прахомъ ранѣе умершаго, курганѣ, при чемъ онъ помѣщается или въ вырытой въ краю готоваго кургана ямѣ (напр. О № 3), или кладется съ боку кургана, то при его основаніи (напр. О № 1), то ближе къ вершинѣ (напр. Д № 1 и, повидимому, 4), и здѣсь уже засыпается землею, отъ чего, повидимому, образуется иногда удлиненная форма кургана. Вообще ритуалъ погребенія въ опсовскихъ курганахъ не имѣлъ, повидимому, у его современниковъ детально-установленныхъ правилъ: обязательнымъ считалось лишь одно сожиганіе труповъ. Во всѣхъ почти опсовскихъ курганахъ попадаются глиняные сосуды: въ двухъ случаяхъ (О № 7, Д № 8) они

---

[1]) Буквою О отмѣчаются курганы опсовскіе, а довборскіе буквой Д.

были наполнены костями, въ остальныхъ же они находились или въ извернутомъ надъ костями положенiи, или же, какъ въ курганѣ О № 6, помѣщались вдали отъ костей; въ курганѣ О № 4 надъ однимъ несомнѣнно погребальнымъ пятномъ помѣщались два глиняныхъ сосуда. Сосудамъ съ костями должно быть усвоено, очевидно, значенiе погребальныхъ урнъ, остальные же сосуды, по всей вѣроятности, употреблялись для перенесенiя остатковъ праха съ костра на курганъ, причемъ прахъ высыпался непосредственно на землю и накрывался сверху сосудомъ.

Расположенiе костей и положенiе горшка въ курганѣ О № 6 вызываетъ такое предположенiе, что здѣсь прахъ небрежно былъ высыпанъ изъ горшка и сосудъ брошенъ былъ въ сторону кургана. Небольшому горшочку кургана О № 4 должно быть усвоено значенiе бытоваго предмета, появленiе котораго здѣсь можетъ быть объяснено взглядами современниковъ погребенiя на загробную жизнь. За исключенiемъ послѣдняго горшочка и урны кургана О № 7, всѣ сосуды лѣпной работы, что, какъ уже мы имѣли случай (при описанiи рацкихъ кургановъ) замѣтить, вызывалось не отсутствiемъ знакомства съ гончарнымъ кружкомъ, а опредѣлялось очевидно требованiями ритуальнаго обычая.

Строенiе кургановъ. Разсматриваемые курганы, какъ уже выше замѣчено, двоякой формы: круглые и овальные; всѣ они насыпаны изъ земли, взятой при самомъ основанiи кургана и только въ двухъ случаяхъ (Д №№ 4 и 5) наблюдается не сплошная подстилка изъ булыжниковъ, и въ основанiи только одного кургана — О № 3 и отчасти въ курганѣ О № 9 наблюдается пластъ бѣлаго приноснаго песку. Вслѣдствiе извлеченiя земли для насыпи, около всѣхъ почти кургановъ замѣтны или рвы, или ямы. Большинство рвовъ имѣетъ направленiе прямолинейное; отсюда возможно предположенiе, что для кургановъ обыкновенно намѣчалась четырехугольная форма (пирамидальная), переходъ же ея въ сферическую легко объясняется рыхлостью почвы и незначительными размѣрами круглыхъ кургановъ, продолговатые же курганы, особенно съ большимъ протяженiемъ въ ширину и до сихъ поръ довольно ясно сохраняютъ пирамидальную форму. Рвы, въ большинствѣ случаевъ, наблюдаются только съ трехъ сторонъ, но постоянной правильной орiентовки здѣсь не видно. Средняя величина круглаго кургана выражается слѣдующими измѣренiями: окружность 31 шагъ, поперечникъ, черезъ верхъ, 8 арш. 11 вершковъ, высота надъ грунтомъ 1 арш. 4 вер. Продолговатый курганъ средней величины имѣетъ въ длину, черезъ верхъ, 14 арш. 14 вер., въ ширину 11 ар., въ вышину 2 ар. 1 в., его окружность 45 шаговъ.

Предметы личнаго наряда и домашняго обихода. Такъ какъ всѣ предметы предъ ихъ помѣщенiемъ въ курганѣ, подвергались дѣйствiю сильнаго огня, то только болѣе массивные, или же состоящiе изъ металловъ болѣе огнеупорныхъ дошли до насъ въ болѣе цѣломъ видѣ, всѣ же прочiе обратились въ безформенные слитки и только нѣкоторые изъ нихъ, въ болѣе благопрiятномъ случаѣ, мы имѣемъ возможность наблюдать въ формѣ небольшихъ обломковъ, дающихъ возможность судить о предметахъ въ ихъ цѣломъ видѣ. Большинство этихъ обломковъ составляютъ части отъ ожерелiй или подвѣсокъ и свидѣтельствуютъ такимъ образомъ объ особенномъ вниманiи

строителей разсматриваемыхъ кургановъ къ шейнымъ и нагруднымъ украшеніямъ. Такъ, въ курганѣ О № 5 мы наблюдаемъ остатки изготовленнаго изъ бронзы (повидимому, также и изъ серебра) ожерелья, въ формѣ нанизанныхъ на шнурокъ спиралей съ трапецеидальными, нарядно орнаментованными, подвѣсками. Часть, очевидно, такой же подвѣски составляетъ и орнаментованный пукленымъ крапомъ бронзовый обломокъ изъ кургана О № 1.

Въ томъ же О № 5 курганѣ мы находимъ большое количество стеклянныхъ и изъ стекловидной массы разноцвѣтныхъ и разной величины и формы бусъ, которыя могли быть собраны въ одну или нѣсколько нитокъ. Коническія пуговки изъ кургановъ О № 1 и Д № 3 свидѣтельствуютъ объ употребленіи массивныхъ бронзовыхъ шейныхъ обручей. Къ шейнымъ украшеніямъ должна быть отнесена и оказавшаяся въ курганѣ Д № 2, небольшая но довольно изящная бронзовая брошка. Нагрудныя украшенія представлены въ курганахъ, во-первыхъ, пряжками, остатки которыхъ составляютъ игла, найденная въ курганѣ О № 5, и обломокъ чешуйчатаго массивнаго стержня изъ кургана О № 1; во-вторыхъ, подвѣсками или изъ цѣпочекъ, какъ въ курганѣ О № 1 и, можетъ-быть, О № 2, или изъ нанизанныхъ на шнурокъ спиралей, какъ въ курганѣ О № 1. Къ разряду также нагрудныхъ украшеній должны быть отнесены изящный бронзовый листокъ въ формѣ цаты, изъ кургана О № 4, и три бронзовыя литыя пуговки, найденныя въ курганѣ О № 9.

Обломки браслета найдены только въ одномъ случаѣ: курганъ О № 1. Въ курганахъ О № 4 и Д № 4 найдено по желѣзной четырехугольной пряжкѣ, вѣроятно отъ ременныхъ поясовъ, но онѣ, конечно, въ счетъ украшеній личнаго наряда идти не могутъ. Изъ предметовъ домашняго обихода больше всего оказалось въ курганахъ желѣзныхъ ножей. При незначительной величинѣ всѣхъ вообще ножей, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. въ курганахъ Д №№: 3 и 4, отличаются миніатюрными размѣрами и нѣкоторымъ, возможнымъ для ножа, изяществомъ. Рукоятокъ отъ нихъ не сохранилось, но едва ли не обложку рукоятки составляла изогнутая на одномъ концѣ въ трубочку тонкая бронзовая пластинка, найденная около кургана Д № 5. — Въ курганѣ О № 7 найдено было кресало, а въ курганѣ Д № 4 — описанный выше подробно разновѣсъ. Наконецъ, къ предметамъ также домашняго обихода долженъ быть отнесенъ и небольшой глиняный горшечекъ, оказавшійся въ курганѣ О № 4.

Этнографическое и хронологическое опредѣленіе кургановъ. Опсовскій и Довборскій могильники, подобно тому какъ и Рацкій, не представляютъ никакихъ данныхъ для точнаго установленія принадлежности ихъ извѣстному опредѣленному племени, поэтому и здѣсь для рѣшенія даннаго вопроса приходится ограничиться тѣми гадательными предположеніями, какія указаны нами при описаніи рацкихъ кургановъ. Съ нѣсколько большею опредѣленностью рѣшается здѣсь хронологическій вопросъ, благодаря находкѣ въ курганѣ Д № 4 разновѣса. Гирьки, подобныя найденнымъ здѣсь, явленіе довольно обычное для прибалтійскихъ кургановъ и нерѣдко были находимы въ городищахъ и курганахъ среднерусскихъ губерній: Смоленской, Рязанской, Владимірской и Казанской. Ихъ съ полною увѣренностью можно отнести къ той

вѣсовой системѣ, которая широко была распространена, начиная съ половины десятаго и почти до тринадцатаго вѣка. Эти же хронологическія границы съ большою вѣроятностію могутъ быть приняты и для изслѣдуемыхъ нами кургановъ.

VII.

Богинскіе курганы.

Им. Богинъ Виленской губерніи, Дисненскаго уѣзда. Курганы находятся въ разстояніи одной версты на югъ отъ дер. Устье, по лѣвую восточную сторону дороги, ведущей изъ Богина въ м. Поставы; расположены они на низменной, поросшей сосновымъ и еловымъ лѣсомъ, равнинѣ, прилегающей къ юго-западному берегу Богинскаго озера. Главная группа, — около ста кургановъ, непосредственно прилегаетъ къ дорогѣ; кромѣ того десять кургановъ находятся въ разстояніи приблизительно 100 саженей на с.-в. отсюда и другіе 10 кургановъ въ такомъ же разстояніи на с. в. в. Послѣднія двѣ группы расположены на восточной опушкѣ лѣса, въ виду Богинскаго озера. Богинскіе курганы отличаются сравнительно, напр., съ опсовскими, меньшею величиною и почти всѣ они испорчены или любительскими раскопками, или изрыты крестьянами, которые имѣютъ обыкновеніе зарывать въ нихъ на зиму картофель. При нашемъ посѣщеніи мы едва могли насчитать 5—6 повидимому нетронутыхъ кургановъ и то, очевидно, вслѣдствіе того, что на нихъ росли большія деревья. По ранѣе извѣстнымъ намъ свѣдѣніямъ[1]), „Богинскіе курганы были въ 1886 г. раскапываемы гр. В. Плятеромъ, при чемъ въ нихъ находимы были незначительные остатки одного или двухъ костяковъ; найдено было также нѣсколько металлическихъ шейныхъ обручей съ подвѣсками — погремушками; стеклянныя, позолоченныя, грубой работы бусы и нѣсколько металическихъ вещицъ, въ формѣ браслетъ; металлъ похожъ на совершенную желтую мѣдь“. По разсказамъ же раскапывавшихъ курганы для гр. Плятера крестьянъ, въ большихъ курганахъ они ничего не находили, въ меньшихъ же попадались глиняные горшки, паціорки (бусы) и человѣческія кости.

Мѣстные жители называютъ курганы копцами и происхожденіе ихъ относятъ къ какой-то стародавней войнѣ. Въ народѣ передается даже цѣлая, замѣтимъ кстати, небезъизвѣстная и въ другихъ мѣстахъ[2]) легенда о происхожденіи копцовъ: здѣсь, по словамъ легенды, воевала когда-то какая-то баба, которую, послѣ пораженія ея войска на мѣстѣ копцовъ, гнали отсюда и людьми, и коньми къ тѣмъ копцамъ, что находятся за рѣчкой[3]); во время переправы черезъ рѣчку погибло много людей и лошадей, и до послѣдняго времени здѣсь торчало изъ воды дышло одной изъ затонувшихъ повозокъ...

---

[1]) Ѳ. Покровскій. — Археологическая карта Виленской губерніи 1893 г. стр. 6.

[2]) См. напр. ibid. стр. 5; также см. ниже стр. 215 Швейцарскіе (близъ Вильны) курганы.

[3]) За р. Дрисвяткой — стокомъ Богинскаго озера въ р. Дисну, въ Ковенской губерніи, по словамъ крестьянъ, есть другіе такіе же, какъ и близъ д. Устья, копцы.

Вслѣдствіе незначительнаго количества уцѣлѣвшихъ кургановъ, а также въ виду ихъ сходства съ изслѣдованными ранѣе опсовскими и рацкими, здѣсь найдено было возможнымъ ограничиться раскопкою четырехъ кургановъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одинъ представлялъ, повидимому, естественное сферической формы возвышеніе.

Курганъ № 1.

Окружность 35 шаговъ, поперечникъ (черезъ верхъ) 11 арш. 4 вер., вышина 1 арш. 8 вер. Кругомъ кургана едва замѣтный ровъ съ перерывомъ (всходомъ) съ юго-западной стороны. Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — не вполнѣ перегорѣвшіе угли и нѣсколько пережженыхъ косточекъ; здѣсь же — поврежденные огнемъ обломки бронзовыхъ вещей и небольшіе слитки бронзы, а также слитки стеклянныхъ бусъ. Среди обломковъ можно различать слѣдующіе предметы. Бронзовая пряжка изъ трехграннаго, повидимому стержня въ формѣ, кажется, обыкновенной для здѣшнихъ мѣстъ саксты. Три обрывка плетенчатой цѣпи, совершенно тождественной съ тѣми, какія найдены были при одномъ изъ костяковъ люцинскаго могильника[1]). Обломки колецъ отъ спиралей двоякой величины, — въ 12 и 5 mm. по діаметру спиральнаго оборота. Обломокъ трапецеидальной, орнаментованной пуклеными точками, подвѣски. Здѣсь, наконецъ, мы встрѣчаемся также съ обломками такихъ же височныхъ колецъ, какія найдены были въ одномъ изъ бельмонтскихъ кургановъ[2]). Всѣ стеклянныя бусы обратились въ шесть безформенныхъ непрозрачныхъ слитковъ и только при внимательномъ ихъ наблюденіи можно догадываться, что они въ неповрежденномъ видѣ представляли довольно крупной величины экземпляры, кажется, изъ темно-краснаго стекла и сверху были орнаментованы бѣлыми жилками; однимъ словомъ, въ цѣломъ видѣ онѣ были тождественны съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которыя найдены въ опсовскомъ курганѣ № 5.

Вокругъ описаннаго погребальнаго пятна валялись обломки двухъ, повидимому, горшковъ лѣпной работы, и два такихъ же черепка, также на грунтѣ, найдены, — одинъ въ южной сторонѣ кургана и другой въ западной. Сверху погребальнаго пятна помѣщались два большихъ камня, доставленные сюда откуда-то издалека, потому что близъ д. Устья камней вовсе не встрѣчается.

Курганъ № 2.

Окружность 15 шаговъ, поперечникъ 4 арш. 10 вер., вышина 5—6 вершк. Рвовъ незамѣтно. Въо снованіи кургана — два расположенныхъ одинъ надъ другимъ слоя, — нижній бѣлопесочный, а верхній изъ земли темнаго цвѣта. Погребальное пятно оказалось близъ сѣверо-восточной периферіи кургана и состояло преимущественно изъ металлическихъ обломковъ, перемѣшанныхъ съ черепками глинянаго

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 14, т. V, 3.
[2]) См. выше Бельмонтскіе курганы, № 6.

лѣпнаго горшка и землею чернаго цвѣта. Среди металическихъ обломковъ различаются слѣдующіе предметы. Спираль (рис. 61) въ шесть оборотовъ изъ четырехгранной желѣзной проволоки; діаметръ оборота 20 mm.; несомнѣнно, спираль имѣла значеніе

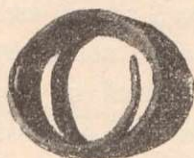

Рис. 61.

Рис. 62.

перстня. Обломокъ (рис. 62) (веревчатой) массивной бронзы, толщиною въ 8 mm.; очевидно, остатокъ шейнаго обруча[1]). Бронзовая петля[2]) соединявшая привѣски съ основною частью ожерелья. Бронзовая петля, въ формѣ колечка, съ глухимъ крючкомъ (колечкомъ) на одномъ изъ ея концовъ. Бронзовый обломокъ, въ формѣ криваго желобка, — вѣроятная часть браслета[3]). Остальные металлическіе предметы — или неопредѣленной формы обломки, или безформенные слитки. — Кромѣ того, среди металическихъ обломковъ найдены три слитка бусъ изъ стекловидной желтой массы.

Курганъ № 3.

Окружность 30 шаговъ. Длина, съ с. на ю. 10 арш. 13 в., ширина 8 арш. 8 в. Вышина 1 арш. 12 в. Рвовъ вокругъ кургана не замѣтно, но, при трехъ крутыхъ сторонахъ, курганъ на южной имѣетъ отлогій спускъ.

Въ основаніи кургана толстый, вершка въ 3, слой бѣлаго песку; въ срединѣ кургана, на половинѣ его высоты, два большихъ камня. Погребальныхъ пятенъ въ курганѣ три, два на грунтѣ и одно на поверхности кургана. Первое пятно находилось около центра южной половины; здѣсь оказались перемѣшанныя съ черною землею жженыя кости и среди нихъ кривой обломокъ бронзоваго стержня, — часть, вѣроятно, браслета или пряжки; кругомъ — глиняные, лѣпной работы, черепки. Другое пятно помѣщалось около центра сѣверной половины; здѣсь найдены: дно глинянаго сосуда лѣпной работы, жженыя кости и среди нихъ обломокъ желѣзнаго кресала, точильный брусокъ съ сверлиною на одномъ концѣ и величиною въ $53 \times 15 \times 9$ mm, разломанный на двѣ части перстень изъ листовой бронзы съ верхушкою въ формѣ орнаментованнаго по краямъ зубчатыми линіями овала, и обломокъ бронзовой проволоки. Третье пятно, находившееся въ нѣкоторомъ разстояніи на югъ отъ средины кургана, состояло изъ развалившихся двухъ, повидимому, горшковъ лѣпной работы и небольшаго количества жженыхъ косточекъ.

---

[1]) Ѳ. П. — Виленскій музей древностей. Табл. X, 1.
[2]) Описаніе ея см. выше, стр. 200, Опса, курганъ № 5.
[3]) Виленскій музей древностей. Табл. VI, 11.

Курганъ, уничтоженный извлеченіемъ песку для сосѣдней дороги.

При первоначальномъ осмотрѣ могильника наше вниманіе обращено было на курганъ, уничтоженный почти вполнѣ, за исключеніемъ центральной его части, которая уцѣлѣла вслѣдствіе присутствія здѣсь большаго пня росшей нѣкогда на курганѣ сосны. Основаніе уцѣлѣвшей части состояло изъ слоя бѣлаго песку, и при изслѣдованіи ея здѣсь найдено было погребальное пятно, именно: небольшое количество жженыхъ костей, много бронзовыхъ обломковъ и надъ ними своеобразный по формѣ сосудъ. Всѣ бронзовые обломки составляли одно повидимому, нарядное ожерелье (рис. 63)

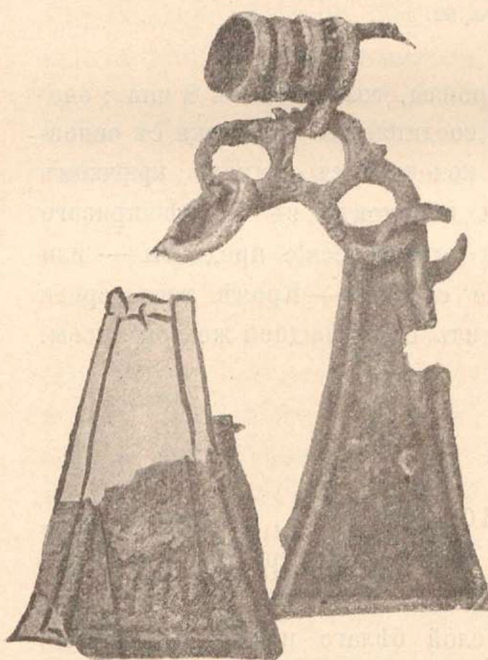

Рис. 63.

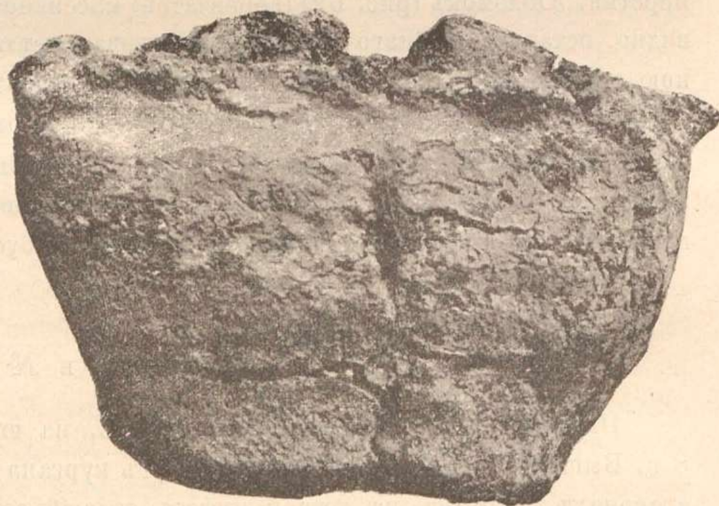

Рис. 64.

такой же формы, какой и найденное въ опсовскихъ курганахъ[1]). Лучше чѣмъ тамъ сохранившіяся трапецеидальныя подвѣски богинскаго ожерелья показываютъ, что онѣ (подвѣски) различались отчасти величиною и подробностями орнамента. Такъ, въ нѣкоторыхъ подвѣскахъ весь орнаментъ ограничивается пукленою линіею, идущею по краямъ, въ другихъ же къ нему присоединяются столбики изъ пукленыхъ точекъ, расположенные внизу подвѣски, а въ одномъ экземплярѣ наблюдаются три также пукленыхъ звѣздочки на самой серединѣ. Кромѣ того, въ описываемомъ курганѣ, вмѣстѣ съ разсматриваемыми обломками оказалась пластинка изъ листовой бронзы, орнаментованная, по направленію продольныхъ краевъ, пукленными линіями и точками и снабженная, близь одного конца, колечкомъ — петлею; длина пластинки 75 mm., ширин. 30 mm. По всей вѣроятности, пластинка эта — затворъ ожерелья, приходившійся назади шеи. Сосудъ, лежавшій поверхъ обломковъ ожерелья на боку, приготовленъ изъ совсѣмъ непромятой красной глины и

[1]) См. Опсовскіе курганы, № 5.

мелкаго бѣлаго жвиру. Форма его, (рис. 64) или, точнѣе, отсутствіе опредѣленной формы, показываетъ, что сосудъ былъ помѣщенъ въ курганъ въ сыромъ видѣ, отчего онъ съ двухъ боковъ сдавленъ землею. Высота сосуда 90 mm., приблизительный діаметръ дна 85 mm.

Общія замѣчанія.

Богинскіе курганы и по своему строенію, и по обнаруженному въ нихъ обряду погребенія, и по найденнымъ въ нихъ предметамъ личнаго наряда, вполнѣ однородны съ изслѣдованными нами ранѣе бельмонтскими, рацкими и опсовскими курганами. Здѣсь также умершій сожигался на сторонѣ, и его прахъ, вмѣстѣ съ остатками личнаго наряда, погребался или въ нарочно насыпанномъ для него курганѣ (въ разныхъ его мѣстахъ), или же помѣщался въ курганѣ уже въ готовомъ, насыпанномъ ранѣе, — надъ другимъ прахомъ.

Курганы здѣшніе также насыпаны изъ земли, бравшейся близъ самой насыпи, и только слой бѣлаго песку, благодаря, очевидно, присутствію послѣдняго въ мѣстной подпочвѣ, выступаетъ здѣсь рельефнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ опсовскихъ курганахъ.

Среди предметовъ личнаго наряда здѣсь также, какъ и въ опсовскихъ курганахъ, преобладаютъ шейныя украшенія съ тѣмъ несущественнымъ, впрочемъ, различіемъ, что народъ, оставившій богинскіе курганы, былъ, повидимому, богаче и богаче снаряжалъ своихъ умершихъ, что косвеннымъ образомъ доказывается и фактомъ полнѣйшаго почти уничтоженія могильника: любители археологіи, несмотря на сравнительную отдаленность богинскихъ кургановъ, на нихъ сосредоточивали свои поиски, очевидно потому, что раскопки ихъ сопровождались большимъ количествомъ вещественныхъ находокъ. Черты сходства богинскаго могильника съ другими, вышеупомянутыми, позволяютъ считать его такъ же, какъ и тѣ, литовскимъ и его происхожденіе относить къ первымъ вѣкамъ текущаго тысячелѣтія.

VIII.
Швейцарские курганы.

Им. Швейцары Виленской губерніи и уѣзда. Курганы находятся въ разстояніи 2—3 верстъ на с. в. в. отъ м. Рудонина и въ одной верстѣ на с. отъ им. Татаришекъ; расположены они на ровной площади, на правомъ берегу рѣчки Рудонинки, отчасти въ лѣсу гр. Тышкевича и отчасти въ казенномъ и составляютъ, такимъ образомъ, двѣ, недалеко отстоящія одна отъ другой, группы. Въ первой насчитывается 19 кургановъ, во-второй — 22; кромѣ того, въ разстояніи саженей двухсотъ на с. в. отсюда, среди одиноко растущихъ въ полѣ сосенъ есть еще два кургана. Всѣ швейцарскіе курганы имѣютъ видъ невысокихъ сферическихъ сегментовъ и нѣкоторые обложены въ основаніи камнями. Мѣстные жители называютъ курганы то шведскими, то французскими могилами, соединенная же съ ними легенда относитъ курганы къ

какой-то стародавней войнѣ, въ которой предводительствовали противными сторонами двѣ родныя сестры. Многіе изъ кургановъ испорчены производнвшимися здѣсь ненаучными раскопками: по словамъ крестьянъ, въ недавнее сравнительно время копалъ курганы одинъ изъ офицеровъ квартировавшаго въ сосѣднихъ деревняхъ полка — Буяновскій, но находилъ ли онъ что-нибудь въ курганахъ — не извѣстно. Одинъ изъ случайно встрѣтившихся стариковъ сообщалъ также наивный разсказъ о раскопкахъ этихъ кургановъ лѣтъ 50—60 тому назадъ какимъ-то „дуже ученымъ", пріѣзжавшимъ изъ Вильны, паномъ, который, по словамъ разсказчика, нашелъ здѣсь между прочимъ большую желѣзную пику. Нами раскопано въ обѣихъ указанныхъ группахъ семь кургановъ.

Курганъ № 1.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ, черезъ верхъ, 12 арш. Высота надъ уровнемъ почвы 1 арш. 8 вер. Съ сѣверо-восточной, сѣверо-западной и юго-западной сторонъ кургана замѣтны не глубокія овальныя ямы.

На грунтѣ — толстый пластъ углей, поверхъ которыхъ — часть (позвоночникъ и ребра) лошадинаго скелета, сохранившая до момента раскопки правильность расположенія костей; ни черепа, ни другихъ крупныхъ костей не оказалось. Судя по направленію реберъ, лошадь лежала головой на в. Близъ того мѣста, гдѣ должна была находиться голова, въ курганѣ найдены желѣзныя, состоящія изъ двухъ стержней и двухъ колецъ удила и восемь бронзовыхъ бубенчиковъ, частію цѣлыхъ, и частію поврежденныхъ огнемъ, частію представляющихъ обломки. Всѣ они литые и два изъ нихъ правильной шаровидной формы, остальные въ формѣ цвѣточнаго бутона. Діаметръ круглыхъ бубенчиковъ равняется 27 mm., величина остальныхъ бубенчиковъ — 28 (поперечная ось) × 31 mm (продольная ось). Одинъ изъ круглыхъ бубенчиковъ орнаментованъ по краямъ лепестковъ нарѣзными линіями, лепестки же бутонныхъ бубенчиковъ орнаментованы такими же линіями и такими же двумя линіями разграничиваются на послѣднихъ бубенчикахъ гладкая и орнаментованная части. Въ ушкахъ трехъ бубенчиковъ до сихъ поръ сохраняются звенья (въ одномъ изъ двухъ колецъ и въ двухъ изъ трехъ) цѣпочекъ изъ круглыхъ не спаянныхъ колецъ. Внутри двухъ бубенчиковъ есть шарики — позвонки. Значительная величина бубенчиковъ и мѣстоположеніе ихъ въ курганѣ съ полною вѣроятностію опредѣляютъ ихъ принадлежность къ конскому убору, а не личному наряду. Около средины кургана, справа отъ конскаго костяка, помѣщался желѣзный, сильно поврежденный ржавчиною, серпъ. Длина его, по направленію тетивы, — 220 mm. наибольшая ширина 37 mm.

Курганъ № 2.

Окружность 30 шаговъ. Поперечникъ 12 арш. Высота 1 арш. 4 в. Ямы съ с. в. и с. з. Въ курганѣ ничего не оказалось, и вырытая въ основаніи его яма обнаружила не тронутую почву.

Курганъ № 3.

Окружность 52 шага. Поперечникъ 18 арш. 12 в. Высота 2 арш. 8 вершк. Кругомъ кургана — ровъ, съ перерывомъ (всходомъ) съ ю.-з. На самой вершинѣ кургана, подъ дерномъ — куча довольно большихъ булыжниковъ. На грунтѣ, въ двухъ разныхъ мѣстахъ, найдено два обломка жженыхъ костей.

Курганъ № 4.

Окружность 28 шаговъ. Поперечникъ 9 арш. 8 вер. Высота 1 арш. Кругомъ кургана ровъ; всходы съ с., в. и ю.-в. Весь курганъ состоитъ изъ булыжниковъ средней величины.

Курганъ № 5.

Окружность 33 шага. Поперечникъ 10 арш. Вершина кургана, въ формѣ наклоненной на западъ плоскости, въ высшемъ пунктѣ достигаетъ высоты 1 арш. 4 в. Рвовъ вокругъ кургана незамѣтно. По грунту кургана — слабый бѣлопесочный слой, и поверхъ его полуаршинный пластъ земли темнаго цвѣта. Внутри темнаго слоя попадаются обломки глиняныхъ сосудовъ лѣпной работы и мелкіе обломки жженыхъ костей, въ числѣ которыхъ — лошадиный, повидимому, зубъ; поверхъ слоя — желѣзные шлаки. Близъ южнаго края кургана найденъ обломокъ желѣзнаго серпа и

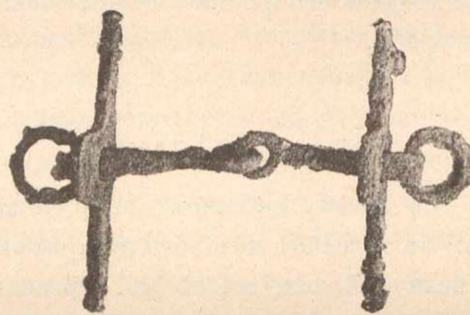

Рис. 65.

рядомъ съ нимъ кусокъ перержавѣвшаго желѣза. Близъ сѣверо-восточной периферіи найдены желѣзныя удила (рис. 65) съ трензелями.

Курганъ № 6.

Окружность 30 шаговъ. Поперечникъ 10 арш. 4 вер. Высота 1 арш. 10 в. Съ западной и юго-западной сторонъ замѣтны части кольцеобразнаго рва. Въ срединѣ курганной насыпи, на половинѣ ея высоты, — не вполнѣ перегорѣвшіе угли.

Курганъ № 7.

Окружность 37 шаговъ. Поперечникъ 12 арш. Высота 2 арш. Курганъ окружаетъ глубокій ровъ, за исключеніемъ стороны, лежащей между точками ю. и з. По грунту кургана, особенно толстый со стороны рва, слой темной земли. Близъ с.-з.-з. периферіи кургана, въ насыпи найдены желѣзныя удила и серпъ. Удила (рис. 66)

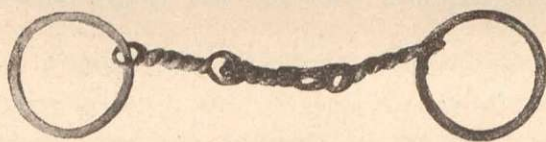

Рис. 66.

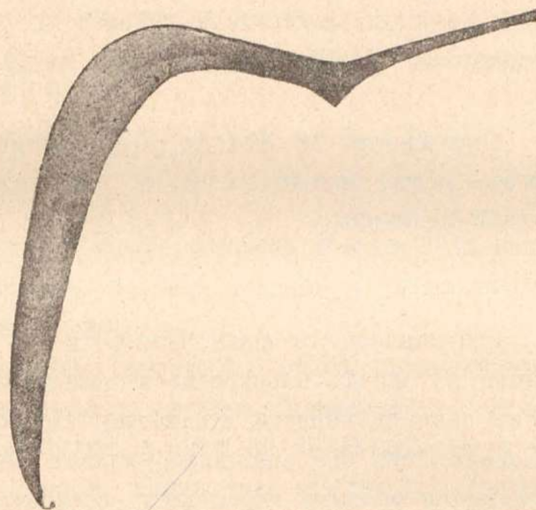

Рис. 67.

состоятъ изъ трехъ витыхъ стержней и двухъ колецъ. Серпъ имѣетъ по направленію тетивы 250 mm. наибольшая ширина его 33 mm. Зубцы наблюдаются только па незначительной части лезвея (рис. 67).

Общія замѣчанія.

Швейцарскіе курганы, по своему внѣшнему виду, напоминаютъ изслѣдованные нами въ 1892 году курганы, въ бассейнѣ недалеко протекающей отсюда рѣчки Лоши, и ближе всѣхъ, по своей величинѣ, они стоятъ къ курганамъ, находящимся въ казенномъ лѣсу, близь дер. Палошь. Средняя величина ихъ довольно близко опредѣляется на основаніи измѣреній раскопанныхъ кургановъ, именно: окружность средней величины кургана равняется 34 шагамъ, поперечникъ — 11 арш., высота 1 арш. Всѣ курганы насыпаны изъ однородной съ сосѣднею почвою земли и большинство изъ нихъ окружено рвами или ямами, расположенными безъ всякой опредѣленной правильности. Наблюдаемый во всѣхъ курганахъ обрядъ погребенія — трупосожженіе, но добытыя раскопками данныя даютъ весьма недостаточныя основанія для точнаго опредѣленія подробностей погребальнаго обряда. Только въ двухъ курганахъ (№№ 1 и 5) обнаружены очевидные слѣды костра, остальные же насыпаны надъ нетронутой почвой и два (№ 2 и 4) изъ нихъ оказались совершенно пустыми, притомъ ни въ одномъ изъ кургановъ не обнаружено опредѣленнаго погребальнаго пятна, состоящаго, обыкно-

венно, въ другихъ однородныхъ курганахъ, изъ собранныхъ въ одно мѣсто остатковъ праха и вообще погребальнаго костра. Все это даетъ основаніе предполагать, во-первыхъ, что трупосожженіе производилось чаще на сторонѣ, чѣмъ на мѣстѣ кургановъ, во-вторыхъ, что сожженіе продолжалось до полнаго уничтоженія праха и что, слѣдовательно, курганы въ глазахъ современниковъ имѣли исключительно коммеморативное значеніе. Одну изъ характерныхъ чертъ швейцарскихъ кургановъ составляетъ преобладаніе среди вещественныхъ находокъ предметовъ конской сбруи и костей. Явленіе это, наблюдаемое, впрочемъ, и въ другихъ курганахъ[1]), свидѣтельствуетъ о существованіи обычая, особенно ясно обозначающагося по отношенію къ разсматриваемому нами мѣсту, погребать вмѣстѣ съ умершимъ и его, вѣроятно, коня. Большинство находимыхъ конскихъ костей, а также и предметовъ сбруи, носитъ на себѣ слѣды дѣйствія на нихъ огня, что, очевидно, говоритъ о предшествовавшемъ погребенію костей сожженіи коня. Судя по тому, что иногда конскія кости находятся въ ямахъ, вырытыхъ уже въ насыпанномъ курганѣ[2]), нужно полагать, что сожженіе коня, происходило не одновременно съ сожженіемъ умершаго или, по крайней мѣрѣ, не на одномъ и томъ же кострѣ. Иногда, впрочемъ, конь убиваемъ былъ, повидимому, надъ погребальнымъ костромъ умершаго и, прежде чѣмъ сгорѣть, засыпался землею. Случай подобнаго погребенія коня наблюдается, между прочимъ въ первомъ изъ описываемыхъ кургановъ, и подобный же фактъ наблюдалъ покойный Киркоръ въ одномъ изъ потвинскихъ, въ Свенцянскомъ уѣздѣ, кургановъ[3]). Неизлишне также обратить вниманіе какъ на одинаковость положенія коня въ обоихъ изъ упомянутыхъ кургановъ (головою на в.), такъ и на сходство другихъ въ нихъ находокъ: удила и серпы.

Другая особенность швейцарскихъ кургановъ, это сравнительное обиліе попадающихся въ нихъ желѣзныхъ серповъ. Подобные серпы особенно часто попадаются въ курганахъ западной половины Виленской губерніи[4]). Серпъ, найденный въ курганѣ № 7, настолько хорошо сохранился до настоящаго времени, что даетъ самое точное представленіе о первоначальной формѣ этихъ предметовъ, дошедшихъ до насъ въ большинствѣ случаевъ или въ значительно поврежденномъ ржавчиною видѣ, или только въ формѣ обломковъ. Во-первыхъ, всѣ курганные серпы отличаются незначительными размѣрами и малою кривизною ихъ луки, во-вторыхъ, зубцы, какъ отчетливо можно наблюдать на упомянутомъ сейчасъ экземплярѣ, нарѣзаны только на незначительной части лезвея. Эти два факта отнимаютъ отъ серповъ значеніе орудій жатвы и заставляютъ указать другое для нихъ назначеніе. Киркоръ (а за нимъ и другіе изслѣдователи мѣстной старины), утверждая (?) фактъ находки серповъ исключительно совмѣстно съ военнымъ оружіемъ, придавалъ курганнымъ серпамъ зна-

---

[1]) См. напр. наши археологическія экскурсіи по Виленской губерніи, 1893 года, Радошковичи, курганъ № 2.— Biblioteka Warszawska, 1855 r. Z. CLXXV, str. 25—26.— Bähr., Die Gräber der Liven. S. 17, также ранѣе описанные нами курганы въ им. Опса, въ Довборскомъ обходѣ, курганъ № 4 и т. д.

[2]) См. ibid.

[3]) Biblioteka Warszawska 1855 r. Z. CLXXV str. 25—26.

[4]) Ѳ. Покровскій — Виленскій музей древностей, таб. XIV, 12.

ченіе, орудія употреблявшагося при жертвоприношеніяхъ, — повидимому для закланія жертвы... Намъ, кажется, что въ виду повсемѣстно распространеннаго обычая — снаряженія умершихъ иногда предметами домашняго быта, едва ли не естественнѣе объяснить и присутствіе серповъ въ курганахъ этимъ именно обычаемъ. Если курганные серпы не имѣютъ вполнѣ формы соотвѣтственныхъ бытовыхъ предметовъ, а представляютъ небрежно изготовленную ихъ копію, а иногда просто замѣняются обломками настоящихъ серповъ, то это весьма легко объяснить назначеніемъ курганныхъ серповъ, которые должны были служить лишь символами одной изъ сторонъ быта умершаго и, какъ таковые, вполнѣ удовлетворительно выполняли свое назначеніе. Почему въ данномъ случаѣ дѣйствительно-бытовые предметы замѣняются ихъ небрежною имитаціею, такъ это, пожалуй, можно объяснить меркантильными, первоначально, разсчетами, перешедшими впослѣдствіи въ безсознательный обычай, подобно тому, какъ обычаемъ только можно объяснить употребленіе при погребеніи лѣпныхъ сосудовъ, при несомнѣнномъ знакомствѣ съ гончарнымъ кружкомъ...

Данныхъ для этнографическаго и хронологическаго опредѣленія могильника ни въ одномъ изъ раскопанныхъ кургановъ не оказалось, хотя, съ другой стороны, не обнаружено и фактовъ, исключающимъ могильникъ изъ числа до-христіанскихъ литовскихъ, обычныхъ для данной мѣстности и, вообще, для западной части Виленской губерніи.

Формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губерніи.

В. З. Завитневича.

Раскопки кургановъ, произведенныя мною въ 1889, 1890 и 1892 гг. въ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ Минской губерніи, дали въ мое распоряженіе значительный археологическій матеріалъ, который въ обработкѣ частію уже напечатанъ[1]), частію приготовленъ къ печати. Въ этихъ работахъ, во-первыхъ, отмѣчены всѣ важнѣйшія данныя, добытыя при раскопкахъ, во-вторыхъ, сдѣланъ посильный разборъ этихъ данныхъ. Задача настоящаго доклада — представить въ возможно сжатомъ видѣ характерныя особенности погребальныхъ обрядовъ въ курганную эпоху у жителей изслѣдованной мною области. Область эта, какъ сказано, захватываетъ три уѣзда: въ Мозырскомъ уѣздѣ археологическія разысканія произведены по обоимъ берегамъ р. Припети на пространствѣ между Мозыремъ и Туровомъ; въ Рѣчицкомъ уѣздѣ раскопки произведены въ области, прилегающей къ Днѣпру противъ впаденія въ него р. Сожи, т.-е. въ области, расположенной между устьями рр. Припети и Березины; въ Бобруйскомъ уѣздѣ изслѣдованъ рядъ могильниковъ, расположенныхъ по среднему теченію р. Березины, въ пунктѣ впаденія въ послѣднюю съ правой стороны р. Свислочи, съ лѣвой — р. Ольсы съ ея притоками, также въ верховьи р. Олы (Алы). Въ Мозырскомъ уѣздѣ раскопано 163 кургана, въ Рѣчицкомъ 252 (изъ нихъ 8 изслѣдовано было раньше), въ Бобруйскомъ 232. Слѣдовательно, всѣхъ кургановъ въ этихъ трехъ уѣздахъ мною изслѣдовано 647, хотя предметомъ для научнаго наблюденія могутъ послужить только 627, потому что въ 20 курганахъ прямыхъ признаковъ погребальнаго обряда не обнаружено. Означенные курганы принадлежали 70 болѣе или менѣе отдѣльнымъ могильнымъ группамъ, число кургановъ въ которыхъ, говоря вообще, незначительно. Самый значительный могильникъ (Моховской Рѣчицкаго уѣзда) содержитъ въ себѣ до 620 кургановъ. Кромѣ того 7 могильниковъ оказалось такихъ, въ которыхъ насчитывается свыше 100 кургановъ. Въ общемъ же выводѣ на долю каждой могильной группы падаетъ около 53 кургановъ. Объемъ курганныхъ насыпей тоже незначителенъ. Самый большой курганъ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться (принадлежитъ Малейки-Городищенской группѣ Рѣчицкаго

---

[1]) См. „Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца“, кн. IV и VI.

уѣзда), имѣлъ $4^3/_4$ арш. отвѣсной высоты при 101 арш. въ окружности. Въ среднемъ выводѣ объемъ кургановъ въ трехъ изслѣдованныхъ областяхъ можетъ быть выраженъ такъ: въ Мозырскомъ уѣздѣ средняя отвѣсная высота равняется 1,26 арш. при 28 арш. въ окружности у основанія; въ Рѣчицкомъ уѣздѣ = 1,78 арш. при 41 арш. въ окружности; въ Бобруйскомъ = 1,80 арш. при 39 арш. въ окружности. Слѣдовательно, въ среднемъ выводѣ курганы изслѣдованной области не достигаютъ и двухъ аршинъ отвѣсной высоты (1,61 арш.), при окружности, не достигающей 40 арш. (36). Само собою разумѣется, что многовѣковое существованіе кургановъ не могло не отразиться на объемѣ ихъ насыпей и поэтому приведенныя цифры далеко не выражаютъ первоначальной дѣйствительности. Это же слѣдуетъ сказать и о формѣ курганныхъ насыпей, судить о которой на основаніи теперешняго вида кургановъ трудно. Тѣмъ не менѣе рядъ произведенныхъ наблюденій даетъ основаніе для слѣдующаго правдоподобнаго вывода. Насыпатели кургановъ стремились, повидимому, къ тому, чтобы при данномъ, въ большинствѣ случаевъ крутомъ, основаніи поднять насыпь до самой большей высоты, какая дозволялась средствами безыскусственной техники. Вотъ почему съ значительною вѣроятностью можно предполагать, что каждый курганъ первоначально имѣлъ форму конуса съ куполообразною вершиною. Отступленіе отъ этой нормы составляютъ между прочимъ курганы продолговатые и четыреугольные. Первые насыпались, повидимому, надъ коллективными могилами; форма вторыхъ обусловливалась, кажется, четыреугольными деревянными срубами, которые, какъ ниже увидимъ, иногда сооружались надъ могилами. Вокругъ большинства кургановъ видны слѣды рвовъ. Рвы бываютъ или полные, прерывающіеся лишь небольшими подъемами, предназначавшимися, повидимому, для всхода на курганъ, или, частичные, состоящіе изъ ряда ямъ, расположенныхъ обыкновенно у головы покойника, у ногъ, съ правой и лѣвой стороны, а такъ какъ покойники въ большинствѣ случаевъ клались въ направленіи съ запада на востокъ, то и ямы эти обыкновенно совпадаютъ съ главными сторонами горизонта. Думаю, что всѣ эти углубленія образовались вслѣдствіе выемки земли для сооруженія насыпи кургана и поэтому религіозно-обрядоваго значенія имъ приписывать не слѣдуетъ. Отсутствіе рвовъ возлѣ нѣкоторыхъ кургановъ свидѣтельствуетъ, что земля не всегда бралась на мѣстѣ сооруженія курганныхъ насыпей, а приносилась иногда со стороны. Это предположеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ подтверждается характеромъ самой насыпной земли. Вообще насыпь кургановъ въ изслѣдованной мною области состоитъ изъ песку, составляющаго подпочвенный слой въ данной мѣстности. Но попадаются и исключенія. Такъ, въ одномъ случаѣ насыпь отчетливо дѣлилась на двѣ половины: одна половина состояла изъ сѣраго ила, принесеннаго съ сосѣдняго болотистаго луга, а другая состояла изъ желтаго песку, взятаго съ противоположной стороны кургана. Очевидно, что насыпавшіе курганъ раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая приносила землю съ своей стороны и брала ее въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста сооруженія кургана.

На вершинахъ кургановъ находятся небольшія впадины. Въ Мозырскомъ уѣздѣ курганы со впадинами мнѣ не встрѣчались; въ Рѣчицкомъ уѣздѣ они встрѣтились

только въ одномъ могильникѣ; въ Бобруйскомъ уѣздѣ впадины составляютъ принадлежность почти каждаго кургана. Внимательное наблюденіе привело меня къ тому заключенію, что впадины эти представляютъ естественные провалы, образовавшіеся вслѣдствіе разложенія вышеупомянутыхъ деревянныхъ срубовъ или даже просто — гробовъ съ находившимся въ нихъ остатками покойниковъ.

Въ курганныхъ насыпяхъ въ безпорядкѣ попадаются такіе предметы, какъ древесный уголь, кремни, черепки отъ посуды, предметы украшеній и т. д. Есть полное основаніе думать, что всѣ эти предметы попали въ курганныя насыпи случайно, помимо воли человѣка, и поэтому ставить ихъ въ причинную связь съ формою погребальнаго обряда не слѣдуетъ.

Обращаюсь къ самой формѣ погребальнаго обряда.

По формѣ погребальнаго обряда курганы изслѣдованной области прежде всего дѣлятся на двѣ категоріи: 1) курганы съ трупосожженіемъ и 2) курганы съ зарываніемъ покойниковъ въ землю.

Распредѣленіе кургановъ первой категоріи по уѣздамъ и ихъ процентное отношеніе къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ неравномѣрно. Въ Мозырскомъ уѣздѣ изъ 16 изслѣдованныхъ могильниковъ обрядъ трупосожженія въ чистомъ видѣ, т.-е. безъ примѣси другой формы, встрѣтился только въ одномъ могильникѣ и кромѣ того по одному кургану встрѣтилось еще въ двухъ могильникахъ. Въ общемъ изъ 157 изслѣдованныхъ кургановъ трупоссожженіе встрѣтилось только въ 8, что составляетъ 5% общей суммы. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ изъ 26 изслѣдованныхъ могильниковъ разсматриваемый обрядъ въ чистомъ видѣ встрѣтился въ 2-хъ и кромѣ того три сомнительныхъ случая встѣтилось еще въ двухъ другихъ могильникахъ. Въ общемъ изъ 226 изслѣдованныхъ кургановъ обрядъ трупосожженія встрѣтился въ 17, что составляетъ 7,60% общей суммы. Въ иномъ процентномъ отношеніи выступаютъ курганы съ трупосожженіемъ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ. Изъ 24 изслѣдованныхъ могильковъ курганы съ обрядомъ трупосожженія встрѣтились въ 11, при чемъ въ 3-хъ могильникахъ этотъ обрядъ явился въ чистомъ видѣ безъ примѣси другихъ. Въ общемъ, изъ 244 изслѣдованныхъ кургановъ Рѣчицкаго уѣзда обрядъ трупосожженія встрѣтился въ 63, что составляетъ 25,82%.

Приведенные факты показываютъ, что, во-первыхъ, въ изслѣдованномъ районѣ обрядъ трупосожженія игралъ второстепенное значеніе и что, во-вторыхъ, его практическое примѣненіе, совершенно слабое въ среднемъ теченіи рѣкъ Припети и Березины, въ направленіи къ Днѣпру усиливалось. Послѣдній фактъ получитъ серьезное значеніе, если мы вспомнимъ, что по прямому свидѣтельству лѣтописи, получившему подтвержденіе въ раскопкахъ Д. Я. Самоквасова, по ту сторону Днѣпра, по крайней мѣрѣ въ системѣ Десны, обрядъ трупосожженія имѣлъ господствующее значеніе. Въ виду этого естественно рождается мысль, что разсматриваемый обрядъ на западную сторону Днѣпра занесенъ съ восточной. Вопросъ только въ томъ, посредствомъ какого процесса это совершилось, т.-е. путемъ ли колонизаціи или путемъ ассимиляціи, совершавшейся подъ вліяніемъ культурнаго воздѣйствія лѣвобережнаго населенія на правобережное? Для рѣшенія этого вопроса существуетъ только

одинъ путь: это сопоставленіе формъ обряда трупосожженія, практиковавшихся на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. На основаніи раскопокъ, произведенныхъ въ Черниговской губерніи, г. Самоквасовъ тамошніе курганы съ трупосожженіемъ дѣлитъ на два вида: „Курганы большой величины, прикрывающіе собою кострища, и курганы малой величины, заключающіе въ себѣ сосуды съ сожженными человѣческими костями“. Въ курганахъ перваго вида покойниковъ сожигали на кострахъ, которые устраивались на земляной насыпи, и тутъ же остатки кострища присыпались землею. Такъ что въ курганахъ этого вида, въ насыпи, т.-е. на извѣстной высотѣ отъ поверхности земли, встрѣчались кострища и остатки сожженнаго покойника съ его имуществомъ. Въ курганахъ же малаго вида кострища не встрѣчаются; покойниковъ въ этомъ случаѣ сожигали не въ курганахъ, а гдѣ-то на сторонѣ; въ курганахъ же, т.-е. въ ихъ насыпи, на извѣстной высотѣ ставили сосуды съ пережженными костями[1]). Если мы теперь обратимся къ курганамъ западной стороны Днѣпра, то должны будемъ признать, что встрѣчающаяся въ нихъ форма трупосожженія не вполнѣ тождественна съ только что описанной. Здѣсь покойники всегда сожигались не въ насыпи кургана, а на поверхности земли; здѣсь, далѣе, почти всегда за самыми развѣ рѣдкими исключеніями, курганъ насыпался на томъ же мѣстѣ, на которомъ покойникъ былъ сожженъ. Что же касается сожженныхъ костей, то онѣ въ однихъ курганахъ оставлялись на мѣстѣ сожженія, въ другихъ ставились въ насыпи кургановъ въ урнахъ и безъ урны; въ-третьихъ, наконецъ, онѣ совершенно отсутствовали; но зато въ этихъ курганахъ оказывались деревянные столбы, на которыхъ, какъ есть основаніе думать, вѣроятно и ставились урны съ костями. Въ виду сказаннаго будетъ, кажется, правдоподобнѣе признать, что обрядъ трупосожженія перенесенъ съ восточной стороны на западную не путемъ колонизаціи, а путемъ культурнаго воздѣйствія, что, впрочемъ, не исключаетъ возможности и перехода населенія съ одной стороны на другую. Форма *сожженія покойниковъ на поверхности* земли естественно напрашивается на сравненіе съ формой *зарыванія покойниковъ на поверхности земли,* имѣвшей господствующее значеніе, какъ ниже увидимъ, на западной сторонѣ Днѣпра. Сравненіе это наводитъ на мысль, что западно-бережное населеніе, заимствуя форму трупосожженія у восточно-бережнаго населенія, не переносило ее цѣликомъ, а примѣняло ее къ своимъ собственнымъ обычаямъ. Любопытно также и слѣдующее наблюденіе. Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ въ тѣхъ могильникахъ, гдѣ встрѣчается нѣсколько формъ погребальнаго обряда, самые крупные по объему курганы прикрываютъ собою кострища. Такъ какъ весьма вѣроятно, что большіе по объему курганы насыпались надъ болѣе знатными и болѣе богатыми покойниками, то можно предположить, иниціатива при заимствованіи обряда трупосожженія принадлежала верхнему слою западно-бережнаго населенія и что здѣсь прежде всего стали сожигать болѣе знатныхъ, болѣе богатыхъ покойниковъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти выводы возможны лишь при томъ предположеніи, что обрядъ зарыванія покойниковъ древнѣе обряда трупосожженія. Правда, въ позднѣйшее время

---

[1]) Труды Третьяго Археол. Съѣзда. Т. I. Сѣверскіе курганы..., стр. 205—206.

нѣкоторые археологи пытаются доказать противоположное мнѣніе, но я не думаю, чтобы это мнѣніе когда-нибудь восторжествовало въ наукѣ.

Обращаюсь къ обряду зарыванія покойниковъ въ землю. Эта форма обряда въ свою очередь имѣетъ слѣдующія подраздѣленія: 1) погребеніе въ насыпи кургана, т.-е. выше поверхности земли, 2) на поверхности земли и 3) въ ямахъ, т.-е. ниже поверхности земли.

Первая форма встрѣтилась только въ трехъ курганахъ березинскаго бассейна. Ясно, что погребеніе въ насыпи кургана въ изслѣдованной области выступаетъ какъ явленіе рѣдкое, совершенно случайное, занесенное сюда, по всей вѣроятности, съ береговъ Сожи, гдѣ эта форма встрѣчается сравнительно часто.

Гораздо большій процентъ составляютъ курганы съ обрядомъ погребенія въ ямахъ. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ изъ 226 изслѣдованныхъ кургановъ погребеніе въ ямахъ встрѣтилось въ 27, т.-е. 11,95%; въ Рѣчицкомъ изъ 244 — въ 36, т.-е. 14,75%; въ Мозырскомъ изъ 157 — въ 33, т.-е. 21%. Но особенно любопытно распредѣленіе кургановъ этого типа по могильникамъ. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ изъ 26 могильниковъ форма погребенія въ ямахъ въ чистомъ видѣ встрѣтилась только въ одномъ; въ Рѣчицкомъ уѣздѣ изъ 24 тоже только въ одномъ. Что же касается Мозырскаго уѣзда, то здѣсь мы встрѣчаемся съ слѣдующею особенностію. Изъ семи могильниковъ, изслѣдованныхъ на южномъ берегу Припети, погребеніе въ ямахъ въ чистомъ видѣ встрѣтилось въ трехъ; изъ девяти же могильниковъ, изслѣдованныхъ на сѣверномъ берегу Припети, не оказалось ни одного, въ которомъ бы погребеніе совершено было только по этому обряду. Мало того. Въ одномъ изъ могильниковъ, гдѣ эта форма встрѣтилась на ряду съ другою, курганы съ погребеніемъ въ ямахъ оказались сгруппированными въ отдѣльномъ уголкѣ, представляя въ этомъ царствѣ мертвыхъ какъ бы отдѣльную колонію иноземцевъ. Приведенные факты получатъ серьезное научное значеніе, если мы вспомнимъ, что къ югу отъ Припети, вплоть до береговъ Роси, форма погребенія въ ямахъ, какъ показали изслѣдованія В. Б. Антоновича, была господствующей[1]). Ясно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ аналогичнымъ съ тѣмъ, какое разсмотрѣно было раньше. Очевидно, что какъ обрядъ трупосожженія на западную сторону Днѣпра занесенъ былъ съ восточной, такъ обрядъ погребенія въ ямахъ на сѣверный берегъ Припети занесенъ былъ съ южнаго берега. Изъ сказаннаго видно, что въ предѣлахъ обслѣдованнаго мною района Днѣпръ и Припеть служили границами, на которыхъ соприкасались три племени, имѣвшія свои нѣкоторыя этнографическія особенности.

Но если и трупосожженіе и погребеніе въ ямахъ были заносными формами въ данной области, то какой же именно формы погребальнаго обряда придерживалось господствующее населеніе этого края? Такою формою былъ обрядъ погребенія на поверхности земли. Это доказывается слѣдующими цифровыми данными. Въ Мозырскомъ уѣздѣ на долю этой формы приходится 73,89% (116 изъ 156); въ Рѣчицкомъ 59,43% (145 изъ 244); въ Бобруйскомъ 80,53% (182 изъ 226). Въ общемъ изъ

---

[1]) Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. Импер. Арх. Коммиссіи, № 11, см. стр. 7.

627 изслѣдованныхъ кургановъ погребеніе на поверхности земли обнаружено въ 443, что составляетъ 70,65%. Границы этого типа приблизительно можно опредѣлить такъ. На югѣ р. Припеть; на востокѣ — Днѣпръ; на юго-западѣ — водораздѣльная линія между бассейнами рѣкъ Припети и Нѣмана съ одной стороны и Зап. Буга и Нарева — съ другой; въ области бассейна Зап. Буга и Нарева несомнѣнно господствовали другія формы обряда[1]); на западѣ разсматриваемая форма переходила въ область верхняго Нѣмана; при изслѣдованіи Черниковскаго могильника (Минскаго уѣзда Койдановской волости), расположеннаго на р. Усѣ, притокѣ Нѣманѣ, мною обнаруженъ былъ обрядъ погребенія на поверхности земли; по указать предѣлы распространенія этой формы въ области Нѣмана пока еще невозможно; здѣсь должны быть произведены дальнѣйшія разысканія. На сѣверѣ разсматриваемая форма обряда, пересѣкая водораздѣльную линію между Припетью и Березиною, переходитъ въ область послѣдней и поднимается вверхъ, кажется до самыхъ ея верховьевъ; по крайней мѣрѣ въ могильникѣ, изслѣдованномъ мною въ окрестностяхъ г. Борисова, обнаружена была эта же форма. Весьма важно было бы опредѣлить границы этой формы на сѣверо-востокѣ. Изъ имѣющихся данныхъ несомнѣнно, что разсматриваемая форма встрѣчается не только въ области бассейна р. Друти, но и въ бассейнѣ р. Сожи и вообще простирается далеко на сѣверъ въ предѣлы Смоленской губерніи. Но въ какомъ процентномъ отношеніи курганы съ формою погребенія на поверхности земли находятся къ курганамъ съ другими формами погребальнаго обряда встрѣчающимися въ указанномъ районѣ, рѣшить это я не имѣю возможности. Не скажу, чтобы данный районъ не привлекалъ къ себѣ вниманія нашихъ археологовъ; но результаты ихъ разысканій частію совсѣмъ не обнародованы, частію изданы въ сыромъ видѣ, и пользоваться ихъ трудами, вслѣдствіе встрѣчающихся тамъ неточностей и даже очевидныхъ промаховъ, нѣтъ почти никакой возможности. А между тѣмъ, повторяю, точное опредѣленіе на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ границъ даннаго погребальнаго типа было бы весьма важно вотъ почему. Для всякаго очевидно, что указанныя границы (южная, восточная и западная) разсматриваемаго погребальнаго обряда совпадаютъ съ границами, какія Начальная лѣтопись отводитъ для дреговичскаго племени. По прямому свидѣтельству Начальной лѣтописи дреговичи занимали все пространство между Припетью и Двиною: „а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася дреговичи". Въ согласіи съ этимъ свидѣтельствомъ находятся и свѣдѣнія относительно границъ древлянъ, сѣверянъ и литовцевъ, сосѣдившихъ съ дреговичами. Въ согласіи съ нимъ, далѣе, находятся и данныя позднѣйшей этнографіи, свидѣтельствующей о существованіи въ этихъ границахъ бѣлорусской народности, имѣющей свои этническія особенности. Но та же этнографія говоритъ намъ, что границы бѣлорусской народности не совпадаютъ съ границами дреговичскаго племени, что она простирается и въ область полоцкихъ и смоленскихъ кривичей. Изъ исторіи мы знаемъ также, что княжескій родъ, владѣвшій племеннымъ центромъ полоцкихъ кривичей, владѣлъ также

---

[1]) См. изслѣдов. Н. П. Авенаріуса. Матер. по Археолог. Россіи, № 4. Древн. сѣверо-зап. края. Т. I, вып. I.

и Минскомъ и Друтскомъ, словомъ областью, находившеюся по сю сторону водораздѣльной линіи, которую всего естественнѣе было бы признать границею между дреговичами и полоцкими кривичами. Въ виду всего этого естественно можетъ родиться слѣдующій вопросъ: существовало ли какое-нибудь существенное различіе между дреговичами и кривичами, по крайней мѣрѣ такое, какое указано между тѣми же дреговичами съ одной стороны и древлянами и сѣверянами — съ другой, или, можетъ быть, дреговичи представляли лишь отдѣльную вѣтвь обширнаго племени кривичей? Какой бы ни получился отвѣтъ на этотъ вопросъ, т.-е. положительный или отрицательный, во всякомъ случаѣ важное научное значеніе его выше всякаго сомнѣнія.

Обращаюсь къ другимъ типичнымъ особенностямъ погребальнаго обряда, между которыми прежде всего заслуживаютъ вниманія *пепелища,* на которыхъ клались покойники. Въ Мозырскомъ уѣздѣ присутствія пепелищъ мнѣ не удалось обнаружить; въ Рѣчицкомъ уѣздѣ они встрѣчались сравнительно нечасто; въ Бобруйскомъ уѣздѣ они встрѣчались въ 47 курганахъ, принадлежавшихъ 17 могильникамъ (изъ 26). Изъ раскопокъ другихъ археологовъ извѣстно, что районъ распространенія кургановъ съ пепелищами далеко выходитъ изъ предѣловъ мною изслѣдованной области: они встрѣчаются и сѣвернѣе и южнѣе. Пепелища обыкновенно сопровождаютъ обрядъ погребенія на поверхности земли, хотя встрѣчаются иногда и въ курганахъ съ погребеніемъ въ ямахъ. Въ курганахъ, мною изслѣдованныхъ, пепелища всегда состояли изъ слоя золы съ примѣсью микроскопическихъ частичекъ древеснаго угля; крупный уголь среди пепелища мнѣ никогда не встрѣчался, и этимъ отсутствіемъ крупнаго угля пепелища рѣзко отличаются отъ кострищъ. Присутствіе подъ пепелищемъ слоя земли, подвергшагося дѣйствію сильнаго огня, показываетъ, что зола, образующая пепелища, не приносилась извнѣ, а образовывалось на мѣстѣ при сожиганіи горючаго матеріала. Мѣстныя крестьяне, приглашенные въ качествѣ экспертовъ, поставили пепелища въ связь съ существующимъ у нихъ обычаемъ сожигать стружки отъ гроба на мѣстѣ его приготовленія, что дѣлается якобы для того, чтобы „въ хатѣ не было холодно". Если принять это сопоставленіе за фактъ, то легко будетъ понять, почему среди пепелищъ не встрѣчается крупный уголь: стружки, какъ легко воспламеняющійся матеріалъ, совершенно испепелялись, не оставляя послѣ своего сгоранія крупнаго угля. Для уясненія смысла происхожденія пепелищъ важное значеніе имѣетъ фактъ присутствія въ золѣ микроскопическихъ частичекъ пережженныхъ костей. Фактъ этотъ показываетъ, что на огнѣ, оставившемъ пепелища, сожигались куски мяса съ костями. Весьма вѣроятно, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ слѣдами жертвоприношеній составлявшихъ принадлежность погребальнаго обряда. Но возможно и другое предположеніе. Въ нѣсколькихъ случаяхъ, встрѣтившихся В. Б. Антоновичу, пепелища замѣнены были „подстилкой", состоявшей изъ бѣлаго или цвѣтного песку, изъ цвѣтной глины, разноцвѣтныхъ камушковъ, истолченнаго гранита[1]) и т. д. Судя по характеру такихъ подстилокъ, можно полагать, что онѣ составляли принадлежность не погребальнаго обряда, а погребальнаго, такъ сказать, комфорта. Если подъ этимъ

[1]) Тамъ же, стр. 9.

угломъ зрѣнія взглянуть и на пепелища, то дѣло представится въ такомъ видѣ. Послѣ приготовленія гроба, стружки и трески собирались и зажигались съ цѣлію расчистить мѣсто для погребенія покойника; образовавшаяся при этомъ зола составляла естественную подстилку; разложеннымъ же огнемъ могли пользоваться для такихъ цѣлей, какъ жертвоприношеніе, приготовленіе тризны и т. д.

Прямое отношеніе къ церемоніямъ погребальнаго обряда имѣетъ встрѣчающаяся въ курганахъ глиняная посуда. Въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ посуда встрѣчается сравнительно рѣдко, въ Бобруйскомъ — гораздо чаще. Исключая факты случайнаго присутствія черепковъ, слѣды несомнѣннаго присутствія посуды въ Бобруйскомъ уѣздѣ обнаружены въ 51 курганѣ, принадлежавшихъ 16 могильникамъ. Посуда встрѣчается въ курганахъ всѣхъ типовъ, т.-е. съ трупосожженіемъ, съ погребеніемъ въ ямахъ и на поверхности земли. Въ курганахъ перваго типа посуда въ большинствѣ случаевъ имѣетъ значеніе погребальныхъ урнъ; въ курганахъ втораго типа она находится или въ ямахъ, возлѣ покойниковъ, или на поверхности ямъ; въ курганахъ третьяго типа посуда обыкновенно стоитъ у ногъ покойника, но иногда встрѣчается и у головы. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ посуда состоитъ изъ горшковъ той же формы, какая и понынѣ сохранилась у мѣстныхъ крестьянъ; но иногда встрѣчаются и плоскія мисочки. Матеріалъ посуды — глина черная, сѣрая и бѣлая. Горшки почти всегда носятъ на себѣ слѣды приготовленія на гончарномъ станкѣ; исключеніе изъ этого правила составляютъ встрѣчающіеся иногда небольшіе горшечки, грубой ручной работы. Посуда почти всегда хорошо выжжена и, вообще, по своей доброкачественности едва ли уступаетъ современной. Основной мотивъ орнамента, который нерѣдко встрѣчается на посудѣ, обыкновенно составляетъ веревочка простая или вьющаяся. Назначеніе посуды въ курганахъ съ зарываніемъ покойниковъ въ землю опредѣляется присутствіемъ внутри горшковъ золы съ углемъ. Горшки, миски и даже черепки съ углями и по настоящее время въ большомъ количествѣ можно встрѣчать въ Бобруйскомъ уѣздѣ на кладбищахъ: въ этой посудѣ при погребеніи покойниковъ совершается куреніе Ивано-купальскою травою. Думаю, что и курганная посуда имѣла то же назначеніе. Въ одномъ случаѣ въ горшкѣ найдена была *восковая свѣча;* свѣча приготовлена изъ очищеннаго воску, а свѣтильня сдѣлана была, кажется, изъ пакли; приготовленіе свѣчи самое грубое; она вылѣплена была въ рукахъ. Если мы вспомнимъ, что воскъ служилъ однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли русскихъ славянъ, то легко допустимъ, что возжиганіе у нихъ при похоронахъ „свѣчи воску яраго“ не было слѣдствіемъ вліянія христіанства, а могло быть выработано мѣстнымъ языческимъ культомъ.

Признавая за фактъ, что посуда употреблялась главнымъ образомъ для куренія, нельзя отрицать и того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она могла имѣть и другое назначеніе. Имѣю въ виду тѣ случаи, когда въ одномъ и томъ же курганѣ встрѣчается не одинъ, а два и даже три экземпляра посуды. Въ двухъ случаяхъ, разъ въ женскомъ, другой разъ въ дѣтскомъ курганѣ, обнаружены были, какъ мнѣ казалось, слѣды присутствія какого-то жирнаго вещества. Въ виду небольшаго объема этихъ горшечковъ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы въ нихъ содержалась пища.

Вообще, въ виду отсутствія прямыхъ указаній, по этому вопросу могутъ быть высказываемы только предположенія, на которыхъ, по ихъ гадательному характеру, не останавливаюсь.

На ряду съ глиняной посудой встрѣчаются деревянныя въ желѣзной оковкѣ ведра, которыя обыкновенно ставились у ногъ покойника. Ведра эти всегда снабжены желѣзной дужкой для ношенія; объемъ ихъ незначительный: діаметръ желѣзныхъ обручей (деревянная часть ведра всегда находится въ разложившемся состояніи) равняется обыкновенно 4—6 вершкамъ. Желѣзная оковка всегда отличается тонкостью; ширина обручей не превышаетъ $^1/_4$ вершка. Въ одномъ случаѣ края ведра отдѣланы были серебряными вызолочеными бляхами; такая же круглая бляха украшала изнутри дно ведра. Послѣдній фактъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ назначеніе ведеръ: въ ведрахъ, очевидно, хранилась и носилась прозрачная жидкость, всего вѣроятнѣе, конечно, вода. Хотя, признаюсь, мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы люди столь невысокой культуры для ношенія воды изъ рѣкъ и колодцевъ употребляли ведра съ серебряной, вызолоченной отдѣлкой. Тутъ невольно вспоминается, что объемъ чаръ, которыя выпиваютъ наши исконные богатыри, измѣряется ведрами; а вѣдь извѣстно, что питье для Руси искони было весельемъ. Если при этомъ вспомнимъ, какая посуда и по сей день употребляется въ нѣкоторыхъ уголкахъ нашего деревенскаго захолустья, то легко въ состояніи будемъ предположить, что до сближенія нашего съ Византіей и до заимствованія оттуда металлической посуды, послѣдняя всецѣло замѣнялась у насъ деревянной. Вотъ почему нѣтъ, кажется, ничего страннаго въ предположеніи, что ведра, о которыхъ идетъ рѣчь, если не всегда, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предназначались не для воды, а для вина. Впрочемъ, это простая догадка, ни для кого не обязательная.

Въ могильникахъ всѣхъ трехъ уѣздовъ нерѣдко встрѣчаются деревянные гробы. Бываютъ случаи, когда о присутствіи въ могилѣ гроба приходится судить предположительно на основаніи лишь слабыхъ слѣдовъ дерева. Представляютъ ли эти слѣды остатки полнаго гроба, или они сохранились отъ дерева, которое клалось въ могилу въ качествѣ нижней подстилки, головной подкладки и т. д., представляющихъ зачаточную форму гроба, рѣшить трудно. Но случалось встрѣчать гробы настолько хорошо сохранившимися, что опредѣлить ихъ форму было легко. Изъ этихъ случаевъ видно, что опредѣленной, точно установившейся, формы гроба не было. Обыкновенно гробъ устроивался такъ. Покойникъ клался на чистой землѣ; съ четырехъ сторонъ его обставляли досками — двумя продольными и двумя поперечными; послѣднія иногда ставились вертикально; крышка гроба состояла изъ продольныхъ досокъ; боковыя продольныя доски иногда выходили концами за предѣлы поперечныхъ; доски приготовлялись обыкновенно изъ дуба или сосны; концы ихъ отрубались несомнѣнно желѣзнымъ топоромъ; толщина досокъ часто настолько значительна, что онѣ напоминаютъ нерѣдко наши брусья. Гробы, опускавшіеся въ ямы обыкновенно у́же тѣхъ, которые встрѣчаются на поверхности земли. Составныя части гроба иногда сколачивались желѣзными гвоздями съ круглыми шляпками, тождественными по формѣ съ тѣми, какіе и по настоящее время приготовляются деревенскими кузнецами; для

скрѣпленія угловъ иногда употреблялись гвозди на подобіе крючьевъ, съ загнутыми подъ прямымъ угломъ концами вмѣсто обычныхъ шляпокъ. Гробы, сколоченные желѣзными гвоздями, приходилось встрѣчать по преимуществу въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ; въ Бобруйскомъ же они почти не встрѣчаются. Зато въ Бобруйскомъ уѣздѣ въ одномъ случаѣ оказался гробъ, имѣвшій современную намъ форму. Въ интересахъ, вѣроятно, предохраненія покойника отъ быстраго разложенія гробъ иногда обкладывался березовою корою, обсыпался известью, сосновою смолою и даже обжигался. Въ послѣднемъ случаѣ дѣлалось такъ. Гробъ обкладывался нѣсколькими слоями березовой коры, которая иногда прибивалась желѣзными гвоздями; затѣмъ кора поджигалась; какъ только кора и доски гроба обугливались, ихъ засыпали землею. Но иногда огонь пробивался во внутрь гроба и тогда дѣйствію его подвергался самъ покойникъ. Способъ обжиганія покойниковъ, встрѣтившійся мнѣ только въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, попадается и сѣвернѣе, по западную и восточную сторону Днѣпра, — въ бассейнѣ р. Сожи[1]).

Обращаюсь къ встрѣчающимся въ могилахъ предметамъ. Предметы эти можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни имѣли практически бытовое значеніе, другіе служили украшеніемъ. Остановимся сначала на предметахъ первой категоріи, между которыми первое мѣсто слѣдуетъ отвести оружію. Въ Мозырскомъ уѣздѣ оружіе не встрѣчалось; въ Бобруйскомъ уѣздѣ встрѣчалось рѣдко; въ Рѣчицкомъ уѣздѣ оказалось почти 6% кургановъ съ оружіемъ; именно: оно встрѣтилось въ 14 курганахъ, принадлежавшихъ 6 могильникамъ, и кромѣ того крестьянами заявлено было о нахожденіи въ курганахъ двухъ топоровъ и двухъ копій. Оружіе состояло изъ желѣзныхъ топоровъ и копій (12 топоровъ и 2 копья) и встрѣчалось въ курганахъ всѣхъ типовъ, т.-е. въ курганахъ съ погребеніемъ въ ямахъ, на поверхности земли и съ трупосожженіемъ. По формѣ топоры могутъ быть подраздѣлены такъ: съ узкими лезвіями и широкими, съ тупыми тыльями и съ удлиненными въ формѣ молотковъ. Всѣ эти формы встрѣчаются въ „Атласѣ къ изслѣдованію о мерянахъ и ихъ бытѣ“ гр. А. С. Уварова (табл. XXIX). Наконечники копій состояли изъ втулки и обоюдоостраго клинка. Въ одномъ случаѣ встрѣтился засапожный ножъ.

Оружіе всегда клалось возлѣ покойника, ниже пояса, у праваго или лѣваго бедра. У самаго же пояса обыкновенно встрѣчаются всѣмъ хорошо извѣстные желѣзные ножики со слѣдами въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревянныхъ и костяныхъ рукоятокъ. Любопытно то, что въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ ножики встрѣчаются сравнительно часто; въ Бобруйскомъ же уѣздѣ они составляютъ большую рѣдкость. Тутъ можетъ быть не лишне будетъ вспомнить, что въ Припетскомъ Полѣсьѣ, особенно въ захолустьяхъ Мозырскаго уѣзда, и въ настоящее время почти каждый мужчина, старый и малый, имѣетъ у пояса складной ножъ; тогда какъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ съ обычаемъ носить ножи мнѣ не приходилось встрѣчаться.

На ряду съ ножиками, но гораздо рѣже ихъ, встрѣчаются у пояса также: огниво, кремень, губка и оселокъ. Предметы эти заключались или въ особаго рода

---

[1]) См. Дневникъ раскопокъ, произвед. гг. Фурсовымъ и Чоловскимъ. Могилевъ, 1892.

сумки или мѣшечки. Сумки запирались пряжками, мѣшечки затягивались снурками, къ концамъ которыхъ прикрѣплялись литыя бронзовыя кольца. Всѣ названные предметы чаще встрѣчаются въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, чѣмъ въ Бобруйскомъ. У пояса же встрѣчаются желѣзныя или бронзовыя пряжки отъ кушаковъ. Въ Мозырскомъ уѣздѣ пряжки имѣютъ видъ замкнутыхъ колецъ; въ Бобруйскомъ уѣздѣ онѣ почти не встрѣчаются; пряжки Рѣчицкаго уѣзда можно раздѣлить на двѣ категоріи: однѣ имѣютъ форму колецъ, одна сторона которыхъ (нижняя) плоская, другая (верхняя, наружная) округленная. Концы этихъ пряжекъ не сходятся вполнѣ, а оканчиваются или кольцевидными загибами къ наружной сторонѣ, или какими-нибудь другими формами, напримѣръ, головками животныхъ. Форма пряжекъ другого типа — лировидная; имѣя продолговатую форму, онѣ дѣлятся на двѣ половины внутреннею перепонкою, въ центрѣ которой иногда имѣется небольшая дырочка для прикрѣпленія язычка. Составляя характерную особенность кургановъ Рѣчицкаго уѣзда, пряжки этого типа встрѣчаются и въ бассейнѣ З. Двины и Поволжскомъ краѣ, гдѣ гр. Уваровъ находилъ ихъ въ мерянскихъ курганахъ. На ряду съ пряжками слѣдуетъ упомянуть особый видъ костяныхъ застежекъ; это тонкія, круглыя, длиною около 2 вершковъ, костяныя палочки (напоминающія кусокъ обыкновеннаго карандаша), которыя, будучи прикрѣплены по срединѣ у одного борта платья, задѣвались въ петлю, находившуюся у другого борта и, такимъ образомъ, замѣняли собою пуговицы. Экземпляръ такихъ застежекъ встрѣтился въ курганѣ Рѣчицкаго уѣзда, а въ Бобруйскомъ уѣздѣ встрѣчаются бронзовыя, якоревидныя застежки, прикрѣплявшіяся къ платью ремешкомъ. По одному или по два экземпляра встрѣтились также слѣдующіе предметы: желѣзныя удила съ мундштукомъ (одинъ экземпляръ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ), бронзовые вѣсы съ вѣсовымъ камнемъ (1 экз. тамъ же), желѣзное шило съ рукояткой изъ рога дикой козы (тоже), серпы (въ Бобруйскомъ уѣздѣ цѣлый, а въ Рѣчицкомъ уѣздѣ — обломокъ), ножницы для стрижки овецъ (тоже), пряслицы. Къ предметамъ неизвѣстнаго назначенія слѣдуетъ отнести слѣдующіе: два обыкновенныхъ рога (цѣлый и кусочки), надѣвавшіеся, кажется, на деревянные палки, клыкъ дикаго кабана безъ всякой отдѣлки и чашки, находившіяся, повидимому, въ рукахъ покойниковъ: въ двухъ случаяхъ изъ черепа мѣстной черепахи (Рѣчицкаго уѣзда), въ одномъ случаѣ — изъ черепа человѣка.

Гораздо больше встрѣчается въ курганахъ предметовъ украшеній, которыми характеризуются по преимуществу курганы женскіе. Для приготовленія предметовъ украшенія употреблялся слѣдующій матеріалъ: золото, серебро, бронза, металлъ неизвѣстнаго состава съ преобладаніемъ, повидимому, олова, сердоликъ, аметистъ, горный хрусталь, янтарь, стекло, шиферъ, разнообразная композиція и желѣзо. Само собою разумѣется, что археологъ можетъ говорить въ данномъ случаѣ лишь о предметахъ, приготовлявшихся изъ такого матеріала, который, оставаясь въ теченіе вѣковъ въ землѣ, не подвергся окончательному разрушенію. Предметы украшеній группируются обыкновенно около головы, шеи и рукъ. Возлѣ головы встрѣчаются прежде всего кольца серебряныя, бронзовыя и изъ вышеназваннаго металла, неизвѣстнаго состава. По своему объему кольца дѣлятся на малыя, имѣющія $^3/_8$ вершка въ діаметрѣ, боль-

шія, достигающія иногда до 2 вершковъ въ діаметрѣ и среднія, занимающія средину между тѣми и другими. Кольца всегда приготовлялись изъ тонкой проволоки; концы проволоки или просто сводятся между собою, или заходятъ одинъ за другой спиралью; но всегда безъ спайки. Малыя кольца обыкновенно вплетались въ волосы иногда по десяти штукъ и больше; кольца большаго формата всегда встрѣчаются возлѣ висковъ; они или вплетались въ волосы, или прикрѣплялись къ особому головному убору. Недалеко отъ височныхъ костей встрѣчаются серьги; серьги состоятъ или просто изъ проволочныхъ колецъ, или изъ колецъ съ надѣтыми на нихъ одною, двумя или тремя бусами; одинъ конецъ проволочнаго кольца, составляющаго основу серьги, чаще всего завитъ бываетъ въ маленькое колечко; проволочное кольцо, въ пространствѣ между надѣтыми на него бусами, часто обвивается тонкою проволокою, препятствующею бусамъ свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто; серьги бываютъ, если можно такъ выразиться, одно-ярусныя, двухъ-ярусныя и трехъ-ярусныя, т.-е. за одно (верхнее) кольцо цѣпляется другое, а за другое третье. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаружено, что серьги прикрѣплялись тонкими ремешками къ особаго рода кожанымъ наушникамъ, составлявшимъ, повидимому, принадлежность головного убора. Въ одномъ случаѣ возлѣ висковъ двѣ бронзовыя бляхи, имѣвшія форму небольшого блюдечка съ подымающимся внутри конусомъ, оканчивающимся ушкомъ для прикрѣпленія (въ бассейнѣ Березины). Въ нѣсколькихъ случаяхъ, благодаря дѣйствію окиси металловъ, сохранились волосы темнорусаго цвѣта, а въ другомъ случаѣ — часть головного убора, состоящая изъ сравнительно тонкой льняной матеріи, покрытой окисью мѣди, представляющей, повидимому, слѣды разложенія металлическихъ нитокъ.

Шея обыкновенно украшалась ожерельемъ, которое составлялось изъ бусъ и разнообразныхъ привѣсокъ. Бусы встрѣчаются слѣдующія: металлическія (бронзовыя и серебряныя), стеклянныя золоченыя, сердоликовыя, аметистовыя, изъ горнаго хрусталя, изъ краснаго шифера, изъ композиціи и стеклянныя цвѣтныя, чаще всего желтаго, краснаго и синяго цвѣта; иногда же поверхность бусъ покрыта бываетъ такимъ или инымъ узоромъ, напр. глазиками, ломаными линіями и т. д. Самое типичное явленіе для этого края составляютъ металлическія бусы боченковидной формы съ тупыми или округленными концами, всегда покрытыя мелкими шариками. Однѣ изъ нихъ филигранной работы и приготовлялись изъ тонкой проволоки, другія — литыя; послѣднія иногда покрыты бываютъ орнаментомъ. Начиная отъ объема крупной горошины, онѣ достигаютъ объема почти голубинаго яйца. Самыя крупныя бусы этого типа встрѣчаются обыкновенно по одной или по двѣ; возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ играли роль пуговицъ. Сердоликовыя бусы бываютъ различной формы; стеклянныя, покрытыя тонкой пластинкой золота или серебра, бываютъ гладкія и граненыя. Бусы изъ композиціи съ орнаментомъ напоминаютъ собою кавказскія бусы того же типа. Ожерелья составлялись обыкновенно изъ разнообразныхъ бусъ и поэтому отличались большою пестротою. Между бусами размѣщались привѣски. Мнѣ встрѣчались привѣски слѣдующихъ формъ: орнаментированные медальоны, круглыя бляхи съ изображеніемъ бѣгущаго колеса, луновидныя полукружія, изображенія конька,

золотыя (дутыя) грушевидныя подвѣски, покрытыя микроскопическими шариками, бубенчиками, монеты и въ одномъ случаѣ — крестикъ; возлѣ шеи же попадаются иногда маленькія (величиною съ горошину) металлическія пуговочки, а въ одномъ случаѣ сохранились остатки тонкой ткани, въ которую воткана была золотая нитка. Любопытно, что ткань эта, повидимому, наклеена была на березовую кору. Въ одномъ случаѣ на шеѣ встрѣтилапь бронзовая гривна, свитая изъ двухъ проволокъ.

Руки украшались браслетами и кольцами. Браслеты встрѣчаются серебряные, бронзовые, желѣзные и стекляные. По формѣ металлическіе браслеты бываютъ пле. теные изъ проволоки и литые; послѣдніе имѣютъ форму трехгранную и жгутовидную, напоминающую веревочку. Стекляные браслеты можно подраздѣлить на тусклые и прозрачные; первые чернаго цвѣта, вторые — зеленаго. По формѣ стекляные браслеты тоже бываютъ трехгранные и жгутовидные. Кольца можно подраздѣлить на слѣдующія категоріи: 1) проволочныя-серебряныя и бронзовыя; концы ихъ или заходятъ одинъ за другой спиралью, или сводятся одинъ съ другимъ безъ спайки, или одинъ конецъ завитъ бываетъ въ маленькое колечко; 2) приготовленныя изъ тонкой широкой пластинки, которая, суживаясь по концамъ, завязывалась узелкомъ; 3) жгутовидныя витыя и литыя; 4) перстни, ихъ встрѣтилось два: одинъ янтарный, другой бронзовый; оба безъ всякихъ украшеній.

Таковы предметы, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться въ курганахъ изслѣдуемой области. Какіе же выводы можетъ сдѣлать наука изъ этого обозрѣнія фактовъ? Тутъ можетъ быть поставлено два серьезныхъ вопроса: во-первыхъ, что можно сказать на основаніи этихъ предметовъ о культурѣ народа, которому они принадлежали? и, во-вторыхъ, — нельзя ли на основаніи характера этихъ предметовъ точнѣе опредѣлить границы племени, заселившаго данную область?

На первый изъ этихъ вопросовъ можно отвѣтить слѣдующее. Встрѣчающіеся въ курганахъ предметы желѣзнаго издѣлія, каковы: ножи, гвозди, топоры, копья, серпы, желѣзная оковка деревянныхъ предметовъ, ножницы, шило, огнива, пряжки, кольца и даже браслеты, обиліе нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, первобытный способъ ихъ приготовленія, попадающіеся въ курганахъ изрѣдка куски желѣзной руды, — все это вмѣстѣ взятое служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ прежде всего тому, что курганные жители данной области жили въ желѣзномъ вѣкѣ, т.-е. они снимали хлѣбъ желѣзными серпами, стригли овецъ желѣзными ножницами, рубили и рѣзали дерево желѣзными орудіями, сражались съ непріятелемъ желѣзнымъ оружіемъ, скрѣпляли деревянные предметы желѣзными гвоздями и обручами и т. д.; присутствіе, далѣе, въ курганахъ костей лошади, коровы, овцы, домашней козы, свиньи, собаки, — показываетъ, что скотоводство у нихъ развито было въ полномъ смыслѣ этого слова; присутствіе, затѣмъ, пряслицъ, въ связи съ попадающимися слѣдами нитокъ и остатками льняной или пеньковой ткани, показываетъ, что у нихъ развито было ткацкое ремесло; обиліе глиняной и деревянной посуды говоритъ о развитіи гончарнаго и бондарнаго мастерства и т. д. Итакъ все вмѣстѣ несомнѣнно показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ первобытными дикарями, а съ людьми значительно развитой культуры, о которыхъ никоимъ образомъ нельзя сказать,

что они „живяху въ лѣсѣ звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, якоже всякій звѣрь“.

Но особенно интересный выводъ напрашивается при сравненіи курганныхъ предметовъ украшеній съ предметами, которыми украшаетъ себя современное населеніе этого края. Оказывается, что курганные предметы по своему матеріалу цѣннѣе, а по формѣ разнообразнѣе, затѣйливѣе, а иногда даже и изящнѣе. Тѣмъ не менѣе злоупотреблять этимъ фактомъ не слѣдуетъ. Что въ экономическомъ отношеніи населеніе даннаго края въ курганную эпоху находилось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ современное, это совершенно естественно и поэтому понятно. Но чтобы допустить, что и въ эстетическомъ отношеніи оно было развитѣе и что оно обладало къ тому же необходимымъ техническимъ знаніемъ для удовлетворенія этой стороны своего духа, для этого не достаточно констатировать фактъ пользованія имъ извѣстнаго рода предметами, а необходимо еще доказать, что предметы эти составляютъ продуктъ мѣстной культуры. Итакъ, что же можно сказать по данному вопросу? Сопоставляя коллекцію предметовъ, добытыхъ въ изучаемой области, съ коллекціями, добытыми въ сосѣднихъ областяхъ, мы замѣчаемъ слѣдующее. Въ моей коллекціи встрѣчаются, во-первыхъ, предметы, которые въ другихъ областяхъ до настоящаго времени не встрѣчались, но которые и въ изслѣдуемой мною области составляютъ рѣдкое исключеніе. Эти предметы, очевидно, не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при обсужденіи даннаго вопроса и должны быть оставлены въ сторонѣ. Есть, далѣе, другаго рода предметы, которые, сравнительно не часто встрѣчаясь въ Минской губерніи, составляютъ характерное явленіе другихъ областей. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы изъ сердолика, аметиста, горнаго хрусталя и нѣкоторыя изъ композиціи съ болѣе или менѣе сложнымъ орнаментомъ. Встрѣчаясь въ большей или меньшей степени на пространствѣ почти всей восточной Европы, бусы этихъ типовъ, какъ извѣстно, составляютъ характерную принадлежность Кавказа и вообще юго-востока Европы; онѣ принадлежатъ тамошней культурѣ и по отношенію къ приднѣпровскимъ областямъ должны быть разсматриваемы какъ явленіе заносное. Но есть третьяго рода предметы, которые, имѣя тоже широкое распространеніе, въ то же время составляютъ характерную принадлежность изслѣдуемой мною области. Имѣю въ виду вышеописанныя бронзовыя и серебряныя бусы филигранной работы. Въ Мозырскомъ и отчасти въ Бобруйскомъ уѣздахъ бусы этого вида встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ, экземпляры ихъ столь типичны, примѣненіе ихъ столь разнообразно, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Выходя изъ этого факта, въ виду сравнительной легкости способа ихъ приготовленія, я въ свое время нашелъ возможнымъ признать ихъ продуктомъ мѣстной культуры. Чтобы отказаться отъ этого положенія, необходимо отыскать иной, несомнѣнный, пунктъ ихъ производства. Мнѣ лично такой пунктъ неизвѣстенъ. Оставаясь пока при прежнемъ предположеніи, не могу не обратить вниманіе на то, что какъ ни простъ способъ приготовленія этихъ бусъ, тѣмъ не менѣе современное производство захолустнаго полѣшука ничего аналогичнаго не имѣетъ.

Что касается втораго вышепоставленнаго вопроса, то въ отвѣтъ на него я могу повторить лишь то, что уже раньше мною было заявлено, а именно: предметы производства даннаго племени или цѣлаго народа, распространяясь путемъ торговли, встарину, какъ и теперь, далеко выходили за предѣлы породившей ихъ культуры, а поэтому опредѣлять на основанiи находимыхъ въ курганахъ предметовъ племенныя границы признаю рискованнымъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ.

Курганныя раскопки въ пяти уѣздахъ Могилевской губерніи въ 1892 году.

М. В. Фурсова.

Докладъ, представляемый вниманіи гг. членовъ IX Археологическаго Съѣзда, касается курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1892 году въ пяти уѣздахъ средней полосы Могилевской губерніи: Рогачевскомъ, Быховскомъ, Чериковскомъ, Климовичскомъ и Мстиславскомъ, по берегамъ рѣкъ: *Днѣпра* съ его притокомъ Друть и *Сожа* съ его притоками: Пронею, Остромъ и Бесѣдью.

Раскопки были произведены двумя изслѣдователями: лично мною и Чоловскимъ, сначала совмѣстно, а потомъ отдѣльно, съ цѣлію выигрыша времени. Руководствомъ для производства работъ послужила инструкція Д. Я. Самоквасова, напечатанная въ Москвѣ для перваго Антропологическаго Съѣзда въ 1878 году. Дневникъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1892 году, въ Могилевской губерніи, напечатанъ въ Могилевѣ, въ сентябрѣ 1892 года и сообщенъ въ Императорское Археологическое Общество въ Москвѣ, въ Императорскую Археологическую Коммиссію, въ археологическія Общества, состоящія при университетахъ и гг. археологамъ, изъявившимъ желаніе прибыть на IX Археологическій Съѣздъ, въ Вильну. Къ дневнику приложены: одна таблица рисунковъ и карта 5-ти уѣздовъ, гдѣ производились раскопки. Въ Московское же Археологическое Общество представлена, кромѣ того, и болѣе подробная археологическая карта означенныхъ уѣздовъ, съ обозначеніемъ мѣстъ, гдѣ произведены были раскопки не только въ 1892 году, но и въ предъидущіе годы.

Данныя, внесенныя въ Дневникъ раскопокъ, касаются: 1) формы и состава курганныхъ насыпей; 2) типовъ погребенія покойниковъ, костяки которыхъ найдены въ курганахъ и 3) предметовъ домашняго быта, украшеній одежды и орудій, употреблявшихся при занятіяхъ насельниковъ, оставившихъ послѣ себя многочисленные могильники.

Курганы, осмотрѣнные или раскопанные окончательно изслѣдователями 1892 года, имѣютъ троякую форму: Они или *конусообразные,* по преимуществу, съ срѣзанными вершинами, или *полушарообразные,* или *овальные.* Послѣдніе суть не что иное, какъ могилы поздѣйшаго времени, справедливо называемые народомъ могилами шведскими и французскими. Впрочемъ, народъ называетъ и курганы древнихъ насельниковъ, заурядъ, шведскими или французскими могилками; только кое-гдѣ удержались еще

преданія объ отдѣльно стоящихъ курганахъ, какъ о могилахъ великановъ (Волотовы могилы).

Въ 5-ти обслѣдованныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи почти всѣ группы кургановъ расположены по берегамъ рѣкъ. Исключенія рѣдки, какъ напр. Анелинскій курганъ въ Быховскомъ уѣздѣ. Вищинскіе курганы по Днѣпру въ Рогачевскомъ уѣздѣ и обслѣдованные курганы по Друти, близъ Рогачева, теперь отстоятъ отъ берега рѣки почти на версту, но въ мѣстахъ ихъ нахожденія и Днѣпръ и Друть значительно измѣнили свое теченіе. Старое русло Днѣпра („старикъ", по народному выраженію), на берегу котораго насыпаны Вищинскій курганы и доселѣ наполняется водою въ вешнее время. Это старое русло обозначено изслѣдователями на археологической картѣ, приложенной къ Дневнику. *Высота* конусообразныхъ кургановъ (отвѣсная) колеблется между $2^1/_2$ аршинами и $2^1/_2$ саженями. Высота полушарообразныхъ кургановъ, группы которыхъ обслѣдованы въ урочищѣ *„Долгая Пайка"*, Чериковскаго уѣзда, и въ урочищѣ *„Взмутное"* Быховскаго уѣзда, колеблется между 1 арш. и 2-мя аршинами. Эти курганы находятся нынѣ на окраинахъ топкихъ болотъ и сильно подмываются вешними водами. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнія болота были въ древнее время озерами, и курганы, на берегу ихъ расположенные, имѣли не полушарообразную, а коническую форму, которая измѣнилась и осѣла впослѣдствіи. Курганныя насыпи повсюду состоятъ изъ сыпучаго песку (преобладающее свойство почвы въ средней полосѣ губерніи). *Глинистая* почва встрѣчена только въ курганахъ Мстиславскаго уѣзда. Черепки разбитыхъ горшковъ, постоянно въ перемежку съ мелкими углями, составляютъ повсюдное явленіе въ курганныхъ насыпяхъ. Они лежатъ въ разбросъ, сверху насыпи до самой ея подошвы, не по поверхности, а внутри насыпи, вплоть до мѣста нахожденія костяка, гдѣ смѣняются уже цѣлымъ — однимъ или двумя — горшками и болѣе крупными углями, нерѣдко перемѣшанными съ золою, или лежащими на пластѣ золы. Нахожденіе черепковъ и углей по всему объему насыпи служитъ, какъ мнѣ кажется, *вѣскимъ* доказательствомъ, что насыпь кургана дѣлалась не сразу, что она подсыпалась послѣ каждой тризны въ память умершаго, и что угли, приносимые каждый разъ, (вѣроятно для разжиганія жертвеннаго или тризненнаго костра), разсыпались вмѣстѣ съ разбитыми горшками по насыпи, по окончаніи пиршества. Такое предположеніе находитъ себѣ оправданіе и въ доселѣ существующемъ у народа обычаѣ (напр. въ Хотовижской волости Мстиславскаго уѣзда) приносить, въ день поминовенія покойника, горшки съ углями (и непремѣнно горящими) на могилу. Образованіе правильно расположенныхъ дорожекъ для всхода на курганъ и ровиковъ вокругъ подошвы кургана, конечно, всего естественнѣе объяснить удобствомъ для подновленія и поднятія насыпи выемкою земли вокругъ подошвы.

Разбираясь въ данныхъ Дневника относительно способовъ погребенія, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ насельниковъ изслѣдованной мѣстности, слѣдуетъ остановиться на предположеніи, что погребеніе было не по *одному* типу: покойниковъ хоронили или *на поверхности земли* (на грунтѣ, какъ говорятъ бѣлоруссы), или ниже грунта — *въ ямахъ,* болѣе или менѣе глубокихъ, рѣдко, впрочемъ, доходящихъ до материка, или *предавали трупъ сожженію* полному и неполному. Эти три способа

погребенія смѣнили-ли послѣдовательно одинъ — другой, или были одновременны, — рѣшить невозможно. Раскопки кургановъ не дали ни одной монеты, ни одного украшенія или орудія, которыя можно было бы пріурочить къ опредѣленному времени. Группы кургановъ, гдѣ погребеніе на грунтѣ имѣетъ рядомъ и погребеніе черезъ сожженіе (почти всегда неполное) встрѣчены въ 4-хъ уѣздахъ. Въ 5-мъ, Мстиславскомъ, преобладающимъ явленіемъ оказывается погребеніе въ ямахъ. Изъ 60 разслѣдованныхъ кургановъ погребеніе на грунтѣ оказалось: 1) въ бассейнѣ р. Днѣпра (курганы №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 15, 58 и 59, при чемъ въ Вищинскихъ курганахъ, составляющихъ группу отъ № 1 до № 12 включительно, слѣды сожженія оказались въ курганахъ №№ 9, 11 и 12). 2) Въ бассейнѣ р. Сожа погребеніе на грунтѣ оказалось въ курганахъ №№ 19, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 39, 40, 43, 44, 45 и 52. *Всего же 24 погребенія на грунтѣ.*

Погребеніе черезъ сожженіе трупа — полное или неполное — встрѣчено въ бассейнѣ Днѣпра 5 разъ (курганы 9, 11, 12, 13 и 14), въ бассейнѣ Сожа — 13 разъ (курганы №№ 17, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 33, 35, 37, 41 и 48). *Всего же сожженій 18*

Погребеніе въ ямахъ оказалось только въ бассейнѣ рѣки Сожа (курганы №№ 42, 46, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56 и 57) *Всего найдено 10 погребеній въ ямахъ* и *одно,* сверхъ того, погребеніе въ небольшомъ срубѣ (какъ бы въ ящикѣ въ одинъ вѣнецъ изъ бревенъ); — въ немъ покойникъ сверху былъ прикрытъ берестою (кург. № 60). Изъ остальныхъ, неупомянутыхъ выше кургановъ, 2 кургана (№ 10 и 16) признаны насыпями для обсерваціонныхъ цѣлей; одинъ — № 38 — оказался могилою недавняго времени, а №№ 7, 8, 23 и 47 оказались пустыми; вѣроятно, что костяки въ нихъ безслѣдно истлѣли. Такъ какъ признаковъ огня въ этихъ 4-хъ курганахъ не найдено и земля въ нихъ, ниже грунта не была рушена, то ихъ слѣдуетъ отности къ курганамъ типа погребенія на грунтѣ.

Этотъ способъ погребенія заключался въ слѣдующемъ: покойника клали на грунтъ головою на западъ (слѣдовательно лицо было на востокъ), руки и ноги вытягивали (руки вдоль туловища). Исключеній замѣчено не болѣе 6-ти: Въ курганѣ при р. Друти (№ 15) скелетъ лежалъ ничкомъ, съ руками, поднятыми на голову. „Такъ хоронятъ магометанъ въ Саратовской губерніи и понынѣ“, — замѣтилъ одинъ крестьянинъ, присутствовавшій при раскопкѣ. Въ одномъ курганѣ колѣни костяка были притянуты къ животу; въ Мозыкскихъ курганахъ руки у скелетовъ были вытянуты почти перпендикулярно къ туловищу. Въ Елизаветинскихъ курганахъ три скелета лежали на боку, причемъ въ совмѣстномъ погребеніи мужчины и женщины оказалась та особенность, что женщина была погребена лицомъ къ ногамъ мужчины и вплоть къ нему. Почти въ каждомъ курганѣ съ погребеніемъ на грунтѣ при костякахъ стояли, въ ногахъ, или съ лѣвой стороны головы, горшки въ которыхъ не замѣчено никакихъ слѣдовъ содержимаго (кромѣ одного случая, гдѣ оказался на днѣ слой земли). Украшенія встрѣчались у ушныхъ косточекъ (серьги), у шейныхъ позвонковъ (гривны), на груди (ожерелья), у кистей рукъ кольца и браслеты, а въ нѣкоторыхъ курганахъ, при мужскихъ костякахъ, лежали, или лучше сказать, были воткнуты сѣкиры при правой рукѣ; въ лѣвой рукѣ, въ такомъ случаѣ, оказался узкій, въ родѣ стилета,

ножикъ съ костяною или деревянною рукояткою. Тутъ же по сторонамъ костяка находили пряжки отъ поясныхъ ремней и бляшки, ихъ украшавшія; но кусковъ самихъ ремней, а равно и ткани одежды не оказывалось, что весьма естественно, ибо просачивающаяся черезъ песчаную насыпь кургана влага окончательно гноила и кожу и всякую другую часть одежды. Впрочемъ, небольшія части прикрѣпленій изъ кожи, напр. пряжекъ, и волокна матеріи, изъ которой была сшита одежда, были замѣчены, — по одному разу то и другое.

Трупъ покойника клали прямо на грунтъ, безъ всякой подсыпки, которая замѣняла бы ложе; только въ 2-хъ случаяхъ совмѣстнаго погребенія трупъ женщины былъ положены на доску, а трупы мужчинъ прямо на грунтъ. По бокамъ труповъ, впрочемъ рѣдко, клали по колодѣ, третья же колода, а одинъ разъ рядъ большихъ камней, обрамляли голову. Колоды были изъ дуба или березы и до 7 вершковъ толщиною. Грудныя украшенія прикрывались иногда (но рѣдко) берестою а въ одномъ случаѣ скелетъ былъ найденъ притиснутымъ довольно толстою доскою.

Трупосожженіе было или неполное или полное. Такъ, въ курганѣ № 9 оказался на глубинѣ $1^1/_4$ сажени угольный пластъ (кострище) въ ширину до 4-хъ аршинъ и въ длину до 3-хъ аршинъ, по краямъ котораго лежали въ длину 2 березовыхъ колоды, а въ ширину 1 дубовая. Между ними найденъ скелетъ, сильно обуглившійся и покрытый пепломъ. Колоды были сильно обуглившимися, скелетъ лежалъ нѣсколько ниже ихъ уровня; выше уровня колодъ по насыпи лежали кучки довольно крупнаго угля; при скелетѣ никакихъ вещей не оказалось, кромѣ горшка въ головахъ изъ хорошо вымѣшанной глины и другого горшка, близъ кострища. Этотъ горшокъ былъ больше перваго и полонъ, какъ надо полагать, землею. Анализа этого вещества, впрочемъ, не сдѣлано. Въ курганѣ № 11, между слоемъ пепла и углей, найдены только сильно пережженныя кости человѣка. Это сожженіе полное.

Для характеристики неполнаго сожженія трупа покойника возьмемъ то мѣсто Дневника, въ которомъ обозначенъ ходъ работъ по раскопкѣ кургана № 20. „На глубинѣ сажени начало́ показываться пепелище, длиною сажени въ двѣ, шириною въ сажень. Затѣмъ въ центрѣ кургана обрисовался костякъ. При тщательной очисткѣ его оказалось въ головахъ много золы, въ глубинѣ на $^1/_2$ арш. Скелетъ лежалъ головою на с.-з. Руки вытянуты вдоль тѣла, и у правой — найдена желѣзная сѣкира (безъ рукоятки); нѣсколько выше ея (къ головѣ) желѣзная пражка. При кисти лѣвой руки — небольшой ножъ. Онъ былъ въ футлярѣ (часть кожи сохранилась) и съ костянымъ черенкомъ (*обуглившіеся* остатки его найдены). На всемъ протяженіи костяка — толстый подъ нимъ слой золы, покрытой ржавчиною... Глубокое кострище подъ скелетомъ шло болѣе чѣмъ на $^3/_4$ арш. въ глубь, заключая массу крупныхъ углей, какъ бы отъ сгорѣвшихъ колодъ или досокъ. Ниже кострища шелъ грунтовой песокъ“.

Полное сожженіе обрисовано въ Дневникѣ при описаніи хода работъ по раскопкѣ кургана № 26. „На глубинѣ аршина показалось пепелище, на немъ остатки обуглившихся костей, а на ю.-з. отъ него — черепки горшечка, весьма тонкой работы изъ бѣлой глины. На с.-в. сторонѣ — другой горшокъ, грубой работы. На глубинѣ

$1\frac{1}{2}$ арш. — двѣ вещицы изъ желѣза... затѣмъ глубокій слой угля и пепла подъ костями, доходившій до подпочвы (материка)".

Третій способъ погребенія — въ могильныхъ ямахъ — замѣченъ при раскопкахъ кургановъ въ Мстиславскомъ уѣздѣ, пограничномъ со Смоленской губерніею. Въ группѣ Мозыкскихъ кургановъ особенности такого погребенія выдаются весьма рѣзко. Въ курганѣ № 49 оказалась могила на $\frac{1}{2}$ аршина ниже грунта. Дно могилы представляло крестообразное углубленіе, въ поперечной части котораго лежали ручныя кости скелета. Костякъ былъ прикрытъ дубовою корою, подъ которою грудныя и шейныя украшенія найдены въ большой сохранности. Въ остальныхъ двухъ курганахъ этой группы, надъ довольно глубоко вырытыми могильными ямами, оказались дубовые срубы, причемъ каждая пластина обложена была берестою, прикрѣпленною къ дереву большими гвоздями. Слоевъ такъ прикрѣпленной бересты насчитано до 15. Въ курганѣ № 51 срубъ былъ въ 2 этажа, причемъ нижній — доходившій почти до дна могилы — былъ ýже верхняго; дно могилы такъ же, какъ и стѣнки ея, обложено берестою, береста была осмолена на днѣ могилы. Такія срубы въ древности назывались *бдынами,* (по-нынѣшнему бѣлорусскому говору — будами). Замѣчательно, что въ могилѣ, такъ хорошо обставленной, костякъ совершенно истлѣлъ, а можетъ-быть тутъ только приготовлялось погребеніе и было почему-либо не исполнено. На эту мысль наводитъ совершенное отсутствіе какихъ-либо курганныхъ вещей.

Чтобы покончить съ формою и обрядностію погребенія труповъ въ 5-ти обслѣдованныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи, слѣдуетъ еще упомянуть о курганѣ № 60. Въ немъ на глубинѣ нѣсколько ниже поверхности земли, оказался срубъ въ одинъ вѣнецъ, въ которомъ и найденъ костякъ покойника, прикрытый сверху берестою. При немъ никакихъ вещей не оказалось.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ раскопанныхъ курганахъ, большинство принадлежитъ къ числу украшеній тѣла (шеи, груди, рукъ) немного вещей принадлежатъ къ домашней утвари, а еще менѣе встрѣчено боевыхъ орудій. Вещи сдѣланы бóльшею частью изъ серебра и бронзы, отчасти изъ литой мѣди и желѣза. Между украшеніями встрѣчаются бусы изъ аметиста, сердолика, горнаго хрусталя, затѣмъ — янтарныя, стеклянныя и изъ композиціи или пасты. Найденъ и мелкій бисеръ.

Къ предметамъ изъ желѣза принадлежатъ три боевыхъ топора или сѣкиры. Двѣ изъ нихъ совершенно тождественны по формѣ съ сѣкирами, найденными въ мерянскихъ могилахъ и изображенными на табл. XXIX, подъ № 11 въ приложеніяхъ къ трудамъ 1-го Археологическаго Съѣзда въ 1869, а третья близко подходитъ по формѣ къ сѣкирѣ, изображенной подъ № 3 той же таблицы. Подобныя сѣкиры найдены проф. Завитневичемъ при раскопкахъ въ странѣ дреговичей (Минская губернія)*).

Найденныя въ курганахъ Могилевской губерніи сѣкиры были насажены — какъ усмотрѣно по остаткамъ дерева, сохранившимся во втулкахъ — на рукоятки изъ дуба, вѣроятно короткія, ибо сѣкиры привѣшивались при помощи ремня и колечекъ

---

*) Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье. Кіевъ 1891. Рисунки 4 и 5 на особой таблицѣ.

къ поясу. Такихъ колечекъ найдено 3; они лежали какъ разъ возлѣ бедра костяка, нѣсколько выше лезвея сѣкиры. Найдено также нѣсколько желѣзныхъ ножей, не широкихъ и значительно перержавѣвшихъ отъ времени. Ножи имѣли ручки — или деревянныя, или костяныя, въ которыя входилъ стержень отъ лезвея; при ручкахъ найдены и колечки для ремня, а нѣсколько выше — пряжки для пристегиванія ножа къ поясу. Одинъ изъ ножей, лезвее котораго было отточено съ обѣихъ сторонъ, длиною до 3½ вершковъ, имѣлъ костяную ручку. Очевидно, это былъ кинжалъ; только странно, что онъ найденъ при женскихъ костяхъ. — Въ курганѣ № 35 найденъ желѣзный серпъ, почти прямой, съ закругленнымъ только внѣшнимъ концомъ; стержень ручки составлялъ съ зубчатымъ лезвеемъ почти прямую линію. Найдено также кресиво или огниво, формою похожее на букву *в*, и большое желѣзное кольцо, вершка полтора въ діаметрѣ. Назначеніе кольца опредѣлить трудно. Въ Мозыкскихъ курганахъ, гдѣ слои бересты облегали стѣнки могилъ, найдено много большихъ гвоздей, которыми была прибита береста къ деревяннымъ стойкамъ.

Изъ литой мѣди найдены два небольшихъ кольца съ тремя прорѣзами въ формѣ лунокъ, въ каждомъ на центральной поверхности ихъ вычеканенъ изящный узоръ. Подобное кольцо помѣщено на таблицѣ XXII мерянскихъ древностей подъ № 48. Отличіе нашихъ колецъ отъ мерянскихъ состоитъ въ томъ, что они не имѣютъ центральной прорѣзи; такія кольца вѣроятно служили для прикрѣпленія къ нимъ двойныхъ ремней. Оказались въ курганахъ и пряжки изъ литой мѣди въ формѣ лиры, съ красивымъ чеканомъ по дужкамъ; такія пряжки были найдены и въ странѣ дреговичей, какъ усматривается изъ таблицы рисунковъ, приложенной къ брошюрѣ проф. Завитневича: „Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье", только дреговичскія пряжки не имѣли чекана и сдѣланы грубо. Прототипомъ могилевскихъ пряжекъ во всемъ служила пряжка, найденная въ мерянскихъ курганахъ и обозначенная на таблицѣ XXXII подъ № 28. — Изъ литой же мѣди въ курганѣ № 59 найдена небольшая фигура (до вершка длиною) человѣка, держащаго въ лѣвой рукѣ скрученный арканъ, а правою рукою манящаго, очевидно, лошадь. Фигура составляла привѣску къ ожерелью или поясу и напоминаетъ по одеждѣ (кафтанъ, сапоги) скиѳа, по вооруженію же — норманна (короткій мечъ). По работѣ фигурка эта довольно изящная; она погребавшими покойника почему-то особенно цѣнилась, ибо была тщательно прикрыта дощечками, вмѣстѣ съ довольно крупными бусами, составлявшими ожерелье. Изъ листовой мѣди найдены два тонкихъ съ чеканкою перстня въ формѣ ленты, съ концами нѣсколько съуженными и связанными проволокою. Чеканка изображаетъ кружки въ ромбическихъ четыреугольникахъ, составленныхъ изъ точекъ. Подобные перстни были найдены и въ мерянскихъ могильникахъ, какъ усматривается изъ таблицы XXXII, приложенной къ Трудамъ I Археологическаго Съѣзда.

Въ нѣсколькихъ курганахъ оказались на ручныхъ костяхъ скелетовъ, ниже локтя, браслеты изъ бронзы и серебра, а также и перстни. Такъ въ курганѣ № 52 найденъ массивный бронзовый браслетъ жгутомъ съ ажурными, или, лучше сказать, сквозными концами въ родѣ петли; въ курганѣ № 34 — бронзовый браслетъ съ на-

сѣчкою елочками по наружной ребровидной поверхности; въ курганѣ № 27 — два браслета изъ толстой бронзовой проволоки, имѣющей по наружной поверхности насѣчку черточками, расположенными вкось; въ курганѣ № 49 — массивный серебряный браслетъ, витый жгутомъ, съ концами, имѣющими форму змѣиныхъ головокъ, по наружной поверхности которыхъ ползутъ какія-то фантастическія насѣкомыя, въ родѣ сороконожекъ. Въ этомъ же курганѣ найденъ изъ серебра, болѣе низкопробнаго, чѣмъ браслетъ, перстень съ камнемъ синяго цвѣта, гнѣздо котораго обхватывается, съ каждой стороны, лапками пауковъ, выползающихъ изъ акантовой листвы, изображенной горельефомъ по поверхности перстня съ каждой стороны гнѣзда для камня. Перстень — тонкой работы и единственный изъ всѣхъ находокъ, имѣющій спайку. Въ курганахъ № 18 и 28 оказались два перстня изъ бронзы съ чеканкою въ клѣтку по поверхности, обрамленной тонко вытянутыми поясками. Перстни эти — плоскіе. Затѣмъ найденъ бронзовый перстень-печать съ монограммою I. X. Также два перстня изъ мѣдныхъ пластинокъ, съуживающихся къ концамъ, связаннымъ узломъ изъ проволоки.

Въ курганахъ найдены также и ушныя подвѣски изъ серебра и мѣди въ формѣ полузвѣздъ съ дужками. Прототипомъ ихъ, несомнѣнно, служили тожественныя имъ привѣски, найденныя во множествѣ въ мерянскихъ курганахъ. (Таблица XXXIII №№ 17 и 33 приложеній къ Трудамъ 1-го Археологическаго Съѣзда). Нѣкоторыя ушныя кольца изъ серебряной проволоки имѣли по три шарика филиграновой работы. Такіе шарики, а равно и бусы металлическія въ видѣ шестигранныхъ боченочковъ замѣчены и въ мерянскихъ курганахъ (стр. 736 изслѣдованія графа Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“), съ тою только разницею, что у Мерянъ металлическіе боченки — бусы употреблялись, какъ ушныя привѣски, у насельниковъ же Могилевской губерніи они входили въ составъ ожерелій; таковое же назначеніе давалось имъ и въ странѣ Дреговичей, какъ замѣчено проф. Завитневичемъ въ его отчетѣ о второй экскурсіи въ Припетское Полѣсье.

Изъ серебряной проволоки, болѣе или менѣе толстой, встрѣчено много колецъ пальцевыхъ, височныхъ и входившихъ въ составъ ожерелій. Всѣ пальцевыя кольца неспаяны, съ концами, придвинутыми одинъ къ другому или лежащими одинъ на другомъ (начало спирали), вполнѣ же спиральныхъ колецъ (въ нѣсколько оборотовъ) не найдено ни одного. Височныя кольца имѣли одинъ конецъ свернутый въ трубочку къ наружной сторонѣ. Эти трубочки — петли, какъ оказывалось при раскопкахъ, служили или для прикрѣпленія къ нимъ привѣсокъ, или для скрѣпленія одного кольца съ другимъ, при посредствѣ проволоки. Если кольца входили въ составъ ожерелій, то они скрѣплялись одно съ другимъ проволокою. Болѣе же толстыя кольца, въ размѣрѣ почти вершка въ діаметрѣ, имѣли особый и весьма оригинальный видъ скрѣпленія.

Ожерелье перваго вида найдено въ Вищинскомъ курганѣ № 1. Описаніе этого ожерелья помѣщено въ Дневникѣ раскопокъ на стран. 2-й. Ожерелье втораго вида описано на стр. 30 Дневника раскопокъ. Оно найдено въ Мозыкскомъ курганѣ № 49. Указаній на употребленіе такого устройства ожерелій въ странѣ Древлянъ (изслѣ-

дованіе пр. Антоновича), Дреговичей (изслѣдованіе пр. Завитневича), Радимичей — насельниковъ нынѣшняго Гомельскаго уѣзда (докладъ пр. Антоновича на IX Археологическомъ Съѣздѣ), и у Мерянъ (изслѣдованіе графа Уварова) мы не нашли; поэтому и считаемъ описанныя нами ожерелья *особенностію* въ грудныхъ украшеніяхъ насельниковъ нынѣшнихъ уѣздовъ: Рогачевскаго и Мстиславскаго, Могилевской губерніи.

Такъ какъ большія кольца Мозыкскаго ожерелья были найдены на костякѣ лежащими по три съ каждой стороны груди отъ плеча къ таліи, то, вѣроятно, ожерелье надѣвалось такимъ образомъ: сквозь большія кольца продѣвались пряди волосъ, спускаясь вплоть до таліи по обѣимъ сторонамъ груди, а между ними, какъ бы соединяя пряди волосъ, располагались нити ожерелья, составленныя изъ драгоцѣнныхъ камней (верхняя) и изъ позолоченныхъ стеклянныхъ бусъ (нижняя). Нарядъ или уборъ этотъ, конечно, выглядѣлъ красиво.

Менѣе цѣнныя ожерелья составлялись изъ нитей разноцвѣтнаго бисера въ перемежку съ крупными бусами стеклянными или изъ композиціи — пастовыми. Бусины найдены различныхъ формъ: шариками, цилиндрическія, кружками, золоченныя, посеребренныя, мозаичныя и разныхъ цвѣтовъ. Встрѣтилась одна нить и янтарныхъ бусъ невысокаго качества (желтыхъ). Бусины были нанизаны на шнурки, а бисеръ — на тонкую серебряную проволоку, какъ оказалось, напр., въ курганѣ № 49.

Изъ стекла найдены и браслеты: гладкіе и рубчатые одноцвѣтные или изъ разноцвѣтныхъ полосъ. Браслеты найдены и изъ пасты.

Изъ шиферпаго камня оказалось нѣсколько такъ называемыхъ пряслицъ, а изъ кости — игла для сѣтей.

Изъ золота, и притомъ довольно высокой пробы, найденъ только одинъ предметъ: крестъ со сломаннымъ нижнимъ концомъ, четыреугольный, съ кольцомъ для привѣски. Крестъ съ обѣихъ сторонъ былъ покрытъ эмалью, столь твердой, что она не подавалась напильнику. На краяхъ концовъ были кружки изъ разноцвѣтной эмали (красной, зеленой и желтой). Распятія, повидимому не было. Такъ какъ крестъ найденъ на груди костяка, почти у пояса и между вещами, составлявшими части ожерелья, то надо полагать, что для носившаго этотъ крестъ онъ не имѣлъ никакого символическаго значенія.

Монетъ въ древнихъ курганахъ не было найдено. Въ Кричевскомъ, многоэтажномъ могильникѣ, раскопанномъ не болѣе какъ аршина на $1\frac{1}{2}$ отъ поверхности, изслѣдователи не добрались до нижнихъ, болѣе древнихъ наслоеній, поэтому монетамъ, здѣсь найденнымъ, и не придается никакого археологическаго значенія.

Изъ домашней утвари при раскопкахъ кургановъ оказывались только глиняные горшки: цѣлые при костякахъ покойниковъ и черепками, въ разбросъ по насыпи. Горшки, найденные при костякахъ, были изъ бѣлой или черной глины и, большею частію, сдѣланные на кружалѣ, нерѣдко съ орнаментомъ по вытянутымъ глубоко краямъ, или съ тремя прямыми линіями по выпуклой боковой сторонѣ горшка. Горшки такого рода — различной ёмкости отъ четверти ведра до малаго стаканчика (нынѣшней мѣры). Для чего ставились горшки при покойникѣ и разбрасывались черепки ихъ по

насыпи, — рѣшить трудно. Обычай этотъ существуетъ и понынѣ въ глухихъ мѣстностяхъ Климовичскаго уѣзда, при чемъ, въ дни поминовенія, родные умершаго приносятъ на могилу его горшки, непремѣнно съ горящими углями, которые и выбрасываются на могилу, а горшки опрокидываются вверхъ-дномъ. Крестьяне, спрашиваемые, почему они такъ дѣлаютъ, отвѣчаютъ обыкновенно: „такъ дѣлали наши отцы и дѣды".

Какое же племя населяло ту мѣстность нынѣшней Могилевской губерніи, въ которой были произведены раскопки 1892 года т.-е. среднюю полосу, занятую нынѣ уѣздами; Быховскимъ, Рогачевскимъ, Чериковскимъ, Климовическимъ и Мстиславскимъ, по теченію Сожа и Днѣпра съ ихъ главными притоками: Пронею, Бесѣдью, Остромъ, Вѣхрою и Друтью?

Обращаясь къ лѣтописямъ, мы находимъ, что лѣтописецъ Несторъ дважды указываетъ на поселенія Радимичей въ бассейнѣ Сожа. „радимичи и вятичи отъ ляховъ", (пишетъ Несторъ) „Бяста бо два брата въ лясѣхъ: Радимъ, а другій Вятко и пріидоша, сѣдоша Радимъ на Сожи, прозвашася радимичи". Второе извѣстіе занесено въ лѣтопись подъ 6492 годомъ (984 отъ Р. Хр.): „Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него воевода Волъчій Хвостъ и посла и Володимеръ передъ собою Волъчья Хвоста, сърѣте е на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди радимичѣ Волъчій Хвостъ..." Это лѣтописное извѣстіе опредѣляетъ поселеніе радимичей еще точнѣе: они жили на рѣкѣ Пищанѣ, которая, составляя притокъ Сожа, впадаетъ въ него въ предѣлахъ Быховскаго уѣзда, не далеко отъ нынѣшняго мѣстечка Пропойска.

Но у самаго Пропойска р. Сожъ принимаетъ въ себя другой притокъ, р. Проню и, затѣмъ, круто повернувъ на югъ, течетъ, почти паралельно съ Днѣпромъ по Рогачевскому уѣзду. Войдя въ предѣлы Гомельскаго уѣзда, р. Сожъ постепенно сближается съ Днѣпромъ и, наконецъ, впадаетъ въ него въ сѣверной части Черниговской губерніи, которая составляла въ древности часть области Сѣверянъ.

Жили ли Радимичи на сѣверъ отъ Пропойска, по р. Пронѣ и на востокѣ отъ него, въ бассейнѣ Сожа, по рѣкамъ: Бесѣди, Остру и Вѣхрѣ, — указаній въ лѣтописяхъ не имѣется. Поэтому отвѣтъ на этотъ вопросъ надобно искать въ сравнительномъ изученіи курганныхъ раскопокъ и въ примѣненіи къ нимъ нѣкоторыхъ косвенныхъ лѣтописныхъ указаній.

Раскопки, произведенныя въ 1892 году, указали на главныя черты погребальнаго обряда древнихъ насельниковъ мѣстности, занятой нынѣ уѣздами Рогачевскимъ, Чериковскимъ и Климовичскимъ: погребеніе на грунтѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ выше его, и сожженіе покойниковъ большею частію неполное, ибо колоды костра встрѣчались въ курганахъ обугленными, а съ ними и скелетъ, положенный на кострище. Затѣмъ, въ немногихъ, сравнительно, случаяхъ полнаго сожженія, костякъ оказывался разрушеннымъ отъ огня, но кости не собранными ни въ кучу, ни въ урну, что положительно замѣчено при раскопкахъ въ странѣ Сѣверянъ.

Лѣтописецъ Несторъ, описывая разселеніе Славянъ и обычаи ихъ, упоминаетъ, что Сѣверяне, Радимичи и Вятичи имѣли одинъ и тотъ же обычай погребенія умершихъ: сначала тризна, потомъ положеніе покойника на кладу, т.-е. на костеръ и, наконецъ, сожженіе. Было ли сожженіе полнымъ или неполнымъ, Несторъ умалчиваетъ. Повѣряя этимъ извѣстіемъ курганныя раскопки въ Могилевской губерніи, находимъ, что въ курганахъ уѣздовъ: Рогачевскаго, Чериковскаго, Климовичскаго и Быховскаго (отчасти) находятся останки племени Радимичей. Но въ 5-мъ изслѣдованномъ уѣздѣ — Мстиславскомъ — курганныя раскопки обнаруживаютъ совершенно иной погребальный типъ: погребеніе въ ямахъ — могилахъ и почти постоянное употребленіе бересты въ погребальномъ обрядѣ.

Какому же племени принадлежатъ эти ямы-могилы? Сравнивая результаты, добытые проф. В. Б. Антоновичемъ при раскопкахъ въ области Древлянъ съ тѣми, которые получены при раскопкахъ кургановъ по р. Вѣхрѣ въ Мстиславскомъ уѣздѣ, а отчасти и въ Быховскомъ, но уже въ бассейнѣ Днѣпра, невольно приходишь къ заключенію о сходствѣ погребальнаго обряда въ этихъ мѣстностахъ съ таковымъ же обрядомъ, встрѣченнымъ въ странѣ Древлянъ. Погребеніе въ ямахъ было преобладающимъ типомъ (58%) въ мѣстности, населенной этимъ племенемъ. Устройство кургана № 6 въ могильникѣ при селѣ „Минины“ (стр. 62 изслѣдованія) почти тожественно съ устройствомъ Мозыкскихъ кургановъ на берегу одного изъ озеръ Мстиславскаго уѣзда, въ бассейнѣ Вѣхры. Прямоугольные срубы, въ которые клали покойниковъ Древляне, встрѣчены и въ Быховскомъ уѣздѣ (курганъ № 60 по нашему Дневнику). Украшенія, найденныя при костякахъ въ могилевскихъ курганахъ почти тожественны съ таковыми же, встрѣченными въ древлянскихъ могилахъ. Все это наводитъ на мысль, не существовали ли въ предѣлахъ нынѣшней Могилевской губерніи колоніи Древлянъ, что могло быть вызвано торговыми цѣлями. Достовѣрно, что на на р. Друти въ древности существовалъ городъ Дрьютескъ (нынѣшній Друцкъ), гдѣ былъ главный рынокъ по торговлѣ невольниками, направляемыми къ берегамъ морей Чернаго и Балтійскаго; отчего же не предположить, что въ Мстиславскомъ уѣздѣ, пограничномъ съ Смоленскою губерніею, шелъ оживленный торгъ съ финскими племенами, въ особенности съ Мерею, въ рукахъ которой находилась торговля поволжская вплоть до самыхъ Булгаръ. Этимъ только и можно объяснить массу одинаковыхъ по формѣ, составу и рисункамъ предметовъ, найденныхъ графомъ Уваровымъ въ мерянскихъ могилахъ и находимыхъ въ большомъ числѣ въ могильникахъ Могилевской губерніи (браслеты, бусы, серьги, перстни и даже оружіе). Черезъ колоніи Древлянъ, находившіяся въ Могилевской губерніи, предметы эти проникали въ область Дреговичей (нынѣшнюю Минскую губернію) и въ область Древлянъ, къ Кіеву и на Волынь, гдѣ украшенія мерянскаго типа — не рѣдкость.

О надровскомъ жрецѣ огня, Криве.

А. Ѳ. Мѣржинскаго.

Вопросъ о надровскомъ Криве и его власти надъ всѣмъ литовскимъ племенемъ кажется окончательно рѣшеннымъ. Установившееся мнѣніе ученыхъ въ этомъ отношеніи исключаетъ, какъ кажется, всякія другія толкованія. Если мы возобновляемъ этотъ вопросъ, то дѣлаемъ это въ томъ убѣжденіи, что главный источникъ, на которомъ основывается общепринятое мнѣніе, критически не разсмотрѣнъ. Задача нашего труда состоитъ въ томъ, чтобы подвергнуть критикѣ этотъ источникъ и такимъ образомъ поставить весь вопросъ на истинно научную почву.

До временъ Дусбурга, т.-е. до начала XIV вѣка, въ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Криве; и послѣ Дусбурга въ теченіи двухъ вѣковъ, т.-е. до начала XVI вѣка, ни историки, ни хронисты не упоминаютъ о немъ ни однимъ словомъ. Только въ началѣ XVI вѣка извѣстный Симонъ Грунау возобновляетъ его память, сообщая при этомъ больше свѣдѣній, чѣмъ въ дѣйствительности знаетъ. Ложность многихъ сообщенныхъ имъ историческихъ фактовъ доказалъ Гоерреn въ своей прусской историографіи; о выдумкахъ небывалыхъ размѣровъ въ миѳологическихъ сообщеніяхъ я имѣлъ случай неоднократно высказаться. Ложнымъ свѣдѣніямъ Грунау слѣдуютъ прусскіе историографы и хронисты, какъ напр.: Вайссель, Лука Давидъ, географъ Геннебергеръ и пр., то же самое дѣлаютъ Стрыйковскій, Кояловичъ и прочіе польскіе писатели.

При такомъ положеніи источниковъ остается единственно Дусбургъ, свѣдѣнія котораго о нашемъ предметѣ мы и постараемся критически разсмотрѣть.

Извѣстно, что Дусбургъ былъ священникомъ Нѣмецкаго Ордена и занималъ должность капеллана магистровъ. Живя во 2-й половинѣ XIII вѣка и началѣ XIV-го, онъ описалъ исторію Пруссовъ съ самаго вступленія Ордена въ прусскіе предѣлы до 1326 г.; слѣдовательно онъ былъ свидѣтелемъ описанныхъ имъ событій за послѣднія десятки лѣтъ. Слѣдуя примѣру древнихъ классиковъ, онъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ Chronicon Prussiae, отвелъ въ III книгѣ цѣлую главу (V-ю) для описанія вѣрованій и быта древнихъ Пруссовъ. Такимъ образомъ, онъ первый представилъ систематически картину вѣрованій и быта этого народа, въ отличіе отъ предшествовавшихъ ему авторовъ, которые только мимоходомъ, при удобномъ случаѣ, отмѣчаютъ какой-либо отдѣльный фактъ. Для исполненія такой задачи Дусбургъ тщательнѣе другихъ

долженъ былъ отмѣтить себѣ факты вѣрованій и быта, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, и пополнить ихъ свѣдѣніями свидѣтелей нарочно, спрошенныхъ. Онъ самъ въ предисловіи къ своему сочиненію сообщаетъ о послѣднемъ словами: „pauca, que vidi, alia, que audivi ab his, qui viderant et interfuerunt, cetera, que relacione veridica intellexi. Такимъ образомъ, сообщенія Дусбурга имѣютъ одну изъ главныхъ чертъ исторической истины. Правда, что его сообщенія имѣютъ характеръ довольно общій, но Дусбургъ, какъ представитель христіанской вѣры, счелъ достаточнымъ намѣтить только общія черты язычества, отличающія его отъ христіанства.

Въ этой V-й главѣ III-й книги мы читаемъ о нашемъ предметѣ слѣдующее:

Fuit autem in medio nacionis hujus perverse, *scilicet in Nadrovia,* locus quidam dictus Romow, trahens nomen suum a Roma, in quo habitabat quidam, dictus Criwe, quem colebant pro papa, quia sicut dominus papa regit universalem ecclesiam, ita ad istius nutum seu mandatum non solum gentes predicte, т.-е. прусскіе, sed et Lethowini et alie naciones Lyvonie terre regebantur. Tante fuit autoritatis, quod non solum ipse vel aliquis de sanguine suo, verum eciam nuncius cum baculo suo vel alio signo noto transiens terminos infidelium predictorum a regibus et nobilibus et communi populo in magna reverencia haberetur.

Послѣ описанія этой въ самомъ дѣлѣ огромной власти, тотчасъ слѣдуетъ означеніе главной функціи этого жреца:

Fovebat eciam, prout in lege veteri, jugem ignem, т.-е. Криве былъ жрецомъ вѣчнаго огня, а обязанностью его было поддерживать этотъ огонь. Сказавъ, что Пруссы вѣруютъ въ загробную жизнь, Дусбургъ отмѣчаетъ функцію вторую:

Circa istos mortuos talis fuit illusio dyaboli quod cum parentes defuncti ad dictum Criwe papam venirent, querentes, utrum tali die vel nocte vidisset aliquem domum suam transire, ille Criwe et disposicionem mortui in vestibus, armis, equis et familia sine hesitacione aliqua ostendebat, et ad majorem certitudinem ait, quod in superliminari domus sue talem figuram cum lancea vel instrumento alio dereliquit.

Наконецъ упоминаетъ Дусбургъ о третьей функціи, состоящей въ томъ, что послѣ побѣды опредѣляютъ жрецу Криве третью часть добычи, которую онъ сжигаетъ въ честь богамъ.

Post victoriam diis suis victimam offerunt et omnium rerum, que racione victorie consequuti sunt, terciam partem dicto Criwe presentarunt, qui combussit talia. *Nunc autem Lethowini* el alii illarum parcium infideles dictam vindictam in aliquo loco sacro secundum eorum ritum comburrunt... и пр.

Въ продолженіи этой главы, равно какъ во всей остальной части сочиненія авторъ уже ничего не упоминаетъ о Криве.

Первая приведенная нами выдержка даетъ намъ возможность приблизительно опредѣлить время, когда Дусбургъ писалъ эту главу, а по крайней мѣрѣ назначить terminus a quo и ad quem.

Слова Fuit locus quidam dictus Romow, in quo habitabat quidam dictus Criwe, ясно указываютъ, что Дусбургъ это писалъ тогда, когда Ромове уже было разрушено, а слѣдовательно и Криве въ немъ не могъ проживать. Это подтверждается

еще словами IV-й выдержки, въ которой говорится, что послѣ побѣды Пруссы приносили третью часть добычи сказанному Криве; но (продолжаетъ Дусбургъ) въ настоящее время, когда я это пишу (nunc), Литовцы (не покоренные уже Pruteni) сожигаютъ сказанную жертву на какомъ-то другомъ священномъ мѣстѣ (очевидно потому, что Romowe уже разрушено и находится во владѣніи Ордена). А что случилось съ Криве и его могущественною властью? Объ этомъ Дусбургъ совершенно умалчиваетъ.

Первый разъ читаемъ о Надровцахъ въ описаніи событій съ 1255 г. Они напали на сосѣднихъ Сембовъ, потому что тѣ приняли христіанство (III. 73); ясно что они тогда были язычниками. Христіане въ этомъ же году, приблизившись къ Надровіи, разрушили какой то пограничный городъ Capostete; намъ неизвѣстно, принадлежалъ ли этотъ городъ къ Надровіи[1]). Спустя 19 лѣтъ, т.-е. въ 1274 г., крестоносцы проникли съ большими силами въ Надровію съ цѣлью ея покоренія и крещенія (III. 175) но только въ слѣдующемъ 1275 или 1276 г. удалось имъ занять и опустошить всю эту землю; одна часть жителей подчинилась и приняла крещеніе, другая бѣжала въ родственную Литву.

Затѣмъ намъ извѣстно, что Дусбургъ окончилъ свою хронику 1326 годомъ. Такимъ образомъ, отъ послѣдняго погрома Надровцевъ до окончанія хроники прошло 50 лѣтъ. Если принять какой бы то ни было годъ послѣ 1300 г., какъ годъ, въ которомъ была написана 5-я глава III книги, то во всякомъ случаѣ жили тогда еще свидѣтели надровскаго погрома, какими были посѣдѣвшіе въ военныхъ трудахъ рыцари; жило крещенное надровское дворянство, часть котораго добровольно, другая же по принужденію, служила въ строю крестоносцевъ; жили также оставшіеся въ Надровіи послѣ погрома жители, равно какъ ихъ дѣти, воспитанные смолоду въ язычествѣ. А если принять, наконецъ, въ соображеніе, что съ покореніемъ народа не исчезаютъ сразу народныя традиціи, то этимъ сильно подкрѣпляется достовѣрность Дусбурга, имѣвшаго столько удобныхъ случаевъ для распросовъ и провѣрки отвѣтовъ.

Сверхъ того, нѣкоторые позднѣйшіе достовѣрные источники, независимые отъ Дусбурга, свидѣтельствуютъ о существованіи среди литовскаго племени нѣкоторыхъ вѣрованій и чертъ общественнаго быта, сообщенныхъ Дусбургомъ; къ нимъ принадлежатъ:

1. Почитаніе огня и служеніе ему жрецомъ или жрецами (Длугошъ, Гвариньи, Стрыйковскій, Іеронимъ Пражскій и много другихъ).

2. Появленіе человѣческой души жрецамъ огня (Іеронимъ Пражскій).

3. Приношеніе въ жертву третьей части добычи богамъ (Альпеке).

Только о Криве, объ обширной его власти и вообще о подобной огромной власти какого-либо другого жреца, мы нигдѣ не читаемъ. Поэтому вся ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы провѣрить и подвергнуть критикѣ первую выдержку, а затѣмъ обслѣдовать вопросъ, кто-такой Криве и какая была его власть въ дѣйствительности.

[1]) Сообщенія Дусбурга относительно этого города не ясны. III. 73, 74, 75.

Въ данной выдержкѣ мы должны различать *факты* отъ *мнѣній,* сообщенныхъ для разъясненія фактовъ.

При приведенныхъ нами чертахъ достовѣрности нельзя сомнѣваться въ истинѣ сообщенныхъ фактовъ. Къ нимъ принадлежитъ':

1) Что упомянутое Дусбургомъ Ромове въ самомъ дѣлѣ лежало въ Надровіи; слова „scilicet in Nadrovia" доказываютъ, что Дусбургъ о мѣстоположеніи Ромове разспрашивалъ; они не допускаютъ ошибки писателя, или другаго толкованія. А если достойные уваженія ученые старались доказать, что какое-то Ромове лежало въ Сембіи (Voigt. 1. 639); или въ Натангіи, или въ Галиндіи (Voigt. 1. 181 прим.; Hartknoch Diss. VI § ii p. 118), то они этимъ отнюдь не устранили Ромове изъ Надровіи: они ошибочно принимали, будто бы вообще существовало только одно Ромове и указывая, что оно лежало въ иныхъ областяхъ, желали поколебать достовѣрность Дусбурга.

2) И въ томъ нельзя сомнѣваться, что въ этомъ Ромове проживалъ жрецъ Криве. Гдѣ горѣлъ вѣчный огонь, считавшійся божествомъ, тамъ по необходимости находился и жрецъ его.

Что же касается мнѣній, то они, вообще по своему свойству, требуютъ провѣрки. Въ нашемъ отрывкѣ одни изъ нихъ совершенно личныя, какъ напр. выводъ слова Ромове отъ Рима, Roma, чтò очевидно невѣрно; другія же основаны на комбинаціи господствующихъ въ это время понятій о папѣ, которыя, само собою разумѣется, раздѣлялъ священникъ Дусбургъ — съ сообщеніями свидѣтелей о Криве. Сюда принадлежитъ мнѣніе о власти, приписываемой жрецу Криве, ad cujus *nutum* seu *mandatum regebantur* не только Прусы, но также Литовцы, Латыши „и вообще всѣ народы, проживающіе въ Ливонской землѣ" (et aliae Lyvonie terre naciones). Провѣркой этого мнѣнія мы теперь и займемся.

Власть жреца огня Криве могла быть политическая или іерархическая.

Во время Дусбурга географическое понятіе „Prussia, Prutheni" простиралось на 10 областей, изъ которыхъ этнографически къ собственнымъ Прусамъ принадлежали: Померанія, Погезанія, Вармія, Натангія, Сембія, Бартенія и Галиндія. Надровія же и Шалавонія была населена литовцами, Судавія ятвягами, Любавія по большей части поляками, а Хелмія (Culmia, позднѣйшая Хелминская земля), какъ кажется, вплоть поляками. Во время нашествія на Пруссію крестоносцевъ во всѣхъ этихъ земляхъ одной верховной власти фактически не было. И въ отдѣльныхъ областяхъ мы ея не находимъ. Области эти были независимы другъ отъ друга и распадались на многочисленныя части, во главѣ которыхъ стояли reguli, rikiai, kunigai, царьки, такъ что онѣ находились въ такомъ положеніи, какое нашелъ у нихъ Вульфстанъ въ концѣ X вѣка, а именно: существовало много городковъ, а каждымъ изъ нихъ управлялъ отдѣльный царекъ. Эти царьки жили въ постоянной борьбѣ между собою и вели много войнъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ верховной власти, управлявшей всей Пруссіею, быть не могло.

Въ совершенно одинаковомъ положеніи находилась и Литва съ начала XIII вѣка. Втеченіе XIII вѣка мы находимъ удачныя попытки соединенія меньшихъ участковъ

въ одинъ бóльшій. Миндовгу удалось сдѣлать зависимыми отъ себя громадную часть литовскихъ кунигасовъ, и временно также часть жемайтскихъ, до того, что именуютъ его „rex Lethovie". Но при всѣхъ этихъ его стремленіяхъ все-таки существуютъ независимые куниги. Итакъ, около 1243 г. кунигъ Ленгевинъ, съ цѣлью увеличить свое владѣніе, нападаетъ на кунигасовъ Мильгерине (Milgerine), Дуче (Dutsche) и Гингеке (Gingeke, Gineiko?) въ чемъ помогаетъ ему самъ Миндовгъ (Alnpeke v. 3000 etc). Еще около 1286—87 года крестоносцы убиваютъ семьдесятъ литовскихъ кунигасовъ, собравшихся на свадьбу, *сосѣдей* „regni Lethowie" (Dusb. III 228). Развѣ такой Ленгевинъ или такой Миндовгъ, который ради полученія царскаго вѣнца отъ папы покинулъ языческое вѣрованіе, спрашивалъ совѣта или подчинился бы какому-то жрецу Криве, проживающему гдѣ-то далеко въ одной изъ прусскихъ областей? Это немыслимо.

И у *Жемайтовъ* нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-то начальствующей верховной власти; вмѣсто этого мы фактически находимъ множество самостоятельныхъ кунигасовъ. Альнпеке нѣсколько разъ упоминаетъ о нихъ: die Kunige von Sameiten (v. 4625. 4628. 465). Они, собравшись въ 1259 г., *сами* рѣшаютъ войну, а не какой-то верховный владыка, и рѣшеніе одобряетъ ихъ собственный жрецъ, а не надровскій жрецъ огня. См. Дусб. III. 259 „nobiles, per quos Tamethia tunc regebatur".

Равнымъ образомъ и у *Ятвяговъ* было большое число независимыхъ кунигасовъ; о царствующей надо всѣми Ятвягами личности нигдѣ не читается. Волынская лѣтопись подъ 1251 г. сообщаетъ о „многихъ князехъ ятвязьцихъ".

Наконецъ, если принять во вниманіе, что Пруссія, Литва и Латыши очень часто вели между собою войны, что даже кунигасы одной и той же области отнимали другъ у друга державу и власть, то представляется очень яснымъ, что они одной верховной власти „ad cujus nutum seu mandatum regebantur", вовсе не знали, и отдѣльнымъ самостоятельнымъ царькамъ въ голову не приходило слушать приказовъ какого-то третьяго лица, а тѣмъ менѣе какого-то жреца въ далекой Надровіи, о которомъ, вѣроятно, и не слыхали.

Эти факты говорятъ сами за себя. Но положимъ, что у надровскаго жреца огня Криве въ самомъ дѣлѣ была такая высшая власть, хотя бы только извѣстное время, напр. при угрожающей опасности; мы во всякомъ случаѣ нашли бы въ исторіи какіе-нибудь слѣды ея, такъ какъ слишкомъ много было самыхъ важныхъ случаевъ воспользоваться ею для защиты независимости и вѣрованій. Между тѣмъ мы ничего подобнаго не читаемъ. У Прусовъ годъ за годомъ велась постоянная борьба съ крестоносцами; но нигдѣ въ Пруссіи не замѣтна солидарности въ интересахъ, какую воспроизводитъ и преслѣдуетъ верховная власть. Защищается та именно земля, на которую послѣдовало нашествіе. Бартенія, смежная съ Надровіей, падаетъ подъ тяжелымъ мечемъ тевтонскимъ, а сосѣдняя такъ громко прославленная власть надровскаго жреца ничего не дѣлаетъ ни въ пользу погибающихъ сосѣдей, ни въ защиту вѣрованія. Помезанія, Вармія и сосѣдняя съ Надровіею Натангія, подвергшіяся совокупно нашествію, проливаютъ послѣднюю каплю крови въ жестокихъ сраженіяхъ за вѣру и независимость, — между тѣмъ мнимый верховный владыка спокойно сидитъ

въ Ромове, не пользуется своей властью помогать несчастнымъ сосѣдямъ и безучастно смотритъ на ихъ гибель, хотя въ это время Надровія была совершенно независима и въ ней еще господствовало ничѣмъ не нарушенное язычество. Та же языческая Надровія дозволяетъ крестоносцамъ истреблять огнемъ и мечемъ сосѣднюю на сѣверъ Сембію и не даетъ ей никакой помощи. Наконецъ мы уже навѣрно ожидали, что жрецъ огня воспользуется своей властью, что энергически будетъ дѣйствовать и вызоветъ въ помощь все литовское племя тогда, когда пришла Надровіи очередь испытать жестокое нападеніе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ истребленіе вѣрованія, потушеніе ввѣреннаго Криве огня и гибель народа. Между тѣмъ дѣйствія знаменитаго жреца не замѣтны, никто не спѣшитъ съ помощью, и Надровія одна, оставленная всѣми, отчаянно борется нѣсколько лѣтъ, пока наконецъ не подвергается тяжелой судьбѣ покореннаго.

Во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ власть такого значенія должна была дѣйствовать, между тѣмъ Криве ничего не дѣлаетъ, по той причинѣ, *что очевидно такой власти въ столь обширныхъ территоріальныхъ границахъ не было.* Власть его могла простираться *на одну только Надровію;* въ ея предѣлахъ онъ дѣйствовалъ прежде всего какъ *жрецъ-гадатель,* который по явившимся знакамъ божества-огня одобрялъ или отрицалъ отъ имени божества предложенные вопросы, рѣшенія политическаго характера и т. п. Народъ неуклонно подчинялся, какъ извѣстно, волѣ боговъ и въ этомъ-то смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Дусбурга, что ad nutum seu mandatum (dicti Crive) regebantur. На основаніи приведенныхъ фактовъ и мотивовъ утверждаю, *что Дусбургъ черезчуръ увеличилъ предѣлы власти жреца Криве.*

Посмотримъ теперь, была ли власть Криве іерархической.

Іерархическое устройство требуетъ однородныхъ, по возможности, вѣрованій и постепенной зависимости другъ отъ друга жрецовъ, во главѣ которыхъ обыкновенно стоитъ одно лицо, сосредоточивающее всю власть въ своихъ рукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ частяхъ Литвы существовали нѣкоторыя всѣмъ литовцамъ общія божества, какъ Солнце, Луна, Звѣзды, Громы, Земля, а прежде всего Огонь, культъ котораго до такой степени былъ распространенъ въ этихъ странахъ, что литовцы нѣкоторыми писателями назывались почитателями огня „*λατρευόντων καὶ κακῶς καὶ ἀθέως τῷ πυρί* (грамота патр. Филоѳея 1370 г.). Патріархъ же Нилъ въ грам. 1380 г. называетъ Ольгерда *πυρσολάτρης ῥήξ τῶν Λυβῶν* (Вольтеръ, Матеріалы, часть I, 136, прим. 1).

Всѣ эти божества стояли на равной степени другъ съ другомъ; мы среди боговъ не видимъ даже понятія о верховномъ божествѣ, управляющемъ другими. То божество считалось главнымъ, или первымъ, въ которомъ въ данную минуту нуждался проситель. Мнѣніе, будто-бы Перкунасъ стоялъ во главѣ боговъ, я считаю ошибочнымъ. Онъ только дольше всѣхъ другихъ божествъ сохранялся въ памяти, потому что Перкунасъ и послѣ принятія христіанства гремѣлъ и пугалъ литовца.

Иногда божество одной сферы въ разныхъ областяхъ имѣло разное наименованіе. Въ Сембіи обращались къ Пергубріусу — *Pergubrius,* какъ покровителю земныхъ плодовъ; на Литвѣ же къ Žemienĭkas'у. Божество утренней звѣзды называлось на

Литвѣ *Auszrine* и было женскаго рода; у Латышей же *Auseklis* мужескаго рода. *Ganicke* или *Gonike* было въ Пруссіи божествомъ домашняго очага; на Литвѣ же *Gabieta,* а на Жмуди *Gubija.* Прусское божество жатвы *Kurko* подъ этимъ названіемъ не было извѣстно въ восточной Пруссіи, ни на Литвѣ, ни у Латышей. Латышскій же *Usiu's* не былъ извѣстенъ въ Литвѣ, равно какъ *Majas Kuner.* Даже въ самой Пруссіи находимъ разницу въ вѣрованіяхъ. Въ однѣхъ, напр., мѣстностяхъ Пруссіи почитались *бѣлыя* лошади, въ другихъ *карія,* или *другой масти;* въ однѣхъ пряли *ленъ* въ честь боговъ, въ другихъ *шерсть;* въ однѣхъ *купались* въ честь боговъ, въ другихъ *избѣгали купанья.*

Іеронимъ Пражскій нашелъ въ разныхъ областяхъ Литвы и Жмуди разныя божества, которымъ покланялись жители. При существованіи такихъ разнообразій не можетъ развиться іерархическое устройство.

Обратимся теперь къ лицамъ, занимающимся религіозными обрядами или связь съ ними имѣющимъ. Тутъ слѣдуетъ различать гадателей отъ жрецовъ, приносившихъ жертвы богамъ.

Въ литовскихъ земляхъ число гадателей, знахарей разнаго рода было чрезвычайно велико. Они ворожили на всякомъ удобномъ мѣстѣ, по разнымъ, иногда случайно попадавшимся предметамъ, какъ напр.: по роду и по полету птицъ, по другимъ животнымъ, по струѣ крови, по внутренностямъ, по когтямъ, по пиву, воску, свинцу и т. п. Отъ этихъ предметовъ получали особое наименованіе, напр. отъ vaszkas воскъ, vaszkonis, и пр. Praetorius приводитъ длинный перечень такихъ гадателей; но главное дѣло, что мы между ними нигдѣ не видимъ ни малѣйшаго слѣда зависимости другъ отъ друга или отъ третьяго лица, которое стояло бы выше данныхъ божествъ или во главѣ всѣхъ. Всѣ они дѣйствуютъ отъ себя, самостоятельно и нигдѣ не замѣтно никакого іерархическаго отношенія.

Однакожъ между предметами, по которымъ ворожили, уже по своему значенію выдающееся мѣсто занималъ *Огонь,* считавшійся самъ, какъ извѣстно, божествомъ. Для священнаго огня, какъ единственнаго постоянно видимаго на землѣ и требующаго постоянной услуги божества, по необходимости отведено было особое мѣсто, имѣющее, можетъ-быть, и другіе какіе-нибудь признаки святыни, какъ священное дерево, камень, рѣка и т. п. Если гаданія по инымъ предметамъ могли совершаться на любомъ мѣстѣ, то обращающіеся за совѣтомъ къ божеству огня, должны были отправиться въ опредѣленное мѣсто, и ясно, что они это дѣлали въ особо важныхъ случаяхъ. Божеству огня уже не служилъ гадатель, а жрецъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, обязанностью котораго было смотрѣть за тѣмъ, чтобы священный огонь не потухъ. Одному исполнить эту обязанность было бы невозможно; поэтому и принимаю, что у этого жреца были жрецы-помощники, смѣнявшіеся въ стражѣ. И дѣйствительно Іеронимъ Пражскій упоминаетъ о sacerdotes въ множественномъ числѣ, служившихъ при *одномъ* священномъ огнѣ, и подкладывавшихъ дрова для поддержанія его [1]). Вѣроятно изъ ихъ среды, какъ свѣдущихъ, избирали въ случаѣ временной

---

[1]) Ed. Pistorius p. 391: Sacerdotes cum ministris ad hoc munus obeundum adhibebant.

отлучки или смерти главнаго жреца замѣстителя ему или наслѣдника. Кромѣ этого нужна была прислуга, приносившая дрова изъ ближайшаго или окружающаго лѣса. Очень ясно, что эти всѣ служащіе должны были слушаться главнаго жреца, правившаго ими іерархически, или деспотически, какъ угодно. Это все придавало ему большое значеніе и отличало его отъ массы упомянутыхъ гадателей, бродившихъ по всей Литвѣ. Однакожь, несмотря на выдающееся значеніе жреца огня, не слѣдуетъ еще изъ этого, чтобы онъ имѣлъ надъ гадателями какую-нибудь власть и управлялъ ими іерархически. Въ источникахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобнаго устройства. Всѣ гадатели жили безъ всякой связи между собою, т.-е. безъ всякой организаціи.

Повидимому, жрецъ огня былъ единственнымъ жрецомъ, въ собственномъ значеніи этого слова, служившимъ исключительно божеству. Такимъ образомъ не могло быть и касты жрецовъ, о которой грезилось нѣкоторымъ ученымъ. Если даже назовемъ жрецами всѣхъ приносившихъ жертву и иногда совершавшихъ религіозные обряды, то и въ такомъ случаѣ іерархическое правленіе немыслимо. Жрецомъ, и притомъ ни отъ кого не зависимымъ жрецомъ, былъ всякій хозяинъ дома въ своемъ семействѣ, все равно, былъ ли онъ кунигасъ или простой владѣлецъ; только что кунигасъ имѣлъ право дѣйствовать, какъ жрецъ отъ имени всего своего владѣнія, какъ заключаемъ изъ присяги, данной Кейстутомъ отъ имени всей Литвы Людовику Венгерскому 1351 г.[1]). Въ отсутствіе хозяина совершала обряды хозяйка (Lasicki); при рожденіи ребенка — бабка. Если же съ цѣлію приношенія жертвы собиралось нѣсколько деревень, то сами собравшіеся, безъ всякихъ отношеній къ третьему лицу, избирали предводителемъ изъ своей среды старшаго (virszaitis), знающаго лучше другихъ требуемые обряды. „Erstlich erwehlen sie alte menner, die haben sie grossheylig wie die Bischoff, welche sie nennen Wurschkayten“, т.-е. Virszaitis (Hieronymus Malecki). Такую же личность, знающую ходъ обрядовъ, избирали собравшіеся въ лагерѣ войска. При такихъ условіяхъ, какъ тутъ думать о какомъ-нибудь іерархическомъ устройствѣ, хотя бы и среди такъ называемыхъ жрецовъ? Вѣдь, другаго матеріала для подобнаго устройства не было! Какъ допустить, чтобы надровскій жрецъ огня имѣлъ вліяніе на кунигасовъ, господствовавшихъ въ земляхъ внѣ Надровіи, или на обитателей этихъ странъ, не знавшихъ, по всей вѣроятности, во время своего процвѣтанія и о существованіи какого-то Криве.

Но главное и странное дѣло, что Дусбургъ самъ противорѣчитъ себѣ въ данномъ вопросѣ. Вѣдь онъ, составляя V-ую главу, въ которой приписываетъ жрецу огня, Криве, столь обширную власть, забылъ, что̀ онъ написалъ въ предшествующей IV главѣ о какой-то знатной женщинѣ-гадательницѣ въ Галиндіи (quaedam *domina* prophetissa), считавшейся святой (sacra), по приказанію которой управлялись всѣ дѣла (ad mandatum cujus facta singula regebantur), даже политическія, какъ война, и которая даже созывала на собраніе знатныхъ вельможъ, своей области т.-е. Галиндіи (convocatis pocioribus). Она это дѣлала совершенно самостоятельно, безъ всякихъ сношеній съ

---

[1]) Подробности находятся въ статьѣ Das Eid des Kestutis. Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft *Prussia*. Koenigsberg 1893 p. 104; а также въ статьѣ: Przysiąga Kiejstuta Posnań 1894.

надровскимъ жрецомъ огня; слѣдовательно, она имѣла такую власть въ Галиндіи, какая приписывается жрецу Криве въ гораздо болѣе обширныхъ территоріальныхъ предѣлахъ, т.-е. по всему литовскому имени. Трудно тутъ не замѣтить противорѣчія. Обѣ власти, гадательницы и Криве, въ Галиндіи несовмѣстимы. Поэтому мы, на основаніи выводовъ, что надровскій жрецъ огня не могъ имѣть приписываемой ему власти ни у Латышей, ни въ Литвѣ, ни въ Жмуди, ни даже во всѣхъ земляхъ, составлявшихъ Пруссію, и сообразившись съ фактами, обнаруженными въ Галиндіи, считаемъ себя въ правѣ заключить, что *Криве имѣлъ такую власть въ Надровіи, какую domina prophetissa въ Галиндіи.*

Къ совершенно одинаковому результату мы пришли, разсмотрѣвъ вопросъ о значеніи палки, названной Krivúte.

Мы выше сказали, что Дусбургъ представляетъ достовѣрный источникъ, но съ тою оговоркою, что тамъ, гдѣ приводитъ свои или чужія мнѣнія и соображенія, онъ могъ ошибаться. Однако, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ имѣть извѣстныя данныя, на основаніи которыхъ онъ создалъ свои мнѣнія.

Во времена Дусбурга господствовало мнѣніе, что язычество произошло отъ порчи откровенной, настоящей вѣры. Понятно, что Дусбургъ, священникъ, подчинился этому мнѣнію. Вслѣдствіе этого, когда онъ узналъ, что священное мѣсто въ Надровіи называлось Ромове, и что въ немъ проживалъ жрецъ большаго значенія, то ему по-неволѣ навертывалась мысль, вызванная созвучьемъ, что Ромове только испорченное Roma (на что, впрочемъ, намъ указываетъ: Romow, trahens nomen suum a Roma), выдающійся жрецъ — это только подражаніе и воспоминаніе о папѣ. Такимъ образомъ господствующее мнѣніе о происхожденіи язычества — съ одной стороны, сопоставленіе Romowe съ Roma и сравненіе жреца съ папой — съ другой, — стали поводомъ для дальнѣйшихъ заключеній, а именно: какъ папа царствуетъ надо всѣмъ католическимъ міромъ, такъ жрецъ огня надъ всѣмъ литовскимъ язычествомъ.

Можетъ-быть, спрошенные о значеніи Криве свидѣтели, именно неофиты надровцы, утвердили Дусбурга въ этомъ мнѣніи, увеличивая въ глазахъ его значеніе своего только что по-неволѣ покинутаго жреца.

Наконецъ, на распространеніе славы надровскаго жреца не мало подѣйствовало тогдашнее политическое положеніе Пруссіи. Въ это время на сѣверъ отъ Надровіи были покорены Сембы; на западъ же Помезанія, Погезамія, Вармія и Натангія; на югъ Бартенія. Одна только Надровія прилегая къ нимъ тремя сторонами, пользовалась полною независимостью. Въ ней господствовало еще никѣмъ не тронутое язычество; тутъ горѣлъ еще вѣчный огонь, а жрецъ его давалъ совѣты и ворожилъ всѣмъ, обращавшимся къ нему.

Покоренное съ трехъ сторонъ Надровіи язычество не сразу припало къ стопамъ Спасителя. Оно постоянно думало и стремилось къ возстановленію независимости и древнихъ вѣрованій. Послѣ уничтоженія древнихъ святыхъ мѣстъ, послѣ потушенія горѣвшихъ въ нихъ священныхъ огней, послѣ истребленія жрецовъ, къ кому было имъ обращаться за ворожбой и совѣтомъ, если не къ сродной имъ и ближайшей по положенію Надровіи, гдѣ въ Ромове еще свободно горѣло общее всему литовскому

племени божество, и гдѣ поддерживалъ ихъ надежды жрецъ огня, Криве? Поэтому не удивительно, что по всѣмъ устамъ ходило имя Криве, что его слава, перешагнувъ предѣлы Надровіи, распространялась по всѣмъ сосѣднимъ областямъ, такъ что ея оттолосокъ, черезъ посредство свидѣтелей, дошелъ къ самому Дусбургу.

До сихъ поръ господствуетъ мнѣніе, будто бы слово *Криве* значило „жрецъ жрецовъ“ и т. п., однимъ словомъ означало *должность*.

На основаніи этимологическихъ выводовъ мы не приходимъ ни къ какому результату. Можетъ-быть, Krive имѣетъ корнемъ Kriv-, отъ котораго образуется прилагательное Kreivas, „кривой“, существительное Krivúte, „кривая палка“; и само Krive, Криве, можетъ имѣть значеніе „Кривой“. Но все-таки это ничего не объясняетъ, такъ какъ между „Кривой“ и „Криве“ не нахожу логической связи. Во всякомъ случаѣ было бы весьма страннымъ называть важную должность отъ увѣчья, зная при томъ, что Прусы убивали увѣчныхъ дѣтей.

Со словомъ Криве встрѣчаемся у Дусбурга три раза:

1) Locus quidam dictus Romow, in quo habitabat quidam dictus Crive, quem collebant pro papa.

2) ad dictum Crive papam venerunt quaerentes...

3) tertiam partem (praedae) dicto Crive praesentarunt...

Послѣдняя цитата (3) ничего не объясняетъ; первыя же двѣ сообщаютъ, „что Криве почитается, какъ папа“, и „что онъ считается папой; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что слово „Криве“ значитъ „папа“ и т. п. Слѣдовательно, Криве можетъ быть собственнымъ именемъ. Если вмѣсто Криве подставимъ какое-либо другое собственное имя, то этимъ смыслъ никакъ не нарушается.

Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ насъ столько разъ у Дусбурга повторяющееся „dictus“. Для уясненія себѣ его значенія я прочелъ всю I-ую и II-ую книгу, заключающія въ себѣ 18 главъ (по изданію Hartknoch'а 16 главъ) и, кромѣ того, 51 главу (Hartk. 50) изъ III книги, всего 69 главъ (H. 66), и нашелъ:

1) если dictus относится къ существительному, означающему личность или мѣстность, и притомъ эта личность или мѣстность первый разъ упоминается, то dictus имѣетъ значеніе „nomine“ или „cognomine“, т.-е. имѣющій имя или прозвище, а существительное есть *собственное имя*. Обыкновенно dictus предшествуетъ этому собств. имени, напр.: misit ei fratrem Hermannum dictum Balke in magistrum (II, 11; Hart. II, 9); fuit quidam Pruthenus... dictus Dorge (III, 6); fratris dicti Rave de Redino consilium hoc fuit (III. 45; H. 44); misit fratrem Conradum dictum Bremer (III. 50, H. 49); Hermannus dictus Bart (I. 4); frater Henricus dictus Walpote (I. 2); Hugonem dictum Potyre (II. 7); Castrum dictum Vogelsanck (I. 10, H. 8); Castrum dictum Partegal (III. 23); castrum dictum Snickenbergk (III. 24)[1]). Одинъ разъ читаемъ quendam virum discretum, Brunonem dictum (II, 4), т.-е. dictus поставлено послѣ собств. имени, вѣроятно во избѣжаніе соединенія съ discretum. Вездѣ въ при-

---

[1]) Такихъ случаевъ я въ прочитанныхъ мною 69-и главахъ насчиталъ 17, т.-е. кромѣ указанныхъ въ текстѣ: II. 12 H. 10; III. 5 два раза; III. 7, 9, 14.

веденныхъ примѣрахъ вмѣсто dictus можно безъ различія поставить nomine или cognomine, какъ это и дѣлаетъ Дусбургъ: Christianus nomine (П. 1); nomine Suentopolcus (III. 32). Слѣдующіе два случая могли бы показаться исключеніемъ: Sed dum vir ille nobilis et miles strenuus in armis de Saxonia burgrabius de Megdeburck[1]), *dictus cum parva manu,* multa stipatus milicia.. veniret... III. 9. Здѣсь dictus cum parva manu значитъ cognomine c. p. m., т.-е. съ прозвищемъ Краткорукій, слѣдовательно и этотъ случай подходитъ подъ общее употребленіе слова dictus у Дусбурга. Второй случай слѣдующій ...devoti homines de Bremensi et Lubecensi civitatibus... fundaverunt hospitale in tentorio suo, facto de velo cujusdam navis, *dicte cocka* Theŭtonice (I. 1), т.-е. устроили гошпиталь въ своемъ лагерѣ изъ паруса какого-то корабля, названнаго по-нѣмецки Кока. Этотъ примѣръ, вообще, сюда не принадлежитъ, потому что Кока (собственно Kogge) не означаетъ ни личности, ни мѣстности, а только предметъ, т.-е. корабль извѣстнаго рода, грузовое судно[2]).

2) Если лицо или мѣстность и даже другое существительное уже разъ были приведены, то dictus означаетъ то же, что supra dictus, вышеупомянутый, сказанный; напр. in dicto exercitu I. 1 въ сказанномъ войскѣ; dicto magistro I. 5; dicta terra Poloniae II. 3; ad noticiam dicti ducis II. 5; dicto Pruteno и пр. Въ прочитанномъ мною текстѣ встрѣчаемся съ этимъ значеніемъ dictus около 55 разъ. Поучительный примѣръ читаемъ въ II кн. 2 гл. „castrum dictum Dobrin: крѣпость, названная Добринъ; а сейчасъ послѣ: dictum castrum Dobrin, упомянутая крѣпость Добринъ.

Съ примѣненіемъ этого вывода къ нашему отрывку, locus quidam dictus Romow, только можетъ имѣть значеніе: какая-то мѣстность, названная (имѣвшая названіе) Ромовъ; a in quo habitabat quidam dictus Criwe, „въ которомъ проживалъ нѣкто, имѣвшій имя (фамилію) Криве“. Слѣдовательно Криве есть собственное имя, а не названіе должности.

Въ слѣдующихъ за симъ фразахъ dictus Criwe значитъ упомянутый, сказанный Криве, такъ какъ раньше о немъ была рѣчь. Точно такъ понималъ это мѣсто Николай изъ Іеросина, младшій современникъ Дусбурга, переводившій „papa“ черезъ: obirste êvarte, т.-е. высшій блюститель закона, a dictus Crive черезъ „Crive was genant *sîn name*. Sîn = sein, его, этого высшаго блюстителя закона, этого должностнаго лица; слѣдовательно, вся фраза: Криве было именемъ этого должностнаго лица.

Грунау первый придумалъ для слова Криве значеніе должности, верховнаго жреца, исковеркавъ его въ Kyrwait (ed. Perlb. p. 3. 11. 65), Kirwayt (Perlb. p. 3. 26); Kirwajdo (p. 69). Онъ же первый именуетъ его: Crywo Cyrwaito (p. 62); Crywe cyrwaito (r. 66), Criwe Kirvaito (p. 63) и пр. Онъ переводитъ Kirvait черезъ der mundt unser götte (p. 88) или der munt gottis (p. 88); crywo cyrwaito же черезъ „das ist unser herre noch gotthe (p. 62). Позднѣйшіе писатели слѣдуютъ Грунау, перемѣняя слово Криве на всевозможные лады, напр. Вайссель, не понявъ Николая

---

[1]) Это былъ Burchard von Magdeburg, Graf von Querfurt.

[2]) Этотъ примѣръ я привелъ для того, чтобы сразу устранить всякія могущія возникнуть сомнѣнія.

изъ Іеросина, называетъ его Evarto Krywe, Evarto Grille, даже Kyrille, и т. п. Стрыйковскій: Kyrie Kyrieito; Муриніусъ Krive Kyrveito; Henneberger: Kyrvaite. Тотъ же Henneberger, ссылаясь на Грунау, приписываетъ своимъ выдуманнымъ формамъ значеніе „unser Herr nächst Gott, oder Gottes Mutter (sic! вѣроятно опечатка вмѣсто mund). Dietmar въ своей прусской хроникѣ опредѣляетъ для Криве значеніе „glück unseren göttern. Clagius переводитъ Kyrvaite черезъ: Divûm mentem; Sryjkowski черезъ blizki nasz pan (cf. Grunau); Кояловичъ — sanctus sanctissimus; Praetorius — sacerdos; Hartknoch: Crive est judex vel pontifex, et Kriwe Kriweito est judex judicum. (Ср. Hartknoch Dissert. IX p. 147—8). Какъ согласить всѣ приведенныя разнообразныя формы слова Crive и всевозможные переводы его, это предоставляю всѣмъ слѣдующимъ принятой до сихъ поръ традиціи; я этого сдѣлать не въ состояніи. Знающіе литовскій языкъ исправляютъ спорное имя въ Krivû Krivaitis; литовскія слова тогда выходятъ грамматически вѣрными; но толку въ нихъ нѣтъ. Мы окончимъ этотъ перечень мнѣній словами Hartknoch'а: Vana haec sunt otiosorum ingeniorum commenta.

Въ началѣ нашего изслѣдованія мы привели по Дусбургу три аттрибута жреца Криве. Теперь вопросъ: принадлежали ли эти аттрибуты исключительно этому жрецу, такъ что на этомъ основаніи мы могли бы поддержать приписываемый ему авторитетъ „жреца надъ жрецами“?

1) Первой и, по моему мнѣнію, главной функціей надровскаго жреца огня было поддерживать вѣчно горѣвшій священный огонь. То же самое дѣлали въ другихъ областяхъ другіе приставленные съ той же цѣлью жрецы; напр. въ Вильнѣ такой же вѣчный огонь былъ поддерживаемъ особымъ, опредѣленнымъ жрецомъ. Vladislaus rex ignem, qui perpetuus ab illis putabatur, in Vilnensi civitate, quae caput et metropolis gentis erat, servatum et *a sacerdote,* qui eorum lingua Zincz (другіе Znicz) appellabatur, et qui supplicantibus et de futuro rerum eventu Numen consulentibus falsa edebat (quasi haec a Numine accepisset) responsa, *custoditum* et sedula lignorum adjectione nutritum, barbaris inspectantibus extingui et templum aramque, in quibus hostiarum immolatio fiebat, disrumpi... disposuit. Dlug. ed. Przezd. T. XI. lib. X p. 466; ed. Frcfti 1711 lib. X p. 109[1]).

И на *Жмуди* горѣлъ вѣчный огонь, поддерживаемый жрецомъ: aras deinde idolorum destruit (Vladislaus), lucos succidit et ad *praecipuum* Samogitharum Numen, *Ignem* videlicet, quem sacrosanctum et perpetuum putabant, qui in montis altissimi jugo super fluvium Nyewyasza sito, lignorum assidua oppositione a sacrorum sacerdo-

---

[1]) Mathias de Miechovia въ IV. c. 39 сообщаетъ то же, что его источникъ Длугошъ: Colebant ignem, qui per sacerdotem lingua eorum *Zincz* nuncupatum subjectis lignis adorabatur. Ed. Pist. p. 185. Guagnini сообщаетъ также свѣдѣнія о священномъ огнѣ и его жрецѣ въ Вильнѣ, но словомъ *Znicz* онъ называетъ *огонь*. Imprimisque *ignem*, quem sua lingua *Znicz*, ut rem sacram, appellabant, cultu divino prosequebantur, eumque in *celebrioribus locis* atque *oppidis* perpetuum observabant; hujusque modi ignis Vilnae... ed. Pist. p. 391. Locus, вѣроятно, мѣстность, имѣющая признаки святыни, какъ напр. священное дерево, камень и пр. — Стрыйковскій священный *огонь* также называетъ „Znicz“; ed. Warsz. p. 143. Разногласіе относительно названія священнаго огня и его жреца я постарался разъяснить въ трудѣ: Lasicki Źródło do litewskiej mytologii p. 66. Больше подробностей, а именно также разъясненія, что означаетъ templum, сообщу въ приготовляемой мною статьѣ: Romove.

tibus (ed. Frcft. sacerdote) alebatur, accedens turrim, in qua consistebat, incendit et ignem disjecit et extinguit Przezd. XIII p. 159; ed. Frcf. XI. p. 343[1]).

Aeneas Sylvius de Piccolomini сохранилъ слѣдующій разсказъ Іеронима Пражскаго изъ неизвѣстной мѣстности Литвы или Жмуди, куда онъ по указаніямъ Владислава Ягайло отправился съ цѣлью крещенія язычниковъ: Post hos (i. e. qui serpentes colebant) gentem reperit, *quae sacrum colebat ignem* eumque perpetuum appellabat. *Sacerdotes* templi materiam, ne deficeret, ministrabant. Scrpt. Rr. Pr. IV.

Такимъ образомъ мы имѣемъ прямыя доказательства тому, что вездѣ, гдѣ только горѣлъ вѣчный огонь, находился по необходимости, для поддержанія его, спеціальный жрецъ въ родѣ надровскаго жреца Криве.

2) Жрецу въ Надровіи являлись души усопшихъ. Равнымъ образомъ души умершихъ являются въ Натангіи, Помезаніи и Вармiи жрецамъ, называемымъ у однихъ Tulisones, у другихъ Ligasones (единств. число вѣроятно Tulisů, Ligasů. (Жители этихъ областей, принявъ крещеніе, обѣщали въ 1249 г. quod inter se non habebunt Tulissones vel Ligaschones, homines videlicet mendacissimos histriones, qui... erectis in celum luminibus exclamantes mendaciter, asserunt, se videre *presentem defunctum* per medium celj volantem in equo, armis fulgentibus decoratum nisum in manu ferentem et cum comitatu magno in aliud seculum procedentem... Cod. dipl. Varm. ed. Woslky und Saage 1860 p. 31—32.

Въ областяхъ, отдаленныхъ отъ поименованныхъ прусскихъ земель, гдѣ-то на Жмуди, Іеронимъ Пражскій нашелъ вѣрованіе, что жрецамъ огня являются при священномъ огнѣ даже тѣни т.-е. души больныхъ людей: Hos (жрецовъ огня) super vita aegrotantium amici consulebant; illi noctu ad ignem accedebant, mane vero consulentibus responsa dantes, *umbram aegroti* apud ignem sacrum se vidisse ajebant, quae, cum se calefaceret, signa vel mortis vel vitae ostentasset; victurum aegrotum facies ostensa igni, contra si dorsum ostentasset, moriturum portendit... Sc. Rr. Pr. IV.

Слѣдовательно, не только надровскому жрецу, Криве, являлись души умершихъ, но также другимъ жрецамъ, въ другихъ мѣстностяхъ и, какъ кажется, всѣмъ жрецамъ огня.

3) Затѣмъ, тотъ же надровскій жрецъ приноситъ третью часть добычи въ жертву богамъ. И этого не дѣлаетъ онъ одинъ. Собравшіеся жемайтскіе кунигасы обѣщаютъ по совѣту своего, по всей вѣроятности ими самими избраннаго, жреца третью часть добычи въ случаѣ побѣды:

Ir sult geloben das dritte teil
den goten, so geschiet uch heil. Alnpeke 4693—4.

Побѣдивъ крестоносцевъ, они въ самомъ дѣлѣ, и притомъ немедленно, исполняютъ обѣщаніе, передавъ сказанную часть добычи своему жрецу, а не надровскому, и не сожигаютъ ее въ Ромове, а на полѣ побѣды, въ окрестностяхъ г. Шкуды на Жмуди.

---

[1]) О томъ же Math. de Miech. ed. Pist. lib. IV. 45. p. 194. Cp. Guagnini ed. Pist. p. 45. и Стрыйковскій ed. Warsz. p. 143.

Если же сопоставимъ аттрибуты, приписываемыя Дусбургомъ надровскому жрецу, Криве, съ аттрибутами жрецовъ, упомянутыхъ Іеронимомъ Пражскимъ, то мы между ними и до сихъ поръ изложеннымъ не замѣчаемъ никакой разницы.

Окончательный нашъ выводъ изо всего вышесказаннаго будетъ въ самомъ существенномъ слѣдующій:

1) Надровскій жрецъ огня, въ данномъ случаѣ Криве, не имѣлъ такой власти ни политической, ни іерархической, какую ему приписываетъ Дусбургъ; власть его не могла простираться ни на латышскую землю, ни на Литву, ни даже на всѣ Прусскія области; она только и могла дѣйствовать, что въ одной Надровіи.

2) „Криве“ — не названіе должности въ родѣ „жрецъ жрецовъ“, а только собственное имя послѣдняго надровскаго жреца огня.

3) Аттрибуты, приписываемые надровскому жрецу Дусбургомъ, не принадлежатъ ему исключительно: ими пользовались также жрецы огня въ другихъ странахъ.

Настоящимъ вопросъ о Криве не исчерпанъ; мы пополнимъ его при разсмотрѣніи значенія палки, или такъ называемаго посоха, Криве. Такъ какъ этотъ вопросъ по недостатку прямыхъ источниковъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи аналогіи, и поэтому весьма сложенъ, то мы ему посвятимъ специальную статью подъ заглавіемъ: *Nuncius cum baculo*.

Монетные клады Кіевской губерніи до первой четверти XV столѣтія.

В. С. Данилевича.

Земля, занимаемаи теперь Кіевской губерніей, служила нѣкогда поприщемъ кипучей исторической дѣятельности. Курганы, валы, городища, покрывающіе ее по всѣмъ направленіямъ, монетные клады, ежегодно извлекаемые изъ нѣдръ ея, являются нѣмыми свидѣтелями этой давно угасшей жизни. Кто были обитатели этого края? Жилъ ли въ немъ все время одинъ народъ, или послѣдовательно цѣлый рядъ народовъ промелькнулъ здѣсь? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ намъ не даютъ отвѣта древніе писатели и лѣтописи: почти до конца X в. свѣдѣнія очень скудны, затѣмъ на нѣсколько столѣтій густая завѣса, скрывшая отъ насъ судьбы этой земли, раскрывается, а съ самаго начала XIII в. густымъ мракомъ затягивается судьба ея[1]). Послѣднее обстоятельство и заставило насъ поставить хронологическимъ предѣломъ нашего доклада первую четверть XV столѣтія.

Число кладовъ, находимыхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи, весьма велико: при составленіи этой замѣтки имѣлись въ виду 111 кладовъ. Само собой разумѣется, что приведенная выше цыфра не даетъ точнаго понятія о числѣ кладовъ съ монетами разсматриваемаго періода, найденныхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи, такъ какъ громадное количество кладовъ исчезло безслѣдно для науки. Впрочемъ не меньшее число ихъ сдѣлалось извѣстно ученымъ, изучавшимъ древности Кіевской губерніи. Само собой разумѣется, что изученіе кладовъ Кіевской губеріи было бы весьма затруднительно, если бы свѣдѣнія, о нихъ были разсѣяны въ отдѣльныхъ статьяхъ и въ періодическихъ изданіяхъ, какъ происходитъ съ кладами, находимыми въ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ этомъ отношеніи Кіевской губерніи посчастливилось, такъ какъ клады Кіевской губерніи очень рано начали интересовать мѣстныхъ археологовъ: значительное количество замѣтокъ о кладахъ собрано въ трудахъ Фундуклея, въ сочиненіи Похилевича „Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи“ и въ трудѣ Страшкевича „Клады разсмотрѣнные въ мюнцъ-кабинетѣ Университа Св. Владиміра“; кромѣ того имѣется рядъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ

---

[1]) М. Грушевскій. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Стр. VII.

научныхъ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ; наконецъ итогъ всѣмъ этимъ сочиненіямъ былъ подведенъ Бѣляшевскимъ въ его трудѣ „Монетные клады Кіевской губерніи“, гдѣ авторъ приводитъ свѣдѣнія о кладахъ, какъ напечатанныя, такъ и собранныя отъ разныхъ любителей старины. Еще болѣе обширный матеріалъ находится въ рукописныхъ замѣткахъ профессора В. Б. Антоновича, которыми мы и воспользовались главнымъ образомъ при составленіи данной замѣтки.

Въ составъ кладовъ указаннаго нами періода входятъ 11 видовъ монетъ: греческія, римскія, византійскія, арабскія, германскія, русскія, чешскія, червоно-русскія, генуэзскія, литовскія, и золото-ордынскія. По времени, къ котороиу онѣ относятся, и по совмѣстному нахожденію въ кладахъ эти монеты распадаются на слѣдующія 4 группы: 1) греческія и римскія; 2) византійскія, арабскія и германскія; 3) русскія, составляющія переходную группу можду монетамн 2-й и 4-й группъ, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ кладахъ и вмѣстѣ съ византійскими монетами, и вмѣстѣ съ монетами 4-й группы[1]); 4) чешскія, червоно-русскія, генуэзскія, литовскія и золотоордынскія.

Число кладовъ съ греческими монетами гораздо меньше чнсла кладовъ съ римскими: первыхъ 8, а вторыхъ 38[2]), при чемъ въ 5 кладахъ греческія монеты найдены безъ римскихъ, а въ 3 совмѣстно съ римскими. Въ первыхъ 5 случаяхъ были найдены босфорскія монеты: въ 2—Митридата VI, въ 2—Ольвіи и въ 1—Пантикапеи; въ 3 же остальныхъ случаяхъ встрѣчены монеты слѣдующихъ мѣстъ Греціи: въ одномъ—г. Диррахіума вмѣстѣ съ римскими консульскими I в. до Р. X., въ другомъ Птолемеевъ вмѣстѣ съ римскими императорскими I и II вв. по Р. X. и въ третьемъ Антіохіи Писидійской III и IV вв. по Р. X. вмѣстѣ съ римскими императорскими того же времени. Изъ 38 кладовъ съ римскими монетами только въ одномъ находятся монеты I в. до Р. X., остальные же клады занимаютъ время съ I в. по IV в. по Р. X., распредѣляясь по вѣкамъ слѣдующимъ образомъ: къ I в. по Р. X. относится 1 кладъ, ко II в.—25, къ III в. — 3, къ IV в. — 2, и наконецъ время 6 кладовъ неизвѣстно. Географически клады первой группы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) клады съ греческими монетами были найдены въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1 въ Кіевѣ, 5 въ бассейнѣ Днѣпра и 2 въ бассейнѣ Буга; 2) изъ 38 кладовъ съ римскими монетами только 3 найдены въ бассейнѣ Буга, остальные же 35 найдены въ бассейнѣ Днѣпра, при чемъ они такъ распредѣляются: 4 клада, содержащіе монеты съ II в. по Р. X. по IV в., найдены въ Кіевѣ, 3 на берегахъ Днѣпра, 10 на берегахъ Роси и ея притоковъ и 18 вообще въ бассейнѣ Днѣпра.

Клады второй группы распредѣляются слѣдующихъ образомъ: 15 съ византійскими монетами VI—XIII вв., при чемъ 7 кладовъ содержатъ монеты X в.; 12 съ арабскими VIII—XI вв. и 2 съ германскими, относящимися къ царствованію Генриха II. Географическое распредѣленіе этихъ кладовъ слѣдующее: 1) византійскія: 11 въ Кіевѣ

[1]) В. Б. Антоновичъ «О новонайденныхъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра»; Страшкевичъ «Клады, разсмотрѣнные въ мюнцъ-кабинетѣ Университета Св. Владиміра», 16.

[2]) Въ числѣ этихъ 38 кладовъ поставлены и 3 клада, содержавшіе совмѣстно греческія и римскія монеты.

и 4 въ бассейнѣ Днѣпра; 2) арабскія: 9 въ Кіевѣ, 2 на берегахъ Роси и 1 на берегу Ятрани; 3) оба клада съ германскими монетами найдены въ Кіевѣ.

Изъ 26 кладовъ съ германскими монетами только 2 содержали такъ называемыя монеты Св. Владиміра и 1—монеты Кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича вмѣстѣ съ гривнами, остальные же 23 клада содержали исключительно гривны. Клады этой группы найдены въ слѣдующихъ мѣстахъ: 2 клада съ монетами и 13 съ гривнами въ Кіевѣ, 3 клада съ гривнами на берегахъ Днѣпра и 7 кладовъ съ гривнами и 1 смѣшанный въ бассейнѣ Днѣпра.

Клады четвертой группы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) изъ 8 кладовъ съ золото-ордынскими монетами только 3 найдены въ Кіевѣ, остальные же 5 — въ бассейнѣ Днѣпра; 2) клады съ чешскими монетами находили въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1 въ Кіевѣ, 2 на берегахъ Днѣпра и 6 въ бассейнѣ Днѣпра; 3) съ червонно-русскими, генуэзскими и литовскими монетами найдено по 1 кладу, при чемъ всѣ 3 въ бассейнѣ Днѣпра.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на основаніи данныхъ, представленныхъ нами выше.

1) Клады съ босфорскими монетами позволяютъ намъ заключить, что жители территоріи, занимаемой теперь Кіевской губерніей, вели торговыя сношенія съ греческими колоніями на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Указывая на Босфоръ, мы руководимся тѣми соображеніями: а) что въ большинствѣ кладовъ найдены были босфорскія монеты; б) босфорскіе Греки находились въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ теперешней Кіевской губерніей, чѣмъ остальные ихъ соплеменники; в) въ остальныхъ кладахъ греческія монеты были найдены совмѣстно съ римскими и, вѣроятно, проникли при посредствѣ Римлянъ; г) тѣ части греческаго міра, которымъ принадлежатъ монеты этихъ кладовъ, находятся слишкомъ далеко отъ теперешней Кіевской губерніи, чтобы можно было предположить какія-либо непосредственныя сношенія съ ними.

2) Съ конца I в. до Р. Х. или съ I в. по Р. Х. босфорскихъ грековъ смѣняютъ римляне, и во II в. по Р. Х. торговыя сношенія съ ними становятся весьма напряженными, какъ это доказываетъ многочисленность кладовъ съ монетами этого столѣтія: 25 изъ общаго числа 38. Наше предположеніе не покажется невѣроятнымъ, если вспомнить походы Траяна за Дунай и несомнѣнное вліяніе Римлянъ на земли, образовавшія послѣ Молдавію и Валахію, слѣды котораго сохранились и до сихъ поръ[1]). Впрочемъ, малочисленность кладовъ III и IV вв. по Р. Х. и совершенное отсутствіе ихъ въ V в. показываютъ, что вскорѣ эти сношенія сильно уменьшились, а затѣмъ и совершенно прекратились. Это обстоятельство легко объясняется: 1) затруднительнымъ положеніемъ Римской Имперіи по смерти Коммода, которое препятствовало успѣшному развитію мирныхъ сношеній; и 2) вторженіями Готовъ въ III в. и Гунновъ въ IV в. въ южную Россію, отрѣзавшими землю, которую теперь занимаетъ Кіевская губернія, отъ римскаго міра[2]).

---

[1]) О. Іегеръ, Исторія Рима. Спб. 1886. Т. II, стр. 329.
[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи. М. 1883. Т. I, стр. 84—86.

3) Въ слѣдующемъ періодѣ клады указываютъ на существованіе торговыхъ сношеній съ Византіей, Арабами и Нѣмцами, при чемъ, по кладамъ, наибольшею напряженностью сношенія съ Византіей отличались въ X в., съ Арабами же въ IX в. и въ началѣ X в.[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ клады вполнѣ опровергаютъ мысль Соловьева, что внѣшняя торговля Руси явилась послѣ такъ называемаго призванія варяговъ,

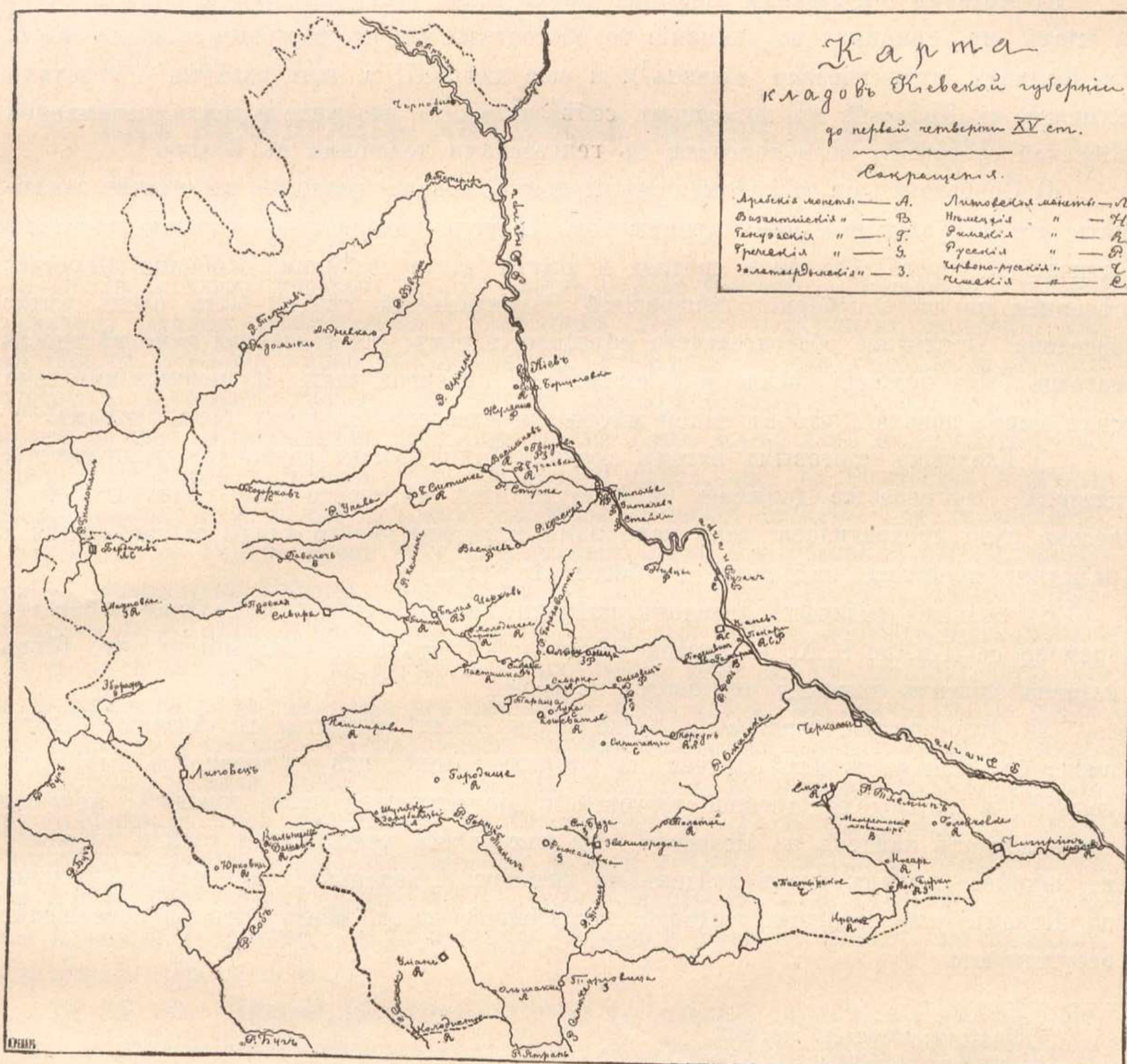

Рис. 68.

т.-е. въ IX в.[2]), такъ какъ встрѣчаются клады съ византійскими монетами VI в. и арабскими VIII в., что ясно указываетъ на существованіе торговыхъ сношеній до IX в.

4) Невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что византійскія монеты ни разу не были найдены въ извѣстныхъ намъ кладахъ вмѣстѣ съ такъ называемыми монетами св. Владиміра, а арабскія монеты никогда не встрѣчались со-

[1]) Грушевскій, Исторія Кіевской земли, стр. 395.
[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи. Т. I, стр. 242—243.

вмѣстно съ другими монетами. Не указываетъ ли это на отсутствіе туземной монеты при Владимірѣ святомъ, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ слово „серебреникъ“ только подъ 1115 г.[1]), а до этого при обозначеніи суммы денегъ употребляется только слово „гривна“[2]), въ договорѣ же Игоря[3]), несомнѣнно, имѣются въ виду византійскіе золотники?

5) Хотя съ генуэзскими монетами въ Кіевской губерніи намъ извѣстенъ всего 1 кладъ, но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что торговыя сношенія Кіева съ Крымомъ существовали издавна[4]), и еще для XIII в. есть извѣстія о русскихъ купцахъ въ Крыму[5]), мы позволяемъ себѣ заключить, что жители земли, занимаемой Кіевской губерніей, вели торговлю съ генуэзскими колоніями въ Крыму.

6) Сообразуясь съ расположеніемъ кладовъ (см. карту кладовъ), мы можемъ заключить, что въ указанный нами промежутокъ времени наибольшею густотою населенія отличались берега Днѣпра и средняя и южная части губерніи, особенно Поросье; сѣверная же часть губерніи, теперешній Радомысльскій уѣздъ, была очень рѣдко населена. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что указанная нами мѣстность издавна была покрыта лѣсами и болотами[6]), а сѣверная часть ея покрыта ими и до сихъ поръ: понятно, что въ такой мѣстности населеніе не могло быть густымъ.

7) Главнымъ торговымъ путемъ служилъ Днѣпръ, какъ видно изъ расположенія кладовъ; торговое же движеніе по Бугу въ этой мѣстности было незначительно и весьма рано прекратилось, такъ какъ намъ извѣстны только клады съ греческими и римскими монетами, найденные въ бассейнѣ Буга.

8) Большое количество кладовъ, найденныхъ въ Кіевѣ и занимающихъ періодъ времени со II в. по Р. Х. до первой четверти XV столѣтія, показываетъ, что Кіевъ издавна служилъ важнымъ торговымъ центромъ.

9) Относительно топографіи Кіева клады вполнѣ сходятся съ указаніями лѣтописи: большая часть ихъ найдена на Старомъ Кіевѣ, гдѣ въ древности былъ „городъ“[7]), и на Подолѣ, древней торговой и промышленной части города[8]); меньшая часть кладовъ найдена на Печерскѣ, гдѣ находились пригородныя села и дворцы[9]), и, наконецъ, одинъ кладъ найденъ на древнемъ „Болоньѣ“, что теперь Оболонь; на Новомъ же Строеніи, недавно застроенной части Кіева, клады совершенно отсутствуютъ.

---

[1]) Ипатская лѣтопись. стр. 207.

[2]) Ibid, стр. 21, 59, 91, 94 и 105.

[3]) Ibid, стр. 36—37.

[4]) Аристовъ, Промышленность древней Руси. Спб. 1866, стр. 187—188 и Грушевскій, Исторія Кіевской земли, стр. 387.

[5]) Грушевскій, Исторія Кіевской земли, стр. 390.

[6]) Ibid, стр. 7.

[7]) Грушевскій, Исторія Кіевской земли, стр. 16.

[8]) Ibid, стр. 17.

[9]) Ibid, стр. 20.

Гдѣ находилась хазарская крѣпость Саркелъ.

Х. И. Попова.

Земля Донскихъ казаковъ, нынѣ область Войска Донскаго, со временъ глубокой древности служила обиталищемъ и поприщемъ дѣйствій различныхъ народовъ. Всѣ эти народы оставили здѣсь многочисленные памятники своего пребыванія въ видѣ кургановъ, городищъ, названій мѣстностей, каменныхъ изваяній, предметовъ оружія, монетъ и проч. Протекающій чрезъ эту землю *Тихій* Донъ, какъ мы называемъ его теперь, извѣстный у грековъ подъ именемъ Танаиса, еще до Рождества Христова имѣлъ важное значеніе для торговыхъ сношеній древнихъ народовъ Европы съ Азіею, а съ III в. по Р. Хр. чрезъ него направлялся одинъ изъ главныхъ путей, по которому произведенія Европы перевозились на Востокъ, въ Бухару и Индію, а произведенія послѣднихъ странъ — въ Европу. Торговый путь по Дону, съ перемѣннымъ счастьемъ и значеніемъ, продолжалъ существовать даже до XV столѣтія, какъ это подтверждается тѣмъ, что здѣсь, въ низовьяхъ Дона, находились значительныя торговыя колоніи: греческая — Танаисъ или Танаида и венеціанская и генуэзская Тана[1]).

Донская страна, среди этого, въ VII вѣкѣ подпала подъ власть Хазаръ, распространившихъ свои владѣнія съ одной стороны отъ Каспійскаго моря до морей Азовскаго и Чернаго, а съ другой — до Днѣпра и Оки. Хазарская столица Итиль или Атель, при устьяхъ Волги, долго служила центромъ, куда стекались европейскіе и азіятскіе торговые люди и откуда торговый путь въ Европу, по-прежнему, направлялся черезъ Донъ.

Въ IX вѣкѣ Хазары, находившіеся тогда въ большой дружбѣ съ Греками, обратились къ Византійскому императору Ѳеофилу съ просьбою прислать къ нимъ искусныхъ зодчихъ для построенія крѣпости. Ѳеофилъ охотно исполнилъ эту просьбу и на Дону около 835 г. (по другимъ — 837 г.) была построена протоспаѳаріемъ Петроною Каматизомъ крѣпость Саркелъ. Это названіе, по мнѣнію Константина Багряно-

---

[1]) Подтвержденіемъ того же могутъ служить отчасти и находки монетъ: въ низовьяхъ Дона — македонской II в. до Р. Хр., римскихъ I в. до Р. Хр. и I в. по Р. Хр. и босфорской III в. по Р. Хр., въ средней части Дона (въ Донской области) — древне-греческой остр. Ѳасоса, римскихъ I и II в. по Р. Хр. и византійскихъ VII—XII в. и въ верхней части — куфическихъ (абассиды) VIII и IX в., хранящихся въ Донскомъ музеѣ.

роднаго и его современника, извѣстнаго подъ именемъ Леонтія Константинопольскаго (X в.), въ переводѣ значило: „Бѣлая гостинница", „Бѣлый домъ", „Бѣлая усадьба". Въ русскихъ же лѣтописяхъ Саркелъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „Бѣловежи". Съ какою цѣлью была построена эта крѣпость, въ первыхъ извѣстіяхъ о ней не говорится. Но если принять во вниманіе положеніе ея при большомъ водномъ и, вѣроятно, караванномъ торговомъ пути, то нельзя не признать, что, помимо стратегическаго значенія крѣпости, здѣсь, какъ и въ Итилѣ на Волгѣ, находился одинъ изъ значительныхъ торговыхъ пунктовъ на Дону.

Въ 965 году крѣпость Саркелъ или Бѣловежа русскихъ лѣтописей была взята Святославомъ[1]) и съ тѣхъ поръ дальнѣйшихъ упоминаній о ней не встрѣчается. Судя однако же по тому, что Хазарское царство, постепенно распадавшееся на западѣ, на Волгѣ продолжало еще существовать до половины XI в., а торговый путь по Дону не прекращался и послѣ того, можно предположить, что Саркелъ, не только послѣ похода Святослава въ Хазарію, но и позднѣе того, въ числѣ другихъ хазарскихъ городовъ, перешедшихъ во власть Половцевъ, продолжалъ существовать, бытьможетъ подъ другимъ названіемъ, до нашествія татаръ (XIII в.), или же и въ первое время ихъ владычества до XIV в., если признать, что о немъ, хотя уже разрушенномъ, подъ именемъ *Серкліи* было извѣстно даже въ концѣ упомянутаго столѣтія (путешествіе митрополита Пимена — 1389 г.).

Обращаясь къ разысканіямъ мѣстности, гдѣ находилась крѣпость Саркелъ, мы относительно этого встрѣчаемъ самыя разнорѣчивыя указанія научныхъ изслѣдованій. У Константина Багрянороднаго и его современника Леонтія мѣстоположеніе Саркела указывается „у рѣки Танаиса, которая отдѣляетъ Печенѣговъ съ сей, а Хазаръ съ той стороны", въ разстояніи 60 дней пути отъ рѣки Дуная. Между тѣмъ нѣкоторые изъ изслѣдователей (Делиль, Байеръ и друг.) пріурочивали Саркелъ къ Бѣлгороду на Донцѣ, пока критика, опровергнувъ это мнѣніе, установила отыскивать его на Дону. Академикъ Лербергъ первый доказалъ ошибочность приведеннаго выше мнѣнія, и наиболѣе подходящимъ, по его соображеніямъ, мѣстомъ для построенія Саркела находилъ окрестности Черкаска, хотя не рѣшался утверждать этого на томъ справедливомъ основаніи, что „какой-нибудь случай или прилежное изысканіе" могутъ открыть развалины разыскиваемой крѣпости совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ (Изслѣд. по древней русск. ист., изд. 1819 г., стр. 370). Другіе ученые (П. Г. Бутковъ) признаютъ, что Саркелъ находился при сліяніи Донца съ Дономъ у теперешней Раздорской станицы, гдѣ, по ихъ мнѣнію, на горѣ Раздорской и былъ сооруженъ грекомъ Петроною *замокъ* (Обор. русск. лѣтоп. отъ навѣт. скептик. Спб. 1840 года, стр. 283 и 285), третьи (В. Г. Васильевскій) построеніе Саркела полагаютъ „при устьяхъ р. Дона" (Журн. Мин. Народн. Просв. окт. 1889 г., стр. 271), четвертые (пр. Брунъ) допускаютъ предположеніе, что Саркелъ могъ находится даже на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, гдѣ нынѣ коса Бѣлосарайская (Черноморье, Сборникъ изслѣд. по истор. геогр. Южн. Рос. Одесса, 1879 г., стр. 143) и пятые (проф.

---

[1]) Въ русскихъ лѣтописяхъ объ этомъ говорится такъ: „И бывши брани, одолѣ Святославъ Козаровъ, и градъ ихъ Бѣловежю *взя*". Но о разрушеніи города совсѣмъ не упоминается.

Булыгинъ) пріурочиваютъ мѣсто Саркела къ окрестностямъ Качалинской станицы (Журн. Мин. Нар. Просв. 1836 г., № 11, стр. 289); а у Б. А. Дорна (Каспій. О пох. древн. русск. въ Табарист. Спб. 1875 г., карта № I) Саркелъ отмѣченъ значительно выше Качалинской станицы.

Наконецъ, наши историки, начиная съ Н. М. Карамзина, опредѣляютъ положеніе Саркела тамъ, гдѣ Донъ сближается съ Волгою, около старинной переволоки или нынѣшней Качалинской станицы.

Не вдаваясь въ разборъ каждаго изъ приведенныхъ выше мнѣній и останавливаясь, главнымъ образомъ, на послѣднемъ изъ нихъ, мы находимъ, что въ пользу этого мнѣнія, во-первыхъ, говоритъ, географическое положеніе мѣстности, гдѣ издавна, по краткости разстоянія, раздѣляющаго двѣ великихъ рѣки: Донъ и Волгу, переволакивались, выражаясь стариннымъ языкомъ, т.-е. перевозились сухопутно, суда и товары изъ одной рѣки въ другую, и во-вторыхъ, въ описаніи путешествія митрополита Пимена по Дону, веденномъ однимъ изъ спутниковъ митрополита, въ 1389 г., записано, что въ недѣлю (воскресенье) пятую по Пасхѣ они миновали рѣку Медвѣдицу, а во вторникъ городище *Серклію* (или Терклію), принимаемую за Саркелъ; по сравненію же этого времени съ числомъ дней всего шествія Пимена отъ Медвѣдицы до Азова (11 дней) приходится, дѣйствительно, остановиться на мѣстѣ около переволоки.

Но если предположенія эти вѣрны, то остатки развалинъ такой значительной, по своему времени, крѣпости, какъ Саркелъ, должны бы сохраниться гдѣ-нибудь тамъ и до нашихъ дней, а между тѣмъ ихъ нѣтъ.

Мѣстные изслѣдователи памятниковъ старины давно уже останавливались на этомъ вопросѣ и на основаніи близкаго знакомства съ страною пытались доказать, что Саркелъ нужно искать не около переволоки, а далеко ниже, именно около станицы Цымлянской (Сухоруковъ, Пудавовъ).

Такъ, В. Д. Сухоруковъ, авторъ серьезнаго „Историческаго описанія Войска Донскаго“, лично изучавшій памятники старины на мѣстѣ и осматривавшій въ 1824 г. *Цымлянскія городища,* касаясь мнѣнія исторіографа Карамзина о томъ, что указанное въ путешествіи митрополита Пимена городище Серклія есть Саркелъ и что оно находится около Качалинской станицы, въ примѣчаніи къ предисловію помянутаго выше Описанія говоритъ, что „при внимательномъ разсматриваніи мѣстъ въ окрестности Качалинской станицы верстъ на сто непримѣтно однакожь и слѣдовъ какого-либо древняго укрѣпленія, да и въ памяти у мѣстныхъ жителей не сохранилось о томъ никакого преданія“. „Близь же Цымлянской станицы, говоритъ онъ далѣе, „по лѣвую сторону Дона видны и понынѣ развалины какого-то древняго укрѣпленнаго жилища. Надъ самымъ Дономъ, гдѣ нѣкогда протекалъ онъ, было укрѣпленіе, обведенное кирпичными стѣнами и окруженное водою, съ одной стороны Дономъ, а съ другой — широкимъ и глубокимъ каналомъ. Противъ этого городища надъ Дономъ, съ правой его стороны, на самой возвышенной горѣ находятся развалины какого-то храма или замка, который, вѣроятно, былъ весь изъ бѣлаго камня. А выше этого зданія на полугорѣ находится огромный камень, на которомъ высѣченъ крестъ“.

По распоряженію г. Сухорукова тогда же городища эти были изслѣдованы и описаны однимъ изъ его сотрудниковъ, при участіи землемѣра, съ нанесеніемъ ихъ на планъ (къ сожалѣнію утратившійся).

Изъ этого описанія, мы усматриваемъ, что городище, находящееся съ лѣвой стороны Дона, дѣлилось на двѣ части: собственно укрѣпленіе или городъ, обведенный кирпичными стѣнами и предмѣстье, вдвое большее города, съ одной стороны примыкавшее непосредственно къ городу, а съ другой — укрѣпленное валомъ и широкимъ рвомъ, въ который, очевидно, напускалась вода изъ стараго Дона, теперь принявшаго другое направленіе. Самый городъ пересѣкался внутри поперечною стѣною. Кирпичи, изъ которыхъ былъ построенъ городъ, имѣли квадратную форму отъ $9\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ дюймовъ, толщиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма и лишь въ небольшомъ количествѣ были обыкновенной, вѣроятно позднѣйшей формы. На нѣкоторыхъ изъ кирпичей были надписи или клейма. Въ концѣ прошлаго столѣтія на этомъ городищѣ были найдены три обломка мраморныхъ колоннъ, имѣвшіе высоты отъ 2-хъ до 4-хъ фут. и въ діаметрѣ болѣе 14 дюймовъ (колонны эти были представлены бывшему тогда войсковымъ атаманомъ генералу Орлову, у котораго видѣлъ ихъ англійскій путешественникъ Кларкъ въ 1801 г.), а въ 1820 г. тамъ же былъ найденъ небольшой янтарный крестъ, переданный г. Сухорукову. Одинъ изъ живыхъ свидѣтелей сообщилъ тогда, что лѣтъ за 40 предъ тѣмъ (около 1784 г.) на городищѣ была найдена отцомъ его приставшая къ извести на отломкѣ кирпича золотая монета, отданная имъ въ уплату рабочимъ по оцѣнкѣ въ 3 рубля.

Далѣе, въ томъ же описаніи говорится, что жители Цымлянской станицы съ 1780 г. постоянно берутъ кирпичи изъ городища на постройку домовъ и для другихъ потребностей и что въ хуторахъ Логовскомъ и Красноярскомъ не мало домовъ, посроенныхъ изъ этихъ кирпичей.

Относительно другаго городища, находящагося на горѣ съ правой стороны Дона въ описаніи говорится, что самое мѣсто, имъ занимаемое, въ свое время могло считаться „неприступнымъ“, что по разсказамъ старожиловъ на развалинахъ замка находились еще остатки стѣнъ до 5 фут. высоты. Но около 1744 г., по распоряженію войсковаго правительства, камни съ этого городища были перевезены въ бывшій городъ Черкаскъ (нынѣ Старочеркаская станица) на исправленіе городскихъ раскатовъ (бастіоновъ). Составитель описанія говоритъ далѣе, что „на берегу Дона и до сего времени весьма много лежитъ сего камня“[1]).

Къ этимъ свѣдѣніямъ въ примѣчаніи къ предисловію Историческ. описанія Войска Донскаго прибавлено, что „судоходцы утверждаютъ, что при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ и при быстротѣ вешней воды отъ Медвѣдицы до Цымлянской станицы можно стать на третьи сутки, если въ пути не останавливаться“. Такимъ образомъ здѣсь доказывается, что митрополитъ Пименъ могъ на третьи сутки достигнуть Цымлянскихъ городищъ и видѣть здѣсь Саркелъ.

Въ 1844 году, по порученію г. Пудавова, Цымлянскія городища снова были

---

1) Объ этихъ городищахъ было сообщено мною I-му Археолог. Съѣзду въ Москвѣ, въ 1869 году.

осмотрѣны и изслѣдованы землемѣромъ Сулинымъ, составившимъ также краткое описаніе ихъ и чертежи (абрисы), которые сохранились въ цѣлости въ Межевомъ Архивѣ Войска Донскаго. Описаніе Сулина съ большею точностію опредѣляетъ мѣстоположеніе городищъ и остатки укрѣпленій, какъ они сохранились еще къ тому времени. На основаніи его описанія и чертежей, при помощи другихъ данныхъ, представилась возможность одному изъ членовъ коммиссіи по устройству Донскаго музея (Е. Т. Рѣшетовскому) составить рельефный планъ лѣвобережнаго городища. По измѣренію г. Сулина (рис. 69) остатки стѣнъ укрѣпленія имѣли въ длину съ западной стороны

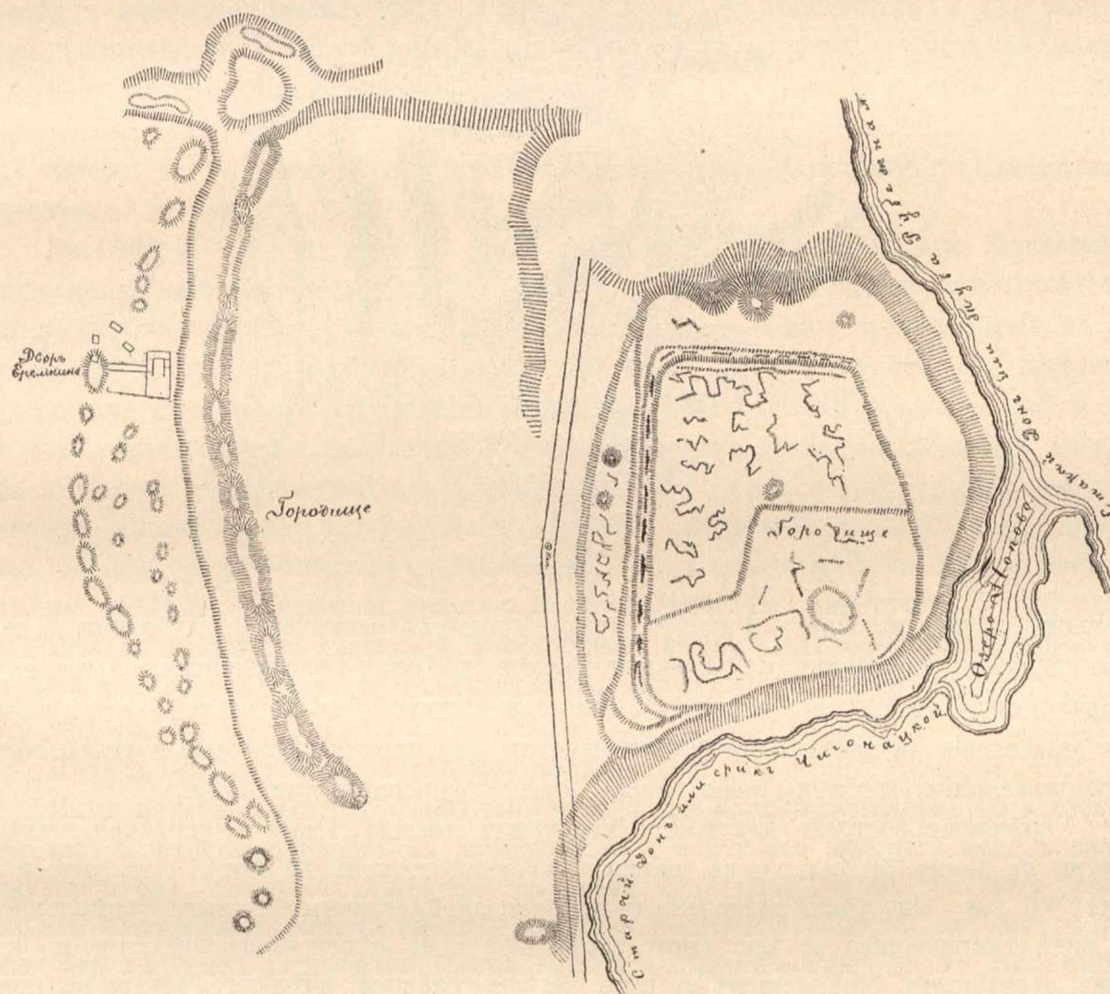

Рис. 69.

83 саж., а съ восточной 80 саж. и въ ширину съ сѣверной стороны 48 саж., пересѣкавшая укрѣпленіе стѣна находилась отъ сѣверной стороны въ 51 саж., на южной сторонѣ остатковъ стѣны онъ не нашелъ (или они были совершенно разобраны, или смыты водою). На сѣверной сторонѣ городища, за стѣною бывшей крѣпости, находилась насыпь въ видѣ кургана изъ кирпича, имѣвшая въ поперечникѣ 10 саж., а съ южной стороны — остроконечная насыпь на 30 саж., съ тремя усту-

пами. Съ западной и юго-западной сторонъ городища, за рвомъ, находится значительное число кургановъ (см. планъ).

Другое, правобережное, укрѣпленіе (рис. 70) находившееся на самой высокой части горы въ этомъ мѣстѣ, было защищено съ одной стороны весьма крутымъ

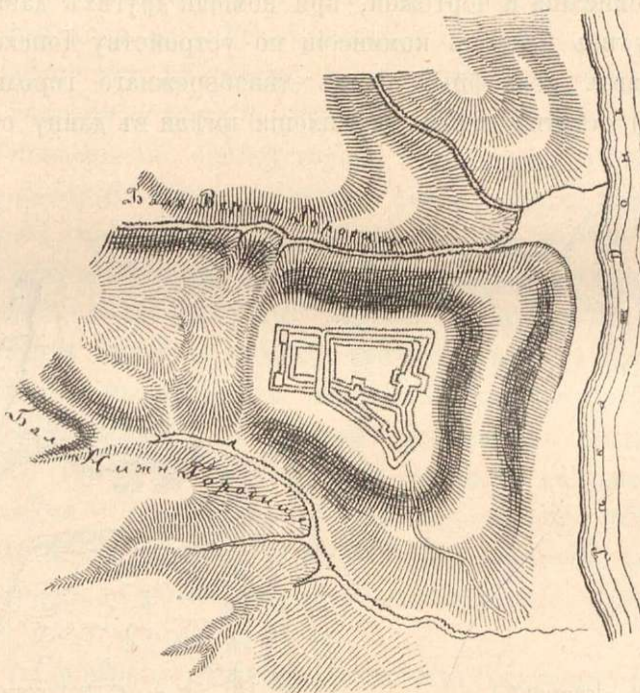

Рис. 70.

спускомъ прямо къ берегу Дона, съ двухъ сторонъ чрезвычайно глубокими и крутыми балками, носящими нынѣ названія Верхне- и Нижне-Городищенскихъ, (изъ нихъ первая имѣетъ до 500, а послѣдняя до 400 саж. длины) и съ четвертой — въ 20 саж. отъ укрѣпленія двумя небольшими отножинами, выходящими изъ названныхъ балокъ, и соединяющимъ отножины рвомъ (весь этотъ поперечникъ = 85 саж.).

Укрѣпленіе состояло изъ трехъ неравныхъ частей. Главное укрѣпленіе имѣло внутри въ длину 30 саж. и въ ширину въ одной сторонѣ 15 саж., а въ другой — болѣе 20 саж. Оно было защищено съ юго-западной стороны боковымъ укрѣпленіемъ въ видѣ треугольника во всю длину укрѣпленія и съ сѣверо-западной стороны особымъ передовымъ укрѣпленіемъ въ видѣ четыреугольника, имѣвшаго внутри въ длину 12 саж. и въ поперечникѣ 7 саж. Все укрѣпленіе было окружено рвомъ шириною въ $1\frac{1}{2}$ саж., глубина котораго (въ 1844 г.) была до 2 арш. Остатки разрушенныхъ стѣнъ изъ бѣлаго (мягкой породы) камня имѣли въ ширину не болѣе 2 саж. и до 2 арш. высоты. Съ наружной части главное укрѣпленіе съ боковымъ, безъ четыреугольника, имѣло съ сѣверо-восточной стороны 48 саж., юго-восточной — 56, юго-западной — 51 и въ мѣстѣ соединенія съ четыреугольникомъ 26 саж. Съ юго-восточной и юго-западной сторонъ укрѣпленія находились, вѣроятно, основанія башенъ (у Сулина названныхъ бойницами), имѣвшія къ наружной сторонѣ укрѣпленія

по 4—5 саж. и къ внутренней 2—4 саж., основанія башенъ находились также и по угламъ передоваго сѣверо-западнаго укрѣпленія, имѣвшія въ квадратѣ по 3 саж. Кромѣ того, съ сѣверо-восточной и юго-восточной сторонъ укрѣпленія находился отдѣльный ровъ шириною не болѣе 1 саж., отъ времени засыпавшійся. (Выходъ изъ укрѣпленія на планѣ не обозначенъ и вообще нѣкоторыя мѣста описанія отличаются неясностью).

Г-нъ Пудавовъ (бывшій правитель канцеляріи Донской Межевой Коммиссіи), имѣвшій въ своихъ рукахъ громадное, къ сожалѣнію утратившееся послѣ его смерти, собраніе матеріаловъ, добытыхъ чрезъ землемѣровъ, дѣлавшихъ топографическую съемку и межеваніе всѣхъ земель Войска Донскаго, о городищахъ и курганахъ и даже подготовленную общую карту этихъ памятниковъ старины, — такъ же, какъ и г. Сухоруковъ, приходилъ къ тому заключенію, что Саркелъ былъ около нынѣшней Цымлянской станицы.

Затѣмъ, въ продолженіе почти сорока лѣтъ никакихъ разысканій на Цымлянскихъ городищахъ не было.

Въ 1883 и 1884 гг. на нихъ были произведены раскопки членомъ Московскаго Археологическаго Общества Вл. Ил. Сизовымъ, доставившія новый археологическій матеріалъ, вполнѣ подтверждающій, во-первыхъ, несомнѣнное существованіе на лѣвомъ берегу Дона древняго города, укрѣпленнаго кирпичными стѣнами, имѣвшаго судоходную пристань, и сохранившаго остатки христіанскихъ памятниковъ[1]) и во-вторыхъ, существованіе на прагой сторонѣ Дона укрѣпленія, построеннаго, по мнѣнію г. Сизова, вѣроятно, позднѣе перваго изъ бѣлаго известковой породы камня. Но вопросъ: какому народу принадлежали городъ и укрѣпленіе, и послѣ этихъ раскопокъ остался не разрѣшеннымъ. Докладъ г. Сизова, содержащій въ себѣ весьма подробныя свѣдѣнія о положеніи городищъ и окружающей ихъ мѣстности, о результатѣ раскопокъ и сдѣланныхъ находкахъ, сообщенный имъ на VI Археологическомъ Съѣздѣ, въ Одессѣ, въ 1884 году, напечатанъ въ трудахъ названнаго Съѣзда (т. IV, стр. 273—280).

Прошло еще два года, и что же случилось?

Былъ неурожайный годъ. Жители ближайшихъ къ лѣвобережному Цымлянскому городищу хуторовъ, нуждаясь въ продовольствіи, а отчасти подстрекаемые и кладоискательствомъ, произвели по-своему раскопку городища, добывъ изъ него значительное количество кирпичей, преимущественно квадратной формы[2]), которые и проданы ими мѣстнымъ торговцамъ (одинъ купецъ Сиваковъ купилъ до 16 тыс. кирпичей, — такъ много ихъ было добыто). Мало того, въ это время были найдены въ землѣ остатки основанія христіанскаго храма и не далеко отъ него христіанское кладбище. Мѣстная станичная власть, считая раскопки на городищѣ, произведенныя предъ тѣмъ

---

[1]) Два мѣдныхъ креста-складня, отнесенныхъ г. Сизовымъ къ XI и XII в., обломокъ сосуда съ рельефнымъ изображеніемъ равноконечнаго креста, и равноконечный крестикъ изъ сѣраго камня, отнесенные къ X вѣку.

[2]) Кирпичи эти имѣютъ въ квадратѣ отъ 23½ до 27 сант. Часть кирпичей — не квадратной формы и имѣютъ: въ длину отъ 24 до 29 с. и въ поперечникѣ отъ 11 до 13 сант.

членомъ Археологической Коммиссіи, законченными въ научномъ отношеніи, по недоразумѣнію не признавала даже нужнымъ препятствовать добыванію на немъ жителями кирпича, а окружная — оставалась въ невѣдѣніи до тѣхъ поръ, пока дошли слухи до Новочеркаска и по распоряженію войсковаго начальства дальнѣйшее рас-

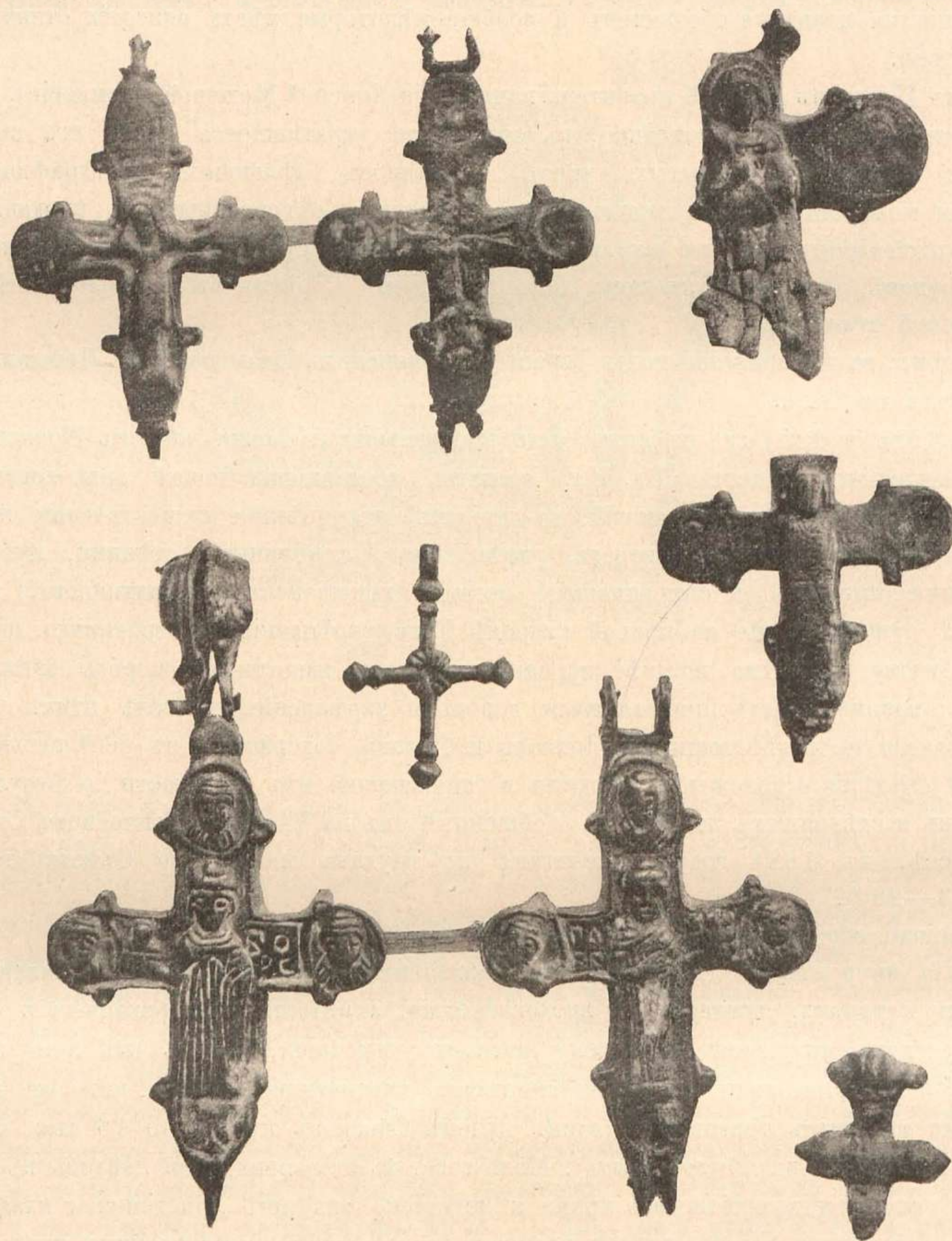

Рис. 71.

хищеніе городища было пріостановлено, но многое изъ найденнаго, надо думать, исчезло безслѣдно.

При этихъ раскопкахъ, кромѣ кирпичей, найдены были и такіе цѣнные предметы, какъ двѣ мраморныя колонны, одна мраморная база или капитель съ изобра-

женіемъ креста византійской формы, нѣсколько бронзовыхъ крестовъ, признанныхъ знатоками христіанскихъ древностей Д. Ив. Прозоровскимъ и Н. В. Покровскимъ *корсунскими* X и XI в., одинъ мѣдный крестъ съ изображеніемъ св. князей и страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и русскими надписями именъ этихъ святыхъ (близко подходящій по формѣ къ такому же кресту, найденному въ Кіевѣ и находящемуся въ коллекціи І. Ад. Хойновскаго), мѣловая форма для отливки крестовъ и одинъ бронзовый крестъ, совершенно подходящій къ этой формѣ и доказывающій такимъ образомъ мѣстное производство такихъ крестовъ, одинъ каменный крестикъ, одна серебряная монета княжества Кіевскаго, такъ называемая „Владимірово сребро", третьяго типа (см. изобр. крестовъ на рис. 71). Всѣ эти предметы находились въ разныхъ рукахъ и лишь послѣ энергическихъ розысковъ удалось собрать ихъ въ Донской Музей. Ходили слухи о находкѣ золотыхъ вещей и плиты съ надписью, но послѣднихъ предметовъ до сихъ поръ отыскать не удалось.

Командированный на Цымлянское городище художникъ В. В. Часовниковъ, нынѣ членъ коммиссіи по устройству Музея, по горячимъ слѣдамъ собралъ свѣдѣнія и отмѣтилъ на планѣ о мѣстѣ нахожденія остатковъ основанія христіанскаго храма, сложеннаго изъ четыреугольныхъ правильныхъ плитъ бѣлаго известковаго камня въ перемежку съ кирпичами, кладбища, торговыхъ рядовъ, кузницъ и проч. Имъ же пріобрѣтены и нѣкоторыя изъ находокъ (въ томъ числѣ одна половинка мѣднаго креста, каменный крестикъ, монета „Владимірово серебро" и нѣсколько янтарныхъ предметовъ).

Въ 1887 году для систематическаго изслѣдованія Цымлянскаго городища Императорскою Археологическою Коммиссіею былъ командированъ членъ-корреспондентъ Коммиссіи профессоръ Н. В. Веселовскій, нашедшій лѣвобережное городище разоренными до крайней степени и признавшій его поэтому для науки потеряннымъ (письмо его отъ 26 іюля того года). Этимъ дѣло и закончилось.

Мы, однако же, думаемъ, что изслѣдованіе городища нельзя считать законченнымъ, потому, что при правильныхъ раскопкахъ можно найти еще не мало предметовъ цѣнныхъ для археологіи. Такъ, необходимо бы было подробнѣе изслѣдовать мѣста, гдѣ находились: храмъ, кладбище и пристань, курганы, находящіеся съ западной стороны городища, и т. д. Быть-можетъ, дальнѣйшія изслѣдованія, въ связи съ другими разысканіями въ Цымлянскомъ юртѣ[1]) и по пути, съ одной стороны, до Переволоки, а съ другой — по направленію къ Астрахани, выяснили бы многое, остающееся для насъ загадочнымъ.

Переходя затѣмъ къ вопросу: какому же городу принадлежатъ остатки Цымлянскихъ городищъ, и не рѣшаясь утверждать, что это былъ именно хазарскій Саркелъ, мы все-таки склоняемся больше въ пользу мнѣнія о немъ мѣстныхъ изслѣдователей старины В. Д. Сухорукова и М. В. Пудавова: во-первыхъ, потому, что бывшіе остатки кирпичныхъ стѣнъ, сложенныхъ на извести, на лѣвобережномъ городищѣ представляли очевидные признаки сооруженія крѣпости Саркела, описанные у Кон-

---

[1]) Гдѣ, при рч. Котлубанной, имѣется еще два значительныхъ городища, занимающихъ одно болѣе 15, а другое болѣе 18 десят., и совершенно неизслѣдованныхъ (см. планы рис. 72 и 73).

стантина Багрянороднаго и Леонтія; во-вторыхъ, что всѣ другія, до сихъ поръ обнаруженныя, городища не имѣютъ ничего подобнаго въ сравненіи съ Цымлянскими; въ-третьихъ, что найденные въ городищѣ херсонесскіе кресты X и XI в. и мраморныя колонны, вполнѣ тожественныя съ подобными предметами, находимыми въ развалинахъ Херсонеса Таврическаго, указываютъ на тѣсную связь этого города съ Херсо-

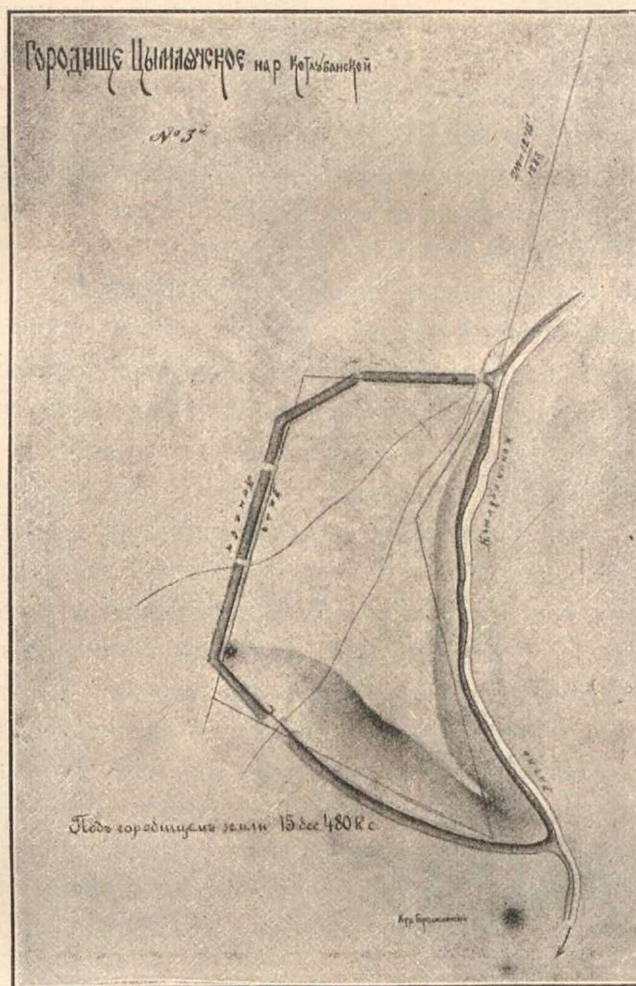

Рис. 72.

несомъ, а Кіевская монета „Владимірово сребро“, крестъ съ изображеніемъ свв. Бориса и Глѣба, подходящій къ типу такихъ же кіевскихъ крестовъ XI в. и остатки янтарныхъ предметовъ на сношенія и съ Кіевомъ, т.-е. съ такими центрами, о сношеніи Хазаріи съ которыми есть документальныя свидѣтельства; въ-четвертыхъ, названіе Саркела: Бѣлою гостинницею, Бѣлою усадьбою, Бѣлымъ домомъ, Бѣлою вежею не происходило ли отъ правобережнаго укрѣпленія, сооруженнаго исключительно изъ бѣлыхъ тесаныхъ камней большаго размѣра и представлявшаго, по мнѣнію Сухорукова, не городъ, а *замокъ,* что вполнѣ отвѣчаетъ названію вежа (вежа — башня, ка-

менный замокъ см. Словарь русск. яз., сост. втор. отд. Император. Акад. Наукъ, вып. II, 1892 г., стр. 740 и энцикл. слов. Брокг. и Эфр. т. V^{a}, стр. 704).

При этомъ необходимо обратить также особенное вниманіе и на переправу чрезъ Донъ, находящуюся въ 4$^{1}/_{2}$ вер. къ сѣверо-востоку выше правобережнаго городища, представляющую, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, большія, въ сравненіи съ другими

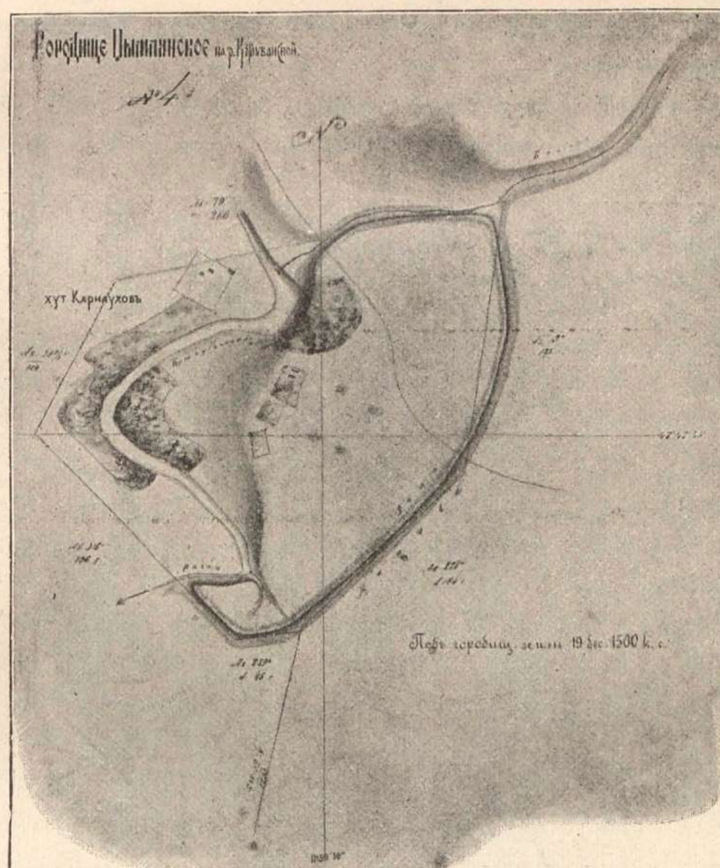

Рис. 73.

мѣстностями, удобства. Къ этой переправѣ еще не давно сходились два чумацкихъ шляха — одинъ съ Волги, проходившій мимо городища, а другой (солевозный) изъ степей Манычскихъ, и скотопрогонная дорога съ Кавказа, направляющаяся къ сѣверу, въ центральную Россію, чрезъ станицы Казанскую и Еланскую. Послѣдняя дорога сохранилась и до настоящаго времени. Находящійся при этой переправѣ, на холмѣ, съ правой стороны рѣки громадный камень съ высѣченнымъ на немъ крестомъ византійской формы и греческою или славянскою (отъ времени значительно утратившеюся) надписью свидѣтельствуетъ, что онъ принадлежитъ къ одному времени съ *первымъ* городищемъ. По мнѣнію г. Пудавова здѣсь въ древности проходили караванные пути: одинъ отъ Дербента на сѣверъ, а другой отъ устьевъ Волги на западъ. Быть-можетъ, здѣсь же проходили пути отъ Днѣпра и Дуная къ Волгѣ, такъ какъ этотъ пунктъ находится: а) по направленію отъ Кіева къ хазарскому Итилю

какъ разъ на прямой линіи и b) отъ нижней части Дуная въ разстояніи около 1650 вер., путь чрезъ которое вполнѣ возможно совершить, согласно указанію Константина Багрянороднаго, въ 60 дней (среднимъ числомъ 27½ верстъ въ день).

Особенную же важность позднѣйшія находки представляютъ своею принадлежностію къ X и XI вѣкамъ, такъ какъ онѣ свидѣтельствуютъ о существованіи на Дону христіанства въ этихъ вѣкахъ, т.-е. относятся къ тому времени, когда оно изъ Византіи, чрезъ Херсонесъ, распространено было въ Хазаріи еще въ IX вѣкѣ, далеко ранѣе крещенія Руси.

Но если признать Цымлянскія городища за Саркелъ, то какъ это предположеніе согласить съ извѣстіемъ митрополита Пимена о Серкліи? Исходя изъ того поло-

Рис. 74.

женія, что отъ устья Медвѣдицы до Цымлы нѣтъ подобныхъ развалинъ города, трудно предположить, чтобы Пименъ могъ видѣть въ иномъ мѣстѣ городъ или городище, названное имъ Серкліею, потому что далѣе онъ о другомъ городищѣ не упоминаетъ, а Цымлянское городище онъ не могъ миновать, такъ какъ старый Донъ протекалъ подъ самыми стѣнами его и самое городище въ то время было болѣе значительно,

чѣмъ стало впослѣдствіи, а потому навѣрное было бы занесено въ описаніе шествія митрополита. Признаки Серкліи тѣмъ болѣе напоминаютъ Цымлянское городище, что вслѣдъ за нимъ въ путешествіи митрополита Пимена говорится и о переправѣ чрезъ Донъ, существованіе которой сохранилось до нашихъ дней. „Во вторникъ же“, говоритъ описаніе, „градъ минухомъ пловуще: не градъ же убо, но точію городище; то же и *перевозъ* минухомъ и тамо обрѣтохомъ первѣе татаръ много зѣло“. Остается допустить одно изъ двухъ: или струги митрополита Пимена на третій день отъ устья Медвѣдицы доплыли, при попутномъ вѣтрѣ и быстротѣ весенняго половодья, до Цымлы, какъ говоритъ г. Сухоруковъ, или запись въ этомъ мѣстѣ сдѣлана несвоевременно, а послѣ, по памяти, и потому не точно, какъ это замѣтилъ о дневникѣ, веденномъ спутникомъ митрополита Пимена, Игнатіемъ, М. Д. Веневитиномъ въ статьѣ своей „По поводу пятисотлѣтія перваго русскаго путешествія по Дону“ (особый оттискъ изъ XIV т. „Древностей“, 1890 г., стр. 12).

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду и того, что путь, пройденный митрополитомъ Пименомъ отъ Медвѣдицы до Азова никакъ нельзя дѣлить по одинаковому разсчету на каждый день, такъ какъ при благопріятномъ направленіи вѣтра суда идутъ съ большею скоростію, а при противномъ и особенно такъ называемомъ *низовомъ* (юго-западномъ), порывистомъ вѣтрѣ, какой не рѣдко случается весною въ той части Дона, гдѣ онъ поворачиваетъ на юго-западъ, суда принуждены бываютъ не только идти медленно, но даже и совсѣмъ подолгу задерживаться на одномъ мѣстѣ.

Заканчивая этимъ разсматриваемый нами вопросъ, мы полагаемъ, что безошибочное рѣшеніе его будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ разысканій на мѣстѣ и при болѣе тщательномъ изученіи направленія древнихъ путей между Волгою и Дономъ и сохранившихся памятниковъ старины. Всѣ другія заключенія, основанныя преимущественно на личныхъ соображеніяхъ, при недостаткѣ точныхъ данныхъ, могутъ только вводить въ невольныя ошибки и никогда не приведутъ къ окончательному разрѣшенію происходящихъ отсюда разногласій въ этомъ вопросѣ.

Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморіи.

А. И. Маркевича.

Едва ли во всей исторіи есть болѣе трудный вопросъ, чѣмъ опредѣленіе народностей, издревле обитавшихъ въ Черноморіи. Сколько ихъ тутъ жило или проходило — общеизвѣстно. Не мало осталось отъ нихъ и памятниковъ; но опредѣленіе народностей, которымъ принадлежали тѣ или другіе памятники, представляетъ неисчислимыя трудности. Единственнымъ способомъ сколько-нибудь разобраться въ этихъ памятникахъ, чтобы затѣмъ уже получить возможность перейти къ вопросу о народностяхъ, представляется классификація памятниковъ по ихъ сходству; въ этомъ отношеніи напр. относительно скиѳовъ достигнуты уже довольно значительные, хотя еще и не неоспоримые результаты. Но памятники нескиѳскіе, хотя и варварскіе, представляютъ почти нетронутую почву. Въ настоящемъ докладѣ мы предлагаемъ сличеніе трехъ памятниковъ, изображенія на которыхъ, по нашему мнѣнію, настолько сходны, что ихъ позволительно отнести къ одной народности. Найдены памятники тоже приблизительно въ одномъ мѣстѣ — въ сѣверномъ и восточномъ Черноморіи. Какая народность изображена на памятникахъ, сказать не рѣшаемся; на основаніи надписи на одномъ изъ памятниковъ можно бы высказать предположеніе, что это народность ѳракійская, но это предположеніе можетъ быть обосновано лишь слишкомъ слабо: впрочемъ, эта народность уже подверглась греческому вліянію, такъ какъ указанная надпись греческая. Наконецъ, по времени надписи относятся уже къ эпохѣ владѣнія Черноморьемъ Римлянами. Вотъ и всѣ выводы, которые пока могутъ быть сдѣланы.

Обращаемся къ этимъ памятникамъ. (Я долженъ оговориться, что прилагаемыя изображенія на бумагѣ сдѣланы нѣсколько рѣзко, въ дѣйствительности на памятникахъ изображенія болѣе стерты и блѣдны.)

Первый памятникъ достаточно извѣстенъ, — это находящаяся нынѣ въ Эрмитажѣ небольшая серебряная съ стекляною подкладкою ваза, найденная въ 1871 г. въ одной изъ гробницъ, окружающихъ старую епископскую церковь въ Мцхетѣ, древней столицѣ Грузіи, близъ Тифлиса; хромолитографическое изображеніе вазы помѣщено въ Отчетѣ Имп. Археолог. Комиссіи за 1872 г., а одна сторона вазы кромѣ того въ Русскихъ Древностяхъ, изд. гр. И. Толстаго и Н. Кондакова, вып. 2-й, стр. 89.

На этой вазѣ находится рисунокъ, представленный у насъ въ развернутомъ видѣ и описываемый акад. Стефани[1]) слѣдующимъ образомъ:

„Охотниками являются 2 бородатыя мужскія фигуры. Одна изъ нихъ, пѣшеходъ, въ короткомъ хитонѣ и высокихъ сапогахъ, возится съ кабаномъ, пробравшимся чрезъ лѣсную чащу, по обыкновенію выступая противъ него съ рогатиной. На другую фигуру, которая, подобно большей части львиныхъ охотниковъ, сидитъ на конѣ, сзади нападаетъ левъ въ то время, какъ этотъ охотникъ, повидимому, преслѣдовалъ оленя

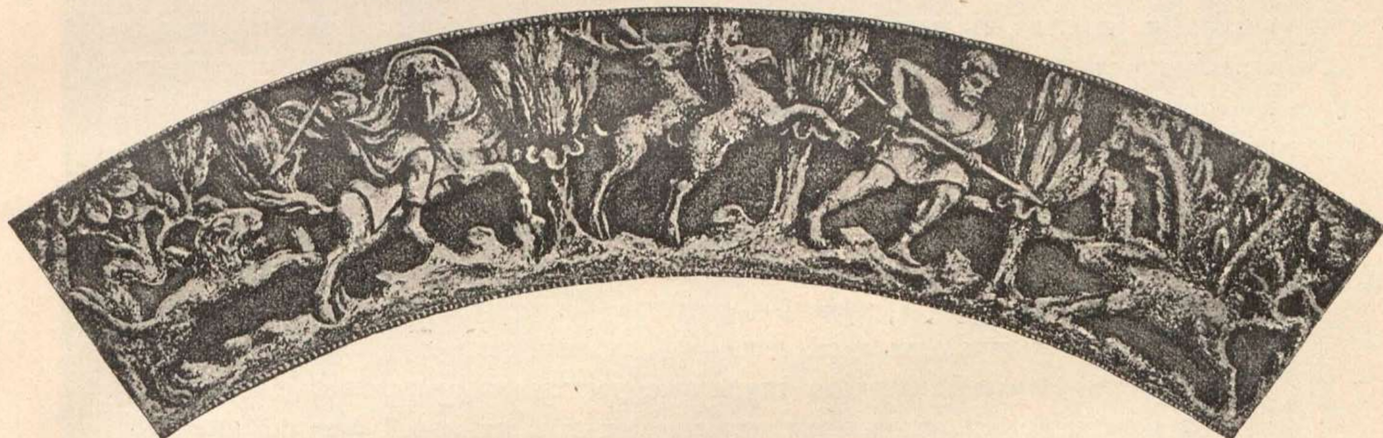

Рис. 75.

и оленицу. Онъ изображенъ не только въ высокихъ сапогахъ, короткомъ хитонѣ и хламидѣ и отбивается отъ хищнаго звѣря рогатиной, но, кромѣ того, вооруженъ небольшимъ круглымъ щитомъ, который обыкновенно служитъ орудіемъ лицъ, охотящихся на львовъ.

„Мѣстность обозначена посредствомъ 4-хъ тополе-образныхъ деревъ, которыя въ римское время были въ модѣ у художниковъ, изображавшихъ охотничьи сцены. Позади кабана виднѣется еще густой кустарникъ, а позади льва небольшое суковатое дерево, позволяющее принять его за дубъ“.

Другой памятникъ менѣе извѣстенъ; онъ былъ изданъ всего одинъ разъ, мною, хотя и въ почтенномъ, но мало распространенномъ изданіи — въ Извѣстіяхъ Таврической ученой Архивной Комиссіи, № 12, въ статьѣ: „Къ памятникамъ г. Неаполиса.“ Дѣло въ томъ, что въ № 7 тѣхъ же Извѣстій напечатана была статья Хр. П. Ящуржинскаго о г. Неаполисѣ, предположительно находившемся въ окрестностяхъ нынѣшняго г. Симферополя, къ которой приложены были изображенія нѣсколькихъ найденыхъ на мѣстѣ предполагаемаго г. Неаполиса памятниковъ хранящихся нынѣ въ Одесск. Общ. Исторіи и Древностей. Я замѣтилъ, что въ этомъ музеѣ есть еще одинъ памятникъ изъ окрестностей Симферополя, — изъ с. Петровскаго, гдѣ по Бларамбергу именно лежалъ г. Неаполисъ, но по недоразумѣнію, сперва въ указателяхъ музея памятникъ этотъ показываемъ былъ привезеннымъ изъ г. Смирны, пока Вл. Н. Юргевичъ, на основаніи дѣлъ Общества, не разъяснилъ дѣйствительнаго мѣста находки памятника

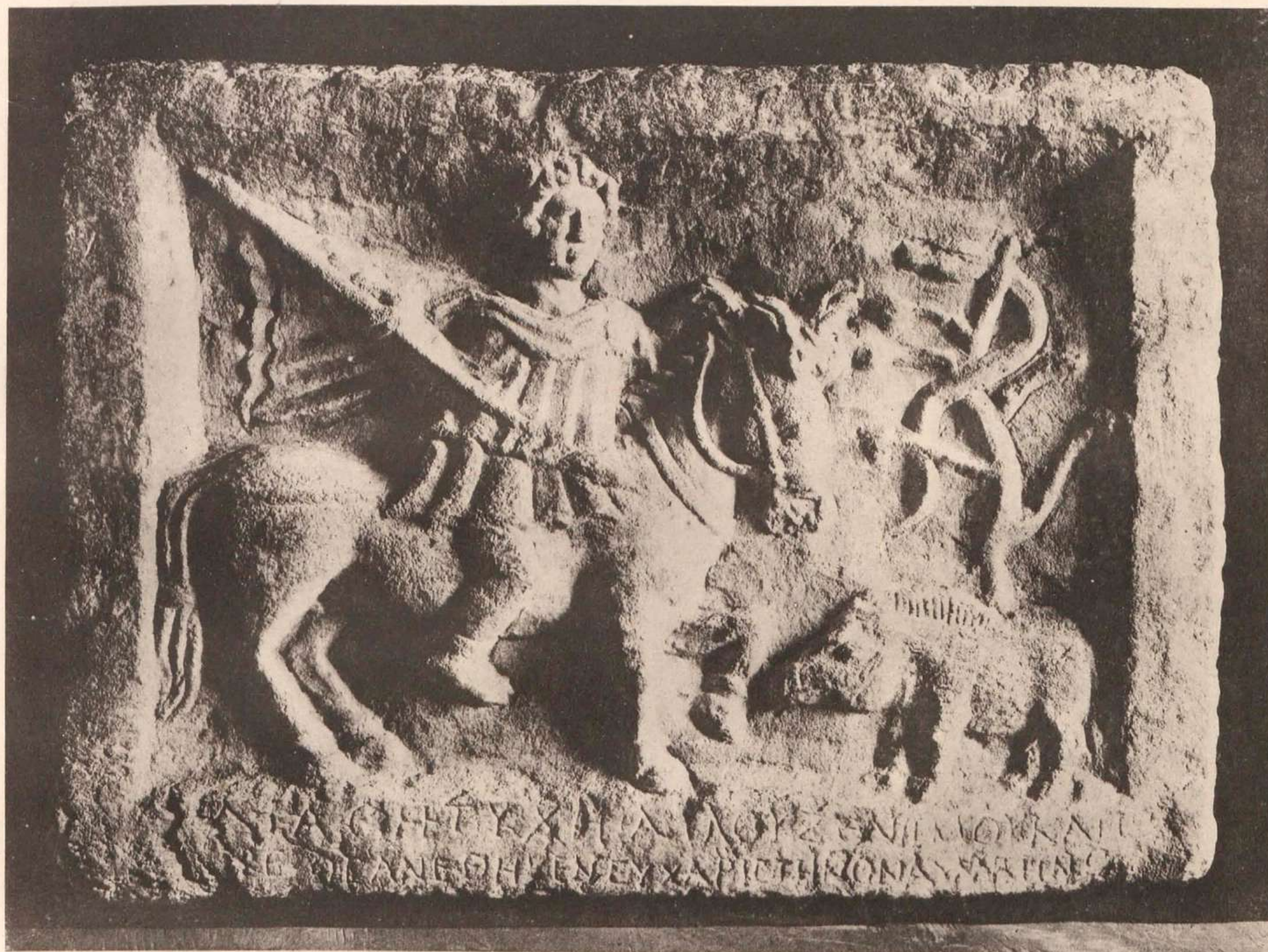
---

[1]) Кстати сказать, акад. Стефани придаетъ этой вазѣ большое значеніе въ исторіи искусства.

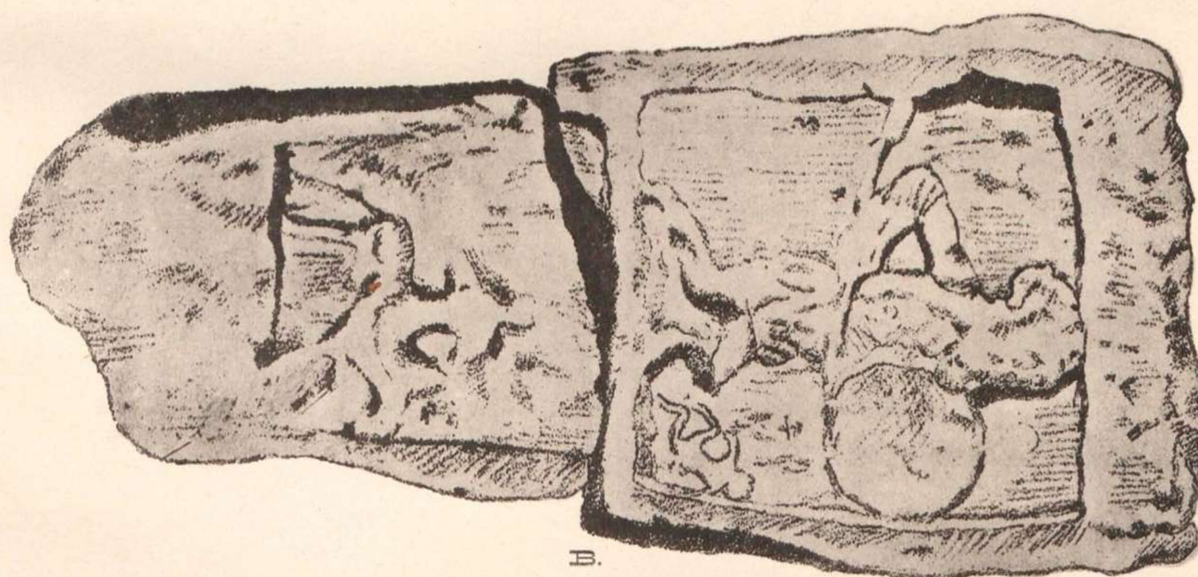
(см. подробности въ моей статьѣ). Въ виду этого я и сообщилъ свѣдѣнія о памятникѣ, приложивъ его литографическое изображеніе. Въ музеѣ Общества памятникъ находится съ 1851 г., когда онъ подаренъ былъ г. Крымъ-Ховаджи. Дѣлаемъ здѣсь снова описаніе памятника. Матеріалъ его грубый, песчаникъ. Памятникъ, какъ это видно и изъ его изображенія (табл. VII, б.), разбитъ пополамъ, при чемъ верхняя часть нижняго куска не совсѣмъ сходится съ нижней частью верхняго, такъ что, если это дѣйствительно 2 части одного и того же памятника, промежуточная, хотя и небольшая часть его, искрошилась. Но, можетъ быть, это части различныхъ памятниковъ, и сходство въ матеріалѣ, а также подходящее положеніе рамокъ представляютъ простую случайность. Длина обоихъ кусковъ одинаковая — по 14 вершковъ; ширина верхняго куска вверху 10 в., внизу $9\frac{1}{2}$ в.; нижняго — вверху около 9, внизу $7\frac{1}{2}$. Изображенія на обоихъ кускахъ, и особенно на нижнемъ, сильно стерлись и потому настоящимъ образомъ объяснить ихъ трудно; указатель же музея опредѣляетъ этотъ памятникъ, такъ: „Каменное надгробіе, съ изображеніемъ, въ верхней половинѣ, гладіатора, наступающаго съ пикой и круглымъ щитомъ на поверженнаго противника, а на нижней — всадника, скачущаго вправо“. Оставляя въ сторонѣ нижній кусокъ, для насъ теперь не имѣющій интереса, скажемъ, что признаніе фигуры верхней части за гладіатора, достаточно произвольно; пику лучше назвать рогатиной; что же касается непропорціонально маленькой фигуры „поверженнаго противника“, то она дѣйствительно есть, только нужно сильно всматриваться, чтобы замѣтить ее среди обычныхъ неровностей камня.

Сравнивая фигуру, изображенную на верхнемъ кускѣ этого памятника, съ пѣшею фигурою эрмитажной вазы, нельзя не замѣтить между ними значительнаго сходства. Одинаковы: общій видъ фигуръ, довольно характерный изгибъ правой руки, положеніе рогатины, положеніе ногъ, обутыхъ въ высокіе сапожки; есть сходство и въ очертаніи головы обѣихъ фигуръ. Мѣсто щита на вазѣ занимаетъ кругловидное дерево, но круглый щитъ есть у второй, сидящей верхомъ, фигуры. Довольно значительно лишь несходство въ верхней одеждѣ: хитонъ у одной фигуры и длинная рубашка со складками, довольно характерными для римской эпохи, у другой. Несомнѣнно, что фигуры изображаютъ не Грековъ и не Римлянъ, а варваровъ, чему не противорѣчило бы признаніе въ фигурѣ на камнѣ — гладіатора, такъ какъ таковые у Римлянъ чаще всего были изъ варваровъ и въ особенности славились гладіаторы Ѳракійцы. Но фигуры эти и не Скиѳовъ, такъ какъ нарядъ Скиѳовъ по памятникамъ достаточно извѣстенъ и на фигурахъ нѣтъ ни колпака, или башлыка, ни повязки, ни штановъ характернаго покроя, ни пояса и пр. Самая посадка на конѣ второй фигуры, изображенной на вазѣ, не похожа на скиѳскую; словомъ, сходства съ извѣстными донынѣ изображеніями Скиѳовъ нѣтъ ни малѣйшаго. Настаиваемъ на этомъ особенно въ виду того, что помѣщеніе рисунка вазы въ изданіи гр. Толстаго и Кондакова въ числѣ скиѳскихъ древностей могло бы внушить мысль, что на памятникѣ изображены Скиѳы.

Третій памятникъ еще ни разу не былъ изданъ. Это небольшой мраморный барельефъ длиною около $9\frac{1}{2}$ вершковъ, шириною въ $6\frac{3}{4}$ в. и толщиною въ $1\frac{1}{3}$ в.,

A.

B.

Фототипія Отто Ренаръ, Москва.

бѣлаго цвѣта, но отъ времени пожелтѣвшій. Найденъ онъ недавно гдѣ-то на сѣверномъ берегу Черноморья, не то около Керчи, не то въ Предкавказьѣ, и въ настоящее время находится въ музеѣ Е. Н. Скаржинской, въ д. Круглинѣ, подъ г. Лубнами.

Барельефъ изображаетъ юношу верхомъ на лошади, съ рогатиною, устремленною въ кабана, вышедшаго изъ-за дерева. Хотя кто-то, опредѣлявшій памятникъ въ музеѣ г-жи Скаржинской, и призналъ его скиѳскимъ, однако на изображенія Скиѳовъ онъ еще менѣе похожъ, чѣмъ изображенія предшествующихъ памятниковъ. Но съ этими послѣдними изображеніями въ барельефѣ есть черты сходства: непокрытая голова, форма волосъ, рогатина, высокіе сапожки; рубаха на фигурѣ барельефа сходна съ рубахою фигуры надгробія Одесскаго музея. Изгибъ руки у юноши барельефа не похожъ на изгибъ ея у остальныхъ фигуръ, и онъ чрезвычайно неестественъ, я бы выразился — противоположенъ прежнимъ изгибамъ, точно ваятель не съумѣлъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Новинкою является обвившаяся вокругъ дерева змѣя; но такое изображеніе нерѣдко встрѣчается на находимыхъ въ южной Россіи памятникахъ и очевидно имѣетъ религіозный характеръ, можетъ быть приданный греческими мастерами или ихъ послѣдователями; притомъ барельефъ несомнѣнно сдѣланъ въ эпоху греческаго вліянія. Изображеніе кабана на памятникахъ тоже вещь не рѣдкая; [на надгробныхъ памятникахъ взрослые мущины и юноши часто представлены охотящимися на кабановъ, вѣроятно потому, что въ греческой миѳологіи кабанъ иногда уподобляется дракону, т.-е. является чудовищемъ, пожирающимъ людей.

Особенностью принадлежащаго г-жѣ Скаржинской барельефа является то, что внизу его есть греческая надпись, прочесть которую довольно трудно.

Совершенно не умѣя разбирать греческія надписи, я обратился за прочтеніемъ надписи на барельефѣ къ одному изъ лучшихъ нашихъ спеціалистовъ въ чтеніи лапидарныхъ надписей, пр. А. И. Никитскому, который былъ такъ любезенъ, что предоставилъ въ мое распоряженіе цѣлое небольшое изслѣдованіе о надписи.

Профессоръ Никитскій предположительно читаетъ надпись такъ:

Ἀγαθῇ τύχῃ Αὐλουζόνις Μουκαπόρεος ἀνέθηκεν εὐχαριστήριον....

Т.-е. доброму счастью (или благой судьбѣ; или же, независимо отъ сказуемаго, въ качествѣ boni eventus apprecatio: „Съ добрымъ счастьемъ!“ „Въ добрый часъ!“) Авлузонъ, сынъ Мукапорія, посвятилъ въ знакъ благодарности...

Αὐλουζόνις пр. Никитскій сближаетъ съ *Αὐλουζέλμις*, встрѣчающемся въ надписяхъ, собранныхъ Латышевымъ, и считаемое ѳракійскимъ.

Относительно имени *Μουκάπορις* Латышевъ, въ сборникѣ котораго есть надпись съ этимъ именемъ, замѣчаетъ, что оно часто встрѣчается именно среди ѳракійскихъ именъ. Пр. Никитскій по поводу этихъ именъ даже входитъ въ нѣкоторыя соображенія о ѳракійскомъ элементѣ въ сѣверномъ Черноморіи, ссылаясь при этомъ на мнѣнія Моммзена и Латышева.

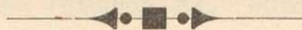
Окончаніе надписи пр. Никитскимъ не разобрано; здѣсь долженъ былъ находиться или мотивъ благодарности и посвященія, или названіе божества и т. п., которому сдѣлано посвященіе, или дата посвященія, или названіе предмета, посвящаемаго божеству и т. п.

Во всякомъ случаѣ надпись посвятительная, въ знакъ благодарности, а не надгробная.

Время ея приблизительно позднее римское, если взять во вниманіе формы буквъ σ и μ; но точнѣе опредѣлить трудно.

Возвращаясь къ изображенію на барельефѣ замѣтимъ еще, что посадка фигуры и голова ея имѣютъ нѣкоторое сходство съ таковыми же на изображеніяхъ, находящихся на нѣкоторыхъ надгробіяхъ въ Керченской залѣ Эрмитажа и приведенныхъ въ снимкахъ (таблицы XVII и XVIII) къ Отчету Имп. Археол. Комиссіи за 1872 г., собственно къ статьѣ В. В. Стасова о керченскихъ фрескахъ. Стасовъ считаетъ изображенныхъ лицъ принадлежащими къ какому-либо восточному народу, сравнивая ихъ съ изображеніями на ассирійскихъ памятникахъ, а прическою они будто бы напоминаютъ Парѳянъ.

Въ поискахъ за изображеніями, сходными съ тремя приводимыми, мы пересмотрѣли и еще не мало рисунковъ, но пока безуспѣшно; не разъ намъ казалось, судя по описаніямъ, что изображеніе должно быть сходно съ насъ интересовавшими, но дѣйствительность не оправдывала ожиданій. Къ счастію или къ сожалѣнію, относящійся къ вопросу о изображеніяхъ на памятникахъ Черноморья матеріалъ такъ обширенъ, что и разобраться въ немъ трудно. Въ извѣстной статьѣ акад. Стефани объ изображеніяхъ охоты въ древности (Отчетъ Имп. Археол. Комиссіи за 1867 г.) приведено еще не мало интересныхъ для насъ указаній, но по такимъ источникамъ и пособіямъ, которыми располагать намъ было трудно. Впрочемъ, охотники, о которыхъ пишетъ акад. Стефани, лица греческаго или римскаго міра, а не варвары. Стефани (см. стр. 151) именно не желалъ касаться варварскихъ изображеній, хотя изъ его статьи видно, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не мало таковыхъ; напр. онъ зналъ тѣ, которыя находятся на стѣнныхъ рисункахъ керченскихъ гробницъ или на рѣзныхъ камняхъ.

Амулетъ изъ человѣческой кости и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи.

Лѣтомъ 1883 г. непремѣнный членъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи Ф. Д. Нефедовъ произвелъ раскопки одного городища на р. Ветлугѣ, въ Костромской губ., и нашелъ тамъ слѣды жилищъ (землянокъ) и очаговъ, а также нѣкоторыя издѣлія изъ камня и кости, и черепки посуды, относящіеся, повидимому, къ эпохѣ каменнаго (неолитическаго) вѣка, Отчетъ объ этихъ находкахъ г. Нефедова помѣщенъ въ „Приложеніи" къ протоколу засѣданія Антропологическаго Отдѣла Общ. Люб. Ест., 2-го декабря 1884 г. (вышедшему въ 3-мъ выпускѣ IX-го тома „Трудовъ" Отдѣла, 1890 г.); самыя же вещи поступили въ Антропологическій музей. Наибольшая масса вещей состояла изъ кремневыхъ осколковъ, повидимому отбросовъ отъ выдѣлки издѣлій, изъ расколотыхъ костей животныхъ (лося, бобра, медвѣдя, лисицы и др., а также — собаки, быка, свиньи, лошади) и черепковъ грубой посуды (изъ глины съ примѣсью битаго мелкаго камня, съ простымъ орнаментомъ изъ линій и точекъ), но между ними оказалось и нѣсколько несомнѣнныхъ орудій — изъ кремня, глинистаго сланца и кости. Въ числѣ кремневыхъ осколковъ обращаютъ еще на себя вниманіе нѣсколько такихъ, въ которыхъ можно видѣть грубое изображеніе головы животнаго или человѣка (въ профиль). Ихъ можно было бы принять за случайныя подобія, если бы, кромѣ общаго абриса, искуственная выдѣлка ихъ не выдавалась глазкомъ, т.-е. искуственно выбитой ямкой на томъ мѣстѣ, гдѣ по формѣ профиля долженъ былъ бы находиться глазъ животнаго (или человѣка). Но особенный интересъ представляетъ въ числѣ найденныхъ вещей одна костяная привѣска, вырѣзанная, очевидно, изъ кости человѣческаго черепа и снабженная у верхняго, суженнаго своего конца сквознымъ отверстіемъ (для привѣшиванія). Подобныхъ привѣсокъ или амулетовъ, сколько мнѣ извѣстно, не было еще находимо при археологическихъ раскопкахъ въ Россіи, а потому она заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Но прежде, чѣмъ представить такое описаніе, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ городищѣ, въ которомъ этотъ черепной амулетъ былъ найденъ.

Городище, раскопанное г. Нефедовымъ, находится на высокомъ нагорномъ берегу р. Ветлуги, въ одной верстѣ отъ села Николо-Одоевскаго и въ такомъ же разстояніи отъ дер. Мундура, въ мѣстности глухой и уединенной. „Длиннымъ поясомъ, —

пишетъ г. Нефедовъ, — протянулась мимо р. Ветлуга, незамѣтно неся свои тихія воды; по ея правому берегу кое-гдѣ раскиданы маленькія деревеньки, и на покатой возвышенности, начинающейся отъ рѣки, пріютилось убогое село, состоящее изъ десятка домовъ церковнослужителей и сиротъ-вдовъ, да бѣлой двухъ-этажной церкви съ невысокою колокольнею. За рѣкою, по лѣвому берегу, начинается и на многія версты идетъ наволокъ (пойма), весь заросшій молодымъ лѣсомъ съ обнаженными прогалинами и сверкающими озерами; а за нимъ, за этимъ наволокомъ, встали и пошли безъ конца темные бора, заслонившіе собою горизонтъ. Кругомъ пустынно и дико, все — точно замерло и не дышетъ; изрѣдка по самой рѣкѣ протащится лѣниво лодка, да, порою, съ печальнымъ крикомъ пронесется сѣверная чайка... Изъ села за рѣку нѣтъ никуда проѣзжей дороги, а выше по рѣкѣ, на разстояніи восьмидесяти верстъ, находится село Пыщугъ, — граница сѣверныхъ уваловъ, за которою уже всѣ рѣки текутъ въ сѣверный океанъ". „Городище у д. Мундура занимаетъ покатистый мысъ нагорнаго берега, возвышающійся надъ поверхностью рѣки отъ 200 до 250 футовъ. Длина всей верхней площади мыса простирается до 180 фут., а ширина, у крайней точки суженія мыса, имѣетъ 16, а гдѣ мысъ достигаетъ наибольшаго распространенія, доходитъ до 100 фут. Бока и конецъ мыса почти отвѣсно спускаются къ рѣкѣ и оврагу; со стороны рѣки городище закрыто лѣсомъ, и видна одна ветхая часовня, а со стороны оврага остается почти открытымъ. Часовня занимаетъ самый высокій пунктъ городища и поставлена на крутомъ холмѣ, воздвигнутомъ руками человѣка. Валовъ и земляныхъ мостиковъ, постоянныхъ признаковъ городищъ, здѣсь мы не встрѣтили. Только между подошвою холма, на которомъ построена часовня, и поднимающимися по горѣ полями мундурскихъ крестьянъ, замѣтенъ полукруглый ровъ — слѣды вынутой земли для насыпки холма. Большая часть площади, между молодыми деревьями елей, пихтъ и часовней, представляетъ легкій откосъ, точно искуственно сдѣланный и покрытый рожью; хлѣбъ засѣянъ первый годъ. Все пространство, за исключеніемъ холма подъ часовнею, было постепенно въ теченіе лѣта вскрыто и оказалось насыпью, подъ которой на материкѣ, открылась цѣлая мастерская каменныхъ орудій".

„Насыпь городища была снята на протяженіи 110, а въ глубину до 10 футовъ. Верхній пластъ до 2 фут. — изъ чернаго перегноя; средній отъ 4 до 5 ф., — изъ плотнаго песку и нижній изъ перегорѣлаго песку и золы. Въ этихъ послѣднихъ двухъ пластахъ находились очаги отъ 8 до 22 ф. въ діаметрѣ; мѣсто каждаго очага обозначалось толстыми слоями угля и несовсѣмъ еще перегорѣлаго дерева. Такихъ очаговъ было пять, и всѣ они отъ холма по кривой линіи направлялись къ краю мыса, а по сторонамъ очаговъ были ямы, вѣроятно служившія помѣщеніемъ или жилищемъ для мастеровъ. Еще во второмъ пластѣ насыпи, при раскопкахъ площади городища, начали попадаться, не въ значительномъ количествѣ, угли, кости животныхъ, въ одиночку — черепки глиняной посуды, кремни и каменныя орудія. Далѣе, когда мы дошли до послѣдняго пласта насыпи перваго и самаго обширнаго очага, расположеннаго у подошвы холма къ сѣверу, то встрѣтили, какъ мѣтко выразились рабочіе, цѣлый „кустикъ" кремневыхъ орудій, въ сосѣдствѣ съ черепками глиняной

посуды и пережженными костями животныхъ. Множество каменныхъ издѣлій оказались или расколотыми, или незаконченными обработкою; вмѣстѣ съ этими орудіями лежала масса кремневыхъ осколковъ. Какъ издѣлья, такъ и осколки лежали въ золѣ, покрывавшей собою на нѣсколько дюймовъ материкъ и заключенной почти въ правильный кругъ сплошныхъ, въ три и четыре, слоевъ изъ угля. Глиняная посуда, преимущественно, попадалась въ этихъ угольныхъ слояхъ. Разстояніе между первымъ очагомъ и вторымъ, а равно и послѣдующими, по одной линіи къ сѣверу, равнялись отъ 6 до 12 ф.; эти очаги, по мѣрѣ своего удаленія отъ главнаго, перваго, въ размѣрахъ своихъ постепенно уменьшались. Въ нихъ, какъ и въ первомъ, кремневыя орудія и осколки лежали въ золѣ гнѣздами или кустиками. Въ интервалахъ между очагами и по бокамъ насыпи, съ обѣихъ сторонъ, были находимы самые матеріалы для обработки (кремень, черный сланецъ, розоватый песчаникъ и др.) и въ безпорядкѣ разбросанныя отдѣльно одинъ отъ другого крупныя орудія, цѣльныя издѣлья и грузила отъ рыболовныхъ снастей. Произведенія изъ кости попадались рѣдко".

„На площади, за гранью срѣзанной ея части, — мѣстѣ самой фабрики, въ лѣсной заросли на оконечности мыса и въ началѣ отвѣсныхъ стѣнъ городища, массами лежали кости животныхъ и, частью, — птицъ и рыбъ; наибольшее количество изъ нихъ составляли кости и зубы лося, кости рѣчного бобра и другихъ животныхъ; попадались медвѣжьи клыки и обломки лосиныхъ роговъ. Вмѣстѣ съ костями встрѣчались черепки горшковъ и угли... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фабрикою издѣлій изъ камня, глины и кости, и фабрикою, заброшенною тѣми людьми, которые здѣсь работали, или разрушенною набѣгомъ враждебнаго народа. Разсматривая коллекціи вещей, добытыхъ при раскопкахъ городища, мы находимъ мало крупныхъ орудій и совсѣмъ нѣтъ въ рѣзко очерченныхъ формахъ топоровъ, молотковъ и т. п..... Вообще, всѣ предметы сдѣланы крайне грубо... Издѣлія изъ глины носятъ также примитивный характеръ; черепки горшковъ, особенно ихъ дно, свидѣтельствуютъ, что древній обитатель Приветлужья не зналъ еще гончарнаго станка... Слѣдуетъ обратить еще вниманіе, что по р. Ветлугѣ нигдѣ не встрѣчается не только кремня или сланца, но даже и простаго булыжника. Очевидно, весь каменный матеріалъ для подѣлокъ былъ привозный съ р. Унжи (?)... При обработкѣ каменныхъ орудій, кромѣ отбиванія, служилъ еще, повидимому, огонь, что̀ доказывается какъ мѣстомъ нахожденія орудій среди очага и въ золѣ, такъ и слѣдами дѣйствія огня на многихъ обдѣланныхъ вещахъ (?)".

Представляя добытыя имъ вещи, Ф. Д. Нефедовъ присоединилъ къ нимъ и два рисунка карандашемъ, дающіе понятіе о видѣ городища и о положеніи открытыхъ при раскопкахъ очаговъ и ямъ. Мы приводимъ уменьшенныя копіи этихъ рисунковъ, (таблица VIII, 1 и 2) которые, несмотря на ихъ несовершенство, способны все-таки дать наглядное представленіе о мѣстоположеніи этой любопытной стоянки неолитическаго человѣка на берегу Ветлуги. — Что касается до вещей, то, какъ уже замѣчено, настоящихъ орудій, съ явственными слѣдами намѣренной повторной обивки найдено было немного. Масса состояла просто изъ осколковъ отъ фабрикаціи, хотя г. Нефедовъ и придавалъ, повидимому, многимъ изъ нихъ значеніе орудій. Въ дѣйстви-

тельности же, изъ издѣлій я могъ только отобрать: три кремневыхъ скребка (одинъ большой, неправильно ромбоидальной формы, одинъ меньшей величины, широкій, и одинъ маленькій, узкій (см. таблицу IX, 10, 11 и 12); одно, явственное обитое, овальное кремневое остріе, (къ сожалѣнію — оно потомъ утратилось); двѣ — три маленькихъ кремневыхъ пилочки; два кремневыхъ отбойника (percuteurs, см. таб. IX, 14), два обломка полированныхъ каменныхъ орудій; одинъ (см. табл. IX, 15) кусокъ краснаго песчаника съ нѣсколькими гранями, служившій какъ бы для полировки; цилиндрическая, изъ кирпичной глины, привѣска, длиною нѣсколько болѣе вершка (грузило для невода?); обломокъ кремневаго желвака, съ перетяжкой, можетъ-быть, служившій также грузиломъ (таб. X, 13), обломокъ какого-то желобка изъ кирпичной глины (таб. X, 18); костяное шильце (таб. X, 16) и костяной рыболовный крючекъ (таб. X, 17) съ двумя сквозными отверстіями на заднемъ концѣ, для привязки, (острый конецъ крючка обломанъ). Вотъ и все, что мнѣ удалось отобрать изъ массы обломковъ и осколковъ, но этого достаточно, чтобы, принявъ еще во вниманіе массу глиняныхъ черепковъ, признать здѣсь явственные слѣды человѣческой стоянки и, повидимому, неолитическаго періода, хотя, можетъ-быть, и конца его. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ нахожденіе костей домашнихъ животныхъ (коровы, свиньи, лошади), тогда какъ въ болѣе типичныхъ отложеніяхъ неолитическаго вѣка, напр. у Волосова на Окѣ, изъ домашнихъ животныхъ были находимы только остатки собаки; форма костяного крючка также напоминаетъ тѣ, которыя извѣстны изъ т.-наз. „костеносныхъ“ городищъ начала металлическаго вѣка; наконецъ, нѣсколько подозрительнымъ является присутствіе обломка какого-то желобка изъ кирпичной глины, — не есть ли это фрагментъ какого-нибудь снаряда для плавки. Особенное вниманіе въ своемъ докладѣ г. Нефедовъ обратилъ на изображенія изъ кремня различныхъ головокъ, — животныхъ и человѣка, даже, какъ онъ думалъ — добрыхъ и злыхъ духовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ „изображеній“ представляются, однако, просто осколками, безъ слѣда вторичной обивки, и самое сходство ихъ съ головками животныхъ является чисто случайнымъ, къ тому же довольно сомнительнымъ. Но штукъ 8—9 этихъ осколковъ, дѣйствительно, способны обратить на себя вниманіе, какъ по общему очертанію ихъ, представляющему сходство съ головой животнаго или человѣка въ профиль, такъ и въ особенности по присутствію „глазка“, — выбитой ямочки — на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ глазу. Нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій (см. таб. X, 1—9) напоминаютъ голову собаки, другія овцы, свиньи, медвѣдя, птицы, а въ двухъ — можно, пожалуй, признать голову человѣка. Во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось не лишнимъ представить ихъ на приложенной таблицѣ, совмѣстно съ нѣкоторыми другими издѣльями и привѣской или амулетомъ изъ кости человѣческаго черепа.

Этотъ послѣдній предметъ представляетъ неправильно-яйцевидную форму, имѣетъ въ длину 62,5 мм., а въ ширину — на границѣ нижней трети — 50 мм. и вверху, на швѣ — 35 мм. Онъ, очевидно, вырѣзанъ изъ лѣвой стороны человѣческаго черепа, именно изъ теменной и лобной кости, причемъ на лобную кость приходится только около 13 мм. Съ внутренней стороны на привѣскѣ, въ теменной части, явственно видны отпечатки (борозды) двухъ кровеносныхъ сосудовъ. Зубчатый шовъ между лобною

и теменною костью отъ времени разсохся, и двѣ части привѣски пришлось (рис. 76) склеить. Въ лобной части имѣется сквозное круглое отверстіе, около 6 мм. въ діаметрѣ, служившее, очевидно, для привѣшиванія амулета. Края обрѣза привѣски слегка скошены внутрь и отъ времени нѣсколько сгладились. Былъ ли этотъ амулетъ вырѣзанъ изъ кости живаго человѣка или изъ мертваго черепа, сказать трудно; скорѣе надо полагать, по его довольно правильной формѣ и порядочной величинѣ, что онъ взятъ былъ уже изъ черепа сухаго, освобожденнаго отъ своихъ кожныхъ покрововъ. По словамъ г. Нефедова, — къ которому я обращался за справкою, — этотъ костяной амулетъ былъ найденъ между черепками, среди разныхъ кремневыхъ осколковъ; неподалеку, въ ямахъ находились кости животныхъ, въ томъ числѣ и собаки.

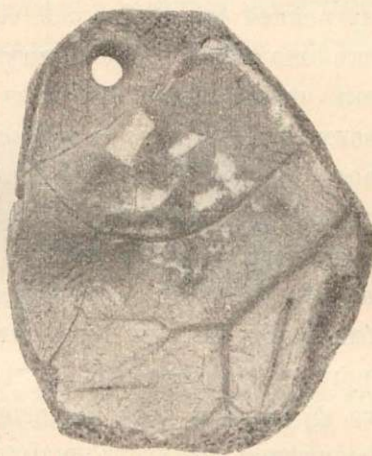

Рис. 76. Привѣска изъ кости человѣческаго черепа, съ внутренной стороны, въ натуральную величину.

Ношеніе, въ формѣ привѣсокъ, амулетовъ или талисмановъ, различныхъ частей человѣческаго тѣла (волосъ, зубовъ, нижней челюсти, даже цѣлаго черепа и другихъ костей) было замѣчено у разныхъ дикихъ племенъ Австраліи, Полинезіи, Америки и т. д.; что же касается до пользованія пластинками, вырѣзанными изъ кости человѣческаго черепа, то оно было констатировано и въ Европѣ, въ различныя эпохи ея доисторическаго періода. Первыя находки, подтверждающія существованіе нѣкогда этого обычая, были сдѣланы д-ромъ Прюньеромъ во Франціи, именно въ дольменахъ деп. Лозеры, въ началѣ 70-хъ годовъ, одновременно съ находками череповъ, представляющихъ слѣды искуственной ихъ трепанаціи, т.-е. продѣлыванія въ нихъ искуственнаго отверстія. Въ августѣ 1873 г., на съѣздѣ Французской Ассоціаціи для споспѣ-

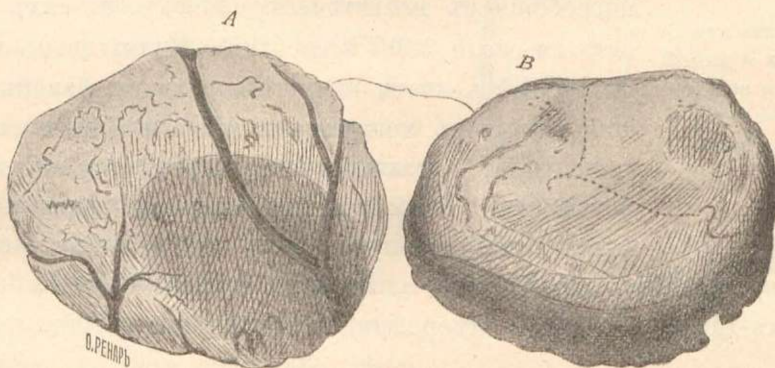

Рис. 77. Круглая пластинка (rondelle) изъ кости человѣческаго черепа, съ наружной и внутренней стороны, найденная д-ромъ Прюньеромъ въ одномъ изъ дольменовъ деп. Лозеры, въ полости черепа. Въ натуральную величину.

шествованія наукамъ въ Ліонѣ, д-ръ Прюньеръ представилъ округленную пластинку, вырѣзанную изъ кости человѣческаго черепа (une rondelle crânienne) и найденную имъ въ полости трепанированнаго черепа, въ одномъ изъ дольменовъ Лозеры (рис. 77).

Пластинка эта, неправильно овальной формы, имѣла 50 мм. въ длину и была вырѣзана изъ правой теменной кости, какъ то доказывали сосудистыя бороздки на ея внутренней (т.-е. бывшей обращенною внутрь черепной полости) поверхности. Такъ какъ она была найдена внутри черепа (въ землѣ, наполнявшей его полость) и такъ какъ черепъ этотъ оказался трепанированнымъ, т.-е. лишеннымъ нѣкоторой части своихъ стѣнокъ, то естественно было заключить, что пластинка и составляла нѣкогда часть этого черепа; но ближайшее сравненіе показало, что и по своей формѣ, и по толщинѣ, плотности и цвѣту ея костной ткани она не могла быть частью того черепа, въ полости котораго она оказалась, и происходила, очевидно, отъ другаго черепа. Прюньеръ, представляя свою находку, не могъ дать ей удовлетворительнаго объясненія, но онъ припомнилъ, что ему случалось находить въ дольменахъ и другіе фрагменты черепныхъ костей, повидимому вырѣзанные искуственно. Впослѣдствіи, эти фрагменты были подвергнуты внимательному разсмотрѣнію и оказались также, несомнѣнно, искусственнаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ — неправильно трехугольной формы, и многіе представляютъ слѣды вырѣзанія ихъ изъ череповъ, трепанированныхъ при жизни. Одинъ выказываетъ даже приспособленіе для его привязыванія или ношенія; именно, на двухъ противоположныхъ изъ его четырехъ краевъ сдѣланы вырѣзки и отъ одной вырѣзки (рис. 78) къ другой, по наружной сторонѣ кости, продѣлана бороздка или желобокъ, — очевидно для помѣщенія въ ней шнура. Ни одна изъ этихъ костяныхъ пластинокъ не имѣла, впрочемъ, отверстія для ея привѣшиванія, но скоро, именно въ слѣдующемъ же 1874-мъ году, были найдены и такія, именно въ погребальныхъ гроттахъ долины du petit-Morin, въ деп. Марны, изслѣдованныхъ барономъ Де-Бай (De-Baye)[1].

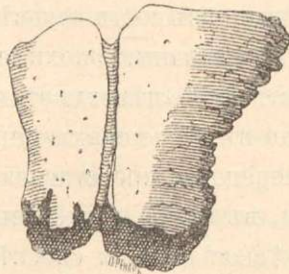

Рис. 78. Черепной амулетъ съ боковыми зарубками и желобкомъ для привязки и ношенія; изъ дольмена Cave des feés, деп. Лозеры,раскопкид-раПрюньера. Въ натуральную величину.

Гротты эти, искуственнаго происхожденія, служили для погребенія въ неолитическую эпоху; въ нихъ найдены были остатки около 2000 погребеній. Внимательно осматривая вырытые здѣсь кости и другіе предметы баронъ Де-Бай могъ констатировать между ними нѣсколько череповъ со слѣдами трепанаціи, а также нѣсколько, вырѣзанныхъ изъ черепа, привѣсокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ имѣли неправильную, трехугольную или четырехугольную форму, но большая часть (около 10) имѣли болѣе правильныя, округленныя очертанія, и, кромѣ того, были снабжены (рис. 79) однимъ-двумя сквозными отверстіями для привѣски. Одинъ такой овальный

[1]) Статьи Прюньера, Брока̀ и др. о черепныхъ амулетахъ и доисторической трепанаціи черепа были помѣщены въ „Bulletins de la Soc. d'Anthropologie de Paris“, 1874, 1876, 1877, 1881 гг.; болѣе подробная статья Брока̀, „Sur la trépanation du crâne et les amulettes crâniennes à l'époque néolithique, въ „Compte rendu du Congrès intern. d'Antropologie et d'Archeologie préhistorique, VIII section, à Budapest, 1876 I vol. 1877, pp. 101—193; J. de-Baye, La trépanation préhistorique, P. 1876, также въ его „Archéologie préhistorique“; Tillmanns, Ueber praehistorische Chirurgie, въ „Archiv für clinische Chirurgie“, XXVIII Band. 1883, S. 775—802.

кружокъ имѣлъ 33 мм. въ длину, 25 мм. въ ширину; другіе кружки, съ двумя отверстіями, имѣли не болѣе 28—18 мм. въ діаметрѣ, при чемъ всѣ они были сглажены и утончены, т.-е. толщина ихъ была менѣе нормальной толщины черепныхъ костей[1]). Интересно, что почти совершенно такіе же маленькіе костяные кружки

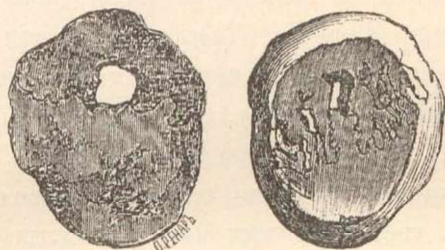

Рис. 79. Пластинка изъ человѣческаго черепа, найденная бар. Де-Бай въ гроттахъ долины du Petit-Morin, деп. Марны.

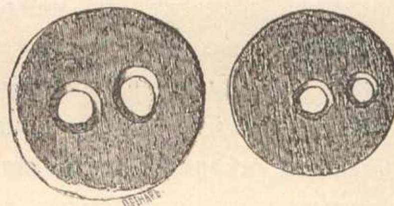

Рис. 80. Костяные кружечки съ двумя сквозными отверстіями, изъ тѣхъ же гроттовъ; въ натур. величину.

были найдены и въ болѣе позднихъ погребеніяхъ галльской эпохи, въ Шампани (рис. 80). Въ коллекціи Мореля, въ Шалонѣ, имѣется бронзовый шейный обручъ (torques), съ привѣшеннымъ къ нему подобнымъ кружкомъ, и такое же украшеніе, найденное въ могилѣ близъ Варжмулена (Wargemoulin), изображено у Де-Байя. Это — замкнутая шейная гривна изъ толстой бронзовой проволоки, на которой, помощью маленькаго бронзоваго колечка, привѣшенъ костяной кружечекъ съ 3-мя сквозными отверстіями, изъ коихъ чрезъ одно пропущено колечко (рис. 81). Подобная же круглая пластинка изъ человѣческаго черепа, съ отверстіемъ для привѣшиванія, была найдена, по словамъ Шафгаузена, въ одномъ курганѣ Тюрингіи, вмѣстѣ съ нѣсколькими предметами изъ бронзы. Наконецъ, подобный же костяной кружокъ, около дюйма въ діаметрѣ, только безъ отверстія, былъ описанъ Фаркгарсономъ, какъ найденный въ одномъ курганѣ (mound) близъ Давенпорта, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки[2]). Какъ видно, однако, всѣ описанныя до сихъ поръ костяныя привѣски, найденныя въ древнихъ могилахъ и вырѣзанныя изъ стѣнокъ человѣческаго черепа, или имѣютъ неправильныя, многоугольныя очертанія, или, если и округлены, то безъ сквознаго отверстія; имѣющія же такое отверстіе всѣ отличаются малою величиною и иногда такъ тонки, что можетъ являться даже сомнѣніе, вырѣ-

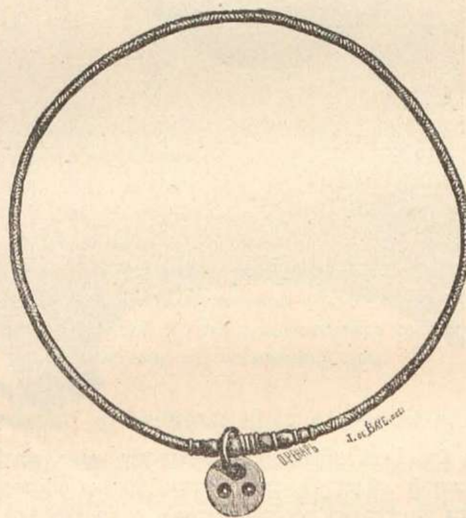

Рис. 81. Бронзовая гривна (torques) галльской эпохи, изъ могильника въ Wargemoulin, съ привѣшеннымъ къ ней помощью колечка костянаго кружка; въ 1/2 нат. величины.

1) Эти маленькіе тонкіе костяные кружки способны возбудить даже сомнѣніе, происходятъ ли они изъ кости человѣческаго черепа. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, были осмотрѣны Брока, который не отрицалъ ихъ происхожденія изъ человѣческой кости.

2) Нѣсколько костяныхъ пластинокъ неправильной формы, происходящихъ изъ трепанированныхъ

заны ли онѣ, дѣйствительно, изъ человѣческаго черепа. Привѣсокъ столь крупныхъ размѣровъ, какъ найденная Нефедовымъ въ городищѣ на Ветлугѣ, и притомъ снабженныхъ отверстіемъ, насколько мнѣ извѣстно, еще не было нигдѣ находимо, и это придаетъ описываемой находкѣ особенный интересъ. По своему происхожденію, — изъ боковой стѣнки черепа, именно изъ теменной и, отчасти, лобной его кости, привѣска эта, впрочемъ, подходитъ къ найденнымъ ранѣе во Франціи. Тамъ тоже почти всѣ такія пластинки оказывались вырѣзанными изъ теменной части черепа, какъ и почти всѣ трепанированные черепа представляли отверстіе на боку, въ теменной (рѣже въ височной) области, иногда лишь съ захватомъ нѣкоторой части лобной.

Съ какими цѣлями производилась трепанація череповъ и для чего носились, въ видѣ привѣсокъ, вырѣзанные изъ черепныхъ костей кружки или угловатыя пластинки, сказать трудно. Основываясь на данныхъ, имѣющихся относительно нѣкоторыхъ современныхъ народностей, Брока высказалъ предположеніе, что трепанація череповъ производилась иногда на живыхъ субъектахъ, въ цѣляхъ ихъ излѣченія отъ нѣкоторыхъ болѣзней, въ родѣ истеріи, эпилепсіи, нервныхъ конвульсій, — болѣзней, причина коихъ принималась существующею въ головѣ и приписывалась особому духу, тамъ поселявшемуся. Искусственное отверстіе, продѣлываемое въ черепѣ, имѣло цѣлью дать выходъ этому духу и тѣмъ способствовать освобожденію субъекта отъ болѣзни. Что трепанація производилась нерѣдко при жизни, въ этомъ убѣждаютъ многіе черепа, отверстія коихъ, сдѣланныя, очевидно, искусственно, выказываютъ по краямъ слѣды новообразованія, отложенія новаго костнаго вещества, нѣсколько уменьшившаго діаметръ (рис. 82) отверстія. Такое новообразованіе должно было, конечно, требовать извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго времени, изъ чего слѣдуетъ заключить, что трепанированные субъекты не только переносили сдѣланную надъ ними операцію, но и жили послѣ того недѣли, мѣсяцы и даже годы. Любопытно однако, что нѣкоторые

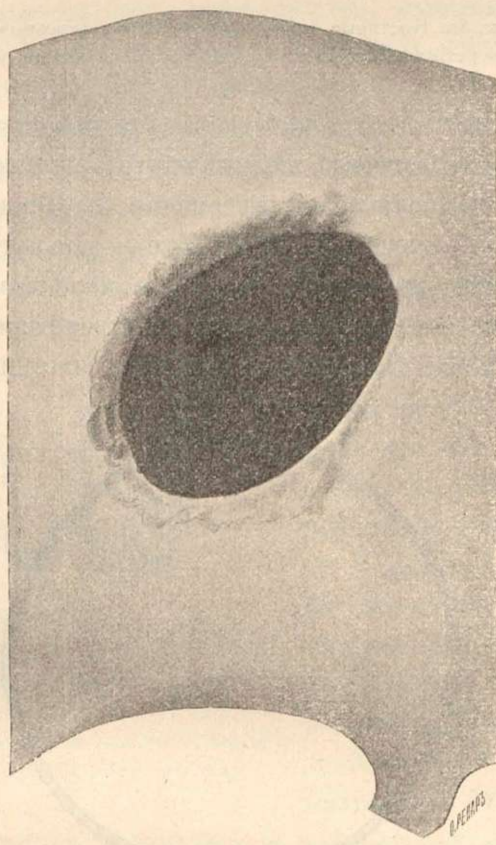

Рис. 82. Трепанированное отверстіе на черепѣ (въ теменной области) со слѣдами новаго образованія кости по краямъ, указывающими на то, что субъектъ жилъ извѣстное время послѣ операціи.

череповъ, были найдены лѣтъ пять тому назадъ д-ромъ Верно въ большой мегалитической гробницѣ (allée couverte) des Mureaux, въ деп. Сены и Уазы; см. статью Verneau, въ „L'Anthropologie", 1890, pp. 182—183. Замѣтимъ здѣсь, что новый случай трепанаціи черепа былъ констатированъ въ послѣднее время Carrière et Reboul' въ погребальномъ гротѣ de Rousson (Gard), см. „Bull. d. l. Soc. d'Anthropologie", V, 1894.

изъ такихъ, при жизни трепанированныхъ череповъ выказываютъ, кромѣ отверстія, представляющаго слѣды новаго костеобразованія, т.-е. сдѣланнаго при жизни, еще другія, соприкасающіяся и сливающіяся съ первымъ, но съ рѣзкими, несглаженными краями, т.-е. вырѣзанными, очевидно, уже послѣ смерти (рис. 83). Брока̀ объяснилъ это предположеніемъ, что лица, страдавшія при жизни упомянутыми выше болѣзнями и подвергшіяся операціи, считались одаренными какими-то особыми свойствами, или по крайней мѣрѣ такое свойство приписывалось ихъ черепу, считавшемуся мѣстопребываніемъ духа, вслѣдствіе чего, когда такой человѣкъ умиралъ, возникало желаніе воспользоваться, въ извѣстныхъ религіозныхъ цѣляхъ, частями его черепа, которыя и выпиливались или вырѣзались рядомъ съ уже имѣвшимся отверстіемъ. Что такъ дѣйствительно дѣлалось, въ этомъ убѣждаютъ, несомнѣнно, нѣкоторые изъ изученныхъ Брока̀, трепанированныхъ череповъ, отверстіе на которыхъ, иногда очень большое, указываетъ явственно на его происхожденіе изъ нѣсколькихъ, произведенныхъ послѣдовательно, при чемъ края одного изъ нихъ представляются гладкими, обросшими новою костью, а остальныхъ — рѣзко обрѣзанными. Соотвѣтственно тому и нѣкоторыя изъ найденныхъ черепныхъ пластинокъ имѣютъ края, на большей части ихъ протяженія съ ясными слѣдами отрѣза, а на извѣстной части, соотвѣтствующей отверстію, которое было сдѣлано при жизни, — округленные и покрытые наросшей костью. Не всѣ однако пластинки выказываютъ свое происхожденіе отъ череповъ, трепанированныхъ при жизни; многія имѣютъ кругомъ одинаковые, срѣзанные края или даже представляютъ слѣды послѣдующаго намѣреннаго ихъ округленія и сглаживанія. Брока̀ полагалъ даже, что въ позднѣйшія эпохи, напр. въ галльскую, обычай ношенія такихъ костяныхъ пластинокъ могъ утратить свой первоначальный, религіозный смыслъ и поддерживался лишь по привычкѣ или въ цѣляхъ только украшенія. Извѣстно, что употребленіе плоскихъ, круглыхъ (полированныхъ) и снабженныхъ отверстіемъ привѣсокъ — изъ камня и кости — было, судя по находкамъ, распространено довольно широко, въ разныхъ странахъ, въ неолитическую, а отчасти, и въ послѣдующія эпохи.

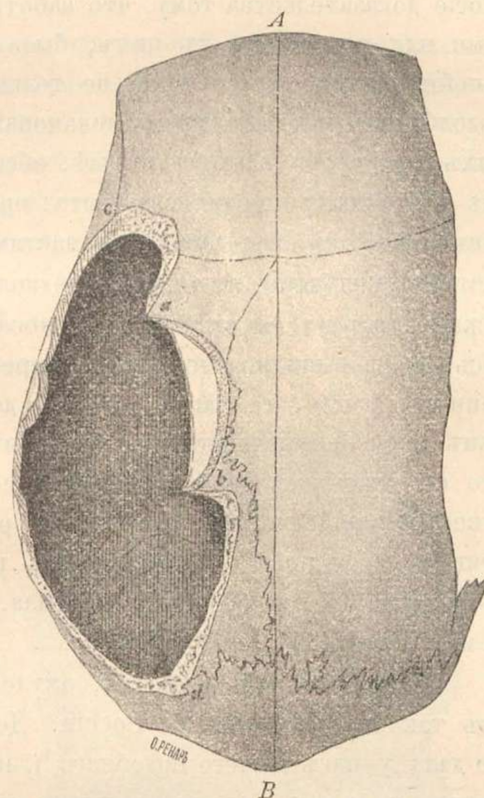

Рис. 83. Трепанированный черепъ изъ одного дольмена, въ деп. Лозеры (раскопки д-ра Прюньера): ab — слѣдъ трепанаціи, сдѣланной при жизни (край отверстія закрылся вновь образовавшеюся костью); db и ca — слѣды посмертной трепанаціи. Черепъ ассиметриченъ, стрѣловидный шовъ отклоненъ влѣво, что было вызвано ослабленіемъ роста лѣвой теменной кости, подвергшейся трепанаціи вблизи стрѣловиднаго шва.

Можно предположить, поэтому, что и привѣска, найденная г. Нефедовымъ, служила просто для украшенія, подобно аналогичнымъ овальнымъ привѣскамъ изъ камня,

найденнымъ, напр., въ Волосовѣ и на многихъ другихъ мѣстахъ поселеній и стоянокъ неолитической эпохи въ Россіи. Такое предположеніе, однако, кажется мнѣ невѣроятнымъ на томъ основаніи, что мы едва ли можемъ допустить существованіе въ неолитическую эпоху столь индифферентнаго отношенія къ остаткамъ умершихъ. Имѣются многіе доказательства тому, что забота объ умершихъ, вызываемая ли страхомъ передъ ними или почтеніемъ къ нимъ, была значительно развита въ неолитическую эпоху; покойники хоронились тогда не только въ естественныхъ пещерахъ, но и въ нарочно выдолбленныхъ гротахъ, въ дольменахъ и другихъ сооруженіяхъ изъ большихъ каменныхъ плитъ; во всякомъ случаѣ, обстановка погребеній была обильна и составлялась изъ различныхъ предметовъ быта: орудій, оружія, украшеній, посуды. Все это трудно совмѣстимо съ пользованіемъ частями труповъ для украшеній, и притомъ такими частями, полученіе которыхъ предполагало довольно сложную операцію — разрѣзанія кожи, отворота ея вмѣстѣ съ волосами, выпиливанія кости и т. п. Если это дѣлалось, если выпиливались куски черепа у только что умершихъ или даже у похороненныхъ ранѣе, то такая операція должна была вызываться цѣлями болѣе важными, чѣмъ простое украшеніе, и, всего вѣроятнѣе, цѣлями религіозными, — убѣжденіемъ, что съ такой костяной пластинкой соединяется нѣчто особое, имѣющее сверхъестественное свойство или силу, т.-е. религіозное. Поэтому, мнѣ думается, что и пластинка, найденная на Одоевскомъ городищѣ, не служила только украшеніемъ, но составляла нѣчто большее, и была, по всей вѣроятности, религіознымъ талисманомъ, *черепнымъ амулетомъ*.

Насколько мнѣ извѣстно, амулетъ, найденный г. Нефедовымъ, является первою изъ такихъ находокъ въ Россіи. До сихъ поръ ни одна археологическая раскопка не дала у насъ ничего подобнаго [1]), ни какого-либо издѣлія изъ черепной человѣческой кости, ни черепа съ явственными слѣдами прижизненной или посмертной трепанаціи. Но въ началѣ 1893 года Н. Ф. Бѣляшевскій представилъ мнѣ одинъ неполный (безъ лицевой части) черепъ, добытый имъ при раскопкахъ на Княжей горѣ, — извѣстномъ городищѣ на берегу Днѣпра, Каневскаго уѣзда, и указалъ на странное, круглое отверстіе въ его лобной кости (см. табл. X, 1). Отверстіе это нѣсколько угловатой, овальной формы ($27,_5 + 25$ мм. въ поперечникѣ) находится въ правой сторонѣ кости, въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ верхней части лобнаго бугра и идущей отъ него кверху части лобной чешуи, и произведено было, очевидно, искусственно, какимъ-нибудь рѣжущимъ или пилящимъ орудіемъ. Края отверстія были срѣзаны довольно гладко и нѣсколько косо внутрь, но не вполнѣ одинаково по всей окружности; очевидно, операція производилась отъ руки, чѣмъ-нибудь въ родѣ ножа, лезвеё котораго не сохраняло вполнѣ одинаковаго угла съ поверхностью кости во все время операціи.

---

[1]) Въ числѣ вещей, присланныхъ въ Московское Археологическое Общество, во время печатанія настоящей статьи, Ф. Д. Нефедовымъ и происходящихъ изъ могильника и городища „Шишка", на правомъ берегу р. Камы, близь села Котловки, Елабужскаго уѣзда, — оказалась также кругловатая костяная пластинка (26,5 + 25,5 милл. въ діаметрѣ) съ небольшимъ отверстіемъ для привѣски, отполированная съ обѣихъ сторонъ, и, повидимому, вырѣзанная изъ кости дѣтскаго человѣческаго черепа. Вещи, среди которыхъ эта привѣска была найдена, состоятъ изъ кремневыхъ и бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовыхъ цельтовъ, рыболовныхъ крючковъ, поясныхъ бляхъ, подвѣсокъ, украшеній и т. д.

Судя по виду краевъ, отверстіе было продѣлано давно, и на мертвомъ черепѣ (или на головѣ субъекта, не перенесшаго операціи); края отверстія не представляютъ ни малѣйшаго признака отложенія новаго костнаго вещества [1]). Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь случай трепанаціи, только нѣсколько особаго рода и на не совсѣмъ обычномъ мѣстѣ.

Выше было уже сказано, что трепанація въ неолитическій періодъ производилась обыкновенно на боковой сторонѣ черепа, чаще всего въ теменной кости, рѣже захватывая височную и заднюю часть лобной. Прюньеръ, впрочемъ, нашелъ одинъ черепъ съ искусственнымъ отверстіемъ въ правой сторонѣ затылочной кости, откуда была вырѣзана довольно правильной формы овальная пластинка. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не было найдено ни одного черепа, трепанированнаго въ незакрытой волосами части головы, т.-е. въ лобной. Интересно что и современные народы, практикующіе трепанацію при жизни, выбираютъ для нея мѣсто на покрытыхъ волосами частяхъ черепа. Такъ, Samuel Ella, описывая обычай трепанированія у жителей о-ва Uvea

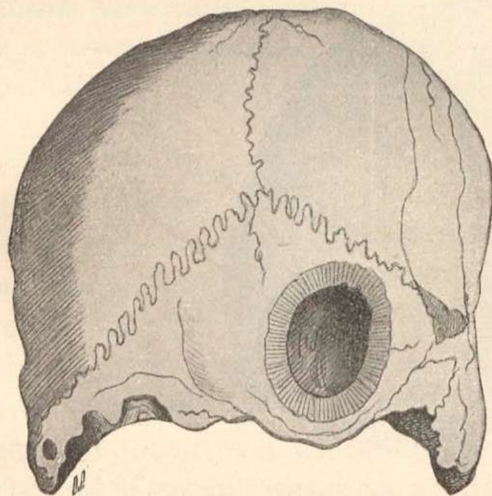

Рис. 84. Трепанація затылочной кости (Прюньеръ). Эллиптическое, со слѣдами заживленія, отверстіе, выказывающее скошенные внутрь края.

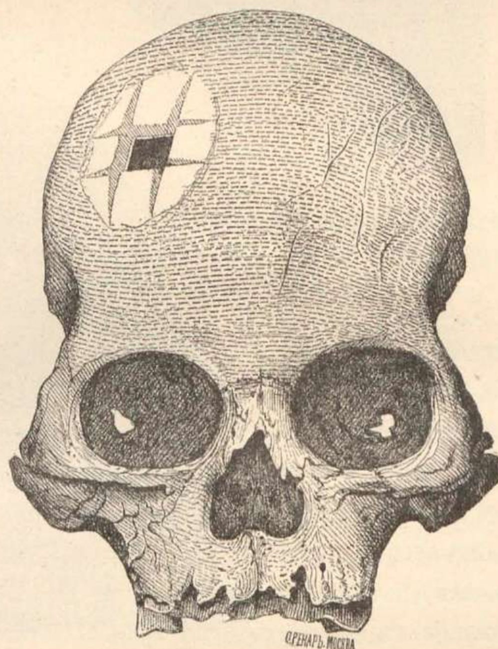

Рис. 85. Трепанированный черепъ изъ древней перуанской могилы. (Squier), съ четырехугольнымъ отверстіемъ на лбу.

или Uea (въ группѣ острововъ Loyalty), гдѣ эта операція примѣняется очень часто противъ головныхъ болей, мозговыхъ болѣзней, невралгіи, обморока, говоритъ, что мѣстомъ трепанаціи избирается область схожденія стрѣловиднаго шва съ вѣнечнымъ и обыкновенно нѣсколько кзади отъ послѣдняго, т.-е. слѣд. на теменныхъ костяхъ [2]).

[1]) Я показывалъ этотъ черепъ на Виленскомъ съѣздѣ 1893 г. нѣсколькимъ врачамъ, въ томъ числѣ профессору Кёнигсбергскаго университета Л. X. Штидѣ, и всѣ признали отверстіе, имѣющееся въ его лобной кости, искусственнымъ и сдѣланнымъ послѣ смерти субъекта.

[2]) *Sam. Ella*, Native medicine and surgery in the South Sea Jslands. The Medical Times and Gazette 1874. V. I. 50; выписка въ книгѣ *M. Bartels*, Die Medicin der Naturvölker. 1893. S. 300—301.

Однако, извѣстны случаи, когда трепанація производилась и въ лобной области черепа. Такъ, G. Squier[1]) описалъ одинъ черепъ изъ древняго перуанскаго кладбища въ долинѣ Yucay, выказывающій на лбу четырехугольное отверстіе (42+47 мм.), которое было произведено, очевидно, искуственно, какимъ-то рѣжущимъ орудіемъ, оставившимъ свой слѣдъ и за предѣлами собственно отверстія въ видѣ перекрещивающихъ одна другую бороздъ. Брока̀, имѣвшій случай видѣть этотъ черепъ, высказалъ мнѣніе, что операція въ данномъ случаѣ была произведена, несомнѣнно, при жизни, и что субъектъ жилъ послѣ того съ недѣлю или нѣсколько болѣе. Вокругъ отверстія кость выказываетъ измѣненіе своего строенія и была, вѣроятно, поражена воспаленіемъ надкостницы. Максъ Бартельсъ приводитъ также изображеніе одного перуанскаго черепа, хранящагося въ Берлинскомъ Этнологическомъ Музеѣ и выказывающаго довольно большое искусственное отверстіе въ лѣвой сторонѣ лобной кости, заходящее немного и за вѣнечный шовъ въ теменную кость. Отверстіе въ данномъ случаѣ также было, несомнѣнно, сдѣлано при жизни, какъ то доказываютъ края его, совершенно заросшіе вновь образовавшеюся костью, которая кое-гдѣ выказываетъ даже ненор-

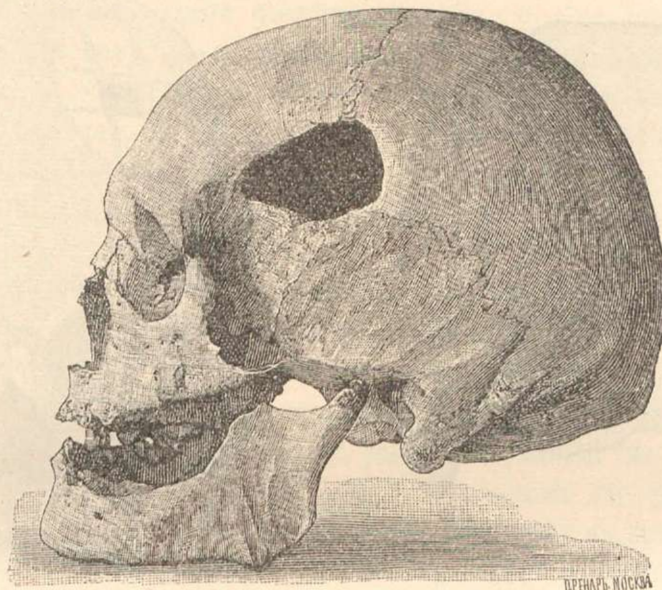

Рис. 86. Трепанированный перуанскій черепъ, добытый г. Геттнеромъ изъ древней могилы въ Pisak и находящійся въ Берлинскомъ Этнологическомъ Музеѣ.

мальное утолщеніе. Субъектъ, слѣдовательно, жилъ довольно долго послѣ произведенной надъ нимъ операціи. Первоначально, отверстіе на этомъ черепѣ было сдѣлано, повидимому, меньше и болѣе квадратное, но затѣмъ его нашли нужнымъ увеличить, прибавивши къ нему еще вырѣзъ впереди. Въ томъ же сочиненіи М. Бартельса приведено еще изображеніе части черепа одной мумифицированной головы съ острова Новой Каледоніи (изъ коллекціи г. Умлауфа въ Гамбургѣ), тоже

---

[1]) *G. Squier,* Peru etc. 1877, p. 457, 577.

съ явственными слѣдами трепанаціи на лбу. Отверстіе здѣсь находится въ правой части лба, нѣсколько выше лобнаго бугра, въ мѣстѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ тому, что и въ нашемъ черепѣ съ Княжей горы. Только операція здѣсь, по мнѣнію М. Бартельса была произведена, вѣроятно, еще при жизни субъекта, который впрочемъ ея не вынесъ. Такъ можно заключить изъ того, что края отверстія не представляютъ слѣдовъ какой-либо реакціи кости; съ другой стороны, операція представляется незаконченной, чтѡ не имѣло бы смысла, если бы операторъ имѣлъ дѣло съ мертвымъ, сухимъ черепомъ, на которомъ онъ могъ бы довести до конца желательную ему вырѣзку. Повидимому, операція здѣсь также была произведена въ два пріема: сдѣланное сначала отверстіе показалось недостаточнымъ и къ нему хотѣли присоединить еще полулунообразную вырѣзку кверху, для чего и сдѣланъ былъ соотвѣтственный надрѣзъ, а отчасти и начато прорѣзываніе вглубь, но — вѣроятно, вслѣдствіе смерти субъекта — незакончено и оставлено [1]).

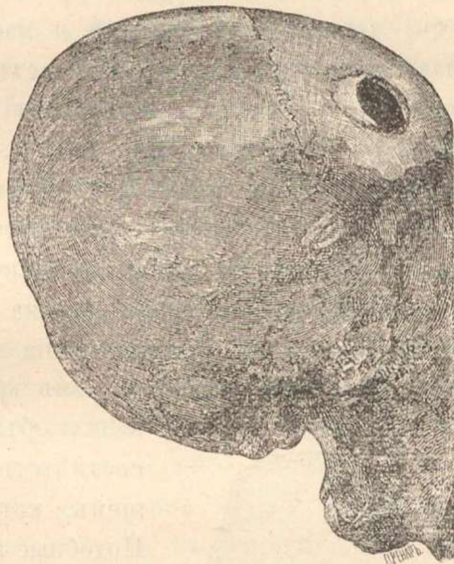

Рис. 87. Трепанированный черепъ одной муміи изъ Новой Каледоніи. Собраніе Умлауфа въ Гамбургѣ.

Городище Княжая гора была разорено, по всѣмъ признакамъ, въ XIII вѣкѣ, во время нашествія татаръ, и найденные въ немъ предметы относятся къ быту жившаго здѣсь славянскаго населенія въ первые вѣка по принятіи имъ христіанства [2]). Но раскопки показали здѣсь и слѣды болѣе древней культуры неолитической эпохи, такъ что мѣстность эта служила, повидимому, для поселенія, начиная еще съ каменнаго періода. Найденные здѣсь человѣческіе черепа и кости могли, слѣдовательно, относиться къ разнымъ эпохамъ, тѣмъ болѣе, что раскопками множества любителей и промышленниковъ мѣстность городища почти вся изрыта, и различные культурные слои ея перемѣшаны между собою. Тѣмъ не менѣе, г. Бѣляшевскій высказалъ мнѣ свое мнѣніе, что огромное большинство костей должно быть отнесено къ великокняжеской эпохѣ, къ XII—XIII вѣкамъ, къ какому времени относится, по всей вѣроятности, и трепанированый черепъ, не отличающійся замѣтно, по степени своей сохранности, отъ многихъ другихъ, найденныхъ въ той же мѣстности.

Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ череповъ, хранящихся въ Московскомъ Антропологическомъ Музеѣ, значительная часть коихъ происходитъ изъ древнихъ могиль-

[1]) *M. Bartels,* Die Medicin der Naturvölker. L. 1893. S. 301—304.

[2]) *Н. Ф. Бѣляшевскій.* „Раскопки на Княжей горѣ“, оттискъ изъ „Кіевской Старины“, 1892 г., съ 2 таблицами рисунковъ. — Что касается черепа съ Княжей горы, то онъ принадлежалъ, повидимому, молодому субъекту, можетъ быть даже женщинѣ. Лобные и теменные бугры его выражены явственно, при взглядѣ сверху черепъ выказываетъ удлиненно-пятиугольную форму (Pentagonoïdes, по классификаціи Серджи), размѣры черепа небольшіе, хотя надбровныя дуги и затылочныя возвышенія обозначены. Наибольшій продольный діаметръ черепа — 177 мм., наибольшій поперечный — 134 мм.; показатель ширины черепа 70,1, т.-е. черепъ характеризуется рѣзко выраженной долихоцефаліей.

никовъ и кургановъ, я не могъ найти ни одного, который представлялъ бы подобное искусственное отверстіе и вообще явственные слѣды прижизненной или посмертной трепанаціи. Только одинъ черепъ обратилъ еще мое вниманіе въ этомъ отношеніи, именно доставленный съ Кавказа В. Ѳ. Миллеромъ и происходящій изъ одного древняго погребенія въ Хуламѣ (въ Терской области, въ верховьи Черека)[1]). Черепъ этотъ, довольно объемистый и массивный, несомнѣнно мужской и съ выпуклымъ, выдающимся затылкомъ, выказываетъ сзади, въ лѣвой теменной кости, ближе къ ламбдовидному шву (весьма извилистому и заключающему въ себѣ множество ворміевыхъ косточекъ) какъ бы слѣды начатой, но недоконченной трепанаціи. Продѣлана именно, довольно глубокая борозда, въ формѣ неполнаго овала (или петли), обращеннаго выпуклостью въ сторону, а незамкнутой стороной внутрь (къ стрѣловидному шву), и притомъ продѣлана, очевидно, искусственно, орудіемъ въ родѣ долота. Длина всей петли 40 мм., наибольшая ширина — 24 мм.; тамъ, гдѣ вѣтви петли наиболѣе сходятся между собою, до разстоянія въ 13,5 мм., замѣтенъ слѣдъ поперечной борозды, менѣе однако углубленной, чѣмъ круговая. Происхожденіе такой глубокой борозды нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ намѣреніемъ выдолбить соотвѣтственный кусокъ изъ черепной стѣнки, — намѣреніемъ, которое однако осталось недоведеннымъ до конца. Подобные же черепа были находимы, повидимому, и на западѣ; такъ, Мортилье и Карталльякъ описали одинъ черепъ, хранящійся въ Музеѣ Лиссабонской Академіи наукъ и происходящій изъ одного погребенія (повидимому неолитической эпохи) въ гроттѣ Casa da Mouva въ Peniche. На лѣвой теменной кости этого черепа находится удлиненно-овальное пространство (длиною 6, шириною 2 сантиметра), обведенное довольно глубокой бороздой, которая произведена была, какъ полагаютъ, кремневымъ остріемъ. Самая поверхность этого обведеннаго мѣста нѣсколько соскоблена, повидимому тоже кремневымъ орудіемъ. Почему начатая операція не была въ данномъ случаѣ закончена, ни Мортилье, ни Карталльякъ не нашли возможнымъ дать какое-либо объясненіе.

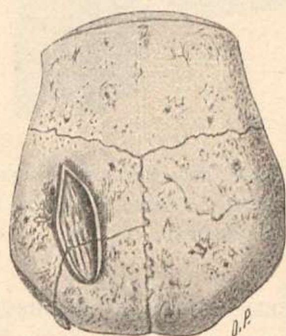

Рис. 88. Черепъ съ неоконченной трепанаціей. Музей Академіи наукъ въ Лиссабонѣ.

Хуламскій черепъ (таб. X, 2) отличается однако тѣмъ, что, во-первыхъ, борозда, произведенная на немъ, не образуетъ замкнутаго круга (хотя, какъ указано выше, и замѣтны слѣды нѣкотораго намѣренія соединить ея вѣтви поперечной бороздкой), а во-вторыхъ, произведена была эта борозда, несомнѣнно, долотообразнымъ орудіемъ, помощью послѣдовательныхъ по нему ударовъ и выбиванія такимъ образомъ частицъ кости, т.-е. тѣмъ способомъ, какимъ производится трепанація и современной хирургеей,

---

[1]) Черепъ этотъ былъ полученъ В. Ѳ. Миллеромъ въ 1883 г. отъ туземцевъ, разрывшихъ ранѣе одну могилу, вещей въ которой, будто бы, никакихъ не оказалось. Костякъ лежалъ на глубинѣ не болѣе аршина, прямо въ грунтѣ (безъ каменнаго ящика). Наружнымъ признакомъ могилъ служатъ здѣсь камни, выложенные кругомъ или кольцомъ. Самъ г. Миллеръ раскопокъ въ этой мѣстности не производилъ. Хуламъ, населенъ теперь татарами, но они колонизовали эти мѣста не ранѣе XV в., а до нихъ здѣсь жили осетины и горцы. Татары приписываютъ встрѣчающіяся у нихъ древнія могилы прежнему христіанскому населенію этихъ мѣстъ.

оставившей (какъ сообщилъ мнѣ проф. М. А. Тихомировъ) прежній методъ выпиливанія помощью особаго инструмента, трепана. На употребленіе долота указываютъ какъ угловатыя очертанія борозды, такъ и ея относительная ширина (до 4 мм.), при чемъ она углубляется до 1,5—2,0 мм., внѣдряясь клиномъ въ толщу кости, и выказывая явственно скошенныя и сглаженныя стѣнки [1]). Этимъ описываемый черепъ отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ трепанированныхъ череповъ, на которыхъ трепанація производилась обыкновенно постепеннымъ соскабливаніемъ кости въ извѣстномъ мѣстѣ, слой за слоемъ. Такъ производится по крайней мѣрѣ эта операція на островѣ Uvea (при помощи остраго осколка стекла, а въ прежнія времена — кремня), и такъ же, по мнѣнію Брока̀, она производилась и на черепахъ неолитическаго вѣка во Франціи. Но посмертная трепанація и во Франціи производилась выпиливаніемъ (или точнѣе — вырѣзаніемъ) помощью какого-нибудь остраго кремня, какъ это, повидимому, имѣло мѣсто, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и при операціяхъ надъ живыми, судя по многимъ извѣстнымъ черепнымъ амулетамъ, а также принимая во вниманіе указанный выше лиссабонскій черепъ со слѣдами неполной трепанаціи. Перуанскій черепъ, описанный Squier'омъ, также былъ трепанированъ какимъ-то рѣжущимъ орудіемъ, — какъ думаетъ Squier — чѣмъ-то въ родѣ гравернаго рѣзца. Впрочемъ, на основаніи описаній и часто неособенно точныхъ рисунковъ трудно судить съ достаточною увѣренностью о способѣ произведенія операціи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Сколько мнѣ извѣстно, однако, ни одинъ авторъ не описалъ случая трепанаціи, полной или неполной, который бы явственно указывалъ на несомнѣнное производство операціи помощью долота. Въ этомъ отношеніи, описываемый нами черепъ является, какъ кажется, единственнымъ, хотя изъ этого одного случая и нельзя еще, конечно, выводить какого-либо общаго заключенія. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, практикуется ли гдѣ-либо и понынѣ на Кавказѣ, у туземныхъ племенъ, тотъ или иной видъ трепанаціи, въ хирургическихъ ли цѣляхъ при жизни особей, или — что впрочемъ мало вѣроятно, въ какихъ-либо суевѣрныхъ, на мертвомъ черепѣ, а равно — практиковался ли подобный обычай у какого-либо изъ кавказскихъ племенъ въ прежнія времена.

---

[1]) По своей формѣ, выдающемуся затылку, Хуламскій черепъ можетъ быть отнесенъ къ типу Scopeloides Серджи. Наибольшая длина его 187, ширина — 151 мм., показатель ширины — 80,7 т.-е. черепъ брахицефальный.

Д. Анучинъ.

Объясненіе таблицъ.

Таблица VIII. Городище на р. Ветлугѣ, близъ села Никола-Одоевскаго и дер. Мундура. Вверху видъ его въ болѣе ранней стадіи раскопки, (обозначились пять очаговъ), внизу — въ болѣе поздней, когда видны въ разрѣзѣ ямы или землянки. (Съ карандашныхъ набросковъ Ф. Д. Нефедова; уменьшено).

Deux vues du gorodistsché (station de l'époque néolithique) au bord de la Vetlouga, près des villages Nicola-Odoevskoë et Moundoura. (Gouv. de Kostroma). La vue № 1 correspond au premier stade des fouilles (on voit les traces des cinq foyers); la vue № 2 — montre les couches plus profondes, dans lesquelles on peut distinguer les fosses, creusées à côté des foyers. (D'après les esquisses de M-r Néfedov).

Таблица IX. Нѣсколько издѣлій изъ городища. Вверху №№ 1—9 — кремневые осколки, обдѣланные въ формѣ головъ: 1 — собаки; 2 — овцы (?); 3 — свиньи; 4 — медвѣдя; 5 — барана (?); 6 — сомнительный; 7 — птицы; 8 и 9 — человѣка. 10, 11 и 12 — кремневые скребки (12 — помѣщенъ оббитымъ краемъ внизъ, а 11 — влѣво), 13 — подвѣска (грузило?) изъ кремневаго желвака; 14 — отбойникъ (percuteur); 15 — полированный каменный клинъ (обломанъ вверху); 16 — костяное шило; 17 — костяной рыболовный крючокъ; 18 — обломокъ изъ глины; 19 — привѣска (амулетъ) изъ кости человѣческаго черепа.

Quelques objets trouvés dans le gorodistsché. №№ 1—9 — les répresentations en silex de têtes des differents animaux: 1 — du chien, 2 — de la brebis, 3 — du cochon, 4 — de l'ours, 5 — du bélier (?); 6 — douteuse; 7 — d'un oiseau; 8—9 — de l'homme; 10, 11, 12 — les grattoirs (chez le № 12 le bord élaboré est en bas, chez le № 11 — à gauche); 13 — poids de ligne de pêche (?), fait d'un rognon de silex; 14 — un percuteur; 15 — un outil en pierre polie; 16 — une alêne en os; 17 — hameçon en os; 18 — un fragment en terre cuite; 19 — l'amulette crânienne.

Таблица X. 1. Черепъ съ Княжей горы (раскопки Н. Ф. Бѣляшевскаго), съ округленнымъ сквознымъ отверстіемъ въ правой части лба, на мѣстѣ лобнаго бугра и выше.

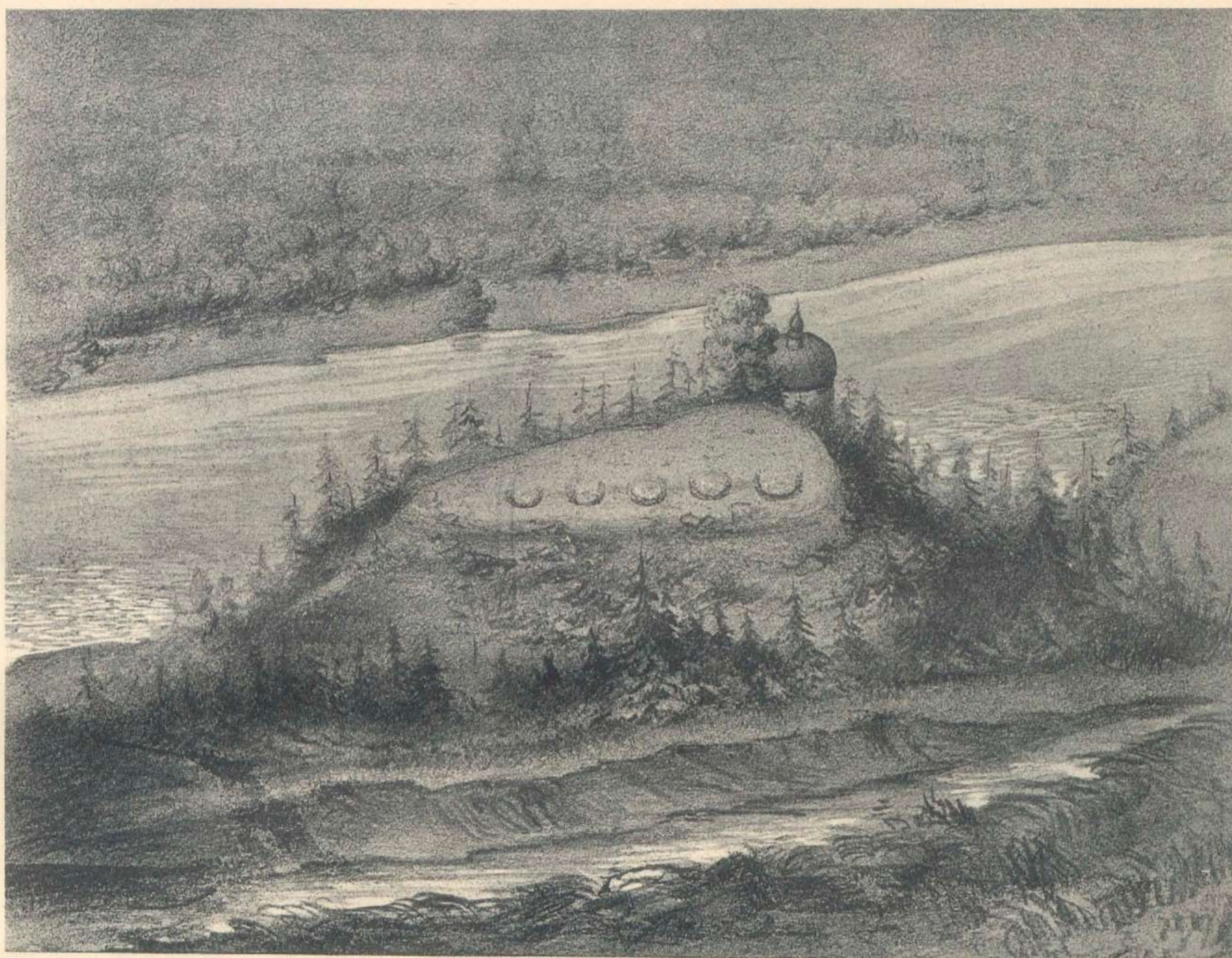
Crâne, trouvé par N. Beliachewski sur la Kniajaia gora (près de Kanev, sur la rive haute du Dnièpre), dans la couche de l'époque des Grand-Ducs de Kiev (XII—XIII siècles); on voit une ouverture arrondie sur le frontal, au niveau de la bosse droite et plus haut.

2. Черепъ изъ древней могилы близъ Хулама (Терской области, въ верховьяхъ р. Черека), выказывающій слѣды недоконченной трепанаціи въ лѣвой части затылочной кости. (Доставленъ въ Антропологическій Музей проф. В. Ѳ. Миллеромъ).

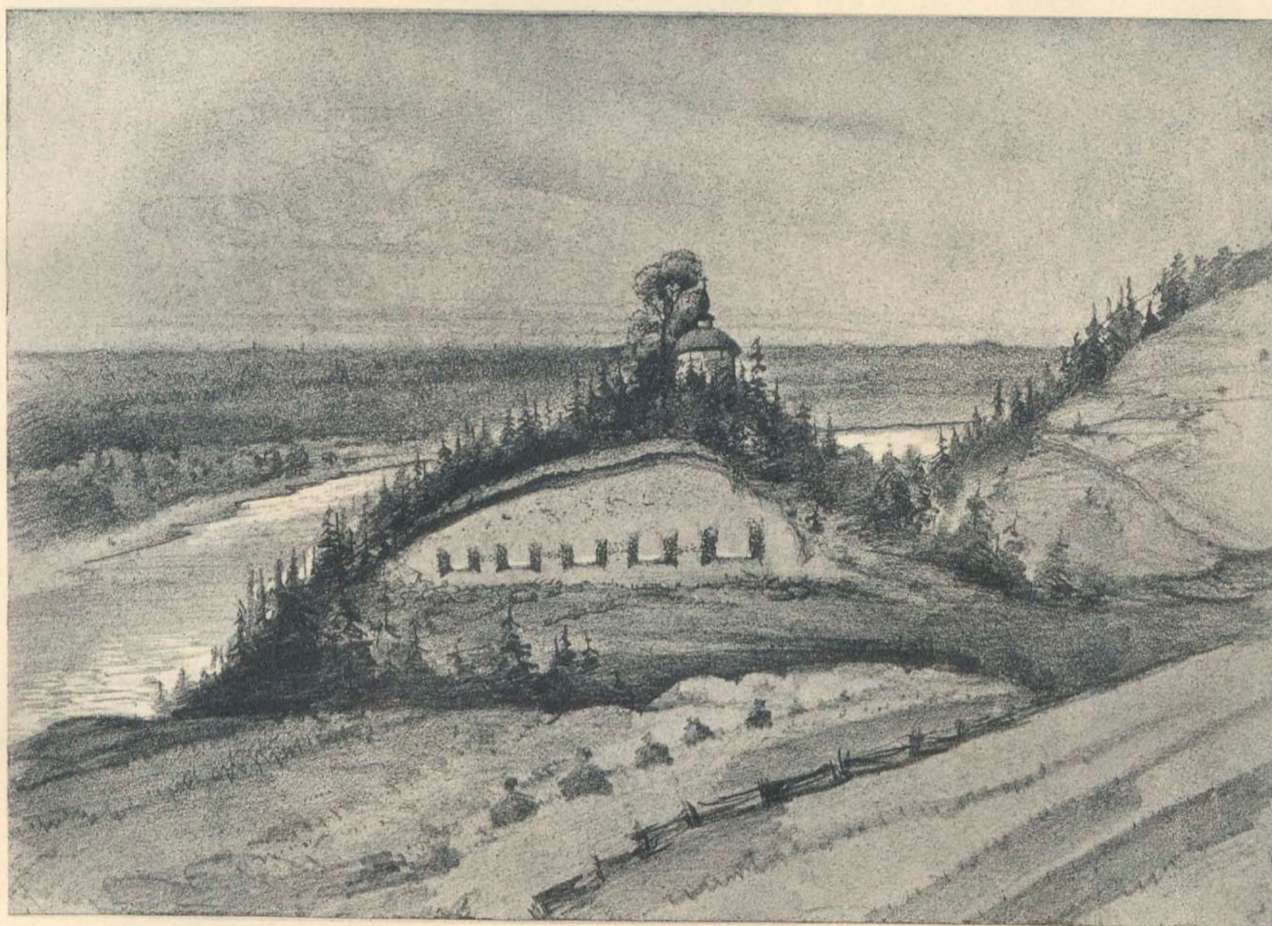
Crâne, provenant d'un tombeau ancien près de Khoulam (province de Tersk, Caucase) et présentant les traces de la trépanation non-achevée et faite dans la région gauche de l'ecaille occipitale, probablement avec un ciseau (Présenté au Musée d'Anthropologie par le prof. W. Miller).

1

2.

Къ статьѣ Д. Н. Анучина.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Къ статьѣ Д. Н. Анучина

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

1.

2.

Къ статьѣ Д. Н. Анучина.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°. въ Москвѣ.

Жировицкій и Брестъ-Литовскій архивы, (къ вопросу о значеніи провинціальныхъ архивовъ для западно-русскаго края).

Священника о. Льва Паевскаго.

Наши города, мѣстечки и селенія имѣютъ свою исторію, основанную на преданіи, переходящемъ изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Нерѣдко это преданіе подкрѣпляется, въ свою очередь, тѣми или другими документами, служащими какъ бы краеугольнымъ камнемъ для самаго преданія, а слѣдовательно, и для исторіи той или другой мѣстности.

Масса интересныхъ для исторіи края документовъ исчезла безслѣдно. Архивы, случайно сохранившіеся въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, а равно — при монастыряхъ и церквахъ, изображаютъ (за рѣдкими исключеніями) жалкій остовъ въ той неразработанной еще научной области нашего края, которая предстала предъ нашими очами на происходившемъ недавно въ г. Вильнѣ IX Археологическомъ Съѣздѣ.

Какъ членъ двухъ археологическихъ съѣздовъ (Московскаго и Виленскаго) и какъ любитель родной старины, много лѣтъ и труда посвящавшій ей, считаю своимъ долгомъ подѣлиться впечатлѣніями, вынесенными мною изъ осмотра двухъ архивовъ въ Гродненской губерніи — Жировицкаго (при монастырѣ и духовномъ училищѣ) и Брестъ-Литовскаго.

Бытописатели родной западно-русской исторіи (начиная съ незабвеннаго М. О. Кояловича), описывая прошлую жизнь нашего многострадательнаго края, испытавшаго на себѣ столько превратностей злополучной судьбы, устремляя свои взоры въ даль канувшихъ въ вѣчность временъ, съ особенною любовью останавливаютъ свои теплыя чувства и симпатіи на Жировицахъ, какъ на неисчерпаемомъ родникѣ вѣчно живыхъ русскихъ началъ и идей, бившихъ радостнымъ ключемъ жизни даже и тогда, когда въ нашемъ краѣ (не исключая и Жировицъ) широко раскинулась злосчастная унія... Я самъ живо вспоминаю одного изъ передовыхъ могиканъ уніатской эпохи, доблестнаго сподвижника приснопамятнаго митрополита Іосифа Сѣмашки, незабвеннаго протоіерея П. Г. Янковскаго, скончавшаго свое земное поприще въ тихой и скромной неизвѣстности — въ тѣхъ же Жировицахъ. На видъ тощій,

худенькій, низенькій, бритый, стриженый, ходившій въ длиннополомъ сюртукѣ, до смерти какъ бы прикованный къ своему домику (сохранившемуся и до нынѣ въ м. Жировицахъ въ значительно расширенномъ видѣ), никуда не выѣзжавшій, а между тѣмъ постоянно занятый дома литературнымъ трудомъ, о. Плакидъ Янковскій съ перваго взгляда невольно казался для незнавшихъ его лишь дряхлымъ старичкомъ, *ex*-унитомъ. А между тѣмъ — сколько глубокаго, искренняго и сердечнаго патріотизма почивало въ этой ангельской душѣ! Въ монастырскомъ архивѣ, при осмотрѣ его мною, попадались листки, испещренные хорошо знакомымъ мнѣ мелкимъ почеркомъ руки, не перестававшей до смерти благословлять свою родину и всѣхъ насельниковъ ея самыми лучшими благожеланіями: это — незабвенная рука того же о. протоіерея Янковскаго, не мало дѣлившагося воспоминаніями старины и въ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ. Мнѣ думается, что ни одинъ клочокъ исписанной хартіи прежнихъ временъ нашего края не долженъ быть обойденъ молчаніемъ или презрѣніемъ. Пройдутъ еще десятки, сотни лѣтъ и, пожалуй, совсѣмъ затрутся документальные слѣды этихъ воспоминаній; время, быстро летящеее и все уничтожающее, покроетъ ихъ архивною пылью и забвеніемъ...

Архивъ Жировицкій осмотрѣнъ былъ мною въ 1893 году съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Доната б. архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Этотъ архивъ нынѣ принадлежитъ двумъ учрежденіямъ — монастырю и духовному училищу, унаслѣдовавшему старую многотомную библіотеку отъ прежнихъ еще временъ — когда въ Жировицахъ (до 1845 года) была резиденція епархіальнаго архіерея и при немъ въ монастырскихъ зданіяхъ помѣщались консисторія и духовная семинарія.

Архивъ Жировицкаго монастыря находится въ образцовомъ порядкѣ, должной чистотѣ и опрятности, а потому и представляетъ всѣ удобства для легкаго осмотра и изученія его — безъ вреда для здоровья. Архивъ приведенъ въ порядокъ учителемъ духовнаго училища И. А. Хлѣбцевичемъ. Впрочемъ, есть еще дѣла не разобранныя; къ такимъ надо отнести и дѣла б. базиліанскаго Бытенскаго монастыря, несомнѣнно имѣющія интересъ и значеніе, какъ для исторіи нашего края вообще, такъ и въ частности — для исторіи, далеко еще не разработанной окончательно, такъ называемыхъ уніатскихъ монастырей, объ архивѣ которыхъ будетъ сказано два-три слова въ заключеніе сего реферата.

По словамъ г. Хлѣбцевича — раньше, т.-е. до составленія имъ описи монастырскаго архива, въ монастырѣ не было никакихъ описей, и архивъ былъ разбросанъ. Всѣ такъ называемыя старыя дѣла увезены въ Вильну, а оставшіеся документы и бумаги, касающіеся собственно исторіи монастыря, разновременно забирались разными лицами, неоставившими никакихъ слѣдовъ нахожденія и принадлежности ихъ монастырю.

Случайно остановилось мое вниманіе на описи (не переплетенной), составленной покойнымъ архимандритомъ Николаемъ и помѣченной его рукою „№ 4“. Опись эта, какъ видно изъ заголовка ея, составлена на основаніи прежнихъ описей (1845, 1852 гг.) и другихъ хранящихся при монастырѣ документовъ въ 1871 году — въ силу указа Литовской духовной консисторіи отъ 17 марта 1870 года за № 2736.

Вѣрная копія съ сей описи представлена въ ту же консисторію 9 февраля 1871 г. Здѣсь находимъ интересное описаніе Жировицкой обители.

Жировицкій Успенскій монастырь основанъ въ половинѣ XVI столѣтія послѣ перваго явленія чудотворнаго образа Божіей Матеріи, бывшаго въ 1470 году. Въ это время уже является при каменной церкви, съ правой ея стороны, каменное монастырское двухъэтажное зданіе, уцѣлѣвшее до сего времени. Съ умноженіемъ числа братіи и съ увеличеніемъ средствъ монастыря построено въ началѣ XVIII столѣтія, около 1710 года, иждивеніемъ монастыря, съ лѣвой стороны церкви, другое каменное трехъэтажное монастырское зданіе въ три линіи со службами, съ трехъ сторонъ монастыря, и вокругъ монастыря; съ сѣверной, восточной и южной сторонъ разбитъ садъ и обнесенъ каменною оградою.

Въ началѣ XVII столѣтія Жировицкій монастырь, уже пріобрѣвшій громкую извѣстность въ западномъ краѣ, дѣлается достояніемъ уніи и вмѣстѣ съ нею въ 1839 году возсоединяется съ православіемъ.

Какъ уже выше сказано, монастырскій архивъ помѣщается въ келіяхъ о. настоятеля и занимаетъ сухое, чистое и уютное мѣсто, такъ что во всякое время доступенъ для осмотра и изученія. Великая честь и сердечное спасибо о. архимандриту Серапіону, обратившему свое особенное вниманіе на состояніе ввѣреннаго ему архива. По приглашенію о. Серапіона, учитель *Хлѣбцевичъ* много потрудился надъ разборомъ монастырскаго архива и классификаціей его; каждой вещи дано ея названіе и указано свое опредѣленное мѣсто — трудъ кропотливый, требующій испытаннаго терпѣнія, навыка и опыта, а потому и заслуживающій сугубой похвалы.

Дѣла разобраны въ хронологическомъ порядкѣ — по годамъ. Отдѣльно размѣщены документы, имѣющіе то или другое значеніе, напр. *старыя* метрики, приходо-расходныя книги, книги для записи кружечнаго дохода, богослужебные журналы и т. д. Всему этому составлены особыя краткія описи, съ надлежащей нумераціей и соотвѣтственными заголовками, вложенныя въ прочныя папки.

Особое мое вниманіе привлекли *старыя* метрики, начинающіяся съ 1673 года. Очевидно, въ Жировицахъ въ это время хотя и жили базиліане, но русскій обрядъ, русское слово, русское письмо — не были еще изгнаны изъ употребленія домашняго и оффиціальнаго. Лучшимъ и при томъ несомнѣннымъ доказательствомъ сего служатъ тѣ же метрики, начинающіяся съ 1673 года и озаглавленныя такъ: „Метрика крещенія дѣтей въ церкви Жировицкой Успенія Пресвятыя Богородицы, отъ року теперешняго ҂ахог зачинаючи“. Затѣмъ въ порядкѣ, одна за другою, слѣдуютъ записи метрикъ по мѣсяцамъ...

На болѣе старыя, но уже не сохранившіяся метрики есть указанія, напр. въ метрикѣ того-же ҂ахог года, подъ рубрикою м҃цъ Генварь: „въ прошлой метрицѣ“.

Вотъ форма метрикъ:

„Року такого-то, мѣсяца и дня я, такой-то іерей, въ церкви Жировицкой окрестилъ, напр., Игнатія, сына Ѳеодора съ женою его Евою. Кумъ Филимонъ державъ; кума Елена; всѣ изъ села Шиловичъ“. (Въ названіи сохранена русская форма, и нѣтъ позднѣйшаго полонизма „Шидловицъ“).

Но съ половины 1678 года русская рѣчь въ метрикахъ „Жировицкой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы“ уступаетъ мѣсто польской рѣчи, на которой и продолжены старыя метрики.

Метрики „Жировицкой церкви“ имѣются въ архивѣ монастыря по 1867 годъ включительно. Извлеченіе статистическихъ данныхъ почти за 200 лѣтъ (т.-е. съ 1673 по 1867 годъ) составило бы одну изъ интереснѣйшихъ страницъ описанія Жировицкой обители и ея далекаго прошлаго. Но это требуетъ долгаго и усидчиваго труда, за который легко могутъ взяться мѣстные дѣятели — ради одной любви къ родной намъ старинѣ, предъ которою сердце наше всегда должно трепетать чувствами благоговѣнія и вниманія.

Само собою понятно, что старыми метриками далеко не исчерпывается содержаніе монастырскаго архива. Если, съ перваго взгляда, архивъ и не богатъ источниками, имѣющими ближайшее отношеніе ко временамъ болѣе или менѣе отдаленнымъ, то, во всякомъ случаѣ, содержитъ всѣ данныя, освѣщающія бытъ и жизнь монастыря до послѣднихъ временъ. Старое смѣняется новымъ. То, что нынѣ не всякому изъ насъ кажется интереснымъ, со временемъ привлечетъ вниманіе людей новой эпохи, и, въ молчаливомъ созерцаніи пережитаго нами на землѣ, новые люди, подобно намъ, пожелаютъ услышать голосъ нашъ, вѣщающій имъ о родной старинѣ...

Достопочтенный изслѣдователь западно-русской старины Ф. Н. Добрянскій, описывая церковно-славянскія и русскія рукописи Виленской Публичной Библіотеки, справедливо замѣчаетъ, что рукописныя сокровища почти изъ всѣхъ монастырей здѣшняго злополучнаго края, съ такимъ стараніемъ и съ такимъ трудомъ накопляемыя первыми православными основателями монастырей, постепенно и незамѣтно исчезали.

Такая же участь постигла и библіотеку Жировицкаго монастыря, основаннаго въ XV вѣкѣ православными Солтанами и отданнаго въ 1613 году въ руки базиліанъ. Часть библіотеки этого монастыря, въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ рукописей, въ 1845 году перевезены въ Вильну, въ Троицкій монастырь, куда, по распоряженію высшаго начальства, переведена была и епархіальная духовная семинарія. Изъ числа этихъ рукописей 40 церковно-славянскихъ въ 1878 году переданы въ Виленскую Публичную Библіотеку; онѣ научно разсмотрѣны г. Добрянскимъ въ его прекрасномъ трудѣ „Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки“ (Вильна 1882).

Переходимъ къ краткому обзору старой библіотеки Жировицкаго духовнаго училища. Библіотека эта занимаетъ два помѣщенія: одно въ комнатѣ, смежной съ парадныхъ входомъ въ настоятельскія келіи, а другое — въ обширной залѣ, такъ называемой ученической занятной, на 3-мъ этажѣ. За недосугомъ, въ занятной я не осматривалъ библіотеки, хотя тамъ собственно и собрано многотомное книгохранилище. Говорятъ, что оно прежде помѣщалось въ восьми громоздкихъ шкафахъ, а теперь число тѣхъ же шкафовъ сокращено наполовину и книги размѣщены только въ четырехъ шкафахъ.

Мною осмотрѣна старая библіотека, помѣщающаяся въ комнатѣ съ однимъ окномъ, выходящимъ на монастырскій дворъ. Нѣтъ ни каталога, ни другихъ какихъ-либо указаній, по которымъ можно было бы имѣть приблизительное понятіе, что

въ ней есть: сколько и какія именно книги, на какихъ языкахъ, когда и гдѣ именно изданы; для какой цѣли оставлены въ Жировицахъ и почему не отосланы въ Вильну вмѣстѣ съ рукописями?

Въ такомъ видѣ и состояніи старой Жировицкой библіотеки трудно приступить къ обозрѣнію ея и извлеченію тѣхъ или другихъ свѣдѣній, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ западно-русскому краю. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ книгъ, наудачу взятыхъ съ полокъ.

Изъ словарей: польско-нѣмецко-французскій словарь Михаила Троца, изданъ въ Лейпцигѣ въ 1774 г., 3 тома, съ надписью на одномъ „ad usum professorum scholae Zyrowic comparatus 1774;“ историко-географическій словарь на латинскомъ языкѣ, изданъ въ Парижѣ въ 1789 г., и цѣлый рядъ энциклопедическихъ словарей; греко-латинскій словарь in folio, изд. въ 1560 году.

На одной изъ полокъ книга безъ начала и конца, подъ общимъ заглавіемъ „Объ ученіи раскольническомъ*)“.

Далѣе идетъ богатое собраніе отеческихъ книгъ, симфоніи на священное писаніе (Симфонія на псалтирь—кн. Антіоха Кантеміра, съ посвященіемъ Екатеринѣ I; Симфонія на четверо-Евангеліе и Апостолъ—Іоанна Илинскаго, съ посвященіемъ имп. Аннѣ Іоанновнѣ); русскіе духовные журналы позднѣйшаго времени; среди множества неразрѣзанныхъ книгъ — обширная коллекція изданія СПБ-ской Духовной Академіи „Византійскіе историки“, четыре громадные тома „Исторіи Шведскаго государства“ — СПБ. Олофа Далина, 1807.

Укажу еще на нѣкоторыя изданія, составляющія, по истинѣ, библіографическую рѣдкость и попавшія въ Жировицы изъ библіотеки коллегіи Брестскихъ іезуитовъ — какъ это видно изъ рукописныхъ надписей на латинскомъ языкѣ на этихъ книгахъ. Коллекція книгъ издана въ Варшавской коллегіи школъ піаровъ въ 1738 году и такъ озаглавлена: Prawa, konstytucye i przywilleje Królestwa Polskiego i wszystkich prowincyi nalezoncych i na walnych Seymiech koronnych — od Seymu Wislickiego, Roku Panskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone.

Другая подобная книга еще раньше издана была въ Краковѣ въ 1637 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Constytucyie Statuta i przywillee, na walnych Seymiech koronnych od roku Pańskiego 1550 aż do roku 1637 uchwalone“.

Очень много въ училищной библіотекѣ книгъ на латинскомъ языкѣ. Значительная часть ихъ попала сюда отъ Брестскихъ базиліанъ — какъ это видно изъ

*) Выдержка оттуда: „Лжетъ Аввакумъ, нарицая насъ правовѣрныхъ христіанъ родомъ никоніанскимъ. Еда ли россійское христіанство отъ Никона пріятъ свой начатокъ? Еда ли отъ того святымъ крещеніемъ просвѣтися? Слышимъ яко Святѣйшій Никонъ бѣ архіерей Божій великій, патріархъ Московскій, мужъ во Святомъ Писаніи искусенъ и благочестивъ и житіемъ святъ: но намъ не родоначальникъ, ни по плоти, ни по духу; ни отъ него бо родихомся, ни отъ него вѣру пріяхомъ. Но произыдохомъ рожденіемъ по плоти отъ племени Іафета сына Ноева. Рожденіемъ же духовнымъ отъ св. князя Владиміра. Отъ того бо и вѣру и крещеніе вся Россія пріятъ, Владиміръ же пріятъ отъ Грековъ. Греки пріяша отъ древнихъ святыхъ Архіереевъ и учителей вселенныя. Древніе архіерее и учители пріяша отъ святыхъ Апостолъ. Апостолы пріяша отъ самого Іисуса Христа. Убо есмы христіане, а не никовіане. Есмы по словеси св. Апостола Петра: родъ избранъ, царское священіе, людіе обновленія“...

надписей на первыхъ страницахъ. Есть книги и на нѣмецкомъ языкѣ. Есть книги, изданныя по повелѣнію Императрицы Екатерины II въ губ. г. Могилевѣ латинскимъ епископомъ Станиславомъ въ 1777 году съ русскимъ предисловіемъ, посвященнымъ самой Императрицѣ...

При осмотрѣ старой библіотеки Жировицкаго духовнаго училища найдены мною на польскомъ языкѣ рукописи, имѣющія интересъ для исторіи нашего края:

1) Рукопись подъ заглавіемъ „Opisanie Królestwa Polskiego" со всѣми его воеводствами и уѣздами и съ подраздѣленіемъ Królestwa на „Великую Польшу" и „Малую Польшу". Въ Великой Польшѣ перечислено 7 воеводствъ (Познанское, Калишское, Сѣрадзское, Ленчицкое, Брестъ-Куявское, Иноврацлавское, Равское) и особая „удѣльная", такъ называемая Велюньская земля. Къ Малой Польшѣ причислено 3 воеводства (Краковское, Сандомирское и Люблинское) и одно удѣльное княжество Освѣцимское. Затѣмъ, въ составъ Królestwa вошла наша родная Литва съ двумя обширными воеводствами „Виленскимъ и Трокскимъ". Виленское воеводство дѣлилось на уѣзды: Виленскій, Ошмянскій, Лидскій, Вилкомирскій и Брацлавскій, а Трокское воеводство — на уѣзды: Трокскій, Гродненскій, Ковенскій и Упитскій. Затѣмъ къ Królestwu причислена „Русь Червонная", дѣлившаяся на двѣ земли — Галицкую и Холмскую и на 7 воеводствъ — Русское, Белзское, Подольское, Кіевское, Волынское, Брацлавское и Черниговское.

Интересно окинуть взглядомъ эту Червонную Русь, своеобразно подѣленную на польскіе „powiaty lub ziemie" (т.-е. уѣзды). Русское воеводство дѣлилось на земли — Львовскую, Перемышльскую, Саноцкую и Жидачевскую; Белзское — на уѣзды: Белзскій, Русскій, Грабовецкій, Городельскій и Любачевскій; Подольское — на уѣзды: Каменецкій, Латычевскій и Червоноградскій; Брацловское — на уѣзды: Брацлавскій, Винницкій и Звенигродскій; Волынское — на уѣзды Луцкій, Владимірскій и Кременецкій; Кіевское — на уѣзды: Житомирскій и Овручскій: „resztę Moskwa trzyma — остальнымъ владѣетъ Москва". Черниговское — „całe pod Moskwą — все подъ Москвою". Земля Галицкая дѣлилась на уѣзды — Галицкій, Трембовельскій и Коломыйскій. Земля Холмская — на уѣзды: Холмскій и Красноставскій. Далѣе слѣдуетъ „Бѣлая Русь", дѣлившаяся на шесть воеводствъ: Новогрудское, Минское, Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Смоленское; воеводства, въ свою очередь, дѣлились на уѣзды: Новогрудское — на уѣзды: Новогрудскій, Слонимскій и Волковыскій; Минское — на уѣзды: Минскій, Мозырскій и Рѣчицкій; Полоцкое — „niema powiatu żadnego — нѣтъ ни одного уѣзда"; Мстиславское — также niema powiatu żadnego... Витебское — на уѣзды: Витебскій и Оршанскій; Смоленское — на уѣзды: Смоленскій и Стародубовскій. Далѣе слѣдуютъ такъ называемые „Prussy", дѣлившіеся на два воеводства: Хелминское и Мальборское: powiatów nie mają... Въ номенклатуру Польши включена и наша окраинная Жмудь, раздѣленная на 24 уѣзда; воеводы нѣтъ; мѣсто его по выбору занималъ староста, который на ряду съ воеводами засѣдалъ въ сенатѣ; резиденціей его были Россіены. Слѣдуетъ въ порядкѣ Мазовія съ двумя воеводствами: Мазовецкимъ и Плоцкимъ съ землею Добрынскою. Мазовецкое воеводство дѣлилось на 10 земель — Черскую, Варшавскую, Вискую,

Вышеградскую, Закрочимскую, Цѣхановскую, Ломжинскую, Рожанскую, Ливскую и Нурскую. Плоцкое — на уѣзды: Плоцкій, Белзскій, Серпскій, Ратенскій и Плонскій. Земля Добрынская — на уѣзды: Добрынскій, Рапинскій и Слонскій. Такъ называемое „Полѣсье“ составляло воеводство Брестское Литовское, съ уѣздами Брестскимъ и Пинскимъ. Затѣмъ „Инфлянты“ въ малой части остались въ Польшѣ съ городомъ „Дунебургомъ“, resztę Moskwa trzyma... То-же сказано и о Курляндіи. Войска польскаго исчислено 25.200. Религіи поименованы слѣдующія: Katolicka, Luterska, Kalwińska, Schizmatycka, Zydowska, Tatarska...

2) Рукопись съ нотами и съ русскимъ текстомъ въ польскомъ алфавитѣ, заключающая въ себѣ наши воскресныя церковныя пѣснопѣнія, положенныя на утрени, а именно: воскресные тропари съ припѣвами „Bog Hospod' i jawisia nam“ и воскресные ирмосы восьми гласовъ. Какъ видно изъ нотъ — всѣ напѣвы старые, кіевскіе, донынѣ употребляемые въ нашей епархіи.

Къ рукописямъ и изданіямъ, разсмотрѣннымъ и представленнымъ мною съѣзду, относятся еще слѣдующія:

3) Брошюра, изданная на польскомъ языкѣ, нѣмецкимъ шрифтомъ, не позже 1637 года. Она прислана была мнѣ при письмѣ, отъ 9 января 1889 года, покойнымъ Жировицкимъ архимандритомъ Николаемъ (Редутто) — не задолго до его смерти, а ему, какъ видно изъ того же письма, подаренная помѣщикомъ Юндзилломъ, извѣстнымъ любителемъ старины. По глубокому религіозному тону содержанія, дышущаго любовію къ исторической правдѣ, вѣщающей намъ о чудесномъ явленіи иконы Жировицкой Божіей Матери съ краткимъ перечисленіемъ чудесъ, явленныхъ Богомъ у образа Пречистой, брошюра эта составитъ (она уже вся почти буквально переведена мною съ польскаго на русскій языкъ) въ недалекомъ будущемъ украшеніе, достойное святой памяти о святомъ мѣстѣ.

4) Отрывки южно-русской рукописи, найденной мною въ одной изъ сельскихъ церквей. Эти отрывки прекраснаго художественнаго письма четкаго стариннаго полуустава съ заглавіями, писанными киноварью, съ превосходными виньетками начальныхъ буквъ, изображенныхъ золотомъ на такихъ же художественныхъ фонахъ, принадлежатъ южно-русскому творчеству и относятся къ концу XV и началу XVI вѣка.

5) Небольшая книжка, содержащая въ себѣ Акаѳистъ Богородицѣ, данная мнѣ почтеннымъ старцемъ о. Василіемъ Томковидомъ, казначеемъ Гродненскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря. Акаѳистъ напечатанъ въ двухъ параллеляхъ, на языкахъ: церковно-славянскомъ (польскимъ алфавитомъ и со вліяніемъ южно-русскаго произношенія) и на латинскомъ. Вотъ образецъ текстовъ „Sowit prewiczuyi, otkrywaia Tobi Otrokowice, Hawryił predsta“... и т. д. А параллельно напечатанъ латинскій текстъ: Consilium abaeternum, revelans Tibi Puella, Gabriel adstitit“...

6) „Наука христіанская или катихизисъ“, изданный въ Почаевѣ, въ видѣ небольшой книжки на простонародномъ малорусскомъ языкѣ, книга, какая и теперь была бы, несомнѣнно, весьма цѣнна для простаго народа.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ архивѣ базиліанскихъ монастырей, найденномъ мною въ Жировицахъ, въ той же старой училищной библіотекѣ. Ко-

нечно, въ короткое время не было мнѣ возможности подробно разсмотрѣть и изучить его. Но и при бѣгломъ обзорѣ документовъ, составляющихъ архивъ такъ называемыхъ провинціаловъ или ревизоровъ уніатскихъ монастырей, можно судить, какъ важны и интересны подобнаго рода документы. Они, мнѣ кажется, должны послужить главнымъ источникомъ для тѣхъ лицъ, которые спеціально займутся составленіемъ исторіи м. Жировицъ и его достопримѣчательнаго прошлаго, на изданіе каковаго труда ассигнована приличная сумма преосвященнымъ Павломъ (Доброхотовымъ), епископомъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ, сохранившимъ о Жировицахъ добрую память за бытность свою профессоромъ семинаріи Литовской еще въ 40-хъ годахъ.

Для болѣе близкаго ознакомленія съ базиліанскими монастырями, которые въ административномъ отношеніи подчинены были Жировицкому „провинціалу", представляю здѣсь названія тѣхъ монастырей, которые въ 1821 году обревизованы были преемственно двумя Жировицкими провинціалами — оо. Каминскимъ и Жарскимъ.

Вотъ названія сихъ монастырей:

1) Тороканскій, 2) Бытенскій, 3) Жировицкій, 4) Антопольскій, 5) Глушнянскій, 6) Рожанскій, 7) Лавришевскій, 8) Новогрудскій, 9) Холмскій, 10) Мирскій, 11) Селецкій, 12) Лысковскій, 13) Волнянскій, 14) Суховицкій, 15) Гродненскій, 16) Даревскій, 17) Лещинскій, 18) Цеперскій, 19) Новоселецкій, 20) Брестскій, 21) Черленскій и 22) Кобринскій.

Перехожу къ краткому обзору архива Брестскаго. Несомнѣнно — онъ имѣетъ громадное значеніе для нашего края. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, архивъ сей пристегнутъ къ Городской Думѣ, которая, какъ извѣстно, вѣдаетъ современнымъ состояніемъ города и его владѣній, а къ далекому прошлому, само собою понятно, не имѣетъ прямаго отношенія.

Надо принять во вниманіе и то, что территоріальныя владѣнія стараго города Бреста-Литовскаго отошли въ область преданій, и тамъ, гдѣ еще сравнительно такъ недавно красовались польскіе кляшторы и каменницы, нынѣ возвышаются крѣпостные бастіоны... Вотъ вѣрная и положительная грань — съ какого именно періода времени „архивъ Брестской городской думы" долженъ вести свое начало въ непрерывномъ хронологическомъ порядкѣ... Все старое, не имѣющее равно никакого отношенія къ новому городу, должно быть выдѣлено, внимательно разсмотрѣно, приведено въ надлежащую извѣстность и даже опубликовано въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, а затѣмъ — найти себѣ болѣе надежный пріютъ и охрану.

Брестскій архивъ находится на чердакѣ наемнаго дома, въ которомъ помѣщается управленіе городской думы, и размѣщенъ на простыхъ полкахъ изъ сосновыхъ досокъ. Въ случаѣ пожара — архиву неминуемо грозитъ гибель, такъ какъ всѣ архивныя дѣла и документы лежатъ частію въ скомканномъ, а частію — въ разбросанномъ видѣ. Поэтому самому нѣтъ возможности приступить къ осмотру и изученію Брестскаго архива въ настоящемъ его видѣ. Груды старыхъ „шпаргаловъ" покрыты толстыми слоями пыли и издаютъ тяжелый, затхлый и удушливый запахъ.

Нынѣшній архиваріусъ, трудолюбивый старичекъ, служитъ уже около 40 лѣтъ, но съ архивомъ не знакомъ, такъ какъ несетъ свои прямыя, и безъ того сложныя обязанности. Въ 1866 году составлена была „архивная опись Брестской городской думы книгамъ, нарядамъ и прочаго“. Но эта опись, составляющая особую переплетеную книгу, никѣмъ не скрѣплена, не прошнурована и даже не пронумерована. Развертываю первую страницу ея и вижу слѣдующую приписку: „1876 года, іюня 18 дня планъ городскимъ землямъ, составленный въ 1832 году, и инвентарь геометрическій къ онымъ припялъ на руки для составленія новыхъ и повѣрки, въ чемъ росписался землемѣръ А. Гирошъ“.

Далѣе слѣдуютъ „инвентарныя описанія“: 1) плацамъ стараго города Бреста, отошедшимъ подъ крѣпость 1829 года, 2) городскимъ землямъ 1829 года, 3) плацамъ и огородамъ въ г. Брестѣ, отошедшимъ подъ крѣпость 1832 года, 4) городскимъ землямъ 1832 года, 5) выписка изъ инвентарнаго описанія городскимъ землямъ 6) имѣнія Козловичи, принадлежащаго г. Бресту, 7) тоже, 8) фальварочнымъ строеніямъ 1842 года и 9) фальварочнымъ строеніямъ и угодіямъ 23 іюля 1855 года.

Затѣмъ слѣдуютъ планы города Бреста (стараго и новаго) и городскихъ владѣній — съ 1772 (т.-е. съ перваго раздѣла Польши) по 1839 годъ. Не всѣ планы сохранились въ цѣлости и неповрежденности. Вотъ, напр., планъ подъ № 2-мъ 1772 года: Здѣсь на первомъ мѣстѣ красуется „Iuryzdyka Metropolitanska do Tryszina“. Тришинъ, какъ извѣстно, съ самыхъ древнихъ временъ былъ резиденціей Брестскихъ епископовъ. Рядомъ съ этой юрисдикой, по лѣвую сторону, показанъ на планѣ кирпичный заводъ „ІІ. XX Iezuitow“... Еще далѣе на лѣво „Iuryzdyka Farna“, а за нею — Popław (т.-е. лугъ) Skibiszowski тѣхъ же „ІІ. XX. Iezuitow“.. Все это опоясано р. Мухавцемъ. Затѣмъ съ С. З. нарисованы 7 домовъ въ урочищѣ „Bocianowczyzna XX. Trynitarzow“, а на востокъ — „Wies Topolow“ съ лугами и обширнымъ ольховымъ гаемъ, т.-е. рощей...

Не могу обойти молчаніемъ невнесенный въ опись и случайно мною найденный, чрезвычайно интересный кусокъ плана, составленнаго въ 1722 г. Сохранилась только южная сторона во всю длину. Это — планъ, соединенный съ рисунками: вотъ барскій домъ „двора (т.-е. имѣнія) Козловичъ“ съ мезонинами и высоко выведеннымъ фронтономъ; крыша выкрашена въ красный цвѣтъ; по краямъ крыши флюгера и окна въ щитахъ и съ лицевой стороны на изгибахъ крыши; вмѣсто балкона тоже мезонинъ, ровняющейся съ гребнемъ крыши. Далѣе на В. видимъ на этомъ планѣ извилисто раскинутый „Gosciniec z Terebunia do Brzescia“. Почти параллельно ему идетъ „Gosciniez z Klenik do Brzescia“. Еще далѣе къ В. раскинутъ громадный садъ: множество деревъ словно живыя стоятъ передъ вами на планѣ; внизу нарисованъ фасадъ обширнаго каменнаго дома и при немъ надпись: „Folwark Szpitalny“. Не это ли тотъ самый „шпиталь“, который упоминается мною въ очеркѣ „о церквахъ Брестской капитулы?“... По-одаль утопаетъ въ земли нѣсколько красивыхъ домовъ, и на нихъ виднѣется надпись „Dombrowka“.

Болѣе другихъ описываемыхъ мною городскихъ плановъ уцѣлѣлъ „Plan miasta Brzescia Litewskiego 1829 r. sporządzony“, хорошо сохранившійся съ про-

стою подклейкою изъ сѣраго коленкора. На этомъ планѣ довольно отчетливо показаны всѣ улицы и окрестности стараго города. Планъ этотъ составляетъ собственно копію оригинальнаго плана подъ вышеозначенною датою; снимокъ съ него сдѣланъ въ 1851 году по распоряженію генералъ-лейтенанта Бартоломея. На С. З., словно Исландія на географическихъ картахъ, виднѣется пустынный кусокъ земли и на немъ внушительная надпись „Ostrog"... Затѣмъ тянется длинная полоса земли, орошаемая заливомъ рѣки Муховца. Это предмѣстье стараго города „Piaski" т.-е. Пески. Еще выше, къ сѣверу, видимъ цѣлый рядъ острововъ съ характерной польской терминологіей „Kępa". На одной изъ такихъ „кенпъ"—„Jatki" (т.-е. мясные ряды). Еще больше на право „Kępa, na której Łaźnia". Воды рѣки Мухавца сливаются къ С. В. съ рѣчкою (едва ли нынѣ извѣстною!) „Uhrynka", за которую снова другое уже предмѣстье стараго города — „улица Кобринская"...

А вотъ и самый городъ, наше старое „Берестье"! Городъ громадный и обширный! Любо взглянуть на планъ: цѣлый рядъ улицъ, домовъ, монастырей, храмовъ и т. д. Какая живая картина! Она наглядно рисуетъ намъ разноплеменную сплоченность городскихъ жителей, районы ихъ владѣній — съ особою даже „Жидовскою" улицею...

Заканчивая настоящее сообщеніе объ архивахъ Жировицкомъ, Брестскомъ и др., я далекъ отъ мысли, что исчерпалъ всѣ данныя къ уясненію вопроса о значеніи нашихъ провинціальныхъ архивовъ для исторіи западно-русскаго края.

Въ 1773 году произведена была Брестскимъ старостою княземъ Дмитріемъ Сапѣгою генеральная ревизія, подарившая намъ на память толстую и объемистую (переплетенную въ кожу) книгу, въ которой подробно описано имущество г. Бреста со всѣми городскими плацами, домами, улицами, мостами, юрисдиками и т. д. Книга эта найдена мною въ Брестскомъ городскомъ архивѣ. Разсмотрѣніе одной только этой книги, имѣющей всѣ свойства и признаки неопровержимаго документа, могло бы служить достаточнымъ мѣриломъ того, какое важное значеніе имѣютъ для насъ наши архивы, даже въ ихъ настоящемъ-разоренномъ и безпорядочномъ видѣ. Но перечисленіе однихъ только заголовковъ сей книги значительно расширило бы мой бѣглый очеркъ и скромную цѣль — дать толчекъ замершему вопросу, какъ бы погрузившемуся въ тину забвенія... Я желалъ только напомнить о томъ, о чемъ мы не должны бы забывать...

Городъ Брестъ-Литовскъ и его древніе храмы.

Священника о. Льва Паевскаго.

Городъ Брестъ-Литовскъ — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россійской Имперіи, основаніе коего приписывается надбужнымъ славянамъ.

Онъ раскинутъ при устьѣ судоходной рѣки Мухавца, двумя рукавами впадающей въ Западный Бугъ, и служилъ съ незапамятныхъ временъ мѣстомъ сообщенія и сближенія бужанъ, древлянъ, лучанъ и дреговичей на рубежѣ ихъ владѣній съ сосѣдними имъ народами: мазовшанами, жившими за рѣкою Вислою, и на сѣверѣ оттуда обитавшими ятвягами и литовскими племенами. Мухавецъ, Припеть и другія рѣки составляли издревле ближайшій путь сообщенія между народами: русскимъ и польскимъ — востокомъ и западомъ. Польскій историкъ Длугошъ по справедливости называетъ Берестье „пристанью и воротами въ литовскія и русскія земли"...

Начало Бреста относятъ къ отдаленнымъ языческимъ временамъ. Преданіе говоритъ, что какой-то иностранный гость (купецъ) не могъ пробраться съ товарами чрезъ вязкія болота, здѣсь находящіяся; онъ срубилъ плотину изъ березовыхъ деревьевъ, завалилъ болото берестою или берестью и проложилъ себѣ такимъ образомъ шляховую (торную) дорогу. На этомъ мѣстѣ онъ построилъ капище, а самое мѣсто назвалъ „Берестьемъ". Сбывъ товары, онъ воротился сюда съ семействомъ и слугами и поселился здѣсь, имѣя, вѣроятно, какой-нибудь промышленный расчетъ. Мало-по-малу это поселеніе разросталось и, наконецъ, обратилось въ городъ.

По другимъ даннымъ, завязшій купецъ по происхожденію былъ „казакъ". Проѣзжая мимо Бреста, онъ завязъ въ болотистой рѣкѣ Мухавцѣ и только тогда освободился изъ бѣды, когда далъ обѣтъ, продавши товары, построить въ г. Берестьѣ церковь во имя св. Николая. Покончивши благополучно свои торговыя дѣла, обѣтъ свой онъ исполнилъ и построилъ въ г. Берестьѣ громадныхъ размѣровъ храмъ во имя св. Николая, возведенный впослѣдствіи на степень каѳедры брестскаго епископа.

По историческимъ даннымъ, г. Брестъ-Литовскъ, подъ именемъ „Берестье", съ 1015 года входилъ въ составъ Туровскаго княжества. Въ 1016 году въ первый разъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о г. Брестѣ. Надъ Бугомъ произошла кровопролитная битва князя Ярослава съ Болеславомъ Храбрымъ, который, послѣ бѣгства изъ Кіева, захватилъ Червенскіе города. Туда же бѣжалъ Святополкъ Окаянный. Великій князь Ярославъ I выступилъ въ походъ къ Берестью противъ туров-

скаго князя Святополка и короля польскаго Болеслава. Въ 1019 году, послѣ побѣды, одержанной Ярославомъ надъ печенѣгами на берегахъ Альты, изнемогающій Святополкъ принесенъ былъ въ Берестье. Въ лѣтописи 1019 года о немъ говорится: „принесоша его на носилѣхъ къ Берестью"...

Въ 1020 году Берестье захвачено было королемъ польскимъ Болеславомъ Храбрымъ, а въ 1022 году Ярославъ опять воевалъ подъ Берестьемъ. Въ 1040-хъ годахъ Берестье снова возвращено было княземъ Ярославомъ Русской землѣ, и съ той поры этотъ древній городъ состоялъ подъ русскимъ владычествомъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи" упоминаетъ также о походахъ къ Берестью. Въ 1141 году Берестье отдано было великимъ княземъ Всеволодомъ его шурьямъ: Святополку и Владиміру Мстиславовичу. Затѣмъ до 1207 года Берестьемъ владѣлъ князь Романъ Мстиславовичъ, котораго очень любили берестьяне, и съ той поры становится достояніемъ Романовичей, а затѣмъ входитъ въ составъ владѣній князей галицкихъ при князѣ Даніилѣ Романовичѣ, скончавшемся въ 1264 году.

Въ 1241 году монголы разорили Брестъ, и князь Даніилъ, возвратившись за удаленіемъ Батыя изъ Польши, не могъ отъ страха въѣхать ни въ Брестъ, ни во Владиміръ, наполненные трупами, и рѣшился жить въ Холмѣ, имъ же основанномъ. Къ этому же времени относится основаніе въ 1276 году Каменца-Литовскаго, обнесеніе его крѣпкими деревянными стѣнами и постройка въ немъ донынѣ сохранившейся прекрасной и высокой башни; все это было сдѣлано по волѣ и распоряженію княжившаго въ Перемышльской области Владиміра Васильевича.

Въ 1319 году великій князь литовскій Гедиминъ овладѣлъ Берестьемъ; затѣмъ Берестье становится удѣломъ князя Кестутія Гедиминовича. Съ той поры Берестье входитъ въ составъ Литвы и дѣлается извѣстнымъ подъ именемъ Берестья Литовскаго.

Въ концѣ XIV вѣка нѣмецкіе рыцари разграбили и сожгли Брестъ; уцѣлѣлъ только замокъ. Во время смутъ въ Литвѣ въ правленіе Ягайлы, Брестскій замокъ былъ прибѣжищемъ литовскихъ князей. Кестутій, Витовтъ и мать его Бирута жили въ Брестѣ. Послѣ смерти Бируты, Витовтъ, сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ, далъ обширныя владѣнія около Бреста женѣ своей Аннѣ, дочери смоленскаго князя Святослава. Берестяне долго помнили свою добрую русскую православную княгиню, которой давали съ дыма по куницѣ, а въ кухню „по курети и по 10 яецъ и по полъ гроша"...

У польскаго историка Нарбута („Исторія Литвы") находимъ указаніе о пожертвованіи великою княгинею Маріею (первою женою Витовта) въ пользу брестскаго костела св. Креста. Запись эта невѣрна. Здѣсь нужно разумѣть не костелъ, а Крестовоздвиженскую замковую церковь. Въ Галиціи и въ настоящее время есть болѣе 100 церквей въ честь Животворящаго Креста Господня. Если же гдѣ и попадаются костелы св. Креста, то исторія ихъ показываетъ намъ, что они обращены въ костелы изъ православныхъ церквей.

Въ 1392 году Брестъ получилъ отъ Витовта Магдебургское право. Въ жалованной грамотѣ упоминается о существованіи здѣсь православія и русской церкви св. Николая.

Въ 1436 году въ Брестѣ былъ заключенъ мирный договоръ между Польшею и Тевтонскнмъ орденомъ.

Въ 1463 году въ Брестѣ былъ духовный соборъ. Въ этомъ же году татары, предводимые сыновьями Менгли-Гирея, въ числѣ другихъ городовъ, выжгли и Брестъ; уцѣлѣлъ снова одинъ только за́мокъ.

По сказаніямъ польсихъ историковъ, въ 1515 году въ Брестѣ жилъ нѣкоторое время польскій король Сигизмундъ I.

Еще въ 1511 году здѣсь было учреждено староство, и съ того времени въ Брестѣ стали собираться сеймы.

Въ 1544 году на сеймѣ, въ присутствіи Сигизмунда, положено было отдать великое княжество въ управленіе сыну его Сигизмунду Августу. Около сего времени учрежденъ былъ въ Брестѣ Государственный банкъ для обмѣна старыхъ польскихъ и литовскихъ монетъ.

Въ 1566 году въ Брестѣ на сеймѣ произошло совѣщаніе о соединеніи Литвы съ Польшею, а въ 1569 году въ Брестѣ учреждено воеводство, обнимавшее уѣзды: Берестейскій, Кобринскій и Пружанскій (нынѣшней Гродненской губерніи), Пинскій (Минской губ.) и Бѣльскій уѣздъ (составляющій нынѣ восточную половину Сѣдлецкой губерніи). Самый Брестъ сталъ резиденціею Радивилловъ, которые преемственно были берестейскими старостами. Николай Радивиллъ (Черный) ввелъ кальвинизмъ и устроилъ въ Брестѣ типографію, въ которой еще въ 1563 году напечатана была на польскомъ языкѣ библія, стоившая ему 10,000 червонцевъ!

Въ 1590, 1594 и 1596 годахъ въ Брестѣ были соборы русскаго духовенства, вслѣдствіе коихъ утверждены въ Литвѣ двѣ церкви: благочестивая (несоединенная) и уніатская (соединенная). Самая унія объявлена была на соборѣ 9 октября 1596 года.

Съ 1609 года въ Брестѣ появляются іезуиты, основавшіе здѣсь свои коллегіи и открывшіе свои школы.

Въ 1650 году казацкія войска отдавшагося подъ покровительство Россіи гетмана Украйны Хмѣльницкаго, вслѣдствіе 16 ихъ съ поляками сраженій, въ числѣ другихъ городовъ, овладѣли Брестомъ.

Въ 1651 году подъ самымъ Брестомъ произошло памятное въ хроникахъ военныхъ 20-е сраженіе, въ коемъ гетманъ Хмѣльницкій, съ помощію татаръ, разбилъ короля Яна Казиміра, выступившаго со всѣмъ войскомъ Рѣчи Посполитой, въ числѣ 30,000 человѣкъ.

Въ 1705 году Брестъ временно занятъ былъ саксонскими войсками. Вѣроятно, къ этому именно періоду времени относится упоминаемое въ исторіи разграбленіе Бреста въ теченіи 10 дней венгерцами и шведами.

Въ 1706 году Брестъ разоренъ былъ королемъ шведскимъ Карломъ XII. Старое „Берестье“ видѣло у себя тогда русскаго императора Петра I.

Въ 1792 году Брестъ былъ занятъ русскими войсками.

Въ 1794 году, во время второй польской войны, генералъ графъ Суворовъ Рымникскій, 8 сентября разбилъ при Брестѣ-Литовскомъ сильный польскій корпусъ подъ начальствомъ генераловъ: Сѣраковскаго, Красинскаго и Понятовскаго, пере-

шедши чрезъ рѣку Бугъ въ бродъ. Суворовъ обезсилилъ поляковъ и въ нравственномъ отношеніи тѣмъ, что побѣдилъ ихъ въ Брестѣ, именно въ мѣстѣ рожденія главнаго ихъ предводителя Костюшки.

При третьемъ (въ 1795 году) раздѣлѣ Польши, Берестейское воеводство досталось Россіи, и въ 1796 году Брестъ назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ Слонимской губерніи, въ 1797 году вошелъ въ составъ Литовской, а въ 1801 году — Гродненской губерніи. Часть воеводства (за Бугомъ — г. Бѣла съ уѣздомъ) отошла къ Австріи и съ 1807 до 1814 года входила въ составъ Варшавскаго княжества, а за тѣмъ отошла къ Сѣдлецкой губерніи.

Въ г. Брестѣ встарину былъ такъ-называемый королевскій садъ. Здѣсь имѣли пребываніе воевода, каштелянъ и староста...

Съ начала сего столѣтія уже начинается цѣлый рядъ проектовъ устроить въ Брестѣ крѣпость. Устройстто крѣпости, какъ извѣстно, послужило причиною и поводомъ къ реорганизаціи города и затѣмъ, по стратегическимъ соображеніямъ, Брестъ старый совсѣмъ былъ снесенъ.

Въ 1802 году, отъ сильнаго пожара, въ старомъ Брестѣ сгорѣло 160 домовъ. Вѣроятно тогда же погибло въ пламени не мало и церквей православныхъ, совращенныхъ было въ унію.

Въ ночь съ 27 на 28 іюня 1828 года снова былъ въ Брестѣ страшный пожаръ, отъ котораго сгорѣло 220 строеній, въ томъ числѣ: греко-уніатская церковь, монастырь монахинь „бригитокъ", 150 лавокъ и 5 еврейскихъ школъ.

Пожаромъ съ 25 на 26 февраля 1847 года истребленъ былъ весь гостинный дворъ...

Въ маѣ 1833 года прибылъ въ Брестъ генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій. Въ день 6 іюня, назначенный для открытія работъ, въ присутствіи духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, уѣзднаго предводителя дворянства и городскаго головы, отслуженъ былъ молебенъ и начата выемка рвовъ для насыпки главнаго крѣпостнаго вала.

Монастыри — базиліанскій и августіанскій — заняты были гарнизонами. Въ слѣдующемъ году приспособлены были къ той же цѣли тринитарскій и бернадинскій монастыри, а 7 октября 1835 года посѣтилъ крѣпость Государь Императоръ Николай Павловичъ.

Въ ночь съ 31 мая на 1 іюня 1835 года былъ снова пожаръ, отъ котораго на цитадельномъ островѣ сгорѣло 156 домовъ частныхъ и базиліанскій монастырь, гдѣ помѣщался тогда военный госпиталь.

Въ томъ же году воспрещено было возведеніе частныхъ домовъ внутри крѣпости.

Въ 1836 году б. іезуитскій монастырь приспособленъ былъ для квартиры Государя Императора и комендантскаго управленія, а на постройку въ форштадтахъ домовъ Высочайше отпущено было въ ссуду бѣднѣйшимъ жителямъ 150.000 рублей. Пострадавшимъ отъ пожара выдано было особо и притомъ безвозвратно 70.000 рублей.

Государь Императоръ неоднократно посѣщалъ крѣпость, а именно: 15 августа 1840 года, 16 сентября 1843 года, 16 мая 1845 года, 10 мая 1850 года, 7 и 8 сентября 1851 года, 7 и 8 сентября 1853 года.

По Высочайшему повелѣнію, 1 января 1843 года выселены были изъ крѣпости на форштадтъ жители евреи, при чемъ дома ихъ снесены къ 1 января 1844 года, равно выселены къ этому сроку владѣльцы каменныхъ домовъ, а къ 1 января 1845 года выселены на форштадтъ жители христіане.

Въ 1845 году 33 обывательскихъ каменныхъ дома, находившихся въ цитадели, оцѣнены особою коммиссіею и сломаны къ 1 января 1845 года.

Съ этого времени началось систематическое возведеніе разныхъ укрѣпленій, фортовъ и бастіоновъ въ старомъ Брестѣ и постройка новаго Бреста.

На старомъ Брестѣ уцѣлѣли лишь кладбища, обращенныя нынѣ въ земляные валы и огороды, а новый Брестъ является предъ нашими очами пунктомъ, заселеннымъ по преимуществу евреями, свившими здѣсь себѣ уютное гнѣздо у преддверія нашей окраинной твердыни — нѣкогда славнаго и достопамятнаго въ исторіи стараго славяно-русскаго города „Берестья", до сихъ поръ сохранившаго это типичное названіе въ устахъ простаго нашего западно-русскаго народа.

Переходимъ теперь къ описанію древнихъ храмовъ стариннаго Берестья. Но предварительно приведемъ здѣсь коротенькую исторію распространенія христіанства въ нашей западно-русской землѣ.

Христіанство проникло въ Берестейскую область, вѣроятно, еще со временъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Они высылали проповѣдниковъ въ наши страны. Впослѣдствіи насажденное ими греко-восточное исповѣданіе истреблялось по мѣстамъ латинскими миссіонерами. Этой жалкой участи подверглась и сосѣдка надбужной земли, Польша. Отсюда, какъ извѣстно, славянскіе (т.-е. православные) епископы прогнаны еще въ исходѣ X вѣка, а по смерти Болеслава Храбраго въ 1025 году изгнаны были изъ предѣловъ Польши и православные иноки.

Несмотря на все это, въ Польшѣ и донынѣ встрѣчаются памятники существованія здѣсь православія съ самыхъ древнихъ временъ. Не такъ давно въ Радомской губерніи найдена польская монета съ славянскою надписью „Болеславъ", что вполнѣ согласуется съ новѣйшимъ открытіемъ извѣстнаго польскаго историка Мацѣевскаго, доказывающаго, что отецъ Болеслава Великаго, Мечиславъ I, первоначально крещенъ былъ по греческому обряду. Другой польскій историкъ Богушъ указываетъ на окраинный городъ Радомской губерніи — Опатовъ, какъ резиденцію епископа для русскихъ, жившихъ въ привислинскомъ краѣ. Еще въ 1261 году, при вторженіи монголовъ въ завислинскій край, въ древнемъ городѣ Судомирѣ (нынѣшнемъ Сандомирѣ, также Радомской губерніи) богослуженіе совершалось по православному обряду. Объ этомъ свидѣтельствуютъ наши русскія лѣтописи; объ этомъ упоминаетъ и польскій историкъ Длугошъ, описывая и самый храмъ, построенный изъ камня, въ византійскомъ стилѣ. Въ томъ же Сандомирѣ находится Доминиканскій монастырь св. Іакова, перестроенный изъ русской церкви, о чемъ говорятъ пять епископскихъ митръ, сдѣланныхъ изъ мѣди, на надгробныхъ камняхъ предъ алтаремъ, равно и колоколъ съ греческими надписями...

Если взглянемъ на другую, съ противоположной стороны, сосѣдку древняго Берестья — Волынскую землю, то невольно вспомнимъ продолжительное существованіе въ г. Владимірѣ Волынскомъ самостоятельной епископіи, учрежденной великимъ княземъ Владиміромъ въ 992 году. Вѣроятно, тогда принадлежала сюда и Берестейская земля. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что съ 992 по 1137 годъ существовалъ только одинъ епископъ въ этой странѣ. Въ XI вѣкѣ открыта была самостоятельная Туровская епархія. Волынскій князь Владиміръ (Философъ) построилъ въ Брестѣ церковь св. Петра. Въ 1296 году Берестье отошло къ Туровскому княжеству и здѣсь жилъ Туровскій епископъ. Впослѣдствіи является Брестская епархія, снова соединенная въ 1405 г. съ Владимірскою — съ городами: Владиміръ (Волынскій), Городно, Брестъ, Дорогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Суражъ, Кременецъ, Кобринъ, Брянскъ (Гродненской губ.), Боремель, Горобовецъ, Щебрешинъ (Люблинской губ.), Лопатикъ, Любомль, т.-е. уѣзды: Владимирскій, Ковельскій, Дубенскій, Кременецкій и почти вся Гродненская губернія. Но съ 1635 года сама Владимірская епархія лишилась своей самостоятельности и отошла къ сосѣдней Луцкой епархіи. Изъ фундушевой записки Льва Сапѣги на Виторожскую церковь (Сѣдлецкой губ.) видно, что уже въ 1605 году епископы Берестейскіе считались самостоятельными; изъ перечня же церквей, о которыхъ упоминается въ двухъ актовыхъ книгахъ Брестскаго гродскаго суда за 1676—1677 годы и за 1690 годъ видно, что нынѣшнія Гродненская и Сѣдлецкая губерніи (равно и часть Люблинской) входили въ составъ прежней самостоятельной Брестской епархіи (всего болѣе 150 приходскихъ церквей).

Само собою понятно, что нѣтъ возможности представить здѣсь описаніе всѣхъ этихъ церквей, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ — какъ и всѣ древніе брестскіе храмы — нынѣ не существуютъ... Воскресить былую русскую старину въ нашемъ краѣ, хотя бы даже одними только воспоминаніями, предметъ моихъ давнихъ желаній, и я включаю сюда мое изслѣдованіе о церквахъ Брестской капитулы въ началѣ второй половины XVIII вѣка, служившее мнѣ главнымъ и основнымъ матеріаломъ для сего доклада.

Привожу весьма интересныя данныя, заимствованныя мною изъ книги — подъ заглавіемъ: „Liber visitationum Ecclesiae Cathedralis et Ecclesiarum Capitularium Brestensium“ — за 1759 годъ, — найденной мною случайно въ одной изъ б. уніатскихъ церквей, какъ ненужный хламъ.

Книга эта состоитъ изъ 83 рукописныхъ листовъ (166 страницъ), переплетъ кожаный; писана на польскомъ языкѣ, на половину перемѣшанномъ латинскими, преимущественно юридическими терминами, такъ что самое чтеніе книги трудно, и безъ помощи словаря древняго актоваго языка въ западномъ краѣ не мыслимо. На первой страницѣ набросана тушью виньетка, внизу которой изображена Брестская каѳедральная св. Николаевская церковь, а вверху — съ распростертыми руками въ святительскомъ облаченіи и въ архіерейской митрѣ изображенъ „св. Николай“, парящій въ облакахъ, надъ которыми виднѣется „Всевидящее око“; подъ облаками же, какъ бы

надъ самою главою представленной на рисункѣ каѳедральной церкви, простирается свитокъ съ вышеприведенною надписью, поддерживаемою ангеломъ и замыкающеюся особымъ рисункомъ въ видѣ круга съ короною (митрою) на верху и по сторонамъ — крестомъ и жезломъ.

Такъ называемые визиты церквей (генеральныя и деканскія) — едва ли не самые подробные документы, на основаніи которыхъ безошибочно опредѣляются прошлыя судьбы и исторія церквей и приходовъ во времена уніи. Въ этихъ визитахъ подчасъ попадаются такія вещи, важность которыхъ не прозрѣли не только визитаторы, но и ихъ потомки. Послѣ введенія въ Западной Руси уніи, кто могъ подумать, что эта самая унія нѣкогда воскреситъ православіе — первоисточникъ религіозныхъ и нравственныхъ благъ русскаго народа, цѣлыя сотни лѣтъ изнывавшаго подъ игомъ полонизма и католицизма? А между тѣмъ, гордость вѣковъ попрана судьбами исторіи, не рѣдко допускающей въ своей жизни разительные контрасты сколько для назиданія человѣчества, столько же и для возвеличенія самой истины, принесенной на землю Сыномъ Божіимъ и свято сохранившейся въ единой каѳолической (т.-е. православной) Церкви, о которой Спаситель изрекъ: „Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей“...

Разсматриваемая книга содержитъ въ себѣ описаніе генеральныхъ визитъ, кромѣ св. Николаевской церкви при каѳедрѣ Брестскаго епископа, еще такъ называемыхъ капитульныхъ церквей въ г. Брестѣ-Литовскомъ. Визиты произведены были, по распоряженію епископа Владимирскаго и Брестскаго Филиппа Володковича, епископскимъ комиссаромъ или генеральнымъ визитаторомъ Александромъ Іодко — въ періодъ времени съ 16 января по 25 февраля 1759 года.

Къ церквамъ Брестской капитулы относятся: 1) Спасская (Спасо-Преображенская) церковь за р. Мухавцемъ, 2) Михаило-Архангельская на Пескахъ (na Piaskach Sytuowana), 3) св. Троицкая на Войтовой улицѣ, 4) Рождество-Богородичная въ с. Гершеновичахъ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Бреста), 5) Іоанно-Богословская въ с. Лобачевѣ и 6) Кресто-Воздвиженская за рѣкою Мухавцемъ — podle ulicy do Schizmatyckiej cerkwi idącej.

Описаніе каждой изъ этихъ церквей, равно и каѳедральной св. Николаевской церкви, представляетъ для нашего времени животрепещущій интересъ: а) изъ описанія брестскихъ церквей видно, что православіе въ половинѣ прошлаго слолѣтія если не процвѣтало въ прибужской странѣ, то все-таки и не было окончательно уничтожено, б) при всей ненависти уніатовъ къ схизмѣ (т.-е. православію) у самаго епископскаго трона, въ городѣ Брестѣ-Литовскомъ, существовала схизматицкая, т.-е. православная церковь, в) изъ того же описанія генеральныхъ визитъ усматриваемъ, что борьба за православіе сильно горѣла еще въ то время и по преимуществу держалась въ сердцахъ простаго народа, который, не взирая на всевластную панщизну, покушавшуюся закабалить его вѣру, языкъ и народность, все-таки твердо стоялъ въ своей вѣрѣ, мужественно перенося гоненія, преслѣдованія, побои, заточенія и даже самую смерть... Наконецъ, г) описаніе церквей Брестской капитулы даетъ ключъ не только къ уразумѣнію состоянія уніи и православія въ половинѣ

XVIII вѣка, но и къ пониманію тѣхъ мѣръ и средствъ, которыми первая (т.-е. унія) побѣждала второе (т.-е. православіе), не говоря уже о томъ, что вѣковѣчная древность господства и существованія православія въ городѣ Брестѣ-Литовскомъ засвидѣтельствована самимъ визитаторомъ, неистово, впрочемъ, относящимся ко всему православному, такъ что у визитаторовъ сплошь и рядомъ православіе величается схизмой, а православные, гнусно отвергнувшіе унію, „parszywe owieczki!!!"

Въ описаніи церквей визитаторомъ поставлены слѣдующіе отдѣлы: 1) Sanctissimum Sacramentum, 2) Olea sacra (т.-е. св. муро), 3) Altaria (алтарная часть), 4) Imagines (образа), 5) Sacristiae et apparatus Ecclesiae (ризница и церковныя облаченія), 6) Albae (подризники), 7) Argenteria (серебряныя вещи), 8) Caetera Sacra Suppellex (прочіе священные предметы, напр. плащаница, кресты, хоругви, подсвѣчники и т. д.), 9) Libri Ecclesiae (церковныя богослужебныя книги), 10) Ecclesia ipsa (т.-е. описаніе самой церкви или зданія ея), 11) Cmentarz (погостъ церковный), 12) Bona et prowentus Ecclesiae (имѣнія, т.-е. земельные надѣлы и доходы церковные), 13) Ministri Ecclesiae (церковно-служители) или Parochus (приходскій настоятель), diak i parochiani (прихожане), 14) Confraternitas (братство), 15) Gospitale cathedrae Brestensis, 16) Residentia Plebanalis и 17) заключительный отдѣлъ — decretum reformationis (опредѣленіе или указаніе обязательныхъ передѣлокъ и измѣненій какъ въ церкви, такъ и вообще въ приходской практикѣ). Кромѣ того, въ описаніи каѳедральной св. Николаевской церкви имѣется особый отдѣлъ подъ заглавіемъ: Patres Capitulares или Xęża Kapitulni Kathedry Brzeskiey Russkiey.

Само собою понятно, что въ составъ моего доклада войдутъ, по возможности, всѣ приведенные отдѣлы. Однихъ изъ нихъ я коснусь полностію, а другихъ, менѣе важныхъ, только мимоходомъ — насколько они соприкасаются съ давно намѣченною мною задачею отысканія слѣдовъ православія въ прибужной странѣ.

Приведенное мною въ началѣ сего доклада объясненіе стариннаго названія „Берестье" и основаніе здѣсь еще въ глубокую старину города освѣщается болѣе точными данными, находящимися въ визитаціонной книгѣ, изъ которой заимствую въ буквальномъ переводѣ слѣдующую коротенькую выпись: „Кто былъ фундаторомъ Брестской каѳедральной св. Николаевской церкви за древностію ея (ob vetustatem), узнать трудно. Старые люди, со словъ предковъ своихъ, передаютъ, что нѣкій купецъ (niejakiś kupiec), по происхожденію казакъ (natione kozak), проѣзжая мимо (obok) Бреста, завязъ (zagrzązł) въ рѣкѣ Мухавцѣ, изъ которой не иначе могъ освободиться, какъ только давши обѣтъ (votum) по благополучномъ возвращеніи (za szczęsliwym powrotem), продавши товары, построить въ этомъ городѣ Брестѣ церковь во имя св. Николая. И когда, послѣ такого рѣшенія, достигъ великаго счастья (doznał wielkiego szczęscia), возвратившись назадъ, обѣтъ свой исполнилъ и сію церковь построилъ (wystawił). Тѣ же люди разсказываютъ, что изображенія (portrety), которыя написаны на большомъ деревянномъ образѣ у ногъ Распятаго Спасителя, имѣютъ быть того же фундатора съ женою, сыномъ и дочерью, при чемъ, принимая во вниманіе (zważając) самую древность (antiquitatem) образа, это

можетъ казаться вѣроятнымъ (probabile); но подписи нѣтъ, равно и указанія (perconsequens), въ которомъ году построена и отъ кого въ каѳедру возведена (destynowana), — объ этомъ вовсе нельзя узнать (w całe powiedziec się nie można)".

Такимъ образомъ, Брестская каѳедральная св. Николаевская церковь, по свидѣтельству самого же визитатора, является едва ли не самымъ древнимъ и притомъ величественнымъ какъ по идеѣ, такъ и по грандіозности постройки, памятникомъ православія въ центрѣ прибужной страны, именно въ г. Брестѣ-Литовскомъ. Изслѣдовать, что сталось съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ родной намъ старины и какъ еще долго онъ просуществовалъ послѣ генеральной визиты, произведенной въ 1759 году, равно какая сила сокрушила его и на вѣки изгладила слѣды существованія его — дѣло, безъ сомнѣнія, стоющее серіознаго вниманія. Къ сожалѣнію, объ этомъ, кажется, еще никто и нигдѣ не обмолвился ни единымъ словечкомъ... Разумѣется, если преданіе о постройкѣ сей церкви восходитъ къ предкамъ и теряется въ памяти стариковъ, жившихъ въ половинѣ XVIII вѣка, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что св. Николаевская церковь въ г. Брестѣ построена была въ то время, когда еще и самаго зародыша уніи не было; ибо, съ другой стороны, извѣстно, что Брестъ — одинъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ. При этомъ, съ именемъ его крѣпко связываются всѣ главнѣйшія пути, по которымъ шла, развивалась, а въ концѣ концовъ пала и канула въ вѣчность, злосчастная унія. Вотъ почему и описаніе Брестской старины, по моему крайнему разумѣнію, одинаково интересно для всѣхъ насъ.

Прежде всего коснусь описанія каѳедральной св. Николаевской церкви въ гор. Брестѣ-Литовскомъ, въ порядкѣ вышеуказанныхъ отдѣловъ, а затѣмъ, съ возможною краткостію, представлю описаніе древнихъ церквей брестскихъ, при чемъ исключительно буду останавливаться на тѣхъ только фактахъ, лицахъ и предметахъ, которые воочію являются истинными свѣточами православія въ тяжелыя и бурныя времена уніи.

А. Брестская каѳедральная Св. Никольская церковь, въ которой провозглашена унія 1596 года.

Изъ обстоятельнаго заголовка, могущаго служить предисловіемъ къ подробному описанію сей церкви, видно, что генеральная визита Брестской каѳедры учинена была въ присутствіи Xx. Kapitulnych (in praesentiae Xx. kapitul.) по случаю смерти (post fata) Illmi Theophili Godebski, занимавшаго брестскую каѳедру и, разумѣется, пользовавшагося угодіями и землями (glebatae sedes), принадлежавшими сей церкви. Разсмотримъ же описаніе Брестской каѳедральной св. Николаевской церкви въ порядкѣ отдѣловъ, постановленныхъ самимъ визитаторомъ.

Въ отдѣлѣ sanctissimum sacramentum, кромѣ другихъ принадлежностей алтаря, показанъ антиминсъ, неотъемлемая святыня православныхъ церквей. Какъ извѣстно, безъ антиминса въ нашей православной церкви совершеніе Безкровной Жертвы не мыслимо.

Въ отдѣлѣ olea sacra показано, что св. муро обыкновенно освящалось въ каѳедральной церкви въ Великій четвергъ (w Wielki czwartek). Этотъ священный обычай и донынѣ неизмѣнно соблюдается въ храмахъ первопрестольныхъ градовъ — Кіева и Москвы, откуда св. муро разсылается по всѣмъ православнымъ церквамъ.

Въ отдѣлѣ altaria Брестская каѳедральная св. Николаевская церковь представляется нашему взору, по выраженію самаго визитатора, устроенною — według dyalektu russkiego, а именно: на первомъ планѣ стоитъ величественный образъ (въ алтарѣ, надо полагать — на горнемъ мѣстѣ) Деисусъ (Deisus, czyli majestat nazwany) de antiqua forma zrobiony partim złotem i srebrem malarskim akkomodowany. Въ первомъ ярусѣ иконостаса значится — antiquo more Carskie wrata w rużne figure wyrobione, złotem i srebrem malarskim akkomodowane. Въ первомъ ярусѣ иконостаса значатся — antiquo more Carskie wrata w rużne figure wyrobione, złotem i srebrem malarskim akkomodowane z szesciu hieroglifikami (таинственными изображеніями), to-iest: Annuntiationis B. Mariae et quatuor Ewangelist. И далѣе: te drzwi carskie są na czterech zawiasach żelaznych pobielanych, z zaszczerpką takowąż... Съ правой стороны царскихъ вратъ показанъ образъ Спасителя, а по лѣвой — Божіей Матери съ Предвѣчнымъ на рукахъ Младенцемъ, а за тѣмъ — сѣверныя и южныя врата и на нихъ изображенія св. Архангела Михаила и starozakonnego kapłana (т.-е. первосвященника Аарона или Мельхиседека). Въ слѣдующихъ двухъ ярусахъ иконостаса по срединѣ — образъ Христа Спасителя podług obrządku russkiego — Archierey nazywający się, alias Naywyzszy Kapłan (т.-е. Пастыреначальникъ) podług porządku (по чину) Melchisedeka; по сторонамъ — св. Пророки, а за тѣмъ и св. Апостолы и вверху krzyż drewniany.

Въ отдѣлѣ imagines визитаторъ дѣлаетъ слѣд. пространную отмѣтку: „Кромѣ поименованныхъ образовъ, найдено nullius usus (безъ всякаго употребленія) образовъ, писанныхъ на деревѣ (надо полагать — очень древнихъ, а потому и сильно обличавшихъ унію) съ изображеніями разныхъ святыхъ 16, а также 6 образовъ, тоже писанныхъ на деревѣ и годныхъ для выставки въ храмѣ (do exponowania), разныхъ святыхъ, а именно: Пресвятой Богородицы, св. Николая, Вознесенія Господа на небо и др. Кромѣ того — 7 образовъ, писанныхъ на холстѣ масляными красками, различной мѣры (in varia mensura), годныхъ къ употребленію и почитанію (zgodnych usui et cultui), а именно: св. Онуфрія пустынника, Сошествія Св. Духа на Апостоловъ, снова — Вознесенія Господня (въ длину 4 локтя, а въ ширину $2^1/_2$ локтя) и mocno już stary (разумѣется, не имѣющій ничего сроднаго съ уніею) S. Bazylego W.“ За тѣмъ „образъ св. Николая самой древней живописи (antiquissimae picturae), съ изображеніями въ различной формѣ (in varia figura) 16 чудесъ, совершенныхъ еще во время земной жизни сего святаго. На этомъ образѣ сребропозлащенная риза (sukienka). Вокругъ главы св. Николая (на иконѣ) обведенный сребропозлащенный вѣнецъ или, такъ называемое, сіяніе (cyrkul), на которомъ привѣсокъ (puklikow) серебряныхъ, вызолоченныхъ, съ 7 камнями драгоцѣнными, 12. Объ этой иконѣ св. Николая разсказываютъ (referunt)

Xx. kapitulni, что когда Kathedra Brzeska russka объята была пламенемъ во время пожара (gorzała), сей образъ, находясь въ огнѣ, остался неповрежденнымъ. Чудо это было явлено открыто (evidenter patet). Тотъ же образъ столь извѣстенъ особенными чудесами, которыхъ осязательно (skutecznie) дознавали и не перестаютъ дознавать или испытывать на себѣ люди, притекающіе къ помощи и заступничеству его. Но, по небреженію (per incuriam) xiężу kapitulnych, не записаны самыя чудеса и время совершенія ихъ, равно не отмѣчено: kto te ludzie? skąd tych łask swiętego doznawali? Одинъ экклесіархъ каѳедры брестской о. Іосифъ Шаталовичъ, подъ условіемъ клятвы или присяги (sub nexu juramenti) во время настоящей ревизіи коммиссарской, заявилъ, что крѣпко заболѣвши въ 1757 году и находясь 24 недѣли (около полугода) на смертномъ одрѣ, вовсе лишенный надежды (destitutus) къ продолженію жизни, когда въ печали своей съ полнымъ упованіемъ обратился за помощію къ чудотворному образу св. Николая, находящемуся въ брестской русской каѳедрѣ, сейчасъ же (natychmiast) началъ выздоравливать". Въ концѣ этого, какъ видимъ, интересснаго отдѣла визитаторъ пишетъ: „Говорю правду (vero), что изслѣдованіе (indagatio) о прочихъ милостяхъ и чудесахъ (de caeteris gratiis ac miraculis) св. Николая, за краткостію времени ревизіи (ob brevitatem temporis), пропущено (praetermissa). Но поручено (commissum), чтобы о. экклесіархъ, въ свободное время, собравши къ себѣ людей разсудительныхъ и заслуживающихъ вѣры, которые слышали и знаютъ о чудесахъ сего святаго, или сами дознали ихъ, распросилъ и показанія по долгу совѣсти записалъ въ особую книгу, нарочито для сей цѣли заведенную, съ обозначеніемъ и самѳй даты (времени совершенія чудесъ), равно, чтобы отмѣчалъ тѣ милости (łaski) святаго, которыя будутъ явлены впослѣдствіи (in post)".

Отдѣлъ sacristiae et apparatus ecclesiae интересенъ въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ богатую церковную старину „Брестской Русской Каѳедры". Будемъ, по возможности, держаться вездѣ буквальнаго текста самаго визитатора, хотя такого рода пріемы описанія во многомъ затруднительны. Визитаторъ такъ изображаетъ намъ каѳедральную ризницу: „Отдѣльной ризницы, сооруженной изъ камня или дерева, при брестской каѳедральной церкви нѣтъ, а только имѣются два шкафа: одинъ при стѣнѣ, а другой — въ самомъ murze (въ каменной стѣнѣ) сдѣланный. Эти шкафы — каждый съ двумя ящиками и внутренними замками — надлежаще осмотрѣны, при чемъ оказались на лицо слѣд. предметы..." Перечисленіе всей утвари церковной, привлекающей къ себѣ взоръ наблюдателя своимъ множествомъ и богатствомъ, заняло бы не мало мѣста и времени. Достаточно сказать, что каждая вещь изъ церковной утвари блещетъ добротою матеріала и изысканностію, если такъ можно выразиться, самаго вкуса древнихъ благотворителей нашихъ русскихъ храмовъ. Для примѣра представляю здѣсь нѣсколько выписокъ изъ визитаціонной книги: „риза (apparat) съ бархатнымъ оплечьемъ, затканная въ разные цвѣта шелкомъ и золотомъ na dnie różowym, подшита бѣлымъ сукномъ, съ такимъ же епитрахилемъ (stułą)... Apparat w złote i jedwabne różnego koloru kwiaty, na dnie różowym... Apparat atłasowy karmazynowy stary, z kołnierzem (оплечьемъ) hafto-

wanym (вышитымъ) Imie Jezus i oraz z literami haftowanemi russkiemi wyrażającemi, od kogo ten apparat iest sprawiony... Apparat w różne kwiatki wyszywany na dnie białym. Apparat na dnie zielonym — съ бѣлымъ оплечьемъ... Apparat atłasowy różowy... Apparat niebieskiego atłasu w kwiaty srebne z epetrachelem i zielonemi narękawnikami... Apparat biały — украшенный золотомъ и серебромъ... Apparat czerwony... Apparat żałobny — темно-фіолетовый... Apparat czarny morowy w kwiate czarne i srebne...“ и т. д. Тутъ же показана цѣлая серія apparatów, подаренныхъ епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ, Ѳеофиломъ Годебскимъ, при перемѣщеніи его на жительство изъ Владиміра-Волынскаго въ Брестъ-Литовскій. Все это — цѣнныя свящ. одежды изъ разныхъ дорогихъ матерій, нерѣдко турецкихъ и персидскихъ (какъ объ этомъ обстоятельно трактуетъ самъ визитаторъ), обшитыя золотымъ или серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того, въ этомъ же отдѣлѣ, подъ особою рубрикою, поименованы и тѣ свящ. одежды, которыя, по замѣчанію визитатора, служили брестской каѳедрѣ ab antiquo (т.-е. съ древнихъ временъ).

Въ отдѣлѣ albae встрѣчаемъ массу подризниковъ, сдѣланныхъ изъ холста простаго, ткацкаго, голландскаго и швабскаго, внизу обрамленныхъ, большею частію ручной работы, вышитыхъ цвѣтами и украшеніями, а также подризниковъ шелковыхъ и атласныхъ, внизу затканныхъ серебромъ и золотомъ. Тутъ же показана престольная одежда изъ разныхъ матерій съ цвѣтами; однѣхъ завѣсъ къ царскимъ вратамъ исчислено 17! И здѣсь пестритъ золото, серебро, бархатъ, шелкъ и т. д.

Отдѣлъ argenteria представляетъ множество священныхъ сосудовъ изъ чистаго серебра. Тутъ видимъ серебряные потиры и дискосы по преимуществу гданской работы, украшенные снаружи у постамента массивными цвѣтами, а внутри вызолоченные. Даже звѣздицы и копья не вывелись еще въ то время изъ употребленія: gwiazdeczek srebnych wyzłoconych 4... Srebnych kopijek niegdyś moskiewskich 2... Тутъ же показаны серебряные короны къ образамъ Спасителя, перлы и кораллы, а также и другія украшенія къ образамъ, равно и напрестольные кресты изъ чистаго серебра.

Въ отдѣлѣ caetera sacra suppellex на первомъ мѣстѣ записана płaszczenica, złotem i srebrem wyszywana na czerwonem aksamicie, miary wzdłóż dwóch łokci, stara... Затѣмъ — кресты, большею частію деревянные (живописные) и подсвѣчники, а также хоругви, братскіе цеховые значки... stołek do exponowania obrazu i ewangelii (тетраподъ)... Sztuk dużych, z tarcic wyrobionych, do Grobu Pańskiego (Христа Спасителя) w Wielki piątek służących 4... Очевидно, тогда не вывелся еще изъ употребленія древній православный обычай выноса плащаницы въ Великую пятницу, а не въ четвергъ, какъ впослѣдствіи видоизмѣнили уніаты... Кромѣ упомянутаго въ первомъ отдѣлѣ одного антиминса, въ этомъ отдѣлѣ показаны еще 2 Antiminsy, изъ чего явствуетъ, что Брестская каѳедральная церковь была трехпрестольная...

Переходимъ къ отдѣлу — Libri Ecclesiae. Здѣсь на первомъ планѣ поставлена Ewangelia russka edycyi Wileńskiey, w aksamit karmazynowy oprawiona,

съ серебряными нарожниками и изображеніями czterech Ewangelistów, а по срединѣ Spasytela... Затѣмъ — полный кругъ богослужебныхъ книгъ, какъ-то: Służebnik (большею частію виленской печати), Triodi trzy postnych, a dwie cwitnych (львовской печати), Xięga Tryfolog nazwana (тоже львовской печати), item Trifolog rozsypany (разбросанный, т.-е. изорванный) wielkiey reperacyi potrzebujący... Ksiąg (т.-е. книгъ) Oktoich nazwanych — iedna pisana, a druga drukowana in folio... Item Irmołoy in quarto pisany... Xięga Apostoł nazwana... Psałtyrz in quarto... Trebnik (львовской печати) in quarto... Xięga Akafist nazwana, edycyi Kijowskiey и т. д. Наконецъ — Pontyficał (Архіерейскій служебникъ), pisany in folio cum liturgia S. Chrisostomi (т.-е. св. Іоанна Златоустаго), перенесеніе мощей коего празднуется 26 января...

Представьте себѣ, что я читаю вамъ брестскую старину въ переводѣ на польскій языкъ, а вы слушаете мое чтеніе; ужели здѣсь, а особенно въ отдѣлѣ богослужебныхъ книгъ, о которыхъ визитаторъ сплошь и рядомъ дѣлаетъ замѣтки, что онѣ (книги) stare или potrzebują wielkiey reperacyi, можетъ родиться мысль о той уніи, какою она рисуется нашему воображенію на закатѣ ея существованія и въ годину ея самоумерщвленія?

B. Confraternitas Cathedrae Brestensis.

„Каѳедральное братство“, конечно, уніатское, въ Брестѣ (Bractwo Kathedry Brzeskiey Russkiey) существуетъ съ 9-го апрѣля 1704 года; учреждено Львомъ Слюбичъ-Заленскимъ, какъ это видно изъ слѣд. документа: „Левъ Слюбичъ-Заленскій, Божіею и Столицы Апостольской милостію, архіепископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси, епископъ Владимірскій и Брестскій, архимандритъ Кобринскій, Лавришевскій и Черниговскій, исполняя обѣтъ нашъ ко умноженію хвалы Божіей, которая распространялась бы въ церквахъ Его святыхъ съ наибольшею представительностію и благолѣпіемъ (apparencyą i ozdobą) и возгрѣвала бы благодатію св. Духа христіанскія стремленія (intencye) размножающихся owieczek w owczarni Chrystusowey, мы архипастырскою властію даемъ наше благословеніе братству, подъ титуломъ св. Николая, при нашей брестской каѳедрѣ Ritus Graeci и, стараясь о возвышеніи и прославленіи мѣстнаго патрона св. Николая, который od wieku wieków явилъ себя въ своемъ образѣ чудесами и милостями, горячо заповѣдую оному братству и поставляю ему на вѣчную память publicznym instrumentem, которымъ старались бы заохотить людей къ службѣ и хвалѣ Божіей. Поэтому, утверждая сіе братство, прошу Всемогущаго Бога, чтобы молитвами и заслугами св. Николая ниспослалъ съ неба свое благословеніе и удовлетвореніе нуждъ отечества нашего (oyczyzny naszey) и всего христіанства. Скрѣпляя братство своимъ благословеніемъ и, по власти намъ данной отъ Столицы Апостольской, дѣлая его участникомъ всѣхъ милостей и преимуществъ, которыми пользуются другія братства, для большей важности и цѣны подписываемъ и приказываемъ приложить печать въ Брестѣ, при каѳедрѣ нашей, 1704 г. 10 апрѣля. Подписано: Slubicz-Zalenskij, Archiepiskop Metrop. wszystkiey Rusi ręką swoią (L. S. т.-е. мѣсто печати)“.

На этомъ документѣ подписался еще Германъ Дробишевскій Zakonu S. Bazylego, Protoconsultor, Officiał generalny Dyecezyi Brzeskiey. Затѣмъ слѣдуютъ аппробаціи такъ называемыхъ successorów (преемниковъ) сего епископа. Вотъ эти аппробаціи: „Сію эрекцію Брестскаго каѳедральнаго братства во всѣхъ пунктахъ и прерогативахъ одобряемъ и утверждаемъ. Дано въ Тришинѣ 26 іюля 1718 года. Leon Kiszka Metropolita całey Rusi, Episkop Włodzimirski i Brzeski (М. П.). И далѣе: „Корнилій Лебецкій, епископъ Владимірскій и Брестскій“ (М. П.). И еще: „Привилей братства св. Николая во всѣхъ пунктахъ и заключеніяхъ (klausulis) утверждаю. Дано въ Брестѣ 29 мая 1732 года. Ѳеофилъ Годебскій“, (М. П.). За тѣмъ визитаторъ пишетъ: „А такъ какъ св. Николаевское братство при церкви брестской русской каѳедры, состоящее изъ братчиковъ и сестрицъ (utroque sexu), получило отъ своихъ фундаторовъ обязательство, выраженное въ отдѣльныхъ артикулахъ или уставахъ, содержащихся въ особой книгѣ (in folio), переплетенной въ кожу и во время ревизіи предъявленной, то поименованное братство имѣетъ свою скарбону или скринку (сундукъ), окованную желѣзомъ, съ внутреннимъ замкомъ и задвижкой къ наружному замку, съ двумя ключами. Подскарбіемъ или ключникомъ, какъ вообще говорится (ut vulgo dicit), сей скарбоны состоитъ Иванъ Чижевичъ, а старшимъ братчикомъ Сидоровичъ, который насчитываетъ въ братскихъ реестрахъ около 50 братчиковъ, которые, по мѣрѣ возможности, на хвалу Божію, т.-е. на освѣщеніе и иныя нужды церковныя, даютъ свои денежные взносы. Нѣкогда старшій братчикъ, строго придерживаясь устава, со всею точностью и бережливостью производилъ расходы изъ каѳедральныхъ братскихъ доходовъ, съ указаніемъ — сколько и на что израсходовалъ. А теперь сдѣлалось изнѣстнымъ, что старшій братчикъ Корнило Щербинка, въ теченіе 6 лѣтъ, не велъ никакого счета; на него братство заносило свои жалобы (во время ревизіи). Жалующееся братство отсылаю на рѣшеніе къ управляющему епископскою каѳедрою. Напоминаю, чтобы братство отдавало строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Для выслушанія отчета отъ нынѣшняго старшаго братчика и его собратій обязываю о. Діонисія Дуброво — настоятеля (superiora) Брестскаго базиліанскаго монастыря, передавая ему право провѣрки счетовъ (jus calculandi) и собиранія (compellendi) т.-е. созыванія или сбора всѣхъ братчиковъ, когда потребуетъ того самая необходимость. Братство сіе, кромѣ вышеописаннаго фундуша, никакихъ иныхъ привилеевъ и фундушей не имѣетъ. Оно домогается какихъ-то легацiйныхъ (по записямъ) земель, но доселѣ не имѣло на это никакихъ документовъ. Поэтому мы приказали (пишетъ визитаторъ), чтобы братчики о томъ, что слѣдуетъ братству, всѣми силами заботились, особенно, если имѣютъ для этого какіе-либо доводы“.

„При Брестской каѳедральной церкви имѣется и другое братство — сестеръ; но инціатива учрежденія его принадлежитъ не духовной власти, а доброй охотѣ служенія св. дѣлу. Увѣряютъ однако, что блаж. пам. Ѳеофилъ Годебскій, епископъ Владимірскій и Брестскій, словесно одобрилъ сіе братство и разрѣшилъ вести порядокъ, сообразно артикуламъ братскимъ, независимо (indepedenter) отъ мужскаго братства. Въ настоящее время состоятъ старшими сестрами сего братства, выбранныя по едино-

душному согласію (unanimis consensu) прочихъ сестеръ: Өеодора Кишченева и Хотынская, а ключницей — Анна Омелянова. Сестеръ всѣхъ числится около 60. Онѣ имѣютъ свою особую скарбону, въ которую складываютъ деньги, поступающія частію изъ кошельковаго сбора, а частью изъ взноса отъ каждой сестры по два битыхъ шестака ежегодно. Первоначально старшія сестры писали приходо-расходныя реестры и каждый годъ провѣряли денежные счеты; нынѣ же и реестровъ не пишутъ и годичной провѣрки не дѣлаютъ по той причинѣ, что между ними нѣтъ способнаго лица для веденія счетовъ и записей. Въ скарбонѣ своей нынѣ сестры не имѣютъ никакихъ денегъ, потому что всю наличную сумму израсходовали на покупку хоругви, о чемъ и доложили во время ревизіи, т.-е. показали по совѣсти (obtulerunt conscientia). Братству сему поручено ходатайствовать предъ епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ объ изысканіи фундуша и назначеніи особаго prowizora, т.-е. такого лица, которое могло бы вести порядокъ денежнаго счетоводства братскихъ суммъ“.

С. Госпиталь каѳедры Брестской.

Hospitale Kathedrae Brestensis.

„Госпиталь при церкви каѳедральной св.-Николаевской расположенъ съ одной стороны между каменною оградою іезуитовъ, а съ другой — окруженъ строеніями оо. базиліанъ брестскихъ, недалеко отъ помѣщенія епископскаго, предъ самою каѳедрою (faciem kathedry); первоначально построенъ былъ изъ дерева на грунтѣ мѣщанъ брестскихъ, по благочестивому ихъ желанію, для бѣдныхъ и, наконецъ, въ силу разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вліянія времени и ниспосланнымъ отъ Бога пожаромъ, разрушенъ былъ до основанія и обращенъ въ пепелъ. А чтобы не уничтожено было воспоминаніе объ этомъ святомъ дѣлѣ фундаторовъ сего госпиталя, блаж. пам. Ѳеофилъ Годебскій, епископъ Владимірскій и Брестскій, преслѣдуя цѣли благотворительности, выстроилъ на томъ же мѣстѣ, на свои собственныя деньги, новый госпиталь изъ тесаннаго дерева въ 1750 году и покрылъ его гонтами. Этотъ госпиталь состоитъ изъ новой избы съ тремя большими окнами и дверьми; въ избѣ печь изразцовая бѣлая, съ мурованымъ каминомъ и трубой, вымурованной въ сѣняхъ, въ которыхъ (сѣняхъ) также устроены двери — снаружи съ клямкою и задвижкою съ пробоемъ, а внутри съ деревянною закруткою; въ тѣхъ же сѣняхъ имѣется окошечко для свѣта; изъ тѣхъ же сѣней ведутъ двери въ небольшую комнату, въ которой имѣется печь мурованная и одно большое окно. Сія комнатка, находясь подъ одной крышей съ госпиталемъ, нѣкогда исключительно назначена была для священниковъ капитульныхъ, которые при исполненіи своихъ седмичныхъ каѳедральныхъ обязанностей, имѣли въ сей комнаткѣ свою резиденцію — съ выгодою для себя, такъ какъ отдалены были отъ своихъ (приходскихъ) домовъ. Теперь же въ этой комнатѣ, съ соизволенія управляющаго епископскою каѳедрою, помѣщается diak kathedralny, доброй христіанской нравственности и свои обязанности достаточно понимающій. Кѣмъ данъ фундушъ госпиталю — нельзя было найти никакого слѣда. Однако правдоподобно,

что брестскіе мѣщане, когда строили госпиталь, то и внесли въ свои магдебургскія книги фундушъ сего госпиталя; но, по причинѣ непорядка въ актахъ магдебургскихъ и по краткости времени (ревизіи), настоящаго доказательства нельзя было получить. Извѣстно только, что для убогихъ брестскаго каѳедральнаго госпиталя православные брестскіе монахи (cshizmatycy Brzescy Czerncy) даютъ ежегодно большой пластъ свиного сала (szrot słoniny) и большую фуру дровъ, na co pomienieni czerncy biorą kwit coroczny od Xx. kapitulnych. Съ какого времени это св. дѣло получило свое начало — достаточныхъ доказательствъ не имѣется. Въ этомъ госпиталѣ въ настоящее время помѣщаются четыре старушки: Кляра Козловская, Софія Носсовская, Варвара Шатановская и Анастасія Ильковская; онѣ различнаго вѣроисповѣданія, т.-е. и православные и уніатскіе (varii ritus) и приняты въ госпиталь по усмотрѣнію о. экклесіарха каѳедральнаго. Эти убогія женщины, кромѣ поименованнаго вспомоществованія отъ православныхъ (oprócz pomienionego opatrzenia schizmatyckiego), живутъ исключительно Промысломъ Божіимъ (opatrznoscią Boską)". Такимъ образомъ только православные давали съ своей стороны опредѣленное содержаніе на бѣдныхъ, а уніаты предоставляли своихъ на волю Божію!... „Кто бы вообще имѣлъ заботу и попеченіе о нищихъ — объ этомъ неизвѣстно. Достовѣрно однако, что отцомъ и покровителемъ (protectorem) сего дѣла долженъ быть епископъ Владимірскій и Брестскій, оказывая всякое стараніе и попеченіе — сколько для временныхъ, столько и для духовныхъ, непосредственно самъ или чрезъ другихъ лицъ, отъ него назначенныхъ. Утверждаютъ, но безъ основанія, что этому госпиталю принадлежала нѣкогда земля, лежащая за Троицкою церковію (za Troicką cerkwą) и присоединенная впослѣдствіи къ Тришину; каковою землею и пользуется Тришинскій епископскій дворъ. Убогіе рады бы оспаривать сіи земли (разумѣется судебнымъ порядкомъ), но не имѣютъ въ рукахъ своихъ никакихъ доказательствъ — въ видѣ документовъ; поэтому довольствуются Божіимъ о нихъ Промысломъ. Неизвѣстны и тѣ обязательства, которыя могли быть обозначены въ фундушѣ (т.-е. въ записи фундуша) госпиталя. А чтобы мысль первыхъ фундаторовъ не была забыта, устанавливаемъ (даетъ визитаторъ распоряженіе отъ себя) слѣдующія обязанности и повинности: 1) ни одна убогая не можетъ поступить въ госпиталь брестскій русскій каѳедральный безъ воли о. экклесіарха каѳедральнаго и, если бы пожелала жить въ этомъ госпиталѣ, должна предъявить на бумагѣ свидѣтельство (testimonium) — какого состоянія, происхожденія и вѣроисповѣданія, и по этой предварительной аттестаціи о. экклесіархъ имѣетъ принимать въ госпиталь убогихъ, однако съ предусмотрѣніемъ, чтобы не было принято больше положеннаго по причинѣ убожества самой благотворительности или отсутствія состоянія; 2) изъ общины убогихъ брестскаго каѳедральнаго госпиталя имѣетъ быть каждогодно избираема старшая (надсмотрщица) доброй жизни и нравственности, которая имѣла бы надзоръ за убогими, предостерегая ихъ, чтобы не допускали ничего противнаго хвалѣ Бога, христіанской жизни и добродѣтели, а если бы замѣтила на убогихъ что-либо непорядочное и оскорбляющее Бога, должна располагать ихъ къ исправленію; въ случаѣ же упорства доносить о. экклесіарху, который обязанъ примѣнить къ виновной наказаніе, соотвѣтствующее винѣ ея; въ случаѣ же неисправленія ея, совсѣмъ удалять изъ госпиталя; 3) никто другой не мо-

жетъ быть принятъ въ госпиталь, какъ только тѣ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни; 4) изъ убогихъ, кто бы ни былъ принятъ, мущины и женщины, должны заметать церковь и по порядку одинъ за другимъ находиться въ каѳедральной церкви до тѣхъ поръ, пока богослуженіе не окончится; изъ женщинъ, пребывающихъ въ госпиталѣ, каждая должна ежемѣсячно выстирать и починить церковное бѣлье и въ прочемъ услуживать, такъ что и самый пріемъ въ госпиталь долженъ обусловливаться преимущественно такими лицами, которыя способны къ услугамъ въ церкви; а чтобы не произошло какого-либо соблазна, о. экклесіархъ обязанъ назначить для каждаго пола особое мѣсто и жилище; 5) если бы Провидѣніе Божіе надѣлило кого-либо изъ убогихъ доходами, таковые старшая или старшій изъ убогихъ должны отбирать и присоединять къ общей массѣ (суммѣ) подъ условіемъ клятвы и этою милостію Божіею дѣлиться между собою въ ровной долѣ; 6) если бы кто-либо изъ убогихъ окончилъ свою временную жизнь, тогда все имущество его должно быть внесено въ особый реестръ и раздѣлено между убогими, а тѣло погребено... А если бы нашелся такой убогій, послѣ смерти котораго ничего не осталось, тогда по духу милосердія либо собрать, либо удѣлить на похороны лепту изъ своего убогаго имущества для заслугъ въ небѣ, памятуя слова Христа: „Какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будетъ отмѣрено“, т.-е. за все, что вы учинили для своего ближняго, Христосъ будетъ вамъ наградою; 7) для топлива убогіе должны по равной части складывать гроши и заботиться, чтобы все клонилось къ общей ихъ пользѣ; въ случаѣ же, если бы потребовалась какая-либо ремонтировка зданія госпиталя, убогіе должны заявить объ этомъ о. экклесіарху, а тотъ по совѣсти имѣетъ донести управляющему епископскою каѳедрою, который, по своей должности и сообразно мысли (ad mentem) Synodu Zamoyskiego, долженъ быть отцемъ бѣдныхъ; 8) община убогихъ, пребывающихъ въ госпиталѣ, должна поддерживать всякую чистоту и опрятность, какъ-то: заметать полъ, содержать въ чистотѣ стѣны и окна, чтобы не было на нихъ пыли и паутины и т. д., а также вѣрно служить больнымъ между собою — по милосердію къ ближнему“.

„Во время ревизіи брестскаго каѳедральнаго госпиталя оказалась между убогими Анастасія Ильковская, которая, имѣя мужа и дѣтей, не должна жить въ госпиталѣ; къ тому же, какъ извѣстно изъ показанія другихъ, она сварлива и производитъ раздоръ, а потому, въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, поручено о. экклесіарху удалить ее изъ госпиталя“.

D. Капитульные священники.

(Patres Capitulares).

„Xięża kapitulni kathedry Brzeskiey учреждены для выполненія назначенія каѳедры Ипатіемъ Поцѣемъ, митрополитомъ всея Руси, епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ, который, кромѣ принадлежащихъ имъ собственно (какъ приходскимъ настоятелямъ) земельныхъ угодій, находящихся въ самомъ городѣ Брестѣ и за городскими стѣнами, назначилъ ежегодную пенсію (жалованіе) какъ отъ себя непо-

средственно, такъ, въ будущемъ, и отъ своихъ преемниковъ, какъ это видно изъ документовъ данныхъ б. оо. капитульными владимірскими, а равно изъ документовъ, служащихъ непосредственно оо. капитульнымъ брестскимъ: а) изъ документа въ книгахъ гродскихъ холмскихъ о легацiйную (т.-е. по записямъ) сумму, утвержденную завѣщаніемъ епископа Владимірскаго и Брестскаго Іосифа Mokosey Bakowieckiego, пятьсотъ золотыхъ польскихъ, съ уплатою процентовъ каждогодно тридцать пять золотыхъ изъ доходовъ подъ залогъ имѣнія Пнево; документъ сей внесенъ въ актовую книгу 1608 года, за три дня предъ праздникомъ св. Маріи Магдалины. Выпись (копія) этого документа позаимствована изъ книгъ духовныхъ брестской капитулы 1681 года, мѣсяца ноября 3 дня. Копія сего документа находится въ рукахъ о. Іосифа Хорошевича, св.-спасскаго настоятеля и брестскаго каѳедральнаго викарія. Въ подлинномъ документѣ, предъявленномъ во время визитаціи, имѣется подпись руки о. Александра Сопоцкаго — Protopopa Brzeskiego; б) другой документъ, вписанный въ актовыя книги въ Люблинѣ, во время генеральныхъ трибунальскихъ коронныхъ судовъ, въ субботу предъ рождествомъ св. Іоанна Крестителя, въ 1670 году. Прочіе же документы, если какіе и имѣются въ рукахъ Xx. kapitulnych, держатся ими въ секретѣ (in abscondito). Самъ Господь Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ случилось, что эти документы не были намъ предъявлены, когда это требовалось по предварительному согласію заступающаго мѣсто епископа; но правдоподобнѣе, что одно невѣжество и небрежность произвели со стороны упорствующихъ непокорность; каковыхъ-то оо., какъ неповинующихся и упорствующихъ, отсылаемъ за ихъ гордый и высокомѣрный поступокъ къ управляющему епископскою каѳедрою, для наказанія, по личному его усмотрѣнію. А какіе и сколько оо. kapitulnych при брестской каѳедрѣ, серія ихъ представляется для памяти въ такомъ порядкѣ:

1) Іосифъ Шаталовичъ, св.-троицкій настоятель, каѳедральный экклесіархъ и генеральный прокуроръ (instigator); 2) Лука Грибовскій, св.-михайловскій настоятель; 3) Іосифъ Горошевичъ, св.-спасскій настоятель; 4) Николай Кишченя, кресто-воздвиженскій настоятель; 5) Петръ Бойицкій, лобачевскій настоятель; 6) Стефанъ Мироновичъ, гершеновицкій настоятель.

Эти самые оо. капитульные, кромѣ своей седмицы (при каѳедральной церкви), исполняютъ также свои приходскія обязанности, и какіе поступаютъ за сей трудъ приходскіе доходы, какъ-то: послѣ крещенія, послѣ брака и за похороны, на того (т.-е. въ пользу того приходскаго настоятеля) и поступаютъ. Седмичные же доходы, поступающіе со стороны въ пользу оо. kapitulnych ради какого-нибудь особеннаго обѣта или благочестія, кладутся въ общую кружку и, наконецъ, распредѣляются между всѣми оо. kapitulnymi.

„Эти же оо. kapitulni ведутъ только метрическія записи крещеныхъ, безъ всякаго надлежащаго порядка и формы (sine ullo debito ordine ac forma). Этотъ непорядокъ и нерадивая или безпечная лѣность оо. kapitulnych дошли до того, что они, чрезъ свое охлажденіе къ службѣ Божіей, вовсе не вписывали брачныхъ и погребальныхъ метрикъ. За это мы ихъ не одобрили (zganiliśmy) и приказали отселѣ завести и аккуратно записывать всѣ метрики крещеныхъ, брачущихся и умер-

шихъ подъ личною отвѣтственностью брестскаго каѳедральнаго экклесіарха, которому сіе препоручено“.

„Не замѣчено, чтобы кто-либо изъ прихожанъ каѳедральной церкви перешелъ на тотъ свѣтъ безъ должнаго религіознаго обряда христіанскаго; не слышно также, по милости Господа Бога, чтобы брестскіе каѳедральные прихожане учинили что-либо несогласное съ Закономъ Божіимъ и христіанскими обычаями, за исключеніемъ того, что z jurysdyki Xx. Trynitarzów (Jurysdyka — заселенная мѣстность, подлежащая особому какому-нибудь вѣдомству и особому суду, напр. юрисдика какого-нибудь епископства, юрисдика городская, юрисдика шляхетская, а въ данномъ случаѣ — юрисдика монашескаго ордена тринитаріевъ) по прозванію Ahafia Drugaczanka, будучи униткой, вышла за мужъ за схизматика Ивана Юркевича, жительствующаго на юрисдикѣ старостинской и принадлежащаго къ каѳедральной церкви, который, чрезъ свое иноземное отвращеніе (per suam exotikam aversionem) къ св. каѳолической вѣрѣ, сдѣлалъ съ нынѣшнею своею женою, Агаѳіею Другачанкою, то, что она исповѣдывается и на богослуженіяхъ бываетъ въ схизматицкой церкви, о чемъ вмѣнено въ обязанность о. экклесіарху документально навести справки и оффиціально донести“.

„Прихожанъ самыхъ хозяевъ считается при каѳедральной церкви 16“.

Е. Церковь (Ecclesia ipsa).

„Церковь каѳедральная брестская въ видѣ креста, каменная вся; не оштукатурена и вверху (cała murowana nie tynkowana i w górze), надъ окнами, замѣтно растрескавшаяся, крыша гонтовая, ветхая, на срединѣ крыши деревянный куполъ, верхушка котораго обита бѣлою жестью; на куполѣ желѣзный крестъ; съ боку, по правую сторону сей церкви, на каменномъ фундаментѣ, пристроено деревянное крыльцо (ganek) съ нѣсколькими ступенями, крѣпко попорчено; двери крыльца дубовыя, желѣзною жестью и желѣзными полосами окованы, съ внутреннимъ замкомъ, на трехъ длинныхъ желѣзныхъ петляхъ отпираются внутрь до rezydencyi murowanej sklepionej z ałkirżem także murowanym. Первое помѣщеніе служило жильемъ dla I. X. Surrogata, слѣдовательно — kiedy na sądy duchowne zjeżdżał, а второе служило ризницей. Теперь (во время ревизіи) въ этихъ помѣщеніяхъ ничего на найдено, только въ окнахъ желѣзныя рѣшетки, имѣющія въ длину и ширину по четыре прента. Двери ведущія въ scarbiec, czyli ałkierz, деревянныя, ветхи и попорчены. При двухъ окнахъ желѣзныя ставни. Подъ крыльцомъ, внизу, деревянныя двери въ погребъ, съ желѣзною задвижкою. Xx. kapitulni разсказываютъ, что и за алтаремъ (съ восточной стороны) нѣкогда было подобное же крыльцо, отъ котораго теперь осталась только одна подмуровка. Тутъ имѣются деревянныя двери do drugiego sklepu dobrze opatrzone. Предъ входными дверьми въ церковь имѣется притворъ (babiniec) съ двойными дверями. Двери, ведущія въ церковь изъ притвора, также створчаты, дубовыя, высокія, въ 4 локтя, окованныя жестью съ желѣзными ломосами (т. е. деревяннымъ шестомъ) запирающіяся. Въ церкви полъ кирпичный. Стѣны

церковныя внутри оштукатурены; но эта штукатурка отчасти по ветхости, отчасти вслѣдствіе порчи стѣны (особенно вверху) обваливалась. Кромѣ того, вслѣдствіе недосмотра, стѣны загрязнены пылью. Всѣхъ оконъ antiquae formae двѣнадцать. На погостѣ отдѣльно стоитъ колокольня bardzo mizerna, ledwie dwa małe dzwony strzymać mogąca, dla czego dzwon wielki, należycie okuty, stoi złożony w cerkwi. Wszystkich dzwonów liczy się 4.“

F. Кладбище (Coemeterium).

„Кто изъ епископовъ освящалъ кладбище, неизвѣстно, и объ этомъ ни откуда нельзя узнать. Неизвѣстно также, чтобы это св. мѣсто было осквернено какимъ-либо уголовнымъ преступленіемъ. Погостъ брестской каѳедры не имѣетъ даже своей ограды, но огороженъ чужими (lecz tylko cudzemi) заборами и хлѣвами (differencyami) домовъ и плацовъ. Отъ восточной, алтарной стороны, находится заборъ оо. базиліанъ и ихъ огородовъ, съ южной стороны — домики жителей, платящихъ чиншъ епископу брестскому; отъ самаго входа церковнаго, или съ западной стороны, стоитъ домикъ, огороженный епископомъ. По лѣвой же сторонѣ od dworku (съ сѣверной стороны) идетъ дорога, а за дорогой усадьба до воротъ монастыря базиліанскаго“.

G. Имѣнія и доходы.

Bona et proventus Ecclesiae Cathedralis.

Какія принадлежатъ каѳедрѣ брестской русской эрекціи, донаціи, записи..., всѣ относящіеся къ тому документы находятся въ архивѣ мѣстнаго епископа. Тамъ же и реестры расходовъ и доходовъ вмѣстѣ съ инвентаремъ движимаго имущества. Распорядителями епископскихъ имѣній, per jus collationis (то же, что jus patronatus) данныхъ, состоятъ сами епископы“.

H. Причтъ.

Ministri Ecclesiae Cathedralis Brestensis.

„Кромѣ слугъ братскихъ, другихъ причетниковъ при этой церкви нѣтъ, только одинъ дьячокъ (diak) по имени Филиппъ Витковскій, который помѣщается недалеко отъ церкви na jurysdyce biskupiej, чиншевомъ плацу, въ домѣ, построенномъ на церковный коштъ. Этому дьячку назначено было ab antiquo жалованіе (pensya) съ двора Тришинскаго, епископскаго. Впослѣдствіи, о. Духовскій, прокуроръ брестскій, вмѣсто жалованія, надалъ двѣ уволоки луговой земли въ Лебедевѣ, принадлежавшія передъ тѣмъ церкви Воскресенской, о каковой церкви сохранилась лишь память. Съ этихъ уволокъ уплачивается брестскому городу подушное золотыхъ польскихъ 4 и kwitowego

szostak bity. Самъ дьячокъ, кромѣ указаннаго, не имѣетъ другаго фундуша, а только пользуется случайными доходами, напр. podzwonne (за колокольный звонъ надъ усопшими), które całe na iego idzie, кромѣ того — отъ крестинъ, браковъ и похоронъ. Но эти доходы въ малолюдномъ приходѣ были очень незначительны. При этомъ ma sobie pozwolenie sprzedawanie ofiarek, alias drobnych swiczek woskowych. (Обращаемъ вниманіе, что и этотъ древній православный обычай сохранялся въ уніатскихъ церквахъ до конца XVII в. „На поименованныя двѣ уволоки, по фундушу принадлежащія Воскресенской церкви, былъ документъ отъ епископа Ѳеофила Годебскаго, данный вышепоименованному суррогату, и у него при пожарѣ сгорѣлъ".

Изъ представленнаго подробнаго описанія брестской каѳедральной св. Николаевской церкви въ порядкѣ отдѣловъ, находящихся въ визитаціонной книгѣ брестской каѳедры за 1759 годъ, видно, что Брестская унія, если такъ можно выразиться, еще только начинала жить тогда своею новою жизію; элементы, сродные православію, не вывелись изъ церковно-приходской практики нашихъ родичей прибужанъ, но шагъ за шагомъ сопутствуютъ имъ въ разумѣніи и усвоеніи древняго Ritus Graeci. Самая епископская каѳедра и при ней каѳедральная церковь вездѣ неразрывно связаны съ характернымъ эпитетомъ — „русская". Визитаторъ, какъ видно изъ тона и языка, составленнаго имъ описанія брестскихъ церквей, хотя получилъ латино-польское образованіе и воспитаніе, но, volens-nolens, не можетъ разстаться съ духомъ русскимъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Слово схизматикъ не значитъ у него — какъ нынѣ — русскій, москаль..., а составляетъ какъ бы синонимъ понятія, которымъ выражается общая мысль, что схизматикъ не уніатъ и, наоборотъ, уніатъ не схизматикъ... Стало быть, унія въ тогдашнія времена заключена была въ такія тѣсныя рамки, которыхъ въ настоящее время мы не можемъ представить себѣ даже въ своемъ воображеніи. У тѣхъ и другихъ (уніатовъ и православныхъ), въ существѣ дѣла, былъ одинъ и тотъ же языкъ, одна и та же вѣра, одно и тоже крещеніе и мѵропомазаніе, одни и тѣже праздники (разумѣется — одинъ и тотъ же старый календарь), однѣ и тѣ же богослужебныя книги, одни и тѣ же обычаи и обряды и т. д. Вся разница между тогдашней уніей и православіемъ состояла въ томъ, что православные строго держались праотеческихъ догматовъ и преданій вѣры, а уніаты уступили напору латино-польской силы, покорились ей, какъ кроткая овца безсознательно покоряется чужому пастырю и, во имя этой покорности, исказили русскую вѣру введеніемъ Filioque и признаніемъ папы... Даже органовъ, которыми поляки окончательно олатинили русскую церковь, мы не видимъ ни въ одной изъ брестскихъ церквей...

Перехожу къ исторіи сихъ церквей.

1) **Брестская замухавецкая** (за рѣкою Мухавцомъ) **Преображенская или Спасская церковь.**

Генеральная визита сей церкви учинена была 11 февраля 1759 года. Остановимъ свое вниманіе на отдѣлѣ imagines (иконы). Въ этомъ отдѣлѣ видимъ цѣлый

рядъ образовъ, которыми испоконъ вѣковъ украшались и украшаются наши православные храмы, а именно — образъ Spasytela, образъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Сыномъ на рукахъ, образъ Архангела Михаила, образъ св. Николая и т. д. И все это образа, по словамъ самаго визитатора, antiquissimae picturae (самой древней живописи)... Ломка православія на уніатскій ладъ тогда уже была въ силѣ, ибо визитаторъ собственноручно отмѣчаетъ 10 образовъ „Filipowskiey roboty (т.-е. московской), иронически оговариваясь, что эти образа (даже не поименовываетъ ихъ) сохраняются въ Спасской церкви nullius usus (безъ употребленія).

Въ отдѣлѣ apparatus ecclesiae, въ числѣ свящ. сосудовъ изъ чистаго серебра, упоминаются также серебряная gwiazdeczka (звѣздица) и даже ковшикъ для теплоты... Затѣмъ перечисляются аналогіи, напрестольные подсвѣчники, хоругви и т. д. Богослужебныхъ книгъ сравнительно показано немного, а именно: Служебникъ (Супрасльскаго изданія), Октоихъ или осмогласникъ, Требникъ — иначе agenda russka (т.-е- собраніе русскихъ молитвословій), Апостолъ и Евангеліе, требующіе починки... Въ отдѣлѣ suppelex intra ecclesiam показанъ отдѣльно żertownik (жертвенникъ) и печатная Proskomydya (т.-е. проскомидійный листъ) na dwóch arkuszach cum orationibus solitis (т.-е. съ обычными молитвословіями).

При сей церкви существовало и братство, состоявшее приблизительно изъ тридцати лицъ, которыя добровольно приняли на себя служеніе Богу безъ всякой аппробаціи и особыхъ фундушей, за исключеніемъ лишь того, что сами отъ себя ежегодно жертвовали по два шестака и общую складку обращали на освѣщеніе храма, а также на совершеніе литургіи за братство и на другія дѣла благочестія. Въ отдѣлѣ coemeterium (т.-е. церковный погостъ) сказано, между прочимъ, что погостъ сей церкви съ одной только стороны — od ulicy, do schizmatyków idącey, jest dylami, (т.-е. бревнами ими брусьями) oparkaniony...

Но самый интересный изъ всѣхъ отдѣловъ, какъ замухавецкой, такъ и другихъ брестскихъ церквей, это — отдѣлъ parochia et parochiani. Къ замухавецкой церкви, въ описываемый періодъ времени, причислены были слѣдующія деревни, ближайшія къ Бресту-Литовскому: а) деревня Скоки, владѣльца Нѣмцевича, б) деревня Скоки, владѣльца Рѣчицкаго, в) деревня Лебедево и г) предмѣстье Бреста, Замухавецъ (Zamuchawice nazwane). Всего 300 душъ прихожанъ, między ktoremi dusz w dyzunii będących liczy się blisko dwudziestu. Затѣмъ визитаторъ дѣлаетъ замѣтку, что всѣ прихожане замухавецкой церкви исполняютъ пасхальную (великопостную) исповѣдь и вообще за ними не замѣчается ничего такого, что противно было бы христіанскимъ обычаямъ. римско-католической религіи (religii katolickiey), кромѣ однихъ упорствующихъ (о которыхъ только что было сказано) schizmatykow. О настоятелѣ замуховецкой церкви, о. Іосифѣ Хорошевичѣ, визитаторъ даетъ самую лестную аттестацію, какъ о пастырѣ добромъ, примѣрномъ для народа и акуратномъ по службѣ — за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ старческихъ недуговъ.

Въ отдѣлѣ Bona et proventus ecclesiae видимъ, что надѣленіе Спасской замухавецкой церкви земельными фундушами восходитъ къ отдаленнымъ временамъ и, во всякомъ случаѣ, не позже половины XV вѣка — какъ въ этомъ удоствѣряютъ

позднѣйшіе, указанные визитаторомъ, документы. Ни въ документахъ, ни въ памяти народа, не сохранилось кто именно надѣлилъ сію церковь земельными фундушами; но визитаторъ съ вѣроятностію приписываетъ это доброе дѣло „если не польскимъ королямъ, то брестскимъ мѣщанамъ.“

Во время ревизіи за настоятелемъ сей церкви оставалось неприкосновеннымъ право пользованія двумя уволоками земли: усадебной, пахатной и сѣнокосной, большею частію раскинутыми по луцкому тракту. Тутъ же поименованы и подданные ludy jego (т.-е. настоятеля): Игнатъ Торговецъ, Иванъ Кушнеръ, Иванъ Торговецъ, Матѳей Швецъ и Грицъ Остапченя. Всѣ они имѣли sadyby (т.-е. усадьбы и огороды), тоже принадлежавшіе Спасской замуховецкой церкви. Къ сей же церкви принадлежали, въ силу дарственныхъ записей вотчинниковъ, луга въ особомъ фольваркѣ или фермѣ: dworżyscze nazwane na imie Syczenskoje w Dobratyczach (село Добратычи — б. уніатскій, а нынѣ православный приходъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, унаслѣдовавшій вмѣстѣ съ своими фундушами и поименованный фольварокъ Syczynskoje, въ давнія времена отнятый отъ настоятеля Спасской замухавецкой церкви). Тотъ же замухавецкій спасскій настоятель, по преемству отъ своихъ предшественниковъ, пользовался правомъ посессіи (т.-е. аренды) земли въ урочищѣ Грушовецъ, пространствомъ тоже двѣ уволоки. Но эту землю настоятель самъ не обработывалъ, а отдавалъ отъ себя въ аренду лебедевцамъ (Лебедево — деревня, причисленная нынѣ къ Добратычскому приходу).

Небезынтересенъ также и отдѣлъ residentia plebanalis. Въ этомъ отдѣлѣ ясно и точно обозначены визитаторомъ границы усадьбы Спасской замухавецкой церкви. Описаніе этихъ границъ, равно и жилаго дома съ хозяйственными постройками сей церкви, сдѣлано такъ обстоятельно и подробно, что, несмотря на несуществованіе уже и слѣдовъ ихъ, можно составить себѣ живое представленіе о брестской русской старинѣ. По описанію визитатора, домъ приходскій при Спасской замухавецкой церкви построенъ недавно, новый помѣстительный и довольно по тому времени комфортабельный, коштомъ самаго настоятеля, о. Іосифа Хорошевича, z drzewa ciesanego, na poludzień o kilka stają od ulicy, idąc do schizmatyków, wystawiony roku 1754, gontami dokryty, w którym izba biała z komorą, z piecem kaflowym zielonym, z podłogą, ławkami, szafami et caetera; затѣмъ: nowe sieni... Przy tych sieniach stoi stara piekarnia z komorką... z piecem z gliny bitym... Съ восточной стороны дома — погостъ церковный, съ западной — тоже часть погоста и часть приходскаго подворья съ житницей и конюшней въ длину до самаго dworka I. P. Grabowskiego. Про этотъ dworek старые люди разсказываютъ, что онъ построенъ на старомъ погостѣ сей церкви (стало быть — время постройки первой замухавецкой церкви теряется въ вѣкахъ, предшествовавшихъ XV столѣтію), благодаря незаконной, буквально „нехорошей“ арендѣ и захватамъ (per malam posessionem et usurpationem) съ обидою отеческимъ преданіямъ“... Тѣ же люди свидѣтельствуютъ, что когда копали землю на погребъ при этомъ домѣ, то даже находили остатки человѣческихъ головъ... Съ южной стороны дома, именно по направленію къ рѣкѣ Бугу, расположенъ былъ приходскій огородъ

по-надъ рѣкою Мухавцомъ, съ противоположной стороны замка aż do ogrodu xx. karmelitów, teraz mających się fundować, nadanego I. P. Kostiuszką".

Съ особеннымъ интересомъ читается и такъ называемый decretum reformationis. Въ этомъ заключительномъ отдѣлѣ сгруппированы личныя впечатлѣнія и личные взгляды визитатора на состояніе ревизуемаго имъ прихода. А по этимъ взглядамъ не трудно судить и о самыхъ мѣрахъ къ искорененію дизунитской секты — alias schizmy. Давши спасскому замухавецкому настоятелю, о. Хорошевичу, легкое напоминаніе, ażeby wystrzegał się częstego głowy zatrudnienia, zkąd nie exemplarnosć życia, визитаторъ сосредоточиваетъ все вниманіе и всю заботливость na parafianach jako swoich owieczkach, w iednosci z kosciołem Rzymskim zostających, poniewaź per contractus matriamonales dzieją się wierze swiętey krzywdy, kiedy mąż unit z niewiastą dizunitką et contra w obowiązki małżenskię wchodzą, dzieci swoich pro creanda utriusque sexu w dyzunickiey sekcie edukują i dizunitami alias schizmatykami, własnym dziatkom swoim z potępieniem (т.-е. погибелью) dusz ich i samych siebie zostawac pozwalają"...

Такимъ образомъ оказывается, что на сторонѣ незначительной во второй половинѣ XVIII вѣка въ Брестѣ горсти православныхъ была столь неодолимая нравственная сила, что отъ смѣшанныхъ браковъ дѣти крещены были и воспитывались въ православіи. Можно ли тоже сказать про смѣшанные браки русскихъ съ поляками нынѣшняго времени?

Указывая, что „къ водворенію уніи необходимо пользоваться всѣми полезными средствами (salutari remedio) со всѣмъ стараніемъ и заботою de cura sua et sollicitudine) о прихожанахъ, искупленныхъ кровію Христовой", визитаторъ угрожаетъ настоятелю въ случаѣ нераченія отвѣтственностію съ одной стороны, на страшномъ судѣ, а съ другой — не менѣе страшною (sic!) отвѣтственностію предъ управляющимъ брестскою епископскою каѳедрою!!.. Относительно же пресѣченія навсегда обычая, по которому православные вѣнчались на уніатахъ и, наоборотъ, и этимъ путемъ возвращали ихъ снова въ схизму, или что тоже православіе, визитаторъ вотъ что пишетъ въ своемъ декретѣ: „а чтобы не послѣдовало вышепоименованной опасности (superius dicto periculo), съ неминуемой гибелью (cum imminente pernicie) человѣческихъ душъ, настоятель спасскій замухавецкій не только не долженъ вѣнчать такихъ лицъ (схизматиковъ), а напротивъ — matrimonia mordicus zabraniał"!..

2) Брестская Михаило-Архангельская церковь на Пескахъ (na Piaskach).

Церковь сія обревизована была 15 февраля 1759 года. Въ описаніи ревизіи находимъ тѣ же отдѣлы, что и въ описаніи другихъ брестскихъ церквей. Всѣхъ иконостасныхъ образовъ (безъ ихъ наименованія) исчислено визитаторомъ 20. Кромѣ того, отдѣльно показано еще 5 образовъ nullius usus ad cultum per nimiam vetustatem, т.-е. негодныхъ къ употребленію по чрезмѣрной древности (обветша-

лости). Эта коротенькая оговорка, сдѣланная визитаторомъ, опять даетъ право заключить о древности самой церкви, о которой, впрочемъ, и самъ визитаторъ въ отдѣлѣ ecclesia ipsa прямо говоритъ, что „когда и кѣмъ она построена неизвѣстно".

Погостъ церковный обнесенъ былъ оградою и воротами съ затворомъ. Замѣчательно, что и въ сей церкви значится въ алтарѣ żertownik, на которомъ отправлялась proskomydya. Въ отдѣлѣ церковной утвари показано 30 разныхъ священныхъ облаченій. Изъ этого отдѣла заимствую слѣдующую характерную выписку: „риза кофейнаго цвѣта, съ атласнымъ оплечьемъ, по краямъ обшита золотомъ; въ Жировицахъ завѣщана na obligacyi (т.-е. для совершенія поминовеній) о. Грибовскому. А поелику о. Грибовскій задолжалъ у братства церковныхъ денегъ 5 талеровъ битыхъ и не въ состояніи выплатить ихъ, то изъявилъ желаніе погасить свой долгъ пожертвованіемъ въ брестскую Михаило-Архангельскую церковь поименованнаго облаченія". Талеръ битый равнялся въ тогдашнія времена 1 руб. 30 коп. Слѣдовательно: 5 талеровъ битыхъ составитъ 6 руб. 50 коп. Не великими, стало быть, денежными фондами обладалъ настоятель поименованной Михаило-Архангельской церкви, если не въ состояніи былъ выплатить $6^1/_2$ рублевый долгъ!

Богослужебныхъ книгъ перечислено очень мало: Служебникъ новый (супрасльскаго изданія), подаренный церкви визитаторомъ на поминовеніе души усопшаго епископа Владимірскаго и Брестскаго Θеофила Годебскаго, затѣмъ два Служебника рукописныхъ (стало быть, во всякомъ случаѣ не уніатскихъ), Ewangelia ruska, Апостолъ (кіевскаго изданія), Псалтирь (почаев. изд.), Октоихъ stary, Псалтирь stary и Требникъ stary. О послѣднихъ трехъ книгахъ визитаторъ замѣчаетъ, что они требуютъ reperacyi, конечно — переплета.

Затѣмъ, изъ описанія брестской Михаило-Архангельской церкви, остается предложить вниманію читателей болѣе интересные отдѣлы: братство, прихожане, настоятель и фундушъ сей церкви, а равно и заключительный отдѣлъ — decretum reformationis.

О братствѣ визитаторъ пишетъ коротко, что оно учреждено во время управленія Брестскою каѳедрою епископа Θеофила Годебскаго: „Обыватели брестскіе и деревни Рѣчица, Брестскаго воеводства, по своей охотѣ учредили братство подъ титуломъ св. Архангела Михаила, по образцу существующихъ братствъ, для чего выпросили себѣ отъ поименованнаго епископа братскій уставъ вмѣстѣ съ одобреніемъ или утвержденіемъ братства. Братство поставило себѣ главною задачею освѣщеніе храма Божія и другія дѣла благочестія. Братство ежегодно выбираетъ изъ среды себя двухъ старшихъ братчиковъ, которые даютъ отчетъ въ расходованіи братскихъ суммъ. Въ настоящемъ году старшими братчиками избраны Косма Босевичъ и Михаилъ Ломинскій — брестскіе обыватели, а помощниками ихъ, или подскарбіями — Венедиктъ Лещинскій и Грицько Мошницкій".

Къ брестской Михаило-Архангельской церкви принадлежали слѣдующія деревни: 1) Рѣчица, 2) Козловичи, 3) Плоски и 4) Березовка, въ которыхъ считалось прихожанъ (уніатовъ) 45 душъ. Всѣ они покорялись уніи. Но были и такіе, которые

стояли, какъ говорится, бѣльмомъ въ глазу у самаго визитатора. Это: Лукіанъ Мартынюкъ in disunione zostaie, co praecomissum est I. X. Parochowi,ażeby na te dusze miał baczność i wszelkich przyłożył sposobów do nawrócenia Matce cerkwi swięteу. Подобнаго рода свѣдѣнія наглядно убѣждаютъ насъ, что унія встрѣчала отпоръ въ средѣ искони православныхъ прибужняковъ...

Настоятелемъ брестской Михаило-Архангельской церкви былъ тогда о. Лука Грибовскій, рукоположенный въ санъ священника 30 ноября 1735 года епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ Өеофиломъ Годебскимъ. Документы о. Грибовскаго на право настоятельства (investitucia) и посвященіе въ санъ (installacia) уничтожены пожаромъ, отъ котораго сгорѣлъ и приходскій домъ (plebania). Визитатору предъявлены были о. Грибовскимъ метрики браковъ, крестинъ и похоронъ; но онѣ оказались веденными неаккуратно съ ошибками и помарками, на что и обращено визитаторомъ должное вниманіе. По причинѣ скудости средствъ содержанія, которыхъ еле хватало на прокормленіе себя, о. Грибовскій не держалъ викарія и состоялъ еще членомъ брестской капитулы. Послѣднее право, перешедшее къ о. Грибовскому отъ его предшественниковъ, надано епископомъ Брестскимъ и Владимірскимъ Ипатіемъ Поцѣемъ. По своей бѣдности (inopia), тотъ же о. Грибовскій не могъ завести и процесса объ отнятой церковной землѣ и о неуплатѣ жидами чинша, ограничившись лишь тѣмъ, что дѣло это передалъ въ консисторію". Далѣе визитаторъ аттестуетъ о. Грибовскаго съ хорошей стороны; называетъ его невымогательнымъ за требы (non extorsivus), аккуратнымъ по службѣ, исправно (amussim) и по совѣсти отправляющимъ заказныя литургіи и вообще пастыремъ, заботящимся о своихъ прихожанахъ, которые, во время ревизіи, не заявили на него никакой жалобы.

Не презентабельною представляется намъ, по описанію визитатора, residentia plebanalis. Вотъ коротенькое описаніе ея: „По-надъ самымъ церковнымъ погостомъ стоитъ приходскій домикъ, состоящій изъ бѣлой избы и коморы съ тремя окнами; дверей двое... Сей домикъ покрытъ соломой и построенъ, послѣ пожара, коштомъ самаго настоятеля. Съ восточной стороны домика погостъ церкви съ нѣсколькими огородами, огороженными хворостомъ, съ юга — также огородъ, съ запада — раскинутъ большой огородъ aż po klasztor panien Brigittek, а съ сѣвера — приходскія постройки изъ хвороста, покрытыя соломой, а мѣстами poobdzierane od wiatru po swoiey staroсci i dawności; за строеніями снова раскинутъ огородъ aż do okopiszcza żydowskiego".

Какъ же давно наданъ сей церкви фундушъ? Вопросъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что рѣшеніемъ его опредѣляется вообще начало существованія прихода и церкви, такъ какъ извѣстно, что церковнымъ земельнымъ фундушамъ почти всегда непосредственно предшествовало время открытія церкви и прихода. Визитаторъ относитъ время фундованья beneficium S. Michalskie къ XV вѣку; но при этомъ замѣчаетъ, что вовсе нельзя узнать — кѣмъ именно: королями, или помѣщиками, или же брестскими мѣщанами наданы церкви эти фундуши... Къ земельнымъ фундушамъ Брестской Михаило-Архангельской церкви на Пескахъ принадлежали: волока пахатной земли въ селѣ Гершоновичахъ, названная Дроневская, со всѣми прибавками

въ трехъ смѣтахъ. Кромѣ того, плацъ въ 6 прентовъ вблизи приходскаго дома и плацъ при церкви въ 30 прентовъ, które place żydzi brzescy na okopiszcze sobie zaięli, za co rok mieli dawać do cerkwi Svięto-Michalskiey złotych polskich 14—по особымъ контрактамъ, заключеннымъ въ разныя времена уніи.

Представляю здѣсь образецъ контракта, заключеннаго, напр., въ 1679 году 20 мая: „Мы, ниже подписанные, объявляемъ, что я, будучи старшимъ, заключилъ на вѣчныя времена договоръ съ священникомъ Лазаревичемъ, по которому (договору) мы имѣемъ давать ежегодно z kopiszcz Piaseckich годового чинша по 14 золотыхъ, для чего и подписуемся собственноручно (годъ, мѣсяцъ и день); ибо такъ давали предшественникамъ о. Лазаревича, а также korzenia różnego po pół funta i gorzałki aquawitey garniec“. Слѣдуетъ еврейская подпись. Впослѣдствіи изъ-за упрямства жидовъ и присвоенія ими себѣ церковной собственности, велись длинные судебные процессы. 13 сентября 1720 года, трибунальнымъ декретомъ Великаго Княжества Литовскаго присуждено было, чтобы брестскіе жиды, взамѣнъ чинша деньгами, давали воскъ и уплатили въ пользу брестской Михаило-Архангельской церкви 2395 польскихъ золотыхъ, въ обезпеченіе чего трибуналомъ выданъ былъ исполнительный листъ въ брестское городское управленіе. Но изъ обстоятельнаго трактата визитатора объ этомъ спорномъ съ жидами дѣлѣ, такъ выгодно оконченномъ для Михаило-Архангельской церкви, не видно, чтобы присужденная трибуналомъ сумма была взыскана. Тотъ же Грибовскій обращался за содѣйствіемъ къ литовскому канцлеру Сапѣгѣ, проживавшему тогда въ Коднѣ. 23 мая 1737 года Сапѣга снабдилъ Грибовскаго особымъ письмомъ на имя бресткаго намѣстника, убѣждая послѣдняго — aby ugodzona była sprawa z żydami... Но дальнѣйшія нити этого интереснаго спора теряются во времени, послѣдовавшемъ за визитаторскою ревизіею въ 1759 году.

Вообще, касаясь фундушей брестской Михаило-Архангельской церкви, нужно сказать, что ни одна изъ церквей въ г. Брестѣ-Литовскомъ не имѣла столько огородовъ, сколько принадлежало ихъ къ сей церкви. Къ сожалѣнію, эти огороды находились въ чужихъ рукахъ: на огородахъ построено было частными лицами (большею частію жидами) не мало домовъ, за что уплачивался ежегодно самый ничтожный чиншъ, а впослѣдствіи и плата чинша совсѣмъ была прекращена. Визитаторъ, въ концѣ концовъ, опредѣляетъ границы земельныхъ фундушей брестской Михаило-Архангельской церкви еще шире; границы эти начинались отъ Большой улицы города, ведущей на Пески, до плаца и погоста Пятницкой церкви... „Плацъ этотъ (пишетъ визитаторъ) принадлежитъ теперь Михаило-Архангельской церкви; уцѣлѣвшій фундаментъ показываетъ, что на семъ мѣстѣ съ давнихъ временъ (z dawnych czasów) была церковь. Хотя объ этомъ не сохранилось никакихъ документовъ, но традиція о существованіи Пятницкой церкви въ этомъ именно мѣстѣ живетъ въ народѣ, что утверждаютъ и брестскіе мѣщане“... Но и эти земли (плацъ и погостъ древней Пятницкой церкви) подпали подъ чиншъ, ибо на нихъ поселились Brigitki, а рядомъ съ ними нѣкая пани Садовская и пани Варвара Поцѣіовна.

Въ заключительномъ отдѣлѣ визитаторъ даетъ обычныя наставленія, рекомендуя настоятелю руководствоваться въ своей жизни и практикѣ извѣстной книгой „Kazusy“, а также составить списокъ отдѣльно unitów i dyzunitów.

3) Брестская св.-Троицкая церковь на Войтовой улицѣ.

Генеральная визитація сей церкви произведена была 16 февраля 1759 года. Это — едва ли не самая древняя, послѣ св.-Николаевской каѳедральной церкви, изъ всѣхъ брестскихъ церквей. Когда и кѣмъ построена сія церковь z okazyi dawnosci wielkich czasów—неизвѣстно. Сохранилось лишь преданіе, что строителями и фундаторами Брестской св.-Троицкой церкви были мѣщане брестскіе.

Къ сожалѣнію, св. Троицкая церковь найдена была визитаторомъ въ такомъ запустѣніи, что даже погостъ ея былъ безъ ограды. Въ отдѣлѣ altaria поименованы образа Спасителя, Божіей Матери, св. Апостоловъ и т. д. Поименованные здѣсь образа Спасителя, Божіей Матери и Пресвятой Троицы совершенно случайно попали въ Щитницкую церковь (Брестскаго уѣзда). Недавно они прекрасно возобновлены, съ сохраненіемъ своего стараго стиля, въ г. Кіевѣ и помѣщаются нынѣ въ кіотахъ за стекломъ въ ряду мѣстныхъ образовъ, служа главнымъ украшеніемъ этой сельской церкви, отдавшей достойную славу величавой и святой старинѣ!

Болѣе точное и обстоятельное исчисленіе образовъ показано въ отдѣлѣ imagines. Здѣсь, кромѣ выше поименованныхъ, значится образовъ (безъ наименованія) писанныхъ на холстѣ 4 и писанныхъ на деревѣ 5. О послѣднихъ 5 образахъ визитаторъ замѣчаетъ, что на нихъ изображены были разные prazniki (Господскіе и Богородичные). Затѣмъ — образъ Пресвятой Троицы съ серебряными украшеніями, образъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ на рукахъ Сыномъ, и на немъ двѣ серебряныя короны — большая и малая. Объ этомъ образѣ визитаторъ говоритъ, что онъ staroswiecki, очевидно — весьма и весьма древній... Къ образу показаны двѣ привѣски — серебряныя ручки. Затѣмъ два образа, писанные на мѣди, z róžnemi s. pańskich portretami; нѣсколько изображеній святыхъ въ серебряныхъ медальонахъ; образъ Spasytela также staroswiecki и на немъ серебряная корона; образъ Успенія Божіей Матери; наконецъ, кромѣ исчисленныхъ, показано еще 10 образовъ variae figurae, picturae ac mensure (т.-е. различной формы, живописи и мѣры) написанныхъ на деревѣ, по словамъ визитатора — będących nullius frugi, т.-е. безъ употребленія.

Обратимся къ отдѣлу apparatus ecclesiae: здѣсь видимъ множество священныхъ облаченій и въ числѣ ихъ не мало драгоцѣнныхъ. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: apparat (т.-е. фелонь или риза), drogietowy (drogiet — французская матерія), karmazynowy z kołnierzem (т.-е. оплечьемъ), parterowym w złote i iedwabne (т.-е. золотые и шелковые) róžnego koloru kwiaty, na dnie zielonym galonem srebrnym dokoła szamerowany (т.-е. обшитый, убранный, украшенный) ze stułą (т.-е. епитрахилью) i narukawnicami atłasowemi... Apparat biały stary, z krzyzem srebrnym. Apparat morowy, z narukawnicami zepsutemi (т.-е. испорченными, ветхими) i stułą. Apparat kwefowy (т.-е. изъ газовой матеріи), w paski złote i srebne przetykane (т.-е. затканный), w cale nullius usus (т.е. вовсе негодный къ употребленію) и т. д. Здѣсь же показаны подризники, пояса, завѣсы къ царскимъ вратамъ, серебряная и внутри вызолоченная чаша, дискосъ, лжица и т. п.

Въ отдѣлѣ caetera sacra supellex исчислены разные подсвѣчники, напрестольный серебряный крестъ, деревянные кресты, кадильницы, хоругви (нѣкоторыя изъ французской шелковой матеріи), тоже — stare, полотенца или ręczniki do ucierania rąk kapłańskich и т. д. Тутъ же антиминсъ и такіе предметы, которые ясно показываютъ, что прихожане брестской св.-Троицкой церкви, не взирая на иго уніи, все-таки хранили свои старые обычаи, напр. обычай ставленья предъ образами восковыхъ свѣчъ, какъ это видно изъ слѣд. записей: kruczków żelaznych czyli lichtarzyków durzych do swic stawienia — 16. Stawników drewnianych do stawienia swiec — 2. Наконецъ — stolik do złożenia (т.-е. для выноса) Ewangelii. Szczypce żelazne (для отбиранія фитилей въ восковыхъ свѣчахъ) и т. п.

Въ коротенькомъ отдѣлѣ supellex intra ecclesiam отдѣльно показанъ kryłos. Затѣмъ paręcz (т.-е. перила) per modum (на подобіе) balasków wyrobiony, такъ называемые хоры и т. д.

Самая церковь деревянная; крыша на церкви гонтовая съ однимъ куполомъ и двумя крестами, одинъ — на куполѣ, а другой — надъ алтаремъ. Наружный видъ церкви такъ подробно и обстоятельно описанъ визитаторомъ, что даже никогда не бывши въ ней и не видавши ея, можно ясно представить себѣ весь строй ея и форму. Отдѣльно отъ церкви стояла колокольня о двухъ галлереяхъ съ двумя крышами (z dwoma dachami), требующими починки. Въ колокольнѣ висѣло 4 dobrych dzwonów.

Къ св.-Троицкой церкви, лѣтъ за 60 до описываемой ревизіи (слѣдовательно — въ XVII вѣка, брестскій обыватель (мѣщанинъ), по имени Тарасій, пристроилъ каплицу (часовню), которая внутри украшена была образами. Подлѣ этой часовни ктиторъ ея, надо полагать, и погребенъ.

Брестская св.-Троицкая церковь въ описываемый періодъ времени, имѣла полный кругъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ, какъ-то: Евангеліе, оправленное въ красный бархатъ, съ 4 серебряными наугольниками, изображающими 4 Евангелистовъ, а по срединѣ — серебряной таблицей (т.-е. доской) съ изображеніемъ страданій Спасителя; Служебникъ, виленскаго изданія; Тріодь постная, львовской печати; Тріодь цвѣтная; Апостолъ, львовской печати; Праздчичная Минея — частію писаная и частію печатная; Октоихъ, львовской печати; Требникъ, reperacyi potrzebujący; Trebniczek mały, stary; Ирмологіонъ рукописный, reperacyi potrzebujący; Псалтирь... Достойно замѣчанія, что и другія церкви заимствовались у св.-Троицкой церкви богослужебными книгами; въ виду сего визитаторъ далъ распоряженіе, чтобы церковныя книги всякій разъ давались не иначе какъ подъ расписку.

Братство при св.-Троицкой церкви заведено было по старанію настоятеля сей церкви о. Матѳея Маньковскаго и аппробовано было митрополитомъ Львомъ Кишкою въ 1727 году.

Во время описываемой ревизіи въ семъ братствѣ числилось около 100 душъ, которые ежегодно избирали изъ своей среды двухъ или трехъ старшихъ братчиковъ; одинъ изъ нихъ назывался подскарбій или sowitnik (совѣтникъ). Братство ежегодно дѣлало такъ называемую денежную складчину на освѣщеніе храма Божія, починку церкви и другія церковныя нужды. Кромѣ того, сему братству наданы были земля и

огородъ: 27 мая 1728 года нѣкто Горчарукъ (надо полагать — брестскій мѣщанинъ) завѣщалъ св.-Троицкому братству на вѣчныя времена пять загоновъ пахатной земли, а еще раньше, 14 мая 1668 года, Андрей Сацевичъ завѣщалъ тому же братству огородъ. Изъ этого очевидно, что и возникновеніе братства при св.-Троицкой церкви нужно отнести къ болѣе отдаленнымъ временамъ, и поэтому нельзя признать точнымъ тотъ періодъ времени основанія св.-Троицкаго братства, какой указываетъ визитаторъ, тѣмъ болѣе, что завѣщанія двухъ поименованныхъ лицъ документально внесены были въ магдебургскія и городскія книги. Впослѣдствіи изъ-за права владѣнія сею землею, вышли споры, которые окончательно разрѣшены въ 1755 году Брестскимъ епископомъ, Ѳеофиломъ Годебскимъ, въ томъ прямомъ смыслѣ и неприкосновенномъ значеніи, какое давали имъ поименованные документы, съ тѣмъ что еслибы кто-либо вздумалъ заводить объ этомъ новые споры, то епископскимъ декретомъ обязывался, предварительно вчинанія иска, внести въ пользу св.-Троицкой церкви 100 гривенъ.

Отдѣлъ parochia et parochiani самый интересный. Здѣсь опять встрѣчаемся съ повѣствованіями о такъ называемыхъ дизунитахъ. Приходъ св.-Троицкой церкви составляли: Войтовая улица; Завринче, за Великимъ мостомъ до мостка Малаго жидовскаго; деревни: Ложки, Тришинъ (епископскій фольварокъ), Шпаковичи и Тополево; всѣхъ прихожанъ 462 души, изъ коихъ непреклонно оставались въ дизуніи: Евдокія Хованская, Евѳимія Гузелевичева, Андрей Дындикъ, Кондратъ Лашевичъ и Евстаѳій Сезюновичъ. Борьба за православіе, по всему видно, была не легка и черезчуръ упорна, если, по словамъ визитатора, въ приходѣ св.-Троицкой церкви встрѣчались въ то время даже и незаконные браки изъ-за религіознаго упорства (т.-е., говоря нашимъ языкомъ, изъ-за борьбы съ уніей и твердости въ православіи). Въ примѣръ такого упорнаго незаконнаго сожительства (illegitimum matrimonium) визитаторъ указываетъ на нѣкоторыхъ лицъ, не пожелавшихъ принять таинство брака отъ уніатскаго священника. Таковы были: Иванъ Жуковичъ и Маріамна Хомянка.

Настоятель св.-Троицкой церкви былъ въ то время священникъ Іосифъ Шаталовичъ, о которомъ визитаторъ, на основаніи показаній прихожанъ, отзывается съ хорошей стороны, какъ о пастырѣ добромъ и примѣрномъ своею жизнію; Шаталовичъ состоялъ еще членомъ брестской капитулы, а также экклесіархомъ и инстигаторомъ при брестской епископской каѳедрѣ. Викарія при себѣ онъ не имѣлъ ob pauperem sui sustentationem (т.-е. по причинѣ скудости средствъ своего содержанія). При св.-Троицкой церкви не было и diaka, тоже, надо полагать, по бѣдности прихода. А между тѣмъ этому взгляду визитатора противорѣчитъ самая цифра прихожанъ, 462 души! Не всѣ изъ нихъ, стало быть, полюбили унію, ея обряды и пастырей.

Оригинальный фундушевый документъ сей церкви, по словамъ визитатора, gdzieś zaginął — per qualem temporis vicissitudinem, т.-е. гдѣ-то пропалъ по причинѣ непостоянства времени.... Хотя beneficium S.-Troickie (т.-е. вообще средства содержанія настоятеля св.-Троицкой церкви) считалось pauper, т.-е. бѣднымъ, скуднымъ, тѣмъ не менѣе оно не было таковымъ. Это подтверждается послѣдующими дарственными записями: 1) 25 сентября 1693 года, нѣкто Мартинъ Чайковскій (брестскій мѣщанинъ) завѣщалъ св.-Троицкой церкви (въ пользу настоя-

теля ея) огородъ, расположенный pod słupem murowanym (въ 1275 году Волынскій князь, Владиміръ Философъ, въ Брестѣ и Каменцѣ — Camieniec Ruthenicale, т.-е. Каменецъ Русскій — построилъ каменныя башни или замки. Въ Каменцѣ, какъ сказано выше, до сихъ поръ сохранилась эта величественная башня, а въ Брестѣ она разрушена въ 1831 году, при постройкѣ крѣпости), граничащій съ одной стороны огородомъ Томчука, а съ другой — межею огорода Корнилія Щербинки (тоже брестскихъ мѣщанъ); запись эта внесена была въ магдебургскія книги 2 мая 1694 г. 2) Брестская мѣщанка, Евдокія Бѣлоножчинка, завѣщала св.-Троицкой церкви огородъ; легація объ этомъ завѣщаніи внесена была въ магдебургскія книги 12 апрѣля 1673 г. Визитаторъ говоритъ, что неизвѣстно (nescitur), съ согласія (de consensu) или безъ согласія брестскаго епископа сей огородъ замѣненъ брестскими тринитаріями? Однако такая замѣна сдѣлана была на письмѣ (in scriptis). Вотъ копія акта сей замѣны de verbo ad verbum, т.-е. слово въ слово: „30 мая 1729 года, я, ксендзъ Венедиктъ od Pana Iezusa Nazarańskiego (т.-е. іезуитъ), въ то время исполнявшій должность президента монастыря тринитаріевъ въ Брестѣ на Завринчѣ, учинилъ постановленіе о выкупѣ отнятаго (de redemptione captivorum) съ преподобнымъ отцемъ Матѳеемъ Маньковскимъ, пресвитеромъ церкви св. Троицы на Войтовой улицѣ, на вѣчныя времена (na potomne czasy): имѣя грунту костельнаго, св. Варвары, шесть прентовъ, (надо полагать, въ ширину), каковой грунтъ съ лицевой стороны (głową) граничитъ виленскимъ гостинцемъ, напротивъ церкви св. Троицы, а задней стороной (tyłem) — до клина ратушнаго поля и простирается съ одной и другой стороны до огородовъ базиліанъ и находится нынѣ въ посессіи; отдаю сей грунтъ преподобному отцу Матѳею Маньковскому въ замѣну на грунтъ или огородъ, прилегающій къ нашему вновь устрояемому (nowo erigującemu się) монастырю и называющійся Бѣлоножки, наданный св.-Троицкой церкви завѣщаніемъ (testamentem) Агаѳіи Бѣлоножчинки; подаемъ сіе условіе въ интромиссію (т.-е. записью особымъ актомъ ввода въ недвижимое имущество) на вѣчное, спокойное пользованіе оффиціальнымъ порядкомъ, чрезъ рядцевъ Галковскаго и Харкевича, при чемъ ни съ чьей стороны не встрѣтили никакого сопротивленія и защиты, а потому и скрѣпляемъ наше условіе своею подписью и приложеніемъ печатей". Однако на этомъ документѣ, приведенномъ, какъ сказано выше de verbo ad verbum, значится всего лишь одна слѣдующая надпись: „X. Benedykt od Pana Iezusa Nazarańskiego, prezydent oo. Trinitarzów, u S. Barbary na Zawrynczu (locus sigilli, т.-е. мѣсто печати)". Вѣроятнѣе всего, эта сдѣлка переведена была на бумагу ксендзомъ Венедиктомъ безъ согласія настоятеля и братства св.-Троицкой церкви, а потому и имѣетъ видъ односторонней, не законно совершенной сдѣлки. 3) Легаційный огородъ съ лѣвой стороны отъ Бреста до улицы Войтовой, расположенной между дорогами; на этомъ огородѣ „cerkiew i plebania stoja; какъ издавна принадлежалъ сей огородъ къ св.-Троицкой церкви, такъ и теперь остается въ мирномъ пользованіи ея (in pacifica posessione); на этомъ церковномъ огородѣ построены мѣщанами двѣ стодолы (два сарая), за что мѣщане ежегодно платятъ чиншъ — два золотыхъ св. Троицкой церкви и два золотыхъ настоятелю ея", 4) „Неизвѣстно (говоритъ визитаторъ), легаційный или нелегаційный огородъ,

который ab aevo (отъ вѣка, т.-е. сыздавна) находится во владѣніи св.-Троицкаго настоятеля и окружность (circumferentia) котораго слѣдующая: съ одной стороны межа брестскихъ монаховъ базиліанъ, а съ другой — XX. Cistersów Wistyckich".

Затѣмъ, настоятель св.-Троицкой церкви имѣлъ землю по-надъ мѣщанскими грунтами: 1) поперечный rezek (т.-е. полосу), съ одной стороны граничившій межею каѳедральною шпитальною, а съ другой — межею мѣщанина Николая Кишчени; 2) другой rezek поля, тоже поперечный „подъ Московскими горками", граничившій съ одной стороны межею Мирона Куцевича, а съ другой — Аѳанасія Тарасюка. Кромѣ того, было еще поле и въ длину загоновъ пять, граничившихъ съ одной стороны межею Лаврентія Кишчени, а съ другой — Ивана Павловича. Наконецъ, настоятелю св. Троицкой церкви принадлежали: 1) небольшой огородъ подлѣ церковнаго погоста, 2) огородъ, граничившій съ одной стороны межею базиліанъ, а съ другой — Ивана Щипитюка. Помимо всего этого, св.-Троицкій настоятель держалъ въ посессіи огородъ, принадлежавшій братству св. Троицкой церкви и клинъ (кусокъ) поля въ урочищѣ „Подгрушно", граничившемъ съ одной стороны виленскимъ гостинцемъ, а съ другой — ратушными грунтами.

Остается еще сказать о двухъ послѣднихъ отдѣлахъ описываемой визитаціи св. Троицкой церкви: а) residentia plebanalis и б) decretum reformationis. Домъ для настоятеля св.-Троицкой церкви построенъ былъ изъ дерева вблизи самой церкви, покрытъ былъ соломой и представлялъ собою небольшую избу съ тремя окнами, внутри съ печкою изъ зеленыхъ изразцовъ и мурованнымъ каминомъ. Это по одной сторонѣ, а по другой — сѣни и bardzo stara piekarenka (т.-е. кухня) съ двумя окнами и печкою, битою изъ глины. Затѣмъ, вблизи дома, два сарая: одинъ изъ тесанаго дерева, а другой — изъ хвороста. Наконецъ, небольшой амбаръ и двѣ стодолы. Вотъ и всѣ усадебныя постройки св.-Троицкой церкви.

Заключительный отдѣлъ довольно обширенъ. Тутъ визитаторъ даетъ разныя наставленія, напр. azeby po niepotrzebnych kontach obrazy nie walali sie, а также наставленія, касающіяся починки колокольни, церковной утвари, устройства ограды вокругъ церковнаго погоста, заведенія процесса о произвольно замѣненной въ пользу тринитаріевъ церковной землѣ (огородѣ) и т. п.

4. Брестская капитульная церковь въ с. Гершеновичахъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы.

Церковь сія обревизована была 20 февраля 1759 года. Въ отдѣлѣ „Sanctissimum Sacramentum" значится дарохранительница, дароносица, дискосъ, лжица и т. д. Но все это, по замѣчанію визитатора, содержалось небрежно; священные сосуды были оловяные и, естественно, оказались нечистыми. Во всякомъ случаѣ, визитаторъ не одобрилъ такого порядка и приказалъ настоятелю позаботиться о чистотѣ и опрятности въ церкви. Св. муро также найдено въ оловяныхъ сосудахъ, обернутыхъ грязнымъ платкомъ. На престолѣ не оказалось антиминса, а взамѣнъ

его поставленъ римскій porlatyl съ частицами мощей святыхъ, пожертвованный 14 мая 1728 года уніатскимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ, такъ усердно трудившимся надъ искорененіемъ схизмы.

Въ отдѣлѣ „imagines“ на первомъ мѣстѣ показанъ образъ Пречистой Богоматери съ Младенцемъ; писана на сосновой доскѣ, древнѣйшей живописи (antiquissimae picturae); находился прежде, какъ утверждаютъ старые люди, въ брестской замковой церкви, которая сгорѣла лѣтъ за сто до описываемой ревизіи (въ половинѣ XVII. вѣка); тогда и образъ сей, уцѣлѣвшій отъ пожара, неренесенъ былъ „pszez pana I. Żabę do nowego beneficium w Gierszenowiczach ufundowanego“. По замѣчанію визитатора, поименованный образъ издавна славится чудотвореніями, которыя испытали на себѣ многіе; но, по небрежности мѣстныхъ священниковъ, никто не записывалъ этихъ чудесъ. На этой же иконѣ значится разныхъ привѣсокъ изъ чистаго серебра 12 штукъ и, кромѣ того, три серебряныя короны, въ томъ числѣ — одна большая серебряная съ 7-ю разноцвѣтными камешками. Отдѣльно показано два шнурка кораллов съ очкомъ, тоже коралловымъ, оправленнымъ въ золото. Всего образовъ большихъ показано 19: писанныхъ на холстѣ 16, а писанныхъ на деревѣ 3, въ томъ числѣ одинъ образъ (не сказано какого святаго) Filipowskiey roboty (московской). Священныхъ облаченій визитаторомъ поименовано не мало; но всѣ эти облаченія уже были стары и вышли изъ употребленія, а потому визитаторъ совѣтуетъ передѣлать ихъ на „antipedium“ или на „wela“ (т.-воздухи), а то присуждаетъ возложить „na umarłego kapłana.“ Сохранилась, впрочемъ, одна риза — рѣдкая по богатству и работѣ. Вотъ какъ отзывается о ней самъ визитаторъ: apparat zielony tabinkowy, z kolumną na podmieciu, złotem i srebrem haftowaną, dokołą koroneczką srebrną szamerowany, kitayką zieloną morową po brzegach obłożony, do którego stuła (т.-е. епитрахиль) i narukawnice. А вотъ еще одна риза „изъ зеленой китайской матеріи съ голубымъ оплечьемъ, затканная золотомъ и серебряными цвѣтами“... Нѣкоторыя изъ очень старыхъ ризъ были уже уничтожены, ибо визитаторъ отдѣльно показываетъ нѣсколько stuł (т.-е. епитрахилей) russkich, reperacyi potrzebujących“..., равно „welow czyli wozduchów nullius usus“... Тутъ же исчислены священные сосуды серебряные и оловянные, какъ то: чаша, дискосъ, лжица, кадильница, подсвѣчники и т. д. Въ этомъ же отдѣлѣ поименованы четыре хоругви stare и chor (т.-е. клиросъ) dla spiewania.

Перейдемъ къ болѣе интересному отдѣлу ecclesia ipsa. Описываемая церковь построена была коштомъ „громады“ (т.-е. крестьянъ гершеновицкихъ) и о. Никодима Анацкевича, гершеновицкаго настоятеля. Колляторами сей церкви были польскіе короли. Недалеко отъ сей церкви, во время описываемой ревизіи, стояла еще и dawna (т.-е. прежняя) cerkiew“, внутри которой, по словамъ визитатора, iest Deisus staroswiecki, z carskimi drzwiami, z obrozami i krzyżem żelaznym, który spadł od wiatru. Эта давняя церковь построена была брестскимъ городничимъ Іеронимомъ Жабой.

Богослужебныя книги почти всѣ рукописныя: Евангеліе, Апостолъ, Служебникъ, Октоихъ, Праздничная Минея и Тріодь Постная; остальныя книги печатныя. Тутъ же

поименованы визитаторомъ „Tryod Cwitna — stara rozsypana“ (разбитая), „ustaw cerkiewnu rozsypanu“ и „Psałrtyz — reperacyi potrzebujący...

Но самый интересный отдѣлъ „parochia et parochiani“. Къ гершеновицкой церкви принадлежали: село Гершеновичи, двѣ Котельни (епископская и iезуитская), деревня Михалково, д. Карты, Дубинки, Бернаты, Мылки, Пѣновецъ и Хавстыново. Настоятель заявилъ во время ревизiи, что не завелъ еще реестра прихожанъ и что ихъ считается приблизительно около 300 душъ. Всѣ они преданы унiи, за исключенiемъ только одного Мартина Сементыновича, о которомъ передаютъ люди, что онъ на пасхальную исповѣдь и на богослуженiе ходилъ до „schyzmatyków“... Визитаторъ отводитъ самое видное мѣсто отдѣлу „Bona et proventus ecclesiae“. Приводимъ, почти дословно, содержанiе этого отдѣла: „Когда сгорѣла брестская замковая церковь, обезпеченная средствами содержанiя отъ польскихъ королей, принадлежавшая сей церкви половина волоки земли передана была въ пользованiе гершеновицкой церкви, которую брестскiй городничiй Iеронимъ Жаба надѣлилъ еще двумя волоками земли, на право владѣнiя которою сохранился оригиналъ фундушевой записи, котораго (т. е. оригинала) не уничтожила даже продолжительность времени. Вотъ эта запись: „Я, Иванъ Iеронимъ Жаба, брестскiй городничiй, и я, Анна Залевская Жабина, землевладѣльцы воеводства Брестскаго, объявляемъ, чрезъ сiе добровольное вѣчное письмо наше въ видѣ фундацiйной записи, кому о томъ вѣдать надлежитъ, людямъ настоящаго и грядущихъ вѣковъ, что имѣя въ селѣ Гершеновичахъ двѣ волоки земли, приписанной къ Брестской экономiи, а также фольваркъ въ концѣ того же села Гершеновичи, поелику дознали на себѣ великое милосердiе Божiе, сохранившее насъ отъ моровой язвы и отъ различныхъ враговъ, на хвалу Божiю — на томъ же мѣстѣ — при фольваркѣ, съ соизволенiя королевской милости и дозволенiя Iоанна Михаила Поцѣя, Владимiрскаго владыки, освятивши мѣсто (т. е. плацъ для церкви), чрезъ о. Севастiана Качинскаго, настоятеля брестскаго базилiанскаго монастыря, и построивши самую церковь Pokrowy S. (т. е. въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы), которой надаемъ сей нашъ фольваркъ со всѣми постройками, землями, лугами и всѣми принадлежностями, уступая все это въ спокойное пользованiе назначенному къ сей церкви по нашей просьбѣ священнику (swiaszczennikowi) о. Мирославу Чарномыслу, съ тѣмъ, что поименованный священникъ имѣетъ сей фольваркъ и земли, къ нему принадлежащiя держать, пользоваться и употреблять доходы на свои надежды до самой смерти своей, а послѣ него — на такихъ условiяхъ — преемники его, одинъ за другимъ, пока унiя унiей будетъ, а сохрани Богъ унiя уничтожена будетъ, тогда фолварокъ и самая церковъ имѣютъ перейти въ распоряженiе брестскаго настоятеля (proboszcza), что и должны наблюдать поименованный swiaszczennik и его преемники, отправляя (въ каждый праздникъ и въ каждое воскресенье) службу Божiю по обряду греко-унiатскому съ дьякомъ, который долженъ содержаться съ той же фундацiи нашей, равно и вино, свѣчи и кадило; самъ swiaszczennik долженъ обо всемъ этомъ заботиться, молясь Богу за короля и за Рѣчь Посполитую, а также за наше здоровье, пока живемъ, а по смерти нашей — за наши души и родныхъ нашихъ, вписавши ихъ въ „Sobotnik“ и от-

правляя службу Божію по средамъ и субботамъ wiecznemi czasy каждой седьмицы. Священникъ, кромѣ того, долженъ стараться, чтобы прихожане дѣтей своихъ крестили, безъ браковъ не жили, а также, чтобы больные не умирали безъ исповѣди и св. причастія. Мы (фундаторы) того мнѣнія, что пока живы и находиться будемъ въ семъ воеводствѣ, по смерти swiaszczennika, никто другой, а только мы сами будемъ рекомендовать къ сей церкви священниковъ, а по смерти нашей — потомки наши. А если бы мы изъ Брестскаго воеводства куда-либо выѣхали или не оставили послѣ себя никакого потомства, тогда свое право избранія священниковъ къ гершеновицкой церкви передаемъ Владимірскому владыкѣ (епископу) и его преемникамъ. Сію фундацію на вѣчныя времена скрѣпляемъ своею подписью и утверждаемъ собственною печатью, равно подписями и печатями нашихъ друзей. Писано въ Гершеновичахъ, тысяча шестьсотъ семьдесятъ втораго (1672) года, мѣсяца марта двадцать осьмаго дня (28)". (Слѣдуютъ подписи).

Привилей польскаго короля Яна Казиміра на постройку церкви въ селѣ Гершеновичахъ, по желанію фундатора гершеновичской церкви Іеронима Жабы, внесенъ былъ въ брестскія городскія книги хорунжимъ Еленскимъ, брестскимъ подстаростою. Вотъ содержаніе этого привилея: „Янъ Казиміръ, Божіею Милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмуцкій, мазовецкій, инфляндскій, смоленскій, черниговскій, сѣверскій, шведскій, вандальскій, наслѣдственный король, объявляемъ настоящимъ листомъ нашимъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Намъ доложено отъ имени брестскаго каштеляна Ивана Іеронима Жабы и жены его Анны Залевской, что они, дознавши на себѣ великое милосердіе Божіе, сохранившее ихъ отъ разныхъ враговъ, наступавшихъ на наши владѣнія въ разныя времена, а также отъ мороваго повѣтрія, дали обѣтъ построить церковь (cerkiew) въ честь Пресвятыя Богородицы, которая по гречески (po grecku) называется церковь Pokrowy Sw., для каковой постройки избрали мѣсто въ с. Гершеновичахъ, гдѣ они имѣютъ отъ насъ въ пожизненное владѣніе двѣ волоки земли, приписанныя къ брестской (королевской) экономіи. На сихъ двухъ волокахъ они устроили фольфаркъ, который, вмѣстѣ съ двумя уволоками земли, жертвуютъ „popowi" сей церкви. Объ этомъ они внесли къ намъ просьбу, чтобы мы аппробовали (утвердили) ихъ благочестивое намѣреніе. Видя такія добрыя чувства и заботясь о размноженіи хвалы Божіей, а также принимая во вниманіе, что непріятель сжегъ въ Брестѣ всѣ церкви, которыя приняли унію, что эти церкви обнищали сколько чрезъ непріятеля, столько же и чрезъ повѣтріе (т. е. моровую язву), что брестскіе мѣщане не въ состояніи отстроить ихъ, къ тому же подданные наши въ Гершеновичахъ и Прилукахъ, по причинѣ разлива рѣкъ Буга, Мухавца и Котельни, хотя бы и существовали брестскія церкви, совсѣмъ не могутъ ходить туда на богослуженіе, не могутъ и дѣтей своихъ (во время разлива рѣкъ) крестить въ сихъ церквахъ, взирая также и на заслуги брестскаго каштеляна Ивана Іеронима Жабы, оказанныя намъ и Рѣчи Посполитой въ разныхъ военныхъ экспедиціяхъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, съ немалою потерею силъ и здоровья, склоняясь на ихъ просьбу нашею милостію позволяемъ на указанныхъ волокахъ строить церковь Покрова Пресвятыя Богородицы,

для чего отпускаемъ и лѣсъ изъ пущи нашей брестской; фольваркъ же, со всѣми принадлежностями, передаемъ въ пользованіе „popów“; каковая фундація имѣетъ силу на вѣчныя времена. А поелику въ селѣ Гершеновичахъ остается еще полволоки земли, наданной было брестской Пречистенской церкви за Мухавцомъ, которая сожжена, поэтому и сію половину волоки присоединяемъ къ двумъ волокамъ каштеляна, съ которыхъ волокъ онъ долженъ былъ платить чиншъ до скарба нашего въ теченіе десяти лѣтъ; но, ради хвалы Божіей, освобождаемъ „popa“ отъ всякаго чинша, а только поручаемъ на вѣчныя времена молить Бога за насъ и преемниковъ нашихъ и за всю Рѣчь Посполитую, для чего подписавшись рукою нашею и приложивши печать Великаго Княжества Литовскаго, приказываемъ вписать сей привилей въ сеймовую конституцію. Писанъ вь Варшавѣ дня 21, мѣсяца августа, 1659 года, царствованіе королевствъ нашихъ, Польскаго и Шведскаго, 11-й годъ“. (Слѣдуютъ подписи и скрѣпы).

Въ настоящее время въ селѣ Гершеновичахъ имѣется прекрасная каменная церковь, построенная на средства казны, а прихожане сей церкви съ 1839 года примѣрнѣйшіе и вѣрные сыны православія, которому они всецѣло преданы, даже и не помышляя о канувшей въ вѣчность уніи, а только памятуя, что православіе — св. вѣра ихъ предковъ.

5) Брестская капитульная Іоанно-Богословская церковь въ селѣ Лобачевѣ.

Церковь сія обревизована была 22 февраля 1759 года. Зданіемъ деревянная; построена „съ незапамятныхъ временъ“ по-надъ Бугомъ, алтаремъ на востокъ; по чрезмѣрной своей ветхости грозитъ близкимъ паденіемъ.

Не удивительно, поэтому, если визитаторъ въ описаніи своемъ представляетъ лобачевскую церковь со всѣми аттрибутатами греко-восточнаго обряда. Тутъ видимъ не только иконостасъ, царскія врата — частію вызолоченныя и частію покрашенныя — съ четырьмя Евангелистами и Тайною Вечерею, сѣверныя и южныя двери, а также мѣстныя иконы — Спасителя, Божіей Матери, св.-Евангелиста Іоанна Богослова, св.-Георгія Побѣдоносца и св.-великомученицъ Варвары и Екатерины, но и другія принадлежности алтаря, надлежаще устроенный престолъ и на немъ антиминсъ, а также жертвенникъ (żertownik), предъ алтарною же частію — клиросы (kryłosy)...

Изъ богослужебныхъ книгъ лобачевской церкви, въ описываемый періодъ времени, уцѣлѣло не много остатковъ старины. Вотъ эти книги: Евангеліе рукописное, уже разбитое и требующее переплета, Служебникъ рукописный, Октоихъ, Требникъ (львовской печати) и Псалтирь, тоже разбитый.

При лобачевской церкви, издавна существовало и братство, заботившееся о поддержаніи и благолѣпіи храма Божія, не располагавшее никакими фундушами и доходами, кромѣ денежной складчины.

Ризница лобачевской церкви ко времени визитаціи также сохранила нѣсколько старыхъ облаченій. На первомъ мѣстѣ визитаторомъ записана риза drojetowey

materyi розоваго цвѣта, затканая серебромъ... Затѣмъ — риза атласная, риза траурная... Тутъ же показаны: чаша, дискосъ, лжица, воздухи, напрестольные кресты, хоругви, кадильница и т. п.

Но самымъ интереснымъ отдѣломъ, какъ и въ другихъ церквахъ брестскихъ, у визитатора является отдѣлъ parochia et parochiani. Къ лобачевской церкви принадлежали тогда: мѣстечко Тересполь, село Лобачево; деревни: Болотково, Схуты и Огородники. Прихожанъ исчислено 386 душъ. Всѣ они, по словамъ визитатора, приняли унію и считаются prawowiernemi katolikami, за исключеніемъ Ивана Солодухи (изъ деревни Болоткова), который въ лобачевскомъ дворѣ za gumiennego zostaje и 5 лѣтъ не бываетъ у исповѣди и на совращеніе котораго въ унію, выражаясь словами визитатора, не повліяли ни угрозы, ни просьбы, равно и власть помѣщика. Визитаторъ называетъ сего твердаго исповѣдника православной вѣры, несомнѣнно вліявшаго въ томъ же духѣ и на другихъ, не иначе какъ parszywa owieczka w owczarni Chrystusowey! Тутъ же поименованы еще 31 человѣкъ, не пожелавшихъ принять унію. Вотъ эти имена, вѣчно дорогія русскому сердцу и исторіи прибужнаго края: Иванъ Войтѣшукъ съ женою, Матѳей Войтѣшукъ съ женою, Анна Панасянка, Миронъ Семенюкъ, Степанъ Голосюкъ, Романъ Кобыльчукъ, Николай Коваль съ женою, Евѳимія Иванова Кухарева, Евдокія Штангретова, Левъ Сѣньчукъ съ женою, Яковъ Лапковскій, Дарія Столяриха, Мартинъ Кухаръ съ женою, Романъ Згера съ женою, Андрей Котикъ съ женою, Ѳеодоръ Веремчукъ съ женою, Григорій Юрчукъ, Францишекъ Коваль, Параскева Юзефова, Ѳеодора Багерова, Анна Тышева, Григорій Тышукъ и Петръ зять Мисючинъ.

О настоятелѣ лобачевской церкви о. Петрѣ Боницкомъ, принявшемъ іерейскій санъ въ 1749 году отъ Владимірскаго и Брестскаго епископа Ѳеофила Годебскаго, визитаторъ отозвался вполнѣ одобрительно, поставилъ лишь ему на видъ столкновеніе его изъ-за смѣшанныхъ браковъ съ тереспольскими доминиканами, за что, впрочемъ, о. Боницкій (надо полагать — по жалобѣ тѣхъ же доминиканъ) подвергнутъ былъ наказанію по опредѣленію брестской греко-уніатской консисторіи.

Перейдемъ къ отдѣлу bona et proventus лобачевской церкви. По словамъ визитатора, „beneficium Lobaczewskie“ существуетъ съ незапамятныхъ вѣковъ (ab immemorabili aevo) и неизвѣстно, кѣмъ именно оно фундовано. Старые люди, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же визитаторъ, не называютъ сію церковь лобачевскою, а называютъ ее, въ силу вѣковой традиціи, церковію забужною брестскою (Zabużną Brzeską), утверждая, что такъ называли ее испоконъ вѣковъ и что подъ этимъ именемъ наданы были ей и земельные фундуши, документы на которые давно затерялись. Къ сей церкви принадлежали луга: а) въ урочищѣ Затока, граничившемъ съ одной стороны рѣкою Бугомъ, а съ другой — озеромъ, б) въ урочищѣ Борочиловка, съ одной стороны — граница Полятыцкая, а съ другой — болото... Показаны еще луга, напр. въ урочищѣ „Недогрызковый лугъ“, и пахатныя земли, большею частію граничившія съ яновскою дорогою; но перечисленіе названій и границъ ихъ, съ указаніемъ тѣхъ перемѣнъ и захватовъ, въ силу которыхъ они переходили изъ рукъ въ руки, было бы утомительно для читателя. Понадобилось, напр., „сбудовать“ въ г. Брестѣ на

Пескахъ „кляшторъ бригитокъ“, безъ церемоніи отнимается у лобачевскаго настоятеля кусокъ земли съ глинистымъ грунтомъ и строятъ здѣсь „цегельню“ (т.-е. кирпичный заводъ), а панъ капитанъ польской гвардіи, нѣкто Беренсъ, (тогдашній арендаторъ лобачевскаго фальварка), чтобы лишить лобачевскаго настоятеля права заносить въ гродскій судъ свою жалобу на такое своеволіе и беззаконіе, предлагаетъ легально замѣну сего куска земли. Небезынтересна и слѣдующая легаційская запись на вышепоименованный Недогрызковый лугъ: „Я, ниже въ подписи поименованный, сознаю настоящею моею добровольною записью на отошедшихъ къ Богу душахъ прадѣдовъ, дѣдовъ, родителей и иныхъ моихъ родственниковъ: Іоакима Новошика, Марины, Анны, Аѳанасія, Ѳеодора, Николая, Михаила и прочихъ въ „Субботникъ“ вписанныхъ, чтобы за сіи души ежегодно на вѣчныя времена по четыре литургіи было отслужено, даю, дарую, легую и вѣчными временами записую лобачевской церкви Недогрызковый лугъ, съ котораго лобачевскій настоятель и преемники его имѣютъ платить чиншъ въ городскую кассу, въ подтвержденіе чего (за неграмотностію) крестомъ святымъ подписуюсь. Иванъ Дмитрукъ“. Эта коротенькая легація, надлежаще посвидѣтельствована бурмистрами г. Бреста 1 іюня 1720 года, и названа ими „Sobotnikowy zapis“.

Плебанальный домъ, по обычаю тогдашнихъ временъ, состоялъ изъ бѣлой избы о двухъ окнахъ, съ печкою изъ зеленыхъ изразцовъ и особымъ каминомъ, затѣмъ — коморкою и кухнею, съ печкою битою изъ глины. Все это покрыто было соломою и составляло личную собственность о. Боницкаго. По-надъ самымъ Бугомъ стояло нѣсколько сараевъ, сдѣланныхъ изъ хвороста. Это съ восточной стороны, а съ западной, раскинуты были церковные огороды и на нихъ до самой яновской дороги — сараи, сѣновалы и т. п. Съ сѣверной же стороны стояла церковь, а за церковнымъ погостомъ сейчасъ же начинались границы церковныхъ пахатныхъ земель подъ самые Огородники... Кромѣ того, лобачевскій священникъ имѣлъ право ловли рыбы въ Бугѣ.

Въ заключительномъ отдѣлѣ визитаторъ пишетъ: „Лобачевская церковь, по вѣковѣчной давности своего существованія, представляетъ изъ себя подобіе руинъ, совсѣмъ негодна къ починкѣ и грозитъ опасностію не только пастырю, но и прихожанамъ во время отправленія богослуженія. Поэтому, въ силу даннаго мнѣ права, я хотѣлъ сію церковь подвергнуть интердикту (т.-е. запрещенію въ ней богослуженія). Но такъ какъ вся лобачевская громада покорно намъ суппликовала и дала обѣщаніе, что въ короткій періодъ времени имѣетъ починить свою церковь, въ такой способъ передѣлаетъ на церковь вновь построенную колокольню..., то, принявши во вниманіе сію просьбу, приказали: старую церковь развалить и изъ оставшагося годнаго дерева пристроить ризницу къ колокольнѣ, которую въ теченіе не далѣе трехъ мѣсяцевъ, подъ угрозой интердикта, перестроить на церковь“.

Въ томъ же заключительномъ отдѣлѣ визитаторъ приказываетъ настоятелю — na Anioł. Pański rano i w wieczór dzwonić... co niedzieli supplikacyą śpiewać et caet..., но, главнымъ образомъ, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на вышепоименованномъ „схизматикѣ“ Иванѣ Солодухѣ, котораго не могли побѣдить и преслѣдованія; визитаторъ изъ опасенія, чтобы сей схизматикъ не попалъ w paszczęki

piekielne, приказываетъ настоятелю принять всевозможныя мѣры къ совращенію его въ унію; если же онъ по прежнему останется непреклоннымъ, то считать его wyklętym, т.-е. отлученнымъ, удалить отъ общенія съ людьми и огласить его по всѣмъ церквамъ и костеламъ...

6) Брестская Кресто-Воздвиженская (Czesnago Kresta) **церковь, въ королевскомъ колляторствѣ, за р. Мухавцомѣ, подлѣ улицы, идущей до** Schyzmatyckiey cerkwi.

Изъ сего заголовка видно, что, во время произведенной визитаторомъ ревизіи брестскихъ церквей, въ г. Брестѣ-Литовскомъ существовала еще и схизматицкая, т.-е. православная церковь. Этотъ глухой терминъ для насъ дорогъ по непреложному свидѣтельству визитатора о существованіи брестской православной церкви, служившей если не центромъ, то сокровищницею духовныхъ и религіозныхъ благъ для лицъ, тѣснимыхъ уніей.

Но и церкви Czesnago Kresta во время ревизіи тоже не существовало. Визитаторъ, производя ревизію сей церкви 25 февраля 1759 года, ревизовалъ уже собственно не зданіе сей церкви, а ея прошлое, сохранившееся лишь въ воспоминаніи народа. Вотъ историческія данныя о брестской церкви въ честь св. Креста, записанныя визитаторомъ со словъ народа: „Близко лѣтъ около 300 (стало быть въ началѣ XV вѣка) существовала церковь за р. Мухавцомъ въ честь Честнаго Креста, за монастыремъ бернардинокъ, по-надъ улицею, ведущею до schyzmatykow. Кѣмъ была она фундована, по чрезмѣрной древности (ob vetustatem nimiam) получить свѣдѣній нельзя было. Передаютъ старые люди, что лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, она разрушена была во время нападеній на Польшу непріятелей шведовъ. Теперь мѣсто, на которомъ стояла сія церковь, обращено на огороды и тамъ же на память поставленъ крестъ (деревянный). Вотъ окружность сего огорода: идя изъ Бреста до Прилукъ, мы видимъ его раскинутымъ за Мухавцомъ и за бернардинками; съ лѣвой стороны сего огорода имѣется по семи полосъ въ двадцать загоновъ на протяженіи отъ прилуцкаго гостинца въ длину до вала городскаго, а поперекъ отъ улицы при самой оградѣ до огорода мѣщанина брестскаго Константина Харка, который, съ архипастырскаго позволенія, имѣетъ на семъ же „Czesnokrestskim“ огородѣ свою избу и пользуется семью загонами того же огорода, за что платитъ, въ пользу епископскаго имѣнія Тришинъ, ежегоднаго чинша 6 золотыхъ. Брестскій епископъ Ѳеофилъ Годебскій, по случаю продолжительнаго незамѣщенія сего прихода (за неимѣніемъ церкви), не желая дальше обращать въ свою пользу нѣкоторыя земли св. Креста церкви, нашелъ такое лицо, которое рѣшилось на свой счетъ построить (вновь) церковь въ честь св. Креста. Это — Николай Кишченя, который, принявши священный санъ отъ вышепоименованнаго епископа, позаботился о матеріалѣ (на постройку церкви): за двѣсти талеровъ купилъ дерева сто тридцать штукъ, предполагая построить церковь на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она и прежде стояла, alie przez zabranie drzewa намѣренія своего не выполнилъ... Несмотря на это, поименованному Кишченѣ переданы были въ пользованіе всѣ земли и луга, принадлежавшіе

церкви Czesnago Kresta“... Затѣмъ слѣдуютъ епископскія записи, на основаніи которыхъ всѣ земли и луга брестской Кресто-Воздвиженской церкви переданы были въ личное пользованіе Николаю Кишченѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ себѣ другое beneficium... Какъ ни двусмысленна исторія съ фундушами церкви Czesnago Kresta, отданными въ пользованіе безприходному священнику (ксендзу), однако визитаторъ въ одномъ мѣстѣ своей пространной визитаціи кратко выражается, что отданный въ пользованіе Николаю Кишченѣ огородъ, принадлежавшій церкви Czesnago Kresta, отнятъ дизунитами, т.-е. православными. Съ вѣроятностію можно думать, что и самая церковь Czesnago Kresta никогда не принадлежала уніатамъ, а если на мѣстѣ ея уніаты хотѣли было воздвигнуть свою церковь, на что свезенъ былъ даже и строительный матеріалъ, то, надо думать, дизуниты, съ отдачею земельныхъ надѣловъ Кресто-Воздвиженской церкви Николаю Кишченѣ, не имѣя возможности такъ скоро отстоять церковную землю, позаботились лишь на первыхъ порахъ о томъ, чтобы на сей землѣ не была воздвигнута противная имъ уніатская церковь.

Заканчивая докладъ мой „Городъ Брестъ-Литовскъ и его древніе храмы“ (главнымъ образомъ, на основаніи генеральной визиты 1759 года), я долженъ былъ бы соединить кой-какіе выводы, такъ или иначе обрисовывающіе дальнѣйшее состояніе уніи и дизуніи (т.-е. православія) въ прибужной странѣ, вплоть до послѣднихъ временъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ на это болѣе точныхъ данныхъ. Для уясненія вопроса, чѣмъ и какъ польская шляхта могла вліять на совращеніе русскаго духовенства и народа въ унію, могутъ служить слѣдующія историческія данныя, соприкасающіяся непосредственно и какъ бы вслѣдъ идущія за объявленною въ г. Брестѣ на соборѣ уніею: закономъ было воспрещено принимать жалобы на владѣльца, даже за убійство имъ своего крестьянина (1572 г.), и вслѣдъ за тѣмъ, каждому шляхтичу предоставленъ былъ надъ его крестьянами весь судъ не только гражданскій, но и духовный, съ правомъ, за не послушаніе въ дѣлахъ религіозныхъ, смертной казни (1573 года); шляхта не только предавала смерти своихъ крестьянъ по личному произволу, но она формальными актами отдавала ихъ въ аренду — съ правомъ меча — жидамъ...

Вообще, что касается крѣпостнаго права, имѣвшаго самое сильное вліяніе на совращеніе православныхъ въ унію, то польско-шляхетская цивилизація, какъ и во многомъ другомъ, представляетъ рѣдкое явленіе въ христіанскомъ мірѣ: обычно у христіанскихъ народовъ, по мѣрѣ развитія общечеловѣческихъ понятій, крѣпостное право слабѣло, сглаживалось закономъ и, наконецъ, вовсе отмѣнялось. Въ одной Польшѣ оно не только никогда не было ограничиваемо, но постоянно распространялось, до конца ея существованія. Такъ, почти наканунѣ ея разрушенія, 1764 г., конституціей о поповичахъ, дѣти православнаго и уніатскаго духовенства обращались въ крѣпостныхъ тѣхъ селеній, гдѣ отцы ихъ были священниками, а въ 1768 году

помѣщена, между основными законами республики, слѣдующая статья: „Неприкосновенность власти и права собственности шляхты надъ имѣніями и крестьянами не должна быть ни отмѣняема, ни уменьшаема. Однако же, право жизни и смерти не можетъ оставаться въ рукахъ помѣщика; крестьянинъ, совершившій уголовное преступленіе, долженъ быть отправленъ въ судъ гродскій или земскій“.

Не ясно ли, что помѣщичье право на жизнь крестьянъ существовало до 1768 года? Впрочемъ, изъ актовъ, изданныхъ Кіевскою и Петербургскою археографическими коммиссіями, равно изъ актовъ городовъ Вильны, Трокъ, Минска и т. д., разновременно печатавшихся въ Вѣстникѣ Юго-Западной и Западной Россіи, а также изданныхъ отдѣльными сборниками, видимъ, что ограниченіе этого права оставалось только въ буквѣ закона и на практикѣ не было исполняемо.

Свидѣтельства о насиліяхъ шляхты и польской, и русской ополяченной, надъ простымъ народомъ до конца XVIII вѣка находимъ у лучшихъ польскихъ писателей: Лелевеля, Маціовскаго, Марачевскаго, Шейнохи, Нарбута не исключая даже и Крашевскаго...

Все это порешло уже въ область преданій. Какъ и все на свѣтѣ забывается, забудется современемъ въ народѣ и унія.

Въ настоящее время въ г. Брестѣ-Литовскомъ, кромѣ деревянной „братской“ церкви и недавно освященной военной церкви, красуются два православныхъ собора: а) городской, во имя св. Симеона Столпника, въ которомъ почиваютъ мощи преподобнаго Аѳанасія, игумена Брестскаго, и б) крѣпостной, во имя святителя Христова Николая, — и, кто знаетъ, быть можетъ, сей послѣдній храмъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ (по крайней мѣрѣ, вблизи его), гдѣ встарину красовалась брестская св.-Николаевская каѳедральная церковь, въ которой 9 октября 1596 г. провозглашена была ренегатами православія злосчастная унія.

Ѳ. В. Покровскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КАРТА
Гродненской губерніи.

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая улица, № 88.
1895.

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Предсѣдатель Графиня Уварова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изданіи археологической карты Виленской губерніи въ 1893 году мы уже имѣли случай намѣтить общіе признаки работъ подобнаго рода, а равнымъ образомъ и указать основанія практикуемой нами картографіи археологическаго матеріала поэтому, въ настоящемъ случаѣ, не вдаваясь въ излишнія повторенія, считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ источниковъ археологической карты Гродненской губерніи и повторить лишь тѣ замѣчанія, которыя необходимы для уясненія нѣкоторыхъ техническихъ особенностей работы.

Подобно тому, какъ и при составленіи археологической карты Виленской губерніи, главнымъ въ экстенсивномъ отношеніи матеріаломъ для карты Гродненской губерніи послужили свѣдѣнія, доставленныя православнымъ духовенствомъ, народными учителями и волостными писарями. Свѣдѣнія эти по Гродненской губерніи въ общемъ, конечно, одинаковы съ такими же свѣдѣніями по Виленской, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что, въ виду почти сплошнаго православнаго народонаселенія Гродненской губерніи, свѣдѣнія духовенства по этой губерніи обнимаютъ всю вполнѣ губернію, тогда какъ въ Виленской губерніи они почти совершенно отсутствуютъ для ея западныхъ частей.—Свѣдѣнія, доставленныя волостными писарями, напечатаны, послѣ пополненія ихъ сообщеніями нѣкоторыхъ лицъ деревенской администраціи, въ особой брошюрѣ — „Топографическія свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ въ Гродненской губерніи“ (А. Штритеръ), свѣдѣнія же духовенства и народныхъ учителей сохраняются въ рукописяхъ,—первыя въ архивѣ литовской духовной консисторіи, а послѣднія въ Виленской публичной библіотекѣ, куда они переданы изъ предварительнаго комитета по устройству IX археологическаго съѣзда. Свѣдѣнія упомянутыхъ выше лицъ, сообщая, въ большинствѣ случаевъ, объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, нерѣдко различаются полнотою, точностію описанія, а иногда и не чужды взаимныхъ противорѣчій. При отсутствіи разнорѣчія въ свѣдѣніяхъ, мы, какъ и въ объяснительномъ текстѣ къ археологической картѣ Виленской губерніи, ограничивались составленіемъ одного возможно полнаго описанія каждаго предмета, причемъ нерѣдко одни признаки предмета приходилось заимствовать у одного автора (священника, учителя, писаря), другіе — у другого, такъ что иногда самая краткая замѣтка, въ объемѣ одного предложенія, составлялась на основаніи двухъ — трехъ

источниковъ. Въ этомъ случаѣ мы считали безцѣльнымъ указывать каждый разъ источникъ, замѣнивъ неизбѣжныя при такомъ порядкѣ дѣла многочисленныя цитаты однимъ общимъ указаніемъ источниковъ въ концѣ описанія каждаго мѣста. Указаніе это выражено въ формѣ постановки буквъ С, У, П, изъ которыхъ С — значитъ сообщеніе мѣстнаго священника, У—учителя мѣстной народной школы и П—волостного писаря. Въ случаѣ же разногласія между свѣдѣніями, кромѣ этихъ общихъ указаній, мы каждый разъ цитировали непосредственно въ текстѣ источникъ, которому принадлежитъ то или другое изъ разнорѣчивыхъ показаній. Составленный такимъ образомъ на основаніи указанныхъ свѣдѣній текстъ мы считали нужнымъ, на сколько имѣли физической возможности, пополнить всѣми тѣми фактами, которые сдѣлались достояніемъ печати. Археологическая литература Гродненской губерніи не поражаетъ, правда, обиліемъ научно-систематическихъ изслѣдованій, тѣмъ не менѣе, въ виду совпаденія предполагаемаго мѣста поселенія Ятвяговъ, — этого загадочнаго до сихъ поръ племени,—съ западными предѣлами Гродненской губерніи, также благодаря мѣстонахожденію въ Гродненской губерніи города Дрогичина, — этой западно-русской Помпеи, и Коложской церкви, — этого любопытнѣйшаго памятника древне-русскаго церковнаго зодчества, естественнымъ образомъ, уже съ давнихъ поръ явилась потребность обратить вниманіе на памятники Гродненской старины, результатомъ чего было появленіе не одной монографіи объ этихъ памятникахъ и болѣе или менѣе обширныхъ замѣтокъ объ нихъ въ цѣльныхъ историческихъ системахъ. Не прошелъ безслѣдно для археологическаго изслѣдованія Гродненской губерніи также и состоявшійся въ 1893 году въ Вильнѣ IX археологическій съѣздъ. Во всякомъ случаѣ, Гродненская губернія въ археологическомъ отношеніи можетъ считаться болѣе обслѣдованною, чѣмъ, напримѣръ, губернія Виленская.

Въ цѣляхъ возможно строгаго объективизма, помѣщаемый ниже перечень источниковъ располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, причемъ, въ виду соображеній чисто внѣшнепрактическаго характера, указываемъ сначала статьи и сочиненія на русскомъ языкѣ, а потомъ на иностранныхъ (главнымъ образомъ, конечно, на польскомъ). Не излишнимъ также считаемъ замѣтить, что предлагаемый перечень содержитъ только тѣ статьи и сочиненія, которыя представляютъ фактическій и оригинальный матеріалъ для археологической карты: такимъ образомъ изъ него исключены сочиненія въ родѣ, напримѣръ, — „Курганы въ Литвѣ и Западной Руси“, К. Тышкевича, или третій томъ „Живописной Россіи“, которыя, судя по ихъ заглавію, должны имѣть непосредственное отношеніе къ нашему вопросу, на самомъ же дѣлѣ не даютъ ни одного почти факта для археологической карты Гродненской губерніи. Не считается также необходимымъ указывать всю сумму трактатовъ, относящихся къ одному какому нибудь памятнику, а равнымъ образомъ и перечислять все то, что имѣетъ къ дѣлу лишь побочное отношеніе. По отношенію къ подобнаго рода источникамъ мы считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ ихъ въ мѣстахъ ихъ непосредственнаго приложенія. Такимъ же указаніемъ возможно ограничиться и по отношенію къ источникамъ церковнаго характера, такъ какъ и самый церковно-археологическій матеріалъ имѣетъ лишь побочное въ картѣ значеніе.

А) Русскіе источники для археологической карты Гродненской губерніи.

„Нумизматическое извѣстіе“.—Гродненскія Губерн. Вѣдомости, 1847 г., № 32. Описаніе серебряной еврейской монеты (сикля), находящейся въ Супрасльскомъ монастырѣ.

Новѣйшія находки монетъ въ разныхъ губерніяхъ.—Извѣстія Императорскаго археологическаго общества, 1859 г. Т. I. Смѣсь, стр. 406. Указаніе находки монетнаго клада въ м. Дворцѣ, Слонимскаго у.

П. Бобровскій. Друскеникскія минеральныя воды.—Виленскій Вѣстникъ 1861 г., № 67. Есть упоминаніе о курганахъ, въ большомъ количествѣ разбросанныхъ около Друскеникъ.

——— Гродненская губернія. С.-Пб. 1863 г. При описаніи достопримѣчательныхъ мѣстъ въ губерніи указываются (повторяются, иногда съ своеобразною окраскою, главнымъ образомъ свѣдѣнія изъ „Starożytna Polska“—Балинскаго) и нѣкоторые древнеисторическіе памятники.—Свѣдѣнія по Слонимскому уѣзду перепечатаны въ особой статьѣ П. Бобровскаго, Слонимъ и примѣчательныя мѣста Слонимскаго уѣзда.—Вѣстникъ Западной Россіи 1866 г. Т. IV, Отд. II, стр. 161 и слѣд.

Каменная башня въ Каменцѣ-Литовскомъ.—Памятная книжка Гродненской губерніи на 1866 г. Содержаніе статьи опредѣляется ея заглавіемъ.

Гр. К. Тышкевичъ.—Свинцовые оттиски, найденные въ Бугѣ.—Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества, 1867 г. Т. I, В. 2, стр. 115 и слѣд. Первое извѣстіе о находкѣ въ г. Дрогичинѣ одного изъ интереснѣйшихъ теперь въ русской археологіи предмета—свинцовыхъ пломбовидныхъ оттисковъ, и попытка, при содѣйствіи извѣстныхъ иностранныхъ археологовъ, объяснить значеніе оттисковъ.

Виленскій Вѣстникъ, 1867 г. № 92. Первое извѣстіе о колоколѣ изъ м. Неводницы, находящемся теперь въ Виленскомъ музеѣ.

Гр. К—ій. Княжацкія могилки.—Гродненскія Губернскія Вѣдомости, 1867 г., № 29.—Краткая замѣтка объ извѣстномъ подъ упомянутымъ именемъ холмѣ, близъ им. Великія-Русоты.

Русскій. Достопримѣчательности въ Бѣльскомъ уѣздѣ.—Гродненскія Губ. Вѣдомости, 1868 г., № 13.—Указаніе горы, находящейся въ г. Мельникѣ, окоповъ расположенныхъ около г. Мельника, и чудотворной иконы, сохраняющейся въ Пречистенской Мельникской церкви.

Корчанъ. Курганъ Жениховщина. — Виленскій Вѣстникъ, 1868 года, № 6.— Описаніе кургана и соединенныхъ съ нимъ легенды и народныхъ обычаевъ, близъ деревни Мостовлянъ, Гродненскаго уѣзда.

Древній памятникъ въ Брестскомъ уѣздѣ. — Вѣстникъ Западной Россіи, 1870 г. т. II, стр, 332. Описаніе каменной башни близъ Каменецъ-Литовска.

Новое приращеніе археологическаго отдѣленія Виленскаго музея. — Виленскій Вѣстникъ, 1872 г. № 5. Перечень предметовъ, добытыхъ при раскопкахъ главнымъ образомъ каменныхъ могилъ—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣльскаго уѣзда, и попытка, на

основаніи сравненія этихъ предметовъ съ однородными вещами Виленскаго музея, объяснить одноплеменность Ятвяговъ съ Литовцами. Перечисленные въ этой статьѣ предметы составляютъ теперь такъ называемую Шнейдеровскую коллекцію Виленскаго музея.

Ю. Иверсенъ. Нѣсколько извѣстій о кладахъ, найденныхъ въ Россіи.—Извѣстія Императорскаго археологическаго Общества, 1872 г. Т. VII. Выпускъ I, стр. 1—6. Перечень монетъ, найденныхъ въ деревнѣ Подлуже, Брестскаго уѣзда, и въ деревнѣ Шербинѣ, того же уѣзда.

Ю. Кузнецовъ. Письмо къ секретарю русскаго географическаго общества.—Извѣстія Импер. русск. геогр. Общества, 1873 г., Т. IX, № 1, стр. 18—19. Слѣды стариннаго сооруженія на сваяхъ въ озерѣ Рыбницѣ, Гродненскаго уѣзда.

А. Будзинскій. Археологическія розысканія въ Гродненской, бывшей Августовской, нынѣ Сувалкской и Ломжинской губерніяхъ, въ періодъ времени отъ 1857 до 1869 годовъ произведенныя А. Будзинскимъ.—Памятная книжка Сувалкской губерніи, на 1875 г. Отд. III, стр. 81—95; съ двумя таблицами рисунковъ.—То же „Bibl. Warzsawska", 1871 г. Февраль.—Къ гродненскому району въ статьѣ относится описаніе каменнаго могильника, при дер. Острожанахъ, Наройской вол., Бѣльскаго уѣзда.

В. Балабушевичъ. Каменецкій столбъ. — Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 года. №№ 14 и 15.—Краткій историческій очеркъ Каменецъ-Литовска и современное состояніе находящейся близъ него, построенной въ XIII вѣкѣ, каменной башни.

Э. Вольтеръ. Археологическія коллекціи частныхъ лицъ въ Сѣверо-западномъ краѣ.—Виленскій Вѣстникъ, 1889 года, № 269. Изъ перечисляемыхъ здѣсь коллекцій къ району Гродненской губерніи имѣютъ отношеніе—коллекція гр. Флери—въ им. Кемпѣ, Бѣлостокскаго уѣзда, и г. Глогера—въ Ежовѣ, Ломжинской губерніи.

Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва; историческія судьбы Сѣверо-западнаго края. Спб. 1890 г. Для нашей цѣли сочиненіе больше всего имѣетъ значенія по своимъ рисункамъ нѣкоторыхъ предметовъ мѣстной старины.

Н. Авенаріусъ. Дрогичинъ-Надбужскій и его древности.—Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею, № 4. Спб. 1890 г., стр. 3—42. Обширная статья г. Авенаріуса состоитъ изъ слѣдующихъ VII отдѣловъ: I) Краткій очеркъ исторіи Дрогичина. II) Дрогичинское городище и результаты его изслѣдованія г. Авенаріусомъ. III) Дрогичинскіе свинцовые оттиски и предполагаемое ихъ значеніе. IV) Характеристика кургановъ и каменныхъ могилъ преимущественно въ сосѣднихъ съ Дрогичиномъ частяхъ Бѣльскаго уѣзда. V) Критика сложившагося, преимущественно въ польской археологической литтературѣ, убѣжденія о принадлежности каменныхъ могилъ Ятвягамъ, и попытка отодвинуть мѣстопоселеніе Ятвяговъ далѣе на сѣв.-зап., въ бассейнъ р. Бобра. VI) Хронологическій распорядокъ кургановъ и каменныхъ могилъ. VII) Русско-церковная дрогичинская старина. Къ статьѣ приложены археологическая карта части Бѣльскаго уѣзда и двѣ таблицы рисунковъ. Для археологической карты Гродненской губерніи статья г. Авенаріуса больше всего даетъ матеріала своими вторымъ и четвертымъ отдѣлами.

Е. Орловскій. Очеркъ исторіи города Гродны, составленный на основаніи печатныхъ источниковъ.—Памятная книжка Гродненской губерніи на 1890 годъ. Приложеніе, стр. 76, и особый оттискъ. Содержаніе статьи опредѣляется ея заглавіемъ; для нашей цѣли нѣкоторое значеніе имѣютъ, не оригинальныя, впрочемъ, замѣтки о старомъ замкѣ и Коложской церкви.

М. И. Макаревскій. Сообщеніе къ предстоящему (IX) археологическому съѣзду.—Виленскій Вѣстникъ, 1892 года, № 241. Описаніе находящейся около с. Накрышекъ, Слонимскаго у., каменной плиты и указаніе нѣкоторыхъ другихъ археологическихъ памятниковъ въ Накрышскомъ районѣ.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и проч. въ Россіи и заграницею. — Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, 1893 г., № 1. стр. 17—18. Описаніе городищъ и кургановъ близъ им. Кожаны, Завыковской волости, Бѣлостокскаго уѣзда.

И. Шулицкій. Археологическія и историко-географическія замѣтки. — Труды Виленскаго Отдѣленія Московскаго предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда. Вильна, 1893 г. Отд. I, стр. 60—65. Перечень четырнадцати селеній Гродненской губерніи, отмѣченныхъ мѣстонахожденіемъ около нихъ нѣкоторыхъ археологическихъ памятниковъ, главнымъ образомъ—городищъ.

Е. Михайловскій. Археологическіе очерки Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи.—Труды Виленскаго Отдѣленія предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда. Вильна, 1893 года. Отд. II, стр. 165—186. Описаніе отчасти изслѣдованныхъ авторомъ городищъ, кургановъ и другихъ археологическихъ достопримѣчательностей, расположенныхъ главнымъ образомъ въ предѣлахъ Слонимскаго уѣзда, именно по линіи, начиная отъ м. Дворца на Ю.—къ г. Слониму и отсюда, по направленію на З., къ г. Волковыску. Въ концѣ статьи—перечень принадлежащихъ автору нѣкоторыхъ предметовъ древности, переданныхъ имъ въ предварительный Комитетъ IX археологическаго съѣзда и теперь находящихся въ Виленскомъ музеѣ древностей.

Н. Леопардовъ. О значеніи археологіи въ оцѣнкѣ историческихъ памятниковъ.—Труды Виленскаго Отдѣленія предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда. Вильна, 1893 года. Отд. II, стр. 329—336. Рисунки шести найденныхъ въ Дрогичинѣ христіанскихъ крестиковъ и попытка обосновать на этой находкѣ существованіе Дрогичина уже въ IV—V вѣкѣ нашей эры.

В. Грязновъ. Коложская Борисоглѣбская церковь въ г. Гроднѣ.—Труды Виленскаго Отдѣленія предварительнаго Комитета по устройству IX археологическаго съѣзда. Вильна, 1893 г. Отд. II, стр. 361—71. Кромѣ главнаго своего предмета, статья представляетъ нѣкоторый интересъ по указанію первобытнаго культурнаго слоя, обнаруженнаго въ береговомъ откосѣ Нѣмана, близъ Коложской церкви.

Гр. Флери. О неолитической стоянкѣ въ Кемпѣ.—Извѣстія IX археологическаго съѣзда. Вильна, 1893 г. Рефератъ 5 августа.

К. Конопацкій. Село Ятвесскъ, Гродненскаго уѣзда.—Виленскій Вѣстникъ, 1894 г. № 43.—Находящійся близъ Ятвесска „каменный столбъ" и соединенные съ нимъ народные разсказы.

Въ заключеніе приведеннаго перечня слѣдуетъ упомянуть

Архивъ Императорской Археологической Коммиссіи. Дѣла: 1867 г., № 41; 1868 г., № 16; 1879 г., № 29; 1880 г., № 7; 1884 г., № 35; 1885 г., №№ 7 и 17; 1886 г., №№ 37 и 55; 1887 г., № 35; 1889 г., № 92; 1892 г., № 75. Содержаніе перечисленныхъ дѣлъ составляетъ переписка по поводу кладовъ, доставленныхъ изъ Гродненской губерніи въ Имп. Археол. Коммиссію. Въ нѣкоторыхъ изъ дѣлъ есть указанія на городища и курганы, находящіеся поблизости мѣстъ находки кладовъ. Наибольшій археологическій интересъ имѣетъ кладъ, найденный въ дер. Бужискѣ, Бѣльскаго уѣзда, и въ ур. Дуброва, принадлежащемъ им. Кундзинъ, Сокольскаго уѣзда.

Б) Источники на польскомъ[1]) языкѣ.

T. Narbutt. Badanie starożytnosci litewskich. O Jatweżach. — Tygodnik Wileńsky, 1817. Tom IV, str. 59, 79. 80. Надписи на бревнахъ Скидельской, Гродненскаго уѣзда, церкви, имѣющія отношеніе къ исторіи Ятвяговъ.

——— Dzieje starożytne narodu litewskiego. Tom I—IX. Wilno, 1835—1841 г. Среди другихъ сомнительнаго характера свѣдѣній выдѣляется сравнительною достовѣрностію описаніе доисторическаго кладбища, близъ Друскеникъ.

I. Jaroszewicz. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasow najdawniejszych do końca wieku XVIII. Wilno, 1844 г. Кромѣ многихъ другихъ замѣчаній въ текстѣ историческаго, главнымъ образомъ, характера, для археологической карты Гродненской губерніи представляетъ особенный интересъ примѣчаніе II-е, гдѣ собраны довольно значительныя свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ (магилахъ), находящихся теперь въ Бѣльскомъ уѣздѣ, и опредѣляемыхъ Ярошевичемъ въ качествѣ вещественныхъ остатковъ исчезнувшаго племени Ятвяговъ.

Baliński. Starożytna Polska. Warszawa, 1845—46 гг. Въ описаніи отдѣльныхъ мѣстъ упоминаются стародавніе (иногда доисторическіе) оборонные замки; при нѣкоторыхъ изъ нихъ указываются и курганы.

Miasto Kleszczele na Podlasiu. — Biblioteka Warszawska, 1845 г. Tom III, str. 173 и слѣд. Объясненіе названія одной изъ находящихся близъ Клещелей мѣстности въ смыслѣ указанія на существованіе здѣсь мѣста языческаго культа.

W. Ossoliński. O uroczysku historycznêm, zwanêm Kumat. — Biblioteka Warszawska, 1848 г. Zeszit XCVI, str. 465 и слѣд. Описаніе городища - могильника, находящагося въ урочищѣ Куматъ и относимаго авторомъ ко времени послѣднихъ дней Ятвяговъ.

I. Jaroszewicz. Jadźwingi.—Biblioteka Warszawska, 1853 г. Zeszit CLII, str. 193 и сл. Нѣсколько расширенная (особенно по отношенію къ археологическимъ памятникамъ)

---

[1]) За однимъ исключеніемъ.

выдержка изъ сочиненія того же автора — Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Wilno, 1844 г., str. 204 и сл.

J. Zawisza. Mereczowskie okopisko i jezioro Switez. — Biblioteka Warszawska, 1872 г. Tom III, str. 444. Описаніе находящагося въ районѣ Коссовской вол., Слонимскаго у., городища и результатъ изслѣдованія расположенныхъ поблизости къ нему кургановъ и языческаго кладбища.

Z. Gloger. Osady nad Niemnem i na Podlasiu z czasów użytku krzemienia.—Wiadomosci Archeologiczne. Tom I. Warszawa, 1873 г. str. 97—123. Къ гродненскому району относятся первобытныя стоянки, расположенныя по берегамъ Нѣмана, въ предѣлахъ его теченія на границѣ Гожской и Соболянской волостей, Гродненскаго уѣзда.

—— Korespondencya do Redakcyi Biblioteki Warszawskiey. — Bibl. Warsz., 1876 г. Tom I, str. 131. Одинъ изъ обычныхъ, въ теченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ помѣщаемыхъ въ „Библіотекѣ Варшавской“ г. Глогеромъ, краткихъ отчетовъ о его археологическихъ экскурсіяхъ и пріобрѣтеніяхъ въ теченіи предыдущаго года. Въ данной корреспонденціи указывается 7 первобытныхъ стоянокъ,—двѣ вблизи Нарева, около дер. Гуры, и пять въ бассейнѣ р. З. Буга, именно: а) въ окрестностяхъ дер. Рѣчицы, б) близъ устья р. Пульвы, в) около поселенія, называемаго Бандугой, г) между Крынками и Немировымъ и д) около дер. Верхуцы Надбужской.

—— *То же.*—Biblioteka Warszawska, 1877 г. T I, str. 146. Первобытныя стоянки близъ дер. Погорѣлокъ, Бѣлостокскаго уѣзда, и м. Волчина, Брестскаго уѣзда.

Zabytki przedhistoryczne. — Gazeta Warszawska, 1878 г., № 207. Замѣтка о доисторической стоянкѣ, находящейся въ им. Кемпѣ Гельчинской, Бѣлостокскаго уѣзда.

Z. Gloger. Korespondencya do Redakcyi Biblioteki Warszawskiej.—Bibl. Warsz., 1878 г. Tom I, str. 151. Первобытная стоянка на берегу р. Супрасли;—см. с. Фасты.

—— *То же.*—Biblioteka Warszawska, 1879 г. Tom I, str. 143—5. Первобытныя стоянки близъ дер. Клызовки, Бѣльскаго уѣзда, и дер. Гельчина, Бѣлостокскаго уѣзда.

A. Kohn u. Mehlis. Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa. Jena. 1879. Сочиненіе представляетъ перепечатку археологическихъ свѣдѣній, появившихся на польскомъ языкѣ до 1879 года. Изъ матеріаловъ, относящихся къ Гродненской губерніи, здѣсь помѣщены г. Глогера — Osady nad Niemnem... и г. Ягмина — Brźegi Buga.

Z. Gloger. Korespondencya do Redakcyi. Biblioteki Warszawskiej—Bibl. Warsz. 1880 г., Tom I, str. 154. Первобытныя стоянки по берегамъ р. Бобра и близъ м. Лунны, и находка кремневаго ножа близъ Пружанъ.

—— *То же.*—Biblioteka Warszawska, 1881 г. Tom I, str. 111—114. Указаніе первобытныхъ (кремневыхъ) стоянокъ въ бассейнѣ верхняго Нарева, также на рѣкахъ Наревкѣ и Ротничанкѣ. Здѣсь же упоминаются находки каменныхъ ядеръ въ Наревѣ, у Тикоцина.

—— *То же.*—Biblioteka Warszawska, 1882. Tom I, str. 147. Результаты раскопки кургана въ им. Вишовѣ, Слонимскаго уѣзда, и находка каменнаго топора въ рѣкѣ Бугѣ, противъ Городка.

Z. Gloger. Osady przedhistoriczne na porzeczu Biebrzy.—Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Tom VI. Krakow, 1882 г., str. 3—10. Результаты изслѣдованія первобытныхъ (кремневыхъ) стоянокъ, расположенныхъ по берегамъ рѣки Бобра. Въ районѣ Гродненской губерніи, изъ указанныхъ здѣсь стоянокъ, находятся двѣ, именно—при дер. Шафранкахъ, и въ им. Кемпѣ Геляжинской (Гельчинской).

——— Notatki archeologiczne Michała Fedorowskiego z okolic Słonima, kurhany pod Wiszowem.—Pamiętnik Fizyjograficzny, 1882. Tom II, str. 491 и сл. Нѣсколько словъ объ археологическихъ памятникахъ Слонимскаго уѣзда, и результатъ раскопки одного изъ кургановъ въ им. Вишовѣ, Слонимскаго уѣзда.

K. Jagmin. Skorbiczi. — Wiadomości Archeologiczne, Tom IV. Warszawa, 1882 г., str. 98—108. Результатъ изслѣдованія двухъ старинныхъ (одного доисторическаго) кладбищъ, близъ дер. Скорбичей, Брестскаго уѣзда. Здѣсь же упоминается о находкѣ глиняныхъ урнъ въ им. Вистицахъ.

Z. Gloger. Korespondencya do Redakcyi Biblioteki Warszawskiej.—Biblioteka Warszawska, 1883 г., Tom I, str. 141.—Первобытныя стоянки у дер. Лясковца, Суража, Бѣлостока и д. Скорбичей; находка каменныхъ предметовъ въ Вишовѣ и Неводницѣ (см. перечисленныя мѣста въ текстѣ).

——— Podróż Niemnem. Warszawa 1888;—оттискъ изъ тома II—„Wisła".—Поѣздка на лодкѣ по Нѣману отъ Гродны до Ковны. Археологическій интересъ представляетъ указаніе первобытныхъ стоянокъ по берегамъ Нѣмана и находки въ этихъ мѣстахъ разныхъ предметовъ древности, главнымъ образомъ,—кремневаго оружія. Археологическая часть статьи, въ нѣсколько расширенномъ видѣ, повторяется въ Wiadomości Archeologiczne, Tom I, str. 97—123.—Osady nad Niemnem.

Приведенный списокъ источниковъ долженъ быть пополненъ указаніемъ археологическихъ коллекцій, имѣющихъ отношеніе къ Гродненской губерніи. Не перечисляя единичныхъ предметовъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, равно какъ и тѣхъ коллекцій, въ которыя предметы гродненской старины входятъ случайно и всегда въ самомъ ничтожномъ количествѣ [1]), здѣсь мы считаемъ нужнымъ упомянуть, во-первыхъ, Виленскій музей древностей, а потомъ частныя коллекціи г. Глогера, гр. Флёри, г. Болсуновскаго и, пожалуй, незначительныя собранія предметовъ древности г. Авенаріуса и Гродненскаго Статистическаго Комитета.

Въ Виленскомъ музеѣ древностей, кромѣ единичныхъ находокъ, для Гродненской губерніи представляетъ особенный интересъ такъ называемая коллекція Шнейдера [2]), составившаяся изъ предметовъ, собранныхъ акцизнымъ чиновникомъ Сонгинымъ и сыномъ фабриканта Шнейдеромъ въ предѣлахъ Бѣльскаго уѣзда,—преимущественно,—въ районѣ Семятичской и Наройской волостей. Изъ позднѣйшихъ поступленій въ Музей, по Гродненской губерніи, слѣдуетъ отмѣтить небольшую коллекцію, собранную священникомъ Сынковичской, Слонимскаго уѣзда, церкви о. Ми-

---

[1]) Свѣдѣнія о такихъ коллекціяхъ равно какъ и о владѣльцахъ единичныхъ предметовъ см. въ текстѣ.
[2]) Каталогъ Виленскаго музея древностей, 1885 г. Отд. 3, №№ 467—878.

хайловскимъ.—Въ объяснительномъ текстѣ къ археологической картѣ предметы Музея цитируются по слѣдующимъ изданіямъ:

а) Каталогъ предметовъ музея древностей, состоящаго при виленской публичной библіотекѣ. Вильна, 1885 г.;

б) Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ, въ 1893 году. Вильна, 1893 г.; и

в) *Ѳ. Покровскій.*—Виленскій музей древностей. Вильна, 1892 года.

Коллекція г. Глогера составилась изъ предметовъ, собранныхъ ея владѣльцемъ во время неоднократныхъ археологическихъ экскурсій (между прочимъ и по Гродненской губерніи), а также и изъ случайныхъ пріобрѣтеній. Нѣкоторые изъ предметовъ находятся теперь въ Краковѣ, а также и въ Варшавѣ, но большинство, повидимому, сохраняется въ имѣніи г. Глогера—Ежовѣ, Ломжинской губерніи. Каталога коллекціи не имѣется, но благодаря симпатичному обычаю владѣльца помѣщать въ „Библіотекѣ Варшавской" отчеты о своихъ экскурсіяхъ и пріобрѣтеніяхъ, думается, едва-ли опущены нами, при составленіи Археологической Карты, какіе нибудь предметы коллекціи, имѣющіе отношеніе къ Гродненской губерніи. Судя по упомянутымъ отчетамъ и другимъ многочисленнымъ статьямъ г. Глогера, коллекція его представляетъ особенный интересъ по богатству предметовъ кремневаго оружія.

Коллекція гр. Флёри состоитъ изъ предметовъ, собранныхъ, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Сѣдлецкой, Ломжинской и Гродненской губерній. Подобно коллекціи г. Глогера, въ ней преобладаютъ, въ количественномъ отношеніи, предметы изъ кремня, и, въ частности, для Гродненской губерніи имѣютъ значеніе тѣ изъ нихъ, которые найдены въ имѣніи гр. Флёри—Кемпѣ Гельчинской, Бѣлостокскаго уѣзда, и нѣсколько предметовъ изъ дрогичинскаго городища. Каталога коллекціи — нѣтъ, и наше знакомство съ нею основано на непосредственномъ наблюденіи наибольшей, кажется, части коллекціи, бывшей на Археологической выставкѣ при IX Археологическомъ съѣздѣ, въ Вильнѣ.

Коллекція г. Болсуновскаго для нашей цѣли представляетъ интересъ по значительному количеству входящихъ въ ея составъ предметовъ изъ дрогичинскаго городища. Перечень предметовъ этой коллекціи есть въ „*Каталогѣ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX Археологическомъ съѣздѣ, въ Вильнѣ, въ 1893 году*". Нѣсколько рисунковъ дрогичинскихъ предметовъ изъ коллекціи г. Болсуновскаго помѣщено въ изданіи г. *Леопардова:* Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ.

Археологическіе предметы, сохраняющіеся у г. Авенаріуса (въ Бѣлостокѣ), представляютъ собственно случайный остатокъ богатой коллекціи, собранной имъ при изслѣдованіи дрогичинскаго городища и кургановъ и каменныхъ могилъ, Бѣльскаго уѣзда, и переданной въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Подробнаго перечня предметовъ этой коллекціи въ печати нѣтъ, но болѣе характерные изъ нихъ описаны, съ приложеніемъ рисунковъ, въ упомянутой выше статьѣ г. Авенаріуса,— Дрогичинъ Надбужскій. Предметы, находящіеся у г. Авенаріуса, были на выставкѣ

при IX Археологическомъ съѣздѣ, и перечень ихъ помѣщенъ въ каталогѣ этой выставки.

Небольшое собраніе предметовъ древности при Гродненскомъ Статистическомъ Комитетѣ состоитъ, въ большей своей части, изъ найденныхъ въ Гродненской губерніи монетъ и возвращенныхъ въ Комитетъ, послѣ провѣрки ихъ въ Императорской Археологической Коммиссіи. За исключеніемъ незначительнаго количества монетъ и 2 — 3 предметовъ, къ сожалѣнію, утратившихъ свою исторію, коллекція археологическаго интереса не имѣетъ, и надобности въ ея каталогизаціи не представляется.

Добытый на основаніи перечисленныхъ источниковъ матеріалъ расположенъ, какъ и въ объяснительномъ текстѣ къ картѣ Виленской губерніи, въ порядкѣ гидрографическаго расчлененія Гродненской губерніи. Съ этой точки зрѣнія, всю губернію можно раздѣлить на слѣдующія пять частей:

I) Бассейнъ рѣки Нѣмана: большая часть Слонимскаго и Волковыскаго уѣздовъ и весь Гродненскій.

II) Бассейнъ рѣки Бобра: сѣверная часть Сокольскаго и сѣверо-западная часть Бѣлостокскаго уѣздовъ.

III) Бассейнъ рѣки Нарева: юго-западная часть Волковыскаго и сѣверо-западная часть Пружанскаго уѣздовъ, сѣверо-западная часть Бѣльскаго уѣзда, почти весь Бѣлостокскій и южная часть Сокольскаго уѣзда.

IV) Бассейнъ рѣки Зап. Буга: весь Брестскій уѣздъ, западныя части Кобринскаго и Пружанскаго уѣздовъ и юго-западная часть Бѣльскаго уѣзда.

V) Бассейнъ рѣки Притяти: южная часть Слонимскаго и восточныя части Пружанскаго и Кобринскаго уѣздовъ.

Бассейнъ р. Нѣмана.

1) **м. МОЛЧАДЬ**, 43°23′ в. д., 53°18′ с. ш., на р. Молчади, Люшневской вол., Слонимскаго у.

Въ полутора верстахъ отъ дер. Серебрицъ на крестьянскомъ полѣ есть возвышенность (курганъ), высотою около 3 саж. Народъ называетъ курганъ—„Стороженая“ и разсказываетъ, что онъ насыпанъ поляками во время мятежа.

Въ предѣлахъ Люшневской волости находится нѣсколько незначительныхъ въ количественномъ отношеніи курганныхъ группъ; расположены онѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) около самого мѣстечка Молчади находится три кургана,—одинъ—въ казенной дачѣ, а два другихъ—на крестьянской землѣ; 2) на крестьянской землѣ дер. Савцовъ — два кургана; 3) на землѣ пом. Валицкаго — три кургана; 4) на крестьянской землѣ д. Ивановичей — одинъ курганъ; 5) на землѣ д. Подлозянъ также одинъ курганъ; 6) въ 2½ верстахъ на В. отъ с. Люшнева, въ такъ называемой пущѣ (лѣсъ) пом. Воловича, есть два кургана, въ разстояніи 200 саж. одинъ отъ другого, и, 7) наконецъ, пять кургановъ находятся на С. отъ имѣнія пом. Колонтая, на крестьянской землѣ села Люшнева.—Всѣ перечисленные курганы одинаковой, приблизительно, высоты отъ 2½ до 3 аршинъ, и во всѣхъ ихъ, по словамъ народа, погребены воины, павшіе во время шведской войны.—Одинъ курганъ первой группы и оба кургана шестой неизвѣстно кѣмъ и съ какою цѣлію были раскопаны, и что въ нихъ найдено также неизвѣстно.

Къ разряду кургановъ, повидимому, должны быть отнесены и два холмика, изъ которыхъ одинъ, высотою въ одну сажень, находится въ разстояніи трехъ верстъ отъ села Люшнева, на землѣ пом. Михайловскаго, близъ его фамильнаго склепа, а другой—среди крестьянскаго поля м. Молчади. Послѣдній изъ этихъ кургановъ, называемый „Татарскія могилки“, считается у народа татарскимъ кладбищемъ, а происхожденіе перваго народъ пріурочиваетъ къ польскому мятежу.

По находкамъ отдѣльныхъ предметовъ въ предѣлахъ Люшневской волости извѣстны слѣдующія мѣста.

Въ 1890 году однимъ крестьяниномъ дер. Дукрова найденъ на своей пашнѣ черный каменный топорикъ, вѣсомъ въ ½ фунта. Этотъ топорикъ крестьянинъ бережетъ, какъ драгоцѣнность, употребляя добываемый изъ него порошокъ въ качествѣ лекарства противъ порѣзовъ.

Въ 1889 году на пашнѣ д. Серебрицъ найдены были, при рытьѣ ямы для картофеля, человѣческія кости.

Разъ, одинъ крестьянинъ нашелъ около дер. Савцовъ старое ружье, но, разсказываетъ народъ, почувствовавъ послѣ этого сильную боль, онъ обратно зарылъ ружье на томъ же мѣстѣ глубоко въ землю.—Есть, наконецъ, неопредѣленнаго впрочемъ характера, извѣстіе о находкѣ нѣкіимъ виленцемъ Моравскимъ бронзовыхъ украшеній, при раскопкѣ могилы подъ Серебричами[1]). (2У.).

2) с. РОГОТНО, 43°10′—53°20′, Роготнянской вол., Слонимскаго у.

Въ 100 саженяхъ отъ д. Санюковъ, на холмѣ, сохраняется круглая земляная насыпь, величиною около 15 саж. въ діаметрѣ и до одной сажени вышины — по откосу; называется „Тарелка". На ней прежде находимы были золотыя и серебряныя монеты. Теперь и холмъ и насыпь поросли мужжавельникомъ, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ можно наблюдать на самой насыпи слѣды дѣятельности человѣка, въ формѣ, повидимому, чего-то сходнаго съ полевыми запашками, а на холмѣ—слѣды кладбища.—Народъ вѣритъ, что на насыпи прежде стояла церковь, которая впослѣдствіи ушла въ землю.

Курганы въ предѣлахъ Роготнянской волости, по сообщенію мѣстнаго волостного писаря, находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ. 1) Въ одной верстѣ отъ дер. Явора—3 кургана, вышиною въ 1, 2 и 3 аршина. 2) При дер. Лядинахъ—2 кургана, вышиною по 2 аршина каждый. 3) При дер. Воловникахъ, на землѣ крестьянъ дер. Герниковъ,—10 кургановъ, вышиною въ 3 (2 кургана), 2 (3 кург.) и 1½ (5 кург.) аршина. 4) При дер. Гноинскіе—а) 2 кургана, вышиною около двухъ аршинъ каждый, на землѣ крестьянъ этой деревни, и б) 2 кургана, въ 1½ и 2 аршина вышиною, на землѣ крестьянъ дер. Герниковъ. 5) Въ лѣсу им. Явора, при дорогѣ изъ д. Нахорниковъ въ дер. Муравникъ,—2 кургана, вышиною по два аршина каждый. 6) Въ ур. „Боръ", въ казенномъ лѣсу,—20 кургановъ, вышиною отъ 2 до 3 аршинъ; называются шведскими копцами. 7) При имѣніи Герникахъ—два кургана, вышиною въ 1 и 2 аршина. Сооруженіе всѣхъ этихъ насыпей народная молва относитъ ко времени шведской войны.—Приведенный списокъ кургановъ пополняется общимъ, правда, указаніемъ священника села Горокъ на большое количество кургановъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ въ им. Бѣлогурнахъ, и на множество кургановъ, находящихся на ЮВ. отъ села, въ казенной лѣсной дачѣ.—И эти курганы, какъ и вышеперечисленные, народъ считаетъ остатками шведской войны.

На СВ. отъ с. Горокъ, на сосѣднемъ открытомъ полѣ, есть древнее кладбище, гдѣ каждая могила имѣетъ въ длину не менѣе двухъ саженей.

Возлѣ д. Явора, въ мѣстности, называемой „Каменица", лежитъ камень, съ выбитымъ на немъ крестомъ и надписью, которую, впрочемъ, вслѣдствіе ея порчи, нельзя разобрать. Съ этимъ камнемъ и вообще съ мѣстомъ, гдѣ онъ лежитъ, соединяется слѣдующая легенда. Около камня въ прежнее время протекалъ ручеекъ, начинавшійся въ трехъ верстахъ отъ Явора и впадавшій въ рѣчку Яворку

---

[1]) Pamiętnik Fizyjograficzny, 1882 г. Tom. II, str. 491.

Во время одного изъ разливовъ этого ручья отъ навальницы (проливной дождь) въ немъ утонулъ, возвращаясь домой, кучеръ кн. Радзивилла [1]). Надъ могилой кучера и поставленъ описанный камень. — Изсякновенiе ручья легенда приписываетъ волшебству нѣкоей шведки. Когда-то, во время шведской войны, говоритъ легенда, за войскомъ ѣхала жена шведскаго начальника; при переправѣ черезъ этотъ ручей у нея утонула собачка. Шведка за это прокляла ручей, причемъ его истокъ заткнула руномъ (овечья шерсть) и накрыла сковородой. Съ тѣхъ поръ ручей совершенно изсякъ.—Другой камень, въ формѣ плиты—длиною въ одну сажень и столько же шириною, лежитъ при дорогѣ, въ полуверстѣ на В. отъ села Роготно. По срединѣ онъ расколотъ на двѣ части, которыя лежатъ одна отъ другой на разстоянiи фута. Подъ камнемъ, по народной легендѣ, похоронены братъ и сестра, убитые людьми за кровосмѣшенiе. Грѣхъ на столько былъ великъ, что небо покарало грѣшниковъ и послѣ смерти: послѣ похоронъ громъ, разбивъ плиту на двѣ части, отодвинулъ ихъ одну отъ другой, въ доказательство противуестественности содѣяннаго братомъ и сестрой грѣха...

На колокольнѣ села Роготно есть колоколъ 1615 года, съ латинскою надписью, „Слава въ вышнихъ Богу". (2С. П.).

3) м. ДВОРЕЦЪ, 43°15′—53°24°, на р. Молчади, Дворецкой вол., Слонимскаго уѣзда.

Въ разстоянiи ¼ вер. къ В. отъ дер. Огородниковъ находится, такъ называемая „Замковая", высокая гора, на которой, по народной молвѣ, стоялъ замокъ, а въ самой горѣ находится наполненное старымъ оружiемъ подземелье.

Около упомянутой сейчасъ замковой горы насчитывается восемь кургановъ ъ вышиною отъ одного до трехъ аршинъ. Въ 1890 году здѣсь нѣсколько кургановъ было кѣмъ-то раскопано, причемъ найдено нѣсколько кремней. Курганы въ предѣлахъ Дворецкой вол. находятся также: а) при д. Обельковичахъ—одинъ, вышиною въ 1½ саж., б) на землѣ нѣкоего Бернатовича — два, вышиною около одной сажени, и в) возлѣ дер. Кремяницы—нѣсколько группъ и одиночныхъ кургановъ, высотою не болѣе одной сажени. Послѣднiе курганы, по словамъ народа, остались отъ какой-то стародавней войны.—Курганы на землѣ Бернатовича раскопаны г. Вольтеромъ.

На мѣстѣ д. Огородниковъ было, повидимому, старинное кладбище: копая ямы подъ картофель, крестьяне находятъ здѣсь человѣческiя кости, а разъ вырытъ былъ цѣлый скелетъ.

На землѣ им. Пронковщины найдены два каменныхъ топорика, которые находятся теперь у арендатора имѣнiя кр. Бернадскаго. Такiе же каменные

---

[1]) При д. Яворѣ былъ когда-то замокъ кн. Радзивилловъ, отъ котораго до сихъ поръ сохраняется, въ развалинахъ, домъ, служившiй оффицыней (помѣщенiемъ прислуги).—Въ стѣнѣ этого дома, на каменной плитѣ замѣтна до сихъ поръ надпись на польскомъ языкѣ: „Николай кн. Радзивиллъ Ген.-Лейтенантъ шефъ гвардiи конной войскъ литовскихъ, кавалеръ многихъ орденовъ. Перваго Апрѣля этотъ домъ построенъ въ 1723 году".

топорики найдены,—одинъ крестьяниномъ дер. Огородниковъ, Лубешко, на землѣ бывшаго помѣщика Боровскаго, и другой—около дер. Старины; послѣдній хранится у кр. Сидорчика.

Въ м. Дворцѣ найденъ, при рытьѣ колодца, глиняный горшокъ, съ серебряною монетою русскаго чекана (70 цѣлковыхъ, 17 полтинниковъ, 5 полуполтинниковъ) и десятью голландскими талерами; чеканка монетъ относится къ 1724—1757 гг. [1]). (С. У. П.).

4) м. ДЯТЛОВО, 43°5′—53°27′, на р. Дзезелькѣ, Дятловской вол., Слонимскаго у.

Въ м. Дятловѣ находится палацъ (замокъ), бывшая резиденція кн. Константина Острожскаго, построенный, какъ видно изъ случайно найденныхъ документовъ, въ концѣ XV, или началѣ XVI в. Перешедшій впослѣдствіи во владѣніе пом. Солтана, замокъ въ 1831 г. переданъ былъ въ казну, и въ немъ теперь казармы Харьковскаго драг. полка.

Въ районѣ Дятловской волости насчитывается до пятнадцати кургановъ, насыпанныхъ, по народной молвѣ, во время шведской войны; находятся они въ слѣдующихъ мѣстахъ: а) въ ур. Озерницѣ, на землѣ крестьянъ дер. Баньковичей,—3 кургана, вышиною около 2 арш. каждый; б) въ одной верстѣ отъ дер. Оханова, въ казенномъ лѣсу,—пять кургановъ, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ арш.; в) на землѣ крестьянъ дер. Головли—два кургана, вышиною въ 1 арш.; г) въ одной верстѣ отъ дер. Ятвези—одинъ курганъ, вышиною въ два аршина; д) на землѣ крестьянъ д. Москалей—одинъ курганъ, вышиною также въ 2 арш., и е) на землѣ крестьянъ дер. Савичей—три кургана, вышиною въ одинъ аршинъ каждый.

Близъ дер. Головли найденъ, при паханіи поля, каменный топоръ, который теперь хранится въ Виленскомъ музеѣ [2]). (С. П.).

5) с. НАКРЫШКИ, 42°54′—53°29′, Пацовской вол., Слонимскаго у.

При дер. Хвилевичахъ находится валъ, идущій съ ЮВ. на СЗ., длиною около 80 саж. и вышиною въ 2 саж.—Въ трехъ верстахъ отсюда, въ лѣсу им. Серетовщины, есть три кольцеобразныхъ вала, изъ которыхъ два меньшіе заключены внутри большаго, и всѣ они занимаютъ площадь около шести десятинъ. Мѣсто это называется „окопы“.

Въ разстояніи 50 саж. отъ вала, при дер. Хвилевичахъ, находится круглая насыпь, высотою въ двѣ сажени; діаметръ ея около 20 саженей.

Въ предѣлахъ Пацовской волости насчитывается до восьми кургановъ. Находятся они въ слѣдующихъ мѣстахъ: а) въ уроч. Колпинѣ, въ лѣсу землевладѣльца Стравинскаго, — 6 кургановъ, вышиною около 2 арш. каждый, и б) въ ур. Кривой, въ одной верстѣ отъ им. Накрышекъ, на землѣ того же Стравинскаго,—2 кургана, вышиною также около двухъ аршинъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, два кургана въ

---

[1]) Извѣстія Имп. Археол. Общества, 1859 г. Томъ I. Смѣсь, стр. 406.

[2]) Каталогъ музея, 1885 г. Отд. А, № 205.

ур. Колпинѣ были раскопаны г. Стравинскимъ, но въ нихъ ничего не было найдено. По народной молвѣ, курганы эти насыпаны во время шведской войны.

На землѣ того же помѣщика Стравинскаго, около дер. Хвилевичей, лежитъ камень—плита. На этой, несомнѣнно, весьма древней плитѣ высѣчены, на обѣихъ сторонахъ, изображенія православнаго креста; на лицевой сторонѣ имѣется надпись стариннаго славянскаго уставнаго письма,—по всей вѣроятности,—XII или XIII ст. Въ народной памяти камень этотъ окруженъ преданіями и сказаніями.

Описываемая каменная плита высѣчена изъ твердаго камня гранитной породы, по своей формѣ—продолговатый четыреугольникъ, величиною въ 23×18×(3—6) куб. вершковъ. Плита плашмя лежитъ на землѣ, причемъ правый бокъ ея глубоко сидитъ въ землѣ, а лѣвый расположенъ почти на поверхности; сторона съ надписью обращена кверху. Поверхность плиты шероховата и покрыта мхомъ въ видѣ лишаевъ, края плиты неровны и какъ бы обломаны. Четырехконечный крестъ на лицевой сторонѣ, въ 1 аршинъ длиною, окруженъ изображеніемъ сіянія въ видѣ пяти линій, выходящихъ радіусами изъ перекрестія. По сторонамъ креста—буквы Г и ХΣ; внизу—однострочная надпись, въ которой можно различать три или четыре отдѣльныхъ слова. Изъ всѣхъ буквъ этой надписи только двѣ, по своему начертанію, тождественны съ теперешними, именно—буквы К и О, и третья напоминаетъ греческую букву μ (ми), или перевернутую русскую ц. Всѣ прочія буквы надписи по своему начертанію отчасти приближаются къ древнегреческому алфавиту, частію же напоминаютъ собою форму буквъ древне-еврейскаго письма [1]).

Мѣстное преданіе говоритъ, что настоящій камень представляетъ собою остатокъ отъ находившейся невдалекѣ отъ этого мѣста древней православной церкви [2]).

Существуетъ также разсказъ, что разъ управляющій фол. Порѣчье распорядился было перевезти этотъ камень и положить предъ порогомъ своего дома, но въ слѣдующую же наступившую ночь на управляющаго напалъ какой то необъяснимый страхъ, и наяву слышались голоса, говорившіе ему: „зачѣмъ ты взялъ мой камень подъ порогъ своего дома; нельзя попирать ногами святой крестъ; положи камень обратно на старое мѣсто“.... Послѣ страшной, безсонной ночи управляющій распорядился отвезти камень обратно. Народная молва добавляетъ, что подобная описанной исторія повторилась и съ преемникомъ упомянутаго управляющаго. Вообще, описанный камень пользуется широкою извѣстностью среди крестьянъ сосѣдней мѣстности, окруженъ большимъ уваженіемъ и въ народномъ представленіи имѣетъ за собою священный авторитетъ [3]). (У. П.).

* * *

[1]) Если допустить, что разсматриваемая надпись состоитъ изъ буквъ русско-славянскихъ, то наиболѣе вѣроятное и какъ единственно, повидимому, возможное чтеніе ея будетъ: ѪЦЬКО ИЛИНИЧЬ. Такимъ образомъ, плиту съ этою надписью можно разсматривать какъ надгробный камень надъ однимъ изъ лицъ исторически извѣстной фамиліи Илиничей.

[2]) Въ разстояніи приблизительно около 200 саженей отъ описываемаго камня находится старинное кладбище.

[3]) Виленскій Вѣстникъ, 1892 г. № 241.

6) с. **МИЗГИРИ**, 42°45′—52°51′, Марьинской вол., Слонимскаго у.

Близь дер. Урѣчья, на правомъ берегу р. Гривды, есть земляная, заросшая кустарникомъ, насыпь, длиною въ 13 саж., шириной и вышиною въ 2 арш.; называется—курганъ. Возлѣ нея однимъ изъ крестьянъ дер. Урѣчья найдены были штыкъ и шпага. — По дорогѣ изъ м. Старыхъ-Девятковичей въ дер. Хмѣльницу насчитывается семь кургановъ,—четыре—по правую сторону дороги и три—по лѣвую; первые расположены по одной прямой линіи и имѣютъ въ длину и ширину по 5 саженей; изъ послѣднихъ — два распаханы, причемъ во время распашекъ попадались человѣческія кости.

Кромѣ кургановъ, въ предѣлахъ Марьинской волости, находится нѣсколько старыхъ кладбищъ;—именно: а) на мѣстѣ церкви села Мизгирей, б) въ им. Подгорцахъ, в) близъ Старо-Девятковичской церкви и г) въ ур. Липники, въ трехъ верстахъ отъ дер. Трибушекъ. Первое изъ перечисленныхъ кладбищъ считается и называется у народа шведскимъ.

О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ районѣ волости не слышно, тѣмъ не менѣе у владѣлицы Новыхъ-Девятковичей гр. Слизень есть цѣлая коллекція каменныхъ топоровъ.

Въ другомъ имѣніи гр. Слизень—Забулье, при постройкѣ новаго гумна, найдено было много человѣческихъ костей, вмѣстѣ съ мѣдными или бронзовыми вещами.—На пашнѣ крестьянъ д. Кошловичей найденъ былъ желѣзный мечъ, изъ котораго псаломщикомъ Чабовскимъ былъ сдѣланъ стругъ. Много древнихъ металлическихъ предметовъ есть также въ коллекціи упомянутой гр. Слизень. (С. У. П.).

7) с. **АЛЕКСѢЕВКА**, 42°56′—52°44′, Боркинской волости, Слонимскаго уѣзда.

Въ ста саженяхъ къ С. отъ им. Ивацевичей, на правомъ берегу р. Гривды, есть площадь въ десять приблизительно десятинъ, на которой, по расказамъ старожиловъ, стояло м. Ивацевичи, разрушенное впослѣдствіи шведами, и гдѣ будто-бы зарыто много денегъ. При раскопкѣ этой площади въ 40-хъ годахъ помѣщикомъ Юндзиломъ были открыты большіе погреба.

Въ ур. Березки, принадлежащемъ крестьянамъ д. Руды, въ ³/₄ верст. отъ послѣдней къ западу, находятся три кургана, высотою каждый въ поларшина и съ основаніемъ въ 6 приблизительно кв. саженей. Своимъ расположеніемъ они образуютъ равносторонній трехугольникъ, сторона котораго равняется 10 саж. На разстояніи ¹/₂ версты отсюда къ З. наблюдается еще подобный же курганъ, высотою въ 1 арш. и съ основаніемъ въ 7 кв. саженей. — Три кургана есть также въ уроч. Сорочино, въ разстояніи одной версты къ ЮВ. отъ фол. Юкевичи. Два изъ нихъ, отстоящіе одинъ отъ другого, по направленію отъ З. къ В., саженей на шесть, едва поднимаются надъ поверхностью пашни, а третій, находящійся въ разстояніи 15 саженей на С., имѣетъ въ высоту 1¹/₄ арш. и занимаетъ площадь въ четыре кв. саж.—Въ урочищѣ Горки, въ разстояніи ³/₄ версты къ ЮВ. отъ им. Руды, наблюдаются слѣды пяти, расположенныхъ безъ правильнаго порядка, кургановъ.—Во всѣхъ перечисленныхъ курганахъ, по разсказамъ стариковъ, зарыты воины, павшіе во время

побоищъ съ поляками. Во время распашки полей здѣсь находимы были человѣческія кости, стремена, остатки сапоговъ, серебряныя кольца и монеты подъ названіемъ „шахъ".—Въ разстояніи ¼ версты отъ д. Сеньковичей, на кладбищѣ, близъ р. Гривды, насчитывается семь кургановъ, и одинъ курганъ находится за рѣкою Гривдою, въ разстояніи отъ первыхъ около двухъ верстъ. На эти курганы народъ смотритъ, какъ на могилы изъ временъ шведскихъ войнъ, и количественное неравенство кургановъ объясняетъ разницею въ числѣ убитыхъ въ каждой изъ воевавшихъ сторонъ.

Въ ¼ версты къ В. отъ с. Алексѣевки есть старое кладбище; памятниковъ на немъ, кромѣ одного небольшого камня съ выбитымъ на немъ крестомъ, нѣтъ. Попадается также много костей въ холмѣ, отстоящемъ на ¼ в. къ С. отъ дер. Стаекъ, что также приводитъ къ предположенію существованія здѣсь кладбища, или кургановъ, но уже сравнявшихся теперь съ землею.

Въ ¾ версты отъ д. Руды есть камень съ выбитымъ на немъ крестомъ. Около этого мѣста, по народному предположенію, происходило сраженіе русскихъ со шведами. (С. У.).

8) м. **ЖИРОВИЦЫ,** 43°5′—53°1′, на р. Щарѣ, Жировицкой вол., Слонимскаго у.

Съ церковно-археологической точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія помѣщающаяся въ иконостасѣ главной церкви Жировицкаго монастыря чудотворная икона Богоматери. Жировицкая икона изображена рельефомъ на яшмовомъ камнѣ небольшихъ размѣровъ. По преданію, икона явилась въ 1470 году на грушѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь алтарь той церкви, въ которой помѣщается икона. Съ тѣхъ поръ и до сего времени икона неизмѣнно пользуется почитаніемъ и привлекаетъ въ Жировицы значительное количество богомольцевъ, среди которыхъ насчитывается даже и нѣсколько польскихъ королей.—У простонародія особеннымъ почитаніемъ пользуется также и находящійся подъ алтаремъ церкви, камень, съ оттискомъ руки, на которомъ, по преданію, было явленіе самой Богоматери, и гдѣ, послѣ пожара Жировицкой церкви, вновь обрѣтена была считавшаяся погибшею икона [1]).

9) с. **ШИЛОВИЧИ**, 43°5′—53°2′, Шиловичской вол., Слонимскаго уѣзда.

На берегу р. Иссы, въ уроч. „Бѣлая Криница" находятся насыпные валы, имѣющіе форму полукруга.

Въ уроч. „Маргачъ", на берегу р. Городнянки, лежитъ возвышенная площадь, болѣе одной кв. версты, называемая въ народѣ „Городокъ". Искусственной обдѣлки ея незамѣтно.—На одной изъ высшихъ точекъ Городка недавно найдена была половина ручного жернова, имѣющаго видъ сфероида, въ діаметрѣ около полуар-

---

[1]) Бѣлоруссія и Литва, изд. Батюшкова, стр. 31 и др. ср. Baliński—Starożytna Polska, 1846. str. 684, Tom III; Бобровскій,—Гродненская губернія, Ч. II. стр. 1069 и др.

шина. Камень этотъ въ настоящее время находится, въ качествѣ межевого знака, у мельника Ивана Копциловича.

Въ шести верстахъ отъ Слонима, близъ почтовой дороги, находится земляная насыпь—„курганъ“, вершина которой поросла хвойнымъ лѣсомъ. По народной молвѣ, курганъ насыпанъ турками, а потому и называется народомъ Турецъ.

На В. отъ фол. Франкполя, между рр. Щарой и Лохозвой находится шесть копцовъ (кургановъ), высотою менѣе аршина и около 20 шаговъ въ окружности; расположены они по три въ рядъ — въ двѣ отстоящія одна отъ другой на 150 шаговъ группы. Слывутъ въ народѣ подъ именемъ французскихъ могилъ. Говорятъ, что прежде около нихъ находили обломки штыковъ, одинъ изъ которыхъ кузнецъ Масловъ хотѣлъ-было употребить въ дѣло, но онъ не поддался ковкѣ. Нѣсколько кургановъ находится также въ уроч. „Соминъ“, близъ р. Щары, около Слонима; форма ихъ круглая, вышина—около двухъ аршинъ. Разсказовъ съ ними никакихъ не соединяется.

При нивеллировкѣ почвы для одного изъ флигелей Альбертинской суконной фабрики найдено было нѣсколько скелетовъ, на одномъ изъ которыхъ оказалось ожерелье. Тутъ же найдена была бутылка съ жидкостью. Вещи были зарыты на томъ же мѣстѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ с. Говѣйновичей есть большой продолговатый четырехугольный камень, на верхней сторонѣ котораго прежде замѣтенъ былъ оттискъ человѣческой стопы, въ позднѣйшее время уничтоженный однимъ сумасшедшимъ, который разводилъ на камнѣ огонь и постепенно сбивалъ оттискъ другими камнями. Въ прежнее время окрестные жители приносили на камень монеты, холстъ и т. п., ища здѣсь облегченія отъ головной боли, и вообще камень считался прежде у народа чудотворнымъ (чудовный), но теперь онъ утратилъ свою чудовную силу и именно, по народной молвѣ, послѣ того, какъ одна женщина помочила взятою изъ бывшей на камнѣ стопы водою глаза своей собачки.

По дорогѣ изъ села Шиловичей въ Говѣйновичи, при концахъ едва замѣтной насыпи, длиною около 14 арш., находятся каменный крестъ и плита. Довольно правильный крестъ имѣетъ въ вышину около 1½ арш., и на немъ есть сильно вывѣтрившаяся надпись, въ которой теперь можно различать л χ л (γ).... и нѣкоторое подобіе числа 480.—Народная легенда смотритъ на ограничиваемую крестомъ и плитою насыпь, какъ на могилу какого-то великана разбойника, по имени Семака, названнаго такъ потому, что онъ разбойничалъ въ окрестныхъ мѣстахъ въ теченіи семи лѣтъ. Великанъ этотъ, по той же народной легендѣ, былъ умерщвленъ хитростію одного какого-то повара, который напоилъ его предварительно виномъ, а потомъ ошпарилъ кипяткомъ. (С. ЗУ. П.).

10) с. ДЕРЕВНОЕ, 43°10′—53°12′, на р. Плеховкѣ, Деревненской вол., Слонимскаго у.

Въ одномъ мѣстѣ им. Студеровщины наблюдаются слѣды первобытной стоянки, въ формѣ попадающихся здѣсь предметовъ кремневаго оружія и остат-

ковъ примитивной глиняной посуды [1]). Нѣкоторые изъ найденныхъ здѣсь предметовъ входятъ теперь въ составъ арх. коллекціи С. Глогера, въ Ежовѣ, Ломжинской губ. [2]).

Въ $1^1/_2$ верст. на З. отъ дер. Пиронима тянется дугообразный валъ, длиною около версты, вышиною въ 5—7 аршинъ и шириною, при основаніи, около 20 саженей; разстояніе между оконечностями около 400 саженей.—Подобный же валъ находится при дорогѣ изъ деревни Исаевичей въ г. Слонимъ; этотъ нѣсколько ниже, но за то гораздо длиннѣе перваго и извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ „Чортовой гребли". Разстояніе между валами верстъ около пяти. О происхожденіи ихъ народъ ничего не говоритъ. По предположенію мѣстнаго учителя, нельзя впрочемъ безусловно отрицать и естественнаго происхожденія валовъ.

Часть села Высоцка до сихъ поръ носитъ названіе городища, а близъ села находится гора, на которой было укрѣпленіе. Крестьне-старики Ермоловичи и Пашкевичъ помнятъ на западной сторонѣ горы часть каменной стѣны, которая впослѣдствіи разобрана крестьянами. Теперь здѣсь рядъ небольшихъ возвышеній, образующихъ, поросшій мужжавельникомъ, дугообразный валъ. По словамъ крестьянъ, здѣсь происходила битва со шведами; по предположенію же мѣстнаго священника, валъ—укрѣпленіе неизвѣстно какого времени.—Искусственная насыпь, въ родѣ городища, есть также невдалекѣ отъ с. Деревного; она занимаетъ площадь около $^1/_2$ десятины [3]).

Въ предѣлахъ Деревненской волости насчитывается до 80 кургановъ: а) Въ уроч. Вязьминахъ, въ трехъ верстахъ отъ деревни Саковичей, на землѣ помѣщика Бронскаго, есть 3 кургана, вышиною,—два—въ 1 аршинъ, а третій въ 2 аршина. б) Въ уроч. Пересѣкѣ, въ одной верстѣ отъ дер. Ковалей, на землѣ крестьянъ этой деревни,—3 кургана, вышиною въ 1, 2 и 3 аршина. в) Близъ им. Вишова, на землѣ помѣщика Гноинскаго, находится шесть кургановъ. Расположены они въ два, повидимому, ряда (4 и 2) по сѣверному склону холма, служившаго еще въ недавнее время кладбищемъ. Средняя высота кургановъ отъ 3 до 4 арш. (2—3 метр.). Лѣтъ болѣе 40 тому назадъ, одинъ изъ кургановъ былъ раскопанъ владѣльцемъ имѣнія Конст. Гноинскимъ, причемъ найдено было нѣсколько бронзовыхъ колечекъ и бляшекъ. Въ 1881 году одинъ также курганъ былъ раскопанъ нѣкіимъ Өедоровскимъ. Въ этомъ курганѣ, въ верхнихъ слояхъ, найдены были черепки глиняной посуды, мелкіе угли и кости какого-то звѣрька; на поверхности грунта оказался костякъ, обращенный головою на З., руки протянуты въ стороны отъ корпуса. Близъ правой руки лежалъ осколокъ кремня, въ родѣ ножика, и часть хорошо отшлифованнаго кремневаго топорика. Около лѣвой руки помѣщался глиняный сосудъ.—Черепъ скелета принадлежалъ къ типу долихоцефальныхъ [4]). г) Въ уроч. Лазейковщинѣ, въ казенномъ лѣсу, въ полуверстѣ отъ дер. Пруда—насчитывается 40 кур-

---

[1]) Pamiętnik Fizyjograficzny, 1882 г. Tom II, str. 492.

[2]) Biblioteka Warszawska, 1882 г. Tom I, str. 147.

[3]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда. Отд II, стр. 166.

[4]) Pamiętnik Fizyjograficzny, 1882 г. Tom II, str. 491—2 и 493—6. То же Biblioteka Warszawska, 1882. Tom I, str. 147.

г а н о в ъ, изъ коихъ многіе, однако, почти изглажены запашкою полей. При запашкѣ часто находили человѣческія к о с т и, а лѣтъ сорокъ назадъ найденъ былъ большой м е ч ъ, который, по заявленію крестьянъ, тамъ же опять зарытъ. Высота нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ достигаетъ одной сажени. д) Въ одной верстѣ отъ дер. Пруда, на землѣ крестьянъ этой деревни, — 2 кургана, вышиною по два аршина каждый. е) Въ уроч. Боркахъ, на землѣ крестьянъ дер. Марковичей,—4 кургана, вышиною каждый болѣе двухъ аршинъ. ж) Въ уроч. Лещинѣ, на землѣ пом. Бронскаго, въ одной верстѣ отъ дер. Пиронима, — 19 кургановъ, вышиною каждый около 2 аршинъ; одинъ изъ этихъ кургановъ былъ раскопанъ Бронскимъ, и въ немъ найдены человѣческія к о с т и.—По мѣстному преданію, всѣ курганы насыпаны во время шведской войны.

Въ предѣлахъ Деревненской волости очень часто находимы были и теперь попадаются разные предметы к а м е н н а г о вѣка. Впрочемъ большинство этихъ предметовъ безслѣдно исчезло, и только относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть болѣе или менѣе точно указано ихъ мѣстонахожденіе; именно: а) Нѣсколько нуклеусовъ, ножей, скребковъ и другихъ предметовъ кремневаго оружія входятъ въ составъ коллекціи г. Глогера, въ м. Ежовѣ, Ломжинской губерніи. Всѣ эти предметы, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ скребокъ, въ формѣ наконечника дротика, и острый конецъ прекраснаго маленькаго топорика или, точнѣе, кремневаго долота, найдены на поляхъ дер. Студеровщины [1]). б) Два топора находятся у учителя Порѣчскаго народнаго училища; одинъ изъ нихъ,—съ двумя острыми концами и съ сверлиною посрединѣ, — выпаханъ на полѣ д. Тальковщины, а другой,—также со сверлиною, но заостренный съ одного только конца,—найденъ на полѣ той же деревни пастухами. в) Два топора были у волостного писаря Свекло, изъ которыхъ одинъ чрезъ свящ. Михайловскаго переданъ въ Виленскій музей [2]), а другой остался у владѣльца. г) Одинъ, топоръ сохраняется въ им. Исаевичахъ, у нѣкоего Пилецкаго.—Слѣдуетъ упомянуть также о находкѣ на полѣ крестьянами дер. Студеровщины камня, повидимому, кремня, очень хорошо и гладко обдѣланнаго въ видѣ ножа. Вещь эта попала въ руки арендатора им. Студеровщины и отвезена имъ въ Варшаву [3]). — Мѣстные крестьяне называютъ каменные топоры громовыми стрѣлами и считаютъ ихъ цѣлебными.

Изъ другихъ находокъ, кромѣ упомянутыхъ выше, нужно указать на глиняные г о р ш к и и кувшины, которые были найдены вмѣстѣ съ к о с т я м и при дер. Пиронимѣ, и на бронзовые с т в о р ц ы, найденные въ 1853 году на огородѣ Деревненскаго священника

Въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ верстъ на З. отъ м. Деревного, въ церковномъ лѣсу, на берегу окруженнаго болотомъ озера Шіявичъ находится к а м е н ь, выступающій изъ земли не болѣе какъ на одинъ аршинъ. Съ этимъ камнемъ и вмѣстѣ озеромъ

---

[1]) **Biblioteka Warszawska**, 1883 г. Т. I, str. 142.

[2]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда; II, стр. 168.

[3]) Ibid. стр. 184.

соединяется слѣдующая легенда. Тамъ, гдѣ въ настоящее время озеро, когда-то находилась деревня. Разъ туда зашли двое нищихъ, какъ предполагаютъ, самъ Іисусъ Христосъ съ однимъ изъ апостоловъ. Зашли они въ одну избу, гдѣ баба пекла блины, и попросили дать имъ чего-нибудь поѣсть, но баба не только не дала, но выгнала ихъ изъ дому. Нищіе пошли въ другую избу, гдѣ жила очень бѣдная женщина съ груднымъ ребенкомъ, и также попросили поѣсть, но у этой бабы оказалась только горсть муки; всетаки она не отказала нищимъ, а взяла, расколотила муку въ холодной водѣ, посолила и предложила нищимъ ѣсть, говоря, что она и сама только питается этой похлебкой. Нищіе не стали ѣсть, но, видя страшную бѣдность хозяйки и ея радушіе, предложили ей немедленно уйти изъ этой деревни, такъ какъ съ этой деревней сейчасъ же произойдетъ несчастіе; приэтомъ они совѣтывали женщинѣ, уходя изъ деревни, не оглядываться назадъ. Взявъ ребенка на руки, женщина послѣдовала за нищими; только что вышла она за деревню, какъ услышала за собою страшный крикъ и нечаянно оглянулась... Вся деревня провалилась въ землю, и на ея мѣстѣ образовалось озеро, женщина же обратилась въ камень, который стоитъ на берегу озера и по настоящее время. Говорятъ, что раньше камень этотъ имѣлъ форму женщины, съ ребенкомъ на рукахъ, и на шеѣ женщины были замѣтны бусы. Достоинъ также вниманія камень находящійся при церкви въ с. Горкѣ. Онъ состоитъ изъ булыжныхъ камней, цементированныхъ известью съ пескомъ и мелкими камешками. Въ прежнее время онъ представлялъ собою колонну, которая впослѣдствіи развалилась на три части, причемъ, при паденіи, части сгруппировались такимъ образомъ, что образовали собою нѣкоторое подобіе воротъ. Камень этотъ у народа считается святынею и въ нѣкоторые дни привлекаетъ въ церковь порядочное количество богомольцевъ, которые проходятъ среди частей этого камня съ благоговѣніемъ на колѣнахъ, и вѣруютъ, что получаютъ исцѣленія [1]).

При дер. Пиронимѣ, съ южной стороны, расположено болото, черезъ которое съ трудомъ можно проходить человѣку. На этомъ болотѣ еще очень ясно замѣтенъ слѣдъ пролегавшей черезъ него дороги. Въ ширину дорога имѣетъ 3 сажени и проходитъ на протяженіи версты съ Ю. на С. черезъ все болото. Кто, когда и для чего ее строилъ,—народъ объ этомъ ничего не говоритъ. (С. У. П.).

11) г. СЛОНИМЪ [2]), 43°—53°6′, на р. Щарѣ.

Слонимскій уѣздъ представляетъ одно изъ мѣстъ въ Нѣманскомъ бассейнѣ, которыя въ доисторическую эпоху отличались уже значительною густотою народонаселенія. Весь вообще уѣздъ, до настоящаго времени, покрытъ значительнымъ числомъ кургановъ, а на пространствѣ между Дворцемъ и Кремяницей, именно вблизи деревень и мѣстечекъ: Дворца, Бѣлогурнъ, Студеровщины, Вишова, Деревного, Высоцка, Исаевичей, Альбертина, Кремяницы и многихъ другихъ, почти вся площадь сплошь

---

[1]) Труды предварит. комитета IX Арх. съѣзда. Отд. II, стр. 181.

[2]) Названіе города, по мѣстному преданію, произошло отъ того, что встарину около него находили много слоновыхъ (мамонтовыхъ) костей.—Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда: отд. II, стр. 175.

усѣяна курганами, которые встрѣчаются здѣсь то поодиночкѣ, то группами,—иногда въ нѣсколько десятковъ. Многіе ихъ этихъ кургановъ уже исчезли подъ сохою пахаря, но большее ихъ количество и до сихъ поръ представляетъ вполнѣ цѣльный археологическій матеріалъ [1]). Равнымъ образомъ и самый городъ Слонимъ по своему возникновенію уходитъ въ досторическую эпоху, по крайней мѣрѣ уже въ XI столѣтіи онъ является мѣстомъ, опредѣляющимъ цѣлую топографическую площадь: Длугошъ, равно какъ и русскіе и литовскіе дѣеписатели, упоминая о столкновеніи Ярослава (Мудраго) съ литовцами въ 1040 или 1044 году, говорятъ, что оно произошло на поляхъ Слонимскихъ [2]).

Указывая археологическія достопримѣчательности Слонимскаго уѣзда при частнѣйшемъ описаніи его мѣстъ, здѣсь мы должны обратить вниманіе только на тѣ, конечно, изъ нихъ, которыя входятъ въ тѣснѣйшій топографическій районъ города Слонима.

Въ приходскомъ районѣ Слонимской Преображенской церкви, въ пяти верстахъ на С. отъ Слонима, на берегу р. Щары находится продолговатая (съ В. на З.) возвышенность, обнаруживающая слѣды искусственной ея обдѣлки: въ срединѣ ея находится углубленіе, какъ будто обнесенное съ трехъ сторонъ круглымъ валомъ. У народа гора считается курганомъ, воздвигнутымъ шведскими войсками противъ польскихъ, а углубленіе называется „Окуровщиной", потому—де, что оно во время шведской войны было сильно окуриваемо пороховымъ дымомъ [3]). На противоположномъ берегу Щары поднимается другая такая же возвышенность, называемая „Малево", потомучто, во время шведской войны, на ней столько было пролито крови, что возвышенность эта стала какъ-бы раскрашенною. Близь „Малева" поднимается третій, такъ называемый Саксонскій курганъ—конической формы возвышенность съ углубленіемъ посрединѣ.

Близъ самого г. Слонима, на берега Щары есть четырехъ-угольное городище, величиною въ 160 × 90 шаговъ. На немъ видны остатки валовъ, шириною около 3 саж. [4]).

Около г. Слонима, за ксендзовскою усадьбою, во время постройки желѣзной дороги, были обнаружены, на глубинѣ одной сажени, остатки кирпичныхъ стѣнъ, около которыхъ найдены были человѣческіе скелеты, каменныя плиты, кольца и другіе предметы. Говорятъ, что здѣсь было городское кладбище, и вырытыя стѣны-остатки церкви, или костела [5]).

Въ 1888 г. г. Вольтеромъ, во время археологической экскурсіи, пріобрѣтены были въ Слонимскомъ уѣздѣ два каменныхъ молотка и желѣзный топоръ. Всѣ три предмета входятъ въ составъ коллекціи, находящейся теперь въ Виленскомъ музеѣ [6]).

Въ г. Слонимѣ есть особо-чтимая православная икона Антонія Печерскаго. (С.).

---

[1]) Pamiętnik Fizyjograficzny, 1882 г. Tom II, str. 491.
[2]) Balinsky. Starożytna Polska, 1846 г. Tom III, str. 679.
[3]) Ср. Труды предв. ком. IX Арх. съѣзда; II, 174—5.
[4]) Записка Д. Запольскаго въ дѣлахъ предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда.
[5]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда; II, стр. 175.
[6]) Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археолог. выставку, при IX Арх. съѣздѣ, 1893 г. стр. 54.

12) с. **СЫНКОВИЧИ**, 42°50′—53°7′, Костровичской вол., Слонимскаго уѣзда.

Въ разстояніи одной версты отъ д. Низа, на лѣвомъ берегу рѣки Щары находится городище, имѣющее форму невполнѣ правильнаго четырехугольника, съ окружностію верхней площади въ 183 арш. и съ периметромъ основанія въ (84+63+70+64) 281 арш. Покатая съ ЮВ. на СЗ. площадь городища обнесена со всѣхъ сторонъ валомъ, шириною въ одну сажень, а при основаніи кругомъ всего городища — рвомъ, глубиною и теперь до полусажени. Высота вала при угловыхъ изломахъ нѣсколько увеличивается причемъ и разстояніе между валомъ и рвомъ, въ зависимости отъ наклона площади, постепенно измѣняется, такъ что въ сѣверо-западномъ, напримѣръ, углу валъ поднимается надъ рвомъ только на 14 арш., въ сѣверо-восточномъ-же разстояніе между ними возрастаетъ до 26 аршинъ. Съ юго-восточной и сѣверо-западной сторонъ городища наблюдается по два спуска.—Описанное городище помѣщается на вершинѣ естественной возвышенности, высотою приблизительно въ 27 саж., которая оврагами,—съ сѣверо-восточной и юго-западной сторонъ, отдѣляется отъ другихъ такихъ же холмовъ; изъ нихъ расположенные на юго-западѣ до сихъ поръ сохраняютъ слѣды бывшаго здѣсь имѣнья Воловичей—„Городки". Городище и вообще вся прилегающая къ нему мѣстность называется у народа то „Городищемъ", то „Городками" и считается мѣстомъ существовавшаго здѣсь въ незапамятныя времена города, или мѣстечка, у котораго былъ, между прочимъ, перевозъ черезъ р. Щару, извѣстный подъ именемъ „Стряпчаго". Населяли городъ, сообщаетъ легенда, такіе сильные люди, которые вырывали съ корнями сосновыя деревья и ходили, опираясь на нихъ, какъ на палки; великаны эти были такого исполинскаго роста, что, напримѣръ, толщина ноги ихъ у колѣна доходила до одного аршина.—На юго-восточномъ углу городища въ полдень и полночь собирались яко-бы бѣсы и распѣвали „бандурки„ (пасквильныя пѣсни), наводя своимъ воемъ страхъ на всю окрестность. На „Стряпчемъ перевозѣ" происходили частыя смертоубійства, грабежи, а въ сосѣднемъ кабакѣ, на горѣ, продавали проѣзжающимъ человѣческое мясо. За людоѣдство, изобличенное однимъ проѣзжающимъ, ксендзъ, совокупно съ мѣстнымъ населеніемъ, всю эту мѣстность проклялъ, какъ обиталище злого духа. вслѣдствіе чего образовалась яко-бы дыра, ведущая въ бездонную пропасть, изъ которой по временамъ слышно бывало рычаніе животныхъ и дьявольскіе стоны и звуки. Всѣ жители города, изъ страха, разбѣжались и поселились на другомъ мѣстѣ. — Приведенная легенда, повидимому, довольно ясно намекаетъ на религіозное назначеніе городища въ языческую эпоху. Въ 1892 году здѣсь произведены были пробныя раскопки священникомъ Михайловскимъ[1]), причемъ вырытая въ сѣверо-восточномъ углу городища яма обнаружила три слоя различнаго состава почвы: первый слой, толщиною въ 1¼ арш., состоялъ изъ рыхлой совершенно черной, какъ порохъ, земли; во второмъ слоѣ, толщиною въ

[1]) Описаніе Костровичской волости и составляется главнымъ образомъ на основаніи сообщеній о. Михайловскаго, отчасти напечатанныхъ въ Трудахъ предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда, II, стр. 165 и слѣд., отчасти рукописныхъ, помѣщенныхъ въ хранящемся въ Консисторскомъ архивѣ историко-статистическомъ описаніи Сынковичской церкви.

$^{1}/_{2}$ арш., преобладали некрупные перегорѣвшіе камни, среди которыхъ попадались угли, пепелъ и куски перегнившаго дубоваго дерева; третій слой, толщиною также въ $^{1}/_{2}$ арш., состоялъ изъ смѣшанной земли съ кусками угля и окаменѣвшими известковыми слитками. Двѣ другихъ ямы, вырытыя съ цѣлію отыскать подземелье, существованіе котораго утверждали обыкновенные въ этихъ случаяхъ наивные разсказы мѣстныхъ жителей, обнаружили такой же приблизительно характеръ почвы и въ другихъ мѣстахъ.

Другая насыпная возвышенность находится на ЮЗ. отъ им. Шуляковъ, она имѣетъ форму усѣченнаго конуса, съ периметромъ основанія въ 73 сажени и высотою—около 5 саженей. По словамъ народа, гора эта, называющаяся „Сокольей горкой", насыпана во время одной изъ нерѣдко происходившихъ здѣсь встарину войнъ, и названіе свое получила отъ имени нѣкоего военачальника - Сокола.

Курганы въ предѣлахъ Костровичской вол. находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) Въ полуверстѣ на СВ. отъ церкви села Сынковичей, въ ур. Дубово, находится четыре кургана: первый, овальной формы, имѣетъ въ окружности 20 саж. и едва только поднимается надъ поверхностью грунта; второй—продолговатый четырехугольникъ, величиною въ $4^{1}/_{2}\times2^{1}/_{4}\times^{1}/_{3}$ саженей; третій, въ формѣ усѣченнаго конуса, имѣетъ въ окружности 8 саж. и въ высоту $1^{1}/_{2}$ арш., на верху его впадина; четвертый, испорченный распашкою, курганъ имѣетъ форму продолговатаго полушара, длиною въ 2 саж., шириною въ $1^{1}/_{4}$ саж. и вышиною въ 1 арш. 2 в. На всѣхъ курганахъ замѣтны камни, которые, впрочемъ, почти цѣликомъ ушли въ землю.

2) Вторая група находится въ разстояніи одной версты на СВ. отъ Сынковичей, въ ур. „Кощеевѣ". Курганы расположены здѣсь по склону тянущихся вдоль р. Березы холмовъ, и большинство изъ нихъ или вполнѣ уничтожено, или повреждено запашкою: уцѣлѣло только десять кургановъ: первый, овальный, имѣетъ въ окружности 23 саж. и въ вышину 1 саж. 11 верш., на верху — неглубокая впадина, два небольшихъ углубленія и три совершенно осѣвшихъ въ землю камня; второй—продолговатый, величиною въ $7\times4\times1$ саж., на верху много осѣвшихъ въ землю камней и по мѣстамъ—углубленія; третій,—въ формѣ продолговатаго четырехугольника,—величиною въ $2^{1}/_{3}\times1^{1}/_{3}\times^{1}/_{4}$ саж., безъ камней; четвертый — коническій, высотою въ $1^{1}/_{4}$ арш. и около 4 саж. въ окружности, на верху—одинъ большой и нѣсколько малыхъ камней; пятый — такой же формы, высотою въ $1^{1}/_{2}$ аршина и въ 7 саж. въ окружности, на вершинѣ нѣсколько небольшихъ камней; шестой и седьмой—продолговатые четырехугольники, величиною въ $3\times2\times^{1}/_{3}$ саж., и съ небольшими камнями на вершинѣ; восьмой—такой же формы, величиною въ $3^{1}/_{2}\times2^{1}/_{2}\times^{1}/_{3}$ саж., на верху нѣсколько малыхъ камней; девятый—такой же, величиною въ $3\times2^{1}/_{3}\times^{1}/_{3}$ саж., на верху одинъ большой камень; такой же формы и десятый, величиною въ $4\times3^{1}/_{2}\times^{1}/_{3}$ саж., на верху 10 большихъ камней. Во время запашекъ находящагося на курганахъ поля часто попадаются человѣческія кости, а разъ даже выпаханы были берцовыя кости въ кожаномъ сапогѣ, въ которомъ помѣщался также складной желѣзный ножъ.

3) Въ разстояніи трехъ верстъ на СВ. отъ Сынковичей находятся два кургана, окружностію въ 10 и 7 саженей и высотою каждый въ $1/2$ сажени; форма ихъ конусообразная, а поверхность уложена камнями.

4) Въ разстояніи $5^3/_4$ версты на С. отъ Сынковичей, на бывшей когда-то подъ лѣсомъ площади насчитывается до 30 кургановъ разной формы; поверхность ихъ уложена камнями и на верху нѣкоторыхъ замѣтны ямы. Здѣсь же наблюдается до 30 каменныхъ плитъ, на одной изъ которыхъ есть четырехконечный крестъ, и два обтесанныхъ четырехконечныхъ каменныхъ креста.

5) При д. Павловичахъ находится пять кургановъ, изъ которыхъ три, лучше сохранившіеся, обнаруживаютъ куполообразную форму и имѣютъ около двухъ аршинъ въ высоту и отъ 15 до 20 саженей въ окружности. На вершинѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ положено нѣсколько камней. При вырытіи, около периферіи, на одномъ курганѣ ямы обнаруженъ былъ на глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ слой черной земли, толщиною въ 3 вершка, и частицы совсѣмъ перегнившаго дерева.—По свидѣтельству крестьянъ сосѣдней деревни—Низа, около кургановъ въ прежнее время валялось много костей, собирая которыя, деревенскіе мальчики продавали ихъ разъѣзжающимъ по деревнямъ евреямъ. Разъ около кургановъ найденъ былъ длинный, въ родѣ меча, совершенно перержавѣвшій ножъ, а крестьянинъ Ѳома Зенько, теперь 75-лѣтній старикъ, во времена своей молодости нашелъ здѣсь кольчугу (Ѳ. Зенько называетъ ее рубашкой) изъ мѣдной проволоки.—По словамъ народа, около этихъ кургановъ происходило кровопролитное сраженіе поляковъ со шведами [1]).

6) Есть, наконецъ, указаніе на существованіе десятка кургановъ въ мѣстности, называемой „Волтовомъ" и „Середникомъ", недалеко отъ упомянутой выше рѣчки Березы, и одного кургана въ разстояніи $1/4$ в. отъ д. Ходевичей, въ которомъ, между прочимъ, при случайной раскопкѣ найденъ былъ человѣческій черепъ и глиняный горшокъ.

Рядъ курганныхъ группъ долженъ быть законченъ указаніемъ древняго, теперь заросшаго лѣсомъ, кладбища, находящагося вблизи кургановъ, въ лѣсу Волтовѣ. Здѣсь на многихъ могилахъ есть камни съ надписями, которыхъ впрочемъ, по ихъ поврежденности, невозможно разобрать.

Отдѣльныя, кромѣ упомянутыхъ выше, находки въ предѣлахъ Костровичской волости:

Въ 1887 году на „Великомъ полѣ" въ ур. Кощеевѣ былъ найденъ каменный молотокъ со сверлиной, и два такихъ же молотка найдены крестьянами на поляхъ, возлѣ д. Едначей. Каменные топоры мѣстные жители считаютъ громовыми стрѣлками и утверждаютъ, что онѣ появляются на поверхности земли лишь черезъ 12 лѣтъ послѣ удара молніи, во время которой онѣ образовались и погрузились въ землю. Иногда стрѣлки употребляются, въ формѣ порошка, въ качествѣ лекарства противъ боли живота.

---

[1]) Труды предварительнаго комитета IX Археологическаго съѣзда. II, стр. 167—168.

Въ 1889 году, на днѣ озера,—въ уроч. Кощеевѣ, найденъ кр. Сехно узко-продолговатый стальной топорикъ. У начала ручья, вытекающаго изъ горъ, близъ д. Ганьковъ, найденъ кусокъ янтаря [1].

Въ 1880 году крестьянинъ деревни Ходевичей, Баль, при запашкѣ своего огорода, нашелъ горшокъ съ золотыми и серебряными монетами. Золотыя монеты походили на имперіалы и полуимперіалы, а серебряныя—на давніе большіе рубли. Почти весь кладъ попалъ въ руки евреевъ.

Не рѣдки также случаи находокъ на поляхъ французскихъ, польскихъ, шведскихъ и русскихъ монетъ XV, XVI, XVII и XVIII столѣтій. Въ народѣ ходитъ молва о существованіи клада въ берёзовомъ лѣсу, близъ кладбища дер. Ягнещицъ; говорятъ также о деньгахъ, оставленныхъ будто-бы казаками, во время набѣговъ на Литву и Польшу, подъ однимъ изъ столбовъ Сынковичской церкви.

Противъ села Порѣчья, въ р. Щарѣ, у лѣваго берега, найдена была учителемъ мѣстной народной школы часть каменной, хорошо отдѣланной, оригинальной и съ какими-то указаніями таблицы. Она передана была въ предварительный комитетъ IX Арх. съѣзда [2], но теперь гдѣ находится—неизвѣстно.

Изъ церковныхъ достопримѣчательностей въ предѣлахъ Костровичской волости безспорно важнѣйшее мѣсто занимаетъ Сынковичская церковь, построенная въ началѣ XV столѣтія и имѣющая всѣ признаки замковаго сооруженія. Вмѣстѣ съ Маломожейковскою, Виленской губерніи. Сынковичская церковь служитъ памятникомъ цвѣтущаго состоянія православія на Литвѣ въ началѣ XV вѣка. По стилю обѣ церкви, отличаясь отъ древнѣйшихъ храмовъ великокняжеской эпохи—Коложской церкви въ Гроднѣ и Спасо-Евфросиніевской въ Полоцкѣ, носятъ слѣды уже западнаго вліянія, приближаясь къ готическому стилю [3].—Въ 1889 году подъ Сынковичской церковью обнаружены были, во время ремонта, склепы, переполненные человѣческими костями. — Мѣстнымъ священникомъ найдена въ Сынковичскомъ храмѣ старинная, повидимому, икона—лобзаніе іудино. (С. У. П.).

13) м. ГОЛЫНКА, 42°43′—53°12′ на р. Луконицѣ, Старовѣсской вол., Слонимскаго уѣзда.

Въ полуверстѣ отъ дороги изъ м. Голынки въ м. Езерницу, въ лѣсу им. Луконицы, находятся поросшіе кустарникомъ валы, обведенные съ двухъ сторонъ рвами; тутъ же есть одинъ курганъ, также обведенный рвомъ и поросшій дубами.

Недалеко отъ указаннаго мѣста, между урочищами „Куль“ и „Малево“, на полѣ находится нѣсколько, испорченныхъ впрочемъ запашкою, кургановъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія у этихъ кургановъ найденъ былъ пахаремъ ножъ, въ видѣ кинжала, а въ недавнее время были находимы металлическіе шлаки, называемые крестьянами „цындрой“. Происхожденіе кургановъ народъ относитъ къ глубокой

---

[1]) Перечисленныя находки хранятся теперь въ Виленскомъ музеѣ древностей.
[2]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда. Отд. II, стр. 185.
[3]) Батюшковъ,—Бѣлоруссія и Литва, 1890 г. II, стр. 131. Рисунокъ церкви см. стр. 135.

старинѣ.—Группа курганов ъ, слывущихъ въ народѣ подъ именемъ шведскихъ, находится также въ разстояніи одной версты отъ дер. Старая Весь; курганы эти расположены въ полѣ, на берегу болота, и уложены сверху камнями. Третья группа кургановъ находится въ разстояніи 2—3 верстъ отъ м. Голынки,—въ заросляхъ близъ дороги изъ Голынки въ Слонимъ. Четвертая группа находится между м. Голынкою и дер. Климовичами, въ разстояніи одной версты отъ послѣдней. Здѣсь всего три, овальной формы, кургана изъ которыхъ первый имѣетъ въ окружности 88 шаговъ, второй—105, а третій—120; высота ихъ отъ полутора до трехъ аршинъ; всѣ они уложены камнями, и на двухъ курганахъ замѣтны впадины. Наконецъ, 5-я группа кургановъ находится на землѣ крестьянъ дер. Дубровки [1]).

Въ промежуткахъ между курганами четвертой группы и вообще на сосѣдней съ ними площади наблюдаются слѣды, въ видѣ надмогильныхъ камней—безъ всякихъ, впрочемъ, надписей, стародавняго кладбища.—Изъ другихъ, вообще, не рѣдкихъ въ Старовѣсской волости, старинныхъ кладбищъ болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія,—одно, находящееся въ $1^1/_2$ верстахъ отъ м. Голынки, въ казенномъ лѣсу, въ урочищѣ Кругликъ, и называемое у народа или шведскимъ или татарскимъ,— и другое, расположенное въ лѣсу им. Луконицы и уложенное камнями и большими плитами. Всѣ эти кладбища народъ относитъ къ глубокой старинѣ.

Въ 1879 году крестьянинъ дер. Климовичей Семенъ Бѣлянкевичъ нашелъ въ землѣ глиняный кувшинъ съ двадцатью приблизительно фунтами различной серебряной монеты. Большая часть денегъ попала въ руки серебрениковъ, а $4^1/_2$ фунта было выслано въ Импер. Археологическую Коммиссію, по провѣркѣ которой, всѣ монеты, за исключеніемъ одного польскаго полугрошовика 1510 г., оказались полугрошовиками Казимира, Александра и Сигизмунда, 1509-го и другихъ годовъ [2]).

Въ заключеніе небезъинтересно упомянуть о циркулирующемъ среди мѣстныхъ евреевъ преданіи, по которому Островская церковь находится на томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину происходило поклоненіе огню [3]). (У.).

14) м. ДЕРЕЧИНЪ, 42°36′—53°14′, Деречинской вол. Слонимскаго у.

Невдалекѣ отъ им. Мѣховска, въ казенномъ лѣсу есть нѣчто въ родѣ городища, пространствомъ около $^1/_2$ десятины, обведеннаго валомъ и именующагося „турецкимъ", а при самомъ имѣніи, вблизи помѣщенія казеннаго лѣсника, существуетъ колодезь, называемый также въ простонародьи „турецкою студнею" [4]).

15) с. ЩАРА, 42°34′—53°24′, на р. Щарѣ, Куриловичской вол., Слонимскаго у.

Въ предѣлахъ прихода с. Щары, по теченію р. Щары, расположены три кургана: первый на церковной усадьбѣ, на самомъ берегу рѣки; вышина его около

---

[1]) Ср. сообщ. мѣстнаго лѣсничаго.

[2]) Архивъ Императорской Археологической Коммиссіи, 1879 г. № 28.

[3]) Труды предварительнаго комитета по устройству IX Арх съѣзда. Отд. II, стр. 165 и слѣд.

[4]) Труды предварительнаго комитета IX Археологическаго съѣзда. Отд. II, стр. 182.

двухъ саженей, окружность около 14; на верху—круглая площадь до 5 арш. въ поперечникѣ; второй и третій, одинаковой величины и формы, курганы расположены въ четырехъ верстахъ отъ церкви, при дер. Черлени; отъ рѣки Щары отстоятъ саженей на 100; вышина—1 саж., окружность около 8 саженей, поперечникъ верхней площади около одной сажени; разстояніе между курганами сажени четыре.

При дер. Копцахъ были находимы молотки изъ кремня въ формѣ короткаго клина [1]).

Въ предѣлахъ вообще Куриловичской волости насчитывается въ разныхъ мѣстахъ до десяти группъ плитообразныхъ камней; на нѣкоторыхъ камняхъ замѣтны знаки +, или ++. По народной молвѣ, въ эти камни обращены силою волшебства отдѣльныя свадебныя компаніи. Интеллигенты мѣстные считаютъ мѣста съ этими камнями кладбищами стародавнихъ войнъ. (С.).

16) с. **ЯТВЕССКЪ**, 42°18′—53°32′, Каменской вол., Гродненскаго уѣзда.

Въ $1/4$ версты къ югу отъ Ятвесской церкви находится довольно хорошо сохранившійся каменный столбъ. Въ суглинистой почвѣ этой мѣстности, къ сѣверу на 1 в., а къ югу, западу и востоку на $1/2$ в. и до настоящаго времени находятъ массу кирпича и обгорѣлые смолистые куски бревенъ. Ятвесскій столбъ состоитъ изъ трехъ частей, и каждая часть его представляетъ многогранную призму. Нижняя и средняя часть его имѣютъ по 14 граней, а верхняя 8. Вышина нижней части—1 саж., средней около 3-хъ, а верхней 2 сажени. Окружность нижней части столба имѣетъ 10 арш., средней—около $8^1/_2$, а верхней—около 7 арш. Столбъ былъ, какъ видно, оштукатуренъ, но штукатурка вся осыпалась, за исключеніемъ незначительной части карниза сверху столба. Кирпичи во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ углахъ граней, выбиты, такъ что грани призмы въ настоящее время замѣчаются съ трудомъ. По народнымъ разсказамъ, на столбѣ былъ крестъ. Относительно исчезновенія его существуетъ такое преданіе. Одинъ изъ крестьянъ ближайшей дер. Кривулекъ снялъ крестъ съ башни и отнесъ его къ себѣ въ домъ. Съ той поры не было ему счастья: въ ночь похищенія креста у него пали двѣ штуки рогатаго скота, а затѣмъ одна за другой въ его хозяйствѣ пошли бѣды. Наконецъ, во снѣ явился ему старецъ, приказавшій отнести крестъ обратно. Крестъ былъ отнесенъ, поставленъ возлѣ столба, и несчастія въ семьѣ крестьянина прекратились. Куда затѣмъ дѣвался крестъ—неизвѣстно. Говорятъ, будто-бы онъ былъ перенесенъ въ церковь, но его теперь тамъ нѣтъ.

О времени основанія описываемаго столба и о причинѣ его возникновенія не сохранилось въ народѣ никакихъ преданій. Но относительно мѣстности, на которой расположенъ Ятвесскъ и башня, преданіе говоритъ, что здѣсь въ незапамятныя времена былъ столичный городъ [2]).

---

[1]) Сообщ. мѣстнаго лѣсничаго.

[2]) Виленскій Вѣстникъ, 1894 года, № 43.

17) м. МОСТЫ, 42°18′—53°24′, на р. Нѣманѣ, Мостовской вол., Гродненскаго у.

Въ двухъ верстахъ отъ м. Мостовъ и въ ½ версты отъ дороги, ведущей изъ м. Мостовъ въ д. Микелевщину, въ урочищѣ, называемомъ „Городище" и расположенномъ въ долинѣ р. Ельны, находится овальная насыпь, длиною въ 3 саж. и вышиною въ 3 арш. Съ этой насыпью соединяется легенда, по которой много, много лѣтъ тому назадъ въ выкопанной здѣсь пещерѣ жилъ отшельникъ, который поддерживалъ свое существованіе подаяніями проѣзжавшихъ по сосѣдней дорогѣ; обыкновенно онъ выходилъ на дорогу со столикомъ, около котораго и молился все время, пока не замѣчалъ кого нибудь изъ прохожихъ или проѣзжихъ; при приближеніи послѣднихъ отшельникъ удалялся въ лѣсъ, оставляя столикъ на дорогѣ; на столикъ этотъ прохожіе и клали свои приношенія.

Вблизи фол. Новины, принадлежащаго къ им. Мосты, расположено въ лѣсу и на полѣ 10 курганов, вышиною до трехъ аршинъ каждый. Происхожденіе этихъ кургановъ народъ пріурочиваетъ къ какой-то войнѣ, то литовской, то шведской.— Подобной величины и формы курганы находятся невдалекѣ отсюда и въ другихъ мѣстахъ, именно: въ ур. Овчарня, принадлежащемъ къ им. Старжинки, есть два такихъ кургана и въ ур. Семеново болото — одинъ, и вообще курганы подобнаго рода, по замѣчанію Мостовскаго учителя, часто попадаются по обоимъ берегамъ Нѣмана, начиная отъ мѣстечка Мостовъ и далѣе внизъ по теченію.

Вблизи м. Мостовъ, съ восточной стороны, наблюдается старинное кладбище, да и въ самомъ мѣстечкѣ, на берегу Нѣмана, противъ синагоги, часто находятъ обломки отполированныхъ съ одной стороны камней и мраморныхъ досокъ съ надписями, которыхъ впрочемъ нѣтъ возможности прочитать.

На лѣвомъ берегу Нѣмана, при рытьѣ колодцевъ и могильныхъ ямъ, а также при запашкахъ (особенно вблизи упомянутыхъ выше кургановъ) крестьянами были находимы обломки мечей и штыковъ, копья и чугунныя ядра и т. п. Вчастности, какъ на болѣе точно обозначенные факты находокъ можно указать на слѣдующіе. Въ 1889 году, на землѣ им. Мостовъ, въ фольваркѣ Новинахъ жнецами былъ найденъ мѣдный вызолоченный сосудъ, въ видѣ чаши, вершка въ 3—4 въ діаметрѣ, на ножкѣ средней величины. Внутри чаши, до половины ея высоты, находилась тонкая, того же металла, перегородка. Въ центрѣ выпуклой крышки было отверстіе, служившее для вставки здѣсь рукоятки, или какой нибудь орнаментарной фигурки. Чаша передана была мѣстнымъ урядникомъ приставу 4-го ст. Гродненскаго уѣзда.— Въ упомянутомъ выше мѣстѣ, близъ Мостовской синагоги, при рытьѣ колодца, на глубинѣ 3 (?) саж. былъ найденъ наполненный углями и какимъ-то зѣльемъ глиняный горшокъ, одинаковый, по своей формѣ, съ нынѣшними.—Тамъ же, въ другой разъ, при рытьѣ ямы для погреба, найденъ, на глубинѣ 3 аршинъ, желѣзный топоръ въ родѣ широкаго долота, длиною въ 6 вершковъ, безъ всякого расширенія отъ обуха къ острію, и съ совершенно круглымъ отверстіемъ для древка. Мѣстные жители находки—въ окрестностяхъ мѣстечка объясняютъ происходившими здѣсь когда-то литовскими, или шведскими войнами, а находки—въ самомъ мѣстечкѣ—

существованіемъ здѣсь кладбища въ то стародавнее время, когда еще Мосты были будто-бы большимъ городомъ.

Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ однимъ изъ крестьянъ м. Мостовъ было выпахано на полѣ до двухъ гарнцевъ монетъ, но какія это были монеты очевидцы находки— крестьяне, конечно, объяснить не умѣютъ, сообщаютъ только, что монеты эти были переданы мостовскому ксендзу Раждалевичу.—Кромѣ этого клада, были въ окрестностяхъ случаи находокъ и отдѣльныхъ монетъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ всадника, а на другой цифры 5.

По разсказамъ стариковъ, въ м. Мостахъ былъ когда-то каменный, черезъ Нѣманъ, мостъ съ мелочными на немъ лавками. Устои моста были сложены изъ дубовыхъ брусьевъ, на подобіе колодезнаго сруба, и внутри наполнены камнями. Не особенно давно брусья эти добывались изъ воды крестьянами, и на обломкѣ одного изъ нихъ, между прочимъ, оказались цифры 1036.—Саженяхъ въ 50 ниже моста въ Нѣманѣ найденъ былъ огромныхъ размѣровъ якорь съ мѣднымъ кольцомъ. (У.).

* * *

18) м. ЛЫСКОВО, 42°16′—52°50′, Лысковской вол., Волковыскаго у.

Въ полуверстѣ отъ дер. Моисеевичей, на землѣ им. Адамкова, въ болотистомъ урочищѣ, называемомъ „Городищемъ", есть площадь, обнесенная со всѣхъ сторонъ валомъ и двойнымъ рядомъ рвовъ, и до сихъ поръ содержащихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воду. Пространство, занимаемое городищемъ, около одной десятины; въѣзды съ югозападной и сѣверовосточной сторонъ.—Преданіе гласитъ, что на городищѣ былъ королевскій замокъ [1]).

Близъ м. Лыскова, на церковной землѣ, были находимы кремневыя стрѣлки. (У.).

19) м. ЗЕЛЬЗИНЪ, 42°24′—52°54′, на р. Зельвѣ, Зельзинской волости, Волковыскаго уѣзда.

Въ ур. Малиновкѣ, пом. Бройчевскаго, находится курганъ (копецъ), вышиною въ двѣ саж.; окружность его, при основаніи, 14 саж., діаметръ верхней площади— 1 саж.—Другой такой же курганъ есть въ ур. Галабурдовщина, на землѣ им. Монтяковъ.—По словамъ однихъ копцы насыпаны для сигнальныхъ знаковъ, другіе же видятъ въ нихъ древнія могилы воиновъ.

У осыпавшихся береговъ малиновскаго кургана были находимы кости, подковы и другія вещи, повидимому, конскаго убора.

При дер. Тереховичахъ, около дороги, стоитъ плита, вышиною въ $1^1/_2$ арш. и шириною, при основаніи, около 18 вершковъ. На одной сторонѣ высѣчено: въ срединѣ 4-конечный крестъ, надъ нимъ буквы Н М, а съ лѣвой стороны монограмма MARIA.

Первая Зельзинская церковь построена въ 1420—30 гг., по преданію, какою-то увязшею, на мѣстѣ церкви, въ грязи княгинею и освобожденною отъ опасности

[1]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда. Отд. II, стр. 183.

подоспѣвшими охотниками. Олений рогъ, который въ то время случайно находился при охотникахъ, хранится и въ современной церкви до настоящаго времени. Кромѣ того, отъ первой церкви сохраняется въ новой также древняя икона Божіей Матери, особенно чтимая прихожанами, и дубовый крестъ, употреблявшійся первымъ священникомъ—Чаплеевскимъ. (С. 2У.).

20) м. **РУЖАНЫ**, 42°34'—52°51', на р. Зельвѣ, Ружанской волости, Слонимскаго уѣзда.

Въ м. Ружанахъ до сихъ поръ сохраняются развалины замка Сапѣговъ.

Въ разстояніи трехъ верстъ на СЗ. отъ села Воротиловичей, въ мѣстности, называемой „Сѣчище", насчитывается 5—6 конусообразныхъ насыпей, по 12 саженей въ окружности и по 2 сажени въ вышину—каждая. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на могилы, послѣ битвъ русскихъ съ поляками при Екатеринѣ II.—Недалеко отсюда есть лугъ—„Цѣшевля", каковое названіе народъ объясняетъ тѣмъ, что отсюда русскія войска съ пѣснями двинулись домой. — Въ предѣлахъ Ружанской волости есть еще 4 кургана, вышиною каждый въ 1 аршинъ; находятся они въ уроч. Пель, при дер. Березницѣ.

Въ Ружанской церкви есть потиръ и дискосъ XVII ст. (2С. У.).

21) с. **МИЖЕВИЧИ**, 42°45'-52°58', Мижевичской вол., Слонимскаго уѣзда.

При дер. Лопухово, въ ур. „Пѣнное болото" находится состоящая изъ большихъ камней гряда, представляющая какъ-бы развалениую стѣну кругомъ Пѣннаго болота, съ двумя выходами. Въ срединѣ самого болота находится „Грудъ"—возвышенное мѣсто, обнесенное кругомъ рвомъ, а на вершинѣ имѣющее насыпи съ огромными камнями. Сооруженіе Груда преданіе приписываетъ панамъ Твардовскимъ [1]). Можетъ быть, то же мѣсто указываетъ священникъ Михайловскій [2]), говоря о существованіи въ чертѣ Переволокскаго прихода, въ болотистой мѣстности, какого-то длиннаго рва, носящаго въ простонародьи названіе то „Чортовой стежки", то „Чортовой дорожки."

Около с. Мижевичей, въ ур. „Загуменье", есть три кургана, вышиною въ $1^1/_2$ арш. Народъ считаетъ ихъ могилами изъ временъ шведскихъ войнъ.—Нѣсколько кургановъ находится также за дер. Мысловымъ, въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ городища,—при дер. Збочной, Костровичской волости. Расположены они въ гористой мѣстности, на полѣ, вслѣдствіе распашки котораго курганы слились вмѣстѣ и образовали какъ бы одинъ большой курганъ. При раскопкѣ ихъ крестьяне находили военные доспѣхи и разныя вещи, какъ-то: ружья, стремена, удила, пики, топоры, ножи, ручныя кольца, какіе-то обручи и т. п.

Возлѣ дер. Юхновичей, на полѣ, есть какая-то, неопредѣленнаго характера, возвышенность, считаемая народомъ то татарскимъ, то какимъ-то языческимъ (но и въ томъ и другомъ случаѣ, образовавшимся за одинъ разъ) кладбищемъ. Окружность

[1]) Сообщеніе мѣстнаго учителя.

[2]) Труды предвар. комитета IX Арх. съѣзда; II, стр. 178.

возвышенности при основаніи равняется 37 саж., діаметръ—9 саж., а высота, по склонамъ, 1—3¼ саж. Въ прежнее время, по словамъ народа, со всѣхъ сторонъ возвышенности наблюдался ровъ, теперь же замѣтна только часть его съ юго-восточной стороны, длиною въ 15 и шириною въ 6 шаговъ. Совершенно ровная, верхняя площадь возвышенности усѣяна массою осѣвшихъ въ землю камней, а равно—лежачими и стоячими каменными бабами [1]).

Въ разстояніи 1½ верстъ отъ Мижевичей, въ лѣсу „Кутые", былъ найденъ каменный молотокъ, который затерянъ впослѣдствіи, во время пожара.

Въ Мижевичской церкви есть икона Смоленской Божіей Матери, о которой передается разсказъ, что, когда, во время нашествія шведовъ, жители с. Мижевичей хотѣли скрыть икону, не могли свезти ея ни на парѣ лошадей, ни на шести волахъ.— Въ Переволокской церкви хранится изданное въ 1600 г. въ Вильнѣ евангеліе, въ которомъ, въ концѣ еванг. отъ Мѳ., помѣщается писанная на русскомъ языкѣ привиллегія Владислава IV, касательно надѣла Переволокской церкви землею. Сохраняется также рукописный субботникъ съ перечисленіемъ поминаемыхъ фамилій и указаніемъ дней (по два раза въ годъ) отправленія заупокойныхъ литургій. Въ началѣ—записка на славянскомъ языкѣ, указывающая на время (1663 г.) учрежденія субботника и лицъ, его учредившихъ. (2С. У.).

22) с. **МИЛЬКАНОВИЧИ**, 43°50′—53°3′, Чемерской вол., Слонимскаго уѣзда.

На СВВ. отъ Милькановичей, на фермѣ Соколово, находится городище кругловатой формы. Окружность его площади около 58 саженей, а периметръ основанія 74 саж.; высота по склонамъ 3—4 саж. Площадь городища обнесена насыпными, изъ земли и булыжника, валами, шириною въ 4—5 саж. и высотою въ 1—3 арш. При основаніи городища,—съ южной стороны,—ровъ, шириною до 2 саж. Входы съ В. и З. По преданію, на городищѣ жила фундаторша нынѣшней Милькановичской церкви. (Имени фундаторши преданіе не указываетъ).

При дер. Кокощицахъ есть урочище, называемое—„Курганы". Тутъ дѣйствительно есть одинъ курганъ, приблизительно, квадратной формы, имѣющій въ окружности около 70 шаговъ и въ высоту 1¼ арш. На немъ—груда камней и нѣсколько впадинъ.—Вблизи им. Орловичей недалеко отъ дороги изъ Слонима въ м. Ружаны, расположена цѣлая группа кургановъ, относимая мѣстными жителями къ глубокой древности и окруженная въ ихъ глазахъ ореоломъ таинственности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вотчинники имѣнія дѣлали раскопки кургановъ, причемъ найденъ былъ человѣческій костякъ исполинскихъ размѣровъ, окаменѣлая змѣя и нѣсколько каменныхъ вещицъ; все это было сдано въ Варшавскій музей.— Къ категоріи также кургановъ должны быть отнесены двѣ насыпи, находящіяся недалеко отъ деревни Соколова. Первая насыпь находится на ЮЗ. отъ деревни въ разстояніи нѣсколько меньшемъ одной версты; форма ея—квадратъ; окружность 20

---

[1]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда Отд II, стр. 178.

шаговъ, высота 2 арш.; сверху—груда камней. При вырытіи въ центрѣ насыпи ямы, кромѣ тѣхъ же камней, найдены только два кусочка угля и черепокъ глиняной посуды. Другая, почти такая же, насыпь находится въ полутора верстахъ отъ деревни Соколова—на СВ.—Курганы также, судя по строенію, представляютъ собою четыре, въ общемъ, овальной формы насыпи, находящіяся на древне-христіанскомъ кладбищѣ, въ полуверстѣ къ СВ. отъ деревни Соколова. Всѣ четыре насыпи обнесены рвами и завалены большими и малыми камнями. Окружность первой изъ нихъ 98 шаговъ, второй—64, третьей—40 и четвертой—34; высота отъ одного до двухъ съ половиной аршинъ.

Въ районѣ Мильклановичскаго прихода насчитывается четыре древне-христіанскихъ, повидимому, кладбища. Два такихъ кладбища находятся въ концѣ самого села Мильклановичей; народъ считаетъ ихъ чумными. Третье кладбище находится въ полуверстѣ на СВ. отъ деревни Соколова, въ урочищѣ „Шестюга"; здѣсь, по преданію, была когда-то деревянная церковь. Четвертое кладбище находится въ Кокощицкой лѣсной дачѣ, въ уроч. „Вымокли". Достопримѣчательность послѣдняго составляетъ находящійся здѣсь синій камень съ гладкою лицевою стороною, въ которую было вбито множество желѣзныхъ гвоздей, въ родѣ подковныхъ. Теперь впрочемъ они извлечены (послѣдніе три въ 1870-хъ годахъ) изъ камня разными любителями. У народа объ этомъ камнѣ сложилась цѣлая легенда, по которой гвозди вбиты въ камень пятою однимъ изъ трехъ богатырей, державшихъ пари на то, что каждый изъ нихъ выполнитъ работу, непосильную другимъ (другой богатырь долженъ былъ въ одну ночь устроить на возвышенномъ мѣстѣ озеро, третій вынюхать $^1/_2$ фунта табаку за одинъ пріемъ). Частицы, отбиваемыя отъ этого камня, имѣютъ у народа значеніе талисмана. Наконецъ, пятое кладбище находится при д. Сергѣевичахъ.

Изъ отдѣльныхъ находокъ въ предѣлахъ Мильклановичскаго прихода извѣстны слѣдующія.

На огородѣ крестьянина дер. Костеней, Ѳ. Морозова, найденъ былъ каменный топорикъ. Половина такого-же топорика лѣтъ 30 тому назадъ, а недавно цѣльный топорикъ и половина глиняной бусы найдены на поляхъ, возлѣ села Мильклановичей.

Въ саду Мильклановичскаго священника, при рытвѣ ямъ, находятъ человѣческія кости.

Въ 1886 году при запашкѣ поля, находящагося возлѣ кокощицкаго кургана, найдены были отставнымъ солдатомъ Добріаномъ часть бронзоваго панцыря (сферической формы бляшки) и черепки глиняныхъ сосудовъ.

Въ саду Мильклановичскаго священника найденъ былъ бронзовый медальонъ съ изображеніемъ на обѣихъ его сторонахъ шестиконечнаго креста, Нерукотвореннаго образа и Св. Духа, а также орудій и аттрибутовъ крестныхъ страданій Спасителя, и съ надписями: San. Deus san. firmus san. amortuus mis. nob.—на лицевой сторонѣ, и—pas. Chri. sal. nos.—на обратной.

Всѣ перечисленные предметы находокъ, чрезъ посредство свящ. Михайловскаго, переданы въ Виленскій Музей [1]). (У.).

23) **м. ЕЗЕРНИЦА**, 42°42′—53°4 [1]), Чемерской вол., Слонимскаго у.

По мѣстному преданію, м. Езерница или Озерница была въ прежнее время большимъ городомъ, на что будто-бы указываютъ дѣйствительно наблюдаемыя на, окружающихъ мѣстечко, возвышенностяхъ искусственныя насыпи. Одна изъ этихъ насыпей, такъ называемая Татарская гора, находится на СЗ. отъ мѣстечка, двѣ—на С., въ ур. Верхи (здѣсь въ порядочномъ количествѣ попадаются глиняные черепки, грубой работы) и двѣ на ЮЗ. На Татарскую гору народъ, между прочимъ, указываетъ какъ на татарское кладбище.—Въ разстояніи 4 верстъ отъ Езерницы, при дер. Збочной, находится городище. Верхняя, нѣсколько покатая съ С. на Ю., площадь городища имѣетъ въ окружности 89 саж., окружность основанія 129 саж., высота, по направленію склоновъ, 14—19 арш. Городище—кругловатой формы и обнесено съ В., Ю. и ЮЗ. рвами и валами. Входы съ С., СВ. и ЮЗ. Валъ, окружающій самую площадь городища, сдѣланъ изъ прикрытыхъ землею камней и имѣетъ въ ширину 3 саж. и въ высоту отъ одного до трехъ аршинъ. Площадь городища неровная, изрытая и усыпанная во многихъ мѣстахъ камнями. На ней сохранилось нѣсколько кургановъ и двѣ прямоугольныя ямы близъ сѣверо-восточной и сѣверо-западной сторонъ; въ послѣдней замѣтны слѣды кирпичной кладки.—Какъ на самой площади городища, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около валовъ, на глубинѣ 2—4 вершковъ, попадаются: черепа, костяки, перегнившее дубовое дерево, цѣльные и разбитые глиняные горшки, грубой лѣпной работы, иногда съ орнаментировкою, масса булыжника, кирпичъ и т. д.

На СВ., у самого городища, находятся четыре различной формы кургана. При изслѣдованіи одного изъ нихъ свящ. Михайловскимъ [2]), на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. обнаружены были два костяка, лицемъ къ В., съ остатками деревяннаго гроба; на рукѣ одного оказалось серебряное кольцо, въ видѣ змѣйки, а у бедръ обоихъ костяковъ лежали каменныя плитки [3]). (С. У. П.).

24) **с. ИВАШКЕВИЧИ**, 42°35′—53°4′, на р. Зельвянкѣ, Пенюговской вол., Волковыскаго у.

Въ разстояніи $\frac{3}{4}$ версты отъ дер. Кошелей на пашнѣ, называемой „Городище“, находится холмъ, а на немъ окруженная рвомъ насыпь. По словамъ народа, насыпь устроена во время одной изъ стародавнихъ войнъ.

---

[1]) Свящ. Е. Михайловскій.—Археологическіе очерки Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи,—въ Трудахъ Виленскаго отдѣленія предвар. комитета, по устройству IX Арх. съѣзда. Отд. II, стр. 156 и сл.

[2]) Труды Виленскаго отдѣленія предварительнаго комитета, по устройству IX Арх. съѣзда. Вильна, 1893 г. Отд. II, стр. 165 и слѣд.

[3]) Каменныя плитки, кольца и часть глиняныхъ черепковъ и кирпичныхъ обломковъ изъ городища, чрезъ посредство свящ. Михайловскаго, переданы въ Виленскій музей, — Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда; II, 186.

На упомянутомъ сейчасъ полѣ—„Городищѣ" есть четыре кургана, одновременныхъ, по своему происхожденію, съ находящеюся тутъ же насыпью.

Въ предѣлахъ Пенюговской волости находится не мало старыхъ кладбищъ, изъ которыхъ болѣе древнія, теперь едва доступныя наблюденію, находятся при дер. Кошеляхъ (два), въ им. Ивашкевичахъ и на берегу озера „Бездоннаго".

Въ фольв. Морачи, при постройкѣ гумна, вырываемы были человѣческія кости вмѣстѣ съ остатками гробовъ. Кости попадаются также и на упоминаемомъ выше полѣ—„Городищѣ".

На томъ же „Городищѣ" были выпахиваемы части ружей, а на горѣ, въ фольв. Антосинъ, называемой „Войска гора", вырыта было случайно бомба.

При деревнѣ—Малая Крокотка, на полѣ, именуемомъ „Фольварокъ", находятъ будто-бы ежегодно по нѣскольку золот. монетъ. Говорятъ также о находкѣ лѣтъ 70 тому назадъ крестьяниномъ села Ивашкевичей клада. (У.).

25) с. **МЕЖИРѢЧЬЕ**, 42°26°—53°5′, Межирѣчской вол., Волковыскаго у.

Между с. Межирѣчьемъ и им. Мештовичами есть небольшая горка, поросшая хвойнымъ лѣсомъ; она носитъ названіе „Церковища" и, по словамъ стариковъ, потому, что здѣсь стоялъ прежде православный храмъ, который впослѣдствіи ушелъ въ землю.

Возлѣ д. Клепачей, на заросшей мужжавельникомъ равнинѣ, есть три, также поросшихъ кустарникомъ, кургана, въ которыхъ, по словамъ крестьянъ, зарыты три русскихъ военачальника, убитые во время войны со шведами.

Въ д. Дергеляхъ крестьяниномъ И. Даникомъ найденъ каменный молотокъ, вѣсомъ около 5 фунтовъ.

Въ с. Межирѣчьѣ крестьяне, копая подъ своими домами погреба, нерѣдко находятъ человѣческія кости.

Близъ деревни Пузика, въ казенномъ лѣсу находятся два, довольно значительной величины, камня съ надписями, прочитать которыя, по словамъ учителя, нельзя. (У.)

26) м. **ЗЕЛЬВА**, 42°30′—53°8′, на р. Зельвѣ, Зельвянской волости, Волковыскаго уѣзда.

Съ восточной стороны горы, на которой находится упраздненный костелъ, есть валъ, замыкающій площадь около 1600 кв. саж., а за валомъ—три небольшихъ кургана. Около вала и кургановъ въ прежнее время находили сабли и монеты. У мѣстныхъ жителей мѣсто это считается укрѣпленіемъ изъ временъ шведской войны.

На полѣ, близъ м. Зельвы, найденъ бронзовый перстень—печать съ грубымъ рисункомъ геральдическихъ знаковъ. Перстень этотъ въ 1894 году переданъ въ Виленскій музей [1]).

---

[1]) См. книгу для записи поступленій въ Музей.

Въ мѣстной церкви находится икона (передана изъ костела) Божіей Матери,— древній снимокъ съ Иверской или, можетъ быть, съ Вратарской; написана на мѣдной доскѣ, величиною въ 21×16×1½ к. вершк. Въ церковномъ архивѣ есть актъ Казиміра Сапѣги 1654 г. о замѣнѣ причтовой усадьбы новою. (С.).

27) им. КРЕМЯНИЦА, 42°22′—53°12′, Кремяницкой вол., Волковыскаго у.

Въ разстояніи ¼ версты отъ дер. Деркачей находится древнее кладбище, называемое „Мошаки". Большая часть его распахана, остается только площадь въ 6×2½ квадр. саж. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на этомъ кладбищѣ замѣтны небольшие камни. (У.).

28) с. БѢЛАВИЧИ, 42°13′—53°20′, Песковской волости, Волковыскаго уѣзда.

Почти при каждой деревнѣ Бѣлавичскаго прихода наблюдается по площади съ большими камнями безъ надписей, судя по которымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также и по остаткамъ небольшихъ холмиковъ, можно предполагать, что эти площади—мѣста древнихъ кладбищъ.

Въ предѣлахъ Песковской волости найденъ небольшой каменный шарикъ съ слѣдами искусственной его обдѣлки; хранится у г. Морачевскаго, въ Вильнѣ [1]).

Около м. Песковъ, въ рѣкѣ Зельвянкѣ найдена была желѣзная подкова, любопытная по своей первобытной формѣ,—плоская, широкая, приспособленная къ болотистой почвѣ, для мелкихъ лошадей; находится у того же г. Морачевскаго [2]). (С. У.).

* *
*

29) м. ПОРОЗОВО, 42°2′—52°55′ на р. Росси, Порозовской вол., Волковыскаго уѣзда.

Въ окрестностяхъ Порозова находится много холмовъ, съ однимъ изъ которыхъ связано преданіе о многихъ здѣсь убитыхъ во время какой-то стародавней войны. На этомъ холмѣ въ настоящую пору находится капличка, подъ которой, по народному вѣрованію, лежитъ въ склепѣ самъ полководецъ.

Въ окрестностяхъ холма нерѣдки случаи находокъ старыхъ сѣкиръ, а въ самомъ холмѣ массами попадаются человѣческія кости.

Въ Новодворской православной церкви сохраняется чудотворная икона Божіей Матери,—та самая, на поклоненіе которой пріѣзжалъ св. Димитрій Ростовскій (2С. У.).

30) с. МАЛАЯ ЛАПЕНИЦА, 42°10′—53°1′, на р. Лапеницѣ, Изабелинской волости, Волковыскаго уѣзда.

Подлѣ им. Большой Лапеницы, въ ур. Нивкѣ, есть земляной валъ, въ 3 саж. высоты.

---

[1]) Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на выставку при IX Арх. съѣздѣ, 1893 г., стр. 109.
[2]) Ibid.

На берегу рѣчки Хоружанки находится горка, которую называютъ „Московщина“, потомучто здѣсь, по словамъ крестьянъ, стояли московскія войска, но когда—неизвѣстно.

При деревняхъ Митроны, Низяны и Козейковцы, расположенныхъ въ разстояніи двухъ верстъ одна отъ другой, находится по одному кургану, которые насыпаны, по словамъ народа, во время войны съ „сасами“, (такъ называетъ народъ саксонцевъ, бывшихъ въ арміи Наполеона). При естественномъ разрушеніи кургановъ обнаруживаются человѣческія кости, крестьяне же относятся къ курганамъ съ уваженіемъ и разрывать ихъ никогда не пробовали. (С. У.).

31) им. ВЕЛИКАЯ СВЕНТИЦА, 42⁰—53⁰3′, Толочманской волости, Волковыскаго уѣзда.

На землѣ гр. Міончинскаго, въ лѣсахъ, насчитывается до шести кургановъ, называемыхъ народомъ копцами, или сасами; именно, одинъ курганъ—въ урочищѣ Соколъ, одинъ—въ ур. Рѣписко и четыре—въ ур. Красный Гай. Одинъ курганъ есть также на полѣ мѣщанъ околицы Коревичей, при р. Россь. Всѣ эти курганы имѣютъ форму усѣченнаго конуса, высотою около трехъ аршинъ. О происхожденіи ихъ старики разсказываютъ слѣдующую легенду. Когда-то въ урочищахъ Соколѣ, Рѣпискѣ и Красномъ Гаю были расположены войска. Вдругъ среди Сокольскаго отряда появляется какой-то великанъ: онъ вырвалъ съ корнями изъ земли дубъ и перебилъ имъ всѣ отряды. Убитые солдаты и похоронены подъ этими копцами.—Въ сообщеніи лѣсничаго указываются также курганы близъ им. Хотьковцы. По народной молвѣ, въ нихъ погребены великолюды.

Въ упомянутомъ выше урочищѣ Красный Гай и въ ур. Ровы есть два старинныхъ кладбища съ надгробными плитами, на одной изъ которыхъ наблюдается фигура въ формѣ четырехконечнаго креста съ загнутыми подъ прямымъ угломъ концами.

Около полотна Полѣсской желѣзной дороги, въ 6 верстахъ отъ Волковыска, по направленію къ Бѣлостоку, попадаются на полѣ человѣческія кости.

Въ 1890 г. крестьянинъ дер. Великая Весь, Антонъ Ѳоминъ, при постановкѣ забора въ дер. Задворянцахъ, возлѣ рѣчки Свинорыйки, нашелъ на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. до 100 штукъ серебряныхъ монетъ. Одну изъ нихъ имѣлъ случай наблюдать мѣстный учитель: она напоминаетъ польскій серебряный 30-копѣечникъ, только нѣсколько тоньше его; надписи на ней почти совершенно стерлись.

Въ мѣстной, Свентицкой церкви есть двѣ старинныхъ иконы Божіей Матери; одна изъ нихъ—съ драгоцѣнными украшеніями. Въ церковной библіотекѣ сохраняется учительное евангеліе, ҂а҃х҃ѕ҃і года, выдрꙋковано въ Євю. (С. У.).

32) м. МСТИБОВО, 41⁰55′—53⁰6′, Мстибовской вол., Волковыскаго у.

Мстибово или, прежде, Мстибовъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, построенный славянами, можетъ быть, одновременно съ Гродною и Новогрудкомъ и раздѣлявшій общую съ послѣдними участь въ XII и XIII столѣтіяхъ. Издавна въ немъ существо-

валъ оборонительный, деревянный замокъ [1]), остатки котораго, по всей вѣроятности, и представляютъ наблюдаемые до сихъ поръ около Мстибова окопы. Именно, въ полуверстѣ отъ мѣст. Мстибова, на берегу рѣчки Ольшанки, находится кольцеобразный валъ, длиною, по гребню, 85 саж., шириною—5 саж. и столько же вышиною; входъ со стороны р. Ольшанки. Въ разстояніи 80 саженей отъ этого вала наблюдаются остатки другого также вала, опоясывавшаго первый и упиравшагося концами въ р. Ольшанку. Мѣстность эта называется у народа—„Замокъ", и построеніе его, по народной молвѣ, приписывается королевѣ Бонѣ [2]).

Въ окрестностяхъ Мстибова находятся также и другіе окопы и холмы, въ которыхъ открываютъ груды человѣческихъ костей; слывутъ они въ народѣ подъ именемъ военныхъ и чумныхъ кладбищъ.

Въ 70-хъ годахъ солдатъ Чоховскій, копая гряды на своемъ огородѣ, въ Мстибовѣ, нашелъ глиняный горшокъ съ мелкою серебряною монетою.

Въ четырехъ верстахъ отъ Мстибова, въ ур. Андреевцы, въ сосновомъ лѣсу, на вершинѣ высокаго холма находится огромный камень, въ формѣ усѣченнаго конуса; не вполнѣ правильное сѣченіе имѣетъ въ діаметрѣ около 1 сажени. Народъ считаетъ его окаменѣлымъ престоломъ бывшей на этой горѣ будто-бы церкви, въ каковомъ взглядѣ народа мѣстный священникъ считаетъ возможнымъ находить основаніе для опредѣленія камня въ смыслѣ языческаго жертвенника.

Въ мѣстной церкви находится образъ съ греческо-славянской надписью, относящеюся къ 1631 году, а на колокольнѣ есть 8-пудовой колоколъ съ надписью,—рокꙋ ѵ(?)фмг июнѧ свіащ ѻ сѫщински ꙋлилъ вомстибове (С. У. П.)

33) с. ГНѢЗНО, 42°1′—53°7′, на рѣкѣ Гнѣзнѣ, Вильчуговской вол., Волковыскаго у.

Около дер. Шандровъ находится нѣсколько кургановъ, въ которыхъ, по народной молвѣ, погребены какіе-то великолюды [3]).

Въ одной верстѣ отъ дер. Оранцы, на покрытой лѣсомъ горѣ, такъ называемой „Крутовкѣ", существуютъ слѣды старинна̀го кладбища, въ видѣ каменныхъ плитъ, съ выдолбенными на нихъ крестами. (У.)

34) г. ВОЛКОВЫСКЪ, 42°9′ 53°9′.

Въ разстояніи около двухъ верстъ на ЮВ. отъ города тянется валъ, длиною около ½ версты и шириною не болѣе 11 саж. Валъ извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „Шведскихъ горъ" и считается мѣстомъ русскихъ укрѣпленій противъ французовъ въ 1812 году. [4]).

Въ разстояніи около версты отъ вала на СВ. и въ такомъ же почти разстояніи отъ Волковыска на ЮВ. находится конусообразная земляная насыпь, высотою

---

[1]) Balinsky.—Starożytna Polska, 1846. Tom. III, str. 698.
[2]) Ср. сообщ. мѣстнаго лѣсничаго.
[3]) Сообщ. мѣстнаго лѣсничаго.
[4]) Сравн. Архивъ Императорской Археологической Коммиссіи. Дѣло № 7, 1880 г.

въ 14 саж. и въ 175 саж. по окружности основанія; на вершинѣ ея два углубленія. Народъ называетъ насыпь то „курганъ", то „шведская гора", и считаетъ ее могилой изъ временъ шведскихъ войнъ. Не смотря на свою значительную высоту, шведская гора, равно какъ и валъ, въ настоящее время распахиваются, причемъ въ горѣ находятъ старинныя монеты [1]). Отъ этой горы едва-ли нужно отличать возвышенность, находящуюся, по словамъ Балинскаго [2]), за самымъ городомъ и до его времени сохранявшую слѣды бывшаго на ней з а м к а, построеннаго, по предположенію того же Балинскаго, для защиты противъ монголовъ и, слѣдовательно, не позднѣе XIII стол.— Это же мѣсто, очевидно, имѣетъ въ виду и г. Бобровскій [3]), говоря, что въ полуверстѣ отъ Волковыска, по дорогѣ въ Слонимъ, путешественника поражаетъ высокій холмъ съ остатками валовъ. По предположенію г. Бобровскаго, можетъ быть, на этомъ мѣстѣ находился замокъ, а можетъ быть, шведы устроили здѣсь свои укрѣпленія.

Въ Волковыскомъ уѣздѣ найдены такъ называемыя слезницы,—одна въ формѣ флакона изъ бѣлаго стекла, и другая—въ формѣ шарика изъ зеленоватаго стекла; обѣ принадлежатъ теперь Виленскому музею древностей [4]).

Въ самомъ городѣ Волковыскѣ, на землѣ мѣщанина Буцько, крестьяниномъ Дарукомъ найдено было 4 фунта 26 лотовъ м о н е т ъ, среди которыхъ были брабантскіе и голландскіе талеры и полуталеры, польскіе 18,—3,—1—грошовики и полтораки, литовскіе гроши, эльбингскіе, рижскіе, данцигскіе, прусскіе и шведскіе полтораки, 18-грошовики, солиды и др. Кладъ этотъ переданъ былъ въ Импер. Археолог. Коммиссію [5]). (С. П.).

35) м. РОССЬ, 42°6′—53°17′, на р. Росси, Росской вол., Волковыскаго у.

Около дер. Краснаго села находятся двѣ группы к у р г а н о в ъ, изъ которыхъ въ одной, по народной молвѣ, погребены великолюды, а въ другой—воины, убитые во время войнъ поляковъ со шведами [6]).

На лѣвомъ берегу р. Росси, въ 200—300 саженяхъ къ ЮВ. отъ дер. Краснаго села, вода часто вымываетъ человѣческія к о с т и. По народной молвѣ, здѣсь находится к л а д б и щ е, оставшееся послѣ какой-то стародавней войны. Два года тому назадъ арендаторъ им. Кусина, Фетеровскій, который, кстати замѣтить, занимается собираніемъ древнихъ предметовъ, производилъ на этомъ мѣстѣ раскопки, причемъ въ одной могилѣ нашелъ желѣзный о б р у ч ъ, глиняный г о р ш о к ъ и жестяное в е д р о.

Крестьянами дер. Краснаго села были находимы на своихъ поляхъ к а м е н н ы е топоры; нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтены у крестьянъ упомянутымъ Фетеровскимъ.

---

[1]) Ср. Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда. Отд. I стр. 62.
[2]) Starożytna Polska, 1846. Tom III, str. 697.
[3]) Гродненская губернія. Часть II, стр. 1072.
[4]) Каталогъ музея древностей, 1885 г. Отд. 3, №№ 401—2.
[5]) Архивъ Коммиссіи, 1880 г., № 7.
[6]) Сообщеніе мѣстнаго лѣсничаго.

Въ полуверстѣ къ З. отъ с. Дятловичей, Росской волости, лежитъ камень съ оттисками двухъ человѣческихъ стопъ—большой и малой. По вѣрованію народа, на этомъ камнѣ стояла Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. (С. У.).

36) м. ВОЛПА, 42°3′—53°22′, на р. Волпянкѣ, Волпянской волости, Гродненскаго (самое мѣстечко-Волковыскаго) уѣзда.

Въ двухъ верстахъ отъ деревни Рыбаковъ, въ казенномъ лѣсу есть возвышенность, называемля крестьянами „Замчище“ или „Городище“. По преданію, здѣсь былъ замокъ королевы Боны. Въ настоящее время мѣстность эта заросла лѣсомъ, и нѣтъ на ней никакихъ признаковъ существовавшихъ будто-бы замковыхъ построекъ [1]), потомучто, по словамъ народа, добавляетъ мѣстный учитель, постройки эти провалились въ землю и находятся теперь внутри горы.

Въ 5 верстахъ отъ м. Волпы находятся два кургана или, по мѣстному названію, копца [2]), высотою каждый болѣе двухъ аршинъ. Девять копцовъ такой же величины есть на крестьянской землѣ дер. Рыбаковъ, въ 1/4 версты отъ деревни, и одинъ копецъ, высотою въ 5 аршинъ, находится въ разстояніи двухъ верстъ отъ дер. Лазовъ; послѣдній обложенъ камнями.

Недалеко отъ м. Волпы найденъ каменный топорикъ, который теперь хранится у крестьянина м. Волпы, Сѣдлецкаго.

Въ деревнѣ Половкахъ есть каменный крестъ; когда и кѣмъ сооруженъ онъ, никто изъ стариковъ не помнитъ.

На православной Волпянской колокольнѣ есть колоколъ съ славянскою надписью ҂а̄х̄о̄г̄. (С. У. П.).

37) с. МАССАЛЯНЫ, 41°47′—53°21′, Богородицкой вол., Гродненскаго у.

Близъ дер. Ковалей учителемъ Порозовскаго, Волковыскаго у., училища найдена половина разбитаго по сверлинѣ каменнаго молотка.

Въ церкви села Гудевичей, Гудевичской волости, находится Чудотворная икона Божіей Матери, чудодѣйственная сила которой свидѣтельствуется уже древними актами. (С. У.).

38) м. ЛУННА, 41°56′—53°26′, на р. Нѣманѣ, Лунненской вол., Гродненскаго у.

На правомъ берегу Нѣмана, близъ самого мѣстечка Лунны, съ сѣверо-западной его стороны, наблюдаются слѣды (находки предметовъ изъ кремня) доисторической стоянки [3]).

При дорогѣ, ведущей изъ м. Лунны въ Гродно, въ им. Жиличахъ, въ 1891 году, найденъ былъ, при раскопкѣ земли подъ фундаментъ, небольшой котелокъ со старинной мѣдной и серебряной монетой, съ польскими и прусскими надписями.

---

[1]) А. Шритеръ: Топографическія свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ Гродненской губерніи.

[2]) Ibid. по сообщенію мѣстнаго учителя,—пять кургановъ.

[3]) Biblioteka Warszawska, 1880 r. Tom. I, str. 155.

Въ 1890 году въ д. Миневичахъ найдено было 74 польскихъ и прусскихъ серебряныхъ монетъ XVII ст. и 28 такихъ же монетъ мѣдныхъ. Послѣднiй кладъ находится теперь въ Гродненскомъ Статистическомъ Комитетѣ. (У.)

* *
*

39) м. СВИСЛОЧЬ, 41°45′—53°2′, на р. Свислочи, Свислочской вол., Волковыскаго уѣзда.

Въ разстоянiи ¼ версты на ЮВ. отъ д. Горбачей находится рядъ полукруглыхъ песчаныхъ холмовъ, съ промежуточными узкими долинами и рвами. Народъ называетъ это мѣсто „Ровы“.

Около самой дер. Горбачой находится песчаная возвышенность, въ полдесятины величиною, имѣющая форму продолговатаго четырехугольника. Еще болѣе высокая гора находится на Ю. отъ мѣста—„Ровы“.—Происхожденiе этихъ горъ, равно какъ и холмовъ—„Ровы,“ народъ относитъ къ стародавнимъ войнамъ.

Въ дер. Гринцевичахъ есть небольшой курганъ, называемый „Гринцевичская баба“; на немъ ростутъ три большихъ сосны. По народной молвѣ, въ курганѣ зарыта удавленица, отчего онъ и получилъ будто-бы свое названiе. Другой курганъ, называемый Кудычка, находится при дер. Глушкахъ; съ нимъ также соединяется разсказъ о насильственной смерти нѣкоего, погребеннаго здѣсь, Кудычки. На этомъ курганѣ лежатъ камни, солома, палки и т. п., предметы, которые набросаны здѣсь проѣзжими, потомучто, иначе, по народному суевѣрiю, можетъ случиться что нибудь недоброе [1]).

Въ одной верстѣ на С. отъ Ятвесской церкви находится старое кладбище; на столько старое, по народному разговору, что если бы всѣ погребенные на немъ встали, то не достало-бы земли. Много старыхъ кладбищъ съ камнями находится также въ районѣ Левшовскаго прихода; большинство заросло лѣсомъ.

Въ Ятвесской церкви есть чудотворая икона Божiей Матери, открывающая чаще всего, по народному вѣрованiю, похитителей чужой собственности. Въ Полонской церкви хранится рукописное евангелiе, на прибитой сзади котораго дощечкѣ надпись—N M 1589; на первомъ листѣ—запись о построенiи Полонскаго храма Иваномъ Тризною, прахъ котораго и теперь лежитъ подъ церковью. Въ Левшовскомъ церковномъ архивѣ есть польская рукопись (разорвана по клочкамъ),—данная кн. Фридр. Сапѣгою священнику Евд. Левицкому, 21 Апр., 1641 года. (4С.).

40) с. ШИЛОВИЧИ, 41°55′—53°9′, Шиловичской вол., Волковыскаго у.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на крестьянской землѣ с. Шиловичей найденъ былъ бронзовый ножъ [2]).

---

[1]) Ср. Курганъ Жениховщина, Голынской вол., Гродненскаго уѣзда.
[2]) Сообщенiе мѣстнаго лѣсничаго.

41) м. ЯЛОВКА, 41°35′—53°, на р. Свислочи, Шимковской вол., Волковыскаго у.

Въ 20 саженяхъ на СВ. отъ м. Яловки находится насыпной валъ, идущій по направленію прямой линіи, въ 34 саж. длиною. Народъ говоритъ, что онъ насыпанъ былъ въ 1812 году русскими войсками.

На границѣ земель м. Яловки и д. Новосадъ есть поросшая мужжавельникомъ возвышенность; называется—„Могилицы", потомучто здѣсь будто-бы въ древнее время хоронили умершихъ, хотя признаковъ могилъ нѣтъ никакихъ. (С. У.).

42) с. ГОЛЫНКА, 41°35′—53°10′, на р. Свислочи, Голынской вол., Гродненскаго у.

По дорогѣ изъ села Мостовлянъ въ Тетеревку, Велико-Берестовицкой вол., находится въ лѣсу курганъ, съ которымъ у народа соединяется слѣдующая легенда. Разъ когда-то около мѣста кургана встрѣтились два свадебныхъ поѣзда, изъ которыхъ ни одинъ не хотѣлъ уступить дороги другому: произошла драка, во время которой одинъ изъ жениховъ былъ убитъ и погребенъ на самомъ мѣстѣ смерти. Надъ могилою убитаго жениха и насыпанъ этотъ курганъ, до сихъ поръ извѣстный у народа подъ именемъ Жениховщины. — Народъ, проходя мимо кургана, обыкновенно бросаетъ на него куски дерева, солому, траву и т. п. горючія вещества, и все это по временамъ сожигается или случайными прохожими, или самимъ погребеннымъ, который, по словамъ народа, иногда показывается на курганѣ. [1]).

Въ 200 саженяхъ къ СВ. отъ дер. Лужанъ насчитывается, на пространствѣ 100×50 кв. саженей, болѣе тридцати круглыхъ и овальныхъ насыпей, высотою отъ одного до трехъ аршинъ. Всѣ круглыя насыпи имѣютъ на верху углубленія, а на одной изъ нихъ есть двѣ, глубоко осѣвшія въ землю, каменныя плиты, съ высѣченными на нихъ крестами. Народъ говоритъ, что здѣсь было побоище, но чье—неизвѣстно,- можетъ быть—русскихъ, или поляковъ со шведами, а можетъ быть—русскихъ съ поляками. До послѣдняго времени на курганахъ росъ лѣсъ не моложе столѣтняго возраста.

При многихъ деревняхъ Голынской волости находятся старыя кладбища, изъ которыхъ самое древнее—при дер. Минчукахъ.

Въ разстояніи одной версты отъ села Голынки находится песчаная возвышенность. Разносимый вѣтромъ песокъ обнаруживаетъ здѣсь присутствіе человѣческихъ костей [2]). (У.)

43) с. ВЕЛИКАЯ БЕРЕСТОВИЦА, 41°40′—53°12′, Велико-Берестовицкой волости, Гродненскаго уѣзда.

Въ предѣлахъ волости много старыхъ кладбищъ съ обыкновенными на нихъ памятниками, въ видѣ неотесанныхъ камней, съ высѣченными на нихъ крестами.

---

[1]) Корчанъ. Курганъ Жениховщина.—Виленскій Вѣстникъ, 1868 г., № 6. Тутъ же есть попытка сожиганіе муссору на курганѣ поставить въ связь съ дохристіанскимъ обычаемъ погребенія умершихъ чрезъ трупосожженіе.

[2]) Труды вредварительнаго момитета IX Археологическаго сѣзда, Т. I, стр. 60.

На одномъ изъ этихъ кладбищъ—Тетеревскомъ, между прочимъ, покоится прахъ одного изъ Тышкевичей,—строителя Тетеревской церкви.

Каменныхъ молотковъ въ предѣлахъ В.-Беретовицкой волости не находили, но кремневыя стрѣлки попадаются повсемѣстно.

Одинъ крестьянинъ дер. Бобровниковъ вырылъ на своемъ огородѣ небольшой глиняный горшокъ съ старинными мѣдными нѣмецкими монетами.

На колокольнѣ Берестовицкой церкви есть древній колоколъ съ славянскою надписью. (У. С.)

44) с. МАЛАЯ БЕРЕСТОВИЦА, 41°36′—53°18′, Мало-Берестовицкой вол., Гродненскаго уѣзда.

Въ районѣ Мало-Берестовицкой вол. находятся два несомнѣнно старинныхъ городища,—одно въ им. Гольнѣ [1]), а другое въ им. Олекшицахъ. Послѣднее представляетъ четырехугольную площадь, обнесенную валомъ и рвомъ; по угламъ вала выступы, а около рва замѣтны слѣды пруда; высота вала $1^1/_2$ аршина, а ширина болѣе двухъ саженей; замкнутая валомъ площадь—около сорока кв. саженей.—Къ разряду этого же рода памятниковъ долженъ быть отнесенъ, повидимому, и находящійся недалеко отъ Берестовицкой церкви, покрытый лѣсомъ холмъ, въ которомъ найдено было много человѣческихъ костей [2]).

Близъ д. Верховлянъ, на возвышенномъ мѣстѣ, находится курганъ, въ формѣ усѣченнаго конуса. По народной молвѣ, курганъ этотъ—памятникъ бывшаго побоища со шведами. (2С.).

45) м. КРЫНКИ, 41°26′—53°15′, Крынской вол., Гродненскаго у.

Близъ мѣстечка находится холмъ, называемый „Царева гора". При добываніи изъ холма глины, выкапываютъ множество почти истлѣвшихъ человѣческихъ костей [3]).

При дер. Крушинянахъ [4]) есть два старинныхъ кладбища,—„Русскія могилки" и „Высокія могилки"; первое занимаетъ площадь около десятины, второе не болѣе $^1/_3$ десятины. Могилы расположены въ разныхъ направленіяхъ, и на находящихся на нихъ камняхъ нѣтъ никакихъ знаковъ.

Въ мѣстной, Кринской церкви—есть чудотворная икона Богоматери: популярнѣйшее изъ ея чудесъ—хожденіе, во время пожара, по мѣстечку въ преднесеніи свѣчей ангелами. Икона почитается всѣми христіанами, безъ различія вѣроисповѣданія. (С.).

---

[1]) Ср. сообщ. мѣстнаго лѣсничаго.

[2]) Труды предварит. комитета IX Арх. съѣзда. Отд. I, стр. 64.

[3]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда; I, стр. 60.

[4]) Деревня Крушиняны замѣчательна, какъ древнѣйшее поселеніе Кричевскихъ татаръ. Янъ III Собѣсскій отдалъ Крушиняны въ вѣчное потомственное владѣніе ротмистру татарской хоругви Самуилу Кричевскому, который спасъ короля въ сраженіи подъ Парканами.—Въ Крушинянахъ до послѣдняго времени существовали липы, осѣнявшія домъ Самуила, потомки котораго хранили, какъ драгоцѣнность, деревянный стулъ съ перилами, на которомъ сидѣлъ за обѣдомъ у Самуила въ Крушинянахъ король Іоаннъ III. П. Бобровскій. Гродненская губернія. Часть II; стр. 1019.

46) м. ИНДУРА, 41°33′—53°27′, на р. Индуркѣ, Индурской вол., Гродненскаго у.

Въ самомъ мѣстечкѣ Индурѣ, въ разстояніи 30 саженей отъ р. Индурки, тянется, параллельно берегу рѣки, валъ, длиною въ 150 саж.; наибольшей высоты—10 саженей онъ достигаетъ около своей средины.

Въ 100 саженяхъ отъ мѣстечка поднимается саженей на 10 надъ уровнемъ рѣки гора, носящая въ народѣ названіе „Городка“, или „Городища“. На вершинѣ ея находятся два концентрическихъ кольцеобразныхъ вала; внѣшній имѣетъ въ длину 119 саж. и въ ширину—2 саж., длина же внутренняго—73 саж., а ширина 6 саж. Въѣзды замѣтны съ двухъ сторонъ,—одинъ съ сѣверо-западной, а другой—съ сѣверо-восточной. Вся внутренняя площадь уложена камнями. При случайныхъ раскопкахъ валовъ и самой горы попадаются человѣческія кости и куски желѣза. Народная молва относитъ происхожденіе городища ко времени шведской войны.

На поляхъ деревень Круглика, Ярмоличей и Конюховъ были находимы каменные топоры.

Близъ д. Могилянъ, въ такъ называемыхъ Могилянскихъ горахъ, равно какъ и въ самой деревнѣ нерѣдко вырываютъ человѣческія кости.

Близъ тѣхъ же Могилянскихъ горъ, на полѣ деревни Казенныхъ Конюховъ, крестьяниномъ П. Ж. былъ выпаханъ мечъ, который и принесенъ былъ имъ домой; но послѣ этого къ крестьянину каждую ночь сталъ являться всадникъ на бѣломъ конѣ, требуя меча обратно, каковое требованіе крестьянинъ, конечно, не замедлилъ исполнить: мечъ снова зарытъ на полѣ, и это мѣсто знаютъ всѣ крестьяне, и всѣмъ имъ оно внушаетъ суевѣрный страхъ.

Въ дер. Большой Жорновкѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при вскапываніи огорода найдена была однимъ крестьянскимъ мальчикомъ серебряная монета продолговатой формы.

На полѣ д. Ярмоличей находится большой камень съ оттискомъ человѣческихъ стопъ. Тамъ же находился прежде и другой небольшой камень, который былъ увезенъ однимъ крестьяниномъ для постройки погреба; но крестьянинъ, найдя на этомъ камнѣ рисунокъ креста, не рѣшился употребить его въ дѣло. — Большой камень, въ ростъ человѣка, находится также на границѣ земель д. Рогачей и им. Ляхново; на немъ — крестъ и польская надпись, которую впрочемъ прочесть нельзя. (У. П.).

* * *

47) д. ВЕРШТА, 42°5′—53°52′, на оз. Берштѣ, Берштанской вол., Гродненскаго у.

На берегу оз. Берешты, въ 220 саж. на З. отъ нынѣшняго кладбища, находился прежде поросшій лѣсомъ холмъ. По вырубкѣ лѣса этотъ песчаный холмъ былъ постепенно развѣваемъ вѣтромъ, причемъ здѣсь обнаружилась такая масса человѣческихъ костей, что въ 1840 г. было изъ Гродны спеціальное предписаніе о зарытіи ихъ въ землю. Два раза въ теченіе послѣднихъ 14 лѣтъ погребалъ кости также и настоящій мѣстный священникъ. При собираніи костей для погребанія и случайно здѣсь были находимы бисеръ, запонки, мелкія монеты и т. п. Мѣсто это

считается старымъ кладбищемъ, и такое же, но еще болѣе старое, кладбище указывается на берегу того же озера, въ разстояніи одной версты на Ю. отсюда. Большіе размѣры этихъ кладбищъ народъ объясняетъ многолюдствомъ д. Бершты, которая, по его словамъ, въ прежнее время была больше Гродны [1]).

Въ 40-хъ и 70-хъ годахъ, на островкѣ Берштовскаго озера, близъ дер. Бершты, крестьяне находили шведскія монеты, съ надписью Карлъ XII; нѣкоторыя изъ нихъ хранятся у мѣстнаго учителя Ясинскаго [2]). Въ 1889 году въ предѣлахъ Берштовской волости найденъ былъ кладъ, состоящій изъ слѣдующихъ 79 монетъ XVI столѣтія: 1) четыре литовскихъ $^1/_2$—грошовика Александра, 1501—6 гг.; 2) пять литовскихъ $^1/_2$—грошовиковъ Сигизмунда I, 1509—10—11 гг.; 3) пятьдесятъ девять литовскихъ полугрошовиковъ Сигизмунда Августа, 1546—65 гг.; 4) два коронныхъ гроша Сигизмунда I, 1527—29 гг.; того же Сигизмунда 5) пять прусскихъ грошей, 1529—31—33—34—35 гг., и 6) четыре данцигскихъ гроша, 1531—32—39—40 гг. Кладъ этотъ хранится въ Гродненскомъ Статистическомъ Комитетѣ.

Въ Глубоковской православной церкви находится чудотворная икона Николая Чудотворца, упоминаемая уже въ документахъ 1635 г. (С.).

48) м. СКИДЕЛЬ, 41°55′—53°35′, на р. Скидель, Скидельской вол., Гродненскаго у.

Въ 1807 году Нарбуттъ имѣлъ случай наблюдать близъ Скидельской церкви употреблявшійся вмѣсто скамейки обрубокъ бревна, на которомъ была слѣдующая славянская надпись:

. . . . лвник карѳоломей к. с. хрещєюю н. .
. . . . поган єдвєжок живущих кєз . . . . .
. . . . кожего нароженья ҂афнг индикта . . .

Бревно это, по предположенію Нарбутта [3]), осталось отъ старой церкви, и находящаяся на немъ надпись свидѣтельствуетъ о крещеніи въ Скиделѣ, въ 1553 году, Ятвяговъ какимъ то Варѳоломеемъ. Въ 1810 году Нарбутту сообщали о существованіи надписей и на нѣкоторыхъ бревнахъ тогдашней скидельской церкви. Бревна эти, по объясненію Нарбутта, также могли остаться отъ старой, современной крещенію Ятвяговъ, церкви.

49) м. ОЗЕРЫ, 41°50′—53°43′, на оз. Бѣломъ, Озерской вол., Гродненскаго у.

Въ находящемся близъ мѣстечка озерѣ—„Рыбницѣ“ есть одно, называемое „выспой“ (насыпью), мѣсто, съ слѣдами бывшихъ здѣсь нѣкогда свайныхъ сооруженій. По заслуживающимъ вѣроятія разсказамъ рыболововъ, свайныя сооруженія на озерѣ Рыбницѣ состоятъ изъ искусственной свайной мели и ведущихъ къ ней слѣдовъ древняго моста. Мель эта имѣетъ круглую форму, и обмѣръ ея равняется длинѣ четырехъ 39—саженныхъ сѣтокъ (120 саженей). Выспа представляетъ собою крутой

---

[1]) Ср. Памятная книжка Виленской губ. на 1891 г. Отд. II, стр. 192.
[1]) Ibid. стр. 191.
[3]) Tygodnik Wileński, 1817. T. IV, str. 62.

подводный холмъ, окаймленный двумя рядами порознь вбитыхъ свай и покрытый подводнымъ частоколомъ изъ нихъ, на подобіе площадки торцовой мостовой, въ которой однако, благодаря вѣковому, оглаживающему дѣйствію воды, образовалось много свободнаго пространства, составляющаго безопасный притонъ для крупной рыбы, скрывающейся въ этихъ сваяхъ большими стадами. Слой воды, лежащій надъ верхушками свай, достигаетъ одного аршина. Окаймляющія сваи занимаютъ вокругъ мели полосу въ двѣ сажени; за этою полосою дно быстро понижается до 5-саженной глубины. Сваи здѣсь истлѣли на цѣлую сажень отъ поверхности. Остатки моста идутъ немного въ косомъ направленіи отъ дер. Старины къ выспѣ; разстояніе отъ берега 150 саженъ; глубина дна вообще до 5—6 саженъ; сваи занимаютъ полосу въ 6 саженъ, идущую уже начиная отъ самого берега (по другимъ свѣдѣніямъ, сваи продолжаются и на берегу, потомучто въ прежнее время онѣ, подобно старымъ пнямъ, представляли препятствіе при запашкѣ). Сваи въ полосѣ размѣщаются одна отъ другой сажени на 1½; онѣ составляютъ 4—5 рядовъ; въ глубокихъ мѣстахъ присутствіе ихъ ощущается ниже двухъ саженей отъ поверхности. Сваи вездѣ дубовыя, и теперь отъ прибоя волнъ стали гораздо тоньше, первоначально же, судя по выдающимся изъ свай сучьямъ, онѣ достигали толщины 8 вершковъ. Сваи на выспѣ довольно легко вытаскиваются. Оказывается, что онѣ были снабжены желѣзными башмаками и около средины желѣзными крючьями, утвержденными въ самыхъ сваяхъ посредствомъ зазубренныхъ шиповъ или клиньевъ. Все это желѣзо представляется окисленнымъ, до труховатости гнилаго дерева. На выспѣ валяется кирпичъ, большой, продолговатый, тонкій и еще довольно крѣпкій; также валяется тамъ немало черепковъ глиняной посуды; но о томъ, чтобы на выспѣ были когда нибудь сдѣланы и другого рода находки,—неизвѣстно. Къ выспѣ всегда прибивается много „низмы", т. е. растительныхъ остатковъ, плавающихъ на водѣ. — Озеро Рыбница отдѣляется отъ другого большого озера, Бѣлаго, запрудой—„паперни" (суконнаго завода), отчего на Бѣломъ уровень воды нѣсколько поднятъ, и затопленъ низменный островъ, бывшій прежде видимымъ на этомъ озерѣ. — Народъ ничего не умѣетъ разсказать о „выспѣ", твердитъ только одно, что на выспѣ когда-то „круль жилъ".

Присутствіе желѣза и самый характеръ свайныхъ сооруженій указываютъ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о свайныхъ постройкахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но довольно вѣроятно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ лѣтнимъ княжескимъ убѣжищемъ, надводнымъ острогомъ и т. п. [1]).

50) с. ЖИДОМЛЯ, 41°46′—53°37′, Жидомлянской вол., Гродненскаго у.

Въ двухъ верстахъ отъ дер. Машталеровъ, по направленію къ д. Лашевичамъ, Скидельской вол., тянется, возлѣ рѣчки Пысанки, прямой насыпной валъ, длиною около 1½ верстъ, шириною въ 6 аршинъ и вышиною въ 4 аршина. По словамъ народа, валъ насыпанъ во время войны со шведами.

---

[1]) Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества, 1873 г. Томъ IX, № 1, стр. 18—19.

Недалеко отъ д. Обухова, на землѣ кн. Четвертинскаго, есть мѣстность, такъ называемыя— „Шведскія могилки“, гдѣ нерѣдко находятъ человѣческія кости значительной величины. Находимы были человѣческія кости также при очисткѣ рвовъ по Виленскому тракту, въ $1/4$ версты отъ села Жидомли.

Въ окрестностяхъ дер. Савалевки найдено было старинное копье, которое передѣлано на ножи.

Въ разстояніи $1^1/_2$ версты отъ дер. Обухова, въ такъ называемомъ „Скарбищѣ“, попадаются старинныя мѣдныя монеты. Старики говорятъ, что здѣсь въ ночное время нерѣдко бываетъ видѣнъ огонь.

Въ ур. Липки им. Мигова находится такъ называемый „Дѣдовъ камень“, длиною болѣе 3 саж. и въ ширину около 8 арш. (2У.).

* *

51) с. КОПТЕВКА, 41°32′—53°34′, Горницкой вол., Гродненскаго уѣзда.

Между деревнями Жиличи и Славичи, на лѣвомъ берегу Нѣмана находится городище кругообразной формы. Холмистая, поросшая лѣсомъ, площадь его имѣетъ въ окружности 550 саж. Съ трехъ сторонъ, за исключеніемъ восточной, гдѣ протекаетъ Нѣманъ, городище окружено рвомъ и валомъ; длина рва 455 саж., ширина—5 саж.; длина вала 505 саж. Въѣздъ въ городище съ З.

На церковной колокольнѣ села Коптевки находится колоколъ, подаренный Имп. Анною Іанновною лейбъ-гвардіи Конному полку, гдѣ онъ болѣе 100 лѣтъ былъ главнымъ колоколомъ, но впослѣдствіи проданъ; на немъ надпись: me fecit cipramus cransiansz amsterodami anno 1750. (С. П.).

52) г. ГРОДНА[1], 41°30′- 53°40′, при впаденіи Городничанки въ Нѣманъ.

Есть попытка доказать существованіе Гродны въ VII столѣтіи[2], въ виду же факта находки около Коложской (въ Гроднѣ) церкви осколковъ кремня, съ слѣдами искусственной ихъ обдѣлки[3], существованіе поселенія на мѣстѣ теперешней Гродны должно быть отнесено къ глубокой доисторической эпохѣ. Но во всякомъ случаѣ достовѣрно—историческое существованіе его не ранѣе XII вѣка, и только въ XIII столѣтіи Гродна можетъ считаться точно обозначеннымъ городомъ— столицей удѣльнаго княжества. Въ этомъ столѣтіи въ Гроднѣ, на высокомъ, одиноко стоящемъ при устьѣ Городничанки холмѣ, былъ уже деревянный замокъ, который, послѣ разрушенія его монголами, былъ возобновленъ Эрдивилломъ и дополненъ постройкою здѣсь укрѣпленной башни. Замокъ этотъ существовалъ до временъ Стефана Баторія, когда онъ перестроенъ былъ заново, причемъ деревянныя его части были замѣнены каменными постройками. Въ настоящее время на мѣстѣ замка остается только часть

---

[1]) Изъ довольно значительнаго количества очерковъ исторіи Гродны позднѣйшій—подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи города Гродны“ принадлежитъ г. Орловскому. Гродна, 1889 года. Здѣсь есть указаніе и другихъ болѣе раннихъ изслѣдованій въ этомъ родѣ.

[2]) Гродненскія губернскія вѣдомости, 1848 г. № 17.

[3]) См. ниже.

кирпично-каменной стѣны, да спускъ къ Нѣману усѣянъ осколками кирпича, и, если вѣрить словамъ рыболововъ, часть замка,—въ формѣ стѣны съ оконными нишами,—можно наблюдать на днѣ Нѣмана. Большая часть этихъ остатковъ, несомнѣнно, принадлежитъ замку Стефана Баторія, хотя среди кирпичей попадается значительное количество такихъ, которые, по своей конструкціи, напоминаютъ кирпичи Коложской церкви и, можетъ быть, составляютъ остатокъ отъ той башни, которая построена была Эрдивилломъ и которая, во всякомъ случаѣ, стоитъ по времени ближе къ Коложской церкви, чѣмъ замокъ Баторія. Остатки этого замка не столько, впрочемъ, представляютъ археологическаго интереса, сколько упомянутая сейчасъ Коложская церковь, расположенная на томъ же берегу Нѣмана и противоположномъ берегу Городничанки. Коложская церковь, по общепринятому весьма вѣроятному имѣнію, основана въ XII в. князьями Борисомъ и Глѣбомъ и представляетъ драгоцѣннѣйшій и оригинальный памятникъ древняго русско-византійскаго церковнаго зодчества. Не считая умѣстнымъ останавливаться здѣсь на подробномъ изслѣдованіи устройства церкви и другихъ относящихся сюда вопросовъ, ограничимся указаніемъ на ея амфоровидныя голосники, нѣсколько отличные, по своей формѣ, отъ современныхъ имъ голосниковъ кіевскихъ, новгородскихъ и др. и, въ противоположность послѣднимъ, заполнявшіе большую часть объема церковныхъ стѣнъ, — также на ея орнаментацію внѣшнихъ сторонъ стѣнъ, состоявшую изъ разноцвѣтно-кафельныхъ крестовъ и полированныхъ камней, и, наконецъ, на разнообразные рисунки на тонкихъ и квадратныхъ кирпичахъ. Всѣ эти характерныя черты древне-строительнаго искусства можно наблюдать и теперь, хотя самая церковь сохраняется лишь въ развалинахъ; именно, отъ нея уцѣлѣли лишь сѣверная сторона, двѣ трети восточной и менѣе половины западной [1]).—Образцы голосниковъ, изразцовъ и кирпичей Коложской церкви можно наблюдать въ Виленскомъ музеѣ древностей [2]). Здѣсь же хранятся переданные также изъ Коложской церкви: бронзовый лаварій, въ видѣ всадника [3]), мѣдный тазъ, такая же кружка и оловянная кружка съ изображеніемъ Распятія на крышкѣ и Богоматери на днѣ [4]). Въ томъ же музеѣ находится десять старинныхъ ключей изъ замка въ Гроднѣ [5]).

Изъ предметовъ каменнаго вѣка, относящихся къ Гроднѣ, извѣстны каменное долото, найденное въ окрестностяхъ Гродны, и топоръ изъ змѣевика, съ косымъ и болѣе широкимъ, чѣмъ лезвее, тыльемъ, найденный въ Гродненской губерніи [6]). Нѣсколько кремневыхъ осколковъ, найденныхъ близъ Коложской церкви, находилось также на выставкѣ IX Арх. съѣзда, хотя для большинства изъ нихъ искус-

---

1) Указаніе болѣе подробныхъ свѣдѣній о Коложской церкви см. Ѳ. Покровскій.—Виленскій Музей древностей. Табл. XX. Изъ позднѣйшихъ замѣтокъ о Коложской церкви можно указать Труды предвар. комитета IX Арх. съѣзда. Отд. II, стр. 361.

2) Каталогъ музея, 1885 г. Отд. З, №№ 265—269.

3) Ibid. Отд. Е. № 30.

4) Ibid. Отд. З, №№ 91—93.

5) Ibid. Отд. Г, №№ 382—391.

6) Ѳ. Покровскій.—Виленскій музей древностей, Топографическій указатель... Гродна.

ственная обдѣлка подвергается сильному сомнѣнію. Кремни эти хранятся у нашедшаго ихъ В. В. Грязнова, въ Вильнѣ [1]).

Изъ церковныхъ достопримѣчательностей Гродны, кромѣ обозначенныхъ выше, слѣдуетъ упомянуть объ иконѣ Богоматери, находящейся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ и называемой Коложскою, потому, что икона до 1853 года помѣщалась въ Коложской церкви. Коложская икона почитается всѣмъ окрестнымъ населеніемъ. Историческое происхожденіе ея однако неизвѣстно. Написана она на полотнѣ, наклеенномъ на доску, и можетъ быть отнесена къ XVII в. По характеру живописи предполагаютъ, что икона представляетъ собою не вполнѣ точную копію съ Виленской иконы Одигитріи, принесенной въ Вильну великою княгинею Еленою Ивановною изъ Москвы и находящейся нынѣ въ храмѣ Виленскаго Троицкаго монастыря [2]).— На берегу Нѣмана, противъ стараго замка, найденъ былъ мѣдный складень, въ $1^1/_8 \times 2^1/_8$ кв. вершка, съ изображеніемъ въ центральной части Св. Николая Чудотворца (Можайскій) [3]). Теперь этотъ складень находится въ Виленскомъ музеѣ.

* *
*

53) з. г. КУЗНИЦА, 41°20′—53°30′, на р. Лососнѣ, Круглянской вол., Сокольскаго у.

Проживающій въ дер. Орловичахъ, отставной унт.-офицеръ А. Зайчикъ, при очисткѣ корней вывороченной сосны, въ ур. „Дуброва“, принадлежащемъ им. Кундзинъ, нашелъ кладъ, состоящій изъ четырнадцати серебряныхъ римскихъ монетъ (Антонина Пія, Марка Аврелія, Фаустины и Траяна), пяти бусъ и пяти обломковъ серебряныхъ вещицъ. Кладъ этотъ доставленъ былъ въ Импер. Археол. Коммиссію [4]).

Въ девяти верстахъ на ЮЗ., при Климовской приписной церкви (передѣлана изъ костела) находится камень въ формѣ креста, на которомъ будто-бы доминиканамъ являлся Христосъ. Расказывается о чудѣ прозрѣнія одной слѣпой, послѣ видѣнія около этого камня цѣлой группы играющихъ дѣтей (ангелы) съ хоругвями.

Въ церкви г. Кузницы находится чудотворная икона Богоматери, на которой есть привѣска, изображающая колѣно-преклоненными Яна Собесскаго и его супругу. На колокольнѣ есть колоколъ съ славянскою надписью, 1679 г. (С.)

54) с. ГОЖА, 41°31′—53°48′, на р. Нѣманѣ, Гожской вол., Гродненскаго у.

Возлѣ деревни Переселковъ, на правомъ крутомъ берегу Нѣмана, между самой рѣкой и сосновымъ лѣсомъ, тянется узкая полоса пахатной земли, на которой разсѣяны осколки кремня,—остатки, очевидно, происходившей здѣсь въ первобытныя эпохи обработки кремневаго оружія. При изслѣдованіи этого мѣста г. Глогеромъ найдено было нѣсколько кремней, въ формѣ такъ называемыхъ ножей, и наконечниковъ стрѣлъ. Нѣкоторые изъ кремней обнаруживали на себѣ слѣды огня, и тутъ же,

---

[1]) Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на выставку при IX Арх. съѣздѣ. Вильна, 1893 г. стр. 110.
[2]) Батюшковъ,—Бѣлоруссія и Литва. СПБ. 1890 г. стр. I, 173 (рисунокъ), 258 и II, 54.
[3]) Подробное описаніе см. Труды предварит. комитета IX Археологич. съѣзда. Отд. II, стр. 180.
[4]) Архивъ Коммиссіи, 1887 г., № 35.

кромѣ того, попадались угли, обгорѣлыя косточки и черепки глиняной посуды [1]). Другая доисторическая стоянка находится нѣсколько ниже, по теченію Нѣмана, на лѣвомъ его берегу, около такъ называемаго мѣста Мелъ (меловыя ломки). Здѣсь, на холмистомъ, поросшемъ мелкимъ соснякомъ, мѣстѣ также попадается масса ножиковъ, наконечниковъ стрѣлъ и другихъ кремневыхъ осколковъ, вмѣстѣ съ черепками глиняной посуды и даже остатками, повидимому, гробовъ. Предметы изъ камня группируются, главнымъ образомъ, около лежащихъ поодиночкѣ большихъ камней, которые могли имѣть значеніе или очаговъ, или рабочихъ верстаковъ. При изслѣдованіи г. Глогеромъ этой стоянки, найдены были два кремневыхъ скребка (racloir) и такое же ядрище (nucleus) [2]). — Слѣды первобытныхъ стоянокъ, хотя и не въ такомъ ощутительномъ видѣ, наблюдаются также около деревни Ковнянъ и села Плебанскаго, Сувалкской губерніи, на лѣвомъ берегу Нѣмана [3]).

При дер. Переломѣ существовалъ замокъ, построенный языческою Литвою для защиты своихъ границъ отъ нападенія крестоносцевъ. Замокъ этотъ, называвшійся Perla былъ сожженъ Теодорихомъ Ельнеромъ въ 1378 году [4]).

Около имѣнія Великія Руссоты находится холмъ съ ветхимъ деревяннымъ крестомъ на его вершинѣ. Мѣсто это у народа извѣстно подъ именемъ „Кжижацкія могилки", каковое названіе, по объясненію сообщающаго [5]) объ этихъ могилахъ, произошло не отъ присутствія на холмѣ креста, а отъ Ливонскихъ крестоносцевъ— „кжижаковъ"; нѣкоторые изъ послѣднихъ, вѣроятно, въ войнѣ съ Польшей сложили здѣсь свои головы. Едва-ли, впрочемъ, не правдоподобнѣе объяснять названіе „кжижацкія могилки" аналогично съ другимъ болѣе распространеннымъ мѣстнымъ наименованіемъ, и именно, доисторическихъ кладбищъ,—это—„шведскія могилки".

55) м. **ДРУСКЕНИКИ** (лит.=соль), 41°38′—54°2′, при впаденіи р. Ротничанки въ Нѣманъ, Соболянской вол., Гродненскаго уѣзда.

Друскеникское озеро, соляные источники и впадающая около нихъ въ Нѣманъ рѣчка Ротничанка—такія обстоятельства, которыя, безъ сомнѣнія [6]), уже въ первобытную эпоху должны были привлекать вниманіе насельниковъ Нѣманскаго бассейна, и уже въ ту эпоху мѣсто, занятое теперь Друскениками, было людскимъ поселеніемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ находимые до сихъ поръ въ окрестностяхъ мѣстечка осколки кремня, съ слѣдами ихъ искусственной обдѣлки, и черепки глиняной посуды первобытной работы [7]). Изъ этихъ находокъ болѣе другихъ инте-

---

1) Z. Gloger.—Podróż Niemnem, 1888, str. 12. Тутъ же рисунокъ кремневаго ножика.

2) Z. Gloger.—Podróż Niemnem, 1888 г., str. 15.

3) Ibid. str. 17 и 19. Тѣ же свѣдѣнія о перечисленныхъ первобытныхъ стоянкахъ, даже съ нѣсколько большею подробностію, и также съ рисунками можно находить въ статьѣ того же С. Глогера, помѣщенной въ —Wiadomosci Archeologiczne. Tom I, str. 47 и слѣд.

4) Baliński.—Starożytna Polska, 1846 г. Tom III, str. 386.

5) Гр. К—ій Кжижацкія могилки.—Гродненскія губ. вѣдомости, 1867 г., № 29.

6) Z. Gloger.—Osady nad Niemnem i na Podlasiu z czasów użytku krzemienia. — Wiadomości Archeologiczne, Tom I, 1875 г. str. 102.

7) Ibid. Кремневый ножикъ найденъ былъ близъ Друскеникъ также и нами, лѣтъ 12—13 тому назадъ.

ресны предметы, найденные г. Глогеромъ на лѣвомъ берегу Нѣмана, противъ друскеникскаго сосноваго лѣса-парка, именно: наконечникъ стрѣлы въ формѣ весьма правильнаго равнобедреннаго трехугольника, изъ темнопрозрачнаго кремня, замѣчательно художественной работы: кремневое шило съ однимъ острымъ концомъ, и такое же шило съ обоими острыми концами. Кромѣ того, здѣсь же много найдено было кремневыхъ стрѣлокъ, осколковъ кремня, глиняныхъ черепковъ и мелкихъ бѣлыхъ косточекъ [1]). Другая доисторическая стоянка наблюдается въ разстояніи двухъ верстъ на В. отъ Друскеникъ, на правомъ (Трокскомъ) берегу рѣчки Ротничанки. Здѣсь въ 1880 году г. Глогеромъ найдено было, среди другихъ вообще плохо сохранившихся предметовъ, нѣсколько прекрасно изготовленныхъ кремневыхъ скребковъ (racloire) [2]).

Около дер. Привалки указываютъ мѣсто битвы тевтонскихъ рыцарей съ литовцами. Невдалекѣ отсюда есть торфяное болото, которое образовалось, по преданію, на мѣстѣ существовавшей здѣсь когда-то крѣпости и окружавшаго послѣднюю города—„Райгородъ". Жители Райгорода, по словамъ народной легенды, вели безнравственную жизнь и за это, а также и за невниманіе къ проповѣди нѣкоего пустынника, провалились въ землю, и на мѣстѣ города образовалось болото, въ которомъ долго послѣ того были слышны колокольные звоны [3]).

Подъ однимъ изъ возвышеній, на которыхъ расположена теперь дер. Млынокъ, замѣтны слѣды стѣнъ,—вѣроятно,—остатокъ главнаго пункта укрѣпленій существовавшаго здѣсь въ XIII ст. замка [4]).

На лѣвомъ берегу Нѣмана, также смежно съ Друскениками, есть гора съ остатками укрѣпленій; называется Olbrzymia góra (Великанова гора) [5]).

Въ 1826 году Нарбуттъ [6]) имѣлъ случай наблюдать языческое кладбище близъ д. Друскеникъ, на берегу Нѣмана, занимавшее площадь больше морга. Вслѣдствіе песчаной почвы, всѣ могилы (курганы) были разрушены вѣтромъ, такъ-что кости оказались въ большинствѣ случаевъ лежащими на поверхности земли, и весьма мало можно было найти могилъ, въ которыхъ неистлѣвшія кости лежали-бы въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ положенію въ цѣломъ костяхъ. Судя по остаткамъ костей, а также по зубамъ и кое-гдѣ сохранившимся волосамъ, погребенные на разсматриваемомъ кладбищѣ принадлежали къ различному возрасту и къ тому и другому полу. Всѣ болѣе или менѣе цѣлые костяки обращены были головою на западъ. На нѣкоторыхъ костяхъ наблюдались слѣды зеленыхъ и красныхъ металлическихъ окисловъ. Найдены были Нарбуттомъ обломки и самаго металла — кусочки желѣза, составлявшіе, повидимому, части пряжекъ. Кромѣ того, найдены были че-

---

[1]) Z. Gloger.—Osady nad Niemnem.—Wiadomości Archeologiczne, 1875 г. Tom I. str. 102. Ср. его-же Podróż Niemnem.

[2]) Biblioteka Warszawska, 1881 г. Tom I, str. 112.

[3]) Бобровскій. Гродненская губернія. Томъ I, стр. 378.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1835. Tom I, str. 366.

репки глиняной посуды и изъ нихъ 2—3 съ слѣдами, на внутренней сторонѣ, поливы темно-кофейнаго цвѣта. Ранѣе Нарбутта, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, на кладбищѣ находимы были старинныя монеты и фигурные обломки металловъ, а также много маленькихъ глиняныхъ сосудовъ (по Нарбутту, слезницъ), величиною не болѣе $1\frac{1}{2}\times2$ дюймовъ. — О существованіи въ окрестностяхъ Друскеникъ многочисленныхъ дохристіанскихъ кургановъ и о находкахъ близъ нихъ глиняныхъ сосудовъ и металлическихъ доспѣховъ упоминаетъ между прочимъ и г. Бобровскій въ своемъ описаніи друскеникскихъ минеральныхъ водъ [1]).

На днѣ озера Салаты найденъ былъ каменный молотъ, который въ 1856 году переданъ былъ Іос. Ярошевичемъ въ Виленскій музей древностей [2]).

Бассейнъ р. Бобра.

56) с. КРАСНОСТОКЪ, 41°4′—53°38′, Каменской вол., Сокольскаго уѣзда.

Въ разстояніи одной версты на В. отъ церкви есть окопъ, замыкающій площадь, величиною около 10 саженей [3]). Очевидно, этотъ же окопъ имѣетъ въ виду и г. Бобровскій [4]), указывая, — въ разстояніи 400 саж. отъ церкви, по дорогѣ въ Гродно, съ правой стороны отъ моста, перекинутаго черезъ ручей, — слѣды насыпи съ валомъ и глубокимъ рвомъ. Небольшое это укрѣпленіе, по словамъ г. Бобровскаго, имѣетъ фигуру отрѣзаннаго сегмента, обращеннаго дугою на востокъ. — По преданію, оно построено во время шведскихъ войнъ.

Въ районѣ Красностокскаго прихода бывали единичные случаи находокъ монетъ; разъ, напр., найдена была серебряная монета, величиною въ рубль, 1600 г.; на одной сторонѣ ея помѣщался рыцарь съ палицею и мечемъ, на другой—левъ.

Въ церкви с. Ячно есть чудотворная икона Богоматери, описаніе которой издано въ Вильнѣ въ 1854 г. Явленная и чудотворная икона есть также въ церкви села Сидерки. Но особеннымъ почитаніемъ среди мѣстнаго католическаго населенія пользуется чудотворный образъ Богоматери, находящійся въ Красностокскомъ костелѣ; написанъ онъ въ 1652 г., въ Гроднѣ, по заказу Тышкевича [5]). (2С.).

57) г. СУХОВОЛЬ, 40°45′—53°35′, на р. Березовкѣ, Багновской вол., Сокольскаго у.

Между дер. Гродискомъ и имѣніемъ того же имени, въ одной верстѣ отъ означенной деревни и въ 50 саженяхъ отъ р. Млынокъ, есть древняя земляная насыпь

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ, 1861 г. № 67 и сл.

[2]) Записки Виленской Археологической Коммиссіи, 1856 г. Ч. I.

[3]) Сообщеніе мѣстнаго священника.

[4]) Гродненская губернія. Ч. II, стр. 1022.

[5]) Свѣдѣнія объ иконѣ см. П. Бобровскій,—Гродненская губернія, Ч. II, стр. 1040 и сл. и въ особомъ изданіи—Cudowny Obraz Bogarodzicy w Różanymstoku, Wilno, 1857 г.

(городище) круглой формы. Внутренняя площадь городища имѣетъ въ поперечникѣ около 20 саж.; верхній пластъ—песчаный. Вокругъ городища—валъ, шириною не болѣе 4 аршинъ. Въѣздъ—со стороны им. Гродиска. — Это городище, очевидно, имѣетъ въ виду и Ярошевичъ, указывая существованіе окоповъ ниже м. Домброва, противъ дер. Гродиска [1]).

Въ предѣлахъ Багновской волости были находки какъ цѣлаго оружія, такъ и обломковъ, но ни одинъ изъ найденныхъ предметовъ не уцѣлѣлъ до настоящаго времени.

При дер. Ягловѣ чрезъ бобранскіе луга проходитъ мощеная камнемъ старинная дорога. Преданій о ней нѣтъ. (У. П.).

58) г. ЯНОВЪ, 40°54′—53°28′, на р. Березовкѣ, Трофимовской вол., Сокольскаго у.

Въ 310 шагахъ отъ дер. Голяковщины, по направленію къ им. Малевщинѣ, находится земляная насыпь круглой формы, имѣющая, вмѣстѣ съ окружающимъ ее валомъ, 215 шаговъ въ окружности.

Въ разстояніи 300 шаговъ на СЗ. отъ д. Ясеновой Долины, на берегу рѣчки Кумялки, сохранилось семь [2]), болѣе или менѣе одинаковаго размѣра и формы, насыпей; всѣ онѣ расположены по одной прямой линіи, на довольно высокомъ мѣстѣ, въ 200 шагахъ отъ упомянутой рѣчки, и въ разстояніи одна отъ другой не болѣе 18 саж. Форма этихъ насыпей кругообразная; каждая насыпь имѣетъ въ окружности, вмѣстѣ съ валами, шаговъ 200; какъ поверхность ихъ, такъ и валы выложены камнями. Рвы, окружавшіе насыпи, почти всѣ заплыли торфомъ; но ширина ихъ, повидимому, достигала 2 саж. Входы у всѣхъ насыпей—съ южной стороны. — Въ разговорѣ у народа насыпи приписываются шведамъ.

Шведамъ также приписывается старинная дорога, проходящая на протяженіи 100 саж. въ болотистой мѣстности, около деревень Загорья и Кумяло. (У. П.).

59) д. ЯСВИЛЫ, 40°37′—53°29′, Ясвильской вол., Бѣлостокскаго уѣзда.

Въ одной верстѣ отъ дер. Радзи, въ уроч. „Дуброва", есть насыпной валъ дугообразной формы, вышиною въ 1 аршинъ; заключающаяся внутри его площадь—около 2 десятинъ. Сооруженіе его народъ приписываетъ воевавшимъ здѣсь когда-то шведамъ. — Другой валъ, также приписываемый шведамъ, начинается въ двухъ верстахъ отъ дер. Бобровки, въ уроч. „Надавки", и тянется отсюда, на протяженіи 200 саж., по направленію къ рѣчкѣ Березовкѣ, впадающей въ р. Бобръ. Ширина вала—3 саж., вышина до трехъ аршинъ.

Въ предѣлахъ Ясвильской волости есть нѣсколько старинныхъ кладбищъ, изъ которыхъ болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія два кладбища, находящіяся въ урочищахъ „Толкачево" и „Круговина". На обоихъ кладбищахъ есть камни съ

---

[1]) Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, s. 196.

[2]) Сообщеніе волостного писаря; въ сообщеніи мѣстнаго учителя указано ихъ 9; въ описаніи послѣдняго, вообще не отличающемся ясностію, насыпямъ дается, повидимому, нѣсколько иная форма и другіе отчасти размѣры.

надписями, которыхъ, впрочемъ, уже нельзя разобрать; на нѣкоторыхъ камняхъ замѣтны кресты.

Въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ дер. Березовой, въ уроч. „Лысая Гора", лѣтъ около 10 тому назадъ, найденъ на пашнѣ камень,—въ видѣ жернова отъ ручной мельницы.—Что касается каменныхъ (громовыхъ) стрѣлокъ, то хотя и бывали случаи ихъ находокъ, но они очень рѣдки. Громовымъ стрѣлкамъ народъ приписываетъ волшебную силу, употребляя ихъ въ качествѣ противодѣйствія „Марѣ" (нечистая сила), которая мучитъ (заѣзживаетъ) лошадей въ ночное время въ конюшняхъ; съ этою цѣлію стрѣлки на продѣтомъ чрезъ ихъ сверлину шнуркѣ вѣшаются надъ лошадьми въ конюшняхъ.—Кромѣ того, стрѣлки употребляются въ народѣ и въ качествѣ лекарства: принятый въ водѣ порошокъ изъ нихъ укрощаетъ будто-бы желудочныя боли.

На землѣ крестьянъ дер. Смугоровки-Долистовской, при рытьѣ колодцевъ, ямъ для погребовъ и для храненія картофеля, были находимы человѣческія кости. Попадаются также кости и до сихъ поръ въ уроч. „Масеевка", въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ дер. Бобровки. Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ уроч. Масеевка производилъ раскопки графъ Красинскій; по словамъ крестьянъ, имъ находимы были здѣсь человѣчесія кости и тесаныя камни съ высѣченными на нихъ фигурами, въ родѣ музыкальныхъ разныхъ инструментовъ; на нѣкоторыхъ были и кресты.

Въ одной верстѣ отъ дер. Никитина, въ уроч. „Ставокъ" есть старинная, сооруженная, по преданію, пруссаками, гребля, длиною въ 150 саж., шириною въ 3 саж. и вышиною въ 2 аршина.—Въ 8 верстахъ на ЮЗ. отъ Гоніондза, на р. Бобрѣ былъ будто-бы желѣзный мостъ, сооруженный, по народной молвѣ, шведами, (У).

60) г. ГОНІОНДЗЪ [1]), 40°24′—53°30′, на р. Бобрѣ, Притулянской вол., Бѣлостокскаго уѣзда.

На ЮВ. отъ деревни Шафранокъ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ рѣки Бобра, на песчаной холмистой мѣстности, отдѣляющейся отъ рѣки болотистыми порослями, наблюдаются слѣды доисторической стоянки. Какъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, слѣды эти яснѣе всего обозначаются близъ западной границы песковъ. Здѣсь, между наибольшимъ холмомъ и прибобровскими трясинами, г. Глогеромъ открыта была мѣстность, усѣянная осколками кремня, среди которыхъ попадаются обломки различнаго кремневаго орудія, кремневые наконечники стрѣлъ искусной работы, черепки глиняной посуды, жженныя человѣческія кости и обломки каменнаго шлифованнаго оружія. Тутъ же найденъ былъ бронзовый шпинёкъ отъ поясной пряжки и нѣсколько желѣзныхъ обломковъ. Послѣдніе, по мнѣнію г. Глогера, несомнѣнно позднѣйшаго времени, что же касается бронзоваго шпинька, то его можно считать современникомъ кремневаго оружія, привезеннымъ сюда изъ знакомыхъ уже съ бронзою мѣстъ.—Черепки глиняной посуды, попадающіеся на разсматриваемой стоянкѣ, отличаются небольшими размѣрами и вообще встрѣчаются не такъ

[1]) Гоніондзъ уже въ XIV в. былъ предметомъ спора между мазовецкими и литовскими князьями. Balinsky. Starożytna Polska. Tom II, str. 1329.

часто, какъ въ другихъ подобныхъ мѣстахъ. Глина въ нихъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, смѣшана съ толченымъ гранитомъ. Происхожденіе ихъ, если судить по всегдашнему присутствію на кремневыхъ станціяхъ подобныхъ черепковъ, одновременно съ употребленіемъ оружія изъ кремня.—Изъ предметовъ кремневаго оружія, найденныхъ г. Глогеромъ около Шафранокъ, обращаютъ на себя вниманіе замѣчательныя по своему изяществу и типичности кремневыя стрѣлки то трехгранной, то листовидной формы, кремневый ножикъ, съ тупымъ и закругленнымъ тыльемъ, и обработанный съ трехъ сторонъ зубчиками кремень, имѣвшій очевидно значеніе пилки [1]).

Въ разстояніи около $1/4$ версты отъ дер. Кречкова есть насыпной валъ, идущій по направленію съ З. на В., въ формѣ неправильной дуги, выпуклостію къ С. Длина вала около 40 саж. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей происхожденіе вала приписываютъ шведамъ.

Къ З. отъ дер. Невѣрова, въ разстояніи приблизительно 200 саженей, находится четырехугольная насыпь, высотою въ $2^{1}/_{2}$—3 саж., называемая „шведскіе окопы". Величина этой насыпи не болѣе 50×40 шаговъ. Посреди площади груда булыжника.

Около дер. Вилимовки находимы были человѣческія кости огромныхъ размѣровъ, но безъ всякихъ при нихъ вещей.

Крестьянами дер. Писанокъ,—Базаромъ, Рушковскимъ и Хохломъ найденъ былъ кладъ, состоявшій изъ 2 серебряныхъ и 111 мѣдныхъ монетъ. Кладъ этотъ доставленъ былъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію [2]). (У. П.)

Бассейнъ р. Нарева.

61) м. ДОБРОВОЛЯ, 41°42′—52°54′, Добровольской вол., Волковыскаго уѣзда.

На правомъ берегу рѣки Нарева, въ десяти приблизительно верстахъ отъ его истока, нѣсколько выше дер. Рудни, наблюдаются слѣды доисторической (кремневой) стоянки. Въ 1880 году здѣсь, среди немногочисленныхъ, впрочемъ, осколковъ

[1]) Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej. Krakow, 1882, Tom. VI.—Osady przedhistoryczne na porzeczu Biebrzy przez Zygmunta Głogera, str. 3—10 и Табл. I рисунковъ. То же—Korrespondencya do Redakcyi Biblioteki Warszawskiej, 1880 г. Tom I, str. 156 и 1882 г. Tom I, str. 148. Въ Zbiór wiadomosci ... и въ первой корреспонденціи невдалекѣ отъ Шафранокъ указывается другое доисторическое поселеніе (съ выселкомъ) на лѣвомъ (ломжинскомъ) берегу Бобра, ниже д. Осовца. Осовецкая стоянка, отличаясь отъ Шафранской меньшимъ обиліемъ осколковъ кремня и кремневыхъ стрѣлокъ, значительно богаче ея обломками глиняной посуды и жженныхъ костей. Кромѣ того, здѣсь попадаются, напоминающіе по своей формѣ наконечники стрѣлъ, трехугольные осколки стекла, которые, по предположенію г. Глогера, могли явиться здѣсь такимъ же образомъ, какъ и упомянутый въ текстѣ бронзовый шпинекъ.—На томъ же правомъ берегу Бобра, близъ деревни Сосны, находится четвертая, по счету отъ Гоніондза, доисторическая стоянка,—одна изъ богатѣйшихъ среди однородныхъ съ нею въ бассейнѣ Бобра мѣстъ.

[2]) Архивъ Коммиссіи, 1867 г. № 41.

кремня, найденъ былъ г. Глогеромъ интересный нуклеусъ, обтесанный въ формѣ круглаго клина [1]).

62) м. ТАРНОПОЛЬ, 41°26′–52°54′, Тарнопольской вол., Волковыскаго уѣзда.

На З. отъ дер. Луковъ, на правомъ берегу рѣки Нарева, находятся слѣды первобытной стоянки. При изслѣдованіи этого мѣста въ 1880 году г. Глогеромъ, здѣсь найдено было нѣсколько кремневыхъ ножиковъ, нуклеусовъ, осколковъ кремня и черепковъ старинной глиняной посуды. Вообще, стаоянка эта, сравнительно съ другими однородными мѣстами, не отличается богатствомъ находокъ [2]).

* * *

63) с. ВАКУНЫ, 41°57′–52°40′, Байковской вол., Пружанскаго уѣзда.

На полѣ дер. Бартошей есть курганъ, понизившійся, вслѣдствіе распашки, до высоты одного лишь аршина. По разсказамъ крестьянъ, на курганѣ былъ прежде большой камень съ какою-то надписью, но во время постройки Московско-Брестской желѣзной дороги камень употребленъ былъ въ качествѣ строительнаго матеріала для желѣзнодорожныхъ построекъ. — Образованіе кургана преданіе относитъ къ 1812 году.

Посреди д. Воротно находится старинное кладбище, усѣянное множествомъ разной величины камней. Темное преданіе гласитъ, что кладбище будто бы образовалось послѣ давно бывшаго какого-то побоища. (У.).

64) с. СУХОПОЛЬ, 41°49,—52°39′, Сухопольской вол., Пружанскаго уѣзда.

На С. отъ Сухополя, возлѣ д. Красника, расположено нѣсколько большихъ кургановъ, гдѣ, по свидѣтельству старожиловъ, погребены воины, павшіе въ 1812 году, хотя ни вещественныхъ доказательствъ, ни точныхъ указаній на мѣсто битвы съ французами не имѣется.

Въ мѣстной церкви находится крестъ, съ частицею Животворящаго Креста Господня, и старинная, явленная, чудотворная икона Богоматери. Съ иконой соединяется нѣсколько разсказовъ—преданій: а) икона явилась, просто, на деревѣ; б) икону оставилъ на мѣстѣ Сухополя какой-то проходившій здѣсь казакъ; вспомнивъ о потерѣ, казакъ воротился, но иконы на мѣстѣ не нашелъ; икона впослѣдствіи явилась мѣстнымъ жителямъ; в) во время пожара первой церкви, въ XVI ст., икона сохранилась подъ пепломъ невредимою. (С.).

65) с. БѢЛОВѢЖЬ, 41°30′—52°42′, на р. Наревкѣ, Бѣловѣжско-Александровской волости, Пружанскаго уѣзда.

Въ самомъ центрѣ села, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Императорскій дворецъ, находилась квадратная возвышенность съ насыпными валами по краямъ. При

---

[1]) **Biblioteka Warszawska, 1881 г. Tom I, s. 112.**
[2]) **Ibid. s. 111.**

постройкѣ дворца, въ ней находили пули и человѣческія кости. По народному преданію, насыпь—польское укрѣпленіе 30-хъ годовъ. Другая насыпь, называемая вмѣстѣ съ окружающею ее мѣстностью, „Замчиско“, находится въ двѣнадцати верстахъ отъ Бѣловѣжи, внизъ по теченію Наревки. Народъ говоритъ о существованіи здѣсь замка [1]), но кому и когда принадлежалъ этотъ замокъ—не указываетъ.

Въ Бѣловѣжской пущѣ, въ одной верстѣ отъ дороги, ведущей изъ с. Бѣловѣжи въ д. Гайновку, есть два копца, высотою каждый около 5 аршинъ; разстояніе между курганами не болѣе одной версты. По словамъ стариковъ, копцы эти насыпаны во время какой-то войны. Находится курганъ также и при д. Гайновкѣ; называется „Батаріева гора“.

Въ указанной выше мѣстности „Замчиско“ находится много старинныхъ могилъ, при раскопѣ одной изъ которыхъ, по словамъ Балинскаго [2]), обнаружено было нѣсколько расположеныхъ въ правильномъ порядкѣ костяковъ, около головъ которыхъ помѣщались глиняные сосуды, въ формѣ небольшихъ горшковъ. (С. У. П.).

66) м. НАРЕВКА, 41°25′—52°49′, на р. Наревкѣ, Масевской волости, Пружанскаго уѣзда.

Въ разстояніи около двухъ верстъ отъ м. Наревки, внизъ по теченію рѣки, на правомъ ея берегу наблюдаются едва, впрочемъ, замѣтные слѣды первобытной стоянки, въ видѣ попадающихся здѣсь осколковъ кремневаго оружія [3]).

67) г. НАРЕВЪ, 41°13′—52°55′, на р. Наревѣ, Лосинской вол., Бѣльскаго у.

На сѣверной сторонѣ города, между р. Наревомъ и его рукавомъ, находится такъ называемое „Замчиско“—круглая насыпь, на которой, по преданію, стоялъ чей-то замокъ [4]). Другая земляная насыпь, называемая „Курашево“, находится въ 1½ верстахъ отъ города вверхъ по Нареву, на лѣвомъ его берегу. Здѣсь, по преданію, была польская крѣпостъ, разрушенная шведами во время похода на Ченстохово, въ царствованіе кор. Густава II. Въ настоящее время насыпь распахивается [5]). Третья насыпь („курганъ“), имѣющая въ окружности 80 саженей, а въ вышину 1½ саж., находится въ 130 шагахъ отъ сельскаго кладбища, въ селѣ Лосинкѣ. На южной сторонѣ ея замѣтно углубленіе. Сооруженіе насыпи преданіе относитъ ко времени шведской войны.

---

[1]) Въ сообщеніи мѣстнаго священника замокъ называется королевскимъ. Замокъ польскихъ королей дѣйствительно существовалъ въ Бѣловѣжской пущѣ, но онъ находился въ разстояніи около двухъ верстъ отъ „Замчиска“—въ мѣстѣ, называемомъ старая Бѣловѣжь, насыпь же „Замчиско“, по всей вѣроятности,—доисторическое городище, что подтверждается и находящимися около нея курганами.

[2]) Starożytna Polska, 1846. Tom III, str. 778.

[3]) Biblioteka Warszawska, 1881 г. Tom I, str. 111.

[4]) По свидѣтельству Ярошевича, Замчискомъ называлась „портомойня королевы Боны“, въ чемъ онъ видитъ указаніе на существованіе здѣсь дѣйствительно, можетъ быть, замка королевы Боны. Biblioteka Warszawska, 1853. Z. CLII, s. 196.

[5]) Ярошевичъ опредѣляетъ „Курашево“, какъ несомнѣнно археологическое городище, оставшееся, можетъ быть, отъ Ятвяговъ. Кромѣ того, невдалекѣ отъ Курашева, онъ указываетъ и другое такое же городище—„Кудакъ“. Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, s. 196.

Въ полуверстѣ отъ дер. Котловки, близъ дороги изъ с. Лосинки въ с. Кленики, находится 8 кургановъ, вышиною отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ арш. Нѣсколько кургановъ есть также въ казенномъ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ г. Нарева, по дорогѣ въ д. Васьки. Всѣ курганы, по народной молвѣ, относятся ко времени шведской войны.

При дер. Котовкѣ есть, такъ называемыя, каменныя могилы [1]).

На З. отъ г. Нарева, на лѣвомъ берегу рѣки, на возвышенномъ мѣстѣ, случайно вырытъ былъ мечъ, который нашедшимъ употребленъ былъ на домашнія подѣлки.

Въ 1890 г. на правомъ берегу Нарева, близъ перваго моста, случайно найденъ былъ дѣтьми ножикъ, которымъ они тутъ же выкопали нѣсколько десятковъ серебряныхъ монетъ съ изображеніемъ Августа III. Въ разстояніи 300 саж. къ Ю. отъ города, лѣтъ одиннадцать—четырнадцать тому назадъ (1881—2 г,), добывавшими глину мѣщанами былъ вырытъ горшокъ съ серебряными монетами различной величины.

Въ городской церкви хранится евангеліе въ $^1/_4$ листа, Виленской печати 1601 г. (С. У. П.),

* *

68) **м. ЗАБЛУДОВЪ**, 41°—53°, Заблудовской вол., Бѣлостокскаго у.

Въ трехъ верстахъ отъ Заблудова, при дорогѣ изъ дер. Гнетковъ въ д. Великіе Фольварки, есть три продолговатыхъ насыпи, и одна (уже распахиваемая) такая же насыпь находится въ полуверстномъ отъ нихъ разстояніи. Длина первыхъ трехъ 11 саж., ширина 5 саж. и вышина одной изъ нихъ (другія испорчены) 5 саж., длина четвертой 17 саж [2]).

Въ шести верстахъ отъ Заблудова, на Черной рѣчкѣ, есть возвышенность; признаковъ искусственности ея не замѣтно, тѣмъ не менѣе, она носитъ почему-то названіе „Шведской горки".—Насыпная гора находится къ двухъ верстахъ къ В. отъ Заблудова, въ Красномъ лѣсу; называется „Татарка". Здѣсь, по словамъ народа, живьемъ зарыты были въ 12-мъ году французы. Кромѣ того, съ „Татаркой" соединяется цѣлая легенда, по которой на горѣ жила прежде отличавшаяся необычайнымъ ростомъ и силою татарская колдунья, которая убивала прохожихъ. Разъ она напала на николаевскаго солдата, которому и посчастливилось убить ее своей пуговицей.

Въ томъ же Красномъ лѣсу, при дорогѣ изъ Заблудова въ м. Нарву, разбросано множество кургановъ, которые, по народной молвѣ, не что иное какъ могилы убитыхъ воиновъ. Бывшая прежде подъ лѣсомъ площадь, занятая курганами, теперь распахивается.—Два кургана есть также между деревнями Малевичи и Островки. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на укрѣпленія (одно—шведское, другое—русское) изъ временъ шведскихъ войнъ.

---

[1]) Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, s. 195. Характеристику каменныхъ могилъ см. въ текстѣ с. Чижи (по Ярошевичу) и Гродискъ (по Авенаріусу).

[2]) Сообщ. г. Довнаро-Запольскаго, въ дѣлахъ предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда.

Около д, Ольшанки, при распашкѣ новаго поля, найдено было много человѣческихъ костей, что свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь стародавняго кладбища.

Одинъ изъ крестьянъ д. Козлички выпахалъ разъ нѣсколько монетъ, но онѣ настолько истлѣли, что развалились при первомъ къ нимъ прикосновеніи.

Въ Заблудовской церкви есть образъ Спасителя, на ризѣ котораго находится дата—1507. Въ церковномъ архивѣ хранится документъ 1567 г. Ходкевича, на славянскомъ языкѣ.—Въ церкви с. Потоки есть фундушевая запись и нѣсколько другихъ старыхъ актовъ. (2С. У.)

69) с. ПУХЛЫ, 41°5′—52°54′, на р. Наревѣ, Павловской вол., Бѣльскаго у.

Въ лѣсу с. Рыболы, влѣво отъ дороги изъ г. Бѣльска въ с. Павлы, находится на возвышенномъ мѣстѣ четырехугольное, обнесенное насыпными валами, городище. Заключенная внутри валовъ площадь имѣетъ въ окружности до 20 саженъ; ширина валовъ 2½ саж.; входъ въ городище съ западной стороны.

Около того же села Рыболы находится пять кургановъ [1]), изъ коихъ четыре—на полѣ и одинъ въ лѣсу. Три полуразрушенныхъ кургана находятся также въ одной верстѣ отъ дер. Павловъ (на пастбищѣ) и одинъ также полуразрушенный курганъ, вышиною въ 1½ арш., есть въ вырубленномъ лѣсу им. Гозноя, въ одной верстѣ отъ дороги, ведущей изъ дер. Соковъ въ д. Иванки.—Рыболовскіе курганы, по народной молвѣ, насыпаны во время шведскихъ войнъ, относительно другихъ кургановъ разговоровъ въ народѣ нѣтъ.

Въ археологической коллекціи Гродненскаго Статистическаго Комитета хранится каменное долото, найденное при раскопкѣ пастухами въ 1864 году одного изъ Рыболовскихъ кургановъ, извѣстнаго подъ именемъ „Рѣпникъ". Кромѣ упомянутаго долота въ курганѣ найдены были, по разсказамъ, также двѣ старинныхъ картечи.

Въ церкви села Пухлы есть явленная икона Покрова Пресвятой Богородицы. Какъ первое изъ ея чудесъ разсказывается исцѣленіе отъ опухоли основателя села Пухлъ, отчего будто-бы и самое село получило свое названіе.—Въ церковномъ архивѣ села Рыболы хранится рукописное евангеліе, по крайней мѣрѣ, XIV, если не ранѣе, вѣка [2]), и универсалъ Сигизмунда Августа, 1556 года (2С. П.)

* *

70) с. ЧИЖИ, 41°5′—52°46′, Кленикской вол., Бѣльскаго уѣзда.

На Ю. отъ села, среди крестьянскихъ полей дер. Збуча, на ровномъ мѣстѣ, находится круглая насыпь, (городокъ), обнесенная со всѣхъ сторонъ рвомъ и валомъ. Діаметръ площади—45 саж., ширина вала около 5 саж., а вышина мѣстами до 2½ саж., ширина рва—три сажени. Входъ на городище—съ южной стороны. Въ валахъ много камня, а также встрѣчается кирпичъ и уголь. Въ самомъ городкѣ, а также

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ—9.

[2]) Труды предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда. Отд. II, стр. 185.

и около него выкапываютъ массу человѣческихъ костей, и разъ внутри одного черепа найдена была будто-бы пуля изъ жолтой мѣди. Говорятъ также о существованіи здѣсь въ прежнее время какого-то камня съ надписью, но въ позднѣйшее время онъ увезенъ однимъ изъ крестьянъ для моста въ д. Збучъ. По преданію, „городокъ" существуетъ съ незапамятныхъ временъ [1]).—Въ одной верстѣ на ЮЗ отъ с. Чижей находится возвышенность, называемая „Срибная (т. е серебряная) горка". Вершина ея представляетъ, повидимому, искусственную насыпь. Въ 1881 году, во время нивеллировки здѣшней мѣстности топографами, на Срибной горкѣ были вырыты человѣческія кости. Лѣтъ тридцать тому назадъ, крестьянинъ Стишко вырылъ здѣсь котелокъ съ старинными серебряными монетами, которыя попали впослѣдствіи въ руки евреевъ. Подобный же котелокъ съ деньгами, говорятъ, былъ найденъ здѣсь лѣтъ 80 тому назадъ крестьяниномъ Мышкою. Случаи находокъ на горкѣ серебряныхъ монетъ и послужили, по словамъ нѣкоторыхъ, поводомъ къ названію горки „Срибною". По другому, болѣе распространенному, объясненію, Срибною горка называется потому, что здѣсь встарину былъ языческій жертвенникъ, и стояли тутъ позолоченные и посеребренные боги, одного изъ которыхъ народная легенда называетъ даже по имени—„Лелякъ". Нерѣдко слышится въ народѣ и разсказъ о существованіи встарину на Срибной горкѣ церкви, которая впослѣдствіи ушла въ землю, и оттуда послѣ того слышенъ былъ иногда колокольный звонъ. Есть и еще объясненіе назначенія горки, по которому она представляется военнымъ сооруженіемъ, одновременнымъ съ третьею въ предѣлахъ Кленикской волости возвышенностію—при дер. Курашево.—Курашевская возвышенность расположена на западъ отъ деревни, на правомъ берегу рѣчки Курашанки, и имѣетъ почти квадратную форму; называется она у народа „замчиско". По свидѣтельству крестьянъ, возлѣ замчиска были находимы желѣзныя сабли и человѣческіе черепа и кости. Говорятъ еще, что въ „замчискѣ" есть кладъ, который хранитъ какой-то подземный человѣкъ, что достать этотъ кладъ можно черезъ окно, которое находится въ замчискѣ, но окно это замаскировано тѣмъ же подземнымъ сторожемъ.... Противъ замчиска, на противоположномъ берегу Курашанки, по словамъ народа, находился будто-бы прежде такой же курганъ, но кѣмъ-то онъ былъ раскопанъ [2]).

Курганы въ районѣ Кленикской волости находится въ слѣдующихъ мѣстахъ.

1) Въ разстояніи одной версты на С. отъ дер. Збуча находится восемь [3]) овальныхъ насыпей, длиною по 6 саж. каждая и вышиною до 2 аршинъ. Всѣ они окопаны рвами, и вершины ихъ то плоскія, то со впадинами.—Въ 1856—7 годахъ курганы, по словамъ очевидца, свящ. Базилевскаго, были раскапываемы профессоромъ Виленскаго университета Ярошевичемъ. Въ одномъ курганѣ имъ обнаружено будтобы нѣсколько очень большихъ костяковъ, которые, касаясь головами одинъ другого,

---

[1]) Ср. Труды предвар. комитета IX Арх. съѣзда. I, стр. 61.

[2]) Ср. Курашевс—№ 67, г. Наревъ.

[3]) Сообщеніе волостного писаря; по показанію священника, однихъ нетронутыхъ кургановъ насчитывается здѣсь до двѣнадцати.

расположены были по направленію радіусовъ; въ другомъ курганѣ оказался одинъ костякъ и при немъ совершенно перержавѣвшій топоръ; въ разныхъ другихъ курганахъ найдено было также нѣсколько золотыхъ (?) вещицъ очень хорошей работы и, между прочимъ, цѣпь и кольца. Раскопка кургановъ была описана спутникомъ Ярошевича, нѣкіимъ Потоцкимъ, но напечатана не была.—Описанные курганы едвали несовпадаютъ съ каменными могилами [1]), указываемыми (и отчасти изслѣдованными) г. Авенаріусомъ, при селеніи Грабнякъ [2]), равно какъ и сообщеніе о раскопкѣ ихъ проф. Ярошевичемъ, повидимому, представляетъ невѣрную передачу факта изслѣдованія могилъ помѣщикомъ им. Щиты Вевяровскимъ, сообщившимъ Ярошевичу лишь результаты изслѣдованія, которые и помѣщены во 2-мъ неизданномъ томѣ его сочиненія Obraz Litwy [3]), до сихъ поръ сохраняющемся у наслѣдниковъ Ярошевича. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ курганахъ сдѣлались, впрочемъ, и достояніемъ печати, хотя нельзя утверждать, составляютъ-ли онѣ результатъ непосредственнаго изученія Ярошевичемъ грабнякскихъ кургановъ, или представляютъ только передачу чужихъ наблюденій. „Среди многочисленныхъ могилъ, говоритъ Ярошевичъ [4]), разбросанныхъ въ бывшихъ земляхъ Бѣльской и Дрогичинской и извѣстныхъ у народа подъ именемъ кургановъ, или языческихъ могилъ, первое мѣсто, въ количественномъ отношеніи, представляютъ кладбища, находящіяся среди полей дер. Щитовъ и въ принадлежащемъ къ тому же имѣнію лѣсу Грабнякъ [5]). Стѣны каждой изъ находящихся здѣсь могилъ (обыкновенно, четырехугольной или овальной формы) выложены большими камнями, а самыя могилы почти сплошь заполнены такими же, но болѣе мелкими камнями. Въ нѣкоторыхъ могилахъ н а й д е н ы довольно толстые, длиною въ нѣсколько цалей (около дюйма), желѣзные гвозди, у которыхъ на толстомъ концѣ, вмѣсто головки, былъ лишь изогнутъ самый стержень. Гвоздями этими, можетъ быть, сбивали гробы, хотя ни частей дерева, ни даже слѣдовъ его наблюдать не приходилось. Такъ какъ не во всѣхъ могилахъ найдены упомянутые гвозди, то можно предполагать, что или употребленіе гробовъ не было дѣломъ обычнымъ, или вмѣсто желѣзныхъ гвоздей иногда употреблялись деревянные. Въ древнѣйшихъ, повидимому, могилахъ все обратилась въ прахъ, въ другихъ же уцѣлѣли части болѣе твердыхъ костей,—(рукъ и ногъ), которыя, впрочемъ, при первомъ прикосновеніи къ нимъ разсыпались. Кости въ могилахъ лежали не въ безпорядкѣ, но соотвѣтственно ихъ положенію въ цѣломъ костякѣ, и ни на одной изъ нихъ не обнаружено дѣйствія огня; ни въ одной также могилѣ не найдено ни пеплу, ни углей, ни урнъ, ни слезницъ. Очевидно, такимъ образомъ, что народъ, которому принадлежатъ могилы, не имѣлъ обыкновенія сожигать умершихъ. Судя по положенію череповъ, умершіе полагались въ могилахъ головою на западъ.—Кромѣ выше упомянутыхъ

---

[1]) Характеристику ихъ см. Гродискъ, Бѣльскаго уѣзда.
[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4, стр. 21.
[3]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4, стр. 20.
[4]) Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, str. 194.
[5]) Ibid. Ниже Ярошевичъ говоритъ о существованіи группы подобныхъ же каменныхъ могилъ и близъ дер. Курашево.

гвоздей, въ могилахъ найдены: мѣдные браслеты, орнаментированные зубчиками и точками; разнаго цвѣта стеклянныя бусы, круглыя и овальныя; кольца изъ серебряной и мѣдной, посеребреной, проволоки; цѣпочка, или точнѣе—шнурокъ изъ тонкой мѣдной проволоки, достаточно искустно приготовленный, но разорванный при раскопкѣ на мелкіе куски; колечко изъ низкопробнаго серебра и продолговатое колечко въ родѣ какъ-бы заушницы; какое-то желѣзное, длиною въ нѣсколько цалей, оружіе, съ одной стороны острое, а съ другой—заканчивающееся кольцомъ, которое при раскопкѣ было отбито, и, наконецъ, нѣсколько грубыхъ черепковъ"... Описанныя могилы Ярошевичъ не считаетъ возможнымъ признать за славянскія и, судя по тому поводу, по которому онъ касается ихъ, склоненъ считать ихъ ятвяжскими.

2) Вторая, группа въ предѣлахъ Кленикской вол., состоящая изъ двухъ лишь, разной величины, курганововъ, находится невдалекѣ на В. отъ села Чижей.

3) Въ полуверстѣ отъ д. Гуковичей, на пастбищѣ, у самого лѣса крестьянъ этой деревни, есть 6 большихъ, обнесенныхъ рвами, кургановъ. Длина каждаго изъ нихъ 6 саженъ и вышина отъ одного до двухъ аршинъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ одна изъ этихъ насыпей, по разсказу мѣстныхъ жителей, была кѣмъ-то (вѣроятно тѣмъ же Вевяровскимъ) раскопана, и въ ней найдены человѣческія кости и палашъ.

4) При дер. Козликахъ, въ лѣсу, близъ рукава р. Нарева находится четыре большихъ, окопанныхъ рвами, кургана овальной формы. Въ длину эти насыпи имѣютъ не болѣе 6 саженей, а высота ихъ простирается до $1^1/_2$ аршинъ. По заявленію крестьянъ, лѣтъ 35 назадъ, одинъ изъ этихъ кургановъ раскопанъ былъ стоявшими тамъ войсками для устройства кухни, и въ немъ найдены был ичеловѣческія кости, кусокъ пики и покрытая ржавчиною мѣдная монета.

5) Въ $^1/_4$ версты отъ дер. Лядовъ, въ лѣсу, близъ рѣчки Локшицы находится шесть, обведенныхъ рвами, овальныхъ кургановъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ въ длину 7 саж., два—по 4 саж., два—по 3 и одинъ—2 саж.: въ вышину—одинъ $2^1/_2$ арш.. а остальные отъ одного до полутора аршинъ. У крестьянъ эти курганы извѣстны подъ именемъ „Шанокъ" или „Шанецъ". Въ прежнее время здѣсь брали песокъ, причемъ находили человѣческія кости, мѣдныя пуговицы, и разъ былъ найденъ гробъ со скелетомъ и кусками синей одежды.

Происхожденіе всѣхъ перечисленныхъ кургановъ мѣстные жители относятъ ко времени войнъ шведовъ съ поляками.

Особнякомъ, повидимому, отъ указанныхъ кургановъ стоятъ двѣ, въ сообщеніи священника называемыя также курганами, возвышенности, изъ которыхъ одна находится на С. отъ дер. Подрѣчанъ, а другая также на сѣверной сторонѣ деревни—Койлы. На первой изъ нихъ находился въ прежнее время камень съ высѣченными на немъ крестомъ и вѣтками. Камень этотъ былъ увезенъ однимъ крестьяниномъ и положенъ былъ подъ порогъ избы, но посыпавшіяся послѣ этого на домъ несчастія побудили крестьянина отвезти камень обратно. Теперь камень этотъ опять куда-то исчезъ. — На возвышенности при дер. Койлы находится нѣсколько камней съ кре-

стами.—Приведенные признаки названныхъ курганами возвышенностей даютъ основаніе считать ихъ скорѣе старыми христіанскими кладбищами.

Изъ приведенныхъ выше замѣчаній очевиденъ фактъ неоднократныхъ случаевъ находокъ въ районѣ Клениковской волости разныхъ предметовъ древности, тѣмъ не менѣе въ настоящее время неизвѣстно мѣстонахожденіе ни одного изъ найденныхъ предметовъ, за исключеніемъ двухъ— позднѣйшей находки— бронзоваго, спиральнаго кольца и обломка желѣзнаго ножика, доставленныхъ г. Авенаріусомъ въ 1888 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію [1]).

Церковь села Чижей богата разной утварью XVIII столѣтія, а на колокольнѣ есть колоколъ съ надписью изъ буквъ какого-то страннаго начертанія. Въ церковномъ архивѣ хранится нѣсколько королевскихъ грамотъ, именно: Генриха Валуа, 1571 г., Михаила, 1670 г., Яна Собесскаго, 1676 г. и Августа II; и двѣ рукописи XVIII ст. церковно-практическаго характера въ іезуитскомъ духѣ. (С. П.).

71) с. **СТАРЫЙ КОРНИНЪ**, 41°8′—52°42′, Новоберезовской вол., Бѣльскаго у.

Въ мѣстной церкви находится чудотворная икона Божіей Матери.—Въ церкви до сихъ поръ хранятся кандалы, которые спали съ ногъ невинно-осужденнаго, послѣ молитвы предъ иконою. До возсоединенія уніатовъ, при церкви (тогда уніатской) хранилась также масса костылей, оставляемыхъ больными, послѣ полученія предъ иконою исцѣленія.

Въ церковномъ Старо-корнинскомъ архивѣ хранятся акты XVII ст.—Въ Новоберезовской церкви есть двѣ привиллегіи: а) королевы Констанціи, 1617 г. и б) Августа III, 1617 г. На церковной колокольнѣ—два колокола, 1667 и 1690 г. (2С.).

72) с. **ПАСЫНКИ**, 41°—52°48′, Пасынковской вол., Бѣльскаго у.

Около дер. Соботки находятся земляные валы, и около нихъ наблюдаются ямы. Происхожденіе валовъ народъ относитъ ко времени шведскихъ войнъ, когда въ этомъ мѣстѣ будто-бы былъ шведскій лагерь, причемъ ямы спеціально были вырыты для устройства въ нихъ солдатской кухни. Въ предѣлахъ также, повидимому, Пасынковской волости находится, такъ называемая, Kujaźa (Куяжа) гора, неопредѣленно указываемая Ярошевичемъ [2]) на пространствѣ между дер. Пилипками и Збучемъ, на которой, по народной молвѣ, погибъ будто-бы какой-то князь.

Въ одной верстѣ на В. отъ отъ села Щитовъ, въ принадлежащемъ помѣщику Вевяровскому ур. Грабнякъ, есть круглая земляная насыпь (курганъ), въ которой, по словамъ народа, похоронены воины. Окружность насыпи 100 саж. [3]), высота 2—3 аршина. Лѣтъ около семи тому назадъ курганъ былъ раскапываемъ, по сообщенію крестьянъ, какими-то чиновниками, причемъ найдены были довольно крупныя человѣческія кости, бронзовыя кольцо и серьга и глиняный разбитый гор-

---

[1]) Архивъ Коммиссіи, 1886 г., № 55.
[2]) Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, str. 195.
[3]) Сообщеніе волостного писаря; по сообщенію учителя—200 саж.

шокъ съ довольно толстыми стѣнками.—Упомянутая раскопка и описанный курганъ совпадаютъ, очевидно, съ указываемымъ при Грабнякѣ г. Авенаріусомъ каменнымъ могильникомъ [1]), отчасти изслѣдованнымъ имъ въ срединѣ 80-хъ годовъ. Кромѣ грабнякскаго г. Авенаріусъ указываетъ въ предѣлахъ Пасынковской вол. еще четыре такихъ же могильника, именно: при самомъ селѣ Щиты и деревняхъ—Дентелево, Кривая и Саки.—О существованіи каменныхъ могилъ между деревнями Саки и Трещетки упоминаетъ также и Ярошевичъ [2]).

Въ 1884 году крестьянинъ Пигульскій прислалъ въ Имп. Арх. Коммиссію нѣсколько монетъ, разновременно найденныхъ имъ въ землѣ, въ селѣ Пасынкахъ [3]).

Въ Гриневичской православной церкви обращаетъ на себя вниманіе старинный иконостасъ. — Въ Пасынковскомъ церковномъ архивѣ хранится королевская грамота Сигизмунда Августа, 1561 г., и дарственная запись гр. Браницкой. (2С. У. П.).

73) с. РАЙСКЪ, 40°52′—52°51′, Райской вол., Бѣльскаго у.

При дер. Гацькахъ, среди холмистой мѣстности, возвышается гора, въ формѣ усѣченнаго конуса, высотою не менѣе 22 саж. и около 100 саженей въ окружности. Съ давнихъ временъ гора извѣстна у народа подъ именемъ „замка“ и, по преданію, составляла одно изъ передовыхъ укрѣпленій г. Бѣльска во время шведской войны. Въ разстояніи не болѣе сажени отъ этой горы находится другая конусообразная возвышенность, высотою въ 1½ саж. и до 115 саж. въ окружности; называется „Бетлагъ“. Народная молва въ описываемомъ мѣстѣ отмѣчаетъ еще третью гору,—ближайшую къ селу Райску. Здѣсь, по словамъ народа, каждогодно въ день Пасхи слышенъ бываетъ звонъ, потомучто на этой горѣ въ прежнее время была церковь, которая впослѣдствіи провалилась подъ землю.

На поляхъ той же д. Гацьковъ находится четыре кургана, изъ которыхъ одинъ распахивается. Высота кургановъ около 3 саженей. Курганы эти, по всей вѣроятности, то же, что и каменныя могилы, указываемыя при дер. Гацькахъ Ярошевичемъ [4]).

Въ одномъ мѣстѣ, при дер. Гусакахъ, разносимый вѣтромъ сыпучій песокъ обнаруживаетъ разбросанныя въ безпорядкѣ кости большихъ размѣровъ. По срединѣ этого мѣста лежитъ булыжный камень съ грубымъ, едва замѣтнымъ изображеніемъ креста, по сторонамъ котораго знаки—I и X. Все это заставляетъ предпологать существованіе здѣсь въ старину кладбища.—На существованіе стариннаго кладбища указываютъ также, очевидно, и камни съ крестами, находящіеся на берегу р. Нарева, при дер. Денискахъ.

Въ Райской православной церкви находится икона Богоматери, въ 8×8 кв. вершк., считавшаяся, судя по свидѣтельству дарственной записи Августа II, въ

---

1) Дрогичинъ Надбужскій, стр. 21. Характеристики каменныхъ могилъ см. въ текстѣ — Городискъ, Бѣльскаго у.

2) Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII s. 195.

3) Архивъ Коммиссіи, 1884 г. Дѣло № 35.

4) Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII. s. 195. Характеристику каменныхъ могилъ см. въ текстѣ—с. Чижи (по Ярошевичу) и Гродискъ (по Авенаріусу).

XVI—XVII вв. чудотворною (уніатская). Въ церковной ризницѣ хранится крестъ 1618 года, изъ низкопробнаго серебра, съ надписью; также—потиръ 1666 г., съ чеканнымъ изображеніемъ трехъ ангеловъ и надписью жертвователя, и потиръ безъ точнаго указанія времени, съ польскою надписью.—Въ церковномъ архивѣ сохраняется дарственная запись Августа II, 1731 г., и нѣсколько другихъ документовъ на польскомъ языкѣ. (С. П.).

* *

74) г. **БѢЛЬСКЪ**, 40°53′—52°46′, на р. Бѣлой.

Бѣльскъ—одинъ изъ числа старинныхъ городовъ: основаніе его относится, во всякомъ случаѣ, къ домонгольскому періоду, такъ какъ онъ упоминается уже во главѣ тѣхъ городовъ, гдѣ, послѣ нашествія Батыя, возстановлены были оборонительные замки сыномъ Монтвилла Эрдивилломъ [1]). Въ 6797 (1289) году, по словамъ лѣтописца, Мстиславъ въ бѣльскомъ замкѣ поставилъ орудія и назначилъ стражу. Мѣсто, гдѣ находился бѣльскій замокъ,—это, въ настоящее время, небольшой холмъ, расположенный среди болотистаго луга, на рѣкѣ Любкѣ, въ 200 шагахъ отъ впаденія ея въ Бѣлую. На восточной, менѣе возвышенной, части этого холма проходитъ небольшая улица, называемая Подзамчемъ; западная же часть холма представляетъ крутые спуски. По окраинѣ вершины его проходитъ земляной валъ, съ перекопомъ къ выѣзду на небольшую насыпную часть; по срединѣ вала находится небольшой величины площадка. Окружность нижней части холма имѣетъ до 120 саж., верхней—70, а высота простирается до 7 саженъ. Холмъ этотъ, именуемый въ люстраціи Дыбовскаго Козищемъ, теперь называется Лысою, или Замковою горою [2]).

Близъ г. Бѣльска, по дорогѣ въ Брянскъ, замѣтны нѣкоторые слѣды доисторической стоянки [3]).

Въ 100 саженяхъ на З. отъ Бѣльска уцѣлѣла часть кургана, съ плоскою вершиною около 30 саж. въ окружности. При копаніи песку здѣсь часто вырываютъ кости, которыя обыкновенно и оставляются на поверхности земли. Народъ считаетъ курганъ могилой изъ временъ шведскихъ войнъ. — Вправо отъ почтовой дороги въ Бѣлостокъ наблюдается другой курганъ, называемый „сыпкой" [4]). По преданію, здѣсь погребены кости рыбинцевъ, павшихъ во время битвы съ поляками.

На усадьбѣ священника Михаило-Архангельской церкви часто попадаются старые гробы и кости, что свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь нѣкогда кладбища. На мѣстѣ старинныхъ также кладбищъ помѣщаются церковныя мельницы, и замѣтны слѣды погоста при деревнѣ Левкахъ, гдѣ до 1377 года находилась теперешняя бѣльская Воскресенская церковь.

Въ предѣлахъ Бѣльскаго уѣзда найдены были одно долото и топоръ каменнаго вѣка, а также желѣзный шлемъ и кольчуга, которые находятся теперь въ

---

[1]) Baliński.—Starożytna Polska, 1845 г., Tom II, str. 1303.
[2]) П. Бобровскій. Гродненская губернія. Часть II, стр. 881.
[3]) Biblioteka Warszawska, 1883 г. Tom I, str 141.
[4]) Cp. Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, str. 195.

Гродненскомъ Статистическомъ Комитетѣ [1]). Въ Виленскомъ музеѣ древностей хранится большой золотой перстень, найденный въ Бѣльскомъ уѣздѣ и пожертвованный въ музей Славскимъ [2]).

Въ бѣльской Пречистенской церкви пользуется особеннымъ почитаніемъ запрестольная икона Богоматери. Въ соборномъ архивѣ есть много грамотъ XVII в. [3]) (С.).

75) г. **СУРАЖЪ**, 40°39′—52°57′, на р. Наревѣ, Завыковской в., Бѣлостокскаго у.

При дорогѣ изъ г. Суража въ дер. Ковали наблюдаются незначительные слѣды доисторической кремневой стоянки [4]).

Въ самомъ городѣ, на лѣвомъ берегу р. Нарева, есть возвышенность съ несомнѣнными слѣдами ея искусственнаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, обдѣлки. Она имѣетъ форму усѣченнаго конуса, высотою около 8 саженей, и съ трехъ сторонъ окружена оврагомъ, въ видѣ подковы, упирающимся своими концами въ берега рѣки Нарева. Опадающая съ каждымъ годомъ внутрь, вершина насыпи даетъ основаніе предполагать существованіе внутри горы подземелья, откуда, по народной молвѣ, велъ, на протяженіи верстъ четырехъ, подземный ходъ въ существовавшее въ старину им. Завыки. По преданію, на горѣ стоялъ укрѣпленный замокъ, въ которомъ жила королева Бона. Въ концѣ 80-хъ годовъ, при пробныхъ раскопкахъ горы г. Авенаріусомъ, находимыми были черепки глиняной посуды, глиняныя пряслицы и т. п.—Описанное мѣсто, по всей вѣроятности, остатокъ того стариннаго замка, который, послѣ разрушенія его татарами, вновь былъ отстроенъ въ 1241 году сыномъ Монтвилла Эрдивилломъ [5]).—Другая, болѣе древняя, повидимому, насыпь круглой формы находится въ двухъ верстахъ отъ им. Кожаны, вверхъ по Нареву, на правомъ берегу его. Насыпь эта, окруженная широкимъ рвомъ, который рѣдко пересыхаетъ, обсажена лиственными деревьями, преимущественно—ольхой. По преданію, сохранившемуся среди мѣстнаго населенія, здѣсь нѣкогда стоялъ замокъ, вслѣдствіе чего и мѣстность эта извѣстна подъ названіемъ „Замчиско". По другому преданію, здѣсь нѣкогда находился литовскій языческій жертвенникъ, на которомъ горѣлъ огонь, что подтверждается названіемъ мѣста „Олтажъ Плитня". При незначительной раскопкѣ этой насыпи найдено нѣсколько большихъ каменныхъ плитъ. Кругомъ насыпи, по словамъ преданія, росли прежде дубы. Существованіе дубовыхъ рощъ подтверждается тѣмъ, что и въ самой рѣкѣ и ея долинѣ находятъ громадные дубы, большею частію, съ корнями и сучьями, а три года тому назадъ свалился послѣдній вѣковой дубъ, росшій неподалеку отъ „Замчиска".

Къ разряду, повидимому, тѣхъ же насыпей (городищъ) долженъ быть отнесенъ и, находящійся вблизи уроч. „Мосты", на правомъ берегу Нарева, конусообраз-

---

[1]) Труды VII Археологическаго съѣзда. Т. II, стр. 268.
[2]) Каталогъ Виленскаго музея, 1885 г. Отд. Д, № 433.
[3]) Архивъ Лит. консисторіи: въ историко-статистическомъ описаніи Троицкаго бѣльскаго собора есть копіи нѣкоторыхъ, хранящихся въ соборѣ, грамотъ.
[4]) Biblioteka Warszawska, 1883 r. Tom I, str. 141.
[5]) Baliński. Starożytna Polska. Tom. II, str. 1311.

ный курганъ, вершина котораго представляетъ котловину. Кругомъ кургана расположено упраздненное христіанское кладбище, поросшее хвойными деревьями. Насыпь эта извѣстна у крестьянъ подъ именемъ „Шведской могилы". Вблизи кургана найденъ въ землѣ весьма большихъ размѣровъ ружейный замокъ съ кремневымъ куркомъ [1]).

Въ разстояніи 200 саж. на СВ. отъ деревни Богданки, на землѣ пом. Саковичъ, на возвышенномъ мѣстѣ, находятся три круглыхъ кургана (копцы); вполнѣ сохранился только одинъ изъ нихъ, остальные полуразрушены. Когда, при постройкѣ около копцовъ мельницы, случайно былъ одинъ изъ копцовъ разрытъ, то въ немъ оказались части человѣческаго скелета.—Однородныя съ этими копцами насыпи находятся также около дер. Ростолтовъ и въ полутора верстахъ отъ с. Угова. На послѣднихъ курганахъ, между прочимъ, находятъ серебряныя и мѣдныя монеты, пули и другія разныя вещи. По народной молвѣ, всѣ копцы считаются могилами изъ временъ русско-шведскихъ войнъ.—Въ самомъ городѣ Суражѣ, на Хорощской улицѣ, есть мѣсто, называемое „Курганки", что даетъ основаніе предполагать существованіе также и въ этомъ мѣстѣ кургановъ [2]).

По разсказу крестьянина дер. Богданокъ, И. Козака, у его дѣда была „громовая стрѣлка" (по описанію, — каменный топоръ со сверлиной), но она впослѣдствіи утеряна дѣтьми.

За деревней Бѣлями, при дорогѣ изъ города Суража въ м. Заблудовъ, стоитъ камень, въ формѣ трехгранной пирамиды; на немъ высѣченъ небольшой крестикъ и надпись, покрывающая всѣ три его стороны; надпись, впрочемъ, трудно разобрать, такъ какъ многія буквы отъ времени изгладились. Кѣмъ и когда этотъ камень поставленъ—старики не помнятъ; разсказываютъ только, что когда одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ взялъ этотъ камень подъ фундаментъ сарая, то вскорѣ послѣ этого у него случился падежъ скота, и крестьянинъ, приписывая это несчастье камню, отвезъ его обратно. — Былъ также камень около дер. Ростолтовъ, но онъ теперь употребленъ для желѣзнодорожныхъ построекъ. Старики говорятъ, что камень этотъ былъ пограничнымъ знакомъ (чего?) съ Пруссіей.

Въ рѣкѣ Наревѣ, около с. Угова и ур. Песчево, видны бываютъ, при низкой водѣ, металлическіе (по разсказамъ очевидцевъ—мѣдные) столбы, служившіе когда-то указателями границъ бывшаго Царства Польскаго.

---

[1]) Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, 1893 года, № 1, стр. 17.

[2]) Къ району Завыковской волости должны быть отнесены также и тѣ курганы, о которыхъ упоминается въ „Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ", 1893 года, № 1, стр. 17—18. Здѣсь сообщается: „На правомъ берегу Нарева, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка пересѣкается желѣзною дорогою, находится нѣсколько кургановъ, въ которыхъ неоднократно находили человѣческія кости. На самомъ берегу рѣки, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ желѣзнодорожной насыпи, находится довольно высокій курганъ, часть котораго раскопана. Въ немъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при раскопкѣ, найдены стальные панцыри и мечъ. Наконецъ, по другую сторону Нарева, въ верстѣ отъ желѣзно-дорожной станціи Страбли, находится цѣлая группа кургановъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно глубокими рвами. Мѣсто это крестьяне называютъ „Городки".—Возможно, ворочемъ, что, въ виду различія оріентировки, нѣкоторые изъ этихъ кургановъ и совпадаютъ съ указанными въ текстѣ.

По разсказамъ, въ Уговскомъ римско-католическомъ костелѣ есть старинный колоколъ съ славянскими надписями. (С.ЗУ. П.).

76) м. ХОРОЩЪ [1]), 40°39′—53°9′, на р. Городнянкѣ, Хорощанской вол., Бѣлостокскаго уѣзда.

На границѣ волости, по ломжинскому берегу Нарева, наблюдается нѣсколько первобытныхъ стоянокъ, гдѣ находимы были каменные топоры со сверлинами и нешлифованныя орудія изъ кремня [2]).

Въ полуверстѣ отъ дер. Жолтиковъ, на правомъ берегу Нарева, находится земляная, въ формѣ усѣченнаго конуса, насыпь, высотою около 3 саженъ; на вершинѣ ея—другая такая же насыпь, высотою въ два аршина. Принадлежавшая въ прежнее время гетману Браницкому, насыпь эта называлась „альтанкою". По словамъ народа, въ насыпи есть кирпичные погреба, но когда, около 1850 г., одинъ изъ крестьянъ, желая воспользоваться кирпичами, пробовалъ раскапывать насыпь, въ ней ничего найдено не было.—Другая насыпь—курганъ, занимающій пространство около 8 кв. саж., находится на юго-восточной сторонѣ дер. Новаго Топильца; называется „Пивничиско". По народной молвѣ, насыпь построена русскими, во время шведской войны, для удобнѣйшаго обстрѣливанія противоположнаго берега рѣки, близъ которой она находится.

Близъ **дер.** Бацютъ находится старинное кладбище съ памятниками изъ нетесанныхъ камней; на нѣкоторыхъ камняхъ высѣчены четырехконечные кресты, а на одномъ наблюдается нѣсколько сверлинъ, около дюйма въ діаметрѣ, и на срединѣ—углубленіе въ родѣ оттиска какого-то герба. Посрединѣ кладбища находится, раздвоенная на вершинѣ и какъ-бы представляющая двѣ большія могилы, насыпь, высотою около 2 аршинъ. Все кладбище расположено на невысокомъ холмикѣ, изъ котораго берутъ землю для шоссейной дороги, причемъ часто выкапываютъ человѣческія кости и иногда вмѣстѣ съ ними черепки глиняной посуды, мѣдныя и серебряныя монеты, а разъ найдена была бутылка съ водкой.—Народъ называетъ кладбище „греческимъ" и происхожденіе его относитъ почему-то ко времени Ивана Грознаго.—Подобнаго рода кладбище находится также и около д. Костюковъ.

Въ 1882 году г. Глогеръ получилъ изъ села Неводницы найденный здѣсь прекрасный діоритовый топоръ со сверлиной [3]). Въ 1887 году, при копаніи земли въ саду им. Новоселокъ, найдена была половина каменнаго молотка, длиною около $2^1/_2$ вершковъ.—Каменный топорикъ найденъ также на пространствѣ между Хорощемъ и Бѣлостокомъ; послѣдній хранится у г. Авенаріуса [4]).

Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ им. Новоселокъ, на лѣвомъ холмистомъ и песчаномъ берегу р. Супрасли находимы были, по разсказамъ стариковъ, въ большомъ количе-

---

[1]) Стар. Хворощъ, что указываетъ будто бы на первоначальное заселеніе мѣста русскими: П. Бобровскій. Гродненская губернія. Ч. II, стр. 1034.

[2]) Wiadomości archeologiczne. T. I, str. 119.

[3]) Biblioteka Warszawska, 1883 г. T. I, str. 143.

[4]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4, стр. 33.

ствѣ человѣческія кости и разные металлическіе предметы, каковы: золотые кольца, мѣдныя пуговицы, разныя запонки, головные уборы и т. п.—По народной молвѣ, въ этой мѣстности происходило сраженіе со шведами, но чье и когда неизвѣстно.

Народная молва отмѣчаетъ еще два мѣста, въ которыхъ будто-бы зарыты деньги: первое мѣсто указывается около столба со статуею св. Яна, въ полуверстѣ отъ Хороща, а второе—на возвышенномъ мѣстѣ, близъ д. Бацютъ.

Въ католическомъ костелѣ с. Неводницы, Хорощанской вол., оказался колоколъ съ славянскою надписью, въ двѣ, идущихъ около средины колокола, строки:

✠ вълето✠ѕ✠ное✠ц✠сотъ✠к✠и✠е созданъбыстьколоколъстентроицнпо

веленіемърабакнапанашедикораколимонтокиуа✠амастеръустакъ✠.

Колоколъ этотъ теперь находится въ Виленскомъ музеѣ [1]). (2С. У.).

77) м. ГОРОДОКЪ, 41°20′—53°6′, на р. Супрасли, Городокской вол., Бѣлостокскаго у.

Близъ Городка, на берегу р. Супрасли, находится круглая земляная насыпь, отъ трехъ до пяти аршинъ въ вышину и около 300 саж. въ окружности; кругомъ ея—ровъ и валъ; входъ съ ЮЗ. Въ насыпи попадаются остатки кирпичей, и были находки желѣзныхъ вещей (петли) и человѣческихъ костей. По преданію, здѣсь былъ замокъ Ходкевичей, и на этой же насыпи находился прежде и самый г. Городокъ [2]). (С. П.).

* * *

78) д. НОВАЯ ВОЛЯ, 41°5′—53°29′, Нововольской вол., Сокольскаго уѣзда.

Между деревнями Тростянкою и Кладевомъ есть древнее земляное укрѣпленіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ „окоповъ“; оно имѣетъ круглую форму, съ діаметромъ въ 15 саж., и обнесено валомъ, который надъ внутреннею площадью поднимается не выше одного аршина, а съ внѣшней стороны имѣетъ въ вышину двѣ сажени. Съ западной стороны къ городищу примыкаетъ пахатное поле, а съ остальныхъ сторонъ оно окружено лугами, съ протекающею по нимъ съ С. на Ю, безъимянною рѣчкою.

Въ разстояніи одной версты отъ „окоповъ“, въ ур. Кладево, въ казенномъ лѣсу, насчитывается до двадцати разбросанныхъ въ безпорядкѣ кургановъ (копцы); высота наибольшаго изъ нихъ около 2 аршинъ, а окружность кургановъ, при основаніи, колеблется въ предѣлахъ 2—4 саженей. Нѣкоторые изъ кургановъ разрушены, причемъ обнаруживается, что въ значительной части курганная насыпь состоитъ изъ камней.

---

[1]) Каталогъ музея древностей, 1885 г. Отд. 3, № 94.

[2]) Ср. также П. Бобровскій.—Гродненская губернія. Часть II, стр. 1033, и свѣдѣнія о городищахъ Гродненской губерніи,—рукопись г. Довнаро-Запольскаго,—въ дѣлахъ предварительнаго комитета IX Арх. съѣзда.

Около деревень Плебановцевъ и Нововоли находится по старому кладбищу, изъ которыхъ первое называется „Могилки“, а второе—„Дѣды“; на томъ и другомъ разбросаны камни безъ надписей.

Невдалекѣ отъ дер. Нововоли, въ ур. Каменный бродъ, найдены въ рѣкѣ два черныхъ каменныхъ топора со сверлинами. Каменные топоры вообще называютъ крестьяне громовыми стрѣлами и употребляютъ ихъ въ качествѣ лекарства, натирая ими больное мѣсто.

На указанномъ выше городищѣ—„окопы“ нерѣдко, по словамъ крестьянъ, попадаются, вовремя запашки находящагося тамъ поля, желѣзные прутья и желѣзные же наконечники копій; находокъ послѣднихъ насчитывается не менѣе шести.

Въ дер. Плебановцахъ было два случая находокъ монетъ: однимъ крестьяниномъ было найдено нѣсколько серебряныхъ монетъ величиною въ пятіалтынный, а другимъ—цѣлая горсть мѣдныхъ монетъ двоякой величины. Судя по приложенному къ сообщенію учителя экземпляру, монеты меньшей величины—солиды Іоанна Казимира.—Въ ур. Нововоля разъ найдена была $^{1}/_{12}$ прусскаго талера, 1764 г.

Въ полуверстѣ отъ дер. Нововоли, по дорогѣ въ д. Тростянку, лежитъ плоскій камень, на которомъ видны шесть, расположенныхъ въ формѣ креста, ямокъ, глубиною въ $^{1}/_{2}$ вершка и до двухъ вершковъ въ діаметрѣ. Происхожденіе ямокъ народъ объясняетъ дѣйствіемъ молніи и говоритъ о являющихся здѣсь въ разныя времена страхахъ. (У. П.).

79) м. СУПРАСЛЬ, 41°—53°12′, на р. Супрасли; Дойлидской вол, Бѣлостокскаго у.

При отсутствіи достопримѣчательностей общеархеологическаго характера въ предѣлахъ Дойлидской волости, обращаетъ на себя вниманіе находящійся здѣсь Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь.

Монастырь основанъ въ концѣ XV в. иждивеніемъ великаго маршала литовскаго А. И. Ходкевича въ находящейся въ его имѣніи мѣстности—„Городокъ“. Въ началѣ XVI столѣтія онъ перенесенъ былъ на свое теперешнее мѣсто, гдѣ въ 1509 году и заложена была, существующая до сихъ поръ, каменная церковь въ честь Благовѣщенія. Храмъ этотъ, подобно другимъ церквамъ Литвы, имѣетъ четыре угловыхъ, круглыхъ башни и, кромѣ того, выведенные выше стѣнъ каменные фронтоны съ амбразурами, что дѣлаетъ его очень красивымъ сооруженіемъ. Въ доуніатскія времена Супрасльскій монастырь принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ учрежденій этого рода и имѣлъ большое значеніе въ церковной жизни своего края, при переходѣ же въ руки уніатовъ онъ лишился того и другого, и только основаніе въ концѣ XVII столѣтія въ немъ славянской типографіи отчасти подняло на время его значеніе, но вслѣдствіе притѣсненій бѣлостокскихъ королевскихъ типографовъ и типографія супрасльская въ концѣ XVIII столѣтія должна была прекратить свое существованіе.

Теперь въ Супрасльскомъ монастырѣ, возсоединенномъ вмѣстѣ съ другими съ православною церковію въ 1839 году, находятся слѣдующія святыни и достопримѣчательности.

1) Мѣстно—чтимая Супрасльская икона Божіей Матери Одигитріи, украшенная серебряной, вызолоченной ризой, устроенной въ 1557 году. Только эта риза, а также серебряный окладъ на образѣ Спасителя и уцѣлѣли отъ уніатскихъ временъ.

2) Небольшая икона Богоматери, присланная въ монастырь чрезъ Іосифа Солтана княгинею Еленою Ивановной.

3) Крестъ съ частицею древа животворящаго креста Господня, сдѣланный въ 1510 году; вокругъ креста славянская надпись—перечень лицъ, пожертвовавшихъ крестъ въ церковь.

4) Кости св. мученика Іустина, данныя въ 1750 г. монастырю папою при особой грамотѣ; хранятся скрытно между стѣной и кіотомъ Супрасльской иконы Божіей Матери.

5) Массивный иконостасъ въ три яруса съ гербами Ходкевичей и Солтановъ, высокохудожественной работы данцигскихъ мастеровъ.

Въ ризницѣ монастырской хранился посохъ, принадлежавшій св. Стефану, епископу пермскому. По распоряженію Свят. Синода, посохъ этотъ переданъ въ 1849 году въ пермскій каѳедральный соборъ.

Но особенной рѣдкостью должна быть признана въ церковно-археологическомъ отношеніи фресковая живопись Супрасльскаго Благовѣщенскаго собора, современная его постройкѣ. Закрытыя въ уніатскія времена известью и отчасти штукатуркою фрески въ 1887 году отчищены сухимъ способомъ, причемъ обнаружился слѣдующій циклъ стѣнописи. Сводъ купола занимаетъ восьмиконечная звѣзда, въ срединѣ которой, на голубомъ фонѣ, усѣянномъ золотыми звѣздами, изображенъ благословляющій Спаситель съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; а въ оконечностяхъ звѣзды помѣщены огненные херувимы; подъ этимъ изображеніемъ слѣдуетъ рядъ архангеловъ и серафимовъ, а подъ ними орнаменты; во второмъ ряду идутъ ветхозавѣтные цари и пророки, подъ ними орнаменты и славянскія надписи. Подъ куполомъ, въ парусахъ, изображены эмблемы евангелистовъ: агнецъ, телецъ, левъ и орелъ. Въ шестомъ ряду открыто три картины изъ жизни Спасителя, а въ седьмомъ—изъ жизни Богоматери и чудотворныя иконы (около хоровъ и подъ ними). Въ восьмомъ и девятомъ рядахъ—святые, чтимые православною церковію. Внутренніе столбы храма также росписаны въ четыре яруса. Варварскія руки уніатовъ и латинянъ оставили слѣды кощунственнаго отношенія своего къ русской иконописи: вездѣ, гдѣ только можно достать рукой, фрески исцарапаны, сдѣланы на нихъ непозволительныя надписи на польскомъ и латинскомъ языкахъ, и въ нѣкоторыхъ картинахъ выколоты глаза или выковырянъ ротъ... При реставраціи фресокъ въ 1887 году варварскія поврежденія исправлены, хотя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленія сдѣланы несогласно со стилемъ древняго писанія [1]).

Такъ какъ церковный отдѣлъ имѣетъ въ нашемъ трудѣ лишь второстепенное значеніе, то, не вдаваясь въ подробности, заключимъ замѣтку о Супрасльскомъ мо-

---

[1]) Батюшковъ.—Бѣлоруссія и Литва. СПБ. 1890.

настырѣ [1]) указаніемъ предметовъ, переданныхъ изъ монастыря въ Виленскую публичную библіотеку и музей. Въ библіотекѣ хранится супрасльскій помянникъ или синодикъ, писанный въ 1631 году (копія) и имѣющій особенное значеніе для генеалогическихъ изысканій [2]), въ музеѣ же находится нѣсколько металлическихъ клише картинъ и виньетокъ и 150 буквъ изъ бывшей супрасльской типографіи [3]) и два старинныхъ музыкальныхъ инструмента (фаготъ) [4]).—Неизлишне, наконецъ, упомянуть о находящейся въ супрасльскомъ монастырѣ еврейской серебряной монетѣ, хотя этотъ предметъ и не имѣетъ мѣстно-археологическаго интереса. Монета эта [5]) величиною въ русскій $^3/_4$ рубль. На лицевой сторонѣ ея—рисунокъ смоковницы съ надписью (еврейскою) по бокамъ—„святой Іерусалимъ"; на обратной сторонѣ—пылающій жертвенникъ, въ формѣ соединенныхъ вершинами двухъ конусовъ, по бокамъ котораго надпись—„израильскій сикль". На основаніи филологическихъ особенностей, какія представляютъ надписи, время чекана супрасльскаго сикля опредѣляется 541-мъ г. (годомъ—освобожденія изъ плѣна вавилонскаго) и завоеваніемъ Іерусалима Помпеемъ.—Мѣстное преданіе утверждаетъ, что сикль этотъ—одинъ изъ тридцати сребрениковъ, за которые проданъ былъ І. Х.

80) **г. ВАСИЛЬКОВЪ**, 40°53'—53°12', на р. Супрасли, Черновецкой волости, Сокольскаго уѣзда.

Въ разстояніи не болѣе одной версты отъ деревень Замчиска, Подзамчиска и Нѣмчина, по направленію къ дер. Порославкѣ, сохранилась часть земляного, насыпного укрѣпленія—городища. Форма городища, носящаго нынѣ названіе „Лысая гора", кругообразная: внутренняя площадь его имѣетъ въ діаметрѣ саженей пять. Площадь окружена валомъ и рвомъ, шириною въ 10 арш. Входъ въ городище съ В. Валъ въ настоящее время распахивается крестьянами, причемъ попадаются иногда человѣческія кости. Въ 1831 году при копаніи на городищѣ могилъ для шести крестьянъ, умершихъ въ дер. Замчискѣ отъ холеры, находили, по разсказамъ стариковъ, стрѣлы и золотыя монеты.—Преданій о городищѣ не существуетъ.

При им. Васильковѣ, недалеко отъ берега рѣки Супрасли, имѣется 5 кургановъ; три изъ нихъ, вышиною въ $1^1/_2$, 2 и 3 арш., насыпаны на возвышенномъ мѣстѣ, въ разстояніи одинъ отъ другого не болѣе $3^1/_2$ саж.; остальные два, вышиною въ 1 и $1^1/_2$ арш., находятся на низкомъ мѣстѣ, въ одной верстѣ отъ предыдущихъ.

Существуетъ догадка [6]), что близъ Василькова именно происходила та пресловутая битва, 1282 г., между Лешкомъ Чернымъ и Тройденомъ, въ которой поляки

---

[1]) О Супрасльскомъ монастырѣ существуетъ объемистая книга, изданная къ 1892-мъ году арх. Николаемъ,—Супрасльскій Благовѣщенскій Монастырь. СПБ. 1892 г.

[2]) Фотогр. снимокъ одной страницы помянника и его описаніе см. П. Н. Батюшковъ. — Бѣлоруссія и Литва, стр. 179 и II, 157.

[3]) Каталогъ музея, 1885 г. Отд. З, №№ 98—264.

[4]) Ibid. Отд. Л, №№ 30—31.

[5]) Подробное описаніе ея см. Гродненскія губ. вѣдомости. 1847 г., № 32: Нумизматическое свѣдѣніе.

[6]) Narbutt.—Dzieje staroż. narodu litewskiego. T. IV. s. 290.

одержали полную побѣду надъ литовцами и ихъ союзниками—ятвягами. Судя по остаткамъ череповъ и костей, обнаруживающимся на песчаныхъ необработанныхъ холмахъ, г. Бобровскій [1]) полагаетъ, что это сраженіе происходило по лѣвую сторону отъ дороги изъ Гродны въ Бѣлостокъ. (П.).

81) г. **БѢЛОСТОКЪ**, 40°51′—53°9′, на р. Бѣлой.

Городъ Бѣлостокъ, или, точнѣе, Бѣлый Истокъ, получилъ свое названіе отъ рѣки, на берегахъ которой онъ построенъ. Время основанія Бѣлостока точно неизвѣстно; полагаютъ, что онъ построенъ вскорѣ по завоеваніи здѣшней земли Гедиминомъ (1320 г.) [2]).

Въ мѣстной православной церкви есть старопечатное евангеліе, безъ заглавнаго листа, и литургіарій, супрасльской печати, ҂ѕ҃ѯ҃г҃ года. (С.).

82) с. **ФАСТЫ**, 40°42′—53°11′, на р. Супрасли, Бѣлосточанской вол., Бѣлостокскаго уѣзда

Въ разстояніи около 3½ верстъ отъ устья рѣки Супрасли, въ тысячѣ шагахъ отъ ея берега, наблюдаются, на песчаной неровной площади, слѣды доисторической, небогатой, впрочемъ, стоянки. При вторичномъ посѣщеніи этого мѣста въ 1887 году г. Глогеромъ, на немъ найдены были осколки кремня и обломки такого же оружія [3]).

Около с. Добрынева были когда-то замки Радзивилловъ и Чапскаго, старосты Кнышинскаго. На мѣстѣ замка послѣдняго теперь фабрика „Добрынево", а изъ послѣднихъ кирпичей радзивилловскаго замка сложена печь у одного изъ крестьянъ дер. Большого Добрынева.

Въ ¼ версты отъ с. Фастовъ, на вершинѣ горы, есть курганъ, въ формѣ усѣченнаго конуса; на верху кургана — плоскій сверху камень. Гора называется то Марковою, то—Самотеевою,—отъ имени владѣвшихъ ею крестьянъ. (С.).

83) д. **ОБРУБНИКИ**, 40°42′—53°14′, Обрубниковской вол., Бѣлостокскаго у.

Между деревней Рыбаками и Погорѣлками, а также между болотами р. Нарева и Брестско-Граевской желѣзной дорогой, на землѣ той же деревни Погорѣлокъ, наблюдаются слѣды первобытныхъ (кремневыхъ) стоянокъ. Первая изъ нихъ отличается бѣдностію и представляетъ, можетъ быть, мѣсто одиночнаго поселенія, вторая же стоянка значительно обширнѣе и замѣчательно богата предметами кремневаго оружія и осколками кремня, получающимися, обыкновенно, при изготовленіи оружія [4]).—Третья, въ предѣлахъ Обрубниковской вол., первобытная стоянка находится близъ

---

[1]) Гродненская губернія. Часть II, стр. 1013.

[2]) Бобровскій.—Гродненская губернія. Часть II, стр. 852.

[3]) Biblioteka Warszawska, 1878 г., Т. I, str. 151. Первое посѣщеніе этой стоянки г. Глогеромъ, по своимъ результатамъ, было еще бѣднѣе.

[4]) Biblioteka Warszawska, 1877 г. Tom I, str. 146. Г. Глогеръ, сообщающій объ указанныхъ стоянкахъ, упоминаетъ здѣсь же о вторичномъ посѣщеніи имъ, находящейся невдалекѣ отъ первыхъ, кремневой станціи, расположенной на лѣвомъ (ломжинскомъ) берегу Нарева,—на землѣ деревни Златорыи.

дер. Яворовки. Расположена она въ разстояніи около двухъ верстъ отъ устья р. Супрасли, на правомъ ея берегу, на песчаной, находящейся среди болотъ и луговъ, площади. Здѣсь г. Глогеромъ въ 1879 году найдены были кремневый скребокъ и обломокъ такого же ножика, и, сверхъ того, собрано было нѣсколько кремневыхъ осколковъ. Стоянка эта, по сравненію съ другими однородными мѣстами, принадлежитъ къ числу немноголюдныхъ поселеній [1]).

Въ лѣсу, около дер. Калиновка-Огородники, находятся стародавніе окопы и около нихъ такіе же могилы-курганы, о древности которыхъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, найденный здѣсь каменный топорикъ [2]).

Въ Обрубниковской волости насчитывается, кромѣ того, еще десять кургановъ („сопки"), по одному при каждой изъ слѣдующихъ деревень: Погорѣлки, Обрубники, Куликовка, Криница, Красно-фольварочное, Красностарое, Софіевка, Яскра, Милевскіе и Рыбники [3]).

Возлѣ деревень Обрубники и Погорѣлки, по разсказамъ крестьянъ, были находимы человѣческія кости, безъ всякихъ, впрочемъ, при нихъ вещей.

На огородѣ одного изъ крестьянъ д. Яворовки найдено было до 30 старинныхъ серебряныхъ монетъ. (У. П.).

84) г. КНЫШИНЪ, 40°35′—53°19′, Крипнянской вол., Бѣлостокскаго уѣзда.

Въ предѣлахъ Крипнянской волости насчитывается до восьми первобытныхъ (неолитическаго періода) стоянокъ. Одна изъ нихъ наблюдается недалеко отъ р. Нарева, близъ дер. Горы; другая въ разстояніи около двухъ верстъ отсюда,—при дорогѣ изъ Тыкоцина въ Кнышинъ [4]). Третья доисторическая стоянка находится при дер. Гельчинѣ, въ разстояніи одной версты отъ р. Нарева [5]); четвертая расположена въ им. Кемпѣ Липницкой, на заросшемъ лѣсомъ песчаномъ холмѣ, среди болотъ р. Нарева [6]). Двѣ стоянки, (пятая и шестая), находятся въ бассейнѣ р. Нересли, текущей изъ озера Чеховизны въ Наревъ; изъ нихъ одна расположена на З. отъ дер. Левовъ, а другая на Ю. отъ дер. Чеховизны, въ разстояніи трехъ верстъ отъ предыдущей [7]). Седьмая стоянка находится около дер. Лясковца, вблизи р. Нарева [8]), и, наконецъ, восьмая—въ им. Кемпѣ Гельчинской.

Первыя четыре стоянки отличаются, впрочемъ, сравнительно съ другими, бѣдностію и обнаруживаютъ слѣды пребыванія на нихъ человѣка лишь въ видѣ незна-

---

[1]) Biblioteka Warszawska, 1880 г. Т. I, str. 157.

[2]) Biblioteka Warszawska. 1853 г. Z. CLII. str. 195 и 196.

[3]) Сообщеніе волостного писаря; по сообщенію учителя, кургановъ, въ Обрубниковской волости нѣтъ, такъ что, въ виду особенно почти полнаго отсутствія кургановъ въ побережьяхъ Бобра, является подозрѣніе, не разумѣетъ ли подъ курганами (археологическими могилами) волостной писарь чего нибудь другого.

[4]) Biblioteka Warszawska, 1876 г. Tom I, str. 131.

[5]) Idem, 1879 г. Tom I. str. 143.

[6]) Idem, 1880 г. Tom I, str. 156.

[7]) Idem, 1881 г. Tom I, str. 113.

[8]) Idem, 1883 г. Tom I, str. 141.

чительнаго количества попадающихся здѣсь осколковъ кремня. Нѣсколько богаче, по своему содержанію, стоянки при деревняхъ Левы и Чеховизна. При посѣщеніи этихъ стоянокъ въ 1880 году г. Глогеромъ найдены были, кромѣ осколковъ кремня и черепковъ, на первой—красивый наконечникъ стрѣлы и ножикъ съ искусно сдѣланнымъ черенкомъ, а на второй—обломокъ изящной кремневой пилки [1]). Еще богаче, по разнообразію находимыхъ предметовъ, седьмая стоянка, расположенная около дер. Лясковца. Изслѣдовавшимъ ее въ 1882 году г. Глогеромъ найдено было на ней, рядомъ съ обычными кремневыми осколками, нѣсколько прекрасныхъ сердцевидныхъ наконечниковъ стрѣлъ, нѣсколько также наконечниковъ стрѣлъ съ поперечнымъ остріемъ, ножики съ рукоятками, нуклеусы и обломки разнаго кремневаго оружія. Были тутъ, по показанію г. Глогера, и тонкіе, прямые, узкіе кремешки, съ однимъ краемъ тупымъ, а другимъ—острымъ,—употреблявшіеся при изготовленіи костяныхъ стрѣлъ; найденъ былъ также и небольшой обломокъ шлифованнаго кремневаго т о п о р а.—Наконецъ, богатѣйшая изъ всѣхъ перечисленныхъ, доисторическая стоянка это—восьмая, находящаяся на землѣ имѣнія—Кемпы Гельчинской. Расположена она между рѣками Наревомъ и Бобромъ, близъ устья послѣдняго, среди низинъ и болотъ, на небольшой песчаной возвышенности, которая во время весенняго половодья является единственнымъ островомъ, выступающимъ на обширномъ пространствѣ окружающихъ его водъ. Нигдѣ не встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ, какъ здѣсь, разнаго рода кремневыя стрѣлы, скребки, нуклеусы, разнообразное мелкое кремневое оружіе и т. п. Г. Глогеръ, изслѣдовавшій эту стоянку, такимъ образомъ описываетъ результаты своихъ поисковъ. „Тогда какъ на „Шведскомъ мосту [2])“ найдено только тридцать кремневыхъ стрѣлокъ, въ Кемпѣ Геляжинской ихъ найдено больше чѣмъ въ два раза, и всѣ онѣ вообще замѣчательно красивы. На одной изъ нихъ, напримѣръ, длиною всего въ 2½ ст. и толщиною въ 2 млм, наблюдаются слѣды 174 ударовъ, и притомъ, вмѣстѣ съ замѣчательной симметріей, она такъ мастерски сдѣлана, что края ея представляютъ вполнѣ правильную линію; по своей формѣ, стрѣлка представляетъ правильный трехугольникъ съ нѣсколько вогнутыми сторонами. Изъ другихъ стрѣлокъ обращаютъ на себя вниманіе,—одна—въ формѣ листа со стеблемъ и другая—въ формѣ равносторонняго трехугольника съ изломанными внутрь сторонами. Среди многочисленныхъ нуклеусовъ, разнаго рода скребковъ, наконечниковъ дротиковъ, стрѣлъ и т. п. выдѣляется пилка изъ краснаго кремня. Она настолько красива и стоила такой работы, что, очевидно, не употреблялась при обработкѣ ничего твердаго, о чемъ, между прочимъ, можно судить и по ея полнѣйшей сохранности“.

„Гористые берега Бобра богаты кремнемъ пепельнаго цвѣта, какой обыкновенно встрѣчается на стоянкахъ: очевидно, такимъ образомъ, его не привозили издалека; въ одной только Кемпѣ найдено значительное количество стрѣлъ, оружія и осколковъ изъ краснаго кремня, рѣже встрѣчающагося здѣсь не въ обдѣланномъ видѣ“

---

[1]) Biblioteka Warszawska, 1881 г. Tom I, str. 113

[2]) Одна изъ богатѣйшихъ также стоянокъ на берегу Бобра: см. Гоніондзъ, примѣч.

„Нигдѣ по берегамъ Бобра керамика не представляетъ столько богатства, какъ въ Кемпѣ, но и нигдѣ къ глинѣ не примѣшивался такъ крупно истолченный гранитъ, какъ здѣсь.—Орнаментировка, въ формѣ разныхъ геометрическихъ фигуръ, повторяется здѣсь на многихъ и различнаго вида черепкахъ. На нѣкоторыхъ черепкахъ замѣтны также оттиски шнурковъ различной толщины и формы“. Вообще, по словамъ г. Глогера, археологическая керамика Кемпы Геляжинской заслуживаетъ особаго изслѣдованія [1]).

Перечень первобытныхъ стоянокъ въ предѣлахъ Крипнянской волости долженъ быть пополненъ указаніемъ на богатую коллекцію кремней гр. Флёри, владѣльца им. Кемпы. Преобладающее количество коллекціи составляютъ кремневыя стрѣлки, которыхъ насчитывается здѣсь больше тысячи. Большинство стрѣлокъ имѣетъ форму трехгранныхъ, заостренныхъ, иногда на обоихъ концахъ, призмъ, и всѣ онѣ отличаются изяществомъ работы и разнообразіемъ окраски составляющаго ихъ кремня (преобладаютъ желтый и пепельный съ различными оттѣнками цвѣта). Но особенно тонкою работою отличаются нѣкоторыя миніатюрныя пилки, которыя едва-ли не имѣли значенія зубчатыхъ наконечниковъ стрѣлъ. Въ значительномъ количествѣ входятъ также въ коллекцію кремневые скребки, большею частію, миніатюрной формы и обломки глиняной посуды съ рельефными орнаментами, иногда даже, по мнѣнію гр. Флёри, римскаго характера и эпохи ренессансъ. Большая часть предметовъ коллекціи собрана на мѣстахъ первобытныхъ стоянокъ и городищъ, расположенныхъ въ бассейнѣ рѣки Нарева, и преимущественно въ самой Кемпѣ Гельчинской [2]).

У г. Кнышина есть мѣстность, называемая „Замковой горой“ [3]).—Въ разстояніи одной версты отъ дер. Татаръ, возлѣ самой дороги, ведущей изъ города Кнышина

---

[1]) Z. Głoger.—Osady przedhistoriczne na porzeczu Biebrzy. Zbiór wiadomości do antropologii krajowėj. Krakow, 1882. Tom VI, str. 3—10. Здѣсь же есть указаніе трехъ незначительныхъ стоянокъ на правомъ (ломжинскомъ), пограничномъ съ Крипнянскою волостью, берегу Бобра, именно при деревнѣ Шостакахъ, Бужинѣ и между деревнями Гутки-норы и Себурчиномъ.—Описаніе Кемпо-Гельчинской стоянки неизлишне пополнить замѣткою о ней въ „Gazeta Warszawska“, 1878 г., № 207. „Мѣстность, говорится здѣсь, называемая Кемпой Гельчинской, и расположенная въ Гродненской губ., въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, при впаденіи Бобра въ Наревъ, обратила на себя вниманіе какъ г. Глогера такъ и владѣльца имѣнія гр. Флёри. Гг. эти начали изслѣдовать и убѣдились, что на песчаномъ пригоркѣ, гдѣ среди низинъ и болотъ помѣщаются теперь хозяйскія постройки, находилась первобытная (кремневая) стоянка, а можетъ быть и извѣстное своего времени поселеніе. Дѣйствительно, въ каждой горсти песку, взятой съ дороги около имѣнія (dwora), попадаются стрѣлки, части оружія и осколки кремня, получающіеся при его обработкѣ. Нѣкоторыя стрѣлки и предметы оружія такой прекрасной работы, что могли бы служить украшеніемъ извѣстнѣйшихъ заграничныхъ коллекцій. Наоборотъ, керамика тогдашнихъ насельниковъ Кемпы находилась въ зачаточномъ состояніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ черепки грубыхъ сосудовъ изъ глины и толченаго гранита, находимые то вмѣстѣ съ кремнями, то при копаніи рвовъ въ имѣніи. Вмѣстѣ съ кремневыми остатками попадается (но въ незначительномъ количествѣ) и бронза.—Гр. Флёри устраиваетъ въ своемъ имѣніи нѣчто въ родѣ небольшого музея, который тѣмъ болѣе любопытенъ что, находясь на мѣстѣ первобытнаго поселенія, содержитъ все то, что осталось отъ первобытныхъ насельниковъ“.

[2]) Коллекція гр. Флёри была на выставкѣ IX Археологическаго съѣзда; къ сожалѣнію, отсутствіе ея каталога препятствуетъ популяризаціи этого богатаго матеріала для первобытной принаревской археологіи.

[3]) Сообщ. г. Довнаро-Запольскаго, въ дѣлахъ предварит. комитета IX Арх. съѣзда.

въ г. Тыкоцинъ, на правомъ низкомъ берегу Нарева находятся четыре земляныхъ насыпи (городка) четырехугольной формы. Первая (отъ г. Тыкоцина) изъ нихъ имѣетъ въ длину 30 саж., а въ ширину 20 саж., величина второй 24×23 саж., третьей—25×24 саж. и четвертой—33×28 саж.; разстоянія между ними, считая отъ первой по порядку,—82, 90 и 49 саж. На первой и четвертой насыпи есть по одному валу, первый шириною до 4 саж., а второй—5 арш. По разсказамъ крестьянъ, насыпи сооружены шведами. Разсказываютъ также, что изъ бывшаго (теперь засыпаннаго) на четвертой насыпи колодца, стѣны котораго были уложены внизу мраморомъ, идетъ подземный ходъ (подъ рѣку) въ Тыкоцинъ.

Со дна рѣки Нарева, противъ г. Тыкоцина, извлечено было г. Глогеромъ болѣе сотни каменныхъ шаровъ—орудійныхъ снарядовъ XVI—XVII вв. Всѣ шары могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи: одни изъ нихъ имѣютъ въ діаметрѣ 9 дюймовъ и вѣсятъ 40 фунтовъ, у другихъ же діаметръ 14½ дюймовъ, а вѣсъ 140 фунтовъ. На нѣкоторыхъ изъ шаровъ замѣтны разные знаки [1]. (П.).

Бассейнъ р. Зап. Буга.

85) с. ПРИБОРОВО, 41°18′—51°38′; Приборовской вол., Брестскаго у.

Въ полуверстѣ отъ причтовыхъ, села Приборова, построекъ находится группа кургановъ, изъ которыхъ были выкапываемы человѣческія кости, части не окрашенныхъ гробовъ, кожаные пояса и ленты и стеклянныя бусы (паціорки). Нѣкоторыя изъ откапываемыхъ вещей одинаковы съ употребляющимися до сихъ поръ. (С.).

* *

86) с. РАДЕЖЪ, 41°30′—51°43′, Олтушской вол., Брестскаго уѣзда.

Въ 1½—4 верстахъ (по разнымъ свѣдѣніямъ) отъ с. Радежа, въ уроч. „Збыца", находится среди болота островъ и на немъ пять заросшихъ сосновымъ лѣсомъ кургановъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, во время рубки здѣсь лѣса, подъ корою одного дерева найдена была желѣзная стрѣлка. Въ нѣсколькихъ шагахъ къ С. отъ Збыца— другое урочище „Кревъ" (кровь), къ которомъ находятся три едва замѣтныхъ круглыхъ кургана, имѣющихъ каждый въ діаметрѣ 14 аршинъ и въ окружности 45 шаговъ. По народной легендѣ, въ урочищѣ Збыца происходила битва (отсюда и названіе урочища) шведовъ съ Ордой, а въ ур. Кревъ были погребены убитые. Въ связь съ этими двумя урочищами народная легенда ставитъ еще третье—„Гребенева града", гдѣ будто-бы происходила рада — совѣщаніе воюющихъ сторонъ о мирѣ. — Въ 1882 году одинъ изъ упомянутыхъ кургановъ былъ раскапываемъ изъ любопытства отставнымъ капитаномъ М. Луковцемъ, причемъ, на глубинѣ 1½ аршинъ, обнаруженъ

[1] Biblioteka Warszawska, 1881 г. Т. I, str. 114.

былъ помостъ изъ березовыхъ кругляковъ, отъ которыхъ уцѣлѣла впрочемъ одна кора, но и та разсыпалась при первомъ къ ней прикосновеніи. На этомъ, по свидѣтельству мѣстнаго священника, раскопка была прекращена, хотя и ниже помоста продолжалась еще насыпная земля. По другимъ свѣдѣніямъ, въ курганѣ, кромѣ березоваго дерева, найдено было нѣсколько ножей и нѣкоторое подобіе штыка.

Въ 1881 году при закладкѣ фундамента для Радежской колокольни выкопанъ былъ человѣческій черепъ и нѣсколько костей замѣчательно большихъ по своимъ размѣрамъ; тутъ же найдены были часть сапога (голенище) и суконнаго пояса краснаго цвѣта. Всѣ предметы снова закопаны были на томъ же мѣстѣ.

Въ шести верстахъ отъ села Радежа къ В., въ ур. „Чемерине“, стоитъ ребромъ небольшая каменная плита въ 20×12×5 куб. вершковъ, на одной сторонѣ (южной) которой высѣченъ восьмиконечный крестъ. Высота креста $5^1/_2$ вершковъ, длина верхней перекладины—$1^1/_2$ вершка, - средней $3^1/_8$ в. и нижней—2 вершка; концы креста—въ видѣ шапокъ, а основаніе—въ формѣ широкой подставки. Выше креста—три небольшихъ знака въ видѣ X, съ лѣвой стороны едва замѣтно что-то въ родѣ буквы W На другой (сѣверной) сторонѣ плиты, въ срединѣ, опять два крестика (XX); вверху ихъ - LII, а слѣва—фигура, напоминающая букву U.—По разсказамъ стариковъ, въ этомъ мѣстѣ погребено цѣлое семейство, скрывавшееся здѣсь отъ холеры, свирѣпствовавшей лѣтъ 200—300 тому назадъ въ сосѣднемъ селѣ Олтушѣ.—Въ 10 верстахъ отъ с. Радежа, при проселочной дорогѣ изъ дер. Богуславки въ поселокъ Отятые, лежитъ громадный камень, отъ котораго и вся, прилегающая къ нему, мѣстность получила названіе „Камень“. Камень этотъ имѣетъ въ длину 4 арш., въ ширину $3^1/_4$ арш. и въ вышину (считая и подземную его часть), по словамъ крестьянъ, болѣе двухъ саженей; кругомъ окопанъ.

Въ Радежской церкви есть нѣсколько иконъ итальянскаго стиля, съ славянскими надписями, художественной работы, обнаруживающей, при общемъ копированіи, значительную дозу самостоятельнаго творчества; особенно заслуживаютъ вниманія иконы: Воскрешеніе Лазаря, Благовѣщеніе и Страждущій Спаситель. — Въ церковной библіотекѣ хранится евангеліе, повидимому, львовской печати; въ припискѣ есть дата ҂҃ахка. Въ церкви села Орѣхова есть также евангеліе львовской печати, безъ заглавнаго листа и съ датою въ припискѣ ҂҃ахмг; въ архивѣ хранится королевскій листъ 1679 года. Въ церкви села Олтуша находится древній образъ Христа Спасителя и крестъ ҂҃аѕѳє (?); въ архивѣ есть королевскій листъ 1685 г.

Въ пяти верстахъ на С. отъ села Радежа, въ урочищѣ „Бабинъ мостъ“, замѣтны среди болота слѣды деревяннаго моста. По преданію, мостъ этотъ построенъ былъ какимъ-то войскомъ, чтобы выбраться изъ болота, въ которое его завела баба, указывавшая войску дорогу. (ЗС.У.).

87) с. **ЧЕРСКЪ**, 41°23′—51°44′, Домачевской вол., Брестскаго у.

Въ шести верстахъ отъ церкви къ З. есть песчаный холмъ. Вѣтеръ, разнося отсюда песокъ, обнаруживаетъ массу человѣческихъ костей. По словамъ народа, здѣсь было когда-то прежде кладбище.—Старое также кладбище находится около дер. Леплевки.

Въ 1867 г. крестьянкою дер. Подлужа Ир. Мелянсковой найденъ былъ кладъ, состоящій изъ серебряныхъ монетъ, въ числѣ которыхъ были: 1) Польскія монеты: а) Сигизмунда III: шестигрошовики 1626 года; b) Іоанна Казимира: 30—грошовики (Gulden), 18—грошовики (Orthe), 6—грошовики, мѣдные солиды; с) Августа II: 6—грошовикъ 1702 года. 2) Прусскія монеты: а) Фридриха Вильгельма: орты и 6—грошовики; b) Короля Фридриха II—шестигрошовикъ 1757 г.; 3) Вестъ-Фризскій талеръ 1708 года; 4) Брабантскій 1/4—талеръ Альберта и Елизаветы. безъ года. Кладъ этотъ мѣстной деревенской администраціей былъ доставленъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію [1]).

Въ Черской церкви есть рукописное славянское евангеліе и апостолъ; обѣ книги—безъ заглавныхъ листовъ. На нѣкоторыхъ листахъ находятся славянскія и польскія надписи XVI в.—Въ Домачевской церкви хранится циркулярная грамота Яворскаго и книга визитовъ. (С.).

88) с. **СТРАДЕЧЪ**, 41°21′—51°56′, близъ р. Буга, Мѣднянской вол., Брестскаго у.

Въ ур. Великая Сѣча р. Бугъ, размывая берегъ, постоянно обнаруживаетъ человѣческія кости; здѣсь же лежитъ камень съ изображеніемъ креста и стершеюся уже, впрочемъ, надписью. Все это говоритъ о существованіи въ урочищѣ стариннаго кладбища [2]).

Въ томъ же урочищѣ — Великая Сѣча нерѣдко были находимы разныя военныя принадлежности; такъ, разъ найденъ былъ серебряный гербъ съ такою же короною, который попалъ въ руки евреевъ, въ другой разъ—сабля съ золоченной рукояткой, которая отослана въ Варшавскій археологическій музей. — Народъ считаетъ Великую Сѣчу мѣстомъ битвы русскихъ со шведами.

Въ церкви села Збунина есть два уніатскихъ антиминса ҂їѱ̃.... года и служебникъ львовской печати 1691 года; на послѣднемъ—славянская надпись жертвователя, киноварью. Находившіеся въ церковномъ архивѣ документы напечатаны въ актахъ Виленской археологической коммиссіи.—Въ церкви с. Гвозницы хранится печать съ польскою надписью и изображеніемъ трехъ стоящихъ лицъ, изъ которыхъ среднее возлагаетъ руки на помѣщающихся по его обѣимъ сторонамъ.—Заслуживаютъ также нѣкотораго вниманія старинные крестъ и кадило. (ЗС.).

* * *

---

[1]) Извѣстія Императорскаго Археологическаго общества, 1872 г. Томъ VII. В. I, стр. 5—6. То же см. Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1867 г. № 41.

[2]) Старинныхъ, несомнѣнно, археологическихъ кладбищъ, а также и слѣдовъ первобытныхъ поселеній особенно много наблюдается по лѣвому берегу р. Зап. Буга, на всемъ пространствѣ его теченія по границѣ Мѣднянской и Каменецъ Жировицкой волостей. Такъ какъ это мѣсто лежитъ внѣ описываемаго нами района, — въ Сѣдлецкой губерніи, то мы можемъ позволить себѣ лишь упомянуть только тѣ мѣста, которыя непосредственно прилегаютъ къ Бугу, именно: а) языческое кладбище около дер. Блоткова, б) побережье Буга, густо усѣянное черепками урнъ разнообразнаго вида, близъ дер. Сухры, и в) обширное языческое кладбище при дер. Костомлотахъ. Подробности см. J. Łoski—Brżegi Buga.—Wiadomości Archeologiczne, Tom III, str. 63—78.

89) с. ДОВУЧИНЪ, 42°10′—52°37′, Добучинской вол., Пружанскаго у.

Въ 100 саженяхъ отъ с. Добучина, на землѣ крестьянина Игн. Станкевича, находится земляная насыпь четырехугольной формы, величиною около 60 кв. саженъ. Ни рвовъ, ни валовъ, ни преданій о времени сооруженія насыпи не существуетъ. (П.).

90) с. ЗОСИМОВИЧИ, 42°3′—52°34′, Михайловской вол., Пружанскаго уѣзда.

Въ двухъ верстахъ отъ церкви есть часовня, построенная, по народному вѣрованію, на мѣстѣ явленія Богоматери; въ часовнѣ находится громадный камень, на которомъ три оттиска человѣческой стопы, считаемые народомъ за оттиски стопы Богоматери, явившейся на этомъ именно будто-бы камнѣ. Богомольцы, посѣщая часовню, обыкновенно наполняютъ оттиски водою изъ сосѣдняго колодца и, разнося воду по домамъ, употребляютъ ее въ качествѣ лекарства противъ головной и глазной болѣзни. (С.).

91) г. ПРУЖАНЫ[1]), 42°8′—52°33′, при сліяніи рѣкъ Мухи и Веца.

Около Пружанъ, въ старомъ, теперь уже высохшемъ, руслѣ рѣки Мухавца найденъ поврежденный кремневый ножъ серповидной формы, прекрасной работы. По словамъ г. Глогера[2]), въ коллекцію котораго входитъ теперь этотъ предметъ, пружанскій ножъ напоминаетъ однородные съ нимъ предметы, попадающіеся въ Волыни и на Скандинавскомъ полуостровѣ, и находка его около Пружанъ свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь стародавняго поселенія.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о находкѣ въ Пружанскомъ уѣздѣ кремневаго топора, безъ сверлины, шлифованнаго только у острія[3]).

92) с. ТЕВЛИ, 41°55′—52°20′, Муравьевской вол., Пружанскаго уѣзда.

Въ полуверстѣ отъ д. Можеекъ есть насыпная четырехугольная возвышенность, со слѣдами древняго замка; на ея отчасти холмистой, отчасти ровной поверхности видны слѣды прудовъ и остатки садовой растительности; съ С., В. и Ю. сохранились рвы и валы; входъ съ В. Возвышенность эта называется мѣстными крестьянами „Коренево", по имени послѣднихъ будто-бы владѣльцевъ бывшаго на горѣ замка.—Земляная насыпь, высотою около 3 саженъ, есть также при дер. Глубокой; называется „Лысука".

Въ одной четверти версты отъ дер. Маце находится земляная насыпь — курганъ, высотою около одного аршина.—Небольшой также курганъ, въ формѣ полушарія, находится въ 1½ верстахъ отъ д. Залѣсья. На немъ лежитъ камень, на-

---

[1]) Первоначальное названіе поселенія на мѣстѣ Пружанъ—Добучинъ, т. е., по Крашевскому, дубовая роща. Пружаною=Пожарлою городъ сталъ называться, по преданію, послѣ того, какъ рѣка Муха пожрала ребенка, оброненнаго неосторожной нянькой съ моста. Есть также попытка (Литовскія епархіальныя вѣдомости, 1885 г. №№ 4 и 5) объяснить названіе города въ зависимости отъ имени племени, обитавшаго въ окрестностяхъ Пружанъ.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Пружанахъ см. напр. у г. Бобровскаго: Гродненская губернія. Ч. II, стр. 936 и слѣд.

[2]) Biblioteka Warszawska, 1880 г. Tom I, str. 154.

[3]) Гр. Уваровъ.—Археологія Россіи. Томъ II, стр. 64.

поминающій своею формою сосудъ для молока—„дойницу“, отчего и самый курганъ называется „Дойницей“. Прежде здѣсь находили много костей, что даетъ поводъ предполагать здѣсь старое кладбище, или мѣсто побоища.

Въ разстояніи 150 саженей отъ дер. Чаплей и въ 30, приблизительно, саженяхъ отъ брестско-пружанскаго тракта находится четырехугольная возвышенность, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „могильника“. Окружность ея около 40 саж., вышина—около двухъ аршинъ. На верхней площади этой возвышенности до сихъ поръ сохраняется камень съ явными слѣдами его искусственной обдѣлки: онъ имѣетъ видъ человѣческаго корпуса, въ вертикальномъ положеніи[1]).(С.П.).

* * *

93) с. ХАВОВИЧИ, 42°10′—52°4′, Блотской вол., Кобринскаго уѣзда.

Въ 5 верстахъ на СЗ. отъ села есть небольшой холмъ, называемый въ народѣ „Княжна гора“. Называется такъ потому, что здѣсь будто-бы во время какого-то сраженія убита какая-то княжна. (С.).

94) с. БУХОВИЧИ, 42°7′—52°5′, Подолѣской волости, Кобринскаго уѣзда.

Близъ дер. Зосимовъ, въ лѣсу имѣнія Молодче, на правомъ берегу рѣчки Муховлока, находится 15 кургановъ—высотою отъ 2 до 2½ аршинъ; тринадцать изъ нихъ расположены по одной прямой линіи, а два—въ сторонѣ отъ нея. Сооруженіе кургановъ народъ относитъ ко времени шведской войны.

По разсказамъ стариковъ, и судя по многочисленнымъ находкамъ человѣческихъ костей, въ Подолѣской волости въ прежнее время было много старыхъ кладбищъ, но теперь они обращены подъ пашню, и объ нихъ напоминаетъ только одинъ каменный памятникъ, находящійся на пашнѣ деревни Остромичей.

На полѣ помѣщицы Волковой, возлѣ самого имѣнія, у рѣчки Лишни, крестьянами д. Буховичей найдены были 10 серебряныхъ иностранныхъ монетъ, величиною въ русскій полтинникъ, чекана 1698 года.—На сѣнокосѣ деревни Борковъ найденъ былъ кладъ, лишь часть котораго, отобранная у нашедшаго, составляла 547 рублей серебряною монетою.

Въ Буховичскомъ церковномъ архивѣ хранится планъ принадлежавшей Горбанинской церкви земли, 1599 года. (С. У. П.).

95) с. ЗАЛѢСЬЕ, 42°8′—52°12′, Залѣсской вол., Кобринскаго уѣзда.

Въ уроч. „Краснолѣски“, въ лѣсу помѣщицы Цитовичъ, есть кольцеобразный, какъ будто насыпной, валъ, длиною около двухъ верстъ и вышиною около двухъ саженъ. Въ одномъ мѣстѣ его есть перерывъ, представляющій какъ бы въѣздъ на окружаемую валомъ площадь. Какъ валъ, такъ и внутренняя его площадь находятся теперь подъ лѣсомъ.—Есть преданіе, что здѣсь была крѣпость во время шведской войны.

---

[1]) Труды предварит. комитета IX Археологич. съѣзда. Отд. II, стр. 183.

Въ $2^1/_2$ верст. отъ с. Залѣсья находится холмъ, занимающій площадь въ 500×100 кв. саженей и поднимающійся надъ уровнемъ сосѣдняго болота сажени на двѣ. Съ южной стороны около него тянется какъ бы каменная стѣна, шириною около 2 аршинъ и вершиною своею недостигающая $2^1/_2$ аршинъ до поверхности холма.

Курганы въ районѣ Залѣсской волости находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) Въ им. Прилуки, на берегу Мухавца, есть одинъ курганъ, величиною около двухъ саженъ; на немъ стоитъ крестъ и лежитъ камень; около кургана находимы были человѣческія кости и замки. 2) При дер. Колубели, на лѣвомъ берегу Мухавца, есть два кургана, которые мѣстными крестьянами называются старыми кладбищами. 3) Въ ур. „Осово"—три кургана, вышиною около одной сажени, и въ ур. „Сацково"—одинъ, вышиною до полутора саженъ. Эти четыре кургана расположены на лѣвомъ берегу Мухавца, и около нихъ крестьяне находили человѣческія кости, пули и серебряныя и золотыя кольца. 4) Въ ур. „Гнилица", въ одной верстѣ отъ д. Сельца,—одинъ курганъ, вышиною около 3 саженъ; на курганѣ лежитъ камень, а на камнѣ выбитъ крестъ. 5) Наконецъ, въ ур. „Мохъ", тоже въ одной верстѣ отъ д. Сельца, есть также одинъ курганъ, вышиною около двухъ саженъ.

Въ ур. „Ямскіе", въ трехъ верстахъ отъ села Залѣсья, часто находятъ человѣческія кости.

Въ 1892 году однимъ крестьяниномъ дер. Быстрицы, при распашкѣ своего огорода, найденъ глиняный горшокъ съ 3 ф. 89 зол. серебряныхъ, крайне низкопробныхъ, прусскихъ шестигрошовиковъ и шведскихъ солидовъ. Среди монетъ оказался и одинъ мѣдный пятакъ прошлаго столѣтія [1]). Въ 1885 году на огородѣ кретьянина дер. Девятокъ, В. Пастюка, найдено было его дочерью пять штукъ серебряныхъ монетъ, которыя въ томъ же году и были представлены въ Императорскую Археологическую Коммиссію и, по провѣркѣ здѣсь, оказались—четыре изъ нихъ польскими полтораками, 1623 г., и одна—прусскимъ, 1625 года [2]).

Около им. Павлова есть камень съ старинною, славянскою, повидимому, надписью; въ этой надписи теперь можно разобрать только что-то въ родѣ слова—Ничипоръ. — Камень съ надписью былъ также въ уроч. „Малышинъ", въ двухъ верстахъ отъ села Залѣсья, но лѣтъ пять тому назадъ онъ снятъ былъ крестьянами. (У. П.).

96) г. КОБРИНЪ, 42°2′—52°12′, на р. Мухавцѣ.

Кобринъ—одно изъ старыхъ славянскихъ поселеній съ замкомъ, сооруженнымъ, по всей вѣроятности, кѣмъ нибудь изъ князей волынской вѣтви.—По даннымъ, заключающимся въ инвентарѣ 1597 г., въ Кобринѣ различаются два замка—верхній (горній) и нижній (дольній); каждый изъ нихъ окруженъ былъ валами и башнями,

---

[1]) Архивъ И. А. Коммиссіи, 1892 г., № 75.

[2]) Ibidem, 1885 года, № 17.

въ которыя вели ворота съ подъемными мостами [1]). — Съ 1768 года кобринскій замокъ начинаетъ постепенно упадать [2]), и въ настоящее время отъ него остается, подъ еврейскими лавками, только одинъ фундаментъ.

Остатки, повидимому, также замка наблюдаются на ЮВ. отъ дер. Залѣсья, потомучто здѣсь въ 1886 году обнаружена была канава, въ ширину и глубину около аршина, наполненная камнями, которые производятъ впечатлѣніе фундамента.

Близъ им. Гончаревщины, по дорогѣ изъ Кобрина въ Пинскъ, лежитъ камень съ какою-то надписью, которая вслѣдствіе поврежденности не поддается чтенію; камень—едва-ли не надмогильный.

Въ старой Кобринской церкви есть старинная икона Богоматери. — На колокольняхъ кобринскихъ церквей находятся колокола XVII ст., съ славянскими надписями. (С.).

97) с. **АНДРОНОВО**, 41°59′—52°15′, Стриговской вол., Кобринскаго у.

Въ разстояніи двухъ верстъ къ С. отъ с. Андронова есть небольшой курганъ квадратной формы, съ плоскимъ возвышеніемъ на срединѣ его. Народъ предполагаетъ существованіе здѣсь въ старину кладбища.

Къ Ю. отъ дер. Босячъ, въ трехъ верстахъ отъ Мухавца, есть два небольшихъ кургана, на столько распаханныхъ, что они теперь едва замѣтны; разстояніе между ними около версты, и одинъ изъ нихъ называется шведской могилой, а другой казацкой.

На церковной колокольнѣ села Березы есть два колокола съ славянскою надписью,—одинъ 1774 года, другой 1794. (2С).

98) с. **ЧЕРЕВАЧИЦЫ**, 41°54′—52°12′, на р. Мухавцѣ, Прусской волости, Кобринскаго уѣзда.

Вблизи д. Огородниковъ, недалеко отъ р. Мухавца, находится среди поля курганъ, въ которомъ, по народной молвѣ, погребены воины, павшіе во время какой-то войны.— Въ Черевачицко-Крушничской казенной дачѣ находятся два кургана, называемыхъ саксонскими, потомучто, по народной молвѣ, здѣсь погребены саксонскіе воины [3]).

Въ 1868 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію былъ доставленъ кладъ, состоявшій изъ 1128 монетъ, найденныхъ крестьяниномъ дер. Литвинокъ, Ильею Купришемъ. Въ кладѣ этомъ были полтораки Христины, серебряные рижскіе солиды Густава Адольфа, Христины, Карла Густава, мѣдные литовскіе, польскіе прусскіе, данцигскіе солиды и другія подобнаго рода монеты [4]). (С.).

* *

[1]) Въ приведенномъ инвентарѣ въ числѣ орудійныхъ снарядовъ упоминаются три копы каменныхъ ядеръ,—фактъ несомнѣнно подтверждающій употребленіе каменныхъ шаровъ въ качествѣ орудійныхъ снарядовъ, что для нѣкоторыхъ археологовъ служитъ предметомъ сомнѣнія и заставляетъ ихъ для не малочисленныхъ, до сихъ поръ сохраняющихся, предметовъ этого рода отыскивать другое назначеніе.

[2]) Balinsky.—Starożytna Polska, 1846. Tom III, str. 751 и слѣд. То же см. П. Бобровскій. Гродненская губ. Ч. II, стр. 921 и слѣд.

[3]) Сообщеніе мѣстнаго лѣсничаго.

[4]) Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1868 г., № 16.

99) с. ОРѢПИЧИ, 41°40′—52°18′, Житинской вол., Брестскаго у.

На границѣ Пружанскаго и Брестскаго уѣздовъ, между деревнями — Верхи, Кривляне и Налѣзники, находятся насыпные валы, достигающіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высоты двухъ саженъ. Валы эти, общее протяженіе которыхъ равняется полутора приблизительно верстамъ, вмѣстѣ со рвами, окружаютъ квадратную площадь, извѣстную у народа подъ именемъ „крѣпости кн. Чарторыжскаго“. На этой площади часто попадаются остатки кирпичей, и замѣтны слѣды прудовъ и остатки садовой растительности. Народная молва утверждаетъ, что въ насыпяхъ скрыты богатства бывшаго литовскаго магната.

На крестьянской землѣ дер. Индычей, при дорогѣ изъ дер. Стрѣли въ м. Каменецъ-Литовскъ, находятся два кургана, изъ которыхъ большій имѣетъ въ вышину 2 арш. и въ діаметрѣ 11 арш.; на немъ ростутъ мужжавеловые кусты.—Около этихъ кургановъ попадаются предметы холоднаго исключительно оружія, и не разъ находимы были здѣсь во время полевыхъ работъ какіе-то предметы, въ родѣ медальёновъ [1]). (У.).

100) с. СЕХНОВИЧИ, 41°41′—52°15′, Сехновичской вол., Кобринскаго у.

На землѣ крестьянъ с. Степанокъ, въ ур. „Четырнадцатки“ находятся три, теперь распахиваемыхъ, кургана, которые слывутъ въ народѣ подъ именемъ татарскихъ кладбищъ. Лѣтъ девять тому назадъ курганы были раскапываемы неизвѣстнымъ пріѣзжимъ, но въ нихъ, кромѣ человѣческихъ костей, ничего не было найдено [2]). Едва-ли не то же мѣсто имѣетъ въ виду священникъ села Сехновичей, говоря о существованіи вблизи села стараго кладбища, называемаго то чумнымъ, то татарскимъ. По предположенію священника, послѣднее опредѣленіе болѣе вѣроятно, потомучто при случайныхъ раскопкахъ здѣсь были обнаруживаемы погребенные въ сидячемъ положеніи, среди вертикально поставленныхъ досокъ и съ остатками савана. При костякахъ находимы были также палки, трубки и разные предметы домашняго обихода.

При дер. Конотопахъ, въ ур. „Осово“, выпахиваемы были человѣческія кости, но безъ всякихъ при нихъ вещей. (С. У.).

* *

101) с. ОЗЯТЫ, 41°50′—52°6′, Озятской вол., Кобринскаго уѣзда.

На В. отъ села, въ ур. Загрудьи, видны слѣды насыпныхъ валовъ, которые, по словамъ стариковъ, лѣтъ 100 тому назадъ были насыпаны будто-бы для предохраненія отъ налетѣвшей тогда саранчи, а въ уроч. Чуркахъ, среди холмовъ, есть долина, въ 15 кв. саж., съ ясными слѣдами искусственнаго ея происхожденія.

Въ одной верстѣ на С. отъ села Озятъ, въ ур. Лядкѣ, находится окопъ, занимающій площадь въ 10 кв. саж., а на окружающей его безплодной вообще пло-

---

[1]) На одномъ изъ медальёновъ, переданномъ покойному А. П. Тыртову, были изображены, по словамъ учителя, два воина въ вооруженіи.

[2]) Сообщеніе учителя.

щади есть нѣсколько пунктовъ, отмѣченныхъ густою травяною растительностію. По преданію, въ концѣ прошлаго столѣтія здѣсь былъ лагерь саксонцевъ: окопъ—мѣсто сторожевого поста, а гдѣ густая трава, тамъ, по словамъ народа, стояли солдатскія палатки.

При дер. Старое село находятся, неподалеку одна отъ другой, двѣ довольно большихъ насыпи, въ родѣ кур越 кургановъ, которыя народная молва считаетъ постаментами орудій, построенными во время какой-то стародавней войны. Въ старосельскомъ также лѣсу, въ ур. Рославка, находится цѣлый рядъ подобныхъ же большихъ и малыхъ кургановъ, расположенныхъ по одной прямой линіи съ З. на В., а невдалекѣ отсюда, въ ур. Частомъ, курганы, въ безпорядкѣ, занимаютъ значительную площадь. Послѣдніе курганы имѣютъ форму полушарій со впадинами на верху и съ основаніемъ въ 7 кв. аршинъ; слывутъ въ народѣ подъ именемъ „Могилища". Невдалекѣ отъ Могилища находится, такъ называемое, „Кровяное" болото, въ которомъ, по сказанію старосельцевъ, вода весною бываетъ отмѣнно краснаго цвѣта. Происхожденіе кургановъ въ урочищахъ Рославкѣ и Частомъ народная легенда относитъ къ одному времени и съ ними соединяетъ также недалеко находящееся отсюда ур. „Переспу". По легендѣ, въ ур. Рославкѣ, во время какой-то стародавней, можетъ быть, шведской войны находился лагерь одной изъ воюющихъ сторонъ. Чтобы навѣрняка поразить противника, расположенное въ Рославкѣ войско зашло ему, черезъ ур. Переспу (знач.—переспѣшить т. е. непріятеля), въ тылъ, и въ ур. Частомъ произошла кровопролитная битва, о чемъ свидѣтельствуетъ громадное количество находящихся здѣсь могилъ.

На горѣ „Орнучьи", близъ с. Озятъ, крестьяне нерѣдко находятъ разные предметы, каковы: желѣзные клинки ножей, жуковины (перстни), гвозди, мѣдныя съ ушками старинныя пуговицы, также мѣдныя и золотыя монеты. Нѣкоторыя изъ монетъ восьмиугольной формы и безъ всякихъ надписей и изображеній. Находятся здѣсь, по словамъ крестьянъ, также и „ходячія" деньги, являвшіяся счастливцамъ въ видѣ серебристыхъ барановъ, лошадей и т. п., обыкновенно разсыпающихся моментально при осѣненіи ихъ крестомъ. Находимые на горѣ Орнучьи предметы—остатки, какъ увѣрены мѣстные жители, старого м. Озятъ, находившагося будто-бы на этой горѣ.

На церковномъ кладбищѣ села Озятъ, при отсутствіи камней вообще въ окрестностяхъ верстъ на 10—30, находится нѣсколько большихъ камней съ загадочными рисунками; на одномъ, напримѣръ, камнѣ высѣчены молотокъ и щипцы, на двухъ камняхъ—ножницы и т. п. Признаки-ли это языческихъ временъ кладбища, или простыя эмблемы дѣятельности позднѣйшихъ погребенныхъ здѣсь умершихъ—утверждать ни того ни другого нельзя.

Въ мѣстной церкви есть очень ветхая икона Николая Чудотворца, съ вырѣзанною на ней ризою. Въ нижнихъ углахъ помѣщаются изображенія мужчины, въ казацкомъ костюмѣ, и женщины: это вѣроятно строители храма, по фамиліи, Гайка. Постройка церкви въ с. Озятахъ относится къ XV или XVI вв.; къ тому же времени относится, вѣроятно, и происхожденіе иконы. (С.).

102) с. РОГОЗНА, 41°47′—52°10′, Рогознянской волости, Кобринскаго уѣзда.

Въ селѣ Бульковѣ есть обнесенные рвомъ валы, которые будто-бы насыпаны русскимъ генераломъ Дикеромъ въ царствованіе Екатерины II.

Въ окрестностяхъ села Булькова есть насыпи, или могильные курганы, въ которыхъ, по словамъ стариковъ, погребены русскіе солдаты—суворовцы. На сосѣднюю мызу указываютъ, какъ на мѣсто лазарета изъ временъ образованія этихъ кургановъ.

Въ деревнѣ Волковичахъ найдены разъ старинныя серебряныя монеты, изъ которыхъ нѣсколько монетъ имѣется у владѣльца им. Вульки г. Шутковскаго.

Въ церкви села Рогозны есть пять (одна Спасителя и четыре—Божіей Матери) очень старыхъ иконъ. Въ ризницѣ хранятся двѣ старыя, чеканенныя на мѣди, иконы.—Ап. Петра и влкм. Варвары. — Въ Здитовскомъ церковномъ архивѣ сохраняется копія акта передачи церкви священнику Косовицкому, послѣ бѣгства бывшаго священника отъ преслѣдованія уніатовъ въ 1596 г. (3С. У.).

* *

103) с. МАЛОРЫТА, 41°47′—51°47′, Малорытской вол.. Брестскаго у,

Около с. Збуража находится старинное кладбище.

Въ Малорытской православной церкви есть три старинныхъ иконы: Покровъ Пресвятыя Богородицы, 1658 г., Преображеніе—1649 г. и Николай Чудотворецъ. (2С.).

104) м. КАМЕНИЦА-ЖИРОВИЦКАЯ, 41°30′—52°4′, Каменецжировицкой волости, Брестскаго у.

При деревняхъ Закіе и Приболотье находится по старинному кладбищу, съ камнями безъ всякихъ надписей.

Въ 1889 году, въ дер. Пугачевѣ найденъ былъ крестьяниномъ Ящикомъ на дворѣ, въ ямѣ, глиняный горшокъ съ 220 серебряными полтораками Сигизмунда III; пятьдесятъ экземпляровъ этихъ монетъ находятся теперь въ Гродненскомъ Статистическомъ Комитетѣ [1]. (С.).

105) с. ЗБИРОГИ, 41°34′—52°10′, Збироговской вол., Кобринскаго у.

Въ районѣ Збироговской волости насчитывается четыре группы кургановъ, именно: 1) Въ 30 саженяхъ отъ Московско-Брестской желѣзной дороги, противъ им. Смолина, находится двадцать кургановъ, занимающихъ площадь около ½ десятины. 2) Вторая группа, по словамъ стариковъ, насыпанная одновременно съ первыми курганами расположена среди поля, между дер. Гутовичами и имѣніемъ Поплавами. 3) Третья группа, и по количеству кургановъ и по занимаемой ими площади одинаковая съ первою, находится при дер. Велюнѣ. 4) Четвертая группа, занимающая площадь около ¼ десят., находится съ сѣверной стороны им. Буяковъ.—Нѣкоторые курганы первой и третьей группы были раскапываемы, причемъ въ курганахъ пер-

---

[1]) Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1889 г., № 92.

вой группы попадались человѣческія и лошадиныя кости, а также стремена, подковы, мѣдныя пуговицы, шпоры, шашки и другіе предметы, а въ курганахъ третьей группы были находимы только однѣ человѣческія кости. По словамъ стариковъ, всѣ курганы остались отъ временъ отечественной войны.

Въ полуверстѣ отъ дер. Косичей, на землѣ пом. Боржима, есть кладбище, существующее, по словамъ стариковъ, съ незапамятныхъ временъ; занимаетъ оно площадь около десятины и со всѣхъ сторонъ обнесено рвомъ, глубиною въ $1^1/_2$ арш. Бывшіе здѣсь камни увезены, при постройкѣ Моск.-Брестской желѣзной дороги. (У.).

106) с. **КОСИЧИ**, 41°30′—52°5′, Косичской вол., Брестскаго уѣзда.

Въ разстояніи 200 шаговъ на Ю. отъ дер. Скорбичей, на лѣвомъ берегу рѣки Лѣсны, поднимается небольшая песчаная возвышенность. Въ прежнее время возвышенность эта, по словамъ мѣстныхъ жителей, была подъ лугомъ, впослѣдствіи же здѣсь произведена была распашка поля, но при этомъ обнаружена была такая масса человѣческихъ костей, что распашка должна была быть оставлена, отчасти, впрочемъ, и потому, что растревоженный сохою песокъ съ большимъ трудомъ поддавался обработкѣ. — При изслѣдованіи этого мѣста въ началѣ 80-хъ годовъ К. Ягминомъ на поверхности горы найдено было много разныхъ предметовъ изъ кремня, бронзы и стекла, а также черепки глиняной посуды. Цѣлыхъ сосудовъ и нетронутыхъ могилъ не обнаружено, вслѣдствіе, предполагаемаго изслѣдователемъ, уничтоженія могилъ—песчаныхъ кургановъ отъ дѣйствія вѣтра.—Среди многочисленныхъ предметовъ изъ кремня отличаются по своей оригинальности и обработкѣ слѣдующія находки: два наконечника стрѣлъ изъ сѣраго и темнаго кремня, замѣчательные по своей правильности и законченности формы; двѣ сердцевидныхъ кремневыхъ стрѣлки обыкновенной формы, по весьма красивой отдѣлки; кремневая игла, въ 4 сантиметра длиною, старательно обдѣланная и приспособленная (плоская) на одномъ концѣ для удобнѣйшаго держанія ея въ рукѣ; часть долотечка, съ закругленнымъ намѣренно концомъ, и вслѣдствіе употребленія гладко отшлифованнаго; наконецъ, нѣсколько кремневыхъ ножиковъ, среди которыхъ немало такихъ, которые заканчиваются закругленнымъ остріемъ и т. о. напоминаютъ употребляемые теперь огородниками ножи.—Изъ бронзовыхъ предметовъ лишь незначительная часть (преимущественно фибулы) сохранилась въ цѣлости, большинство же представляетъ обломки. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія предметы: двѣ, такъ называемыя, римскія фибулы, изъ которыхъ одна орнаментирована надѣтыми на ея стержень серебряными колечками; перстень, верхушка котораго орнаментирована спиральными рельефными нарѣзами; свитая изъ двухъ проволокъ булавка, у которой вмѣсто головки загнутъ въ формѣ крючка одинъ конецъ; нѣсколько орнаментныхъ спиралей и, наконецъ, нѣсколько весьма оригинальныхъ бронзовыхъ шариковъ, величиною въ большую горошину; шарики эти сплетены изъ тонкой бронзовой проволоки и представляютъ искусную имитацію ажурной работы. Стеклянные предметы ограничиваются исключительно бусами. Бусы здѣшнія кромѣ стекла состоятъ также изъ стекловидной массы (стекливо), янтаря и дру-

гихъ веществъ. Г. Ягминомъ здѣсь найдено было, не считая множества обломковъ, нѣсколько десятковъ цѣлыхъ бусъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: граненая, продолговатая буса изъ стеклива пепельнаго цвѣта; такой же формы буса изъ трехцвѣтной (розовой, бѣлой, сѣрой) мозаично-перемѣшанной массы, и нѣсколько такихъ же бусъ сѣраго, желтаго, темнаго, рубиноваго и бѣлаго цвѣта, половина послѣдней была облѣплена стекломъ зеленаго цвѣта, что произошло, вѣроятно, во время трупосожиганія; круглая, нѣсколько сплюснутая, буса изъ черной массы, величиною въ лѣсной орѣхъ, украшенная прожилками, въ формѣ пальмоваго листа; обломокъ такой же бусы съ прожилками разныхъ цвѣтовъ; полурасплавленная буса изъ массы небеснаго цвѣта, съ двумя бѣлыми прожилками и съ частью бронзовой проволоки, на которую она была надѣта; черная желобчатая буса; цѣлая буса и половина изъ такой же массы темнокраснаго цвѣта; продолговатая темносапфировая буса; такая-же буса, отчасти прозрачная, что позволяетъ видѣть внутри ея желтую металлическую бляшку; и, наконецъ, здѣсь же слѣдуетъ упомянуть черный шлифованный шарикъ, который могъ быть въ металлической оправѣ и служить верхушкою перстня или кольца. Въ заключеніе перечня находокъ, нужно упомянуть о двухъ обломкахъ костяного гребня, орнаментированныхъ нарѣзными колечками [1]).

Изслѣдовавшій описываемую гору, К. Ягминъ считаетъ ее, не смотря на отсутствіе могилъ, по его, уже упомянутому, предположенію, уничтоженныхъ временемъ, мѣстомъ доисторическаго кладбища и вмѣстѣ, на основаніи значительнаго количества находокъ кремневаго оружія, мѣстомъ первобытной стоянки. С. Глогеръ, осматривавшій это мѣсто въ 1882 году, опредѣляетъ его только какъ первобытную (кремневую) стоянку [2]), замѣчательную, впрочемъ, среди другихъ однородныхъ съ нею тѣмъ, что здѣсь въ большомъ количествѣ попадаются украшенія и предметы изъ бронзы. Подобно К. Ягмину и С. Глогеръ, кромѣ многочисленныхъ осколковъ кремня, ножиковъ, черепковъ, жженыхъ человѣческихъ костей и обломковъ шлифованнаго кремневаго оружія, нашелъ здѣсь нѣсколько мелкихъ обломковъ бронзовыхъ украшеній и въ числѣ ихъ—двѣ фибулы и надѣтую на проволоку бусу изящной работы, приготовленную изъ тонкой бронзовой проволоки [3]).

Въ разстояніи версты отъ с. Шебрина, на берегу Мухавца, есть возвышенная, по предположенію нѣкоторыхъ—насыпная, площадь, величиною около одной десятины и вышиною въ 2 арш.; называется Адамуха, потомучто прежде, по соединенной съ этимъ мѣстомъ легендѣ, здѣсь стоялъ замокъ нѣкоего богача Адама. Не имѣя наслѣдниковъ, повѣствуетъ легенда, Адамъ закопалъ свои деньги на днѣ Мухавца, отведя предварительно воду посредствомъ канала въ сторону. Деньги эти, по народному повѣрью, и теперь нерѣдко всплываютъ въ сундукѣ на поверхность воды для просушки.

---

1) Подробности, а также рисунки нѣкоторыхъ предметовъ см. Wiadomości archeologiczne. Warszawa 1882 г. Tom IV, str. 98 и слѣд.

2) Г. Глогеръ указываетъ въ районѣ Косичской волости и другую, хотя и не такую богатую, доисторическую стоянку, именно—на берегу Буга, въ окрестностяхъ дер. Рѣчицы,—на мѣстѣ, называемомъ (отъ обилія здѣсь песковъ) бѣлой горой.—Biblioteka Warszawska, 1876 г. Tom I, str. 131.

3) Biblioteka Warszawska, 1883 г. Tom I, str. 142.

Въ 12-мъ кварталѣ шебринской лѣсной дачи (повидимому, близъ Адамухи) насчитывается десять насыпей. Одна изъ нихъ, которая больше другихъ,—круглой формы и имѣетъ въ окружности до 6 саженей, а другія — въ видѣ обыкновенныхъ могилъ. Народъ считаетъ насыпи могилами изъ временъ шведско-польскихъ войнъ. Три кургана находятся также въ разстояніи одной версты на Ю. отъ с. Косичей; высота—2 арш., окружность (не поперечникъ-ли?) $2^1/_2$—$3^1/_2$ саж. Найденная среди этихъ кургановъ бомба, величиною въ среднiй кочанъ капусты, хранится у крестьянина Троф. Шевчука. У народа и эти курганы считаются шведскими могилами.

Рядомъ съ описанной выше горой, при дер. Скорбичахъ, находится, съ восточной стороны, такая же другая возвышенность, гдѣ также попадаются въ изобиліи человѣческія кости, мѣдные и перержавѣвшіе—желѣзные предметы и монеты. Изслѣдовавшій это мѣсто, одновременно съ первобытною стоянкою, К. Ягминъ нашелъ здѣсь, между прочимъ, пару бронзовыхъ застежекъ отъ книгъ и нѣсколько монетъ, среди которыхъ были динаріи Александра Ягеллончика и Сигизмунда I, солиды литовскіе Іоанна Казиміра, называемые Боратынками, и солиды Ельбинга и Риги, временъ Сигизмунда III. Находки подобнаго рода свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь стариннаго кладбища, на которомъ, впрочемъ, продолжали погребать умершихъ даже въ XVII ст. [1]). Едва-ли не древнѣе другое старое кладбище, которое находится при дер. Пискурахъ. Оно извѣстно въ народѣ подъ названіемъ шведскаго,—каковой эпитетъ, для мѣстнаго края, представляетъ обычную принадлежность археологическихъ памятниковъ.

На упомянутой выше Адамухѣ крестьянами села Шебрина были находимы въ небольшомъ количествѣ громовыя стрѣлки.

Въ 1867 году крестьяниномъ дер. Шебрина, Сем. Носиковымъ, найденъ кладъ, въ которомъ заключались: I) Польскія монеты: а) Іоанна Казимира: гульдены—1663, 1665 и 1666 гг., орты—1658, 1663, 1666 и 1668 гг., шестаки—1660, 1662, 1663, 1664, 1665 и 1667 годовъ; б) Іоанна III: орты—1684 г., и шестаки—1680, 1681, 1682, 1683 и 1685 годовъ; в) Августа III: орты—1753, 1754, 1755 и 1756 гг.; II) Прусскія монеты а) Фридриха Вильгельма: орты—1685 г., шестаки—1674, 1681, 1684 и 1686 гг.; б) Фридриха III: орты—1699 г.; в) Фридриха I, короля прусскаго: шестаки—1704 и 1706 гг.; III) Испанскія монеты Филиппа IV: $^1/_2$—талеръ 1653 года и $^1/_4$—талеръ 1653 года. Кладъ этотъ доставленъ былъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію [2]).

Въ Косичской церкви есть писанное на пергаменѣ славянское евангеліе. Въ началѣ его польская надпись; въ концѣ евангелія отъ Луки—выцвѣтшая полуславянская полурусская надпись:... Царь... церковь правосл... Дорошенко... Кіевъ... Днѣпръ... Можно упомянуть также о священнической ризѣ, застегивающейся на пуговицы спереди и украшенной орлами; также—о двухъ колоколахъ „Року Божія 1683“.(С.У.).

---

1) Wiadomości Archeologiczne 1882 r. Tom IV, str. 105.

2) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества, 1872 г. Томъ VII. Выпускъ 1, стр. 6.—То же—Архивъ Импер. Арх. Коммиссіи, 1867 г. № 41.

107) г. БРЕСТЪ-ЛИТОВСКЪ, 41°20′—52°5′, при впаденіи р. Мухавца въ Западный Бугъ.

Названіе Бреста, по народной легендѣ, произошло отъ того, что въ бывшихъ здѣсь въ старину болотахъ чуть-было не погибъ одинъ именитый купецъ, который, чтобы выбраться изъ болотъ, долженъ былъ изъ березоваго хворосту выложить мостъ. Въ благодарность за свое спасеніе купецъ выстроилъ на берегу болота церковку и, такимъ образомъ, положилъ начало поселенію, получившему названіе отъ имени деревьевъ, послужившихъ къ спасенію строителя церкви.—Легенда, говоря о происхожденіи Бреста, не даетъ впрочемъ никакого намека на время его основанія, и вообще точный годъ основанія неизвѣстенъ [1]), хотя, безспорно, онъ не позднѣе X вѣка. Въ русскихъ лѣтописяхъ въ первый разъ Брестъ упоминается подъ 1044 годомъ, когда завладѣлъ имъ Ярославъ Мудрый—Кіевскій. Уже и въ это время въ немъ, какъ и въ каждомъ старинномъ городѣ, существовалъ вѣроятно замокъ, который впослѣдствіи былъ разрушенъ монголами и вновь возобновленъ волынскимъ княземъ Владиміромъ Философомъ. Около 1275 года Владиміръ построилъ въ Брестѣ такую же башню, остатки какой до сихъ поръ можно наблюдать около Каменецъ-Литовска [2]). Въ виду исключительнаго, очевидно, положенія Бреста въ настоящее время, слѣдовъ стариннаго замка, какъ это наблюдается по отношенію почти ко всѣмъ старымъ городамъ, здѣсь до настоящаго времени не уцѣлѣло [3]).

По свѣдѣніямъ послѣдняго времени, около Бреста не наблюдается также и кургановъ,—этихъ почти постоянныхъ спутниковъ старинныхъ поселеній, хотя существованіе ихъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія подтверждается свидѣтельствомъ Балинскаго [4]), который со словъ очевидца передаетъ, что „сейчасъ же за городомъ (Брестомъ), на правомъ берегу Мухавца, на равнинѣ расположены к у р г а н ы, или насыпные копцы, изъ которыхъ одинъ особенно возвышается надъ другими. Сдается“, добавляетъ Балинскій, „что это стародавнія славянскія могилы“. Курганы эти уничтожены (неокончательно, впрочемъ) уже въ позднѣйшее время, вслѣдствіе устройства въ Брестѣ крѣпости и происшедшаго отсюда нѣкотораго перемѣщенія городскихъ построекъ: на мѣстѣ кургановъ теперь разбитъ городской садъ, причемъ наибольшему кургану приданъ видъ улитки (ślimaka) [5]).

Около г. Бреста, между Варшавско-Тереспольской желѣзной дорогой и Муховецкою вѣтвью Московско-Брестской, найдены были 153 м о н е т ы, доставленныя потомъ въ 1884 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію. За исключеніемъ одной—брабантскаго полуталера, всѣ остальныя монеты оказались литовскими, польскими

---

[1]) У Ярошевича основаніе Бреста пріурочивается къ 1018 году: Obraz Litwy I, § 20.

[2]) Baliński.—Starożytna Polska, 1846 г. Tom. III, str. 723 и слѣд. Тѣ же свѣдѣнія повторяетъ и И. Бобровскій.—Гродненская губернія. Часть II, стр. 807 и слѣд.

[3]) Старый замокъ стоялъ на поднимающейся надъ городомъ возвышенности, при сліяніи Буга съ Мухавцемъ: Бобровскій, Гродненская губернія, II, 808.

[4]) Starożytna Polska, T. III, s. 736

[5]) Wiadomości Archeologiczne, T. III, 1876 г. str. 77.

и прусскими 6-грошовиками XVII ст. [1]).—Въ окрестностяхъ Бреста попадаются также нерѣдко римскія, византійскія и татарскія монеты [2]).

Изъ церковныхъ достопримѣчательностей Бреста—достойны вниманія мощи и икона св. Аѳанасія Брестскаго, находящіяся въ Брестскомъ православномъ соборѣ [3]).

* * *

108) м. ВЕРХОВИЧИ, 41°10′—52°28′, Верховичской вол., Брестскаго у.

Въ разстояніи 2—3 верстъ къ СЗ. отъ деревни Свинева есть продолговатая возвышеность, называемая „Карловой горой"; верстахъ въ двухъ къ С. отъ нея находятся три насыпи, изъ которыхъ одна выдается среди другихъ своими большими размѣрами. Всѣ насыпи теперь распахиваются, причемъ при распашкѣ были находимы куски сабель и копій, но гдѣ теперь они находятся неизвѣстно.

Въ разстояніи одной версты отъ м. Верховичей, на землѣ им. Копыловъ, находится курганъ, вышиною, приблизительно, въ 4 аршина. Носятся слухи о находкѣ однимъ крестьяниномъ, при распашкѣ поля около кургана, обломка желѣзнаго меча. Другой курганъ находится на полѣ дер. Подбурья; высота его 5 арш., длина—9 саж. и ширина—7 саж. По два конусообразныхъ кургана есть также при хуторѣ Гультаи, въ трехъ верстахъ отъ Верховичей, и при дер. Подбурьѣ [4]), въ пяти верстахъ. Происхожденіе всѣхъ кургановъ народъ относитъ ко времени шведскихъ войнъ.

По дорогѣ изъ Верховичей въ Высоколитовскъ, близъ имѣнія Ольтаи, есть древнее кладбище съ памятниками, въ видѣ простыхъ камней безъ всякихъ знаковъ и надписей.

Въ самомъ центрѣ мѣстечка Верховичей при возведеніи разныхъ построекъ находятъ человѣческія кости.

Въ каждой изъ двухъ православныхъ верховичскихъ церквей находится по чудотворной иконѣ: въ одной древле-православная, очень древняя икона Николая Чудотворца, а въ другой—икона Богоматери, не ранѣе уніатскахъ временъ.

Въ церкви села Омеленецъ есть иллюстрированное евангеліе почаевской печати, 1780 г., и плита съ мощами, 1713 г., съ латинскою надписью. (2С. 2У.).

109) с. ДМИТРОВИЧИ, 41°27′—52°29′, Дмитровичской вол., Брестскаго у.

Въ разстояніи одной версты отъ им. Хомонтины и двухъ верстъ отъ р. Лѣсны, на помѣщичьей землѣ, тянется по направленію ломаной линіи, съ СЗ. на ЮВ., валъ, длиною около 400 саж. Происхожденіе вала народъ относитъ ко времени войны русскихъ со шведами.

При дер. Московицѣ находится старое кладбище, могилы на которомъ обложены вокругъ камнями.

---

[1]) Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1884 г. № 35

[2]) Wiadomości Archeologiczne, Tom. III, s. 77.

[3]) Рисунки раки и иконы, а также и нѣкоторыя свѣдѣнія о св. Аѳанасіи есть въ изданіяхъ Батюшкова,—Холмская Русь и Бѣлоруссія и Литва.

[4]) Сообщ. священника; ср. выше—сообщеніе учителя.

Крестьянкою дер. Пашуковъ Өедос. Шкурдай, при обработкѣ своего огорода, найденъ былъ кладъ, состоявшій изъ литовскихъ, рижскихъ, ливонскихъ и прусскихъ солидовъ, а также изъ польскихъ, познанскихъ и шотландскихъ полтораковъ; всего 304 экземпляра монетъ, среди которыхъ было много поддѣльныхъ. Кладъ этотъ былъ переданъ въ 1884 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію [1]) (У.).

110) м. ШЕРЕШЕВО, 41°52′—52°33′, на р. Подлѣснѣ, Шерешевской вол., Пружанскаго у.

Въ Шерешевской церкви есть чудотворная икона Божіей Матери, съ которой соединяется слѣдующее преданіе. Какой-то червонорусскій бояринъ везъ эту икону изъ Греціи въ свое имѣніе. Когда бояринъ проѣзжалъ мимо Шерешевской церкви, икона остановилась и не хотѣла дальше продолжать пути: фактъ этотъ заставилъ оставить икону въ Шерешевской церкви. Прежде существовала рукописная книга чудесъ Богоматери, но потомъ она сгорѣла.—Въ числѣ церковныхъ книгъ есть евангеліе московской печати, ҂аχоз г.; переплетъ—того же времени. (С.).

111) с. ВЕЛИКІЙ ЛѢСЪ, 41°40′—52°29′, Дворцовской волости, Брестскаго у.

На протяженіи нѣсколькихъ миль, начиная отъ Стараго Бѣловѣжа, сожженнаго шведами, чрезъ Бѣловѣжскую пущу и далѣе чрезъ уроч. Рогатку, Красную горку, Влыверхи, Липки, им. Домброво, великолѣсскій выгонъ и сѣнокосъ, вплоть до урочища Лавы тянется рядъ земляныхъ насыпей—„скопцовъ“, оставшихся, по народному предположенію, отъ шведскихъ войнъ. Разъ, одинъ крестьянинъ срубилъ на скопцѣ сосну и сталъ строить на немъ мельницу, но, не окончивъ постройки, умеръ. Другой разъ, крестьянинъ деревни Шишовой, распахивая поле, запахалъ часть сосѣдняго скопца: въ тотъ же день одинъ изъ пахавшихъ воловъ пропалъ.—Эти два случая поддерживаютъ въ народѣ суевѣрный страхъ по отношенію къ скопцамъ, и потому послѣдніе пользуются неприкосновенностью. (С.).

112) с. РѢЧИЦА, 41°39′—52°33′, на р. Подлѣснѣ, Старуновской вол., Пружанскаго уѣзда.

Село Рѣчица было когда-то цвѣтущимъ имѣньемъ кн. Чарторыжскихъ, но въ 1812 году существовавшій въ немъ замокъ, по разсказамъ стариковъ, былъ разрушенъ, и теперь о существованіи его напоминаютъ только рвы и кое-гдѣ уцѣлѣвшія части фундаментовъ. Одна изъ замковыхъ построекъ, лучшее другихъ сохранившаяся, приспособлена впослѣдствіи для помѣщенія народной школы. При нивеллировкѣ земли около школы въ 1890 году найдено было чугунное ядро, вѣсомъ въ полпуда.

При дер. Антонахъ находится небольшой, поросшій мужжавельникомъ холмикъ.—По разсказамъ стариковъ, здѣсь когда-то хоронили покойниковъ, хотя признаковъ кладбища никакихъ нѣтъ.—Слѣдуетъ также упомянуть о небольшомъ хол-

---

[1]) Архивъ Коммиссіи, 1884 г. № 35.

микѣ, близъ с. Рѣчицы, въ которомъ, по словамъ народа, похоронены будто-бы польскіе повстанцы.

Въ предѣлахъ Старуновской волости хотя и нечасто, но всетаки бывали случаи находокъ громовыхъ стрѣлокъ. Владѣльцы ихъ, вообще, воздерживаются объявлять о своихъ находкахъ, такъ какъ они дорожатъ этими стрѣлками, какъ лѣкарствомъ, употребляемымъ, въ формѣ порошка, при порѣзахъ; часть одной впрочемъ изъ такихъ стрѣлокъ рѣчицкому учителю удалось наблюдать въ рукахъ одной старухи, которая, по ея словамъ, нашла стрѣлку въ купленной для покраски дома бѣлой глинѣ. По словамъ народа, громовыя стрѣлки падаютъ обыкновенно изъ тучъ во время грома, причемъ онѣ тотчасъ скрываются въ землѣ и только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ снова появляются на ея поверхности.

Въ 1888 году при постройкѣ дома въ саду Рѣчицкаго священника находимы были человѣческіе черепа, а крестьянинъ дер. Норовщины, копая на полѣ яму для картофеля, наткнулся на цѣлый человѣческій костякъ. (У.).

113) **м. КАМЕНЕЦЪ-ЛИТОВСКЪ**, 41°29′—52°24′, на р. Лѣснѣ, Каменецъ-Литовской вол., Брестскаго уѣзда.

По свидѣтельству лѣтописца волынскаго, основаніе Каменца принадлежитъ волынскому князю Владиміру Васильковичу (1272—1289) и должно быть отнесено ко времени 1276—1288 гг. Тогда же въ Каменцѣ Владиміръ „създа столпъ каменъ высотою 17 саженей, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань“. Подобный же столбъ и тѣмъ же Владиміромъ построенъ былъ въ Брестѣ и однородный, очевидно, столбъ существовалъ въ Гроднѣ [1]), но изъ нихъ до настоящаго времени сохранился одинъ каменецкій. Приводимъ описаніе этого во многихъ отношеніяхъ любопытнаго памятника со словъ очевидца, наблюдавшаго его въ 1879 году. „Каменецкій столбъ, (значеніе котораго въ смыслѣ военнаго укрѣпленаго не подлежитъ сомнѣнію), занимаетъ мѣсто, господствующее надъ окрестностію, такъ что виднѣется на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, особенно съ сѣверо-восточной стороны (на 15 верстъ). Стоитъ онъ на небольшомъ холмикѣ обрывистаго берега Лѣсны. Самый холмикъ, вѣроятно, насыпной, судя по довольно правильному круглому виду его и крутому подъему на высоту около 2 саженей. Поверхность его вообще очень неровная, представляетъ покатости и къ самому памятнику, такъ что онъ стоитъ въ небольшой котловинѣ, куда стекается часть воды, въ случаѣ дождя или таянія снѣга. Самый столбъ представляетъ круглую башню изъ трехцвѣтнаго и чрезвычайно отвердѣвшаго отъ времени кирпича: темно-желтаго, темно-краснаго и темно-бураго (желѣзняка), такъ что въ общемъ внѣшнія стѣны — буро-краснаго цвѣта. Въ низшемъ своемъ основаніи, около хода во второй этажъ, онѣ выкрошились, особенно въ самой нижней части. Эти выемки (среднею величиною въ два съ половиной кирпича), вѣроятно, произошли отъ дѣйствія стекающейся туда воды и человѣческихъ рукъ. Кладка кирпичей,

---

[1]) См. Ипатьевскую лѣтопись подъ 1277 годомъ.

скрѣпленныхъ твердою, какъ и они сами, глиняною смазкою, обыкновенная, такая же, какъ и теперь практикуется. Стѣны оканчиваются тупыми зубцами, поросшими зельемъ. Нѣкоторыя части оконечностей стѣнъ отвалились. Верхняго свода уже не существуетъ. Онъ рушился, по словамъ мѣстныхъ жителей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кажется, въ 1863—65 гг. онъ еще существовалъ и былъ покрытъ въ то время пластомъ песку съ растущими на немъ травою и деревцами. Высота самой башни достигаетъ 16, а діаметръ—слишкомъ 6 саженей. Внутри уже не осталось почти никакихъ слѣдовъ отъ этажей. О нихъ напоминаютъ теперь только выемки въ стѣнахъ, гдѣ были балки (перегнившіе остатки ихъ существовали еще въ 1864 году) и груды разбитыхъ кирпичей, въ безпорядкѣ сваленныхъ на самомъ нижнемъ сводѣ. Сколько было въ башнѣ этажей,—теперь трудно опредѣлить. По словамъ А. С. Будиловича, ихъ было четыре, считая въ томъ числѣ и подвальный погребъ подъ уцѣлѣвшимъ сферическимъ сводомъ, съ пазухами и кольцеобразнымъ отверстіемъ по срединѣ. Ходъ въ подвалъ теперь ничѣмъ не закрытъ. Въ слѣдующій второй этажъ ведетъ ходъ, который въ настоящее время закрытъ наглухо заколоченными дверями, вдѣланными въ косяки. Надъ верхнимъ косякомъ находится полукруглое отверстіе. Въ 1846 году сохранялись еще остатки дубовой лѣстницы „Богъ знаетъ, какъ давней"; отъ половины башни шли каменныя ступени; своды, хотя были продырявлены какъ сѣть, однако еще сохранялись. Бобровскій утверждаетъ, что каменныя ступени, вмѣстѣ съ дубовыми балками, были еще въ 1863 году. Внутри самого верхняго этажа—слѣды штукатурки. Окна расположены въ четыре ряда и притомъ такъ, что окна перваго ряда приходятся на одной вертикальной линіи съ окнами третьяго ряда, и окна второго—съ окнами четвертаго. Такимъ образомъ, каждое окно низшаго ряда попадаетъ по срединѣ между двумя окнами высшаго ряда. Въ первомъ нижнемъ и слѣдующемъ второмъ рядахъ находится по три узкихъ (въ четыре вершка), съ внѣшней стороны нѣсколько расширяющихся, длинныхъ (въ ростъ человѣка) оконъ, и по одному широкому; въ третьемъ—два узкихъ и одно широкое; въ четвертомъ—два узкихъ и кромѣ того четыре фальшивыхъ. Нѣкоторыя изъ оконъ имѣютъ неправильную форму и скорѣе походятъ на простыя, сдѣланныя въ стѣнахъ, отверстія. Трудно сказать, всѣ-ли эти окна явились одновременно съ постройкой самой башни, или же нѣкоторыя изъ нихъ позднѣйшаго происхожденія. По матеріаламъ для географіи и статистики Гродненской губ. Бобровскаго и географическо-статистическому словарю Семенова, башня — съ тремя окнами, въ видѣ или на подобіе амбразуръ; между тѣмъ по свѣдѣніямъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ Срезневскаго, въ одномъ только четвертомъ этажѣ—четыре большихъ окна, въ четыре стороны свѣта, и пятое—узкое; въ другихъ же этажахъ—окна узкія и длинныя (не указано сколько). Толщина стѣнъ при основаніи достигаетъ двухъ слишкомъ аршинъ... Среди окрестныхъ жителей не сохранилось почти никакихъ, сколько нибудь опредѣленныхъ преданій о происхожденіи и назначеніи столба. Они только знаютъ, что при дѣдахъ и прадѣдахъ онъ тутъ стоялъ точно такъ же, какъ и теперь стоитъ [1]).

---

[1]) В. Балабушевичъ. Каменецкій столбъ.—Литовскія епархіальныя вѣдомости, 1881 г. №№ 24 и 25. Ср. также Baliński,—Starożytna Polska, 1846 г. Tom III, str. 763. П. Бобровскій. Гродненская губернія,

Въ разстоянiи двухъ верстъ къ С. отъ дер. Баранокъ, на лѣвомъ берегу р. Лѣсны, есть урочище Скундрый-Грудъ, которое представляетъ, повидимому, остатокъ городища. Разрушаемая постоянно водою площадь городища теперь имѣетъ не более 1000 кв. саж. и съ сѣверной стороны окружена дугообразнымъ валомъ. Народъ разсказываетъ, что здѣсь когда-то въ отдаленныя времена былъ притонъ разбойниковъ.

Курганы въ районѣ Каменецъ-Литовской волости находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ. а) Въ разстоянiи 1$^1/_2$ верст. на ЮВ. отъ д. Баранокъ находится одинъ полуразрушенный и обложенный снизу крупными камнями курганъ, вышиною въ 1$^1/_4$ арш. б) Въ разстоянiи одной версты на С. отъ той же деревни—два, отстоящiе одинъ отъ другого на 30—35 саж., кургана, вышиною въ 2 и 1$^1/_2$ арш. в) Въ разстоянiи $^1/_3$ версты на С. отъ с. Радости—три кургана: одинъ овальный и два круглыхъ; послѣднiе обложены внизу камнями. Первый курганъ имѣетъ въ высоту 2$^1/_2$ арш., второй, — полуразрушенный,—поднимается теперь едва до 1$^1/_2$ арш., а третiй почти сравнялся съ землею. Крестьянинъ (теперь умершiй) выкопалъ въ одномъ изъ этихъ кургановъ человѣческiя кости и ружейный стволъ. г) Къ З. отъ послѣднихъ кургановъ, на разстоянiи $^1/_4$ версты и на такомъ же отъ р. Лѣсны, находится 11 кургановъ, сгруппированныхъ въ двухъ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого на 50 шаговъ. Средняя окружность этихъ кургановъ равняется 56 арш., а высота—1$^1/_2$ арш. д) Кромѣ того, здѣсь же еще есть шесть небольшихъ возвышенiй,—тоже, по всей вѣроятности, кургановъ, но разрушенныхъ временемъ и пасущимся въ этихъ мѣстахъ скотомъ.—Происхожденiе кургановъ народъ относитъ ко времени стародавнихъ польско-шведскихъ войнъ. Обращаетъ на себя вниманiе по своимъ подробностямъ легенда о курганахъ, которая передается въ с. Радости. Более 700 лѣтъ тому назадъ, говоритъ легенда, около Радости происходила война поляковъ со шведами, и польскiй король окончательно поразилъ шведовъ. Въ благодарность за побѣду король воздвигъ церковь въ честь св. Николая Чудотворца и назвалъ ее Радостскою въ воспоминанiе радости, доставленной королю побѣдой. Въ легендѣ этотъ польскiй король называется Василiемъ.— Отдѣльно отъ перечисленныхъ кургановъ въ народномъ представленiи стоитъ почти разнесенный вѣтромъ курганъ, находящiйся на В. отъ села Чернянъ: по словамъ народа, это военная могила 12-го года.

Часть II, стр. 1047. Памятная книжка Гродненской губернiи за 1866 годъ. Вѣстникъ Западной Россiи, 1870 г. Томъ II, стр. 322 и др. Рисунки Каменецкой башни, весьма, впрочемъ, неудовлетворительные и дающiе только лишь общее о ней понятiе, есть въ Запискахъ Императорской Академiи Наукъ, 1865 г., кн. VI, I, въ альбомѣ—Albóm widoków gub. Grodzieńskiej zrysowane z natury przez Napoleona Ordę, Warszawa, 1878 г. Seria IV, и въ Живописной Россiи изд. Вольфа, С.-Пб. 1882 года. Томъ III, стр. 188. Въ свѣдѣнiяхъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, стр. 101, приводится, неимѣющее, впрочемъ, особаго значенiя, соединенное съ башнею преданiе, именно: „каменецкую башню строили великаны („верблюды"), стоя на колѣнахъ, во удивленiе грядущему поколѣнiю: не было топора, и ступилъ верблюдъ однимъ шагомъ за двѣ версты и прозвалась оттого деревня Ступичевомъ". По разсказу же одного крестьянина, столбъ—даже надгробный памятникъ вождю верблюдовъ.—Въ Пружанскомъ уѣздѣ и даже у сосѣднихъ поляковъ столбъ вошелъ въ пословицу: о человѣкѣ, некстати долго и неподвижно стоящемъ, говорятъ—„Каменецкiй столпъ", или, что одно и то же, „Stoi jak kamieniecki Słup".

Въ разстояніи ¼ верст. на ЮВ. отъ д. Баранокъ находится стародавнее кладбище, гдѣ на могильныхъ, очевидно, камняхъ замѣтны высѣченные кресты и какіе то въ родѣ буквъ знаки.

На всемъ пространствѣ Каменецъ-Литовской волости попадаются кремневыя стрѣлки, но особенно часто онѣ находимы были около южной и западной сторонъ с. Радости.

Жители западной окраины села Радости при копаніи ямъ на своихъ дворахъ часто находятъ кости.

Крестьянинъ дер. Баранокъ Андрей Велевецъ лѣтъ десять тому назадъ нашелъ на своемъ огородѣ обложенный кирпичами бѣлый горшокъ съ кожанными деньгами. Величина кожанныхъ монетъ, по его словамъ, примѣрно, такая же,—какъ серебрянаго рубля. Съ одной стороны монетъ была какая-то надпись и двуглавый орелъ, а съ другой—всадникъ съ саблею въ приподнятой рукѣ. Всѣхъ монетъ было около гарнца, но, за исключеніемъ трехъ, которыя впослѣдствіи Велевецъ продалъ одному изъ служащихъ въ им. Баранкахъ, онъ ихъ, вслѣдствіе насмѣшекъ сосѣдей надъ его находкой, выбросилъ.—Одиночныя находки золотыхъ монетъ были въ упомянутомъ выше урочищѣ Скундрый Грудъ. Въ томъ же урочищѣ находимы были черепки глиняной посуды, вилки (?), ножи (?) и т. п.

Церковный отдѣлъ. Въ Каменецъ-Литовской церкви сохраняются двѣ прекрасной работы иконы изъ древняго иконостаса Воскресенской церкви.—Въ церкви с. Радости икона Николая Чудотворца древнѣе, очевидно, 1547 года, такъ какъ она упоминается въ фундушевой записи этого года.—Была и въ селѣ Чемерахъ чудотворная икона Спасителя, рукописное описаніе которой и ея чудесъ, 1778 г., хранится въ церкви, но она была отнята католиками.—Въ церкви с. Радости было старинное евангеліе, но оно увезено инспекторомъ народныхъ школъ Янучковымъ, для передачи въ С.-Петербургскую, или въ Виленскую публичную библіотеку. (3С. У.).

114) с. ВОЙСКА, 41°19′—52°24′, Войсковской волости, Брестскаго уѣзда.

Между селомъ Войска и деревнями Лисовчицы и Проходы, на землѣ помѣщицы Гутовской находится курганъ (?—могильникъ), занимающій пространство около десятины; слыветъ въ народѣ подъ именемъ шведскаго могильника. Раскопокъ никто здѣсь не производилъ, но, по слухамъ, во время распашки находящихся около кургана полей находимы были человѣческія кости и обломки штыковъ.—Курганы въ предѣлахъ Войсковской волости находятся также при слѣдующихъ деревняхъ: при Мончакахъ—1 курганъ, Кащеникахъ—два, Перковичахъ—одинъ, Русилахъ—два, и Лускалахъ, Ганцевичахъ и Любашкахъ—по одному. Близъ послѣднихъ двухъ кургановъ по временамъ были находимы обломки мечей, копій и другія металлическія вещи.

Во многихъ мѣстахъ Огородникскаго прихода народъ подозрѣваетъ существованіе могилъ изъ временъ шведскихъ войнъ, потомучто въ этихъ мѣстахъ часто попадаются металлическія пуговицы и разные обломки желѣзнаго оружія.

Въ Малоельненской православной церкви есть двѣ древнихъ иконы,—Архангела Михаила и св. Александра Невскаго. Третья старинная икона Богоматери, суще-

ствующая, по свидѣтельству книги визитовъ, съ незапамятныхъ временъ, находится въ приписной церкви.

Въ Войсковскомъ церховномъ архивѣ хранится фундушевая запись Вишневецкаго на землю, 1590 года. (2С. У. П.)

115) с. **РАТАЙЧИЦЫ**, 41°19′—52°20′, Ратайчицкой вол., Брестскаго у.

Курганы въ предѣлахъ Ратайчицкой волости находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ. а) Въ разстояніи 1/4 версты на В. отъ дер. Шостакова—21 курганъ, вышиною въ 1—2 арш; всѣ обложены камнями. б) Въ разстояніи 1/2 версты отъ той же деревни и въ томъ же направленіи—еще 21 такихъ же кургановъ. в) Въ разстояніи 20 саж. къ С. отъ послѣдней группы — 2 кургана, вышиною въ 1 1/2 арш., и оба обложены камнями. г) Въ полуверстѣ отъ им. Миньковичей къ ЮЗ., на возвышенномъ мѣстѣ,—30 кургановъ, занимающихъ площадь въ 500 кв. саж.; большинство изъ нихъ обложено камнями и имѣетъ въ вышину 1 арш. д) Въ разстояніи 1/4 в. отъ того же имѣнія къ Ю., также на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ,—10 кургановъ въ 1 1/2 арш. вышины и ниже; всѣ обложены камнями. е) Въ 40 саженяхъ отъ послѣдней группы, на пространствѣ 400 кв. саженей,—25 кургановъ; большинство распахано; уцѣлѣвшіе обложены камнями. ж) Въ полуверстѣ отъ дер. Хошинова, на возвышенной площади въ 800 кв. саж.,—64 кургана; нѣкоторые вышиною до 2 арш., но большинство почти сравнялось съ землею; уцѣлѣвшіе обложены камнями. з) Въ 40 саженяхъ отъ им. Горокъ, въ дубовыхъ и кустарниковыхъ порosляхъ,—11 обложенныхъ камнями кургановъ; большинство вышиною въ 1 арш. и) Въ 30 саженяхъ къ В. отъ послѣдней группы, на пространствѣ 2000 кв. саженей, среди березовыхъ и кустарниковыхъ порослей,—230 кургановъ, изъ которыхъ многіе достигаютъ 1 1/2 аршинъ вышины; всѣ обложены камнями. і) Въ полуверстѣ отъ им. Горокъ, на возвышенномъ мѣстѣ, въ сосновомъ лѣсу,—7 обложенныхъ камнями кургановъ. к) Близъ Тростяницкаго приходскаго кладбища, среди полей, на пространствѣ 400 кв. саженей,—75 кургановъ, вышиною въ 1 1/2 арш. л) Въ 100 саженяхъ къ С. отъ фол. Розалино—1 курганъ, вышиною до 3 арш. м) При дер. Броневичахъ, въ 1/4 версты отъ р. Лѣсны, на возвышенномъ мѣстѣ,—1 курганъ, вышиною до 3 аршинъ. н) Въ 100 саженяхъ къ С. отъ д. Ратайчицъ, на пространствѣ 1200 кв. саж.,—55 кургановъ; нѣкоторые достигаютъ въ высоту аршина, но большинство распахано; курганы были обложены камнями, которые теперь, впрочемъ, растасканы крестьянами для своихъ надобностей.—Всѣ перечисленные курганы слывутъ въ народѣ подъ именемъ шведскихъ могилъ [1]).—Приведенный рядъ кургановъ, повидимому, пополняется сообщеніями мѣстнаго духовенства, гдѣ указываются: а) двѣ группы кургановъ (по 20 въ каждой), въ разстояніи 1/4 версты на СЗ. отъ села Церковниковъ, б) одинъ четырехугольный, въ 10 кв. саженей, курганъ, находящійся въ 200 саженяхъ отъ им. Кругеля и в) два (вмѣсто одного) кургана въ такомъ же разстояніи отъ им. Розалино. При случай-

---

[1]) А. Шритеръ.—Топографическія свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ Гродненской губ., стр. 19—21.

ной раскопкѣ кругельскаго кургана найдены были человѣческіе черепа и кости; при раскопкѣ церковниковскихъ кургановъ, кромѣ костей, попадаются обломки оружія и мѣдныя вещи. Розалинскіе курганы, по сообщенію мѣстнаго священника, народъ считаетъ памятниками 12-го года, остальные—шведскими могилами.

Около им. Горокъ, кромѣ названныхъ кургановъ, насчитывается до 150 могилъ, обозначенныхъ камнями.

Близъ деревни Ратайчицъ были находимы кремневыя стрѣлки.

Въ недавнее время одинъ изъ крестьянъ упомянутой сейчасъ дер. Ратайчицъ нашелъ, при обработкѣ своего огорода, на глубинѣ $^3/_4$ арш., глиняный горшокъ съ монетами разной величины и формы; монеты были серебряныя, мѣдныя и изъ низкопробнаго серебра (золотыхъ нѣтъ), и на нихъ замѣтны были какія-то изображенія. Въ настоящее время монеты сохраняются у разныхъ лицъ названной деревни. Въ 1889 году также горшокъ съ серебряными деньгами найденъ былъ крестьяниномъ дер. Шостакова, Левчукомъ; всѣхъ монетъ — сорокъ, изъ нихъ нѣсколько испанскихъ 1622--82 годовъ, нѣсколько австрійскихъ — Альберта и Елизаветы, и нѣкоторыя бельгійскія 1600—23 гг. [1]).

Въ Тростяницкой церкви хранится фундушевая запись Александры Ходкевичъ, 1541 г. — Въ Кругельской церкви есть евангеліе въ $^1/_2$ листа львовской печати, 1670 г. (3С. 2У. П.).

116) с. ЛЫЩИЦЫ, 41°13′—52°16′, Лыщицкой вол., Брестскаго у.

Курганы въ предѣлахъ Лыщицкой вол. находятся близъ деревень Яцковичей и Полубятниковъ и недалеко отъ села Щитниковъ. Яцковичскіе курганы обложены камнями, а курганы—близъ Щитниковъ въ прежнее время представляли почти сплошную мостовую, но камни отсюда увезены были для крѣпостныхъ построекъ въ Брестъ. Происхожденіе яцковичскихъ и полубятичскихъ кургановъ народъ относитъ ко времени польско-шведскихъ войнъ.—Нѣсколько курганныхъ группъ насчитывается также въ приходскомъ районѣ села Остромечева; въ здѣшнихъ курганахъ попадаются человѣческія кости и куски желѣза. Жители Остромечева называютъ курганы шведскими могилами и разсказываютъ о происходившихъ въ окрестностяхъ села жестокихъ войнахъ, отъ которыхъ будтобы получило свое названіе и самое село.

Въ церкви села Сычей есть крестъ изъ чернаго дерева, обложенный серебряными пластинками, 1674 года, и икона Богоматери, писанная на пергаменѣ, не позднѣе 1698 г. Здѣсь же сохраняется серебряная чаша 1698 года, и есть колоколъ XVIII ст. (4С.).

117) м. ЧЕРНАВЧИЦЫ, 41°26′—52°13′, Турнянской вол, Брестскаго у.

Въ полуверстѣ отъ дер. Коростичей, на лѣвомъ берегу рѣки Лѣсны, на пространствѣ 50×150 квадр. саженей расположено нѣсколько то параллельныхъ, то пересѣкающихся подъ углами различной величины валовъ, съ рвами въ проме-

---

[1]) Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1889 г. № 92.

жуткахъ между ними; высота валовъ надъ уровнемъ рѣки около 10 саж. [1]). То же, очевидно, мѣсто указывается и въ сообщеніи волостного писаря, но здѣсь оно называется полукруглою земляною насыпью, длиною въ 215 саж. и высотою, со стороны рѣки, въ 18 саж.

Въ трехъ верстахъ отъ м. Чернавчицъ, по дорогѣ въ д. Турну, находятся, не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другого, два, теперь распахиваемыхъ, кургана, высотою около одного аршина. По словамъ стариковъ, въ курганахъ погребены воины изъ временъ шведской войны. Разсказываютъ также, что во время запашекъ здѣсь находили заржавѣвшія части оружія, а одинъ крестьянинъ нашелъ даже штыкъ и саблю, но, послѣ полученнаго имъ во снѣ приказанія, долженъ былъ зарыть ихъ обратно.

Близъ д. Лашевичей есть старое кладбище. На немъ лежитъ много большихъ и средней величины камней, съ высѣченными на нихъ грубой работы четырехконечными крестами; на одномъ, между прочимъ, камнѣ по правую сторону креста замѣтенъ знакъ въ родѣ буквы П, по лѣвую —латинскія буквы L и S, а внизу—два косыхъ креста въ родѣ знака умноженія. Народъ считаетъ это мѣсто общимъ для православныхъ и католиковъ кладбищемъ изъ временъ уніи.—Другое старое кладбище находится близъ усадьбы чернавчицкаго священника; памятниковъ никакихъ нѣтъ, но въ срединѣ его находится ревностно охраняемое прихожанами (обсадили вербой) углубленіе, гдѣ, по народному повѣрью, провалилась въ землю стоявшая здѣсь нѣкогда церковь.

На колокольнѣ села Покръ есть два колокола 1664, и 1696 г.

Въ концѣ села Чернавчицъ стоитъ кирпичный, съ чугуннымъ крестомъ на верху, столбъ, современный, по преданію, основанію чернавчицкой церкви, въ 1600 г. (С. 2У. П).

118) с. МОТЫКАЛЫ, 41°15′—52°11′, Мотыкальской вол., Брестскаго уѣзда.

При селѣ Шумакахъ, на лѣвомъ берегу р. Лѣсны, въ одной верстѣ отъ р. Зап. Буга, есть земляная насыпь, окруженная съ сѣверной, западной и южной сторонъ рвомъ и валомъ. Форма насыпи четырехугольная. Ровъ и валъ длиною около ½ версты; ширина рва около двухъ саженъ, вала — около трехъ, высота вала не болѣе одной сажени. На открытой, восточной сторонѣ укрѣпленія находится каменный фундаментъ, и видна часть подвальнаго помѣщенія; фундаментъ длиною болѣе 20, а шириною около 10 саж.—Преданіе гласитъ, что здѣсь былъ въ началѣ XVII ст. замокъ, въ которомъ жилъ Іоаннъ Шуйскій, подкоморій брестскій.

Въ им. Вистицахъ, осенью 1880 года, при рытьѣ рва для фундамента сѣчкарни, рабочіе, на глубинѣ не болѣе фута, наткнулись на три глиняныхъ урны, наполненныхъ пережженымъ прахомъ. Урны приготовлены были изъ темно-сѣрой глины и имѣли форму употребляющихся до сихъ поръ горшковъ. Около урнъ никакихъ предметовъ, ни, вообще, чего-бы то ни было, напоминающаго могилу, найдено не было: урны просто

---

[1]) Сообщеніе учителя с. Чернавчицъ и священника с. Покръ.

вкопаны были въ землю. Равнымъ образомъ, и, послѣ изслѣдованія сосѣдняго пространства, никакихъ признаковъ кладбища не обнаружено [1]). Слѣды же стараго кладбища, по сообщенію мѣстнаго священника, находятся въ разстояніи одной версты отъ с. Вистицъ, за дер. Скорбичами. По вырубкѣ росшаго прежде на кладбищѣ лѣса, вѣтеръ, разнося песчаные холмики, обнаружилъ здѣсь человѣческія кости, вмѣстѣ съ нѣкоторыми вещами, каковы—крестики серьги, и проч. [2]).

Крестьянами дер. Нехолстовъ не разъ были находимы клады, состоявшіе преимущественно изъ монетъ Казиміра; попадались иногда въ числѣ монетъ и трехугольныя. Вчастности, какъ несомнѣнно достовѣрный фактъ слѣдуетъ отмѣтить находку крестьяниномъ д. Нехолстовъ В. Самолюкомъ 459 монетъ. Въ 1885 году монеты эти были доставлены въ Императорскую Археологическую Коммиссію, по провѣркѣ которой, среди нихъ оказались одна копейка Іоанна Грознаго и одинъ данцигскій 18-грошовикъ Іоанна Казиміра; большинство же монетъ составляли польскіе и рижскіе полтораки и ливонскіе и прусскіе серебряные и мѣдные солиды [3]).

Въ олтарѣ Вистицкой церкви находится икона Богоматери, которая пользуется почитаніемъ и за предѣлами прихода.—Изъ другихъ церковныхъ вещей обращаютъ на себя вниманіе: старинное напрестольное евангеліе, древняя плащаница, разнообразные рисунки на которой вышиты серебряными пластинками, и колоколъ 1692 года. (С. П.).

* *
*

119) с. **ПОЛОВЦЫ**, 41°2′—52°28′, Половецкой вол., Брестскаго у.

Въ разстояніи одной версты на СЗ. отъ села Зубачей тянется по направленію ломаной линіи, съ Ю. на С., насыпной валъ, длиною около 30 саж.—Такой же приблизительно длины и, по всѣмъ признакамъ, искусственнаго происхожденія валъ находится въ нѣкоторомъ разстояніи на ЮВ. отъ с. Песчатки.

Въ одной верстѣ отъ им. Клюковичей, недалеко отъ рѣчки Пульвы, находится земляная насыпь, называемая городищемъ. Насыпь четырехугольной формы, величиною въ 50×40 кв. саж. [4]), и окружена со всѣхъ сторонъ рвомъ, шириною около $1^1/_2$ саж., и валомъ, высотою не болѣе $1^1/_2$ аршина. Въѣзды—съ С. и Ю. [5]). Площадь городища—ровная, мѣстами—поросшая кустарникомъ. По народной молвѣ, сооруженіе городища относится ко времени шведской войны.—Другой окопъ находится въ уроч. „Замчиско“, въ 8 саженяхъ отъ рѣчки Пульвы, на землѣ им. Янцевичей; онъ имѣетъ круглую форму и обнесемъ валомъ, шириною около 4 саж. и вышиною въ 2 сажени; окружность 79 саж. [6]); входъ со стороны рѣки Пульвы. Происхожденіе и

---

[1]) Wiadomości Archeologiczne, 1882 г. Tom IV, str. 105.
[2]) Подробности о скорбичекихъ кладбищахъ см. въ описаніи волостного района, къ которому принадлежитъ дер. Скорбичи,—с. Косичи.
[3]) Архивъ Коммиссіи, 1885 г., № 17.
[4]) Сообщеніе волостного писаря; по сообщенію учителя—1 десятина и 1200 кв. саж.
[5]) Въ сообщеніи учителя съ З. и В.
[6]) По сообщенію учителя—около 35 саж.

этого городища народная молва относитъ ко времени шведской войны, хотя уже въ 1694 году, въ хранящихся въ церкви села Зубачей документахъ, городище называется старымъ замчискомъ.—Слѣдуетъ также отмѣтить, такъ называемую, гору „Битву“, находящуюся въ нѣкоторомъ разстояніи на СВ. отъ села Зубачей и, по своему положенію—среди болотистаго луга, дающую основаніе думать объ ея искусственномъ происхожденіи. Окружающій „Битву“ болотистый лугъ носитъ характерное, съ археологической точки зрѣнія, названіе—„кровавый лугъ“ [1]),

Въ 250 саженяхъ отъ дер. Лумны есть 6 курганов ъ, вышиною въ одну сажень каждый; и два кургана, вышиною около 2 аршинъ, находятся въ лѣсу, возлѣ дер. Клюковичей. И тѣ и другіе курганы расположены на помѣщичьихъ земляхъ; называются у народа копцами, и происхожденіе ихъ относится ко времени шведской войны.—Около восьми кургановъ насчитывается также близъ упомянутаго выше вала при с. Песчаткѣ.

Вблизи села Песчатки и дер. Суходола, на крестьянскихъ поляхъ, встрѣчаются большіе стоячіе камни, называемые мѣстными крестьянами „татарскими могилками“, а вблизи дер. Ставищъ находятся небольшія земляныя (могильныя) насыпи съ лежачими на нихъ камнями; эти послѣднія называются у крестьянъ „шведскими могилами“,

На мѣстѣ причтовой усадьбы села Половцевъ при копаніи земли вырываютъ, обыкновенно, человѣческія кости. (2У, П.).

120) м. **ВЫСОКО-ЛИТОВСКЪ**, 41°4′—52°22′, Высоко-Литовской вол., Брестскаго у.

Въ имѣніи гр. Потоцкой уцѣлѣла часть фронтовой стѣны бывшаго двухэтажнаго древняго каменнаго дворца кн. Павла Сапеги. Дворецъ этотъ былъ обнесенъ насыпнымъ землянымъ валомъ, въ видѣ четырехугольника, достигающимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четырехсаженной высоты, и обведенъ рвомъ съ водою. Большая часть вала, покрытаго густой растительностію, и до сихъ поръ весьма хорошо сохранилась. Также хорошо сохранились на сѣверной сторонѣ и каменныя ворота. Здѣсь находятся обширные амбары, комнаты для гарнизона, двѣ башни съ бойницами и блокъ для поднятія моста. Подъ самымъ дворцомъ, какъ и до сихъ поръ можно наблюдать, находились подвалы, откуда начинались сводчатые подземные ходы, шедшіе подъ валами и далеко выходившіе по направленію на ЮЗ.,—къ зданію монастыря, находившагося въ разстояніи одной версты отъ укрѣпленія, и къ небольшому лѣску, росшему въ полутораверстномъ разстояніи отъ укрѣпленія. Сильно поврежденный въ XVIII столѣтіи, замокъ былъ возобновленъ Михаиломъ Сапегою, но въ 1812 году онъ подвергся вторичному разрушенію.

Въ полуверстѣ отъ дер. Коваланъ находится валъ, называемый баттарея, и въ разстояніи одной версты отсюда—другой такой же валъ, извѣстный подъ тѣмъ же названіемъ. Первый распаханъ, а второй покрытъ большимъ количествомъ камней.

---

[1]) По характерности наименованія обращаютъ на себя вниманіе также и помѣщенное въ заглавіи село Половцы и лугъ—„Бонякъ“, расположенный недалеко на ЮВ. отъ с. Песчатки.

Въ промежуткѣ между валами протекаетъ ручей, въ которомъ находятъ ядра и осколки гранатъ.—Народная молва приписываетъ происхожденіе валовъ шведамъ.

При деревнѣ Свитычахъ, на землѣ, принадлежащей помѣщику А. Вислоцкому, есть, примѣрно, до 25 кургановъ, изъ которыхъ многіе уже срыты, или распаханы, а нѣкоторые уцѣлѣли до настоящаго времени и имѣютъ болѣе двухъ саженей (?) высоты. На одномъ изъ нихъ есть, между прочимъ, два камня,—одинъ съ крестомъ, а другой съ славянскою (неразборчивою) надписью. Лѣтъ 35 тому назадъ нѣкоторые изъ этихъ кургановъ были раскапываемы помѣщикомъ Н. Вислоцкимъ, причемъ, по разсказамъ крестьянъ, въ нихъ найдены человѣчекія кости, зола, крестики, желѣзныя кольца и т. п.—Нѣсколько кургановъ находится также въ самомъ мѣстечкѣ Рясне. И тѣ и другіе курганы народъ считаетъ шведскими могилами.

Въ приходскомъ районѣ с. Токарей есть два старыхъ, заросшихъ лѣсомъ, кладбища; на находящихся здѣсь камняхъ замѣтны кресты.

Въ предѣлахъ Высоко-Литовской волости не разъ были находимы громовыя стрѣлки, хотя точное обозначеніе мѣста имѣется только по отношенію къ одному случаю находки; мѣсто это,—такъ называемыя, „осины", близъ села Токарей.

На полѣ упомянутой выше дер. Свитычей, года три тому назадъ, найденъ былъ крестьяниномъ О. Кулешею кладъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 200 мѣдныхъ монетъ разной величины, временъ Императрицы Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны; нѣкоторыя изъ монетъ съ одной стороны были—накладного серебра. Пятнадцать монетъ этого клада теперь находятся у учителя Кринецкаго народнаго училища, О. Нестерука.—Въ 1887 году въ Импер. Археол. Коммиссію былъ доставленъ брабантскій талеръ 1623 года, найденный крестьяниномъ дер. Хусичей Кондратюкомъ въ имѣніи гр. Потоцкой, Александріи [1]). (ЗС. ЗУ. П.)

121) м. **ВОЛЧИНЪ**. 41°1′—52°18′, на р. Пульвѣ, Волчинской вол., Брестскаго у.

Въ одной изъ корреспонденцій въ редакцію Библіотеки Варшавской [2]) г. Глогеръ упоминаетъ о находкѣ небольшого количества (горсть) кремневыхъ осколковъ и болѣе или менѣе поврежденныхъ предметовъ оружія изъ кремня на песчаной равнинѣ, расположенной невдалекѣ отъ дер. Гремячей, близъ рѣки Пульвы. Фактъ этотъ, по его словамъ, свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь первобытнаго поселенія.— Подобные же слѣды первобытныхъ поселеній указываются еще въ другихъ трехъ мѣстахъ Волчинской вол., именно: а) около устья р. Пульвы, б) около поселенія, называемаго Бандугой, и в) при дорогѣ изъ Немирова въ Кринки [3]).

Въ дер. Гремячахъ находится сплошная четырехугольная земляная насыпь, длиною въ 26 саж., шириною въ 11 саж. и вышиною до 4 аршинъ. По срединѣ насыпи много необдѣланныхъ камней, причемъ на двухъ изъ нихъ высѣчены маленькіе кресты.—Мѣстные крестьяне называютъ эту насыпь „могилками".

---

[1]) Архивъ Коммиссіи, 1887 г., № 35.
[2]) Biblioteka Warszawska, 1877 г. Tom I, str. 146.
[3]) Idem, 1876 г. Tom I, str. 131.

Въ одной верстѣ отъ села Ставы, налѣво отъ дороги, ведущей въ им. Яцковичи, на возвышенномъ мѣстѣ, есть около 10 небольшихъ, кругловатыхъ, земляныхъ насыпей, называемыхъ народомъ „курганами“. Насыпи эти обложены камнями, и все мѣсто заросло мхомъ и терномъ.

На поляхъ села Кринокъ и окрестныхъ деревень, преимущественно—въ глинистой почвѣ, попадаются кремневыя стрѣлки, которыя у народа и считаются причиною пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, происходящихъ отъ молніи.

Однимъ изъ крестьянъ села Кринокъ найденъ на собственной землѣ мѣдный образокъ, величиною въ кв. вершокъ, съ изображеніемъ святого, поражающаго діавола, всевидящаго ока и, на верхней приставкѣ, нерукотвореннаго образа; около всевидящаго ока — неразборчивая надпись. Образокъ теперь хранится у мѣстнаго учителя народной школы. (ЗУ. П.).

122) з. г. **МЕЛЬНИКЪ.** 40°45′—52°20′, на р. З. Бугѣ, Александровской волости, Бѣльскаго уѣзда.

З. г. Мельникъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Подлѣсьи. Основанный русскими князьями, онъ уже въ XII ст. имѣлъ укрѣпленный замокъ съ башнями, воздвигнутый на высокомъ холмѣ [1]), который, очевидно, и есть до сихъ поръ сохраняющаяся на берегу Буга, такъ называемая, „замковая гора“. Вышина этой горы, со стороны города,—16 саж., со стороны рѣки—37; окружность въ основаніи 125 саж., на верху—34. Со стороны города часть горы обведена рвомъ и валомъ. На горѣ и теперь замѣтны остатки каменныхъ стѣнъ.—Съ замковою горою, которая, кстати замѣтить, называется также иногда и Вознесенскою, соединяется, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [2]), слѣдующая легенда. На горѣ, по словамъ легенды, стояла нѣкогда русская церковь, во имя Вознесенія, которая „запалась“, т. е. провалилась и, пройдя сквозь землю, вышла гдѣ-то въ окрестностяхъ Кіева, на берегу Днѣпра; предъ концомъ свѣта она опять возвратится на прежнее мѣсто. Провалилась, добавляетъ легенда, церковь подъ землю вмѣстѣ съ священникомъ и народомъ.

Съ юго-западной стороны м. Немирова, въ разстояніи полуверсты отъ р. Буга, на болотистомъ, поросшемъ съ З. и В. ольховымъ кустарникомъ, мѣстѣ поднимается саженей на шесть другой круглый, насыпной холмъ, также называемый „замковою горою“ и имѣющій въ поперечникѣ верхней площади 12 саж. Съ восточной, западной и южной сторонъ гора эта окружена рвами и двумя параллельными насыпными валами. Длина каждаго вала около 30 саж., а ширина—2 саж.; разстояніе отъ одного вала до другого равняется десяти, приблизительно, саженямъ. Входъ на гору—съ сѣверной стороны. На этой горѣ было найдено однимъ мальчикомъ золотое кольцо съ драгоцѣннымъ камнемъ, и теперь тамъ часто находятъ прусскія и польскія старинныя монеты и куски заржавѣвшаго желѣза. Лѣтъ 30 тому назадъ мѣстнымъ ксендзомъ были начаты раскопки горы съ восточной стороны, причемъ открыты были

---

[1]) П. Бобровскій. Гродненская губернія. Часть II, стр. 978.

[2]) Русскій. Достопримѣчательныя мѣста въ Бѣльскомъ уѣздѣ.—Гродненскія губ. вѣд., 1868 г., № 13.

каменные своды, послѣ пролома которыхъ распространился такой удушливый воздухъ, что раскопка горы должна была прекратиться; тѣмъ не менѣе, по разсказамъ крестьянъ, ксендзомъ найдено было много разныхъ металлическихъ вещей. Теперь гору раскапываютъ крестьяне, добывая изъ нея кирпичъ. По существующему въ народѣ разсказу, на горѣ былъ прежде замокъ нѣкоего Немиры, отчего и самое мѣстечко получило названіе Немирова. Замокъ окончательно разрушенъ былъ французами въ 12-мъ году.—Къ разряду этого же рода памятниковъ должны быть отнесены и двѣ возвышенности (по терминологіи учителя народной школы—курганы), находящіяся въ казенномъ лѣсу, съ правой стороны дороги, ведущей изъ Немирова въ д. Мутну. Высота каждой изъ нихъ около 10 саж. Называются онѣ „Шведовки", потомучто, по словамъ народа, на нихъ происходила битва русскихъ со шведами.— Наконецъ, четвертое изъ разряда городищъ мѣсто въ районѣ Александровской волости находится въ лѣсу, по дорогѣ изъ Мельника въ Жерчицы. Занимаетъ оно площадь около квадратной версты, со всѣми признаками укрѣпленнаго стана. Народъ называетъ это мѣсто „шведскими окопами". Происхожденіе его можно отнести [1]) ко временамъ до Карла Густава (1655—1660).

Въ пяти мѣстахъ Александровской волости, именно,—при самомъ городѣ Мельникѣ и при деревняхъ: Александровка, Мацковичи, Баратынецъ Русскій и Баратынецъ Ляцкій находятся такъ называемая „каменныя могилы" [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ могилъ были отчасти изслѣдованы г. Авенаріусомъ [3]) и, еще ранѣе, акцизнымъ чиновникомъ Сонгинымъ [4]) и фабрикантомъ Шнейдеромъ. Изъ хранящейся въ Виленскомъ музеѣ Шнейдеровской коллекціи, къ описываемому району принадлежатъ желѣзный ножикъ, бронзовая серьга и четыре голубыхъ бусы, которые всѣ найдены въ могилахъ около Баратынца Ляцкаго [5]).

При закрытомъ костелѣ въ м. Немировѣ находится древнее кладбище. На растасканныхъ теперь плитахъ, по словамъ народа, были выбиты рисунки разныхъ предметовъ, каковы: топоръ, пила, сапогъ, ножницы и т. п.—Однородное также, повидимому, кладбище находится и при дер. Александровкѣ, потомучто и на одномъ изъ здѣшнихъ камней г. Авенаріусъ [6]) имѣлъ случай наблюдать, по обѣимъ сторонамъ высѣченнаго на камнѣ восьмиконечнаго креста, рисунки двухъ топоровъ, сходныхъ съ находимыми въ каменныхъ могилахъ. Послѣдній фактъ, очевидно, свидѣтельствуетъ о почтенной старинѣ кладбищъ, сближая ихъ съ, такъ называемыми, каменными могилами, которыя, по наблюденіямъ того же г. Авенаріуса, обнаруживаютъ сходство съ, характеризующимися упомянутыми выше надгробіями, могилами также и со стороны самого устройства могилъ.

---

[1]) См. Ibidem.
[2]) Характеристику ихъ см. въ текстѣ—Гродискъ, Бѣльскаго уѣзда.
[3]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4.—Дрогичинъ Надбужскій, стр. 21, прим.
[4]) См. въ текстѣ Семятичи.
[5]) Каталогъ Виленскаго музея, 1885 г. Отд. 3, №№ 646, 751 и 860—3.
[6]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4.—Дрогичинъ Надбужскій, стр. 36.

Изъ отдѣльныхъ находокъ въ районѣ Александровской волости извѣстны слѣдующія.

Въ окрестностяхъ гор. Мельника попадается много кремневыхъ стрѣлокъ.

Въ м. Немировѣ и дер. Гомотахъ очень часто выкопываютъ человѣческія кости, а въ урочищѣ „Каплиско", представляющемъ собою довольно большую возвышенность, которая покрыта сыпучимъ пескомъ, при сильномъ вѣтрѣ, вмѣстѣ съ человѣческими костями, часто обнаруживаются старинныя мѣдныя и желѣзныя вещи, какъ то: кольца, монеты, крестики и т. п. [1]).

Въ 1884 г. въ Имп. Арх. Коммиссію было доставлено 80 штукъ монетъ, найденныхъ при обработкѣ поля близъ дер. Мощоны Сычи; монеты оказались польскими и пражскими 30 и 6—грошовиками XVII ст. [2]).—Около того же времени обыватель гор. Мельника Ваньковичъ выпахалъ у себя на огородѣ кувшинчикъ съ серебряными деньгами кор. Сигизмунда, величиною въ копѣйку; деньги проданы въ Варшавѣ.

Въ олтарѣ Мельникской церкви есть явленная чудотворная икона Богоматери, которая, по преданію, явилась, плывя въ лодкѣ по рѣкѣ [3]). Можетъ быть, по предположенію священника, это та икона, предъ которою въ 1260 г. (Ипатьевская лѣтопись) молился Даніилъ Галицкій.—Изъ церковной утвари заслуживаютъ вниманія: серебряный, вызолоченный потиръ 1669 г. и къ нему такая же лжица, и мѣдные позолоченные—дискосъ, звѣздица и два блюдца. (С. 2У. II.).

123) м. СЕМЯТИЧИ, 40°32′—52°26′, Семятичской вол., Бѣльскаго у.

Курганы, по показанію мѣстныхъ интеллигентовъ, въ районѣ Семятичской волости находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ. Въ 1½ верстахъ отъ Семятичъ въ лѣсу „Добытки" [4]), на пространствѣ трехъ верстъ, разсѣяно поодиночкѣ множество кургановъ, представляющихъ собою небольшіе, заросшіе лѣсомъ холмики.—Въ разстояніи ¾ верст. на С. отъ дер. Клюкова—семь кургановъ, высотою около трехъ аршинъ; изъ нихъ три въ казенномъ лѣсу и четыре—на крестьянской землѣ. Въ разстояніи ¾ версты отъ с. Дѣтковичей на ЮЗ.—два небольшихъ кургана, круглой формы, и такой же курганъ находится въ разстояніи 1½ верстъ отъ Дѣтковичей, въ им. Ушинской. На В. отъ Дѣтковичей, между дд. Малевичи и Горново,—шесть кургановъ, съ плоскими вершинами. Одинъ курганъ, высотою въ два аршина, изъ котораго, между прочимъ, по народному повѣрью, былъ слышенъ въ прежнее время, въ день Пасхи, звонъ, находится на землѣ крестьянина дер. Журобицъ, Андрея Кухаревича, и одинъ, называемый шведскою могилою,—на пастбищѣ д. Валковъ. Одинъ также курганъ находится на землѣ им. Дѣтковичей. — На поляхъ им. Крупицы—двадцать кургановъ,

---

[1]) Законоучитель Мельникскаго училища нашелъ на берегу рѣки Буга, и теперь у него находящуюся въ саду, мамонтову кость.

[2]) Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1884 г. № 35.

[3]) Ср. Гродненскія губ. вѣдомости, 1868 г. № 13. Сказаніе о явленіи иконы дополняется здѣсь упоминаніемъ о находкѣ при ней палитры, кисти и красокъ двѣнадцати цвѣтовъ.

[4]) Ср. Biblioteka Warszawska, 1853 r. Z. CLII, str. 195.

и пять такихъ же кургановъ—на поляхъ дер. Крупицы.—Пять кургановъ на поляхъ им. Бацики Дальніе и столько же при одноименной съ нимъ деревнѣ. — Съ этимъ, кажется, не вполнѣ точнымъ, а можетъ быть, и представляющимъ нѣкоторыя повторенія, перечнемъ кургановъ должно быть сопоставлено показаніе г. Авенаріуса [1]), который насчитываетъ въ предѣлахъ Семятичской волости двѣ группы гургановъ [2]), именно: при деревняхъ Вулька и Цецели, и девять группъ, такъ называемыхъ, каменныхъ могилъ [3]), находящихся при деревняхъ: Бацики Ближніе,—Дальніе и—Средніе, Цецели, Сытки, Клюкова, Крупица, Слохи и Чартаево. Каменныя могилы были изслѣдованы отчасти г. Авенаріусомъ [4]), а въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ 60-хъ годахъ, мѣстнымъ акцизнымъ надзирателемъ Сонгинымъ. Добытыя при послѣдней раскопкѣ вещи входятъ въ составъ находящейся въ Виленскомъ музеѣ, такъ называемой, коллекціи Шнейдера (сотрудникъ Сонгина). Представляемъ перечень добытыхъ Сонгинымъ вещей, группируя ихъ по кладбищамъ.

А) Предметы изъ кладбища, около деревни Крупицы [5]).

№ 468) Дѣтскій черепъ. 435—552) Восемнадцать желѣзныхъ гвоздей. 597—621) Двадцать пять стеклянныхъ бусъ 623) Желѣзная шпора. 641) Обломокъ желѣзнаго ножа. 650) Кусокъ расшитаго ремня. 652—654) Три мѣдныхъ бусы. 655—667) Тринадцать стеклянныхъ бусъ. 686—692) Семь бусъ изъ неопредѣленной массы, съ бѣлыми узорами. 702) Точильный брусокъ. 717—720) Четыре мѣдныя серьги, обложенныя серебромъ, съ кусочкомъ кожи. 722) Украшеніе изъ шести связанныхъ кожею бронзовыхъ колецъ. 728 — 733) Шесть бронзовыхъ серегъ. 757) Бронзовое украшеніе съ тремя металлическими бубенчиками. 758) Серебряный шарикъ, въ видѣ бубенчика или бусы. 759—761) Три рѣзныхъ бубенчика отъ какого то украшенія. 788) Бронзовое кольцо. 849—857) Пять бусъ зелено-голубого цвѣта. 856) Бронзовая серьга. 858) Кусокъ бронзовой серьги. 859) Серебряная серьга.

Б) Предметы Бациковскихъ кладбищъ.

№ 484) Кусочки костей и дерева. 485—496) Двѣнадцать обломковъ желѣзныхъ гвоздей. 625—626) Два желѣзныхъ гвоздя. 633—635) Три желѣзныхъ топора. 649) Обломокъ желѣзнаго ножа. 651) Обломки мѣднаго плетенаго обруча, составлявшаго женскій головной уборъ. 669) Головной женскій уборъ въ видѣ бронзовой палочки

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4.—Дрогичинъ Надбужскій, стр. 18 и 21.

[2]) Характеристику ихъ см. Дрогичинъ Надбужскій.

[3]) Характеристику ихъ см. Гродискъ.

[4]) Въ коллекціи, доставленной г. Авенаріусомъ въ 1887—8 годахъ въ Имп. Арх. Коммиссію, результаты изслѣдованія каменныхъ могилъ семятичскаго района представлены тремя предметами изъ Крупицкаго могильника и восемью - изъ Клюковскаго. Предметы изъ Крупицкаго могильника: желѣзный ножикъ, малая витая серьга и желѣзное кольцо; предметы Клюковскаго могильника: круглое кольцо съ изогнутымъ назадъ концомъ, изъ накладного серебра, два бронзовыхъ, спиральныхъ кольца, сломанная желѣзная вещица, три желѣзныхъ гвоздя и большая пряслица. — Архивъ Императорской Археологической Комиссіи, 1886 г. № 55.

[5]) Каталогъ Виленскаго музея, 1885 г. Отд. 3, №№ въ перечнѣ означены по каталогу музея.

съ загнутыми концами. 672) Бронзовый браслетъ. 676) Серебряная серьга. 677) Стальное кресало. 693—694) Два оселка. 701) Кусокъ желѣза въ видѣ ланцета. 704—712) Десять серебряныхъ колецъ. 726—727) Два бронзовыхъ кольца. 734—739) Шесть бронзовыхъ серегъ. 740—741) Два бронзовыхъ кольца. 746) Кольцо изъ сѣраго твердаго метала. 750) Бронзовое кольцо. 766) Большая каменная буса. 768—773) Шесть бусъ изъ неопредѣленной массы. 781) Большая каменная буса. 782) Каменная буса. 784) Желѣзный крючекъ, служившій для связи ручки съ корзинкой. 843—784) Шесть бусъ голубого стекла. 870) Бронзовое, обложенное серебромъ, кольцо. 873) Желѣзное кольцо въ $1/2$ вершка въ діаметрѣ. 874) Бронзовое кольцо, обложенное серебромъ.

В) Предметы Чартаевскаго кладбища.

№ 643) Большой желѣзный ножъ. 668) Перстень изъ желтой мѣди съ неизвѣстными знаками (изъ кургана около дер. Чартаева). 748) Серебряное кольцо съ бубенчикомъ. 752) Желѣзный ножъ.

Г) Предметы изъ пепелища, около дер. Слохи Огородники.

№ 470) Обломки глиняныхъ горшковъ. 567—583) Семнадцать кусковъ желѣза. 696—700) Пять обломковъ желѣзныхъ ножиковъ. 753) Стеклянная буса голубого цвѣта. 754) Желѣзный наконечникъ стрѣлы. 755) Желѣзный крючекъ. 756) Желѣзная трубочка. 878) Обломокъ каменнаго топора.

Приведенный выше рядъ обслѣдованныхъ кладбищъ долженъ быть пополненъ указаніемъ на считаемое у крестьянъ неприкосновеннымъ мѣсто, на ЮВ. отъ дер. Журобицъ, гдѣ, по народному повѣрью, ушла въ землю церковь, и гдѣ до сихъ поръ попадаются человѣческія кости.—Археологическое также, повидимому, кладбище находится по сосѣдству и отчасти на самомъ мѣстѣ теперешняго кладбища, при дер. Рогавкѣ, потомучто при копаніи могилъ здѣсь очень часто находятъ куски желѣза, кольца, наконечники стрѣлъ и т. п.

Изъ случайныхъ находокъ, въ предѣлахъ Семятичской волости нужно указать громовую стрѣлку, найденную лѣтъ 10 тому назадъ возлѣ д. Крупицы. Народъ приписываетъ стрѣлкамъ чудодѣйственную силу и употребляетъ ихъ, въ видѣ порошка, какъ лекарство противъ нѣкоторыхъ болѣзней.

Церковныя принадлежности. — Въ Семятичской церкви есть два старинныхъ образа: 1) Петра и Павла, и 2) Параскевы; выписаны изъ Кіева при основаніи церкви, въ 1430 году.—Въ церковномъ архивѣ хранятся фундушевыя записи, изъ которыхъ древнѣйшая относится къ 1431 году и принадлежитъ Алексѣю Судоментовичу изъ Хожова.—Въ Журобицкой, приписной къ Дѣтковичской, церкви есть Руденская икона Богоматери (на полотнѣ), почитаемая чудотворною; праздникъ 12 октября. На колокольнѣ Дѣтковичской церкви — два колокола, съ латинскими надписями, 1669 и 1687 гг. (2С. 2У. П.).

124) з. г. **ДРОГИЧИНЪ**, 40°19′—52°24′, на р. Зап. Бугѣ, Наройской волости, Бѣльскаго уѣзда.

Въ первый разъ Дрогичинъ упоминается въ лѣтописи подъ 1142 г., но основаніе его, безъ сомнѣнія, принадлежитъ болѣе раннему времени. Есть даже попытка [1]) относить возникновеніе его къ первымъ вѣкамъ христіанскихъ временъ [2]). Во всякомъ случаѣ, по большому количеству находокъ древнихъ предметовъ, Дрогичинъ занимаетъ безспорно первое мѣсто въ предѣлахъ Гродненской губерніи.

На юго-западной сторонѣ города, отдѣляясь отъ него рвомъ, превратившимся теперь въ оврагъ, поднимается конусообразная возвышенность, извѣстная подъ именемъ Замковой горы. Гора имѣетъ въ окружности до 250 саж. и поднимается надъ уровнемъ рѣки саженей на 20; величина верхней площади—42×20 кв. саж. Со стороны рѣки гора подмыта водою, такъ что эта сторона ея представляетъ почти вертикальный обрывъ. Здѣсь, на высотѣ 10 саженъ, виднѣется двойное отверстіе, указывающее на подземный ходъ, черезъ который, между прочимъ, въ 1383 г. спасся русскій гарнизонъ замка. Въ этомъ же обрывѣ рѣзко обозначаются три почвенныхъ пласта: верхній—наносный, новый; нижній—сѣрая материковая глина, и средній, толщиною въ 2—3 арш.—прожженая свѣтло-сѣрая земля, или, точнѣе, выгорѣвшій мусоръ, изъ котораго торчатъ гнѣзда древеснаго угля, почернѣлые отъ огня камни, выжженныя до красна глыбы глины, кости, безчисленные черепки и т. п. Этотъ мусорный пластъ, какъ обнаружили изслѣдованія г. Авенаріуса [3]), занимаетъ также всю площадь нынѣшняго города и простирается даже за предѣлы его, — вверхъ по рѣкѣ и отчасти по бѣльскому тракту. Кромѣ того, есть ясныя указанія, что не малая часть древняго Дрогичина лежитъ въ нынѣшнемъ руслѣ Буга.—Весенняя вода, размывая этотъ мусорный пластъ, обнаруживаетъ массу различныхъ предметовъ, которые отлагаются на сосѣднемъ берегу Буга и на днѣ самой рѣки. Предметы эти, по наблюденію г. Авенаріуса, принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ, и позднѣйшіе изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, не моложе XIV в. Большинство изъ этихъ предметовъ, конечно, безслѣдно исчезло, но не мало ихъ и сохраняется въ казенныхъ и частныхъ коллекціяхъ [4]). Большая часть обслѣдованныхъ предметовъ принадлежитъ Императорской Археологической Коммиссіи, куда они переданы изслѣдовавшимъ по ея порученію дрогичинское городище г. Авенаріусомъ. Г. Авенаріусъ, не считая возможнымъ описать всѣ предметы дрогичинскаго городища, ограничивается слѣдующимъ перечнемъ ихъ по разрядамъ.

1) Каменныя издѣлія: топоры; точильные бруски; пряслицы; бусы; крестики; граненые цвѣтные камешки безъ оправы; полукруглый шиферный миніатюрный ларчикъ съ остатками красной краски въ выдолбленной срединѣ и т. п.

---

1) Леопардовъ.—Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ частныхъ рукахъ въ Кіевѣ. В. I, стр. 10; В. III—IV, стр. 29—31.

2) Историческія свѣдѣнія о Дрогичинѣ см. напр. Матеріалы по археологіи Россіи, № 4.—Дрогичинъ Надбужскій. Baliński.—Starożytna Polska. II. Бобровскій.—Гродненская губернія, и др.

3) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4.—Дрогичинъ Надбужскій.

4) См. ниже.

2) Стекляныя: слезница; обломки колецъ, перстней и браслетовъ; бусы.

3) Глиняныя: безчисленное количество черепковъ всякаго рода неполиванной посуды, начиная отъ грубѣйшей ручной работы, до затѣйливой по формамъ и узорамъ. Тутъ встрѣчаются большіе и малые горшки, блюда и блюдца, кувшины съ рыльцами, ушками и узкими горлышками.

4) Костяныя: шпильки; иглы; обломки гребней; разнаго рода мелкія украшенія.

5) Свинцовыя: оттиски съ буквами и знаками; крестики; привѣски къ серьгамъ; плоскіе круги; набалдашники; грузила; множество сплавленныхъ кусковъ.

6) Бронзовыя и мѣдныя: крестики; кольца спаянныя и не спаянныя; перстни; большія головныя булавки съ украшеніями; множество разныхъ пряжекъ и фибулъ; запонки; скобки; крючокъ съ рѣзьбой; ручка отъ неизвѣстнаго предмета; разныя привѣски и украшенія съ рѣзьбой; сапожная подкова и т. п.

7) Желѣзныя: топоры; наконечники копій, стрѣлъ; сулицы; обломки мечей; большой ножъ; малые ножи; шпоры; конскіе приборы; огромный серпъ; мотыга; большіе и малые ключи; кресала; рыболовный крюкъ; кольца; цѣпочки; пряжки; орудіе неизвѣстнаго назначенія и проч.

Въ количественномъ отношеніи, первое мѣсто принадлежитъ свинцовымъ оттискамъ и стеклянымъ и каменнымъ (пряслицамъ) бусамъ; особенный же, не разгаданный до сихъ поръ, интересъ представляютъ свинцовые оттиски, находимые пока исключительно въ одномъ Дрогичинѣ и считающіеся теперь тысячами. По поводу ихъ сложилась довольно объемистая литература [1], тѣмъ не менѣе, вопросъ о назначеніи оттисковъ остается не вполнѣ рѣшеннымъ.

Предполагая ниже указать точно обозначенные предметы находокъ въ дрогичинскомъ районѣ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть о группахъ кургановъ, которые могутъ быть причислены къ дрогичинскому району [2]. Такихъ группъ собственно двѣ: въ дер. Заешники, въ двухъ верстахъ отъ Дрогичина, и въ уроч. Волынская Березина,—въ четырехъ верстахъ [3]. Обѣ эти группы въ числѣ другихъ многочисленныхъ кургановъ были изслѣдованы г. Авенаріусомъ, который характеризуетъ вообще мѣстные курганы такими чертами [4]. Курганныя группы обыкновенно расположены на берегу рѣчекъ и источниковъ, или неподалеку отъ нихъ. Форма кургановъ всегда одна и та же—куполообразная. Вышина отъ 1 до 4 арш., окружность въ 20—50 шаговъ. Средняя вышина—два аршина, средняя окружность 30 шаговъ.

Общіе признаки изслѣдованныхъ кургановъ слѣдующіе: на глубинѣ $\frac{1}{2}$—1 арш. отъ вершины показываются черепки одного или двухъ неполиванныхъ горшковъ; черепки эти очень рѣдко лежатъ вмѣстѣ, одной кучей, но по большей части разбросаны на довольно большемъ разстояніи; также разсѣяны находившіеся въ нихъ

---

[1]) Указаніе ея см. Ѳ. Покровскій.—Виленскій музей древностей, Табл. XIX

[2]) Курганы въ другихъ мѣстахъ Наройской вол. см. с. Наройки

[3]) Ярошевичъ указываетъ еще могилы при дер. Груницѣ, недалеко отъ Дрогичина, вверхъ по теченію р. Буга. Это, очевидно, такъ называемыя каменныя могилы, характеристику которыхъ см. въ текстѣ с. Чижи (по Ярошевичу) и с. Гродискъ (по Авенаріусу).

[4]) Дрогичинъ Надбужскій, стр. 19.

сожженныя кости и уголья. Отсюда, по заключенію г. Авенаріуса, слѣдуетъ, что горшокъ не былъ раздавленъ тяжестію земли, а разбитъ, или разметанъ другими силами,—временемъ, или вѣтромъ, а, можетъ быть, и человѣческой рукой еще въ то время, когда онъ стоялъ на вершинѣ кургана, послѣ чего онъ, въ теченіи вѣковъ, покрылся нетолстымъ слоемъ земли.

Изъ сравненія черепковъ видно, что одни изъ горшковъ были съ очень толстыми стѣнками, плохо обожженные, повидимому,– ручной работы и безъ всякихъ украшеній. Другіе, напротивъ, лучше выжжены, съ тонкими стѣнками и украшеніями въ видѣ параллельныхъ линій, или городковъ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются черепки двухъ горшковъ, кромѣ человѣческихъ костей попадаются и кости мелкихъ животныхъ, напримѣръ, берцовыя птичьи кости, вѣтоятно,—остатки тризны. Всѣ кости разбиты и совершенно выжжены. Уголь встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, откуда можно предполагать, что сожженіе трупа происходило гдѣ нибудь на сторонѣ. Только въ одномъ курганѣ г. Авенаріусъ нашелъ на самомъ уровнѣ земли очень большую кучу угля, перемѣшанную съ землею, между тѣмъ какъ и здѣсь горшокъ съ костями лежалъ только на $1/2$ аршина отъ вершины кургана, который нужно, такимъ образомъ полагать, былъ насыпанъ на самомъ мѣстѣ кострища, послѣ предварительнаго извлеченія изъ него остатковъ трупа.

Во всѣхъ этихъ курганахъ, за исключеніемъ одного,--въ ур. Волянская Березина, кромѣ разбитыхъ горшковъ не найдено никакихъ издѣлій. Такимъ образомъ, всѣ отдѣльныя находки въ дрогичинскомъ районѣ концентрируются около дрогичинскаго городища. — Въ виду отсутствія въ печати подробнаго списка этихъ находокъ, считается умѣстнымъ помѣщаемый ниже, на сколько возможно, полный перечень предметовъ, найденныхъ въ разныя времена на дрогичинскомъ городищѣ и составляющихъ теперь достояніе общественныхъ и частныхъ коллекцій. На первомъ мѣстѣ здѣсь долженъ быть поставленъ списокъ предметовъ, переданныхъ г. Авенаріусомъ въ Императорскую Археологическую Комиссію въ 1887 и въ 1888 годахъ.

Предметы, доставленные г. Авенаріусомъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію въ 1887 году.

Тридцать четыре свинцовыхъ оттиска. Обломки стеклянныхъ браслетъ. Мѣдная фибула. Мѣдное посеребренное украшеніе. Перстень изъ какого-то сѣраго металла. Плетеная мѣдная серьга. Мѣдная серьга съ тупымъ концомъ, изъ толстой проволоки. Пятнадцать каменныхъ мозаичныхъ бусъ. Три стеклянныя бусы. Двадцать одна каменная буса. Двадцать семь стеклянныхъ бусъ. Шестьдесятъ пять мелкихъ бусъ и бисеринокъ. Желѣзный ножикъ. Желѣзный наконечникъ сулицы. Три наконечника стрѣлъ. Пряслица. Желѣзный ключъ. Стеклянная слезница, найденная при костякѣ въ глиняномъ горшкѣ. Серебряный куфическій диргемъ Халифа Мервана II, 746 г. нашей эры. Маленькія привѣски въ видѣ гирьки. Мѣдное кольцо. Желѣзная цѣпочка. Десять пряслицъ. Восемь пряслицъ. Костяная ручка для иглы. Большой рыболовный крючекъ. Желѣзное кольцо. Желѣзный ключъ. Желѣзное кресало. Часть желѣзнаго серпа. Большой желѣзный ножъ. Пять желѣзныхъ ножей малыхъ.

Большой боевой топоръ, вытащенный сѣтями и употреблявшійся для рубки дровъ нашедшимъ его мужикомъ.

Перечень предметовъ, доставленныхъ г. Авенаріусомъ въ Археологическую Коммиссію въ 1888 году.

Тридцать четыре свинцовыхъ оттиска, съ буквами и изображеніями. Два свинцовыхъ оттиска, худо сохранившихся.

Желѣзныя вещи. — Стальная сабля (вѣроятно,—шведская 17 ст.). Топоръ средней величины, одного типа съ найденными въ каменныхъ могилахъ. Топоръ, сильно заржавѣвшій. Большой широкій плоскій наконечникъ копья. То же, - узкій. Четыре сулицы, очень древнія. Двѣ сулицы другого типа. Девять наконечниковъ стрѣлъ разныхъ типовъ. Большой ножъ, (повидимому, не очень древній). Три средней величины ножа. Шестьдесятъ одинъ малый ножъ. Три шпоры. Большая старинная коса. Мотыга. Четыре кресала. Два большихъ дверныхъ ключа. Малый ключъ. Семь пряжекъ. Пять сапожныхъ подковъ. Три большихъ кольца. Одиннадцать малыхъ колецъ. Малая цѣпочка. Рыболовный крюкъ. Орудіе, похожее на багоръ. Неизвѣстное орудіе съ загнутыми на крестъ остріями. Миніатюрная лопатка. Неизвѣстное орудіе, оканчивающееся крюкомъ. Орудіе въ видѣ малой вилки (острога?). Неспаянное кольцо съ припаянною частью. Конскіе приборы.

Серебряныя, бронзовыя и свинцовыя вещи.—Кусокъ серебра, скованный изъ монетъ. Серебряная, позолоченная запонка, изъ двухъ звеньевъ. Серебряный крючекъ для привѣски сабли, оканчивающійся змѣиными головками. Подобный же мѣдный крючекъ. Бронзовое спиральное кольцо. Бронзовое витое кольцо. Двѣ бронзовыхъ серьги съ витымъ узоромъ. Бронзовое круглое неспаянное кольцо. Одиннадцать бронзовыхъ круглыхъ спаянныхъ колецъ. Четыре бронзовыхъ плоскихъ кольца. Бронзовое плоское кольцо съ узоромъ, сломанное. Большой бронзовый перстень съ гербомъ—„топоръ" (найденъ въ огородѣ дер. Лисово). Свинцовое кольцо. Массивная бронзовая пряжка. Десять бронзовыхъ пряжекъ. Бронзовое большое украшеніе съ вырѣзаннымъ узоромъ. Большая бронзовая головная булавка съ узоромъ. То же, сломанная. Бронзовое украшеніе съ рѣзьбой. Бронзовый крючекъ съ рѣзьбой. Часть бронзовой рукоятки. Бронзовая ручка отъ неизвѣстнаго предмета Бронзовая запонка. Такъ называемый данцигскій жбанъ, (вѣроятно, не старѣе 17 стол., найденъ дрогичинскими крестьянами при постройкѣ дома). Бронзовый замокъ. Такой же наконечникъ. Такое же украшеніе отъ ремня. Бронзовая привѣска. Двѣ свинцовыя привѣски. Бронзовая скобка. Бронзовая сапожная подкова. Три свинцовыхъ привѣски, въ родѣ гирекъ. Свинцовый набалдашникъ. Шесть свинцовыхъ рыболовныхъ грузилъ. Два свинцовыхъ плоскихъ кружка.

Стеклянныя, каменныя и костяныя вещи.—Нитка бусъ въ 68 зеренъ. То же, въ 76 зеренъ. То же, въ 62 зерна. То же, въ 6 зеренъ (найдены въ могилѣ Бѣлостокскаго уѣзда съ монетой 17 вѣка). Стеклянный браслетъ, склеенный. Стеклянный перстень, сломанный. Каменный рѣзной миніатюрный ларчикъ, съ остатками красной краски. Донышко миніатюрнаго горшка. Связка въ 17 пряслицъ. То же, въ 20 пряслицъ.

То же, въ 14 пряслицъ. Костяное плоское украшеніе съ двумя отверстіями. Костяной гребешокъ, сломанный. Костяное украшеніе изъ двухъ вращающихся на шарнирѣ частей. То же, сломанное. Костяная игла. Сломанное костяное украшеніе. Три цвѣтныхъ граненыхъ камешка безъ оправы. Коробка съ обломками стеклянныхъ и бронзовыхъ вещицъ.

Образцы монетъ, находимыхъ въ Дрогичинѣ.—Двѣ мѣдныхъ монеты Владислава Ягеллы, неизвѣстнаго года. Шесть серебряныхъ монетъ первыхъ ягеллоновъ, безъ обозначенія имени и года. Серебряный ягеллонскій солидъ, неизвѣстнаго года. Литовскій серебряный солидъ, 1510 г. То же, 1569 г. То же, 1570 г. Серебряная монета (3 гроша) Стефана Баторія, 1583 г. То же,—Сигизмунда III, 1588 г. Серебряный грошъ Сигизмунда III, 1604 г. Литовскій серебряный грошъ Сигизмунда III, 1626 г. Серебряная монета (3 гроша) Сигизмунда III, неизвѣстнаго года. Два серебряныхъ гроша Сигизмунда III, неизвѣстнаго года. Серебряная монета (6 грошей) Яна Казиміра, 1661 г. Серебряный злотый (30 грошей) Яна Казиміра, 1664 г. Три мѣдныхъ шеляга Яна Казиміра. Мѣдная данцигская монета XV в. Бранденбургская серебряная монета, 1541 г. То же, 1548 г. То же, мѣдная, 1626 г. То же, серебряная, 1686 г. То же, неизвѣстнаго года. Мюнстерская серебряная монета, 1614 года. Двѣ серебряныя шведскія монеты Густава Адольфа, 1623 и неизвѣстнаго года. Мѣдный неизвѣстный жетонъ. Мѣдный жетонъ въ два злотыхъ им. Грудекъ (Городокъ), Бѣльскаго уѣзда, для расплаты съ рабочими [1]).

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ предметовъ представлены въ снимкахъ, помѣщающихся въ сочиненіи г. Авенаріуса,—„Дрогичинъ Надбужскій", другіе же упоминаются (въ незначительномъ, впрочемъ, количествѣ) лишь въ текстѣ указаннаго сейчасъ сочиненія. Въ послѣднемъ, т. е. въ текстѣ, упоминается и нѣсколько другихъ предметовъ, не вошедшихъ въ составъ дрогичинской коллекціи Археологической Коммиссіи и, такимъ образомъ, представляющихъ дополненіе къ списку находокъ на дрогичинскомъ городищѣ. Сюда относятся: большой каменный топоръ, вѣсомъ въ пять фунтовъ, найденный на новообразовавшейся мели противъ Дрогичина; кременный, хорошо отшлифованный топоръ, поднятый на берегу между Рускимъ Дрогичиномъ и дер. Бужиско; куфическій диргемъ 746—747 гг. нашей эры, случайно найденный при рытьѣ ямы въ центрѣ города; 900 экземпляровъ свинцовыхъ пломбъ, собранныхъ въ 1887—8 гг., и нѣсколько сотъ предметовъ, собранныхъ на берегу Буга крестьяниномъ Антономъ Барщевскимъ и мѣщаниномъ Феликсомъ Коханскимъ, какъ-то: бронзовый и каменный крестики; двѣ свинцовыхъ привѣски съ изображеніями и надписями; нѣсколько бронзовыхъ привѣсокъ; мѣдный наконечникъ какого-то неизвѣстнаго предмета; обломки большого костяного гребня съ украшеніями; бронзовый замокъ; худо сохранившійся денаръ Антонина Пія; около 160 каменныхъ и стеклянныхъ бусъ; болѣе 400 свинцовыхъ оттисковъ, съ изображеніями и буквами; двадцать пять пряслицъ; двѣнадцать малыхъ желѣзныхъ

---

[1]) Архивъ Императорской Археологической Коммиссіи, 1886 г. дѣло № 55.

ножей; сулица и желѣзный наконечникъ стрѣлы; двѣ очень широкихъ и плоскихъ желѣзныхъ подковы; обломокъ желѣзнаго серпа; обломки фитильнаго ружья, и т. п. [1]).

Дальнѣйшій списокъ точно обозначенныхъ предметовъ дрогичинскихъ находокъ составляетъ бывшая на выставкѣ IX Археологическаго съѣзда **коллекція г. Авенаріуса,** въ составъ которой входили слѣдующіе предметы.

1—2) Два мѣдныхъ крестика. 3) Свинцовая (очевидно, упомянутая выше) печать съ изображеніемъ св. Меѳодія и надписью. 4) Девятьсотъ пломбъ съ ц.-славянскими буквами и разными изображеніями. 5) Бронзовый перстень съ зеленымъ камнемъ. 6) Бронзовый перстень съ краснымъ камнемъ. 7—23) Семнадцать мѣдныхъ и бронзовыхъ колецъ. 24 — 26) Серебряное витое кольцо и два серебряныхъ височныхъ кольца (изъ каменной могилы близъ Дрогичина). 27—43) Семнадцать мелкихъ бронзовыхъ украшеній и привѣсокъ. 44) Часть серебрянаго филиграннаго украшенія. 45) Мѣдная швейная игла. 46) Бронзовая фибула. 47) Большая мѣдная пряжка. 48) Желѣзная пряжка. 49 – 62) Тринадцать желѣзныхъ ножей и огниво. 63) Каменная головка со втулкой. 64) Склеенный изъ обломковъ стеклянный браслетъ и обломки такихъ же браслетъ. 65 – 67) Три нитки (около 500 штукъ) каменныхъ и стекляныхъ бусъ. 68—69) Два малыхъ точильныхъ бруска. 70) Тридцать семь каменныхъ и одна костяная пряслица. 71—72) Два малыхъ глиняныхъ горшка. 73) Костяная ручка ножа [2]).

Нѣсколько предметовъ изъ Дрогичина было также на выставкѣ въ ***коллекціи гр. Флёри,*** и предметы же изъ Дрогичина составляютъ значительную часть въ ***коллекціи г. Болсуновскаго.*** Здѣсь находятся:

Таблица I.—2) Лицевая сторона мѣднаго энколпіона, съ изображеніемъ распятія на 8-конечномъ крестѣ; по бокамъ Божія Матерь и св. Іоаннъ; въ углахъ изображенія неизвѣстныхъ святыхъ. 3) Шестиконечный бронзовый крестъ, орнаментированный, со слѣдами позолоты; надписи: av.—I. H. S., на второй перекладинѣ: S. IOA... NES., на нижней: ORA.... PRO.... ME. rv.—вверху монограмма изъ буквъ M и A, на перекладинѣ: SIN.... Pecado; внизу: ORIGINAL. Ушко—въ верху и дырочка—въ низу позволяютъ предполагать, что этотъ крестъ прикрѣплялся снаружи, можетъ быть, къ какой либо части вооруженія. 4) Часть бронзоваго энколпіона, съ изображеніемъ Богоматери по срединѣ и съ буквами Б, О, О, У и Х на концахъ и внизу. 5) Оборотная сторона маленькаго энколпіона, съ изображеніемъ Богоматери. 6) Маленькій складень со слѣдами финифти: на лѣв. ст. Богоматерь съ Младенцемъ, на правой— св. Николай, по бокамъ—изображенія двухъ святыхъ.

---

[1]) Изъ этихъ предметовъ болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: а) двѣ свинцовххъ пластинки съ изображеніемъ на одной изъ нихъ—св. Меѳодія (av.) и креста съ надписью—IC XC и двумя аканѳами— по обѣ стороны его нижней части (rv), и на другой—неизвѣстнаго святого, на обѣихъ сторонахъ; б) бронзовая изящная привѣска, въ видѣ трилистника съ изображеніями человѣческихъ лицъ въ кружкахъ изъ точекъ; в) бронзовый замокъ, съ украшеніями, сходными съ находящимися на костяныхъ гребняхъ, и г) бронзовое украшеніе отъ ремня.

[2]) Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на выставку при IX Археологическомъ съѣздѣ. Вильна, 1893 г. стр. 69.

Таблица II.—1) Крестъ изъ темнокоричневаго шифера. 2) Крестъ изъ чернаго камня. 3) Свинцовый равноконечный крестъ, неправильной формы. 4) Крестикъ изъ зеленовато-палеваго стекла. 5) Часть мѣднаго крестика, орнаментированнаго шариками (по три—на концахъ и 5 - въ срединѣ). 6) Мѣдный крестикъ съ квадратными пластинками на концахъ; орнаментированными кантиками и пятью точками на каждой. 7) Часть бронзоваго крестика съ латинскими буквами. 8) Бронзовый крестовидный орнаментъ, на немъ рисунокъ 8-лепестковаго цвѣтка. 9) Мѣдный патріаршій крестъ. 10) Мѣдный односторонній медальёнъ съ изображеніемъ св. Георгія, влѣво; на оборотѣ слѣды надписи. 11) Бронзовый орнаментъ въ видѣ дракона, вправо. 12) Бронзовый орнаментъ въ видѣ кружка, украшеннаго точками. 13) Маленькій, пестраго мрамора, крестикъ. 14) Бронзовая привѣска въ видѣ полумѣсяца, съ ушкомъ, орнаментирована бусами. 15) Часть серебряной серьги. 16) Спиральное кольцо изъ проволоки, съ ушками по концамъ. 17) Мѣдное кольцо съ гнѣздомъ для камня. 18) Бронзовая пряжка. 19) Бронзовый орнаментъ въ видѣ двухъ геральдическихъ лилій. 20) Поясная бронзовая пряжка. 21) Такая же, въ видѣ креста. 22) Часть бронзовой привѣски съ цѣпочкой. 23) Кольцо съ бронзовыми цѣпочками и привѣсками въ видѣ пластинокъ, орнаментированныхъ точками и насѣчками. 24) Свинцовая печать: на лиц. ст.—геральдическая лилія; обр. сторона — гладкая, — на ней слѣды ткани, къ которой могла быть прикрѣплена печать. 25) Бронзовая привѣска въ видѣ стрѣлы: на ней слѣды буквъ Я, Е (av.) и Б (rv.) 27) Бронзовый равноконечный крестъ: av.—рисунокъ креста, усѣянный латинскими буквами; rv.—святой, въ кружкѣ, по сторонамъ—латинскія буквы. 28) Круглый бронзовый орнаментъ. 29) Такой же орнаментъ съ изображеніемъ часовъ. 30) Свинцовый орнаментъ съ крестомъ въ кругѣ. 31) Свинцовая крышечка съ изображеніемъ крылатаго льва (гербъ Венеціи) и круговою надписью: Ex officina Santo Marco. 32) Стеклянный дельфинъ съ перышками, окрашенными въ синій цвѣтъ, и съ красной спиральной жилкой въ серединѣ: вѣроятно, ушко отъ сосуда, или браслетъ. 33) Желѣзный наконечникъ копья. 35) Черная игральная косточка (кубикъ) съ точками отъ 1 до 6.

Таблица IV.—16) Пять полугрошей королей Альберта (1492—1498) и Александра (1498—1501). 17) Денаріи: данцигскій 1555, эльбингскій, литовскіе 1569 и 1570 и литовскій полугрошъ 1511.

Щитъ № 4.—e) Каменный крестъ сѣраго цвѣта. c) Три разныхъ бусы. i—i) Десять бусъ.

Щитъ № 5.—a—a) 50 бусъ изъ стекла, сердолика и камня. b) Свинцовый крестикъ съ квадратомъ по срединѣ, безъ нижней части. c) Половина бронзоваго 4—конечнаго крестика, со слѣдами финифти. d) Бронзовое кольцо. p) Часть свинцовой привѣсной печати. e) Шесть бронзовыхъ пуговокъ, изъ которыхъ одна со слѣдами бирюзы и одна орнаментированная [1]).

---

[1]) Прибавленіе къ каталогу выставки при IX Археологическомъ съѣздѣ, стр. 19 и слѣд.

Въ заключеніе списка находокъ на дрогичинскомъ городищѣ слѣдуетъ упомянуть о свинцовыхъ оттискахъ, прежде другихъ найденныхъ на дрогичинскомъ городищѣ и хранящихся теперь въ Виленскомъ музеѣ.[1])

Близъ Русскаго Дрогичина, на землѣ пом. Островской, по свидѣтельству мѣстнаго священника, въ недавнее время находилось нѣсколько камней съ крестами и славянскими надписями, но въ срединѣ 80-хъ годовъ они употреблены были ихъ владѣлицею въ качествѣ строительнаго матеріала

Замѣчательный по своей глубокой старинѣ и точности даты времени камень найденъ былъ,—если только допустить достовѣрность свѣдѣній,—при копаніи могилы въ Дрогичинѣ въ 1783 году. Камень этотъ обыкновенная надгробная мраморная плита, на которой былъ гербъ Добрынскихъ рыцарей и слѣдующая надпись:

Hic. sub. umbra. quercí.
Quiescunt. ossa. Henrici.
De Zygoczyn. nomen. illi.
Nescivit. sibi. simili.
Magister. xpi. milicie.
Sit. heres. eterne. letitie.
Obt. Ao. Dn. M.CC.XXXXVIII [2]).

Церковный отдѣлъ дрогичинской старины, подобно обще-археологическому, отличается также значительнымъ богатствомъ. Не говоря о тѣхъ предметахъ, которые живутъ лишь въ, несомнѣнно, впрочемъ, достовѣрныхъ, воспоминаніяхъ, ограничимся указаніемъ налично существующихъ фактовъ.

Между Замковой горой и православной церковію, на огородѣ николаевскаго солдата Даніила Евтуха до сихъ поръ наблюдаются остатки фундамента построенной Даніиломъ Романовичемъ Пречистенской церкви, гдѣ, между прочимъ, найдены были двѣ желѣзныя вещи, служившія, вѣроятно, церковнымъ запоромъ. Слѣды православныхъ церквей сохранились также въ ур. Рай и близъ деревень—Щеглятинъ, Ласковицы и Дражаево; во всѣхъ этихъ мѣстахъ есть урочища, называемыя церквисками.

Въ мѣстной православной церкви находится нѣсколько старинныхъ иконъ, именно: Икона сошествія Св. Духа на апостоловъ, ҂ахѯи. — Икона Божіей Матери, византійскаго письма, въ очень старой серебряной ризѣ; на оборотной сторонѣ надпись—Revocatio anno 1581; взята изъ францисканскаго монастыря. — Икона Божіей Матери ҂ахм; въ холщевой, расписанной серебромъ и сусальнымъ золотомъ, ризѣ.— Образъ Николая Чудотворца, прекрасной живописи.—Обѣ послѣднія иконы взяты изъ Троицкаго монастыря и помѣщаются теперь въ приписной Варваринской церкви. Въ этой же церкви находится хотя и не столь художественная, но несомнѣнно древняя икона Великомученицы Варвары, и частица Животворящаго Креста Господня,—въ

---

[1]) Ѳ. Покровскій.—Виленскій музей древностей, табл. XIX.
[2]) Narbutt.—Dzieje staroż. narodu litewskiego, Wilno 1838. T. III. str. 412.

ковчежцѣ, чрезъ который проходитъ шнурокъ, припечатанный печатью съ гербомъ и епископскими регаліями, неизвѣстно, впрочемъ, чьими.

Рядъ церковныхъ иконъ долженъ быть пополненъ иконами и образками, случайно пріобрѣтенными въ Дрогичинѣ, или найденными на дрогичинскомъ городищѣ и входящими теперь въ составъ археологическихъ коллекцій. Изъ предметовъ этого рода значительнѣе другихъ пріобрѣтенія г. Авенаріуса, отосланныя имъ въ 1887 и 1888 годахъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Вотъ перечень этихъ предметовъ: Икона Успенія Богоматери; Аѳоній изображенъ въ костюмѣ іезуита.—Мѣдный образокъ св. Николая, съ мечемъ въ правой рукѣ и церковію въ лѣвой. — Часть двустворцевъ, съ финифтью на полѣ. — Пять мѣдныхъ тѣльныхъ крестиковъ.—Большой наперсный крестъ съ изображеніемъ Богородицы съ Младенцемъ Іисусомъ.—Мѣдный складень съ изображеніемъ въ средней части Богородицы со скипетромъ.—Мѣдные складни (2) съ изображеніемъ въ срединѣ Николая Чудотворца.—Двухсторонній складень малый.—Средняя часть складня съ изображеніемъ Страстной Богоматери.—Тѣльный образъ св. Николая. —То же, Богородицы съ І. Христомъ. — Большой мѣдный наперсный образъ Богородицы скорбящихъ радости.—Малый образъ Богородицы съ І. Хр.—Мѣдный складень: Николай Чудотворецъ и 12 святыхъ.—То же, безъ одной створки.—Малый мѣдный двустворчатый складень.—Малый мѣдный образъ св. Антипы.—То же, Іоанна Предтечи. — Мѣдный образъ съ Распятіемъ на av. и Троицей на rv. (оч. древній).—Круглый мѣдный образокъ: Распятіе съ предстоящими (оч. древній).—То же, на rv.—ветхозавѣтная Троица.—Большой наперсный крестъ съ Распятіемъ.—Средней величы мѣдный крестъ съ Распятіемъ. — Мѣдный овальный медальёнъ съ худо сохранившимся изображеніемъ. — Старинный серебряный крестикъ.—Мѣдный крестикъ очень заржавленный, древняго византійскаго типа (изломанный), вѣроятно, съ крышки евангелія. — Два сломанныхъ мѣдныхъ крестика.— Два свинцовыхъ крестика.—Два каменныхъ крестика разной формы [1]).

Къ разряду этого же рода памятниковъ должны быть отнесены нѣкоторые изъ перечисленныхъ выше предметовъ коллекціи Болсуновскаго, и здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о восемнадцати орнаментарныхъ и христіанскихъ каменныхъ и металлическихъ крестикахъ, рисунки которыхъ помѣщены въ изданіи г. Леопардова [2]).

Церковная библіотека дрогичинская богата рукописными и старопечатными книгами. — Въ приходской Никольской церкви заслуживаютъ вниманія слѣдующія книги. Рукописное евангеліе, безъ указанія времени и переписчика; пергаменные листы—въ перемѣжку съ бумажными; письмо древнее—съ юсами и тщательное, какъ печать. Апостолъ львовской печати, ҂ахзѕ. Богослужебникъ львовской печати, ҂ахнз. Цвѣтная тріодь: Вильна у Мамонича тыпографа року ҂ахдевятаго.

[1]) Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1886 г., № 55: Образа и кресты, найденные въ г. Дрогичинѣ и посадѣ Русскій Дрогичинъ, въ оврагахъ, послѣ размытія р. Буга, при копаніи картофельныхъ ямъ и обработкѣ огородовъ.

[2]) Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ частныхъ рукахъ, въ Кіевѣ. В. I. Табл. I и В. III—IV, Табл. V.

Достопримѣчательныя книги приписной Варваринской церкви. Два рукописныхъ евангелія, писанныхъ уставомъ, повидимому, XVI ст.; на одномъ изъ евангелій четыре акварели съ золотомъ, изображающія евангелистовъ. Рукописный апостолъ. Мѣсячная минея (Августъ), въ 1/4 листа, писана уставомъ. Рукописный нотный ирмологіонъ. Типиконъ, въ листъ, писанный уставомъ, повидимому, XVI ст. Маргаритъ св. Іоанна Златоустаго, острожской печати, 1595 г., въ 1/4 листа. Книга поученій огласительныхъ и тайнодѣйственныхъ св. Дороѳея, кіевской печати, 1627 г., въ 1/4 листа. Исторія Іоанна Дамаскина о жизни Варлаама и Іоасафа, кутеиской печати, 1633 года, въ 1/4 листа. Субботникъ (оставшійся отъ троицкаго монастыря) съ автобіографіею и сказаніемъ о троицкой церкви обновителя послѣдней, въ концѣ XVI стол., игумена Варлаама Левика; далѣе—чинъ, како творити поминовеніе; письмо—уставъ. Четвертый листъ разрисованъ перомъ: вверху — изображеніе Троицы, прославляющей Божію Матерь, внизу—Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ и четыре евангелиста, по сторонамъ—апостолы Петръ и Павелъ; въ срединѣ—заглавіе, киноварью, и „҂аф҃кѕ҃ окт ѕ҃ кꙁ дрогичинѣ“—На оборотной сторонѣ – изображеніе св. Іоанна Дамаскина: сидитъ передъ книгой (Всемірную славу) и чинитъ перо.—Въ субботникѣ послѣ поминовенія митрополитовъ и епископовъ упоминаются роды, теперь католическіе.

Въ архивѣ дрогичинскихъ церквей находится много различныхъ рукописныхъ документовъ XV, XVI и слѣдующихъ столѣтій. (С.).

125) с. **НАРОЙКИ**, 40°23′ – 52°29′, Наройской волости, Бѣльскаго уѣзда.

Въ предѣлахъ Наройской волости г. Глогеръ указываетъ двѣ доисторическихъ (кремневыхъ) стоянки; одна изъ нихъ находится около дер. Верхуцы Надбужской [1]), а другая въ полумилѣ отъ Дрогичина, близъ дер. Клызовки, на песчаномъ берегу безъимянной рѣчки, въ 1/4 мили отъ впаденія ея въ З. Бугъ [2]). Обѣ эти стоянки отличаются, впрочемъ, бѣдностію, и только на послѣдней изъ нихъ г. Глогеру удалось найти, кромѣ обычныхъ для такихъ мѣстъ осколковъ кремня, нѣсколько обломковъ кремневыхъ ножиковъ и короткій—широкій скребокъ.

Близъ дер. Бужиска есть озеро, на противоположномъ берегу котораго, въ разстояніи саженей ста отъ деревни, находится невысокій холмъ, имѣющій въ окружности около 60 саженей и извѣстный въ народѣ подъ именемъ „Сѣдлиска“. На этомъ холмѣ въ прежнее время находили обломки глиняной посуды и части разныхъ желѣзныхъ вещей [3]).

Въ трехъ верстахъ отъ Нароекъ, въ лѣсу находится насыпь, покрытая большими булыжными камнями; называется „Сватовскія могилки“. По народной легендѣ, здѣсь прежде росъ густой сосновый лѣсъ, чрезъ который пролегала узкая дорожка; на этой дорожкѣ разъ встрѣтились два свадебныхъ поѣзда, и когда ни тотъ ни дру-

---

[1]) Biblioteka Warszawska, 1876 r. Tom I, str. 131.
[2]) Idem, 1879 r. Tom I, srt. 143—5.
[3]) Архивъ Императорской Археологической Коммиссіи, 1885 г., дѣло № 17.

гой не хотѣли уступить дороги, между поѣзжанами завязалась драка, въ которой всѣ они поголовно легли на мѣстѣ и здѣсь похоронены. Сватовскія могилки, очевидно, одинъ изъ, такъ называемыхъ, каменныхъ могильниковъ, которыми богата юго-западная часть Бѣльскаго уѣзда, и которыхъ только въ одной Наройской волости насчитывается болѣе десятка. Здѣсь, кромѣ прилегающихъ непосредственно къ Дрогичину, г. Авенаріусъ [1]) указываетъ девять могильниковъ, расположенныхъ при слѣдующихъ деревняхъ: Скивы, Наройки, Путковица, Мельковица, Кореневка, Сады, Минчево, Клызовка и Вулька [2]). Нѣкоторые изъ этихъ могильниковъ были изслѣдованы г. Авенаріусомъ и упомянутымъ выше Сонгинымъ. При общемъ характерѣ перечисленныхъ каменныхъ могилъ съ другими имъ подобными [3]), кореневскія могилы представляютъ ту особенность, что здѣсь найдены были три вида бусъ [4]), которыхъ не встрѣчается въ другихъ могилахъ, именно: а) большія серебряныя бусы, внутри пустыя, довольно искусной филигранной работы, б) такія же, нѣсколько меньшія, нанизанныя на проволоку, и в) большія продолговатыя каменныя бусы съ рельефнымъ рисункомъ. Общій характеръ предметовъ, встрѣчающихся въ каменныхъ могилахъ, довольно наглядно опредѣляется Шнейдеровскою коллекціею Виленскаго музея [5]), въ которой есть, между прочимъ, нѣсколько предметовъ изъ „кладбища"—около д. Скивъ, именно: стальное кресало, оселокъ, два желѣзныхъ гвоздя и два куска перегорѣлой кости.—Въ коллекціи, собранной г. Авенаріусомъ, каменныя могилы наройскаго района представлены слѣдующими предметами: три серебряныхъ, съ мѣдной дужкой, полукольца; изломанная тонкая серьга; серебряная серьга съ мѣдной дужкой; буса изъ того же металла; большая каменная буса; три стеклянныхъ бусы; пряслица; круглое кольцо съ загнутымъ назадъ концомъ, изъ накладного серебра; сломанный желѣзный ножикъ [6]); кольцо съ загнутымъ назадъ концомъ, изъ накладного серебра; желѣзный ножикъ; горшокъ.

Къ категоріи очевидно каменныхъ могильниковъ должно быть отнесено и кладбище при деревнѣ Острожанахъ, которое въ 1857 году было изслѣдовано А. Будзинскимъ [7]) и, по его словамъ, составляло прямоугольникъ въ 120×80 кв. локтей, обведенный нѣкогда глубокимъ рвомъ, а затѣмъ валомъ, выложеннымъ изъ полевыхъ камней. „Можно предполагать, говоритъ А. Будзинскій, что ровъ былъ значительной глубины, такъ какъ во время раскопки гробницъ глубина его еще равнялась одному локтю,—такой же величины былъ и валъ. Кладбище находилось въ то время подъ лѣсомъ, въ уединенной мѣстности, вблизи довольно возвышенной,

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи.—Археологическая карта.

[2]) Каменныя могилы въ предѣлахъ Наройской волости,—въ двухъ, впрочемъ, только мѣстахъ,—именно — при Наройкахъ и при Красевице, указываетъ также и Ярошевичъ: Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, str. 194.

[3]) Характеристику ихъ см. Гродискъ.

[4]) Авенаріусъ.—Дрогичинъ Надбужскій, стр. 22.

[5]) Каталогъ Виленскаго музея, 1885 г. стр. 75 и слѣд. См. также въ текстѣ Гродискъ, Семятичи и др. м.

[6]) Перечисленные предметы найдены въ кореневскомъ могильникѣ, дальнѣйшіе—изъ мельковицкаго могильника.—Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1886 г. № 55.

[7]) А. Будзинскій. Археологическія розысканія въ Гродненской, бывшей Августовской, нынѣ Сувалкской и Ломжинской губерніяхъ, въ періодъ времени отъ 1857 до 1869 года произведенныя А. Будзин-

покрытой лѣсомъ горы. На вершинѣ горы, очевидно, человѣческою рукою были уложены большіе камни въ видѣ круга. Быть можетъ, это было мѣсто, на которомъ приносились жертвы богамъ.

Цѣлое кладбище и гробницы, заросшія толстымъ орѣшникомъ и терновникомъ, оставались нетронутыми съ незапамятныхъ временъ, и только въ концѣ 1857 года, когда изъ дер. Острожанъ перенесены были на это мѣсто усадьбы крестьянъ и устроена деревня вблизи кладбища, крестьяне начали разрушать каменную ограду, употребляя матеріалъ на фундаменты домовъ, и даже вынимать большіе камни изъ самыхъ могилъ.

На этомъ кладбищѣ находилось около тридцати гробницъ разнаго размѣра, длиною отъ трехъ до шести локтей. Нѣкоторыя гробницы были на всемъ протяженіи одинаковой ширины, около двухъ локтей. Расположены онѣ были правильными рядами; однѣ отдѣлялись другъ отъ друга извѣстнымъ пространствомъ земли, другія же только каменною стѣною, такъ плотно сложенною, что изъ одной могилы въ другую ничего не могло проникнуть. Всѣ эти могилы были покрыты большими, или же незначительныхъ размѣровъ кусками сѣраго гранита, которые, какъ оказалось при разборкѣ ихъ, расположены были тщательно въ извѣстномъ порядкѣ. Всякая могила такъ была устроена, что всѣ четыре ея стѣны были выложены камнемъ, причемъ камни своею плоскою стороною всегда обращены внутрь могилы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда высота камней болѣе глубины могилы, камни сами собою поднимаются незначительною своею частію надъ поверхностію земли, образуя такимъ образомъ невысокую ограду, когда же высота камней оказывалась меньше глубины могилы, нижнія части могильныхъ стѣнъ устраивались изъ мелкихъ камней, верхніе же слои изъ большихъ, чрезвычайно плотно соединенныхъ и всегда выдающихся наружу, плитъ.

Осмотрѣвъ кладбище, говоритъ г. Будзинскій, мы выбрали могилы, которыя намъ казались нетронутыми, и принялись раскапывать двѣ изъ нихъ, въ которыхъ, впрочемъ, не нашли ничего, принадлежащаго отдаленной древности."

Кромѣ каменныхъ могильниковъ, въ предѣлахъ Наройской волости немало обыкновенныхъ курганныхъ группъ. По указанію г. Авенаріуса [1]), онѣ—при слѣдующихъ деревняхъ: Верхуца Надбужная, Вулька, Клызовка, Минчево, Острожаны, Путковицы, Руница и Сады. Наблюдаемый во всѣхъ курганахъ этого рода обрядъ погребенія—трупосожженіе [2]).

Изъ отдѣльныхъ находокъ, къ району Наройской волости можетъ быть причисленъ кремневый топорикъ, найденный въ р. Зап. Бугѣ, противъ Гродка, Сѣдлецкой губерніи. Топорикъ этотъ еще не отшлифованъ и, повидимому, не былъ въ употребленіи. Приготовленъ онъ изъ волынскаго кремня, что даетъ поводъ пред-

---

скимъ.—Памятная книжка Сувалк. губерніи, на 1875 г. Отд. III, стр. 81—95; съ двумя таблицами рисунковъ. Перепечатка изъ Bibl. Warsz. 1871 г. Февраль.

[1]) Дрогичинъ Надбужскій, стр. 18.

[2]) Общую характеристику этихъ кургановъ см. въ текстѣ Дрогичинъ, Бѣльскаго у.

полагать, что въ доисторическую эпоху невполнѣ обработанные на Волыни топоры изъ кремня препровождались по Бугу въ Подлѣсье, а можетъ быть, и далѣе. [1]).

Изъ другихъ находокъ, въ предѣлахъ Наройской волости, извѣстны: желѣзный топоръ, изъ размытой могилы въ Верхуцѣ Надбужской, и глиняный кружокъ изъ кургана, въ урочищѣ Волынская Березина [2]). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ кладъ, найденный въ упомянутой выше дер. Бужискѣ, въ 20 саж. отъ дома крестьянина Столярчука. Кладъ обнаруженъ былъ свиньей, которая вырыла изъ земли серебряный обручъ, подобранный потомъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ Францемъ Лукасюкомъ. При раскопкѣ мѣста находки обруча найдено было еще восемь такихъ же обручей и глиняный сосудъ съ пятью серебряными слитками, изъ которыхъ одинъ, между прочимъ, напоминаетъ, такъ называемые, литовскіе рубли [3]). Кладъ этотъ препровожденъ былъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію [4]).

Въ Наройской православной церкви есть явленная икона Богоматери: явилась, по преданію, на грушѣ, куда ходили за нею съ крестнымъ ходомъ.—Среди церковныхъ книгъ, древнѣе другихъ—евхологіонъ львовской печати, 1645 г.

Къ разряду церковныхъ достопримѣчательностей должны быть отнесены и слѣдующіе три образка, случайно найденные въ предѣлахъ Наройской волости, именно: мѣдный образокъ съ изображеніемъ вознесенія пророка Иліи, найденный въ деревнѣ Минчево; позолоченный мѣдный складень съ изображеніемъ въ срединѣ св. Николая (Можайскаго), найденный въ урочищѣ „Горы“, и правая створка къ одному изъ дрогичинскихъ складней, найденная въ дер. Бужискѣ [5]). (С.).

* * *

126) г. КЛЕЩЕЛИ, 41°—52°35′, на р. Нурцѣ, Дубяжинской вол., Бѣльскаго у.

Нѣсколько выше г. Клещелей, надъ рѣкою Нурцемъ, находится довольно обширный, поросшій по мѣстамъ ольхою, лугъ, называемый „*Ознич*иска“, каковое названіе указываетъ будто-бы на существованіе здѣсь въ языческія времена мѣста религіознаго культа [6]).

На Ю. отъ дер. Круглаго наблюдаются довольно явственные слѣды доисторической стоянки. При посѣщеніи этого мѣста въ 1882 году г. Глогеромъ, здѣсь найдено было незначительное количество кремневыхъ осколковъ, а также половина серпентиноваго топорика со сверлиной, кремневый шлифованный топорикъ, сильно поврежденный, большой и замѣчательно красивый кремневый наконечникъ дротика, два наконечника стрѣлъ, нѣсколько ножиковъ, нуклеусовъ и черепки сосудовъ, ко-

---

1) Biblioteka Warszawska, 1882 г. Tom I, str. 148.
2) Архивъ Импер. Арх. Коммиссіи, 1886 г., № 55.
3) Ср. Ө. Покровскій.—Виленскій музей древностей, 1892 г. Табл. XIX, 4—9.
4) Архивъ Коммиссіи, 1835 г. Дѣло № 17.
5) Архивъ Импер. Арх. Коммиссіи, 1886 г., № 55.
6) Miasto Kleszczele na Podlasiu.—Biblioteka Warszawska, 1845. Tom III, стр. 173.

торые были приготовлены изъ глины, съ примѣсью толченаго гранита, и орнаментированы [1]).

Въ одиннадцати верстахъ отъ Бѣльска, по дорогѣ въ Клещели, въ лѣсу им. Малинниковъ находится круглая, въ 400 кв. саженей, площадь, обнесенная двумя концентрическими валами и рвами. Длина внутренняго вала 69, а наружнаго 125 саженей; ширина каждаго изъ валовъ—2 саж., а ширина рвовъ—5 арш. Въѣздъ—съ восточной стороны [2]). По преданію [3]), насыпь сооружена во время польско-шведскихъ войнъ. По свидѣтельству Ярошевича [4]), городище при им. Малинникахъ, несомнѣнно, археологическаго характера и представляетъ наиболѣе оригинальный изъ памятниковъ этого рода. Состоитъ оно, по словамъ Ярошевича, изъ двухъ кольцеобразныхъ рвовъ и валовъ. Діаметръ внутренней его площади 50 шаговъ; высота валовъ со рвами 24 шага, ширина рвовъ 5—6 шаговъ, а высота валовъ отъ основанія 6 локтей. Въѣздовъ въ городище, судя по перерывамъ рвовъ и валовъ, было два,—съ сѣверной и южной сторонъ [5]).—Другое, обнесенное также валомъ и рвомъ, обширное городище находится между деревнями: Чехи, Шешилы и Красное Село; расположено оно среди неприступныхъ болотъ, рядомъ съ урочищемъ „Кобыльи головы“, на берегу рѣки Нурчика [6]). Къ разряду городищъ также должна быть отнесена и, находящаяся въ 300 саж. отъ им. Вольки, круглая насыпь, съ поперечникомъ въ 8 саж. Во время запашекъ расположеннаго на насыпи поля постоянно попадаются человѣческія кости. Сооруженіе этой насыпи народъ относитъ ко времени шведско-польскихъ войнъ.

На упраздненномъ кладбищѣ м. Боцекъ много находятъ серебряныхъ польскихъ и прусскихъ монетъ не древнѣе, впрочемъ, XVII ст.

Въ Боцьковскомъ костелѣ находится часть терноваго вѣнца Спасителя, похищенная въ XVI столѣтіи въ Римѣ однимъ изъ Сапѣговъ, бывшимъ тамъ польскимъ посломъ [7]).

Въ Клещельской православной церкви есть евангеліе львовской печати, 1629 г. (ЗС. У. П.).

127) с. РОГАЧИ, 40°52′—52°30′, на р. Нурчикѣ, Рогачской вол., Брестскаго у.

Среди самаго села Рогачей есть насыпь, которая, по преданію, осталась отъ временъ шведскихъ войнъ. — Въ четырехъ верстахъ къ В. отъ Телятичской церкви находится небольшой холмъ, поросшій лѣсомъ и покрытый каменнымъ щебнемъ и мусоромъ; холмъ и вся прилегающая къ нему лѣсная площадь называется или замчискомъ, или замчисками, потомучто, по преданію, въ старину здѣсь находился за-

---

[1]) Biblioteka Warszawska. 1883 г. Tom I, str. 142.
[2]) Сообщеніе волостного писаря: по свѣдѣніямъ учителя—съ сѣверной и южной.
[3]) По сообщенію учителя, преданій—нѣтъ.
[4]) Biblioteka Warszawska, 1858 г. Z. CLII. str. 196.
[5]) О существованіи окоповъ (называемыхъ шведскими), при дер. Малинникахъ упоминается также въ описаніи м. Клещелей, пом. въ Biblioteka Warszawska, 1845 г. Tom III, str. 173.
[6]) Biblioteka Warszawska, 1853 г. Z. CLII, str. 146.
[7]) Отсюда будто-бы, между прочимъ, и названіе мѣстечка—Боцьки.

мокъ. Съ западной стороны площадь холма понижается, обнаруживая, такимъ образомъ, слѣды бывшаго здѣсь въѣзда; а съ восточной стороны холмъ огибается рвомъ. Разъ сдѣлана была на холмѣ попытка раскопки, причемъ найдены были черепки глиняной посуды. У народа замчиско пользуется репутаціею заколдованнаго мѣста.— Въ полуверстѣ отъ дер. Семихочей есть конусообразная насыпь, называемая то шведскою горою, то шведскимъ курганомъ. Высота ея простирается до $2^1/_2$ саж., периметръ основанія—60 саженей. Насыпь считается общею могилою изъ временъ шведской войны, однородною съ тѣми, около десятка которыхъ находится на правомъ берегу рѣчки Пульвы, близъ д. Лумны, Половецкой волости. При начатой—было здѣсь разъ раскопкѣ найдены были человѣческія кости.

Между деревнею Верполемъ и сосѣднимъ съ ней лѣсомъ расположено нѣсколько параллельныхъ, идущихъ съ В. на З., рядовъ отдѣльныхъ насыпей. Мѣстность эта называется то „могилками", то „грабаркою", и считается кладбищемъ, оставшимся отъ какой-то стародавней войны, бывшей ранѣе шведской.

Около лѣсного урочища Занищево есть песчаная площадь, величиною около квадратной версты. Вѣтеръ, разнося песокъ, обнаруживаетъ здѣсь иногда кусочки янтаря, обрывки бронзовыхъ и мѣдныхъ цѣпочекъ и мелкіе угли. Въ 1886 г., подъ вліяніемъ также вѣтра, обнаружены были два, обращенныхъ головами на З., костяка, на черепахъ которыхъ находилось что-то въ родѣ киверовъ. Костяки зарыты на томъ же мѣстѣ.

Одинъ крестьянинъ села Рогачей нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашелъ на полѣ серебряную монету—$^3/_4$ талера герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго, 1808 г. (2С. У.).

* *

128) с. МАЛЕШИ, 40°39′—52°48′, Малешевской вол., Бѣльскаго у.

Въ разстояніи полуверсты на Ю. отъ дер. Лизы находится холмикъ въ 2500 кв. саженей, называемый могилками, потомучто, по преданію, здѣсь еще въ языческія времена хоронили покойниковъ. Въ позднѣйшее время, по словамъ народа, здѣсь былъ іезуитскій костелъ, отъ котораго, вѣроятно, и остались наблюдаемыя и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмика части булыжнаго фундамента. На холмѣ видна большая булыжная плита, которая по словамъ стариковъ, закрываетъ отверстіе, ведущее въ находящееся здѣсь подземелье. Въ подземельѣ, по народной молвѣ, есть кладъ, который теперешніе владѣльцы холма пробовали—было достать, но безуспѣшно.

На поляхъ дер. Сколимова находится большой курганъ, въ которомъ, по преданію, похороненъ со всѣмъ богатствомъ послѣдній вождь ятвяговъ, павшій въ битвѣ съ поляками [1]).

Въ уроч. Шарковомъ, принадлежащемъ прихожанамъ малешевской церкви, въ лѣсу—есть камень, называемый „Божья стопка". На немъ наблюдаются слѣдующіе оттиски: слѣдъ лѣвой человѣческой стопы, углубленіе, образовавшееся какъ

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ, 1872 г., № 5.

бы отъ прикосновенія концомъ палки, и изображеніе луны въ видѣ серпика. Народъ считаетъ эти знаки слѣдами Богородицы, которая проходила здѣсь, опираясь на посохъ. (С. У.).

129) г. БРЯНСКЪ, 42°30′—52°45′, на рѣкѣ Нурцѣ, Алексинской волости, Бѣльскаго у.

Уже предъ нашествіемъ татаръ въ Брянскѣ былъ построенный на земляной насыпи русскій княжескій замокъ [1]), остатки котораго, вѣроятно, и сохраняются теперь въ формѣ конусообразной насыпной горы, расположенной при впаденіи р. Бронки въ Нурецъ и извѣстной подъ именемъ Замчиско. На верху, въ срединѣ горы, есть углубленіе въ 20×10 кв. саж., такъ что вершина горы представляетъ обнесенную валомъ площадь, длина котораго 67 саж., а вышина около трехъ. Базисъ горы около 84 саж. въ окружности.

Другое, болѣе старое, городище находится въ разстояніи около версты отъ перваго; расположено оно на краю болота и называется „Камёнка“. Отъ него теперь остались только большіе камни и лишь слѣды вала. Мѣстные жители разсказываютъ разныя чудеса о показывающихся здѣсь кладахъ и о являющихся въ ночное время вѣдьмахъ и всадникахъ. Такъ описывается это городище у Ярошевича [2]). Въ настоящее время [3]) оно представляетъ до восьми копнообразныхъ возвышеній, состоящихъ изъ камня, перемѣшаннаго съ землею. И теперь это мѣсто народъ называетъ также „Камёнокъ“, но вмѣсто разсказовъ о явленіи здѣсь разныхъ страховъ говоритъ о существованіи здѣсь въ старину церкви.

Къ разряду этого же рода памятниковъ должна быть отнесена третья возвышенность, находящаяся на полѣ помѣщика, въ разстояніи 50 саж. отъ церкви села Андріанокъ. Курганъ этотъ (такъ называется возвышенность въ сообщеніи священника) имѣетъ форму круглой копны; ширина его у основанія 20 саж., вышина—2 саж.; на вершинѣ—квадратное углубленіе въ $1^1/_2$ аршина.—По народной молвѣ, здѣсь была нѣкогда церковь, впослѣдствіи провалившаяся подъ землю. Въ Пасху до сихъ поръ, по вѣрованію народа, лежа на этомъ курганѣ, можно слышать раздающійся подъ землею колокольный звонъ.

Въ разстояніи верстъ около трехъ отъ Брянска, на землѣ фол. Керенёвки, близъ бывшаго, такъ называемаго, Великаго военнаго тракта изъ Польши въ Россію, по берегамъ рѣчки Бронки, находится состоящее почти сплошь изъ болотъ и трясинъ урочище, называемое „Куматъ“. Недалеко отъ перекинутаго здѣсь черезъ р. Бронку моста поднимается небольшой холмъ, на вершинѣ котораго еще въ 1848 году можно было наблюдать слѣды кургана, постепенно уничтожавшагося отъ производившихся на горѣ запашекъ. Весь холмъ переполненъ былъ погребальными урнами, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Когда, въ 1829 году,

---

[1]) Бобровскій.—Гродненская губ., II, 987. Ср. Baliński.—Starożytna Polska. T. II. str. 1313.
[2]) Biblioteka Warszawska, 1853. CLII, str. 196.
[3]) Сообщеніе священника села Андріанокъ.

расквартированный въ окрестностяхъ Брянска, батальонъ піонеровъ корпуса литовско-русскихъ войскъ долженъ былъ для военныхъ надобностей раскопать часть холма, то онъ сейчасъ же наткнулся на остатки могилъ и долженъ былъ, по распоряженію своего начальства, прекратить раскопки, исправивъ предварительно и произведенную имъ порчу холма. Холмъ этотъ мѣстные жители называютъ (по крайней мѣрѣ, называли прежде) горою Кумата, равно какъ и находящійся на вершинѣ горы курганъ-могилою Кумата. Съ урочищемъ Кумата соединялась въ прежнее время слѣдующая легенда. При послѣднемъ вождѣ ятвяговъ Куматѣ между поляками и ятвягами произошло столкновеніе. Разбитые не разъ поляками и потерявшіе нѣсколько своихъ городовъ, въ томъ числѣ и столицу — Дрогичинъ, — всѣ способные носить оружіе ятвяги сосредоточились для послѣдней защиты по берегамъ р. Бронки, въ урочищѣ, называемомъ теперь „Куманъ", старики же и женщины съ дѣтьми скрылись въ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ также они зарыли въ землю унесенное съ собою изъ городовъ имущество, въ томъ числѣ и разные предметы религіознаго культа. Въ послѣдней битвѣ на р. Бронкѣ всѣ ятвяги, во главѣ съ Куматомъ, были перебиты, и сожженные, по языческому обычаю, трупы ихъ были погребены въ горѣ (теперь) Кумата, самъ же предводитель ихъ былъ погребенъ на вершинѣ горы. Неучаствовавшая въ битвѣ часть ятвяговъ, перейдя Наревъ, разселилась между нимъ и Нѣманомъ и, оставаясь, недолго, впрочемъ, послѣ этого, въ язычествѣ, сохранила память о Куматѣ причисленіемъ его къ своимъ богамъ [1]).

Близъ д. Замянова находится одинъ изъ многочисленныхъ въ предѣлахъ Бѣльскаго уѣзда, такъ называемыхъ, каменныхъ могильниковъ [2]). Характеристику ихъ см. с. Чижи, Бѣльскаго уѣзда.

Въ 60 саж. отъ д. Голіонки лежитъ конусообразный, безъ всякой отдѣлки, камень, съ изображеніемъ верхней части креста (съ двумя перекрестіями); нижняя часть креста вмѣстѣ съ камнемъ, очевидно, осѣла въ землю. По вѣрованію народа, камень лежитъ на могилѣ великана, хотя никакого могильнаго холма здѣсь незамѣтно.

Церковный архивъ села Андріанокъ отличается сравнительнымъ богатствомъ разныхъ не особенно, впрочемъ, древнихъ документовъ (С. П.).

130) м. ЦѢХАНОВЕЦЪ, 40°10′—52°42′, на р. Нурцѣ, Шкурецкой волости, Бѣльскаго уѣзда.

Въ самомъ мѣстечкѣ Цѣхановцѣ, на берегу Нурца находятся развалины замка гр. Оссолинскаго. Замокъ былъ окруженъ каналами и валомъ; по угламъ находились башни для пушекъ, остатки которыхъ (башенъ) и по настоящее время существуютъ въ развалинахъ. При очисткѣ каналовъ въ 1886 найдено было много ядеръ старой конструкціи.

---

[1]) O uroczysku historyczném, zwaném Kumat, przez W. Ossolińskiego.—Biblioteka Warszawska, 1848 r. Z. XCVI, str. 465.—Ярошевичъ (Biblioteka Warszawska, 1853 r. Z. CLII str. 197—8) указываетъ, вмѣстѣ съ Куматомъ, и другое урочище „Цвинтель". Расположено оно около дер. Олексина, на лѣвомъ берегу Нурца, и, по мѣстной легендѣ, также получило названіе отъ имени одного изъ ятвяжскихъ предводителей.

[2]) Biblioteka Warszawska, 1853 r. Z. CLII, str. 194.

По дорогѣ изъ м. Цѣхановца въ м. Семятичи, въ полуверстѣ отъ дер. Мальца, стоитъ „курганъ", имѣющій въ окружности 10 саженей, а въ высоту—около $1^1/_2$ сажени. Въ основаніи кургана замѣчаются камни. Въ народѣ есть молва, что въ этомъ мѣстѣ была когда-то православная церковь.—Къ СВ. отъ дер. Побикровъ насчитывается 12 кургановъ. Пять изъ нихъ, расположенные на небольшомъ возвышеніи по неправильной линіи, находятся на крестьянской землѣ. Первый изъ кургановъ имѣетъ въ окружности около 6 саж. и въ высоту до двухъ аршинъ. Второй, продолговатой формы, имѣетъ въ окружности 10 саж., а въ вышину около одной саж. Часть этого кургана, съ восточной стороны, была раскопана крестьянами, причемъ обнаружены были человѣческія кости, и найдено было заржавѣвшее ружье (?) и прекрасно сохранившійся карманный стальной ножъ. Третій и четвертый курганъ расположены рядомъ и едва ли не составляли первоначально одинъ курганъ, перекопанный впослѣдствіи продольною траншеею; длина каждаго изъ нихъ 10 саженей, общая ширина 4 саж. и вышина—1 сажень. Пятый, самый большой, курганъ имѣетъ въ окружности около 40 саж. и въ высоту 2 саж. Кругомъ его растетъ пять дубовъ, двѣ дикія яблони и три груши.—Слѣдующіе пять кургановъ разсматриваемой группы находятся на поляхъ им. Побикровъ, въ 100 саженяхъ къ Ю. отъ первыхъ, и расположены по одной параллельной съ ними линіи. Величину этихъ кургановъ нельзя опредѣлить, такъ какъ владѣлецъ им. Побикровъ ссыпаетъ на нихъ камни, собираемыя съ поля, и курганы эти представляются издали большими кучами камней. — Остальные два кургана той же группы расположены недалеко къ З. отъ первыхъ, на полѣ ксендза. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ окружности около 10 саженей и въ высоту 1 сажень. Одинъ изъ этихъ кургановъ побикровскимъ ксендзомъ былъ раскопанъ до глубины двухъ аршинъ, но въ немъ ничего, кромѣ камней и угля, не было найдено. — Всѣ эти курганы имѣютъ одно общее названіе—„Шведы", потомучто, по словамъ народа, здѣсь погребены шведскіе солдаты, убитые во время войны шведовъ съ поляками. Поляки, передаетъ соединенная съ этими курганами легенда, дали обѣтъ до świętej Kalwarii. Въ чемъ состоялъ этотъ обѣтъ—легенда умалчиваетъ, тѣмъ не менѣе продолжаетъ она, Богъ хранилъ поляковъ въ этомъ сраженіи, и потери ихъ были незначительны, между тѣмъ какъ шведовъ „мело какъ метлой". Для того, чтобы похоронить всѣхъ убитыхъ въ этомъ сраженіи шведовъ, потребовалось 12 большихъ могилъ, которыя и называются до сихъ поръ „Шведами".

Къ З. отъ д. Побикровъ есть еще одинъ курганъ, вышиною до 2 арш., называемый у народа „Французы". Если вѣрить словамъ 98-лѣтняго старика Челомея, который будто-бы самъ принималъ участіе въ погребеніи здѣсь умершихъ отъ изнуренія французовъ, курганъ этотъ, дѣйствительно, долженъ быть признанъ общею французскою могилою 12-го года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ крестьянъ д. Побикровъ выпахалъ на полѣ, близъ упомянутыхъ „Шведовъ", золотую монету, которая была у него пріобрѣтена владѣльцемъ имѣнія Побикровъ за 15 рублей; какая это была монета—неизвѣстно.—Въ 1886 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію доставлено было четырнадцать монетъ (испанскій талеръ, 1628 г., и польскіе 6 и 3—грошовики и

полторакъ), найденный двумя крестьянскими дѣвочками дер. Гранно на берегу р. Буга, гдѣ, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, вообще монеты попадаются нерѣдко[1]).

Въ Цѣхановецкой православной церкви есть потиръ ҂аҳоз. (С. У. П.).

* *

131) с. ГРОДИСКЪ, 40°24′—52°37′, Гродисской вол., Бѣльскаго уѣзда.

Въ самомъ Гродискѣ до сихъ поръ сохраняются остатки древняго земляного укрѣпленія (городка), имѣвшаго, повидимому, въ окружности около 160 саженей. Часть ровной его площади въ настоящее время застроена фольваркомъ им. Гродискъ. Окружавшіе городокъ валы уцѣлѣли только на западной сторонѣ.

Въ разстояніи одной версты на СВ. отъ села Чарны-Церковной есть четырехугольная возвышенность, имѣющая въ длину, съ В. на З., семь саж., въ ширину 4 саж. и въ вышину аршина полтора. Шагахъ въ 5—6 отъ нея на З. поднимается небольшой холмикъ. Мѣсто это называется „церквиско", потомучто, по словамъ народа, въ прежнее время на четырехугольной возвышенности стояла церковь, а на холмикѣ—колокольня, которыя ушли впослѣдствіи подъ землю. Въ народѣ ходитъ цѣлая легенда по поводу исчезновенія церкви, именно: Разъ въ Свѣтлый праздникъ одна баба, — злая колдунья, пошла въ полночь въ эту церковь къ заутрени и дорогою упала въ грязь. Отряхая грязь, колдунья со злостью закляла церковь: „бо дай она се запала, якъ я се поваляла" (выпачкалась). По слову колдуньи, церковь провалилась подъ землю. До сихъ поръ, добавляетъ легенда, если на церквискѣ въ Святую ночь, предъ Свѣтлымъ праздникомъ, приложить ухо къ землѣ, слышно бываетъ подъ землею и пѣніе и звонъ колоколовъ.—Народъ указываетъ лице (конечно, давно умершее), которое будто-бы выпахало возлѣ церквиска металлическій крестъ, какіе обыкновенно ставятся на церквахъ.—Въ Ноябрѣ 1886 года въ юго-западномъ углу церквиска случайно были обнаружены слѣды, повидимому, фундамента. — Слѣды фундамента обнаружены также на другомъ холмѣ, находящемся въ разстояніи 200 шаговъ отъ церкви с. Чарны Церковной.

Курганы въ предѣлахъ Гродисской волости, по сообщенію г. Авенаріуса [2]), находятся въ трехъ мѣстахъ: по одной группѣ близъ с. Гродиска и д. Макарковъ и двѣ группы близъ дер. Чарны [3]).—Г. Шритеръ [4]) указываетъ пять кургановъ (одинъ большой и четыре малыхъ) при дер. Чарнѣ Великой, одинъ—въ полуверстѣ отъ дер. Чарны Церковной и пять, вышиною въ 1 — 2 арш. каждый, при имѣніи Смолюги.—Мѣстный, гродисскій священникъ говоритъ о существованіи одного большого кургана, съ площадкою на верху въ 200 саж., къ В. отъ дер. Чарны Великой, и цѣлой группы мелкихъ кургановъ—между деревнями Чарной и Макарками. Наконецъ, учитель чарнянскаго училища указываетъ пять кургановъ на землѣ крестьянъ деревни

---

[1]) Архивъ Коммиссіи, 1886 года, № 36.

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4, стр. 18.

[3]) Характеристику кургановъ см. Дрогичинъ, Бѣльскаго уѣзда.

[4]) Топографическія свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ въ Гродненской губерніи, стр. 13.

Чарны-Церковной: четыре круглыхъ, высотою до $1^1/_2$ саж. каждый, и одинъ, называемый въ народѣ „церквиско“, четырехугольный (см. выше).

Въ сообщеніи священника, учителя и волостного писаря, очевидно, курганы не различаются отъ, такъ называемыхъ, каменныхъ, по терминологіи г. Авенаріуса, могильниковъ, типичнымъ представителемъ которыхъ является могильникъ, близъ деревни Чарны Великой.

Въ разстояніи полуверсты на В. отъ д. Чарны Великой, среди пахатнаго поля, возвышается небольшой холмъ, занимающій площадь въ десятину и представляющійся издали громадной кучей дикаго камня. Это и есть одинъ изъ нерѣдкихъ въ Надбужьѣ каменныхъ могильниковъ. Отдѣльныя могилы такихъ могильниковъ въ общемъ болѣе или менѣе одинаковы: онѣ имѣютъ по большей части форму прямоугольника, длиною въ 3 — 4 арш. и шириною въ $1^1/_2$ — 3 арш.; иногда встрѣчаются и овальныя могилы тѣхъ же размѣровъ. Всѣ онѣ совершенно плоскія и если выступаютъ надъ уровнемъ материка, то не болѣе какъ на $^1/_2$ аршина.

Устройство могилъ и обрядъ погребенія г. Авенаріусъ [1]) описываетъ слѣдующимъ образомъ. „Мѣсто, выбранное для могилы, обкладывалось большими валунами стоймя, иногда въ видѣ плотной циклопической стѣнки (какъ напр. въ Грабнякѣ и Чарнѣ), или просто въ видѣ вѣнца (напр. въ Мельковицѣ), причемъ въ головахъ и ногахъ покойника ставился самой большой камень, плоской стороной внутрь. Такимъ образомъ, получалось нѣчто въ родѣ плоскаго четыреугольнаго или овальнаго плоскаго ящика, глубиною въ 1—$1^1/_2$ арш. Въ большей части случаевъ этотъ ящикъ углублялся на $^1/_2$ или 1 арш. (въ Чарнѣ—на 2) вырытіемъ могильной ямы, но иногда яма вовсе не дѣлалась. Дно могилы или просто утрамбовывалось, или вымазывалось глиной, или, наконецъ, выкладывалось мелкимъ булыжникомъ. На это дно клали покойника съ его приданымъ, оружіемъ, украшеніями и т. п. Засыпавъ покойника небольшимъ слоемъ земли, ставили ему въ ногахъ (а иногда, кажется, и въ изголовьи) глиняный горшокъ съ остатками тризны, затѣмъ забрасывали весь ящикъ обыкновеннымъ булыжникомъ, почти до краевъ каменной стѣны. Очень часто могилы (именно прямоугольныя) устраивались вплотную, одна возлѣ другой. Въ такомъ случаѣ продольныя стѣны дѣлаются общими для двухъ могилъ. Вслѣдствіе описаннаго устройства могилъ, атмосферныя вліянія, въ большей части случаевъ, или совершенно уничтожили костяки и металлическіе предметы, или оставили отъ нихъ только немногіе слѣды.—Въ могилахъ подобнаго рода всетаки встрѣчаются желѣзные ножи, топоры, кресала, пряслицы, стекляныя бусы, неспаянныя бронзовыя кольца, точильные бруски и т. п. предметы, вообще, однородные съ попадающимися на дрогичинскомъ городищѣ [2]). Кромѣ того, особенность каменныхъ могилъ составляютъ, во первыхъ, оригинальныя по своей формѣ довольно большія и толстыя, не вполнѣ замкнутыя, кольца, сдѣланныя частію изъ чистаго, частію изъ накладного на мѣди серебра; одинъ конецъ кольца обыкновенно заканчивается завиткомъ,

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4, 1890 г., стр. 21.
[2]) См. Дрогичинъ, Бѣльскаго уѣзда.

сквозь который продѣвался шнурокъ. По предположенію г. Авенаріуса, кольца эти употреблялись въ качествѣ головного украшенія [1]). Другую типическую особенность каменныхъ могилъ составляютъ массивныя, неспаянныя и заостренныя на концахъ кольца, скованныя изъ двухъ толстыхъ серебряныхъ проволокъ и формою напоминающія серебряныя запястья, находимыя въ другихъ мѣстахъ Россіи, какъ, напримѣръ, браслетъ, найденный въ Луцкѣ и принадлежащій г-жѣ Уструговой. Въ частности, особенность могильника въ Чарнѣ Великой составляютъ находки бронзовыхъ плоскихъ браслетовъ, съ загнутыми въ видѣ завитушекъ концами и съ узоромъ въ видѣ простыхъ городковъ (найдено всего два экземпляра)".

Изслѣдованіе описаннаго могильника было произведено въ 1887 году г. Авенаріусомъ, и о результатахъ изслѣдованія сообщено было въ Имп. Археол. Коммиссію, куда вмѣстѣ съ тѣмъ пересланы были и слѣдующія, добытыя въ могильникѣ при Чарнѣ Великой, вещи: серебряныя полукольца (девять) съ мѣдной дужкой; витая серьга изъ того-же металла; перстень; плоское кольцо; изломанный желѣзный ножикъ; пряслица; половина желѣзнаго кольца; желѣзный топоръ; два желѣзныхъ небольшихъ ножика; желѣзное кресало; два необыкновенно большихъ желѣзныхъ гвоздя; большое желѣзное сломанное кольцо; два плоскихъ бронзовыхъ браслета, изъ которыхъ одинъ съ узоромъ; массивная бронзовая пряжка съ отчетливымъ узоромъ; бронзовое плоское кольцо; два большихъ круглыхъ, неспаянныхъ, посеребреныхъ кольца; мѣдный посеребреный круглый перстень съ витымъ узоромъ; круглыя (3), неспаянныя, съ завороченнымъ назадъ однимъ концомъ, кольца изъ накладного на мѣди серебра; средней вечины буса изъ синяго стекла; малый, сломанный оселокъ со сверлиной; пряслица [2]).

Еще ранѣе раскопку чарнянскихъ могилъ производилъ акцизный чиновникъ Сонгинъ, и часть найденныхъ имъ предметовъ передана въ краковскій, а другая въ виленскій музей. Въ послѣднемъ предметы эти составляютъ отдѣльную „коллекцію, пожертвованную Шнейдеромъ" [3]). Въ этой коллекціи числятся, между прочимъ, слѣдующіе, найденные на кладбищѣ въ Чарнѣ Великой, предметы. Черепъ взрослаго мужчины. Черепъ ребенка и часть скелета. Двадцать пять большихъ желѣзныхъ гвоздей. Девять бронзовыхъ колецъ, нанизанныхъ на кожѣ. Изломанная бронзовая серьга, рѣзной работы. Три стеклянныя бусы. Кусочки кожи, нитокъ и плетенки. Бронзовая пряжка со шпинькомъ. Четыре желѣзныхъ топора. Разломанное желѣзное кольцо въ $3^1/_2$ вершка въ діаметрѣ. Обломокъ желѣзнаго ножа. Желѣзная ручка (дужка) отъ корзинки или ведра. Желѣзная ручка отъ корзинки. Мѣдная пряжка. Желѣзное кольцо въ $1^1/_2$ вершка въ діаметрѣ. Мѣдное кольцо, обложенное серебромъ. Два стальныхъ кресала. Двѣ серебряныя серьги. Два изломанныхъ бронзовыхъ кольца. Оселокъ. Четыре серебряныя серьги. Серьга изъ сѣраго

---

[1]) Ср. довольно распространенныя и близкія по формѣ къ описываемымъ, такъ называемыя, височныя кольца.

[2]) Архивъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1886 г., № 55.

[3]) Каталогъ предметовъ Виленскаго музея древностей, 1885 г., стр. 75.—Коллекція, пожертвованная г. Шнейдеромъ.

твердаго металла. Три мѣдныхъ серьги, обложенныя серебромъ. Желѣзный ножикъ. Бронзовое кольцо. Мѣдная серьга. Серебряное кольцо. Каменная буса искусной отдѣлки. Серебряный бубенчикъ искусной рѣзной работы. Серебряное кольцо съ тремя бубенчиками. Двѣ серебряныя бусы, покрытыя искусною рѣзьбою. Большая граненая буса изъ стекла темно-фіолетоваго цвѣта. Металлическое плетеное кольцо. Разломанное бронзовое кольцо съ тремя бубенчиками. Мѣдная серьга, обложенная серебромъ. Четыре голубыя бусы. Двадцать три бусы фіолетоваго цвѣта. Буса изъ неизвѣстнаго состава бѣлаго цвѣта. Двадцать шесть стеклянныхъ бусъ, фіолетоваго и голубаго цвѣта. Двѣ бронзовыхъ пряжки. Серебряное кольцо. Бронзовый медальёнъ. Бронзовая серьга. Мѣдное украшеніе съ рисунками. Кусочекъ согнутаго желѣза. Небольшой камень съ отверстіемъ (грузило). Два бронзовыхъ кольца. Желѣзное кольцо, разломанное [3]).

Однородные съ описаннымъ сейчасъ могильники находятся также при деревняхъ: Чарна Средняя, Чарна Церковная и Смолюги. При дер. Чарнѣ Церковной есть, кромѣ того, древнее христіанское кладбище.

При дер. Семены, около общественнаго хлѣбнаго магазина, дождевая вода, размывая рыхлую почву, нерѣдко обнаруживаетъ человѣческія кости. Народъ думаетъ, что здѣсь было когда-то кладбище.

Въ церкви села Чарны Церковной есть двѣ иконы,—святой Анны и Богоматери,—стараго греческаго письма; къ сожалѣнію, при обновленіи ихъ въ 1875 году, онѣ были живописцемъ испорчены.—Особеннымъ вниманіемъ у прихожанъ пользуются находящійся въ притворѣ крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ Спасителя (ноги пригвождены двумя гвоздями) и нагорняя икона Покрова Пресвятой Богородицы. Заслуживаетъ также нѣкотораго вниманія большое количество хранящихся въ кладовой иконъ изъ стараго иконостаса и старинная уніатская церковная утварь (2С. У. П.).

Бассейнъ р. Припяти.

132) с. **ГОРКИ**, 42°55′—51°54′, на рр. Кривицѣ и Россохѣ, Одрижинской волости, Кобринскаго уѣзда.

Между рѣками Кривицей и Припятью, среди болота возвышается покрытая хвойнымъ лѣсомъ гора, въ почвѣ которой до сихъ поръ находятъ старый кирпичъ.

[3]) Ibid. стр. 75—84.

По преданію, здѣсь былъ монастырь, куда пріѣзжали монахи миссіонеры изъ Пинска и Турова.

Въ казенной Гнѣвчицко-Рогодощской дачѣ находится три кургана, высотою каждый около одного аршина и въ діаметрѣ—до одной сажени [1]).

На полѣ дер. Морозовъ, на мѣстѣ распаханнаго теперь кургана, найденъ былъ желѣзный мечъ [2]).

Въ ур. Війско находится часовня съ иконами Божіей Матери, Іисуса Христа и пр. Иліи. Сюда въ десятую пятницу стекаются съ разныхъ сторонъ богомольцы. Въ народѣ ходитъ легенда о двухъ охотникахъ, ослѣпшихъ на охотѣ въ день Пасхи и блуждавшихъ послѣ этого по лѣсу въ теченіи десяти недѣль—до тѣхъ поръ, пока явившаяся имъ Богородица не указала находящійся и теперь при часовнѣ колодецъ, умывшись въ которомъ, охотники снова прозрѣли. (С.).

* * *
* *

133) с. СМОЛЯНИЦА, 42°16′—52°42′, Носковской вол., Пружанскаго у.

Въ $2^1/_2$ верст. отъ с. Смоляницы, на крестьянскихъ поляхъ, есть два кургана или, по мѣстному названію, скопца, въ разстояніи одинъ отъ другого около $^1/_2$ версты. Оба они круглой формы, и вышиною каждый въ два аршина. Народъ считаетъ ихъ могилами изъ временъ французской войны.

Лѣтъ около тридцати тому назадъ на крестьянскихъ поляхъ были находимы каменные молотки, а еще ранѣе найдена была громовая стрѣла, круглой формы и со сверлиною.

На полѣ, около смоляницкихъ кургановъ, разъ выпахана была шпора, а лѣтъ 40 тому назадъ въ ур. Клинъ выпаханъ былъ штыкъ. (У.).

134) м. СЕЛЕЦЪ, 42°33′—52°35′, Селецкой вол., Пружанскаго у.

Въ м. Сельцѣ названіе одной улицы Замковою и сохраняющіеся до сихъ поръ камни отъ фундамента свидѣтельствуютъ о существованіи дѣйствительно бывшаго здѣсь въ XVI ст. замка и при немъ кальвинской церкви. Въ замкѣ обитала королева Бона, которая, по народному преданію, была кальвинистка.

Въ ур. Мурмажево, на правомъ берегу рѣки Ясельды, находятся окопы, которые, какъ и въ сосѣдней Картузъ-Березской волости, народъ относитъ ко времени шведской, или французской войны, когда они построены были для постановки на нихъ орудій.

При дер. Ворожбитахъ, въ уроч. „Маньковъ Грудъ“ лѣтъ тридцать тому назадъ крестьяниномъ Прк. Шумомъ было найдено до полугарнца старинныхъ серебряныхъ монетъ. (С. У.).

---

[1]) Сообщеніе мѣстнаго лѣсничаго
[2]) Idem.

135) м. КАРТУЗЪ-БЕРЕЗА, 42°38′—52°32′, Картузъ-Березской волости, Пружанскаго уѣзда.

Въ ур. Лагеры, въ 100 саж. отъ Москов.-Брестской желѣзной дороги, противъ 924-й версты ея отъ Москвы, находится насыпной валъ, длиною въ 12 саж., вышиною въ 2 и шириною въ 6 саж. Валъ поросъ довольно крупнымъ лѣсомъ. По словамъ однихъ крестьянъ, валъ построенъ во время какой-то войны, другіе же говорятъ, что онъ построенъ бывшею на постоѣ въ м. Березѣ русскою артиллеріею.—Около вала разъ найдено было чугунное ядро, вѣсомъ въ 8 фунтовъ.

Въ двухъ верстахъ отъ м. Березы, при р. Ясельдѣ, на крестьянской землѣ есть 10 круглыхъ, около 2 арш. въ вышину и 15 саж. въ окружности, насыпей, называемыхъ баттареями и относимыхъ народомъ ко времени французской, или шведской войнъ, когда онѣ были насыпаны для постановки на нихъ пушекъ. Нѣсколько такихъ насыпей (прежде ихъ было больше десяти) при починкѣ дорогъ было разрыто, но ни костей, ни какихъ вещей при раскопкѣ этихъ насыпей не было обнаружено.

Однѣ кости, а раньше находимыя вмѣстѣ съ мѣдными, серебряными и золотыми крестиками, кольцами, серьгами и тому подобными предметами, попадаются въ холмѣ „Казацкая гора", находящемся при дер. Зарѣчьѣ, въ 50 саж. отъ р. Ясельды. При нѣкоторыхъ изъ костей есть признаки гробовъ, въ большинствѣ же случаевъ кости сгруппированы въ безпорядочныя кучи. Такія же кости находимы были съ другой стороны д. Зарѣчья, въ песчаномъ холмѣ, въ разстояніи одной версты отъ Казацкой горы [1].—Казацкую гору, очевидно, имѣетъ въ виду и мѣстный священникъ, говоря о существованіи въ районѣ прихода кладбища, на которомъ будто-бы погребены умершіе отъ болѣзней войны 12-го года, и гдѣ изъ-подъ песку часто выступаютъ кости, около которыхъ находятъ крестики и образки съ различными надписями,—чаще съ французскими и польскими,—рѣже—съ славянскими.—О находкѣ костей въ песчаномъ холмѣ, находящемся въ разстояніи одной версты отъ Картузъ-Березы, упоминаетъ также и г. Шулицкій [2]. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ уроч. Выгонъ, въ 100 саж. отъ р. Ясельды, найденъ украшенный драгоцѣнными камнями орденъ (?) вмѣстѣ съ золотыми и серебряными кольцами, цѣпочками, пряжками и сережками и большимъ количествомъ иностранныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

Около 30 лѣтъ тому назадъ, близъ дер. Зарѣчья, на огородѣ найдены иностранныя старинныя серебряныя монеты. Въ 1889 году въ упомянутомъ выше урочищѣ Лагеры найдено шесть иностранныхъ мѣдныхъ монетъ, на которыхъ замѣтна только цыфра—2. Въ 1892 г. въ уроч. Помстищѣ, въ $1^1/_4$ верст. отъ Ясельды, найдена серебряная монета, величиною немного болѣе русскаго полтинника: на одной сторонѣ

---

[1]) Сообщеніе мѣстнаго учителя.

[2]) Труды предварительнаго комитета IX Археологическаго съѣзда, приложеніе къ шестому протоколу.

ея—Arch. Avst. Dux. Burg. Brab. Com. Fland. 1757. и орелъ съ короной, на другой—крестъ съ четырьмя коронами между его оконечностями и надпись...(стерта).

Въ православной церкви с. Блудня есть евангеліе виленской печати, 1644 года.—Въ 1894 году въ Виленскій музей древностей поступила печать cerkwi paraf. Kartuzo. Bereskiey. pod. tytul. SS. AA. Piot. y. Paw., съ изображеніемъ Петра и Павла. (С. У.).

* *

136) м. МАЛЕЧЬ, 42°20′—52°28′, Малечской вол., Пружанскаго уѣзда.

На В. у самого мѣстечка, близъ кладбища, на возвышенномъ песчаномъ мѣстѣ, есть курганъ, называемый Капитанка. При копаніи песку здѣсь находятъ человѣческія кости. По преданію, лѣтъ 200 тому назадъ въ этомъ мѣстѣ происходила битва, и въ курганѣ, между прочимъ, похороненъ убитый капитанъ.

Въ мѣстной церкви находится явленная икона Богоматери; явилась, по свидѣтельству визитныхъ записей, въ 1500-хъ годахъ. — Въ архивѣ церковномъ есть евангеліе львовской печати, 1655 года, съ частицею мощей и славянскою записью жертвователя. (С.).

137) с. РЕВЯТИЧИ, 42°30′—52°25′, на р. Винецъ, Ревятичской волости, Пружанскаго уѣзда.

Крестьянами села Сегневичей въ ур. Дубахъ найденъ былъ чугунный топорикъ съ такою же рукояткой, а въ канавѣ сегневичской гребли найдено было пушечное ядро; и тотъ и другой предметъ уничтожены. (У.).

138) с. МАТВѢЕВИЧИ, 42°45′—52°24′, на р. Ясельдѣ, Матвѣевичской волости, Пружанскаго уѣзда.

У волостного оспопрививателя Кутасевича есть каменный молотокъ бѣлаго цвѣта и круглый разноцвѣтный камень. (У. Рев. у.).

139) м. ХОМСКЪ, 42°52′—52°20′, Хомской вол., Кобринскаго уѣзда.

Въ двухъ верстахъ отъ дер. Жаберъ, по направленію къ дер. Старомлынамъ, на правомъ берегу р. Ясельды, находится городище, извѣстное у народа подъ именемъ „Замокъ“. Форма городища четырехугольная, и на углахъ находятся насыпи, въ родѣ редутовъ. Вся площадь его заключаетъ въ себѣ 2 десятины и 2235 кв. саженъ. Расположено городище на возвышенномъ мѣстѣ и съ сѣвера примыкаетъ къ р. Ясельдѣ, а съ остальныхъ сторонъ обведено канавою, шириною отъ 7 до 10 саженъ. Въѣздъ въ городище—съ Ю. — По разсказу народа, „Замокъ“ сооруженъ польскими королями. Внѣшнія укрѣпленія окончательно разрушены въ 1858—60 гг. по распоряженію администраціи им. Хомска, на землѣ котораго этотъ замокъ находится.—Вблизи городища крестьяне находили монеты, пули и ядра. Три найденныхъ здѣсь ядра, изъ которыхъ два вѣсятъ по 20 фунтовъ, разысканы были,

между прочимъ, у крестьянъ д. Жаберъ въ 1889 году управляющимъ им. Хомска, г. Бѣлинскимъ [1]).

Въ предѣлахъ Хомской волости находится шесть курганов ъ, именно: два (на полѣ, на берегу болота)—при м. Хомскѣ, два (на низкомъ мѣстѣ, среди луговъ) при фол. Лятаринѣ и два—при дорогѣ, ведущей изъ м. Хомска въ дер. Симоновичи, Брашевичской вол. Въ послѣднихъ двухъ курганахъ, по предположенію стариковъ, погребены два какихъ-то странника. Въ прежнее время на этихъ курганахъ находилось будто-бы по столбу, съ какими-то надписями [2]). (У. П.).

* *

140) с. **БѢЛАВИЧИ**, 42°46′—52°43′, Коссовской вол., Слонимскаго уѣзда.

Къ бѣлавичскому району должно быть отнесено находящееся въ предѣлахъ Коссовской волости городище, расположенное въ разстояніи 601 метра на СВВ. отъ мерeчовскаго замка, на водораздѣлѣ между Гривдою (съ С.) и притоками Ясельды, на самомъ высокомъ изъ находящихся здѣсь нѣсколькихъ холмовъ. Площадь городища правильной эллиптической формы и обнесена съ трехъ сторонъ,—съ С., В. и Ю., рвомъ и валомъ. Высота вершины вала надъ дномъ рва $3^1/_2$ метра, длина площади, съ В. на З., 52 метра, а ширина 32 метра. На городищѣ ростутъ теперь ели и отчасти дубы. Въ 1871 – 72 гг. городище было изслѣдовано Яномъ Завишей, который такимъ образомъ описываетъ результаты своихъ наблюденій. „Копая на полметра въ глубину, натолкнулись мы при lit. Е. (около зап. периферіи городища; къ тексту приложены рисунки) на очень большое огнище, внизу котораго находились тщательно уложенные камни съ слѣдами огня; въ огнищѣ находились черепки сосудовъ, сдѣланныхъ изъ хорошо промятой глины, но при отсутствіи гончарнаго кружка; были тутъ и остатки очень грубыхъ сосудовъ, въ родѣ кусковъ обожженной глины.

Въ направленіи на Ю. отъ огнища, на глубинѣ ½—1 метра, оказалась каменная мостовая, шириною въ два локтя, идущая параллельно валу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мостовая прерывается расположенными на ней огнищами, и при этихъ огнищахъ чаще всего попадаются: кремневое оружіе, кости, коренные зубы вола или зубра, клыки собаки, передніе зубы свиньи или кабана. Въ огнищѣ, расположенномъ около сѣверной стороны городища, найдены были хорошо сдѣланные костяные наконечники стрѣлъ и много другого, бывшаго въ употребленіи, оружія изъ кремня. Людскихъ костей на окопѣ не найдено.

Съ противоположной стороны мерeчовскаго замка, на песчаномъ, поросшемъ вѣковыми соснами, пригоркѣ есть языческое кладбище: нѣсколько огромныхъ камней, расположенныхъ въ значительномъ разстояніи одинъ отъ другого. Послѣ поднятія одного изъ этихъ гранитныхъ камней, подъ нимъ оказались старательно уложенные мелкіе камни и подъ ними человѣческій скелетъ, лежавшій въ деревян-

---

[1]) Ср. сообщеніе лѣсничаго.
[2]) Ср. сообщеніе мѣстнаго лѣсничаго.

номъ гробу, или на доскѣ (остались только части дерева), въ направленіи отъ Запада на Востокъ. У ногъ скелета лежали угли, черепокъ глиняного сосуда и желѣзный ножъ съ деревяннымъ, погнившимъ черенкомъ. Кости скелета были совершенно цѣлы; длина черепа 19 стм., ширина 15 стм., такимъ образомъ, по складу, черепъ принадлежитъ къ разряду долихоцефальныхъ; впадина надъ глазами—небольшая, лобъ округлый, нижняя челюсть не выдается сильно, зубы передніе не стерты и въ хорошемъ состояніи: выбитъ лишь одинъ передній. Скелетъ принадлежалъ, судя по зубамъ и черепу, человѣку возмужалому.“

Кромѣ того, Я. Завишей раскопано пять кургановъ, разбросанныхъ по одиночкѣ въ коссовскомъ лѣсу. Ничего въ нихъ найдено не было, откуда Завиша опредѣляетъ эти курганы въ смыслѣ сторожевыхъ, т. е. указателей путей для кочевого народа [1]).

На Ю. отъ села Бѣлавичей наблюдается въ лѣсу, въ разныхъ мѣстахъ, четыре круглыхъ насыпи, высотою каждая въ 3 арш. и около 3 саженей въ діаметрѣ: первая находится въ ур. Хвоина, вторая—съ правой стороны дороги изъ фол. Боровики въ пос. Дѣды, третья—въ ур. Борскомъ, а четвертая,—съ канавкою вокругъ,—въ ур. Ростовщина. Въ 70-хъ годахъ первыя три насыпи были раскапываемы, съ цѣлію находки клада, землевладѣльцемъ Пусловскимъ, но въ нихъ найдены только одни угли [2]).—По сообщенію мѣстнаго священника, въ предѣлахъ Бѣлавичскаго прихода находятся также четыре кургана шарообразной формы, вмѣстимостью труповъ на 100: два изъ нихъ на бѣлавичскомъ кладбищѣ и два—въ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ Бѣлавичей. По словамъ народа, въ этихъ курганахъ погребены умершіе отъ чумы, бывшей сто лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ Щербовичахъ.

Въ бѣлавичскомъ районѣ есть три древнихъ кладбища: первое—близъ самой церкви, второе въ уроч. Гора и третье въ двухъ верстахъ на Ю. отъ д. Заполья. На всѣхъ кладбищахъ есть камни съ выбитыми на нихъ крестиками; кромѣ того, на первомъ наблюдается шесть обложенныхъ камнями насыпей, въ которыхъ, по словамъ стариковъ, погребены умершіе отъ чумы всѣ жители бывшаго селенія Щербовичей [3]). Кладбище близъ деревни Заполья, по словамъ народа, было закрыто потому, что сюда приходили медвѣди и, вырывая умершихъ, пожирали ихъ.

На С. отъ села Бѣлавичей, на пашнѣ, въ ур. Каменное попадаются каменные молотки; два такихъ молотка имѣются на лицо и одинъ изъ нихъ—со сверлиною, только до половины доведенною. На В. отъ села, въ уроч. Долгіе, находимы были, также на пашнѣ, кремневыя стрѣлы, которыя употребляются крестьянами въ качествѣ лекарства,—въ видѣ порошка съ водою. Есть и спеціалистка по части собиранія стрѣлъ для означенной цѣли,—крестьянка с. Бѣлавичей Елизавета Войтешукъ.

---

[1]) J. Zawisza. — Mereczowskie okopisko i jezioro Świteź. — Biblioteka Warszawska, 1872 r. T. III, str. 444.

[2]) Сообщеніе учителя.

[3]) См. выше.

Въ урочищѣ Щербовичи, по преданію и судя по выкапываемымъ кускамъ кирпича, было поселеніе. Здѣсь разъ найдены двѣ серебряныя монеты, которыя были впослѣдствіи проданы.

Въ Щитникской приписной церкви есть явленная, чудотворная икона Божіей Матери, старогреческаго письма, на холстѣ. На третій день Успенія сюда собирается много народу изъ окрестныхъ деревень.

По направленію отъ с. Бѣлавичей къ с. Пески, черезъ болото, есть слѣды старой дороги, и такіе же слѣды есть по направленію отъ дер. Ольшаницы на эту первую дорогу. (2С. У.).

141) с. ГОЩЕВО, 42°53′—52°41′, Коссовской вол., Слонимскаго у.

Въ разстояніи двухъ верстъ отъ дер. Серадова, въ двухъ смежныхъ лѣсахъ землевладѣльцевъ Александрова и Юндзила тянется, по направленію ломаной линіи, валъ, длиною приблизительно въ 250 саж. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ развѣтвляется, образуя разныя геометрическія фигуры—четыреугольники, трапеціи и т. п. Во многихъ мѣстахъ на валу видны небольшія возвышенности и углубленія. Старики разсказываютъ, что въ незапамятныя времена на этихъ валахъ происходила война какихъ-то двухъ князей, родныхъ братьевъ.

Въ разстояніи одной версты отъ церкви села Гощева, по направленію на СВ., въ урочищѣ, называемомъ Копцы, расположено на горкѣ до тридцати четырехъ кургановъ, образующихъ четыре группы: а) восточная группа состоитъ изъ 12 кургановъ; б) въ разстояніи 15 саженей на З. отъ нея—другая группа изъ тринадцати кургановъ; в) третья группа, состоящая изъ четырехъ кургановъ, находится въ разстояніи 10 саженей на Ю. отъ второй; г) четвертая группа—шесть кургановъ отстоитъ отъ второй на 25 саженей къ ЮЗ. Кромѣ того, нѣсколько кургановъ почти совсѣмъ уничтожено распашкой, такъ что отъ нихъ уцѣлѣли только едва замѣтныя возвышенія. Курганы гощевскіе различаются формою (круглые и овальные) и величиною; у нѣкоторыхъ на верху наблюдается впадина, другіе имѣютъ плоскую вершину, у иныхъ вершина выпуклая.—Въ 1863 году курганы пробовали разскапывать офицеры квартировавшаго въ Гощевѣ артиллерійскаго отряда: во всѣхъ разрытыхъ курганахъ найдены были костяки, причемъ положеніе костей въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывало, повидимому, на погребеніе умершихъ въ сидячемъ положеніи. Кромѣ того, въ одномъ курганѣ найденъ былъ кусокъ мрамора (очевидно, шлифованный камень) темнаго цвѣта, длиною около двухъ и толщиною около $^1/_4$ вершка; одинъ конецъ носилъ слѣды, повидимому, заостренія.—Описанные курганы народъ считаетъ могилами то лисовчиковъ, то шведовъ, то какихъ-то „Мамалюковъ“.

Въ подвалѣ мѣстной церкви есть хорошо сохранившійся трупъ неизвѣстнаго лица, уцѣлѣвшій и во время бывшаго въ церкви пожара; гробъ нѣсколько разъ былъ перемѣняемъ и, между прочимъ, въ послѣдній разъ въ 1851—1854 годахъ. (С. У.).

142) д. ГИЧИЦЫ, 43°5′—52°40′, Гичицкой вол., Слонимскаго у.

Въ одной верстѣ отъ д. Коречина, въ казенномъ лѣсномъ урочищѣ Борки есть два насыпныхъ вала, своими дугообразными концами соединяющихся вмѣстѣ, а прямыми концами теряющихся въ сосѣдней равнинѣ. Заключенная внутри ихъ, низменная площадь равняется 300 приблизительно квадр. саженямъ. Народная молва происхожденіе валовъ относитъ то ко времени шведской войны, то какой-то войны, бывшей въ царствованіе Екатерины Великой.

Въ ур. Цурово, также въ одной верстѣ на З. отъ д. Коречина, находится возвышенность подковообразной формы. При раскапываніи изъ любопытства ея средины крестьянами, были находимы куски кирпича.—Другая возвышенность, по трехугольной формы, величиною въ 600 кв. саж., находится среди болотъ на казенной сѣнокосной оброчной статьѣ, въ уроч. Палашна. Ни какихъ разговоровъ ни о той, ни о другой возвышенности въ народѣ нѣтъ.

Курганы въ районѣ Гичицкой волости находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ. 1) Въ уроч. Горки, въ одной верстѣ отъ д. Коречина, въ казенномъ лѣсу насчитывается семь кургановъ, высотою, примѣрно, отъ одного до трехъ аршинъ. Одинъ изъ нихъ, съ цѣлію отысканія клада, былъ разрытъ крестьянами, но въ немъ ничего не было найдено. 2) Одинъ курганъ, вышиною въ 1 аршинъ, есть также въ лѣсу, въ уроч. Полонивѣ, при дер. Ходокахъ. 3) Наконецъ, одинъ также курганъ, высотою до 2 арш., есть въ лѣсномъ казенномъ урочищѣ Зимникѣ, въ одной верстѣ отъ села Житлина. Крестьяне находили въ немъ много кусковъ кирпича.—Происхожденіе первыхъ восьми кургановъ народная молва приписываетъ шведамъ, о послѣднемъ же, находящемся въ урочищѣ Зимникѣ, никакихъ разговоровъ въ народѣ не существуетъ.

Лѣтъ 10—15 тому назадъ, въ ур. Крупасинѣ, въ одной верстѣ отъ дер. Коречина, по разсказамъ дворянина Розводовскаго, его семействомъ найдены были каменный молотокъ со сверлиной и каменный же обоюдуострый кинжалъ. Въ другихъ окрестностяхъ деревни находимы были также и кремневыя (громовыя) стрѣлки.

Въ двухъ верстахъ отъ дер. Зыбайловъ найденъ былъ старинной формы мечъ, а въ одной верстѣ отъ дер. Коречина, въ уроч. Крупасинѣ,—осколокъ бомбы, который и по сіе время хранится у двор. Розводовскаго.

Въ уроч. Замошьѣ, въ одной верстѣ отъ д. Коречина, найдена была одна шведская, серебряная монета 17 столѣтія, и нѣсколько старинныхъ монетъ найдено было на одномъ изъ кургановъ, въ упомянутомъ выше уроч. Горки.

Изъ особняка Ильки, по направленію на ЮВ., тянется, черезъ топкія болота, дорога, теряющаяся на грунтовомъ сѣнокосѣ, въ двухъ верстахъ отъ д. Ходаковъ. Длина дороги около 6 верстъ. Народъ называетъ ее „Князею дорогою“ и говоритъ, что она построена какимъ-то литовскимъ княземъ, обитавшимъ на мѣстѣ нынѣшняго особняка Ильки. (У. П.).

143) с. **ОПОЛЬ**, 43°5′—52°20′, Опольской волости, Кобринскаго уѣзда.

Село Лядовичи стоитъ, повидимому, на мѣстѣ стариннаго кладбища, такъ какъ здѣсь наблюдаются впадины съ камнями, и при копаніи земли часто попадаются человѣческія кости вмѣстѣ съ черепками черной глиняной посуды.

Въ трехъ верстахъ на С. отъ села Лядовичей, въ имѣніи К. Еленскаго, среди болотъ находится омутъ, называемый „Шведова яруга“ или „Швѣдянка“. Такое названіе омутъ получилъ потому, что, по преданію, въ немъ утонулъ, вмѣстѣ съ конемъ, шведскій солдатъ, спасаясь отъ преслѣдованія русскихъ.

Въ Опольской церкви находится обложенный низкопробнымъ серебромъ деревянный крестъ ҂аф҃о҃з г. (С. У.).

144) м. **МОТОЛЬ**, 43°15′—52°20′, на р. Ясельдѣ, Мотольской волости, Кобринскаго уѣзда.

На усадьбѣ священника, по Ивановской улицѣ, а также на базарной площади м. Мотоля находимы были человѣческія кости; вмѣстѣ съ костями на площади была найдена разъ высокая цилиндрическая шапка съ верхушкой изъ мѣди.

На паперти православной Мотольской церкви лежитъ камень съ славянскими цифрами—҂ахнд; найденъ онъ въ землѣ, на базарной площади въ м. Мотолѣ. (У.).

145) с. **ДРУЖИЛОВИЧИ**, 43°12′—52°14′, Дружиловичской волости, Кобринскаго уѣзда.

Недалеко отъ с. Дружиловичей, въ казенномъ лѣсу, находится старое кладбище, извѣстное у народа подъ именемъ татарскаго. По разсказамъ стариковъ, здѣсь находимы были мечи и копья [1]).

На колокольнѣ села Молодова, Осовницкой вол., есть колоколъ съ польскою надписью, 1583 г. (С.).

* * *

146) с. **ДѢТКОВИЧИ**, 42°29′—52°18′, Зеловской волости, Кобринскаго уѣзда.

Въ лѣсу им. Деревной, близъ дороги, ведущей изъ имѣнія въ с. Дѣтковичи, находится около двадцати земляныхъ насыпей, называемыхъ народомъ курганами; высота ихъ около одной сажени. Народъ считаетъ курганы шведскими могилами. Въ 1890 году 2—3 кургана раскопаны были владѣльцемъ Деревной, Завадскимъ, причемъ подъ тонкимъ слоемъ земли оказалось что-то въ родѣ мостовой изъ средней величины камней, а подъ ними угли и зола; на глубинѣ приблизительно одной сажени найденъ человѣческій скелетъ; никакихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей не оказалось; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песокъ имѣлъ зеленый цвѣтъ.—На землѣ

---

[1]) Сообщеніе мѣстнаго лѣсничаго.

того же владѣльца, вблизи хутора Лужки, есть нѣсколько плоскихъ, едва замѣтныхъ насыпей, которыя также считаются шведскими могилами.

Около дороги изъ села Деревной въ дер. Татарью одно мѣсто на пахатномъ полѣ называется „Побоище“, хотя слѣдовъ побоища здѣсь никакихъ, повидимому, нѣтъ. (У.).

147) с. ГРУШЕВО, 42°24′—52°15′, Иловской волости, Кобринскаго уѣзда.

На огородѣ и подъ постройками крестьянина Качера, поселившагося на теперешнемъ своемъ мѣстѣ около тридцати лѣтъ тому назадъ, находятся три кургана, при раскопкѣ которыхъ, во время построекъ, найдено было много человѣческихъ костей, особенно череповъ. По народному преданію, курганы—это могилы, оставшіяся послѣ битвы „Шведа съ Саксономъ“.

Другое смутное преданіе указываетъ мѣсто другой битвы (по чьей—неизвѣстно),—въ сѣверо-восточномъ углу грушевскаго лѣса, и говоритъ, что и тамъ есть курганъ, но гораздо большій, чѣмъ сейчасъ упомянутые, и что на курганѣ томъ находимы были шаровидные камни, служившіе ядрами для пушекъ. (С.).

148) м. ГОРОДЕЦЪ[1], 42°22′—52°11′, на Днѣпровско-Бугскомъ каналѣ, Городецкой вол., Кобринскаго у.

При дер. Воротыничахъ, на землѣ Фелиціи Чарноцкой, находится земляная насыпь, длиною въ 12 саж. и шириною въ 4 саж. По словамъ народа, насыпь эта осталась отъ какой-то войны.

Въ самомъ селѣ Камень-Шляхетскій, а также на возвышенности, расположенной на В. отъ современнаго сельскаго камень-шляхетскаго кладбища, замѣтны слѣды старинныхъ кладбищъ.

Въ церкви села Камень-Шляхетскій хранится старинное (XVI ст.), рукописное евангеліе[2]. (С. У.).

149) м. АНТОПОЛЬ, 42°27′—52°12′, Антопольской волости, Кобринскаго уѣзда.

Въ 100 саж. отъ церкви села Бородичей на В. находится песчаное возвышеніе; на немъ есть углубленіе, и водруженъ деревянный крестъ. Народъ видитъ здѣсь могилу, оставшуюся послѣ битвы при Бородичахъ русскихъ и французовъ въ 1812 году.

При дорогѣ изъ м. Антополя въ село Брашевичи есть нѣскольке плоскихъ кургановъ. Народъ приписываетъ происхожденіе ихъ шведамъ[3].

---

[1]) Первыя свѣдѣнія о Городцѣ (Городелѣ) относятся къ исходу XIII стол. П. Бобровскій.—Гродненская губернія. Ч. II, стр. 1053.

[2]) Труды предварительнаго комитета по устройству IX Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. Отд. II, стр. 185.

[3]) Сообщеніе мѣстнаго лѣсничаго.

По дорогѣ изъ дер. Новоселокъ въ г. Кобринъ, въ уроч. Зайчикѣ были находимы кости и оружіе [1])

Близъ церкви села Бородичей, съ западной стороны, стоитъ деревянный столбъ съ неизвѣстною на немъ рѣзною фигурою. (2С.).

150) с. БРАШЕВИЧИ, 42°40′ — 52°14′, Брашевичской волости, Кобринскаго уѣзда.

Близъ ур. Брашевъ лугъ, въ казенномъ лѣсу есть эллиптической формы курганъ, высотою въ двѣ сажени и около 80 шаговъ въ окружности. Произведенная 1891 году его раскопка была неудачна, потомучто на глубинѣ одного аршина оказалась, очевидно, вслѣдствіе дождливаго лѣта, вода. Въ разстояніи 400 шаговъ отсюда на СВ. есть другой, но круглой формы, курганъ, такой же окружности, какъ первый, но нѣсколько ниже его [2]).—Два кургана, въ разстояніи не болѣе 7 шаговъ одинъ отъ другого, находятся при дер. Былинкѣ, въ казенной лѣсной Тороканской дачѣ [3]). Едва-ли не тѣ же курганы имѣетъ въ виду мѣстный лѣсничій, говоря о существованіи въ казенномъ лѣсу, близъ Брашевичей, четырехъ, теперь едва замѣтныхъ, кургановъ, изъ которыхъ два поросли соснами не менѣе 150-лѣтняго возраста. По разсказу одного старика, курганы эти — могилы воиновъ и противниковъ воевавшаго здѣсь когда-то нѣкоего Коша или Кошина, имя котораго сохраняется и въ названіи недалеко находящагося отъ кургановъ травяного болота—„Кошинъ лугъ.“

Въ дер. Боръ, близъ села Брашевичей, въ им. Дымскѣ, въ казенномъ лѣсу близъ Стараго Завелювья и въ самой деревнѣ Завелювьѣ были находимы человѣческія кости.

Осенью 1891 г. крестьнинъ д. Шаріевичей Исидоръ Гриневичъ при обработкѣ огорода выоралъ 37 серебряныхъ и 18 мѣдныхъ польскихъ монетъ XVIIIст., которыя были проданы нашедшимъ мѣстному лѣсничему, Бушу.

Въ церкви села Перковичей до сихъ поръ сохраняется плита надъ могилою Кирилла Терлецкаго, съ славянскою надписью. На церковной колокольнѣ есть колоколъ 1601 roku. (С. У. П.).

151) м. ДРОГИЧИНЪ, 42°48′—52°11′, Дрогичинской вол., Кобринскаго уѣзда.

Близъ дер. Яловичей находятся земляныя насыпи; по предположенію мѣстнаго священника,—это слѣды какого-то стариннаго укрѣпленія.

Съ западной стороны Дрогичина былъ прежде небольшой курганъ, который теперь срытъ; при раскопкѣ кургана были находимы человѣческія кости. По разсказамъ стариковъ, курганъ—это могила изъ временъ шведской войны.

---

[1]) Idem.

[2]) Сообщеніе учителя.

[3]) Сообщеніе волостного писаря.

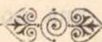
На огородахъ дер. Яловичей нерѣдко находятъ монеты 1600-хъ годовъ, и не такъ давно найденъ былъ цѣлый кладъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ на огородѣ одного изъ крестьянъ дер. Скибичей.

Въ Дрогичинской православной церкви есть икона Николая Чудотворца, почитаемая чудотворною. (2С. У.).

152. с. ОСОВЦЫ, 42°55′—52°5′, Осовецкой волости, Кобринскаго уѣзда.

Близъ дер. Ялоча, на лугу, есть четыре, поросшихъ лѣсомъ, кургана, вышиною около 2 арш. Сооруженіе ихъ мѣстные жители приписываютъ какому-то дикому и воинственному племени, — „Одноглазные Камлуки", которое когда-то проходило черезъ эту мѣстность и все предавало огню и мечу.

Въ селѣ Осовцахъ, въ бывшей уніатской каплицѣ, есть чудотворный образъ Богоматери. (С. У.).

Топографическій и предметный указатель къ археологической картѣ Гродненской губерніи.

Знакъ „0“ поставленный противъ того или другого мѣста, опредѣляетъ фактъ существованія по отношенію къ этому мѣсту того предмета, который указанъ въ заглавіи вертикальнаго столбца, заключающаго въ себѣ этотъ знакъ.

Наименованіе мѣстъ. (Заглавнымъ шрифтомъ обозначены заглавныя мѣста въ текстѣ,—они же и мѣста, нанесенныя на карту).	№ по порядку мѣстъ въ текстѣ.	Первобытная стоянка.	Валъ.	Гора, городище, окопъ замокъ, и т. д.	Подземелье, пещера, подземный ходъ.	Курганъ,—ы.	Могильникъ, кладбище.	Находки: Предметовъ каменнаго вѣка.	Находки: Костей.	Находки: Желѣзныхъ бронзов. и разн. друг. предм.	Находки: Монетъ, кладовъ.	Камни.	Камни съ рисунками,—съ надписями.	Церковныя принадлежн.	Старинная дорога.
	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
А.															
Александрія . . .	120										0				
Александровка . .	122						0								
АЛЕКСѢЕВКА . .	7				0	0	0		0	0	0		0		
Альбертинъ . . .	9								0	0					
Андріанки	129			0										0	
АНДРОНОВО . . .	97			0		0								0	
АНТОПОЛЬ . . .	149			0		0			0	0					
Антоны	112			0											
Антосинъ	24									0					
Б.															
БАКУНЫ	63					0	0								
Баранки	113			0		0	0				0				
Баратынецъ Ляцкій	122						0			0					
Баратынецъ Русскій	122						0								

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Бартоши	63					⊖									
Бацики Ближніе .	123						⊖			⊖					
Бацики Дальніе . .	123					⊖				⊖					
Бацики Средніе . .	123						⊖			⊖					
Бацюты	76						⊖			⊖	⊖		⊖		
Береза	97													⊖	
Березница	20					⊖									
Берёзовая	59							⊖							
БЕРШТА	47						⊖		⊖	⊖	⊖			⊖	
Блудень	135													⊖	
Бобровка	59		⊖						⊖				⊖		
Богданка	75					⊖		⊖							
Богуславка	86											⊖			
Большая Жорновка	46										⊖				
Большая Лапеница	30		⊖												
Босячъ	97					⊖									
Боцьки	126										⊖			⊖	
Боцьковичи	4					⊖									
БРАШЕВИЧИ . .	150					⊖			⊖		⊖			⊖	
БРЕСТЪ	107					⊖					⊖			⊖	
Броневичи	115					⊖									
БРЯНСКЪ	129			⊖		⊖	⊖						⊖	⊖	
Бужискъ	125			⊖						⊖	⊖			⊖	
Бульково	102		⊖			⊖									
БУХОВИЧИ . . .	94					⊖					⊖		⊖	⊖	
Буяки	105					⊖									
Былинки	150					⊖									
Быстрица	95										⊖				
БѢЛАВИЧИ, Коссовск. вол. . . .	140			⊖		⊖	⊖	⊖	⊖		⊖			⊖	⊖

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
БѢЛАВИЧИ, Песковск. вол. . . .	28						○	○		○					
Бѣли	75												○		
БѢЛОВѢЖЬ . . .	65			○		○	○		○	○					
Бѣлогурны	2					○									
БѢЛОСТОКЪ . . .	81													○	
БѢЛЬСКЪ	74	○		○		○	○	○	○	○				○	
В.															
Валки	123					○									
ВАСИЛЬКОВЪ . .	80			○		○			○						
Васьки	67					○									
ВЕЛИКАЯ БЕРЕСТОВИЦА . . .	43						○	○			○			○	
ВЕЛИКАЯ СВЕНТИЦА	31					○	○		○		○			○	
ВЕЛИКІЙ ЛѢСЪ .	111					○									
Великія Руссоты .	54						○								
Велюнь	105					○			○						
Верполь	127					○									
Верхи	99		○												
ВЕРХОВИЧИ . . .	108			○		○	○		○	○				○	
Верховляны . . .	44					○									
Верхуца Надбужская	125	○				○				○					
Вилимовка	60								○						
Вистицы	118						○		○	○				○	
Вишово	10					○		○	○	○					
ВОЙСКА	114					○	○		○	○					
Волковичи	102										○				
ВОЛКОВЫСКЪ . .	34		○	○						○	○				
Воловники	2					○									

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
ВОЛПА	36			⊖		⊖		⊖					⊖	⊖	
ВОЛЧИНЪ	121	⊖		⊖		⊖		⊖		⊖					
Волька	126			⊖					⊖						
Ворожбиты	134										⊖				
Воротиловичи . .	20					⊖									
Воротно	63						⊖								
Воротыничи . . .	148			⊖											
Вулька Наройск. в.	125					⊖	⊖								
Вулька Семят. в. .	123					⊖									
ВЫСОКО-ЛИТОВСКЪ . . .	120		⊖	⊖		⊖		⊖		⊖	⊖		⊖		
Высоцкъ	10			⊖											
Г.															
Гайновка	65					⊖									
Ганцевичи	114					⊖				⊖					
Ганьки	12									⊖					
Гацьки	73			⊖			⊖								
Гвозница	88													⊖	
Гельчинъ	84	⊖													
Герники	2					⊖									
ГИЧИЦЫ	142		⊖	⊖		⊖		⊖		⊖	⊖				⊖
Глубокая	92		⊖												
Глубокое	47													⊖	
Глушки	39					⊖									
Гноинскіе	2					⊖									
ГНѢЗНО	33					⊖	⊖								
Говѣйновичи . . .	9												⊖		
ГОЖА	54	⊖		⊖			⊖	⊖	⊖	⊖					
Гозной	69					⊖									
Голіонка	129												⊖		

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Головля	4					⊖		⊖							
ГОЛЫНКА, Гродн. у.	42					⊖	⊖		⊖						
ГОЛЫНКА, Слон. у.	13		⊖			⊖	⊖			⊖	⊖				
Гольна	44			⊖											
Голяковщина . . .	58			⊖											
Гомоты	122								⊖						
ГОНІОНДЗЪ . . .	60	⊖	⊖	⊖					⊖		⊖				
Гончаревщина . .	96												⊖		
Горбачи	39			⊖											
Горка	10											⊖			
Горки, Роготнянской в.	2					⊖	⊖								
Горки, Ратайчицк.в.	115					⊖	⊖								
ГОРКИ, Одрижинской в.	132			⊖		⊖				⊖				⊖	
Горново	123					⊖									
ГОРОДЕЦЪ . . .	148			⊖			⊖							⊖	
ГОРОДОКЪ . . .	77			⊖					⊖	⊖					
Горы	84	⊖													
ГОЩЕВО	141		⊖			⊖		⊖	⊖					⊖	
Гранно	130										⊖				
Гремячи	121	⊖		⊖											
Гриневичи	72													⊖	
Гринцевичи . . .	39					⊖									
Гродискъ, Багновск. в.	57			⊖											
ГРОДИСКЪ, Гродисск. в.	131			⊖		⊖	⊖		⊖	⊖				⊖	
ГРОДНА	52			⊖				⊖		⊖				⊖	
Груница	124						⊖								
ГРУШЕВО	147					⊖									
Гудевичи	37													⊖	

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Гуковичи	70					○			○	○					
Гультаи	108					○									
Гусаки	73						○		○						
Гутовичи	105					○									
Д.															
ДВОРЕЦЪ	3			○		○	○	○	○		○				
Девятки	95										○				
Дениски	73						○								
Дентелево	72						○								
Дергели	25							○							
Деревная	146					○			○						
ДЕРЕВНОЕ	10	○	○	○		○		○	○	○		○			○
ДЕРЕЧИНЪ . . .	14			○											
Деркачи	27						○								
ДМИТРОВИЧИ . .	109		○				○				○				
ДОБРОВОЛЯ . . .	61	○						○							
ДОБУЧИНЪ . . .	89			○											
Домачево	87													○	
ДРОГИЧИНЪ, Бѣльск. у. . . .	124			○	○	○	○	○		○	○		○	○	
ДРОГИЧИНЪ, Кобр. у.	151			○		○			○		○			○	
ДРУЖИЛОВИЧИ .	145						○							○	
ДРУСКЕНИКИ . .	55	○		○		○		○	○	○					
Дубровка	13					○									
Дукрово	1							○							
Дымскъ	150								○						
ДѢТКОВИЧИ, Зеловск. в.	146					○		○	○						
Дѣтковичи, Семятичской в. . . .	123					○								○	

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Дятловичи	35												⊖		
ДЯТЛОВО	4			⊖		⊖		⊖							
Е.															
Едначи	12							⊖							
ЕЗЕРНИЦА . . .	23			⊖		⊖			⊖	⊖					
Ж.															
Жаберы	139			⊖						⊖					
Жерчицы	122			⊖											
ЖИДОМЛЯ	50		⊖						⊖	⊖	⊖,	⊖			
Жиличи, Гожской в.	38										⊖'				
Жиличи, Луннен-ской в.	51			⊖											
ЖИРОВИЦЫ . . .	8												⊖	⊖	
Житлино	142					⊖									
Жолтики	76			⊖											
Журобицы	123					⊖								⊖	
З.															
ЗАБЛУДОВЪ . .	68			⊖		⊖			⊖		⊖(			⊖	
Забулье	6									⊖					
Завелювье	150								⊖						
Загорье	58														⊖
Задворянцы . . .	31										⊖,				
Заешники	124					⊖									
Закіе	104						⊖								
ЗАЛѢСЬЕ, За-лѣсск. в. . . .	95		⊖	⊖		⊖			⊖	⊖			⊖		
Залѣсье, Муравьев-ской в.	92					⊖						⊖			
Залѣсье, Кобрин. .	96			⊖											

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Замчиско	80			⊖											
Замяново	129						⊖								
Заполье	140						⊖								
Зарѣчье	135								⊖	⊖	⊖				
ЗБИРОГИ	105					⊖	⊖		⊖	⊖					
Збочная	23			⊖		⊖			⊖	⊖					
Збунинъ	88													⊖	
Збуражъ	103						⊖								
Збучъ	70			⊖		⊖			⊖	⊖					
Здитово	102													⊖	
ЗЕЛЬВА	26			⊖		⊖				⊖	⊖			⊖	
ЗЕЛЬЗИНЪ . . .	19					⊖			⊖	⊖			⊖	⊖	
ЗОСИМОВИЧИ . .	90												⊖		
Зосимы	94					⊖									
Зубачи	119		⊖												
Зыбайлы	142									⊖					
И.															
Ивановичи	1					⊖				⊖					
ИВАШКЕВИЧИ .	24			⊖		⊖	⊖		⊖	⊖	⊖				
Ильки	142														⊖
ИНДУРА	46		⊖	⊖				⊖	⊖	⊖	⊖		⊖		
Индычи	99					⊖				⊖					
Исаевичи	10		⊖					⊖							
К.															
Казенные конюхи .	64									⊖					
КАМЕНЕЦЪ-ЛИТОВСКЪ . .	113			⊖	⊖	⊖	⊖	⊖	⊖		⊖			⊖	
КАМЕНИЦА-ЖИРОВИЦКАЯ .	104						⊖				⊖				

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Камень Шляхетскій	148						○							○	
Калиновка-Огородники	83			○		○		○							
КАРТУЗЪ-БЕРЕЗА	135		○			○			○	○	○			○	
Кащеники	114					○									
Кемпа	84	○													
Керсновка	129				○	○									
Кладево	78			○		○									
Клепачи	25					○									
КЛЕЩЕЛИ	126	○		○				○	○	○	○			○	
Климовичи	13					○	○				○				
Климово	53											○			
Клюкова	123					○	○			○					
Клюковичи	119			○		○									
Клызовка	125	○				○	○								
КНЫШИНЪ . . .	84	○		○				○		○					
КОБРИНЪ	96			○									○	○	
Ковали, Деревненской в, ...	10					○									
Ковали, Богородицк. в.	37							○							
Ковняны	54	○													
Кожаны	75			○											
Козейковцы	30					○			○						
Козлики	70					○			○	○	○				
Козлика	68										○				
Козяны	30					○			○						
Койлы	70					○	○								
Кокошицы	22					○	○			○			○		
Колубели	95					○									
Конотопы	100								○						

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Копюхи	46							○							
КОПТЕВКА . . .	51			○										○	
Копцы	15							○							
Копылы	108					○				○					
Коревичи	31					○									
Кореневка	125						○			○					
Коречинъ	142		○	○		○		○		○	○				
Коростичи	117		○	○											
Косичи, Збироговской в.	105						○								
КОСИЧИ, Косичской в.	106	○		○		○	○	○	○	○	○			○	
Костени	22							○							
Коссово . . .	140 и 141		○	○		○	○	○		○	○			○	○
Костюки	76						○								
Котловка	67					○									
Котовка	67						○								
Кошели	24			○		○	○								
Кошловичи	6									○					
Красевице	125						○								
Красникъ	64					○									
Красное Село, Дубяжинск. в.	126			○											
Красное Село . . .	35					○	○	○	○	○					
Красно-старое . . .	83					○									
КРАСНОСТОКЪ .	56			○							○			○	
Красно-фольварочное	83					○									
Кремяница, Дворец. в.	3					○									
КРЕМЯНИЦА, Кремяницк. в. . . .	27						○								
Кречково	60		○												
Кривая	72						○								

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Кривляне	99		0												
Криница	83					0									
Кринки	121	0						0		0					
Кругель	115					0			0					0	
Кругликъ	46							0							
Круглое	126	0						0		0					
Крупица	123					0	0	0	0	0					
Крушиняны	45						0								
КРЫНКИ	45			0			0		0					0	
КУЗНИЦА	53									0	0	0		0	
Куликовка	83					0									
Кумяло	58														0
Кундзинъ	53									0	0				
Курашево	76			0					0	0					
Л.															
Лазы	36					0									
Лашевичи	117						0								
Левки	74						0								
Левшово	39						0							0	
Левы	84	0						0							
Леплевка	87						0								
Лиза	128			0	0										
Литвинки	99										0				
Лопухово	21			0											
Лосинка	67			0											
Лужаны	42					0									
Лужки	146					0									
Луки	62	0													
Луконица	13		0			0	0			0					

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тир	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Лумна	119					0									
ЛУННА	38	0									0				
Лускалы	114					0									
ЛЫСКОВО	18			0				0							
ЛЫЩИЦЫ	116					0			0	0				0	
Любашки	114					0				0					
Люшнево	1					0									
Лядины	2					0									
Лядовичи	143								0						
Ляды	70					0			0	0					
Лясковецъ	84	0						0							
Лятаринъ	139					0									
Ляхово	46												0		
М.															
Макарки	131					0									
Маковица	109						0								
МАЛАЯ БЕРЕСТОВИЦА	44			0		0			0						
МАЛАЯ ЛАПЕНИЦА	30		0	0		0			0						
Малая Крокотка . .	24										0				
Малевичи, Заблуд. в.	68					0									
Малевичи, Семят. в.	123					0									
Малецъ	130					0									
МАЛЕЧЬ	136					0			0					0	
МАЛЕШИ	128			0	0	0							0		
Малинники	126			0											
Малоельня	114													0	
МАЛОРЫТА . . .	103						0							0	
Марковичи	10					0									

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
МАССАЛЯНЫ . .	37							○						○	
МАТВѢЕВИЧИ*. .	138							○							
Мацковичи	122						○								
Мацы	92					○									
Машталеры	50		○												
МЕЖИРѢЧЬЕ . .	25			○		○		○	○				○		
Мельковица	125						○			○					
МЕЛЬНИКЪ . . .	122			○	○		○	○	○	○	○		○	○	
Мигово	50											○			
МИЖЕВИЧИ . . .	21			○		○	○	○		○			○	○	
МИЗГИРИ	6			○		○	○	○	○	○					
Милевскіе	83					○									
МИЛЬКАНОВИЧИ .	22			○		○	○	○	○	○			○		
Миневичи	38										○				
Минчево	125					○	○							○	
Минчукъ	42						○								
Миньковичи . . .	115					○									
Митроны	30					○			○						
Млынокъ	55			○											
Могиляны	46								○						
Можейки	92			○											
Мойсеевичи	18			○											
Молодово	145													○	
МОЛЧАДЬ	1			○		○		○	○	○					
Монтякъ	19					○			○	○					
Мончаки	114					○									
Морачи	24								○						
Морозы	132					○				○					
Москали	4					○									
Мостовляны	13					○									

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
МОСТЫ	17			○		○	○			○	○				○
МОТОЛЬ	144								○	○			○		
МОТЫКАЛЫ . . .	118			○			○		○	○	○			○	
Мощоны Сычи . .	122										○				
МСТИБОВО	32			○					○		○	○		○	
Мыслово	21					○				○					
Мѣховскъ	14			○											
Н.															
НАКРЫШКИ . . .	5		○	○		○							○		
Налѣзники	99		○												
НАРЕВКА	66	○													
НАРЕВЪ	67			○		○	○			○	○			○	
НАРОЙКИ	125	○		○		○	○	○		○	○			○	
Неводница	76							○						○	
Невѣрово	60			○											
Немирово	122			○	○		○		○	○	○		○		
Нехолсты . . 116 и	118										○				
Низъ	12			○											
Никитино	59														○
НОВАЯ ВОЛЯ . .	78			○		○	○	○		○	○		○		
Новицы	17					○				○					
Новоберезово . . .	71													○	
Новосады	41			○											
Новоселки, Хорощ. в.	76							○		○					
Новоселки, Антоп. в.	149								○	○					
Новыя Девятковичи	6							○							
Новый Дворъ . . .	29													○	
Новый Топилецъ .	76					○									
Норовщина	112								○						
Нѣмчинъ	80			○											

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
О.															
Обельковичи . . .	3					⊖									
ОБРУБНИКИ . . .	83	⊖		⊖		⊖		⊖	⊖		⊖				
Обухово	50								⊖		⊖				
Огородники, Дворецк. в.	3			⊖		⊖		⊖	⊖						
Огородники, Войсковск. в.	114									⊖					
Огородники, Прусковской в. . . .	98					⊖									
ОЗЕРЫ	48			⊖											
ОЗЯТЫ	101		⊖	⊖		⊖				⊖	⊖		⊖	⊖	
Олекшицы	44			⊖											
Ольта	108						⊖								
Ольшанка	68								⊖						
Омеленецъ	108													⊖	
ОПОЛЬ	143								⊖	⊖				⊖	
Оранцы	33						⊖								
Орловичи	22					⊖			⊖	⊖					
ОРѢПИЧИ	99		⊖			⊖				⊖					
Орѣхово	86													⊖	
ОСОВЦЫ	152					⊖								⊖	
Островки	68					⊖									
Острожаны	125					⊖	⊖								
Остромечево . . .	116					⊖			⊖	⊖					
Остромичи	94												⊖		
Охоново	4					⊖									
П.															
Павловичи	12					⊖			⊖	⊖					
Павлово	95												⊖		

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
ПАСЫНКИ	72		○	○			○			○	○			○	
Пашуки	109										○				
Переволока	21													○	
Переломъ	54			○											
Переселки	54	○						○	○	○					
Перковичи, Войсковск. в, ...	114					○									
Перковичи, Воловельской в. . . .	150													○	
Пески, Бѣлавичской в.	28									○					
Пески, Косовск. в. .	140														○
Песчатка	119		○			○	○		○						
Пилипки	72			○											
Пиронимъ	10		○			○			○	○					○
Писанки	60										○				
Пискуры	106						○								
Плебановцы	78						○				○				
Плебанское	54	○													
Побикры	130					○			○	○	○				
Погорѣлки	83	○				○			○						
Подбурье	108					○									
Подгорцы	6						○								
Подзамчиско . . .	80			○											
Подлозяны	1					○									
Подлужане	87										○				
Подрѣчане	70					○	○								
Покры	117													○	
Половки	36												○		
ПОЛОВЦЫ	119		○	○		○	○		○						
Полонное	39													○	

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмп	кмр	црк	дрг
Полубятники . . .	116					○									
Поплавы	105					○									
ПОРОЗОВО	29			○					○	○				○	
Порѣчье	12												○		
Потока	68													○	
Приболотье	104						○								
ПРИБОРОВО . . .	85					○			○	○					
Привалки	55			○											
Прилуки	95					○			○	○					
Пронковщина . . .	3							○							
Прудъ	10					○			○	○					
ПРУЖАНЫ	91							○							
Пугачево	104										○				
Пузикъ	25												○		
Путковцы	125					○	○								
ПУХЛЫ	69			○		○		○						○	
Р.															
РАДЕЖЪ	86					○			○	○			○	○	○
Радзи	59		○												
Радость	113					○		○	○					○	
РАЙСКЪ	73			○		○	○		○					○	
РАТАЙЧИЦЫ . .	115					○	○	○	○	○	○			○	
РЕВЯТИЧИ	137									○					
Рогавка	123						○			○					
РОГАЧИ, Рогачской в.	127			○		○			○	○	○				
Рогачи, Индурской в.	46												○		
РОГОЗНА	102		○			○					○			○	
РОГОТНО	2			○		○	○				○	○	○	○	
Розалино	115					○									

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Ростолты	75					0							0		
РОССЬ	35					0	0	0	0	0			0		
Руда	7					0			0	0	0		0		
Рудня	61	0						0							
РУЖАНЫ	20			0		0								0	
Руница	125					0									
Русилы	114					0									
Рыбаки, Волпянск. в.	36			0		0									
Рыбаки, Обрубниковской в. . . .	83	0													
Рыбники	83					0									
Рыболы	69			0		0		0						0	
РѢЧИЦА, Старун. в.	112			0				0	0						
Рѣчица, Косич. в. .	106	0													
С.															
Савалевка	50									0					
Савичи	4					0									
Савцы	1					0									
Сады	125					0	0								
Саки	72						0								
Саковичи	10					0									
Санюки	2			0							0				
Свинево	108			0		0				0					
СВИСЛОЧЬ	39			0		0	0							0	
Свитычи	120					0			0	0	0		0		
Сегневичи	137									0					
СЕЛЕЦЪ	134			0							0				
Сельцо	95					0									
Семены	131														
Семихочи	127			0					0						

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
СЕМЯТИЧИ . . .	123					0	0	0	0	0				0	
Сеньковичи	7					0									
Сергѣевичи . . .	22						0								
Серебрищи	1			0					0						
Серетовщина . . .	5		0												
СЕХНОВИЧИ . . .	100					0			0	0					
Сидерка	56													0	
Сколимово	128					0									
Скибичи	151										0,				
Скивы	125						0			0					
СКИДЕЛЬ	48													0	
Скорбичи	106	0					0	0	0	0	0.				
Славичи	51			0											
СЛОНИМЪ	11			0				0	0	0				0	
Слохи	123						0								
Смолинъ	105					0			0	0					
Смолюги	131					0									
СМОЛЯНИЦА . . .	133					0		0		0					
Смугоровка Долистовская	59								0						
Соботка	72		0												
Соколово	22			0		0	0								
Софіевка	83					0									
Ставищи	119						0								
Ставы	121					0									
Стайки	7								0						
Старая Весь . . .	13					0									
Старжишки	17					0									
Старина Дворецк. в.	3							0							
Старина, Озерск. в.	49			0											
Старое Село . . .	101					0									

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Старые Девятковичи	6					⊖	⊖		⊖						
СТАРЫЙ КОРНИНЪ	71													⊖	
Степанки	100					⊖			⊖	⊖					
СТРАДЕЧЪ . . .	88						⊖			⊖				⊖	
Студеровщина . .	10	⊖						⊖							
СУПРАСЛЬ	79									⊖	⊖			⊖	
СУРАЖЪ	75	⊖		⊖		⊖		⊖		⊖	⊖		⊖	⊖	
СУХОВОЛЬ	57			⊖						⊖					⊖
Суходолъ	119						⊖								
СУХОПОЛЬ	64					⊖								⊖	
СЫНКОВИЧИ . . .	12			⊖		⊖	⊖	⊖	⊖	⊖	⊖		⊖	⊖	
Сытки	123						⊖								
Сычи	116													⊖	
Т.															
Тальковщина . . .	10							⊖							
ТАРНОПОЛЬ . . .	62	⊖													
Татары	84			⊖						⊖					
ТЕВЛИ	92			⊖		⊖	⊖						⊖		
Телятичи	127			⊖						⊖					
Тереховичи	19												⊖		
Токари	120						⊖	⊖							
Трибушки	6						⊖								
Тростяница	115					⊖									
Тростянка	78			⊖											
Турна	117					⊖				⊖					
У.															
Угово	75					⊖				⊖	⊖			⊖	
Урѣчье	6			⊖						⊖					

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмп	кмр	црк	дрг
Ф.															
ФАСТЫ	82	⊖		⊖		⊖									
Франкполь	9					⊖				⊖					
Х.															
ХАБОВИЧИ . . .	93			⊖											
Хвилевичи	5		⊖	⊖											
Ходаки	142					⊖									
Ходевичп	12					⊖			⊖	⊖	⊖				
Хомонтины	109		⊖												
ХОМСКЪ	139			⊖		⊖				⊖					
ХОРОЩЪ	76	⊖		⊖		⊖	⊖	⊖	⊖	⊖	⊖		⊖	⊖	
Хотьковцы	31					⊖									
Хошиново	115					⊖									
Хусичи	120										⊖				
Ц.															
Церковники	115					⊖			⊖	⊖					
Цецели	123					⊖	⊖								
ЦѢХАНОВЕЦЪ . .	130			⊖		⊖			⊖	⊖	⊖			⊖	
Ч.															
Чапли	92						⊖					⊖			
Чарна Великая . .	131					⊖	⊖		⊖	⊖					
Чарна Церковная .	131			⊖		⊖								⊖	
Чартаево	123						⊖			⊖					
ЧЕРЕВАЧИЦЫ . .	98					⊖					⊖				
Черлени	15					⊖									
ЧЕРНАВЧИЦЫ . .	117		⊖	⊖		⊖	⊖			⊖				⊖	
Черняны	113					⊖									

	№	стн	вал	грд	пдз	крг	мгл	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
ЧЕРСКЪ	87						○				○			○	
Чехи	126			○											
Чеховизна	84	○						○							
ЧИЖИ	70			○		○	○		○	○	○			○	
Ш.															
Шаріевичи	150										○				
Шафранки	60	○													
Шебрино	106			○		○		○			○				
ШЕРЕШОВО . . .	110													○	
Шешилы	126			○											
ШИЛОВИЧИ, Волк. у.	40									○					
ШИЛОВИЧИ, Слон. у.	9		○	○		○			○	○			○		
Шостаково	115					○					○				
Шуляки	12			○											
Шумаки	118			○											
Щ.															
ЩАРА	15					○		○				○	○		
Щитники, Косс. в. .	140														
Щитники, Лыщицкой в.	116					○									
Щиты, Кленикск. в.	70					○				○					
Щиты, Пасынков. в.	72						○			○					
Ю.															
Юкевичи	7					○			○	○	○				
Юхновичи	21						○						○		
Я.															
Яворовка	83	○									○				
Яворъ	2					○							○		

№	стн	вал	грд	пдз	крг	мел	тпр	кст	нхд	мнт	кмн	кмр	црк	дрг
Яглово 57														0
Яловичи 151			0							0				
ЯЛОВКА 41		0	0											
Ялочъ 152					0									
ЯНОВЪ. 58			0											0
Янцевичи 119			0											
Ярмоличи 46							0					0		
ЯСВИЛЫ 59		0				0	0	0				0		0
Ясеновая Долина . 58			0											
Яскра 83					0									
Ятвезь 4					0									
Ятвесскъ, Свислоч. в. 39						0							0	
ЯТВЕССКЪ,Камен.в. 16			0											
Яцковичи 116					0									
Ячно 56													0	

Отъ Ферро (Fer.) 40° 40°30' 41° 41°30' 42° 42°30' 43°

Археологическая карта Гродненской губерніи

Сост. Ө. В. Покровскій.

1895 г.

CARTE ARCHÉOLOGIQUE DU GOUVERNEMENT DE GRODNA

Сувалкская губернія

Виленская губернія

Ломжинская губернія

Сѣдлецкая губернія

Волынская губернія

Минская губернія

ДРУСКЕНИКИ DROUSKÉNIKI
ГОЖА GOGEA
БЕРШТЫ BERCHTY
ГРОДНА GRODNA
ОЗЕРЫ OSÉRY
ГОНІОНДЗЪ GONIONDZ
СУХОВОЛЬ SOUKHOVOL
КРАСНОСТОКЪ KRASNOSTOK
ЯСВИЛЫ IASVILY
ЯНОВЪ IANOV
НОВАЯ ВОЛЯ NOVOVOLIA
КУЗНИЦА KOUZNITSA
КОПТЕВКА KORTEVKA
ЖИДОМЛЯ JIDOMLIA
СКИДЕЛЬ SKIDEL
СОКОЛКА SOKOLKA
ИНДУРА INDOURA
КНЫШИНЪ KNYCHIN
ЯТВЕСКЪ IATVESSK
ЛУННА LOUNNA
ОБРУБНИКИ OBRUBNIKY
ФАСТЫ FASTY
ВАСИЛЬКОВЪ VASSILKOV
СУПРАСЛЬ SOUPRASL
КРЫНКИ KRYNKY
М. БЕРЕСТОВИЦА M. BÉRESTOVITSA
МАССАЛЯНЫ MASSALIANY
МОСТЫ MOSTY
ВОЛПА VOLPA
ЩАРА STCHARA
НАКРЫШКИ NAKRYCHKI
ДЯТЛОВО DIATLOVO
ХОРОЩЪ KHOROCHTCH
БѢЛОСТОКЪ BIELOSTOK
РОСЬ ROSS
БѢЛАВИЧИ BÉLAVITCHY
ДВОРЕЦЪ DVORETS
ГОЛЫНКА GOLYNKA
В. БЕРЕСТОВИЦА V. BÉRESTOVITSA
ШИЛОВИЧИ CHILOVITCHI
КРЕМЯНИЦА KREMIANITSA
ДЕРЕЧИНЪ DÉRÉTCHIN
РОГОТНО ROGOTNO
МОЛЧАДЬ MOLTCHAD
ЗАБЛУДОВЪ ZABLOUDOV
ГОРОДОКЪ GORODOK
СУРАЖЪ SOURAGE
ГНѢЗНО GNÉZNO
ВОЛКОВЫСКЪ VOLKOVYSK
МСТИБОВО MSTIBOVO
ЗЕЛЬВА ZELVA
ГОЛЫНКА GOLYNKA
ДЕРЕВНОЕ DEREVNOE
ПУХЛЫ POUKHLY
ЯЛОВКА IALOVKA
СВИСЛОЧЬ SVISLOTCH
ВЕЛ. СВЕНТИЦА W. SVENTITSA
МЕЖИРѢЧЬЕ MEGIRÉTCHIE
СЫНКОВИЧИ SYNKOVITCHI
РАЙСКЪ RAISK
НАРЕВЪ NAREV
МАЛЕШИ MALECHI
М. ЛАПЕНИЦА M. LAPENITSA
ИВАШКЕВИЧИ IVACHKEVITCHI
СЛОНИМЪ SLONIME
ТАРНОПОЛЬ TARNOPOL
ДОБРОВОЛЯ DOBROVOLA
ЕЗЕРНИЦА EZERNITSA
ЦЕХАНОВЕЦЪ TSEKHANOVETZ
БРЯНСКЪ BRIANSK
ПАСЫНКИ PASSYNKI
БѢЛЬСКЪ BELSK
ЧИЖИ TCHIGI
ПОРОЗОВО POROZOVO
МИЛЬКАНОВИЧИ MILKANOVITCHI
ШИЛОВИЧИ CHILOVITCHI
НАРЕВКА NAREVKA
ЖИРОВИЦЫ GIROVITSY
МИЖЕВИЧИ MIGEVITCHI
ЗЕЛЬВИНЪ ZELZIN
ГРОДИСКЪ GRODISK
СТ. КОРНИНЪ ST. KORNINE
ЛЫСКОВО LYSKOVO
РУЖАНЫ ROUGEANY
МИЗГИРИ MIZGIRI
БѢЛОВѢЖЪ BIELOVIEGE
КЛЕЩЕЛИ KLECHTCHELI
СУХОПОЛЬ SOUKHOPOL
БАКУНЫ BAKOUNY
СМОЛЯНИЦА SMOLIANITSA
НАРОЙКИ NAROIKI
РОГАЧИ ROGATCHI
ДРОГИЧИНЪ DROGUITCHINE
СѢМЯТИЧИ SÉMIATITCHI
АЛЕКСѢЕВКА ALEKSIEVKA
БѢЛАВИЧИ BIELAVITCHI
ГОЩЕВО GOCHTCHEVO
ПОЛОВЦЫ POLOVTSY
ВЕРХОВИЧИ VERKHOVITCHI
ДМИТРОВИЧИ DMITROVITCHI
ШЕРЕШОВО CHERECHOVO
ЗОСИМОВИЧИ ZOSSIMOVITCHI
ДОБУЧИНЪ DOBOUTCHINE
ПРУЖАНЫ PROUJEANY
СЕЛЕЦЪ SÉLETS
ГИЧИЦЫ GUITCHITSI
МЕЛЬНИКЪ MELNIK
ВЫСОКОЛИТОВСКЪ VYSSOKOLITOVSK
ВОЙСКА VOYSKA
ВЕЛИКИ ЛѢСЪ VELIKII LIESS
КАМЕНЕЦЪ-ЛИТОВСКЪ KAMENETS-LITOVSK
КАРТУЗ-БЕРЕЗА KARTOUZ-BERESA
ВОЛЧИНЪ VOLTCHIN
РАТАЙЧИЦЫ RATAITCHITSY
РѢЧИЦА RECHITCHSA
МАЛЕЧЬ MALETCH
РЕВЯТИЧИ REVIATITCHI
ЛЫЩИЦЫ LYCHTCHITSY
ОРЕПИЧИ OREPITCHI
СЕХНОВИЧИ SEKHNOVITCHI
ТЕВЛИ TEVLI
МАТВѢЕВИЧИ MATVIEEVITCHI
МОТЫКАЛЫ MOTYKALY
ЧЕРНАВЧИЦЫ TCHERNAVTCHITSY
АНДРОНОВО ANDRONOVO
ДѢТКОВИЧИ DIETKOVITCHI
ЗБИРОГИ SBIROGUI
ЧЕРЕВАЧИЦЫ TCHEREVATCHITSY
ХОМСКЪ HOMSK
ОПОЛЬ OPOL
МОТОЛЬ MOTOL
КОСИЧИ KOSSITCHI
КОБРИНЪ KOBRINE
ЗАЛЬСЬЕ ZALESSIE
ГРУШЕВО GROUCHEVO
БРЕСТЪ-ЛИТ. BREST
РОГОЗНА ROGOZNA
ГОРОДЕЦЪ GORODETS
АНТОПОЛЬ ANTOPOL
БРАШЕВИЧИ BRACHEVITCHI
ДРОГИЧИНЪ DROGUITCHIN
ДРУЖИЛОВИЧИ DROUJILOVITSHI
КАМЕНИЦА ЖИРОВ. KAMENITSA JIROV.
ОЗЯТЫ OZIATY
БУХОВИЧИ BOUKHOVITCHI
ХАБОВИЧИ HABOVITCHI
СТРАДЕЧЪ STRADETCH
ОСОВЦЫ OSSOVTSY
ЧЕРСКЪ TCHERSK
РАДЕЖЪ RADEJ
МАЛОРИТА MALORYTA
ГОРКИ GORKI
ОРХОВО ORHOVO

Бѣловѣжская пуща

Р. Нѣманъ

Р. Припять

Оз. Скорень

Объясненіе знаковъ

- Первобытная стоянка.—Station préhistorique
- Валъ.—Rempart.
- Гора, городище, окопъ, замокъ и т. п.—Restes des anciennes villes, fortifications, chateaux etc. (Gorodisché).
- Подземелье, пещера, подземный ходъ.—Souterrain, grotte, galerie souterraine.
- Курганъ,-ы.—Tumulus.
- Могильникъ, кладбище.—Cimetière.
- Находка предметовъ каменнаго вѣка.—Objets de l'âge de la pierre.
- Находка костей.—Ossements.
- Находка преимущественно желѣзныхъ и бронзовыхъ и разн. другихъ предметовъ.—Trouvaille des objets principalement en fer et en bronze.
- Находка монетъ, кладъ.—Monnaie, trésor enfoui.
- Камень.—Pierres.
- Камень съ рисункомъ,-съ надписями.—Pierres gravées.
- Церковныя принадлежности. — Ustensiles d'église etc.
- Старинная дорога.—Ancienne voie.

Масштабъ.

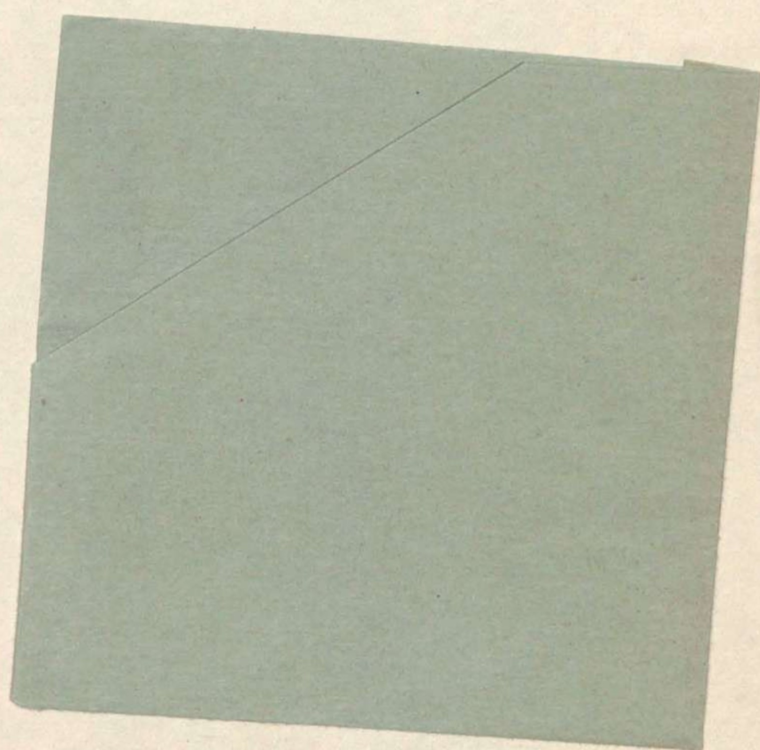
Въ англійскомъ дюймѣ-десять верстъ

10 0 10 20 30

Лит. Н. Мацъ, Вильна.

40°30' 41° 41°30' 42° 42°30' 43° 43°30'

Cn.u18

2011111206